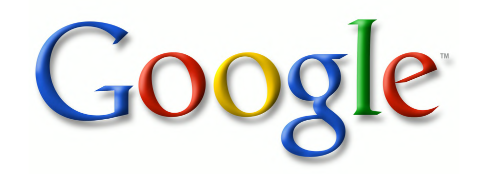

V. Jagić

JAGIĆ-FESTSCHRIFT

ZBORNIK

U SLAVU

VATROSLAVA JAGIĆA

BERLIN
WEIDMANNSCHE BUCHHANDLUNG
1908

VATROSLAVU JAGIĆU

K 6. VII 1908

DRUGOVI I UČENICI ZA SPOMEN

VATROSLAV JAGIĆ

ZUM 6. JULI 1908

GEWIDMET VON SEINEN

FREUNDEN UND SCHÜLERN.

Index dissertationum.

str.

Index alphabeticus auctorum.

Bibliografický soupis literární činnosti prof. V. Jagiće.

Sestavil Fr. Pastrnek.

1861. *Pabirci po cvieću našega narodnoga pjesničtva.* Ve výroční zprávě gymnasia záhřebského 1861. 4°. 21 str. Srovnání hrdinských zpěvů charv.-srbských s epikou starořeckou po stránce formální.

1862. *Deklinacija imena samostavnoga kako se razvi u staroslovenskom-srbskom-hrvatskom jeziku.* Ve výroční zprávě téhož záhřebského gymnasia 1862. 4°. 15 str. Historický vývoj skloňování podstatného jména v uvedených jazycích.

1863. *Evangjelije u slovênskom prievodu. Historičko-filologički nacrt.* V knize: Tisućnica slovjenskih apostolah sv. Cirila i Metoda 4°. 29—66. Rozbor staroslov. textu evangelského podle charv.-hlah. rukopisů, dále ev. Ostrom. a dotud známých bulh.-hlah. textů; srovnání s řeckým a lat. textem; důkaz, že ve všech těchto rukopisech jest týž původní překlad, pořízený z předloh řeckých, v. charv.-hlah. poznenáhlu pozměňován podle předlohy latinské (Vulgata).

1864. Článek »Jihoslované« v českém Naučném slovníku (Kobrově). Zvl. ot. 16°. XV + 419 str. Části: Porovnání kajkavčiny, čakavčiny a štokavčiny (303—304). Dějepis jaz. chorvátsko-srbského (306—311). Literatura Jihoslovanův v užším smyslu (t. j. Chorváto-Srbův). (318—380). Přehled celé literatury od nejstarších dob až po dobu přítomnou.

Gramatika jezika hèrvatskoga, osnovana na starobugarskoj slověnštini. Dio pèrvi. Glasovi. U Zagrebu 1864. 8°. IV + 89 str. Malá mluvnice pro vyšší třídy středních škol charvátských.

1864—1866. *Priměri starohèrvatskoga jezika iz glagolskih i cirilskih književnih starinah, sastavljeni za sedmi i osmi gimnazijalni razred.* Dio pèrvi. Uvod i priměri staroslovenski. U Zagrebu 1864. 8°. 101. IV. Dio drugi. Uvod i priměri starohèrvatski. U Zagrebu 1866. 8°. XXVI. 192. Ukázky čerpány jsou částečně přímo z rukopisů a opatřeny vesměs poučnými úvody a poznámkami.

1865. *Assemanov ili Vatikanski Evangelistar*, iznese ga na svjetlo *Dr. Franjo Rački.* U Zagrebu 1865. lex.-8°. Uvod 1—CXIX. Část úvodu, jednající o filologické stránce vydávané památky, sepsal V. Jagić, str. XII—XCIX.

1864—1866. V prvních třech svazcích časopisu *Književnik*, časopis za jezik i poviest hrvatsku i srbsku, i prirodne znanosti, který vydáván byl v Záhřebě redakcí Fr. Račkého, V. Jagiće a J. Torbara, obsaženy jsou tyto rozpravy a příspěvky prof. V. Jagiće:

I. 1864. a) Razprave: *Naš pravopis.* 1—34, 151—180. *Primjetbe na* (Veberův) »*Odgovor na Naš pravopis*«. 186—187. *Iz prošlosti hrvatskoga jezika.* 332—58, 447—85.

b) Kritike: Razmjer jugoslav. jezika od L. Mahnića (125—127), Oblici srbskoga jezika od Gj. Daničića (127—129), Bukvar staroslov. jezika od I. Berčića (129—131), P. J. Šafaříks Gesch. der südslav. Literatur I (435—437), Обрана єзика србскогъ, писао Евст. Михайловићь (437—440), »Sofokle je razno označio Kreonta« od I. Kostića (588—589), Hrvatske narodne pjesme od L. Marjanovića (599—600).

II. 1865. a) Razprave: *Slovensko jezikoslovje. Kratak historičko-filologički nacrt.* 78—95, 348—379, 506—537. *Primjetbe k našoj sintaksi.* 176—196.

b) Kritické rozbory spisů, které vydali: A. Veber-Tkalčević, Iridion, s poljskoga preveden (300—1), Fr. Miklosich, Lexikon palaeoslov.-graeco-lat. Ed. 2. (437—441), Gj. Daničić, Rječnik iz knjiž. star. srpskih, Nikoljsko, jevang., Život sv. Simeuna (441—449), K. J. Erben, Slovanská čítanka (449—450), S. Ljubić, Ogledalo književne poviesti (567—572), V. Došen: Aždaja sedmoglava, novo izd. od D. Starčevića (572—594), Narodne pjesme, izdala Matica dalmatinska (574—5). V bibliogr. zprávach přeložen cestopis Kolářův do Moskvy (143—146), nejnovější země a národopisné zprávy o Bosně (308—9), sestaven článek o stavu trojjediného království v evr. statistice (455—7), připojena poznámka o staro-hrvatském textě Alexandreidy (459).

III. 1866. I. a) Razprave: *Adrianskoga mora Sirena, hrvatski epos XVII vièka.* 336—407. Rozbor a ukázky této epické básně, kterou složil hr. Petar Zrinski.

b) Kratke književne viesti: *Cirilski zbornik XVI—XVII stoljeća.* 121—13[illegible] *Stari spomenici pisma i jezika jugozapadnih Slov-*

jena. 293—297: výtahy a zprávy z knihy Sreznevského Древніе памят. письма и языка югозап. Славянъ.

Odnošaj medju lingvistikom i antropologijom. 293—297.

O porieklu Indoevropejaca. 297—302.

Štampana hrvatska knjiga XVI. vieka. 306—9.

Kratak priegled hrvatskosrbske književnosti od posljednje dvie-tri godine. 552—585.

II. a) Razprave: *Starine i njihovo znamenovanje*. 48—74: přehled archaeologických památek musea záhřebského s výklady o jejich vědeckém významu.

c) Kritike. Rozbor spisu: Обзоръ исторіи слав. литературъ, který napsali A. N. Pypin a V. D. Spasovič, СПб. 1865. (152—156), vědeckých článků, které vyšly v programmech charvátských gymnasií (310—316), srbského A. Sandićova překladu Bartenšteinova spisu o stavu srbského národa v zemích koruny uherské v XVI.—XVIII. stol. (157—160).

1867. *Historija književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga*. Knjiga prva: Staro doba. U Zagrebu 1867. 8⁰. 204. Ruský překlad od M. Petrovského: Исторія сербско-хорватской литературы, сочиненіе В. Ягича. Казань 1871. 8⁰. 243. Dějiny literatury charvátské i srbské od VII. do konce XIV. století.

1868. *Prilozi k historiji književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga*. U Zagrebu 1868. 8⁰. 84. Zvl. otisk z Kukuljevićova Arkiva za povjestnicu jugoslavensku, kn. IX. Texty čerpány jsou hlavně z bohatých sbírek záhřebských.

1867—1870. Přednáška v prvním, veřejném sedění nově založené Jihoslovanské Akademie věd a umění r. 1867: *O paralelah i izvorih naših narodnih pjesama i pripoviedaka*. Výtah z vydané právě »Historije književnosti«.

Akademický »**Rad**« přinesl rozpravy:

I. (1867) Rozbor Исторіи српскоj слов. Ст. Новаковића, 236—242.

II. (1868) *Gradja za glagolsku paleografiju*. 1—36.

V. (1868) *Novija djela Miklošićeva*. 209—229.

VI. (1868) *August Šlajher, nekrolog*. 180—204.

VIII. (1869) *Komparativna mitologija*. Rozbor knihy A. Afanasjeva, Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. 188—200.

Najnovija izdanja slovinskih književnih starina trudom I. I. Sreznevskoga. 200—210.

IX. (1869) *Podmladjena vokalizacija u hrvatskom jeziku*. 65—156. (Vyšlo též ve zvl. otisku.) Ruské spracování této monografie

o podružné vokalisaci v charvátšině podal A. Kočubinskij, Звукъ A отличительная черта сербскаго вокализма, Филол. Зап. 1871. Zvl. ot. 8⁰. 62. — V téže knize IX. (1869) je dále rozprava: *Trubaduri i najstariji hrvatski lirici*, str. 202—234.

XI. (1870) Rozbor srbské bibliogr., vyd. St. Novakovićem. 260—265.

XII. (1870) Zpráva o cestě po Dalmacii za účely vědeckými. 227—229.

XIII. (1870) *Paralele k hrvatsko-srbskomu naglasivanju.* 1—17. Obdobné zjevy v litevštině a lotyštině.

XIV. (1871) *Napredak slovinske filologije poślednjih godina.* 169—189. Pokračování v kn. XVII. 172—208.

XVIII. (1872) Krit. rozbor biografie Križanićovy, sepsané od P. Bezsonova. 164—205.

XXXVII. (1876) *Gradja za historiju slovinske narodne poezije.* 33—138. (Též jako zvl. otisk a přeloženo do ruštiny.) Sbírka historických svědectví o epické poesii charvátsko-srbské. Vydáno též srbsky: Свједочанства из прошлости о српским народним пјесмама.

Akademické **»Starine«** obsahují tyto příspěvky Jagićovy:

I. (1869) *Ogledi stare hrvatske proze.* I. *Život sv. Katarine.* II. *Zakon primanja u bratovštinu.* III. *Život svetoga Jerolima.* 216—236. Texty čakavské.

III. (1871) *Ogledi stare hrvatske prose.* IV. *Život Aleksandra Velikoga.* 208—331. Charv.-srbský text, podle různých rukopisů; vydáno též o sobě.

V. (1873) *Opisi i izvodi iz nekoliko južnoslovinskih rukopisa.* 1—109. Pokračování pod tímže nápisem v seš. VI. (1874), str. 60—157, v seš. IX. (1877), str. 91—171, a v seš. X. (1878), str. 81—156. Též ve dvou zvl. otiscích: U Zagrebu 1873—1877. 8⁰. 281 a 1878. 8⁰. 76.

»Stari pisci hrvatski«, které Akademie r. 1869 vydávati počala, přinesly tyto příspěvky Jagićovy:

I. (1869) *Pjesme Marka Marulića*, k vydání upravené od Iv. Kukuljeviće-Sakcinského, s kritickými poznámkami a s předmluvou od Jagiće.

II. (1870) *Pjesme Šiška Menčetića Vlahovića i Gjore Držića*, které k vydání upravil Jagić. XVI + 521 str.

III. (1871) a IV. (1872) *Pjesme Mavra Vetranića Čavčića*, které vydali společně Jagić, Kaznačić a Daničić.

V. (1872) *Pjesme Nikole Dimitrovića i Nikole Nalješkovića*, které vydali společně Jagić a Daničić.

1870. *Pop Ivan Brčić*, životopis, který jest úvodem k poslednímu spisu Brčićovu »Dvie službe«. U Zagrebu 1870, 8⁰. I—XV. Tento životopis vyšel též v překladu vlaském od Simoniće: Prete Giov. Brčić. Traduzione dal croato. Zara 1871.

1871. *Das Leben der Wurzel dê in den slavischen Sprachen.* Wien. 8⁰. IV. 73. Rec. K. u. Schl. Beiträge VII. 247 sl., ЖМНпр. 1874, 176, II. 188—193.

1874. Још нешто о животу светога Ђурђа Кратовца, Гласник XL. 121—131. Dodatek k textu v kn. XXI. 97—156, od St. Novakoviće vydanému.

1875. Константин философ и његов живот Стефана Лазаревића деспота српскога. Гласник XLII, 223—327; Исправци и додатци, ib. 373—377.

Свједочанства из прошлости о српским народним пјесмама. Отаџбина, No. 12, књ. III. 574—589. Historické zprávy o srbské národní poesii.

1875 a násl. **Archiv für slavische Philologie,** herausgeg. von *V. Jagić.* Berlin, Weidmannsche Buchhandlung. V tomto časopise jsou tyto příspěvky od vydavatele:

I. 1 (1875). *Studien über das altslovenisch-glagolitische Zographos-Evangelium.* 1—55 a II (1877), 201—269. Monografie o hláskách ь a ъ v evang. zogr.

Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik. 82—133. K tomu pozn. na str. 631.

V oddílu »Kleine Mitteilungen«:

Eine serbische Kuhhautsage. 153—155. — *Lautlicher Übergang von tl in kl, dl in gl* (v nářečí charvatském). 157. — *τρυγάω* — *trgati* 157—159. — *ćuška* — ћушка *griech.* *κόσσος*. *pljačka* — пљачка, пљачкати *griech.* *πλακώνω*. 159. — Владиміръ-красное солнышко. 159—160. — *Na vrbi svirala.* 160.

I. 2 (1876). *Aus dem südslavischen Märchenschatz.* 267—289. Německý překlad 15 srbských pohádek, k nimž připojil poznámky Reinhold Köhler.

Dunav-Dunaj in der slavischen Volkspoesie. 299—333.

I. 3 (1876). *Über einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus.* 337—412. Kritické výklady ku knize, kterou vydal Joh. Schmidt, Zur Geschichte des idg. Vocal. 2. Abt. Weimar 1875. V oddíle »Anzeigen« jsou posudky knih: Miklosichs vergl. Gramm. der slav. Spr., Bd. II und IV. 412—438. — Neue Beiträge Prof. Miklosichs zur Gramm. d. asl. u. d.

übr. slav. Spr.: 1. Altslov. Formenl. in Parad. 1874. 2. Beiträge zur altslov. Gramm. 1875. 3. Über den Ursprung einiger Casus der pron. Decl. 1874. 4. Das Impf. in d. slav. Spr. 1874. 439—453. — Zur Verständigung. 453—458 (o slabičném *r* a *l* ve slov.). — Jireček Jos., Rukovět k dějinám liter. čes. do konce XVIII v. V Praze 1874—1876. 458—460. *Bibliographische Übersicht der Erscheinungen auf dem Gebiete der slavischen Philologie und Altertumskunde seit dem Jahre 1870.* 465—607.

V oddíle »Kleine Mitteilungen«:

Condemnatio Uvae. Ein serbisch-slovenischer Text verglichen mit der griech. Originalerzählung. 611—617. — *Ein alter polnischer Volkswitz.* 631. — *Ψυχαὶ — ψυχάρια* — души. 631—632.

II. 1 (1876). *Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung.* 1—109.

Anzeigen. Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII. вијека, нап. Ђ. Даничић, у Београду 1874 1). Основе српскога или хрватскога језика, нап. Ђ. Даничић, у Београду 1876. 156—163. — Изъ записокъ по русской грамматикѣ, сост. А. Потебня. I. Введеніе. Воронежъ 1874. II. Составные члены предложенія и т. д. Харьковъ 1874. 164—168.

Kleine Mitteilungen. *Verzeichnis eingegangener Schriften und Inhaltsangabe der Zeitschriften.* 195—200.

II. 2 (1877). *Studien über das altslovenisch-glagolitische Zographos-Evangelium.* 201—269. Druhá část článku z roč. I.

Anzeigen. Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія П. Житецкаго, Кіевъ 1876. 348—363. — O języku litewskim napisał D. J. Karłowicz 1875. 363—367. — Litauische und Lettische Drucke des XVI. Jahrh., herausg. von A. Bezzenberger. Göttingen 1875. 367—369. — Památky staré liter. české, č. 1. Nová rada. Báseň pana Smila Flašky z Pardubic. K tisku připr. Dr. J. Gebauer, v Praze 1876. 379—383. — Zur slavischen Runenfrage. Autentyczność kamieni Mikorzyńskich zbadana na miejscu przez Dr. Kaz. Szulca. Poznań 1876. 388—392.

---

1) O téže knize jedna též Jagićův Odziv o Daničićevoj Istoriji oblika srpskoga [illegible] jeziku, zvláštní otisk z časopisu Narodne novine

Kleine Mitteilungen. *Zum litoslavischen Sprachschatz.* 396—398. — *Zur Frage über den Rhinesmus im Neubulgarischen.* 399—400. — *Weitere Übergänge des s in ch im Slavischen.* 400. — *Eine Notiz über die slavische Namengebung.* 400—401. — *Und wenn der Himmel wär Papier.* 402. — *Verzeichnis eingegangener Schriften und Inhaltsangabe der Zeitschriften.* 402—408.

II. 3 (1877). *Die südslavischen Volkssagen von dem Grabancijaš dijak und ihre Erklärung.* 437—481. Dodatek 743—744.

Über Krak und Wanda, nach K. Römer. 609—613.

Aus dem südslavischen Märchenschatz. 614—641. Německý překlad dalších 10 srbských pohádek, s poznámkami, které připojil R. Köhler.

Anzeigen. Филологическія разысканія Я. Грота I. II. СПб. 1876. 679—682. — Česko-německý slovník, sest. Fr. Kott. Praha 1877. Prvních 12 sešitů. 683—684. — Српске народне загонетке, уредио и издао Ст. Новаковић, Београд и Панчево 1877. 684—687. — Сводная Лѣтопись сост. Л. И. Лейбовичемъ. СПб. 1876. Домаћи извори за српску историју, уредио Ив. Павловић. Део први: Житии краль срьбьскъıихь. У Београду 1877. 688—690. — Dr. J. Gebauer, Uvedení do mluvnice české, v Praze 1876; Hláskosloví jaz. českého, v Praze 1877. 690—694.

Kleine Mitteilungen. *Zwei bibliographische Seltenheiten.* 720—726. — *Verzeichnis eingegangener Schriften und Inhaltsangabe der Zeitschriften.* 744—755.

III. 1 (1878). *Über einen Berührungspunkt des altslovenischen mit dem litauischen Vocalismus.* 95—107.

Anzeigen. Древне-слав. псалтырь XIII—XIV в., трудъ архим. Амфилохія. I. II. Москва 1874. 164—168. — О самодревн. октоихѣ XI в., архим. Амфилохія. Москва 1874. 168—176. — Описаніе воскресенской новоіерусалимской библіотеки, архим. Амфилохія. Москва 1876. 177. — Описаніе юрьевскаго еванг. 1118—28 г. воскрес. новоіерусал. библіот., трудъ арх. Амфилохія. Москва 1877. 177—180. — Обзоръ слав.-русскихъ памятниковъ языка и письма, наход. въ библіот. и арх. львовскихъ. Е. І. Калужняцкаго. Кіевъ 1877. 180—181. — Pam. staré liter. české, č. II. Rýmovaná kronika česká tak řeč. Dalimila, upr. Jos. Jireček, v Praze 1877. 182—185.

Kleine Mitteilungen. *Lexicalische Lesekörner.* 5. *Pułap.* 6. *Gdje je što.* 7. Франтъ — *frant.* 213—215. — *Zur Chronologie der serbischen Könige.* 220—221. — *Verzeichnis und Inhaltsangabe eingegangener selbständiger Werke und Zeitschriften.* 221—232.

III. 2 (1878). *Wie lautete ѫ bei den alten Bulgaren?* 312—357. Kleine Mitteilungen. *Die Gesellschaft der Freunde des alten Schrifttums.* (Общество любителей древней письменности). 526—530. *Verzeichnis und Inhaltsangabe eingegangener selbstständiger Werke und Zeitschriften.* 531—548.

III. 3 (1879). Kleine Mitteilungen. *Verzeichnis und Inhaltsangabe neuer Werke und Zeitschriften.* 726—755.

IV. 1 (1879). *Ein Nachtrag zur vorhergehenden Abhandlung* (Polen, Ljachen, Wenden von J. Perwolf). 74—78.
Das Datum des Statutes von Vinodol. 78—86.
Die neuesten Forschungen über die slavischen Apostel Cyrill und Methodius. 97—128.
Kleine Mitteilungen. *Bibliographischer Bericht.* 152—176.
Malá oprava na str. 548.

IV. 2 (1879). *Die südslavische Volksepik vor Jahrhunderten.* 192—242.
Die neuesten Forschungen über die slavischen Apostel Cyrill und Methodius (Schluß). 297—316.

IV. 3 (1880). *Zur Frage über den Übergang des silbenbildenden l in u.* 386—397.
Woher das sekundäre a? 397—411.
Mythologische Skizzen. I. *Svarog und Svarožic.* 412—427.
K tomu dodatek na str. 548.
Anzeigen. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen von F. Miklosich. Erster Band. Lautlehre (zweite Ausgabe). Wien 1879. 482—496.
Kleine Mitteilungen. *Zur südslavischen Heraldik.* 498—500, 510-512; *Bibliographischer Bericht.* 527—548.

IV. 4 (1880). Anzeigen. Dictionnaire d'étymologie daco-romane. Eléments slaves, magyares, turcs, grecs-moderne et albanais. Par A. de Cihac. Francfort s. M. 1879. 638—647. — Die literarische Tätigkeit der Gesellschaft der Freunde des alten Schrifttums in St. Petersburg während des Jahres 1878—79. 648—651. — Psałterz Puławski. Z kodeksu pergam . . . wykonali A i St. Pilińscy. Nakł. bibl. Kórnickiej 1880. 652—656.

Kleine Mitteilungen. *Bibliographischer Bericht.* 695—723.

V. 1 (1880). *Mythologische Skizzen.* II. *Daždьbogъ — Dažbog — Dabog.* 1—14. Dodatek na str. 166—167.

Aus dem südslavischen Märchenschatz. 17—79. Německý překlad dalších 23 srbských pohádek, s poznámkami, které připojil R. Köhler.

Kritische Nachlese zum Text der altkroatischen Dichter. 85—94, s dodatkem na str. 688—689.

Kleine Mitteilungen. *Michelinburg — Mikilinburg — Meklenburg — Wîli — Grâd.* 167—168. — *Bibliographischer Bericht.* 168—180.

V. 2 (1880). *Zur slavischen Runenfrage.* 193—215. Hierzu 1 Tafel. Kleine Mitteilungen. *Bibliographischer Bericht.* 319—332.

V. 3 (1881). Anzeigen. Žaltář wittenberský. K tisku připravil a t. d. Dr. Jan Gebauer. V Praze 1880. 432—434. — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Na svijet izdaje jugoslav. akademija znanosti i umjetnosti, obradjuje Gj. Daničić. Dio I, sv. I. A — Besjeda. U Zagrebu 1880. 434—438. — Kraljević Marko u narodnih pjesmah, uredio Iv. Filipović. U Zagrebu 1880. 438—439. K tomu připojen článek: *Kraljević Marko kurz skizziert nach der serb. Volksdichtung.* 439—455. Překlad srbský této rozpravy pořídil Ninić: Краљевић Марко у народним песмама.

Kleine Mitteilungen. *Bibliographischer Bericht.* 470—496.

V. 4 (1881). *Die Umlautserscheinungen bei den Vokalen e, ě, ę in den slavischen Sprachen.* I. 534—580.

Das altslovenische Evangelistarium Pop Savas. 580—612.

Anzeigen. Древняя русская письменность, опытъ . . . Ал. Котляревскаго. Воронежъ 1881. 660—662. — Очерки изъ исторіи чешской литературы. I. Рукописи зеленогорская и краледворская. Вып. 1. Очеркъ литер. исторіи рукописей (1817—1877), Андрея Стороженка. Кіевъ 1880. 663—664. — О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ, Н. Ф. Сумцова. Харьковъ 1881. 664—669. — Altböhmische Alexanderfragmente und grammatische Streitfragen. 669—674. — Mikołaj Rej z Nagłowic i ks. Józef Wereszczyński. Wilno 1880. Mikołaj Rej z Naglowic. Wizerunk własny żywota człowieka pocziwego. Według wyd. z r. 1560 wydał Stan. Ptaszycki. Zesz. 1-szy. S. Petersburg-Warszawa 1881. 674—675. — Zgodovina slovenskega slovstva, spisal

in založil Julij plem. Kleinmayer, v Celovcu 1881. 675—676. — Zur Apokryphen-Literatur. 676—680. — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, na svijet izdaje jugoslav. akad., obradjuje Gj. Daničić. Dio I, sv. 2, Besjeda—Bogat. U Zagrebu 1881. 680—681. — Die neuesten Publikationen der russischen Gesellschaft der Bibliophilen. 682—684.
Kleine Mitteilungen. *Ein verkanntes altslovenisches Denkmal.* 689—690. — *Bibliographischer Bericht.* 690—701.

VI. 1 (1882). *Die Umlautserscheinungen bei den Vokalen e, ê, ę in den slavischen Sprachen.* II. 73—104.
Kleine Mitteilungen. *Die Publikationen der russischen Gesellschaft der Bibliophilen.* 133—134. — *Bibliographischer Bericht.* 135—157.

VI. 2 (1882). *Zur Berichtigung der altrussischen Texte.* 224—238.
Kleine Mitteilungen. *Das russische Adjektiv* хорóшiй — *choróšij.* 282—284. — *Litauisch te: slavisch* ть, ать. 284—287. — *Das slavische Präsens* бѫдѫ — *bądą.* 287—289. — *Bibliographischer Bericht.* 290—318.

VI. 3 (1882). Kleine Mitteilungen. *Materialien zur Geschichte der slavischen Philologie. Der Briefwechsel zwischen Dobrovský und Kopitar.* 431—471. — *Bibliographischer Bericht.* 471—494.

VI. 4 (1883). Kleine Mitteilungen. *Weiterer Beitrag zur Feststellung der Grenzen des dalmatinisch-kroatischen Glagolismus im XV.—XVII. Jahrh.* 615—617. — *Slavica im British Museum.* 617—618. — *Vukòdlak — Kodlàk — vor Gericht.* 618—620. — *Bibliographischer Bericht.* 624—633.

VII. 1 (1883). Anzeigen. Euchologium. Glagolski spomenik manastira Sinaibrda, izdao dr. Lavoslav Geitler, u Zagrebu 1882. 126—133.
Kleine Mitteilungen. *Die neuesten Publikationen der kaiserlichen Gesellschaft der russischen Bibliophilen.* 142—149. — *Bibliographischer Bericht.* 149—160.

VII. 2 (1883). Kleine Mitteilungen. *Rupci oder Rupalani in Thracien und Macedonien; Eigentümlichkeiten ihres Dialektes.* 320—324.

VII. 3 (1884). Anzeigen. Die albanesischen und slavischen Schriften von Dr. Leopold Geitler. Mit 25 photographischen Tafeln. Wien, Alfred Hölder, 1883. 444—479.
Kleine Mitteilungen. *Bibliographischer Bericht.* 480—524.

VII. [illegible] 1884). Kleine Mitteilungen. *Altrussische Fragmente in*

Königsberg. 640—643. — *Inhaltsübersicht der Zeitschriften und periodisch erscheinenden Werke.* 647—683.

VIII. 1 (1884). Anzeigen. L'ornement slave et oriental d'après les manuscrits anciens et modernes, recueilli et étudié par Wlad. Stassoff. St. Pétersbourg 1884. 120—125. — Русскій Лицевой Апокалипсисъ. Сводъ изображеній изъ лицевыхъ Апокалипсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI-го вѣка по XIX-ый, составилъ Θедоръ Буслаевъ. Москва 1884. 125—131.

Kleine Mitteilungen. *Bibliographischer Bericht.* 134—176.

VIII. 2 (1885). Anzeigen. Slawo-deutsches und Slawo-italienisches von Hugo Schuchardt. Gratz 1885. 312—325.

Kleine Mitteilungen. *Bibliographischer Bericht.* 336—356.

VIII. 3 (1885). Kleine Mitteilungen. *Ein glagolitisches Manuskript in Porto (in Portugalien).* 547—548.

VIII. 4 (1885). Anzeigen. Chronique dite de Nestor. Traduite sur le texte slavon-russe avec introduction et commentaire critique par Louis Leger. Paris 1884. 578—583. — П. П. Романовичъ. Фонетика русскаго и древнецерковнославян. языка. СПб. 1885 584—587. — Dictionnaire abrégé de six langues slaves (russe, vieux-slave, bulgare, serbe, tchèque et polonais), ainsi que français et allemand, rédigé sous les auspices de Son Altesse impériale le Prince Pierre d'Oldenburg par le Prof. F. Miklosich. St. Pétersbourg et Moscou-Vienne 1885. 587—594. — Untersuchungen über Quantität und Betonung in den slavischen Sprachen. I. Die Quantität im Serbischen, von Aug. Leskien. Leipzig 1885. 597—609. — А. Гезенъ. Исторія славянскаго перевода символовъ вѣры. СПб. 1884. 610—612. — Sitte und Brauch der Südslaven. Nach heimischen, gedruckten und ungedruckten Quellen von Dr. Fried. S. Krauß. Wien 1885. 612—632.

Kleine Mitteilungen. *Die Publikationen der kais. russ. Gesellschaft der Bibliophilen für das Jahr 1883—1885.* 653—660. — *Die russische Palästina-Gesellschaft.* 661—664. — Zum *Dadžьbogъ* (Archiv V. 1—14). 665.

IX. 1 (1886). Kleine Mitteilungen. *Wer ist Gertuka in Gorski Vijenac?* 149—150. — *Bibliographischer Bericht.* 151—175.

IX. 2 (1886). Kleine Mitteilungen. Ветчина oder Вядчина? 313—315. — *Bibliographischer Bericht.* 316—334. — *Philologie und Patriotismus.* 335—344.

IX. 3 (1886). Kleine Mitteilungen. *Die Alexius-Legende als serbisches Volkslied.* 523—526. — *Eine Notiz zur slavischen Mythologie.* 528. — *Zum Aufsatz »Philologie und Patriotismus«.* 528.

IX. 4 (1887). *Ein serbischer Textbeitrag zur Georgius-Legende.* 586—592.
Kleine Mitteilungen. *Eine illyrische (serbisch-kroatische) Übersetzung der Reali di Francia.* 699—701. — *Spuren der Couvade in Weißrußland.* 701—702.

X. 1 und 2 (1887). Kritische Anzeigen. Dr. W. Vondrák. Zur Kritik der altslovenischen Denkmale. Wien 1886. 177—181. Dr. St. Smal Stockij »Über den Inhalt des Codex Hankensteinianus«. Wien 1886. 185—187. — Das Slavische (Altslovenische) im »Grundriß der vergleich. Grammatik der idg. Sprachen« von K. Brugmann. I. Straßburg 1886. 188—196. — Фр. Миклошича Сравнительная морфологія слав. языковъ, перев. Н. Шляковъ подъ ред. Ром. Брандта. IV. Языки чешскій и польскій. Москва 1886. 196—200. — Славянскія нарѣчія. Лекціи проф. В. И. Григоровича. Варшава 1884. 202—203. — Dr. Joh. Knieschek. Zu dem Gedichte Ludiše und Lubor in der Königinhofer Handschrift. 203. — A. Patera. Svatovítský rukopis. V Praze 1886. 204—208. — Jan Gebauer. Staročes. skloněni zájmenné. V Praze 1885; Staročeské sklonění substantiv kmene -o. V Praze 1886. 208—212. — Frant. Bartoš. Dialekt. moravská. I. V Brně 1886. 212—218. — Fr. Prusík. Původ jmene »Čech«. V Praze 1885. 218—219. — Fr. Vymazal. Pravopisný slovník a zásady českého pravopisu. V Brně 1886. 219—220. — Jar. Goll. Historický rozbor básní rukopisu královdvorského: Oldřicha, Beneše Heřmanova a Jaroslava. V Praze 1886. 220—223. — Изъ исторіи романа и повѣсти. Матеріалы и изслѣдованія А. Н. Веселовскаго. Вып. первый: грековизантійскій періодъ. СПб. 1886. 233—247. — Dr. J. Leciejewski. Der Lautwert der Nasalvokale im Altpolnischen. Wien 1886. 248—261. — J. Karłowicz. Imiona własne polskich miejsc i ludzi od zatrudnień. Warszawa 1887. 275. — Rżążewski, Złoty wiek literatury Dubrownika. Pamiętnik akad. w Krakowie 1885. 284. — E. Golubinskij. Святые Константинъ и Меѳодій первоучители славянскіе. Москва 1885. 293. 295. Spomenica tisočletnice Metodove

smrti. Spisal Dr. Fr. Kos. V Ljubljani 1885. 295—296. — Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изд. Импер. варш. университетомъ къ 6 апрѣля 1885 г., подъ ред. А. Будиловича. Варшава 1885. 296—303. — М. Дриновъ. Новый церк.-слав. памятникъ съ упоминаніемъ о слав. первоучителяхъ. СПб. 1885. 303—305. — P. Lavrovskij. Италіанская легенда. Крит. обзоръ изслѣдованій и мнѣній о ней, значеніе ея для исторіи жизни и дѣятельности слав. первоучителей. СПб. 1886. 305—310. — Добрый пастырь и добрая нива. Рѣчь . . . Ал. Кочубинскаго. Одесса 1885. 311. — Гербордова Біографія Оттона епископа бамбергскаго. Крит. изслѣд. Ал. Петрова. СПб. 1883. 312—313. — Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Соч. Іос. Первольфа. I. Очеркъ исторіи Славянъ до XVIII вѣка. Варшава 1886. 314—315. — Archäologische Fragmente aus Bulgarien von Dr. C. Jireček. 315—317. — Zur Kunde der Hämus-Halbinsel von W. Tomaschek. II. Die Handelswege im 12. Jahrh. nach den Erkundigungen des Arabers Idrîsî. Wien 1887. 317—319. — Автобіографія Импер. Михаила Палеолога, изд. И. Троицкій. СПб. 1885. 319—320. — Јована Бошковића Скупљени списи у осам свезака. Св. I. о српском језику. У Београду 1887. 320—323. — Дјела Вука Стеф. Караџића. Књига прва. Српске народне пјесме. I. Најстарије пјесме јуначке. Биоград 1887. 323—330. — Последњи Бранковићи у историји и у народном певању 1456—1502, написао Ст. Новаковић. У Новоме Саду 1886. 330—334. — Der Bergkranz (die Befreiung Montenegros). Zum erstenmale aus dem Serbischen ins Deutsche übertragen von J. Kirste. Wien 1886. 334—339. — Smailagić Meho. Pjesan naših muhamedovaca, zabilježio Dr. Fr. S. Krauss. U Dubrovniku 1886. 339—346.

Kleine Mitteilungen. *Ein geschichtliches Zeugnis über serb. »Koleda«.* 352. — *Ein Rhapsode unserer Tage.* 352—354. — *Materialien zur Geschichte der slavischen Philologie.* 360—362.

X. 3 und 4 (1887). Kritischer Anzeiger: Dr. Fr. Miklosich. Die Blutrache bei den Slaven. Wien 1887. 626—631.

Kleine Mitteilungen. *Zum Klagegesang der Asanaginica.* 659—660. — *Jan Hanusz.* Nekrolog nebst seinen letzten vier Briefen an den Herausgeber des Archivs. 660—665. — *Hans Reimer.* Nekrolog. 665—666.

XI. 1 (1888). Kleine Mitteilungen. Die Publikationen der kais. russ. Gesellschaft der Bibliophilen für das Jahr 1885—1886. 154—160.

XI. 2 (1888). *Die Ausgabe des altrussischen Kodex vom Jahre 1076 nebst den Berichtigungen Simonys.* 233—241.

Kritischer Anzeiger. *Neueste Belege für den Nasalismus des macedonischen Dialektes.* 264—269.

Bibliographie. 270—288.

Kleine Mitteilungen. *Zwei Notizen zur Literaturgeschichte Ragusas.* 297—300. — *Neuentdeckte Quelle der Fabel von Istok, Upravda u. a.* 300—304. — *Drei Berichtigungen.* 304—305. — *Slavisches in nordischen Sagen.* 305—308. — *Ein neuer Erklärungsversuch über die Kolbjagen.* 308. — *Ist* млѣко — *mlěko — ein Lehnwort?* 308—309. — *Die slavische Inschrift auf dem angeblichen Beutel des heil. Stephan.* 311—313. — *Materialien zur Geschichte der slavischen Philologie.* 313—315. — *Inhaltsübersicht der philologischen Zeitschriften und periodisch erscheinenden Werke.* 315—318.

XI. 3 (1888). *Die Ausgabe des altruss. Kodex vom J. 1076 nebst den Berichtigungen Simonys.* 368—383. Dokončeno.

Kritischer Anzeiger. Narodne pjesme Muhamedovaca u Bosni i Hercegovini. Sabrao Kosta Hörmann. Knjiga prva. Sarajevo 1888. 424—451. — Praktična gramatika ruskoga jezika, za samouke napisao prof. Pero Budmani. Zagreb 1888. 451—456. — В. А. Богородицкій, Курсъ грамматики русскаго языка. Часть 1ая: Фонетика. Варшава 1887. 456—459.

XI. 4 (1888). Kleine Mitteilungen. *Zur Legende »von dem sich verbergenden und wiederkehrenden Kaiser«.* 630—631. — *Nachtrag zu S. 311 betreffs einer mittelalterlichen Schilderung Konstantinopels.* 632—633. — *Bibliographie.* 633—640.

XII. 1 und 2 (1889). Kritischer Anzeiger. Monumenta linguae palaeoslovenicae collecta et in lucem edita cura et opera Aem. Kalužniacki. Tom. primus: Evang. Putnanum. Vindobonae et Teschenae. 1888. 275—279. — Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб. 1888, I; 1889 II. 279—280. — Dr. Č. Zíbrt. Staročeské výroční obyčeje, pověry, slavnosti a zábavy a t. d. V. Praze 1889. 281—282. — Словарь болгарскаго языка, сост. А. Дювернуа. Москва [illegible] 1889. Вып. I. VII. 282—287. — Раз[illegible] по Дону

въ концѣ XVII вѣка. Изслѣд. В. Г. Дружинина. СПб. 1889. 288. — Dr. W. Körner. W. M. Garschin (zwei Erzählungen, russisch, mit Anm.) Sondershausen 1889. 288—289. — Dr. Oskar Ásbóth. Kurze russ. Gramm. Leipzig 1889. 289. Kleine Mitteilungen. *Der grüne Georg.* 306—307. — *Syncretistische Formen von Stüdtenamen.* 315.

XII. 3 und 4 (1890). Kritischer Anzeiger. Über die Waltersage von Prof. Dr. R. Heinzel. Wien 1888. Dvě povídky v české literatuře XV stol. Podává Dr. Jiří Polívka. V Praze 1889. 595—599. — R. Heinzel. Über die ostgothische Heldensage. Wien 1889. 599—602. — Istorija hrvatskoga pravopisa latinskim slovima. Napisao Dr. T. Maretić. U Zagrebu 1889. 602—609. — Kosovski junaci i dogodjaji u narodnoj epici. Napisao Dr. T. Maretić. U Zagrebu 1889. 609—615. — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, na svijet izdaje jugoslav. Akademija. U Zagrebu 1888—1889, svezak 8—10. 615—618. — Сборникъ отъ народни умотворения, обичаи и др., нарежда Ат. Т. Илиевъ. Първи отдѣлъ. Народни пѣсни. Кн. I. София 1889. 619—624. — Dejiny literatúry slovenskej, napísal Jar. Vlček. Čiasť prvá. V Turč. Sv. Martine 1889. Ruský překlad prof. T. Florinského. 625—627. — Сватое Евангеліе господа нашего Іисоуса Христа. Древнеслав. текстъ. Казань 1889. Vydal N. Ilminskij. 627—629. — Russ. Chrestomathie für Anfänger. Von Dr. Oskar Ásbóth. Leipzig 1890 629.
Kleine Mitteilungen. *Zwei bibliographische Seltenheiten.* 630—636.

XIII. 1 (1890). *Meine Gegenbemerkung* (zur vorigen Abhandlung über die altruss. und čech. Partic. auf -a). 114—117.
Kritischer Anzeiger. Стари српски хрисовуљи, акти, биографије и др., прибрао их Љуб. Стојановић. У Београду 1890. 118—128. — Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, изд. Министерството на народното просвѣщение. Кн. I. II. София 1889. 128—135. — Обычаи и пѣсни турецкихъ Сербовъ. Второе изд. СПб. 1889. Vydal I. S. Jastrebov. 135—138. — I. Scheinigg. Narodne pesni koroških Slovencev. Ljubljana 1889. 138—140. — Narodne pjesme Muhamedovaca u Bosni i Hercegovini, sabrao K. Hörmann. II. Sarajevo 1889. 140—141. — Осман Ивана Гундулића. Приправио за штампу Јован Бошко-

виh. У Земуну 1890. 141—144. — **Прилози за синтаксу српскога језика. I. О падежима без предлога. Написао** Пера П. Ђорђевић. **Београд 1889. 145—146. — Српска синтакса својим ученицима саставио** Јован Живановић. **Нови Сад 1889. 147. — Národní písně moravské v nově nasbírané,** vydal Fr. Bartoš. **V Brně 1888—1889. 147—148.**

XIII. 2 (1890). Kritischer Anzeiger. **Бранко Радичевић, од** Свет. Вуловића. **У Београду 1889. 237—240. — Светостефански хрисовуљ краља Уроша II. Милутина, vyd. zemská vláda bosensko-hercegovská a král. akademie srbská. 1890. Srovnání a dodatky.** 253—272 [1]). — **Гусли,** русскій народный музыкальный инструментъ. Истор. очеркъ Ал. С. Фаминцина. СПб. 1890. 273—274. — Славяне, **ихъ взаимныя** отношенія и связи. Соч. Іос. Первольфа. III. До **конца** XVIII в. Часть 1-ая. Западные Славяне. **Варшава 1890.** 274—276. — **Žaltář klementinský, vyd.** Ad. Patera. **V Praze** 1890. 276—278. — An Essay on the importance of the study of the slavonic languages by M. R. Morfill. **London** 1890. 278—279. — Nauka o pravopisu jezika **hrvackoga** ili srpskoga, sastavio Marčel Kušar. **U Dubrovniku 1889.** Čakavske osobine u današńem dubrovačkom **dijalektu, sast.** M. Kušar. U Dubrovniku 1889. 279—281. — **Обзоръ** исторіи русскаго права проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Изд. второе. СПб.-Кіевъ 1888. Русскія **юридическія** древности. Томъ I. Территорія и население. В. Сергѣевича. СПб. 1890. 285—300.

XIII. 3 (1890). *Einige Bedenken* (aus Anlaß der vorhergehenden Abhandlung über die Grenzen der Čakavština). 388—397. Kritischer Anzeiger. *Tolstojs »Krieg und Friede« in einer kroatischen Übersetzung.* 463—470. — *Bibliographisches.* 470.

XIII. 4 (1891). Kritischer Anzeiger. J. A. Lundell, **Études** sur la prononciation russe. 1re partie: Compterendu **de la** littérature. Upsala 1890. 598—600.

Bibliographisches. 610—615.

Kleine Mitteilungen. *Neue Erscheinungen im serbischen Auslaut.* 627—631. — *Aus dem Leben der serbischen Volksepik.* 631—636.

[1] [illegible] článek: Die goldene Bulle des Despoten Stefan. Notizen aus dem [illegible] der Wissensch. Mitteil. aus Bosnien u. Herzeg.

XIV. 1 (1891). Kleine Mitteilungen. *Eine Midas-Sage in bosnischer Fassung.* 148—150. — *Privilegien einiger dalmatinischer »Vlachen« aus dem J. 1436.* 156—157.

XIV. 2 (1891). Kleine Mitteilungen. *Materialien zur Geschichte der slavischen Philologie.* 10. *Miklosichs Briefe an den Herausgeber dieser Zeitschrift.* 300—320.

XIV. 3 (1892). Kleine Mitteilungen. *Materialien zur Geschichte der slavischen Philologie.* 10. *Miklosichs Briefe an den Herausgeber dieser Zeitschrift.* 452—462.

XIV. 4 (1892). Kleine Mitteilungen. *Bibliographisches.* 613—636.

XV. 1 (1892). Kritischer Anzeiger. L. Tolstojs Werke in deutscher Übersetzung, unter der Red. von Raphael Löwenfeld. Berlin. I. II. 1892. 103—108. — Село. Из дела »Народ и земља у старој српској држави« од Стој. Новаковића. Београд 1891. 108—117. — Vuks serbisches Wörterbuch in neuer (dritter) Ausgabe 1892. 123—135.
Bibliographisches. 136—145.

XV. 2 (1892). Kritischer Anzeiger. Prešpurský slovník, vyd. Ferd. Menčík. V Praze 1892. 308—311. — Oblici hrvatskoga ili srpskoga jezika, napisao Gj. Daničić. Osmo izdanje 1892. U Zagrebu. 311—313.

XV. 3 (1892). Kritischer Anzeiger. Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы. Ант. Будиловича. Варшава 1892. Dva svazky. 417—423.
Bibliographisches. 424—441.

XV. 4 (1893). *Ein Zusatz* (zur vorhergehenden Abhandlung über die Deklination der sog. -ja und -jo-Stämme im Slavischen). 518—524.
Bibliographisches. 602—619.

XVI. 1 und 2 (1894). Kritischer Anzeiger. Missale Romanum Slavonico idiomate ex decreto sacrosancti concilii tridentini restitutum etc. Romae 1893. 210—216. — В. Васильевскій. Русско-византійскія изслѣдованія. Вып. 2-ой. Житія свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго. СПб. 1893. 216—224. — В. Истринъ. Александрія русскихъ хронографовъ. Изслѣдов. и тексты. Москва 1893. 224—229. — М. Халанскій. Югославянскія сказанія о Кралевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса. I. Варшава 1893. 229—235. — Први основи словенске књижевности међу балканским Словенима. Легенда о Владимиру и Косари.

Културноистор. студије Ст. **Новаковића**. У Београду 1893. 235—240. — Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдов. »Измарагда«. В. А. **Яковлева**. Одесса 1893. 240—242.

Bibliographisches. 282—301.

Dr. Franz Račiki. Nekrolog. 320.

XVI. 3 und 4 (1894). Kritischer Anzeiger. Historická mluvnice jazyka českého. Napsal Jan **Gebauer**. Díl I. Hláskosloví. V Praze a ve Vídni. 1894. 505—528. — Joh. **Topolovšek**. Die basko-slavische Spracheinheit. I. Einl. Vergl. Lautl. Wien 1884. 528—530.

Bibliographisches. *Die Publikationen der kais. russ. Gesellschaft der Bibliophilen für das Jahr 1887—1893.* 550—555. — *Bibliographisches Verzeichnis der eingesendeten Werke und Sonderabdrücke aus den Zeitschriften.* 570—577.

Kleine Mitteilungen. *Materialien zur Geschichte der slavischen Philologie.* 11. *P. J. Šafaříks Briefe nach Karlowitz an den Metropoliten Stanković und den Patriarchen Rajačić.* 617—632.

XVII. 1 und 2 (1895). *Ein Kapitel aus der Geschichte der südslavischen Sprachen.* 47—87.

Bibliographisches. 290—316.

XVII. 3 und 4 (1895). *Bibliographisches.* 607—625.

XVIII. 1 und 2 (1896). *Bibliographischer Bericht.* 261—286, 287—296, 299—305, 306—310.

Kleine Mitteilungen. *Ein bibliographischer Fund und eine Bitte.* 318—320.

XVIII. 3 und 4 (1896). *Bibliographischer Bericht.* 585—587, 591—613, 614—616, 618—620, 627—628.

Dr. Vatroslav Oblak. Nekrolog. 631—635.

XIX. 1 und 2 (1896). Kritischer Anzeiger. И. **Филевичъ**. Исторія древней Руси. I. Территорія и населеніе. Варшава 1896. 230—240.

Bibliographischer Bericht. 269—278, 280—281, 291—296, 304—307, 310—315, 316—318.

Dimitri Matov. Nekrolog. 319—320.

XIX. 3 und 4 (1897). Kritischer Anzeiger. Hrvatske narodne pjesme. Skupila i izdala Matica hrvatska. Odio prvi Junačke pjesme. Knjiga prva. Zagreb 1896. 627—632.

XX. 1 (1898). *Einige Streitfragen.* 1. *Zur Provenienz der Kijever glagol. Blätter.* 1—13. 2. *Verwandtschaftsverhältnisse innerhalb der slavischen Sprachen.* 13—53.
Kritischer Anzeiger. Великорусскія народныя пѣсни, изд. проф. А. И. Соболевскимъ. Томъ III. СПб. 1897. 151—152.

XX. 2 und 3 (1898). Kritischer Anzeiger. Tim. Florinskij, Лекціи по слав. языкознанію. Часть вторая. Сѣверозападные славянскіе языки. СПб. 1897. 360—367. — Grundriß der vergl. Gramm. der idg. Sprachen von Karl Brugmann und Berthold Delbrück. 2. Bearb. Erster Bd. Einl. u. Lautl. Straßburg 1898. 367—374. — Евгеній Будде. Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Опытъ истор.-сравнит. изслѣдованія нар. говора въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губ. Казань 1896. 374—381.
Bibliographischer Bericht. 428—442, 469—473.

XX. 4 (1898). *Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten.* I.-V. 519—556.
Kleine Mitteilungen. *Bibliographische Übersicht der slavischen Zeitschriften philologischen, literaturgeschichtlichen und ethnographischen Inhalts.* 625—638. — *Rückblicke auf die Zeitschrift zum Abschluß des XX. Bandes.* 638—644.

XXI. 1 und 2 (1899). *Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten.* VI.—VIII. (Schluß.) 28—43.
Kritischer Anzeiger. Povjest književnosti hrvatske i srpske. Napisao Dr. Đuro Šurmin. U Zagrebu 1898. 245—251.
Kleine Mitteilungen. *Nekrologe*: *Fedor Ivanovič Buslajev, Matija Valjavec, Lucian Malinowski, Juri Dimitrijevič Filimonov, Alexej Stepanovič Pavlov, Nikolaj Fomič Krasnoselcev, Ernst Kunik, Afanasjev Fedorovič Byčkov, Vasilij Grigorjevič Vasiljevskij.* 310—319. — *Abrechnung* (über die Beiträge zur Errichtung eines Grabdenkmals für V. Oblak). 320.

XXI. 3 und 4 (1899). *Die cyrillische Inschrift vom J. 993.* II. *Zur Palaeographie der Inschrift.* 551—557.
Kritischer Anzeiger. Junačke pjesme (muhamedovske). Knjiga treća. Uredio Dr. Luka Marjanović. Zagreb 1898. 626—634. — L'Évangéliaire slavon de Reims, dit: Texte du sacre. Edition facsimile etc. par Louis Leger. 1899. Paris-Prague. 635—636.

XXII. 1 und 2 (1900). *Einige Streitfragen.* 3. *Eine einheitliche slavische Ursprache?* 11—38. 4. *Nochmals die Kijever Blätter.* 39—45.
Beiträge zur Ethnographie der hannoverschen Elbslaven. 134—140.
Kritischer Anzeiger. Изслѣдованіе о языкѣ I-ой новгородской лѣтописи, трудъ Б. Ляпунова. СПб. 1899. 255—263. — Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika, napisao Dr. T. Maretić. 1899. Zagreb. 263—278.

XXII. 3 und 4 (1900). *Bruchstück eines glagolitischen Meßbuches.* 525—542.
»Die irrationalen Vokale.« 553—560.
Kleine Mitteilungen. *Eine cyrillische Urkunde aus dem Jahre 1434.* 619. — *Rumänisch-kroatisches Vaterunser und Avemaria aus Poljica auf der Insel Veglia vor dem Jahre 1825.* 621—622.

XXIII. 1 und 2 (1901). *Einige Streitfragen.* 5. *Welcher von den zwei slavischen Schriften soll die Priorität zuerkannt werden?* 113—121. — 6. *Zum doppelten slavischen Palatalismus.* 121—129.
Kritischer Anzeiger. A. N. Pypins Russische Literaturgeschichte. 4 Bände. 277—291.
Kleine Mitteilungen. *Zur altserbischen Bibliographie.* 305—307.

XXIII. 3 und 4 (1901). Kritischer Anzeiger. Rječnik hrvatskoga jezika. Skupili i obradili Dr. Fr. Iveković i Dr. Ivan Broz. Sv. I. A—O. U Zagrebu 1901. 521—529[1]). — Slovník staročeský. Napsal Jan Gebauer. V Praze 1901. A—boj. 530—535. — A. Brückner. Cywilizacija i język. Warszawa 1901. 535—540. — Н. Шляковъ. Статьи по славянскимъ нарѣчіямъ и русскому языку. Вып. II. Варшава 1900. 540—543. — Г. Ильинскій. Происхожденіе частицы зи въ болгарскомъ и сербскомъ языкахъ. Варшава 1901. 544—545. — O tak zwanem mazurowaniu w języku polskim, napisal Stan. Dobrzycki. W Krakowie 1900. 552—553. — Уводъ въ историята на българский языкъ. А. Прѣгледъ върху българскитѣ говори отъ др. Б. Цоневъ. София 1901. Vukčetić:

[1]) [illegible] referát v časop. H[illegible]atska 1902, [illegible] 3 (4. I.) a odpověd Fr. [illegible]kovice v [illegible] 1902 [illegible]

Jezik u Kerečkom. 553—560. — J. Baudouin de Courtenay: a) Sull' appartenenza linguistica ed etnografica degli Slavi del Friuli. Cividale 1900; b) Slaves. III. Linguistique, dans la »Grande Encyclopédie; c) Wskazówki dla zapisujących materjały gwarowe na obszarze językowym polskim. W Krakowie 1901. 571—574. — Nářečí česko-moravské, naps. Ign. Hošek. Díl prvý: Podřečí polenské. V Praze 1890. 574—576. — Р. Ѳ. Брандтъ. О лженаучности нашего правописанія. Воронежъ 1901. 576—579. — Программы для собиранія особенностей народныхъ говоровъ. I. Программы для собиранія особенностей великорусскихъ говоровъ. СПб. 1900. 579—581. — А. С. Петрушевичъ. Лингвистико-историческія письма. Греческо-словенское письмо и глаголица. Львовъ 1901. 582—585. — В. А. Богородицкій. Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Казань 1901. 585—588. — С. Г. Вилинскій. Сказаніе черноризца Храбра о письменахъ славянскихъ. Одесса 1901. 588—590. — А. Л. Погодинъ. Изъ исторіи славянскихъ передвиженій. СПб. 1901. 610—622.

XXIV. 1 und 2 (1902). *Zusatz* (zum vorhergehenden Beitrag). 228—229. Kritischer Anzeiger. Rječnik hrvatskoga jezika, skupili i obradili Dr. Fr. Ivekovič i Dr. Ivan Broz. Sv. II. P—Ž. U Zagrebu 1901. 230—242. — Сложныя слова въ польскомъ языкѣ. Изслѣдованіе И. Л. Лося. СПб. 1901. 246—249. — И. Е. Евсѣевъ. Замѣтки но древнеславянскому переводу св. писанія. I—V. 254—262. — А. Соболевскій. Церковнославянскіе тексты моравскаго происхожденія. Варшава 1900. 263—268. — Н. В. Шляковъ. О поученіи Владиміра Мономаха. СПб. 1900. 268—272.

Kleine Mitteilungen. *Weitere Spuren der glagolitischen Buchstaben in den cyrillischen Handschriften.* 313—314. — *Zur. orthographischen Frage in Rußland.* 319—320.

XXIV. 3 und 4 (1902). *Kritische Nachlese zum Texte der altserbischen Vita Symeonis (Stefan Nemanjas), geschrieben von seinem Sohne, dem erstgekrönten König Stefan.* 556—567. Kritischer Anzeiger. О нѣкоторыхъ архаизмахъ и новообразованіяхъ праславянскаго языка. Морфол. этюды Г. И. Ильинскаго. Прага 1902. 579—586. — Угро-русски народны спѣванки, издалъ Михаилъ Врабель. I. Спѣванки Мараморошки. Будапештъ 1901. 620—622. — Slovenske

narodne pesmi. Uredil Dr. K. Štrekelj. I. V Ljubljani 1895—1898; II. 1900—1901. 623—624. — Великорусскія народныя пѣсни, изд. А. И. Соболевскій. IV—VIII. СПб. 1898—1902. 624—627. — Српске народне пjесме, скупио их Вук Стеф. Караџић. V—IX. Биоград 1898—1902. Red. Ljub. Stojanović. 628—629.

XXV. 1 (1903). Analecta romana. I—V. 1—47.
Kritischer Anzeiger. Slovanské starožitnosti, sepsal dr. L. Niederle. V Praze 1902. I. 136—145.
Kleine Mitteilungen. *Einige Notizen über den russ. Dialekt Tobolsks.* 159.

XXV. 2 (1903). Kritischer Anzeiger. M. Zdziechowski. Odrodzenie Chorwacyi w wieku XIX. W Krakowie 1902. 317—320.

XXV. 3 (1903). Nepřináší žádného příspěvku od vydavatele.

XXV. 4 (1903). *Ein Nachtrag zum »ersten Cetinjer Kirchendruck vom Jahre 1494«.* 628—637.
Danksagung (dem Verleger und den Mitarbeitern beim Abschluß dieses »Jubiläumsbandes«). 655.

XXVI. 1 (1904). Kritischer Anzeiger. Glagolitica. Publicationes palaeoslovenicae Academiae Veglensis. 1903. I. Recensio croatico-glagolitici fragm. Verbenicensis, auctore Jos. Vajs. Veglae 1903. 123—126.

XXVI. 2 (1904). Kritischer Anzeiger. Stara i nova postojbina Hrvata. Napisao Dr. Ivan Ružić. Zagreb 1903. 312—313.

XXVI. 3 (1904). Nepřináší žádného příspěvku od vydavatele.

XXVI. 4 (1904). *Cugunder.* (Erinnerungen an J. Grot und A. Schiefner.) 575—578.
Ein Prediger aus dem Ende des XVII. Jahrh. in Agram. 578—597.
Kritischer Anzeiger. *Ein Nachtrag zum Briefwechsel des Dichters Preradović.* 608—626.

XXVII. 1 (1905). *Slavische Fragmente aus der Bibliothek S. Giacomo della Marca in Monteprandone.* 85—91.
Kritischer Anzeiger. Hrvatski preporod. Napisao Đuro Šurmin. I. II. U Zagrebu. 1903—1904. 133—138.
Kleine Mitteilungen. *Der Ausdruck* въсжлъ *in den alt-* [illegible]*chlichen Denkmälern* 141—14[illegible]

XXVII. 2 (1905). Kritischer Anzeiger. Slovenci v šomodski županiji na Ogrskem. Napisal Ant. Trstenjak. V Ljubljani 1905. 303.

Kleine Mitteilungen. *Spolari — Spolarich.* 313.

XXVII. 3 (1905). *Meine Zusätze zum Studium der Werke des slavischen Klemens.* 384—412.

Kritischer Anzeiger. Н. К. Грунскій. Памятники и вопросы древнеслав. письм. I. Кіевскіе глаг. листки. Пражскіе глагол. отрывки. Юрьевъ 1904. Dr. V. Vondrák. O původu kijevských listů a pražských zlomků. V Praze 1904. 441—446. — Ив. Евсѣевъ. Книга прор. Даніила въ древнеслав. переводѣ. Москва 1905. 447—454. — А. В. Михайловъ. Къ вопросу о литер. наслѣдіи свв. Кирилла и Меѳодія въ глагол. хорв. миссалахъ и бревіаріяхъ. Варшава 1904. 454—457. — J. Baudouin de Courtenay. Szkice językoznawcze. I. Warszawa 1904. 458—460. — Beiträge zur polnischen Wortbildung von Titus Benni. I. Einführung. Produktive Personalsuffixe. Leipzig 1905. 460—461. — A. S. Petruszewicz. O pierwszym zawiązku familii u aryjskich narodów w szczególności u Słowian. Lwów 1903. 461—463.

XXVII. 4 (1905). Kritischer Anzeiger. А. М. Лукьяненко. Кайкавское нарѣчіе. Кіевъ 1905. 578—586. — Nářečí českomoravské. Napsal Ign. Hošek. II. Podřečí polenské. V Praze 1905. 586—587. — Ignatii Georgii Vitae et carmina nonnullorum illustrium civium Ragusinorum, ed. prof. Pavle Popović. 1905. 587—596. — Vjestnik kr. hrv.-slav.-dalm. zem. arkiva, uredjuje dr. J. Bojničić, Zagreb 1899 sq. (dosud 6 svazků) 598—600. — А. Ермоловъ. Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣткахъ. 4 svazky. СПб. 1901—1905. 600—607.

Kleine Mitteilungen. *Der kluge Knabe.* Ein kroatisches Märchen aus dem Kreis »Die kluge Dirne«. 611—614. — *Nekrologe*: Alex. Nikolajevič Pypin, Milivoj Šrepel, Ivan Tkalčić, Gregor Krek, Ilarion Ruvarac, Polychr. Ag. Syrku, Alex. Iv. Smirnov. 630—636.

XXVIII. 1 (1906). *Einige Streitfragen. 7. Klassifikation des slavischen Verbums.* 17—27. 8. *Nochmals das slavische Imperfektum.* 27—35. 9. *Das Futurum des Stammes* бъı. 35—36.

Kritischer Anzeiger. Б. М. Ляпуновъ. Формы склоненія въ старословянскомъ языкѣ. I. Скл. именъ. Одесса 1905. 117—125.

XXVIII. 2 und 3 (1906). *Cyrillo-Methodiana.* 161—162.

Mein Zusatz (zur vorhergehenden Abhandlung über das Verhältnis des Freis. Dkm. zu einer Homilie des Klemens) 260—261.

Kritischer Anzeiger. Zur slavischen Runenfrage. Dr. Jan Leciejewski. Runy i runiczne pomniki słowiańske. Lwów 1906. 385—392.

Kleine Mitteilungen. Nekrolog: Ant. Kalina. 480.

XXVIII. 4 (1906). Kleine Mitteilungen. Nekrologe: Alex. Nik. Wesselofsky. 634—637. Martin Hajnal 640.

1879. *Quattuor evangeliorum Codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus.* Characteribus cyrillicis transcriptum notis criticis prolegomenis appendicibus auctum adiuvante summi ministerii borussici liberalitate edidit V. Jagić. Berolini, apud Weidmannos, MDCCCXXIX. 4°. XLV + 174. Tabulae tres. Rec. J. Martinov, Revue bibliogr. univers. X-e ser., t. X., XXVI-e d. la collect. Paris 1879.

1880. Законъ Винодольскій. Подлинный текстъ съ русскимъ переводомъ, критическими замѣчаніями и объясненіями. СПб. 4°. V + 152. No. 54 vydání Общ. Люб. Др. Письм.

Über die Sprache und Literatur der heutigen Bulgaren. Deutsche Rundschau, herausgeg. v. Jul. Rodenberg. Berlin. VI. Jahrg., Heft 10, Juli. 57—71.

Zum altslavischen Malalas. Hermes XV, 230 fg. (1880).

1882. *Specimina linguae palaeoslovenicae.* Образцы языка церковнославянскаго по древнѣйшимъ памятникамъ глаголической и кирилловской письменности. СПб. 4°. 148.

Recense spisu Herm. Jirečka Svod zákonů slov. Deutsche Litteraturz., No. 30, 1078.

1883. *Quattuor evangeliorum versionis palaeoslovenicae codex Marianus glagoliticus.* Characteribus cyrillicis transcriptum edidit. Berolini apud Weidmannos. Памятникъ глаголической письменности. Маріинское четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями. Изд. отдѣл. русск. языка и словес. Импер. Академіи наукъ. СПб. 4°. XX + 607. 2 snímky. Rec. L. Masing, Gött. gel. Anz. 1 Sept. 1884. A. Budilovič, ЖМНпр. 1884. Febr. 152—169.

1884. Четыре критико-палеографическія статьи. Приложеніе къ Отчету о присужденіи Ломоносовской преміи за 1883 годъ. Съ тремя литограф. таблицами. СПб. 8⁰. 191.

1885. Источники для исторіи славянской филологіи. Томъ I. Изд. второго отдѣл. Импер. Акад. наукъ. СПб. *Briefwechsel zwischen Dobrowsky und Kopitar* (1808—1828). Mit einem Portrait und zwei lithographischen Beilagen. Berlin. 8⁰. CVII + 745. Rec. A. Brückner, Arch. IX, 298—306.

Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ славянской филологіи. Рѣчь. Приложеніе къ LI-му т. Записокъ Импер. Ак. наукъ. No. 1. СПб. 8⁰. 60. Do srbštiny přelož. Ch. Liler, Beograd 1890.

1886. *Carminum christianorum versio palaeoslovenico-rossica. Menaea Septembris, Octobris, Novembris.* Ad fidem vetustissimorum codicum edidit. Accedunt sex specimina scripturae. Petropoli. 8⁰. CXXXVI + 01 — 0242 + 1 — 609. Rec. A. Brückner.

1888. Вмѣсто предисловія. (Úvodní výklady, předeslané vydání statutu ostrova Krku, v cyr. a lat. přepise, od paní Jevreinové, v publikacích Общ. Люб. др. письм. č 44). Вѣна, 20 апрѣля 1888. 8⁰. 15.

Трудъ В. В. Стасова: »Славянскій и восточный орнаментъ«. Рецензія. Вѣна, 29. дек. 1887. Вѣстникъ изящныхъ искуствъ. 1888. 4⁰. 146—185.

1889. Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. СПб. 8⁰. 171. (Rozbor knihy prof. A. I. Sobolevského »Лекціи по исторіи русскаго языка«.)

1890. *Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente.* Mit zehn Tafeln. Wien. 4⁰. 62. Denkschr. der kais. Akad. der Wiss. in Wien, philos.-histor. Klasse. Bd. XXXVIII. Rec. A. Kalina, V. Oblak, V. Ščepkin a j.

Светостефански хрисовуљ краља Стефана Уроша II. Милутина. Из Старога Сараја изнесла на свијет Земаљска влада за Босну и Херцеговину. Са 4 снимка. У Бечу. VII + 47. Ankündigg. in The Academy, 1890, No. 934.

Статут Пољички. Уредио. (Прештампано из књиге IV. Monumenta historico-juridica југославенске академије знаности и умјетности.) У Загребу. 8⁰. XXXII + 137.

Slavische Incunabeln auf Pergament. »Anzeiger« der kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Jahrg. 1890, Nr. XXI, S. 87—89.

О сочиненіи проф. А. А. Кочубинскаго Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія. СПб. 1890. 8⁰. 14.

1891. *Missale glagoliticum Hervoiae ducis Spalatensis.* Argumentum codicis explicavit. Vindobonae. fol. 63 pp.

1892. Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. Матвѣя Соколова. Выпускъ первый. Москва 1888. Рецензія. СПб. 8°. 27.

Die Menandersentenzen in der altkirchenslavischen Übersetzung. Wien. 8°. 104. Sitzungsber. der kais. Akad. der Wiss. Bd. CXXVI.

Das byzantinische Lehrgedicht Spaneas in der kirchenslavischen Übersetzung. Wien. 8°. 42. Sitzungsber. der kais. Akad. der Wiss. Bd. CXXVII. Cf. Byz. Ztschr.

Der weise Akyrios. Byz. Zeitschr., herausgeg. von K. Krumbacher, I. Leipzig 1892.

Slavorum Carmina epica selecta. Edidit. Sumptibus seminarii slavici Vindobonensis. Vindobonae. 8°. 96.

Разум и философија. Из српских књижевних старина издао. Београд. 4°. XXXI + 103. Споменик српске краљевске Академије. XIII.

1893. *Glagolitica II. Grškovićev odlomak glagolskog apostola.* Izdao i ocijenio. Sa 4 fototipska snimka. (Preštampano iz XXVI. knjige Starina jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti.) U Zagrebu. 8°. 129.

Slavische Beiträge zu den biblischen Apocryphen. I. *Die altkirchenslavischen Texte des Adambuches.* Wien. 4°. 104. Denkschr. der kais. Akad. d. Wiss. Bd. XLII. Rec. E. Schürer. Kiel.

Die erste südslavische Typographie im XV. Jahrh. Wiener Zeitung, 1893, 28. Juni (No. 146).

Вновь найденное свидѣтельство о дѣятельности Константина философа, первоучителя Славянъ св. Кирилла. СПб. 8°. 44.

Сочиненія Петра Хельчицкаго. I. Сѣть вѣры. — II. Реплика противъ Бискупца. Трудъ Ю. С. Анненкова. Окончалъ по порученію Отдѣл. русскаго языка и словесности И. В. Ягичъ. СПб. 8°. LI. 542.

1894. *Der erste Cetinjer Kirchendruck vom Jahre 1494.* Eine bibliographisch-lexikalische Studie. Erste Hälfte. Bibliographisch-Kritisches. Wien. 4°. 80. (Denkschr. der kais. Akademie der Wiss. Bd. XLIII.) Zweite Hälfte. Griechisch-slavisches Glossar mit einem slavisch-griechischen Wörterverzeichnis. Wien. 4°. 71. (Ibidem.)

Vortrag »*über die Quantitäts- und Betonungsverhältnisse in den* [illegible] Spr[illegible] IF II 1894 Anz 251—254· Bd III Heft 3

1895. *Corpus grammaticorum sloveno-rossicorum.* Разсужденія южнославянской и русской старины о церковнославянскомъ языкѣ. Изслѣдованія по русскому языку. Изданіе отдѣл. русскаго языка и словесности Импер. Академіи наукъ. Томъ I. СПб. 8°. XXIII. 1—1023. Rec. L. Leger, Revue crit. 1897, No. 7.

Ruska književnost u osamnaestom stoljeću. Napisao. Zagreb. 8°. 281. Slike iz svjetske književnosti. III. Izdanje »Matice hrvatske«.

Die Geheimsprachen bei den Slaven. I. Bibliographie des Gegenstandes und die slavischen Bestandteile der Geheimsprachen. Wien. 8°. 80. Sitzungsber. der kais. Akad. der Wiss., Bd. CXXXIII.

Einige Worte über bosnische Inschriften auf Grabsteinen. Wien, 1895.

Zwei Artikel »*Russische Sprache*« und »*Slavische Sprachen*« in Johnson's Universal Cyclopaedia, New York.

Ein Beitrag zur südslavischen Bibliographie. 8°. 1—5. Aus dem Anzeiger der philos.-hist. Klasse der kais. Akad. der Wiss. Wien, Jahrg. 1895. No. I. Anz. J. Milčetić, Obzor, 1895, No. 24.

Ein zweiter Beitrag zur südslavischen Bibliographie. 8°. 1—10. Ibid. No. VII.

Ein dritter Beitrag zur südslavischen Bibliographie. 8°. 1—6. Ibid. No. X.

1896. *Ein vierter bibliographischer Beitrag.* 8°. 1—13. Ibid. Jahrg. 1896. No. VI.

Novo nadjena stara latinicom štampana hrvatska knjiga. Vienac 1896, No. 4.

Размѣръ (двѣнадцатислоговой) древнѣйшихъ стихотвореній поэтовъ славянскихъ (сербохорватскихъ) въ Далмаціи. СПб. 8°. 28. Отд. оттискъ изъ Изв. Отдѣл. русск. яз. и слов. Импер. Ак. наукъ, I (1896), 3, 439—466.

Rozbor knihy P. A. Kulakovského Иллиризмъ. СПб. 1896.

1897. Источники для исторіи славянской филологіи. II. Изданіе Отдѣл. русск. яз. и слов. Импер. Ак. наукъ. Новыя письма Добровскаго, Копитара и другихъ югозападныхъ Славянъ. СПб. 8°. III + CII + 925.

Franz v. Miklosich. Rede gehalten am 4. Juli 1897 bei der Enthüllungsfeier der Miklosich-Büste in der Wiener Universität. Wiener Zeitung, 1897, No. 151 (6. Juli).

Замѣтка объ одномъ рукописномъ словарѣ нѣмецко-русскомъ XVII[го] столѣтія. Изв. Отд. русск. яз. и слов. II, 2, 281—301.

Kopitar und Vuk. Wiener Zeitung.

Die Aufgabe der Erforschung der südslavischen Dialekte, erläutert an dem Verhältnisse der serbo-kroatischen Schriftsprache zur bosnisch-herzegovinischen Mundart. 8⁰. 1—18. Aus dem Anzeiger der philos.-hist. Klasse (der kais. Akad. der Wiss., Wien), Jahrg. 1897, No. XI.

Vorläufige Berichte der Balkan-Kommission. I. Über Dialektforschung auf der Balkanhalbinsel, nach den Mitteilungen der Herren Prof. Miletič in Sofia, Prof. v. Rešetar in Wien u. dr. Aranza in Spalato zusammengestellt. 8⁰. 23. Ibid. No. XXIII.

Vsih prorokov stumačenje hrvatsko. Veteris testamenti prophetarum interpretatio istro-croatica saeculi XVI. Adiuvante Academiae litterarum caes. Vindobonensis liberalitate. Vindobonae-Berolini. 8⁰. VII + 315. Rec. W. Vondrák, Deutsche Litteraturz. 1899, No. 23, 896—98; H. H(ir)t, Lit. Centralbl. f. D. No. 47, 1898.

1898. *Evangelium Dobromiri.* Ein altmacedonisches Denkmal der kirchenslavischen Sprache des XII. Jahrhunderts. Grammatisch und kritisch beleuchtet. I. Grammatischer Teil. Mit drei Tafeln. Wien. 8⁰. 80. Sitzungsber. der kais. Akad. der Wiss., Bd. CXXXVIII. II. Hälfte. Lexikalisch-kritischer Teil. 8⁰. 122. Ibid. Bd. CXL.

Bericht über einen mittelbulgarischen Zlatoust des 13.—14. Jahrhunderts. Wien. 8⁰. 72. Sitzungsber. der kais. Akad. der Wiss. Bd. CXXXIX.

Критическія замѣтки къ славянскому переводу двухъ апокрифическихъ сказаній. I. Апокрифическое Первоевангеліе Іакова. II. Апокрифическое Посланіе Пилата въ Римъ. СПб. 8⁰. 54. Отд. оттискъ изъ Изв. Отдѣ. русск. яз. и слов. Импер. Ак. наукъ, III (1898), 2, 315—338; 3, 793—822.

Jagić-Thallóczy-Hodinka. *Fontes Slavici.* Különnyomat »a Magyar Honfoglalás kútföl« 13 öl. Budapest 1898.

Die Aulularia des Plautus in einer südslavischen Umarbeitung aus der Mitte des XVI. Jahrhunderts. Separatabdruck aus der Festschrift Johannes Vahlen zum siebenzigsten Geburtstag gewidmet von seinen Schülern. XXXIII. 8⁰. 617—641.

1899. *Beiträge zur slavischen Syntax.* Zur Analyse des einfachen Satzes: Erste Hälfte. Wien. 4⁰. 88. Denkschr. der kais. Akad. der Wiss., Bd. XLVI.

Типик Хиландарски и његов грчки извор. Испоредио и оцијенио. Београд. 4⁰. 34. Споменик краљ. српске Академије XXXIV

1900. *Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache.* Wien. Erste Hälfte. 4°. 88. Zweite Hälfte. 4°. 96. Denkschr. der kais. Akad. der Wiss., Bd. XLVII. Rec. J. Karásek, S. Kulbakin, P. A. Lavrov, L. Leger, Fr. Pastrnek a j.

Критическій отзывъ о сочин. Фр. Прусика »Staročes. Alex. rým.«, v Praze 1896. СПб. 1900.

1901. А. С. Пушкинъ въ южно-славянскихъ литературахъ. Сборникъ библіографическихъ и летературно-критическихъ статей. Изданный подъ редакціею орд. акад. И. В. Ягича. СПб. 8°. 404.

1902. Легенда о св. Вячеславѣ. Оттискъ изъ »Русскаго Филологическаго Вѣстника«. Варшава. 8°. 17.

1903. *Kirchenslavisch-böhmische Glossen saec. XI.—XII.* Mit Glossen-Abbildungen im Texte. Wien. 4°. 44. Denkschr. der kais. Akad. der Wiss., Bd. L.

Odgovor prof. V. Jagića M. Zdziechowskomu. Obzor 108. Zagreb 1903.

1904. *Ein unedierter griechischer Psalmenkommentar.* Wien. 4°. 95. Denkschr. der kais. Akad. der Wiss., Bd. LII.

1907. Слов҃ньскаꙗ псалътырь. *Psalterium bononiense.* Interpretationem veterem slavicam cum aliis codicibus collatam, adnotationibus ornatam, appendicibus auctam adiutus Academiae scientiarum Vindobonensis liberalitate edidit. Accedunt XIX specimina codicum. Vindobonae-Berolini-Petropoli. 8°. XI. 968.

Příspěvky k životopisu prof. V. Jagiće.

Prof. Dr. Vatroslav Jagić. Světozor 1878, č. 34.

Академикъ И. В. Ягичъ, какъ историкъ русскаго языка. РФВ.

М. Милићевић, Др. Ватрослав Јагић у Србији и у Софији. Београд 1895.

Vatroslav Jagić. Životopis jeho napsal Fr. Pastrnek. Ottův Slovník naučný, XII, 1897, 1005—1010.

Jagić. Crvena Hrvatska 1897, č. 49.

А. С. Архангельскій. Сорокъ лѣтъ научной дѣятельности. Ученые труды акад. И. В. Ягича. (1861—1901.) СПб. 1901.

Б. М. Ляпуновъ. Краткій очеркъ ученой дѣятельности акад. И. В. Ягича. Одесса 1901.

Riflessi slavi

di vocali labiali romane e romanze, greche e germaniche.[1]

Sommario. *Riflessi di* ā: negli elementi romani e romanzi (2—13), **greci** (**14**) e germanici (15). — *Riflessi di* ū̆ ō̆: negli elementi romani e romanzi (ū e ō **chiuse**: ū 18—20, ō ŭ 21—23. o aperta = ŏ 24), greci (26) e germanici (27). — ***Accidenti*** *generali* (28—34). — *Conclusione e problemi*: riflessi in *o* (36), *u* (37), *y* (38) e *i* (**39**) e singole voci (40).

Lo scopo di queste ricerche è di trovare i riflessi slavi delle vocali **labiali**, compresa l' ā, in elementi stranieri ario-europei dello slavo, con riguardo **speciale** allo slavo ecclesiastico e serbo-croato e agli elementi romani e romanzi.

L' unione di ā alle labiali è giustificata dal suo riflesso in *o*.

Lo *slavo ecclesiastico* è considerato anche qui nel senso largo che il **Miklosich**[2] attribuiva al suo 'paleosloveno' (altslovenisch), molto più esteso **in ordine di** tempo e di luogo che il paleoslavo ecclesiastico (altkirchenslavisch) o **paleobulgaro** (altbulgarisch).

Il *serbo-croato* avrà qui un posto speciale, giustificato da **ragioni storiche e** geografiche. Da una dozzina di secoli i Serbo-croati abitano una **vasta regione, che** in massima parte coincide colla Provincia romana d' Illirio; e però **sulla soglia** d' Italia e in faccia alle porte di Grecia e di Germania, essi soli **fra gli Slavi accesero** direttamente da triplice fiamma la face della civiltà.

Gli elementi *romani* e *romanzi* (v. nota 1) abbondano specialmente **nel serbo**-croato.

1 Th. E. Korš ha riferito testè (*Sbornikъ* dell' Accad. d. scienze, **Pietroburgo** 1904: Sezione d. lingua e letter. russa, Vol. 78, No. 3, p. 22) su di **un lavoro** manoscritto, presentato a un concorso da D. Zelenin e intitolato: ***Germanskie****, romanskie i latinskie elementi* . . . [Elem. germ. rom. e lat. nella **lingua russa** fino al secolo XV]; un titolo analogo (Zur Lautlehre der griech., **latein. und** roman. Elemente im Altenglischen) ha un noto lavoro di A. **Pogatscher: QF. 64** (1888). Nel lavoro presente si vuol dare il primo posto agli elementi *romani* **illiro**-romani, greco-rom., germ.-rom.) e distinguerli, possibilmente, da elementi ***romanzi*** (veneti e friulani). Certo è, e risaputo, che in terra straniera rimasero come **pietrificati**, e con impronta antica, alcuni rami o singole foglie della pianta ***romana*****, che** invece nelle terre native continuò a vivere con fronde nuove, nelle lingue ***romanze*****.**

2 Ma invece che al suo 'Lexicon palaeosloven.-gr.-lat.' mi atterrò al **Dizionario** etimologico dello stesso autore, che qui ci dà un 'paleosloveno' più vagliato. **Molta** crusca ne sanno cavare ancora gli slavisti (v. Murko II 108), ma noi non **possiamo** che attendere da loro il Dizionario paleoslavo.

I più importanti, almeno perchè sono i meno conosciuti, sarebbero gli elementi *illiro-romani*. L' illiro-romano era un linguaggio romano di cui conosciamo poche reliquie conservateci nel Litorale illirico (Dalmazia e Albania prevalitana); e sono: il veglioto, cioè un dialetto dalmatico spirato testè nella città di Veglia (Dalmazia, oggi 'Istrien'), e ancora singoli vocaboli conservatici dai documenti (latini e italiani) e da odierni dialetti del Litorale illirico: dal veneto di Veglia, da dialetti serbo-croati e specialmente dagli albanesi. — Ma qualche voce illiro-romana (dalmatica o albano-romana) è passata, come vedremo, anche nello slavo ecclesiastico.

Nel quale echeggiò qualche parola anche dalle Alpi Giulie o Venete e forse dalla vicina Rezia. Ma, com' è noto, i dialetti slavi che abbondino maggiormente, straordinariamente, di elementi *veneti* sono i dialetti serbo-croati e sloveni (in modo particolare i dialetti croato-sloveni); i quali ultimi, particolarmente alla frontiera linguistica del Friuli Goriziano e Udinese, contengono anche elementi *friulani*, cioè del ladino (anticamente reto-romano) orientale, ma non in maggior numero che i veneti. Più precisamente: dal veneto della Venezia Giulia e delle colonie venete del Litorale illirico originano gli elementi veneti dello slavo vicino. — Questi non sono oggi distinti quasi mai dagli elementi istriani, perchè l' *istriano* (oggi parlato a Rovigno e Dignano) è un dialetto italiano molto affine al veneto.

Greco-romani e *germano-romani* si possono chiamare gli elementi romani del greco e germanico, che troviamo già nel greco medio, rispettivamente nel gotico e nell' alto tedesco antico. Molti ne passarono anche nello slavo ecclesiastico e slavo comune.

Oltre queste fonti degli elementi romani e romanzi dello slavo ve ne hanno altre, che vanno cercate nel bacino medio e inferiore del Danubio. Ma qui, per ben note ragioni, sarebbe intempestivo un nome quale daco-romano o macedo-romano; onde, non trovandone di meglio, si potrà dare il nome di *slavo-romano* a quegli elementi romani dello slavo ecclesiatico e comune che non sono sgorgati dalle altre fonti.

Dico dello slavo ecclesiastico e comune. Sono esclusi dunque (anche dalle pagine che seguono) gli elementi francesi, italiani[3], spagnuoli del polacco, russo, boemo. Ed esclusi pure gli elementi rumeni infiltrati, per singole vene, nel vicino bulgaro, russo e serbo.

Sempre s' intende, in quanto io possa esserne informato. Perchè i *criteri* linguistici che distingueranno le varie fonti romane e romanze dello slavo saranno spesso malsicuri. P. e. gli elementi illiro-romani e i greco-romani hanno in comune più d' un carattere, perchè l' illiro-romano e il greco-romano (col rumeno e l' italiano) appartengono a una stessa zona della romanità: l' appennino-balcanica. Ma spesso ci possono aiutare i criteri geografici e storici.

A fissare i criteri linguistici contribuirà, spero, il presente lavoro. Sarà completato con un lavoro più esteso che quanto prima pubblicherà il MEYER-LÜBKE, coll' autore di queste linee, sugli elementi stranieri ario-europei del paleoslavo.

Meglio varrebbe il lavoro completo[4]). Ma tanto, vale sempre la sentenza *no è cosa Ki se possa fenir, se la no se comenza.*

---

3) V. intanto Korbut p. 355 sgg. e Al. Brückner: Cywilizacja ... [Civiltà e lingua. Schizzi dalla storia della cultura polacca], in *Biblioteka Warszawska*, Vol. III e IV, Varsavia 1898, e a parte ibi 1901.

4) P. e. quanto al consonantismo, non si vede bene perchè talora sembri conservata (o sia restituita) la *β* esplosiva: srb.-cr. *abrum* (esca) *βρῶμα* (anche pugliese), *bosiľak*, *koliba*, *korabľi* (Meillet I 187). Così è di altre incertezze.

Per le *abbreviazioni* nei titoli dei periodici si adotta qui il sistema dell' Annuario Vollmöller[5]. Per le altre mi permetto di rimandare a un mio lavoro (abbrev. *Dalm.* I e II)[6]. — Si aggiunga:

J. Baudouin de Courtenay I e II: Materiali ... [Materiali per la dialettologia ed etnografia jugo-slava. I, Testi resiani. — II, Saggi dialettali slavi di Torre, Italia del nord-est]. I, Pietroburgo 1895; II, *Sbornikъ* otdělenija russkago jazyka i slovesnosti imper. Akademij naukъ, Vol. 78 (No. 2), Pietroburgo 1904.

G. Korbut: Wyrazy ... [Parole tedesche nella lingua polacca, con riguardo alla lingua e alla civiltà]. *Prace filologiczne*, Vol. IV, Varsavia 1893.

T. Maretić: *Gramatika* ... [Gramm. e stilist. d. lingua letteraria croata o serba], Zagabria 1899.

A. Meillet I e II: Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, I Partie, *Bibliothèque* de l'École pratique des Hautes Études, Vol. 139, Parigi 1902; II P. ibi 139[2], Par. 1905.

M. Murko I e II: Zur Geschichte des volkstümlichen Hauses bei den Südslaven. *Mitteilungen* der anthropolog. Gesellschaft in Wien, Vol. 35 e 36, Vienna 1906.

J. Peisker: Die älteren Beziehungen der Slawen zu Turkotataren u. Germanen u. ihre sozialgeschichtliche Bedeutung. *Vierteljahrschrift* für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, Vol. III, Stoccarda 1905, e a parte ib.

A. Sobolevskij I: *Drevnij cerkovno-slavjanskij jazykъ* [La lingua paleoslava ecclesiastica, Fonetica I], Mosca 1891.

W. Vondrák I: Vergleichende slavische Grammatik, Vol. I, Gottinga 1906.

La 'bibliografia', molto scarsa per necessità di cose, sugli studi intorno agli elementi germanici dello slavo e quella, più scarsa ancora, intorno agli elementi latini, sono date dal Murko II 107 sgg. e 129. Quanto agli elementi greci siamo ancora al verde.

Riflessi di ă.

1. Alla mente del Miklosich, Gramm. I (1852) 13, era balenata «l' idea ipotetica che solo l' *a* atona delle lingue straniere diventasse *o*» nello slavo. — Vent' anni dopo, Johannes Schmidt (Vocal. II 170 n.) preferiva invece questa norma: ă in *o*, ā in *a*; e, discussa brevemente la proposta del Mikl., conchiudeva esortando altri a «cercare se il peso dell' accento principale (Hochtongewicht) fosse tanto da allungare la tonica breve e abbreviare l' atona lunga». Infatti il Mikl. subito dopo, I[2] (1879) 71, forse dopo aver provate nuove ricerche, accettava in parte

5) Qui importa rilevare da quest' Annuario — *Kritischer Jahresbericht* ü. die Fortschr. d. roman. Philol., hrsg. von Karl Vollmöller, Monaco di Baviera (poi Erlangen) 1892 sgg. — gli articoli critico-bibliografici del Pogodin sulle relazioni fra romanzo e slavo: Vol. V sg.

6) *Das Dalmatische.* Altroman. Sprachreste von Veglia bis Ragusa u. ihre Stellung in der apennino-balkan. Romania (I: Einleit. u. Ethnogr. Illyriens, II: Glos- ... Vienna 1906.

le obbiezioni dello Schm., aderendo a questo compromesso: á in *a*, å e ă atona in *o*. — Dopo altri vent' anni, H. Hirt, BGDSL. XXIII 330 (senza rimandare nè al Mikl., nè allo Schm.), vedeva negli elementi germanici dello slavo la norma che semplicemente «a diventa *o*» nei prestiti di antica data, mentre quelli con a = *a* «devono rimontare a una data più recente».

Dalle ricerche che saranno qui esposte risulta, come spero di dimostrare, una norma che concilia fra di loro quelle tre o quattro opinioni, ora in voga [7]: l' *o* slava originata da ă romana e romanza, greca e germanica deriva da ă atona di elementi antichi e da å bavaro-austriaca.

Della quantità dell' ă straniera si terrà conto cercando la spiegazione (36).

Elementi romani e romanzi.

2. Dall' illiro-romano passa allo slavo ecclesiastico e comune *ločika* LACTUCA; allo sl. eccl. più o meno antico (v. retro) e serbo-croato, forse *konata* (Murko II 111) CANNATA e *mal* MALLEUS [8]).

ločika sarebbe originato, secondo il Meillet I 179 sg., dal germ.-romano, 'naturellement prononcé à la manière des populations qui habitaient au nord des Alpes'. Infatti il riflesso di CT in *ht* (fasi odierne *jt č* e sim.) predomina, e meglio predominava, nella zona pireneo-alpina, mentre *tt pt ft* predomina nell' appennino-balcanica: v. Meyer-Lübke I § 459 sg. (Dalm. I 298).

Un' obbiezione non grave, e però non prevenuta dal Meillet, starebbe nel *Lattuh -ich* tedesco (che dunque non ci dà oggi il nesso palat., necessario al riflesso slavo, secondo il Meillet): i Tedeschi forse avevano, può rispondere il M. a buon diritto, cotesta forma *laht-*, che infatti hanno ancora i loro fratelli anglo-sassoni (*leahtric*). E passi anche l' obbiezione al *-ka*, invece del **-ha*, che qui si aspetterebbe da bocca germanica: secondo la supposizione del M. (più complicata che non paia), lo slavo *ločika* partirebbe da un germ.-rom. **lahtuka*, popolare quanto a *ht* (cfr. i letterari *lectar*, *tincta*, *tractāt* dell' alto ted. ant.) e letterario quanto a *-ka*. Ma l' obbiezione che mi par decisiva sta nell' *i* sl. eccl., che come si tenterà di dimostrare qui avanti, non riflette ū germanica nè germano-romana, nè popolare nè letteraria. — Se ricorriamo invece all' illiro-romano, le difficoltà si

7) Il primo linguista slavo è seguito dal fondatore della filologia slava: v. Gramatika jezika hèrvatsk. napis. V. Jagić (Zagabria 1864. § 13), che si attiene piuttosto alla prima idea del Miklosich. Alla seconda, come pare, altri studiosi della scuola slava: Budmani § 45 (cfr. 42), Maretić § 86, Sobolevskij I 27, Štrekelj Lehnw. 59 (ma v. Peisker 253), Vondrák I 83; invece il Kretschmer (ASPh. XXVII 230) e il Meillet (MSL. XI 179; cfr. 182) si accostano allo Schmidt, e coll' Hirt concordano, come pare, il Meringer (IF. XVI 158), l' Uhlenbeck (Peisker 253), il Vasmer (ZVglS. XLI 158).

8) Meglio che dall' italiano (Niedermann IF. XV 116). Il veneto orientale, ossia l' italiano più in contatto cogli Slavi d' Illirio, ha la forma *majo*: v. qui 24, Kretschmer Die lesb. Mundart § 112 (Dalm. I 248, II 367).

attennano, sebbene non dileguino ancora. Anche qui intanto si hanno tracce di *jt* da CT: ben sicure nell' albano-romano (Meyer-Lübke GG². I 1054; cfr. Puşcariu ZRPh. XXIX 632) e dubbie nel dalmatico (Dalm. II 369). E anche qui, come nel tedesco, ci manca un riflesso di *lactuca* con *jt*: l' albanese ha *latugę* (ch' è ital.), e il veglioto purtroppo, come spesso fa, si tace. Tuttavia la base illiro-romana, che possiamo legittimamente costruire, è **lajtüka, laht-*, cioè quella che ci occorre per lo slavo. Ed è preferibile a una base ladina, perchè i dialetti ladini che più s' accostano al territorio slavo, dall' Alto Piave al Formione, non solo non hanno nè *jt* nè *ü* (ma *t* e *u*), nè alcun continuatore popolare di LACTUCA (*salata -e* ecc.), ma si oppongono anche a *-k-* = -C-, come tutta la zona pireneo-alpina: Meyer-Lübke I § 433 (Dalm. I 297).

3. Molti gli esempi serbo-croati. Il primo posto va dato ai nomi di luogo del Litorale illirico[9]: v. Jireček I 58 sgg. (Dalm. II 303 sgg.).

Dall' antichità classica sono tramandati: con A-Á *Lopud* ELAPHITES, *Norin* NARONA, *Plomin* FLANONA[10], *Solin* SALONA, *Trogir* TRAGURIUM. Invece con Á: *Brač* BRATTIA, *Hvar* PHARIA, *Lastovo* LADESTA[11], *Lovran -a* LAURIANA, *Trsat* TARSAT(ICA), *Zadar* JADER e *Jadar* ADRI(OPES)[12].

Da appellativi, oltre *Koščela* e *Košľun* 9, *Kostańe* e *Pogana* 9: *Mocira* MACERIES, *Omišaľ* (Castelmuschio: Jireček I 65) che mi sembra un riflesso di AD (cfr. 11) MŪSC-ULUM[13]; con A-Á: *Konavli* CANAL-, *Polače* PALATIA (*Morpolače* MAIOR P.), *Polanda* PALAMIS -ĬDA; con Á: *-at -ata* -ATUS -A (*Barbat* BARB-, *Brgat* VIRG-, *Krknata* CIRCINATA insula 6, *Kornat* CORONATA 6), -ATEM: *Captat* CIUIT-, *Japirko?* AFRICUS (cfr. Jagić, Vorl. Ber. d. Balkankomm. III 67), *Lapad* LAPIDES, *Mutogras* (29), *Pag* PAGUS. — Da nomi documentati in testi medioevali: *Molunat* 32, nel sec. XIII Maluntum (Jireček I 60), *Olip* Ἀλωήπ (ibi I 63); *Bošana*, sec. XI Bassan- (ibi 62 sg.), cioè da Bassius, *Jakľan* LICIN- (ibi 61). Altri nomi in *-an* da -IANUS al num. 40. Da -ANIS, *Kolane* Nicol- (Salvioni Ro. XXXV 207, Jireček II 31, III 19). Ancora,

---

9) Il nuovo *Repertorio comunale* del Regno di Dalmazia uscirà fra breve. È uscito invece il 'Repertorio comunale del Litorale austro-illirico', Vienna 1906, e comprende la Venezia Giulia (Friuli orientale ed Istria), di più il territorio sloveno del Carso goriziano e triestino e una parte (quella al Quarnero) del Litorale illirico. V. Dalm. I 122, 127, 175.

10) Cotesto *m*. che rimonta all' età d' Idrisî (cit. in Dalm. I 190), ricorda quello di Pflaum (PRUNUM): Meyer-Lübke ZRPh. XX 534; M. Niedermann, Contributions à la critique et à l'explication des gloses latines, AN. 1905, I 39 sg.; Johannes Hoops, Waldbäume u. Kulturpflanzen im germ. Altertum. Strasburgo 1905.

11) Proparossitono anche l' it. *Lágosta* (e le vicine *Lástva* -ica), come *Ótranto Táranto*, che, secondo il Kretschmer, conservano l'accento illirico.

12) *Jadar* è una cima del Velebit. Non lontano di là s' incontra nel sec. XVI un *Odria*: Jelić WMBH. VII 206.

13) Cfr. *Ortal'* 11, *Dutui* 21, *opil'* 12 e per *š* = SC.: *mašal'* (maschio).

nomi di santi: *Giman* Geminiano, *Sukošan* (Zara) S. Cassiano (e *-Koišan*, Jireček I 57), *Sveti Miho(v)il* S. Michaël (Jireček, Christl. Elem. 26 e 32). — *Lokrum* Lacroma 31, 4.

Nell' Albania: *Drač* da DYRRACHIUM.

4. Poi, oltre *japrik močira polača polanda*, dei quali il num. 3 dava altri allotropi, in parte diversi di luogo, si hanno: srb.-cr. (Dalm. II 251 sgg. 287 sgg.) *konistra* CANESTRA, *lopiž* (Murko II 115) LAPIDEUS 13, *mošun* MANSIONEM, *onukl-* ANNUCULUS, *oščela* ASTELLA, *romjenča* AERAM- (34), *soklin* SACC-; anche *koluma* e *ka-* CALYMMA (Schuchardt ZRPh. XXV 493): v. 21. A-Á: *gostara* GASTR-ARIA, *koporan* 34, *koptal*, *kosal*, *lokarda* LAC- 34; Á-A: *jastog* ASTACUS, con *g* non da -C- (2), ma da -G- (ASTAGO -INIS), come *sparog* ASPARAGUS. Con Á: *-at* -ATUS -M (*pikat* FIC-, *posat* FOSS-) e *-ata* (*ovrata* AUR-, *rosata* ROSI- 34, *ukl̃ata* OCUL-), *kostrat* CONSTRATUM, *brače* BRACI- (come in franc., di cui ora l' Horning ZRPh. XXX 455), *grašta* GASTRA (da ultimo Heraeus, Die Spr. d. Petronius 19), *kapsa*, *mašal̃* MASCULUS, *pal̃e* (semola) PALEA forse mescolata con un po' di FABALIA (cfr. Meyer-Lübke WS. XXV 99), *rakno* RACANA -INA.

Altri non hanno caratteri sicuri che ne distinguano l' origine illiro-romana dall' italiana: srb.-cr.-slov. *kopun* cappone, *praska*[14]) frasca, srb.-cr. *tovjelica* tavella; *konal* ca-, *spičar* (speziale -aro), *oblanta* 34, forse letterario. Così *oksit* (Dalm. II 296, forse da leggersi *osit*) assito, come *oksjenač* per *osjenač*. — *ogresta* AGREST- (Štrekelj ASPh. XIV 524).

5. La labializzazione dell' A atona è cosa slava, non dalmatica: il dalmatico restava fedele all' A atona e anzi l' amava anche fuor di luogo, mentre invece maltrattava l' Á: cfr. p. e. vegl. *fakasaite* FAC-ISS-ETIS, *rekañala* RACAN-ELLA ecc. di fronte a *pun* pane, *tuota* TATA ecc.; raguseo *fachir* = *fakir* -ERE, di fronte a *pen recna teta*. Perciò sono più precisamente dalmatiche (piuttosto che illiro-romane: cfr. 32), o 'influenzate' dal dalmatico, le varianti (cfr. 4) *lapiž*, *palata* e ancora: *-atur* -ATORIUM (*balatur* 40, *sal̃atur* SALI-), *galatina* GEL-, *karara* CARRARIA, *ka(n)trida* ecc. (Murko II 125) CATHEDRA, *plakir* -ERE, *skarambež* scarabaeus -αῖος (notevole il *b* di fronte all' italiano e italico *f*: AGIt. X 8, WS. XXIV 527); anche *narikla* νηριτ- NAR- (Dalm. II 432; aggiungi O. Keller: Lat. Volksetym. 57), per non dire di *kapula* CEP- e altri sim. (Schuchardt, Slawo-deutsches 58 sg.). Nè fanno meraviglia i nomi di luogo *Kanita* e *-ital* (Arbe) CANNETUM -A, *Kantrida* (distr. di Volosca), *Palit* PALUS -DEM, *Penatur* PINN-ATOR- (e tanto meno *Kanajt*, *Meskataur* degli Slavi di Veglia), perchè sono derivati da appellativi, dunque esposti all' influenza dei corrispondenti appellativi dalmatici *kanait*, *katraida*, **meskataur* 20 e **paloit*, **penataur* o sim.

6. All' uscita l' -A cade nei nomi di luogo d'origine preromana. Vale a dire: l' -A si conserva solo negli appellativi, compresi quelli divenuti nomi di luogo. — Ma cade nei nomi d' isole, forse perchè lo slavo *otok* (isola) è maschile. Analogamente si spiegano anche altri casi eslegi.

---

14) P. e. sull' isola di Cherso e nel Pinguentino, come mi avvertono i giovani slavisti Tentor e Ribarić. ASPh. XXVII 58.

Cominciamo coi nomi preromani di città. Primo, il nome stesso di ROMA: sl. eccl. e com. *Rim(ŭ)*. Poi, srb.-cr. *-in* -ONA 22, *Lovran* 3, *Seń* SENIA, *Skadar* SCODRA. Inoltre *Muo -l*, in docum. Mulla (Jireček I 59), *Spič* Spizza, *Scač Sal* Suacia (ib. 58). — Di isole: oltre i preromani *Brač*, *Hvar* ib., *Mlet* MELITA, *Mulat* Melata *Μελετά* (ib. 63), *Sulet* Solta, anche le formazioni romane: *Jaklan -iana* 3, *Kornat* 3, *Lokrum* Lacroma 31, *Paśman* Postimana. [E *Kopar* CAPRARIA 11]. Altri nomi d' isole hanno e avevano doppia forma (con -A e senza): *Cres* (ts-) CREPSA, ma it. Cherso (k-) dal sec. XII, *Rab* Arbe, nell' Evo Medio Arbum, *Zadar* JADER, ma -ERA dalla Tab. Peut. in poi, forma richiesta dalla venetissima *Za(d)ra* (Ascoli AGIt. III 463). — *Kanpor* CAMP·ORA: sl. *pol'e* (campo) è neutro. — *Surań* Surana (sorgente presso Cattaro): *izvor* (sorgente) maschile.

Coll' *-a* invece gli appellativi *Kośćela* 9, *Mocira* 3, *Nevaïa* 40, *Pogana* 3, *Polanda*. — Son invece preromani alcuni nomi di fiume; ed avranno *-a*, forse perchè lo slavo *rěka* (fiume) è feminile: *Bosna* 40, *Drina* DRINUS -A (Dalm. I § 108), *Kulpa* COLAP-IS, *Neretva* e *Raśa* ARSIA. Preromano anche il nome *Promina* PROMONA, più esattamente *Promina Planina* (Monte Promina), che dunque ci darebbe ragione dell' *-a*, di fronte all' *-in* -ONA dei nomi di città. — *Krknata* 3 è il nome d' uno scoglio (non di un' isola) ed è feminile l' equivalente srb.-cr. di 'scoglio': *markjenta*.

Ragioni fonetiche hanno *Budva* BUDUA, *Lastva* LADESTA 3 e *Aliče* ALET-IA 40, *Polače* PALATIA e anche *Duke* (forma più antica *Dukľa -e*) DOCLEA: per assimilazione alla palatale (*k̆ č*) e alla labiale (*u̯ v*).

La forma apocopata passa talora all' italiano (ven.) e viceversa: da *Prčań* (Perçana, Jireček I 59) origina l' it. Perzagno = *-tsaño*; viceversa da *Scarda*, il srb.-cr. *Škarda*, invece di **Skrad* 30.

volat a Canali equivale a 'volta, vece' (Zore, Dubrov. Tuď. 5) nel significato; nella forma, a 'vòlto' (32): forse promosso dal srb.-cr. *put* 'volta, vece' (masch.).

7. D' origine greco-romana saranno anzitutto i riflessi di PALATIUM *παλάτι* nello slavo vicino: bulg. *polati -at* (*Pulati* Polatum Jireček I 59), onde il plur., poi collettivo e singol., *polata* (eccl. bulg. serbo), e il derivato *polatna* (Murko I 328). Inoltre: eccl. e com. *rasa ῥάσον -α*, *Rusalije* (Pasqua di rose) *ῥουσάλια*.

Poi, oltre che nello sl. eccl. più o meno antico, negli altri linguaggi jugoslavi: srb.-cr.-slov. *dinar*[15] (ASPh. XIV 229) *δηνάριον*, bulg. *kapona* (bilancia) *καμπανά*, Schuchardt Rom. Etym. II 10, bulg. *mêsal* (Murko II 122 sg.) *μεσάλι*, bulg. *skomen* (eccl. *skom-ĭkŭ*) *σκαμνί*, srb.-cr. *sudar* 18. Anche: bulg. serbo *kuršari κουρσάριος*, *plosk(v)a φλασκά*.

Sono letterari eccl.: *-arĭ -άριος*, *kukumarĭ κουκουμ-* (Sainéan ZRPh. XXX 307), *make'arĭ μακελλ-*, *vistjarija βιστιάρια*. forse *pa(v)un* (bulg. serbo) *παβόνι*, *sapun* (ib.), ma slov. anche *sopun*. — Così *palat* (bulg.), *palata* (russo, boemo), accanto ai citati *pol-*. — *kata* (bulg. serbo) può essere *κατά καθ'*, ma anche CATA: cfr. Densusianu I § 77; e cfr. *kata-* della Bassa Italia: De Bartholomaeis AGIt. XV 336. E *doksat* 34. *Kostur(un)* ibi. *magul-*, *mağup-*.

---

15) Di qua l' *i* e in parte l' *a* del nostro *dinar(o)*: Meyer-Lübke It. Gramm. § 149 Carlo Battisti (La traduzione dialettale della Catinia di Sicco Polenton, ri... ...IX 19 XXI 165 Vidossich ZRPh. XXX 203.

8. Gli elementi germano-romani passarono nello slavo quando conservavano l' accento romano, cioè non l' avevano ancora ritratto sulla prima sillaba, germanamente. Sono, in massima parte, di patrimonio eccl. e com.: *ocĭtŭ*, got. akeit ACĒTUM, poi *kotĭlŭ osĭlŭ*, got. katils asilus, da CATILLUM o -ELLUM e ASELLUS (non -ĪNUM -ĬNUS), secondo la dichiarazione del Luft (ZDA. XLI 241 sg.), confermata dall' *o* sl. = A-́. — Coll' Á: eccl. e com. *-arĭ*, alto ted. ant. -āri -ARIUS. È molto produttivo nello slavo stesso, tanto più che vi preesisteva un suffisso indigeno della stessa forma: Meillet II 211, Vondrák I 391 sg. 431 sg., Korbut § 82, Murko II 32. Di funzione e d' origine romana sono: *olŭtarĭ*, alto ted. ant. altāri, -ARIUM (spagn. *otero* ecc. Ascoli AGIt. I 275), ma v. 32, *peharĭ*nikŭ Becher BECARIUM (Thesaurus II 1659). Inoltre una variante di *Lazorŭ : Lazarĭ*, attratta nell' ambito del suffisso *-arĭ*, secondo la spiegazione del Meillet MSL. XI 182. La quale incoraggia a dichiarar analogamente un altro caso: *cêsarĭ*. Anzitutto si osservi che sono analoghi anche per ciò che l' uno e l' altro sono nomi propri divenuti appellativi (cfr. *lazzarone* ecc.). Che poi il nome di *Cesare* fosse comunicato agli Slavi dai Germani, come si crede comunemente (ma ne dubita, pare, C. Jireček I 36), è opinione tutt' altro che fondata su ragioni fonetiche (non decide il *c*, la cui base *ḱ* si mantenne nel romano del Balcan molto più a lungo che non creda il Loewe: ZvglS. XXXIX 330 sg.; cfr. Dalm. I 313 e Densusianu BSFRBuc. II 44; e non decide l' ê che anzi fa difficoltà per il germanico: v. Loewe l. c. 315), ma tutt' al più su ragioni storiche o geografiche: CAESAR pare una caratteristica del germano-romano, di fronte al rom. com. IMPERATOR (rum. alb.-rom.) e -OREM (nel resto). Certo è che da -́AR(EM) ci aspetteremmo *-́*or*; invece *cêsárĭ* è sorto sopra una base (forse germ.-rom.) con -ÁRI(US). Nè è escluso, ma è poco probabile, che nella posizione sintattica protonica (*caèsar Constántius*) l' accento s' indebolisse e perdesse il posto originario: *caesàr C.* onde *cĭsárĭ* e *carĭ*.

Inoltre alle frontiere di Germania: slov.-cr., boemo-pol. e russo (eccl.) *pavŭ* Pfau. — E, in gran parte, *komin komnata* (camino -ata), studiati dal Murko II 16 ecc. *opat*, *oplatŭ* 34.

9. Gli elementi romani dello slavo che per ora non ci permettono di precisare da qual idioma romano sieno originati, sono molto diffusi nei linguaggi romanzi e slavi. I più di tali elementi slavo-romani sono dello slavo eccl. e com.: *kostelŭ* CASTELLUM [16], *poganŭ* PAG- [17]; con -́A

16) Questa, come anche altre voci di questo numero, sarà giunta agli Slavi per vie diverse e in diversi tempi: Jireček I 37; e del significato di 'chiesa', Kretschmer ASPh. XXVIII 159, Harder ZVglS. XL 424. — Molto studio richiede-

kùmotrŭ COMPĂTER (cfr. 40); con A-Á forse *korab(l)ĭ -la* CARAB- ULUS -A; con Á, *kadŭ* (Murko II 111) CADUS, *sak* SACCUS, *skala* SC-, *žak(an)* DIAC(ONUS) (cfr. 14 e Štrekelj Lehnw. 75). — *ocêlŭ* 34, *konopľa* 40, *krĭstijanŭ* 22, 2.

Meno diffuso nel territorio romanzo è CALENDAE, onde eccl. e com. *kolęda*. Invece men diffuso nello slavo: *krata gr-* (srb.-cr. russo, pol.?) CRATES -A, *baňa* 11 MSL. XI 179, IF. XVI 158.

Ancora, dalla toponomastica del bacino inferiore del Danubio: bulg. *Korel* CABYLAE, *Osem* ASEMUS, *Timok* TIMĂCUS.

10. Dalle Venezie e più precisamente dalle Venezie Tridentina e Giulia 3 pervennero allo slavo ecclesiastico e comune: *kalež* (calice), *papež* papa+'pontef,ice, secondo la seducente ipotesi del Meillet I 185, *pogača* (focaccia). Qui, come in tutta la restante zona pireneo-alpina (2, si ha -C- in *g* e in ſ (*s* sonoro di *Rosa -ina*, franc. ted. *Rose -ine*), onde poi *ž* (sl. *Ruža -ica*); di più Schuchardt e Jireček citati in Dalm. I 261 sg. Nel veneto, almeno in quello di Venezia (veneziano), ancora vivacchia, accanto ai letterari *kálize* (= *-tse*) *-se* e *-če*, un popolare *káliſe* e *-eſe*. E ci vive il letterario *pontéfize* (*-se -če*) col popolare *papa*; ma può aver regnato anche un altro antipapa: **pontéfiſe*, perchè *-iſe -eſe* è frequente, anche in voci dottrinali (v. Salvioni, Postille 256). La *fogaza* veneta gustava tanto agli Slavi che la sbocconcellarono a varie genti del Balcan (neogr. alb. rum. mag.) e forse anche ai Tedeschi (alto ted. medio *pogaz*). Certo è che l' eccl. e com. *pogača* è uno dei più antichi elementi veneti dello slavo, come si vede dalla sua diffusione e forse dal *č*. Cfr. Štrekelj Lehnw. 7.

Lo strano *poroda* (ovile, Terra promessa) di testi eccl. sarà un riflesso di *paradis*, ladino orientale e centrale e ted., meglio che -(ε)ίσι(ον).

11. Dei nomi di luogo neolatini della Venezia Giulia alcuni pochi hanno qualche somiglianza coi dalmatici, mentre gli altri tutti sono decisamente veneti, ladini (Friuli orientale, fino a Muggia) e istriani (Rovigno e Dignano). Qui importano molto appunto quei pochi.

1. Nell' Istria anzitutto *Kopar -ŕ* e *Poreč*. Son nomi d' origine romana (CAPR- e Colonia Iulia PARENTIUM *Parenzo*), sebbene usati dai vicini Slavi. Veramente non in Istria, ma in Dalmazia, p. e. di fianco al *Copara* che ora vedremo o sull' isola di BRATTIA *Brač*, cotesti *Kopar* e *Poreč* si sentirebbero a casa loro, trovandovi affini e parenti di gran lunga più numerosi che in Istria. Eppure *Kopar* e *Poreč* non sono già venuti di Dalmazia! Non sono già utensili rurali importati dai contadini slavi, che con armi e bagaglio, fuggiaschi ospitati e coloni chiamati, dalla fine dell' Evo Medio al principio del secolo XVIII, vennero nell' Istria pianigiana, nelle Marche e nel Molíse, specialmente dalla Dalmazia (Dalm.

rebbero i vari continuatori di CASTANEA -EN-: v. Šulek 506, Nemanić I 402; Schuchardt Slawo-deutsches 48, Štrekelj Morphol. 404.

17 Meillet I 185. PAGANA 3 è frequente nella toponomastica dell' Alta Italia cominciando p. e. dal *Monte Paganella* di Trento, col significato di 'casa stregata' e sinn., di cui il Salvioni più volte: *BSSI*. XV 1893, XX 1898.

II 435). Non di questi Slavi si tratta nel caso nostro, ma di quelli che molto prima, dal principio del sec. VII d. Cr. e più con armi che con bagaglio, facevano loro scorrerie al di qua delle Alpi nell' Istria montana, e vi si stabilirono intorno il mille, secondo appare dalla onomastica[18]. Certo è che almeno *Kopar*, sebbene sia documentato appunto dalla fine dell' Evo Medio (v. Rječnik s. v.) e non prima, è ben più antico, come dice la sorda conservata in PR (Dalm. I 300). E *Poreč* stesso ha nel *č* e nell' *en*, fatto orale da bocca serbo-croata (cfr. lo slov. *Soča* da ISONTIUS), un blasone di bella antichità, sebbene non datata.

Ma come mai *Kopar* da CAPR-? È un caso eslege con *o* da á? No. In un documento di Traù, edito dal Lucio (1333), si legge «scopulus *Caurera* et sclauonice *Copara*». Lo Jireček I 62 ebbe ragione di non emendare *Copara* in *Copr-* (Dalm. II 277): uno dei due R cadde per dissimilazione. Oltre i molti esempi, identici e analoghi, raccolti e commentati dal Grammont,[19] vi hanno anche esempi slavi (Vondrák I 318; e del sancrito: Uhlenbeck BGDSL. XIX 331): *gostara* GASTR-ARIA, *Chabrouo* (Charbrow) ecc. v. 40. Ora fra i nomi medioevali di Capodistria[20] si trova *Capris* e *Capraria*, sorella a *Capraia*, all' isola di Garibaldi, a *Ćavrer* (C-) del Tagliamento ecc. Sull' apocope di -A v. 6.

Da 'Bagnoli' (dimin. di BANI- WS. XXV 65!), forma ben documentata nella toponomastica dell' Istria (Trieste e Monte Maggiore: v. De Franceschi, AMSIASP. XIV 337) e anche della Dalmazia (Jireček I 64), si ha, nell' Istria, srb.-cr. e ven. *Boľun* (-*čica*, slov. *Boľunec*); la metatesi delle due liquide (*ń-l* in *l-ń* e *ľ-n*) avrà la sua ragione nello maggior frequenza del suffisso -*un* di confronto a -*ul* (24). *A Portole* (3), che dà nei dialetti delle vicine colonie (sloveneggianti, secondo il Rešetar ASPh. XIII 169 sg.) *Oprtaľ* 31, e con Á *Bal* (Valle) e altri difficilmente si posson distinguere da nomi recenti, romanzi. Sarà antico il continuatore di NESACTIUM. Nell' Evo Medio si aveva *Isaccio* o sim., nato da IN NESACTIO, onde *in *Esactio* (cfr. p. e. NUMANA oggi *Umana*). Il quale IN tradotto nella lingua dei nuovi venuti, dava *u v*: *Vižace* Visazze, come *Vis* da ISSA (v. Dalm. I § 156; l' Haury corregge il λυσία di Procopio in Λυσίνη BZ. XV 295); cfr. Sticotti AMSIASP. XVIII 126.

2. Anche nel Friuli vi hanno alcuni riflessi slavi (sloveni e slov.-cr.) di nomi geografici romanzi (friulani e veneti): *Čabdad* (Jireček I 60), *Čŭwdàt Čidàt Čidàt* (Baudouin II 291 864 788 935) Cividale, friul. e ven. Zividal (ts-) e S- e -ad, *Kobarid* 34, 2, Caporetto, friul. Ćavored [e *Oglej* AQUILEJA, anche friul. con *o*: -olée, Bondolée, oltre il letterario Aquileje; v. 12]. — In tutti e tre dunque, la sonora interna: -*b*- -*d*- e -*g*-, di fonte a -*t*- e -*p*- di *Captat Kopar(a)* ecc.: Dalm. I 261, II 362, 449.

Ancora *Kostańevica* 40 e Polazzo (-*so*), che oggi è usato dagl' Italiani: Polazzo e Re di Puglia, due borgate gemelle del Friuli orientale (giuliano).

---

18) V. specialmente Benussi AMSIASP. IX 192.

19) La dissimilation consonant. dans les langues indo-europ. et . . . romanes (Digione 1895) p. 97.

20) Da ultimo Pasdera PI. 1906 (IV 217).

12. Anche alcuni appellativi d' origine veneta e friulana dànno *o* per ā atona.

1. Parecchi sono parecchio diffusi: srb.-cr. slov. *golida* GALLETA (istr. *galida* ecc. Pușcariu I 697) Štrekelj Lehnw. 20, Murko II 111, *goľuf golufańe* 'gaglioffo' (G. Meyer Neugr. Stud. IV 21), *modras -ak* MATAR- (ven. *madraso* ecc.: Nigra ZRPh. XXVIII 644, Vidossich ib. XXX 205) Štrekelj ib. 39, *poliska* e *pa-* fall(AV)ISCA (Schuchardt ZRPh. XXVIII 142 sg. 738 sg. Horning ib. XXX 75) Štrekelj ib. 45, *stomańa* STAM-INEUS (ven. *-eńa* ecc.) Štrekelj ASPh. XIV 542, *torirna* (tav-) XXVIII 532, p. e. a Lombarda (Kušar 15), *-erna* negli Statuti di Castua e Verbenico.

A *korizma* 'quaresima' (Štrekelj Lehnw. 33) e *okowita* (pol.; 'acquavite' si può dare un posto a parte, per la vicinanza di labiale (qu-), come era il caso di *Oglej* 11. Si aggiunga ancora il prenome *Bošćan -štj-* Bastiano (Štrekelj Morphol. 398, Nemanić II. Fortsetz. 210). E *Poľud polud* ASPh. XIX 285.

2. Altri esempi sono, come pare, meno diffusi. Dallo sloveno ci dà il Baudouin I: *kopac* 115 (capace), *korjola* 879 (carr-), *mogari* 716, 785 (ma-), *moladiwat* 413 (maledire), *orancat* 404 817 (av-), *solata* 108 (sa-), *tobar* 116. Štrekelj Morphol.: *bodiľ* 24 (badile), *wobril* 27 (aprile, avr-: v. Merlo, I nomi rom. d. stag. e d. mesi 170 sg.), *wodvent* 82 (avvento, adv-, che si sente talora nel Friuli), *tokwin* 26 (taccuino). Anche *koľada* (cagliata -da) Štrekelj ASPh. XII 458, *kondrïega* (ca(d)rega: Pieri SRSFR. IV 171) Murko II 125, *koštrun* e *ka-* (castrone, bav. *kastraun*). — Nel srb.-cr., Rad XX: *skoplar* (scapolare), *stodira* (*statera* in testi serbi, letterario; dallo Stat. di Verbenico: *pagotin* (bagattino: Schuchardt ZVglS. XXI 450).

In na-*opik* (a picco, Štrekelj Lehnw. 41), *ovizati* (avv-: *u-* Baudouin I 409, cr. *orokat* (Kušar Lomb. 15 ecc.), l' *o* potrebbe esser promossa dal pref. *o-*.

13. Più numerosi e recenti sono i riflessi serbo-croati e sloveni con *a* da ā (anche atona) veneta e friulana. Si confronti anzitutto il cr. *laveć* (p. e. a Pisin vecchio) e *larec* (ts-) col srb.-cr. *lopiž* 4: quelli dal veneto (*laveżo* neogr. λαβέτζι, questo dal dalmatico (Dalm. II 430: cfr. Pieri SRSFR. IV 180). E *kaž- kos-*, *mak- Moc-* Dalm. I 261 sg.

Poi. p. e. nel. cr. d'Arbe: *agun* Rad CXVIII 18, *fameja* 18, *gradele* 20, *pajol* 23, *parećat* 25 (*parić* Schuchardt Slawo-deutsches 76), *radić* 19, *saliž* 20 (Štrekelj Lehnw. 57). — Štrekelj ASPh. XIV 515 sgg.: *bacel*ati *bastaž madrun*. Lehnw. s. vv.: *baraba čakol*iti ecc. ecc. ecc. — *kanarac* Murko II 115 121 Dalm. I 267; anche pol.).

E, s' intende, anche á. Basti un solo campione fra centinaia: ven. *-ada* (-ata), p. e. Štrekelj Morphol. 434—438, *jentrada kontr. kortal. pan. par. žrn.* e *koľada* 12; Rad CXVIII 18. 20. 22: *intr. kuntr. kuń.* e *-ado*, anche da tema slavo: ib. 26 *puškada*, *sikir*. *sten*., *mokritad* ecc.

Elementi greci.

14. Sono quasi «tutti una sola famiglia», quasi tutta spirituale: eccl. e com. *popu* e la sua compagna *popadija* παπᾶς (ZVglS. XLI 160 *-αδιά* (Štrekelj Lehnw. 48), i loro amici *anügelu*[21] e *dijakü* (cfr. 19), e il lor nemico *sotona* σατανᾶς. Ma siedono a mensa, *trapeza*, che non è eucaristica (Murko II 121 sg.), anzi sta in *komara* καμάρα, *kumora* -ĂRA 33.

21 V. intanto Dalm. I 266, ma specialmente Ásbóth: Nèskolьko . . . [Alcune osservazioni sull' opera di V. Jagić: Zur Entstehungsgeschichte d. kirchenslav. Sprache], *Izvěstija* dell' Accad. delle scienze. Pietroburgo 1903. Sezione d. lingua e letter. russa. Vol. VII

Poi nella penisola greca o greco-ortodossa e nella correligionaria Russia: eccl. *gramota* (russo e anche pol.) γράμματα (Meillet MSL. XI 182), *koliba* (bulg. srb.-cr. slov. russo mer. pol.) καλύβη (v. nota 4), *kositerŭ* (srb.-cr. slov.) κασσίτερος, *krovatĭ* (russo) κραβάτιον; con ά, eccl. *diavolŭ* (bulg. srb.-cr. russo), *drakunŭ* (serbo) δράκων, *kamila* (bulg. srb.-cr.) κάμηλ -ος, *komat* (ib.) κομμάτιον, *pras* (serbo, bulg. russo) πράσον, *tiganŭ* (ib.) τηγάνι. — Di *molotrŭ* v. 26, *monostyrĭ* (*-ast-* Meillet II 507) 34 [22].

Nell' Illirio: *kolomat* καλαμωτή? *komarda* καμάρδα 40, *komostra* κρεμάστρα (33)[23]; e forse *kološ ka-*, se è καλός (Rešetar ASPh. XXVII 608).

Nella Macedonia, la sua capitale: *Solun* Θεσ]σαλον[ίκη, nell' Evo Medio lat. Salona -icco.

In testi antichi russi, bulg. e serbi: *katrŭga* κάτεργον, *kotopanŭ* κατέπανος κατά-? Nella Cronaca di Nestore: *Oleksandrŭ* (pol. *Oleś*), *Spolin* (Brückner ASPh. XI 139) ed altri che dà il Miklosich Gramm. I² 71. — *Lazorŭ* 8.

Eccl. letterari, con *a* anche da α atono: *anatema* (bulg. russo) *kalugerĭ* (serbo, bulg. russo) ma in Dalm. *koludr-*, *psalŭtyrĭ* 32; *charĭ* (ib.), *hilijada* (serbo, bulg.). Anche *migdalŭ* (pol.), *pagur* (bulg. pol.) παγοῦρι.

Elementi germanici.

15. Da ă atona, anzitutto ga-: eccl. e com. *go*tovŭ 34 dal gotico gatávjan (ne dubitan il Berneker, G. Meyer e altri: Peisker 279); poi *ovošti* Ob(a)st, *sąbota* Sam(ba)stag (v. G. Meyer IF. IV 326 sg.). Con á: *arądije* e *or-* nord. ant. ârundi, *pany* Pfanne, *va*liti e *var*ovati got. (af)walwjan e warjan.

Altri, solo alle frontiere di Germania: eccl. *gorazdŭ* (russo, boemo, ma v. ancora Kretschmer ASPh. XXVII 233) got. ga- e razda (?). Con á: *malŭ*žena (boemo, pol., russo occid.) Ge]mahl-, *navĭ* (russo, boemo), got. naus (ma v. Zupitza Guttur. 76, O. Hoffmann BB. XXV 107 sg.). — Non trovo nello sl. eccl.: boemo, pol. russo *gomon*iti *h-* v. 33, *ubor* ecc. Eimer -ar. Con á: *rada* Rath, *valŭ* Wall, *vaga* Wage; quest' ultimo è anche slov. Eccl. slov. *char*ati alto ted. ant. harjōn.

Solo eccl.: *gones*ti got. ganísan, *gon*êti got. ganáh (Uhlenbeck ASPh. XV 487); *chlast*ati alto ted. ant. hlast-.

Di *postiti* ed altri v. 34 sg.

Non sarebbero germanici *chabiti* e *chapiti*, secondo lo Štrekelj ASPh. XXVII 43 sg. 68. Nè forse *štapŭ* Stab (v. Zupitza Guttur. 152), ma si invece *stapĭ* (staffa), del serbo antico: XXVIII 500.

---

22) Invece *molstir* (Dalm. II 253, 295) partirà da mon(i)st-, con dissimilazione delle due nasali in *m-l* (esempi un po' diversi dà il Solmsen ZVglS. XXXVII 590), e così andrà spiegato il franc. *moutier*: *molst-*?

23) Di *crémaillère* e sim.: Horning ZRPh. XXI 453, Thomas Ro. XXVII 161.

Il riflesso dell' á bavaro-austriaca nell' *o* slov.-cr. importa meno, nel caso nostro, e va studiato da slavisti e germanisti. Basti qui un pajo di esempi, in semplice ordine alfabetico: *krof* Krapfen (p. e. Štrekelj Morphol. 16), *lojtre* Leiter, e invece *mojster* Meister, *molor molovati* Maler malen, *olba* Halbe (Murko II 112), *šilbok* Schildwache. Maretić § 86. Nè manca quest' *o* nel Nord: v. p. e. Korbut § 25

Riflessi di ŭ ŏ.

16. Sul nome di *Roma*, della *Croce* e dei *Giudei* nello slavo meditarono parecchi studiosi; da ultimo e a più riprese il Meillet (I 182 e MSL. XI 178 sgg.) e il Vondrák (I 28 sg., aksl. Gr. specialmente 368 sg.). A più riprese, ma sempre più di passata che di proposito, onde le loro conclusioni non volevano esser definitive. Ed erano essenzialmente queste: RŌMA CRVX JVDÆUS, onde **Rūma* **Krūže* **Žūd-* divennero, nello slavo ecclesiastico, **Rymu* **Kryžĭ* **Žyd-* e, per un effetto assimilativo della palatale e di r, *Rimŭ Križĭ Žid-*.

Analogamente i due studiosi ed altri spiegherebbero anche altri riflessi.

Nelle pagine che seguono si vuol radunare un maggior numero d' esempi, specialmente d' origine romana e del serbo-croato. E si arriverà alla conclusione che l' *i* sl. eccl. da ŭ e ō non passò probabilmente mai per una fase *y* sl. eccl. Certo è che cotest' *y* non fu mai scritta. *Jakyn* che dà il Vondrák ll. cc. non è sl. eccl.: Monum. serb. 1485.

Elementi romani e romanzi.

17. Qui gli esempi vanno raggruppati, meglio che secondo la varia origine locale (illiro-rom. ecc.), secondo la qualità e la quantità nel latino, distinguendosi cioè:

le due chiuse: ụ = ū, ọ = ō ŭ, ed ў ŏ greche latinizzate[24]).

e l' unica aperta: ǫ = ŏ.

Nei vari casi lo slavo ci darà qui vari riflessi in *u*, *y*, *i*, ma quest' ordine non è cronologico: *y* non è la fase intermedia fra *u* e *i* sl. eccl. Anzi nei riflessi da ụ dovremmo dare il primo posto al riflesso in *i*, perchè questo è il più importante per le ragioni che vedremo. Tuttavia seguiremo lo stesso ordine che per i riflessi da ọ, perchè quest' ordine conseguente serve al confronto e alle ulteriori ricerche.

La distinzione fra tonica e atona e fra sillaba libera e in posizione non è qui necessaria, ad eccezione di un caso (24).

---

24) Meyer-Lübke I § 17, It. Gramm. § 65; Claussen NJKA XV 412 s. 117

Da ụ = ū:

18. In *U*, negli elementi greco-romani, e nei veneti e friulani.

I greco-romani ci dànno uno o due esempi per l' ū tonica: eccl. *klisura* (diffuso nel Balcan e nella vicina Italia)[25] da κλεισοῦρα = κλείω + CLAUSŪRA: Meyer-Lübke, Simon Port. 159, bulg. russo pol. *mul-* (mulo) forse da μοῦλος -αρι. — Per l' ū atona: eccl. srb.-cr. *sudar* σουδάριον, nel significato di 'fazzoletto', come il vegl. *sedar-úl.*

È recente invece, sebbene diffuso (Jireček I 36, Rad CXVIII 23 ecc. ecc.), *fortuna*: recente perchè conserva non solo *f-* (cfr. *pikat* ecc.) ma anche *ort* (31). È termine marineresco italiano (veneto ecc.). V. ancora p. e. Štrekelj Lehnw.: *bruškva škura* e altri, *škud* a Ragusa ecc. — Da *u* atona, p. e. Štrekelj ASPh. XIV 518 sg.: *durelac, kuńati* (non ben sicuro), *uminal* e altri.

19. In *Y*, negli elementi germano-romani. Ma qui (cfr. invece 27) avremo esempi molto incerti: eccl. e com. *myto* Mauth e forse *byvolŭ* Büffel, che alcuni ripetono da MŪTARE e BŪBALUS BŬF-? (Thesaurus II 2219, dove *bifolu* è error di stampa, per *bufalo*). V. Schrader Reallex. 691.

20. In *I* solo dall' ü illiro-romano. Ma v. 22, 2.

Nello sl. eccl. solo *locika* LACTŪCA e *Žid*inŭ -ovinŭ JUDÆUS[26].

Invece nel srb.-cr. parecchi esempi, di cui qualcuno è anche sloveno. Anzitutto nella toponomastica del litorale d' ILLYRIUM -URIUM, i riflessi degli omoteleuti TELURIUM e TRAGURIUM *Tril* (e *Tijar*-ica) *Trogir*. Poi, d' origine romana, *Mika* MŪC-ULA[27]), *Omišal* AD MŪSCULUM 3, *Palit* PALŪDEM e Na*mir*ju Za*mir*je -MŪRUM (Jireček I 81, Murko II 109 sg.). — Di questi appellativi sopravvive solo l'ultimo: srb.-cr. e slov. *mir*, *mir*je e *mir*išće (muro, moriccia) Murko l. c. E ancora il srb.-cr. *žežin* e *žežin*ati JEJŪNIUM -ARE.

25) Jireček I 37, Dalm. II 431, Battisti AT. XX 187. — Un altro esempio greco-romano di ου da ū è τσικούρι -ούρα *securis*, ed importa che -ουρα è produttivo: ἀνεμοῦρα ecc.: G. Meyer Neugr. Stud. III 77. — Cfr. anche μούκουρα qui avanti 20 n.

26) A. L. Pogodin: *Iz istorii* ... [Dalla storia delle migrazioni slave], Pietroburgo 1901, p. 99.

27) Da uno studio, documentato e acuto, di Vitaliano Brunelli, nel giornale *Il Dalmata* d. 9 giugno 1906, s' impara non solo che questo nome (*Mucla*, ven. *Mugla*, oggi it. *Punta Mica* = -ka, sl. Oštri rat) ricorre in vari documenti della Dalmazia (Cherso 1283, Arbe 1334, Zara 1205, Spalato 1080), ma che talora ha la funzione di appellativo, col significato probabilissimo di 'palude' o 'maremma'. Si confronti ora: μούκουρα τὰ ἐπὶ τῆς παραλίας συσσωρευόμενα φύκια, cit. da G. Meyer Neugr. Stud. III 45. La forma MŪC-ULA (neutra o forse associata a PALUS od ORA e sim.) può esser la base anche del nostro *Muggia* (lad. *Mugla*, ven. *Muja*). Ma sui difficili e molteplici riflessi di MŪC-US e sim. si vedano gli studi iniziati dal Pușcariu JBRSL. XI 107 sgg. Il quale vi considera anche l' appenn.-balc. *moccecare* (morsicare): v. qui *Meskatayr* 5, nome di uno scoglio, come a dire 'morsic-atore'.

Anche qui, bando agli scrupoli (Dalm. II 338): l' *i* del nostro *desinare* non deve restarci a gola, per due ragioni. Prima, perchè non è ben sicuro che *desinare* e *digiunare* siano, come ci conforta a credere Madama Fonetica, una stessa cosa. Poi, si osservi che *desinare* è straniero a tutta la zona appennino-balcanica, compresa anche la Sardegna[28]: it. (centr. e mer.) *pranżo -are*, sardo *pranżu* *-dere*, vegl. *prinz prandár*, rum. *prînz -i(re)*. Ora, come p. e. in *fisima* da 'sofisma' (Schuchardt ZRPh. XXI 130) e in tante parole letterarie e straniere, cotesto *ſm* e sim., perchè di sapore poco italiano, sono corretti coll' *i* epentetica, così *desinare*, ch' è solo letteraria imbandigione, non sarà altro che un *diſna(r) -e(r)*, di cucina allobroga, condito all' italiana.

Oscuri invece i nomi di luogo *Žirje*, dal sec. XI it. Zuri; e, fuori dei confini d' Illirio (ma molto vicini), *Lipľan* ULPIANA, *Miľe* Muggia, *Widen -an Jid-* Udine (Baudouin II 43 sg. 252, 291), *Vid* UTUS.

Da ǫ = ō ŭ:

21. In *U*, negli elementi romani — illiro-rom., greco-rom. e forse germ.-rom. — e in parte negli elementi romanzi.

1. Dall' illiro-romano, molti riflessi serbo-croati (Dalm. II 251 sgg. 287 sgg.).

Da ō: *-ur* -ŌRIUM (*prsura* 34, *Penatur* PINN-AT- D' Ovidio ZRPh. XXVIII 542 sg., *balatur* 40, *krpatur* COOPERT-, *saľatur* SALI-AT-), *-un* -ŌNEM (*salbun* SABL- 30), e *Lun* Punta Loni (Jireček I 64) forse P. LEŌNIS; v. ancora 39. Poi *bukva* box vulgaris BŌCA Thesaurus II 2057, *neput nepuća* NEPŌTEM -ŌTIA (cfr. 23). Anche *kuda* CŌDA (da ultimo: Ro. XXVII 190, GG². I 465). — Da ō atona nessun esempio sicuro.

Probabilmente, sebbene non si possa precisare la quantità dell' o, *Duke* DOCLEA, *Gurk* CORACA, *Ku(l)pa* COLAPIS, *Medun* MEDEON 39, tutti alle frontiere (nord e sud) d' Illirio.

Da ŭ: *buka* -CCA, *kapula* CEPULLA, *murka* A-, *onukl-* 4, *puć* PUTEUS, *surg*ati. Anche *anguľa* ANGUILLA GG². I 468. — Da ŭ atona: *lukijerna* LUC- (Murko II 110).

Meno sicuri *guta* e *gućula*, termini medicali; *bulikan* BŬLL-IC- (cfr. Štrekelj ASPh. XIV 518), *duplir* (cfr. 40).

Da ў (v. 17): *koluma* e *ka-* (caloma) 4, *tun* (tonno) THYNNUS. E anche *Lopud* *ELAPHYTES (Lapoda ecc. Jireček I 61).

Da o micron (v. 17): *fuka* PHOCA, *kulaf* COLPUS, poco sicuri, in quanto possono esser d' origine italiana: fǫca, gǫlfo e c-.

Ma quest' ultimo, *kulaf*, è proprio di Ragusa, di quella Ragusa che molto poteva sull' Adria, anche quando cotesto *Colfo* era in massima parte mare nostro, cioè *Colfo de Venezia*.

---

28) Si veda soprattutto la Raccolta Zuccagni-Orlandini (Racc. di dial. it., Torino 864): *pranzo -are* comprende il continente subappenninico (249 sgg.) e l' Italia insulare (Sicilia 408 sgg. [illegible] sgg. [illegible] le Sardegna 434 sgg.) Oltr' Appennino [illegible] 24 sgg.

2. D' origine greco-romana saranno qui forse: *pa(v)un pepun* (bulg.-serbo) πεπώνι Pușcariu I 1298; *kukumarĭ* 7, *pul*'ka (ibi) πουλ- Pușc. I 1395.

3. Germano-rom.: *cebula* (alla frontiera: nord e slov.) Zwiebel -ole: cfr. invece *kapula* 1.

4. Slavo-rom. (cfr. 9): *koruna* (eccl. srb.-cr. russo mer. e forse boemo) -ŌNA; *tuňa* (srb.cr. slov.: v. anche Subak ZRPh. XXX 88) COTONIA; eccl. e com. *guňa* GUNNA, *rusŭ* (giallo) -SSUS? eccl. srb.-cr. russo *sumpor* SULPHUR? — Di *moruna* v. 34.

Anche *Tul*ovsko, l' antica TYLE (Jireček SB. dell' Accad. scient. di Praga 1876). — Altri esempi di nomi propri, tra i quali *Rum*isk- ROM-ρωμ-, sono raccolti dal Sobolevskij 27. *(O)ptuj* POETOVIO ASPh. XXI 203.

5. Anche l' ọ romanza e più precisamente l' o media ch' è frequente nella Venezia Giulia (v. Vidossich, Studi sul dial. triest. § 4) e domina assoluta nelle città del Litorale illirico (BRPh. 290 sg.), dà *u* in numerosi riflessi serbo-croati e sloveni: v. Maretić § 97, Štrekelj Lehnw. 26, Zgrablić § 4, Dalm. I § 152, II § 298. Ma sono molto meno numerosi che non paiano. La stragrande maggioranza è costituita dalle formazioni in *-un* -one e *-ur* -ore -or(i)o. Ora molti -ONEM -OREM -ORIUM eran passati nello slavo merid. da altre fonti (illiro-rom., greco-rom.), più antiche della infiltrazione ital. (ven.) e ladina (friul.), ond' è che gli antichi *pepun balatur* ecc. possono aver attratto p. e. i ven. *sčopón kar(i)gadór*, onde cr. *ščapun* Štrekelj, Lehnw. 61), *Kargadur* (a Ponte di Veglia; ven. di Veglia *Kargadór*) e altri. Due esempi notevoli sono: bulg. srb.-cr. slov. *račun* RATIONEM (conto) e srb.-cr. *stačun*, slov. *štacun(a)* stazzone 'bottega' ecc., come in gran parte d' Italia (fino in Corsica: Dalm. II 459; aggiungi ASPh. XIV 545 sg. XXIV 588); termini commerciali per eccellenza, importati nel Balcan dal commercio medioevale italiano. Che non siano più antichi, si deduce forse dall' A- conservata. (O non fu labializzata per assimilazione al *č* seguente?)

Qui si noti ancora un' altra *u* seriore da *o*, ch' è veramente *o* slava, e però andrebbe lasciata agli slavisti. In alcuni dialetti slov.-cr. (v. p. e. Zgrablić l. c.) si ha *lupiž* (p. e. sull' isola di Veglia) da *lopiž* LA- 4, così *kunestra* 4 (Arbe: Rad CXVIII 22), *kumen* (Murko II 16).

22. In *I*, solo dall' ŏ (ed ŭ v. 2) che certo aveva l' illiro-romano e forse anche il reto-romano orientale: abruzz. *ö e*, pugl. *ue*, friul. *(u)e (u)i* e specialmente albanese e albano-rom. *e*. V. Dalm. I 279. E qui 39.

1. Gli esempi si riducono tutti al tipo RŎMA sl. *Rim* e si trovano oltre che nel Litorale illirico anche nella vicina Venezia. Partiamo da Bergogna (Friuli orientale), Cormons (-ona, nell' Evo Medio), Gemona, friul. odierno e ven. *Bergoňa*, *Kormọns*, ven. *Ǵemọna*, friul. *Glemone*: slov. *Brgin* e *Bargin -nci* ecc. (Baudouin II 71 73), *Kṛmin* (II 25 e 57), *Gumin Г-* (II 291). Nell' Istria montana troveremo poi le microscopiche

Roma cr.-slov. *Rim* e *Verona*[28a]), senza riflesso slavo. Invece da *Montona*, istr. **ouna*, si ha cr.-slov. *Motovun*, che dunque non ha fisionomia illiro-romana. Ma appressiamoci ai confini fra l' Illirio e la Venezia. Prima Gimino (che nel veneto del luogo è *jimín* e *ǵ-*; nel cr., *žmiń*) si affaccia, ma solo fra il lusco e il brusco, perchè non giurerei che sia *Gemona. Poi, in luce meridiana, FLANONA ven. *Fianona* e *Fija-*, cr. *Plomin*, ALBONA *-ona Labin*, ambedue 'presso del Quarnaro'. — Varchiamolo. E ci appariranno fra i 'romani ruderi' di tre grandi città le borgate di *Nin* AENONA, *Skradin* SCARDONA, *Solin* SALONA. Ma queste rovine parlano ancora alla memoria degl' Italiani: ven. *Nona Skardona Salona*, con s veneto (Dalm. I 262). Invece sono muti per noi e parlano agli Slavi il Monte *Promina* (6) PROMONA, poi un' altra *Labin*, dimentica questa dell' antico nome (Albona nel sec. XI e XV, Labena nel XII: Jireček I 62, Dalm. I 279), e la Torre di *Norin* (Kula Norinska), che s' erge non lontana dal *Norin*, affluente della *Narenta*, srb.-cr. *Neretva*, dominando le rovine di NARONA. Infine a sud del Litorale illirico, ma non lontana dal suo confine: APOLLONIA *Polina*[29]).

Le vie commerciali di Ragusa, Zara e Segna, nell' Evo Medio, ci conducono ancora ad ANCONA: srb.-cr. *Jakin* (16).

E tutte le vie conducono a RŌMA e da tutte le terre slave: eccl. e com. *Rim(ŭ)*.

Di due altri, *Diklo*, nel sec. X Duculo 918, Yculus 940 sg. (Jireček I 63) che ci ricorda le colline *Dikle* di Ragusa e ci avvicina così a DOCLEA (21), geograficamente, e *Vir*, nel sec. XI Ueru (Jireček I 64), nel XIV e XV Pontadora Ure Ura (ibi 63), it. *Pontadura*, non so dir altro che: 'il senso lor m' è duro'.

Altrettanto, del rapporto fonetico tra *Florentin* e FLORENTIANA, *Plovdin* e PHILIPPOPOLIS (Jireček ASPh. XVI 594 sgg.), *Vidin* e BONONIA: tutte e tre nel bacino inferiore del Danubio. — Più lontano ancora ci porta *Kolin* (di Boemia): «piuttosto del tedesco *Köln*, con diverse forme nei dialetti, che del latino *Colonia*», a quanto mi scrive C. Jireček.

Qualche parola friulana con *ui* da ọ passò nel vicino sloveno. Notevole *kújntrĭ* (contro) Baudouin II 131.

Invece srb.-cr. slov. *f(u)rmentin*, *urmetin* (zea mays, Šulek s. vv.), che il Miklosich (Fremdw.) derivava da *f(o)rmentun ferm-* (Kušar Lomb. 15, Rad CXVIII 18, Nemanić I 427), sarà piuttosto -ĪNUS: cfr. *cikvantin* (Rad cit.) 'grano cinquantino'. Nè *capin* (slov.) 'zapp-' viene da *capun* -one (srb.-cr.), ma dal ted. Zappin.

— — — —

28a) Ambedue nel Pinguentino e forse recenti. *Verona* manca al 'Repertorio comunale', e, come mi comunica il dott. Sandrin, «si trova a metà dell' erta che scende dalla Fontana». Due località di nome *Verona* ha poi la Dalmazia: presso Cattaro e sull' Isola Grossa. — Di VERONA v. Olivieri SGIt. III 57 e 61.

29) *Pojani* è la forma viva, *Polina* si trova nelle carte geografiche e in documenti dell' Evo Medio (comunicazione di C. Jireček e C. Patsch).

2. Per ŭ sta isolata (v. *dipia* 40) la *croce*: sl. eccl. e com. *križĭ*. E piantata, come vuole *-ž-*, su base d' origine **romanza**; l' *i* deciderà per il ladino: *ü*.

Ma prima di fermare queste basi, spazziamo il terreno all' intorno, avvertendo gli slavisti (Jireček I 37, 42, Vondrák I 28) che la forma *crusi* in carte di Ragusa (v. anche Dalm. II 336) è materiale ingombrante o almeno inutile: per complicata che sia la storia di cotesti *u i* per ǫ ę nello schiavonisco ecc. (I 271), è certo e sicuro che quel *crusi*, da leggersi *kruſi* e *kruži* (10), non può esser antico, indigeno (vegl. *krauk*!) e dev' essere d' origine recente, veneta (*kroſe*). Ed è altrettanto certo che durante il sec. IX, cioè quando gli Slavi conobbero la croce, Venezia non aveva dato ancora niente del suo linguaggio agli Slavi del Balcan: niente affatto all'Illirio meridionale, dov' è Ragusa, e meno ancora alla Tessaglia o a Tessalonica, di dove partirono Cirillo e Metodio.

I quali portarono *Krĭstŭ* agli Slavi. Questo nome (Meillet I 110) si trova, col valore di 'croce', nei più antichi testi glagolitici; invece *križ* «tardi in Occidente, dai linguaggi di quelle regioni [Pannonia] passò nei testi paleoslavi ecclesiastici» [30]) Linguaggi slavi, s' intende bene, ma in contatto ben intimo con linguaggi germanici e romanzi, alla frontiera e per entro al paese ed entro in chiesa. Erano per lo più 'Franchi', come generalmente si crede, i predecessori e i successori di Cirillo e Metodio, nell' opera dell' evangelizzazione degli Slavi occidentali, ma Franchi latineggianti e più precisamente ladineggianti. E non senza coadiutori latini o ladini.

Ora si considerino questi allotropi di CRUX:

Forma semiletteraria	popolare	pronuncia del latino
spagnuolo *cruz* e *cruce* [31])	da *kroz	+ *kruþe(m) kruks*
alb.-rom. *krüķ*	» *kroķ o *kruķ [34])	» *krüce(m)? [36]) *krüks?
trent. ant. *crux* [32]) = *krüſ -ž?	» *kroſ -ž, -s -ś* [35])	» *krüče(m) krüks* [37])
alto ted. ant. *chrūzi chriuzi* [33])	» *kruk o *chroz?	» *krūze(m) kruks*

30) V. Jagić: Zur Entstehungsgeschichte d. kirchenslav. Sprache, AKVienna XLVII (1901), II 26.

31) *el cruce* de los caminos (crocicchio), p. e. nel Dizionario di Aniceto de Pagés, Madrid 1902 sqq.

32) Carlo Battisti (AT. XX 48 e XXI 13) e Karl Ettmayer (RF. XIII 582; invece di 'Doc.' leggi *Statuti* 40: ZF. XXV) notano 'crux' in tre testi dialettali del Trentino, con *o* per ó, e vedono un latinismo nell' *u*, che può valere *ü*. E *x* può valere *ʃ* (v. p. e. Battisti § 59).

33) *chriuce* e *cruici-gota* si legge fin nel Notker Viennese (v. Heinzel, SB. 82, dell' Accad. di Vienna, p. 531 sg.). Cfr. Wilhelm Braune, Althochdeutsche Grammatik (Halle 1886) § 42.

34) V. GG² I 1046, Dalm. I 278 (riga 11 di sotto: **ǵuľ*). — G. Meyer (Etym. Wörterb. 207) dichiarava l' ü un' assimilazione al *-ķ*, ma si oppongono *duķ*, *kuķ* e *šķufur*, oltre *kukuľ puľę* 21, *kuľę kuľtrę kuń* e *pľump*.

35) V. Ascoli AGIt. I nm. 61, Ettmayer RF. XIII 551 sgg., Gartner, Rätor. Gramm. § 200.

36) Ho chiesto invano un' informazione per l' Albania. Ma è ben nota la pronuncia *ü* per ŭ nel latino dei Gallo-romani e dei Reto-romani. V. Rajna: Per l' azione delle parlate moderne sulla pronunzia del latino, *Mélanges de phil. rom.* déd. à Carl Wahlund, Macon 1896, p. 139 e 144. P. e. 'a Sant' Ambrogio di Milano, in quelle vecchio là, *fuori* di mano' si canta non solo la *Via Krüčis*, ma anche *Per Kristüm dominüm nostrüm*, mentre p. e. alla Maddalena di Parigi *krüsis* fa le pugna con *kristóm*.

37) Anche *u*; perchè la Venezia tridentina è terra lombardo-veneta.

Quando la croce era solo uno strumento di tortura e di morte, troppo bene la conosceva il popolo; infatti sono perfettamente popolari i riflessi di CRUCE(M), nella grande maggioranza delle lingue e dei dialetti romanzi (Indecisa la *cruce* rumena e la *kruge* sarda). Ma quando tale ordigno divenne simbolo, e dal Golgota passò sull' altare e sul pergamo, la liturgia latina e il sermone latineggiante trasformarono la croce di legno in un ostensorio d' oro: *kručem -zem* ecc., *krüks*. Nessuna meraviglia che poi le due forme, la pagana e la cristiana, si fondessero in una. E appunto tale, mezzo indorata, era forse la croce della Venezia tridentina, com' è quella della vicina Germania e dell' Illirio (oltre che dell' Iberia), ed anche della vicina Slavia occidentale: *križi* dal semiletterario *krüž = *krož*[38]) + *krüks*.

Di Y in *tyrĭ* v. num. 34.

23. Molto frequente è l' *O* srb.-cr. e slov., originata dall' *o* veneta e friulana. V. 21. Qui si confronti p. e. il cr. *nevodica* (nipotina) Nemanić I Fortsetz. 40 e 55, con *neput -uča* (21, 1): il primo origina dal veneto orientale (*nevodo -oda*, accanto a *neza -sa*), il secondo dal dalmatico: vegl. *nepaut* (e *-auta*, rifatto su modello veneto; indigeno è *njapta* o *ń-*), nei documenti *nepot nepoça* (Dalm. II 272, 296).

Ancora il recentissimo *-ona*, p. e. di *poltrona* (Rešetar, Die srb.-kr. Beton. 153 n.), si confronti con *-un* -ONEM, romano, e col preromano -ONA *-in* 39.

Da ǫ = ŏ:

24. In *U* negli elementi romani — negl' illiro-romani solo per ŏ tonica di sillaba libera, poi in qualche elemento greco-romano e germano-romano — e in elementi romanzi.

1. Dall' *u* illiro-romana (GG². I 1045, Dalm. II 332): srb.-cr. *-ul* -ŎLUS, *jarula* AREOLA, ch' è appenn.-balcan. (it. centr. e mer., sardo, dalm.), *možul* con varianti molte (*mužol* 34 e altre: ASPh. XII 462, XVII 33, SFR. VIII 575) MODI-OLUM, secondo lo Schuchardt ASPh. XIII 158 «con immistione di MEDIUS» (*mežul* ecc.), *pižul* (Murko II 125, SFR. VIII 576) PODI-OLUM 33, *rusa* ROSA, *skula* SCHOLA, *stura* STOREA.

Anche greco-romano: *pasul* diffuso nel Balcan (srb.-cr. bulg. e anche russo mer.) φασούλι (G. Meyer Neugr. Stud. III 69) e *rusalije* 7. *dum(na)* δόμνα, *ruga* ῥόγα.

2. D' origine germano-romana, ben sicura (Murko II 97, 109), eccl. e com. *kuhar* (-ati -ńa) Koch-.

3. Quanto è detto al num. 21 di *-ur -un* vale anche per *-ul*. P. e. dal ven. orient. *tovajol* e *ta-* (tovagliuolo) si ha nello slov. del Carso *tavajŭol* (Štrekelj Morphol. 411, anche *tavęlič* 413), nel vicino cr. *tavijol*ac (Nemanić I 414), *taviol* (Rad XX 133), ma anche *tavajul*[39]) (ib. CXVIII 17 e 21): quest' ultimo in Dalmazia, dunque con suffisso probabilmente dalmatico. — Più numerose le *u* atone: p. e. in Rad XX 110, *fureši kurdjelica munita unest.*

38) Cfr. slov. *kroža* (dal ven. *krofe -a*, friul. *krof -is*) Baudouin II 334, *krožat* (ven. *krofato*, onde vegl. *krofát* ecc.) ibi 218 ecc., ASPh. XIV 529.

39) *j* non *ǵ*: cfr. 2 nota. Così p. e. slov.-cr. *tavaja* (Štrekelj Morphol. 437, Nemanić I. Fortsetz. 546), dal ven. orient. *tavaja* (tovaglia: Meyer-Lübke, Rom. Namenstud. I 78).

25. *O* negli elementi illiro-romani con ó in posizione e ŏ atona, e in vari elementi romanzi.

1. È illiro-rom. *kopsa* (Ragusa) COXA, dalm. o alb.-rom. (Schuchardt Slawo-deutsches 50), e forse *bota* (ibi, bulg. srb.-cr. slov. *bolta*) 'volta arco', da non confondersi collo slov. *bot* (Mal), ch' è il nostro *botto* (Štrekelj ASPh. XII 454, ma v. Schuchardt ibi XIII 158). Gli altri esempi di ó in posizione vanno ai nn. 29 sgg. — Qui si noti l' ŏ atona: *komŭk-* 31, *kostrat* 4, *možul* 24, *oligań* LOLIGINEM, *posat* 4. E *Kornat* 3.

2. Quanto agli elementi italiani si confronti specialmente *-ol* con *-ul*, srb.-cr. *fažol* (dal ven. *fasol -i̯ól*) con *pasuľ*, *škola* con *skula* (Dalm. I 261 sg.). E si noti *pogača* 10; qui ancora *plovan* (pievano) forse dal ven. ant. plovan. Altri esempi di ŏ protonica si trovano facilmente nello studio dello Štrekelj Lehnw. *koradel*ica *kordel*ica *koret* ecc.

Da *-ol* ted. -it.: slov. *fažol fi-* ted. medio phasol Fisole ed altri.

Elementi greci.

26. *o* media (37), da *ω* e *ο*, dà *U* nei riflessi slavi popolari: eccl., più o meno antico, *drumŭ* (bulg. srb.-cr.) δρόμος, *jikuna* (*ikona* russo) εἰκών, *kalugerŭ* (ibi), *Solun* 14. Atona: *drakun*, *prospura* 34. Eccl. *jepiskup* ἐπίσκοπος, *sulinarĭ* σωληνάρι, *urarĭ* ὠράριον.

Mancano, come pare, allo sl. eccl.: serbo ant. *aravunĭ* ἀρραβών, cr. *d(e)rmun* (Dalm. II 450) δρυμών, bulg. *huma* χῶμα, russo *uksusŭ* ὄξος, serbo *nurija*, *putir* ἐνορ- ποτήριον; *Tripun* Θρύφων (Jireček I 56, II 60).

L' *O* sarà riflesso più recente e letterario: eccl. *dora* (russo) δῶρα, *hora* (bulg.) χώρα, *kolivo* (serbo, russo) κόλυβον, *stomahŭ* (serbo); *dijakonŭ* (ibi, bulg. russo occid.), *dijavolŭ* 14, *milot* (russo) μηλωτή. — *monastyrĭ* 34, 2.

E le varianti (*kalogerŭ* ecc.) delle forme popolari citate. E le forme limitate ai testi: eccl. *kidonije* (cfr. tuńa 21, 4), *kivorŭ*, *molotrŭ*[40]), *paramonarŭ*, *porpira*, *prionĭ*.

ου resta *U*: eccl. *kuvija* κλουβί, *pagur* 14, *trulo* (serbo) τροῦλλος.

υ = I: eccl. *kolivo*, *pirŭgŭ* (bulg. serbo) πύργος; *anŭkira* e *-jura* ἄγκυρα, *skimĭnŭ* σκυμνίον e altri; Meillet I 188 sg.

Elementi germanici.

27. ū dà *Y*: eccl. e com. *chyzŭ* got. hūs, *tynŭ* (Zaun) e altri: Hirt BGDSL. XXIII 339 sg. Loewe ZVglS. XXXIX 318 sg.; e non *u*: Murko II 108. – E forse *tykva* 40.

ō in *U*: eccl. e com. *buky* (Buch -e) got. bok- e altri: Hirt e Loewe ll. cc.

In elementi meno antichi anche ŭ dà *u*: Korbut § 26, 35 e 84.

ü è riprodotta, alla meglio, con *u* e *i*: ibi § 31.

---

40) μολόθουρος, col significato di μάραθον, che dà il Miklosich, seguito da altri (ASPh. XXVII 230, ZVglS. XLI 160)? 33.

Accidenti generali.

28. Gli accidenti che turbano generalmente il sistema vocalico dello slavo, così negli elementi stranieri come negl' indigeni, provengono per lo più dall' incontro di sonante e consonante, ch' è nesso insofferibile al paleoslavo e anche in parte al neoslavo. I rimedi sono di varia specie: estirpazione della consonante nasale, metatesi, sincope e simili. Nè mancheranno casi di assimilazione e dissimilazione, di analogia. Nelle pagine che seguono converrà limitarsi quasi solo agli elementi latini e romanzi, anche per non ridire cose dette da altri.

29. ă ŏ ŭ davanti a nasale seguita da consonante danno nello slavo ecclesiastico una o nasale (ѫ), che i più trascrivono oggi con ą. Lo sloveno ne fece *o*; il srb.-cr., *u*.

Il nome dell' isola *Sušak*, Sansico-vo 1071, Sansego 1280 ecc. (Jireček I 65) rimonterà a SAMPSŪCUM (origanum majorana), onde poi, con mutamento di suffisso (34), -ĬCUM = Sánsego (e *sanseg* Šulek 347) e **Sąsikŭ *-ŭk -ăk* (34). Anche *Sušak*, di Fiume, avrà questa origine romana, perchè il Miklosich non lo imbranca coi derivati da *suhŭ*: Die slav. Ortsnamen aus Appell. II 102. Sicurissimi sono poi *sut* (Jireček I 57 sg.) e *sutal* SANCTUS -ULUS (sántolo), di cui specialmente Jagić, ASPh. XXII 528. Inoltre srb.-cr. *skudla* slov. *skodla*' SCANDULA· (Meillet I 184). *kąpona ku-* 7.

Con o abbiamo un derivato da MŎNS: *Mutogras -kras* Monte grasso 1080 ecc. (Jireček, Christl. Elem. 22); srb.-cr. *grug* (grongo) CONGER, e forse l' eccl. *kąpetra ku-* COMPATER (34). *Motovun* 22, *Soča* 11.

Con ŭ: **pudomjenat* 34, *žuk* JUNCUS.

30. La nota metatesi (vera o apparente) nei nessi di liquida + consonante avviene naturalmente anche in voci d' origine romana e preromana, e solo per l' ă. Cfr. ASPh. XXV 182 sgg.

Son ill.-rom.: *Rab* ARBA (6), vicina a *Rabac*, ch' è il Porto d'Albona, *Rabĭnŭ* ALBAN- Arb- (Jireček I 43), *Raša* ARSIA. Poi *Krapan -ň*, probabilmente CARPINUS: it. Cárpano (Istria), Crappano = *Krápano* (Dalmazia), e *Mrata* Marta (Jireček, Christl. Elem. 26), anche *Stombrata* Sv. Marta (Patsch WMBH. IX 285). Quindi gli appellativi *klak* (Murko II 110) CALCEM e forse un 'claucho' CALICEM 34, *slavl'a* SALVIA (Šulek 359). — In sillaba atona, i riflessi di ALBONA *Labin*, SCARDONA *Skradin*; *Mratin* Martino.

Di altra origine (non ancora precisabile): com. *krap* CARP- IO e *mramor* MARMOR, *vrh* ARCA, *sraka* SARECA. — *Vratolomije* Bar[illegible].

Diversa, la metatesi dalmatica in *salbun* SABL-, di fronte a *sabbione*, franc. *sablon* ecc. — Altre metatesi di consonante: 11; di vocale: 11, 34.

31. La sincope del tipo TORTA *tъrta* (trascr. *tŭrta*) *trta* avviene anche negli elementi latini e romanzi, ma non solo per ŭ ŏ. Per ū ō ci mancano esempi. Ma ve ne hanno per A, oltre che per E e I.

1. Si vedano intanto ŭ ŏ. D'origine illiro-romana: *Krk* CURICUM (l' antico nome di Veglia), *Krkar* CORCYRA 34; eccl. *vrŭčĭ vrŭtŭ*, srb.-cr. e slov. *vrč vrt* URCEUS HORTUS: Štrekelj Lehnw. 67. 73 (Murko II 111). Forse anche srb.-cr. *mrča* MYRT-IA, srb.-cr. e slov. *sprtva* SPORTA, *trta* clematis vitalba TORTA: Štrekelj Lehnw. 67, srb.-cr. *krb* (pesce corvo), slov. *krbina* ASPh. XIV 528, *krla* (ven. corlo?) XIII 158, *trŭsŭ* (vite) XXVIII 535.

Dal greco-romano forse l' eccl. *brŭdunŭ*, russo *berd-* *βουρδον-* Meyer, Neugr. Stud. IV 19.

Dal veneto o dall' istriano: *Oprtal* Portole 11, srb.-cr. e slov. *frmentun -in* 22, *frtuna* 18 e *trtijon* (Štrekelj ASPh. XII 472), e altri: Maretić § 90.

2. L' ă davanti r + consonante, onde *ra* negli elementi stranieri più antichi (30) od *or-* (32), è sincopata in alcuni riflessi dall' illiro-romano e specialmente dal veneto.

Dall' illiro-romano *Trsat* 3, srb.-cr. *mrgań* MARGINEM e probabilmente *Trpań* Trappano. Siamo nella regione di A in *e* (Dalm. I 277), che forse subì la sorte dell' E primaria: *grk* GRAECUS, *krješa* CERESIA.

Più recenti sono: srb.-cr. slov. *grbin* (garbino), Štrekelj Lehnw. s. v., *gržun* garzone) Štrekelj ASPh. XIV 525, SFR. VIII 564, *srdjela srdun* Schuchardt Slawo-deutsches 48, *škrpina škrpijun* (ven. *skarpena- żón* scorp-) SFR. VIII 608, *škrtač-* (scartazza) Štrekelj Morphologie 63, 117, Nemanić I Fortsetz. 44. — Anche *tr(a)peza trpezar trpezarija* (Murko II 121 sg.), *k(a)rbun*, *k(a)rmina*.

3. Per (O)L avremo l' eccl. (russo) *klevrêtŭ* *ὁμόδουλος*, se è COLLIBERTUS; ad ogni modo non è necessario supporre **κολλίβερτος* (Miklosich Etym. Wörterb. 119) a dar ragione del -v- = -b-. — Ben diverso -(U)LUS: *buklo* 40, *onuklić* 4. Notevole *tikula* (tegola).

Sul difficilissimo *kŭblŭ* CŬP- v. intanto Meillet I 186 (e le citazioni in Dalm. I 312). *bŭtarĭ* (botte): cfr. 40, 2.

4. Un posto a parte ha la sincope di ū in uno o due casi, ma anche qui in vicinanza di una liquida, come forse nell' illiro-romano: cfr. anzitutto D(ū)RACĬNA -E vegl. *drukno* (sincope di ū, non di á = *u*), MÀRĪTÁRE vegl. *martúr*, alb.-rom. *martón*. È analoga forse la sincope in *Drač* (DUR- 3), e nel riflesso di CÒMUNICÁRE: illiro-rom. COM(Ū)N(I)C-, coll' assimilazione di MN in *m* (cfr. *skamija* *σκαμνί*, *Lokrum* Lacrom(n)a Jireček I 61, alb.-rom. *škęm-p*, oltre i casi di ario-eur. mn = sl. *m*: v. Pedersen ZVglS. XXVIII 350) **komk-*, onde, come ci aspettiamo, alb.-rom.

kungoń e slavo eccl. e com. *komъkati*, trascritto *komŭk-* (dove l' *ŭ* non ha che fare coll' ū), come *olŭtarĭ* ALT- ecc. Più dubbi lascia forse la spiegazione del Meillet I 185, che vede qui «un abrégement de mot long» come in «*τριάντα*[41]) issu de *τριάκοντα*». Ciò che lice ai numerali non lice ai verbi, perchè questi non si trovano tanto spesso, quanto i numerali, nell' atonicità sintattica, che facilita la sincope (p. e. *trecencinquanta* ecc.: Salvioni SFR. VII 235). *Kornat* 3.

32. La vocale davanti il nesso di sonante + consonante subisce altre sorti in esempi che sono più recenti di quelli (d' origine romana) considerati nei nn. 29—31. Alcuni possono essere d' origine dalmatica (cfr. 5) e letterari ma sempre più antichi degli elementi veneti e friulani.

Due tipi vanno distinti.

1. Il primo può esser designato colla formola (T)ART-́ in (*t*)*ort* e riguarda dunque solo l' ă protonica, iniziale o dopo consonante. La quale ă-́ diventò *o*, come negli elementi stranieri di 1—15.

ALTARIUM DALMATICA, che avrebbero dato, in riflessi antichi, **latarĭ* **dlamatĭka*, diedero invece: sl. eccl. e com. *olŭtarĭ* ed eccl. *dolŭmatĭka*. Saranno originati dal latino ecclesiastico, di liturgia germano-romana (alto ted. ant. altāri) o greco-romana (*ἀλτάριν*).

Dal veneto o dal friulano: *Polmàda* Palmanova (Baudouin II 291), srb.-cr. e slov. *ormar* e *omar* 40 (armar(i)o) Murko II 23 sg. 28. 311, SFR. VIII 554, *orsan* (darsena) Zore Dubrov. Tud'. s. v. (a Cherso *arsan*: comunic. dal Tentor), *soldam* (saldame) Štrekelj ASPh. XII 468. *soltar* (saltaro). — Nel pol.: *Ormian*in Armeno ed altri.

2. Un secondo tipo sarebbe TÁRT tarŭt *tarat*. Riguarda tutte le vocali (cfr. -MENTUM in *-menat*) in sillaba tonica finale.

D' origine dalmatica possono essere: srb.-cr. *marač* (marzo), *sarak* (sargo), *skarač* (scarso -zo), forse *Marak* (Marco). — *Kalifronat*, *Porat*; *Molunat* 3[42]), *Punat* (Ponte).

41) Invece il Densusianu Ro. XXVI 290 e il Vasmer ZVglS. XLI 154 lo ripetono da *trenta*. Infatti vi hanno dei linguaggi, come p. e. alcune parlate slave al Natisone (Baudouin II 19 35 37 103 142 174 186 405 489—92 744 sg.), che sono così pezzenti da mendicare numerali e cardinali! Ma è ridotta in tale stato la lingua letteraria neogreca?

42) Ricorda BENEVENTUM ed è uno dei molti nomi geografici, dell' Illirio e di terre vicine, in -UNTUM (ARGYR- BUT- DALL- HYDR- SALL-), -ONTUM (METAP- SIP-?), -UENTUM (PIQ- TER- TR-) ed -ENTUM (TAR-, *Bulentum* Jireček I 60, *Narenta* e altri). — Sull' U(E) v. Ascoli AGIt. XIV 339 sgg., Meyer-Lübke Rom. Namenstud.

77. Cfr. anche JUENNA, poi *Juna*, e oggi *Jaun*stein, come St. Veit am *Flaum* da [illegible]

Più recenti: -aldo (*kristalad*, *ribalad* Dalm. II 300), *larad* (lardo), *škaram* (scarmo) -ante (*eleganat*, *žiganat* g-), *fanat*, *banak*, *kanat* — *konat*, *šorak* (sorte), *volat* (6) — *polas* (polso), *ponat* 'ponte' e 'punto di cucitura' (comunic. del Rešetar), *ronab* (rombo) — *punat* 'punto di scrittura' (Rešetar).

Ci va unito il tipo TARTA, conservato, tonico e atono.

Dalmatico: *Barbat*, *jarbul* (arboro), *lokarda*; *Kanpor*, *planta*, *ranketif* (rancido), *kolonda* (ZRPh. XXVI 410 sg.), *lunbrak* (-ice), *Munčel*. — Ma AL davanti a consonante dà a Ragusa *ao* e oggi *o*: *paoma poma* (palma), *saopa sopa* (salpa) ed altri: Budmani 163. — *anguľa* 21.

Dal veneto: *garbast* (Štrekelj ASPh. XII 457), *lardo*, *škarda -inula* (Schuchardt ZRPh. XXX 729, Jelić WMBH. VII 797), *arniž* (Štrekelj Lehnw. 2), *-anca* e *-ancija* (Štrekelj ASPh. XIV 533, Kušar Rad CXVIII 26), perfino *-ando* (Budmani 168), *bandijera bandunati* ecc. ecc. (Rad XX), ma si noti ancora *šantol* (Nemanić I 394, *s*- Baudouin I 1341) e si cfr. 29. — *kon-*: *konfortati kontentati kontrabant*, dunque anche *-ant* finale.

Ma ancora: *barka* (srb.-cr. slov. russo), *porta* (bulg.), *furna furuna* (Murko I 318, II 106), *turma* (Jireček I 37). Quest' ultimo probabilmente dal rumeno, il primo in parte dal tedesco. Da cui anche slov. *burkľa* (Murko II 17)? — *kurisari* 7.

83. L' assimilazione o 'armonia' vocalica ci potrà spiegare forse — se non troviamo di meglio — alcune vocali eslegi. Tale sarebbe l' *ó* di *gomonŭ* (boemo, pol., russo) 'rumore', se di origine germanica: nord. ant. gaman (ne dubita il Murko, apud Peisker 279). *komora* potrebbe risultare dalla somma delle varianti *komara* χαμάρα e *kamora* -ăra. Ma c' è anche *komostra* accanto a *komastra* κρεμάστρα (Dalm. I 272), *kotopanŭ* 14 e *Kotor* da **Kator*? 36. *molotrŭ* 26. *stodoľa* 36.

La dissimilazione romana di O-O in E-O spiegherà: *kelomna*, *mežul*, *pižul*.

84. Negli elementi stranieri delle lingue in genere, e specialmente di quelle senza grandi tradizioni letterarie, l' evoluzione fisiologica o fonetica è turbata molto spesso dai momenti psicologici o d' analogia. Prepariamoci dunque agli arditi sgambetti di prefissi e suffissi, agli esempi di contaminazione e simili, che nel caso nostro ci rassegneremo ad ammettere più facilmente che in altri casi.

1. Al posto di *podrumŭ* ὑπόδρομος (ASPh. XII 466), *podumjenat* (srb.-cr.) FUNDAMENTUM, *Pokrat* (ibi) PANCRAT-IUS, *ponistra -eštra* (Murko II 105; Dalm. II 254, 299) fin-, *prosora* (slov.) friss-, *prospura* (serbo, bulg., russo, pol.) προσφορά ci dovremmo aspettare *pu- pru-* (26, 29), e *pi- pri-* (o *pe- pre-*) e **pudomjenat*. La ragione di questa metatesi e di quei *po- pro-* sta nei frequenti prefissi slavi *po- pro-*. — Allo stesso modo, finchè non si trovi megliore spediente, si potrebbe dichiarare una parola che certo è molto più diffusa delle 5 o 6 su riferite, ma infine è pur essa straniera: eccl. e com. *postiti postŭ* fasten, invece di **past-* (15). È straniera [ma v. 40] e come tale non poteva mettere nella coscienza dei primi Slavi catechizzati quelle sì forti radici che oggi ha fermate nel sentimento linguistico degli Slavi e specialmente degli slavisti. Ai quali ripugnerà cotesto pseudo-prefisso.

Così ripugnerà ai germanisti una soluzione analoga dell' equazione (se equazione è) got. gabeigs = sl. eccl. *gobĭzŭ* (boemo e russo merid.), invece di **gabĭzŭ* (15). Infatti non si vede perchè i Goti dovessero dimenticare l' origine o l' accento del loro *gáb-igs*. Ma è ben possibile che gli stranieri, i vicini Slavi, tratti in errore dai *ga-* (molto più numerosi che i *gá* tematici), s' ingegnassero a 'radebrechen', in lor tedesco, **ga-bígs*, onde **gobĭý -zŭ*.

2. Il suffisso -ORIUS -M, ch' è sì rigoglioso nel rumeno e anche altrove[43], usurpa il posto di -ERIUM, ci spiegherà anzitutto *monastyrĭ* (eccl. bulg. srb.-cr. russo merid.), *psalŭtyrĭ* (eccl. russo mer.) e anche *plastyrĭ* (eccl. bulg. russo) *ἔμπλαστρ-*. — E ancora l' eccl. e com. *pastyrĭ* 'pastore', rum. ant. *păstorŭ*. Dei quali v. 39.

Qui intanto si consideri un altro riflesso di -ORIUM: *-ur* d' origine illiro-romana (21). Anche questo usurpa un posto che non gli spetta: srb.-cr. *taľur -ńur* (tagliere) Murko II 115, Dalm. II 302 [ASPh. XXVIII 531].

Un terzo riflesso, *-or*, *cintor* (cimitero) oltre che *čematorije* (v. la nota), può essere letterario. Ma come credere letterari i nomi *Durmitor* e *Visitor* del Montenegro (Jireček I 38)? Vero è che si aspetterebbe *Drm-* (o almeno *Dorm-*) e che il secondo è di formazione ignota. Ma intanto si pensi all' attrazione possibile del suffisso slavo *-or*, che può aver arrestato il latino -ỌRIUM, impedendogli di giungere ad *-ur* o a *-yr*.

Il frequente *-un* ONEM scalza il debole, isolato, FILỊ-AN- (= **piľan*): *piľun* (Štrekelj Lehnw. 17, Dalm. I 284), come a dire 'figlione'. — V. ancora *Boľun* 11, *Medun* 39. *inčun* (anciolo).

Inoltre *-un* incalza *Kostur* e ne fa *Kosturun*, allotropi forse di CASTR-UM (Jireček I 37). — Così andrà spiegato il srb.-cr. *kračun*, vegl. *karasáun* (catenaccio): da una forma *karnáz -as* (forse CAR(DI)N-: Salvioni Ro. XXVIII 96, Ettmayer Bergam. 66), che ci è attestata nell' Alta Italia, si può arrivare a un riflesso illiro-rom. **kar(n)áz*, coll' assimilazione di RN in *r(r)*, che ci dànno il vicino alb.-rom., il rum. maced. e l'abruzz. (Dalm. I 294; e pugl. *tẹrrese* 'tornese': Nitti 9 n.). Poi **kar(a)z-one* srb.-cr. *krač-un* (cfr. 30) come *stačun* = vegl. *karas-áun stasáun*. — Quale sia il rapporto fra *koporan* (cappotto) e il sinonimo sicil. *caparruni* o quale dei due abbia il suffisso originario, è difficile precisare, anche perchè non si vede bene il tema: oltre CAPP-A (De Gregorio SGI. I 61) è necessario per lo meno un aiuto di CAP-UT -ER (Ascoli AGIt. XIV 336).

Anche -ONA, sebbene non esistesse in latino, era invece frequente nell' illiro-romano (22) e avrà attirato MURAENA, che, col suo -ENA isolato, era un pesce fuor d' acqua: bulg. serbo *moruna*[44].

Abbastanza frequente è pure *-at -ata* (4). Qui andrà cercata oltre la spiegazione di *doksat* (Murko II 326, Dalm. II 290), anche quella, ben più difficile, di *pojata -anta* (Murko II 112) e *paprata -ă*, *paprătŭ* (vestibolo), *Paprata* sull' isola di Veglia, da *περίπατος* (Jireček), che senza l' aiuto di -ĀTUS -A avrebbe dato *-ot*. E *Piľat*? Jir. I 62.

---

43) *cimitorio* si ha in vari dialetti d' Italia e d'Illirio (Dalm. I 429: v. ancora qui nel testo), *monastorio* in Dalmazia (ib.), Ungheria (*monostor*) e anche in Germania: *munestiura* p. e. nel Notker di Vienna (SB. 82, Accad. di Vienna p. 532). Cfr. anche il rum. *cositorŭ* *κασσίτερος*. — Ed è di paesi vicini, come mi avverte il Meyer-Lübke, il Chrysa*orius* = Chrysa*erius* di San Gregorio; cfr. Thomas Ro. XXXI 495.

44) AVELLANA aveva un suffisso frequente, ma un tema che assomigliava proprio a un nome in *-ona*: *Αὐλών* Avlon (Vallona). Anzi, trattandosi di un frutto, poteva parere che questa ne fosse la terra madre, come la vicina Durazzo era la patria delle duracine (ma v. Thomas, Nouveaux Essais 248 sg.), Susa delle susine, la Persia delle pesche ecc. e, senza andar tanto lontano, Abella, patria dell' avellana. Così almeno pareva e ancora pare ad alcuni, mentre altri credono che il nome del luogo (Abella) venga dal nome del frutto, e non viceversa. Comunque, a spiegare **AVELLŌNA* (onde rum. *alună* ecc.), inutilmente si cerca un suffisso latino che non …siste, cf. … I 70) … Hoops (nota 10) 179

ocěli (acciaio), ch' è eccl. e com., è troppo antico ed esteso per ripeter le origini dal piccolo e lontano territorio di A in *e* (31). Oltre *-ale* (ven. ecc.) e *a(r)io* si ebbe anche *-erio*: cipr. ἀρσέριν, rum. *arcer* (cote)? Ma resta da studiare anche la possibilità di un' origine germanica: *ecchil eckel*.

Dalla forma *Corcira*, forse letteraria (cfr. invece 31), si ha col frequente *-ula*, *Korčula* Curzola (*Kúrtsola*): cfr. *možul* in *mužol* 24, *podumjenat* da **pudo-*.

Su *pladuč* πλάϑανον, *platuša* PLAT-ESSA, v. Schuchardt ZRPh. XXV 348, XXVI 423, XXX 726. — E *kalamuča* è davvero it. -uccia?

Nella seconda *o* di *godovabli* (eccl. boemo, pol., russo) Gott-(ge)webe lo Štrekelj (Peisker 274) vede un «effetto della vocale di composizione *o*». Analogamente si spiegherà forse *gotovŭ* (per **gotav*) cioè col frequente *-ov*. — L' *a* di *Sušak* è lunga (come mi avverte il Rešetar), mentre si aspetterebbe *-ăk* da *-ĭk* (29): attrazione del frequente *-āk*.

Ancora *romjenča* AERAMENTA sostituito dal più frequente -ENTIA.

3. Restano vari casi di contaminazione, che in elementi stranieri non fanno meraviglia.

'claucho' (Dalm. II 268) CALICEM risulta da srb.-cr. **klak* (cfr. *klak* CALCEM 30) + dalm. **ku̯alko* o **kau̯k(o)*.

krpatur (ibi 294) da **koprtur* + sl. *krpa* 'straccio' e sim.

kŭmotrŭ (compare): *kupetra* (comare). La loro relazione è complicata: difficile la prima *ŭ*, l' *o*, l' *e*. Certo è che lei ha messo i pantaloni (-*ŭ*), e lui le gonne (-*a*).

lokanka bulg., LŪCANICA (da cui **lu-* o **li-*) + *lokati* (leccare), bulg. *loča* ecc.

lokarda LAC-ERTA. Nei molti e vari suoi riflessi romanzi (Flechia AGIt. III 159—63, Luciano Bonaparte TPhS. 1882; cfr. G. Meyer Neugr. Stud. II 95) si vide l' effetto di LUCEM (*lucertola*: Meyer-Lübke), di VARIUS e altro (Nigra AGIt. XIV 369, Ettmayer RF. XIII 586). Oltre che per la zona juro-alpina (*la(f)vart lifavert* ecc. *laferda*) anche per la balcanica (*lokarda* e λακέρδα) ci potrà aiutare VIRIDIS: lacerta v. Ma solo per -RD. Per *á* forse ARTUS (spagn. *lagarto*). Per l' uno e l' altro calzerebbe, foneticamente, *dardo* e anche per la semasiologia: cfr. MATARIS 12. Ma è germanico, come *-ard* (franc. *léz-*), e però non accontenterebbe facilmente il dalmatico e il neogreco.

oblia (sinomimo di *bluta*: Dalm. II 255 296) sarà OBLATA + *ostia*. L' accento *-ía* non deve meravigliare nel serbo-croato. Allo stesso modo la *oublie* franc. sarà impastata di *oublée* e di *hostie*. — Di *papež* v. 10.

pastyrĭ 39 conserva l' *a* (per *o*) dell' indigeno *past-*

rosata **RŌSI̯ATA* (onde **ru-*), coll' *o* dello slavo *rosa* (rugiada).

Conclusione e problemi.

35. «Ce n'est ni de l'Italie du sud ni des Balkans que les Slaves ont reçu des mots romans, c'est des populations germaniques dont les Slaves occidentaux ont reçu de nombreux éléments de civilisation et dont la langue populaire était le germanique et la langue religieuse et savante le latin. — Le latin qu'ont reçu les Slaves est un latin de maîtres d'école allemands.»

Questo giudizio, che dava il Meillet (I 181 sg. 187), è certo in gran parte inesatto, come oggi vorrà riconoscere egli stesso, dopo gli studi specialmente di Costantino Jireček (I) sulle relazioni degli Slavi colla romanità dell' Illirio e del Balcan in generale. Giudizio inesatto, perchè troppo sintetico.

Infatti la conclusione che si può trarre dalle ricerche su esposte è questa: quelle ricerche vanno continuate. Semplice, quasi unilaterale pareva la questione sugli accatti slavi dal latino, che invece sono molteplici, più che non si credesse, molto diversi per età e patria. Nè tale questione o tali questioni si potranno risolvere prima che non si abbiano sott' occhio, in un quadro completo, tutte le forme di tutti i suoni stranieri percepiti e articolati dagli Slavi, da tutti gli Slavi. Soltanto allora la *probabilità* che accontentava il Miklosich (ASPh. XI 106 sg.) e ancora sembra accontentare l' Hirt (BGDSL. XXIII 330) potrà avvicinarsi molto alla certezza. Soltanto allora la storia delle parole e delle cose ignote agli Slavi del passato sarà scritta, nelle molte pagine lasciate bianche da Clio, matrigna ai Paleoslavi.

Intanto proviamoci a dar le ragioni dei riflessi su considerati o almeno a raccoglierli possibilmente in un tutto.

Anche i riflessi slavi di vocali indigene ario-europee, convien avere sott' occhio.

Slavo eccl.		Ario-europeo.		
a	da	ā ō	e da	ǎ́ romana, greca, germanica.
o[45])		{ ŏ		ọ romana in posizione.
		{ ă		ǎ atona romana, greca, germ.
u		ou		{ *ου* greca e greco-rom.
				{ ọ romana e germ., o (media) greca.
y		ū		{ ū germanica e germ.-rom.
				{ (**-uir *-oir* -ORIUM?)
i		ī ei		{ i ed ẹ romana, greca, germ.
				{ ü ö illiro-rom. e reto-rom.

È naturale che un suono straniero sia articolato come quel suono indigeno che più vi si avvicina.

45) Il Kretschmer propose, con riserbo, una base balto-slava *a*, da ă ŏ ario-europee: Die slav. Vertretung vom indogerm. *o*, ASPh. XXVII (1905). Alcuni degli argomenti addotti dal Kr. furono discussi molto ampiamente dal Vasmer: Zwei kleine Abhandlungen, II. Zur slav. Vertretung des ario-eur. *o*, ZVglS. XLI (1907).

Comunque, la labializzazione dell' ă ario-europea e dell' ǎ atona straniera va [illegible] distinta [illegible] labializzazione d[illegible] e anche ă in vari dialetti d' Illirio (Dalm. [illegible]71)

36. L' *O* slava era, secondo il Kretschmer e anche il Vasmer ll. cc., non solo aperta ma molto vicina ad *a* (*å*) ancora in epoca storica (v. più avanti). Ed era più vicina all' ă atona del romano, greco e germanico che all' ā di queste lingue, per una delle due ragioni seguenti o per tutte e due insieme. La prima riguarda la quantità: era probabilmente breve l' *o* (*ǫ å*) slava perchè era tale la sua fonte (ă e ŏ ario-europee); secondo Johannes Schmidt (1), era breve o abbreviata, nella percezione dell' orecchio slavo, l' ā atona romana, greca e germanica. La seconda ragione andrà cercata nella qualità. Il Meillet (MSL. XI 166—72) notò in più d' un idioma moderno, anche neolatino[46], neogreco, neogermanico e neoslavo, la tendenza delle vocali atone alla chiusura, compresa l' ā in *å o* ed in *ü e*, così da sembrare che p. e. la *ločika* slava getti qualche sementa in qualche giardino di Provenza: *locügo* LACTŪCA. Vero è che questo sembra anche un salto mortale oltre i monti e oltre i secoli, se è vero che proprio le lingue antiche, le due classiche e la germanica e anche la slava ecclesiastica (ma non il suo continuatore, ch' è il bulgaro), tacciono di una cotale *å o* da ā atona. Ma tacciono ai nostri orecchi, che *sanno* per esperienza propria i più sottili suoni odierni, mentre indovinano all' ingrosso gli antichi, fidandosi degli occhi. Insomma è possibile che, in germe oggi sviluppato parzialmente (prov., rum. ecc.) o nella percezione degli orecchi slavi, l' ā atona romana, greca e germ. tendesse ad *å*.

Altrettanto difficile è precisare l' epoca o le epoche di tale labializzazione. Secondo lo studio citato del Kretschmer, l' *o* slava si manteneva ancora molto aperta nei primi secoli (VI-X) delle relazioni fra gli Slavi e i Greci e i Romani. Dei Germani gli Slavi erano stati vicini molto prima, quando gli uni e gli altri abitavano in casa loro. Divennero poi coinquilini nelle provincie danubiane e del Balcan. Ma solo quaggiù i Germani, che vi aveano preceduti gli Slavi, attinsero da fonte greco-romana una civiltà superiore alla slava; il che vuol dire che quaggiù, meglio che nelle sedi nordiche, i Germani diedero agli Slavi nuove idee e nuove parole.

Ma non si può tacere delle altre parole slave con *o* per ă germanica (e ario-europea comune), che l' Hirt (BGDSL. XXIII 330 sgg.) considera d' origine germanica, mentre altri le dicono sorelle (corradicali), piuttosto che figlie delle germaniche, e saranno qui citati accanto alle singole voci. Secondo l' Hirt, sarebbero dunque d' origine germanica: sl. eccl. e com. *bokŭ* (fianco) got. *bak (ma cfr. ZVglS. XXXVI 234)[47], *bolĭ* (malato) got. balwja (ZVglS. XXX 466, BB. XXI 316), *borŭ* (pino) anglosass. bearu (Uhlenbeck e forse Berneker presso Peisker 245), *dolŭ* Thal ecc. (Brugmann, Kurze vgl. Gramm. 344, Uhlenbeck: Peisker 247), *loši* (magro) got. lasiws (Uhlenb. Et. Wb.), *mog* mag- (Uhlenbeck BGDSL. XXX 299), *mora* (incubo) alto ted. ant. mara (v. specialm. G. Meyer Neugr. Stud. II 41), *mŭnogŭ* (molto) got. managa (Patrubány IF. XIII 163 sg.), *opona* Fahne (Scheftelowitz BB. XXIX 57), *rokŭ* (termine) alto ted. ant. rahha (Zupitza Guttur. 136, Uhlenbeck); eccl. *kotora* (russo) Hader (Zupitza l. c. 103, Scheftelowitz BB. XXVIII 312, XXIX 24), eccl. e rom. *osa vosa* alto ted. ant. wafsa (Meillet II 247).

Ancora, secondo altri studiosi (v. Uhlenbeck ASPh. XV 481 sgg. e il suo Vocabol. etimol. got. 2ª ediz.; e Peisker), sarebbero germanici d' origine: eccl. e com. *gospodĭ* Gast? (cfr. invece O. Richter ZVglS. XXXVI 113 sgg. 117 e 324, Meillet

---

46) Sull' -A in -*o* nelle valli superiori di Fassa e di Sole v. ora lo studio di Carlo Battisti «La vocale *a* tonica nel ladino centrale», nell' ottimo *Archivio per l' Alto Adige*, con Ampezzo e Livinallongo, dir. da E. Tolomei, Vol. I (Bolzano 1906).

47) Riflessi di colore oscuro anche nella vicina Venezia e Dalmazia (Vidossich ZRPh. XXX 202, Dalm. I 243).

II 207)[48], *skotŭ* got. skatt (Štrekelj, apud Peisker 266), *sokŭ* got. **sakan** (**Brugmann** IF. XII 28 e 32, Berneker e Zubatý: Peisker 276); *chvostŭ* (boemo pol. russo) Quast (Štrekelj ASPh. XXVII 48), *mozolĭ* (ibi e slov.) Masel (Uhlenbeck: Peisker 281, Solmsen IF. XIII 137 sgg. Reichelt ZVglS. XXXIX 53). E infine *stodolʼa* (boemo pol. russo) Stadl -ll (da *stadal* 33), *loky* (bulg. srb.-cr. slov.) Lache (Zupitza Guttur. 134)[49], *smokva* (ib. e russo) got. smakka (Schrader Reallex.). E *grobŭ* Grab (Meillet II 217), *postiti* fasten (Berneker IF. IX 364), *voskŭ* Wachs (Osthoff Et. Par. I 21).

Alcuni di questi problemi potranno esser risolti dagli studiosi iniziati ai misteri dell' accento slavo. Veramente non l' accento slavo, ma lo straniero, quello della 'base', vorrebbe l' ā atona in *o*. Tuttavia in qualche caso c' entra forse l' accento dell' esito o seriore. Da CATĂR- Cattaro (leggi *kátaro*) e STAGN- si aspetterebbe **Kator* **Stan-*, ma il Rešetar mi dà le forme *Kotór Stonĭ*. Cfr. *Δριβάσιον* onde it. Drivásto (e dalm. 'Driuest', leggi *drivést*), ma serbo ant. Drivos(t) e oggi *Drišti* (Jireček I 59). Seriore è anche l' *o* della variante *Marok* da *Marak* (30). Analogamente non si potrebbero spiegare anche *opica* (Affe) e *postiti* (fasten)?

37. L' *U* slava era forse aperta (Vondrák I 13, 20) e ad ogni modo vicina non solo all' *u* (*ου*) greca, ma anche all' ọ romana e germanica e fino all' o greca. Sennonchè il greco aveva varie *o* in vari tempi e luoghi, e non bene note. Nel greco antico[50] l' o (non l' *ω*) di qualche dialetto era chiusa (v. 17); il greco medio invece prima d' arrivare all' *o* aperta, che domina oggi (anche per l' *ω*), sarà passato per una fase di o media, ch' era vicina non solo all' o media del veneto orientale[51]), ma anche all' *u* (aperta) dello slavo.

Così forse andranno dichiarate le contraddizioni apparenti che si hanno fra il riflesso dell' ọ romana in *ου* greca, dell' *o* greca in *u* slava e altro ancora (v. Kretschmer e Vasmer ll. cc.).

38. Il digramma ъı e anche ъи, che nell' alfabeto latino si trova trascritto *ui iu* e oggi si trascrive Y, rappresentava un suono che non fu ancora, e forse non sarà mai, precisato. Certo è che era vicino all' *u* e probabilmente più vicino all' ü tedesca che ai suoni (imprecisabili pur essi) *ü* ed *ö* delle fasi antiche illiro-romana e reto-romana [Goidànich BZRPh. V 1907].

Nè è facile arrischiare un' equazione -ORIUM onde *-*oir* *-*uir* = -*yr*! Ma come spiegare altrimenti il rapporto fra -ORIUM ed -*yr* (34)? Si ha da ricorrere a un germ.-rom. -*ụr* -*ūr*? Sta bene (in mancanza di meglio) per *monastyrĭ plastyrĭ psalŭtyrĭ*, ma *pastyrĭ*! Germanica la designazione di 'pastore' e nello slavo comune! Credat Judaeus Apella. La nota testimonianza di Jordanes 51, sull' Arcadia dei Gothi minores (nihil abundans nisi armento diversi generis pecorum et pascua), è insufficiente indizio nella delicatissima ricerca di tanta paternità. Piuttosto che all' ipotetico **pastūr* germano-romano, ci rivolgeremo al PAST-ORIUS *păstorŭ* rumeno: all' antico popolo pastore delle Mesie e della Dardania e della Dacia almeno Aureliana, piuttosto che a quel popolino gotico minore.

---

48) Cfr. anche Ciardi-Duprè BB. XXVI 210.

49) Oscurissimo anche il nostro *lacco* = istr. *lako* (*lakunsél* ecc.): Bianchi AGIt. XIII 197 (Dalm. I 300).

50) Cfr. 17 e Brugmann, Griech. Gramm.[3] § 9. — E v. anche lo studio di Mario Nacinovich: Note sul vocalismo dei dialetti di Larissa e di Gortyna, Roma 1905, p. 30 sgg. 50 sgg.

51) Al posto di ŭ ō latine si trova negli elementi romanzi del neogreco tanto o che *u*: p. e. *καπόνι* e *καποῦνι* (cappone). Gli esempi con *o* e quelli con *u* non solo sono pari di numero ma hanno in parte anche pari età ed origine: dal veneto orientale [illegible] Cfr. intanto 21 e 23.

39. Anche l' equazione *I* sl. = ŭ ŏ illiro-rom. e reto-rom. lascia più d' un dubbio. A *Rim* ROMA e *-in -ena* -ONA stanno di contro le numerose *u* da ǫ, compreso *-un* -ONEM (21). Perchè due così diversi figli di -ONEM e -ONA, che paiono fratello e sorella?

Paiono e non sono. L' uno è di sangue romano e l' altra di sangue illirico. Questa può essere l' unica superstite della famiglia illirica (e ill.-rom.) di ŭ da ō, che anche nel vicino albano-romano ha lasciato pochi eredi e tralignati: *e* da ō lat. e ario-europea (Meyer-Lübke GG². I 1046). Ma perchè proprio *-ena -ina* (e *Rim*) si è salvato? La condizione era forse, oltre l' origine preromana, la nasale?

Si opporrebbe *Medun* MEDEON, perchè preromano e con o nasale. Ma è opposizione poco resistente, e non solo perchè è isolata, e con EO sospetto. Gli è che *Medun*, pur essendo preromano, assomigliava troppo ai composti romani di *-un* -ONEM, per non esser tratto nel loro ambito.

E resterebbe, del resto, la possibilità che la condizione richiesta da ŭ dalm. ō prerom.) fosse non solo la nasale, ma anche l' -a.

Comunque, la fase intermedia *y* che si supponeva finora (**Rym *-yn*) è meno probabile che la fase intermedia *e*, per la buona ragione che *y* non si trova mai e invece *e* si trova: *Labena* 22.

40. Molti altri problemi e problemucci ci restano e ingrossano la schiera che forma la retroguardia in Dalm. II 429 sgg.

1. Molti sono rifiuti della toponomastica. Anzitutto le 'basi', quali ALETA, BARBANA, BASANIUS, PICARIA (gentilizio EPICAD-), STLUPPI, URPANUS, per *Aliče*, *Bojana*, *Bosna*, *Puka*, *Sklope*, *Vrbas*, in parte furono guaste dagli operai dello stilo e della penna, che ci tramandarono l' opera di Tolomeo, dell' Anonimo Ravennate ecc., in parte erano guaste nella stessa opera loro e in parte non corrispondono a quei nomi odierni nemmeno storicamente. Foneticamente nessuna di quelle coppie si accorda. — In molti casi ci manca affatto il nome antico. In molti altri ne abbiamo più che non si voglia. Si cfr. APSARUM -ORUM OPS- Ossero *Osor*, PAZINA e PO- *Paýene*.

E anche SCODRA *Škodra* e *Skadar*, SCARDUS *Šar*. L' ŏ ario-europea, onde *a* illir. (Kretschmer Einleit. 111 sgg. ASPh. XXVII 229) avrebbe qui lasciato qualche traccia? Un caso diverso, ma oscuro pur esso, è quello di VOLCERA ** Vŭlkŭr* (cfr. 31) Búccari *Bakar* 29 (Štrekelj ASPh. XXVII 44), forse da un **Barkar*, come *omar* da *ormar* (32), *Kopar* da **Koprar* ecc. (11).

Altri nomi geografici hanno le fattezze di gentilizi romani e altri, ma dalle fattezze non si possono facilmente precisare i natali. Per i nomi che seguono, in -ANUM -A, si vedano gli studi del Pieri AGIt. S. V, dell' Olivieri SGIt. III, e quelli, da loro citati, del Flechia ecc.

Marjan Margnano (Jireček I 61). Ricorda i nostri Marignano: Pieri 52, Olivieri 86.

Neviana NAEVIUS (Jir. I 63, Pieri 55). *Prokl'an* Ortsrep. PROCUL- (Jir. II 53).

Ul'an e *Ugl'an*, *Žl'an* (Jir. I 62) potrebbero esser tutti JULI -ANUM (Pieri ecc.) e JUN-, ma rigorosamente si aspetterebbe **Žil'an*, *-l'an*.

In *Mondaneo -io* (non MONTANEUS, Jir. I 64) vedrei un Monte di *Dane-* ibi 57 Daniele. E *Tivat* Theudo, Teodo (Jir. I 60), piuttosto che a un nome germanico, rimonterà a un nome illirico: fratello (perchè no?) della regina TEUT-A!

Noval'a No- (Jir. I 64) NOVALIA? Pieri 131, Oliv. 150.

2. Restano ancora alcune voci d' origine ignota o non precisata.

balatur (Dalm. II 251, 287): -ATORIUM da VALL-UM secondo il Parodi, o forse da BALL-ARE secondo il Meyer-Lübke.

bisagi -e (bulg. srb.-cr. slov. e russo merid. pol.) BISACCIUM -cce. Il *g* che si ha pure nel rumeno (*desagi*, bulg. *disagi* da δι-) lo ripeterei dal sinonimo σάγη 'soma', senza però dimenticare la sonora di *komad* κομμάτιον.

buklo, oggi 'buco di latrina' (a Ragusa); se originariamente designava il vaso, andrebbe col neogr. bουκλα, rum. maced. *buklę* BUTT-ULA (Murnu, Rum. Lehnw. im Ngr. 35).

diple diplenica (bulg. serbo), magiaro *dupla*; questo «nei primi esempi ungheresi si trova sempre come attributo di stoffe, i cui nomi in ungh. sono d' origine italiana: p. e. *dupla tafota kanavátz dufla tafota*» (Körösi: Gli elem. it. d. lingua ungh. 30): sarà διπλ-, meglio che un caso analogo a **krüž križĭ* 20. Certo è che l' italiano ha, oltre che *doppio*, il letterario *duplo*, onde è possibile, ma per me introvabile, un gallo-romano **düpl-*. È semiletterario (oltre che il napol. *duppio* ecc. D' Ovidio AGIt. XIII 365, cfr. III 357) il franc. *double*: v. G. Paris Mélanges linguist. publiés par Mario Roques, Parigi 1905 sg. 348.

komarda (Dalm. I 272) greco medio χαμάρδα, rimonterà a χαμαρσειδής?

konop(ľa) (eccl. e com.) 'canape': grave problema per slavisti non solo ma e romanisti e naturalisti ecc.: v. ASPh. XIII Suppl. pag. 127, Meillet MSL. XI 179, Densusianu I § 41, Hoops o. c. nota 10.

košuľa (eccl. e com.) 'camicia': v. G. Meyer Etym. Wörterb. 190.

kurura (eccl. e com.) 'meretrice'; secondo l' Uhlenbeck, il Kluge ed altri dal germanico (Hure), secondo lo Jüthner (WS. XXVI 156) corradicale di κόρ(ϝ)α: cfr. it. *putta* ecc. V. ancora Thumb: APF. III (1906) 447 sg.

ľuľ (srb.-cr. slov., boemo, pol.) LOLIUM, ma non derivato: corradicale, secondo il Berneker IF. X 152.

ploča (srb.-cr.) PLOT(T)A -IA: v. Schuchardt ZRPh. XXV 348, XXVI 423, XXX 726.

poralija (Murko II 122 sg.) con 'paiuolo' ecc.: Meyer-Lübke Einführ. § 36.

robida (slov.) rubus idae o sim.: RUB-ETUM secondo lo Schuchardt e lo Štrekelj Lehnw. 82.

škuľ (srb.-cr.) EX-CULLEUS: Štrekelj ibi.

soroků russo σαράκοντα, ma non derivatone: Vasmer ZVglS. XLI 156.

tykva (com.), col prov. *tuca -o*, it. *zucca* Schuchardt ZRPh. XXVIII 149.

E srb.-cr. *golija* 'galea', *krcati* 'caricare' ATr. XXIX 153.

Matteo Giulio Bartoli.

»Свод« Душанова Законика у народној песми.

Познате су наредбе Душанова Законика о своду. Њима су просто на хартију стављени старији народни обичаји о томе начину извиђања и расправе о крађи коња (или стоке).

Још у законодавству од 1349 тиче се тога предмета члан 92. Он гласи: Ако кто позна лице под чловеком а буде у горе, у пустоши, да га поведе у препрвње село и заручи селу и позове да га даде пред судијами; ако ли га не да село пред судијами, што покаже суд, да плати село то-зи. Латински би се тај текст, по нашем разумевању, могао казати овако: Si quis [equum subductum] cognoverit sub homine, idque in monte aut in regione deserta acciderit, ducito eum in vicum proximum ibique tradito fidei et custodiendum, convocato vico ut eum coram iudicibus det. Nisi vicus coram iudicibus dederit, solvet quod iudicium adiudicaverit. У том се члану свод схвата као позната (по обичајима) ствар, па се и не помиње, него се само за наведени случај утврђује поступак и јемство.

Али ма да се 1349 мислило да је и то довољно, 1354 Душаново се законодавство враћа на тај предмет и улази у њ ближе. Члан 180 говори: Аште кто ухвати, гȣшено или крадено, лицем, или силом узето, всаки о том да да̂ свод. Аште кто буде купил где љубо, или у земљи царства ми или у иној земљи, вину да да̂ о том свод. Аште ли не да свода, да плаћа по закону.[1]) Латински би се ово, по нашем разумевању, казало: Si quis reapse comprehenderit [pecudem] subductam aut vi ademtam, omnis de ea regressum dato. Et si quis [pecudem] emerit ubivis, in terra mei imperii aut in alia quadam terra, etiam dato regressum. Si autem regressum dare non potuerit, lege solvito. О истоме предмету говори још 193 члан, из познатих уника Раковачкога преписа. Он казује и шта се плаћало као казна и

1) Законик Стеф. Душана. Београд 1898. Интерпункција овога текста разликује се у неколико од оне у издању од 1898.

шта се чинило у приликама где се свод није могао извршити по физичкој немогућности. Тај 193 члан гласи: И свод коњски и ини добитак, или који годе, правда. Што се гу̂си или украде, тому да да̂ своденика (или) да плати всако само-седмо. Ако ли рече: »Купих у того земљи«, да оправе душевници от глобе; ако ли га не оправе душевници, да плати с глобом[1]). Латински бисмо га ми казали с погледом на оно што ћемо ниже објаснити, овако: Regressus qui refert ad equum aut ad aliam quamcunque pecudem, absolvit. Si [pecus] ademta aut subducta erit, solvito precium septemplex, nisi potuerit dare ad quem regreditur accusatus. Si dixerit »Emi in ea terra«, id homines boni ex consciencia affirmanto, ne mulctam solvat. Nisi ita factum erit, solvit et compensationem et mulctam[2]).

Текст је последњега члана нешто мутан, али се донекле објашњава трговачким уговором међу царем Стефаном и међу царем Урошем и Дубровчанима.

Тако у уговору цара Стефана с Дубровчанима од 1349 (исте године које је прва половина законика донесена) поради трговине сточне, о којој се опширно говори, помиње се и о своду. Текст уговора гласи: Који трговац купи коња на тргу и плати за њ царину, да рече цариник душом јере јест тога-зи коња купил, и за њега платил царину, а тати да не зна — да му за то-зи свода нест; ако ли га тако зи не оправи цариник, да да свод у кога јест купил. А који љубо трговац доведе коња купив из туђе земље, а познају се, да се клне то зи трговац сам-други, јере га јест купил у туђој земљи и не зна тати и гусара — да не даје за то зи свода; да ако си узљуби си-зи који га познава, узети коња, да си га узме и оному-зи да пода трговцу цену, што буде подал за њега[3]).

Од овога се уговора начинио закон много раширенији од онога који је 1349 донесен у Скопљу на сабору Српскога Царства. Јер су њега путем уговора потврђивали сви владаоци и господари који насташе после Душана, а међу њима их је било (као што је босански краљ) који су држали и земаља што нису припадале царству Стефана Душана. Тако су горње типске уговоре, завршетну фазу развоја у трговачко-економним везама Дубровника са српским земљама, потврдили: краљ Вукашин за

1) Законик, стр. 144 и 262.

2) За превод латински захвалан сам г дру Јов. Туроману.

3) Miklosich, Monumenta serbica. 147. Исто поновљено с царем Урошем године 1357 Monumenta 162

своје земље, 5 априла 1370[1]); краљ босански Стефан Твртко, 10 априла 1378[2]); дука драчки Балша, 24 априла 1385[3]); зетски господар Ђурађ, понављајући потврђење Страцимира, Ђурђа и Балше, 27 јануара 1385[4]). Потврду Стефана Твртка понављали су сви босански краљеви, докле их је било.

На послетку, нови српски господари после Немањића, кнез Лазар и Вук Бранковић, потврдили су такође горе наведени уговор о продаји коња. Њихова је потврда другојачије стилизована, и стилизација је извршена на двору кнеза Лазара, пошто је она старија. У уговору од 9 јануара 1387, потписаном у Крушевцу, записано је: И ако који Дубровчанин купи коња, и онога зи коња ако ухвати Србин или Сасин и рече: украден ми је или гѹшен, да се отклне Дубровчанин како ње свједца оному зи коњу, ни гѹсе, ни татбе, ну га је купил. Ако буде драго Србину узети свога коња или Сасину, што буде дал Дубровчанин за онога зи коња, то зи да му врате, а коња личњега да ње вољан удржати[5]). Тај је исти текст у уговору с Дубровчанима за своје земље потписао и Вук Бранковић, у Приштини 20 јануара 1387[6]). Па се та формула тако исто, по том, из уговора у уговор преносила докле је трајало деспотство. Тако је налазимо у уговору Дубровчана с деспотом Стефаном, од 2 декембра 1405; у уговору с Гргуром и Ђорђем Бранковићем, матером им Маром и братом Лазаром, од 29 декембра 1405; у уговору с деспотом Ђурђем Бранковићем, од 13 декембра 1438, и у уговору с Ђурђем Бранковићем и синовима његовим, од 17 декембра 1445[7]).

То су свеколике наредбе о своду које су нам се сачувале од старине у саборском и уговорном законодавству. По томе није чудо што је закон тај, и онда, у XIV и XV веку, узет у законе и у уговоре из обичаја народног, остао у тим обичајима и после наших закона и држава. У објашњењима к Законику Душановом (у издању од 1898) ми смо на страни 254-5 из Деловодног Протокола Кара-Ђорђева за 1812 годину навели један пример свода из Груже (Округа Крагујевачког) а други из Протокола Шабачког Магистрата из Мачве и Шапца од године 1811. Умакао нам је онда један пример из народне песме, који овде износимо.

Ту народну песму штампао је још 1858 М. Ђ. Милићевић у својој књизи »Часови одмора. I«, стр. 37. Она је састављена из песме о коњу кнеза Лазара (краденоме) у коју је унесен, с недовољном везом, у средини, један одломак из косовске епопије о невери Милоша Обилића.

---

1) Monumenta serbica, 179. — 2) Ib., 186. — 3) Ib., 202. — 4) Ib., 203. — 5) Ib., 205—206. — 6) Ib., 208. — 7) Ib., по данима и годинама.

Ми ћемо тај одломак (у коме је 41 стих) избацити, и онда ће изаћи народна песма, која чисто говори о своду. Других промена није никаквих чињено. Песма гласи:

Подиже се славни Кнез-Лазаре,
Са својијех сто педесет друга,
Подиже се у лов у планину.
Кад је био у пољу широку
Проговара славни кнез Лазаре:
»Хвала Богу, хвала јединоме.
»Добрих жита а добријех поља«.
Ал' говори Бранковићу Вуче:
»Не чудим се житу и пољима,
»Но се чудим славном Кнез-Лазару
»Ђе он јаше коња краденога,
»Краденога рогата зеленка«.

Мучно беше славном Кнез-Лазару,
Па дозивље Бошка Југовића:
»Обрн' барјак, Бошко Југовићу,
»Обрн' барјак ка води Морави
»До бијеле Лазарице цркве«.
Кад то зачу Бошко Југовићу,
Он обрну крсташа барјака,
Обрну га ка води Морави
До бијеле Лазарице цркве.

Туна су их л'јепо дочекали,
Дочекали црни калуђери.
Од добријех коња одсједоше,
За готову софру засједоше,
Уврх софре славни Кнез-Лазаре,
С десне стране стари Југ-Богдане,
А с лијеве Бранковићу Вуче,
Низа софру сва господа редом,
У дну софре Милош Обилићу,
Пола софре собом заклонио,
Пола собом, пола кабаницом.

Када су се понапили вина,
Ману Лазар главом на целата,
Целат трже сабљу испод скута,
Те наднесе сабљу над Богдана,
Њега пита славни Кнез-Лазаре:
»О мој тасте, стари Југ-Богдане,
»Откуд теби рогати зеленко?«
Проговара стари Југ-Богдане:
»О мој зете, славни Кнез-Лазаре,
»Мени га је Страхињ поклонио«.
Целат наже сабљу на Страхиња,
Њега пита славни Кнез-Лазаре:
»Вјерна слуго, Страхињићу бане,
»Откуд теби рогати зеленко?«
Проговара Страхињићу бане:
»Царе Лазо, српска круно златна,
»Мени га је Милош поклонио«.
Целат наже сабљу на Милоша.
Њега пита славни Кнез-Лазаре:
»О мој зете, Милош-Обилићу,
»Откуд теби рогати зеленко?«
Ђипи Милош од земље на ноге,
Па се ближе цару примицаше,
А титра се златним буздованом
Кâ ђевојка зеленом јабуком,
И овако стаде бесједити:
»Знаш ли, Лазо, ноћна кукавицо,
»Кад кўписмо латинске хараче,
»Латини су љута сиротиња,
»Немадоше царева харача,
»Ја им дадох моје силно благо,
»Да их чекам три године дана,
»Они мени коња поклонише,
»Ми дођосмо Страхињу на конак,
»Ја не знадох шта је у зеленку,
»Поклоних га Страхињићу бану,
»Ја Страхињу, а Страхињ Богдану,
»Богдан га је теби поклонио«.

Веза са косовском епопијом налази се у овом сумњичењу Милоша Обилића од стране Вука Бранковића. У том је узрок што се Милош према кнезу Лазару понаша с недовољном пажњом и што му у једном стиху каже чак и »ноћна кукавицо«.

Стојан Новаковић.

Legenda o Salomonu v slovenski narodni pesmi.

Sledovi Salomonove legende so se našli skoro v vseh evropskih slovstvih[1]). Prof. V. Jagić je pokazal tudi, kako so se motivi Salomonove legende vporabili povsem prosto v ruskem narodnem pesništvu[2]). Kolikor pa vem, še nihče ni opozoril na to, kako je Salomonova legenda vplivala tudi na slovensko narodno pesem. Na tem mestu hočem opozoriti samo na narodno pesem »Mlada Zora«. Žal, da se nam ni ohranila v povsem narodni obliki; predelal jo je namreč popolnoma Anton Žakelj-Rodoljub Ledinski (1816—1868), iz Ledin pri Žiréh na Kranjskem, in jo objavil med drugimi pesmimi v »Krajnski Čbelici« V. (1848), str. 70—75.

Tu naj sledi besedilo te redakcije po dr. K. Štrekljevi zbirki »Slovenske narodne pesmi« I. št. 114, str. 180—182.

Mlada Zora.

(Iz idrijskih hribov.)

Na lov mi pride kraljič mlad
Pod mlade Zôre béli grad,
Oj béli grad, visoki grad.
Gor' v ôknu Zôra mi stojí,
Takó le pravi, govorí:
»O de b' te, lovec, zlodej vzel!
Kaj si loviti zajce jel,
Loviti zajce krog gradú?
Poberi ročno se domú!
Ne veš, de imam brata dva,
Oba lepa, oba mlada?
Oba risance imata,
De zajce sama streleta.«

Ji pravi, reče mlad kraljič:
»Men' zajci niso v čisli nič;
Le mlado Zôro bi rad vjel,
Bi rad na béli dom jo vzel.«

Na to se Zôra nasmejí,
Kraljiču pravi, govorí:

---

1) Glej več o tem: A. N. Veselovskij, Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ. S.Petersburg 1872. Veselovskij je o tem pisal tudi ЖМ.н.п. 1886, zv. 245. in Arch. VI. — Fr. Vogt, Die deutschen Dichtungen von Salomon und Markolf, I. Bd. Salman und Morolf, Halle 1880. — Za francosko slovstvo: W. Förster, »Cigés« von Christian von Troyes, uvod, str. XV. slsl., za franc. in portug. Pauls Beiträge z. d. Spr. u. Lit. VIII. 313. slsl. in Arch. VI. 397. sl., 553.

2) Glej Archiv f. sl. Phil. I. 112. nasl.

»Kako me neki bodeš vjel,
Kako na béli dom me vzel,
Ker nikdar iz gradú ne grém?
'Z gradú ne grém, 'z gradú ne smem,
Drugač ko k svéti maši grem;
Pa sami it' mi ne dadé,
Me vselej dobro varvaje:
Pred menoj mojšker gré devet
Za mano hlapcov gré desét;
Na stranéh grésta brata dva,
Obá lepa, oba mladá
Obá risance imata,
De mêne Zôro varjeta;
Pavov dvanajst pa nad manó,
Perote svitle zgrinjajo,
Mi hladno senco delajo.
Če bi me, kraljič, le rad vjel,
Če bi me, kraljič, le rad vzel,
Sej imam jest neznan korén,
Neznan koren, koren lečén:
Ki ga pod jezik položím,
Precej zvečér hudó zbolím,
Zjutraj pa že mertva ležím.
Kadar me v rako ponesó,
V grajšinsko rako pisano:
Pa pridi po me, kraljič mlad,
In pelji me v svoj béli grad,
Oj v béli grad, visoki grad.«

Drug' dan po gradu jokajo,
Zdihujejo in tarnajo,
Na pare Zôro devajo.
Le grajški nôrec se smejí,
Takó-le pravi, govorí:
»Močno, močno se meni zdí,
De mlada Zôra mertva ní.«

Kaj sta storila brata dva,
Oba lepá, obá mlada?
Še sta stopíla zlat kovan,
Ga vlila Zôri v béli dlan.
Al Zôra mertva le leží,
Se ne predrami, ne zbudí.
Jo v rako drugi dan nesó,
V grajšinsko rako pisano.

Po gradu milo jokajo,
Zdihujejo in tarnajo;
Le grajški norec se smejí,
Takó le pravi govorí:
»M[illegible] se pač vse m[illegible]
[illegible]
Kraljiču skôr ni včakat' moč,
Da bi se strila temna noč.
Ko solnce zajde za goré,
K' se zvezde vtrinjajo svitlé,
Hití mi v rako pisano,
Odpre mi rako preskrbno
Pa Zôri vzâme 'z ust korén,
Neznan korén, korén lečén.
In mlada Zora oživí,
Predamí se, se prebudí.
V kočijo mi jo posadí,
In hitro mem' gradú zderčí.

Gor' v gradu norec se smejí,
Takó le pravi, govorí:
»Menì se pa vse močno zdí,
De Zôra mem' gradú derčí.«
Káj sta storíla brata dva,
Oba lepa, obá mladá?
Šla sta se lova veselit,
Šla mlade zajce sta lovit
Pod mlade Zôre béli grad,
Oj béli grad, visoki grad.

Na pragu Zôra mi stojí,
Takó le pravi, govori:
»Bog vaju sprimi, lovca dva,
Oba lepá, obá mladá!«
Ji pravi, reče mlaji brat,
Nje mlaji brat, nje ljubši brat:
»Menì se pa vse močno zdí,
Pri nas navade take ní,
De b' si roke prijemali,
Pa rokovic ne snemali.«

Po sili vzame raz roké
Ji rokovice, v dlan gledé.
Po dlanu mi spozná sestro,
Na konja plane urno z njo.
Spodbôde konja mladiga,
Oj mladiga, oj bistriga.
Prejaderno zdaj proč leté,
De konjem podkve se iskré.

Zavpije Zôra, zakričí,
De krog in krog se mi glasí:
Oj dôli, dôli, kraljič mlad,
Oj dôli pod visoki grad!
Nevésta ti je vpljénjena,
Oj Zôra ti je zgrabljena!«

Kraljič opaše sabljico,
V kačjim strupu kaljeno;
Zaséde kônja berziga
Oj berziga in iskriga.
Za njimi se mi v dir spustí,
De prah in pések se kadí:
»Le stojta, stojta, brata dva,
Ki sta mi Zôro vpljénila!«

Zdaj se pa vname silni boj,
Oj silni boj, kervavi boj!

Po bliskovo mu sabla gré,
Utrinja plamen se od njé.
Hudo se brata branita,
Junaška meče sučeta.
V sercé ga vbôde starji brat,
Oj starji brat, nemili brat!
Zavpije Zôra, zakričí,
Raz konja pade, omedlí.

To storil je neznan korén,
Neznan korén, korén lečen!

V pesmi je marsikaj nejasnega, a kljubu temu se kažejo v njej glavni znaki Salomonove legende povsem jasno. Navidezna smrt Zore s pomočjo »korena lečenega«, poskus z raztopljenim zlatom, ki se ji vlije skoz dlan, pokop v grajski »raki« in uvoz, spoznanje po rani na desni roki, smrt kraljeviča in Zore, vse to so motivi, ki jih pozna tudi Salomonova legenda. Znaki so tako jasni, da o zvezi te pesmi s pripovedkami o Salomonu ni mogoče dvomiti.

In vendar pesem nikakor ni identična z legendo. — Imena Salomonovega pesem ne imenuje, Salmo ali Salomo zastopa Zora. In kar je glavno: Zora ni žena Salomonova, ampak sestra dveh kraljevičev. Narodni pesnik je povzdignil motiv ogoljufanega moža in goljufive žene na viši, čistejši nivô, podobno kakor se je to zgodilo v italijanski pripovesti o Romeu in Juliji. Pa ravno vsled te premembe ni več vse tako jasno in prozorno, kakor je bilo pač še v predlogi. Pred vsem ne vemo, zakaj da brata tako dobro »varjeta« sestro Zoro, da nikdar sama nikamor ne more. V legendi o Salomonu je to popolnoma jasno, to je orientalski, oziroma tudi grški harem [1]. Ravno tako nejasno nam je v pesmi sami, zakaj jo brata tako kruto odvedeta z gradu njenega »kraljiča mladega«, a jasno je to v predlogi. — Namesto enega samega Salomona ima naša pesem dva brata, kako to, bomo kmalu izvedeli. Zora-Salma ne umre nasilne smrti kakor v pripovestih o Salomonu, ampak »raz konja pade, omedli«, umre tedaj vsled srčne bolesti. To je povsem v smislu tona slovenske narodne pesmi, a je tudi v zvezi s temeljno premembo žene v — sestro.

Druge premembe so v zvezi z baladnim značajem slovenske narodne pesmi. Naravno je, da stremi ta značaj za tem, da se dejanje, kolikor mogoče, oprosti obširnosti epske tehnike, ki jo kažejo n. pr. ruske biline (Veselovskij, o. c., 238. sl.: Jagić, Arch. I, 103. sl.) in obe

1) Glej Chrestien de Troyes: »Cligés«, ed. Förster, v. 6772 nasl., str. 279. sl.

nemški redakciji. Odpade torej posrednik-čarovnik, ki prinese Salomonovi ženi čarovniško zelje ali koren; Zora ga že ima — odkod in kako, tega nam pesem ne pove; odpade tudi poizvedovanje o tem, kdo je odvedel ženo in kam (v obeh nemških redakcijah in v ruski o Poru), brata že vesta vse — odkod in kako, nam pesem zopet zamolči. Odpade pa tudi vse dejanje v gradu Salomonovega nasprotnika. Za namen našega narodnega pesnika tudi ni bilo treba one device, ki sprejme v ruski pripovesti o Salomonu in njegovem bratu Kitovrasu (Veselovskij, o. c., str. 221) in v portugalski o Ramiru (Paul, Beiträge VIII, 313—314) Salomona (oziroma Ramira) in izporoči tujčev dohod kraljici; to vlogo sprejme Zora sama. Sploh odpadejo vse le količkaj nepotrebne osebe, kakor tudi vojno spremstvo Salomonovo. Ostanejo samo glavne osebe in glavni momenti dejanja.

Opomniti pa se mora še, da se razvija dejanje od v. 104 nadalje nekoliko drugače kakor v legendah o Salomonu. V teh namreč ne odvede Salomon svoje žene précej svojemu sovražniku Kitovrasu ali Poru, ampak je najprej sam njun jetnik; potem se pa po zvijači oprosti, da nato kaznuje ženo in njega, ki mu jo je ugrabil. A v naši pesmi ugrabita brata Zoro précej, ko sta jo spoznala, kraljevič hiti za njima, jo hoče dobiti nazaj, a pade sam v boju, nakar umre tudi Zora. To dejanje kaže mnogo podobnosti z drugim delom pripovest o Rasu (Gualterus Mapes, Nugae Curialium, Distinctio III, Cap. IV). V drugem delu te povesti namreč res uvede Raso svojo ženo namesto poganskega viteza, s katerim se je dogovorila, da ž njim ubeži. A žena ga spozna, sovražni vitez ga dohiti, nato pride do boja, v katerem Raso zmaga s pomočjo svojega sina, ki je bil v bližini skrit. Sledi smrt viteza in žene (Prim. Felix Liebrecht v »Germania« XXV [XIII], str. 37). Ta skladnost je dokaz temu, da je pripovest o Rasu res vplivala na pripovedke o Salomonu in sicer ne samo v prvem delu na nemški »spielmannsep«, kakor to dokazujeta Fr. Vogt (o. c., str. LXV nasl.) in Veselovskij (o. c., str. 287), ampak tudi v drugem delu, ki misli o njem Vogt, »da je za nas brez pomena«.

Odkod pa je prišla ta snov v slovensko narodno pesem, ali z vzhoda ali z zapada? Razrešitev tega vprašanja nam nudi pesem sama. Pri »dveh bratih« v naši pesmi moramo nehote misliti na Salomona in njegovega brata Morolfa, ki mu pomore v nemški strofiški redakciji in v spruchgedichtu (samo tu ni brat) do žene in do maščevanja. V ruski pripovesti o Salomonu in Kitovrasu (Veselovskij 220 sl.; Arch. I. 107. sl.) je pač Kitovras Salomonov brat, a je obenem njegov sovražnik, v nemškem spielmannsepu (Salman und

Morolf) pa je Morolf njegov pomočnik; Marolf (Markolf) v spruchgedichtu je tudi Salomonov pomočnik, a brat njegov ni. Vogt (o. c., str. LX) misli, da je za rusko pripovedko o Salomonu in Poru, za biline in za nemško tradicijo treba misliti na bizantinsko recenzijo, ki je drugačna od one, ki je vir za ostale oblike te pripovedke in jo je rekonstruiral v uvodu svoje izdaje na str. LVIII. V tej recenziji bi bil Salomonov brat njegov pomočnik in ne sovražnik, kralj Pharao-Por pa Salomonov nasprotnik. Bilo bi tedaj mogoče misliti, da smo dobili to snov z vzhoda. A proti temu govori dejstvo, ki jo povdarja tudi Vogt, da so se ruske biline in pripovedka o Poru oddaljile od te vsekako samo posredne podlage v toliko, da so popolnoma opustile Salomonovega brata. Nemška tradicija je pa v tem oziru ostala zvesta viru (Vogt, o. c., str. LX). To kaže tedaj na zapad. Še bolj pa kaže na zapad norec. Grajski norec naše pesmi je prevzel vlogo Morolfa v spielmannsepu in Marolfa v spruchgedichtu. Sicer poskusa z raztopljenim zlatom ne izvrši v naši pesmi norec, kakor Morolf ali Marolf (s svincem), a vendar je on povzročitelj tega poskusa. V ruski redakciji o Salomonu in Poru povzroči podoben poskus David, oče Salomonov (Veselovskij, str. 233). Iz njega pa bi ne bil mogel postati brat Salomonov, še manj pa — norec. V nemških redakcijah pa dvomi Morolf — kakor naš norec — ali je Salma res že mrtva:

ez ist der kuniginne
der dôt mit zouber hie getân. (Salman und Morolf, kit. 129. in 126.)

Morolf vlije Salmi raztopljeno zlato skozi dlan, naš norec pa je vzrok, da se stori isto Zori. In kar je glavno, tudi vloga dvornega norca je Morolfu nemške tradicije zelo primerna, saj igra v spielmannsepu kot spielmann, še bolj pa v spruchgedichtu (v prvem delu) popolnoma vlogo norčavega človeka (Glej o tem: Vogt, Salman und Morolf, str. CXXI sl.).

Slovenska pesem o mladi Zori ima tedaj namesto enega Morolfa dve osebi, »mlajšega brata« in »grajskega norca«. Vzrok te razdelitoe ni težko najti. Narodnemu pesniku se je zdelo nedostojno, da bi igral brat plemenitnika vlogo norca, in je zato razdelil lastnosti Morolfove kot brata in kot norca med dve osebi[1]). Pri vsem tem bi se mogli čuditi samo temu, da imenuje pesem mlajšega brata, ki spozna Zoro po rani na dlani — tedaj Morolfa = Marolfa — Zorinega »ljubšega

[1]) To je torej ravno nasprotno temu, kar je napravil pesnik »Salmana in Morolfa«, ki je zvaril osebo burkastega kmeta Marolfa, Salomonovega *nasprotnika* v dialogu, in resnega junaka Morolfa, Salomonovega *brata*, v eno osebnost. Gl. Vogt, o. c., str. CXXI—CXXII.

brata«. A tudi to se nam ne bo zdelo več tako čudno, ako pomislimo, da je on v naši pesmi Zorin brat in ne — svak.

Izmed nemških redakcij nobena popolnoma ne odgovarja naši pesmi, akoprav kaže tradicija, iz katere je izšla »Mlada Zora«, z vso verjetnostjo na zapad, na nemško predlogo. A tudi obe nemški pesmi sta izšli iz neke skupne tradicije, ki ji pa ni enaka ne ta ne ona pesem, ki se je pa tudi že v marsičem razločevala od starejše, bizantinske tradicije (Vogt, o. c., str. LXV). In nekako tako tradicijo sredi med spruchgedichtom in spielmannsepom si moramo misliti tudi za podlago in vir naše pesmi, samo da je moral biti v tej tradiciji konec bolj podoben oni epizodi v pripovedki o Rasu, nego je to v skupnem viru nemških pesmi.

V Kranju, 14. III. 1907. *Ivan Grafenauer.*

Puškin in der schwedischen Literatur.

[Als mein zu dieser Festschrift beizutragendes Scherflein hatte ich ursprünglich beabsichtigt, eine bibliographische Übersicht der russischen Literatur in Schweden zu geben. Obgleich ich das Material bis zum Jahre 1900 vollständig gesammelt habe, muß ich mich doch hier — mit Rücksicht auf den beschränkten Raum — auf Puškin beschränken und behalte mir vor, die Fortsetzung dieser Studie an geeignetem Platz weiter zu veröffentlichen. Eine detaillierte Kritik der schwedischen Puškin-Übersetzungen liegt um so weniger im Bereiche dieser Untersuchungen, weil ich selbst als einer der fleißigsten schwedischen Übersetzer aus dem Russischen in dieser Hinsicht gewissermaßen parteiisch bin.]

Als der schwedische Schriftsteller Dr. Arvid Ahnfelt in dem ersten, 1874—1875 publizierten Bande seiner »Verldsliteraturens historia« auch der slavischen Welt einen recht bescheidenen Platz einräumte, war die oberflächliche Ungenauigkeit dieser Darstellung nur ein schlagender Beweis dafür, wie wenig man in Schweden von der slavischen Welt damals wußte. Auf 16 Seiten wurden »Czekien(!), Serbien, Polen und Rußland« nach den damaligen Autoritäten (Šafařík, Talvj, Wiszniewski, Jordan, Courrière usw.) ganz unkritisch, oft fehlerhaft abgefertigt. Daß z. B. Karamzin oder Dostoevskij gar nicht erwähnt waren, wohl aber ein Podolinskij oder Ušakov (wahrscheinlich der Belletrist Vasilij Apollonovič U.) oder sogar Helena Hahn (Elena Gan), gehört zu den komischen Verkehrtheiten, die unvermeidlich sind, wenn ein Verfasser von dem zu behandelnden Gegenstande keine leise Ahnung hat. Und was da von Puškin gesagt wird, ist nur eine verkürzte Abschrift von Scherr.

Seitdem sind drei Jahrzehnte verflossen, und obgleich die sprachlichen Kenntnisse beiderseits sich in der letzten Zeit bedeutend gebessert haben, besonders nach der Errichtung einer Professur für Slavistik in Upsala und durch die Gründung der slavischen Nobel-Bibliothek in Stockholm, fehlt es uns noch immer an systematischen Darstellungen

der russischen Literaturgeschichte, und wir sind leider heute noch auf ausländische, nicht immer zuverlässige Gewährsleute angewiesen [1]). Ob diese Tatsache lediglich von Mangel einheimischer Literaturkräfte abhängt, soll hier nicht näher untersucht werden. Jedenfalls besitzt die schwedische Literatur weder eine Übersetzung von dem Slovo o polku Igorevě [2]) noch eine so eingehende literaturwissenschaftliche Leistung wie C. W. Smiths »Russisk Literaturhistorie« (København 1882). Und erst in der letzteren Zeit ist die russische Volkspoesie [3]) etwas berücksichtigt worden, teils durch die treffliche Anthologie »*Ur Rysslands sång*« von Rafael Lindquist (Helsingfors 1904), teils durch meine bescheidenen diesbezüglichen Studien (»*Om rysk folkpoesi*«, Ny svensk tidskrift 1884 und »*Sverige i Rysslands historiska folkvisor*«, Nordisk tidskrift 1907).

Das erste Mal, wo Puškin und die russische Dichtkunst überhaupt den Schweden bekannt wurden, war im J. 1825: damals publizierte Fredrik August v. Platen in Åbo eine Übersetzung von dem *Kavkazskij plěnnik.* Der Übersetzer, ehemaliger Beamter der Kommission für finnländische Staatsgeschäfte in St. Petersburg, geb. 1790, gest. 1868, gab der romantischen Erzählung den willkürlichen Namen »*Minne af Kaukasien*«. In der zweiten Hälfte der 30er Jahre plante er eine neue, verbesserte Auflage derselben. Sie wurde nicht zu Stande gebracht, aber die Korrekturbogen blieben in der Universitätsbibliothek in Helsingfors aufbewahrt und dann in Finsk tidskrift 1882 abgedruckt, nicht ohne eine gewisse Retouchierung. Leider fehlt nicht nur das einleitende *posvjaščenie*, sondern auch der *epilog* (beide sind in meine handschriftliche Übersetzung des »Kavk. plěnnik« aufgenom-

1) Im J. 1906 erschienen in schwedischer Übersetzung sowohl »Geschichte der russischen Literatur« von Georg Polonskij (in der Sammlung Göschen) wie des Fürsten P. Krapotkin in Amerika gehaltene Vorlesungen über die russische Literatur, ein sehr interessantes, aber in wissenschaftlicher Hinsicht recht schwaches Werk, das durch eine unzulängliche Übersetzung noch mehr verschlechtert wurde.

2) Eine dänische Übersetzung von Dr. Thor Lange, Konsul in Moskva, einem feinfühlenden Dichter und sehr talentvollen Übersetzer aus dem Russischen: »Kvadet om Igors Fylke. Oldrussisk Heltedigt fra det 12. Aarhundrede« (København 1888). Dr. Thor Lange verfaßte auch im J. 1894 eine dänisch geschriebene Studie über den Dichter Aleksěj Tolstoj.

3) Im J. 1840 erschien in Stockholm, nach einer deutschen Ausgabe in Moskva, eine von anonymer Feder gemachte Auswahl russischer Volksepik: »*Först Wladimir och hans kämpar. Ryska fornsagor*«. Es sind 12 epische Lieder, mit »Rogdai« anfangend und mit »Först Wladimirs Taffel« schließend, ohne wissenschaftlichen Wert und in einer sehr willkürlichen Übersetzung.

nen[1]). Der prachtvolle Epilog ist ja besonders wertvoll und charakteristisch für Puškin, weil er deutlich zeigt, wie der vermummte Byronist in der Tat ein patriotisch nationaler, von Tsarismus und Chauvinismus etwas angesteckter Dichter war, denn Zeilen wie z. B. »Na negodujuščij Kavkaz podjalsja naš orel dvuglavyj« hätte der echte Byron nie schreiben können. — Was die Übersetzung von Platen betrifft, ist sie im großen ganzen recht treu und leicht fließend, wenn auch Notreime unvermeidlich sind, und nimmt man auf die Zeitzustände gebührende Rücksicht, muß es unbedingt anerkannt werden, daß das Debut F. A. v. Platens ein sehr gelungenes war.

Daß man in dem schwedischen Finnland einer literarischen Annäherung zu den Russen nicht ganz abgeneigt war, geht auch aus der Tatsache hervor, daß der Orientalist Gabriel Geitlin († 1871), Verfasser eines russ.-schwedischen Handwörterbuches, schon im J. 1829 eine akademische, lateinisch geschriebene Dissertation »*De meritis litterariis Lomonossovii*«, die von guten Kenntnissen zeugt, herausgab.

Als Vorläufer der Puškin-Forschung im eigentlichen Schweden ist der vielseitige Gelehrte Karl Julius Lénström († 1893 als Pfarrer) zu bezeichnen. In seinem »*Handbok i Poesiens historia*«, Örebro 1841, behandelte der damalige Univ.-Dozent in Upsala auch die slavischen Literaturen, allerdings sehr flüchtig, verworren und unrichtig, z. B. wenn es behauptet wird: »Die slavische Sprache ähnelt dem Sanskrit« (das war das Ergebnis der schwedischen Slavistik vom Jahre 1841!). Von Puškin heißt es hier: »Alex. Puschkin, geb. 1799, von Alexander nach Odessa wegen Jakobinismus verbannt, von Nikolaus freigelassen, 1837 in einem Duell getötet, ist ein ausgezeichneter Dichter erster Reihe, voll Kraft und Geist, eine byronische Natur. Man lese: Russlan und Ludmilla in 6 Ges. im Geiste Ariostos, Den Gefangenen am Kaukasus, Die Quelle Batschi Saräi in 600 Versen 1824, Den Zigeuner ein originelles Gedicht, Eugen On*i*gin, Byrons Don Juan nachgebildet, die frivole Lebensweise eines jungen Mannes in Petersburg schildernd; das Drama Boris G*u*d*o*nov ein meisterhaftes Zeitgemälde und Poltawa über Mazeppa. Der Kaiser läßt seine Gedichte herausgeben; soeben 1840 wurden sie deutsch in zwei Bänden übersetzt.«

Lénström begnügte sich aber nicht mit diesen allgemeinen Andeutungen, sondern verfaßte sogar eine akademische Abhandlung 1841:

---

1) Der Epilog ist in meinen »Ryska skaldeporträtt« (Stockholm 1898) abgedruckt. — Eine von mir ausgeführte Übersetzung der *Rusalka* ist ebenfalls noch ungedruckt geblieben.

Alex. Puschkin, *Rysslands Byron. Ett skaldeporträtt.* Seine spärlichen Quellen waren Brockhaus Lex., Rob. Lipperts Puškin-Dichtungen (Leipzig 1840) und eine kleine dänische Studie über Puškin von dem damaligen Studenten P. L. Møller, der in »Brage og Idun« B. 1, H. 1 (1839) seine bescheidenen *Digterskildringer* publizierte. Unter den poetischen Werken Puškins erwähnt Møller »Rußlanda(!) und Ludmilla (»wo der Schauplatz zu dem Hofe Vladimirs, des russischen Königs von der Tafelrunde, verlegt ist«), Boris Godunof, Den kaukasischen Gefangenen und die Quelle bei Bachtschisarai«, aber von 'Evgenij Onĕgin' keine Spur! Außer einigen biographischen Notizen und Auszügen aus den Erinnerungs-Skizzen aus Rußland des österreichischen Legationsrates Tietz (persönliche Begegnung mit Puškin auf der Krestovschen Nevainsel), enthält die dänische Skizze Übersetzungen von den Gedichten *Černaja šal'*, *Klevetnikam Rossii* und *Ex ungue leonem.*

Lénström gibt ziemlich korrekte Inhaltserklärungen von *Kavkazskij plĕnnik*, *Bachčisarajskij fontan*, *Cygany*, *Bratja razbojniki*, *Poltava*, *Graf Nulin* und *Kamennyj gost.* Wenn er aber von *Ruslan i Ljudmila* behauptet, es behandle »die Tafelrunde Vladimirs und die Heldenzeit des kievschen Rußlands«, läßt diese schwebende Beschreibung kaum vermuten, daß er den Inhalt des schalkhaften, »romantischen« Märchens kannte, und wenn er, nach Møller, das unbedeutende Gedicht *Černaja šal'* erwähnt, aber *sjül* (*Seele*) statt *sjal* (*shawl*) schreibt, weiß man nicht, ob der Verfasser oder der Setzer diesen komischen Fehler verschuldet. Indem Lénström aber den dem Møller gänzlich unbekannten *Evgenij Onĕgin* bespricht, verrät er eine ganz verkehrte, ungerechte und oberflächliche Auffassung des russischen Meisterwerkes. Es wird als ein »humoristisches Konversations-epos« abgefertigt, und als eines der »wenigen(!), ziemlich interessanten Gemälde« wird der Anfang des V. Gesanges bezeichnet, wo von den abergläubischen, volkstümlichen Sitten in Rußland die Rede ist. Übrigens wird es hier auf einen recht oberflächlichen, einseitig lobenden Artikel über »Russisk kultur og Bogvæsen« von R. in Nordisk Ugeskrift (København 1837—38) hingewiesen.

Von metrischen Übersetzungen (nach Lippert) kommen nur einige Bruchstücke aus dem *Boris Godunov* und *Kavkazskij plĕnnik* vor, darunter *Čerkeskaja pĕsna* (*čečenec* = tscherkesse wird hier mit *Tscheschkinen* wiedergegeben), ebenso die *Tatarskaja pĕsna* im »Bachč. fontan« und das dialogisierte Reflexionspoem *Razgovor knigoprodavca s poetom.*

Ungefähr gleichzeitig mit diesem dilettantischen Versuche wurde die schwed[illegible] Puškin Literatur durch einen [illegible]enen Beitrag von finn-

ländischer Seite bereichert und zwar durch die Übersetzung von der historischen Novelle *Kapitanskaja dočka* (Samml. VI der Kabinetsbibliothek af den nyaste litteraturen, Stockholm 1841). Dieselbe Novelle aus der Zeit der Pugačevschen Unruhen wurde später zweimal wieder übersetzt, teils in einer durch deutsche Zwischenhand hergestellten Novellensammlung (1885)[1], teils in direkter Übersetzung von Fredrique Paijkull, geb. Broström, unter dem Titel *Hårda tider* (als Romanbeilage zu dem »Familienjournal Svea« 1894).

Der erste Übersetzer der oben erwähnten Novelle war Otto Adolf Daniel Meurman, Bruder des hervorragenden politischen Schriftstellers Agathon M., Beamter der K. Kanzlei für Finnland und Herausgeber eines schwedisch-russ. Wörterbuches, gest. 1850. Außerdem übersetzte er in den Jahren 1840—42 in Stockholm die damals beliebten Romane von Bestužev-Marlinskij: »Ammalat-bek«, »Mulla-Nur« und noch zwei mit den schwedischen Titeln »Pansarriddaren« und »Roman och Olga«. Vielleicht ist Meurman auch identisch mit dem anonymen Übersetzer zwei kurz vorher erschienener Romane aus dem Russischen: »Dmitrij Samozvanec« von Bulgarin (1838) und »Ledjanoj dom« (»Käjsarinnan Annas gunstlingar«) von Lažečnikov (1840). Der literarisch unbedeutende und politisch verdächtigte Bulgarin war überhaupt der erste russische Erzähler, der in Schweden bekannt wurde, denn sein Roman »Ivan Vyžigin« wurde schon 1830 durch deutsche Vermittlung nach Schweden importiert.

Dann folgten zwei Jahrzehnte, wo man sich in Schweden um russische Literatur gar nicht kümmerte, und weder der Krimkrieg noch die Aufhebung der Leibeigenschaft vermochte die Schweden aus ihrer apathischen Unwissenheit von russischen Zuständen aufzurütteln. Im J. 1866 erschien allerdings in »Ny Illustrerad Tidning« Puškins *Pikovaja dama*, es war aber nur eine Übersetzung der von Mérimée, und als dieselbe Wochenschrift im J. 1880 eine kurze Biographie über den »neuentdeckten« Dichter brachte, wurde er als Graf A. S. Mussin-Puschkin vorgestellt!

Eine rühmliche Ausnahme von der damaligen Sterilität auf dem slavischen Literaturgebiete bilden die puškinschen Gedichte, die unter dem Titel *»Sånger af Puschkin«* von Dr. V. E. Öman in Örebro 1871

---

1) *Noveller af Alex. Puschkin.* Öfvers. af —A—H— [= Adèle Willman, geb. Hermelin], Upsala 1885. Außer der *Kapitanskaja dočka* enthält diese Sammlung *Pikovaja dama* und *Pověsti pokojnego Ivana Petroviča Bělkina* mit Ausnahme der Erzählung *Grobovščik.* — *Metel'* (*»Snöstormen«*) wurde später direkt aus dem Russischen von Paul Gustafsson (Helsingfors 1889) übersetzt.

herausgegeben wurden. Es sind 34 lyrische Gedichte in guter Auswahl nebst 7 Seiten biographischen und ästhetischen Inhalts. Der Übersetzer († 1904), auch als Vermittler von Milton, Kraszewski und Petöfi bekannt, hat in dieser kleinen, wenig beachteten Sammlung eine schöne Probe seiner nachbildenden Dichterfähigkeit gegeben, und einige dieser Poeme, z. B. die Lieder »*Čto v imeni tebě moem?*«, »*Ne poj, krasavica, pri mně*«, »*Poslanie v Sibir'*« oder das wunderschöne Gedicht an Anna Petrovna Kern (»Ja pomnju čudnoe mgnovenie«) sind Perlen von poetischer Übersetzungskunst.

Die nächsten Puškin-Imitationen gingen wieder von Finnland aus, wo Carl Gustaf Mortimer v. Kræmer (geb. 1817, gest. 1898), ehem. Oberst, Gouverneur in Kuopio und Senator, im J. 1883 in Kuopio eine metrische Übersetzung des *Bachčisarajskij fontan* unter der Signatur *K* veröffentlichte. Sie ist recht treu und der Vers fließt leicht. Seine kleine Puškin-Anthologie »*Några dikter af Puschkin*« (Helsingfors 1890) ist dagegen ein recht verfehltes Unternehmen. Sie enthält: »*Cygany*«; 3 von den *pěsni zapadnych slavjan* (*Bonapart i černogorcy*, *Pochoronnaja pěsnja Iakinfa Maglanoviča*, *Vurdalak* und *Solovej*); weiter 3 »morgenländische Lieder«: *Prorok*, *Angel* und *Tri ključa*; dann 5 »Balladen«: *Rusalka*, *Budrys i ego synovja*, *Utoplennik*, *Běsy* und *Černaja šal'* und schließlich 21 gemischte Gedichte, recht willkürlich ausgewählt und schlecht ausgeführt. Rhythmische Fehler und falsche Reime kommen unverzeihlich oft vor und trüben den ohnehin sehr schwachen poetischen Eindruck. Die Sonette »*Madona*« in dieser schwedischen Tracht ist ein abschreckendes Beispiel dafür, wie ein großer Dichter von dem gutgemeinten Dilettantismus entstellt werden kann. Einige gute Ausnahmen kommen doch vor. Als vergleichende Beispiele mit der Sammlung von Öman führe ich hier die beiden Übersetzungen vom *Monastyr' na Kazbekě* an:

V. E. Öman:

Högt öfver fjällarne de sju
Kasbek, ett riks-tältståndar du,
der evigt ljus omkring dig bäfvar.
Ditt kloster bortom molnen sväfvar,
likt arken i det rena blå,
så högt att dit knapt blicken sträfvar.

Du fjärran strand, hur ljuf att nå!
Dit upp, från dälder och från dimma,
jag ville ställa glad min flykt
och undangömd, der skyar glimma,
i Herrans närhet lefva tryggt!

C. G. M. v. Kræmer:

Kasbèk! högt upp i bergens krets
omkring din furstligt krönta spets
en evigt klar solstråle hoppar.
Ditt kloster sig i molnen doppar,
likt en mot himlen lyftad ark,
knappt synlig öfver fjellens toppar.

Aflägsna, höga himlapark!
Till dig från klyftans låga ställen
att lyftad bli, jag vore nöjd —
nöjd att i molnomhöljda cellen
blott af Guds öga [illegible]

Ein Ehrenplatz in der schwedischen Puškin-Literatur gebührt G. Aminoff, mit dem im J. 1899 verstorbenen Gouverneur von Kuopio Freiherr Johan Fredrik Gustaf Aminoff identisch. Im J. 1887 erschien in Borgå-Helsingfors seine Sammlung »*Ryska skalder*«, die, außer Gedichten von Lermontov und Nekrasov, eine kleine Puškin-Anthologie nebst einer biographischen, auf Polevojs russischer Literaturgeschichte basierten Einleitung enthält. Das Buch bringt vor allem eine vorzügliche Übersetzung von dem *Mědnyj vsadnik*, dann aber einige kleinere Gedichte: »*Ja pamjatnik vozdvig*« . . ., *Desjataja zapověď*, *Talisman* und die Elegie: »*Prostiš' li mně revnivyja mečty*«. Und im folgenden Jahre veröffentlichte Finsk Tidskrift seine Übersetzung von *Poltava*, ebenfalls einen Gewinn für die Literatur.

Im J. 1889 kam die Reihe an *Evgenij Oněgin* und *Bachčisarajskij fontan* (der letztere in Svensk Kalender), beide in meiner Übersetzung. Leider muß ich darauf verzichten, eine Kritik auf den schwedischen Oněgin zu üben, wie gerne ich es selbst möchte. So viel darf ich doch hier sagen, daß ich mit der poetischen Treue nicht ganz unzufrieden bin, daß ich aber bei einer event. neuen Auflage die literaturgeschichtliche Bedeutung des großartigen Gedichtes vielleicht könnte besser zu ihrem Recht kommen lassen. Ein Irrtum meinerseits mag auch hier nicht verschwiegen werden. Wo es im I. Gesang (Str. XXXV) von dem Bäcker »akkuratnyj němec« heißt, daß er »*ne raz už otvorjal svoj vasisdas*«, hatte ich damals die Bedeutung des sonderbaren *vasisdas* nicht gekannt, und deshalb in meiner Verlegenheit geglaubt, der deutsche Bäcker in St. Petersburg hätte die stehende Frage: »Was ist das?«, weil er der russischen Sprache nicht mächtig wäre!! Jedenfalls dürfte der pünktliche Bäcker das Russische besser beherrscht haben als ich damals. . . .

Vorzügliche Beiträge zu unserer poetischen Puškin-Literatur leistete der schon erwähnte Rafael Lindquist, Amanuensis an der russischen Bibliothek in Helsingfors. Seine umfangreiche, sehr wertvolle Anthologie *Ur Rysslands sång* (1904) enthält 18 Gedichtproben von Puškin, darunter Tatjanas berühmten Brief an Oněgin (im III. Gesang) und die *Čerkeskaja pěsna* des »Kavk. plěnnik«. Die Wiedergabe des mächtigen *Klevetnikam Rossii* ist ein glänzender Beweis für die meisterhafte Virtuosität, die er auf diesem Gebiete besitzt. Außerdem hat er in dem finnländischen »Ateneum« (1900) *Roslavlev* in schwedischer Übersetzung mitgeteilt.

Schließlich sind einige jüngere Kräfte zu erwähnen, die sich zufällig mit Puškins Lyrik beschäftigt haben: *Ty i vy* wurde von dem

Journalisten **Hakon Wigert-Lundström** in der Zeitschrift »Ord och Bild« 1897 übersetzt; der als Dichter bekannte Konsul Graf **Birger Mörner** übersetzte *Prorok* in der Wochenschrift »Idun« 1901, und — last but not least — der junge, feinfühlende Dichter **Sigurd Agrell** (geb. 1881, Phil. Cand. in Upsala), ein hervorragender Kenner der slavischen Sprachen, besonders der russischen, hat sich als Puškin-Übersetzer dokumentiert, indem er die kleinen lyrischen Gedichte wiedergab: *»Ja vas ljubil; ljubov' ešče byt' možet V dušě moej ugasla ne sovsěm«* und *»Brošu li ja vdol' ulic šumnych«* (in der Zeitschrift »Varia« 1905).

Was das literaturgeschichtliche Puškin-Studium in Schweden betrifft, kann es selbstverständlich bis jetzt keinen originalen Wert beanspruchen. Der fleißige und literarisch interessierte, aber wissenschaftlich gänzlich ungeschulte Gardescapitain und Gutsbesitzer von Imatra, **Georg Fraser**, schrieb allerdings schon im J. 1880 in Finsk Tidskrift einen kleineren Artikel zum *»Puschkin-Jubileum«*, derselbe ist aber nur ein Auszug aus russischen Schriften, besonders Bělorussovs Studie in den Filologičeskija Zapiski vom J. 1880, ebenso wie Frasers in Finsk Tidskrift 1883 erschienene Studie *»Sjoukovskis minne«* aus A. Galachovs russischer Literaturgeschichte abgeschrieben ist. Und wenn Fraser in der Vorrede zu seinem literaturgeschichtlichen Handbuch »Vitterheten under nittonde seklets reformtid i Ryssland« [Helsingfors 1888], die russische Belletristik der 50er bis 80er Jahre behandelnd, zu behaupten wagt, daß »Frug ein Byron en miniature sei und daß Nadson (man bedenke: der sanfte, kränkliche und als Dichter überschätzte Nadson!) ein neuer Lermontov«, dann muß man gegen die literarische Urteilsfähigkeit Frasers mißtrauisch werden.

Einen übersichtlichen Artikel über Puschkin verfaßte Prof. J. A. **Lundell** für Nordisk Familjebok (B. XIII, 1889), und der Professor der russischen Sprache und Literatur an der Universität zu Helsingfors, Dr. **Josef Mandelstam**, der hervorragende Gogol'-Forscher, hat auch in der schwedischen Sprache die puškinsche Epoche behandelt, teils in einer Studie über *Bělinskij* (»Ateneum« 1898) und in einem Essay: *»Die Auffassung der russischen Dichter von der Macht des freien Wortes«* [1]) (»Ateneum« 1899). Das umfangreichste und in Details ausführlichste, was über Puškin schwedisch geschrieben worden ist, sind wohl meine, auf neueren russischen Quellen begründeten Studien: teils in *»Ryska skaldeporträtt«* (Stockholm 1898), die ganze Epoche von

---

[1]) *»De ryska skaldernas uppfattning om det fria ordets makt«*

Žukovskij bis incl. Gogol' in zerstreuten Zügen behandelnd, nebst kleineren Gedichtproben aus Puškin, teils in einigen Zeitschriftabhandlungen: *Dekabristerna i ryska vitterheten* (Svensk Tidskrift 1893) und *Alex. Pusjkkin, ett sekularminne* (Finsk Tidskrift 1899). Die Beziehungen zwischen Puškin und Mickiewicz mit literarischen Vergleichen zwischen dem polnischen »Pomnik Piotra Wielkiego« und dem russischen »Mĕdnyj vsadnik« wurden von mir in einem für Finsk Tidskrift 1892 bestimmten Artikel *En polsk skald i Ryssland* eingehend erörtert. Aber — die damalige russische Zensur in Helsingfors konfiszierte die ganze Auflage des betreffenden Zeitschriftsheftes, so daß nur zwei Exemplare des Druckes dieser Sindflut entrückt werden konnten. Der hauptsächliche Inhalt dieser »gefährlichen« Literaturstudie wurde doch im J. 1906 unter dem Titel *Tsardömets apoteos* (im Kalender »Nornan«) der Öffentlichkeit bekannt.

* * *

Als Resultat dieser übersichtlichen Darstellung ergibt sich die für uns Schweden nicht beschämende Tatsache, daß wir, nach Kräften, recht viel dazu beigetragen haben, Puškin in die s. g. Weltliteratur einzuführen — die dänisch-norwegische Literatur hat, so viel ich habe erforschen können, von Puškin nur drei Übersetzungen und zwar sämtliche von der *Kapitanskaja dočka*, nebst einer kleinen Sammlung anderer Novellen.

Wenn früher die Wahl des zu übersetzenden Stoffes etwas willkürlich war und die Ausführung nicht immer philologisch befriedigend, darf es wohl aber gesagt werden, daß die Verhältnisse sich in der letzteren Zeit bedeutend gebessert haben. Nur in der Transskription der russischen Namen herrscht leider noch immer ein chaotischer Zustand vor, der teils von der alten Abhängigkeit von deutschen, französischen und englischen Zwischenhänden, teils von der totalen Unbekanntschaft mit den übrigen slavischen Sprachen und ihrer Orthographie herrührt. So z. B. scheint die französisch-englische Bezeichnung Leo Tolstoy (statt des richtigen, schwedisch zu bezeichnenden Tolstoj) ganz unmöglich auszurotten. Und wenn Fraser in seiner russischen Literaturgeschichte solche Formen wie Gläbb oder Åstrowskij braucht, kann das einen slavischen Bibliographen in Verzweiflung bringen.

Als ein Bahnbrecher der wissenschaftlich geschulten Übersetzungskunst in Bezug auf das Russische muß schließlich der hervorragende Orientalist, Professor Herman Napoleon Almkvist († 1904) rühmlich genannt werden, der im J. 1872 mit der Übersetzung von »Susanna

Ivanovna« die glänzende Übersetzungsreihe von Turgenevs Romanen eröffnete. Ihm folgten jüngere Kräfte (die Offiziere K. E. Peterson, P. Tersmeden und E. Nordenström, Herr R. Lindqnist in Finnland und die Damen Walborg Hedberg und E(llen) We(st)er). Was von ihnen geleistet worden ist, gehört aber zu einer Fortsetzung dieser russisch-schwedischen Bibliographie.

Mögen diese Zeilen dem Jubilar, dem Herausgeber von »*A. S. Puškin v' južnoslavjanskich literaturach*«, einen warmen Gruß von dem germanischen Norden und von einem seiner bescheidensten Schüler und dankbarsten Verehrer bringen!

Alfred Jensen.

Бѣлѣжки по компилацията на отдавания хрисовулъ на Ивана Калимана I., даденъ на Зографския манастиръ (1192 г.).

I.

Българската книжнина още нѣма критично издание на познатитѣ до сега въ науката стари български хрисовули, пито пъкъ има такъво за тѣхъ въ чуждитѣ литератури, като изключимъ недавнашното хубаво издание отъ г. Г. А. Ильинскій на хрисовула отъ Ивана Асѣня II (около 1218 г.)[1]. Наистина, г. проф. Л. Милетичъ обѣща да издаде »едно специално издание на българскитѣ грамоти«[2], ала до сега това не е изпълнилъ. Прѣди четири години г. С. С. Бобчевъ прѣиздаде съ гражданска транскрипция познатитѣ български хрисовули въ книгата си »Старобългарски правни паметпици«[3] по изданията на Г. А. Ильинскій[4], И. И. Срезневскій[5], В. Априловъ[6], П. И. Шафарикъ[7] и Л. Миле-

1) Грамота царя Іоанна Асѣнъ II. Въ »Извѣстія Русскаго Археологическаго Института« въ Константинополѣ. Томъ VII, вып. I. София 1901 г., 25.—39. стр.

2) »Библиотека«. Приложение на »Църковенъ Вѣстникъ«, IV.—VI. кн., 1902 г., стр. 118. — Ср. »Сборникъ за нар. ум., наука и книжнина«, кн. XVI—XVII. 498 стр.

3) София, 1903 г. 147.—170. стр.

4) Op. cit.

5) Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Приложеніе къ XXXIV тому »Записокъ Импер. Академіи Наукъ«, No. 4. СПб. 1879 г., а именно: 1) Хрисовулъ на Константина Тиха, даденъ на Вирпиския манастиръ »Св. Георги«, 14.—22. стр.; 2) Зографския хрисовулъ, даденъ отъ Ивана Александра на Зографския манастиръ (1342 г.), 24.—28. стр.; 3) Орѣховския хрисовулъ, даденъ отъ Ивана Александра на манастира »Св. Никола« (1348 г.), 31.—34. стр.

6) Болгарскія грамоты, собранныя, переводенныя на русскій языкъ и объясненныя. Одесса, 1845 г., 31.—35. стр.: Хрисовулъ отъ Ивана Калимана I., даденъ на Зографския манастиръ (1192 г.).

7) Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův. V Praze, 1851 г., 2 изд. отъ 1873 г., 108.—109. стр.: Витошки хрисовулъ, даденъ отъ Ив. Шишмана на манастира »Св. Богородица« (безъ дата).

тичъ[8]), ала съ това издание г. Бобчевъ не е искалъ да ни даде точно възпроизвеждане на оригиналния имъ правописъ, на палеографичнитѣ и лингвинистични особности, а само да спази съдържанието на текстоветѣ[9]). А знайно е, цѣненъ е единъ паметникъ, или часть отъ него, за каквато и цѣль да се подбира, ако му се запазва напълно възпроизвеждането до толкова, до колкото е това възможно. Тъй щото, такъво едно издание ни най-малко ще ползува науката; напротивъ то е и врѣдно, защото, ако изслѣдвательтъ, въ която и да е область, обусловява умуването си по тѣхъ, сигурно ще изпадне въ груби погрѣшки. Крайно врѣме е вече »археографската комисия« при Министерството за Народна Просвѣта въ София въ най-близката книга на изданията ѝ, »Български Старини«, да видимъ критично издание на българскитѣ хрисовули.

Отъ какъ се появиха нови издания на три български хрисовули, а именно: на хрисовула отъ Ив. Асѣна II отъ г. Ильинскій[10]), на Ив. Александра (1348 г.) отъ г. К. Звънчаровъ[11]) и на хрисовула отъ Ив. Шишмана (1378 г. 21. сеп. 7.) отъ г. проф. Милетичъ[12]), г. Бобчевъ въ три статии[13]) изтъкна, какво голѣмо значение иматъ тѣ за археологията, филологията, историята, правнитѣ науки и пр., и сѫщеврѣменно използува нѣколко юридически термини отъ тѣхъ за старобългарското държавно право, като черпи свѣдѣния отъ всички споменати по̀-горѣ подъ линия хрисовули. Едно обаче не трѣба да се изпуска отъ прѣдъ очи, а именно: г. Бобчевъ, като борави съ българскитѣ хрисовули, намѣрилъ е за добрѣ да изброи, колко сѫ досега отъ познатитѣ истински, безъ да споменва за нѣкои подложни, кото напр., за хрисовула отъ Левъ Философъ, даденъ на Зографския манастиръ[14]), а само отхвърля мнѣнието на г. проф. К. Иречекъ, който ги изброява на 7 — безъ хрисовула отъ Ив. Калимана и отъ Ив. Шишмана, даденъ на Витошкия манастиръ, — и причисля къмъ останалитѣ хрисовули (вж. по̀-долу) двѣ писма: 1) отъ

8) Op. cit. 117.—123. стр.: хрисовулъ на царь Ив. Шишманъ, даденъ на Рилския манастиръ (1378 г., 21. септ.).

9) Op. cit. 147 стр.

10) Op. cit.

11) Грамота на царь Иванъ Александъръ (1348 г.), снета отъ текста, найденъ въ Хилендарския монастирь отъ В. Кънчовъ. Снелъ отъ текста К. Звънчаровъ. Литография на Лука Х. Павловъ и Сие, София.

12) Op. cit.

13) а) Три новоиздадени български хрисовули, въ »Пер. Списание« на Бълг. кн. дружество въ София, LXIII (63) кн., 450—458; б) хрисовули, въ »Старобългарски правни паметници«, кн. I. София 1903 г., 57.—63. стр.; и в) Значение на старобългарскитѣ хрисовули за историко-правната наука, София, 1906 г. 11. стр., отп. отъ »Юрид. Прѣгледъ«, IV кн., 190[illegible].

14) [illegible]

Якова Владисловъ до археопископа Кирила Киевски и 2) отъ Ив. Асѣня II. Дубровничкия договоръ[15]), като казва за послѣднитѣ: »Писмото нѣма нито формата, нито сѫществото, съдържанието на хрисовулъ«[16]). Сѫщо отхвърля и числото имъ 9, споредъ Н. Ястребовъ[17]). Споредъ него, познати, истински хрисовули има 7; тѣ сѫ: 1) Дубровнишкиятъ отъ Ив. Асѣня II, 2) Вирпискиятъ отъ Константина Тиха, 3) Орѣховскиятъ отъ Ив. Александра, 4) Зографскиятъ (компилация) отъ Ив. Калимана, 5) Зографскиятъ отъ Ив. Александра, 6) Витошкиятъ отъ Ив. Шишмана и 7) Рилскиятъ — отъ сѫщия[18]).

Дали къмъ хрисовулитѣ трѣба да броимъ и двѣтѣ писма, за които говори г. проф. Иречекъ, мисля, г. Бобчевъ е справедливъ, като ги не брои между тѣхъ, защото хрисовулитѣ сѫ издавани по волята на самитѣ господари и сѫ опрѣдѣляли нѣкои имотни или други правоотношения, дарявани сѫ извѣтни права и привилегии на извѣстни юридически колективни или частни личности, когато писмата иматъ другъ характеръ. Сѫществена грѣшка на г. Бобчева е, че между истинскитѣ хрисовули брои и единъ прѣправенъ хрисовулъ. Това е хрисовулътъ отъ Иоана Калимана I, даденъ на Зографския манастиръ (1192 г.).

II.

Пѣшеходецътъ Василий Гр. Барски, който споходилъ Св.-Гора въ 1744 год., въ своя пѫтописъ, като говори за Зографския манастиръ, ето какво пише буквално за хрисовула отъ Ив. Калимана: »Хрисовулъ Болгарскій, на пергаментѣ, данъ года 6700 (1192), съ подписаніемъ червленнымъ сицевымъ: Іо. Калиманъ во Христѣ Бозѣ вѣрный Царь и Самодержецъ всѣмъ Болгарамъ и Грекамъ, Асѣнъ. Имѣяше же и печать висящи позлащенну, съ подписаніемъ сицевымъ: Іо. Асенъ Царь Болгаромъ и Грекомъ«[19]). Въ 1845 год. В. Априловъ напечатаи тоя хрисовулъ въ »Болгарскія громоты«[20]) съ коментарии и прѣводъ на руски езикъ, безъ да се договѣде, че той е прѣправенъ, както спра-

---

15) С. С. Бобчевъ, Три новоиздадени познати български хрисовули. »Пер. сп.« LXIII кн. 451—352 стр.; Ср. отъ сѫщия »Старобългарски правни паметници«, I ч 62—63 стр.

16) Исторія болгаръ, Одеского издание, 485 стр.

17) ЖМНПр. за 1902 г. м. юний.

18) С. С. Бобчевъ, op. cit. »Пер. спис.« LXIII кн. 452 стр., и въ другитѣ му двѣ статии.

19) Путешествіе къ Святымъ мѣстамъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящися, предпріятое въ 1723, и оконченное въ 1747 году, имъ самимъ писанное. СПб. 1819 г., 6 изд. II. часть, 265 стр.

20) 51—46 стр.

ведливо изтъкна неистинностьта на другъ хрисовулъ — хрисовула отъ Лева Философъ[21]). Архимандритъ, послѣ епископъ, Порфирій Успенскій въ указателя на намѣрващитѣ се актове въ светогорскитѣ манастири отнася нашия хрисовулъ къмъ съмнителнитѣ[22]). Архимандритъ Леонидъ прѣзъ врѣме на обиколката си по Св.-Гора въ Зографъ не намѣрилъ тоя хрисовулъ между другитѣ[23]). Вѣроятно, тогова той е билъ изпратенъ съ прѣводъ на руски езикъ на руския посланикъ въ Цариградъ, А. П. Озеровъ, както става явно отъ черновкитѣ на съпроводителното писмо и на прѣвода, намѣрващи се въ архивата на Зографския манастиръ, които разгледахъ, и отъ които си снехъ прѣписи прѣзъ врѣме на миналогодишната си научна екскурсия.

Ето въ прѣписъ съпроводителното писмо:

Его Высокопревосходительству Господину Россійско-Императорскому повѣренному въ дѣлахъ при Оттоманской портѣ — Александру Петровичу Озерову

Аѳоно-Зографской Словено-Болгарской Общежительной Обители Игумена и всего Братства.

Покорнѣйшее прошеніе.

Отъ древнихъ временъ, когда благочестіе въ Греческомъ и Болгарскомъ царствахъ возсіяло, Боговѣнчальные Цари ихъ, начали устроять во Святой Аѳонской Горѣ священныя лавры и монастыри, обезпечивая благосостояніе оныхъ, своими щедрыми приношеніями, — тогда и нашъ Зографскій Словено-Болгарскій монастырь сооруженный въ 898 году[24]), тремя царскаго рода братіями, неменѣе другихъ былъ облагодѣтельствованъ дарованіемъ различныхъ мѣстъ и угодій отъ приснопамятнаго Болгарскаго царя Іоанна Калимана Ассеня, какъ значитая въ Его, данной Монастырю Царской грамотѣ; но все то съ паденіемъ упомянутыхъ царствъ — Агарянскою рукой восхищено. Поетомуже въ число тѣхъ награжденій, одна рыболовня, дарованная отъ царя Ассеня на Дунай-

21) Op. cit. 19—20 стр.

22) Указатель Актовъ, хранящихся въ обителяхъ Св.-Горы Аѳонской. СПб. 1847 г., 61—62 стр.

23) Историческое обозрѣніе Аѳонскихъ славянскихъ обителей: Болгарской—Зографъ, Русскій—Русика, Сербской—Хилендаря. 1867 г., 24 стр.

24) Интересно е, че и въ едно друго писмо, отправено отъ манастира до Генералъ графъ Иванъ Петровичъ Салтиковъ на 3. януарий 1793 год., като му се иска помощь за сграждане черква, защото старата черква, на името на Св. Георгия, се съборила отъ земетрѣсъ, като е сѫществувала 877 години, отнася се основаването на Зографъ въ IX. вѣкъ. Знае се обаче положително, че Зографъ е билъ заселенъ отъ българи-монаси въ XI. в., защото въ една достовѣрна сѫдебна грамота отъ 1058 год. се споменва Зографски игуменъ [illegible] българинъ (Вж. Сава Хилендарецъ, Исто[illegible] »Пер. Списание« 21 стр.).

скомъ устіи — гдѣ ловится бѣлуга — нынѣ смотрѣніемъ Божіемъ находится подъ властію благочестіемъ паче солнца сіяющей Российско-Императорской Державы: то соборъ нашего братства всесмиреннѣйше и благоговѣйнѣйше припадая къ стопамъ Всеавгустѣйшаго Боговѣнчаннаго Монарха, чрезъ посредство Вашего Высокопревосходительства осмѣливается богомольчески просить Всемилостивѣйшаго благоволенію на отдачу Обители нашей прежде препадлежавшей Ей Дунайской рыболовни, — въ которой имѣтся великая нужда, особенно при нынѣ вновь учрежденномъ въ Обители общежитію[25]). Поднася у сего подлинную Царя Ассеня грамоту, снятый съ нея списокъ и переводъ на русское нарѣчіе, просимъ первую изъ нихъ, по окончаніи въ ней надобности, Обители нашей возвратить. (под.) Игуменъ Иларіонъ со всего о Христѣ братію.

Августъ, 10 дня 1852 года.

Св.-Аѳонской Горѣ М-рь Зографъ.

Надолу прѣвеждамъ и прѣвода на хрисовула.

Благочестивый и Христолюбивый Царь Асѣнъ, Самодержецъ Терновскій и всей Вселенной, Болгарскій, Греческій, при томъ Молдавовлахтскій и Венгерской земли и Будина до самой Вѣны, имѣющій по всему свѣту данную Богомъ царству Моему власть. Не столько драгоцѣнные каменья, бисеры и тканія многоцѣнныя возшедшаго на высоту Царскую украшаютъ, сколько Благочестіе къ Богу, усердіе къ благосостоянію Божественныхъ храмовъ и священныхъ Монастырей, и попеченіе о содержаніи ихъ; ибо въ нихъ Божество благоразумно и тщательно почитается. По сему, для сохраненія въ нихъ непрестаннаго славословія всѣхъ Царя Христа Бога, подается имъ, отъ благочестивыхъ и приснoблаженныхъ Царей богатое милостынное подаяніе. Слѣдуя сему примѣру, и Отецъ Царства Моего приснoблаженный Царь Асѣнъ, и ревнуя болѣе всѣхъ иныхъ, прежде Его бывшымъ православнымъ Царямъ — дарилъ богатыми припошеніями Божественные храмы и священные монастыри, а наипаче находящіеся во Свѣтой Горѣ, въ коихъ ни чѣмъ другимъ не занимаются, только Божіимъ славословіемъ и поученіемъ. Простеръ же свое благое дарованіе, Блаженный Отецъ Царства Моего Царь Асѣнъ, и къ находящемуся въ числѣ сихъ Монастирей, честному Монастырю почитаемому во имя святаго славнаго Великомученика Георгія, въ коемъ на Болгарскомъ языкѣ православное Божіе пѣніе совершается. Помыслилъ и Я дати сему Моему Монастырю много земли во святой Горѣ, но убоялся имѣющейся клятвы отъ Собора священныхъ Патріарховъ, и Благочестивыхъ Царей, и отъ прадѣда Нашего Іоанна

25) Какъ е въведено общожитие въ Зографъ на 24. авг. 1849 г., разправя подробно Святогорецъ (Вж. Писма съ Востока, СПб. 1851 г. I. ч. 252 нт.).

Царя Великаго Болгарскаго. По сему Я дамъ Моему Монастырю внѣ Аѳонской Горы, сколько Богъ внушилъ Мнѣ, — и дамъ ему во первыхъ: землю, называемую Правица, гдѣ селеніе и подворье — со всѣми его людьми, правами, прибытками и со всѣми священно-служителями, находящимися въ ономъ; съ тѣмъ, что бы всякій доходъ съ сего селенія приносили — въ Монастырь, куда должна бысть доставляема и прибыль съ озера, и отъ Хандака, и мельницы, и мармора, и все то, что добывается изъ рыболовней, — на содержаніе и пропитаніе подвизающимся монахамъ, для поминовенія Меня и прочихъ приснoблаженныхъ Царей. — Золотая печать. Въ городѣ Сересѣ далъ Я оному монастырю подворье, въ коемъ храмъ св. Николая, близъ жилищъ церковныхъ служителей: Калояна, Маноила и Константина, — и въ Калояновомъ кварталѣ 18 лавокъ. Онъ Калоянъ долженъ настоять, что бы доходъ съ оныхъ былъ доставляемъ монастырю. На Дунайскомъ устьнѣ далъ Я оному же Монастырю рыболовню, гдѣ ловится бѣлуга. А на пристани города Никополя въ кварталахъ Якова, Ѳеодора и Петра Логоѳеѳа — 15 лавокъ. Петръ Логоѳетъ долженъ настоять, что бы доставляемъ былъ въ Монастырь весь доходъ съ лавокъ, съ пристани и съ рыболовни. Повелѣніе Царское. Золотая печать. Въ городъ Сардикій, иначе называемомъ Софія, далъ Я оному Монастырю Митрополію — храмъ святаго Великомученика Георгія, и святаго Николая, что выше мѣднаго ряда; въ кварталѣ-же мяснаго рынка — еже 20 лавокъ. Г. Г. Валчо и Стоянъ должны настоять, чтобы весь доходъ съ Митрополіи, и съ лавокъ, доставляемъ былъ Монастырю. Еще селеніе Челопачани далъ Я оному Монастырю и подворье въ Ономъ, чтобы доходъ съ селенія и подворья доставляемъ былъ въ Монастырь. Еще далъ Я ономуже Монастырю селеніе Горнелозенъ вмѣстѣ съ подворьемъ и храмомъ Святаго Николая; Г-нь Владиславъ долженъ настоять, чтобы доходъ отъ подворья и селенія отсылаемъ былъ въ Монастырь. Царское повелѣние. Золотая печать. Чтобы никто не имѣлъ власти надъ сими мѣстами, данными Мною оному Монастырю. — Тому же Монастырю далъ Я городъ Лихнидонъ или Охридъ. И тутъ Я далъ власть: Архіепископъ Макарій и церковно-служители Маноилъ и Стамати да настоятъ, чтобы весь доходъ съ города, и озера, и съ рыболовни Струги, отсылаемъ былъ въ Монастырь. Царское повелѣніе. Золотая печать. Въ городъ Солунъ далъ Я оному Монастырю кварталы: Клирика, Дуки, Скарлата и Г. Константина, и въ каждомъ кварталѣ по 10 лавокъ, а въ послѣднемъ — подворье и храмъ Св. Георгія, — весь доходъ съ лавокъ и кварталовъ имѣетъ отсылать въ Монастырь Г. Константинъ. Царское повелѣніе. Золотая печать. Кромѣ сего подарихъ Я оному Монастырю землю Ормилія, гдѣ

бы Монастырь соградилъ подворье во имя Св. Николая при селѣ. Доходъ съ подворья и села посылать въ Монастырь. Я же Благочестивый Царь Асѣнъ Божію помощію Самодержецъ Всеболгарскій и Греческій, повелѣваю, чтобы Монастырь святаго Великомученика Христова Георгія на Аѳонской Горѣ, Зографъ именуемый, соорудилъ башню, которую и казвалъ бы именемъ Сына Моего — Михаила, то сеть: Михаиловскою Башнею. Повелѣніе Царское. Золотая печать. Я думалъ дать оному Монастырю много земли, но побоялся клятвы, ибо это съ давняго еще времени постановлено, и запрещено соборовъ священныхъ Патріарховъ и Благочестивыхъ Царей; посему далъ Я ему земли на внѣ святой Горы — сколько Богу угодно было, и повелѣлъ перегородить мѣсто именуемое Іоанно-Селимова рѣка, что на краю моря при колодцѣ, гдѣ есть знакъ Святаго Георгія; а отсѣль надъ Филиповымъ виноградньмъ садомъ, на верхъ горы, гдѣ есть крестъ съ тремя печатями: Св. Георгія, Пимена и Филиппа. Оттуда же въ верхъ къ большой дорогѣ по восточной сторонѣ, подь дорою есть камень, на немъ знакъ Св. Георгія и Пимена. Отсѣль по дорогѣ къ черѣшѣ Моисеевай, потомъ на Іоаннову Камару, и по пути къ старой Башнѣ, не доходя до крутаго мѣста и тутъ есть знакъ. А отсѣль вершиною горы и спускомъ въ низъ, гдѣ оная пресѣкается и тутъ крестъ. Огсюда по долинѣ къ большой рѣкѣ, и къ мельницѣ Св. Георгія. А отсѣль къ морю. Царское повелѣніе. Золотая печать. И Я такъ повелѣваю, какъ Мною обрѣтено, и аще кто преступитъ сію Мою заповѣдь, или кго свидѣтельствовать будетъ ложно, таковый да не получитъ въ день судный милости Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа, и да наслѣдуетъ клятву трехъ сотъ осемнадцати Св. Отцевъ Никейскаго Собора, и да будетъ сопричисленъ къ Іудѣ предателю. По благочестію же скрѣпилъ Мое Царское Величество сію грамоту красною подписью, приложилъ для удостовѣренія Своя Золотую печать.

Февраля мѣсяца въ 2ія день, индикта 1го, въ 6700ʼ лѣто отъ сотворенія Міра (1192).

Іоаннъ Калиманъ во Христа Бога вѣренъ Царь и Самодержецъ Всеболгарскій и Греческій Асѣнъ.

Кога е възвърнатъ оригиналътъ на хрисовула въ Зографъ, не можахъ да намѣря писмо въ архивата.

III.

Оригиналътъ на хрисовула отъ Ивана Калимана и доднесъ се съхранява при другитѣ хрисовули въ Зографския манастиръ. Въ споменатата си обиколка цѣли два дена (5. и 6. августъ 1906 г.) прѣписвахъ и описвахъ тоя хрисовулъ. Той е на пергаментъ отъ срѣдня дебелина; дългъ е

83 см., широкъ — 24 см.; състои отъ двѣ части: началната е дълга 64 см., а крайната — 19 см. Послѣдната е зашита и залѣпена за първата така, щото образува едно цѣло. Слѣдъ подписа пергаментътъ е завитъ на двѣ и прѣшиенъ. На завитата часть е прѣкарана зелена копринена лента, на която е прѣкаранъ златенъ печатъ, състоещъ отъ двѣ пластинки, издигнати прѣзъ срѣдата, дѣто е прокарана лентата. Ето въ истинската голѣмина печатътъ, рисуванъ съ най-малкитѣ подробности:

Отъ десна страна на пергамента е оставено празно мѣсто 3 см., а отъ лѣва — 2.6 см.

Текстътъ на хрисовула съдържа 90 реда безъ подписа, който е на два реда. Писмото е уставно и буквитѣ високи 2.5—3 мм. Многото съкращения съ титли и надредни букви, придихания, ударения, некрасиви букви съ маниеръ отъ XVII. вѣкъ, изобилнитѣ точки и запетии — всичко туй издава паметникътъ за не отъ XII. вѣкъ, както е датиранъ, а отъ новитѣ врѣмена. Важно е, че тамъ, дѣто части или цѣли букви сѫ съ по̀дебело мастило, още не сѫ пожълтѣли. Безъ да се взиматъ подъ внимание палеографичнитѣ и фонетични особности — едни отъ сѫщественитѣ признаци, по които се опрѣдѣля старината на единъ паметникъ, — едно по̀-внимателно разглеждане на тоя хрисовулъ, — всѣки ще се убѣди, че пергаментътъ му е палимпсестъ: точици, остатъци отъ букви, прѣчертани редове, по̀-дълбоко изличване на първия текстъ — всичко това повече отъ всичко друго ни показва, че тоя хрисовулъ е мистификация, положена на пергаментъ съ приблизително такъво съдържание, съ такъвь характеръ, но издаденъ отъ другъ български царь. Прѣди обаче да посоча други съображения за неговата прѣправка, нека кажа още нѣщо за сѫдбата му.

Първъ издаде тая компилация съ много погрѣшки В. Априловъ[26]), като я прие за истински хрисовулъ, и се възхищаваше, че въ нѣколко думи се срѣща ж: прѣлѣжж 11 р., рѣкнжж 14 р., нж 17 р., лждми 28 р., златож сеж пмчатнж 89 р., докато тоя отъ Левъ Философъ смѣта подложенъ. За послѣдния въ такъвъ смисълъ се изказа и проф. H. Gelzer недавно само по прѣвода му на гръцки езикъ, смѣтайки го за фалсификатъ на нѣкой славянинъ отъ късно врѣме[27]), докато Архимандритъ Леонидъ го отнася за съставенъ прѣзъ XIII. в.[28]). И наистина, тия два хрисовула толкова си приличатъ помежду си, щото и отъ повърхното имъ прѣглеждане всѣки ще разбере, че отъ едно и сжщо лице едновръменно сж написани. Палеографичнитѣ особености и на единия и на другия сж еднакви; правописътъ имъ почти въ нищо не се различава, само че въ първия е употрѣбенъ въ седемь думи ж, докато въ втория никакъ не се срѣща. Както ще се види отъ текста на компилацията на нашия хрисовулъ, чудна е употрѣбата на точката и запетаята, а още по̀-чудна и безсистемна е употрѣбата на двойния и простия грависъ (̏, ̀), вѣроятно, модификация на съкратителния паерчикъ (̀)[29]), употрѣбявани наистина въ старитѣ ни паметници, било намѣсто паерчикъ (̀), апострофъ, или намѣсто ударение въ кратки думици. Понеже и двата хрисовула сж написани отъ едно и сжщо лице, а за това ни най-малко се съмнѣваме, защото не само палеографичнитѣ и правописнитѣ имъ особности сж еднакви, но и езикътъ имъ е еднакъвъ, и то такъвъ, на какъвто сж писали нашитѣ книжовници не по̀-рано отъ XVII. вѣкъ, защото той прѣдставя неумѣло и безграмотно смѣшение на църковнославянския съ говоримия народенъ езикъ. Вънъ отъ това, хрисовулътъ отъ Ив. Калимана е датиранъ отъ 1192 г. 2. февруарий, а пъкъ знайно е, че прѣзъ тая година на Българското търновско царство е царувалъ Асѣнъ I (1186—1195). Ако писецътъ е приписвалъ хрисовула на сина на Ивана Асѣня II (1218—1241), Калимана I, който царувалъ само петь години (1241—1246), тогава датата трѣбаше да носи една отъ годинитѣ, презъ които е царувалъ, а не — 1192 г. Отъ самия текстъ на хрисовула се вижда, че подправячътъ — писецъ погрѣшно приписва тая грамота ужъ издадена отъ Ив. Калимана, вмѣсто да е приписана на Ивана Асѣня II, защото из-

---

26) Op. cit. 31—35 стр. (Ср. текста подъ линия въ края на тая студия).

27) Sechs Urkunden des Georgsklosters Zograf, въ »Byzantinische Zeitschrift«, Red. Karl Krumbacher, XII. B. 3. u. 4. H., 528 стр.; Ср. моя рефератъ въ »Българска Сбирка«, XII т. (1905 г.) 172—3 стр.

28) Op. cit. 11—18 стр.

29) Д-ръ Б. Цоневъ, Кюстендилско четвероевангеле. Отд. отп. отъ »Пер. Спис.«. LXVI кн., 14 стр.; Ср. отъ Сжщія »Добрѣйшово четвероевангеле«, въ »Български Старини«, кн. I. София, 1906 г. 17 стр.

рично е казано: [68] ... **да̀ съгра́дѣтъ пирⷢ҇ѡ и̓ данарѣтⷭ҇ѣ въ нѥ́**
[69] **моѥмꙋ сн҃оу михаи́лꙋ сы̀речь михаи́ловъ пи́рⷢ҇ѡ, повѣла црⷭ҇кла́**
[70] **зла́тѫ пѫ́чатѫ** ....; а знае се, че слѣдъ Калимана I дойде на прѣстола по̀-малкия му братъ, Михаилъ Асѣнъ (1246—1257). Явно е отъ това, че компилаторътъ на тоя хрисовулъ е ималъ прѣдъ себе копие отъ дѣйствителенъ, истински хрисовулъ, издаденъ отъ Ивана Асѣня II, по което изглежда да се е ръководилъ, като притуряль нѣкои нѣща, съ цѣль да увеличи правдинитѣ на манастиря. Казвамъ копие, защото допустимо е отъ сѫщия пергаментъ да е прѣписалъ текста отъ истински хрисовулъ отъ Ив. Асѣня II, даденъ на сѫщия манастиръ съ горѣ-долѣ сѫщо съдържание, и слѣдъ това на сѫщия пергаментъ написалъ своя текстъ. До тая мисъль дохождамъ не само по казаното съображение, но още и по окачения печатъ, който е истински, нефалсифициранъ, съ лика на едната страна Иванъ Асѣнъ II съ надписъ **іѿ асѣнь црь Блъгарѡмъ и Гръкѡмъ**, а отъ другата — Св. Димитрия — **сты димитріе** (ср. рисунката). Не трѣба обаче да се изпуска отъ прѣдъ очи, че Ив. Асѣнъ II, най-силенъ господарь на Балкански полуостровъ прѣзъ XIII в., като е облагодѣтелствувалъ светогорскитѣ манастири, не ще да не е далъ хрисовулъ на Зографския манастиръ, толкозъ повече че зографскитѣ монаси, както е извѣстно, ползували се съ голѣми правдини, а именно: приимали милостини отъ цѣлото българско царство, имали свободенъ риболовъ както на Дунава, така и въ Охридското езеро, и голѣмъ брой метоси въ тоговашнитѣ по̀-голѣми български градове[30]). Не ще и дума, че тия правдини били санкционирани съ хрисовулъ, който до насъ не е достигналъ, не защото е изгубенъ, но защото прѣкаленъ монахъ отъ Зографъ, по всѣка вѣроятность, да увеличи правдинитѣ му, безвъзвратно е изтрилъ писмото на истинския хрисовулъ отъ Ив. Асѣня II и го замѣнилъ съ свой текстъ отъ по̀-късно врѣме, не по̀-рано отъ XVII в. и нѐ по̀-късно отъ началото на XVIII в. Тая компилация на хрисовула спада тъкмо отъ онова врѣме, когато Зографъ е водилъ дълготишни процеси сѫдебни за владѣнията си съ други светогорски манастири или съ частни лица.

IV.

И тъй компилацията на хрисовула отъ Ивана Калимана I, даденъ на Зографския манастиръ (1192 г.), както се приемаше до сега, не е компилация на неговъ хрисовулъ, а на такъвъ отъ Ивана Асѣня II. Вѣроятно, компилаторътъ е искалъ да припише хрисовула на царь Калояна, именуванъ и Калиманъ, споредъ »Словѣнобългарската история«

30) [illegible] стр.

отъ О. Паисий[31]), но погрѣшно го датира отъ 1192 г., защото той е царувалъ между 1196—1207 г.

V.

Надолу прѣвеждамъ текста на тая компилация, като го довеждамъ въ паралелъ подъ линия по изданието на В. Априловъ въ »Болгарскіе грамоты«, Одесса 1845 г. Заграденитѣ въ ( ) цифри въ това издание означаватъ броя на редоветѣ.

(1) † Бл҃гочⷭ҇твін *) и̓ х҃олюбивїи̓ цр҃ь асѐнь самодрьжьцѝ трьновъскы̏, и въсѐи (2) въселѧнѧи бльгарѡⷨ и̓ грькѡⷨ. и̓ прѣкѡ мо́лдо́влахїа, и̓ оу̓грьской (3) землѝ, и̓ боуднмаа̀, даже и̓ до вѣнї̈етїа, и бг҃мь данѡ́мꙋ цⷭ҇ртвоу̓ вла(4)сть [1]) и̓моущаа̀ въсеѝ въсѣ́лѧннѧи. Н**)е̏ каменїа ны̏ бисера̀, течѧн(5)нїа многѡцѣнна̀, е̓же на цⷭ҇ркѡ́е висⷭ҇отви въшьⷣша оукра́соватѝ, (6) ꙗ̓ко̀ еже ѡ бⷭ҇жственѣмь блⷭ҇гочтї̈и̓., и̓же ѡ̓ бⷭ҇жтвныⷯ и̓ сщ҃енныⷯ (7) храмѣⷯ., и̓ о бл҃гопрѣбиваныⷯ монастнрѣⷯ. при̓лежа́нї̈е и̓ попе(8)ченї̈е къ съставлѣннїю иⷯ., и̓ не̓прѣстаннꙋмꙋ славословїю., въсѣⷯ (9) цр҃а х҃а б҃а. Ѿ бл҃гочⷭ҇твы̏ⷯ и̓ прⷭ҇но бл҃женныⷯ цр҃е и̓ промишлꙗ̓емое.,, (10) въ ныⷯ же бо̀ бⷭ҇жтво бл҃горазꙋмнѣ и̓ тьщ’нѣ почи́таетеⷭ҇, сиⷨ и̓ милⷭ҇ти(11)нѣ подаетеⷭ҇ бг҃ати и̓ⷨ да̓а̓нї̈емь. ѡ̓бразѡⷨ сиⷨ прѣлⷣѣжж̏, (12) ꙗ̓ко̀ же ѡц҃ь цⷭ҇ртва мое̓го̀ прⷭ҇но бл҃жени цр҃ь а̓сѣнѝ., и прежⷣе се(13)го цⷭ҇ртвав’шїиⷯ православныⷯ цр҃еи. пачѧ всъ сѣⷯ и̓нѣⷯ въ

31) Исторія Словено-Болгарская, изд. А. В. Лонгиновъ, Люблинъ, 1885 г. 37 стр. Много ми се иска да вѣрвамъ, че о. Паисий възможно е по тая компилация да пише въ историята си: »По Петра воспріялъ царство Калиманъ Іоаннъ: сынъ Асѣновъ некои го писали Калоіоанъ, но ся онъ самъ пописуе въ превелегии златопечатаніе: Іоаннъ Асѣнъ Калиманъ« (op. cit.).

*) Въ тая дума първата буква е голѣма, писана съ киноваръ.

**) Разреденитѣ думи въ текста сѫ писани съ киноваръ.

У Априлова, 31 стр.: † Благочестивій и Христолюбивій царь Асень самодрьжецъ трьновскы, и всіей въселяней, Бльгаромь, и грькомь, и прѣко молдовлахіа и оугрьской земли, и Будимаа, даже и до Біетіа, и Богомь даному царству власть имущаа въсіей въсѣлянняй. Но каменіа ны бысера течянніа много цѣнна, еже на царство висоство въшьдша въшъадша оукрасовати яко еже о божествѣнѣмъ благочестіи, и еже о божественныхъ и священныхъ храмѣхъ и о благопребываныхъ монастырѣхъ. прилѣжаніе и попеченіе къ въставлѣнію ихъ, и непрестанному славословію. въ сѣхъ царя Хріста Бога, отъ благочестивѣхъ и присноблаженныхъ царе и промишляемое въ ныхъ же бо божество благоразумнѣ. и тъщнѣ почитаетсе симъ и милостинѣ подаетсе. благодѧтнымъ даяніемъ. образомъ симъ прѣдлѣжя якоже

сⷭщенныⷯ (14) и чⷭтныⷯ. попеченїє съ ставленїю излиха рѣвнꙗжⷯ, своиⷯ даро(15)вани богатнѣ бжⷭтвныⷨ бжїамь црквамь. и блгостоꙗнимь (16) монастирѣмь дарова, и пачїє излыха въ горѣ стѣй соущиⷨ (17), въ ныⷯ же нѣⷭ инωдѣнствω., нж на бжїє словословїє излиха поучє(18)нїє ⷭє. ω ныⷯ же єсть єдинь чⷭтныⷯ монастирь, въ имє вѣли(19)каго и славнаго мченика геωргїа почитаємыи. въ нѣмжє и блъга(20)рскымь єзыкоⷨ, православноє бжїє пѣнїє поєтсє. простр̀ѣ(21)тжє и къ сѣмꙋ своє блгоє дарованїє, блжєнны ωць цⷭртвами (22) пⷭрноблжєнны црь асѣнь, помислиⷯ iазь моємꙋ монастирꙋ мно(23)гаа мѧста дати въ стѣй горѣ нь оубоꙗсє ω клєтва заню (24) бѣшє прѣжⷣє закⷯѧтω тω ω съборь ω сщєнны патрїархы и блго(25)чⷭтвїи цри, и ω прѣдѣдаа нашєго iωанна цра вєликь въ блъ(26)гарѣⷯ нь азь дамь мнoгаа мѧста надворь моємꙋ монастирꙋ єжє хо(27)щꙋ бжїємь изволєнїємь, и дадωⷯ иⷨ прьвω мѧсто нарицаєми при(28)вица мѧтωⷯ и сєлω, съ въсѧми лꙗдми, и съвъсѧми правинами (29),, и користми сєла того, и съ попωвѣ соущими єжє ⷭє въ сѧло тωⷨ,., (30) да ω сѧго прѣбитωкь въсѧкыи въ монастирь приноситⷭє,. и ω єзєрѧро(31)що исходить и ω хандакь водѣнници и мармарь ловища, щω исходить, (32) въсє въ монастирь да сє давать., и ижє въ нѧмь постѧщимсє, инакωⷨ, (33) насьставлєнїє и сщєн-

---

(стр. 32) отець царства моего преснoблажени царь Асѣнь, и прѣжде сего царствовавшiимъ православныхъ царей, пачя въ сѣхъ инѣхъ, въ священныхъ и честныхъ попеченiе съ ставленiю излиха рѣвняя, своихъ даровани богатнѣ божественнымъ божiямъ церквамъ, и благосостоянимь монастирѣмъ дарова и паче излиха въ горѣ святѣй сущимь въ ныхъ же нѣсть ино дѣиство на на Божiе славословiе излиха поученiе есть. отъ ныхъ же есть единъ. честныхъ монастырь, въ имe вѣликаго и славнаго мученика георгiа почитаемый, въ нѣмже и бльгарскимъ езыкомъ православное божiе пѣнiе поетсе. простретже и къ сѣму свое благое дарованiе, блаженны отець царствами приснаблаженны царь Асѣнь, помислихъ и азъ моему монастиру многая мястаа дати въ Святѣй горѣ нь убояхсе о клетва занобѣше прѣжде заклято отъ съборь отъ освящены патрiархы и благонестивiи цари, и отъ прѣдѣдаа нашего Iоанна царя великь въ Бльгарѣхъ. нь азъ дамь многаа мяста на дворъ моему монастиру еже хощу Божiемъ изволенiемь, и дадохъ имъ прьво място нарицаеми Привица мятохъ и село, съ въсями лꙗдми. и съ въсями правинами, и користми села того, и съ поповѣ сущими еже есть въ сяло томъ, да о сяло прѣбитокъ въсякый въ монастирь приноситесь, и отъ езерящо и сходитъ и отъ хандакъ водѣници и мармарь ловища, што исходить въсе въ монастирь да се давать, и иже въ

ное питѣніе биваетъ, и поманъ его и прочих (34) присноблаженны црей съставлѣетсе, благочьстнѣ же. злата пачата., (35) и дадох им въ серъ градъ метох храмъ сти никола, близъ клирица кале (36) ане и близъ клирица манонла, и близъ клирица константина. оу ка(37)лоанова чаршіа. ні. дуганы и калоанъ да настои. що. приходи (38) дуганыите да проноси оу монастирь., и дадох имъ на дунавъ (39) на грьлю ловище и дѣже се ловѣтъ моруны,. и на никополи, (40) скеле, іакова махала, и федорова махала., и петръ логофа(41)тъ махала. и тоу. еі. дуганы да и петръ логофетъ настоиник (42) що приходи от дуганы отскеле и ловища да приноситъ оу монастиръ (43) повѣла црскаа. злата пачатіе., и от зе дадох им въ град (44) сардакіа сирачь глемы Софіа и дах им митрополіа храм, стго велико (45) мученика георгіа и стгω николае въше горе мадны пазаръ, и тоу дах им. к. (46) дуганы махала говѣжды пазаръ, киръ вльчо киръ стоанъ сы да (47) настоатъ що приходит от митрополіа и от дуганы а оны що събера (48) па да носатъ оу монастиръ, и село челопачане дадох и тоу метох, (49) и що приходитъ от село и от метох се оу монастиръ да се пратитъ., (50) и село гор'нилоземъ, и тоу дадох им село и метох въ храм сты николае., (51) и господинъ владиславъ настоиник, що приходи от село и от метох а онъ

постящимся инокомъ, насъставлѣніе и священное питѣніе биваетъ, и помянь его и прочихъ (33 стр.) присноблаженныихъ царей съставляетсе, благочестнѣ же. златя пячатя, и дадохъ имь въ Серь градь метохъ храмъ святи Никола. близъ клирца Калаяна и близъ клирца манонла, и близъ клирца Константина и Калоанова чаршіа. 18 дуганы и калоанъ да настой що приходить отъ дуганыите да приноси у монастирь, и дадохъ имь на дунавь, на грьло ловище, идѣже се ловѣть муруны, и на никополи скіеле іаковова махала, и Өеодорова малахи, и петрь логофять махала. и ту 15 дуганы. дахъ имъ Петръ Логофятъ настоиникъ що приходи отъ дуганы и отъ скіелѣ и отъ ловища да приносить у монастирь, повѣла царскаа. Златя пячатіе и отъ зедъ дадохь имь въ градъ Сардакіа сирячь глаголены Софія, и дахь имь митрополіа храмь святаго великомученика георгіа, и святаго николае вше горе мядны пазарь, и ту дахь имь 20. дуганы махала говежды пазарь, кирь вльчо кирь Стоянь сы да настоять що приходить отъ митрополіа и отъ дуганы а оны що събѣрать па даносать у монастырь. и село челопячани дадохъ и ту метохь, и що приходить отъ село и отъ метохъ се у монастырь да се пратить. и село горнилоземь и ту дадохь имъ село и матохь въ храмь Святы николае. и господинь владиславь настойникь да приходи отъ село

въсѐ (52) да прáти оу манастирь и ѿ селѡ̀ долнилозань щѡ̂ приходи̇т и въсѐ въкупѣ̀, (53) дá пратать оу мóнастирь повѣлà цр̃каà дá никтô нáнимáть власть на (54) сїа места ѐже азъ дадѡ̂х им. злато пачатїю., и дадѡ̂х им лихнидѡ̂ мастѡ́ (55) глемии гра̂д ѡ̂хридъ, и тоу̂ дадѡ̂х им власть да настойть архиепкпь мака(56)рїа и клирикь манонль, и клирикь стáмати щѡ̂ прихóди̇т ѿ гра̂д и ѿ ѐзарѡ̀ (57) ѿ лóвищà струги въсѧ̀ да пратать оу манастирь, повѣла црскаà, (58) злата пачата. и дáдѡ̂х им въ сол̂у гра̂д махала клирикадѹкà и дѹга (59) ни. і. и сарлетовà махала и тоу̂. і. дѹганы, и кѵ̂р константинова (60) махала и тоу̂. і. дѹганы, и тоу̂ матѡ̂х хра̂м сты георгїа, и щѡ̂ прихѡ(61)ди̇т ѿ дѹганы и ѿ махали, въса дá пратить оу̂ монастир. кѵ̂р констан(62)тинь., повѣла црка, злата пачата,. и па̂к дадѡ̂х им мастѡ̂ на (63) ѡ̂рмилїа и тоу̂ дáдѡ̂х матѡ̂х съградити̂ и селò въ ѐдинѡ̂ и щѡ̂ (64) приходи̇т ѿ матѡ̂х и ѿ селò въсе да пратать оу монастирь, и тоу (65) храмь сты николаѐ,. іазь бл̃гочтвїи црь асѣнь самодрьжець (66) въсам бльгарѡ̂м и грькѡ̂м, и повѣлах бжїею помощїю иже е̂ въ (67) стѣй горѣ аѳона монастирь глемии ізѹграфь хра̂м стго велико(68)мченика хв̃а георгїа, дá съградѣть пирѡ̂г и дá наречетсе въ имѐ (69) моѐмѹ сноу михаилѹ сиречь михаиловь пирѡ̂г, повѣла цр̃каà (70) злата пачата., іазь помислих многѡ̂ мастò

и отъ метохъ, и онь въ се да прати у монастырь и отъ село долнилозянь, що приходить и въ се въкупѣ да пратять у монастырь. повѣла царскаа да никто на имать власть на сіа места еже азь дадохь имь Злато нячатію и дадохь имъ. Лихнидонь (34 стр.) място глаголюмы градь охридь, и ту дадохь имь власть да настоить архиепископь макарія и хлирикь маноиль, и клирикь стамати що приходить отъ градь и езеро отъ ловища стругы въ са да пратять у монастырь, повѣла царская, златя пячатя, и дадохь имь въ Солунь градъ махала клирокадука, и дуганы, 10. и спарлетова махала. и ту 10. дуганы, и ту матохь храмь святы георгіа, и що приходить, отъ дуганы и отъ махали, въся да пратить у монастырь, кѵрь константинь, повѣла царская, златя пячатя, и пакь дадохь имь място на ормилія и ту дадохь имъ мятохь съградити и село во едино и що приходить отъ мятохь и отъ село въсе да пратять у монастырь, и ту храмь святы николае. іазь благочестивіи царь Асѣнь самодръжець въсамь бльгаромъ и грькомь, и повѣляхъ божіею помощію, иже есть въ святѣй горѣ Аѳона монастирь глаголеми Ізуграфъ храмь Святаго великомученикы Христова Георгіа, да съградѣть пиргосъ и да наречетсе въ име моему сыну Михаилу сыречь михаиловъ пиргосъ, повѣла царская, Злат[illegible] пячатя [illegible] азъ помислихъ [illegible] много мяс[illegible] дати моем[illegible] монастир[illegible] и убо[illegible]

дати́ моє́мꙋ мѡ́(71)настирꙋ́ нь҆ оу҆боꙗхсє Ѿ клє́тва̀ занѡ҆ бѣшє прѣжⷣє оу҆ставѣно (72) и҆ запрѣтѧно̀, Ѿ сьборь̀ Ѿ сщ҃єнны̏ патрї-а́рхы̏, и҆ Ѿ бл҃гочⷭтвїи҆ цр҃и, (73) нь҆ дадⷯѡ҆ имⷨ на́дворь̀ мєстѡ̏ є҆ликѡ̀ бг҃ь и҆зволи,. и҆ повѣⷯ а҆зь̀ ѻ҆градиⷮ.. (74) мєстѡ̀ Ї҆ѡанова сєли-мова рѫка̀ на́край морє҃ на кладѣнєць̀ воу҆ла̀ ст҃мꙋ (75) гєѡргїю. и Ѿ тоу҆ва на́ⷣ лозїє филипѡва врⷯь на брьдѡ̀ крⷭть три̏ бѧлєгы̏ (76) воу҆ла ст҃мꙋ гєѡргїю, и҆ пими́нова̀, и҆ фили́пова̀, и҆ Ѿ тоу҆ва̀ горѣ́ на голємѝ (77) поу҆ть̀., и҆ на въсточ҆на страна̀ на́ⷣ поуть горѣ̀ камєнь̀ и҆ тоу҆ вꙋла̀, ст҃мꙋ гє(78)ѡргїю̀ и҆ пѝминꙋ̀, и҆ тоу҆ва̀ на поу҆ть чрѣ́ша̀ мѡ̀ѷсиѿва̀, та̏ на Ї҆ѡань̀ ка́мара̀ (79), и҆ Ѿ Ї҆ѡ́ань̀ камара̀ по поу҆ть̀ та́ на старѝ стльпь̀ сы̏рⷱ҇є пирⷢѡ҆. (80) и҆ назадь̀ мало̀ на стрь́м҃но мѧсто и҆ тоу҆ воу҆ла̀ ѻ҆ста́вихà. и҆ Ѿ тоу҆ва̀ го́(81)рѣ́ на врⷯь брьдѡ̀, и҆ Ѿ тоу҆ва̀ дѡлѧ ни̋з брьдо̀ гдє сѐ дѣлѝ брьдо и҆ тоу҆(82)ва̀ крⷭть, и҆ Ѿ здѣ̋ ни̋з долчи́на на́ голѧма҃ рєка҃ та на водѣница̀ ст҃мꙋ гєѡргїа̀ (83)., и҆ тꙋка̀ та̀ долѣ̀ на морѐ, повѣла̀ црⷭка. зла́то пѧчатѧ̏., Ї҆азь̀ та(84)кѡ̀ запо́вѣдаю̀ ꙗжⷤо и҆̏ ѡ҆брѣтⷯѡ҆. и҆ а҆щѐ кто прѣстꙋпить̀ запо́вѣдь̀ (85) сїю̀ илѝ кривѡ̀ свѣⷣтєл҆ствова́тѝ нѧктѡ̏ Ѿ на́силиⷯи мѹжь̏ да нє̏ по(86)лоу҆чить̀ млⷭть г҃а б҃а и҆ спⷭа нашєго̀ і҆ⷭа хⷭа. въ д҃нь соу҆дны̏, клє́твоу жє̏ (87) да наслѣⷣть и҆жѐ въ никєи̏. т҃, и҃і. ст҃ыⷯ Ѿц҃ь, и҆ съпрѣ́датєлѣмь̀ съ (88) причѐтаєтⷭє Ї҆оу҆дѣ̏. и҆ бл҃гочⷭтнѡю и҆зложѝ црⷭтвоми. чрь-

---

отъ клетва зано бѣше прѣжде уставѣно и запрятано, отъ саборь отъ освященны патріархы и отъ благочестивіи цари, нь дадохь имь надворь мѣсто олико Богь изволи, и посѣхь азь оградить место Іоанова селимова рака на край море на кладѣнецъ вула святому Георгію (35 стр.) и отъ тува надъ лозіи филипо на врьх на брьдо крьсть три бялеги, вула святому георгію, и пимонова, и филипова, и отъ тува горѣ на големи путь, и на восточна страна надъ путь горѣ кмень и ту вула святому георгію и пимину, и отъ тува на путь чрѣша моvсvова та на іоань камара, и отъ іоань камара по путь та на стари стьплъ сырѣчь пиргосъ, и назадъ мало на стрьмно място и ту вула оставиха. и отъ тува горѣ на врьхь брьдо, и отъ тува доля низбрьдо гдесе дѣли брьдо и тува крьсть, и отъ здѣ низ долчина на голяма рeка, та на воденица святому георгію, и отъ тука та долѣ на море повѣла царска. Златя пячатя. іазь така заповѣдаю ыкожь и обрѣтохь и аще кто прѣступить заповѣдь сію или криво свѣдѣтельствовати накто отъ насилнихь мужъ да неполучить милость господа Бога и спаса нашего інсуса Хріста въ день судны клетву же да наслѣдить и же въ никіей, 318: святыхь отець, и съ прѣдателѣмь съпричитаетсе іудѣ, и благочестною изложи царствоми чрьвенимже писаніямь. и златоя сея пячатия, въ вѣри.

венниже (89) писанїемь. и златож сеж пачатиж. въ вѣри, мца ф. в. днь., (90) индиктω. .а. въ лѣ: ѕ. .ψ.

(1) † Iω калимань вь ха ба вѣрень црь и самω(2)дрьжець всѣ бльгаро і грькω, асѣнь *)????

Сѣръ, 12. мартъ 1907.

А. П. Стоиловъ,

Директоръ на Сѣрското българско педагогическо училище.

Мѣсяца февруаріи. 2. день. индиктонь. 1. въ лѣто 6700 (отъ Р. Х. 1192).

† Іоаннъ Калиманъ въ Христа Бога вѣренъ Царь и Самодрьжецъ вьсѣмъ Бльгаромъ і Грькомъ, Асѣнь.

*) Подписътъ е съ голѣми киноварни букви.

Къмъ стр. 89. Студията ми бѣше вече отпечатена, когато разгледахъ съчинението на П. А. Сырку, Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ, I. т., вып. I, 1899 г., СПб. 164—156 стр., Заб. 6, въ което изказва мнѣние, че хрисовулътъ е компилация отъ XVII в. и дѣло, както и тоя отъ Левъ Философъ, на едно и също лице.

Поправката, която прѣдлага проф. К. Иречекъ (Исторія болгаръ, 350 стр., Заб. 3; Ср. Сырку, op. cit. 166, за годината на хрисовула 1192, споредь индикта I. 2 февр., на 1243, ми се вижда неприемлива.

Der aristotelische Abschnitt im Hexaemeron des Exarchen Johannes.

In dem Sammelsurium aus griechischen Kirchenschriftstellern, das der Exarch zu seinem Hexaemeron zusammengestellt hat (vgl. ASPh. XXVI, 1 fg.), befindet sich auch ein Stück (in Bodjanskijs Ausgabe von S. скı b 2 Z. 7—ска a 1 Z. 8), das ich in der Überschrift kurz als aristotelisch bezeichnet habe, weil ein beträchtlicher Teil seines Inhalts mittelbar oder unmittelbar beruht auf Teilen des ersten Buches von Aristoteles Tierkunde (*Περὶ τὰ ζῷα ἱστορίαι*, unten zitiert als AH nach Bekkers Aristoteles I mit Angabe von Buch, Kapitel, Seiten- und Zeilenzahl). Darauf haben schon Gorskij und Nevostruev, Описаніе слав. рукоп. Московской синодальной библ. II, 17 fg. hingewiesen, auch eine Anzahl Stellen herausgehoben und teils längere Sätze teils einzelne Ausdrücke aus dem aristotelischen Text danebengesetzt. Die Auswahl ist ziemlich willkürlich und macht, da keine andern Quellen des Exarchen genannt werden, leicht den Eindruck, es wären die Proben aus dem Abschnitt als einem in seiner Gesamtheit aristotelischen gegeben. Aber der Exarch hat sehr stark auch benutzt die Kompilation des Mönches Meletios (s. über ihn Krumbacher Byz. Litt.[2] S. 614, 617 [7]) *Περὶ φύσεως ἀνθρώπου* (unten zitiert nach der Ausgabe bei Migne, Patr. graeca B. 64, als M mit Beifügung der dortigen Seitenzahl). Stellen aus Aristoteles und aus Meletios laufen durcheinander, und in die daraus zusammengestellte Beschreibung des menschlichen Körpers sind wieder teils erbauliche Betrachtungen, teils andre nicht in den Zusammenhang gehörende, ihn vielmehr zuweilen willkürlich zerreißende Stücke eingeschoben, deren Quelle ich nicht gefunden habe. Ich habe nun unten neben den slavischen Text den entsprechenden griechischen gesetzt, soweit ich ihn auffinden konnte. Dem slavischen, der, wie er vorliegt, eine äußerst ungeschickte Serbisierung einer mittelbulgarischen Vorlage darstellt (s. ASPh. a. O. S. 2), habe ich in altbulgarische Lautform umgesetzt, um ihn verständlich zu machen; seine überlieferte Form ist eine

ganz unmögliche. Dabei habe ich die zahlreichen kleinen Verderbnisse stillschweigend verbessert, nur bei stärkeren Änderungen eine Anmerkung beigegeben. Freilich in höherem Sinne verständlich und lesbar wird der Text dadurch nicht und kann es nicht werden, dazu ist der Exarch viel zu willkürlich mit seinen griechischen Vorlagen umgesprungen und seine Übersetzungskunst zu gering (vgl. darüber auch ASPh. XXV, 48 u. 64).

Die Frage, ob der Exarch Aristoteles und Meletios unmittelbar benutzt oder schon eine Kompilation vorgefunden und diese übertragen habe, vermag ich nicht sicher zu beantworten; gefunden habe ich keine ähnliche Zusammenarbeitung in der byzantinischen Literatur. Es will mir nach der zuweilen buchstäblich stimmenden Übersetzung scheinen, als seien die Stellen aus Meletios unmittelbar dessen Schrift entnommen. Dagegen sind die Stellen, die im letzten Grunde jedenfalls auf Aristoteles zurückgehen, öfters so willkürlich und zusammenhangslos aus einzelnen Sätzen des griechischen Textes, bisweilen in verkehrter Ordnung, zusammengeklittert, daß es schwer begreiflich ist, wie jemand, der den zusammenhängenden aristotelischen Text vor sich hatte, so damit verfahren konnte. Ich vermute daher, daß dem Exarchen kleine und größere Excerpte aus der Tierkunde vorgelegen haben, die er wohl oder übel verarbeitet hat.

ѥстъ оубо чловѣкъ, ꙗкоже повѣдаѭтъ, на главѣ имъı три шьвъı на ѫглъı съставлѥнъı — (*ἔχει*) *τὸ ἄρρεν τρεῖς ῥαφὰς ἄνωθεν συναπτούσας τριγωνοειδεῖς*, AH 3. 7 = 516 a 18.

женьскаꙗ же глава иматъ ѥдинъ шьвъ крѫгомь обьхода главѫ, по семоу бо знаменишю и въ гробѣхъ могѫтъ разлѫчати, коѥ ѥстъ мѫжьска глава, коѥ ли женьска — *τὸ δὲ θῆλυ μίαν ἔχει καὶ μόνην ῥαφὴν κυκλοτέρως περιαγομένην καὶ περιγράφουσαν τὸ κρανίον· ἐκ τούτου γὰρ τοῦ σημείου ἐν τοῖς τάφοις τὰ τῶν ἀνδρῶν καὶ γυναικῶν διακρίνεται κρανία*, M 1149 C. — AH 1. 7 = 491 b 2 hat für die beiden eben behandelten Stellen nur *ἔχει δὲ ῥαφὰς* (sc. *τὸ κρανίον*) *τῶν μὲν γυναικῶν μίαν κύκλῳ, τῶν δ' ἀνδρῶν τρεῖς εἰς ἓν συναπτούσας ὡς ἐπὶ τὸ πολύ*; 3. 7 = 516 a 18 *τούτου* (*τοῦ ἀνθρώπου*) *τὸ μὲν θῆλυ κύκλῳ ἔχει τὴν ῥαφήν, τὸ δ' ἄρρεν τρεῖς ῥαφὰς ἄνωθεν συναπτούσας τριγωνοειδεῖς*. Sicher stammt das Slavische nicht unmittelbar aus Aristoteles; der Zusatz *ἐν τάφοις* въ гробѣхъ spricht dafür, daß die zweite Stelle aus Meletios stammt oder mit ihm gleiche Quelle hat.

аште и дроугоници, ꙗкоже глаголѭтъ дроузии, рѣдъкы- [illegible] иже съ [illegible] не иматъ

ни юдиного шьва въ себѣ — ἤδη δ' ὡμμένη ἐστὶ κεφαλὴ ἀνδρὸς οὐδεμίαν ἔχουσα ῥαφήν, AH 1. 7 = 491 b 4.

юсть же, ꙗкоже глаголахъ, вьсѣхъ оудовъ вышьши, а инии оудове по нюи своѥ мѣсто къжьдо дръжитъ по юстьствоу. Einigermaßen entspricht: *πρώτη τῶν ἐν ἡμῖν μελῶν ἡ κεφαλή ἐστιν .... καὶ τὸ ὑψηλότατον καὶ ὑπερεξέχον μέρος τοῦ σώματος*, M 1148 B C.

трьми же сълежашти сѧ частьми глава да съ прѣжда юи лежитъ тѣмѧ· чаи послѣждь мѣнятъ ѥ бывающте по инѣхъ частьхъ· съ зажда же зовомоѥ иниѥ, юже юстъ тылъ· междоу же тыломь и тѣменьмь юстъ корифи, юже юстъ връхъ. — Vgl. *κεφαλῆς μὲν οὖν μέρη, τὸ μέν τριχωτὸν κρανίον καλεῖται· τούτου δὲ μέρη, τὸ μὲν πρόσθιον βρέγμα* (wiedergegeben durch **тѣмѧ**), *ὑστερογενές* (*τελευταῖον γὰρ τῶν ἐν τῷ σώματι πήγνυται ὀστῶν*), *τὸ δ' ὀπίσθιον ἰνίον* (unübersetzt **иниѥ**, erläutert durch **тылъ**), *μέσον δ' ἰνίου καὶ βρέγματος κορυφή* (unübersetzt **корифи**, erläutert durch **връхъ**), AH 1. 7 = 491 a 30—34.

сиѭ же часть и скраниѩ зовѫтъ, юже юстъ лъбъ = »diesen Teil nennt man auch die Schläfen, was die Stirn ist«, an dieser Stelle ein sinnloses Einschiebsel.

нъ иниѥ юстъ съ проста вьсе тъште ничесоже не имы въ себѣ· а тѣмѧ имятъ можденн кожеѭ обьдръжимы·; beruht auf AH 1. 7 = 491 a 34 — 491 b 2, doch nicht genau: *τὸ δ' ἰνίον κενόν· ἔστι δὲ τὸ κρανίον ἅπαν ἀραιὸν ὀστοῦν, στρογγύλον, ἀσάρκῳ δέρματι περιεχόμενον.*

прилежитъ же при можденьхъ оу коньчьныѩ страны, ꙗже зовѫтъ приглавьница, ꙗже мѣнятъ не имѫштѫ никоюгоже живота развѣ чловѣка юдиного. Diese wie die vorhergehende Stelle können z. T. auch angeknüpft werden an AH 1. 16, nur stehen die entsprechenden Sätze dort in umgekehrter Ordnung und in andern Verbindungen. Am ähnlichsten ist der zweiten slav. Stelle Aristophanis Hist. An. epitome (Suppl. Aristotelicum Berol. I S 37 Z. 11): *ἔχει δὲ τὴν λεγομένην παρεγκεφαλίδα* (wiedergegeben mit **приглавьница**) *μόνος ὁ ἄνθρωπος, ἥτις ἐσχάτη* (**оу коньчьныѩ страны**) *τοῦ ἐγκεφάλου κεῖται.* Dazu möchte ich bemerken, daß sonst keine besonderen Übereinstimmungen des slav. Textes mit diesen Excerpten wahrnehmbar sind. Vgl. noch: *ἡ παρεγκεφαλίς, ἣν καὶ παρακρανίδα καλοῦσιν· ἣν μόνην ἔχειν τὸν ἄνθρωπον λέγουσιν ὑπὲρ πάντα τὰ ζῶα*, M 1152 C.

безъ кръви же сѫшта можденн, ꙗкоже и съ гола не имѫтъ кръвавыихъ жилъ· да тѣмь и присно стоуденъ юстъ и то-

плотѫ паче любитъ а не стоуденъ· — Vgl. *ἄναιμος δ' ὁ ἐγκέφαλος ἅπασι καὶ οὐδεμίαν ἔχων ἐν αὐτῷ φλέβα* (**кръв. ж.**), *καὶ θιγγανόμενος κατὰ φύσιν ψυχρός*, AH 1. 16 = 495 a 4.

въ нѥмьже и оумоу мѣсто мѣнѧтъ сѫште ѥтери, ohne Entsprechung.

броди же трие отъ коѥгождо очесе къ мождени градѫтъ, великꙑи ѥдинъ и срѣдьнии, сею же кꙑнжьдо коньць доходитъ до приглавьницѧ, а третии, иже и мьнии ѥстъ, въ самъ въходитъ мождень, сь же ѥстъ, иже паче и стрьмнѣѥ къ ноздрьма приходитъ· — *φέρουσι δ' ἐκ τοῦ ὀφθαλμοῦ τρεῖς πόροι εἰς τὸν ἐγκέφαλον, ὁ μὲν μέγιστος καὶ ὁ μέσος εἰς τὴν παρεγκεφαλίδα, ὁ δ' ἐλάχιστος εἰς αὐτὸν τὸν ἐγκέφαλον· ἐλάχιστος δ' ἐστὶν ὁ πρὸς τῷ μυκτῆρι μάλιστα*, AH 1. 16 = 495 a 11—14.

докланꙗѥтъ же сѧ до тѣмене акꙑ къ лицоу, ohne Beziehung.

междоу бо обою очию ѥстъ чело, ѥже аште велико ѥстъ, то назнаменоуѥтъ, ꙗкоже мьдьлнъ[1]) **разоумъ имать ѥмоуже тако чело ѥстъ· имъже ли мало ѥстъ, то острѣиши сѫтъ мꙑслиѭ и скоро словеса и дѣла разоумѣваѭтъ· чело же, ѥже на широкъ сѧ образъ расходитъ, оужастива чловѣка подобиѥ и знамениѥ мѣнѧтъ сѫште· а крѫговато ѥстъ сътѧжива и тъштива и гнѣвьлива.** — Erweiterung von *προσώπου δὲ τὸ μὲν ὑπὸ τὸ βρέγμα* (vielleicht steckt dies in dem vorangehenden **докланꙗѥтъ** usw.) *μεταξὺ τῶν ὀμμάτων μέτωπον· τοῦτο δ' οἷς μὲν μέγα βραδύτεροι, οἷς δὲ μικρὸν εὐκίνητοι· καὶ οἷς μὲν πλατὺ ἐκστατικοί, οἷς δὲ περιφερὲς θυμικοί*, AH 1. 8 = 491 b 10—14.

на коньци челоу по прѣждоу бръви сѫтъ двоичьнꙑ· нъ ѥже правь лежѧтъ, благодатьна и кротъка и милосръда назнаменоуѭтъ· а ѥже прѣклонѥнꙑ и прѣкланꙗѭште сѧ носѣ [и прѣклонѥнꙑ], то тъ ꙗръ и въсоривъ и оужастивъ· а ѥже паче прѣклонѥнꙑ къ скраниꙗмъ рѫгателꙗ обавлꙗѭтъ и нꙑрива и проказива. Es entspricht — mit Erweiterungen — *ὑπὸ δὲ τῷ μετώπῳ ὀφρύες διφυεῖς· ὧν αἱ μὲν εὐθεῖαι μαλακοῦ ἤθους σημεῖον, αἱ δὲ πρὸς τὴν ῥῖνα τὴν καμπυλότητ' ἔχουσαι στρυφνοῦ, αἱ δὲ πρὸς τοὺς κροτάφους μωκοῦ καὶ εἴρωνος, αἱ δὲ κατεσπασμέναι φθόνου*, AH 1. 9 = 491 b 14—18. Dann folgt: **тако бо пръвии отъ фисикъ, ѥже сѫтъ ѥстьствьници, нарѣковашѧ се зѣло съмотривъше**, aufgenommen aus einer nicht aristotelischen Vorlage.

подъ бръвиѭ же коѥѭждо ѥстъ — на своѥи странѣ

---

1) S. [illegible] Textes.

коѥжьдо — око, имꙑ своѩ части, вѣждѫ горѣ и долоу[1]**, власꙑ кaꙗжьдо износѧшти съ собоѭ, ꙗже рѧсьнове зовѫтъ. ѥстъ же окоу вънѫтрьнѥѥ вьсе водьно, имьже видѧште ѥстъ· зѣницѫ же то зовѫтъ. а ѥже обьдръжитъ бес посрѣдниꙑ, ѥстъ чръно крѫгомь· а ѥже по томь, бѣлообразьно. ѥстъ же обочиѥ и горьниꙗꙗ и дольниꙗꙗ вѣждѧ.** — *ὑφ᾽ αἷς (ὀφρύσι) ὀφθαλμοί. οὗτοι κατὰ φύσιν δύο· τούτων μέρη ἑκατέρου βλέφαρον τὸ ἄνω καὶ κάτω. τούτου τρίχες αἱ ἔσχαται βλεφαρίδες. τὸ δ᾽ ἐντὸς τοῦ ὀφθαλμοῦ τὸ μὲν ὑγρόν, ᾧ βλέπει, κόρη, τὸ δὲ περὶ τούτου μέλαν, τὸ δ᾽ ἐκτὸς τούτου λευκόν. κοινὸν δὲ τῆς βλεφαρίδος μέρος τῆς ἄνω καὶ κάτω κανθοὶ δύο, ὁ μὲν πρὸς τῇ ῥινί, ὁ δὲ πρὸς τοῖς κροτάφοις*, AH 1. 9 = 491 b 18—24. Es scheint, daß mit **обочиѥ** die *κανθοί* (Augenwinkel) wiedergegeben werden sollen.

мъного же различниꙑ очима бꙑваѭтъ, овѣ бо изѣкрѣ бꙑваѥте, а дроузѣи пропелѣсѣ и дроузѣи чрънѣ и дроузѣи веселѣ. Geht wohl im letzten Grunde zurück auf AH 1. 10 = 492 a 2: *τοῖς μὲν γάρ ἐστι μέλαν, τοῖς δὲ σφόδρα γλαυκόν, τοῖς δὲ χαροπόν*; wenigstens deutet das **веселъ** auf ein, freilich falsch verstandenes *χαροπός*. Unmittelbar aus Aristoteles ist es nicht, die gleichen Wendungen kommen auch sonst vor, z. B. M 1164 B: *ὁρῶμεν γὰρ τοὺς μὲν μέλανας ἔχοντας ὀφθαλμούς, τοὺς δὲ γλαυκούς, τοὺς δὲ χαροπούς.*

нъ и при величьствѣ· дроузѣи дроугоую больши ѥсте, да инѣ велицѣ ѥсте зѣло, инѣ пакꙑ малѣ, инѣ срѣдьнии· то тѣ мѣнѧтъ оунѣьши сѫшти. пакꙑ бѫдете очи вънѫтрь въпалѣ зѣло, болѥ своѥѩ ѫдоли окрѫгнѥѥ имѫшти, а дроузѣи вънѣ зѣло напрѧженѣ, акꙑ искочити хотѧшти, а дроузѣи ни сѣмо ни сѣмо[2]**) подобьнѣ нъ срѣдьнии ѥсте, иже мѣнѧтъ добра нрава знамениѥ сѫште** (auf **очи** bezogen besser **сѫшти**, kann indeß auf **знамениѥ** bezogen sein), **въ нихъже тацѣ ѥсте· а иже вънѫтрь имѫтъ очи зѣло, то тꙑ мѣнѧтъ острѣѥ видѧшта въ вьсѣкомь животѣ.** Fast genaue Wiedergabe von M 1176 A—B: *περὶ δὲ τοῦ μεγέθους νῦν ἐστιν εἰπεῖν. Οἱ μὲν γὰρ μείζους εἰσίν, οἱ δὲ ἐλάττονες, οἱ δὲ σύμμετροι, τὴν ἑκατέρων ἀμετρίαν ἐκπεφυγότες, οὓς καὶ βελτίστους εἶναί φασι. Πάλιν οἱ μὲν πεπίληνται πρὸς τὰ ἐντὸς καὶ μείζονα τὴν περιφέρειαν τῆς αὐτῶν κοιλότητος διαγράφουσιν· οἱ δὲ πρὸς τὰ ἐκτὸς ἐξώγκωνται καὶ ἐξαλλεσθαι θέλουσιν· ἄλλοι*

---

1) So habe ich versucht den handschriftlichen Text lesbar zu machen, er lautet: подъ бръвию же кождо ѥстъ на свои странѣ коѥѥждо ѡко имъı срои честивѣ вѣждоу горѣ и долоу.

2) тамо?

δὲ πρὸς οὐδέτερον τούτων ἐκκλίνουσιν, ἀλλὰ τὴν μέσην ἔχουσι χώραν, οἳ καὶ βέλτιστον ἦθος διασημαίνουσι τῶν οἵσπερ εἰσί. Τοὺς μέντοι διακειμένους μᾶλλον πρὸς τὰ ἐντὸς ὀξυωπεστάτους εἶναί φασιν. Nur dem letzten Satz **а иже — животѣ** entspricht genauer AH 1.10 (492 a 9): *τούτων οἱ ἐντὸς μάλιστα ὀξυωπέστατοι ἐπὶ παντὸς ζῴου* (= **въ вьсѣкомь животѣ**).

иже есте очи скоро мижѫшти, то тѣ мѣнѧтъ оумъ нижѫшти на единомь мѣстѣ не стоѩшть нъ часто сѧ прѣмѣнѩѩ и вьсѣмо прѣмешта сѧ (dem **стоѩшть** entsprechend wäre zu erwarten **прѣмѣнѩѭшть** und **прѣмештѫшть**). **а иже есте очи дльго не мьгнѫшти, то того мѣнѧтъ знати бе-срама сѫшть и бестоуда. а иже междоу тацѣхъ срѣдьнии есте ни мижѧшти часто ни дльго мьгнѫшти, то тѣ нрава добра знамение.** Ist eine Ausführung von AH 1. 10 = 492 a 10—12: *καὶ ἢ σκαρδαμυκτικοὶ ἢ ἀτενεῖς ἢ μέσοι, βελτίστου δὲ ἤθους οἱ μέσοι, ἐκείνων δ' ὁ μὲν ἀναιδὴς ὁ δ' ἀβέβαιος.*

Es folgt ein die anatomisch-physiologischen Angaben unterbrechendes erbauliches Stück: **нъ чесо дѣльма оумъножихомъ о семь рѣчь, нъ да и нашего сътворениѩ и оусѫждениѩ**[1]) **чьсть и оудовъ имена почитаѭштиимъ обавимъ, и ѩкоже сѧ сълежѧтъ дроугъ съ дроугомь, и нравы назнаменоуемъ, ѩкоже есмъ слышали отъ хытрыихъ, коегождо образъ какъ естъ, добръ ли или зълъ, да сѧ вѣдѧтъ и дроузии како блюсти· тѣми бо знамении, мѣнѧтъ, богъ милостивъ сы далъ естъ разоумѣваѭштемъ зълонравааго оукланѩти сѧ а къ добронравоуоумоу прикланѩти· ѩкоже и о слъньци и о мѣсѧци далъ естъ знамениѩ, имиже разоумѣвати оутишение и топлотѫ, и пакы боурѭ и зимѫ и бездъждие и вѣтры, и ино мъного, да того зьрѧштю и(ли) приготовити сѧ на дѣло или оубоѩвъшемъ сѧ**[2]) **оуклонити**[3]) **того, и отъ сего славити бога, иже то естъ оустроилъ тако своимъ рабомъ. нъ мы по прокое сѧ имѣимъ, да паче божии силѣ невѣдимѣи чюдимъ сѧ и славимъ ѭ.**

Darauf setzt die Beschreibung des Körpers wieder ein: **естъ и инъ оудъ главьныи, имьже слышимъ, съ проста безъ дыханиѩ· прѣльстилъ бо сѧ онъ старыи Алкмеонъ**[4]) **не по истинѣ глаголавъ козы дышѫштѧ оушима, ѩкоже философъ Аристо-**

1) = *κατασκευή*, vgl. оусьждати Cloz. Z. 654 (ed. Vondrák) *κατασκευάζειν*.

2) зьраштю und оубоѩвъшемъ сѧ laufen parallel, es wechselt nur der Numerus.

3) Zu оук[illegible] mit [illegible] beziehe.

4) [illegible]

тєль рєчє. — ἔτι δὲ κεφαλῆς μόριον, δι' οὗ ἀκούει (sc. ἄνθρωπος oder ζῷον), ἄπνουν, τὸ οὖς· Ἀλκμαίων γὰρ οὐκ ἀληθῆ λέγει, φάμενος ἀναπνεῖν τὰς αἶγας κατὰ τὰ ὦτα, AH 1. 11 = 492 a 13—15.

и сє да ѥстъ знамєнано, ꙗко чловѣкъ тъчиѭ оухомь нє движєтъ. — μόνον ἄνθρωπος οὐ κινεῖ, ib. 492 a 28, oder ἀκίνητον δὲ τὸ οὖς ἄνθρωπος ἔχει μόνος ib. 22.

оуховьныи жє ѥстъ чѧсть знаѥма, ѥжє ѥстъ гръчьскы ловосъ, а словѣньскы краи оушєсє, въ нѥмьжє оусєрѧзѧ повѣшаѭтъ· дроугѫѭ жє чѧсть оставихомъ акы бєз имєни[1]) сѫщѫ, d. i. »es gibt einen bekannten Ohrenteil, der auf griechisch λοβός heißt, auf slavisch Rand des Ohres, in dem man die Ohrringe anhängt; den andern Teil als einen ohne Namen haben wir weggelassen« — entspricht einer weiteren Ausführung von: ὠτὸς δὲ μέρος τὸ μὲν ἀνώνυμον, τὸ δὲ λοβός, AH 1. 11 = 492 a 15.

ѥстъ жє оухо вънѫтрьѭдоу крѫговато, иматъ жє напослѣдь и кость тѣмьждє образомь ꙗкожє и само, въ нѥжє акы въ съсѫдъ тъштъ вьсакъ гласъ звѫчьныи клюкаѩ и тъпаѩ проходитъ· ти имьжє сє къ мождєньмъ нє иматъ брода ни прохода, то тѣмь исходитъ къ оустьнѣи лалоцѣ· отъ тѫдоу жє протѧжитъ сѧ жила въ мождєни, и оудобь зѣло къ нимъ доводитъ гласъ и плюскъ — genau entsprechend M 1181 D: ἔστι δὲ τὸ οὖς κατὰ μὲν τὸ εἶδος (der Exarch muß hier etwa κατὰ τὰ εἴσω gelesen haben, daher вънѫтрьѭдоу) στρογγυλοειδές, ἔχον ἐσχάτως ὀστοῦν ὁμοιόσχημον ἑαυτῷ, ἐν ᾧπερ ὡς ἐν ἀγγείῳ κενῷ πάσης φωνῆς ὁ ψόφος εἰσέρχεται· καὶ ἐπειδὴ τοῦτο τὸ ὀστοῦν πρὸς τὸν ἐγκέφαλον οὐκ ἔχει πόρον, ἀποδίδωσιν εἰς τὸν τοῦ στόματος οὐρανὸν κἀκεῖθεν τεινομένη φλὲψ εἰς τὸν ἐγκέφαλον πρὸς αὐτὸν διαβιβάζει τὸν ψόφον. Im slav. Text folgt noch пакы жє отъ тѫдоу оумъ, wie es scheint überleitend zu dem gleich zu erwähnenden psychologischen Stück. — Vergleicht man die aristotelische, dem Sinne nach hierher gehörige Stelle AH 1. 11 = 492 a 16—21, so sieht man sofort, daß sie dem Text des Exarchen nicht zu Grunde liegen kann: εἴσω δὲ τὴν μὲν φύσιν (τὸ οὖς) ἔχει οἷον οἱ στρόμβοι, τὸ δ' ἔσχατον ὀστοῦν ὅμοιον τῷ ὠτί, εἰς ὃ ὥσπερ ἀγγεῖον ἔσχατον ἀφικνεῖται ὁ ψόφος. τοῦτο δ' εἰς μὲν τὸν ἐγκέφαλον οὐκ ἔχει πόρον, εἰς δὲ τὸν τοῦ στόματος οὐρανόν· καὶ ἐκ τοῦ ἐγκεφάλου φλὲψ τείνει εἰς αὐτό.

Die Beschreibung des Ohres, deren oben gegebener Teil bis сиє a 2 Z. 4 v. u. reicht, wird nun unterbrochen durch eine lange Auseinander-

1) H. знамєни.

setzung über die Stellung der Seele, ihr Verhältnis zur Sinnentätigkeit u. a. (bis сіз b 1 Z. 8 v. u., schließend mit нъ се доволно). Deren Quelle habe ich nicht finden können, und an dem z. T. sehr verwirrten Text ohne die griechische Vorlage herumzuarbeiten, kann zu nichts führen. An der eben bezeichneten Stelle setzt die Beschreibung der Ohren wieder ein: оушн же разлѫчаѭште [1]) въ голѣ [2]) и глѫбоцѣ и срѣдьнн· нже срѣдьнн ѥсте оушн, то тѣ оунѣьшн [3]) ѥсте на слъıшаниѥ· нрава же никакогоже нѣстъ знати отъ того, развѣ аште да не велнцѣ ѥсте нн малѣ нн пакъı въдвиглѣ сѧ зѣло нн пакъı . . . . . [4])· да нже тацѣ бѫдете, то тѣ добръ нравъ назнаменоуѥте· а велнцѣ и нже зѣло въздвигъшин сѧ жродословню и праздьнословню чръство ѥстъ знамениѥ. Genau entspricht M 1184 B—C: *διαιροῦνται δὲ τὰ ὦτα εἰς ψιλὰ καὶ βαθέα* [5]) *καὶ μέσα· ἦθος δὲ οὐδὲν τούτοις χαρακτηρίζεται, εἰ μή τι τῶν μικρῶν ἢ μεγάλων, μήτε τῶν σφόδρα ἐπανεστηκότων ἢ τῶν πάντη συμπεπτωκότων· τὰ μέντοι μεγάλα καὶ ἐπανεστηκότα μωρολογίας λέγουσι καὶ ἀδολεσχίας σημαντικά.* Es ist dies ein Paraphrase von AH 1. 11 = 492 a 32—b 3: *ὤτων δὲ τὰ μὲν ψιλά, τὰ δὲ δασέα, τὰ δὲ μέσα· βέλτιστα δὲ τὰ μέσα πρὸς τὴν ἀκοήν· ἦθος δ' οὐδὲν σημαίνει· καὶ ἢ μεγάλα ἢ μικρὰ ἢ μέσα, ἢ ἐπανεστηκότα σφόδρα ἢ οὐθὲν ἢ μέσον· τὰ δὲ μέσα βελτίστου ἤθους σημεῖον, τὰ δὲ μεγάλα καὶ ἐπανεστηκότα μωρολογίας καὶ ἀδολεσχίας.*

ѥште же лнчьнаꙗ чѧсть ѥстъ носъ, ньже въздъıхаѥмъ и въдъıхаѥмъ вънѫтрь· (irgendwie zu Grunde liegt *ἔτι προσώπου μέρος τὸ μὲν ὂν τῷ πνεύματι πόρος ῥίς· καὶ γὰρ ἀναπνεῖ καὶ ἐκπνεῖ ταύτῃ*, AH 1. 11 = 492 b 5—6) отъ съкровншта бо срьдьчьнааго плюштами въспоуштаѥмо [6]) въ пръсн н въ гръттань приѥмлете ноздри въздоухание, тѣмь бо сопете, н вънъ проваждаѥте и пакъı въспѧть въздоухъ тѫдоу възвлачите и въ

1) Vielleicht ist das h. разлоучающе verderbt aus разлѫчаѭтъ сѧ, vgl. *διαιροῦνται*.

2) Für голѣмѣ der H. nach *ψιλά*.

3) H. оуши, s. u. *βέλτιστα*.

4) H. verderbtes притѣпь an Stelle des gr. *συμπεπτωκότα* (»eingefallen, eingeschrumpft«, im Gegensatz zu »weit abstehend« oder »hoch aufgerichtet«); etwa прѣтѫпѣ »sehr stumpf« zu lesen?

5) Das auffallende *βαθέα*, das keinen Gegensatz zu *ψιλά* bildet, beruht auf einer falschen Lesung von AH 1. 11 (= 492 a 1 Z. 32) *ὤτων δὲ τὰ μὲν ψιλά, τὰ δὲ δασέα, τὰ δὲ μέσα.* Die Abhängigkeit des Exarchen von Meletios [illegible] aus dem [illegible]боцѣ = *βαθέα* ohne weiteres hervor.

6) Zu bezie[illegible]

вънѫтрьнѥѥ ѥстьствоу прѣпоуштаѥтє тѣмиждє чѧстьми [1]). нъ и обонıаѭштѫѩ силѫ имать ноздри· си [2]) жє ѥстъ оустрьмлѥниѥ нѣкакого ѥстьствьна чювьства разоумѣвалѧ и добровониѥ и смрадъ. Stimmt ziemlich genau zu M 1180 A—B: *ἀπὸ γὰρ τῶν ταμιείων καὶ τῶν τῆς καρδίας θαλάμων διὰ τοῦ πνεύμονος ἀναπεμπομένην δέχονται τὴν ἀναπνοὴν οἱ μυκτῆρες καὶ πρὸς τὰ ἔξωθεν ἀποκρίνουσι, καὶ τὴν εἰσπνοὴν ἐφελκόμενοι θύραθεν πρὸς τὰ ἔσωθεν παραπέμπουσιν. Ἔστι δὲ ὄσφρησις ὁρμή τινος ἐνεργείας φυσικῆς*; die letzten Worte разоум. fg. haben hier keine Entsprechung, aber kurz vorher steht, die *μυκτῆρες* seien *ἀντιληπτικοὶ ὀσμῶν καὶ τῶν ἐν αὐταῖς διαφορῶν, τουτέστιν εὐωδίας καὶ δυσωδίας.*

на дъвоѥ жє сѧ прѣдѣлитъ носъ· по срѣдѣ имать прѣградѫ, хрѧставъкъ [3]), ѥмоужє оба полꙑ [4]), рєкъшє по странамъ, тъштє, коѥжьдо акꙑ сопль· — es entspricht wieder einigermaßen M 1180 B: *διχότομος δὲ πεφυκὼς ὁ μυκτὴρ ἀνὰ μέσον ἔχει διάφραγμα χόνδρον· ἑκατέρωθεν ὑπάρχων κενός.* Wenn der slav. Text richtig ist, müßte man übersetzen: »sie (die Nase) hat an den Seiten ein Leeres, jedes wie ein Flötenrohr«, und das hängt wieder irgendwie zusammen mit der dem Sinne nach entsprechenden Stelle AH 1. 11 = 492 b 15: *μέρος δὲ αὐτοῦ (τοῦ μυκτῆρος) τὸ μὲν διάφραγμα χόνδρος, τὸ δ' ὀχέτευμα κενόν* — имьжє дꙑханиѥ вънємлѥтъ и въздоухаѥтъ и ѥстьствьнꙑимъ съкровиштємъ работоуѥтъ, ohne Entsprechung.

оба полꙑ оубо лица чєлюсти ѥстє дъвѣ, връхнıаıа и дольнıаıа· връхнıаıа жє ѫсъ сѧ нарицєтъ, а нижьнıаıа брада. обьштє жє съ вьсѣми животꙑ чловѣкъ имать ѥжє [5]) нижьнѥѭ чєлюстьѭ крѧтати камо любо, тъчьѭ жє рєчєнꙑи коркодилъ мѣнѧтъ вꙑшьнѥѭ чєлюстьѭ движѫшть. — Vgl. *ἔτι δὲ σιαγόνες δύο· τούτων τὸ πρόσθιον γένειον, τὸ δ' ὀπίσθιον γένυς. κινεῖ δὲ πάντα τὰ ζῷα τὴν κάτωθεν γένυν, πλὴν τοῦ ποταμίου κροκοδείλου· οὗτος δὲ τὴν ἄνω μόνον*, AH 1. 11 = 492 b 22—24, entspricht dem Inhalt nach, der Wortlaut rührt vielleicht anderswoher; die inhaltlich gleiche Stelle M 1182 B—C deckt sich auch nicht mit dem Slavischen.

и по носомь жє ѥстє дъвѣ оустьнѣ, нижшти плъть мѧкъкѫ, да тѣмь и оудобь има ѥстъ двизати — vgl. *μετὰ δὲ τὴν ῥῖνα*

---

1) т. ч. eher zum folgenden zu ziehen? vgl. AH 1. 11 = 492 b 13 *ἡ δ' ὄσφρησις γίνεται διὰ τούτου τοῦ μέρους.*

2) Sc. сила, H. сии же еста оустръмлении.

3) Subst. *χόνδρος* Knorpel, vielleicht zu lesen хрѧставьць, das sonst so gebraucht wird.

4) o. п. adverbiell.

5) ѥжє крѧтати (*τὸ κινεῖν*) ist Objekt zu имать.

χείλη δύο, σὰρξ εὐκίνητος, AH 1. 11 = 492 b 24 (das **плъть мѧкъка** steht an der sonst abweichenden Stelle M 1184 D: *μαλακόσαρκά εἰσι* [*τὰ χείλη*]). Nun wird auf einmal die Beschreibung von Lippen und Mund unterbrochen durch etwas gar nicht in den Zusammenhang gehöriges: **истиньнѣише чютие вьсего живота чловѣкъ иматъ еже посѧзати и разоумѣти отъ посѧзании, паче по томь и въкоусъ, при дроугыихъ чювьствѣхъ хоуждии естъ чловѣкъ мъного живота**, aus AH 1. 15 = 494 b 16—18: *ἔχει δὲ ἀκριβεστάτην ἄνθρωπος τῶν αἰσθήσεων τὴν ἁφήν, δευτέραν δὲ τὴν γεῦσιν, ἐν δὲ ταῖς ἄλλαις λείπεται πολλῶν.* Wunderlich ist, daß *τῶν αἰσθήσεων* durch **вьсего живота** ersetzt ist und nun der sonderbare Sinn herauskommt: »der Mensch hat eine wahrere« (ungeschickte Übersetzung von *ἀκριβέστατος*) »Empfindung als jedes Tier was betrifft das Tasten« usw.

Darauf setzt wieder die Beschreibung des Mundes ein in unmittelbarer Fortsetzung der oben zitierten Stelle AH 1. 11 = 492 b 25 fg. Ich setze die griechischen Wendungen hier voran: *τὸ δ' ἐντὸς στόμα σιαγόνων καὶ χειλῶν* — **вънѫтрьнѣиша же оустъноу и челюстию сѫтъ оуста.** *τούτου μέρη τὸ μὲν ὑπερῷα, τὸ δὲ φάρυγξ*; an dessen Stelle: **припрьвьнѩѩ же чѧсти имъ сѫтъ на вышьнюю страноу· ипероа словетъ елиньскы, еже сѧ речетъ горьница** »seine (des Mundes) vorderen Teile sind an den beiden oberen Seiten; *ὑπερῷα* heißt es auf griechisch, was Obergemach bedeutet«. Wenn das **на вышьнюю страноу** richtig überliefert ist, kann es nur Lok. dual. sein; gelesen werden kann es freilich auch **на вышьнѭѭ странѫ**, aber das **на** mit Akk. gibt hier kaum einen Sinn. Der Übersetzer hat wohl mit **в. стр.** das griech. *ὑπερῷα* (hier = Gaumen) wiedergeben wollen, fügt dem noch das griech. Wort hinzu und übersetzt es wieder, als wenn *ὑπερῷον* (= Obergemach) dastünde, mit **горьница.** *τὸ δ' αἰσθητικὸν χυμοῦ γλῶττα· ἡ δ' αἴσθησις ἐν τῷ ἄκρῳ* — **по срѣдѣ же оустъ ѩзыкъ, чютие имы и расѫждание коньцемь, паче же химосомь, еже сѫтъ соци вьсего овоošта·** Die Sonderbarkeit des **химосомь** wird darauf beruhen, daß der Exarch *χυμῷ* gelesen hat. Die Stelle könnte eher anderswo herrühren als unmittelbar aus Aristoteles, ich weiß aber nicht woher. — *αἰσθάνεται δὲ καὶ ὧν ἡ ἄλλη σὰρξ πάντων, οἷον σκληροῦ θερμοῦ καὶ ψυχροῦ*; nur ungefähr entspricht **съ проста же и вьсѣхъ качьствъ, топлоты мѣнѭ и стоудени и мѧкости и жестости и еже въскраи того.** *αὕτη δὲ* (die Zunge) *ἢ πλατεῖα ἢ στενὴ ἢ μέση· ἡ μέση δὲ βελτίστη* — **ти аште нѣстъ** [illegible] **и ѫжии, то оуто** [illegible] **величьствомь, то того**

[illegible]

Der slav. Text geht fort: ѩзꙑчьнаꙗ плъть рѣдъка ѥстъ и кꙑпра акꙑ гѫба, да того цѣшта и скоро разоумѣѥтъ въкоушаѩ вьсѣцѣхъ сокъ овоштьн'ꙑихъ иного сѣмене = *τῆς δὲ γλώττης ἡ σὰρξ μανὴ πέφυκε καὶ στομφώδης, καὶ διὰ τοῦτο θᾶττον ἀντιλαμβάνεται τῆς γεύσεως τῶν χυμῶν*, M 1189 C, nur hat der Exarch die richtigere Lesart *σομφώδης* (schwammig, vgl. AH 1. 11 = 492 b 34 *ἔστι δ' ἡ γλῶττα σὰρξ μανὴ καὶ σομφή*) statt *στομφώδης* (hart) gehabt und richtig mit кꙑпра акꙑ гѫба übersetzt.

нъ и зовомаꙗ приѩзꙑчьница, ѥже ѥстъ лалока, того (sc. ѩзꙑка) чѧсть ѥстъ· иматъ же и та причетана зовомааго исофага [1]), *ἡ δὲ ἐπιγλωττὶς ταύτης μέρος ἐστὶ τὸ ὕπερθεν* (AH 1. 11 = 492 Z. 34 nur *ταύτης τι μέρος ἐπιγλωττίς*)· *ἔχει δὲ αὕτη προσπεφυκότα τὸν καλούμενον οἰσοφάγον*, M 1192 A. — ѥгоже съ прѣжда ар'тирии лежѧшти [2]), ꙗкоже начѧло нижшти [2]) отъ лалок'ꙑ, и паче въскланишти сѧ къ скважнꙑма ноздрьн'ꙑима, ѥгда пиѥмъ, мъногажди напрасно въсхꙑштаѥмъ водьноѥ има и тоу скоро изливаѥмъ; beruht irgendwie auf AH 1. 16 = 495 a 20—27 = *πρότερον δὲ τῇ θέσει ἡ ἀρτηρία κεῖται τοῦ οἰσοφάγου . . . . κεῖται δ' ἐπὶ μὲν τὰ ἄνω πρὸς τὸ στόμα κατὰ τὴν ἐκ τῶν μυκτήρων σύντρησιν εἰς τὸ στόμα, ᾗ καὶ ὅταν πίνοντες ἀνασπάσωσί τι τοῦ ποτοῦ, χωρεῖ ἐκ τοῦ στόματος διὰ τῶν μυκτήρων ἔξω·* Man sieht aber, daß der slav. Text, wenn er wirklich unmittelbar darauf zurückgehen sollte, stark und bis zur Unverständlichkeit zusammengezogen ist.

оуста же соугоуба сѫшта горѣ и долоу съ прѣжда и съ страноу испльнь зѫбъ сѫтъ· рѣдозѫб'ꙑѩ же мѣнѧтъ фисики мало живѫштѧ; der letzte Satz geht zurück auf *οἱ . . ἀραιόδοντες ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ βραχυβιώτεροι*, AH 2. 3 = 501 b 23.

Für das unmittelbar folgende stelle ich die griechische Entsprechung voran: *ἔσω δ' ἄλλο μόριον σταφυλοφόρον, κίων ἐπίφλεβος· ὃς ἐὰν ἐξυγρανθεὶς φλεγμήνῃ, σταφυλὴ καλεῖται καὶ πνίγει*, AH 1. 11 = 493 a 2, d. h. »einwärts (im Munde) noch ein andrer Traube tragender Teil (Aubert-Wimmer übersetzen: Teil von traubenförmiger Gestalt), das mit Adern versehene (aderreiche) Zäpfchen; wenn dies stark feucht geworden sich entzündet, wird es ‚Traube' genannt und würgt« (macht Erstickungsanfälle) — а вънѫтрьнѥѥ иматъ чѧсть лежѧштѫ на кръвавици (hier ist *σταφυλοφόρον* nicht wiedergegeben, das *κίων ἐπίφλεβος* in sonderbarer Weise mißverstanden, als wenn dastünde *κείμενον ἐπὶ*

1) Der Genitiv als Objekt ist auffallend, als wäre *οἰσοφάγος* ein lebendiges Wesen.

2) H. лежещю, имоущю.

φλεβὸς лєжаштѫ на кръвавици; hat der Exarch *κίων* als eine Abbreviatur von *κείμενον* gelesen?) на въıшьнинимь оунѣсии, im Griechischen entspricht nichts und die Bedeutung von оунѣсиє ist unbekannt (aus einer bei Mikl.LP zitierten Stelle könnte man vermuten, es bedeute »die äußerste Spitze« oder »die äußerste Oberfläche«) — ıжє мокротъı нанимъши сѧ нє вънєзаапь (нє zu streichen?) дроугоици обаштрıаєтъ сѧ ти акъı зададвити хоштєтъ чловѣка заграждаıа (richtiger -даıѫшти) бродъ дъıханию· зовѫтъ жє то листъ (dies scheint volkstümliche Bezeichnung für das Zäpfchen, uvula, zu sein; Sreznevskij Slov. dr.-r. jaz. zitiert s. v. листъ eine Stelle aus einer Palaea, die z. T. die obigen Worte des Exarchen enthält).

родомь жє оубо артириıа жєстока ıєстъ, обьдръжима кръвавицами мъногами, и того цѣшта олигємъ, ıєгожє мєждю и исофага прıѧзъıчьница лєжитъ· — soll wiedergeben oder beruht auf: *ἔστι δ' ἡ μὲν ἀρτηρία χονδρώδης τὴν φύσιν καὶ ὀλίγαιμος, πολλοῖς λεπτοῖς φλεβίοις περιεχομένη .... μεταξὺ δ' ἔχει τῶν τρήσεων* (der Luft- und der Speiseröhre) *τὴν ἐπιγλωττίδα καλουμένην*, AH 1. 16 = 495 a 23—28. да ıєгда соухѫ ıадь раждьвавъшє тьнъко зѣло прѣпоустимъ ıѫ въ ѫтробѫ, заливаıєтъ и ставлıаıєтъ артириıѫ своıа ıєи дѣиствовати = »wenn wir eine trockne Speise sehr fein zerkaut habend sie in den Bauch befördern, so übergießt sie (прıѧзъıчьница, *ἐπιγλωττίς*) und hindert die Luftröhre, das ihrige zu tun«; gibt ziemlich getreu wieder: *καὶ ὅταν διαμασησάμενοι καὶ καταλεήναντες παραπέμπωμεν τὴν τροφὴν εἰς τὰ ἔσω, ἐπιπωματίζει ἡ ἐπιγλωττὶς τὴν ἀρτηρίαν καὶ κωλύει αὐτὴν ἐνεργεῖν*, M 1192 B. Daß das kaum verständliche заливаıєтъ für *ἐπιπωματίζει* steht, kann darauf beruhen, daß der Exarch ein *ἐπιποτίζει* gelesen hat; natürlich läßt es sich leicht in закръıваıєтъ verbessern.

о ниємьжє прилоучаıєтъ сѧ, въздоуханиıа нє приıємлıѫшти ар'тирии [1]) вънѫтрьнимь доухомь, ставити сѧ и плюштамъ лвиıє, нєбонъ дъмомѣ артирии бъıваıєтъ проходъ сквозѣ плюштѧ въ скважнатъıѧ [2]) чѧсти плюштьнъıѧ· нѫтъ бо пролѫкъı [3]) и проходъı плюштѧ и събираıѫштѧ, ими жє въходитъ въздоухъ въ доупинъı и въ скважнıѧ тъı, и плюштѧ пакъı прѣпоуштаıѫтъ къ сръдьцю. Wiedergabe von M 1192 B, freilich eine sehr unvollkommene und vielleicht auch in unserm Text entstellte: *ἐφ οἷς συμβαίνει, μὴ κινουμένης τῆς ἀρτηρίας ὑπὸ τοῦ*

1) H. въздоухнию (bei Gorski-Nev. въздоуханию) приємлющи.

2) H. сквозьнат[illegible]

3) H. пролоук[illegible]

ἐντὸς πνεύματος, ἵστασθαι καὶ τὸν πνεύμονα παρευθύς· ὅτι φυσσωμένης τῆς ἀρτηρίας διάδοσις γίνεται πνεύματος εἰς τὰ κοῖλα μέρη τοῦ πνεύμονος· ἔχει γὰρ διαφύσεις χονδρώδεις ὁ πνεύμων εἰς ὀξὺ διηκούσας καὶ συνηγμένας· δι᾽ ὧν εἴσεισι τὸ πνεῦμα εἰς τὰς ὀπὰς αὐτοῦ, κἀκεῖθεν αὖθις εἰς τὴν καρδίαν ἐνίησιν. Die Stelle *ἔχει — συνηγμένας* entspricht den slav. Worten **имѫтъ ко продѫкы — съБирающта**, eine Wiedergabe des *χονδρώδεις* und des *εἰς ὀξὺ* fehlt, in dem **проходы** steckt offenbar *διηκούσας*, in **съБирающта** (H. **съБирающте**) *συνηγμένας*, das aktiv verstanden wäre; man kann dem abhelfen, wenn man **съБирающта сѧ** verbessert.

юстъ же междю лицемь и торакомь межда нѣкака, юже выѭ зовѫтъ, юѩже прѣждь грътань сѧ зоветъ а заждь оуста сырништьнаꙗ· сего же хрѧставьчьное (sc. **юстъ**) **и прѣдьнюю, имьже възглашаюмъ и дышемъ, а мѧсьное вьсе вънѫтрьѭдоу прѣдъ хрьбьтомь· а вын** (poss. Dat.) **задьнꙗꙗ чѧсть юстъ оплештию**; aus AH 1. 12 = 493 a 5—9: *αὐχὴν δὲ τὸ μεταξὺ προσώπου καὶ θώρακος. καὶ τούτου τὸ μὲν πρόσθιον μέρος λάρυγξ, τὸ δ᾽ ὀπίσθιον στόμαχος. τούτου δὲ τὸ μὲν χονδρῶδες καὶ πρόσθιον, δι᾽ οὗ ἡ φωνὴ καὶ ἡ ἀναπνοή, ἀρτηρία· τὸ δὲ σαρκῶδες στόμαχος, ἐντὸς πρὸ τῆς ῥάχεως. τὸ δ᾽ ὀπίσθιον αὐχένος μόριον ἐπωμίς.*

отъ главы же до торака чѧсти и оудове така имена имѫтъ и сълогы· а торакъ по вын по прѣдьнии иматъ странѣ пръвоє грѫди, таче по томь ѫтробѫ, ѫтробѣ же корень юстъ пѫпъ· отъ тѣхъ же юстъ зовомою итронъ· сръдьце же въчинюно юстъ и лежитъ на послѣдьниимь мѣстѣ тораксоу въ ширинахъ, обьдръжимо и хранимо окрѫгъ плюштами, ꙗкоже обьюмъшамъ ю и ꙗкоже акы пръсты своими оушьци обьдръжѧштамъ. Die Stelle erinnert in einigen Einzelheiten an AH 1. 13, z. B. vgl. **ѫтробѣ же корень юстъ пѫпъ** *ταύτης (τῆς γαστρός) ῥίζα ὀμφαλός* (493 a 18), weicht aber sonst ab. Andres erinnert wieder an M 1212 B, doch auch nur entfernt.

Darauf folgt eine erbauliche Betrachtung (**сіѳ** b 2 Z. 2 — **ск** a 1 Z. 17), z. T. verderbt und unverständlich; ich lasse sie daher weg. Dann geht die Beschreibung des Herzens weiter: **лежитъ же оубо сръдьце и въчинюно юстъ творьцемь акы кънѧзь и владыка юстьствоу въ съкровьнѣишиихъ мѣстѣхъ, ꙗкоже и выше глаголахомъ** (Wiederaufnahme eines Teils der eben genannten erbaulichen Stelle). **иматъ же родомь жестокѫ плъть тиньми мъногообразьныими сълежѧ сѧ· ти сего цѣшта тъпанию юго ꙗвѣ назнаменоуютъ (сѧ). ꙗкоже прѣкланꙗютъ сѧ паче на лѣвѫѭ странѫ.**

дъвою винноу цѣшта, имьже на тѫ ѥстъ въчиниѥно странѫ животоу глаголѥмоѥ въздоушьноѥ чрѣво и вѣтрьноѥ, и ꙗкоже паче трѣбоуѥтъ ѥго лѣваꙗ страна, имьже немоштьнѣиши ѥстъ, ꙗкоже и дроузии съказаѭтъ о деснѣи странѣ и отъ ѩтръ приѥмлѭшти нехоудѫѭ помошть¹). Für die ganze Stelle kann ich keine entsprechende griechische Quelle nachweisen. Dann folgt von ск a 2 Z. 10 v. u. — ск b 1 Z. 12 v. u. ѥстъ же оубо прѣклониѥно — послѣдьнии коньць ѥго eine Stelle, die Anklänge an AH 1. 17 = 496 a 14—19 hat, aber so verwirrt ist, daß ich nichts damit anfangen kann. Das noch verbleibende Stück bis zum Ende des ganzen Abschnittes (ска a 2 Z. 8) stammt aus AH 1. 17 (496 a 19 — b 35) mit vielen Auslassungen, die den Zusammenhang zerreißen und den Sinn verdunkeln: имать же (Subjekt сръдьце) три чрѣвеса, о деснѫѭ вѧштьшеѥ, мьньшеѥ же о лѣвѫѭ странѫ, междю же тѣма срѣдьнеѥ = *ἔχει δὲ κοιλίας τρεῖς, μεγίστην μὲν τὴν ἐν τοῖς δεξιοῖς, ἐλαχίστην δὲ τὴν ἐν τοῖς ἀριστεροῖς, μέσην δὲ μεγέθει τὴν ἀνὰ μέσον* = 496 a 19—22. Weggelassen sind darauf Z. 22—25; folgt: ѥже по великомоу чрѣвоу обѣшена ѥстъ кръваваꙗ жила великаꙗ, съ неѭ же ѥстъ зовомоѥ срѣдьнеѥ чрѣво (*μεσεντέριον*)· грѧдѫтъ бо и къ плюштамъ броди нѣкаци отъ сръдьца, и расходѧтъ сѧ такожде ꙗко и ар'тириꙗ по вьсѣмъ плюштамъ отъ ар'тириѩ въслѣдьствоуѭште, vgl. *κατὰ μὲν τὴν μεγίστην κοιλίαν ἐξήρτηται τῇ μεγίστῃ φλεβί, πρὸς ἣν καὶ τὸ μεσεντέριόν ἐστι· κατὰ δὲ τὴν μέσην τῇ ἀορτῇ* (*κατὰ — ἀορτῇ* fehlt im Slav.). *φέρουσι δὲ καὶ εἰς τὸν πλεύμονα πόροι ἀπὸ τῆς καρδίας, καὶ σχίζονται τὸν αὐτὸν τρόπον ὅνπερ ἡ ἀρτηρία, κατὰ πάντα τὸν πλεύμονα παρακολουθοῦντες τοῖς ἀπὸ τῆς ἀρτηρίας*, 496 a 25—30; das *τοῖς ἀπὸ τῆς ἀρτηρίας* ist durch das bloße отъ ар'тириѩ gegeben, was man so nicht verstehen kann. Im Griechischen folgt: *ἐπάνω δ' εἰσὶν οἱ ἀπὸ τῆς καρδίας πόροι· οὐδεὶς δ' ἐστὶ κοινὸς πόρος, ἀλλὰ διὰ τὴν σύναψιν δέχονται τὸ πνεῦμα καὶ τῇ καρδίᾳ διαπέμπουσιν* (496 a 30—32); statt dessen wird nur der Passus von *δέχονται* an dem Vorhergehenden relativisch angeknüpft: иже приѥмлѭтъ въздоухъ, рекъше вѣтръ, и къ сръдьцю прѣпроваждаѭтъ. Die Zeilen 496 a 33—35 sind ausgelassen, der slav. Text geht fort mit: кръвь же мѣнѧтъ имѫшта плюштѧ паче инѣхъ чѧстии (vgl. *αἷμα δὲ πλεῖστον μὲν ὁ πλεύμων*

1) о—помошть; richtig wird sein nach съказаѭтъ zu interpungieren, und ꙗкоже -сък. zum vorhergehenden zu ziehen, dann zu lesen деснѣи странѣ отъ ѩтръ приѥмлѭшти нехоудѫ помошть als dat. abs. = während die rechte Seite von der Leber (die nämlich rechts liegt) eine nicht geringe Hülfe erhält

ἔχει τῶν ἐν τοῖς ζῴοις μορίων 496 a 35 — b 1, darauf fehlen 496 b 1—7), не въ себѣ лежѧштѫ нъ въ кръвавицахъ· имать же и сръдьце кръвь, нъ въ себѣ тъчиѭ, vgl. (*τῶν δ' ἄλλων σπλάγχνων*) *ἡ καρδία μόνον ἔχει αἷμα. καὶ ὁ μὲν πλεύμων οὐκ ἐν αὑτῷ ἀλλ' ἐν ταῖς φλεψίν, ἡ δὲ καρδία ἐν αὑτῇ*, 496 b 7—9. Für das dann folgende: *ἐν ἑκάστῃ γὰρ ἔχει αἷμα τῶν κοιλιῶν, λεπτότατον δ' ἐστὶ τὸ ἐν τῇ μέσῃ*, steht ꙗко же ина оутроба имать, тьнька же ѥстъ и ч҄та соущиꙗ въ велицѣмъ чрѣвеси, unverständlich, wahrscheinlich verderbt. Daran schließt sich: зовомоѥ же прѣпоꙗсаниѥ, рекъше прѣграда торачьскаꙗ, подъ плюштами ѥстъ, ѥже и наричѫтъ[1]) френесъ, рекъше мꙑсли·, vgl. *ὑπὸ δὲ τὸν πνεύμονά ἐστι τὸ διάζωμα τὸ τοῦ θώρακος, αἱ καλούμεναι φρένες*, 496 b 10—11. Darauf Unterbrechung des griech. Textes bis Z. 15, der slavische geht fort: вꙑше[2]) же прѣпоꙗсаниꙗ о деснѫѭ странѫ лежѧтъ ꙗтра акꙑ крѫговатомь образомь сѫшта, а о лѣвѫѭ слѣзена дльга и ѫзъка сѫшти·, vgl. *ὑπὸ δὲ τὸ διάζωμα ἐν μὲν τοῖς δεξιοῖς κεῖται τὸ ἧπαρ, ἐν δὲ τοῖς ἀριστεροῖς ὁ σπλήν*, 496 b 15—17, die Epitheta aus Z. 23 *στρογγύλον δ' ἐστὶ τὸ τοῦ ἀνθρώπου ἧπαρ* und Z. 21 *ὁ τοῦ ἀνθρώπου σπλὴν στενὸς καὶ μακρός*. Überschlagen ist 496 b 17—29; der slav. Text geht fort: къ велицѣи же и къ[3]) кръвавѣи жилѣ прилежѧтъ ꙗтра, привѣшена же ѥстъ къ нѥи [и] слѣзена, vgl. *προσπέφυκε δὲ τῇ μεγάλῃ φλεβὶ τὸ ἧπαρ* Z. 29, *συνήρτηται δὲ καὶ ὁ σπλὴν τῇ μεγάλῃ φλεβί* Z. 32. Das anschließende имѫтъ же ꙗтра и слѣзена своѭ къжьдо кръвавицѫ прострътѫ отъ великꙑѩ кръвав'ꙑѩ жилꙑ и кръвь прѣпроваждаѭштѫ hat keine Entsprechung. Folgt лежите же по [сихъ] истесѣ оу самого хрибьта (vgl. *μετὰ δὲ ταῦτα οἱ νεφροὶ πρὸς αὐτῇ τῇ ῥάχει κεῖνται*, 496 b 34), брод'ꙑ имѫшти отъ великꙑѩ и[4]) кръвав'ꙑѩ жилꙑ (vgl. *φέρουσι δὲ εἰς αὐτοὺς πόροι ἐκ τῆς μεγάλης φλεβός*, 497 a 4) въчинаѭштѧ[5]) до самою истесоу, ииже бродꙑ приѥмлѥте кръви подаиниѥ.

1) Н. ѥже са и н. ѳр., was sich rechtfertigen läßt.

2) Wohl Verderbnis für ниже (= *ὑπό*).

3) и къ wahrscheinlich zu streichen, vgl. gleich darauf великꙑꙗ кръвавꙑꙗ жилꙑ.

4) и wohl zu streichen (s. o.).

5) Auf akk. бродꙑ bezogen, Н. бродъ und въчинѣюшти.

Leipzig. *A. Leskien.*

Georges d'Esclavonie, Chanoine pénitencier de la cathédrale de Tours au XIV—XVme siècles.

Il y a une trentaine d'années M. Dorange bibliothécaire de la ville de Tours auquel on doit un Catalogue des manuscrits de cette bibliothèque [1]) appela mon attention sur les gloses slaves de certains de ces manuscrits. Ces manuscrits avaient pour auteur un personnage appelé Georges d'Esclavonie, auquel le *Grand Dictionnaire historique* de Moreri [2]) consacre une notice ainsi conçue: »Georges d'Esclavonie maître es arts, docteur en théologie, chanoine et pénitencier de l'Eglise de Tours vivait dans le quinzième siècle et au commencement du seizième (ces dates sont erronées ainsi que je le montrerai tout à l'heure). La Croix du Maine dans la Bibliothèque française dit qu'il a écrit en français un livre intitulé: *La Vierge sacrée* imprimé à Paris chez Simon Vostre. Cela n'est pas exact. Le titre de ce livre est: *Le Château de la Virginité.* Il est en prose divisé en huit chapitres, suivis d'une exhortation. Le tout est adressé à Isabelle de Villeblanche, d'une noble famille, qui venait de faire profession dans l'abbaye de Beaumont près de Tours entre les mains de l'archevêque de Tours. Je n'ai vu qu'une édition de ce livre, in 4^0 gothique à Paris par Jean Tiepperel: le 10 Juin 1506.«

L'ouvrage auquel Moreri fait allusion est bien connu des bibliophiles. Il est signalé par Brunet, *Manuel du libraire* (à l'article *Esclavonie*). La Bibliothèque nationale en possède deux exemplaires, dont l'un est incomplet. Ce qui nous intéresse ici, ce n'est pas ce volume, ce sont les manuscrits accompagnés de gloses slaves conservés à la bibliothèque de Tours et que nous allons examiner d'après la description qu'en a donnée

1) Un vol. in 4^0. Tours 1875.

2) Ce Dictionnaire a eu plusieurs éditions. J'ai sous les yeux l'édition de Paris 1759.

le bibliothécaire actuel, M. Collon dans le récent *Catalogue des manuscrits de la Bibliothèque de Tours*[1]). Ce catalogue n'est pas à la portée de la plupart des érudits slaves et les compatriotes de Georges d'Esclavonie seront bien aises sans doute d'être édifiés sur la féconde activité de ce prêtre français qui resta toujours fidèle au souvenir de son pays d'origine.

MS. No. 39 Compendium literalis sensus totius divine scripture signé en latin:

Scriptum Turonis anno D. 1404 per manum Georgii de Sclavonia Canonici et penitentiarii ecclesie Turonensis.

La date de ce ms. nous permet de rectifier tout d'abord une erreur de Moreri. Le chanoine qui l'a écrit en 1404 n'a pu vivre au seizième siècle. Le manuscrit dont nous allons parler maintenant semble indiquer que Georges d'Esclavonie était établi à Tours dans les dernières années du XIVme siècle. MS. No. 79. Lectura magistri Georgii de Sclavonia super Danielem, 1391, 18 die julii. Cependant il est possible qu'il ait été copié à Paris et apporté plus tard à Tours par le scribe.

Le MS. 95 est un recueil de différents textes religieux. Un certain nombre de feuillets portent des notes qui ont pour le lecteur slave un intérêt tout particulier et qui mériteraient peut-être d'être publiés à part en facsimile. Elles attestent l'érudition polyglotte de l'auteur, elles attestent aussi que malgré son long séjour dans cette France où il avait été naturalisé, et où il est mort, il n'avait point oublié la langue dans laquelle il avait fait ses premières prières. Elles nous montrent que dans cette langue il connaissait les deux alphabets sacrés, le cyrillique et le glagolitique. Ce détail mérite d'être relevé.

Le Folio 75 de ce ms. nous présente un alphabet hébreu, un alphabet cyrillique, un alphabet glagolitique précédé de cette mention: Istud alphabetum est chravaticum. Au dessous de chaque lettre le scribe a marqué en caractèrs latins, le nom du caractère glagolitique *az*, *bouki* etc. Vient ensuite l'oraison dominicale en langue slave en caractères latins:

Otse nas ise etc.

On peut supposer qu'en écrivant le pater en caractères latins le chanoine slave a voulu satisfaire la curiosité de quelque confrère français désireux d'avoir une idée de cette langue slave alors si peu connue en occident. Ce qui me paraît confirmer cette hypothèse ce sont les textes que nous allons trouver aux feuillets suivants.

Fol. 76. Salutation angélique et symbole des apôtes en caractères

1) 2 vol. in 8°. Paris, librairie Plon 1900.

glagolitiques avec une transcription en caractères latins. Les caractères glagolitiques sont tracés avec beaucoup de soin et d'une main qui s'est évidemment appliquée. M. Dorange avait bien voulu autrefois prendre pour moi des facsimile de ces deux feuillets. J'en ai conservé et un exposé l'autre au Congrès archéologique de Kiev en 1874. Il doit, s'il n'a pas été perdu, figurer aujourd'hui dans les collections de l'Université de Kiev. Il serait, je crois, intéressant de publier ce facsimile.

Fol. 77. Le passage qui suit semble avoir été écrit, soit comme aide mémoire, soit, ainsi que je le supposais tout à l'heure, pour expliquer à quelque étranger les pays où se pratiquait alors la liturgie slave dite glagolitique. Je transcris en essayant d'interpréter.

Istria eadem patria Chravat. (Il veut dire je crois que l'Istrie c'est au point de vue de la langue un pays slave comme la Croatie.) Primus episcopus Chravacie qui scit utrumque ydioma, tam latinum quam cravaticum et celebrat missam in altero istorum ydiomatum quocumque sibi placet (il s'agit d'un diocèse où la liturgie se célèbre à volonté en latin ou en slavon, glagolitique, mais je ne sais quel est cet évéché). On lit ensuite en caractères latins Pavel dyak z Krbava. Nous reviendrons tout à l'heure sur ce Paul. Dlgouschanin plemeniti routsanin Krisanits[1]) drasecin sin Krbavski. La Krbava en latin Corbavia est une région de la Croatie sur les frontières de la Dalmatie. Elle a eu de 1185 à 1460 un évéché dont le siège était à Udbina. Je ne suis pas assez documenté sur les généalogies et la toponomastique croates pour identifier les personnages dont il est question ici et sur lesquels leurs compatriotes n'ont peut-être eux-mêmes aucun documents.

De ista diocesi est Coplicc — Episcopus de Kerbavia — Episcopus Kninski — Episcopus Krxski[2]) — Epicopus Split. Quasi archiepiscopus. Episcopus Troguier. — Episcopus Schibenik. — Archiepiscopus Zadrski (noter ici le mélange du latin et du croate). — Episcopus Nenski. Episcopus Kabsk. Episcopus Osorski. Episcopus Senski.

Nous avons ici, si je ne me trompe, l'énumération complète de tous les évêchés où se pratiquait seule ou conjointement avec la liturgie latine la liturgie glagolitique.

Au bas de ce feuillet se retrouve un alphabet slave glagolitique un peu plus cursif que celui du feuillet 75.

---

[1]) M. Collon lit Trisanit[illegible] Il faut évidemment lire krisanits = Križanić, de [illegible] qu[illegible] plus loin Krinsk[illegible] [illegible] le Tninsk

[2]) [illegible] antérieu[illegible]

Le folio 78me verso porte des mots slaves qui donnent le nom des jours de la semaine et des mois en caractères latins: Nedila, prvedan (et non pas *day* comme ont lu les éditeurs antérieurs), etc.

Ici encore on peut supposer à bon droit que le scribe a voulu se remémorer des mots usuels de sa langue maternelle ou plutôt, comme je le disais tout à l'heure, donner à quelque collègue français une idée de cette langue.

Le manuscrit qui renferme ces textes slaves, fait remarquer M. Collon, est écrit sur un papier exactement semblable, de la même main que deux autres Mss. de la bibliothèque de Tours (No. 79 et 552) que nous savons être de la main de Georges d'Esclavonie.

Plusieurs autres Mss. de la bibliothèque de Tours qui ne renferment pas de gloses slaves nous donnent quelques indications sur la vie et les œuvres du chanoine pénitentier.

P. 277 il est question d'un ms. donné en gage, datus pignori magistro Georgeo de Rayn canonico turonensi pro duobus scudis auri.

P. 286. Ex libris. Ista est summa Georgii de Rayn Aquilegiensis diocesis. Ces deux mentions nous apprennent le lieu de naissance du chanoine Georges. Sa ville natale appartenait au diocèse d'Aquilée. Nous reviendrons tout à l'heure sur la ville de Rayn. Dans le ms. 444 (Guillaume Peraud, Summa de viciis et virtutibus) au verso du folio N. 18 à la date: Die prima mensis julii anno M° CCCCmo XVImo il est question de la vente dudit manuscrit qui avait été faite per magistrum Georgium de Rain magistro Petro de Castanea. J'ignore qui est ce personnage.

Un manuscrit renfermant des extraits de la seconde Somme de Saint Thomas d'Aquin porte cette note: Extracta finita in vigilia Sancti Mathei apostoli et evangeliste anno domini 1413, scripta per manum magistri Georgii de Sclavonia canonici et penitentiarii.

Au milieu du fol. 16vo du ms. 337 (recueil fact...) on lit la signature G de Rayn et au bas du fol. 17 la date de 1387. Ce ms. date probablement de l'époque où le scribe étudiait à Paris.

Georges d'Esclavonie ne fut pas à Tours le seul représentant des Slaves méridionaux. Il y attira un de ses parents, son neveu Ulric.

Le ms. 469, recueil de textes à l'usage des prédicateurs porte cette mention: Istum librum scripsit Parisius Ulricus nepos magistri Georgii (de Rayn) anno domini 1398.

A côté de cet Ulric figure encore un autre Slave. C'est celui dont nous avons relevé le nom tout à l'heure, Paul de Krbava.

Sur un ms. qui porte la cote 95 du catalogue Dorange j'ai relevé autrefois pendant un séjour à Tours une glose Cyrillique ainsi conçue: То писа Павалъ дьѣкъ нс Крькавѣ како се Ѹчилъ. (Illud scripsit Paulus Diaconus e Krbava sicut didicit.) Je n'ai rien découvert sur la personnalité de ce Paul de Krbava; ce qui est intéressant, c'est de le voir donner ici un specimen d'écriture en alphabet cyrillique, probablement pour satisfaire la curiosité de quelque Tourangeau. Ce qui semble probable c'est que ce Paul vint visiter le chanoine Georges à Tours ou à Paris peut-être en compagnie de deux autres personnages dont était question plus haut[1]).

Tels sont les documents que nous fournissent les manuscrits actuels de la Bibliothèque de Tours. Mais tous les mss. tourangeaux ne sont pas restés dans leur pays d'origine. Il en est qui ont émigré à l'étranger. Un savant archéologue, bien connu par des travaux sur l'histoire de la Touraine, l'abbé Bourrassé, a découvert à Londres au British Museum (ms. No. 11, 443) l'Obituaire de l'Eglise Métropolitaine de Tours.

Voici le passage qui concerne Georges d'Esclavonie:

V Maii (1416) obiit recolendæ memoriæ magister Georgius Henrici de Rahyn presbyter de Sclavonia Aquileiensis diœcesis, magister in artibus et in theologia, canonicus et pœnitentiarius hujus ecclesiæ, qui multos libros manu propria ad usum dictæ ecclesiæ scripsit et notavit in cantu; et in ultima sua voluntate reliquit residuum bonorum suorum mobilium ecclesiæ prefatæ, executione sua completa, pro faciendo anniversarium suum solenne anno quolibet in crastino sancti Hieronymi: Cujus anima requiescat in gaudium.

A la date du 1e Octobre figure une mention qui confirme le texte précédent.

Anniversarium bonæ memoriæ venerabilis viri Georgii Henrici de Rayn, presbyteri de Sclavonia Aquileiensis diœcesis, magistri in artibus et in theologia, canonici et pœnitentiarii hujus ecclesiæ, qui residuum suorum nobilium reliquit . . . et cujus anima requiescat in pace.

Je relève dans les deux textes précédents un détail particulièrement intéressant. Bien que devenu très français de cœur et très dévoué à son église métropolitaine à laquelle il lègue ses biens mobiliers, George d'Esclavonie qui se plait toujours à associer à son nom celui

---

1) Au IVme volume du Chartularium je vois encore mentionné un Croate, Paulus Nicolaus Zagrabiensis (anno 1421).

le sa province et de sa cité natale tient à évoquer à l'instant de sa mort les traditions ecclésiastiques qui ont bercé sa jeunesse. Il prescrit que son service anniversaire aura lieu le lendemain de la fête de Saint Jérome. Or Saint Jérome né à Stridon était considéré par les Slaves de Dalmatie comme leur compatriote et leur patron et une tradition très répandue chez les Slaves méridionaux lui attribuait l'invention de l'alphabet glagolitique. Il était pour le pieux chanoine, un saint national, un compatriote et il tenait à placer sous ses auspices les prières qu'il demandait pour son âme au clergé de la métropole de Tours.

C'est dans le diocèse d'Aquilée que se trouvait le pays natal du chanoine Georges, ce pays qu'il désigne sous le nom de Rayna. Il s'agit très probablement de bourg de Rain situé sur la Save, chef lieu de cercle de la Styrie (1164 habitants, d'après la dernière édition du Brockhaus. C'est, dit le Brockhaus, la ville allemande la plus méridionale de la Styrie, mais le cercle de Rain est surtout habité par des Slovènes). Au quatorzième siècle on ne percevait guère de différence entre les Slovènes et leurs voisins les Croates. Il y a lieu de croire que notre chanoine vécut quelques années dans un diocèse croate où la liturgie glagolitique était en vigueur. Où fit-il ses études? Passa-t-il en France par l'Italie? Etudia-t-il d'abord à l'université récemment fondée de Prague qui attirait certainement les Slaves méridionaux? Nous ne savons actuellement rien de positif à ce sujet.

En tout cas pour arriver jusqu'à Tours il devait nécessairement avoir passé par Paris.

J'ai eu la curiosité de rechercher sa trace dans la belle publication de M. M. Denifle et Chatelain: *Chartularium Universitatis Parisiensis*[1]) et *Auctuarium Universitatis Parisiensis*[2]) qui reproduit les plus vieux registres de la nation allemande à l'Université de Paris.

Dans ces deux publications revient à diverses reprises le nom de Georges d'Esclavonie. Il figure sous les nos. 1355, 1408, 1569, 1570 du Chartulaire.

Une note de l'Auctuarium nom apprend que Georgius de Sclavonia a été boursier ou hospes de la Sorbonne à l'époque où le proviseur était Johannes Diodona évêque de Senlis, c'est à dire entre les années 1388 et 1409.

---

1) Paris, Delalain, 1887 et s.
2) Ibid. 1894 et s.

Le 13 Février 1389 il écrit de Paris à un ami de Vienne[1]) à propos d'une querelle entre l'Université de Paris et les Prêcheurs. Il se recommande au souvenir de quelques amis, Henricus de Hassia, Henricus de Oytten, et le maître Frédéric. Etaient-ce d'anciens collègues de Paris ou les avait il connus en Allemagne? Je ne sais. Il signe Georgius de Rain, magister in artibus, canonicus ecclesie Altissiodorensis. Il est donc à ce moment chanoine de l'église d'Auxerre, ce qui semble indiquer qu'il réside en France depuis assez longtemps. Je n'ai rien trouvé à son sujet dans le catalogue des manuscrits de la Bibliothèque d'Auxerre et j'ignore dans quelles circonstances il reçut ce canonicat qui était peut-être purement honorifique.

Une autre lettre qui figure à Vienne sous la même cote est encore relative aux débats de l'Université et des Prêcheurs. Georges d'Esclavonie déclare que l'ordre des Prêcheurs lui paraît entièrement détruit en France et qu'il ne pourra jamais se réhabiliter.

Voici d'autres documents fournis par l'*Auctuarium*.

Le 5 Avril 1392 maître Georgius de Sorbona est désigné par la nation allemande (à laquelle se rattachaient aussi les Slaves) pour s'occuper de la location de trois maisons appartenant à cette nation et devenus sans objet par ce que les étudiants étaient moins nombreux. Ce détail est en lui-même assez insignifiant, mais il nous prouve que Georges était dès cette époque bien au courant de la langue française et de la coutume de Paris. Le 1er avril 1393 le maître Georges est encore chargé par la nation allemande de constater les dégradations de la maison *à l'image de Notre Dame* et de les faire réparer, si besoin est. Cette maison était située rue Bruneau, à deux pas de l'endroit où est aujourd'hui le Collège de France.

Plusieurs autres documents nous font voir le rôle considérable que jouait maître Georges parmi les membres de la nation allemande.

En 1399, le 3 avril, nous le voyons nommé membre d'une sorte de jury d'honneur chargé de régler un conflit qui s'était engagé entre deux sorbonnistes. La même année (le 5 mai) il est un des députés de la nation allemande dans une commission chargée de construire des écoles à l'usage de cette nation. En 1393 il contribue par une somme de deux francs à la fête annuelle de la nation qui avait lieu le 18 novembre, le jour de la Saint Edouard. En 1401 la nation essaye d'obtenir une subvention de la reine Ysabeau de Bavière pour la construction d'une école des Sept Arts. Plusieurs démarches restent sans résultat. La nation adresse

1 L'original est à la Bibliothèque impériale de Vienne (4 384, fol. 269).

à la reine Georgius de Sorbona. Évidemment il était considéré comme l'un des plus éloquents et des plus habiles parmi les membres de la colonie germanique. En 1403 il figure pour la dernière fois parmi les *magistri non legentes*, c'est à dire qui ne font pas de cours.

Assurément ce Georges d'Esclavonie n'était pas le premier venu, ainsi que le prouve le rôle joué par lui dans le monde académique et la situation acquise dans le clergé tourangeau. Il ne faut donc pas nous étonner s'il fit dans notre pays une si belle carrière. Je serais heureux si ce petit travail pouvait susciter de nouvelles recherches et nous valoir une biographie complète de cet énigmatique personnage qui, après un très long séjour en France, resta toujours fidèle aux souvenirs de sa jeunesse et qui, sous le beau ciel de la Touraine, se plaisait à invoquer le nom de Saint Jérome et associait à son nom celui de sa province natale l'Esclavonie.

Louis Leger.

Etymologie von зьдь.

Miklosich leitet bekanntlich зьдь her von съ und дѣ, da man das, was er von зьдъ sagt, notwendig auch auf jenes wird beziehen müssen. Darnach entspräche es einem samskṛtischen samdhi (gen. mask. wie alle dergleichen Bildungen. Die abstrakte Möglichkeit dieser Etymologie wird man zugeben können, ohne von derselben erbaut oder gar überzeugt zu sein. Zunächst ist das fem. genus von zed' bedenklich, dann die Bedeutung von зьдъ *κέραμος* materia. Man kann nun einwenden, daß eine andere Etymologie nicht ersichtlich ist; in der Tat leidet die einzige andere, die wir im folgenden vorschlagen wollen, auch an einer Schwierigkeit, und es fragt sich, ob man dieselbe angesichts des großen Vorteiles, den sie bietet, in den Kauf nehmen darf.

Um nämlich zu einer andern Etymologie zu gelangen, müssen wir eine Versetzung der Buchstaben annehmen, daß зьдь aus дьзь entstanden ist. Dadurch tritt das Wort als simplex in Beziehung zu der Wurzel ind. *dih*, ir. diz (dižh), welcher wir in *τεῖχος τοῖχος* in ind. dêhî dêha, ir. daêza, arm. dêz (դէզ dizan dizang etc.) begegnen. Dehî ist vedisch und bedeutet etwa Umwallung. Direkt zu зьдь gehört pers. *diz* دِز (od. auch diž دِژ), welches in der alten Literatur (Firdausî) gewöhnlich ist und »Burg« bedeutet; im modernen Pers. ist es durch arabische Wörter verdrängt[1]), hat sich jedoch merkwürdigerweise im zigeunerischen *diz* erhalten, wo es neben *burkos* und andern Wörtern noch heutzutage Burg, Feste, Kerker u. ä. bedeutet.

Die älteste (etwa altpersische) Form muß gewesen sein *diži*, dann *dizi diz*. Die unbequeme Folge von *d-z* war wohl der Grund, daß man in den obliquen casibus zuerst die bequemere Aussprache *z-d* wählte, die dann auch in den Nominativ sing. überging und die allgemeine ward. Das Wort ist ein uraltes und ähnelt dem slav. вьсь, altpers. *vithi* = ind. *viç*, dessen ursprünglich vokalischer Auslaut aus

1) Im modernen Stadtnamen Diz-fül noch erhalten.

çpati erhellt, welches nur aus allmählicher Verschmelzung des *ç* mit
m *p* : *viçi-pati* sich erklärt, da *ç* und *p* incompatibel sind, und das
mpositum *viṭpati* lauten müßte, welches auch tatsächlich in beson-
rer Bedeutung vorkommt.

Wie вьсь ist auch зьдь generis feminini.

So käme зьдь = дьзь in Zusammenhang mit einer Reihe von
örtern, welche auf der Wurzel *diẑh diẑ diz dih* basieren, mit der
rstellung des Aufhäufens, Umwallens, altbaktr. pairidaêza ohrada;
d. *dêhaḥ* Leib als Umwallung, Anwurf der Seele etc.

Für Miklosich mag сждъ maßgebend gewesen sein.

A. Ludwig.

Dubrovački pjesnik Nikola Marci.

Baš je prošlo sto godina kako je sklopio oči dubrovački pjesnik Nikola Marci[1]), pa su ga Dubrovčani već davno zaboravili, a literarna ga historija jedva spomińe, premda spada među one rijetke pisce druge polovine XVIII. vijeka koji su u Dubrovniku još pisali narodnim jezikom. Koliko su ga Dubrovčani zaboravili, vidi se po tome, što ga nikako nema u popisu znatnijih Dubrovčana što su umrli tijekom XIX. vijeka, koji je popis prvi put izdan u dubrovačkome kalendaru *L'Epidauritano* za god. 1896, pa opet u istome kalendaru za god. 1901. A literarni historici, ako ga uopće spomińu, kažu samo ime ńegovo i djela mu što je napisao; još najviše zna o ńemu Šafařík, jer je u svojoj *Geschichte der südslavischen Literatur*, u II. kńizi na str. 84, barem zabiļežio, da je još godine 1803 bio svećenikom u Dubrovniku i da je umro godine 1806 u 88. godini života. Onu je prvu vijest Šafařík uzeo u Fr. M. Appendini (iz II. kńige na str. 215), kojega i cituje, a bez sumńe od ńega je i obaznao i godinu smrti; prema tome dakle izlazi da se je D[um] Nikola Marci rodio godine 1718. I to je sve što se je do sada o ńemu znalo; zamolio sam zato grackoga kapelana u Dubrovniku, D[um] Nika Givanovića, da potraži, ne bi li se što našlo u aktima dubrovačke kurije; to je on i učinio, na čemu mu od srca hvala, pa je našao, da je bio rodom iz dubrovačke Rijeke (de Umbla)[2]) i da se je zapopio 8. juna 1743; zatim je 11. decembra 1744 imenovan za župnika u Luci Šipanskoj, pa pošto se je godine 1772 odrekao te župe, opet je 12. decembra iste godine imenovan za župnika u Banićima kod Slanoga, gdje je bio sve do 24. jula 1786, kada se je i te župe odrekao »ob varias

1) Prezime mu pišem ovako sa *c* (*Marci*), jer mislim, da je možebit sam pjesnik ili ko od ńegovijeh starijih ovako prekrojio prema talijanskome izgovoru ime *Marčić*, kako se je vaļda ova porodica uprav zvala; ime *Marčić* još i dandanas [illegible]a u Hercegovini, pa zato ne vjerujem, da je naprotiv *Marčić* postalo od *Marci*; [illegible]kako ime se izg[illegible] *Mar*[illegible] [illegible] zato u naše [illegible]ijeme neki tako i pišu.

2) Nema d[illegible] Stojanović [illegible] zove »Mar[illegible] por[illegible] Mleta[illegible] [illegible] kńižev[illegible] str. [illegible]

quibus afflictatur corporis infirmitates«; umro je doista godine 1806 30. augusta »aetatis suae annorum 88«.

Još se je mańe znalo za ńegovo djelo, jer se je dosada naprosto samo natpis kazivao, dok ga je u naučne svrhe upotrijebio tek Pero Budmani za rječnik Jugoslavenske akademije (isp. riječ *Evrijen*). Ali nije čudo što se o N. Marci tako malo govorilo, jer je ńegovo djelo postalo već bibliografskom rijetkosti; osim mojega egzemplara ja znam još samo za dva: jedan je u zagrebačkoj sveučilišnoj biblioteci (pod signaturom 13. E. 27) a drugi je u biblioteci dominikanskoga manastira u Dubrovniku (isp. *Starine* XXVIII, str. 36). Kńižica je štampana na 12[ni] i broji 115 stranica (a ne 111 kako stoji u *Starinama*), a natpis joj je: »*Scivot i Pokora Svete Marie Egipkigne Slofceni u sces Pjesni Jezika Slavinskoga po Niccoli Marci Popu Dubrovcjaninu. U Dubrovniku G. G. 1791 Dopustienjem Stariescinâ*«. Poslije natpisnoga lista ide na str. 3 i 4 posveta »*Prisvietl. i Priisvarsn. Gosp. D. Bernardu Zamagni Vlastelinu Dubrovackomu*« — to je poznati latinski pjesnik, prevodilac Homerove Odiseje itd. —, pa na str. 5—9 »*Pridgovor Mudromu Sctiozu*«. Na str. 11—113 smještena je sama pjesma, a pri kraju je na str. 114 i 115 »*U pohvalu Gos. Niccole Marci, Pjevaoza fcivota Svete Marie Egipkigne Pjesan*« s potpisom »*Gio: Salatich Jun.*«; pjesmu u pohvalu piščevu sastavio je dakle mlađi od dva D[um] Ivana Salatića što su živjeli u Dubrovniku u to doba i radili na literarnom poļu; ovaj »mlađi« je bio »starijemu« sinovac, rodio se je godine 1759 a umro je godine 1829 (isp. za ova dva dubrovačka kńiževnika, što su imali isto ime i prezime, s čega su ih među sobom miješali, članak D[um] Nika Ǵivanovića u feļetonu dubrovačkoga lista *Prava Crvena Hrvatska* god. I, br. 31 od 14. X. 1905).

U predgovoru pisac nam priča nešto o sebi, na žalost malo, a nešto više o svojemu djelu. Za sebe spomińe, da je bio župnikom, ali ne govori gdje, pa da je »nazad godište« došao »u ovu pustińu Gospe od Milosrdja«. Kako ni posveta ni predgovor nemaju zabiļežene godine, tako ne možemo sigurno kazati, kada su pisani, ali baš s toga, što se ne spomińe osobita godina, možemo slobodno uzeti, da je to bilo one iste godine, kada je kńiga bila štampana, dakle godine 1791, a onda izlazi, da je D[um] Nikola Marci godine 1790, to jest u svojoj 72[oj] godini života došao u crkvu »Gospe od milosrđa« blizu Dubrovnika, dakle u onu crkvu koju su dubrovački mornari iz topova pozdravļali, kada su se srećno s dugog puta kući vraćali i u koju su prilagali svoje »zavjete«, kojim su se zavjetovali u strašnijem časovima, kad im je more prijetilo da će ih proždrijeti. Tu u miru i dokolici osamļene crkve podaļe od grada i od svagdašńega općeńa s ļudima D[um] Nikola svrši svoje djelo,

koje je mnogo prije započeo: »ja u mlada ljeta šteći ńe (t. j. Marije Eǵipkińe) onaku oštru pokoru, uhiti me tolika bogoḷubnos, da odredih pisat ńe život i složit ga u pjesni slavinske, i tako sam u onoj vrućini od moga uma upiso dvije pjesni; i ovo je bilo nazad tries godištâ, ali paka, ne znam zašto, ne slijedih . . . (str. 5)«. Ako je dakle dobar račun, da je predgovor pisan godine 1791 (ili 1790), onda je D^{um} Nikola te dvije pjesme napisao negdje oko godine 1760, dakle za vrijeme, kada je bio župnikom u Luci Šipanskoj i kada su mu bile već 42 godine, tako da se ona »mlada ljeta« imaju uprav uzeti kako »mlađa ḷeta«. Zatim (nastavḷa pisac u predgovoru) »kako sam došo paka u ovu pustińu Gospe od milosrdja, nazad godište, dođoše u mene ńeki moji prijateḷi znani i razborni i među ostalijem razgovorom uzeli smo govorit od pjesnî i pjesnikâ slavinskijeh, i ja ńekako nehoteći ispustih riječ, da sam bio u moju mlados i ja pjesnik više razlikijeh stvari[3]) i da sam bio počeo pisat u pjesni život Marije Eǵipkińe (str. 5)«. Na ńihovo navaḷivańe morade im D^{um} Nikola pročitati te dvije pjesme a pak obećati, da će djelo dovršiti, što je i učinio, i to dosta brzo — najdaḷe za godinu dana, jer ma kada bio predgovor pisan, on je pisan, kada je već cijelo djelo bilo gotovo, a one dvije prve pjesme čitao je prijateḷima pošto je »nazad godište« došao u crkvu Gospe od milosrđa.

Nego D^{um} Nikola u predgovoru nije nam samo kazao, što ga je potaklo da počne pa da dovrši svoju pjesmu, već nam je tačno naznačio i izvor, po kojemu ju je izradio: »mnozi pisaoci govore od ńe životu . . .; ja sam se služio Petrom Ribadeneirom, pomńivijem pisaocem (str. 8)«; ńegov je izvor dakle djelo špańolskoga isusovca Petra Ribadineira o životima svetaca, koje D^{um} Nikola bez sumńe nije poznavao u špańolskom originalu već u latinskome prijevodu isusovca Jakoba Canisius; u tom djelu »Flos Sanctorum« nalazi se doista u II. kńizi i »Vita S. Mariae Aegyptiacae[4])«. Nameće nam se dakle prije svega pitańe: kako je D^{um} Nikola obradio život Sv. Marije Eǵipkińe što ga je našao u Ribadineire. U ovoga pričańe ide ovijem redom: pobožni opat Zozim, koji je živio u doba cara Justina I (518—527) u nekom palestinskom manastiru, pođe jednom preko Jordana u pustińu i tu nađe pokornicu, koja mu na ńegovu molbu ispripovjedi svoj život: bila je rodom iz Egipta i postala javna bludnica u Aleksandriji, odatle je prešla u Jerusolim; tu, kad joj

3) Kakve su te pjesme mogle biti, ne može se znati; sačuvano regbi da nije ništa ni u rukopisu, barem katalog biblioteke Male Braće u Dubrovniku ne spomińe imena D^{um} Nikolina.

4) Meni je bilo pri ruci izdańe štampano u Köln-u godine 1700, gdje se ovaj život nalazi na str. 135—138 druge kńige.

jednom neka viša sila ne dade da uđe u božji hram, razumje svoj grijeh, pokaja se i ode preko Jordana u pustińu, da tamo okaje svoje dotadašńe grešno živjeńe; u neprestanoj pokori proživje 47 godina, kad je nađe Zozim. Poslije godine on se opet povrati i donese joj svetu pričest, a kad do godine još jednom dođe da je vidi, nađe ńeno mrtvo tijelo a do ńega pismo za ńega određeno, kojim mu je javjala svoje ime i molila ga, da je pokopa, što stari opat i učini s pomoću jednoga lava, koji mu na ńegovu zapovijed iskopa jamu. — Ovu je pobožnu legendu D^um^ Nikola Marci obradio u svojoj pjesmi, i to tako, da je u zadńemu — šestom — pjevańu u stihove pretočio sadržaj legende, kakva je u Ribadeneire, dok je u prvijeh pet pjevańa prikazao život pokorničin do časa, kada se je sastala s opatom Zozimom. Ali ne mislim, da je pjesnik tijem redom i sastavio cijelu pjesmu, nego je bez sumńe odmah u početku naumio da prikaže život Marije Eǵipkińe svojim prirodnijem redom od rođeńa do smrti, tako da je negdje oko godine 1760 ispjevao prva dva pjevańa, a trideset godišta kasnije ostala četiri, a to mislim zato, što pjesnik na jednom mjestu šestoga pjevańa veli: »Eǵipkińa dovlek zbori; | red života ńe ostali | jest u pjesnim predńiem gori | — sve smo poprav spoviedali (str. 100)«, već ako bi ko htio kazati, da je ove riječi pjesnik docnije umetnuo!

Šesto pjevańe nije dakle ništa drugo nego verzifikovana legenda ove svetice; tu D^um^ Nikola nije gotovo ništa sâm dodavao, niti je što ispuštao ili mijeńao, već je sasvim vjerno prepjevao sadržaj svojega izvora, samo što je ovdje izostavio obraćeńe Marije Eǵipkińe, jer ga je bio već potanko ispričao u trećemu pjevańu; uopće u cijeloj pjesmi opazio sam u jednoj jedinoj stvari, da se pričańe D^um^ Nikolino ne slaže s ńegovijem izvorom: gdje se priča kako je Eǵipkińu neka viša sila odbijala od hrama, legenda za ńu govori »itaque tertium magna vi repulsam . . . (str. 136^b^)«, dok D^um^ Nikola ima »ter bi ona *četr* puta | s svetieh vrata porinuta (str. 43)«, ali to je taka sitnica, da gotovo nije vrijedno ni da se spomińe. Drukčije se pak ima tumačiti, što D^um^ Nikola uzimje, da Marija Eǵipkińa zbog pokore ode »u pustošne Tebaide (str. 100)«; legenda naime govori samo, da je pošla iz Jerusolima s onu stranu Jordana, a tek je D^um^ Nikola tako pobliže odredio mjesto, kamo se je zavukla, pa je pri tome — u čudnom neznańu geografskijeh prilika — uzeo, da je Tebaida t. j. gorńi (južni) Egipat blizu Jerusolima!! A da to nije slučajna pogreška, vidi se po tome, što u napomeni na str. 78 (koja je kako i sve ostale napomene napisana talijanski) uzimje, da je pokornica živjela u špiji »nelle Tebaidi d'Egitto«, premda se on inače i u ovome povodi za latinskom legendom, pa i on misli, da je

pokornica pošla iz Jerusolima s onu stranu Jordana! Zato je mislio da je i potrebito da opravda što je kazao za goru, pod kojom je špiļa, da je »po vrsijeh svakolika | često sniegom pokrivena (str. 78)«, ali u toj istoj napomeni on umuje ovako: sama je pokornica kazala Zozimu, da je patila zimu, a zime bez snijega i leda ne može da bude, već ako se hoće misliti na čudo (»sembrarà cosa strana che nelle Tebaidi d'Egitto, dove è il clima caldo, fosse neve; ma la stessa Penitente . . disse . . che pativa il freddo, perciò ho arguito, che il freddo non può esser senza neve o ghiaccio, se altrimenti non vogliamo attribuir al miracolo«); kad bi ostavio špiļu, gdje je po pričańu imala biti, to jest u Palestini, ne bi mu trebalo ni čuđeńa ni čuda, jer tamo zimi može biti i po gorama snijega i po vodama leda! Uopće naš D[um] Nikola nije bio jak u geografiji, jer se opet i u napomeni na str. 38 ispričava što je kazao, da se je Marija Eģipkińa, putujući iz Aleksandrije put Jerusolima, iskrcala u Jafi, jer — veli — tamo su se iskrcavali putnici iz Evrope, dok su se putnici iz dońega Egipta iskrcavali »in Damieta, antico Pelusio«, dok uistinu niti je Damieta stari Pelusium niti je ona putnicima iz dońega Egipta luka za Jerusolim!

Šesto je pjevańe dakle parafraza u stihovima latinske legende, dok je u prvijeh pet pjevańa Marci slobodno prikazao život Marijin do časa, kada se susretne u pustińi s opatom Zozimom. Navešću im prije svega sadržaj, kako ga je sâm pisac naznačio u početku svakoga pjevańa: »*Pjevańe prvo.* Bježańe Marije Eģipkińe iz kuće očine i iz mjesta rodnoga; ńe put do Alesandrije. — *Pjevańe drugo.* U komu se pripovijeda, kako Eģipkińa otide u Jeruzalem s pukom od Alesandrije i kako dođe u Jeruzalem i koji je život činila u Alesandriji. — *Pjevańe treće.* U komu se pripovijeda obraćeńe Eģipkińe u Jeruzalemu i nakom obraćeńa ńe bogoļubnos. — *Pjevańe četvrto.* U komu se pripovijeda, kako Azmodeo, videći obraćeńe Eģipkińe, otide i podbuni vaskolik pakô. — *Pjevańe peto.* U komu se pripovijeda prohod Marije Eģipkińe priko Jordana, ńe pustińa i pokora.« Kao osnov za prvo pjevańe služilo je dakle D[um] Nikoli Marijino pričańe, da je u 12[oj] godini života još za živog oca i najke pobjegla iz očeve kuće i pošla u Aleksandriju, gdje je 17 godina živjela kao javna bludnica ne tražeći zato platu već samo tjelesno uživańe a hraneći se nešto preslicom a nešto prosjačinom. Da bi dakle napunio prvo pjevańe, D[um] Nicola je prije svega poslije kratke ekspozicije na neobičan način izveo invokaciju: opisuje Pindo i Parnas, gdje su živjele poganske božice (muze), pa ńihovo igrańe i pjevańe, ali ». . . pomoć ja ne želim | parnasovieh taštieh vila — | tebe, sveta diklo, molim, | da bi mene prosvietlila . . .« zatim opisuje ukratko

Egipat i ńegovo bogastvo, pa pripovijeda, kako »plam ļuveni« otjera Mariju iz očeve kuće, kako je cijeli dan lutala, dok je pod večer stigla u šumu, gdje je slušala pjesmu pastirice što je hvalila pastirski život, pa zaspala, a u snu joj se prikazala Venera i nagovarala je da izvrši, što je naumila, a zatim »... u krilo | podmetnu jom jedno diete | prižestoko, ali milo | veoma milo, al' otrovno | kê rańiva srca skrovno«. I tako probudivši se u jutru još većma raspaļena, uđe u Aleksandriju, da se tamo nastani. U drugom pjevańu opisan je najprije bludni život Marijin u Aleksandriji, pa ńezino putovańe do Jerusolima, ali za to Marci nije ovdje upotrijebio ni ono malo, što o tome ima u legendi, ne spomińe naime, zašto se je podala bludničkomu životu niti da je svojim tijelom platila vozarinu (to je po legendi kazano tek u VI. pjevańu), već s nekoliko općenitih rečenica opisuje ńen život u Aleksandriji, jer »stid mi ne da, ah ne mogu | glasit veće djela huda«, ali zato potanko opisuje putovańe do Jafe: »Plavi tihe jašu vale; | Nereide s liepom Teti | i sve morske vile ostale | tance vode, staše pjeti; | čujuć Netun tad oholi, | navrh mora pokomoli«, pa putnici pjevaju pjesme o Aleksandru Velikom i o Rimļanima, ali obnoć boga hvale i razgovaraju se o pobožnim predmetima; u zoru ugledaše obalu (odakle vide cijelu Palestinu!), pa »ńeki pješe, ńeki jašu« i srećno uđoše u Jerusolim. Za prvu polovicu III. pjevańa, gdje se pripovijeda obraćeńe Marijino, naš je pjesnik naprosto prepričao, s nešto više riječi, ono što je našao u legendi, dok je drugu polovicu sâm dodao, gdje nam prikazuje, kako je Eǵipkińa obašla svako mjesto po Jerusolimu i okolo ńega što ga je Isus posvetio svojom mùkom. Sasvim je originalno IV. pjevańe: Azmodeo vraća se u pakao, da javi, da se je Eǵipkińa obratila, na što »strašnodržac mrkle tmine« sazivļe vijeće paklenijeh duhova te im nareduje, da idu napastovati Eǵipkińu, ne bi li je odvratili od ńene namjere. I za V. pjevańe, gdje se opisuje pokornički život Marijin, mogao je D[um] Nikola slabo što uzeti iz legende, jer se tamo samo kaže u malo riječi, da je za 47 godina živjela u teškoj pokori, pošto se je za 17 godina borila s napastima; Marci je dakle tu morao gotovo sve sam izmisliti: opisao nam je zato najprije mjesto i špiļu, gdje je Marija sebi našla stan, pa ńenu tešku pokoru i glasno kajańe, zatim je opisao (u obliku dijaloga), koji je »teški boj imala | s nakaznima vječne noći«, pak je završio podužim monologom Marijinim, kojim izrazuje svoja čuvstva vjere, ļubavi i ufańa u boga. Kako je sastavļeno završno, šesto pjevańe, već je kazano.

D[um] Nikola Marci morao je dakle suhoparnomu sadržaju latinske legende koješta dodavati, da mu ispod pera izađe pjesma od šest pjevańa

s gotovo 3100 stihova, dakle više nego li dvaput tolika kolike su Gundulićeve *Suze sina razmetnoga*. Čini se da su mu stoga i prigovarali, osobito za to, što je u ona prva dva pjevańa (što ih je bez sumńe ispjevao prije ostalijeh četiriju) smiješao i nešto mitološkog i svjetovnog elementa, pa se od toga u predgovoru ovako brani: »Jes koji huli i govori, da sam u prve dvije pjesni umiješô i ńeke pričice, koje u italijanski jezik zovu se *favole*, i da sam stavio ńekoliko pripovijestî od zgoda svjetovnijeh. Istina je: to sam sve učinio u ńe dva puta, koja je učinila, prvi bježeći iz doma u Alesandriju, drugi iz Alesandrije u Jeruzalem. Nijesam mogô od mańe nego napunit pjesni s pričicam i zgodam svjetovnijem, koje bi mogle dat kojugod nasladu štiocu, da šti dobrovoļno. A kad bih rekô samo: otišla je Marija u Alesandriju, a iz Alesandrije u Jeruzalem, — to bi sve dospjelo u malo riječî. Što sam stavio, da jom se Venere prikazala u snu, to razumijem one sne, koji nam dohode od prijašńega zamišļeńa oli od napasnika općenoga i zovemo ih *illusioni*; također što sam rekô od Nereida, Teti i Netuna, sve su to kite pjesničke, a ja vjerujem sve što vjeruje sveta crkva rimska (str. 7)«. Vidi se dakle da je D[um] Nikoli bilo do toga da opravda mitološke i svjetovne umetke, ali time nije stvar svršena, jer je on dodavao i dodao još koješta, tako cijelo četvrto pjevańe, pa drugu polovicu trećega, a napokon i peto je pjevańe izveo iz malo riječî latinskoga teksta. Nego ove zadńe umetke D[um] Nikola nije mislio da mu ih treba braniti, jer su u okviru pobožne legende a u duhu i prema vjerovańu katoličke crkve.

D[um] Nikola Marci htio je da sastavi i jest sastavio epsku pjesmu o životu i pokori sv. Marije Eġipkińe; to se vidi odmah po prvijem riječima: »Pjevam život od prikora | glasovite Eġipkińe, | koju oštra jur pokora | s bogom smiri sred pustińe, | gdje za mnogo ljetâ i dânâ | grieh proplaka pokajana«, ali glavno je to, da je zbiļa gotovo cijela pjesma epskog karaktera, tako da pjesnik rijetko gdje upliće svoje misli i osjećaje; samo gdjegdje biva i to: tako u I. pjevańu odmah poslije invokacije pjesnik stavļa Eġipkińu kao izgled neposlušnijem kćerima i poziva roditeļe da nauče »kô se porod pomno vlada« (str. 16—17), a II. pjevańe počińe podužom refleksijom o tome, kako bog dugo trpi, ali i strašno kazni grijeh (str. 28—32); III. pjevańu pak na čelu je razmišļańe o nedohitnosti božjih sudova (str. 41—42), a gdje u IV. pjevańu priča, kako je Azmodeo sašao u pakao, da po mogućnosti osujeti obraćeńe Marijino, tu je opet umetnuo refleksiju o »pakļenoj ćudi hudoj« (str. 62—63) — i to će biti od prilike sve što je pjesnik nekako u svoje ime u pjesmu umetnuo. Marcijeva Marija Eġipkińa ima dakle mnogo [illegible]

epski karakter nego li Đorđićeva *Marija Mandalijena*, a pogotovu nego li Gundulićev *sin razmetni*, gdje odlučno prevlađuje lirski elemenat u okviru epske pripovijesti. Tu je razliku vrlo dobro osjećao sam pjesnik, pa zato i govori u predgovoru: »Čuo sam da ko govori: Nijesu ńegove pjesni kako znanoga opata Ińacija Giorgi — istina je, ja se ne mogu ujednačit š ńime u znańu, svijem tijem varaju se, erbo je razliko djelo opata Giorgi od ovega moga djela. On je pisô uzdahe Mandalijene pokornice i obukô se je u ńe biće pokorno i mogô je namišlat što je hotio i govorit, kako mu se bolje vidjelo; ali moje djelo Eǵipkińe u svemu je razliko, erbo sam ja imô pripovijedat ńe život i pokoru i trebovalo je da stojim prilijepjen na ńe životu i pokori, kako su drugi upisali i pripovijedali, i ne inako, i nijesam mogô izmišlat, er bih lagô i negovorio istinu. Zasve sam i ja izmislio četvrtu pjesan od pakla, koja ne ima česa činit š ńe životom i pokorom. I jes koji huli, da sam vele izrekô, a mogô sam vele veće, er je to u meni stalo i ne bih prošô red od pjesnika. Ovo sam rekô za moje opravdańe, a veće volim da govore o meni, neg da muče.« S ovom vještom i opravdanom obranom kompozicije svoje pjesme završava D[um] Nikola svoj interesantni predgovor.

Pored toga što se je D[um] Nikola htio čvrsto držati svojega izvora, on ga je opet tako obradio i raširio, da je zbila od proste svetačke legende načinio epsku pjesmu dosta velikog opsega. Naravski, ako je htio — a to dabome jest hotio — da u glavnome stvar ostane što je i bila u latinskoj legendi, to jest život i pokora grešnice, koju je katolička crkva ubrojila među svetice, on — katolički svećenik — nije smio mnogo dale ići; zato smo i vidjeli, kako je živo branio što je u prve dvije pjesme uzeo nešto mitološkog elementa, ali — ja barem mislim da je tako bilo — kad je prijatelima poslije trideset godina čitao te prve dvije pjesme, oni su mu zbog toga prigovarali, pa zato u zadńa četiri pjevańa nije više toga činio (premda se i u četvrtome nalaze neki tragovi klasičke mitologije n. pr. što se spomińe Cerber kao čuvar paklenijeh vrata [str. 38]), ali opet nije ni dirao u ono što je već napisao, nego je ostavio kako je bilo. Inače ti su mitološki umeci sasvim sporedna stvar osim onoga sna mlade Eǵipkińe u I. pjevańu, dakle u momentu koji nema realnog temela, gdje dakle nije sapeta fantazija ni najprostijemu čovjeku nekmoli pjesniku! Mitološki elemenat, koji je D[um] Nikola tako umjereno upotrijebio, nije dakle pjesmi na štetu, dok je svakako dobra ńena strana što pjesnik nije uzeo život Marije Eǵipkińe u glavnome kao osnovu za svoja razmišlańa i za moralnu pouku čitalaca, jer niti je on imao prirodni talenat Gundulićev niti fino

osjećańe i veliku učenost Đorđićevu, pa kad bi se poveo za jednim ili za drugim, ńegova bi Marija Egipkińa postala vrlo pobožnom ali i vrlo dosadnom propovijedi ili teološkom raspravom. Naprotiv ovaka kakva je, Marcijeva Marija ima prije svega uglađenu spoļašńu formu: lijep jezik i tečan stih, tako da se i dandanas može ugodno čitati. Ali i unutrašńa joj vrijednost nije baš mala: Marci nije bio pjesnički talenat prvoga reda — to se vidi po banalnom opisu bježańa Marijinog od očeve kuće u Aleksandriju, pa po još banalnijemu opisu putovańa od Aleksandrije do Jerusolima, ali nije bio bez pjesničke snage i fantazije, naprotiv, da je bilo oboga u ńega, dokazao je četvrtim pjevańem, koje je ne samo najļepši dio u cijeloj pjesmi nego uopće najļepši prizor ovake vrste što je meni poznat u našoj literaturi. To je vrlo plastična slika i — koliko ja znam — sasvim originalna: čim se Marija obratila, napasnik Azmodeo »sramotan se k paklu vrati | i za vratim vječne peći | počne mukat i revati; | gvozdevitim on tadara | maļem vrata teško udara«. Na tu buku uzrujao se sav pakao, »pas troglavi za vratima reži, laje, pak zavija | i verige svē zubima | snažno glode i izvija; | u rasržbi grize okoli | sve što hita pas oholi«; ali najviše se uznemiri »strašnodržac mrkle tmine«: »naježi se vas i strese | i krvave silnik oči | tad izbeči, pak diže se | i s ogńena stola skoči; | pjeni ustim, zubim škripa, | huče, laje, hroče i hripa. | Iz glave mu kroz kočeti ogńevita iskra udara, | dim mu crni paha i leti | nesmotrnieh iz nozdara; | u čadavu kaže obrazu | silnos, sržbu i porazu. || Kroz čeļusti krive zmija | ļutica mu prolieta se, | a kravošac krug mu izvija | priko oči niz obraze; | zmaj mu ļuti grlo tište, | kroz uši mu plami pište...« Na ńegovo zapomagańe »razgorje se jaz pakļeni | tmastiem ogńem tad odviše, | mrkli dimi zametni | crniem maglam sve prikriše, | ter se od pakla veći i gori | časom drugi pakô stvori. | Iz spilina, iz jazova | provre rieka veća i gora | rastopļena od olova, | smrdećega od sumpora, | pak nadmeniem tiem valima | silni pakô vas oplima.« Čuvši od Azmodea, o čemu se radi, pakleni kraļ vraća se na svoj prijesto, koji se ovako opisuje: »gorućijeh od ugļena | zajedno zmijam ļutijeme | sto od kraļa nesmiļena | stoji u tminam gustijeme, | koga obstire i obgrada | crni zastor davnieh čada. ... Kod ńega se s desna i s lieva | sve, što može bit smrdeće, | jed čemerni toči i slieva, | koga zmijâ množ izmeće, | ter ga kruže s svake strane | gnusne rieke i pogane.« Stražari su paklenoga prijestola »sedam zloba poglavitieh«, koje Marci jednu po jednu vješto opisuje; pa u takom mjestu i u takom društvu pakleni kraļ drži vijeće, kako će odvratiti Mariju od ńene namjere. Ali petim pjevańem pjesma opet opada: za pokoru Marijinu Marci opet nije

našao ništa drugo do stereotipnih fraza, dok šesto pjevańe — kako je već kazano — nije ništa drugo do verzifikovana parafraza suhoparne latinske legende.

Osim sadržajem IV. pjevańa Marcijeva se Marija Eǵipkińa ističe osobito spoĺašńom formom. Dikcija je jednostavna, ali opet nije nikad prosta; svakako nije gotovo nimalo natruńena talijanskijem sejčentizmima, kojim se ni Gundulić nije mogao a Đorđić nije hotio oteti; samo u opisu lijenosti potkrala se i D^{um} Nikoli igra u riječima: »... ta je misô grize i vrti, | s tega umire sved bez smrti (str. 69)«. Jezik mu je obični dubrovački kńiževni jezik XVIII. vijeka — pravilan i gladak; ima i interesnih riječi n. pr. na str. 51 *probugari* u smislu »procvili«. Malo se gdje može pak opaziti da je što u jeziku zbog metra iskrivĺeno, ali opet ima: »*pri kriż* pribi mnoż ohola (str. 53)« i »*pri kriż* tebe tvrd pribiše (str. 55)«; u rimu pak stoji »smucaše se *koĺenime* (str. 55)« i »... ide *k ńime*« (mjesto *k ńemu*, str. 95); čista je pogreška vokativ *lašce* ('lafcze') od *lażac* (str. 87). — Metar mu je poznata strofa od šest osmeraca s rimom *a b a b c c*, koju ima i Gundulić u *Suzama* i Đorđić u *Uzdasima*. Stih mu je vrlo tečan, ali to u Dubrovčanina sasvim je obična stvar; svakako treba istaći da u Marcija ima dosta rijetko elizija, tako da i s te strane stih mu za naše uho glatko teče. Dabome držana je bez izuzetka cezura poslije četvrtoga sloga, a nema jednosložnih akcentovanih riječi na kraju prve ili druge polovice stiha; opazio sam samo ova dva stiha »k tebi ako hȍć da pritečem (str. 95)« i »do godišta, bog ako dâ«, ali u oba slučaja pred jednosložnom riječi stoji riječ, koja može biti proklitika, tako da je Marci bez sumńe htio da se izgovara »... *akò-hoć*« i »... bog *akò-dā*«. Pogrešni su samo ova dva stiha: »moli je on: blagoslovi me (str. 96)« i »sedamnês ljetâ ja nikada (str. 99)«; možebit da je na drugome mjestu pjesnik bio napisao: »sedamnês ja ljetâ ikada«, pa da je tako slagar izmijenio, ali u prvome slučaju pogreška je svakako pjesnikova, jer taj stih rimuje s ovijem: »za božije sveto ime«, tako da se ne može promisliti, da je D^{um} Nikola bio napisao: »moli je on: blagosov' me«, nego treba uzeti, da je Marci sasvim iznimice zanemario cezuru u ovom stihu, koji se dakle ima čitati ovako: »moli je͡ on bla|goslovi me«. Nego to mu možemo oprostiti, jer je inače svuda Marija Eǵipkińa vrlo uglađena pjesma, koja, i ako nema bog zna kolike unutrašńe vrijednosti, opet je jedan od boĺih proizvoda dubrovačke literature uopće, a svakako jedan od najboĺih iz vremena poslije Đorđića, pa zato potpuno zaslužuje da se izvuče iz zaborava u kojemu je preko stotinu godina čamala.

U Beču 31. marta 1907. *Milan Rešetar.*

Roty sądowe polskie XV. wieku.

Czym chata bogata, tym rada.

Jak wiadomo, nie odpowiada wcale dawna, średniowieczna, literatura polska, szczegolniej z wieku XV, ani liczbą ani znaczeniem pomnikow, liczbie narodowej, znaczeniu państwowemu, kulturze miejskiej i szlacheckiej, wiedzy mistrzow krakowskich. Brak żrodeł literackich, licznych a rożnorodnych, dzieł wartości artystycznej, a choćby treści jakiejś żywotnej, formy bogatszej albo myśli oryginalnej, brak jednym słowem literatury zastępujemy jej surogatem, przekładami lichymi, rzeczami — procz pieśni religijnej — marnymi, nikłymi, zapiskami drobnymi, rzucającymi przecież światło, choćby tylko na język. U innych Słowian, co prawda, nie bywało lepiej, chyba gorzej — procz Czechow samych.

Do rzędu takich zapisek polskich należą roty sądowe z XIV. i XV. wieku. Gdzie indziej ogłaszają zabytki dawnego sądownictwa, aby pokazać, jaką była praktyka sądowa; aby wydobywać z sporow cywilnych i kryminalnych świadectwa obyczajowości i życia potocznego. Chyba jedyni czerpiemy z tych zapisek, głownie zaś z wplatanych w nie (polskich) rot przysiąg, i materjał językowy. Te roty polskie wpisywano bardzo starannie, gdyż należało je za woźnym bez opuszczenia słowka jednego powtorzyć i sprawę przegrywał, kto uchybił. Jak przytym postępowano, pokażę na przykładzie.

Czytamy w księdze sądowej pyzdrskiej pod rokiem 1403, f. 282: Quando testes circa crucem constituti fuerunt, tunc primus iuravit; secundus geniculavit ante crucem et digitos posuit super crucem . . . tertius vero testis ponens digitos super crucem eciam iuravit post ministerialem. Exinde stans Petrassius (procurator partis alterius) dixit: unum verbum in rota non dixisti. Tunc secundario volens iuramentum renovare ibidem testis, quando posuit digitos super crucem, tunc idem testis dixit ministeriali [illegible]dicas mihi altius, quia non bene audio *abo* *[illegible] bdcz abo cz*[illegible] *z albo niech* [illegible]: cza-

sownika tego poźniejszy język już nie zna, ale jeszcze w Terencjuszu polskim z r. 1545 czytamy: *wy sie stąd chłośćcie* vos hinc amolimini, *wchłoszczę cie w rynsztok* in mediam viam provolvam, *ta niech sie stąd chłości* haec hinc facessat itd.).

W tych tak dla przewodu procesowego ważnych rotach posiadamy więc teksty polskie, nie jak niemal wszystkie inne średniowieczne, tłumaczone, lecz oryginalne — co bardzo dla nas ważne; dalej, teksty te, urzędowe, są zarazem oznaczone jak najdokładniej i co do roku i co do miejsca; stają się jednak mniej ciekawymi przez to, że powtarzają nadto często formułki obrzędowe, że mało się odmieniają, dalej, że bywają zbyt lakoniczne, w treść niebogate.

Żeby z tych rot należycie korzystać, żeby je rozumieć dokładnie, na to trzeba wprawy, wyszkolenia filologicznego; nie wystarczy samo choćby najdokładniejsze ich przepisanie. Samo odczytanie zresztą i przepisanie, bywa wcale nie łatwe: zniszczony rękopis, wyblakłe czernidło, urywkowość tekstu tworzą najrozmaitsze przeszkody. Dokładną znajomość staropolskiego języka, baczną na każdy, najdrobniejszy szczegolik uwagę, pewną domyślność wreszcie musi posiadać, kto z tych okruchow wnioski o języku i słowniku, o formach i brzmieniach, chce wyprowadzać. A ktoż inny na tym polu nie szedł nam zawsze najlepszym wodzem, przykładem, nauczycielem, niż Jagić? Rzadko tylko, raczej przygodnie, w rozmaitych recenzjach znakomitych, rozwijał jubilat swoje na staropolszczyznę poglądy, ale ktokolwiek znał jego metodę, mogł ją i do starej polszczyzny stosować samoistnie. Nauczywszy się od Jagića filologicznego traktowania przedmiotu, krytyki Jego filologicznej, o ktorą Miklosich jeszcze nie dbał, przystępujemy śmiało do roztrząsania najzawilszych zagadnień filologji słowiańskiej. W szkole Jagića, za jego wzorem włożyliśmy się w szermierkę filologiczną, w krytykę tekstow, w ustalanie poprawnego ich brzmienia, w wydobywanie właściwego ich znaczenia — dla języka czy dla kultury.

Uczeń tej szkoły i metody, przystępuję do omowienia najnowszych publikacji wymienionego wyżej materjału. Ostatnie lata przyniosły nam go sporo, zarowno w wydawnictwach akademickich, krakowskich, w Starodawnych Prawa Polskiego Pomnikach, u Piekosińskiego, jak i w warszawskich, w takzwanych »Tekach Pawińskiego«. Z wszystkich tych wydawnictw uwzględnię tu tylko dwa najnowsze. Historyk warszawski, J. K. Kochanowski, wydał r. 1905, jako VII tom »Tek Pawińskiego«, odpis ksiąg sądowych brzeskokujawskich z 1418—1424 r., 4072 zapisek, na 426 str.; dodał 200 str. indeksu: praca jego wzorowa, bo nie szczędził żadnego trudu i dopiął, że indeks nazw i rzeczy objął

istotnie wszystko i wyczerpał wszystko — nie spotykaliśmy się dotąd po polskich wydawnictwach z rownie doskonałym; indices Piekosińskiego, acz bardzo dobre, z tym rownać się nie mogą. Powtore wydał prof. Baudouin de Courtenay w drugim tomie Materjałow i Prac Komisji Językowej (krakowskiej) 91 rot polskich z księgi sądowej radomskiej z lat 1414—1432 (str. 295—309): wydanie, ciekawe nie liczbą ani znaczeniem rot, lecz tym, że wydawca do tekstu oryginalnego dołączył przepis jego, pisownią dzisiejszą, czego dawniejsi wydawcy nigdy nie czynili. O obu publikacjach, czego się z nich (dla języka) dowiedzieć można, o sposobie ich odczytania i zrozumienia, pomowimy; uwagi dotkną i całokształtu polszczyzny.

Przypuszczamy, że obu odpisow z fotograficzną dokonano wiernością, że zastępują oryginały. Tym kończy się zadanie i zasługa płyty fotograficznej, nie wydawcy: owszem, dla niego zaczyna się właściwa praca. Wspomnę najpierw o tekstach radomskich, jako krotszych; wydawca nieraz ich nie zrozumiał albo nie odczytał należycie — nie dziw, skoro przed 36 lat je odpisywał, sam wtedy poczynając studja, i nie myślę mu z tego robić zarzutu. A więc np. nr. 50 *yze lunke possal y las porambyl* odczytał: łekę posiał i las porąbił, ale to niemożliwe, nikt łąki nie sieje; czytaj *possecl* = *posiekł* t. j. skosił. Rownież niema żadnej spojki *cze* (wiemy, *cże* itd.); czytaj wszędzie *cże*. W nr. 9 *nezapowadal chodicz kmethom*, wydawca przepisał *kmietom*, ależ to forma niemożliwa, czytamy *kmechom* t. j. *kmieciom*, bo w tych rotach znajdujemy jeszcze nieraz starożytne *ch* w znaczeniu *ć*, *c*, np. *zaplachil* = zapłacił, *pancznache* = 15 i i. *Za dwe szriginey* w nr. 5. należy z pewnością czytać *za dwie grzywnie*; w nr. 20 *agyda piecz polozil gosczine* nie jest *a jidę pięć położył gościnie*, lecz: *a idę precz położył gościne* (taka opłata!); w nr. 35 *polancze* jest *po łące*, nie (w) *połance*; *Gotard bonda sluga* (nr. 39) jest *G. będę sługa* (nie sługa *Bonda*!); *wanzanye* należy czytać *wwiązanie* intromissio, *w*, toż pierwotnie zamiast *ww*, *wu*, *uw*, np. w nr. 2 *czinicz praw* znaczy *czynić prawu* (nie *praw*); *obslul* nr. 52, jest *obsłal*; *poluyebka* nr. 19 czytaj *połużrebka* (*żreb* mansus); *szraku newichauala*, czytaj *niewychadzała* (nr. 13); *rakoyma swogo* nr. 7 czytaj rękojmię *swego* (nie *swoję*!), *uigisal* będzie chyba *wyiścił* itd.; inne rzeczy wątpliwe, np. *naszatawa* nr. 5 będzie może *nazastawę* itp. Najciekawsze są w tych rotach formy imiesłowowe, np. *nedadza* i *nedadzan* (*niedadzę*) = nie dawszy, *nedoszedzą casw* (nie dosiedziawszy, czasu), por. rosyjskie *dosidja*; *oyasth* czytaj *ojasch* = *o jąż*, taksamo *yakosth* = *jakoż*, *gemusth* = jemuż. Zwracamy uwagę na formę *nietu*, *vescze roku nethu* nr. 16: na pisownię

h przed samogłoskami, *pohoral*, *zahoracz hyzakopacz*; samo *s* (*sz*) obok *cz*, *stirzy* wepрze obok *czithirzi woly* (*czi*- myłka); w tejże rocie (nr. 28) czytaj *nigednim* = nijednym, nie *niegodnym*.

Przechodzimy do rot brzeskokujawskich, liczniejszych i dokładniej odpisanych, skoro tekst wydawca coraz z oryginałem porownywał. Mimo to nie ustrzegł się błędow w ich zrozumieniu. Ciekawe one dla nas, choćby dlatego, że pochodzą z samej głębi Polski, z ziemi Kujawskiej, dokąd obce wpływy najmniej sięgały. Pięćset lat dobiega tej polszczyźnie i ani się chce temu wierzyć, taki język jasny, zrozumiały, gładki; należy tylko zapiskę dobrze odczytać. Oto np. nr. 314 z r. 1418: *Tako nam etc.*, *jako to soltistwo staromesczske s szwymi czansthniki dzirszy stara korzenya iako dawno dzirszano niczsz wysschey ani niszey*. Wydawca dopatrzył się w *korzenya* jakiejś nazwy żeńskiej i w indeksie czytamy o jakiejś »*scultetissa Korzenya*«, ktorej jednak nigdy na świecie nie było. Rzecz ma się inaczej: Szymun Szczecina, zamożny mieszczanin Brzeski, sołtystwo staromiejskie dzierżał podzielnie z innymi, z *częstniki* swoimi (divisores albo participes), i przysięga przeciw Jandrowskiemu, że »to sołtystwo dziržy *z stara korzenia* (ex prisca institutione), jako dawno dziržano, nic wyszej ani niżej«, por. rotę 430, wedle ktorej ten sam »staromieściski cum suis divisoribus evaserunt Jandrowski pro eo *eż tako mają groblę mieć*, *jako dawno dziržano*« (*grobla*, nie *l* wstawne, lecz sufiksalne, jak w *przerębla* itp.). Wydawcę omyliło, że napisano *stara*, ale przyimka przed *s*, *z* nie wyrażano osobno; *stara* znaczy więc *z stara*, z rzadką w polszczyźnie formą rzeczownikowego genetivu u przymiotnika.

Tu wydawca pozbawił nas ciekawej formy; częściej nabawiał nas mylnej. Weźmy rzeczownik *szkoda*; pomijamy, że wypisał go w nagłowku *skoda*, ale dorobił doń »ablativ *skodzey*«. Taka forma jednak niemożliwa, formy *ławkiej* itp. zachodzą dopiero w XVII wieku; w nr. 600 przysięga F., *czsom otho strauil geszm skodzey tako vele iako dwe grziwne* — ależ to znaczy: *com o to strawił* (expensavi), *jeśm szkodzien* (czytaj więc *skodzen*!) *tako wiele jako dwie grzywnie*. Pod tą samą *szkodą* czytamy jeszcze, że jej gen. plur. *szkodow*, *cztyr szkodow* — i to znowu rzecz niemożliwa przed czasami saskimi, przed XVIII wiekiem! W rocie 278 stoi: *jakom nie miał cztyr szkodow s tobą dzielić*, *tako dobrych jako ośm kop*, więc o szkodzie nie może tu być mowy, czy to nie raczej *skotow* = bydła, czworga skotu? prawda, że i forma nie najlepsza i cena trochę wysoka, woł albo krowa kosztują połkopy, ale konie np. są i po dwie kopy.

W rocie 600 zaszła jeszcze inna myłka: przysięga ow F., że w

zastawie, co od Piotrasza ma, jego »pzedanym y *gaszdamy*« poniosł szkody na dwie grzywnie. Wydawca przeczytał tu *gazdami* i uznał to za »ablativ« do »*gazda* kmeto (gospodarz, kmieć)«. Ależ *gazda* jest słowo węgierskie i jak nas pouczył Ásboth, Węgrzy z *gospoda gazda* zrobili, jak *wajda* z *wojewoda*. Jakim cudem mogłby się więc węgierski termin do Kujaw w r. 1418 dostać, przecież to nie Spiż ani Podgorze? Należy po prostu czytać *jazdami*; F. naraził się na *jazdy* zpowodu tej zastawy i o to na 2 grzywny szkodzien został.

Wybrałem na chybi trafi parę rot na dowod, że nie wystarcza sumienny, staranny odpis, ręką historyka dokonany, że potrzeba filologicznej wprawy czy przygotowania, aby nie zawadzić o byle sęk, aby wybrnąć z trudności rozmaitych, niespodzianych nieraz, dawnej pisowni. Kto więc z tych rot dla języka korzysta, musi sam krytycznie tekst zbadać. Więc jak wdzięczniśmy za dostarczenie nowego, cennego, pewnego materjału, taksamo zastrzegamy sobie właściwe jego obrobienie z strony językowej; na dowod przytoczę i inne roty, wyławiając z nich, co ciekawsze.

Nr. 36 »ad ferendam sententiam Kuskoszany« — wydawca szuka jakiejś nieistniejącej miejscowości, Kuskowo itd., ale to glosa *polska* do łacińskiego tekstu: *ku skazaniu* (zawsze tak!).

Nr. 42 i częściej uderza nas *wianny list* (literae dotis), zamiast *wienny*, porownaj podobną nieprawidłowość w *zamyanne* nr. 2044.

Rota 91 i 129, obie najobszerniejsze, wypisane znakomitym iście językiem. Uderza jedna rzecz, formy *trzi grziwne* i trzykrotne *oty dzedzine*, zamiast *grzywny*, *dziedziny*; możnaby porownać w rocie 423 *mey zone* (żony?), a w rocie 1117, *thy vandole*, zamiast *wądoły* (por. rotę 1284 *wandolow*): jak należy te mylne *e* rozumieć? W rocie 129 obok listu sądowego mamy i *twardość* t. j. Urkunde = Handfeste, z czego Czesi *hamfešt* zrobili; to *twardość* więc jest ukryty germanizm (jak *jutrzyna* Morgen, *pokoj* Gemach, *gaić* hägen itp.). Ciekawe part. praes. *byerzą* (biorąc, wedle praes. *bierzę*!).

W rocie 222 czytamy *do gey braczy ot ney* — czy taka forma możliwa, czy nie należy czytać *braczey*? *Ot* zawsze jeszcze przez t piszą, wyjątkowo *od* mianowicie po złożeniach: *oddać* itp.

W rocie 274 czytamy *nerosdzelil saniną dzesyancy kop pyenandzi*, należy czytać *szemną* albo *sznią* — myłki pisowni, powtarzanie liter itp. wcale nie tak rzadkie, żeby się na nie niemożna powoływać, np. *landzą* zamiast *dadzą* 265 i i.

Ponieważ czas i miejscowość ściśle określone, możemy pytać, jak się zachowywał pisarz wobec rożnych zjawisk, przeważnie formalnych;

widzimy, że daleki on od wszelkiej jednostajności, że może takich i owakich form używać. Np. co do *ow* i *(j)ew*. W nazwach miejscowych *-ew* do dzisiaj zachowano, więc np. *Drwalewo*, *Niemojewo*, *Niesłuszewo* itd.; w nazwach osobowych rownież przeważa, więc *Piotraszewi*, *Andrzejewi*, *Przedwojewi*, *Maciejewi*, *Mikołajewi*, *Jakuszewi*, *Grzegorzewi* (w rocie 357 *Andrzeyeu* czytaj rownież *Andrzejewi*), *Łaszczewi*, ale już i *Boguszowi*, *Gręboszowi* 2264 i 2798, *Bartoszowa* obok *Bartoszew*, a szczegolniej u nazw pospolitych, np. w rocie 2681 obok siebie *Andrzejewi zięciowi! stryjowi* 3738, *oćcowi* 589, *kmieciowi* 519 i 661, *kosincow* 592, *kopcowi* i *gajow* 3925, chociaż i tu jeszcze znajdziemy *dosucie kopcew* 470, *palew* 1710, *pnew* 290, *iśccewi* 828.

Ten brak jedostajności uderza nieraz, np. part. praes. kończy się już na *-ąc*, *przyjdąc* itd., ale są i formy na *-ę*, *siedzę* 599, *przyjdę* 3185, *wymknę* 362 (naturalnie w znaczeniu dokonanym t. j. wymknąwszy, przyszedszy; co do *wymknąć*, dziś mowi się dobyć, np. *wymknę siekierkę*, *pilatykę nań pomknął* t. j. dobył; *pilatyka* albo *pilatyk* cultellum, np. w aktach poznańskich konsystorskich XV wieku *pilatico percutere* t. j. cultello — może od Pilata przezwana?).

Podobnie w gen. sing. mamy obok *brodu*, *roku*, *postu*, *gaju*, *posagu*, *płatu*, *pozwu*, *długu* (raz i *dulgu* 1963 omyłką): *lista*, *przywileja*, *skota*, *morga karczu* itd. Więc u tego samego pisarza w tym samym czasie znajdujemy starsze i młodsze formy obok siebie; podobnie dat. *parobku*, *mężu* itd. obok *-owi* i i. Zachował np. starszą, rzeczownikową odmianę u przymiotnikow dzierżawczych na *-ow*, np. *macierze* (gen. consonant. matere!) *Mikołajewy*, *Panowu kmieciu*, *w pana Stanisławowie gaju* (nieraz pisze Stanisłaowi itp. wedle łacińskiego wzoru!, *Rosłaowi* = *Roslao*, zamiast *Rosławowi* itp.), *na Przedpełkowie łące*, *ku Michałowie ręce*, *Adamowa skota*, *Adamowa* (mylnie *Adamowo*!) *żyta*, *po Margorzacinie mężu* itd. Gen. plur. jest *trzy* i *trzech*: *nie wziął trzy set* złotych 1184, *nie dał trzech ran*, *wyszej trzech lat i trzech miesięcy* itd. Używa stale *mieć*, *ma*, ale są i formy z *i*, np. *imam* itd. Tym bardziej uderza, że 1. praeter. urabia na jeden tylko sposob, bez *śm*, lub *śmy*, a więc tylko *dałem*, nigdy *dałeśm*, np. *jakom nie biegal*, *anim wyganiał*, *jakom przytem był* albo *byli*! I to uwagi godne, że względność oznacza przez *co* lub *jenże* itp., nigdy przez *ktory*, tak częste w społczesnych rotach radomskich, np. radomskie nr. 57 *o tę drogę o ktorą Warsz pozwał ktoraż droga bieży* itd. W rotach brzeskich z tych samych lat niema tego ani śladu, zawsze tylko np. *jakom ja niemiał przypisać tu dwu kopu na tę zastawę*, *cso ją dzirżę* (ktorą dzirżę!); *jedno ten csoż mu ji moj brat wrocił* (ktory mu b. w.); raz tylko przychodzi *ktory*, w

znaczeniu jakikolniek, ktorykolwiek: *acz się przygodziły ktore rany, to są za jego początkiem.*

Wspomnijmyż jeszcze dawne sien: *jakom niemiał dać pieniędzy na ty gody* (Nativitas Dominica) *cso minęli ale na sie gody, cso mają przyć*; por. *dosichmiast, dosiego roku* (archaizm!). Pisarz stale dzieli: *a on, a oni*, nie (jak Czesi a czasem i Polacy), *an, ani*; ale raz, zdaje mi się, *any* zamiast *a ony* położył: 2614 przysięga Embrich za Adamem przeciw Dzierżkowi: *jakom widział Dzierżkowy świnie bieżąc s Adamowa żyta any mu vczinili skodi pro 2 marcis*, *ani* niemiałoby tu dobrego sensu, więc czytaj *any* = a ony, chociaż szkodę bardzo wysoko oznaczono.

Po tych uwagach o rozmaitości form, o braku jednostajności, wracam do poprawek sensu i tekstu.

Rota 1025: *esz* (*eż*, wszędzie; wydawca dwa razy po naszemu *sze* pisze, 1759 i 2196, *jakom przytem był eż kmiecie wyznali że panowie* itd.; *ręczył nam za Annę że nam miała wzdać*, czy nie zamiast *eże*? por. *esze* 3947) *Przedpełk w tej zwadzie nie był bo wtenczas właszny był anyigego zabicz caszal*; wydawca czyta *własny*, zamiast *w łaźni*; co do pisowni *yi*, to nieraz ją spotykamy, np. w końcowkach *-yil* (*zaplacyil* 681 i i.), bez żadnego znaczenia.

1522 całkiem dobrze napisano, *jakom Thomkowa gaju dwu stu drzewa nieporębił*, wydawca wstawia mylnie *w* przed *Thomkowa*! Można by tylko zapytać, czy nie należy czytać *drzewia* (collectivum)? W rocie 1515 czytamy, *eż Falibog tę pięć grzywien jest przycisnął, eż ty pieniądze mają być sgnynǿ zastawą płacony to jest cum 70 marcis a jego ociec w zastawie nie dzirżał*: wydawca przypuszcza tu nom. propr., *z Gnina*; myślę że należy czytać *z jiną zastawą*, *n* fałszywie powtorzono. Taksamo domyślono się mylnie nom. propr. w rocie 2124: *jakom przytem byli eż Stanisław ręczył 20 kop a gdy by mu jich nie zapłacił, tedy miał mu dać w Rzescheuye* (intromissionem) *we dwa żrzebia na gody*. Tu nie ma nieistniejącego Rzeszewa, jest tylko *wrzeszenie* intromissio, zwykły termin prawny; nawet w dalszym ciągu: *a stich osyadli caszdego kopa grosschy platu* czytałbym dosłownie: *a z tych osiedli każdego k. gr. p.*, wydawca domyśla się: *a z tych osiadłych z każdego* itd., co niepotrzebne.

Wymienię kilka dawnych form i znaczeń lub słow. Od szesnastego wieku używa się rzeczownika *kopja* (rodzaj żenski, może według *włocznia* itp.), ale tu mamy jeszcze pierwotne neutrum, *kopje*, 1071 *eż [illegible]zyując na Tworzyjanowę dziedzinę kmiecia jego kopjem (copigem!)* [illegible] dodaje, że końcowki rowne odmiennie wypisano: *Tworzyjanowo (!)*

zedzina, ten błąd powtarza się nieraz. *Tworzyjan* tłumaczy *Florjana*; czekiwalibyśmy raczej *Kwieciana*; niewiem, czy tu nie wpłynął i terin bartniczy o *tworzeniu* (pszczoł z kwiecia!).

Co znaczy *przepite* w r. 984? M. procurator tenetur penam *niestane* ontra G. kmethonem pro 1/2 sexagena *przepitego*, porownać można 517 S. debet statuere duos *arbitros* contra J. cmethonem pro 1/2 sexaena quam *perbibit*. Myślałem z początku, że to polska (nieznana dotąd) azwa Leihkauf'u, litkupu (mercipotus, na Rusi mohoryczem i baryszem azywanego), ale prawdopodobniej twierdzi Dr. Przem. Dąbkowski, itkup, studjum z prawa polskiego, Lwow 1906, str. 8, z powodu zaiski łęczyckiej z r. 1398 (mihi tenetur 6 grossos *przepitego*), i kościańkiej z r. 1375 (pro 1½ marca bibalibus vulgariter *przepite*), że to tylko wartość tego, co się przepiło«, chociaż *bibalia* i *bibitio* przy mercibotus właśnie używano i nie o karczmach ani karczmarzu, u ktorych hyba najłatwiej by przepić, mowi się w wszystkich tych zapiskach.

Z nazw pokrewieństwa wypada wymienić *swatones* (!) rivali (!); *wiećć*, socrus; najciekawsza, to acc. sing. *obsyłał swoję jątry (yantri)*, ie *jątrew!*; dalej mniej zwykłe *s szvymi siestrzanięty* (inne rzeczowniki a -*ę* mają zwykłą odmianę, *dzeczyacyǿ*! 3651, z podobnym błędem isowni *bidlancyǿ* 3586 t. j. *dziecięcia*, *bydlęcia*) — inne są zwykłe, p. *swak, occzym* itd. Przy nazwach tych można przytoczyć i odojcowkie na -*ic*, w polszczyźnie XIII wieku ogolne, w XIV w. gubiące się tanowczo; otoż ciekawa rzecz, że na Kujawach istnieją jeszcze w XV, p. tylko w dwu rotach, 3740 i 3741, czytamy N. *Andrzychowic*, N. *Laalic*, N. *Kolankowic*, N. *Więcewic*, N. *Brończyc*, N. *Swinczyc*, i N. *Kroewic* (filius Regis, jako nomen proprium! Stanisław i Thomas Krolewic le Lekarzewice); jedno nazwisko tu nie należy, w rocie 1288 przysięga P., *jakom Falowyczoui lank ne posyekl*, wydawca wymienia tu jakiegoś *Falowica*, chociaż nigdzie po nim śladu niema; należy czytać: *Fałowych żony łąk nie posiekł*, bo zaraz dalej czytamy: *jakom nie porębił Faowa gaju i jego żony!*

Z innych rzeczownikow wymieniam: *dworznik*, nie *dwornik*, podobnie w dawniejszych tekstach *Jaworznik*, poźniej *Jawornik* itp.; stabularium *konica* (w tekście *koncza?*); *płosy* merulae, zamiast czego i *iwy*; *forwark* jeszcze, nie *folwarek*; acc. jak nom., a więc *o chart zyrniwy*, nie o charta czerniawego; gen. plur. *kmiot* (wedle *przyjacioł* tp.); dat. *dzieciem*, *ludziem*, ale *pieniądzom*; instr. poźniejszy *rzeczami*, ie *rzeczmi*!; *w tych pieniądzech*!; *rządca* pisze się stale bez *d*, *rzancza*. Jedna forma niby kaszubska: *przidatk* rota 2749, ale czy to nie pomyłka, np. zawsze czytamy *pomiarek*, *Wicher* (nom. propr.) itd., więc

czyż nie i *przydatek?* Co do nom. propr. wyliczam jeszcze ciekawsze: *Kolibaba*, *Poziemichod*, *Wircikij*, *Wielguch* (ale *Cienkusz*), *Czystopłowy*, *Pizdzimęka*, *Ornaf* (t. j. rogalek, niemieckie!), *Pirdziączka*, *Kosnababka* (?), *Żyzno* forma neutrius, taksamo *Tłusto*. Słowa *kopiniec* w opisaniu granic, rota 3755, nierozumiem: czy to nie nom. propr.?

Z przymiotnikow warto przypomnieć, że na *-ski* urabiane odrzucają od rzeczownika te przyrostki, co już relację oznaczają, a więc od *Osięcin* (czy nie to samo co *Oświęcim?* jest i forma *Osięcim*!), brzmi przymiotnik *osięcski*, nie **osięciński*! (por. *lubelski* od *Lublin*, *gdański* od *Gdańsk* itp.); w rocie 1378 czytałbym: *jako nie kazała swemu posłowi w Osięc(inach) nijednej szkody uczynić*, w rękopisie jest *wszyancz*, niby *wziąć*, ale to sensu dobrego nie daje a i inne nazwy miejscowe skraca pisarz w podobny sposob. Przymiotnikowe nazwy dygnitarzy itd. tracą już dawne neutrum, a więc *łowcze* całkiem wyjatkowe, zwykle *łowczy*, por. *podkonie*.

Z zaimkow, liczebnikow itd. zwracam uwagę na zmianę konstrukcji w rocie 1108: F. przysięga, że wrocił dziedzinę *s tele żyta i s tele nasienim i stą połowicą siana* itd. (nie *isca polouicza*). Nie *poki*, lecz *poko* 1832. Z liczebnikow warto wymienić, że w złożeniach liczby pojedyncze kładą naprzod, jak w niemieckim, jak po narzeczach polskich, np. w kaszubskim itd., a więc *nie dał pięci dwudzieści grzywien*, por. 1895: *siedmiorga bydła i siedmidziesiąt* (77!). U przyimkow *e* wsuwne, nie tylko *we dwa*, *we młyn*, *ze młyna*, *we młynie*, ale nawet *ke tey!* 3789, co chyba fałszywe, i *przeze szkody* 1950 (bez szkody). *Niżli* bez poprzedzającego comparativu (prędzej, bardziej itp.), np. *tom pociądzał ji o czynsz* (pirwej) *niżli mi ji dał*, por. 291: *wyszła ziemska dawność* (przedawnienie), *niżli żałowano*, ale 298 *eż dawność ziemska* (uważaj na szyk przymiotnikowy!) *wyszła pirwej niżli pozwali*; podobnie i w poźniejszej polszczyźnie, np. u W. Potockiego: *szczęście za bękartem niżli za poczciwym chodzi*, *błazeństwa popłacają niż ewangelija* (t. j. więcej, lepiej, niż), *więc niż mej rady ich słuchać nauki* itd.; my dziś tylko przy czasowym stosunku *niż* używać możemy samego, bez *pierwej* itp.

Z czasownikow wymieniamy rzadsze *wściągnąć* arreštare, fantować, dla częstotliwego i wyłącznie jako termin prawniczy używanego *ciądzać* pignorari (rosyjskie iz-tjazatь), *ciądza* pignoracio, np. *csom wściągnął Wroca, tom ji wściągnął w mego pana gaju a on jego gaj rąbi* 2060. Obligavit *połucyił* Piechnam Przedwojo *do pozwu* tłumaczę: *połączył* (włączył do pozwu), *u* zamiast nosowki, chociaż drugiego przykładu na to niemam: o pisowni *yi* zamiast *i* wspominaliśmy wyżej *Pożyczyć* z gen. *jakom ja pożyczył kopy* (nie kopel!) *groszy* (zawsze tak gen. plur.,

taksamo *pieniędzy* itd.). Dawny czasownik *przyjać* i *przyjachać* zachowany, wydawca zbytecznie poprawiał, *jakom ja nie przyjał na Dzirżkowę dziedzinę*; w rocie 3294 pisze wydawca: *kiedy gechano na Brodnicską wojnę* — czy tak w oryginale, czy nie *gachano*? Part. praet. ma już zbytnie *-w*, *zaszedw*, ale *wzią* pomylono zamiast *wziął* (rota 1829); w tejże rocie zamiast *srzedl przecz sze mlyna* czytaj *sczedł* (*scz* zamiast *ssz*! staropolskie) *precz ze m.* Dawne częstotliwe *zaimać* i *przyimać* (zajmywać, przyjmywać dziś): *jako przyimał na się ale nie na swą macierz, gdy bydło zaimał wtedy je odbijał. Rząd* w dawnej polszczyźnie, myto, najem, a więc: *jakom Łaszczewi zapłacił jego myto, cso na mnie był wyrządził* t. j. zamowił, się najął, narządzony = najęty.

Wydawcy zapisek sądowych XV wieku nigdy ich dotąd w całości nie drukowali, od Helcla począwszy dawano tylko ich wybor; nasz wydawca odstąpił od tego wzoru i wydał całkowitą księgę. Można to raz, dla przykładu, uczynić; nie życzyłbym, żeby z tego regułę robionodokąd bowiem zaszlibyśmy, gdyby te liczne księgi in extenso ogłaszać! Przez takie całkowite wydanie napływa jednak olbrzymi materjał onomastyczny: wyżej dałem kilkanaście przykładow imion osobowych, należałoby jeszcze o miejscowych wspomnieć, nieraz ciekawych. Pomijam fakt ogolnie znany, że np. neutra rodzaj mieniają powszechnie, a więc *Smolsk* dziś, dawniej *Smolsko* (por. *Śląsk* zamiast dawniejszego *Śląsko*); *Żegocin*, dawniej *Żegocino*; *Ziemięcin*, dawniej *Ziemięcino* i tak ciągle — najciekawszy *Koneck*, sciągnięty z dawnego *Konojecko* = *Konojady*, znany ślad pogaństwa upornego, konie najmilsza bogom ofiara i dlatego ich księża zakazują; mniej mają z mitologją *Strzygi* (czarownice), do czynienia. Albo *Zgłowiączka*, nazywa się pierwotnie *Zgowiątka*, deminit. do *Zgowiędy*, a więc od *gowędo* pochodzi, z *głową* nic niema spolnego! Jeszcze bardziej odchylił się *Sadług*, niby z *sadłem* w związku, ale dawna forma brzmi *Sablog*, *Seblog*, *pani Sabloska* i *Selloska* (!); *blog* istnieje w *Osobloga* i i. Jeszcze ciekawszy dzisiejszy *Zbląg*, dawniej *Ścblądz*! Temat *Rp*, częsty w dawnych nazwach, *Rpisz*, *Rpik* (por. ruskie *Irpeń*), powtarza się w *Rpikowo*, dzisiejszym *Orpikowo* (z przystawką!). Lecz to temat osobnej rozprawy.

Oto więc probka polszczyzny kujawskiej zprzed pięciuset laty, typowa dla całego języka, najbardziej odbiegającego od normy prasłowiańskiej. Nic w tym dziwnego: zajęła przecież polszczyzna albo raczej została w samym środku pierwotnej słowiańszczyzny a właśnie języki ludow, nie zmieniających sadyb pierwotnych, same największym ulegają zmianom, rozwijają się najdalej; narzecza na peryferji, oddalone najbardziej od prarodziny, zachowują przeciwnie najbardziej

archaistyczne znamiona. Dawno to już zauważyli Ratzel, Hirth, Wilser; ostatni Albr. Wirth, Zur Geschichte Asiens und Osteuropas, Halle 1905, str. 31, najliczniejszymi to poparł przykładami. Najwyraźniejszego może dostarcza właśnie słowiańszczyzna: w dziewiątym stuleciu najbardziej starożytnym, najbliżej ku prasłowiańskiemu przedstawiał się język owej placowki na najdalsze południe wysuniętej, ow djalekt z nad morza egejskiego aż, z południowej Macedonji, około Solunia, i dziwnym trafem właśnie ten djalekt pierwszy na piśmie ustalono, czym uratowano nam niemal pierwotny wzor słowiański, z ktorego wtedy w polskim języku, w IX. wieku, nieraz już i śladu niezostało, np. co do połsamogłosek! Niegdyś twierdzono przeciwnie, jakoby języki, czym bliższe prarodziny, kolebki, tym pierwotniejsze były; wywodzono nawet z tego punktu starożytność sanskrytu! Dziś wiemy przeciwnie, że sanskryt dla tego właśnie tak starożytny, że najdalej odbiegł od kolebki Arjow europejskiej. Podobnie ma się rzecz na gruncie słowiańskim i języki słowiańskie nie od polskiego, ale polski od nich tłumaczyć i objaśniać należy — gramatyka umiejętna polska dopiero wtedy pierwszymi krokami naprzod postąpiła, kiedy z słowiańską się sprzęgła. Więc wyjaśnienie zagadnień gramatyki słowiańskiej wprost polskie tłumaczy; stosunku np.: *mądry-mędrszy*, t. j. przyczyn jego, z samej polszczyzny nigdybyśmy ani się domyślili. Chociaż najsubtelniejsze i najliczniejsze prace Jagića gramatyki południowej słowiańskiej, a w niej w pierwszym rzędzie »starosłowieńskiej«, dotyczą, pada od nich światło, wprost czy pośrednio, i na nasze własne poszukiwania i zawsze owe prace z szczerą wdzięcznością uznawać, zawsze z nich korzystać będziemy; one to przyświecają nam przykładem, jaki zawsze naśladować należy, jeżeli naukę o języku polskim posuwać i pogłębiać mamy.

A. Brückner.

Слѣды богатырскаго эпоса въ бѣлорусской народной поэзіи.

»Старины«, или какъ обыкновенно называютъ ихъ »былины«, совершенно неизвѣстны бѣлоруссамъ; въ многочисленныхъ сборникахъ народныхъ произведеній этого племени, какъ уже неоднократно отмѣчалось разными учеными (ср. напр. Всев. Миллера »Очерки русск. нар. словесности. Былины«. Москва 1897, стр. 68), напрасно было бы искать старинъ. Лишь въ записяхъ, сдѣланныхъ въ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ великорусскими, въ послѣднее время отмѣчены кой-какіе остатки историческихъ пѣсенъ.

Но не слѣдуетъ думать, чтобы сказанія о богатыряхъ никогда не были извѣстны бѣлоруссамъ. Мы имѣемъ нѣсколько несомнѣнныхъ свидѣтельствъ, начиная съ конца XV вѣка, говорящихъ о томъ, что бѣлоруссы знали разсказы о богатыряхъ, какъ представителяхъ сверхъестественной силы и народныхъ герояхъ, и даже помнили имя главнѣйшаго изъ нихъ. Всѣ эти мѣста уже отмѣчены разными учеными (П. В. Владимировымъ, А. И. Соболевскимъ, А. Н. Веселовскимъ). Мы ихъ напомнимъ. Въ западнорусской Четьѣ 1489 г., писанной поповичемъ Березкой изъ Новагородка литовскаго, въ одной передѣлкѣ слова Іоанна Златоуста говорится о »храборахъ«, которые дѣлаютъ »добрая дѣла богатырьская« на осподарьскомъ дворѣ (Владим. Обзоръ южно-русск. и западнорусскихъ памятниковъ письмен. Кіевъ. 1890, стр. 19). Извѣстный западнорусскій ученый начала XVI в., докторъ Францискъ Скорина изъ Полоцка, переводчикъ Библіи 1517—1525 г., также зналъ о богатыряхъ и съ ихъ подвигами сравнивалъ дѣянія судей и героевъ израильскихъ. Такъ въ предисловіи къ переводу онъ говоритъ: »Аще ли же кохание имаши ведати о военных а о богатырских делехъ чти книги судеи, или книги Махавеевъ. Более и справедливее в нихъ знаидеш нежели во алеѯандрии или во трои«. Въ предисловіи къ книгѣ Судей о Сампсонѣ сказано: »и иныи богатырскии многии дѣла чинилъ« (Владим. Докт. Фр. Скорина. Спб. 1888, стр. 116). Слово »богатыр« у него же въ

Бытіи, 4 б. Въ бѣлорусскомъ сборникѣ Моск. Публ. и Рум. муз. No. 358 (описанномъ Востоковымъ) въ одномъ лѣтописномъ разсказѣ: »о начальстве рускыа земля«, написанномъ въ началѣ XVI в., читаемъ: »У князя Володимера было храбрыхъ богатыровъ много; и начатъ ихъ посылати по всѣмъ градомъ и странамъ«. Акад. А. И. Соболевскій, обратившій вниманіе на это мѣсто (ЖМНПр. 1889, іюль, »Къ исторіи русск. былинъ«), полагаетъ, что это извѣстіе о »богатыряхъ« Владимира Святого взято авторомъ статьи изъ бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ его времени (стр. 17). Наконецъ проф. Первольфъ обратилъ въ свое время вниманіе акад. А. Н. Веселовскаго (Южнорусскія былины. Спб. 1881, стр. 16 sq.) на сатирико-юмористическое письмо 1574 г. оршанскаго старосты Кмиты къ Остафію Воловичу, кастеляну Троцкому. Жалуясь на свое тяжелое положеніе, Кмита между прочимъ говоритъ: »Pomsti Boże hosudariu hrechopadenije, chto rozumiejet, bo prijdet czas, koli budiet nadobie Ilii Murawlenina i Sołowia Budimirowicza, prijdet czas, koli budiet służb naszych potreba« (стр. 64). Здѣсь главный русскій богатырь названъ даже по имени.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ старину у русскихъ племенъ, легшихъ въ послѣдствіи въ основу бѣлорусской народности, сохранялись сказанія о богатыряхъ: кромѣ близости Кіева, этому содѣйствовали и мѣстные эпическіе разсказы о такихъ князьяхъ-герояхъ, какъ напр. Всеславъ Полоцкій, о которомъ даже авторъ »Слова о полку Игоревѣ« нашелъ необходимымъ упомянуть: »самъ въ ночь влъкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до Куръ Тмутороканя; великому хръсови влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутреню рано у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша«. Какъ этотъ князь напоминаетъ былиннаго Волха Всеславьевича!

Разореніе Кіева послѣ татарскаго нашествія, съ одной стороны, объединеніе западнорусскихъ племенъ подъ властью Литвы — съ другой, наконецъ, установленіе болѣе тѣснаго общенія съ Польшей, начиная уже съ конца XIV вѣка, и особенно соединеніе Западной Руси съ послѣдней въ XVI вѣкѣ, несомнѣнно, повліяли на постепенную утрату былинной поэзіи у бѣлоруссовъ. Разсказы о богатырскихъ подвигахъ смѣняются сильно распространяющимися при посредствѣ Запада и отчасти Юга Александріями, Троянскими сказаніями, западными рыцарскими повѣстями, которыя, насколько можно судить хотя бы по сохранившимся до нашего времени рукописнымъ остаткамъ, въ большомъ изобиліи шли къ бѣлоруссамъ черезъ Польшу. Въ позднѣйшее время паденію былиннаго преданія содѣйствовали разные искусственные юмористическіе стихотворные разсказы, охотно заучиваемые наизусть, въ родѣ [illegible]нскаго,

Тараса Полѣсовщика и др. произведеній начала XIX вѣка. Самое слово »богатырь«, въ смыслѣ силача, вышло изъ употребленія, а стало обозначать человѣка »богатаго и уважаемаго«. Въ этомъ значеніи оно повсемѣстно употребляется въ Бѣлоруссіи.

Сила народнаго преданія однако такъ велика и консервативна, что обломки богатырскаго эпоса, хотя и не въ формѣ мѣрныхъ »старинъ«, а въ болѣе легкой для устной передачи формѣ сказокъ, сохранились до нашего времени. Если могло бы быть нѣкоторое подозрѣніе о заимствованіи такихъ сказокъ у'сосѣдей великоруссовъ въ восточныхъ областяхъ Бѣлоруссіи, то о западныхъ, гдѣ въ послѣднее время сдѣланы любопытныя открытія въ этомъ родѣ, о великорусскихъ заимствованіяхъ, мнѣ кажется, не можетъ быть и рѣчи. Нельзя говорить здѣсь и о книжномъ вліяніи, такъ какъ записи сдѣланы со словъ лицъ, вѣроятно, незнакомыхъ съ русской грамотой.

Извѣстные намъ у бѣлоруссовъ обрывки богатырскаго эпоса расположимъ по сюжетамъ, дѣлая вездѣ ссылки на соотвѣтствующія страницы сборниковъ народныхъ произведеній и мѣсто записей, если таковое указано[1]). Болѣе цѣльную картину представляютъ сюжеты, изображающіе подвиги Ильи Муромца, хотя иногда онъ и не выступаетъ подъ своимъ именемъ. Таковы:

1. Чудесное полученіе силы.

Лицо, чудеснымъ образомъ получающее силу, называется разно: Ильей (Ильлюша Ром. III, 259, Быхов. у., Илья Ром. IV, 17, Гом. у., Илья Добров. I, 397), рыцаремъ (Feder. II, 82, Сокольск. у.), Иваномъ (Ром. VI, 401). Богатырь сиднемъ сидитъ 30 лѣтъ (или лежитъ на одномъ боку 23 года, Ром. III, 259). Въ отсутствіе родителей къ нему приходитъ Господь въ видѣ старичка (Ром. и Добров.), или *ẏtroch lùdzi starÿje* (Feder. II, 82) и просятъ дать имъ напиться. Богатырь готовъ ихъ напоить, но не можетъ вслѣдствіе невладѣнія руками и ногами. Странники приказываютъ ему подать имъ напитокъ и предлагаютъ вы-

---

1) Именно: *Ром.* = Е. Р. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ. Вып. III — 1887 г., IV — 1891 г., VI — 1901 г.; *Добров.* = В. Н. Добровольскій. Смоленскій этнографическій сборникъ. Ч. I — 1891 г., IV — 1903 г.; *Шейнъ* = П. В. Шейнъ. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края. Т. II — 1893 г.; *Feder.* = Federowski. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. T. I — 1897, II — 1902 (Матеріалы собраны въ 1877—1893 годахъ). На другіе источники ссылки будутъ дѣлаться полныя. Нѣкоторыя изъ приводимыхъ здѣсь сказокъ Романова и Добровольскаго уже отчасти привлекались къ изслѣдованію А. Н. Веселовскимъ (Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, XXII, 153 sq.) и В. Ѳ. Миллеромъ (Очерки, 68, 376, 387 и др.), который вообще не допускаетъ существованія когда бы то ни было былинъ у бѣлоруссовъ.

пить самому. Онъ выпиваетъ сразу ведро воды (Ром. III, 259), или вина (Feder. II, 82, причемъ пьетъ три раза), или кружку квасу (Добров. I, 397) и чувствуетъ страшную силу: »могу отъ зямли неба достаць, а отъ неба зямли« (Ром. III, 259); »колибъ хто поставивъ слупъ, у зѐмлю конецъ и ў небо конецъ, и ўбивъ колцо у слупъ, увесь бы свѣтъ оборотивъ« (Ром. VI, 401); »*czüju takuju siłu, co mųdhby ųsiù ziѐmlu pierüwiernuć, żeb tỳlo dàli mnie taki śtoųp*« (Feder.). Богъ или старцы находятъ, что силы дано слишкомъ много и предлагаютъ ему еще выпить того же напитка. Послѣ этого силы становится вдвое меньше: »*tѐraz tỳlo połòwa zastałòsie siły*« (Feder.). На прощанье Господь говоритъ ему: »живи жъ, Ильлюша, на здоровъя и очищуй свѣтъ« (Ром. III, 259).

2. Очистка поля отъ лѣса.

Родители богатыря были въ полѣ: очищали землю подъ пашню (пошли »лядо сѣчь, копать« Ром. III, 259, IV, 17), или по западной версіи: »*paszlì ų pòle żać*« (Feder.). Почувствовавъ въ себѣ огромную силу, богатырь снялъ ворота, поставилъ на нихъ бочку воды и 12 булокъ хлѣба и понесъ на головѣ къ родителямъ (Ром.). »*Żѐby zàraz ňųos na pòle radzìcam abiѐd*« — побуждаютъ его старцы и у Федеровскаго (II, 83). Когда они ѣли, а затѣмъ отдыхали, богатырь занялся очисткой лѣса: деревья (дубы Добров. I, 397, 398) вырывалъ съ корнями и забросалъ ими мѣстность ва 7 верстъ (25 десятинъ Добров.), причемъ запрудилъ рѣку Дунай (Десну Добров.). Вода начала затоплять прилегающія мѣстности, такъ что пришлось и рѣку расчищать (Ром. III, 259).

3. Покупка паршиваго жеребчика.

За пять злотыхъ Илья покупаетъ у попа »коросьливаго« жеребчика и пускаетъ его на 12 сутокъ въ поле откармливаться (Ром. III, 260). Подобнымъ образомъ поступаютъ и другіе герои въ разныхъ сказкахъ (Ром. VI, 520, указатель: »конь«). По другому варіанту (Добров. I, 398) Илья покупаетъ у сосѣда кобылу, которая 30 лѣтъ лежала, не двигая ногами. И она откармливается въ полѣ на свободѣ. Интересно описаніе въ нѣкоторыхъ сказкахъ упряжи богатырскаго коня: »Тяперь«, говоритъ одна такая лошадь, »мяне сѣдлай: клади на мяне сядло чаркѐськая, и войлокѝ-бухарочки, потпружи мяне дванадцатимы потпругамы! Тяперь садись на мяне лѣпко и дяржись крѣпко, и узнимемся вышы лѣсовъ стоячихъ, вышы воболокъ ходячихъ!« (Ром. VI, 363, 377).

4. Встрѣча съ разбойниками-станишниками.

На этотъ эпизодъ имѣется лишь краткое указаніе у Федеровскаго (II, 83): »*jedź pròsto na schųòd słųònka bez* (= черезъ) *hѐtyje lesѐ, to jѐduczy napatkàjesz zàraz dwanàście razbųòjniki, to zàraz k[illegible]dzì ų łuk [illegible]* ...

5. Борьба съ Соловьемъ Разбойникомъ.

Разсказъ объ этой борьбѣ имѣется у Романова (III, 260), гдѣ вмѣсто Соловья выступаетъ Соколъ (»И сядѣвъ тэй нягидный Соколъ на двананцати дубахъ одзинъ, и у яго дванаццаць роговъ«; разсказъ о сраженіи извращенъ), Добровольскаго (I, 399), передающаго эпизодъ примѣрно такъ же, какъ въ былинахъ, и у Федеровскаго (II, 83). У послѣдняго старцы говорятъ рыцарю: »*jèdź dàlej ų lesè, znàjdziesz tam dwanàście dubè agròmnych, a na ìch hniezdò, a ų tųom hnieździè źmiej bùdzie z adnajèju haławòju. Jak bùdziesz padjèżdżać, to jųon świśnie*«. Свистъ не повредитъ рыцарю, и онъ пусть стрѣляетъ »*ų pràwaje òko*«; змѣй упадетъ; »*tedy bierỳ jehò, prywieżỳ da siedlà i jedź ż jìm pròsto da kròla*«.

6. Пріѣздъ Ильи къ князю.

О пирѣ у князя говоритъ только западно-бѣлорусская сказка (Feder. II, 83): »*u kròla bùdzie wièlki bal*«, на которомъ будутъ отовсюду богатыри »*i kàżün bùdzie chwalìcśie, a jak bùduć pytàć, chto ty jest, to ty skażỳ: co ja najsilnièjszy z was ųsich*«. Далѣе казнь Соловья, послѣ его страшнаго свиста, изображается, согласно съ былиннымъ разсказомъ, у Добровольскаго (I, 400) и у Федеровскаго (II, 84).

7. Идолище Поганое.

Въ сказкѣ у Романова (III, 261) Соколъ (Соловой Разбойникъ) доставляетъ пищу царю Прожору. Узнавъ о смерти своего вѣрнаго слуги, Прожоръ предлагаетъ угощеніе Ильѣ, но послѣдній »схапивъ зъ головы свою шапку — дванаццаць пудовъ« и убилъ Прожора. Подобное же лицо — Обжора выступаетъ въ сказкѣ собранія Добровольскаго (I, 401); и его убиваетъ Илья своею шапкой. Въ параллель былинной »шапкѣ земли греческой« или извѣстному колоколу на головѣ старчища-пилигримища можно указать богатырскую шапку въ 500 пудовъ, которая давитъ людей: »быгытырськыя шапка дужа тяжолыя, дыкъ ина зыдавила яго« (Ром. VI, 147, ср. еше 118).

8. Смерть Ильи.

Только въ одной сказкѣ Романова (III, 262) говорится о смерти Ильи и о погребеніи его въ пещерахъ кіевскихъ.

Что касается другихъ богатырей, то въ бѣлорусскихъ сказкахъ имѣются лишь сходные эпизоды, которые можно сравнивать съ тѣми или другими былинными сюжетами. Такъ

а) Мотивъ похоронъ живого мужа съ притворницей женой въ одной могилѣ, какъ въ былинѣ о Потокѣ, находимъ въ сказкѣ »Дѣдъ и баба« (Ром. III, 358—359, запис. въ Сѣннен. у.). Когда дѣдъ живой легъ въ

гробъ съ женой, около полуночи вползла туда змѣя и нарожала дѣтей. Такъ какъ послѣднія оказались мертвыми, то змѣя принесла травы, отъ прикосновенія которой дѣти ожили. Этой травой дѣдъ оживилъ и свою жену.

б) Въ нѣкоторыхъ былинахъ разсказывается про Илью, что онъ получаетъ силу отъ умирающаго богатыря. Тотъ же мотивъ и въ нѣкоторыхъ сказкахъ (Ром. VI, 468).

в) Отсутствовавшій богатырь подаётъ о себѣ вѣсть на свадьбѣ, опуская кольцо въ поднесенный ему невѣстой стаканъ вина (Ром. VI, 376), или чаю (Feder. II, 89). Самъ онъ выдаетъ себя за музыканта (скоморошина въ былинахъ) (Feder. ib.).

г) Оборотничество Волха Всеславьевича (Вольги) находитъ въ сказкахъ также не мало параллелей, хотя бы въ слѣдующемъ мѣстѣ (Ром. VI, 489): »Пиридо мной стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чернымъ соболемъ, подъ вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ.«

д) Въ былинахъ про Ваську Буслаевича сказывается о шуточкахъ богатырскихъ, стоившихъ уродства и смерти его товарищей. То же приписывается и нѣкоторымъ героямъ бѣлорусскихъ сказокъ (Feder. I, 112) *Ŭ siem dzion paszŭdŭ da dzieciėj zabulàćsie: jak katdro uchdpić za hołaŭ to hdłaŭ adarwiè, a jak za rùku, to rùku.*

е) Есть сказочные герои, которые даже изображаются стихійными чертами старшихъ богатырей. Таковы разсказы о разныхъ великанахъ. Напр. (Feder. I, 201), шелъ однажды великанъ, »*ażnd spatykdje nàszaho czŭławièka kŭdnno jèduczy . . . ŭziàŭ jehd z kanidm na rùku*«, принесъ къ своей матери и спрашиваетъ, что это за червячокъ. Такими же чертами изображаются разные осилки (ср. Н. Я. Никифоровскій: Простонародныя примѣты и повѣрья. Витебскъ. 1897 г., No. 2289 и 2291).

Былинные мотивы очень распространены въ бѣлорусскихъ колядскихъ и волочебныхъ пѣсняхъ. Разсмотрѣніе ихъ потребовало бы большого изслѣдованія, такъ какъ сходство въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ содержаніи, а иногда и въ формѣ доходитъ до буквальности. Отмѣчу для примѣра одну такую пѣсню, въ первый разъ напечатанную Чечотомъ (*Piosnki wieśniacze znad Niemna i Dźwiny. Wilno* 1846, No. 83), а затѣмъ перепечатанную Дмитріевымъ и Шейномъ съ сылкой на Дисненскій и Виленскій уѣзды:

Nia doraha piwa pjanaja,
Dy doraha pasiadzenika,
Muskaja pahukanika . . .
A u biasiedzie ludzi dobry[illegible]
[illegible]

Эта запѣвка очень напоминаетъ, напр., слѣдующее мѣсто изъ былины (ср. Кирѣев. I, 19, 20, 31):

Намъ не жалко пива пьянаго,
Намъ не жалко зелена вина,
Только жалко смиренной бесѣдушки;
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошія . . .

Былинные мотивы можно найти и въ другихъ пѣсняхъ, напр. въ бесѣдныхъ. Такъ проф. Владимировъ (Введеніе, 207) въ пѣснѣ »Ў Тлуцку на рынку | Хвалилися два братца | Своею сестрою . . .« (Шейнъ I, 1, 428) видитъ »эпизодъ отношеній Алеши Поповича къ братьямъ Збродовичамъ и ихъ сострѣ«.

Въ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ великорусскими, былинное преданіе несомнѣнно сильнѣе. Въ II-мъ т. собранія Шейна мы имѣемъ двѣ записи изъ села Денисковичъ Новозыбковскаго уѣзда Черниг. г. Въ одной изъ нихъ »Иванъ прекрасный и князь Ладымяръ« (168—170) отголосокъ былины про князя Владимира и Ивана Годиновича. Въ другой »Сяврюкъ« (178—179) передается историческая пѣсня »Мастрюкъ Темрюковичъ«. Она даже изложена мѣрной рѣчью. Вотъ ея начало:

Ой хто жъ того ня знавъ,
Якъ бѣлый свѣтъ наставъ?
Якъ и солнушко взойшло;
Якъ и ярки мѣсячка,
Якъ и частыя звѣздочки,
Якъ и тцемныя хмарычки,
Якъ и сильныя дóжчачки?
Якъ царь да сыновъ пожанивъ,
Якъ царь дочарей поотдававъ?

Далѣе разсказывается, что на свадебномъ пиру былъ Сяврукъ; но онъ ничего не ѣстъ, не пьетъ, а вызываетъ борцовъ-бойцовъ для состязанія съ ними въ силѣ. Долго не находилось охотниковъ; наконецъ вызвались удалые Калужанцы, по батюшкѣ Микитовичи, по матушкѣ Маринины сыны. Сяврукъ схватилъ старшаго брата за лѣвое плечо, поднялъ выше себя и ударилъ о сыру землю:

Земля стряхнýлася,
Вода спляснýлася,
Москва уляхнулася.

Такимъ образомъ Сяврукъ убитъ. Но

Охъ што жана яго, Сяврушаница,
Бѣло-удалая Черкашаница,
Яна по двору ходзя,
Бѣлы ручаньки ломя . . .

Какъ видно изъ послѣднихъ стиховъ, Сяврушаница могла плакать только по своемъ мужѣ; значитъ, въ былинѣ произошла какая-то путаница.

Мало помогаетъ выясненію содержанія и запись »Темрюкъ-Кастрюкъ«, сдѣланная въ с. Данковѣ Смол. у., приведенная у Добровольскаго (IV, 609). Недостающія звенья возстановляются лишь при сравненіи съ извѣстной исторической пѣснью »Мастрюкъ Темрюковичъ«. Кстати замѣчу, что фамиліи Сѐврукъ или Сяврýкъ до сихъ поръ очень часто попадаются среди бѣлоруссовъ; можетъ быть эта пѣсня и самостоятельное бѣлорусское произведеніе, и лишь случайно совпадаютъ нѣкоторыя детали пѣсенъ великорусскихъ и бѣлорусской.

Варшава, 1907 г. апрѣль. *Е. Карскій.*

O místě attributivního adjektiva a substantivního genitivu ve větě.

Dle I. Kozlovského mělo attrib. adjektivum v staré ruštině své místo před substantivem jako v indoevr. prajazyku. Dokazoval to na základě přísloví, stálých epithet (epitetha ornantia) jako ku př. *séryj volkъ, černyj voronъ* atd., a zeměpisných jmen jako *Novъ gorodъ, Nová goroda* atd. Mimo to následovalo již v prajazyku adj. za substantivem, šlo-li o nějaký výčet, kde bylo třeba vytknouti především předmět, potom teprv jeho vlastnost. Zde upozornil Kozlovskij na některé zdánlivé odchylky. Mimo to vytknul zálibu v chiastickém slovosledu jako: Edinъ že Izjaslavъ synъ Vasilьkovъ pozvoni svoimi *ostrymi meči o šelomi Litovskija*, Slovo o p. Igor. str. 33 (AfslPhil. XXIII, S. 95—103).

K jinému výsledku dospěl E. Berneker: »man wird wohl oder übel annehmen müssen, daß im Urslav. beide Stellungsarten des Attributs (totiž před subst. a po subst.) üblich waren; daß im Russ. die Nachstellung verallgemeinert wurde, in den übrigen slav. Sprachen die Voranstellung; das Poln. ist auf der Stufe des Schwankens stehen geblieben« (Die Wortfolge in den slav. Spr. str. 146). Předpokládaje, že nemáme samostatných ckslov. textů, srovnal jen text ev. Marci s řeckým originalem a shledal, že slovanský text je i co do místa attributivního adj. ve větě závislý na řeckém originalu (str. 125). Avšak máme přece více méně samostatné cksl. texty. Jest to Zpovědní řád Euchologia sinajského, jenž bezpochyby pochází od Klimenta bulharského. Některé modlitby jsou ovšem přeloženy z řečtiny, jedna i ze staré němčiny, úvod a předposlední modlitba jsou však dle všeho samostatny a snad i závěrečná modlitba (srovn. autor. Studie z oboru ckslov. písemn. str. 29). K těmto textům třeba tedy též přihlížeti. Berneker přehledl dále důležité texty jako ku př. stč. Knihu Rožmberskou. Na základě takových textů třeba tu a tam poopraviti jeho vývody.

Tak především co se týče possess. zájmena a Adj. O těchto praví: »Die possessiven Pron. und Adj. stehen im Ar. ganz regelmäßig nach;

im Poln. noch heute ungemein häufig nach; in allen anderen Sprachen, das Sorb. etwa ausgenommen, herrscht bis heute Schwanken. So wird man sagen dürfen, daß die Nachstellung bei diesen Pron. und Adj. ursprünglich gewesen sein muß« (str. 146). Avšak tomu tak není; v uvedených ckslov. textech nalézáme sice attribut většinou za subst. avšak dosti často ješte před subst. Tak zde máme v textu I. za subst.: *pokaanië našego* 66 b 11; *strastechъ našichъ* 67 a 22; *tęgoty našę* 67 b 18; *g(ospod)ь našь* 69 b 14; *grěchovъ našichъ* 71 a 9; *o d(u)šachъ vašichъ* 67 b 19; *vъ obličьi svoemь* 67 a 8; *vrědъ svoi* 68 a 8; *vrědu svoemu* 68 a 11; *gospoda svoego* 68 b 17; *iměnija svoego* 70 b 11; *o(tь)ca svoego* 71 a 13; *sъděaniemъ moimъ* 67 b 24; *vъ sr(ьdь)ci moemь* 68 a 1; *protivo zъlomъ moimъ* 68 b 26; *bezakonei moichъ* 69 a 3; *ne dadite svętaago moego* 69 b 19.

Naproti tomu: *našego radi s(ъ)p(as)enië* 67 a 16; *svoe b(o)ž(ь)stvo* 67 a 17; *svoemu gospodinu* 68 b 20; *na svoę blъvotiny* 70 a 10; *v'sěchъ beštislъnychъ moichъ grěchъ* 68 a 15.

V II: *grěšъnaago raba tvoego* 77 a 20; *volę tvoeję* 78 a 18; *povelěnei tvoichъ* 78 a 19; *světъ tvoi* 78 a 18; *na štedroty tvoję* 77 a 22; *lica tvoego* 77 a 23; *otъ raba tvoego* 78 a 1; *ěrostь tvoją* 78 a 3; 79 a 7; *estъstva tvoego* 78 b 9; *stadě tvoemь* 78 b 13; *strachъ tvoi* 78 b 22; *oči tvoi* 79 a 18; *uši tvoi* 79 a 19; *za pravověrъnyję raby tvoję* 79 b 6; *vъ pravьdě tvoei* 79 b 7; *vъ věrą tvoją* 79 b 10; *sr(ьdь)ce moe* 78 a 6; *otъ d(u)šę moeję* 78 a 14; *otъ plъti moeję* 78 a 15; *zъlъ moichъ* 78 b 26; *sr(ьdь)ca moego* 79 a 10; *molitvy moeję* 79 a 20; *upъvanie moe* 79 a 21.

Naproti tomu: *vlagą tvoichъ štedrotъ* 78 a 4; *iskrą tvoego m(i)l(osrъ)dië* 78 a 8; *čestъnąją tvoją odeždą* 78 a 25; *tvoimь m(i)l(osrь)diemь* 78 b 5; *s(vę)tychъ tvoichъ povelěnei* 88 b 11; *tvoě blagodětь* 79 a 16; *tvoi strachъ i trepetъ* 79 a 24; *umalenoe se moe molenie* 79 b 4.

V III: *raba tvoego sego* 80 a 10; *c(ě)s(a)r(ь)stva tvoego* 80 a 18; *v'sěchъ s(vęt)ychъ tvoichъ* 80 a 21; *bogъ našь* 80 a 23.

Proti: *tvoei slavě* 80 a 8; *prěčistychъ tvoichъ tainъ* 80 a 11; *tvoeją pomoštiją* 80 a 13. Případy s postpositivním attributem mají zde tedy značnou převahu (46 proti 16), ale praepositivní je přece dosti četně zastoupen.

V částech přeložených z řeckého orig. shoduje se místo attr. s řeckým slovosledem. Totéž shledáváme obdobně i v modlitbě přeložené ze staré němčiny. *Jen tím se stalo, že v této má praepositivní attribut rozhodnou převahu nad postpositivním;* je zde jen: *bože moi* 72 a 21 (v zachovaných něm. textech chybí); *sъ mnoją rabomь tvoimь* 72 b 15 *'pí mih scalh dínan';* dvakrát i proti německému slovosledu: *prědъ očima*

tvoima 'fora dinen ougun' 72 a 23; *vъ mně grěšьně rabě tvoimь* 'uper mih (jiný t. 'in mir') suntigan dinan scalh' 72 b 25. *Jinde všude zde máme praepos. attr. jako v němčině* a sice as 16 krát, jako: *v'sěchъ moichъ grěchъ* 72 a 6; *moego lichosъtvorenié* 7; *moichъ grěchъ* 72 b 1 a t. d.

Co však nalézáme v *KnRožm.*? Zde je pravidelně praepositivní attr. a jen výjimkou: *vlož ve dsky přieteli svému dědiny své nebo svým dětem* 96; *svědky svými* 115, 134; *ve dsky naše* 38; *pán mój* 226; *v s(v)ém domu hosté svého* 232. Pochopitelno jest dále: *že to dědina má nenie* 100; *to je dědina má* 252; *že to dědina má* 252; *to je dědina má poslúpná* 282. Zde je *má* téměř praedikatem, jakoby se řeklo: *dědina ta je má;* na základě toho vzniklo: *to je dědina má*, odtud pak i jinde *dědina má* vedle *má dědina* (zde ještě ku př. v kap. 43, *tvá dědina* 97 atd.). Jinde všude je zde possessivní zájmeno před subst. a sice asi 73 krát.

nemůže tedy býti o tom pochyby, že v praslovanštině byla tato possessiva pravidelně před substantivem.

V západni slovanštině vyvinula se pak na základě uvedených rčení jako ku př. *to je dědina má* též variace postpositivního possess. zájmena, avšak případy ty zůstaly v menšině.

Jinak se měla věc v jihoslovanštině a ruštině. Praslovanské adnominalni tvary *mi*, *ti*, *si* nabyly zde širšího rozsahu. Že se jich užívalo i v staré rustině, o tom nám svědčí doklady jako: *I ta vsę polagaja na sr(ь)dci si* Jak. Bor. Gl. 63; *sberi si umъ* Pat. Peč. (Srezn. Mat. III str. 319); *i ne ištetъ svoichъ si.* Jak. Bor. i Gl. 72 (ib. str. 283). Tvary ty byly enklitické a následkem toho postpositivní, srovn. *svoja si.* Z případů jako *čestьnaago ti znamenié* Euch. sin. 78 b 1; *prěčestьnymъ ti pečatemъ* ib. 78 b 19 mohl pak vzniknouti i pořad slov jako *ti pečatь*, srovn. staror. *sberi si umъ.* Původně byly to však jen enklitické tvary, tedy postpositivní. *Pod jich vlivem stalo se ovšem zájmeno poss. v jihoslov. a v ruštině postpositivním.* Tak jme shledali ve většině případů i v církevní slovanštině.

Pod vlivem poss. zájmena mohla se státi postpositivními i *poss. adjektiva.* V uvedených kusech Euch. sin. máme ovšem jen: *otъ v'sěchъ prilogъ nepriězninъ* 80 a 12; poss. adjektiv na *-ovъ* zde není. Jsou zde však jiná adjektiva, která jsou jim dosti blízká, jako *božьi*: *zakonu b(o)žьju* 66 b 24; *prědъ očima b(o)žiima* 68 a 7; *c(ě)s(a)r(ь)stvo b(o)žie* 69 b 15; *tělo b(o)žie* 69 a 15; naopak zde nikdy. Dále: *lica č(lově)ča* 68 a 5; *krъvi g(ospodь)ni* 69 a 13; *těla g(ospodь)ně* 69 a 18 a t. d.

V staré češtině zůstalo však poss. adj. pravidelně na svém místě jako i zájmeno poss. Tak máme v KnRožmb.: *na otcovo zbožie* 52; *otcóv*

společník 52; *za otców dluh* 123; *na králowu škodu* 124; *bez hospodářowy vóle* 232; *v hospodářově ruce* 234; naproti tomu jen: *služebnika králova* 58.

Z toho vidíme, že i poss. adj. bylo v praslov. před svým subst.

Tím jsme se dostali zároveň k adjektivu vůbec. Zde jest nám souhlasiti s Kozlovským, že adjektivum bylo v praslov. pravidelně před subst. V I. máme 18 případů, kde adj. následuje za subst. Odečteme-li od nich 7 již uvedných, zbývá nám 11 následujících: *slovo sъbeznačęlьno* 67 a 7; *vъ igri zъly* 68 a 24; *vъ prisęgy nepravedъny* 68 b 4; *vrědъ tělesъny* 69 b 25; *plačъ očesъny* 70 a 2; *c(ěsa)rstvo nebesьskoe* 69 b 13; *denь sъmrъtьny* 71 a 4; *o(tь)cju i d(u)chu prěs(vę)tumu* 67 a 11; *vъ děvě prěs(vę)těi* 67 a 18; part. *ězvě gnijąštii* 67 b 26; mimo to: *mąky ty strašъnyję* 67 b 6 proti *strašny tъ sądъ* 67 b 4 a: *istinъnyję věry krestьěnsky* 67 a 1. 6 adj. má zde koncovku *-ьno-*, čímž se vůbec blíží k poss. adjektivům. Dvakrát zde máme též koncovku *-ьsko-*.

Naproti tomu vyskytuje se zde 33 krát *praepositivní* adj.: *čestьnymь pokaaniemь* 66 b 5; *cr(ь)kvъnymъ svęštenikomъ* 67 b 16; *v'sěchъ beštislъnychъ moichъ grěchъ* 68 a 15; *lichoją ědiją* 68 a 18; *pochotьnaa vъzъrěnië* 68 b 3; *na stužde lice* 68 b 3; *tuždego iměnië* 68 b 5; *vъ malo vrěmę* 69 a 7; *otъ prě(po)d(o)bnychъ o(tь)cь* 69 a 10; *črěvъnymъ pochotemъ* 69 a 21; *vъ s(vę)tąją troicą* 66 b 18; *prě(svę)taa troica* 67 a 12; *s(vę)ty d(u)chъ* 67 a 13; *s(vę)tymь d(u)chomь* 67 a 19; *vъ s(vę)tąją troicją* 67 b 8; *s(vę)taago ducha* 67 b 9; *otъ s(vę)tychъ ap(osto)lъ* 69 a 9; *s(vę)ty pavelъ* 69 a 13; *s(vę)tymь d(u)chomь* 71 a 19; *d(u)ševъnyję podvigy* 69 a 21; *tělesъnymъ laskrъdemъ* 69 b 24; *radostьnyję plody* 69 b 10; *těsnymi vraty* 69 b 17; *strašъny tъ sądъ* 67 b 4; *těsnychъ že těchъ vratъ* 69 b 20; *skrъnaago pąti* 69 b 21; *sr(ь)dьčnoe rydanie* 70 a 1; *dobraa děla* 70 a 14; *drevlьnjumu blądъnumu synu* 70 a 15; *drevlьnjumu razboiniku* 70 a 19; *drevlьnii blądъnici* 70 a 19; *drevlьnjumu mytarju* 70 a 20; *dobro brašъno* 70 a 24.

Ještě nepřízněji jeví se poměr postpositivních adjektiv v II., kde máme jen: *mrakъ grěchovъny* 78 a 7; *vъ razboję d(u)šegubъnyję* 78 a 20; *v'se dychanie blago* 79 b 1; *vъsь darъ sъvrъšenъ* 79 b 1; a jednou praed. part.: *da bądete na mę prizirająšti oči tvoi vl(ady)ko i uši tvoi vъnemljąšti glasa molitvy moeję* 79 a 17—20.

Naproti tomu zde máme 26 krát praep. adj.: *umalenoe se ispovědanie* 77 b 19; *grěšъnaago raba* 77 b 20; *izgorěvъšee grěchy sr(ьdь)ce moe* 78 a 5; *milosrъdъnama očima* 78 a 10; *grěšъnyma mi očima* 78 a 11; *vъ nepravedьněmь sъpanьi* 78 a 17; *ląkavъnymь ograždeniemь* 78 a 22; *čestьnąją tvoją odeždą* 78 a 25; *čestъnaago ti znamenië* 78 b 1; *s(vę)tychъ tvoichъ povelěnei* 78 b 12; [illegible] *vragъ* 78 b 15; *čestьnymь i kr(ь)stomь*

78 b 18; i *prěčestьnymь ti pečatemь* 78 b 19; *tainěi trapezě* 78 b 21; *drevlьněago blądьna* 79 a 1; *prěždьněago razboinika* 79 a 2; *drevlьnjąją blądьnicą* 79 a 4; *prěčistyję ti materi radi* 79 a 12; *s(vę)tychъ anđ(e)lъ* 79 a 14; *s(vę)tychъ p(ro)r(o)kъ* 79 a 15; *sr(ъ)d(ъ)čněi oči* 79 a 22; *umalenoe se moe molenie* 79 b 4; *za pravověrьnyję raby tvoję* 79 b 6; *grěšьnaago si raba* 79 b 8; *sъ beznačęlьnymь ti o(tь)cemь* 79 b 20; *prěsvętymь d(u)chomь* 79 b 21.

Týž poměr v III: více predikatem se zde jeví *položei ispovědanie kaměno* 80 a 5 a *sъchranivъ ispovědanie čisto* 80 a 14. O *otъ v'sěchъ prilogъ nepriězninъ* 80 a 12 stala se již zmínka nahoře. Naproti tomu zde máme: *s(vę)tumu obьštenьju* 79 b 24; *v'semogy i milosrъdn(y) b(o)že* 80 a 2; *prěčistychъ tvoichъ tainъ* 80 a 11; *svętyję b(ogo)r(odi)cę* 80 a 20.

vьsь pravidelně předchází: *v'sją tvarъ* 67 a 4; *v'sě slava* 71 a 17; *otъ v'sěchъ zъlъ* 79 a 3; *v'se dychanie blago* 79 b 1; *v(ь)sь darъ* 79 b 1; *otь v'seję napasti* 79 b 13; *v'sěmъ priběgająštiimъ kъ tebě* 79 b 17; v III: *otъ vьsěchъ prilogъ* 80 a 12; *sъ v'sěmi ugoždьšiimi* 80 a 18; *v'sěchъ s(vę)tychъ tvoichъ* 80 a 21.

Výjimkou jen: *pomyšleniě v'sě* 67 b 15. *Číslovky řadové* předcházejí též: *prъvaago oteč(ь)stva* 66 b 6; *vъ tret(ь)ei denь* 67 a 24. Srovn. též: *vъ edinomь b(o)žьstvě* 67 a 15 a *mnozěmi skrъbьmi* 69 b 11.

Demonstr. zájmena mohou předcházeti: *umalenoe se ispovědanie* 77 b 19; *umalenoe se moe molenie* 79 b 4; ale též následovati: *m(o)l(itv)ą siją* 77 b 18 a *raba tvoego sego* 80 a 10.

Taktéž: *mąky ty strašьnyję* proti *strašьny tъ sądъ* 67 b 4. V kijevských listech máme *darъ sь* a pod. proti *sьi darъ* a pod. (v. autor. spis: O původu Kijevských listů, str. 102).

V ckslov. evangeliu jeví se zcela jiný poměr mezi postpositivním a praepositivním adj.: toto vyskytuje se zde řidčeji nežli ono, jak právě v řeckém originale. Naopak zase i v ostatních spisech Klimentových.

Též v *KnRožmb.* jsou případy s postpositivním adjektivem v nápadné menšině; jsou to: *komornika prazského* 1; *jedniem komornikem prazským* 2; *komorníku prazskému* 4; *komornik prazský* 4; *jedniem komorníkem prazským* 13; 16; dále 196 (dvakrát); 197; 198 (2 krát); 204; *komorník najvyšší* 32; *kmetem zemským* 61; *sněm zemský* 206; *dokládá se desk zemských* 296; *z hanby ženské* 74; *právo sirotčie* 117; 118 (2 krát); 126; 129; 141; 164; 165; 166; 167; 168; *odpověd taká* 144; *z sirotka přivuzného* 188; *rány modré i krvavé i všelikaké* 212; *úředníka nového* 220; *na třech trziech okolních* 295; o *služebníka králova* jsme se již zmínili. *Případů těchto jest něco přes třicet, případů však s praepositivními adjektivy jest něco přes dvě stě.* Mezi nimi nalézáme: *prazskému komorníku* 5; *hrazský komorník* 17; 18 (2 krát); 29 (4 krát); 33;

47 (2 krát); 48 (2 krát); 196 (2 krát); 197; 295; *sirotčie právo* 123; 125; 126; 127; 129; 138; 140; vždy jest zde *jiný* před subst., **taktéž** *každý, cizí* (29; 30; zde 2 krát; 36; 45; 46); *veš* a *svatý: ot svatého Havla . . . do svatého Juřie . . . od svatého Juřie do svatého Havla . . .* 274; některé ustrnulé výrazy jako; *kobylé pole* 209; 271; 272; 273; 292, zde 3 krát; 293 dvakrát; 294 čtyřikrát; 295 třikrát; 296 dvakrát.

Stará čeština shoduje se zde tedy ještě více s církevní slov., pokud se tato jeví samostatně v některých památkách. Můžeme předpokládati, že se teprv i v staré češtině vyvinul pořad postpositivních adjektiv, jen že jiným spůsobem nežli v jihoslovanstině a v ruštině. Poněvadž nebylo v češtině postpositivního zájmena poss. v značné míře a následkem toho ani postpos. adjektiva, jak jsme viděli, třeba zde pomýšleti na jiné příčiny. Na základě rčení jako: *ten dům* je *panský* (některá adjektiva měla ve výroku v historické češtině odevždy jen sklonění složené) vzniklo: *to je dům panský* a potom vůbec *dům panský* vedle *panský dům*. Mohly zde ovšem ještě i jiné okolnosti působiti.

Třeba ještě dodati, že *číslovky základní* a *řadové* i v češtině pravidelně předchazejí; jen výjimkou nalézáme zde: *trhy třmi* 59; 60; **pak**: *trhem prvým* 59; *póhon prvý* 193; jinak zde máme velmi mnoho dokladů pro praepositivní pořad. Slovo *sám* též předchází: *samého pána* 25; *sám otec* 52; *sám póvod* 107, ale 2 krát též: *hrazský komorník sám* 17 a 47.

Případy jako *z ran z modrých* 73; 171; *z ran z otvořitých* 172; *z ran z siných* 173; *z ran z krvavých* 174; *na cěstě na bezprávnej* 277 ano i: *protože je ho z hospody z jeho nepohnal za časa* 208, v nichž se při následujícím attributu předložka opakuje, jsou praslovanské, neboť je nalezáme též v staré ruštině (srovn. Kozlovskij v AfslPhil. XII str 103), ano i v lit. nár. písních jakož i v českých atd.

Co se týče *attributivního genitivu*, bylo jeho místo v praslovanštině pravidelně též před subst., jak některé ustrnulé výrazy ještě pro to svědčí. V uvedených kusech Euch. sin. však již pravidelně následuje: *vъ vъschyštenię tuždego iměnię* 68 b 5; *izъ glębiny bezakonei moichъ* 69 a 2; *brěmenъ grěchovъ našichъ* 71 a 8; *vъ slavě o(tь)ca svoego* 71 a 13; *razdavьnikъ iměnię svoego* 70 b 10; v II: *ispovědanie grěšьnaago raba tvoego* 77 b 20; *vlagą tvoichъ štedrotъ* 78 a 4; *iskrą tvoego m(i)l(osrь)dię* 78 a 8; *istočьnikъ slezъ* 78 a 12; *plъti i krъve estьstva tvoego* 78 b 8; *iz glębiny zъlъ moichъ* 78 b 26; *kolěně sr(ьdь)ca moego* 79 a 10; v III: *na razdrěšenie posta* 79 b 22; *pričęstьnikъ c(ěsa)rstva tvoego* 80 a 18; *molitvami s(vę)tyję b(ogo)r(odi)cę* 80 a 20.

Původni misto attr. genitivu zachovalo se zde jen v případech, kde předcházela předložka .. *dobro brašьno ždenię město* .. *na vinopitię*

město vodopiica, *vъ směcha město* . . ., *vъ veličiě město* . . ., *vъ mękъko lěganiě město* . . ., *vъ sъvadъnika město* . . ., *vъ svarъnika město* . . ., *vъ chyštьnika město* . . ., *vъ obidlьlivъstva město; vъ tatъby město; vъ blądoljubiě město* . . ., *vъ skvrъn'noljubiě i vъ vlъchvoljubiě město* . . . 70 a 24—70 b 17.

Nové místo za subst. zaujal zde gen. pod vlivem adnominalního dativu jako *bądeši čędo světu* 70 b 19; *u tebe estъ istočьnikъ životu* 79 a 25 atd. Tento se zase rozšířil pod vlivem possessivně užívaných tvarů *mi*, *ti*, *si* (*bratrъ mi*). Tím se stalo, že zde i poss. genitivy *jego* atd. vždycky následují: *da pokryjątъ sę emu děla ego* 68 b 21; *protivo dělomъ ego* 67 b 3; 71 a 16 atd., s čímž se jinde neshledáváme. V textech přeložených z řeckých originalů nalézáme jednou i proti řeckému originalu: *prěgrěšeniě ego αὐτοῦ τὰ πλημμελήματα* 75 b 16.

Obdobně nalézáme i v staré ruštině: *v gordago bo serdci; vъ otьca město* Nest. Mikl. 44 (Kozlovskij AfslPhil. XXIII str. 103); jinak již všude postpositivně: *zakonъ otьcь svoichъ* Nest. 6 (Berneker str. 100). Possess. genitivy *ego*, *ichъ* atd. jsou v staré ruštině praepositivní i postpositivní, nyní obyčejně praepositivní: *vъ ichъ domě*, *ego synъ*.

V *KnRožmb.* máme ještě mnoho *praepos.* genitivů attrib., zvláště zase po předložce: *ot jeho otcě dvora* 52; *z lesa posěčenie* 69; 158; *z (š)čěpóv uškozenie* 178; *z očí vynětie* 181; *z jazyka uřězánie* 181; *z děvojstva odjětie* 183; *z dědiny vázánie* 186; *z děvojstva odjětie* 212; 225; *z ženy podávenie* 225; *v hostě rucě* 235. Mimo to: *přimiřie pán* 126; *kurvy syn* 134 (2 krát); *viechóv zavinutie* 162; *póhonu rok* 193; 194; *menšieho úřada komorníka* 199. Máme zde však již as o jednu třetinu více genitivů *postpositivních: z podávenie dievky* 74; *svědčenie póhona* 76; *od vysvědčenie póhona prvého* 82; 87; *až do vysvědčenie póhona druhého* 82; 83; *do vysvědčenie prvého póhona* 86; (*rok póhonu ukládal* 105 je dat); *svého tovařišě své popravy* 142; *v zebránie úrokóv* 159; *v zoránie dědiny* 169; *z podávenie ženy* 182; *z ssutie dědiny* 187; *z vyplacenie dědin* 187; *z opravy dědiny* 192; *rok póhonu* 193; *k roku póhona druhého nebo třetieho* 201; *ot vysvědčenie póhona* 201; *o rozličném běhu řěči* 209; *o jetí koně* 209; *o jetí svého člověka* 209; *o správcu dědin* 209; *o zavržení svědka* 209; *o jetú svědka* 209; *vzebránie úrokóv* 210; *z podávenie ženy* 212; *po komorníka póvodu* 237; *na ukázanie škody nebo dědiny* 239; *z hlavy komorníka* 246; *na rov komorníka* 246; *ukázanie škody* 260.

Jinak se má zase věc s poss. gen. *jeho*, *jich* atd. Gen. tento má zde své místo před subst.: *za jeho chodbu* 4; 5; *za jeho stravu* 5; *na jejie zboží* 16; *na jich vieru i na jich dušu* 20; *jeho žena* 23; *jeho zboží*

25; *s jeho zboží* 31, podobně i 44; 48; 61; 68; 114; 124; 126; 207; 245; 275. Pak ještě: *že je to jeho dědina* 285. Jen výjimkou: *u dvora jeho* 54; *starostě jeho v jeho dvoře* 62.

Nalezli jsme zde pravidelně possess. zájmeno *můj*, *tvůj* atd. **před** substantivem; taktéž shledáváme i u possess. genitivů *jeho*, *jejie* atd. Slova tato zachovala tedy zde ještě své místo z praslovanštiny. Vysvětliti si to můžeme zase tím, že poss. dativy *mi*, *ti*, *si* a dále pod jich vlivem adnominalní dativy nenabyly v západní slovanštině takového rozsahu jako v jihoslovanštině a ruštině. Nemohly tedy působiti na jiná slova v podobné funkci, aby se stala též postpositivními. Pak ale třeba rozšíření postpositivních genitivů attributivních v češtině jinak vyložiti nežli v církevní slovanštině. Mezi substantivy, na nichž je závislý postpositivní gen., vidíme mnohá, která jsou utvořená od participia transitivních sloves, jako *z podávenie dievky*. U nich mohla vždy ještě působiti jakási verbalnost původního participia, nasledkem kteréž přibírala k sobě postpositivní genitiv jakož přibíralo příslušné verbum k sobě obyčejně postpositivní akkusativ. V druhé řadě teprv mohly působiti i genitivy partitivní, jež ovšem následovaly původně vždy po subst. jako ku př. *v KnRožmъ.: málo dědiny* 96.

Ve Vídni, dne 16. května 1907. *Václ. Vondrák.*

Отголоски славянской пороты въ обычномъ правѣ у румынъ XV—XVII вв.

Въ числѣ характерныхъ чертъ славянскаго обычнаго права, разбросанныхъ въ изданномъ В. И. Ягичемъ »Винодольскомъ Статутѣ«, однѣми изъ наиболѣе интересныхъ являются касающіяся пороты и поротниковъ. Нѣсколько устарѣлое изслѣдованіе І. Авакумовича »Енгелска, француска и српска порота« [1]), а также болѣе новыя работы, которыми могъ воспользоваться для своего »Историческаго Словаря слав. права« Г. Иречекъ, правда, работы незначительныя, — даютъ картину широкаго примѣненія этого юридическаго института у славянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, для сравнительнаго изученія его, заставляютъ обратиться къ старымъ сосѣдямъ славянъ.

На первомъ мѣстѣ будутъ румыны. Ихъ старая культура настолько насыщена славянскимъ вліяніемъ, притомъ рѣшительно во всѣхъ областяхъ, что можно уже а priori было бы утверждать, что порота извѣстна и румынамъ, а изученіе славяно-румынскихъ документовъ XV—XVII вв. приводитъ къ совершенно неожиданнымъ результатамъ. Оказывается, что нѣсколько десятковъ господарскихъ грамотъ сообщаютъ такія подробности пороты, которыя не засвидѣтельствованы документами другихъ славянскихъ народовъ, хотя никоимъ образомъ нельзя говорить о непосредственномъ заимствованіи ея румынами отъ народовъ германскихъ. У валаховъ поротники носили названіе клетовци, у молдованъ — присѣжници; румынскій терминъ — conjurătorii, самый актъ назывался conjurămîntul, — и въ настоящемъ очеркѣ мы познакомимся съ этимъ обычаемъ на основаніи данныхъ документальныхъ.

Прежде всего, поротниковъ румынскаго обычнаго права надо отличать отъ свидѣтелей (рум. martor), такъ какъ въ то время, какъ послѣдніе говорили по существу дѣла, подтверждая или отвергая извѣстный фактъ, — первые только присоединялись къ показаніямъ или при-

---

1) Гласник кн. 60, 62, 69—71.

знаніямъ заинтересованнаго лица, одного изъ представителей тяжущихся сторонъ, и своей присягой какъ бы усиливали авторитетность индивидуальнаго показанія. Свидѣтель (**ротникъ, juratus**) показываетъ только то, что̀ онъ самъ видѣлъ и о чемъ слышалъ. Онъ можетъ даже не знать обвиняемаго или же относиться къ нему враждебно. Совсѣмъ иное дѣло — »соклятвенникъ« (**поротникъ**, *con*juratus). Онъ — сосѣдъ, товарищъ истца или отвѣтчика и только поддерживаетъ показанія своего кліента, усиливая въ судьяхъ убѣжденіе, что кліентъ не можетъ говорить неправду. Поэтому къ этому обычаю румыны прибѣгали или въ наиболѣе важныхъ дѣлахъ какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ, или же когда это являлось единственнымъ юридическимъ доказательствомъ, при отсутствіи всякихъ иныхъ.

Ввиду того, что мы не располагаемъ писаннымъ законодательнымъ кодексомъ у румынъ раньше половины XVII в., а въ Синтагмѣ Матвѣя Властаря, которая одна фигурируетъ въ юридической практикѣ Валахіи и Молдавіи XIV—XVII вв., о поротѣ не упоминается, — приходится выводить правила примѣненія этого института на основаніи текста грамотъ, изрѣдка пользуясь сербскими аналогіями.

I. Однимъ изъ главныхъ требованій для законности клятвенной присяги поротниковъ у румынъ была *одинаковость соціальнаго положенія поротниковъ и представителя заинтересованной стороны*. То же самое мы находимъ и въ Душановомъ Законникѣ, въ главѣ 152: **како ѥсть биль законь .... оу дѣда царства ми, оу светаго крали: да соу велимь властѣломь вели властале пороть(ни)ци, а средьнимь людемь — противоу ихь дроужина, а себрьдїамь — ихь дроужина да соу пороть(ни)ци, и да нѣсть оу поротѣ рωдима ни пизменика** (вар. **пизматора**)[1]. Впрочемъ, румынская практика въ данномъ случаѣ оказывается болѣе аристократической, и крестьяне совершенно не пользовались поротой. Большинство документовъ говорятъ о боярахъ, меньшая часть — о духовенствѣ. За нѣсколько лѣтъ до вступленія на престолъ, валашскій господарь Михаилъ Витязь, или Храбрый (Viteazul), былъ изгнанъ воеводой Александромъ III вслѣдствіе того, что въ Валахіи распространились слухи, будто (?) онъ — господарскаго происхожденія и желаетъ смѣстить законнаго господаря. Михаилъ бѣжалъ въ Трансильванію и нашелъ защиту у Стефана Батори, а впослѣдствіи могъ снять возведенное слухами обвиненіе въ »государственной измѣнѣ«, только »поклявшись съ 12 боярами въ томъ,

[1] [illegible] и т. д., II, стр. 11; Ст. Но- [illegible] 1898 [illegible] 119 [illegible]

что онъ не — сынъ господаря« [1]). Замѣтимъ, впрочемъ, что на самомъ дѣлѣ Михаилъ былъ сыномъ господаря Петрашка Добраго (1554—1557) и братомъ Петра Черчела (1583—1585), принадлежа такимъ образомъ къ династіи Дракулешти. Опуская нѣсколько случаевъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о монастыряхъ и ихъ представителяхъ-игуменахъ, укажемъ на валашскую грамоту 1571 года. Господарь Владъ предоставляетъ право монахамъ выставить 12 соклятвенниковъ изъ поповъ (въ документѣ слѣдуетъ перечисленіе сельскихъ священниковъ); дѣло касалось монастырскихъ имѣній [2]). Психологическимъ отличіемъ пороты отъ свидѣтельства и объясняется указанное выше, какъ одно изъ главныхъ условій изучаемаго юридическаго института, равенство соціальнаго положенія всѣхъ участниковъ присяги. Обыкновенные истецъ и жалобщикъ не присягаютъ, а при поротѣ происходитъ *коллективная присяга*, почему при ложной присягѣ налагалось одинаковое наказаніе всѣмъ ея участникамъ. Этимъ достигался классовой характеръ института, такъ какъ индивидуальные интересы могли поддерживать только тѣ лица, которыя принадлежали къ тому же классу. Въ этомъ отношеніи латино-румынскій терминъ *con*juraţi, или *con*jurătorii, вполнѣ соотвѣтствуетъ слав. **по-ротници**, такъ какъ понятіемъ »со-клятвенники« лучше всего опредѣляется коллективный, въ данномъ случаѣ классовой, характеръ присяги.

Въ связи съ этимъ находится одна подробность румынской практики, которой не знаютъ документы сербскіе, именно, если возникало дѣло, касающееся женщинъ (точнѣе — женской чести), то поротниками могли быть только женщины, конечно, одного же съ обвиняемой соціальнаго положенія. Мы имѣемъ документъ времени Матвѣя Басараба 1633 года, гдѣ подробно описано судебное дѣло между Василіемъ спатаремъ и женою его Маріей, съ которой онъ хотѣлъ развестись, и которую гдѣ-то назвалъ »женщиной дурной и глупой«. И вотъ, чтобы реабилитировать поруганную атестаціей мужа честь, она просила еще у покойнаго Леона воеводы »*земскаю закона*, дабы оправдаться«. Но тогда Василій спатарь пустилъ въ ходъ подкупъ, съ цѣлью не дать ей возможности оправдаться, и даже заручился актомъ на разводъ. И только по вступленіи на престолъ господаря Матвѣя, Марія рѣшила отправиться въ столицу ко дню Благовѣщенія. »И не могъ я, — говоритъ въ указанномъ документѣ господарь, — запретить жупынясѣ (— боярынѣ) Маріи воспользоваться *закономъ о двѣнадцати жупынясяхъ*

1) A. Xenopol, Istoria romînilor din Dacia Trajana. Iaşi 1896, vol. VI, pp. 6—10.

2) Ib., vol. VII, p. 99.

на основаніи господарскихъ грамотъ, чтобы поклялись онѣ чистосердечно (— »по душамъ ихъ«) предъ святымъ Евангеліемъ, предъ отцомъ нашимъ митрополитомъ киръ владыкой Григоріемъ въ томъ, что жупыняса Марія не виновата ни въ чемъ изъ возведенныхъ на нее наговоровъ и подозрѣній«. Тогда Марія сейчасъ же отыскала подругъ, которыя согласились защитить женщину отъ грубыхъ обвиненій Василія спатаря, — и она присягнула вмѣстѣ съ 12 жупынясами въ томъ, что она не виновна [1]).

II. Вторымъ существеннымъ отличіемъ поротниковъ отъ свидѣтелей является то, что первые могли говорить не по существу дѣла, а только *реабилитировать репутацію одной изъ сторонъ.* Одинъ изъ такихъ примѣровъ мы только-что привели. Въ виду отсутствія въ валашскомъ правѣ писанныхъ законовъ, которые замѣнялись »земскимъ обычаемъ«, — мы не располагаемъ юридической формулировкой правъ поротниковъ и можемъ составить представленіе о ней только на основаніи практики. Изъ нея опредѣляемъ прежде всего то, что въ извѣстныхъ случаяхъ поротники даже не имѣли права говорить по существу дѣла и давать какія либо подробныя показанія: они могли только подтверждать что-нибудь или отвергать, притомъ самый фактъ присутствія ихъ на судѣ былъ равносиленъ подтвержденію; если же они не являлись, то это уже означало, что они не присоединяются къ истцу или отвѣтчику. Однимъ словомъ, они говорили только »да«, въ рѣдкихъ случаяхъ — »нѣтъ«, и принципъ tertium non datur проводится въ румынской практикѣ вполнѣ послѣдовательно. Поэтому приведемъ соотвѣтствующую формулу изъ Законника Стефана Душана, который, кстати, извѣстенъ и въ валашскихъ копіяхъ: **и тизи пороть(ни)ци да нѣ соу вольни никога оуминрити развѣ да оправе, или пакы да окриве**, и дальше: **и оу поротѣ како се векы кльноу, и кога векы да оправе, — тизи да соу вѣрованїи** [2]). Изъ этого видно, что въ то время, какъ свидѣтели могли показывать совершенно различно, даже противорѣчить другъ другу, и дѣло суда было найти среди нихъ истину, — »соклятвенники« отвѣчали точно такъ же, какъ современные присяжные засѣдатели. Такимъ образомъ, ихъ судъ былъ *единогласный* и, въ общемъ, безапеляціонный. Кромѣ приведеннаго раньше дѣла жены спатаря Маріи, къ числу случаевъ, когда поротники реабилитировали репутацію, относится дѣло 1561 года. Валашскій господарь Петръ Хромой (1559—1567) долженъ былъ рѣшить споръ о принадлежности имѣнія одному

1) A. Xenopol, Istoria romînilor, vol. VII, p. 95.

2) Т. Флоринскій, Памятники и т. д., ч. II, стр. 11; Ст. Новаковић, стр. 18 119

молодому боярину. За дурное поведеніе онъ былъ лишенъ отцомъ наслѣдства; и вотъ, когда ему пришлось вступать въ наслѣдственныя права, — онъ привелъ съ собой въ господарскій диванъ 12 бояръ, которые своей присягой, по выраженію документа, »очистили его репутацію«. Особенно ярко выступаетъ этотъ оттѣнокъ пороты въ дѣлахъ деликатнаго свойства, когда обычныя свидѣтельства были бы безсильны. Въ своихъ »Влахо-болгарскихъ грамотахъ« Ю. Венелинъ передаетъ содержаніе валашской грамоты 11 февраля 1586 года, гдѣ описывается тяжба между Деспотомъ и сестрами его Станой, Някшей, Радой и Предой о вотчинѣ Берилещи, »изъ коей братъ хотѣлъ выгнать сестеръ, а сестры доказывали, что онъ имъ не братъ. Дѣло шло о чести матери. Александръ (дѣло производилось еще при отцѣ Михни) »далъ имъ законъ«, т. е. нарядилъ для слѣдствія (?) къ матери Войкѣ 12 бояръ, долженствовавшихъ узнать истину отъ нея самой. Дѣло кончилось тѣмъ, что имѣніе поровну раздѣлено на 5 деловъ [1])« т. е. участковъ. Другая подобная же грамота относится къ 1573 году [2]).

III. *Число поротниковъ* колебалось въ зависимости отъ важности дѣла; поэтому мы имѣемъ документы, въ которыхъ фигурируютъ *6, 12 и 24* поротниковъ. Въ валашской грамотѣ 1591 года читаемъ слѣдующую резолюцію господаря: **а господство ми сьмъ гледалъ и сѹдилъ по правдѹ и по законѹ божїю и истинствовахомъ редѹ имъ весьма добро, и дадохомъ господство ми ѕ҃ болѣри, ꙗкоже да сьгледате и обрѣтати редѹ имъ по правдꙋ съ нихнимъ дꙋшевнемъ; и тако сведѣтельствꙋютъ предъ господство ми те ѕ҃ болѣри** [3]). Грамота господаря Радула 1499 года нѣсколькимъ чиновникамъ (**слоугамъ**) формулируетъ рѣшеніе суда: **понеже заклеше предъ господство ми съ в҃ї болѣри, како нмь есть стара и права ѡчина и гѹра** (-устье) **Жилцꙋлꙋй ѿ полѣ Тꙋрцемь въса** [4]).

И въ этой подробности нетрудно найти разницу между поротой и свидѣтельствомъ. Число свидѣтелей могло быть неограниченнымъ, все зависѣло здѣсь отъ степени огласки извѣстнаго факта, а иногда достаточно было одного свидѣтеля. Число же поротниковъ — почти эпическое, постоянное: ихъ количествомъ измѣрялось уваженіе къ данному лицу цѣлаго класса, цѣлой корпораціи, потому что представившій 24 соклятвенника, вполнѣ естественно, пользовался въ глазахъ суда боль-

---

1) Влахо-болгарскія грамоты, стр. 228—229.

2) Тамъ стр. 203. Издатель, по всей вѣроятности, невѣрно прочиталъ слово **вел слꙋжарь** вм. **сѹлжеръ**.

3) Тамъ же, стр. 232.

4) Сборникъ болг. министр. просв., т. IX, стр. 348.

шимъ авторитетомъ со стороны общества или класса, чѣмъ тотъ, который могъ представить лишь половину. О значеніи бóльшаго числа поротниковъ ясно говоритъ Винодольскій Статутъ: **И ошѣе од убойства ако нису сведоци, осваени од нега има се очистити само петдесет, найдуѣ своихъ поротники, како найболе ви и море. Яко поротники нима, присези он сам толико крат, вала за оних ки му манкаю.** Смыслъ этого мѣста таковъ: что же касается убійства, гдѣ нѣтъ свидѣтелей, то обвиняемый долженъ себя оправдать самъ-пятьдесятъ, для чего долженъ найти за себя поротниковъ *возможно побольше числомъ и получше.* Если же онъ не имѣетъ поротцевъ, то пусть самъ присягнетъ столько же разъ вмѣсто тѣхъ, которыхъ у него недостаетъ [1]. Были ли случаи, когда число румынскихъ поротниковъ доходило до 48 — неизвѣстно; покрайней мѣрѣ, въ документахъ такихъ фактовъ не находимъ.

Число поротниковъ въ румынской практикѣ находитъ себѣ полную аналогію и въ законодательствѣ сербскомъ, кодифицированномъ Стефаномъ Душаномъ. Въ спеціальной 151 главѣ о поротцахъ читаемъ: **повелѣва царство ми Ѿсъда напрѣда, да ѥсть порота и за много и за мало; и за велико дѣло да соу к҃д порот(нн)ци, а за помьнїи дльгь в҃ї поротникь (-тьць), а за мало дѣло ѕ҃ поротьць** [2]. Изъ первой общей части узаконенія видно, что различались дѣла только значительныя и малыя, а въ части исполнительной къ нимъ прибавлены дѣла »поменьше«, причемъ кромѣ 24 и 6 поротниковъ вводится еще новое число — 12. Въ византійско-сербской компиляціи, въ такъ-называемомъ »Законникѣ царя Юстиніана«, слѣдующемъ довольно близко за Раваничскимъ спискомъ —, читается почти такое же мѣсто, и разница падаетъ только на число поротниковъ въ дѣлахъ маловажныхъ, когда можно было проводить только троихъ: **к҃д властелина, и за помане в҃ї, а за малехно г҃** [3]. Послѣдняя цифра была извѣстна, повидимому, и румынской практикѣ, если только въ документѣ 1637 года, на который ссылается А. Д. Ксенополъ, шла рѣчь о поротѣ: въ господарскій диванъ истецъ представилъ 3 купцовъ въ виду незначительности дѣла [4]. Аналогичная же градація проводится и въ Винодольскомъ Статутѣ. Девятая статья его гласитъ: если предъ дворомъ будетъ разбираться дѣло о насиліи или о кражѣ, и сторона обвиненія не распо-

---

[1] В. Ягичъ, Винодольскій Законъ, стр. 92; другое подобное же мѣсто на стр. … 26

[2] … Ст. Новаковић, стр. 118—119.

[3] [illegible]

[4] [illegible]

лагаетъ уликами, то обвиняемый имѣетъ право присягать, именно, онъ долженъ доставить для присяги 25 поротниковъ въ уголовномъ дѣлѣ и 20 при обвиненіи въ кражѣ, наконецъ, по дѣлу о кражѣ сѣна изъ копны ночью можно ограничиться 6-ю поротниками [1]).

IV. *Дѣло проигрывалось, если сторона*, получившая отъ господаря »законъ«, вообще *не могла представить поротниковъ*. Объ этомъ говоритъ цѣлый рядъ документовъ, напримѣръ, судное дѣло относительно помѣстій 1542 года между Даномъ съ сыновьями и Анкой: **и дадѹхь господство ми законь в҃ї болѣри, да закле, како имать и она очинѹ. И она никакоже възмогше ѹзети законь, нѹ осталіе ѿ законъ ѿ предъ господство ми, како веке да не имать Янка метехь** (— не должна вмѣшиваться) **надъ вышеречен҄у очинѹ** [2]). О противной сторонѣ въ приведенномъ документѣ не говорится. О ней говорится въ другомъ документѣ, 1590 года, явившемся по поводу суднаго дѣла между братьями относительно цыганки Дафины. Господарь Михня судилъ »по правдѣ и по закону« и сначала избралъ особую комиссію изъ четырехъ бояръ, **ѩкоже да им съгледает редѹ, како хощет**. Но, когда эта комиссія нашла, что въ платежѣ за коллективную покупку постельникъ Жюржіу не участвовалъ, то господарь далъ ему **закон в҃ї болѣри ѿ пред господства ми, да заклет, како есть покѹпил сам си ѿчини над спензѹ емѹ** (т. е. за свои расходы, на свои деньги) **без брата си**. Жюржіу не могъ представить ихъ и проигралъ дѣло [3]). Не менѣе интересно другое дѣло, изъ молдавской практики, гдѣ противная сторона также не могла представить поротниковъ. Это — грамота молдавскаго господаря Стефана Великаго, признающая законнымъ право на владѣніе помѣстьями покойнаго Ивана Купчича за дочерью его Марушкой, отъ 26 августа 1474 года. Противная сторона была представлена внуками Купчича по матери. **Того ради ми есми смотрили и судили ис нашими боѩры и дали есми Ивановии и братїамъ его, како есть право и законъ по ѡбычаю, аби пошелъ Иванъ самъ съ к҃д присѣжници и щоби присѣгнулъ ис ними, аже Иванъ исъ своими братїами соуть оунуки Купчичеви по ихъ матери, такожде аже суть и Марушки и Михнови тѣжъ оунуки**. Но Иванъ съ братьями отказался отъ присяги (**сѣ ѿметали ѿ свою присѣгу**), а Марушка присягнула въ назначенный день предъ господаремъ и боярами и выиграла процессъ [4]).

1) В. Ягичъ, Винодольскій Законъ, стр. 22—23.
2) Сборникъ болг. Мин., т. IX, стр. 357.
3) *Revista p. istorie, archeologie* etc., vol. I, pp. 189—190.
4) Грамота въ собраніи Лукашевича (Румянцевскаго музея въ Москвѣ), Nr. 12.

V. Въ большинствѣ случаевъ (было ли это обязательно — положительныхъ данныхъ не имѣется) *для приведенія* въ господарскій диванъ *поротниковъ назначался срокъ*, и отсутствіе ихъ въ опредѣленный день влекло за собой проигрышъ дѣла. Такой случай описывается въ валашской грамотѣ 1548 года. Происходитъ тяжба (пра) между Иваномъ и Станчюломъ изъ за наслѣдства, и ѹ темь ѹзе Иванъ отъ предъ господство ми ві҃ болѣри законъ, како да закле они, како есть било дадено таи дель (— та часть, участокъ) очинѹ Иванѹ. Тако, кьда бисть на дьнь сьрокомь на свети Димитріе, а Иванъ никакоже не може донести законъ предъ господство ми, анѹ осташе Иванъ ѿ закона ѿ предъ господства ми [1]). Грамота 1579 года говоритъ о томъ же: сторона, получившая »законъ«, не могла доставить 12 бояръ кѹда есть било на дьнъ и на срокъ [2]). Наконецъ, подобный случай упоминается въ грамотѣ логоѳету Пырвулу господаря Радула, сына Михни, отъ 1611 года. Боярыня Анна съ сыномъ не могли доставить въ диванъ къ назначенному сроку извѣстное число поротниковъ и проиграли дѣло [3]).

Назначеніе близкаго сроки для явки поротниковъ стоитъ, надо думать, въ связи съ тѣмъ же различіемъ между поротой и свидѣтельствомъ: болѣе авторитетное въ своемъ классѣ лицо нисколько не затруднится представить въ диванъ 12 или 24 поротниковъ черезъ нѣсколько дней, въ то время какъ для менѣе авторитетнаго это сопряжено съ большими препятствіями и во всякомъ случаѣ — болѣе продолжительнымъ срокомъ.

VI. Съ назначеніемъ опредѣленнаго срока для приведенія въ диванъ поротниковъ, притомъ срока довольно близкаго отъ полученія самаго »закона«, стояло въ связи *обязательство привести непремѣнное число ихъ*. Поэтому, если истецъ или отвѣтчикъ приводилъ не полное число поротниковъ, и изъ нихъ недоставало хотя бы одного, то 5, 11 или 23 человѣкъ все-равно не имѣли права присягать, и такимъ образомъ дѣло проигрывалось точно такъ же, какъ если бы не пришелъ ни одинъ изъ нихъ. Въ грамотѣ господаря Мирчи III Чёбана отъ 1559 года право воспользоваться поротой дано было Рошкѣ и сыну его Рысипѣ: 24 бояринa должны были присягнуть въ томъ, что истцы имѣли право на унаслѣдованіе села Басны. Но »не могли привести этихъ бояръ ко дню и къ сроку, и проиграли дѣло предъ господаремъ Рошка и сынъ его Рысипа«. А. Ксенополъ отказывается допустить, чтобы въ этомъ и во всѣхъ

1) Сборникъ болг. Мин. Просв., т. IX, стр. 359.
2) Тамъ же, стр. 363.
3) Венелинъ. Влахо-болгарскія грамоты, стр. 267—269

приведенныхъ раньше случаяхъ заинтересованныя въ дѣлѣ стороны не могли найти *хотя-бы одного* поротника; но въ виду того, что они не доставили полнаго числа поротниковъ, — въ документѣ говоритъ лишь о томъ, что »не могли они присягнуть«[1]). Мы могли бы дать по этому поводу болѣе опредѣленное указаніе, именно, въ документѣ 1600 года говорится, что къ опредѣленному сроку изъ назначенныхъ 12 бояръ явились только четверо, и тѣмъ не менѣе, они свидѣтельствовали предъ господаремъ, но очевидно, уже не какъ поротники, а какъ обыкновенные свидѣтели.

VII. Разъ институтъ поротниковъ отличался отъ обычныхъ свидѣтельскихъ показаній, и въ основѣ его лежала такъ-сказать моральная авторизація одной изъ сторонъ, то естественнымъ выводомъ получается слѣдующее наблюденіе: *выигрывала та сторона, которая представляла бо́льшее число поротниковъ*, конечно, въ »канонизованныхъ« обычаемъ цифрахъ, обыкновенно 12 или 24. При этомъ между первымъ и вторымъ процессомъ могло пройти довольно продолжительное время. Изъ грамоты валашскаго господаря Влада Монаха 7 января 1490 года мы узнаемъ, что бояринъ Петръ судился съ игуменомъ монастыря Тисманы Матвѣемъ относительно нижней части села Чяурій въ округѣ Горжъ, и выигралѣ игуменъ, доставивъ большее число поротниковъ: **тако се подиже Петрь, тако се закле съ в҃і болѣри, та им ѵзе долни хотар. Потом паки се подиже старец Матею та се закле съ к҃д болѣри, тако им дадоше хотар ѿ здола ѿ где излѣзе Рѹцина** и т. д.[2]). Аналогичное дѣло и точно съ такимъ же исходомъ происходило въ Валахіи въ 1630 году, при Матвѣѣ Басарабѣ[3]). Въ 1505 году господарь Радулъ выдалъ грамоту жупану Арку, который судился съ Стоясой, женой Стоевой изъ Копачани, и ея сыновьями. **Тако извади Ярка предъ господство ми със в҃і болѣри, та заклеше и свѣдѣтельствоваше предъ господство ми, како нимь есть стара и права очина. Я потомь Стоясы ѹ ненни синови они ѵхватише к҃д болѣри, како да ихь донесеть ѹ господство ми на въскресеніе. Я они не могоше донести болѣри, анѹ осташе оть два** (д. б. **сва**) **закона**. Поэтому дѣло выиграла Арка[4]). Въ правленіе господаря Петрашки, въ 1558 году, возникло дѣло изъ за правъ на владѣніе помѣстьемъ Вульпещи и тянулось, повидимому, долго, потому что въ грамотѣ, изъ которой мы знаемъ о дѣлѣ, говорится, что

1) Istoria romînilor, vol. VII, p. 98.
2) *Archiva istorică a Românei*, t. I, p. 66.
3) A. Xenopol, Istoria romînilor, vol. VII, p. 102.
4) Сборникъ болг. мин., т. IX, стр. 353—354.

»поклялись 12 бояръ предъ покойнымъ Владомъ воеводой въ томъ, что Станчюлъ владѣлъ своимъ наслѣдственнымъ помѣстьемъ издавна и по праву«. »Но Пырвулъ и Станъ, — читаемъ дальше, — не оставили дѣла, а привели предъ Мирчей воеводой 24 бояръ, чтобы тѣ поклялись; а они никоимъ образомъ не могли этого сдѣлать, и тѣ (т. е. Пырвулъ и Станъ) проиграли процессъ« [1]). Подобное по обстоятельствамъ и по результатамъ дѣло имѣло мѣсто въ Валахіи и въ 1639 году, когда одна сторона представила 12 поротцевъ, а противная 24 и, конечно, выиграла дѣло. Приведя грамоту, Венелинъ возмущается этимъ дикимъ обычаемъ [2]).

VIII. Въ связи съ правомъ поротниковъ говорить только въ пользу или не въ пользу истца находятся, какъ мы видѣли, такіе случаи, *когда* рѣчь шла о реабилитаціи, о возстановленіи честнаго имени и т. п., и *обѣ стороны могли привести съ собой одинаковое высшее число поротниковъ*, вполнѣ присоединявшихся къ нимъ. Какъ поступалъ въ такихъ случаяхъ господарскій диванъ? Какъ рѣшались недоразумѣнія по тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ и истецъ, и отвѣтчикъ могли представить и представляли каждый съ своей стороны по удвоенному количеству поротниковъ? Припомнимъ, что послѣдніе не выясняли обстоятельствъ самаго дѣла. Они только подтверждали, что данное лицо, по ихъ глубокому убѣжденію, говоритъ правду и достойно вѣры. Поэтому могли быть — и на самомъ дѣлѣ были — случаи, когда диванъ былъ поставленъ втупикъ. Обыкновенно *судебная практика назначала дополнительное слѣдствіе и опиралась уже не на поротниковъ, а на существо дѣла.* Въ грамотѣ 1560 года, данной митр. Ефрему господаремъ Петромъ, говорится: **а господство ми гледахъ и сѫдихъ по правдѫ съ въсии честити ми правителіе господство ми, и узѣше Хамза и зетъ его законъ кд болѣри ѿ предъ господства ми заклети, како имъ есть село Яниноаса дѣдина** (— наслѣдство). **Таже потомъ данеси Хамза и зеть его кд предъ господство ми. Такжe господство ми паки гледахъ редѫ томѫ селѫ за едино ми съ онои кд болѣри, и прочитоу господство ми книги** (— документы) **всѣм господарѡм бившихъ прежде господство ми, и видѣх истинствовах господство ми, какъ дѣдъ Хамза загѫбилъ село Яниноаса съ зла хитлѣнство** (— измѣна) **ѿ покойнаго Влада воевод Калѫгера** [3]) Такимъ образомъ при вторичномъ слѣдствіи, когда къ

[1]) [illegible], vol. VII, p. 98.
[2]) Влахо-болгарскія грамоты, стр. 312—313 и слѣд.
[3]) [illegible]

дѣлу были привлечены старыя грамоты, — господарь выяснилъ измѣну одного изъ предковъ Хамзы и рѣшилъ дѣло не въ его пользу. Другой случай пересказываетъ Ю. Венелинъ на основаніи почему-то не изданной имъ грамоты 1584 года. »Еще во время Александра воеводы **жѹпанъ Кръстіанъ сътворилъ тъкмежїе съ митрополитомъ Євтимїемъ** въ томъ, что село Бънещи уступаетъ онъ митрополіи за 7000 аспровъ, и сверхъ сего, чтобъ митрополитъ внесъ **в стїй великїи Помѣникъ** имя жупана Кръстіана и другихъ 24 лицъ, коихъ онъ, Кръстіанъ, пожелаетъ. Спустя нѣсколько времени жупаница Станка завела съ нимъ, Кръстіаномъ, тяжбу о семъ селѣ, доказуя, что отецъ его, Кръстіана, продалъ было ей сіе село за 18000 аспровъ еще въ дни Петрашки воеводы. Это она доказала, говоритъ грамота, »ибо и заклялася предъ 12 болѣри«. Но жупанъ Кръстіанъ не утерпѣлъ и присягнулъ предъ 24 боярами въ томъ, что отецъ его никогда не продавалъ сего села, но что Винтила дворникъ притѣснилъ было его за 7000 аспровъ. Сверхъ сего, видѣлъ и господство ему (Александръ, во-время коего рѣшался споръ съ Винтилою), купно съ владыкой Евтиміемъ, и **книгѹ**, т. е. грамоту, **еже имала жѹпаница Станка за покѹпенїе**; **она** (книга) **есть била исхабена и острѹжена** (замарана и скоблена въ томъ мѣстѣ), **гдѣ сѹть били писани 7000 аспри, теже сѹть — поставили 18000 аспри.** Такимъ образомъ обманъ замѣченъ, и Кръстіанъ жупанъ и митрополитъ выиграли тяжбу« [1]).

IX. »Соклятвенникъ« какъ бы сливается со своимъ кліентомъ, почему, *если* оказывалось, что *заинтересованное лицо говоритъ неправду, — то поротники несли наказаніе* и такимъ образомъ вполнѣ раздѣляли его участь. Въ документѣ Константина Шербана отъ 1654 года говорится, что господарь »оштрафовалъ этихъ 12 соклятвенниковъ и взялъ поэтому отъ каждаго изъ нихъ по шести воловъ, какъ и слѣдуетъ по закону, за то, что присягали криво« [2]). Такой же штрафъ полагался и подставнымъ свидѣтелямъ. То же самое находимъ и въ Законникѣ Стефана Душана, въ 154 главѣ: **Кои се пороть(ни)ци кльноу и оправе оногази по законоу, и ако се по тонзи оправѣ обрѣте поличїе истиньно оу онога си оправьчїе, кога-но ѥ оправила порота, да оузме царство ми на техьзи поротцѣхь** (**враждоу**) **по тисоущоу перперь, а векѥ потомь да не соу тизи пороть(ни)ци вѣровани, ни да се кто ѡ нихь, ни моужи, ни жени.** А въ спискахъ XV вѣка (Аѳонскомъ и Быстричскомъ) прибавлено: **и ако се изнагѥ ѥре оуз-**

1) Тамъ же, стр. 227—228.
2) A. Xenopol, Istoria romînilor, vol. VII, p. 99.

наюѣе крыво оправили или ѿдали, или нѣкаа минта оуѕнимали, платившѣ вышереченное, и да се заточе оу инноу землю незнаемоу 1).

X. Мы не располагаемъ данными о той обстановкѣ, среди которой происходила клятва: изъ грамотъ видно, что *поротники клялись или предъ господаремъ въ диванѣ, или же* стороны представляли въ диванъ готовыя письменныя свидѣтельства. Во второмъ случаѣ *клятва происходила »на святомъ Евангеліи и на святомъ крестѣ, въ святой церкви«*, какъ говорится въ документѣ сочавскаго паркалаба по дѣлу бояръ Муржещи 2). На это же указываетъ и аналогія: въ Душановомъ Законникѣ читаемъ: **и да ѥсть всака порота оу црькве, и попь оу ризахь** (вар. **да ѡблечетьсе вь ѡдежде) да ихь закльне**; въ Раваничскомъ спискѣ, гдѣ терминъ **пороть(ни)ци** замѣненъ чрезъ **властеле**, объ этомъ обрядѣ говорится нѣсколько подробнѣе: **и тїи властеле прьвеѥ да идоу оу црьквоу, и да се ѡбоучи попь одеждоу, да их закоуне, да чине право** 3). Припомнимъ еще упомянутый выше документъ 1633 года, который говоритъ о томъ, что жена спатаря Марія съ боярынями клялась предъ святымъ Евангеліемъ въ митрополичьей церкви.

Таковы главныя черты румынской пороты. Этотъ институтъ, составлявшій у румынъ привилегію высшихъ сословій, является слѣдомъ не только славянскаго вліянія на старую румынскую культуру, но и памятью тѣхъ давнихъ привилегій, которыми пользовались высшія румынскія сословія (kenezii, nobiles и т. д.) въ южной Венгріи до основанія господарствъ. Въ каждомъ румынскомъ округѣ (districtus olachalis) былъ свой судъ, состоявшій изъ 12, 8 или 6 присяжныхъ, которые въ латинскихъ документахъ назывались *jurati*, *seniores olachales* или *jurati boerones* 4), и судили они по lex antiqua или consuetudo terrae (въ славянскихъ грамотахъ **обичаи земскїй** или **земскїй законъ**, въ румынскихъ **обичеюл цържи**). Документъ 1398 года начинается формулой: »Nos Stiborius de Dobusky castellanus ac *duodecim jurati* provincie Haczak notum facimus uniuersis presentem paginam inspecturis, quod« и т. д., т. е. »Мы Штиборъ Добускій кастелянъ и *12 журатовъ* округа Хацегъ извѣщаемъ всѣхъ, кто увидитъ этотъ документъ, что« и т. д.« 5). Послѣ основанія Валахіи, когда власть сосредоточилась въ

1) Т. Флоринскій, ч. II, стр. 31; Ст. Новаковић, стр. 121.

2) A. Xenopol, Istoria romînilor, vol. VII, p. 99.

3) Ст. Новаковић, стр. 118—119.

4) Повидимому, въ отличіе отъ duodecim *jurati accessores*, per nobiles ipsius [illegible]tatus (scil. de Crassou) assignati и т. д. — въ документѣ 1366 года. См. »Do[illegible]ente«, culese de E. Hurmuzaki, vol. I, partea 2, p. 137.

5) Documente«, culese de E. Hurmuzaki, vol. II, partea 2, p. 297; *Revista*

рукахъ націoнальнаго правителя и его совѣта, — пережитки собственнаго »боярскаго суда« могли сохраниться въ институтѣ поротниковъ, главный принципъ котораго — одинаковое соціальное положеніе и всѣхъ участниковъ пороты, и заинтересованнаго лица. Такимъ образомъ, румынская порота была аристократична и болѣе націoнальна, чѣмъ сербская, которая знала пороту **иновѣрцемь или трьговьцемь**, требовавшую, чтобы была **половина срьбль** (вар. **хрєстїань**), **а половина нихь дроужинє по законоу свєтаго кралꙗ.**

---

p. istorie, *archeologie şi filologie*, vol. VIII, pp. 63—66, со снимкомъ съ документа (статья Н. Денсушяну). Спеціальная статья о древней поротѣ у румынъ Трансильваніи помѣщена А. Ксенополомъ въ *Convorbire Literare* за 1874 г. (an. VIII), и кое что изъ нея повторено въ его же изслѣдованіи »Teoria lui Rössler« въ *Revista p. istorie*, *archeologie* etc., vol. III, pp. 117—118.

С.-Петербургъ. А. И. Яцимирскій.

Сказаніе о преложеніи книгъ на словѣнскій языкъ.

Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ — лѣтописномъ сводѣ, составленномъ въ 1116 году въ Кіевѣ игуменомъ Михайловскаго Златоверхаго монастыря Сильвестромъ — помѣщено сказаніе о преложеніи книгъ на словѣнскій языкъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Сказаніе это читается подъ 6406 (898) годомъ, послѣ извѣстія о прохожденіи Угровъ (Мадьяръ) мимо Кіева и сообщенія о враждебныхъ дѣйствіяхъ Угровъ противъ жившихъ по Дунаю Словѣнъ. Лѣтописная статья о дѣятельности Кирилла и Меѳодія обратила на себя вниманіе изслѣдователей, посвятившихъ ей, начиная съ А. В. Горскаго, болѣе или менѣе обширныя замѣчанія, которыя опредѣлили отношеніе ея къ прочимъ памятникамъ кирилло-меѳодіевской литературы. Настоящая работа, предлагаемая на судъ великаго знатока и неутомимаго изслѣдователя этой литературы И. В. Ягича, имѣетъ цѣлью выяснить, въ какомъ видѣ Сказаніе стало извѣстно русскому лѣтописцу и что̀ именно внесъ въ него самъ лѣтописецъ. Я исхожу изъ мысли, что Сказаніе не было составлено самимъ лѣтописцемъ, а стало ему извѣстнымъ уже въ готовомъ видѣ: составитель Повѣсти вр. лѣтъ былъ сводчикомъ, компиляторомъ, и конечно, онъ не нашелъ бы для себя досуга составлять статью о преложеніи книгъ; присутствіе ея въ его компиляціи доказываетъ, что такая статья существовала въ отдѣльномъ видѣ или въ составѣ другого памятника.

Замѣчу еще, что въ настоящее время мы можемъ съ увѣренностью говорить о лѣтописномъ сводѣ, предшествовавшемъ Повѣсти вр. лѣтъ: этотъ сводъ возстанавливается путемъ сравнительнаго изученія списковъ, содержащихъ Повѣсть вр. лѣтъ (напр. Лаврентьевскаго, Ипатьевскаго и др.), со списками, содержащими Новгородскую 1-ю лѣтопись (Комиссіоннымъ, Толстовскимъ и др.). Въ этомъ Начальномъ Кіевскомъ сводѣ, составленномъ въ концѣ XI или самомъ началѣ XII столѣтія, не было лѣтописной статьи 6406 года, равно какъ и цѣлаго ряда другихъ статей, предшествующихъ въ Повѣсти вр. лѣтъ 6453 (945) году, съ котораго Начальный сводъ и Повѣсть вр. лѣтъ въ общемъ между собою тоже-

ственны. Слѣдовательно, Сказаніе о преложеніи книгъ внесено въ составъ лѣтописнаго свода въ 1116 году игуменомъ Сильвестромъ.

Вниманіе наше отстанавливаютъ на себя прежде всего слѣдующіе два вопроса: 1) почему Сказаніе о преложеніи книгъ занесено въ Повѣсть вр. лѣтъ подъ 6406 (898) годъ? 2) почему ему предшествуетъ сообщеніе объУграхъ? Второй вопросъ представляется особенно существеннымъ при возстановленіи первоначальнаго вида Сказанія, но и первый вопросъ не безразличенъ при рѣшеніи вопроса объ отношеніи лѣтописца къ первоначальному виду Сказанія.

Итакъ: почему Сильвестръ помѣстилъ Сказаніе подъ 6406 годъ? Я знаю три отвѣта на этотъ вопросъ, но ни одинъ изъ нихъ не представляется мнѣ убѣдительнымъ.

Одни изслѣдователи утверждаютъ, что лѣтописцу былъ извѣстенъ годъ прохожденія Угровъ мимо Кіева и что этимъ годомъ былъ 6406-й. Въ связь съ этимъ ставится отмѣченное лѣтописцемъ преданіе, что урочище Угорское подъ Кіевомъ получило свое названіе отъ стоянки Угровъ. Кромѣ того указаніе на прохожденіе Угровъ въ 6406 году согласовано съ приведеннымъ лѣтописцемъ выше сообщеніемъ, по которому Угры Черные проходили мимо Кіева при Олегѣ (см. вводныя къ лѣтописи статьи). Не отрицая того, что Угры шли въ З. Европу именно мимо Кіева, причемъ стоянка ихъ близъ Кіева сообщила названіе »Угорское« одному изъ кіевскихъ урочищъ, мы рѣшительно не можемъ допустить, чтобы лѣтописцу былъ извѣстенъ годъ прохожденія Угровъ мимо Кіева. Древнѣйшія лѣтописныя записи ведутъ насъ уже ко времени Владиміра и Ярослава; хронологія лѣтописца до 6453 (945) оказывается частью искусственною, частью же основанною на греческихъ данныхъ (не всегда при томъ вѣрно понятыхъ); до 6453 года достовѣрными датами можно признать только 6415 (907), 6420 (912) и 6453 (945) гг., даты, извлеченныя изъ договоровъ съ Греками, а также 6449 (941) г., годъ нападенія Руси на Царьградъ, извлеченный изъ продолжателя Амартола. Мы не признаемъ 6406-й годъ за годъ прохожденія Угровъ еще и потому, что Угры совершили свое передвиженіе въ Западную Европу раньше, а именно въ восьмидесятыхъ годахъ IX вѣка[1]). Наконецъ, если бы даже 6406-й годъ означалъ дѣйствительно годъ прохожденія Угровъ, то все таки было бы неясно, почему Сказаніе о преложеніи книгъ помѣщено подъ этимъ годомъ, — а мы ищемъ отвѣта именно на этотъ вопросъ.

---

1) К. Гротъ, »Моравія и мадьяры«, стр. 250, 262.

К. К. Гротъ въ только что названной книгѣ, содержащей весьма основательныя замѣчанія относительно нѣкоторыхъ мѣстъ Повѣсти вр. лѣтъ, которыхъ намъ придется коснуться ниже, признаетъ, что 6406 годъ »у Нестора« означаетъ годъ прохожденія Угровъ мимо Кіева, но считаетъ, что Несторъ въ своемъ сообщеніи сдѣлалъ два промаха: »совершенно неосновательно приписалъ Мадьярамъ путь въ Угрію *черезъ горы великія* (Карпаты), тогда какъ всѣ историческія и этнографическія данныя наши и соображенія говорятъ противъ этого, и невѣрно отнесъ ихъ движеніе мимо Кіева *къ 898 году*« [1]). Обративъ вниманіе на то, что и изъ показаній Константина Багрянороднаго (De administr. imp.), утверждающаго, что Мадьяры были вытѣснены изъ Лебедіи Печенѣгами за 55 лѣтъ (до 953-го года, когда было написано сочиненіе De administr. imp.), можно заключить, что Мадьяры двинулись въ Западную Европу въ 898 году, Гротъ такое совпаденіе между Несторомъ и Константиномъ Багрянороднымъ не рѣшается приписать случайности и допускаетъ, »что оба историка воспользовались въ этомъ случаѣ какимъ-нибудь общимъ источникомъ, который или самъ не отличался точностью, или былъ неправильно понятъ« [2]). Рѣшительно высказываюсь за случайность въ совпаденіи показаній нашей лѣтописи и труда Багрянороднаго, тѣмъ болѣе, что необходимо еще доказать, что 6406 годъ означаетъ годъ прохожденія Угровъ мимо Кіева, а не годъ преложенія книгъ на Словѣнскій языкъ. Продолжительная литературная традиція (по крайней мѣрѣ съ XIII в.) оправдываетъ отнесеніе 6406 года къ самому событію переложенія книгъ [3]).

Е. Е. Голубинскій въ своемъ »Краткомъ очеркѣ исторіи правосл. церквей« (М. 1871) высказалъ предположеніе, что 6406-й годъ заимствованъ въ лѣтопись изъ записи къ переводу толковаго евангелія, совершонному епископомъ болгарскимъ Константиномъ, въ которой дѣйствительно читается 6406-й годъ [4]). Подъ переложеніемъ книгъ въ Никифоровомъ лѣтописцѣ [5]) разумѣлся будто не переводъ богослужебныхъ книгъ, совершонный Константиномъ и Меѳодіемъ, а переводъ толковаго евангелія, совершонный ихъ ученикомъ, Константиномъ епископомъ. Пови-

---

1) Тамъ же, стр. 262.

2) Тамъ же, стр. 263.

3) Такъ въ русской обработкѣ XIII в. Никифорова лѣтописца читаемъ: »а отъ 7-го сбора до преложения книгъ лѣтъ 77, а отъ Адама 6405«. Въ краткомъ лѣтописчикѣ передъ хронографомъ 1512 г.: »отъ крещенiа до преложенiа книгъ лѣтъ 30 на Словенскій языкъ святымъ Кириломъ, а отъ Адама 6407«.

4) Ср. эту запись въ »Опис. синод. рукописей« Горскаго и Невоструева, II, 1, № 163, стр. 421.

5) См. одно изъ предыдущихъ примѣчаній.

димому, изъ Никифорова лѣтописца та же нелѣпость перешла въ Повѣсть вр. лѣтъ. Объясненіе Голубинскаго не можетъ быть признано состоятельнымъ: во-первыхъ, въ концѣ Константинова труда мы не читаемъ записи, изъ которой бы слѣдовало, что переводъ толковаго евангелія совершонъ имъ въ 6406 году, а находимъ краткую хронологію отъ Адама »до настоящааго«, оканчивающуюся словами »вьсѣхъ же лѣтъ отъ пропятия Христова до Льва царя нынѣшьняаго девять сътъ 18, а отъ Адама до настоящааго въ 12 индикта есть лѣтъ 6406«; во-вторыхъ, какъ отмѣчено составителями »Описанія синодальныхъ рукописей« и повторено самимъ Голубинскимъ, 6406 замѣнило цифру 6402 первоначальнаго оригинала, ибо и 12-й индиктъ и 7-й годъ царя Льва (указанный тамъ выше) падаютъ именно на 6402-й годъ; слѣдовательно, 6406-й годъ, по объясненію Голубинскаго, замѣнившій 6402-й годъ случайно, не былъ годомъ, когда Константинъ совершилъ свой трудъ [1]). По этимъ соображеніямъ мы рѣшительно отвергаемъ объясненіе Голубинскаго [2]).

При разрѣшеніи вопроса, что̀ же означаетъ 6406 годъ, мы считаемся прежде всего съ указанною литературною традиціей, признавшею его за годъ преложенія книгъ. Мы принимаемъ во вниманіе еще другую традицію: годъ преложенія книгъ въ очень давнее время поставленъ въ связь съ хронологіей вселенскихъ соборовъ. Такъ, въ русской обработкѣ Никифорова лѣтописца (Кормчая XIII в.) мы находимъ вставленными въ текстъ Никифора показанія времени вселенскихъ соборовъ, а годъ преложенія книгъ опредѣляется въ отношеніи къ году седьмого собора (ср. выше, примѣчаніе 3 на стр. 174). Такъ же точно во многихъ сербскихъ лѣтописцахъ извѣстіе о преложеніи книгъ Кирилломъ философомъ читается въ концѣ статьи »Оуказь о седми сьборѣхь«, а именно послѣ сообщенія о седьмомъ соборѣ (ср. лѣтописцы, изданные Стояновичемъ въ Споменик, III, стр. 137, 144, 148). Думаю, что и цифра 6406 получилась въ связи съ данными по хронологіи соборовъ, въ частности же седьмого собора.

Упорная традиція русскихъ хронологическихъ выкладокъ полагаетъ 77 лѣтъ между седьмымъ соборомъ и преложеніемъ книгъ. Ср., съ

1) Думаю, что вся краткая хронологія переведена Константиномъ съ греческаго; она была доведена до седьмого года царя Льва и оканчивалась словами »вьсѣхъ же лѣтъ отъ пропятия Христова до Льва царя нынѣшьняаго осмь сътъ 14, а отъ Адама до настоящааго 12 индикта есть лѣтъ 6402«. Славянскій переводчикъ, работившій въ 6406 году, замѣнилъ цифру 814 цифрой 818, а 6402 цифрой 6406. Послѣдняя цифра является суммой 5555 (это число въ хронологіи показываетъ лѣта отъ С. М. до Р. Х.) + 33 (отъ Р. Х. до пропятія Христова) + 818. Въ синод. спискѣ »девять сътъ 18« ошибочно вм. »осмь сътъ 18«.

2) Въ послѣднее время оно было повторено А. Н. Петровымъ, ср. Отчеты о засѣданіяхъ И. Общ. Люб. др. письм. въ 1897—1898, стр. 27.

одной стороны, послѣдовательныя обработки Никифорова лѣтописца; съ другой стороны, краткія хронологическія таблицы, подобныя той, которая предшествуетъ хронографу 1512 года. Какъ получилась эта цифра 77? Древнѣйшее и вмѣстѣ съ тѣмъ достовѣрнѣйшее показаніе времени преложенія книгъ находимъ у черноризца Храбра — это 6363 годъ. Дату эту находимъ и въ нашей Палеѣ (хроногр. редакція). Между 6296 годомъ, когда былъ седьмой соборъ, и 6363-мъ разница 67. Какъ понять 77 вмѣсто 67, неясно: быть можетъ, въ томъ или другомъ памятникѣ былъ неправильно показанъ годъ седьмого собора: ср. въ Чудовскомъ и Пискаревскомъ спискахъ Еллинскаго лѣтописца 2-го вида — 6286, вм. 6296 (то же въ вводныхъ статьяхъ къ т. н. Львовской лѣтописи, которая печатается теперь Археогр. Коммиссіей). Быть можетъ, что годъ преложенія книгъ по той или иной причинѣ былъ показанъ неправильно, какъ 6373 вм. 6363, ср. въ спискѣ XVII в. хронографа Рум. Музея No. 456 (Оп. Востокова, с. 758; Бодянскій, О вр. происхожденія слав. письменъ, с. 111). Важно отмѣтить, что лѣтописчикъ, предшествующій Хронографу 1512 г., полагаетъ между преложеніемъ книгъ и крещеніемъ русской земли 123 года, указывая этимъ, что преложеніе книгъ было въ 6373 году[1]. Въ всякомъ случаѣ вѣроятно, что цифра 77 уже изстари въ русскихъ хронологическихъ выкладкахъ опредѣляла время отъ седьмого собора до преложенія книгъ; это вѣроятно въ особенности потому, что цифра 77 продолжала сохраняться и послѣ проникновенія въ эти выкладки иныхъ данныхъ о времени того и другого событія.

Итакъ, русскому книжнику для опредѣленія года преложенія книгъ, надо было узнать годъ седьмого собора. Прямѣе всего его можно было высчитать по упомянутому выше »Указу о седми съборѣхъ«, гдѣ сообщались данныя, которыми опредѣлялись разстояніе между Р.Х. и первымъ соборомъ и разстоянія между послѣдующими соборами. Какъ кажется, и въ русскихъ и сербскихъ памятникахъ данныя эти являлись въ двухъ видахъ. Наиболѣе распространенны тѣ таблицы, гдѣ время отъ вознесенія Христова до перваго собора опредѣляется 318, отъ перваго собора до второго — 60, отъ второго до третьяго — 50, отъ третьяго до четвертаго — 10, отъ четвертаго до пятаго — 100, отъ пятаго до шестого — 130, отъ шестого до седьмого — 122[2]. Менѣе часты та-

1) То же въ вводныхъ статьяхъ къ Хроногр. списку Новгородской 4-й (Синод. No. 280): »отъ седмаго собора до преложеніа книгъ лѣтъ 77, отъ преложенія книжнаго до крещенія Рускіа земли лѣтъ 123«. Также въ Никифор. лѣтописцѣ (въ конечномъ итогѣ лѣтъ), помѣщенномъ въ Погод. No. 577 (Бычковъ, Описаніе рук. сборниковъ, стр. 181).

2) Ср. разные [illegible] Никифорова лѣтописца, гдѣ эти цифры вошли въ текстъ [illegible] (напр. въ Кормчей [illegible] П 250),

блицы, гдѣ время отъ Христа до перваго собора опредѣляется — 318, отъ перваго до второго собора — 52, отъ второго до третьяго 41, отъ третьяго до четвертаго — 30, отъ четвертаго до пятаго 102, отъ пятаго до шестого — 149, отъ шестого до седьмого — 120 [1]).

Я думаю, что лицо, желавшее снабдить Сказаніе о преложеніи книгъ годомъ, прибѣгло къ первой таблицѣ. По ней оно высчитало, что отъ вознесенія до седьмого собора прошло 790 лѣтъ; слѣдовательно, отъ Р. Х. 823 года. Чтобы узнать годъ отъ С. М. по наиболѣе распространенному въ древней Руси и Византіи счету, надо было прибавить 5500; ср. такой счетъ отъ С. М. до Р. Х. въ Никифоровомъ лѣтописцѣ, а также въ Повѣсти вр. лѣтъ (какъ видно изъ хронологической выкладки подъ 6360 годомъ). Но лицу, которому принадлежитъ датировка Сказанія о преложеніи книгъ, по той или иной причинѣ прибѣгло въ другому счету, и именно къ тому, по которому отъ С. М. до Р. Х. прошло 5506 лѣтъ [2]). Такимъ образомъ получены были три слагаемыя: 5506 (лѣта отъ С. М. до Р. Х.), 823 (лѣта отъ Р. Х. до седьмого собора) и 77 (лѣта отъ седьмого собора до преложенія книгъ). Сумма трехъ этихъ чиселъ составила 6406 [3]).

Если предложенное нами объясненіе 6406 года при статьѣ о прело-

---

гдѣ къ Никифорову лѣтописцу присоединенъ, въ видѣ особой статьи, »Разумъ 7 съборъ, колико лѣтъ отъ коегождо скончяся«. Изъ сербскихъ лѣтописцевъ ср. Григоровичевъ (Стояновичъ, Споменик, III, сгр. 111).

1) Ср. хронографическія статьи, предшествующія т. н. Лѣтописи Авраамки (П. С. Р. Л., XVI, 28—29), и рук. Синод. библ. XV в. Nr. 154. Изъ сербскихъ лѣтописцевъ ср. Цетинскій (Стояновичъ, тамъ же, стр. 120—121). Ср. то же въ »Словѣ отвѣтномъ на Латину«, изданномъ А. Н. Поповымъ въ »Историко-литер. обзорѣ полем. соч.«, стр. 156 и сл. (но отъ 1-го до 2-го тамъ не 52, а 56, а отъ 5-го до 6-го — 109, а не 149).

2) Ср. въ вводныхъ статьяхъ къ т. н. лѣтописи Авраамки (П.С.Р.Л. XVI, стр. 28) и въ рукописи Синод. библ. XV в. No. 154: »вкупѣ же 5000 и 500 и 6«. То же въ Толст. I No. 189 (гдѣ на л. 164 об. и другой счетъ). То же въ греческой рукописи XVII в. Синод. библ. No. 443 (ср. арх. Владиміръ, »Сист. оп. греч. рук. Синод. библ.« подъ этимъ N).

3) Отмѣчу здѣсь, что и позже русскимъ людямъ съ трудомъ удавалось устанавливать годъ седьмого собора. Въ Елл. лѣтописцѣ Толст. F I 91 онъ отнесенъ къ 6306 году. Составитель хронографа относилъ седьмой соборъ къ 6320 году, какъ видно изъ статьи объ отложеніи мясъ. Въ лѣтописчикѣ, предшествующемъ хронографу, седьмой соборъ отнесенъ къ 6296 г., но при этомъ прибавлено: »а отъ Рождества Христова лѣтъ 805« (ошибка произошла изъ списка Никиф. лѣтописца, гдѣ 805 г., означающій годъ убіенія Константина, принятъ за годъ седьмого собора). По Палеѣ, а также по лѣтописчику въ Синод. рук. XIV в. (Оп. Г. и Нев. No. 117) отъ седьмого собора до смерти Михаила царя прошло 64 г. и 9 мѣсяцевъ, но Михаилъ убитъ въ 6376 году, слѣдовательно, соборъ былъ въ 6312 (что, повидимому, согласовано со вторымъ видомъ Указа о седми соборѣхъ, по которому отъ Р. Х. до седьмого собора 812 лѣтъ, см. выше), между тѣмъ выше Палея указываетъ на 6296-й годъ.

женіи книгъ вѣрно, то мы должны заключить, что годъ этотъ высчитанъ не составителемъ Повѣсти въ лѣтъ, ибо онъ считалъ отъ С. М. до Р. Х. не 5506, а 5500 лѣтъ; кромѣ того онъ не могъ отнести преложеніе книгъ, бывшее при царѣ Михаилѣ, на 6406 годъ уже потому, что зналъ, что царь Михаилъ скончался въ 6376 году. Итакъ 6406 годъ перенесенъ въ Повѣсть вр. лѣтъ вмѣстѣ со Сказаніемъ о преложеніи книгъ изъ другого памятника.

Мы переходимъ къ разсмотрѣнію второго поставленнаго нами выше вопроса: почему Сказанію о преложеніи книгъ предшествуетъ сообщеніе объУграхъ?

Вопросъ этотъ не разрѣшится простой ссылкой на то, что это сообщеніе оказывается сходнымъ съ тѣмъ, что̀ лѣтописецъ выше, въ вводныхъ къ Повѣсти временныхъ лѣтъ статьяхъ, говоритъ о разселеніи Славянъ и о нашествіи на Славянъ сначала Волоховъ, а потомъ Угровъ. Если подобная ссылка имѣетъ цѣлью доказать, что означенное сообщеніе заимствовано изъ предшествующихъ статей лѣтописца, то она не объяснитъ, зачѣмъ понадобилось такое заимствованіе. Кромѣ того, признавъ источникомъ нѣкоторыхъ частей этого сообщенія вводныя статьи къ Повѣсти вр. лѣтъ, подобная ссылка не разъяснитъ, откуда попало въ него напр. извѣстіе о томъ, что Угры поплѣнили »землю Фрачьску и Макидоньску доже и до Селуня« и что они начали воевать »на Мораву и на Чехи«. Оставляя поэтому пока въ сторонѣ вопросъ о сходныхъ фразахъ и извѣстіяхъ въ сообщеніи передъ Сказаніемъ о преложеніи книгъ и въ вводныхъ къ Повѣсти вр. лѣтъ статьяхъ, я обращаю сначала вниманіе на вопросъ, почему Сказанію о преложеніи книгъ предпослано сообщеніе объ Уграхъ.

Преложеніе книгъ совершилось задолго до нашествія Угровъ. Правда, въ житіи Меѳодія упоминается король Угорскій (»пришьдъшю на страны Доунайскыя королю Оугърьскомоу, въсхотѣ и видѣти«), но конечно, это не могло быть достаточнымъ для появленія сообщенія объ Уграхъ передъ Сказаніемъ, въ значительной части своей восходящимъ къ памятнику, сходному съ Меѳодіевымъ житіемъ. Прямого отношенія къ преложенію книгъ Угры имѣть не могли. Но косвенное отношеніе къ созданному дѣятельностью славянскихъ первоучителей положенію вещей они, конечно, имѣли. Самое сообщеніе намекаетъ на это значеніе Угровъ словами: »и начаша воевати на Моравы и на Чехи«, а изъ Сказанія ясно, что дѣятельность Меѳодія протекала въ Моравіи, — передъ самымъ Сказаніемъ читаемъ, что книги были преложены для Моравы. Итакъ, мы находимъ въ сообщеніи намекъ на то, что составитель его

желалъ сообщить о послѣдовавшихъ за кончиною Меѳодія обстоятельствахъ, когда рушилось его дѣло частью вслѣдствіе вновь возникшихъ политическихъ отношеній. А быть можетъ, составитель Сказанія не только пожелалъ это сдѣлать, но и исполнилъ свое желаніе?

Я обращаю вниманіе на двѣ слѣдующія одна за другой фразы: »*и начаша воевати* Угри ни Греки, и поплѣниша землю Фрачьску и Макидоньску доже и до Селуня; *и начаша воевати* на Мораву и на Чехи«. Для меня ясно, что такое чтеніе не можетъ быть первоначальнымъ. Послѣ первой фразы выпущенъ отрывокъ, признанный составителемъ Повѣсти не относящимся къ дѣлу. Что же могло быть въ этомъ отрывкѣ? Думаю, здѣсь повѣствовалось объ обращеніи Угровъ въ христіанство и о подчиненіи ихъ греческой духовной власти (ср. крещеніе около 950 г. двухъ мадьярскихъ воеводъ и присылку греками въ Венгрію духовной миссіи). Если такая догадка вѣрна, то и за разсказомъ о войнахъ Угровъ съ Моравой и Чехами слѣдовало сообщеніе о покореніи ими Моравіи, а засимъ о появленіи латинскаго духовенства, о проповѣди Войтѣха (св. Адальберта), обратившаго венгерскаго главнаго вождя Стефана, крещеннаго по восточному обряду, въ лоно римской церкви (ок. 995 года), а также объ изгнаніи Войтѣхомъ словѣнскаго богослуженія и словѣнской грамоты изъ Моравіи и Чехіи.

Не слишкомъ ли однако поспѣшно наше заключеніе? Думаю, что нѣтъ. И вотъ прежде всего на какомъ основаніи. До насъ дошелъ въ спискахъ XV и сл. вѣковъ памятникъ, содержащій краткій разсказъ о крещеніи Владиміра и изобрѣтеніи русской грамоты. Этотъ памятникъ, начинающійся словами »Се же боуди вѣдомо всими языкы и людми, яко Роускии языкъ ни отъкоудуже пріятъ вѣры сея святыя«, напечатанъ Ягичемъ въ »Разсужденіяхъ старины о церковно-славянскомъ языкѣ« [1]). Тѣсно связанное съ памятниками кирилло-меѳодіевской литературы, такъ какъ содержитъ заимствованіе изъ Житія св. Кирилла, »Слово о крещеніи Владиміра и обрѣтеніи русской грамоты« заключаетъ въ себѣ слѣдующее интересное мѣсто, давно остановившее на себя вниманіе изслѣдователей: »Потом же многимъ лѣтомъ миноувшемъ, пришедъ Воитѣхъ в Мораву и в Чехи и в Ляхи, разруши вѣру правую и Роускую грамоту отверже, а Латыньскую вѣру и грамоту постави, и правыя вѣры епископы посече, а другія разгна, і иде въ Проускую землю, хотя и тѣхъ въ вѣру Латынскую привести, и тамо оубіенъ Воитѣхъ Латыньски пискупъ«. Откуда попалъ въ »Слово о крещеніи Владиміра и обрѣтеніи

---

1) Встрѣчается также въ концѣ нѣкоторыхъ списковъ Кириллова житія (ср. изд. Бодянскаго въ Чт. Общ. и. и др., 1863, кн. 2, стр. 32).

русской грамоты« этотъ отрывокъ? Не свидѣтельствуетъ ли Слово о существованіи въ нашей письменности такого памятника, гдѣ излагались судьбы словѣнскаго богослуженія въ Моравіи и Чехіи послѣ смерти Меѳодія? Обратимъ вниманіе на слова »в Мораву и в Чехи и в Ляхи« и сравнимъ ихъ съ упоминаемыми въ томъ же порядкѣ въ сообщеніи передъ Сказаніемъ о преложеніи книгъ: »Морава и Чеси и Ляхове«.

Не подлежитъ сомнѣнію, что памятникъ, излагавшій судьбы словѣнскаго богослуженія въ Моравіи и Чехіи, былъ происхожденія западнославянскаго. Но не имѣемъ ли мы основаніе признать именно западнославянскимъ, хотя и составленнымъ въ школѣ слав. первоучителей, наше Сказаніе о преложеніи книгъ? Въ концѣ его мы читаемъ, что апостолъ Павелъ, доходившій до Илирика [1]), былъ такимъ образомъ учителемъ Словѣнскому языку, ибо въ Илирикѣ жили первоначально Словѣне. Притязанію на то, чтобы Павла назвать учителемъ Словѣнъ, естественнѣе всего было явиться на Западѣ, въ пограничной области, гдѣ происходила борьба греческаго и латинскаго вліянія. Вспомнимъ, что нѣсколько ниже лѣтопись подъ 6494 (986) годомъ влагаетъ въ уста нѣмецкихъ проповѣдниковъ, приходившихъ къ Владиміру, слова: »аще кто пьеть или ясть, то все въ славу Божью, рече учитель нашь Павелъ« [2]).

Наконецъ, въ пользу нашего заключенія о томъ, что сообщеніе, предшествующее Сказанію о преложеніи книгъ и содержащее разсказъ о нашествіи Угровъ, ставило въ тѣсную связь это нашествіе съ преложеніемъ книгъ, слѣдовательно съ судьбой Словѣнской грамоты послѣ смерти Меѳодія, говоритъ то обстоятельство, что сообщеніе это тѣснѣйшимъ образомъ связано со Сказаніемъ, ибо въ немъ проводится мысль о единствѣ Словѣнскаго племени и о единствѣ Словѣнской грамоты: кому же было упомянуть о томъ, что грамота прозвалась словѣнской потому, что книги были преложены Моравѣ, Чехамъ и Ляхамъ, исконнымъ Словѣнамъ, какъ не самому составителю Сказанія о преложеніи книгъ? кому же, какъ не ему, было настаивать на словѣнскомъ единствѣ? Я весьма сомнѣваюсь въ томъ, чтобы русскій лѣтописецъ могъ дойти до мысли объ единствѣ Словѣнъ, объ общемъ ихъ происхожденіи. Напротивъ, этой мысли вполнѣ естественно было возникнуть въ средѣ учениковъ св. Кирилла и Меѳодія и ихъ послѣдователей: ихъ труды стремились объединить западныхъ и южныхъ Словѣнъ въ одну литературную

---

1) Ср. »святыи Павелъ . . . отъ Іерусалима дажды и до Лирика Христа проповѣдалъ« въ южнорусск. апостолѣ XV в. (І. Франко, Апокріфи і легенди, т. III, с. 273).

2) Въ позднѣйшихъ спискахъ: Петръ и Павелъ (Тверск., Никон.).

семью, а это, конечно, имѣло неминуемымъ слѣдствіемъ теорію объ общемъ происхожденіи Словѣнъ.

Предполагая такимъ образомъ, что сообщеніе объ Уграхъ и о единствѣ Словѣнскаго племени составляло одно цѣлое со Сказаніемъ о преложеніи книгъ, мы думаемъ, что въ первоначальномъ своемъ видѣ это Сказаніе читалось не такъ, какъ оно занесено въ Повѣсть вр. лѣтъ. Сначала говорилось о единствѣ Словѣнъ и о ихъ разселеніи, засимъ излагались труды первоучителей и, наконецъ, сообщалось о нашествіи Угровъ на Словѣнъ, о ихъ крещеніи, объ отпаденіи въ латынство и объ изгнаніи Словѣнской грамоты Войтѣхомъ изъ области Моравы, Чеховъ и Ляховъ. Впрочемъ, къ возстановленію первоначальнаго вида Сказанія перейдемъ ниже.

Установивъ, что Сказаніе о преложеніи книгъ, съ сопровождавшимъ его сообщеніемъ объ единствѣ Словѣнъ и ихъ разселеніи, а также о нашествіи Угровъ, было извѣстно составителю Повѣсти вр. лѣтъ въ отдѣльномъ видѣ, мы займемся теперь изслѣдованіемъ о томъ, не сказалось ли знакомство его со Сказаніемъ и на другихъ частяхъ его лѣтописнаго свода.

Мы говорили уже, что въ вводныхъ статьяхъ къ Повѣсти вр. лѣтъ имѣются мѣста, сходныя со Сказаніемъ. Приведемъ эти мѣста:

Въ началѣ Пов. вр. лѣтъ:	Ср. въ сказаніи:
По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ . . . и прозвашася Морава, а друзии Чеси нарекошася.	Бѣ единъ языкъ Словѣнескъ: Словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, ихже пріяша Угри, и Морава, и Чеси, и Ляхове.
Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове . . .	
И тако разидеся Словѣньский языкъ, тѣмже и грамота прозвася Словѣньская.	Симъ бо первое преложены книги Моравѣ, яже прозвася грамота Словѣньская . . .
Волохомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайския и сѣдшемъ в нихъ и насилящемъ имъ . . .	И Волохове прияша землю Словеньску.
Посемь придоша Угри Бѣлии, и	Посемъ же Угри погнаша Во-

наслѣдиша землю Словѣньску, прогнавши Волохы, иже бѣша преже приняли землю Словеньску[1]).

лохи[2]) и наслѣдиша землю ту и сѣдоша съ Словѣны, покоривше я подъ ся.

Кромѣ того нельзя не сопоставить сдѣланную въ текстъ, заимствованный изъ Амартола, вставку имени Словѣнъ послѣ »Илюрика«, замѣнившаго »Илоуріи« славянскаго перевода Амартола, со словами Сказанія: »Ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостолъ Павелъ, ту бо бѣша Словѣне первое«. Наконецъ, появленіе Прусовъ послѣ Ляховъ въ перечнѣ племенъ, сидящихъ въ Афѣтовѣ части, я сближаю съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Сказаніи упоминалась Прусская земля, гдѣ былъ убитъ Войтѣхъ послѣ изгнанія словѣнскаго обряда изъ Моравы, Чеховъ и Ляховъ (ср. приведенную выше выписку).

Отмѣчу теперь же, что общія фразы между разсказомъ о разселеніи Словѣнъ и Сказаніемъ о преложеніи книгъ не ускользнули отъ вниманія редакторовъ лѣтописныхъ сводовъ: нѣкоторые изъ нихъ во избѣжаніе повторенія исключили эти общія фразы. Такъ составитель Лаврентьевской лѣтописи выпустилъ въ вводныхъ статьяхъ слова »прогнавши Волохы, иже бѣша преже приняли землю Словѣньску«, найдя сходную фразу въ Сказаніи; напротивъ, составитель протографа Радзивиловской лѣтописи опустилъ по той же причинѣ слова »по семъ же Угри погнаша Волохи« въ Сказаніи и допустилъ, благодаря этому, явную безсмыслицу: »и Волохове преяша землю Словеньскую и наследиша землю тоу и седоша со Словѣньми, покоривше а подъ ся, и оттоле прозвася земля Ѹгорьскаа«. Итакъ, позднѣйшая исторія лѣтописнаго текста не свидѣтельствуетъ о сближеніи обоихъ сходныхъ мѣстъ Повѣсти вр. лѣтъ; думаю, что такого сближенія не было и при установленіи текста Повѣсти, т. е. иначе, что общія мѣста въ вводной части Повѣсти и въ лѣтописной статьѣ 6406 года зависѣли не отъ заимствованія изъ одной части лѣтописи въ другую, а отъ пользованія однимъ общимъ источникомъ, каковымъ было Сказаніе о преложеніи книгъ въ отдѣльномъ отъ лѣтописи видѣ.

Дѣйствительно, врядъ ли мы рѣшимся возвести фразу лѣтописной статьи 6406 года »посемъ же Угри погнаша Волохи и наслѣдиша

1) Словъ »прогнавши Волохы, иже бѣша преже приняли землю Словеньску« нѣтъ въ спискахъ Лаврентьевскомъ и Троицкомъ, а также въ Софійской 1-й и зависѣвшихъ отъ нея. Эти слова сохранились въ Ипатьевскомъ, Хлѣбниковскомъ, Радзивиловскомъ, также въ т. н. Лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго и другихъ.

2) Словъ »по семъ же Угри погнаша Волохи« нѣтъ въ спискахъ Радзивиловскомъ и Моск. Академическомъ.

землю ту« къ фразѣ, читающейся въ вводной части Повѣсти вр. лѣтъ: »Посемь придоша Угри Бѣлии и наслѣдиша землю Словѣньску, прогнавши Волохы«; мы не рѣшимся на это въ особенности, если сообразимъ, что лѣтописецъ относитъ Бѣлыхъ Угровъ ко временамъ царя Ираклія, а въ статьѣ 6406 года дѣло идетъ объ Уграхъ, появившихся въ Западной Европѣ въ концѣ IX столѣтія. Сопоставленіе обѣихъ этихъ фразъ, первой — въ лѣтописной статьѣ 6406 года, второй — въ вводной части къ Повѣсти вр. лѣтъ, дѣлаетъ до очевидности яснымъ выставленное выше положеніе о томъ, что обѣ онѣ попали въ лѣтопись изъ одного общаго источника, потерпѣвшаго при этомъ, при внесеніи въ вводную часть лѣтописи, существенное измѣненіе. К. К. Гроту принадлежитъ заслуга выясненія того, что̀ такое »Бѣлии Угри« Повѣсти вр. лѣтъ: онъ доказалъ, что лѣтописецъ, встрѣтивъ у Амартола *Τοῦρκοι* (переданное въ славянскомъ переводѣ »Оугри«) [1]) въ разсказѣ о царствованіи имп. Ираклія, отожествилъ ихъ съ извѣстными ему Уграми, скажемъ, въ виду предыдущаго, съ тѣми Уграми, о которыхъ бывшій въ распоряженіи его письменный источникъ сообщалъ, что они завладѣли землею Словѣнъ, прогнавъ Волоховъ. При этомъ онъ попалъ въ затруднительное положеніе: онъ зналъ, что о нашествіи Угровъ сообщается въ источникѣ подъ 6406 годомъ; слѣдовательно, это не тѣ Угры, которые проходили мимо Кіева при Олегѣ; надо отличить Угровъ временъ Ираклія отъ Угровъ временъ Олега; первыхъ лѣтописецъ назвалъ Бѣлыми, а вторыхъ Черными Уграми [2]), воспользовавшись тѣмъ, что въ его время Бѣлою Угріею называлась главная и центральная Угрія, а Черною Угріею Трансильванія, Седмиградія [3]). Итакъ, ясно, что въ источникѣ лѣтописной статьи объ Уграхъ читалась фраза, что они »наслѣдиша землю, прогнавше Волохы«, но не сообщалось, что это были Бѣлые Угры. Комбинація предполагаемаго источника съ славянскимъ переводомъ Амартола вызвала ту путаницу, которую такъ удачно разъяснилъ К. К. Гротъ.

Итакъ, при возстановленіи первоначальнаго вида Сказанія о преложеніи книгъ, мы должны принять во вниманіе и показанія вводной части къ Повѣсти вр. лѣтъ, ибо и въ ней сказалось вліяніе этого Сказанія.

---

1) »Царь же Ираклии . . . на Персы исполчися. Еще же призвавъ Оугры на помощь, приде ихъ же и князь, и многы Оугры поимъ, изиде на Персы« (Ундольск. No. 286, л. 303 об.).

2) Ср. ниже: »паки идоша Угри Чернии мимо Киевъ, послѣже при Олзѣ«.

3) Моравія и Мадьяры, стр. 236—246. Ср. Hunfalvy, Die Ungern oder Magyaren (1881), S. 73.

Внося Сказаніе въ сводъ подъ 6406 годъ, составитель Повѣсти вр. лѣтъ допустилъ рядъ отступленій при передачѣ текста Сказанія. Прежде всего 6406 годъ онъ понялъ (и это вопреки послѣдующей литер. традиціи) какъ годъ прохожденія Угровъ мимо Кіева. Поэтому непосредственно послѣ названія 6406 года онъ сообщилъ о прохожденіи Угровъ мимо Кіева (»идоша Угри мимо Киевъ горою«). Это имѣло слѣдствіемъ перестановку всѣхъ частей Сказанія: послѣ указаннаго сообщенія, расширеннаго еще замѣчаніемъ относительно дальнѣйшего пути Угровъ (замѣчаніе это вызвано этимологіей названія Угорскихъ горъ), составитель Повѣсти вр. лѣтъ разсказываетъ о нападеніи Угровъ на Словѣнъ и Волоховъ уже по Сказанію, переходитъ затѣмъ ко времени болѣе раннему, о которомъ говорилось въ началѣ Сказанія (покореніе Словѣнъ Волохами), говоритъ потомъ о войнахъ Угровъ съ Греками. Опустивъ эпизодъ принятія Уграми христіанства, составитель переходитъ къ войнамъ ихъ съ Моравой и Чехами, а засимъ, прервавъ ходъ разсказа своего источника, сообщаетъ, возвращаясь къ начальнымъ строкамъ его, объ единствѣ Словѣнскаго племени. При этомъ слова: »и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь« представляются вставкой составителя Повѣсти вр. лѣтъ: автора вставки обличаетъ особенно указаніе на то, что Поляне прозвались потомъ Русью; это ведетъ насъ къ своеобразному изложенію составителемъ Повѣсти вр. лѣтъ призванія Варягорусовъ; ср. подъ 6370: »и отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля«, подъ 6390: »и бѣша у него Варязи и Словѣни и прочи прозвашася Русью« [1]). Сходную вставку находимъ выше въ разсказѣ о разселеніи Словенскаго племени, основанномъ на томъ же источникѣ — Сказаніи о преложеніи книгъ: »Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзии Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне«: ясно, что слова »а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове« вставлены и что первоначально (въ источникѣ Пов. вр. лѣтъ) читалось: »и прозвашася Ляхове, друзии Лутичи« и т. д. Равнымъ образомъ вставкой представляются слова »яже грамота есть в Руси и в Болгарѣхъ Дунайскихъ«. Вставкой же составителя Повѣсти вр. лѣтъ представляется и окончаніе лѣтописной статьи 6406 года: сюда относится, во-первыхъ, фраза »отъ него же языка и мы есмо, Русь, тѣмъ же и намъ Руси учитель есть Павелъ«; во-вторыхъ, слова »а Словеньскый языкъ и Рускый одно есть, отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша Словене; аще и Поляне звахуся, но Словеньская рѣчь бѣ;

[1]) А въ древнемъ сводѣ, сохранившемся въ соединеніи съ Новгор. 1-ю лѣтописью (Комм. списокъ) [illegible] у него Варязи и Словѣни и прозва- [illegible] Кіевскую Русь)

Полями же прозвани быша, зане в поли сѣдяху, а языкъ Словенски единъ«. Первая изъ этихъ фразъ составлена, очевидно, въ распространеніе высказаннаго выше заключенія: »тѣмъ же и Словеньску языку учитель есть Павелъ« и такимъ образомъ весьма искусственно утверждаетъ, что апостолъ Павелъ учитель Руси; а вторая фраза несомнѣнно принадлежитъ составителю теоріи о призваніи Варягорусовъ, ср. сдѣланныя выше замѣчанія.

Быть можетъ, составителю Повѣсти вр. лѣтъ принадлежитъ еще нѣсколько редакціонныхъ поправокъ и измѣненій въ самомъ текстѣ Сказанія.

Обращаю вниманіе на нѣкоторую связь Сказанія о преложеніи книгъ съ извѣстною статьей, носящею заглавіе »Повѣсть о Латынѣхъ, когда отлоучишася отъ Грекъ и святыа Божіа церкве« и т. д. (См. текстъ этой статьи у Попова въ »Историко-литер. обзорѣ древне-русск. полем. соч. пр. латынянъ«, стр. 178 и сл.). Здѣсь мы находимъ между прочимъ краткія сообщенія объ обращеніи въ христіанство болгаръ, русовъ и угровъ. О болгарахъ читаемъ: »и *отъ* сихъ оубо *Скиѳъ глаголемыи Болгаре*, иже *по Истроу* живоуть, обѣими странами, его же ти языкомъ своимь *Дунавъ* нарицають, иже и сии глаголемыи Болгаре бѣша и врази Гречьскааго царьства на лѣта многа, тѣмже и многоу соущоу языкоу томоу, тѣмже и обладааша всю землю Мисискоую и населишася родове ихъ дажде до Илирика к западоу«. Ср. въ вводныхъ статьяхъ къ Повѣсти вр. лѣтъ: »придоша *отъ Скуфъ*, рекше отъ Козаръ, *рекомии Болгаре* и сѣдоша *по Дунаеви* [1]). Объ уграхъ читаемъ: »сия же вся языкы видѣвъше Пеони глаголемѣи Оугри, иже и сами нарицаются Магерѣ . . . . абие мановеніемь Божиимь въздвигошася два князя Пеонскаго языка и тако съ всею силою своею снидоша ити даждь и до самаго Констянтиня града съ всяцѣмь смиреніемь и любовію, и сии ищоуще святое крещеніе прияти и просяща слова божественаго разоума, емоу же и сподобишася и приимъшимъ святое крещение и еvангеліе Христово и възвратишася въ своясн, и еще не добрѣ доспѣвъше Гречьстии архиереи вънити въ землю ихъ и наказати ихъ словесы книжными, и абие единъ отъ князь ихъ, емоу же имя Стефанъ, преставися въ благочестнои вѣрѣ Христовѣ . . . . и оуже многы млъвы и пагоубы оттолѣ насташа на Грецкое царство и не възмогоша въскорѣ потвердити языка сего Пеонскаго на вѣроу, понеже по языкоу своемоу книгъ не имѣхоу, се

---

1) Слова »рекше отъ Козаръ« восходятъ къ Славянскому переводу Амартола, ср. въ статьѣ о Сесострѣ: »тако же и Асиею и Европиею и Скоуѳиею, рекше Козары«.

же видѣвъше Латыни изънеможение Гречьское оудобно Пеони глаголемыя Оугрѣ и прочии языкы ближняя симъ и Оуны и Ипиды отъ Рима исъшедъше своими книгами и писанми обратиша на свою злочьстивоую вѣроу«.

По мнѣнію А. Н. Попова (тамъ же, стр. 176), не опровергаемому и рецензентомъ его труда А. С. Павловымъ, который однако опредѣленно при этомъ не высказывается [1]), Повѣсть составлена въ XIV вѣкѣ. На основаніи того, что Повѣсть читается въ спискахъ 2-го вида Елл. лѣтописца, появленіе котораго относится едва ли не къ XIII в., я призналъ бы временемъ составленія Повѣсти XII в. Несомнѣнно, что, сообщая о крещеніи Владиміра, составитель Повѣсти руководствовался русскимъ источникомъ: такъ на основаніи русскаго источника императорами, при которыхъ крестился Владиміръ, названы Константинъ и Василій (а не Василій и Константинъ); ср. такой порядокъ въ уставѣ св. Владиміра, а также въ нѣкоторыхъ видахъ житія его; такъ на основаніи именно русскаго источника могло явиться сообщеніе, что Владиміръ со всею силою своею великою, пойдя на царство Греческое, дошелъ до самаго Царяграда. Сообщая о крещеніи Бориса Болгарскаго, составитель Повѣсти, повидимому, также руководствовался славянскимъ источникомъ: по крайней мѣрѣ продолжатель Амартола и многіе другіе греческіе источники не имѣютъ имени Бориса. Все это даетъ намъ основаніе думать, что и повѣствуя объ Уграхъ, составитель имѣлъ передъ собой также славянскій источникъ, а таковымъ могло быть »Сказаніе о преложеніи книгъ«, гдѣ, какъ мы предположили выше, такъ же какъ въ Повѣсти, вслѣдъ за сообщеніемъ о крещеніи Угровъ, говорилось о разрушеніи въ области ихъ правой вѣры и введеніи у нихъ злочестивой вѣры латынской. Въ приведенныхъ выше словахъ о Болгарахъ мы видимъ подтвержденіе высказанной мысли о вліяніи Сказанія о преложеніи книгъ на Повѣсть о Латынѣхъ.

Послѣ всѣхъ этихъ замѣчаній рѣшаемся представить схему, по которой должно быть возстановлено »Сказаніе о преложеніи книгъ«.

Въ первой части излагалось разселеніе Славянскихъ языковъ. Эта часть можетъ быть возстановлена: а) по вводнымъ статьямъ къ Повѣсти вр. лѣтъ, б) по лѣтописной статьѣ 6406 года. Вотъ какой приблизительно видъ могла имѣть эта первая часть Сказанія.

»Бысть языкъ Словѣньскъ отъ племени Афетова, нарицаемии Но[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] По мънозѣхъ же временьхъ сѣли суть

1) Отчетъ о 19 присужденіи наградъ гр. А. С. Уварова, стр. 264 и сл.

Словѣне по Дунаеви, идеже нынѣ есть Угърьска земля и Българьска. И отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по земли и прозъвашася имены своими, къде сѣдъше на которомь мѣстѣ. Волохомъ бо нашьдъшемъ на Словѣны на Дунаискыя и сѣдъшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣне же ови прешьдъше сѣдоша на рѣцѣ именемь Морава и прозъвашася Морава, а друзии Чеси нарекошася; ови же прешьдъше сѣдоша на Вислѣ и прозъвашася Ляхове, друзии Лутичи, инии Мазовшане, инии Поморяне. Словѣньску же языку живущю на Дунаи, придоша отъ Скуѳъ рекомии Българе и сѣдоша по Дунаеви и насельници Словѣномъ быша, и прияша землю Словѣньску, яже прозъвася земля Българьска. И тако разыдеся Словѣньскыи языкъ; бѣша бо единъ языкъ: Словѣне, иже сѣдяху по Дунаеви, ихъ же прияша Българе, Хървати Бѣлии и Сьрбь и Хорутане, Морава и Чеси и Ляхове. Симъ бо пьрвое преложены кънигы, яже прозъвася грамота Словѣньская«.

Вторая часть Сказанія содержала самый разсказъ о преложеніи книгъ и начиналась словами: »Словѣномъ живущимъ крещенымъ и княземъ ихъ, Ростиславъ и Святопълкъ и Къцьлъ посълаша къ царю Михаилу, глаголюще«. Разсказъ основывался частью на устныхъ преданіяхъ, частью же на тѣхъ самыхъ матеріалахъ, которые легли въ основаніе житія Меѳодія. Сомнѣваюсь въ томъ, чтобы составитель Сказанія былъ знакомъ съ этимъ житіемъ. Общими съ нимъ оказываются только: текстъ возраженій противниковъ словѣнскаго перевода (»яко не достоить . . . еже на крестѣ Господни написа«), выдержки изъ посланія папы (»да ся исполнить книжное слово . . . и не отрините наказанья церковнаго«), извѣстіе о поставленіи Меѳодія епископомъ въ Паноніи, на столѣ св. Андроника апостола, единаго отъ 70, наконецъ, свѣдѣнія о самомъ ходѣ работъ Меѳодія по переводу писанія (»посади 2 попа . . . славу Богу въздасть, дающему таку благодать«). Эта вторая и главная часть Сказанія оканчивалась разсужденіемъ, доказывавшимъ, что первоучителемъ Словѣнъ былъ апостолъ Павелъ.

Третья часть Сказанія сообщала о нашествіи Угровъ, ихъ крещеніи, послѣдовавшемъ затѣмъ отпаденіи ихъ и объ изгнаніи словѣнскаго обряда изъ Моравіи, Чехіи и Польши. Нѣкоторыя мѣста этой части Сказанія могутъ быть возстановлены приблизительно въ слѣдующемъ видѣ.

»Посемь же Угри, пришьдъше съ въстока, наслѣдиша землю Словѣньску, прогънавше Волохы, иже бѣша преже прияли землю Словѣньску, и сѣдоша съ Словѣны, покоривъше я подъ ся, и оттолѣ прозъвася земля Угърьска. И начаша воевати Угри на Грькы и поплѣниша землю Ѳрачьску и Македоньску доже и до Селуня«.

Далѣе сообщалось о крещеніи Угровъ по греческому обряду, быть можетъ, также о смерти Стефана; объ усиленной проповѣди Латынянъ и объ отпаденіи Угровъ въ злочестивую вѣру латынскую.

»Потомь мъногымъ лѣтомъ миноувъшемъ, пришьдъ Воитѣхъ въ Мораву и въ Чехы и въ Ляхы, раздруши вѣру православьную и Словѣньскую грамоту отвьрже, а Латыньскую грамоту и вѣру постави, правыя вѣры иконы пожьже, а епископы посѣче, а другыя разгъна, и иде въ Прусьскую землю, хотя и тѣхъ въ свою вѣру привести и тамо побіенъ бысть Воитѣхъ Латыньскыи пискупъ«.

С.-Петербургъ, апрѣль 1907 г. А. Шахматовъ.

Изъ первыхъ лѣтъ новоболгарскаго литературнаго возрожденія: первый болгарскій календарь-альманахъ и первый альманахъ-забавникъ.

Много вѣковъ тяготѣлъ мракъ культурной отсталости и суроваго турецкаго произвола надъ страной, подарившей въ древности славянству и человѣчеству старославянскую письменность, литературу и зарекомендовавшей себя съ выгодной стороны въ культурномъ отношеніи на зарѣ своего историческаго существованія. Выступившая въ старину раньше всѣхъ другихъ славянъ на путь національнаго просвѣщенія Болгарія вынуждена была въ новое время въ силу тяжелыхъ историческихъ условій позже всѣхъ другихъ славянскихъ странъ начать свое культурно-національное возрожденіе. Лишенная своей родовой аристократіи, безправная и экономически разоренная, эксплоатируемая и турецкими чиновниками, и фанаріотскимъ духовенствомъ несчастная страна даровитаго болгарскаго народа обречена была на жалкое прозябаніе, пока въ ея борющійся между жизнью и смертью юный еще организмъ не влилась живительная струя, возродившая его къ новой жизни. Этой живительной струей было воздѣйствіе на Болгарію со стороны національно окрѣпнувшихъ и шедшихъ по пути культурнаго прогресса ея славянскихъ сестеръ, особенно Россіи и Сербіи, а также и со стороны Румыніи. Съ Россіей связывали Болгарію не только старыя традиціи культурнаго общенія, не только племенныя и религіозныя узы: двѣ молодыя страны сближались между собою благодаря сильной эмиграціи болгаръ въ Россію, благодаря обилію болгарской молодежи въ русскихъ школахъ, благодаря наконецъ торговымъ сношеніямъ. Съ Сербіей и Румыніей соединяли Болгарію общія страданія отъ турецкаго гнета, общая борьба »за крестъ святой и золотую свободу«, наконецъ добрососѣдскія отношенія. Извѣстный трудъ на русскомъ языкѣ Венелина о болгарахъ, патріотическая дѣятельность болгаръ изъ Россіи, какъ то Априлова, Палаузова, Денкоглу и т. д. вмѣстѣ съ энергичной работой на пользу

отчизны со стороны болгарскихъ патріотовъ въ Румыніи и Сербіи дали могучій толчокъ болгарскому національному возрожденію: благодаря школѣ и книгѣ національное самосознаніе болгаръ стало расти; память о былой славѣ и примѣръ другихъ независимыхъ политически или культурно-самостоятельныхъ славянъ стали питать надежды на возвращеніе къ завѣтамъ старины, на политическое и культурное освобожденіе отъ турокъ и греческихъ фанаріотовъ; памятники національнаго прошлаго, исторія родной страны, народный языкъ и народное творчество стали и у болгаръ, какъ и у другихъ славянъ, все болѣе и болѣе культивироваться, и ко времени освободительной войны 1877—78 г. г. Болгарія не была уже той слабой національнымъ сознаніемъ страной, какою являлось она за нѣсколько десятилѣтій передъ тѣмъ. Наряду съ высокой и благотворной дѣятельностью болгарскихъ школъ и учителей, болгарскихъ меценатовъ и четниковъ великую услугу дѣлу болгарскаго возрожденія оказали молодая болгарская литература и журналистика — эта вторая школа народа. Когда быстро двигающаяся по пути культурнаго прогресса Болгарія праздновала недавно юбилей своей журналистики, болгарскіе ученые, литераторы и публицисты оцѣнили по достоинству значеніе своей прессы и въ рядѣ трудовъ нарисовали картину ея роста отъ »Любословія« и »Мірозрѣнія« до журналовъ и газетъ нашего времени. Не было обращено однако достаточнаго и необходимаго, на нашъ взглядъ, вниманія при этой оцѣнкѣ національно-культурнаго значенія болгарской періодической печати на одинъ изъ видовъ послѣдней, сыгравшій, несомнѣнно, важную національно-воспитательную роль особенно для широкихъ массъ болгарскаго народа; мы имѣемъ въ виду пользовавшуюся въ свое время широкимъ распространеніемъ и составлявшую предметъ любимаго и всѣмъ доступнаго чтенія литературу календарей-альманаховъ. Первый болгарскій календарь-альманахъ, не только написанный на типичномъ для своего времени болгарскомъ языкѣ, но и проникнутый національно-славянскимъ духомъ, предшествовалъ по времени своего появленія въ свѣтъ извѣстному Фотиновскому журналу, ставимому въ челѣ болгарской прессы; по степени распространенности, а слѣдовательно и по воспитательному вліянію на массы календарь-альманахъ С. Николова, разсматриваемый нами ниже, несомнѣнно, имѣетъ, какъ и по старшинству, преимущество передъ старѣйшимъ болгарскимъ журналомъ.

»Мѣсецословъ или календарь вѣчный, собранъ от различны дрѹги, украшенъ сосъ многѹ назначе́ніа потре́бны се́комѹ человѣкѹ, и изда́нъ на Бо́лгарски за потре́ба на единоро́дныте отъ Христо́дѹла к: х: Сича́нъ Николовъ. въ Букуре́щъ 1840« — таково полное заглавіе старѣйшаго

изъ болгарскихъ календарей-альманаховъ. Представляя собою справочникъ, въ которомъ содержатся святцы, пасхалія, »годишно предзнаніе или пророчество на двадесетьте и осмь кругове солнечны« и т. д. разсматриваемый мѣсяцесловъ вызыетьтъ особый интересъ благодаря предпосланному святцамъ предисловію и ряду имѣющихъ отношеніе къ Россіи замѣтокъ въ текстѣ. Уже при посвященіи своего календаря »почтеннородному господину Петру Христову« авторъ даетъ нѣкоторыя важныя указанія, какъ напримѣръ засвидѣтельствованіе, что его календарь является въ свѣтъ какъ »первый Болгарскій«, или же напр. показаніе, что побудительной причиной къ составленію и изданію »Мѣсецослова« явилось желаніе С. Николова не только прославить имя лица, которому »Мѣсецословъ« посвящается, но и желаніе опровергнуть обвиненія, ставимыя болгарамъ за ихъ якобы нерасположеніе къ духовной работѣ и просвѣщенію. Наличность на зарѣ болгарскаго національнаго Возрожденія тѣхъ упрековъ, которые неоднократно повторялись въ послѣдующее время гл. обр. врагами болгарскаго народа, старавшимися убѣдить Европу въ неспособности сильнаго физически болгарскаго народа къ духовной культурѣ, и горячее желаніе оскорбленнаго въ лучшихъ своихъ чувствахъ болгарскаго патріота опровергнуть незаслуженное его народомъ обвиненіе являются типичными. »Да престáнатъ«, говоритъ С. Николовъ, обясняя задачу своего изданія, »сосѣдыте ни (комшійте) инóродны, и да ны не оукорíватъ пóвечъ, защò нáшіо родъ не обúча оучéніе, и не предстоíва отнюдъ за таквы́ѧ рáботы, от коѝто избúратъ сúчките благополꙋ́чіѧ (късмéте) и добринѝ: но да разъмѣютъ защо и Болгарíа нацѐ да рáжда сúнове, коѝто ревнꙋ́ватъ на просвѣщéніето, и предстоíватъ сосъ прилѣжáніе за наказáніето на нáшите младéнцы«. Поставленныя въ невыносимыя условія турками, дѣлавшими свою рапю козломъ отпущенія за русскія побѣды, болгары первой половины XIX вѣка принуждены были бороться за примитивныя права существованія; когда ни личность, ни имущество, ни самая жизнь не были застрахованы отъ грубаго турецкаго произвола, потрясающія картины котораго рисуетъ намъ напр. Софроній Врачанскій и другіе изобразители предосвободительной эпохи, когда болгарскій народъ, мучимый своими деспотическими мусульманскими эксплоататорами и тѣснимый фанаріотскимъ духовенствомъ, былъ вынуждаемъ или къ массовому выселенію въ Россію и Румынію, или къ эмиграціи въ Сербію и въ Западную Европу, трудно было, конечно, ожидать роста духовной культуры и національнаго самосознанія у остававшихся у себя на родинѣ и влачащихъ тяжелое существованіе болгаръ. Но какъ только сыны той же угнетенной и якобы не способной къ духовной работѣ Болгаріи попадали въ иныя болѣе благо-

пріятныя условія жизни; лишь только они приходили, пользуясь безопасностью существованія, въ соприкосновеніе съ міромъ новыхъ идей въ Занадной Европѣ и гл. обр. въ Россіи и Румыніи, они стали выдвигать одного за другимъ Априловыхъ, Палаузовыхъ, Денкоглу, Фотиновыхъ и т. д., и т. д., клавшихъ основы и болгарской школы, и книги, и прессы; а за ними пошли Катрановы, послужившіе прототипомъ знаменитаго Тургеневскаго Инсарова, Цанковы, Славейковы, Бурмовы, Каравеловы, Вазовы, Заимовы, Бобчевы, Левскіе и др., дѣйствовавшіе на разныхъ поприщахъ и шедшіе разными путями, но къ одной великой цѣли — къ освобожденію своей угнетенной родины. Среди такихъ то безсмертныхъ по своему значенію дѣятелей и возродителей теперешней юной Болгаріи долженъ быть поставленъ и тотъ скромный и, къ сожалѣнію, остававшійся до сихъ поръ въ тѣни С. Николовъ который издалъ на 4 года раньше считаемаго отцомъ Болгарской журналистики Фотинова, свой »Вѣчный календарь«, »первый календáрь Болгарскій«, »первородіе (търфанта) от Бóлгарската градúна«, какъ онъ самъ говоритъ. Не говоря уже о томъ, что доступный по цѣнѣ, имѣвшій практическое значеніе благодаря даваемымъ справкамъ »вѣчный календарь« С. Николова былъ, какъ видно изъ поразительно большого для своего времена числа подписчиковъ — 2182, весьма распространенною среди болгаръ книгою, онъ кромѣ того былъ и книгою важною въ дѣлѣ пробужденія національнаго самосознанія и любви къ просвѣщенію. Помимо указаннаго уже выше свидѣтельства относительно ревности автора къ чести своей родины и своего народа, мы находимъ въ »вѣчномъ календарѣ С. Николова поучительное обращеніе къ своимъ читателямъ« къ љбъченнымъ«. Эта статья выясняетъ взглядъ автора на свое изданіе, даетъ указаніе обязанностей »всякаго сына отечества« по отношенію къ своей родинѣ, содержитъ замѣтку объ языкѣ и правописаніи, представляетъ разсужденіе на тему о вредѣ всякаго рода забавныхъ прибавленій, предсказывающихъ судьбу человѣка и ставящихъ его благополучіе въ связь съ тѣмъ »кой въ коѧ збдіа се è родилъ«. Эта нападка на подобнаго рода« забавленіѧ (егленжета), засмѣшка на читáтелите«, служащія, по мнѣнію автора лишь къ соблазну народа, даетъ ему случай обратиться къ читателямъ съ поучительнымъ разсужденіемъ на тему о зависимости благополучія человѣка отъ хорошаго воспитанія. Въ чемъ заключается хорошее и дурное воспитаніе и каковы послѣдствія того и другого, С. Николовъ рисуетъ довольно подробно, при чемъ и въ данномъ случаѣ, какъ и во всемъ его изложеніи не послѣднюю роль играютъ ссылки на священное писаніе. Энергичное [illegible] [illegible]каго рода гадательныхъ книгъ, громовниковъ, которые, [illegible] порождаютъ »суевѣрство, [illegible] отъ скевѣрството се

ра́ждатъ разли́чны злополѹчіа и вре́дове (зара́ре) междѹ человѣцыте«, свидѣтельствуетъ о наклонности соотечественниковъ автора къ чтенію подобныхъ книгъ, что въ свою очередъ является естественнымъ для народа, поставленнаго въ тяжелыя житейскія условія и охотно стремящагося къ всему сверхестественному. Нападки автора на эти суевѣрія настремленіе къ таинственному, сверхестественному обнаруживаютъ въ немъ здравое пониманіе всей опасности, могущей произойти отъ указаннаго, для нуждающагося въ самодѣятельности и интенсивной работѣ народа. О своей личности въ разсматриваемомъ вступленіи авторъ говоритъ очень мало: называя себя »азъ грѹ́бый и ме́ншій па́че всѣхъ единоро́дныхъ моихъ«, прося снисхожденія къ своему изданію, такъ какъ »вса́ко нача́ло неѹдобно« и »никто́же соверше́нъ то́кмѡ еди́нъ богъ«, С. Николовъ указываетъ, что »ре́вность оте́чества снѣсть ма«, и потому желая быть ему полезнымъ, какъ и чѣмъ можетъ, не желая зарывать въ землю свой »единъ талантъ«, онъ воспользовался свѣдѣніями, пріобрѣтенными, какъ онъ говоритъ, за »6 лѣтъ въ странствіи« и рѣшилъ издать свой календарь, »хота́ пода́ти винѹ́ могѹ́щымъ бо́лѣе ѿ на́шихъ наипа́че же оўчи́тельствѹющымъ издавати потре́бнѣйшіа и нѹжднѣйшіа кни́ги ко ѡбѹче́ню и просвѣщенію на́шего ю́ношества«. Въ вышеприведенныхъ выраженіяхъ самоуничиженія, просьбы снисхожденія, въ ссылкахъ на Св. Писаніе для подтвержденія своихъ мыслей мы ясно видимъ слѣды традиціи, столь знакомой намъ изъ древнихъ русскихъ »Хожденій«, »Наставленій«, »Поученій« и т. д. Самый языкъ и слогъ разсматриваемаго »Вѣчнаго календаря« является смѣсью старо-славянскаго книжнаго и живого болгарскаго языка, напоминая и этимъ памятники русской средневѣковой церковной литературы. Разсматриваемый »Мѣсецословъ«, имѣя въ виду расширеніе свѣдѣній своихъ читателей въ области историко-хронологической и географическо-статистической, даетъ между прочимъ обзоръ важнѣйшихъ, по мнѣнію издателя, событій всемірной исторіи, предлагаетъ »расписа́ніе на нѣкои по прочѹ́ты градѝща Бо́лгарски, по ко́лкѹ ча́сове са̀ дале́къ отъ Ца́риградъ и отъ Свищо́въ, сосъ а́збучно нарѣжде́ніе«, и сообщаетъ свѣдѣнія о количествѣ населенія, столицахъ, торговлѣ и промышленности, количествѣ войскъ и суммѣ приходовъ и расходовъ Англіи, Австріи, Галліи (Франціи), Брусіи (Пруссіи), Россіи, Турціи. Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ хронологическомъ обозрѣніи С. Николовъ останавливается, помимо обычныхъ въ календаряхъ сербскихъ хорватскихъ, чешскихъ и др., указаній времени, прошедшаго отъ сотворенія міра, отъ Рожд. Хр., отъ разныхъ открытій и изобрѣтеній и т. д., на рядѣ событій изъ болгарской исторіи, какъ то принятіе христіанства, гибель болгарскаго

царства, »отъ ка вове́доха Болгарыте Аллилодидакти́ческо оучéніе въ Болгарíа« и др. Отмѣчаетъ авторъ и рядъ событій изъ русской исторіи, какъ то основаніе Москвы, основаніе Петербурга, заключеніе русско-турецкаго торговаго договора (Комéрческіо Трактáтъ — Гюмрýчко согласіе) (1784 г.), заключеніе мира между Россіей и Турціей 1829 г. Черты греческаго вліянія на составленіе издателемъ хронологическаго обзора могутъ быть усмотрѣны между прочимъ въ томъ, что, говоря объ освобожденіи Греціи, С. Николовъ отмѣчаетъ это событіе въ слѣдующей формѣ »отъ незави́симството«, »отъ ка соживи́ха Грéцыте Царството си« (1840—19 = 1821). Россіи удѣляется авторомъ всюду исключительное вниманіе; такъ, въ указанномъ »лѣтосчисленіи« ей одной лишь отведено мѣсто на ряду съ Болгаріей, Греціей и Турецкой имперіей; въ »родословіе« упоминается, помимо Турецкаго султана, лишь императоръ Николай Павловичъ, наименованный »Покрови́тель Бóлгарскій«; достаточно подробно дается и статистическій обзоръ Россійской имперіи; въ стихотвореніи же »похвалá на дрéвныте бóлгаре и на отíчеството имъ« мы находимъ такія слова о Россіи:

»На си́те Славáне зарождéніето,
Отъ Россíа виси̂ и множеніето«.

Эта пѣсня »Похвала на древныти бóлгаре«, проникнутая горячимъ патріотизмомъ и чувствомъ всеславянской взаимности, не только была распространена среди тѣхъ 2182 подписчиковъ на »Мѣсяцословъ«, имена которыхъ исчисляются на 52 страницахъ (100—152) разсматриваемаго изданія, но по свидѣтельству старожиловъ, охотно дѣлящихся своими воспоминаніями о разсматриваемой эпохѣ, будучи принесена въ 1844 г. И. Н. Момчиловымъ въ основанное въ Еленѣ училище, она заучивалась наизусть, распѣвалась учениками и такъ запечатлѣвалась въ памяти населенія, что еще до сихъ поръ можно найти въ Еленѣ старушку, которая знаетъ ее всю наизусть, научившись ей со словъ учениковъ. Болгаре и славяне, не раздѣляемые въ сознаніи автора пѣсни, характеризуются между прочимъ слѣдующимъ образомъ:

»Они̂ се прострéха по си́чка Еврóпа,
Въ слѣдъ мнóгѫ годи́ны свѣтскаго потóпа.
Стáрото си и́ме не го изгуби́ха,
Ко вкѫ́пѣ сосъ нéго сóбственны доби́ха,
Имена̀ отъ мнóгѫ и рáзны причи́ны,
До дванáсеть са̀ какво̀ ми се чи́ни.
Си́чки мѫ́жественны и великодѫ́шны,
[illegible]тъ ги зашо с' и сѧ́мите безд8шнь.

Но най преклóнены каде добрѝ дѣлà,
На нáшите бащѝ вѝшната, è далà.
Прóмисль Бóжіа, коà è избрáла,
Нихъ начинáтели на добрò и дáла.
Понéже онѝ сà нáйнапредъ пріáли,
Христіáнска вѣра, и са показáли
Пѫть и на родó си, за да се остáватъ,
Отъ таквыа бóзи, който се прáватъ.
Като истребѝха многобóжіето,
Начéха да искатъ просвѣщéніето.
За да го воведáтъ по своите мѣстà,
Мѫсыте викнáха отъ нѝхныте оустà,
На Славáнскій изикъ бѫквы сочинѝха,
Кни́ги превéдоха, шкóлы соградѝха.
На землѝ безсмéртна слава оставѝха
Отъ Бога нетлѣнны вѣнцѝ придобѝха.

Приведенное стихотвореніе, будя народное самосознаніе указаніемъ заслугъ древнихъ славянъ и идеальнымъ представленіемъ славянскаго характера, поддерживало въ читателяхъ бодрость обрисовкой величія и пространности славянскаго міра. Помимо ярко проведенной въ »вѣчномъ календарѣ« С. Николова идеи русско-болгарскаго и славяно-болгарскаго единства, мы встрѣчаемся и съ тенденціей представить болгарскому читателю значительность его собственной земли; интересны въ данномъ случаѣ перечни городовъ, признаваемыхъ болгарскими; таковыми именуются слѣдующія, »градыщата«: 1) Битола, 2) Берковица, 3) Видинъ, 4) Велесъ, 5) Враца, 6) Вранѧ, 7) Габрово, 8) Дѫпница, 9) Едренè, 10) Ескѝ-Захарà, 11) Карнабáтъ, 12) Казанлѝкъ, 13) Карлово, 14) Кюстендилъ, 15) Куманово, 16) Лóвечъ, 17) Ломъ, 18) Неврокопъ, 19) Нишъ, 20) Орехово, 21) Охрида, 22) Плевенъ, 23) Прѝщина, 24) Прѝлепъ, 25) Разлокъ, 26) Рухчукъ, 27) Сáмоковъ, 28) Свищóвъ, 29) Севліово, 30) Сливень, 31) Скопіе, 32) Софіа, 33) Свѧта гора, 34) Сересъ, 35) Силистра, 36) Татаръ.-Пазарчик, 37) Терново, 38) Оузунчеова, 39) Філіббе, 40) Шѫменъ, 41) Щипъ, 42) Јанболъ, при чемъ, какъ видимъ, въ болгарскій перечень входятъ многіе изъ такихъ пунктовъ, которые впослѣдствіи таковыми не были признаны при выработкѣ европейскимъ концертомъ картъ балканскихъ государствъ. Болгаро-славянское самосознаніе автора побуждаетъ его стремиться къ исправленію родного языка въ смыслѣ очищенія его отъ варваризмовъ, преимущественно отъ турцизмовъ; употребляя однако то или иное славянское слово, С. Николовъ сплошь и рядомъ даетъ въ скобкахъ его поясненіе черезъ усвоенный народомъ варваризмъ; напр. иждѝвувате (харчите), сосѣдыте

(комшійте), благополучія (късмете), первородіе (терфанта) (стр. 3), забавленія (егленжета), щастіе (късметъ) (стр. 7), злополучіята (злите късмете), шипокъ (тріантафилъ), пόльза (файда), зиманѣ и даванѣ (алъшь верышь) (8 г.) вредове (зараре) (10 стр.) и т. д. Въ качествѣ справочной книги, удовлетворяющей практическимъ потребностямъ, и въ качествѣ книги для чтенія, имѣющей національно-воспитательное значеніе, календарь-альманахъ С. Николова заслуживаетъ, несомнѣнно, серьезнаго вниманія при изученіи эпохи болгарскаго національнаго возрожденія, представляетъ интересъ съ точки зрѣнія языка и даетъ матеріалы для выясненія русской струи въ литературѣ болгарскаго возрожденія.

Той же цѣли пробужденія національнаго самознанія у болгаръ служилъ и первый болгарскій альманахъ-забавникъ, о которомъ рѣчь дальше. Этими то двумя старѣйшими болгарскими альманахами С. Николова и К. Огняновича мы и ограничиваемся въ настоящей статьѣ.

Отмѣтимъ, что вслѣдъ за разсмотрѣннымъ первымъ болгарскимъ »вѣчнымъ календаремъ«, представляющимъ интересъ и съ литературной, и съ историко-культурной точки зрѣнія, начинаютъ появляться одно за другимъ произведнія указанаго типа. Мѣстомъ изданія этихъ »мѣсяцеслововъ«, »вѣчныхъ календарей« и т. д. являются въ силу условій, въ которыхъ находилась Болгарія, не собственно-болгарскіе центры, а тѣ заграничные центры, въ Румыніи, Россіи, Сербіи, Франціи, Саксоніи, въ которыхъ живущимъ тамъ болгарамъ дышалось вольнѣе и было безопаснѣй, чѣмъ у себя на родинѣ.

Первымъ по времени послѣ разсмотрѣннаго »вѣчнаго календаря« С. Николова является изъ извѣстныхъ намъ изданій типа календарей-альманаховъ появившійся въ 1845 году въ Парижѣ »Забавникъ« К. Огняновича. Составивши свой »Забавникъ« въ Цариградѣ въ 1844 г. съ тѣмъ, чтобы напечатать его въ Парижѣ, авторъ старается въ обращенномъ къ болгарскимъ читателямъ введеніи угодить и французамъ, заботу которыхъ о просвѣщеніи и свободѣ онъ превозноситъ[1]), и Турецкому Султану Абдулъ-Меджиду, котораго онъ старается выставить покровителемъ просвѣщенія[2]), благодѣтелемъ своихъ подданныхъ: »мудролюбивый Царь, говоритъ Огняновичъ, ще приведе всичките науки въ совершенства, защото подражава сосъ голема ревность на дѣла Франуцузовъ[3])«. Проявляя много лести, низкопоклонства и приниженности, развитыхъ годами рабства, авторъ неоднократно обнаруживаетъ однако чувства глубокаго славянина-патріота, скорбящаго о безотрадномъ положеніи Болгаріи, о невѣжествѣ и суевѣріяхъ ея населенія, о пренебреженіи къ болгарамъ

1) Забавникъ [illegible] 2) Тамъ же, 11. 3) Тамъ же, 12.

со стороны иностранцевъ; стараясь пробудить въ болгарахъ національное самосознаніе, напоминаетъ имъ авторъ »Забавника« ихъ славное прошлое и ихъ принадлежность къ великой славянской семьѣ. »Болгарете, говоритъ онъ[1]) не са части разсѣяннаго и неизвѣстнаго нѣкоего народа, но са самый оный народъ, който е съ крѣпка мишца тія Болгарските предѣли прежде едного тысящолѣтія отъ римскати держава завладѣлъ, удержалъ и на высочайшій степень славы и достоинства возвелъ«. Указывая на заслуги болгаръ-патріотовъ, стремящихся получить образованіе и ознакомить Европу съ своей родиной, авторъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что благодаря этому за послѣднее время »иностранцы сосъ други духъ, и сосъ друго вниманіе путешествуватъ, и проминуватъ презъ Болгаріа, сега не тражатъ мертвыте каменія и надписы, за да имъ покажатъ величеството болгарскаго народа, защото че виждатъ въ самыя той народъ, който е истинный образъ на древныте Славенски племена, на коихъ то се дѣла и завладѣніята и днесь удивляватъ«. Ставя особенно высоко значеніе просвѣщенія, Огняновичъ призываетъ болгаръ къ »благообразованію ума и сердца« посредствомъ наукъ, предостерегая въ то же время отъ довѣрія многочисленнымъ врагамъ народа, старающимся несбыточными обѣщаніями отвратить его отъ мирной работы, отъ повиновенія властямъ, отъ вѣры въ благопопеченіе Султана. Содѣйствіе просвѣщенію имѣетъ въ виду и издаваемый Огняновичемъ »Забавникъ«, въ которомъ литературная часть значительно превосходитъ календарную, такъ что разсматриваемое изданіе является прототипомъ болгарскихъ альманаховъ-ежегодниковъ. Календарная часть содержитъ: святцы; обзоръ »памятодостойны приключенія«, въ исчисленіи которыхъ отмѣчаются между прочимъ событія, касающіяся Болгаріи, Греціи и Турціи, но нѣтъ имѣющихся у Николова упоминаній о Россіи; различныя астрономическія показанія и предсказанія; индиктъ; стихи на старый и новый годъ; перечень европейскихъ »владѣтелей«, восточныхъ православныхъ патріарховъ; указаніе пароходовъ отъ Цареграда и ярмарокъ (панигиры) въ Болгаріи и Македоніи. Литературная же часть, обнимающая 53—177 стр., даетъ цѣлый рядъ нравоучительныхъ изреченій философовъ, нравоучительныхъ повѣстей и стихотворныхъ произведеній; въ этой литературной части обращаетъ на себя вниманіе, помимо поучительно просвѣтительной тенденціи, стремленіе будить въ читателяхъ славянское самосознаніе и рисовать картины болгарской жизни. Такъ, помѣщаетъ Огняновичъ въ своемъ »Забавникѣ« извѣстное въ свое время »Завѣщаніе Великаго Александра, дадено отъ него самого на народъ

---

1) Тамъ же, стр. 3.

Славянскій зарадъ храбрость-та му« (63—5), статью, рисующую гостепріимство славянъ, какъ ихъ отличительную черту; особенно имѣетъ въ виду составитель возбудить въ читателяхъ болгарское самосознаніе рядомъ произведеній, касающихся болгаро-греческихъ церковныхъ отношеній: этому вопросу посвящены и »Писмо отъ Липиско или Жалоба, и ревность къ Родолюбію едного младаго Болгарина, къ своему Пріятелю въ Паризъ«, гдѣ, какъ и въ замѣчаніяхъ на это письмо, содержится цѣлый рядъ обвиненій противъ греческаго духовенства, и особенно интересное съ бытовой точки зрѣнія стихотворное произведеніе »Болгарско-то попство«. Въ формѣ разговора между »попъ Иванъ« и »киръ Парванъ« изображается безотрадное положеніе болгарскихъ священниковъ, стѣсненныхъ нуждой, угнетаемыхъ и Турками и греческими владыками. На вопросъ киръ-Парвана попъ Иванъ такъ изображаетъ свое положеніе:

»Хадамъ, хадамъ що да кажя
Що перво да ти прикажя,
Мьки тѣ пи ежедневны
Скорби тѣ пи горк' и бѣдны?
То таково, Брате, попство
Е голѣмо, сѣкамъ, робство!«

Обрисовавши вѣчный страхъ и нужду болгарскаго духовенства, попъ Иванъ живо набрасываетъ картину, какъ архіерейскій посолъ требуетъ взятки »три агнета« и угрожаетъ:

»Инакъ, попе, хей горко ти!
Бѣдн' Иване, хей тятко ти!
Бомбаширинъ ще новыкна
Далеко що тя изтикна!
Далеко отъ пападя-та
Далеко и отъ дѣчя-та.«

Эта картинка нравовъ является набросанной и живо, и правдиво, какъ можно судить по свидѣтельствамъ и болгарской журналистики, и полемической литературы по церковному вопросу вплоть до учрежденія самостоятельнаго болгарскаго экзархата. Что касается поэтическаго отдѣла »Забавника«, то, за исключеніемъ разсмотрѣннаго стихотворнаго произведенія, выдѣляющагося и по содержанію, и по формѣ, почти всѣ остальныя стихотворенія носятъ въ духѣ времени сентиментально-любовный характеръ и отличаются напыщеннымъ тономъ, въ родѣ напр.:

Отиде ми душица та,
мило мое либе [illegible]

[illegible]

Цѣлувамъ ти рѫчица та,
О сладко мое пиле . . . . и т. п.

Интересъ для характеристики современности представляетъ »Со-ояніе-то на нѣкои бѫлгарски училища«; здѣсь рисуются отрицательныя ороны греческаго обученія въ »аллилодидактическихъ« школахъ; бол-рскія дѣти, по словамъ автора

»Хленчатъ, плачатъ
Отъ сколіо-то се боятъ,
Даскалатъ защо то псува
Кой то бѫлгарски хортува
И біля чемъ дѫрпа бой.

Обрисовка въ яркой формѣ бѣдствій болгарскаго народа, терпѣвшаго ъ греческихъ »даскаловъ«, отъ владыкъ и т. п., несомнѣнно, имѣла жное для болгарскихъ читателей воспитательно-патріотическое значеніе; болгаръ, живущихъ за границей, подобная обрисовка вызывала боевое строеніе и желаніе облегчать положеніе своихъ оставшихся на родинѣ отечественниковъ. Съ нашей же современной точки зрѣнія подобныя оизведенія важны, какъ дающія матеріалъ для оцѣнки положенія лгарскаго народа въ эпоху начала освободительнаго сначала церковно-льтурнаго, потомъ политическаго движенія.

»Забавникъ« Огняновича, имѣвшій успѣхъ въ первый годъ своего данія, выходитъ въ свѣтъ и въ слѣдующемъ году »приумноженъ на нецъ съ Анекдоты, Пѣсни и Загадки«. Вступительная, календарная литературная части остаются и въ »Забавникѣ за лѣто 1846« безъ мѣненій по сравненію съ изданіемъ предшествующаго года, и различіе жду обоими изданіями заключается лишь въ прибавленіи на стр. 178 212 ряда анекдотовъ, загадокъ и пѣсенъ въ »Забавникѣ« 1846 г. некдоты носятъ интернаціональный характеръ, отличаются поучитель-ымъ направленіемъ и обыкновенно начинаются словами »нѣкой«, »единъ« т. д.; въ нѣкоторыхъ анекдотахъ наблюдается юмористическій элементъ осмѣиваются »тупоуміе«, »краткоуміе«, »несмыленость« и т. д. Подъ именованіемъ загадокъ приводятся загадки въ собственномъ смыслѣ и рады, при чемъ и тѣ и другія — искусственныя, а не народныя. Также евдонародными являются и тѣ любовныя и элегическія пѣсни, которыя означены наименованіемъ »пѣсни народны«, но которыя также народны, къ извѣстныя русскія пѣсни Нелединскаго-Мелецкаго, Мерзлякова и д. Во всякомъ случаѣ знаменительнымъ является уже самый ин-ресъ къ народности, хотя и неправильно еще понимаемой.

Насколько въ первомъ болгарскомъ »вѣчномъ календарѣ« С. Нико-ва является ярко отмѣченнымъ интересъ къ Россіи, настолько въ

разсматриваемомъ первомъ болгарскомъ »альманахѣ-забавникѣ« К. Огняновича этотъ элементъ является ничтожнымъ: о русскихъ упоминается лишь постольку, поскольку они являются частью славянства; спеціально же русское отмѣчается лишь одно имя »Императора Всероссійскаго Николая Павловича I« въ »родословіе владѣтелей въ Европа!

Первые болгарскіе календарь-альманахъ и альманахъ-забавникъ опредѣлили тотъ путь, по которому пошли позднѣйшія болгарскія изданія того же рода; это былъ путь развитія въ читателяхъ національнаго и славянскаго самосознанія съ крупной дозой морально-поучительнаго элемента. Съ теченіемъ времени, при развитіи въ Болгаріи періодической печати, изящной и научной литературы, календари-альманахи утратили свое первоначальное значеніе, снизойдя на степень простыхъ справочниковъ практическаго характера, разбавленныхъ статейками, имѣющими цѣль дать матеріалъ для легкаго чтенія. Что же касается первыхъ болгарскихъ альманаховъ, о которыхъ была рѣчь, то они занимаютъ почетное мѣсто въ литературѣ начальныхъ лѣтъ болгарскаго Возрожденія.

П. Заболотскій.

Sur les désinences de 2e et 3e personnes du duel en slave.

Le sanskrit a des désinences distinctes pour chacune des séries de formes de l'actif au duel:

	dés. prim.	dés. second.	parf.
2e pers.	*-thaḥ*	*-tam*	*-athuḥ*
3e pers.	*-taḥ*	*-tām*	*-atuḥ*

Le grec a beaucoup moins de formes. D'abord, le parfait, qui n'a conservé des désinences particulières qu'au singulier, a les désinences primaires, comme au pluriel. En second lieu, comme le grec ne distingue pas en principe *th* de *t* (ainsi gr. *πλατύς* = skr. *pṛthúḥ*, gr. *φέρετε* = skr. *bháratha*), la différence entre skr. *-thaḥ* et *-taḥ* ne saurait avoir de correspondant hellénique. Enfin, de même qu'à la 1re personne du pluriel, le grec a pour finale de la désinence une nasale, tandis que le sanskrit a une sifflante: gr. *-τον*, primaire, en face de skr. *-thaḥ* et *-taḥ*, comme *-μεν*, en face de skr. *-maḥ*, lat. *-mus*; dès lors la désinence primaire de 2e et 3e personnes se confond avec la désinence secondaire de 2e personne, gr. *-τον*, cf. skr. *-tam*. — La 3e personne a une désinence propre dor. *-τᾱν*, att. *-την*; mais l'ambiguité de la forme primaire *-τον* a entraîné de bonne heure un flottement. La langue homérique, où le duel n'était employé que par tradition littéraire (v. Cuny, *Le nombre duel en grec*, p. 487 et suiv.), emploie *-τον* à la 3e personne secondaire, notamment dans les cas où la désinence *-την* aurait donné une forme inadmissible dans l'hexamètre, ainsi *διώκετον*, *ἐτεύχετον*, *λαφύσσετον*. En attique, le flottement est plus grand: *-την* se rencontre assez souvent pour la 2e personne secondaire (sauf à l'optatif où il en serait résulté des formes rythmiques trop lourdes), et *-τον* parfois à la 3e secondaire (v. Kühner-Blaß, *Griech. Gramm.*, I, 2³, p. 69, § 213, 8, et G. Meyer, *Griech. Gramm.*³, p. 548).

Pour l'Avesta, les textes ne fournissent que la 3e personne, la 2e personne du duel n'étant pas attestée par hasard. La forme primaire est indifféremment: *-θō* (= skr. *-thaḥ*) et *-tō* (= skr. *-taḥ*); la confusion

des valeurs de *-θō* et *-tō* a été facilitée par ceci que la confusion était phonétique dans quelques cas, dont le principal est 2e pers. *stō* = skr. *sthāḥ*, à côté de 3e pers. *stō* = skr. *stāḥ* (v. Bartholomae, *Grundr. d. iran. Phil.*, I, 1, p. 62). Il y a eu aussi sans doute confusion dans la série secondaire, car *-təm* = skr. *-tam*, gr. *-τον* y est la seule forme attestée de 3e personne.

Le *-ts* gotique, qui répond à skr. *-thaḥ* et *-taḥ*, zd *-θō* et *-tō*, n'enseigne rien, parcequ'il est à la fois primaire et secondaire, et que le gotique n'a pas de forme du duel à la 3e personne.

Tels sont les éléments de comparaison dont on dispose pour expliquer les formes slaves et lituaniennes.

Le lituanien, qui n'a plus de formes de pluriel ou de duel à la 3e personne, et qui a perdu la distinction des désinences primaires et secondaires, a, pour la 2e personne, *-ta*, réfléchi *-to-s(i)*; de plus, il existe dialectalement une forme énigmatique *-tau* (v. Поржезинскій, *Къ исторіи формъ спряженія въ балт. яз.*, p. 55).

Pour le duel, pas plus que pour les deux premières personnes du pluriel, le slave ne fait de distinction entre désinences primaires et secondaires.

La désinence slave de 2e personne est *-ta* dans tous les textes vieux slaves, comme en vieux serbe, en slovène, en vieux tchèque, en vieux polonais, en slovince, en vieux russe.

A la 3e personne, le vieux slave a *-te* et *-ta*; *-te* est normal dans les manuscrits glagolitiques, et se rencontre sporadiquement dans Supr. et Sav.; *-ta* est normal dans les manuscrits cyrilliques, et a été introduit parfois par les copistes dans Zogr. et Ass. Sous l'influence des démonstratifs *ta* masc., *tě* fém. neut., et aussi des participes en *-lŭ* qui ont genre et nombre, il a été créé une désinence *-tě*, qui est réservée au féminin; cette forme, qui est sans doute une adaptation de *-te*, est à peu près propre à Sav.; l'innovation est très singulière, puisque les formes personnelles du verbe indo-européen ignorent les distinctions de genre grammatical. On trouvera le détail de ces faits chez Wiedemann, *Beitr. z. altbulg. Conjug.*, p. 25 et suiv. Ceux des dialectes slaves qui ont le duel ne présentent en général que *-ta* à la 3e personne, comme à la 2e; toutefois, on rencontre *-tě* pour le féminin en vieux serbe et en slovène.

Ceci posé, il y a trois choses à expliquer: la désinence *-te*, la désinence *-ta*, et la répartition de *-te* et *-ta* entre la 2e et la 3e personne.

La désinence *-te* présente par rapport à gr. *-τον* une alternance vocalique pareille à celle que l'on observe dans les dialectes slaves, à la 1re personne du pluriel, entre *-mŭ* et *-mo* (cf. lat. *-mus*) d'une part, et *-me* (cf. ion. att. *-μεν*, dor. *-μες*) de l'autre. Il est oiseux de

rechercher s'il est tombé après *-e* un *-s* (cf. skr. *-thaḥ*, *-taḥ*) ou un *-n* (cf. skr. *-tam*, gr. *-τον*).

La désinence *-ta* (cf. lit. *-ta*, *-to-si*) est à skr. *-tām*, dor. *-τᾱν* ce que v. sl. *-ma* et zd *-bya* sont à skr. *-bhyām*, zd *-byąm* du datif-instrumental duel.

Dès lors *-te* a dû être, à l'origine, une désinence primaire de 2e—3e personne, et une désinence secondaire de 2e, et *-ta* (= lit. *-ta*) une désinence secondaire de 3e personne. Comme en grec et en iranien, l'ambiguité de l'une des formes, la forme *-te*, a entraîné des confusions; de là l'emploi de *-ta* à la 2e personne, qui trouve en grec un pendant exact; et, comme *-te* était déjà la désinence de 2e personne du pluriel, la désinence sl. *-ta*, lit. *-ta*, qui caractérisait le duel, est demeurée la seule employée à la 2e personne du duel. On voit par là que l'emploi lituanien et slave n'autorise pas à conclure que l'original indo-européen de sl. *-ta*, lit. *-ta* fût une désinence de 2e personne. — A la 3e personne, *-te* caractérisait suffisamment le duel et s'est maintenu plus longtemps, jusqu'en pleine période historique. Néanmoins la désinence *-ta*, strictement propre au duel, et qui rappelait la finale de *vlŭka*, a fini par subsister seule. Il se trouve ainsi que, par une suite d'actions analogiques très simples, la seule désinence de 2e—3e personne du duel qui ait survécu en slave et la désinence de 2e personne du duel du lituanien reposent sur une désinence indo-européenne de 3e personne seulement, et de la série secondaire.

Au point de vue slave, il est intéressant de remarquer que les manuscrits glagolitiques sont à peu près seuls à conserver la désinence *-te* qui a, il est vrai, perdu sa valeur ancienne, mais dont l'existence permet d'entrevoir la série des innovations analogiques; les manuscrits cyrilliques présentent déjà l'aspect des dialectes modernes. A cet égard comme à tant d'autres, l'archaïsme des manuscrits glagolitiques est très instructif.

Paris. *A. Meillet.*

Одинъ изъ законовъ церк.-славянскаго языка.

Какъ извѣстно, церк.-славянскій языкъ нерѣдко имѣетъ *а* тамъ, гдѣ другіе славянскіе языки имѣютъ *ja*: авити, при др.-русск. *ja*вити и т. п.

При разсмотрѣніи, въ церк.-славянскомъ языкѣ древнѣйшихъ церк.-славянскихъ текстовъ и ихъ древне-русскихъ списковъ, тѣхъ словъ, гдѣ *а* находится на мѣстѣ *ja* другихъ славянскихъ языковъ, а иногда и церк.-славянскаго языка, мы пришли къ заключенію, что во всѣхъ этихъ словахъ *а* восходитъ къ праславянскому *ā* или *jā* и что такимъ образомъ нѣтъ случаевъ, гдѣ бы церк.-слав. *а* восходило къ праславянскому *ѣ* или *jѣ*.

Мы видимъ:

1) акы, амо, аблъко, авити, агньць, азъ, аице, моа (формы имен. ед. женск. р., имен. мн. ср. р.), вънезаапѫ и т. п.

2) идро (при нѣдра), издити, ихати (при ѣздити, ѣхати), имь (при ѣмь), идъ venenum (при др.-русск. ѣдъ), изва (при др.-русск. ѣзва), изъ *στόμαχος* (при русск. ѣзъ) и т. п.

Рядомъ нѣтъ: съ одной стороны ѣкы, ѣблъко, ѣице и т. п. ни въ древне-русскомъ, ни въ чешскомъ, ни вообще въ какихъ-либо славянскихъ языкахъ (церк.-славянскія написанія ѣкы, ѣзъ Мар. Ев. и т. п. имѣютъ *ѣ* съ значеніемъ *ja*), — съ другой стороны ахати, адъ и т. п.

Въ виду этого мы можемъ рѣшительно высказываться относительно нѣсколькихъ спорныхъ случаевъ:

въ формахъ имперфекта несѣахъ и т. п. *а* не можетъ восходить къ праславянскому *ѣ* или *jѣ*;

въ мѣстоименіи азъ *а* также не имѣетъ отношенія къ *ѣ* и эта форма не можетъ быть связываема сколько-нибудь тѣсно съ греч. *ἐγώ*, лат. ego и проч.

Такъ какъ въ обще-славянскихъ именахъ има, иръ, иснъ, ирьмъ мы всегда видимъ въ древнѣйшихъ церк.-славянскихъ текстахъ только ѧ (или его графическій варіантъ ѩ) и никогда не встрѣчаемъ *а*, — нѣтъ [illegible] праславянск[illegible] *ā* или *jā* здѣсь

и восходитъ къ праславянскому *ѣ* или *jѣ*; сравни обще-славянское исли, гдѣ корень несомнѣнно ѣд.

Необходимо помнить, что въ средне-болгарскихъ, старо-сербскихъ и позднихъ (съ конца XIV вѣка) русскихъ текстахъ, съ искусственною церк.-славянскою орѳографіею, можетъ встрѣчаться *а* вмѣсто и въ началѣ и серединѣ словъ во всякихъ словахъ и формахъ. Такъ, въ русскихъ текстахъ обычны формы род. ед. женск. р. моеа = ц.-слав. моея и т. п. Конечно, данныя этихъ текстовъ не должны быть принимаемы во вниманіе.

С.-Петербургъ, 16 мая 1907.

Академикъ А. И. Соболевскій.

Zur Erklärung des Skazanie izjavlenno o pismenech von Konstantin Kostenski.

Unter den Texten, deren Herausgabe die Wissenschaft Herrn V. Jagić verdankt, nehmen die Werke Konstantins sicher nicht den letzten Platz ein. Daß Konstantin einen schwer verständlichen Stil schreibt, ist allgemein anerkannt. Der Herr Herausgeber hat deshalb die Mühe nicht gescheut, dem Skazanie (Codex slovenicus rerum grammaticarum S. 95 ff.) eine russische Paraphrase beizufügen, welche seinen Inhalt im ganzen getreu wiedergibt. Nur für einige Stellen möchte ich eine andere Deutung vorschlagen:

S. 200 Z. 15: Всякая буква или надстрочный знакъ, поставленные не на своемъ мѣстѣ, какъ будто бы живутъ не въ домѣ »владыки« — Konstantin schwebt S. 95 Z. 11 die Bibelstelle Markus 3, 25 vor: *καὶ ἐὰν οἰκία ἐφ᾽ ἑαυτὴν μερισθῇ, οὐ δυνήσεται ἡ οἰκία ἐκείνη στῆναι*, er will sagen, jedes Zeichen, das nicht an seiner rechten Stelle steht, ist gleichsam ein fremdes, den Hausfrieden störendes und den Sinn des Wortganzen zerstörendes Element, »es gehört nicht dem Hausherrn an«, »нѣ҆ доо́моу вла҆кы«. »Im Hause« gibt Konstantin dagegen überall durch въ домоу, vgl. S. 156, 25 und Glasnik 42 S. 292, 1.

S. 200 Z. 6 v. u.: Если самодержцы принимаютъ мѣры для соблюденія исправности въ божественныхъ писаніяхъ, то тѣмъ паче необходимо поставить предѣлъ всѣмъ неисправностямъ въ письмѣ такъ какъ черезъ него вторгаются неисправности также въ тексты св. писанія — ich möchte die betreffende Stelle bei Konstantin S. 95 Z. 16 als rhetorische Frage fassen und übersetzen: Wie sollen die Herrscher fortgesetzt dem Übersetzen ihre Fürsorge zuwenden, wenn sie finden, daß die göttlichen Schriften verderbt werden?! Ist es nicht besser, durch ein einziges [sc. korrektes Buch] die zerrissenen Herzen zu festigen, als daß eine Menge von Übersetzern sie fortwährend aus dem Griechischen übersetzt, damit sie von uns verderbt werden?.

S. 201 Z. 13: она посвящена державному помазаннику, который могуществомъ своимъ можетъ приказать возстановить вѣрное ученіе, womit Stefan Lazarević gemeint sein soll; die von Konstantin gewählten Ausdrücke gehen aber weit über das hinaus, was etwa von Stefan gesagt werden könnte. Ich schlage vor ис҇кроу S. 99 Z. 22 mit Titla zu versehen und zu übersetzen: Um des Wortes des Herrn willen, der da befiehlt, zu dem Talent Hinzuerworbenes zu bringen und den Reichtum seines Herrn zu mehren (Lukas 19, 12 ff.), habe ich Mut gefaßt, — mit Zittern aber gehe ich an das Werk; denn nicht bloß irgend welchen Vätern und Lehrern oder Bischöfen und Fürsten von Städten oder Ländern, oder wegen irgend einer kleinen Schuld, sondern dem, der allein Herrscher ist, der die Salbung zum Königtum von dem Höchsten hat und weit glänzender ist als irgend einer jener alten Monarchen, bringe ich dies, Jesu Christo, der allein vermag durch sein Machtgebot die rechte Lehre einzugeben und alles in seine natürliche Ordnung zu bringen.

S. 202 Z. 4: портятъ тексты церковныхъ книгъ превратнымъ употребленіемъ письменъ, что въ концѣ концовъ еще хуже отдѣльныхъ описокъ или неисправностей, такъ какъ послѣднія легче исправить чѣмъ всю письменность сбившуюся съ дороги — съ въсѣмь лист̑ь погрѣшити S. 102 Z. 7 steht in Parallele mit оулишеніє, bedeutet also die gänzliche Verfehlung, d. h. Auslassung eines Blattes, im Gegensatze zu der Falschschreibung eines Wortes, die leicht eine Lästerung enthalten kann. Konstantin sagt: Ich spreche nicht von Auslassung, denn besser ist es, ein Blatt ganz auszulassen, als in den Buchstaben eine einzige Lästerung zu verüben, da die Auslassung [nur] eine Verminderung des göttlichen Weizens ist, eine Lästerung in den Buchstaben aber — ein Feind Gottes.

Derselbe Gedanke kehrt S. 108, 19 wieder: Nützlicher ist es, nicht ein Wort zu jemandem zu sprechen, als eine Menge guter durch ein lästerliches insgesamt zu verderben.

S. 205 Z. 8: языкъ же сталъ »тяжко слышателенъ«, was wohl nicht auf die serbische, sondern auf die griechische Sprache zu beziehen ist. Die Stelle lautet . . . wie bei den Griechen, wenn diese Sprache aber auch [dem Auge] scharf erkennbar ist, so ist sie doch mit dem Ohre schwer aufzufassen. Konstantin will sagen, wenn auch die griechische Schrift nach den Regeln der Orthographie gesetzt, alle Zweifel ausschließt, so hat doch die griechische Sprache den Nachteil, daß beim Hören [infolge des Zusammenfallens vieler Vokale und

Diphthonge in dem Laute i u. dgl.] Verwechselungen leicht vorkommen können.

S. 206 Z. 12: такъ что »вънꙿже оупова́хъ« значитъ »въ него«, »вънъже«: »вонъ« — es handelt sich hier aber nicht um das zweite, sondern um das erste ъ von вънъ. Konstantin sagt S. 116 Z. 5: Du wirst doch nicht mit ъ sprechen въ́нже оу҆пова́х, vielmehr sprichst du es mit ꙿ [also вꙿнже = *vǫže*]; wenn du es aber mit ъ sprichst oder schreibst [also вънже = *vonže*], so sagst du nicht »auf Gott [resp. »auf ihn«] vertrauen«, sondern »draußen«, d. i. aus dem Hofe, draußen, zum Hinauswerfen.

S. 208 Z. 14: Переписчики же текстовъ, если они уже стараются подражать своимъ подлинникамъ въ почеркѣ, то тѣмъ паче должны соблюдать все то, что важнѣе и существеннѣе (»по плоду сѣянія«) — Konstantin sagt hier (S. 120 Z. 20) doch etwas anderes, nämlich: Du, o Schreiber, wo du siehst, daß es am Platze ist, für etwas rote Schrift anzubringen, da schreibst du ['s so] und machst, daß die göttlichen Bücher in Anbetracht der Schönheit deiner Handschrift Königinnen gleichen, durch die Frucht deiner Saat [d. i. durch deine sinnentstellenden und lästerlichen Fehler] aber sind sie schlimmer als Buhlerinnen.

Der Mangel an Raum zwingt mich hier abzubrechen.

Ich schließe meine Anmerkungen mit dem Ausdruck der Verehrung für den hochverdienten Jubilar, auf dessen reichem Erntefelde ich versucht habe eine kleine Nachlese zu halten.

Rudolf Abicht.

Pergošićův překlad Verbőczyova Tripartita.

Jest známo, že Chorvaté mají starý překlad proslulého díla uherského právníka Štěpána z Vrbovce čili Verbőczya: Opus Tripartitum juris consuetudinarii regni Hungariae. O překladě tomto vědělo se dosud málo více, než že pošel z protestantské tiskárny v Nedelišći (v Mezimuří) r. 1574. a že byl katolíky ničen podobně jako jiné tisky této tiskárny, tak že se stal vzácnějším než mnohé staré rukopisy. Vědělo se i to, že chorvatský překladatel Ivan Pergošić řídil se při své práci o málo starším překladem maďarským Blažeje Veresse, jak ostatně na konci svého překladu sám podotýká. V čem se však jeví závislost jeho na maďarském překladě, nebylo dosud náležitě vyšetřeno. O otázku tuto zavadil jen nepatrně nadaný mladý slavista uherský, bohužel předčasně zesnulý Martin Hajnal v krátkém článku Ivan Pergošić (Nastavni Vjesnik, knj. XV., sv. V., str. 321—327, Záhřeb, 1907). Dosud nebylo také zjištěno, jaké změny učinil Pergošić ve svém překladě vzhledem k latinskému originálu, z něhož leckde některé části vynechával nebo zkracoval. A nebyl ovšem ani prostudován jazyk Pergošićův, který jest velice zajímavý, podávaje ukázku nejen literárního jazyka Horní Slavonie ze XVI. stol. (kolem Varaždína), nýbrž i ukázku lidového hovoru.

Vzhledem ke všemu tomu pojala nás touha prostudovati důkladně Pergošićův překlad, vyšetřiti jeho poměr k latinskému originálu i maďarskému překladu a vydati jej společně s nějakým filologem. Ačkoli jsme si pořídili již před sedmi roky opis Pergošićova překladu, mohli jsme pro nával jiných prací teprve letos za pobytu v Záhřebě srovnati svou kopii s tištěným exemplářem záhřebským. A co jsme při srovnávání zpozorovali? Kopie naše, pořízená podle exempláře budapeštské universitní knihovny, vykazuje ve srovnání s exemplářem universitní knihovny záhřebské hned na samém počátku textu četné varianty! Tištěná kniha, a ve dvou redakcích! A jaké jsou tu varianty? Jeden text jest více kajkavský, druhý zase štokavský, ač důslednost zachována není. A co jest nejzajímavějšího: jeden a týž text, který jest s počátku většinou

kajkavský, obrací najednou do štokavštiny, a naopak. Ale divergence textů netrvá dlouho, ani ne do polovice I. dílu práce Verbőczyovy, která jest rozdělena, jak známo, na tři díly. Najednou oba texty stále se shodují.

Důležitý tento objev přiměl nás k tomu, abychom s kopií svou srovnali i druhé dva exempláře Pergošićova překladu, jež se nalézají v knihovně Nemzeti Muzeum v Budapešti, jichž jsme za pobytu v Budapešti nechtěli používati, poněvadž jsou poněkud defektní. Jeden z nich, v celokožené vazbě (s tenkými deskami, barva kůže žlutá) nemá titulního listu a posledního listu indexu. Obé jest doplněno rukopisně (opsáno). Kromě toho scházejí a jsou opsány listy 75 a 46 (konec I dílu, část tit. 133, a začátek II dílu, tit. 1 a část 2 tit. spisu Verbőczyova). Nahoře na opsaném titulním listě jest poznámka: Possidet Bibliotheca Regni ex dono Excell. D. Eppi. Zagrab. Maximiliani Werhowácz, 1812. — Druhý exemplář rovněž v celokožené vazbě se silnými deskami (barva kůže bílá) nemá rovněž titulního listu (a tento není ani opsán); dále schází za úvodem jeden list, podávající přehled chorvatské právní terminologie, jak jí užívá Pergošić. Vlastníkem tohoto zachovalejšího exempláře byl na konci XVI a na poč. XVII stol. jakýsi I. Pohakoczy, jak viděti z poznámek jeho na poslední straně knihy a na konci II dílu.

Že by se byly kromě uvedených exemplářů Pergošićova překladu zachovaly ještě nějaké jiné výtisky, není nám známo, a také ne pravděpodobno. Jediný úplný výtisk, který náležíval kdysi slavnému právníku chorv. Janu Kitonićovi, jest nyní v universitní knihovně v Budapešti. Exemplář univ. knihovny záhřebské, někdy majetek I. Kukuljeviće-Sakcinského, zaujímá co do úplnosti místo druhé. Scházíť mu konec rejstříku, ač jinak jest úplný. Teprve na třetím a čtvrtém místě stojí popsané shora výtisky knihovny Nemzeti Muzeum.

Prvá naše myšlenka po shledání variantů v Záhřebě byla: zjistiti, nemají-li snad exempláře v Nemzeti Muzeum další divergence. Po ohledání jich v Praze, kamž laskavostí bibliotečni správy Nemzeti Muzeum současně byly poslány, seznali jsme, že defektnější exemplář shoduje se úplně s výtiskem budapeštské universitní knihovny, kdežto zachovalejší (shora na druhém místě uvedený) jest opětně shodný s exemplářem záhřebským.

Mohla by nastati domněnka, že běží snad o dvě různá vydání jednoho a téhož překladu, totiž dvè vydání z nestejné doby. A tomu by [illegible] zdála nasvědčovati i okolnost, že v Kukuljevićově bibliografii chorvatské [illegible] 360 uvádí se překlad Pergošićův na dvou místech, jednou pod [illegible] Verhewczi Ištvan dijački popisal

. . . . ., podruhé pod č. 2440 s tit. Trojstranči pismotvor navadneh pravic . . . . . Okolnost tato však nic neznamená. Jak jsme se přesvědčili, mají oba divergující výtisky stejný titul: Decretum, koteroga je . . . . . atd. Záhlaví druhé, Kukuljevićem uváděné, zdá se, pochází z druhé ruky. Některý ze starších spisovatelů (Domin?) citoval asi Pergošićův překlad z paměti podle lat. originálu (Opus Tripartitum), a Kukuljević, resp. Ant. Mažuranić, podle jehož poznámek Kukuljevićova bibliografie byla sestavena, použil tohoto nesprávného názvu.

Máme neklamné známky toho, že dvojí výtisky překladu Pergošićova pocházejí z jednoho a téhož vydání. Především jest paginace obou výtisků totožná, a sice i s tiskovými chybami. Jak ve výtisku universitní knihovny budapešťské, tak v exempláři záhřebském, jež představují různé redakce, jest list XIX. nesprávně označen jako XV., za listem L následuje list označený jako LII., za listem LXXII. jest opět nesprávně označeno pokračování: LXXIV, list LXXVIII pak očíslován nesprávně jako LXXIX, načež znova následuje číslo LXXIX; za listem LXXXV jest následující list chybně označen jako LXXIX, za listem LXXXVI pak jest pokračování LXXXX, načež následují ještě čtyry listy textu (91.—93.), až konečně dva poslední listy před indexem označeny jsou stejným číslem: LXXXXIII. Oba výtisky mají po 178 stranách. Avšak i jiné chyby tisku prozrazují, že běží o jedno a totéž vydání. Tak na př. stojí v obou výtiscích v tit. 45, II dílu uchciniti místo uchiniti, v tit. 65, II dílu ghalunoga místo ghlaunoga, v tit. 5, III dílu chloneku místo chloueku, v tit. 29, III dílu gdledy místo ghledy atd.

Záhadou jest arci, proč jeden výtisk má s počátku formy více kajkavské a pak štokavské a naopak.

Hodlajíce s prof. Jiřím Polívkou opatřiti nové vydání Pergošićova překladu s potřebným vědeckým apparátem, přestáváme tu na podané zprávě, jež nemá býti ničím jiným než upozorněním vědeckých kruhů na zajímavou právní památku chorvatskou ze XVI stol.

Praha. *Karel Kadlec.*

Die Namen der Wochentage im Slavischen.

Schöne und lehrreiche Abhandlungen sind in der »Zeitschrift für deutsche Wortforschung« (Bd. I, redig. von Fr. Kluge) über die Namen der Wochentage in den verschiedensten Sprachen erschienen, allein unter diesen befindet sich keine, welche sich die Benennungen der Wochentage im Slavischen zu untersuchen zur Aufgabe genommen hätte. Da ich über die slavischen Namen der Wochentage in meinem ungarisch geschriebenen Buche »Über die christliche Terminologie der ungarischen Sprache« ausführlich gehandelt habe[1], will ich einige Resultate meiner Untersuchungen hier mitteilen.

»Von welchem Volke wurde die Woche bei den Slaven eingeführt?«, fragt Miklosich (Die christl. Terminologie der slavischen Sprachen S. 19). »Nach meiner Ansicht« — setzt er fort — »von demjenigen Volke, dem die Slaven die Bekanntschaft mit dem Christentume verdanken, von den Deutschen. Die Aufnahme dieser Zeiteinteilung geschah durch die Slovenen in Pannonien«. Der schlagendste Beweis für diese Lehre sei nach Miklosich der gemein-slavische Name des Mittwochs (vgl. Christl. Term. S. 20), nämlich der Ausdruck *srěda*, welcher eine aus dem Hochdeutschen erfolgte Übersetzung sei.

Über den Wochentagsnamen *srěda* äußerte sich auch Hofrat Prof. Jagić (Archiv XXIII, 537). Er meint, *srěda* sei eine echt slavische Benennung, da sie denjenigen Tag bezeichne, der bei der slavischen Benennung nach Zahlen (ponedělьnikъ, vьtorьnikъ — četvrьtъkъ, pętъkъ) auf die Mitte fällt. Dieser Erklärung kann ich aus folgenden Gründen nicht beipflichten: a) Unwahrscheinlich erscheint die Erklärung, wenn man die Sache psychologisch nimmt. Die Wochen-Einheit besteht aus *sieben*, und nicht aus *fünf* Tagen; b) Wie fremd die slavische Bezeichnung *srěda* ist, zeigt auch der Umstand, daß im Kirchenslavischen

1 Der Titel meines Werkes lautet: »Szláv jövevényszavaink, irta Melich János Bpest 1902—5«, I. Bd., 1., 2. Teil; über die Namen der Wochentage siehe Bd. I. 2: 265 ff.

für »dies Mercurii« auch der Ausdruck *tretijnikъ* vorkommt; c) Außer Deutschen und Slaven finden sich auch andere christliche Völker, welche den Mittwoch als Mitte der Woche bezeichnen (darüber siehe unten).

Ich stimme also Miklosich bei, *srěda* sei eine Übersetzung. Nach meiner Ansicht ist aber *srěda* keine aus dem Hochdeutschen gemachte Übersetzung, wie überhaupt nicht die Deutschen jenes Volk sind, dem die Slaven ihre Wochen-Zeiteinteilung verdanken. Dies zu beweisen führe ich folgendes an:

a) Diejenigen Deutschen, die hier in Betracht kommen, nämlich die Österreicher und die Bayern nennen den Donnerstag *pfinztag* (vgl. Lexer, KärnWb., Schmeller, Bay. Wb.). Daß dieser *pfinztag* dem griechischen *πέμπτη* (vgl. Paul, Grundriß I² 359; auch neugriech. *πέφτη* = Donnerstag) entlehnt ist, ist längst bekannt. Ein Volk, welches den Donnerstag den fünften (griech. *πέμπτη* = pfinztag) nennt, kann die Namen der Wochentage einem anderen Volke, bei welchem der Donnerstag (*četvrъtъkъ*) der vierte heißt, nicht übergeben haben.

b) Diejenigen Deutschen, bei welchen *pfinztag* für Donnerstag verwendet wird, nennen den Sonnabend *sambaʒ-tac* (ahd.), *samstag* (nhd.), gebrauchen also ein Wort, dessen unverschobene Form **sambat*, **sambata* wäre (vgl. Paul, Grundriß I² 360, über die *-mb-* Form vgl. noch Kluge, Zeitschrift f. d. Wf. I, 163, 192). Nun aber haben die Slaven, die mit den Österreichern und den Bayern seit dem VIII. Jahrhunderte in kultureller Berührung stehen, wie überhaupt alle Slaven römischen Ritus das Wort *sobota* (sorb. *sobota*, poln. *sobota*, böhm. *sobota*, slovak. *sobota*, sloven. *sobota*, kaj-kroat. *sobota*, in Dalmatien: nördlich *sobota*, südlich *subota*, Rad 118:15, 124:113, 124, 136:186).

Daß das Wort *sobota* gerade so alte Entlehnung ist, wie das griechisch-orientale *sǫbota*, dafür spricht der Codex Marianus (vgl. in der Ausgabe von *Jagić*, Index) und das Psalterium Sinaiticum (vgl. Seite 100: Psalm XLVII, 1, Seite 180: Psalm LXXX, 1, Seite 207: XCII, 1, Seite 208: Psalm XCIII, 1), wo statt des erwarteten сѫбота: собота steht. Aus alle dem ziehe ich den Schluß, daß *sǫbota* in Mähren, in Pannonien, ja überhaupt bei den röm.-kath. Slaven immer ein fremder Name gewesen sei, der einheimisch *sobota* lautete. Die *sobota* kann aber nicht dem Bayer.-Österr. (*sambaʒ-tac*, *samstag*), sondern nur dem Lat.-Ital. (*sabbatum*, *sabbato*, *sabato*) entlehnt sein.

c) Außer den Deutschen bezeichnen den »dies Mercurii« auch andere Völker als Mitte der Woche, so z. B. die romanischen Völker. Meyer-Lübke schreibt folgendes (vgl. Kluge, Zeitschrift für d. Wf. I, 192): »Eine erste Abweichung von dem obigen Schema zeigt Toskana mit *mezzedima*

(vgl. auch Gröber, Grundriß I, 514, 527, Paoli, Lat. Paleogr. III_2 : 277) neben mercoledi, entstanden aus *media hebdomas*, heute nur noch einzelnen Mundarten angehörig, früher auch der Schriftsprache nicht fremd. Dieselbe Bildung kennt der seit zwei oder drei Jahren erloschene Dialekt der Insel Veglia im adriatischen Meere mit *missédma*, das Obwaldische und Engadinische mit *meziamna*, *mezemna*, *mezeivna* (vgl. Gröber, Grundriß I, 465). Aber Tirol, Friaul, Istrien, Venezien wissen nichts davon, sodaß also jeder geographische Zusammenhang fehlt. In Graubünden kann natürlich ein Germanismus vorliegen.«

Die röm.-kath. slavische Bezeichnung *sobota* und die gemeinslav. *srěda* (Mittwoch) sprechen also viel eher für einen lateinisch-romanischen, als für einen deutschen Ursprung der Wochen-Zeiteinteilung bei den Slaven. Zu diesem lat.-romanischen Einflusse könnte man auch *nedělja* (sonntag) rechnen, welche eine Umdeutung der lateinischen *feria* (ursprünglich »ruhe«, dann feria prima oder dominica »sonntag«, vgl. Kluge, Zeitschrift f. d. Wf. I, 186) zu sein scheint.

Wie verhalten sich nun diese Resultate meiner Untersuchungen zu Cyrill's und Method's Wirksamkeit? Ich bin der Ansicht, daß die slavischen Namen der Wochentage keines einheitlichen Ursprungs sind. Wir haben gesehen, daß der Ausdruck *sobota* lat.-romanischen Ursprungs ist, und bei den röm.-kath. Slaven gebraucht wird. Die Slaven griechischen Ritus haben das Wort *sąbota* (altbulg. *sąbota*, bulg. *sъbota*, serb. *subota*, russ. *subbota*; hierher gehört das ung. *szombat* und das rumän. *sâmbătă*), welches aus einem nicht nachgewiesenen griech. **σάμβατον* (vgl. Paul, Grundriß I^2, 360, pers. *šamba*, christl. abess. *sambata*, Kluge, Zeitschrift f. d. Wf. I, 163) entstanden ist. Auch der Name der Woche bei den röm.-kath. Slaven spricht für zweifachen Ursprung; der Name **tъ-jь-dьnь* (urspr. »derselbe Tag, der wiederkehrende Tag«, heute »Woche«, Archiv XXIV, 248, vgl. lauz. sorb. *tydźeń*, *tyźeń*, poln. *tydzień*, slovak. *týdeň*, *týždeň*, böhm. *týden*, sloven. *tjedan*, *teiden*, *ťeden*, *keden*, kaj-kroat. *tjeden*, *tijeden*, ča-kroat. *tjedan*) ist nur röm.-kath., dagegen *nedělja* (: woche) und *sedmica* sind nur griech.-orientalisch.

Die angeführten Tatsachen beweisen, daß die Woche bei den Slaven keinen einheitlichen Ursprung hat. Nun fragen wir, welche Namen der Wochentage waren in Cyrill's und Method's Sprache vor ihrer Ankunft in Mähren vorhanden? Meine Überzeugung ist, daß Cyrill und Method die Wochentage entweder mit griechischen Namen oder mit Übersetzungen nach griechischem Vorbild bezeichnet haben. Meiner Meinung nach hatten Cyrill und Method folgende Ausdrücke.

1. сѫбота, entstanden aus einem griech. *σάμβατον (siehe oben); das Wort bedeutete: α) Woche, β) Samstag;

2. параскєвьћи, параскєвьћии, entstanden aus dem griech. παρασκευή; bedeutete: α) Freitag überhaupt, wie im Neugriechischen (Kluge, Zeitschrift f. d. Wf. I, 167). Für diese Bedeutung des Wortes im Slavischen vgl. Cod. Assem., Mar., Zogr. Joannes XIX, 14, 31 *paraskevǵii* = Sav. kni. *pętъkъ*; ebenso Glag. Cloz. 78 ed. Vondrák = Cod. Supr. 320); β) Charfreitag, lat. parasceve (vgl. Jagić, Zur Entstehungsg. II, 70, Starine XXIX, 179).

3. чєтврътъкъ = Mittwoch, dies Mercurii. Im Psalt. Sinaiticum (XCIII. Psalm 1. Vers) lesen wir: пъсалмъ давидовъ въ чєтврътокъ соботѣ = ψαλμὸς ... τετράδι σαββάτου = lat. »psalmus ... quarta sabbati«. Die altungarischen Psalmübersetzungen, nämlich der sogenannte Apor-Codex übersetzt den lateinischen Psalm: »Dauid enekenek diczerete *zeredam* valo«. Hier wird »quarta sabbati« mit szerda (Mittwoch) übersetzt. Die slavische Übersetzung (četvrъtokъ) stimmt mit dem griechischen τετράς überein, im Neugriechischen wird der Mittwoch τετράς, τετάρτη genannt.

4. Nach Psalterium Sinait. (Psalm XLVII Vers 1) heißt der »Montag« im Altkirchenslavischen *vъtoraja* (vgl. псалмъ пѣсни синовъ корѣовъ во въторѫѭ соботѣ = ψαλμὸς ᾠδῆς τοῖς υἱοῖς Κορὲ δευτέρᾳ σαββάτου), welcher Ausdruck aus dem griech. δευτέρα (= Montag) übersetzt ist.

5. Von Sonntag ist die Rede bei Matt. XXVIII, 1, Marc. XVI, 2, 9, Luc. XXIV, 3, Joan. XX, 1, 19, Psalm XXIII, 1. In den altkirchensl. Evangelien und Psalterien findet man *prъvъ* (*prъvaja*), *edinъ*, *jedinъ* (*edinaja*, *jedinaja*), welche Übersetzungen aus dem griech. πρώτη (σαββάτου), ἡ μία (τῶν σαββάτων) sind.

Ich glaube, mit den angeführten Belegen bewiesen zu haben, daß Cyrill und Method eine, nach griechischem Vorbilde benannte Terminologie für die Wochentage bereits hatten, als sie nach Mähren und Pannonien kamen. Für die Richtigkeit meiner Resultate spricht neben *sqbota* und *paraskevǵii* in erster Reihe der Name *četvrъtъkъ* (= Mittwoch, siehe oben).

In Mähren und Pannonien fanden die Brüder-Apostel andere Benennungen der Wochentage vor. Sie fanden hier den Namen *sobota*, und die Zählung, wonach Donnerstag der vierte, Freitag der fünfte Tag der Woche ist.

Ich nehme als bewiesen an, daß ein Teil des Psalteriums aus dem Lateinischen übersetzt wurde. Nun haben wir im Psalterium Sinaiticum

(Psalm LXXX Vers 1) folgendes: **въ конець пъсаломъ о точилѣхъ асафовъ въ пѧть соботѣ.** Im griechischen Psalter (*ψαλμὸς εἰς τὸ τέλος ὑπὲρ τοῦ ληνῶν τῷ Ἀσάφ*) ist keine Rede von irgendeinem Tage (vgl. auch Psalt. Bonon. ed. Jagić), dagegen im Lateinischen heißt es: »Feria sexta. Psalmus LXXX«. Die ungarische Psalmübersetzung, der sogenannte Döbrentei-Codex schreibt hier: »Exultate deo: pénteki nocturnos«. Hier wird der Freitag als der fünfte (*pjętь* : im Ung. *péntek*) Tag der Woche (*sobota*) bezeichnet. Nun fragt es sich, woher diese Zählungsweise, nach welcher Freitag der fünfte Tag der Woche ist, stammt. Griechisch oder hochdeutsch kann sie nicht sein, da hier Donnerstag der fünfte Tag ist.

Bevor ich diese Frage beantworte, will ich bemerken, daß die Woche seit dem 4. Jahrhundert nicht mit Samstag, sondern mit Sonntag begonnen hat. »Die Änderung führt man auf christlichen Einfluß unter Konstantin zurück: die Christen hätten den dies Saturni nach dem Vorbild des jüdischen Sabbat als letzten Tag der planetarischen Woche genommen, aber ihren Feiertag auf den dies Solis verlegt, um sich von den Juden zu unterscheiden und in Erinnerung an den Auferstehungstag« (Kluge, Zeitschrift f. d. Wf. I, 180). Mit dieser Verlegung des Feiertags mußte hier und da bei den Christen unter dem Einflusse der Bibel jene Vorstellung entstehen, daß der Ruhetag der Woche eigentlich der letzte Tag der Woche sei, mit anderen Worten, daß die Woche mit Montag als dem ersten Tage beginne. Diese volkstümliche Anschauung findet man im Friaulischen, also in einer neulateinischen Sprache, wo der Montag *prindi* (= erster Tag, prima dies) heißt (vgl. Kluge, Zeitschrift I, 193).

Wir haben gesehen, daß die slav. Benennungen *sobota*, *srěda* lateinisch-romanischen Ursprungs sind; mit dem Belege *prindi* glaube ich bewiesen zu haben, daß die Bezeichnung der Tage: Dienstag, Donnerstag, Freitag als zweiter, vierter, fünfter Tag ebenfalls lateinisch-romanischen Ursprungs sein können. — Diese Benennungen verbreiteten sich zuerst unter denjenigen Slaven (Kroaten, hier nach Stulli Montag auch *prvi dan* genannt, Miklosich Christ. Term. 20, Slovenen, Böhmen-Slowaken, Polen, Sorben), welche röm.-lateinischen Ritus waren. In der christl. Terminologie dieser Slaven findet man auch sonst viel lateinisch-romanisches; wichtig ist z. B., daß das lat. *ce* hier als *że* vertreten ist, oder daß das lat. *s*, *ss* als *ś*, *ż* wiederkehrt (vgl. *križь* < *cruce*. schon *Jireček*, Die Romanen in den Städten Dalmatiens I, 37, 42, *kależ* < *calice*, böhm. *komże* < *camice* »chorhemd«; *mьša*, *miša*, *maša*, *mše*, *omša* etc. < lat. *missa* etc.). Auf diese Frage, welche ich in meinem [illegible] ausführlich

besprochen habe, will ich hier nicht näher eingehen. Ich wollte nur andeuten, daß in der slav. christlichen Terminologie vieles aus dem Lat.-romanischen herrührt.

Als Cyrill und Method nach Mähren und Pannonien kamen, fanden sie diese lateinisch-romanische Terminologie bereits vor, in welcher freilich auch deutsche Elemente vorhanden waren (vgl. *popъ*: phaffo). Aus dieser gemischten Terminologie schöpften nun die beiden Slavenapostel.

Aus den obigen Erörterungen ergibt sich mit Entschiedenheit, daß sie aus dieser Terminologie unter anderem entnommen haben: a) die Benennung der Tage durch Zahlen (Dienstag, Donnerstag, Freitag); b) den Namen *srěda*, welcher eine aus dem lat.-rom. media hebdomas erfolgte Übersetzung ist; c) den Namen *nedělja*, welcher dem lat. »feria« nachgebildet wurde. Aus ihrer ursprünglichen, nach griechischem Vorbilde geschaffenen Terminologie behielten sie nur einen Ausdruck bei, nämlich den Namen *sąbota*.

Budapest, den 4. Juni 1907. *Johann Melich.*

Litauisch *skujà*.

R. хвой masc., хвоя 'die Nadeln der Bäume', serb. *hvója*, č. *chvoj* fem. gehört selbstverständlich zunächst zu dem gleichbedeutenden lit. *skujà*, Plur. *skùjos*. Die slavischen Formen setzen eine Wurzelsilbe **qhuoi̯-* voraus, das litauische Wort läßt sich auf **sqhui̯ā* zurückführen. Bei dieser Deutung gehört unser Fall zu den zahlreichen Belegen für das bewegliche *s-* des Indogermanischen und weiterhin zu den gleichfalls zahlreichen Belegen für das Auftreten einer Tenuis aspirata nach *s*. Die Vokalalternation *-uo-* : *-u-* muß ursprünglich auf einer Akzentverschiedenheit beruhen, die aber nicht mehr vorhanden ist. Das litauische *skujà* zeigt Betonung der ersten Silbe (Gen. Sing. *skùjos*), und dem widerspricht das Slavische nicht; r. хвой hat feste Anfangsbetonung (Gen. Pl. хвóевъ), und auch die femininische Form wird хвóя betont; daneben steht allerdings хвоя́ und serb. *hvója*, die aber für die ursprüngliche Akzentuation nichts beweisen. Bekanntlich haben die ursprünglich wurzelbetonten *-ā*-Stämme im Slavischen vielfach, wenn der Nominativ des Sing. nach dem Saussureschen Gesetz endbetont werden sollte, das Betonungsschema der urspr. endbetonten Stämme angenommen: r. рука́ Gen. ру́ку neben lit. *rankà* Gen. *rañkos*. Gerade das Nebeneinander von хвóя und хвоя́, serb. *hvója* ist ebenso wie die entsprechende Doppelheit bei serb. *kòra* r. кора́ ein Beweis dafür, daß ursprünglich das Wurzelbetonungsschema in der aus dem Litauischen bekannten Gestalt vorgelegen hat. Das Litauische stimmt mit dem Slavischen im femininischen Genus überein. Der Nominativ lautete im Slavischen auf *-ī* aus: **xvojï*; im Neuslavischen mußte das auslautende *-i* nach dem *j* schwinden; die lautgesetzliche Entwicklung liegt aber nur im Čechischen ungestört vor: im Russischen ist die endungslose Form maskulinisch geworden oder ist durch eine Form auf -а ersetzt worden, im Serbischen beweist nur die Dehnung in *hvoja* das einstige Vorhandensein einer Form mit geschwundener Endung. Die Form **xvojï* kann gewiß keine altererbte idg. Form sein; im Slavischen hat sie aber gute Analogien (abulg. *ladiji* 'Schiff' usw.).

Dem slavischen **xvoji* **(s)qhuoį̄* und dem litauischen **sqhuįā* entspricht im Keltischen ein nur in einer Weiterbildung vorliegender Stamm, dessen Grundform als **sq(h)uįįa-* angesetzt werden kann (der Anlaut ist ir. *sc-* d. h. *sk-*, britannisch *sp-*, woraus neucymrisch *ysb-*), und der die Bedeutung 'Dorn' gehabt haben muß. Mit einem Suffix *-t*, das auch sonst im Keltischen mit derselben Funktion wie das lat. *-t* in *āles* Gen. *ālitis* 'beflügelt' (von *āla* 'Flügel'), *eques* 'Reiter' (*equus* 'Pferd') usw. vorkommt, ist von diesem Stamme abgeleitet ir. *scé* 'Hagedorn' (**sq(h)uįįats* mit abgefallenem Auslaut), Gen. Plur. *sciad*, cymr. *ysbyddad* 'hawthorn', corn. *spethes* 'briars, brambles', breton. *spezad* 'groseille à maquereau' (zum Verständnis bemerke ich, daß in den britannischen Sprachen der im Nominativ lautgesetzlich geschwundene Auslaut nach den anderen Kasus restituiert ist; das *-į-* schwindet im Irischen intervokalisch; im Britannischen wird es nach *i* zu *đ*, das im Cymrischen *dd*, im Cornischen *th* geschrieben wird, im Bretonischen aber zu *z* weiterschreitet; das irische *-d*, cymr. *-d*, corn. *-s*, br. *d* vertreten regelmäßig ein *-t-*).

Wie der aus dieser Weiterbildung zu erschließende Stamm als selbständiges Wort flektiert wurde, ist unsicher (Nom. **sqhuįįā?*). Auch ist es mir nicht gelungen, das Wort **sqhuįįā*, **sqhuįā*, **(s)qhuoįā* mit irgendwelcher Sicherheit anderswo als im Slavischen und Keltischen zu finden.

Verwandt könnte vielleicht russ. und bulg. хуй 'penis' **(s)qhouįo-s* sein. Die Vokalalternation wäre wie bei lat. *dīvu-s* skr. *dēva-s* (**deįuo-s*) neben lat. *Jovis* (**dįeu-*) gr. *Διός*, d. h. хуй würde die erste Vollstufe, хвоя die zweite Vollstufe, lit. *skujà* die Schwundstufe vertreten. Der russische Akzent (Gen. Sing. хýя, Nom. Plur. хуи́) deutet auf alte Endbetonung, kann aber eine Analogiebildung nach бой, рой, слой, строй, край, пай, рай Pl. бои́ usw. sein. Für die Bedeutungsentwicklung gibt es Parallelen genug, u. a. alb. *hu* 'Pfahl, männliches Glied', das schließlich als **sqhuįo-s* mit russ. und bulg. хуй verwandt sein könnte (die Flexion ist analogisch: *hu-r-i*, nordalb. *hų-n-i* 'der Pfahl, penis').

Kopenhagen. *Holger Pedersen.*

Западнобълг. вишел-вишъл вм. видѣлъ.

Въ нѣкои западнобългарски говори формата на миналото дѣйствително причастие отъ стб. **видѣти** гласи **вишел** или **вишъл**, ж. р. **вишла**, ср. р. **вишло**, мн. ч. **вишли** (-е). Ала редомъ съ тая форма въ единъ и сѫщи говоръ се срѣща и правилното **видел**, което ще трѣба да се смѣта или за архаизъмъ, неизтиканъ още напълно отъ новата форма, или за резултатъ на вънкашно влияние. Така въ образеца, приложенъ къмъ »Очертание на Софийския говоръ« отъ Ст. Костовъ, (вж. Годишникъ на II-та Софийска Държавна Мѫжка Гимназия за 1904/05 уч. год., неофиц. отд. стр. I.—XVI.) имаме: »вишл*а* низ зъб*и*те му син'и конци от сукм*а*но«; »вишл*а*, какв*о* он *и*ма сад*е* іедн*а* д*у*пка нам*е*сто дв*е* на нос*о* си« о. с. стр. XVI, а въ една приказка пакъ отъ Софийско (Сбм. VIII, 175) четемъ: »вишéл іедна́ колйба« и »видéл іеди́н стáрец« съ бѣлѣжка: »Тази дума се изговаря: ту видéл, ту вишéл (п. т.), сетнѣ Сбм. X, 145: вишéл, Сбм. XV, 137: видéл и т. н. — все въ записваното отъ Д. Стойковъ (Вукадиновъ). Въ материяли изъ Дупнишко срѣщаме редовно вишéл (вишéл Сбм. VII, 28; X, 162; XII, 226, 231 и мн. др.; вишли́ X, 163—164; вишло́ X, 164), но и »да би́ ми́рно седéло, не би́ чу́до видéло« (Сбм. XI, 156). И въ една не особено грамотна книжка, която съдържа прѣдимно на мѣстенъ диялектъ разправени случки изъ обществения и училищенъ животъ въ Радомирско и Кюстендилско (»Писма изъ живота« отъ А. п. Михаиловъ. Изд. на автора —с. Дебелилакъ, Радомирско. Кюстендилъ, печатн. »Изгрѣвъ« 1902, год. 8°, стр. 58) намираме на стр. 14 слѣдното: »нищо лошо не самъ **вишелъ** отъ него.« Въ народнитѣ приказки изъ Горно-Джумайско се употрѣбя и вишéл[1]) и видéл (Сбм. VII, 176, 178, 180: вишéл; VII, 180: вишлá, но пакъ VII, 178, 180: видéл и VII, 177: видéла), а въ Леринскитѣ приказки, записани отъ Н. Настевъ, имаме редовно ви́шъл (писано по-рѣдко ви́шъл), а като изключение май видел (Сбм. III, 153; V 144—145;

[illegible]

VI, 164, 168 и др.: ви́шѫл; V, 145; VI, 164, 167: ви́шла, но IV, 142: ви́дел; VI, 164: виде́ла)[1].

Като започнемъ, значи, отъ София и вървимъ на югозападъ къмъ Леринъ, намираме поясъ български говори (Софийски, Радомирски, Дупнишки, Горно-Джумайски, Лерински), въ които вишел (само Лер. ви́шъл) вмѣсто или покрай видел е твърдѣ обикновена форма. Дали трѣба това причастие да се обяснява чисто фонетически или ще има да търсимъ тукъ нѣкакво новообразувание по аналогия? Звукословнитѣ закони на българския езикъ не позволяватъ да говоримъ за прѣходъ на междугласно *д* въ *ш*. А формитѣ вишла, вишло, вишли показватъ, че звукътъ (*е* resp. *ъ*), що стои слѣдъ *ш* въ м. р., не е отъ нѣкогашно ѣ. Едничкото обяснение, което остава, е морфологичното. Че вишел се е явило по аналогия, ще ни стане ясно, като узнаемъ, каква е сѫдбата на аориста видѣхъ въ западно-българскитѣ говори, и като знаемъ, въ каква връзка стоятъ формитѣ на втория сложенъ аористъ съ миналото дѣйствително причастие на -*лъ*. Въ източнобълг. говори, дѣто аористната форма и днесъ гласи правилно видѣхъ (вид'àх, ви́д'ъх), не сѫ станали никакви промѣни съ причастието, а въ западнобълг. говори, които речи навсѣкѫдѣ иматъ нова аористна форма[2]) (видох, видоф), явява се вече и новообразувано причастие Появата на прич. вишел стои тъкмо въ зависимость отъ аор. видох. Въ психологичния процесъ, който е докаралъ създаването на вишел, най-главна рола е изиграло отношението: отидох / отишел или просто: идох / ишел. Както срещу отидох стои отишел, така срещу видох може да се образува вишел споредъ пропорцията

отидох : отишел = видох : x,
= видох : вишел.

Че това е приемливо, показва костурското іашле (вм. іале Сбм. VI, 11), което ще има да тълкуваме пакъ тъй:

---

1) »Видела« ще да се длъжи на записвача, който е вмъкналъ въ тѣзи приказки доста книжовни изрази: »áма ка ви́шла настоіàваінето на нéіиніо мил годеник«; »цари́цата, ка се научи́ла за погу́бването на си́на си, му казáла« и под. Сбм. V, 144 и др.

2) Щомъ 1. л. ед. ч. гласи видох (вм. видех), и въ мн. ч. ще имаме: видохме, видохте, видоха, та по този начинъ аористътъ на видѣти по окончания нѣма да се отличава отъ аориста на отити. Тия форми сѫ толкова разпространени, че се чуватъ въ говора на много »образовани«, па проникватъ и въ литературата. Въ прѣвода (прозаически) на Гетевия »Фаустъ« (София, 1906) четемъ »видохъ« на стр. 34, 150, 166, а въ некритичнитѣ издирвания на Д-ръ Г. Цѣновъ (»Праотечеството и праезикътъ на българитѣ« София, 1907) редовно стои »видохме« (стр. 82, 90, 101, 109, 117 и т. н.).

(от)идох : (от)ишел = іадох : x,
= іадох : *іашел, мн. ч. іашле.

За влияние на повелителната форма (Лавровъ, Обзоръ 211) **ıаждь** (фонет. іаш) не може да се говори, толкозъ повечко че въ македонскитѣ говори, както е извѣстно, вм. іаждь имаме іади и вм. виждь — види. Кост. *іашел напомня леринск. да́шал (по ради дадохъ) въ Сбм. V, 145.

Отъ друга страна ни освѣтляватъ това явление нѣкои новообразувания въ кукушко-воденския и щипския говоръ. Вмѣсто старобълг. 2. сложенъ аористъ плетохъ, прадохъ, рекохъ, пасохъ, сѣкохъ и под. въ кук.-вод. имаме: плитѐх, придѐх, ричѐх, пъсѐх, сичѐх и под., па споредъ тѣхъ и мин. дѣйств. прич.: плитѐл, придѐл, ричѐл (покрай старото рѐкъл), пъсѐл, сичѐл (покрай старото сѐкъл) и т. н. Описвачътъ на този говоръ (Д. Мирчевъ, »Бѣлѣжки по кукушко-воденския говоръ« Сбм. XVIII, 426—470) привежда като стари форми душѐл, утѝшъл (стр. 466), безъ да казва, дали срещу дуідех (вм. старото доідох) има ново причастие *дуідел, ала възъ основа на думитѣ: »за образуване на това причастие се зима мин. свърш. врѣме на глагола, както си е съ ударението, и вмѣсто мѣнитва -х се турять л, ла, ло, ли или ле« ние можемъ да прѣдполагаме, че покрай архаичнитѣ душел, утишъл ще да съществуватъ и новообразувани дуідѐл, утидѐл споредъ дуідех, утидех. Това прѣдположение се потвърдява отъ щипскитѣ материяли на А. Костенцева въ Сбм. Тамъ намираме: »отидѐле на ка́ро... и ѐв ти чо гьа́воло дошѐл при ни́х« Сбм. X, 140; или: »Добро-у́тро, ца́рче«, му речѐл ста́рецо. — »Даі Бо́г добро, дѐдо«, рѐкал му Соломо́н X, 146; така доідѐл Сбм. X, 138—139, но и (д)ошѐл X, 139 и т. н. Щипското доідел покрай дошел прѣдставя явление право противоположно на западнобълг. вишел покрай видел, ала причината на двѣтѣ новообразувания е все пакъ една и сѫща.

София, май 1907. Ст. Младеновъ.

Сочиненія П. И. Мельникова (Андрея Печерскаго), какъ лексическій матеріалъ русскаго литературнаго языка.

Павелъ Ивановичъ Мельниковъ, извѣстный въ русской литературѣ болѣе подъ своимъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго (1819—1883 г.), можетъ по справедливости считаться беллетристомъ-этнографомъ за свои крупнѣйшіе два романа: »Въ Лѣсахъ« (1875 г.)[1] и »На Горахъ« (1877 г.). Эти два романа составили литературную славу талантливаго автора-художника и вызвали собой подробную оцѣнку творческой дѣятельности Печерскаго въ русской критикѣ, вошедшую въ общіе обзоры исторіи русской литературы. Но не со всѣхъ сторонъ еще использованъ матеріалъ, внесенный произведеніями А. Печерскаго въ русское самосознаніе: отношеніе вышеназванныхъ двухъ романовъ, въ которыхъ авторъ ихъ является крупнымъ этнографомъ-художникомъ русскаго при-Волжскаго края и его поселенія, къ лексическому составу литературнаго русскаго языка еще не служило предметомъ особаго научнаго изслѣдованія, и съ этой стороны матеріалъ, собранный въ наблюденіяхъ Печерскаго и обработанный имъ въ его художественныхъ и крупнѣйшихъ двухъ романахъ, еще не использованъ наукой, не смотря на то, что этотъ матеріалъ вполнѣ заслуживаетъ вниманія русскихъ ученыхъ лингвистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякій, кто читалъ эти романы Печерскаго, восхищался художественностью и образностью ихъ языка, такъ сказать, чувствовалъ особенность этого языка и практически ощущалъ прелесть этой особенности. Такъ мало-по-малу это пріятное чувство стало всеобщимъ чувствомъ читателя: русская читающая интеллигентная публика въ этомъ чувствѣ художественнаго и образнаго языка сливалась въ одно цѣлое. Но дать себѣ отчетъ въ составѣ элементовъ этого языка; указать, на какихъ основахъ покоится языкъ этнографическаго романа А. Печерскаго; и какими связями онъ связанъ съ языкомъ русскаго народа, выразителемъ какого быта и какого населенія, какой опредѣленной мѣстности

---

1) Появляся сначала въ журналѣ: »Русскій Вѣстникъ«.

служитъ этотъ языкъ по своему лексическому составу, все это является уже не областью чувства изящнаго, а областью лингвистической науки. Въ самомъ дѣлѣ, отвѣтъ на всѣ эти вопросы относительно языка Печерскаго можетъ дать не безпринципная эстетика, руководящаяся субъективными требованіями вкуса, а лингвистическій научный анализъ состава языка романа »Въ Лѣсахъ« или »На Горахъ«. Такой анализъ прежде всего укажетъ намъ, что въ языкѣ этихъ романовъ Печерскаго сохраненъ полностью мѣстный колоритъ (couleur locale) народной русской рѣчи Заволжья въ той его части, гдѣ русскія поселенія сидятъ чуть не тысячу лѣтъ, укрывшись въ Керженскихъ и Чернораменскихъ лѣсахъ и тѣмъ уберегшись отъ разложенія, отъ потери своего этнографическаго типа благодаря ассимиляціи съ насельниками и заимствованіямъ иноплеменной и чуждой культуры. Тотъ уголокъ русской земли, который изображенъ со всѣмъ его населеніемъ и бытомъ у Печерскаго въ романѣ »Въ Лѣсахъ«, который описанъ авторомъ во всей полнотѣ этнографическихъ подробностей, называется въ романѣ **Заволжьемъ**, а обитатели его — »**Заволжáне**«: это — мѣстность по среднему и верхнему теченію р. Ветлуги, притока Волги съ лѣвой стороны, рѣки, протекающей по Костромской и частью по Нижегородской губерніи. Въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, въ шести верстахъ отъ Лыскова, впадаетъ въ Волгу съ лѣвой же стороны, низменной, рѣка Керженецъ. Вотъ это-то пространство между Ветлугой и Керженцемъ и есть арена наиболѣе интересныхъ наблюденій П. И. Мельникова. Это — край финскаго племени (Мери?), который сталъ постепенно колонизоваться новгородцами чуть не съ XI^го вѣка, когда можно указать уже отдѣльныя попытки ихъ проникнуть къ восточнымъ финнамъ. Интересно, что въ этомъ краю болѣе удержалось старины и въ бытѣ и въ языкѣ, чѣмъ собственно въ Новгородской области, т. к. край этотъ былъ вдали отъ боевого пути и главнаго района дѣйствій русскихъ племенъ до — Московскаго періода. Интересно, между прочимъ, что въ Кинешемскомъ уѣздѣ (напр., с. Вóлскö-Вóлжское (?) и въ другихъ) донынѣ сохранились, по моимъ наблюденіемъ, всѣ шипящіе (*ж*, *ч*, *ш*, *щ*) **мягкими**, а самое названіе Кúнешма (финск.) перешло въ »Кúмешна«. Вотъ, еслибы у А. Печерскаго былъ сохраненъ и **звуковой** обликъ языка Ветлужскаго и Керженскаго края, то мы имѣли бы въ своемъ распоряженіи и этотъ матеріалъ, дополняющій картину быта и типъ жителя данной мѣстности, но, конечно, въ художественномъ романѣ сохранить полностью звуковую сторону мѣстнаго говора нельзя. Зато отраженіе древности въ лексикѣ, въ тонической сторонѣ языка и въ формальныхъ нѣкоторыхъ особенностяхъ [illegible] глубокій интересъ для лингвиста, и про-

сопоставленіи словарнаго матеріала, извѣстнаго въ русскихъ говорахъ этого края, съ словарнымъ матеріаломъ южновеликорусскихъ говоровъ проливаетъ яркій свѣтъ на происхожденіе двухъ главныхъ нарѣчій »великорусскаго« племени отъ разныхъ русскихъ племенъ. Собравши весь лексическій матеріалъ изъ романовъ: »Въ Лѣсахъ« и »На Горахъ«, мы должны бы были подвергнуть его тщательной обработкѣ, освѣтивъ его данными русской діалектологіи въ связи съ данными исторіи русскихъ племенъ, — и эта наша работа еще ждетъ своей очереди. Въ настоящей же статьѣ своей мы, вслѣдствіе объявленныхъ намъ условій въ печатномъ приглашеніи участвовать въ Юбилейномъ Сборникѣ въ честь маститаго ученаго, патріарха славянской филологіи, глубокоуважаемаго учителя многихъ поколѣній славистовъ, И. В. Ягича, по необходимости должны ограничиться лишь указаніемъ на нѣкоторые вопросы, связанные съ нашей будущей работой по языку романовъ Андрея Печерскаго.

Для того, чтобы показать въ небольшой статьѣ, въ самыхъ общихъ чертахъ, то значеніе, которое представляла бы собой научная работа по языку романовъ Печерскаго, и дать хоть нѣкоторое понятіе объ обиліи лексическаго матеріала этого языка, мы приводимъ ниже для примѣра небольшую часть списка словъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ, словъ, извѣстныхъ по преимуществу въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ (частью даже діалектически) и неупотребительныхъ въ южновеликорусскихъ говорахъ. Возьмемъ нѣкоторыя мѣста изъ романа »Въ Лѣсахъ«. Съ самаго же начала романа мы узнаемъ особый складъ жизни »Заволжáнъ«, знакомимся съ вопросомъ о географическихъ и природныхъ условіяхъ, которыя наложили неизгладимую печать на характеръ, бытъ, занятія и языкъ жителя »Лѣсовъ« Ветлужскаго края. »Верховое Заволжье« — это старая, исконная Русь, »кондóвая«, т. е. хвойно-лѣсистая. (»Кóнда« — слово неизвѣстное ювр. говорамъ.)

Готовый лѣсъ, удобный для всякаго древодѣлія, обусловилъ собой занятіе »заволжáнина« среди чернаго и краснаго »рáменья« (= лѣса; слово это извѣстно только въ лѣсномъ пространствѣ вкр. губерній съ переселенцами изъ сѣвера). Лѣса »Чернорамéнскіе« (лиственныхъ породъ) давали Костромичу и Нижегородцу Семеновскаго уѣзда, рядомъ со строевымъ матеріаломъ лѣса »кондóваго«, еще и матеріалъ для всевозможныхъ деревянныхъ издѣлій, которыя называются »горя́пщиной« (по преимуществу деревянная посуда и утварь. См. ниже); а развившаяся при мѣстныхъ природныхъ условіяхъ (среди лѣсовъ и »чарýсъ«. См. ниже) предпріимчивость костромича сдѣлала изъ него и шаповала и сукновала: онъ валяетъ »поя́рокъ«, вяжетъ вáреги и дѣлаетъ чуть не на всю Россію »вѣсовыя коромы́сла«. Словомъ,

извѣстенъ, какъ мужикъ »досу́жій«: »Заволжа́нинъ — не лежебокъ, человѣкъ досужій: чего земля не дала, умѣньемъ за дѣло взяться беретъ«. Срв. слова: ва́режка, поярковая шляпа, досягать-досужій и современное литературное значеніе послѣдняго слова: »праздный«, »свободный«: досу́гъ = свободное время. Лѣса́ заволжанина кормятъ: живетъ заволжанинъ хоть въ трудѣ, да въ достаткѣ. Съ изстари за Волгой мужики въ сапогахъ, бабы въ кота́хъ. »Лаптей видо́мъ не видано, хоть слыхо́мъ про нихъ и слыхано«. Срв. литературное произношеніе: ви́дъ-ви́да-ви́ду-ви́дамъ. Но: »въ виду́« и »въ ви́дѣ«; а во мн. числѣ діалект. (свр.): виды́-видо́въ-вида́мъ и т. д. при литературномъ: ви́ды-ви́довъ-ви́дамъ и проч. Срв. серб. (съ сокращеніемъ?): вӣд-вӣда, при діалект. вӣд-вӣда. Быть можетъ, рус. діалект. ви́дъ-вида́-видо́мъ-виды́-вида́хъ и под. при сравненіи съ рус. литературнымъ ви́да-ви́домъ и под. окажется болѣе древнимъ по ударенію. Срв. болг. видѫт. Срв. выше: слыхо́мъ. Вообще, особыя названія частей избы, утвари, кушаньевъ, красокъ, рыбъ, костюмовъ, вѣтровъ и прочихъ подробностей быта и мѣстной природы у костромичей въ связи съ особыми удареніями во многихъ словахъ (Напр., се́ребро, Пони́зовье, краси́ть, крашо́ный, тя́бло, работа́ть, за́разъ и мн. др.) могли бы во многихъ отношеніяхъ пополнить знаменитый Словарь Даля и содѣйствовать опредѣленію взаимоотношеній великорусскихъ говоровъ по даннымъ ударенія и лексики. Срв. »крашо́ная посуда«; крыша краси́тся краснымъ »червлячо́мъ«. »Намо́лвка« = молва. »Припе́нъ« = (пеня?) = барышъ. »По́ставка«, »до́ставка« (такъ и въ Каз. губерніи). »Ско́бленый«, »спа́сенье« и мн. др.

Вотъ эта задача и будетъ занимать насъ въ особомъ подготовляемомъ нами трудѣ. Теперь же въ видѣ примѣра я прилагаю ниже часть списка словъ съ ихъ объясненіями и указаніемъ мѣстности употребленія ихъ, кромѣ Ветлужскаго края.

А.

Азя́мъ-пальто валеное (Каз. губ.).

Б.

»Рѣзалъ изъ баклушъ ложки«. Баклуша — чурка, приготовленная для точенія. Негодная часть дерева-за́болонь — не идетъ для выдѣлки. Срв. »бить баклуши« = бездѣльничать, безполезно тратить время. Въ Костр. и Нижегор. губ. = за́болонь, горбыли́ и болванъ, приготовленный для выдѣлки на токарномъ станкѣ.

[illegible] Сѣв.-вост. Въ литер. боло́тистый

»Живу я ровно божедо́мъ въ скудельницѣ« = призрѣваемый ради Бога для работъ на кладбищѣ изъ милости въ сторожкѣ. Сѣв.-вост.
»Бужени́ны косякъ сварить« = свинины. Костр. Ниж.

В.

»Ва́ри большія: ведеръ по́ сороку« = мѣры большой вмѣстимости, жбаны, въ которыхъ варятъ пиво или чнб. другое. Сѣв.
»Вожжи воро́винныя«. Срв. веревка. Арх. Олон. Костр. Ниж.

Г.

Горя́нщина — деревянная посуда и утварь. Костр. Ниж.
Головщи́ца — главное лицо на клиросѣ. Сѣв.-вост.
»Одно гребти́тъ на умѣ« — вертится на умѣ, залегло.
»Спокойнѣй спится, какъ ни по комъ не гребти́тся« = не думается, не грезится. Сѣв. Костр.

Д.

»Дово́дится« = приходится. Каз.
»Поѣхали путники въ двои́хъ саняхъ«.

Ж.

»Жемко́въ (= пряниковъ прессованныхъ) купить«. Сѣв.-вост.

З.

»Денегъ ни у кого не займова́лъ«. Срв. »работниковъ наймŷете«.
»Мнѣ нельзя этимъ за́ймоваться«. Сѣв.-восточн. губ.
»Мужикъ зано́сливый« = горделивый, горячій. Литер. зано́счивый. Срв. »онъ зано́сится«, »занѐсся«. Сѣв.
»Лѣсники въ зимницы ѣздятъ« = зимнее пристанище лѣсныхъ промышленниковъ. Костр.

И.

»Заревѣла въ источный голосъ« = отчаянный, безнадежный, послѣдній. Свр.

К.

»Въ ко́зны игралъ да въ городки́« = бабки. Сиб. Казан.
»Кондо́вые пріятели« = крѣпкіе, исконные, коренные. Срв. выше. Арх. Влгд. Вят. Сиб. — ко́нда, ко́ндовый.
»(По)кŷчиться бы тебѣ у Карпа« = попросить, толкнуться, попробовать попросить. Сѣв.-вост.
»Книгочѐй«. Срв. др. рус. книгъчии.

Л.

Ложки деревянныя. Ихъ названія: боскáя, носáтая, крестóвая, тóнкая, межеýмокъ. Кстр. Ниж.-Сем.

»Ложкáрить« = дѣлать ложки, заниматься этимъ ремесломъ. Кстр.-Нижегр.-Семен.

М.

»Манатью надѣну«. Манатья́ = мáнтія. Срв. харатья́ — хáртія. Прил. харатéйный, манатéйный.

»Мшенни́къ«. Ряз. я̆мшани́к. Клѣть, теплый амбаръ, проконопаченный лехомъ.

»Въ мéжень курица не напьется« = средній уровень воды. Середина какого-нб. времени года. Др. р.

Н.

»Земля нероди́мая тамъ: холодная, песчаная«. Срв. »роди́мый = способный къ рожденію. Роди́мчикъ — болѣзнь отъ роду у дѣтей. Сѣв.-вост.

О.

»Облóжится какъ-нибудь, и худая слава пойдетъ«. »Обложи́ться« въ сѣв.-вост. Россіи (и въ Казани) означаетъ: ошибиться, обмануться, запутаться въ дурныхъ дѣлахъ.

»Отя́той«: »Сбился съ пути: совсѣмъ отя́той«. Арх. отверженный, отъявленный. Срв. стрсл. тѧти, тьнѫ.

П.

»Подклѣтъ« — Нижняя часть избы, нижняя изба для рабочихъ, подъ хлѣвъ, для ложа новобрачныхъ. Сѣв.

»На плéча кладу«. Срв. двойств. число плéчи (ѣ) и мн. ч. плечá.

»Перестáрка« — вышедшая изъ лѣтъ для замужества дѣвка. Сѣв.

»Молодецъ ты, пáря«! Срв. парень; коря-корень и под. Сѣв.

Р.

»Рамéнь« (красная, черная. Срв. выше: »Чернораменскіе лѣса«. Окраина лѣса около чащи). Сѣв.-вост. губерніи. Срв. названія селъ и деревень въ лѣсистой части Россіи: Рáменское, Рáменье и под.

С.

»Отъ сóрока недуговъ лѣчить«. Срв. им. п. ед. ч. сóрокъ; пó сороку и проч.

»Сторожкимъ быть«. Срв. стóрожъ, на-стóрожѣ быть и под. Сѣв.

[illegible] посидѣлки, вечеринки, совмѣстное пряденье.

[illegible]

»Отточивая ставешо́къ«. Кстр. губ. точеная чашка, миска, жбанъ. У Даля слова въ этой формѣ нѣтъ s. v. ставить.

»Сукова́тка« = суковатая вѣтвь для развѣски валенокъ. Сѣв.

»Соро́чины справимъ по покойникѣ« = сорокоустъ, сороковой день послѣ кончины. Срв. по ударенію: со́рокъ — со́рока и сорока́, но соро́чины.

Т.

»Помочь, иначе то́лока« — собраніе къ хозяину для дружной совмѣстной работы за угощеніе. У Даля — другое удареніе.

У.

»Урю́къ« — шептала, сушеный абрикосъ. Казань.

Х.

»Хи́знулъ« = чахнулъ, увядалъ, сохъ, убывалъ (заволжскій промыселъ). Вят. Ниж.

Ч.

»Трясины съ окнами, вадьями и чару́сами« — топь, болото. Арх. чаруса́. Срв. въ Ряз.-Касим. село »Ча́русъ«.

Ш.

»Въ шабра́хъ проживемъ« = въ друзьяхъ, въ сосѣдяхъ. Ряз. »въ сябра́хъ«.

Шляпы (ихъ названія: »шляпо́къ«, »шпиле́къ«, »кашники́«, »гречу́шникъ», »верхо́вка«. У Даля s. v. не всѣ названія).

Щ.

»Щадрови́тъ« (-оспа побила) — рябой отъ оспы. Сѣв.-вост.

»Щепяно́й рядъ« = щепно́й (литерат.). Щепяную работу зовутъ »горя́нщиной« жители низкаго берега Волги. См. выше.

Этотъ списокъ, конечно, примѣрный: его можно было бы увеличить въ нѣсколько разъ, но и отсюда видно богатство лексическаго и діалектическаго матеріала въ романѣ Печерскаго »Въ Лѣсахъ«, и легко можно замѣтить, что словарь Касимовскаго говора (Рязанск. губ.) во многихъ отношеніяхъ ближе къ словарю сѣверно-русскихъ говоровъ, чѣмъ къ словарю средне-русскихъ (центральныхъ) говоровъ, — это новое доказательство заселенія сѣверной части нынѣшней Рязанской губерніи сѣверорусскими племенами и сѣвернорусскаго происхожденія племени, населяющаго нынѣшній Касимовскій, за-Окскій край.

Казань, 17 мая 1907. Евгеній Будде.

Co značí slova: »по законоу римского двора« v nadpisech hlaholských breviářů chrvatských.

Jakkoli chudé a sporé jsou zprávy o podobě církevního Officia diœcese Methodovy jakož i o knihách sv. Bratry k tomu konci pořízených[1]), poměrně velmi četné zachovaly se nám památky chrvatsko-hlaholské toho obsahu ze stol. XIII a násl. t. j. z doby rozkvětu církevního písemnictví hlaholského v Charvátech rozvinuvšího se po vydání dekretu papeže Innocence IV. (1243—1254), jimiž dovoluje užívati jazyka slovanského v liturgii biskupu Senjskému Filipovi, r. 1248 a Fruktuosovi biskupu Krěskému r. 1252 ve prospěch benediktinů Omišaljských na ostrově Krku.

Řečené knihy mívají rozličný nadpis; bývají nadepsány: Бревиѣль (Breviarium), матотиналь (Matutinale), псальтирь (Psalterium) podle rozličného obsahu: shodují se však v dodatku: »по законоу римского двора«. Zdálo by se, že tato slova nevyjadřují jiného, leč že jde o knihy obřadu Římského-Západního; uvedený dodatek však určuje povahu našich knih mnohem blíže: i bude úkolem tohoto příspěvku k dějinám liturgických knih hlaholských vysvětliti smysl slov: »*secundum consuetudinem* (usum, ordinem) *Romanae Curiae*,« jimž odpovídá výše řečený nadpis slovanský.

První (nejstarší) breviář Vrbnický z konce stol. XIII neb počátku XIV jest nadepsán: Почнет' чин' матотинала по законоу рим'скоmoу бжнѡю апаоу птра и павла цркве римскаго двора.

Hlaholský breviář v knihovně Vatikanské (sig. Illyr. 5): Початкь чина бр'виѣла по зкноу римскои бжнго птра и пвла цркве римскога дкра.

Tamže kodex sign. Illyr. 6: Почетие салтира(!) по законоу римскога двора.

1 Srov. Legenda o Konstantinovi kap. XV. Fr. Pastrnek Dějiny slovanských Apoštolu Cyrilla a Methoda: str. 201.

Kodex Jihoslov. akademie Záhřebské (Kukuljevićovy sbírky č. 1): **Почетне чинь(!) брьв'ѣла по зкноу рнмскго двора бжнго птра и пвла цркве.**

Tamže kodex Pažmanský sign. III b. 10: **Початне брвнѣла по законь рнмскаго двора. и бжнаго птра и пвла цркве.**

Hlaholský kodex Národní knih. Pařížské (č. 11): **Почетне сал'тѣра(!) по закон рнмскога двора** (list 7 a).

Breviář Baromićův: **Почетне брв'ѣла по зкноу рнмскога двора** (str. 65 a paginace hlaholské); podobně kodex Brozićův na l. 71: **Почетне бр'вѣла по зкноу рнмскога двора**; atd.

K uvedeným nadpisům sluší poznamenati, že vyjma dva poslední, jež odnáší se k prvotisku Baromićovu a kodexu Brozićovu, nespokojují se s pouhým přídavkem **по законоу рнмского двора**, ale že přičiňují i slova **бжнго птра и пвла цркве** a pod. Mám za to, že příčinu toho sluší hledati v okolnosti, že tyto knihy pocházejí z přechodní doby, ve které *officium kurialní*, o němž bude níže řeč, dosud neustálilo se zcela na úkor starého *officia římských basilik* sv. Petra a Pavla, tak že některé knihy spojují v jedno oba tituly officia basilikálního i kurialního, byť ne právem.

Podobně mimochodem připomínám, že přídavek **по законоу рнмского двора** vyskytuje se i v nadpisech chrvat.-hlaholských misálů; tak na př. v kod. dvor. knih. Vídeňské č. 4; lycejní Lublaňské sign. C 162; knih. Vatikánské sign. Illyr. 8, v kod. Hervojově a p. Zkoumati, na jakém základě dostala se tato slova i sem, vymyká se z mezí našeho pojednání; jest možno, že jde o pouhé mechanické napodobování titulů v *breviářích*. O slově *breviář* viz poznámku níže.

Předem sluší připomenouti, že církevní officium Římské, upravené papežem Řehořem I. Velkým (590—604) na základě mnišského officia Benediktinského[1]), ve stol. XII bylo značně změněno-zkráceno[2]).

1) Sv. Benedikt († 543) patriarcha mnišstva na Západě vybudoval Officium pro své mnichy na těchto zásadách: 1. aby každý týden vyříkali všecek žaltář, a 2. každý rok přečetli celé Písmo sv. s výklady Otců. Vedle officia nočního (*O. nocturnum*) rozdělil žalmy na sedmero hodin (Horae): *Laudes*, *Prima*, *Tertia*, *Sexta*, *Nona*, *Vesperae* a *Completorium*. Srov. Řeholi sv. Bened. Kap. 9, 16, 18.

2) Asi z této doby pochází obyčej označovati jménem *Breviarium* to, čemu dříve říkali *Ordo Officii* t. j. knihu obsahující všecek text Officia, ovšem že zkrácený. Dříve slovem Breviarium (Breviarius) rozuměli pouhý seznam či ukazatel textů, jež sluší říkati v určité dny — tedy asi to, čemu dnes na Západě říkáme *Directorium Officii*, kdežto text sám byl obsažen v knize: *Ordo officiorum per totam anni decursionem (Cursus)*. Srov. *Baümer Suibert*, Geschichte des Breviers, Freiburg 1895, str. 337, 599 a násl.

Někteří liturgisté (Gueranger, Thalhofer) připisují toto zkrácení starého officia Římského papeži Řehoři VII (1073—1085)[1]; jiní však (Baümer) právem s tím nesouhlasí, přisuzujíce papeži Řehořovi VII. snahy zcela opačné t. j. návrat k officiu starému, jež bylo mnohem delší. Jakkoli však věci se mají, jisto jest, že ve XII století dle svědectví Abaelardova (1140) jediná lateranská basilika zachovávala staré officium Římské, kdežto ostatní chrámy řídily se novým officiem opraveným. Abaelard staví zřejmě Officium Basilicae Romani Palatii (t. j. papežské kaple uvnitř paláce lateranského) proti officiu Basilicae Lateranensis (S. Salvatoris) t. j. patriarchální basiliky lateránské sv. Spasitele[2]. Opat Baümer uvádí příčiny, pro které došlo k změnám a zkrácení officia i přese vši snahu Řehoře VII., obnovitele starých tradic ctihodných, jež mnoho utrpěly ve stol. X a XI za vlády slabých papežů papežskému stolci vnucených vládci německého původu.

Obřad římských pobožností totiž měl povahu více méně *místní*, vázán jsa na tu neb onu basiliku dle ceremonialu přesně sestaveného, kterýžto ráz tak hluboko zasahoval do pobožností samých, že na mnohých místech na př. v Mohuči, Trevíře, Besançoně a j. stavěny byly chrámy z úmyslu tak, aby v nich mohly býti pobožnosti římské *nápodobovány*. Avšak od času papeže Eugena III. (1145—1153) ve 42 létech strávili papežové v Římě pouze as 7½ roku; papežský dvůr neměl stálého sídla zdržuje se brzy v tom, brzy v onom městě francouzském neb italském, čehož přirozený následek byl, *že sám papežský dvůr byl nucen opustiti staré tradice v příčině officia*, a *že se vyvinul ponenáhlu nový řád, nový obyčej či ritus* (consuetudo) *Capellae Papalis*. A jestliže officium dvorní kaple papežské lišilo se od officia patriarchální basiliky lateranské již před papežským exilem, za těchto okolností rozdíl čím dále rostl a se utužoval; ostatně i v Římě samém nepřítomností papežovou staré tradice v téže příčině velice as ochably (Baümer l. c. str. 316 a násl.).

Teprvé za nástupce Klimenta III. (1187—1191) t. j. za papeže Coelestina III. (1191—1198) staly se opět pokusy navrátiti officiu bývalou podobu, *avšak marně*. Dlouhou řadou let ustálený obřad papežské

---

1) V. Thalhofer. Handbuch der kath. Liturgik; Freiburg 1890. Díl II, str. 371. — Gueranger ve svých Instit. liturg. I, 288 ss. (2. vyd.) tvrdí: Saint Grégoire VII. abrégea l'ordre des prières et simplifia la Liturgie pour l'usage de la Cour Romaine... La réduction de l'Office divin, accomplie par saint Grégoir VII., n'était destinée, dans le principe, qu'à la seule Chapelle du Pape. U Baümera l. c. str. 304.

2) »Antiquam certe Romanae Sedis consuetudinem nec ipsa civitas (Romae) ...net, sed sola Ecclesia lateranensis, quae est mater omnium, antiquum tenet officium, ...le filiarum suarum in hoc eam sequente, nec ipsa etiam Romani Palatii Basilica« ... [illegible] II, 340 [illegible]

kaple stal se rozhodujícím a směrodavným činitelem v dějinách officia Západní církve, *officium Capellare* čili *Consuetudo Capellae Papalis*, kteréž bylo kratší nežli officia ostatních Římských basilik — *Officium Romanum abbreviatum* — ponenáhlu opanovalo, *a my se s ním setkáváme i v našich památkách chrvatsko-hlaholských, jež nesou nadpis* по законоу римского двора. Z nařízení papeže Mikuláše III. (1277—1280) přijaly Breviarium Curiae i ostatní chrámy Římské, a když papež Řehoř XI. (1370—1378) zavázal i kanovníky basiliky lateranské, která houževnatě lpěla na svém starobylém obřadu, aby i oni k vůli jednotě přijali a zachovávali ordinem Capellae papalis, tento *ordo Curiae sive Capellae papalis* stal se zároveň *mos Sanctae Romanae Ecclesiae* a tím i vzorem ostatním[1]).

K doplnění této stati nezbývá leč podati obraz takového breviáře Římské kurie, ku kterémuž konci vyvolil jsem kodex Pažmanský ze stol. XIV, jehož rozdělení a uspořádaní úplně srovnává se s popisem latinských kurialních breviářů nesoucích nadpis: *Incipit Breviarium secundum consuetudinem* (usum, ordinem) *Romanae Curiae*[2]).

Jakož pověděno, jest nadepsán tento kodex: Початие бревиѣла по законь римскаго двора. и бжнаго птра и пвла цркве. (1b); na l. 1a čteme některé obecné texty, často opakující se Absoluce a Responsoria při Čteních a p. pod záhlavím: Б име бжие Амнь. Почениемо(!) ѿрѣшения к' чтениѣмь(!) ѣже сице држет се чрѣс' в'се лѣто.

Vlastní text počíná listem 1b tak zvaným *Propriem de Tempore* od první neděle adventní do poslední po sv. Duchu, a nese nadpis Б' првоу соботоу ѿ пришаства (l. 1b—179b).

Od l. 179b—181b čteme *rubriky* — Сказ' ѿ чина по законь римски како е држати.

Následuje *Proprium Sanctorum* od l. 181b—284b nadepsané: Вь име исхво Амн.(!) Почетие слоужабь ѿ стць по все лѣто.

Dále: *Psalterium dispositum per hebdomadam* s písněmi a hymnami, většinou z Písma sv., počínajíc hodinou Jitřní v neděli: Ютрна в ндлю; l. 285a—358b.

Od l. 359a—361b jest tu úplné *Calendarium* s některými záznamy, jež k vlastnímu textu nepatří, na l. 362.

---

1) Ut membra capiti se conforment, praesenti institutione decernimus, quod tam nocturnum, quam diurnum in Lateranensi Ecclesia cum nota dicatur iuxta rubricam, ordinem sive morem sanctae Romanae ecclesiae seu capellae domini nostri Papae. (*Constitutiones Lateranenses cap. 1*) Bäumer l. c. str. 321.

2) Srov. Bäumer l. c. str. 331.

Poslední část tvoří *Commune Sanctorum* od l. 363—401b od officia Apoštolů — На рождение апам' — obvyklým pořadem do off. sv. děv a žen. Dodatek novějších officií (l. 402—411) ukončuje knihu.

Na konci budiž připomenuto, že kodex Pažmanský odpovídá latinským breviařům Římské kurie nejen co do rozčlenění, ale i co do obsahu; dovolím si doložiti toto tvrzení několika příklady.

Kdežto ještě mnohé kodexy hlaholské i ty, které nesou nadpis по законоу римского двора, obsahují bohatá čtení z knih Písma sv. (na př. Novljanský celou knihu Jobovu, Vidův celou Ruth, Vrbnické téměř celého Ecclesiasta a p.), podává kodex Pažmanský čtení velice stručná. Tak na př: z knihy *Přísloví* toliko 26 veršů první hlavy (l. 163b—164a), kdežto v kodexe dvorní knih. Vídeňské (č. 3) čteme až na malé mezery více než 14 hlav z téže knihy (l. 350b—361a); z knihy *Ecclesiasta* jest tu pouze 13 veršů první kapit. (l. 164b—165a), v kodexe Vidově hl. I.—XI. (l. 361a—368b); z knihy *Moudrosti* 16 veršů hlavy I. na l. 165a—b, kdežto u Vida jakož i v brev. Vrbnických máme celých šest kapitol; z *Ecclesiastika* konečně pouze 15 veršů hlavy první (l. 165b—166a) a u Vida více než 5 hlav. Z uvedených příkladů jest na jevě, že kodex Pažmanský jest mezi chrvatsko-hlaholskými breviaři *vzor breviáře kurialního* s officii velice zkrácenými, v kteréž příčině nevyrovnají se mu z ostatních, pokud mi známo, leč kodex Baromićův a Brozićův.

Josef Vajs.

Die Reflexe von *ę ą* in den slavischen Lehnwörtern der ungarischen Sprache.

Als ich nachzuweisen suchte, daß das ung. *zabola* »Gebiß« aus einem **zobalo* stamme, also nicht auf eine Bildung aus *ząbъ* zurückgehen könne, hatte ich Verlassung darüber zu sprechen, was wir einem slav. *ą* gegenüber im Ung. zu erwarten haben. Bei dieser Gelegenheit berührte ich auch schon ganz kurz, daß ich in Fällen wie *szúszék* »Kornkammer«, *gúzs* »Wiede, Weidenband«, *pók* »Spinne«, *pózna* »große Stange, Wiesenbaum« Verlust eines Nasals im Ung. annehme, bei Erklärung dieser Wörter also von *sąsêkъ*, **gąžь*, *paąkъ*, *paąžina* ausgehe, s. Arch. 25 : 572[1]). Ob diese meine Auffassung richtig ist oder nicht, war in dem Zusammenhang, in welchem ich die Sache damals berührte, ganz gleichgiltig, nunmehr komme ich darauf wieder zurück und suche meine Ansicht im Zusammenhang mit den Reflexen von *ę* näher zu begründen. Ich fange mit dem bei der Besprechung von *zabola* nicht erwähnten Reflexe von *ę* an, einmal um das dort gebotene Material nach dieser Seite hin zu ergänzen, vor allem aber, um einen sichern Ausgangspunkt für den Verlust des Nasalen im Ung. selbst zu gewinnen.

Als Reflex von *ę* ist im Ung. zunächst *-en-* zu erwarten, so heißt es denn noch heute *gerenda* »Balken« < *gręda*, *lencse* »Linse« < *lęšta*[2]), *rend* »Ordnung« < *rędъ*, *szent* »heilig« < *svętъ*, *szerencse* »Glück« < *sъręšta*. Isoliert steht *péntek* »Freitag« < *pętъkъ* da mit seinem *én*; denn das von Miklosich angeführte (offizinelle) *ménta* »Krausemünze, das übrigens mit *mënta* (*ë* Bezeichnung für geschlossenes *e*) wechselt, ist nicht slavisch, sondern lateinisch, und ob die mit *blędь* zusammen-

1) In dem Zitat Zeile 9 bitte ich »S. 227« in S. 277 zu korrigieren!

2) Auf die Frage, ob sich das ung. *cs* in *lencse*, *szerencse* durch Metathesis aus bulg. *št* erklären läßt, oder ob von einem sloven. *lęča*, *sręča* (mit Nasalvokal!) ausgegangen werden muß und ob im Sloven. in diesen Fällen von Alters her ein *č* gelautet haben kann, gehe ich nicht ein, sondern verweise auf meine Ausführungen in Nêskoljko zamêč. 4 ff. = Izv. VII : 4 : 249 ff.

hängenden, nunmehr ausgestorbenen Wörter *beléndes* luscivus, luxuriosus, *beléndesség* libido fornicatio *beléndezkedik* fornicatur, moechatur mit Recht so gelesen werden, ist sehr fraglich, überdies konnte das auf **blénъ* zurückgehende, noch heute lebendige *belénd*[1]) »hyoscyamus niger, Bilsenkraut« leicht umgestaltend auf diese Wörter gewirkt haben[2]).

Wenn wir nun an Stelle eines *ę* an und für sich schon im Ung. in erster Linie ein *-en-* zu erwarten haben, um wie viel mehr haben wir Ursache einem **męsarъ* gegenüber *-en-* mit kurzem *e* zu erwarten, gibt uns doch keine einzige slav. Sprache ein Recht anzunehmen, daß im Slavischen gerade in diesem Worte das vokalische Element von *ę* gedehnt gesprochen worden wäre. Man darf demnach mit voller Sicherheit behaupten, daß das ung. *mészár-* (noch erhalten in *mészárszék* »Fleischbank«) resp. das mit einer ung. Bildungssilbe versehene *mészáros* zu dem gedehnten *é* erst durch einen im Ung. selbst abgelaufenen lautlichen Vorgang gelangt ist. Daran aber, daß das ung. *mészár-*, *mészáros* ursrprünglich mit einem Nasal gelautet hat, also auf eine mit *ę* gesprochenen slav. Form zurückgeht, kann man vernünftigerweise nicht zweifeln, haben wir doch zahlreiche Belege dafür, wenn auch nicht in dem Appellativum, so doch in dem überaus häufigen Namen *Mészáros*, dessen Identität mit dem gleichlautenden Appellativum natürlich nicht weiter bewiesen zu werden braucht (vgl. den deutschen Namen *Fleischer*). In diesem Namen kommt bis auf den heutigen Tag die Schreibung mit *n* vor: 1438 Johannes *Menzaros*, 1453 und 1457 Georgius *Menzarus*, 1520 Luca *Menzaros*, kürzlich ist nicht bloß aus 1809, sondern sogar aus einem Adressenbuch von 1900 die Schreibung *Menszáros* nachgewiesen worden, s. Magyar Nyelvőr 35 : 485 f. Nun haben wir es hier allerdings zunächst überall nur mit einer Schreibung zu tun, doch wenn der Ausgangspunkt und der Endpunkt sichergestellt werden kann, so dürfte es nicht schwer fallen zu ahnen, was für einen lautlichen Vorgang wir hier vor uns haben. Die alten Schreibungen *Menzaros*, *Menzarus* lassen sich allerdings ebensowohl *Ménszáros* als *Menszáros* lesen, auf die Aufzeichnungen von 1809 und 1900 aber läßt sich gar nichts aufbauen: eine altertümliche Schreibung erhält sich eben sehr leicht in Familiennamen selbst bei teilweiser Modernisierung derselben;

1) Melius Herb. 64 noch *belén*.

2) Unter den 11 Belegen, welche wir in dem hist. Wtb. finden, werden diese Wörter zehnmal mit einfachem *e* ohne jedwede Bezeichnung der gedehnten Aussprache geschrieben, nur einmal finden wir *belyndes* d. i. *belindes*, was sich wohl daraus erklärt, daß das Bilsenkraut *belénd* und *belind* heißt und gerade diese [illegible] Pflanzennamen vorkommt: *belénde* [illegible]

[illegible]

für die Wissenschaft ist das auch ganz gleichgültig, wie die aus 1900 erwähnte Familie »Menszáros« das *-en-* in ihrem Namen spricht, wer bürgt uns denn dafür, daß die Aussprache auf einer ungetrübten Tradition beruht. Den sicheren Ausgangspunkt bieten uns aber im Zusammenhang mit der vielfach beglaubigten ung. Überlieferung, wonach das ung. *mészáros* ursprünglich mit einem Nasal gesprochen wurde, die slavischen Sprachen, die auch nicht den geringsten Zweifel daran übrig lassen, daß die Form im Ung. ursprünglich nur *menszáros* mit kurzem *e* vor *n* gewesen sein konnte. Ebenso sicher ist der Endpunkt: das kurze *e* ist, sei es nun noch bei deutlich gesprochenem *n* oder bei schon unvollkommen gebildetem Nasal oder als Ersatz des vernachlässigten Nasals im Moment der Vernachlässigung, im Ungarischen zu *é* gedehnt worden! Wer eine andere Erklärung für möglich hält, kennt eben die slavischen Sprachen nicht, von denen doch ausgegangen werden muß und ohne deren Kenntnis man sich überhaupt nicht an die Lösung der Fragen wagen sollte. Keine sehr glückliche Idee war es, die neulich ein junger ung. Forscher vortrug: »Ich glaube, meinte er, es ist auch gar nicht im Ung. aus *menszáros mészáros* geworden, sondern die zwei Formen sind zwei verschiedene Entlehnungen aus slovenischen Mundarten«. Magyar Nyelvőr 35 : 486. Die übertriebene Betonung des Slovenischen, die bei uns seit einigen Jahren geradezu Mode geworden ist, seit Melich möglichst viel aus dem Slovenischen erklärt, unter dem er ohne weiteres auch das ganze Kajkavische versteht, wird, ich bin davon fest überzeugt, auch für die Slavistik ihre guten Früchte tragen; man wird sich um das Slovenische, in erster Linie um die noch so gut wie gar nicht erforschte Sprache der ungarischen Slovenen, dann aber auch um das Kajkavische mehr als bisher kümmern müssen, und manche Lücke in unserm Wissen wird dabei nicht nur bloßgelegt, sondern, so hoffe ich, mit der Zeit auch ausgefüllt werden; denn bei all den Fragen handelt es sich um so feine Unterschiede, besonders auch um Quantitätsunterschiede, daß wir mit unsern gewöhnlichen Hilfsmitteln schlechterdings nicht mehr auskommen. Aber wenn jemand eine solche Behauptung, wie die obige, aufstellt, so sollte er sich doch erst nach den »slovenischen Mundarten« umsehen, aus denen einerseits ein ung. *menszáros*, andrerseits ein *mészáros* erklärt werden kann. Ich kenne keine slovenische Mundart, überhaupt keine slavische Sprache, aus der die Form *mészáros* direkt hätte entlehnt werden können und ich halte das für ein wahres Glück, sonst kämen wir zu einem ganz seltsamen Schluß, der leicht den ganzen Ernst unserer Forschung gefährden könnte. Denn was mutet uns eigentlich der junge Mann zu, welcher *menszáros* und

mészáros für zwei vollkommen verschiedene, seltsamerweise aber doch immer noch slovenische Entlehnungen erklärt? Nichts Geringeres, als daß die Ungarn von den Slovenen die eine Form entlehnt hätten, um sie als Personennamen zu verwenden, die andere aber, um sie als Appellativum zu gebrauchen, und das zu einer Zeit, wo Personennamen und Appellativa noch in einer ganz andern Weise identisch waren als heutzutage!

Aus der ung. Lautgeschichte läßt sich nicht mit Bestimmtheit entnehmen, ob *mészáros* aus einem noch mit deutlichem *n* aber schon gedehnten *é* gesprochenen *ménszáros* entstanden ist oder ob die Dehnung auf irgendeiner Stufe der Verflüchtigung des Nasals stattgefunden hat, wir können nur konstatieren, daß im Ung. *n* sehr wohl auch erst nach einem schon deutlich vernehmbaren langen *é* verloren gehen konnte: *pénz* Geld (< *pénęzь*) wird vielfach *péz* oder *píz* gesprochen, *kénszerít* »zwingt« erscheint in den alten Sprachdenkmälern häufig in der Form *készerít*, aus *tekintetes úr* »wohlgeborener Herr« wird *tens téns* und *tés úr*.

Ich gehe zu einem andern Worte über, aus dem sich meiner Überzeugung nach ebenso zwingend der Schluß ergibt, daß im Ung. slavische Lehnwörter den Nasal mit Dehnung des vorhergehenden Vokals verlieren können, ich meine das dialektische *tézsla-tézsola*, womit man die Ziehstange am Pfluge und Egge oder aber die an die Deichsel gehängte Stange benennt, woran das vordere Paar Ochsen zieht. Die ungarischen Formen lassen im Lichte der aus den slavischen Sprachen uns bekannten Tatsachen gar keinen Zweifel darüber übrig, daß das Wort nur aus einem **tężalo* entstanden sein kann, und wir können auch hier wieder mit vollkommener Sicherheit feststellen, daß dem slav. *ę* im Ung. zunächst *en* entsprach und daß das am häufigsten belegte *tézsla-tézsola*, mit *é*, durchaus nicht etwa aus einer slav. Form ohne nasalen Nachklang zu erklären ist, sondern erst auf ung. Boden entstanden ist[1]. Das nur dem Landwirt bekannte Wort hat sich einer allmählichen Ausgleichung über das ganze Land, wie wir sie bei *mészáros* zu beobachten Gelegenheit hatten, glücklich entzogen, die verschiedenen Stufen der Entwicklung leben noch heute in verschiedenen Gegenden nebeneinander: das älteste *tenzsola*, das schon die Dehnung zeigende *ténzsola* und das aus letzterem entstandene *tézsola-tézsla*. Zu der Annahme eines aus *tęzati* (mit der ursprünglichen Bedeutung: »ziehen«) gebildeten ab. **tężalo*

1) Ich verfolge hier bloß die lautliche Entwicklung der ersten Silbe, über slav. [illegible] > ung. [illegible] verweise ich auf das im Arch. 25 : 570 [illegible] Gesagte.

in der Bedeutung des ung. Wortes gäbe schon die Übereinstimmung von p. *ciężadło* »Deichsel«, böhm. *tězadlo* »Ziehstange am Pfluge« und slovak. *ťažadlo* (nach Mičátek: дышло у плýга; дышло перéднее (для перéдней пáры лошадéй) nach Bernolák: temo, pertica, iugalis, temosula, histoboë: Jochdeichsel, Jochstange: tésla, tésla-rúd [1]) im Verein mit den ung. Formen eine sichere Grundlage, aber schwerwiegender als alles das ist rumänisch tînjeălă-tînjălă (j = ž!) »Vorderdeichsel, Deichselansatz«. Daß aber das ung. *tézsla-tézsola* nicht etwa aus einer slav. Form ohne nasalen Nachklang erklärt werden kann, daß es nur als eine Weiterentwicklung von *tenzsola-ténzsola* betrachtet werden darf, also auch auf **tężalo* zurückgehen muß, ist leicht nachzuweisen, obwohl wir in den slavischen Sprachen, welche hier in Betracht kommen können, nichts Entsprechendes finden. Nur im Slovenischen kommt in Obersteiermark dieselbe Bildung aus *tężati* vor; *težálo* (bei unsern Slovenen würde das Wort *težàlo* lauten, es scheint aber nur *težilo* — vgl. bei Pleteršnik *težílọ* — üblich zu sein) »dasjenige, womit man etwas beschwert, das Gewicht«; dem Ursprung nach ist dies Wort natürlich genau dasselbe (der Begriff »schwer« wird ja im Slavischen als das, was »zieht« aufgefaßt) und beweist wenigstens soviel, daß das ung. *tézsla* mit seinem langen *é* nimmermehr aus einer slovenischen Form hätte werden können. Ebenso gut ist die Länge des *e* im Kroato-Serbischen ausgeschlossen, wir haben nur das Recht ein **težàlo* resp. im Štokavischen ein **tèžalo* vorauszusetzen, vgl. Leskien, Arch. 21 : 330 und *Quantität und Betonung* 91—93. Es liegt also gar keine Möglichkeit vor *tézsla-tézsola* anders als aus einem älteren *tenzsola* resp. aus einem daraus entstandenen *ténzsola* zu erklären und wir gewinnen hiermit abermals einen unumstößlichen Beweis dafür, daß aus einem noch erhaltenen slav. Nasalvokal im Ung. selbst sehr wohl ein langer Vokal sich entwickeln konnte mit allmählichem Verlust des ursprünglich die nasale Expiration ersetzenden nasalen Konsonanten.

Bisher haben wir einen derartigen Verlust und zwar den Verlust eines *n* an je einem slavischen Lehnworte vor *sz* (alter Personenname Menszáros : mészáros) *z* (Schriftsprache *pénz*: weit verbreitete Aussprache *péz* und *píz*) und *zs* (vereinzelt *tenzsola* und *ténzsola*: gewöhnlich *tézsola-tézsla*) beobachtet. Gestützt nun auf die unleugbare Tatsache, daß ein Nasal vor einem *sz*, *z*, *zs* mit Dehnung des vorhergehenden Vokals

1) Bernolák identifiziert also die Bedeutung des slk. Wortes mit der des ung.: *tésla* ist veraltete Schreibung für *tézsla*, *rúd* »Stange, Deichsel« (vgl. auch *kocsirúd* »Wagenstange, Deichsel«) ist in der speziellern Bedeutung auch in einige slav. Sprachen übergegangen.

schwinden konnte, hatte ich behauptet, daß ung. *szúszék* »Kornkammer«, *gúzs* »Wiede, Weidenband«, *pózna* »große Stange, Wiesenbaum« auf slavische Formen mit *ą* zurückgehen können. Dagegen bemerkt Melich: »Daß auch *szu-szék* nicht aus ursprünglichem ung. **szomszék* entstanden ist, dafür ist der beste Beweis *szomszéd*, aus welchem nicht **szuszéd* geworden ist, und doch haben die beiden Wörter in beiden Sprachen in genau ein und dieselbe Ideenassoziationsgruppe gehört.« S. *Szláv jövevényszavaink* I : 1 : 180. So ausgedrückt hat der Satz natürlich überhaupt keinen Sinn. Wie kann slav. *sąsědъ* mit *sąsěkъ* oder gar ung. *szuszék* mit *szomszéd* in ein und dieselbe Ideenassoziationsgruppe gehören (»egy és ugyanazon képzettársulási csoportba«)? Der Verfasser kann schlechterdings nichts anderes damit gemeint haben, als daß die lautliche Umgebung, in welcher sich hier *ą* in beiden Wörtern befand, auf das allergenaueste übereinstimmt und da muß man schon sagen, daß die Identität der Fälle gar nichts zu wünschen übrig läßt: in beiden Wörtern stand *ą* zwischen zwei *s* und, um das Maß voll zu machen, folgte in beiden Fällen dem zweiten *s* ein ě! Haben wir aber das Recht eine so überraschende Übereinstimmung der lautlichen Bedingungen auch für die ung. Wörter anzunehmen? Ich müßte lebhabft bedauern, falls ich selbst schuld daran sein sollte, daß Melich zu dieser durch nichts berechtigten Voraussetzung gekommen wäre. In meinem Aufsatz über ung. *zabola* ist allerdings zu lesen: »*szúszék* und *gúzs* hätten demnach ebensogut aus einem alten **szomszék* und **gonzs* als aus einem **szumszék* und *gunzs* werden können.« Arch. 25 : 572, doch hätte M. leicht darauf kommen können, daß hier ein offenbarer Druck- oder Schreibfehler vorliegt, hatte ich doch in einem gerade ihm gewidmeten Aufsatz kurz vorher geschrieben: »So konnte aus asl. **sąsěkъ* (wenn wir diesmal die strittige Frage, ob in dem von den Ungarn gehörten *ą* nicht vielmehr ein *u*- als ein *o*-Element tönte, ganz bei Seite lassen) im Ungarischen **szonszék* — **szónszék* und nach dem häufigen Wandel von *ó* zu *ú* *szúnszék*, schließlich mit Verlust des *n* das heutige *szúszék* werden.« S. Magyar Nyelvőr 31 : 189. Dagegen könnte nun M. freilich einwenden, es sei ganz willkürlich anzunehmen, daß *sąsěkъ* im Ung. durch die Form **szonszék* zu szúszék gelangt sei, wenn doch das ganz gleichartige *sąsědъ* zu *szomszéd* wurde. Man darf jedoch nicht vergessen, daß weder das vorausgesetzte **szonszék* das von den Ungarn gehörte slav. *sąsěkъ* noch das wirklich gesprochene *szomszéd* das slav. *sąsědъ* genau wiedergibt, daß es sich hierbei um Aufnahme von Wörtern handelt, die einen der ung. Sprache fremden Laut enthielten, dessen Wiedergabe sehr wohl schwanken konnte, schwanken nach Zeit, Ort, individueller Disposition,

Anklang an dieses oder jenes einheimische Wort. Und da muß ich schon sagen, daß es ungleich schwerer halten dürfte zu erklären, wie aus einem slav. *sąsêdъ szomszéd* geworden ist, als wie *sąsêkъ* zu *szúszék* geworden ist. Denn im letzteren Falle kann ich mir Schritt für Schritt die Entwicklung erklären, *szomszéd* mit seinem *m* ist mir ein Rätsel! In den 20 Fällen, die ich Arch. 25 : 571 angeführt habe, finden wir dem slav. *ą* gegenüber 14mal *on*, nur vor Labialen (*goromba gomba szombat tompa csombor*) und in dem seltsamen *szomszéd* begegnen wir statt dessen einem *om*. Lautphysiologisch läßt sich die Sache kaum erklären; wir würden vor *sz* jedenfalls *on* erwarten, wie ja auch der Reflex von *kąsъ* zunächst wahrscheinlich **konsz* lautete und dann erst zu *konc* wurde, und wie dem slav. *męsarъ* zunächst *menszáros* entspricht. Wenn uns Melich hier von »Ideenassoziation« spräche, wenn er uns sagte, daß in dem *m* vielleicht Beeinflussung des fremden Wortes durch ein uns allerdings unbekanntes, verloren gegangenes einheimisches Wort vorliegen könne, so ließe sich das hören; ja er könnte sogar einen Schritt weiter gehen und uns sagen, daß auch die Umgestaltung von **szonszék* zu **szószék szúszék* durch »Ideenassoziation« beschleunigt worden sein mochte, klingt doch szúszék (szú »Holzwurm«, szék »Sessel, Stuhl«) so ganz ungarisch. Doch von »Ideenassoziation« mag ich überhaupt nicht reden, da ich ja überzeugt bin, daß sich M. nur ungeschickt ausgedrückt hat und daran gar nicht gedacht hat, und dann ist es auch eine mißliche Sache um solche Ideenassoziationen, wer kann ihnen folgen, und für *szomszéd* liegt ja auch gar kein greifbarer Anhaltspunkt vor. Aber daran halte ich fest, daß *sąsêdъ* und *sąsêkъ* von verschiedenen Individuen perzipiert, sehr wohl von Anfang an im Ungarischen in der ersten Silbe verschieden gelautet haben konnten, und daß diese Verschiedenheit bei vollkommen unabhängiger Weiterentwicklung zu dem uns nunmehr vorliegenden Resultat führen konnte. Wie *sąsêdъ* zu der Gestalt *szomszéd* gelangt ist, wissen wir nicht, sie ist jedenfalls im höchsten Grad auffallend; denn das *m* können wir uns nicht recht erklären. Daß dagegen aus einem **szonszék *szószék* werden konnte, das beweist das aus *męsarъ* gewordene *Menszáros: mészáros*, und für den Übergang des *ó* in *ú* haben wir im Ungarischen einen Haufen Belege, ganz abgesehen davon, daß wir ja gar nicht wissen, ob der *o*-Laut in diesen Fällen nicht von Haus aus ein so geschlossener war, daß er im Falle der Dehnung, welche die geschlossene Aussprache steigerte, unmittelbar in *ú* überging, wissen wir doch, daß dem slav. *o* im Ung. *u* gegenüberzustehen pflegt und daß ung. *o* vielfach auf slav. *u* beruht, vgl. Arch. 25 : 571. Es ist demnach durchaus nicht notwendig, *szúszék*

resp. das daneben vorkommende *szuszék* aus dem Slovakischen zu erklären, wie es Melich tut[1]), ja rein lautlich ist das nicht einmal möglich; denn dem slk. *súsek* könnte nicht *szúszék* mit langem *é* entsprechen, während dies *é* der regelrechte Reflex von ablg. *ě* ist. M. tut übrigens den Tatsachen Gewalt an, wenn er sagt: »Angesichts dessen, daß das Wort im Ung. in den mit den nördlichen slav. Sprachen sich berührenden Dialekten vorkommt, ist es wahrscheinlich, daß es aus irgendeiner dieser Sprachen herstammt.« Magyar Nyelvőr 31 : 102: diese Angabe betreffs der Verbreitung des ung. Wortes ist einfach falsch, wie sich jeder durch einen Blick in das von ihm genannte dial. Wörterbuch überzeugen kann.

Wenn nach den obigen Ausführungen es möglich ist, *szúszék* aus *sąsěkъ* mit noch erhaltenem Nasalvokal zu erklären, so liegt gar keine Schwierigkeit vor, auch *gúzs* »Wiede, Weidenband« aus **gąžъ* (vgl. bg. *gąžъ* und rm. *gînj* [*j* = ž!]) »Bastseil, Seil aus Ruten« zu erklären, da, wie *tęžalo:* (*tenzsola*, *ténzsola*) *tézsola* beweist, der Nasal auch vor *zs* verloren gehen konnte.

So wie für *pénz* »Geld« der Schriftsprache die Aussprache ohne *n* (*péz* und *píz*) weit verbreitet ist, so läßt sich auch *pózna* »große Stange, Wiesenbaum« sehr wohl auf ein **pązina* zurückführen, und wir könnten versucht sein vermutungsweise als Zwischenstufen **páonzina* . . . **páúzina* **páuzina* **pá̯uzina* anzusetzen — *áu̯* wird stets zu *ó*. Freilich wenn wir die bunten Gestalten überblicken, die in den Dialekten neben *pók* »Spinne« der Schriftsprache erscheinen: *pank pánk ponk punk puk* und die doch alle auf ein *pąkъ* werden zurückgeführt werden müssen und zu der eben aufgestellten Entwicklungsweise gar nicht stimmen wollen, so verliert man alle Lust in die Einzelheiten der uns sich entziehenden Lautentwicklung eindringen zu wollen.

Doch mit *pók* sind wir schon auf ein neues Gebiet getreten: wenn die fast über die ganze östliche Hälfte des Landes verstreuten Formen mit *n* die Erinnerung daran bewahren, daß das Wort von den Ungarn mit Nasalvokal gehört worden ist, wenn *pók* selbst kaum anders erklärt werden darf als aus *pąkъ*, so finden wir hier den Schwund des Nasals unter uns bisher fremden Bedingungen, in der Stellung vor *k*. Daß wir *pók* deshalb nicht loszureißen brauchen von den Formen mit *n*, daß wir nicht etwa *pók* aus kr.-sb. *pauk* zu erklären und die so zahlreichen Belege mit *n* im Osten etwa für abgesonderte Entlehnung aus dem Bulg. zu halten haben, dafür spricht der Umstand, daß *n* auch vor *k* leicht

[1]) Er spricht allerdings nur im allgemeinen von den nördlichen slav. Sprachen, [illegible] andere Sprachen [illegible] Slovakische kann dabei gar nicht gedacht werden

unvollständig gebildet wird, ja ganz verloren geht. Ein schöner Beleg dafür ist das Wort *inkább* »vielmehr, eher«, das gerade in der westlichen Hälfte Ungarns, wo der Name der Spinne kein *n* enthält, in der Aussprache *ikább* bald hier bald dort auftaucht. Man könnte sich auch auf *munka* »Arbeit« (< *mąka*) berufen, neben dem die Form *múka* dialektisch noch heute vorkommt und uns in einigen unserer Sprachdenkmäler konsequent entgegentritt, doch hat man sich auch da wieder dadurch zu helfen gesucht, daß man ohne Grund *múka* aus einer andern slav. Sprache ableitet als *munka*, vgl. Magyar Nyelvőr 35 : 486. Wenn man *múka* noch heute an der untern Drau findet und auch die Sprachdenkmäler, welche konsequent diese Form bieten, in diese Gegend weisen, so weiß ich nicht, ob man mit der kroato-serb. Nachbarschaft, wo doch *mùka* resp. *mȕka* gesprochen wird, viel gewinnt, auch verstehe ich nicht, wie die in der Nachbarschaft der Slovaken wohnenden »Palócen« dem slk. *muka* »Pein, Qual, Folter, Plage« zulieb aus einem *munka* »Arbeit«, das doch auch in der Bedeutung einigermaßen abweicht, hätten *múka* machen können, welches im Slovakischen »Mehl« bedeuten würde[1]). Die einfachste, ja die einzig mögliche Erklärung scheint mir auch hier die zu sein, daß die Form ohne *n* sich im Ung. selbst aus *munka* entwickelt hat.

Ich will schließlich noch eine dritte Möglichkeit erwähnen für den Schwund eines *n* im Ungarischen: ich glaube sie für das vielumworbene *rocska* »Holzgefäß mit einem Griff, einem Henkel (Milch-, Wasserkanne usw.)« annehmen zu dürfen. Neben dieser noch heute lebendigen und weit verbreiteten Form findet sich in zwei alten Denkmälern eine Form mit einem Nasal: neben *ronchyca*, einer Randglosse vom J. 1470, die Jagić in seinem grundlegenden Werke Zur Entst. u. Gesch. der ksl. Spr. II[1] erwähnt, finden wir auch in dem noch etwas ältern Schlägler Vocabular unter lat. *urna* ein *ronchica* verzeichnet. Zu derselben Zeit, wo ich darauf hinwies, daß wir gar kein Recht haben die beiden Formen voneinander zu trennen und darin zwei verschiedene Entlehnungen zu suchen, s. Nêsk. Zamêč. 19—21 = Izv. VII : 4 : 274—276, hat Melich die Form *rocska* für zweifellos slovenische Entlehnung erklärt: »Das heutige *rocska*, sagt er, kann wegen seines *o* statt des zu erwartenden *u* nur slovenisch sein.« Szláv jövevényszavak I : 1 : 7. Ich will mich nicht weiter darum kümmern, daß er dabei auch auf das »*roncsika*« der zufällig in der Nähe der Slovenen gefundenen Németujvárer Glossen hinüberschielt und von dem *ronchica* des gewiß nicht in der Nähe der

8) Vgl. auch im Kajkavischen *mùka* »Pein«, *múka* »Mehl«!

Slovenen geschriebenen Schlägler Vocabulars vorsichtig schweigt, sondern beschränke mich darauf noch einmal zu zeigen, wie wenig wir ein Recht haben zu behaupten, *rocska* könne nur slovenisch sein. Der Weg, den ich diesmal gehe, ist einfacher, als der in Nêskolьko zamêčanij; ich bin nämlich seither darauf gekommen, daß wir dem slav. *rąčьka* gegenüber im Ung. *roncska* nicht bloß zu erwarten haben (vgl. krъčьma < korcsma), sondern daß uns diese Form in den oben angeführten Aufzeichnungen *ronchyca* resp. *ronchica* tatsächlich vorliegt. Daß dem »schwachen« ь gegenüber im Ung. kein Vokal zu erwarten sei, hatte ich zwar schon damals betont, doch irregeführt durch eine langjährige Tradition las ich die betreffende Aufzeichnung, so wie sie bisher alle ung. Forscher gelesen hatten, *roncsika* und dachte in dem *i* einen Hilfslaut suchen zu müssen, der das schwer sprechbare *roncska* den Ungarn mundgerecht machen sollte. Nun ist es aber eine allbekannte Tatsache, daß der *č*-Laut in den alten ung. Sprachdenkmälern sehr häufig mittelst *chi* — *chy* bezeichnet wird, *ronchyca* resp. *ronchica* kann also ohne weiteres auch *roncska* gelesen werden[1]) und da dies gerade die Form ist, welche zu erwarten ist, da die Erklärung eines **roncsika* Schwierigkeiten macht, da weiterhin das heutige *rocska* so in den allernatürlichsten Zusammenhang mit den beiden alten Aufzeichnungen gebracht werden kann, muß es so gelesen werden. Da nun aber *roncska* eine für den Ungarn etwas schwierige Konsonantenhäufung enthielt, so entstand daraus leicht *rocska*, so wie ja das Diminutivum von *ponty* »Karpfen« nirgends in einer andern Form belegt ist als *potyka*[2]), obwohl kein Mensch bisher gewagt hat zu behaupten, *potyka* sei nicht aus **pontyka* rein lautlich

1) *Nyelvtudomány* I: 15 [1906], wo ich diese Ansicht zuerst ausgeführt habe, habe ich erwähnt, daß in dem Schlägler Vocabular, in dem wir die Aufzeichnung *ronchica* finden, das Wort *kecske* »Ziege«, das gewöhnlich (dreimal) *kechke* geschrieben ist, einmal als *kechyka* (!) erscheint; daß in dem der Ausgabe des Schl. Voc. beigegebenen, fast gleichzeitigen Hortularium das Wort *vasmacska* »Anker« (wörtlich: Eisenkatze) *vasmachycha* geschrieben wird (das Schl. Voc. schreibt *machka* und *machca*). Einen weitern Beweis hielt ich ung. Philologen gegenüber, denen solche Schreibungen zur Genüge bekannt sind, für überflüssig, hier will ich nur noch darauf hinweisen, daß in einem von Melich herausgegebenen alten Kronstädter (Kronstadt in Siebenbürgen = ung. Brassó) lat. ung. Wörterbuchfragment der *č*-Laut überaus oft mit *chi* — *chy* geschrieben wird, in einer einzigen Spalte lesen wir folgende Beispiele: *chyalardsagh* zweimal (l. csalárdság) astus, *chyatorna* (l. csatorna) canalis, *chyesze* (l. csésze) patera, *chionok* (l. csónak) barca, *chionokochyka* (l. *csónakocska*) barcella, *chywfol* (l. csúfol) alludo, s. Melich A brassói latin-magyar szótártöredék S. 12.

2) *Potyka* ist eine Bildung wie z. B. *lányka* aus *lány* »Mädchen, Tochter«. Daß *potyka* nicht mehr als Dem. empfunden wird, sondern dort, wo man es gebraucht, einfach das Stammwort ablöst, erklärt sich aus der veränderten Form

entstanden. Ich habe mich, *Nésk. zamêč.*, noch auf die über das ganze Land verbreitete Aussprache *kocsma* »Wirtshaus« statt des steifen *korcsma* (< *krъčьma*) und auf das Nebeneinander von rumänisch *gînsac* (< *gąsakъ*) »Gänserich« und *gîska* (< *gąsьka*) »Gans« beruhen, neben welchen *gînsca* nur noch dialektisch vorkommt. Zu behaupten, daß *rocska* aus *roncska* lautlich nicht entstanden sein könne und slovenisch sein müsse, das geht absolut nicht an; zu behaupten, daß *rocska* aus dem Slovenischen stammen müsse, aber sehr wohl auch lautlich aus *roncska* hätte entstehen können, aber nicht entstanden sei, wäre ebenso gewalttätig als widersinnig, wird doch auch in dem Gebiet, wo das Schlägler Vocabular mit seinem *ronchica* doch wohl geschrieben worden ist, im Nordosten des Landes in slovakischer Umgebung, heute überall *rocska* gesagt und die nasale Form taucht überhaupt nirgends wieder auf, was auffallend wäre, wenn tatsächlich zwei verschiedene Formen, eine mit dem Nasallaut und eine ohne denselben entlehnt worden wären und wenn wir *rocska* nicht rein lautlich aus einem ältern *roncska* erklären sollen. Die einzige ungezwungene Erklärung der uns vorliegenden Tatsachen ist meiner Überzeugung nach die, daß *rąčьka* in der Gestalt *roncska* aufgenommen wurde und daß dies *roncska* uns in zwei Aufzeichnungen aus dem XV. Jahrh. noch tatsächlich vorliegt, daß sich aber daraus in sehr begreiflicher Weise das bequemere *rocska* entwickelte, welches sich bis auf den heutigen Tag erhalten hat. Da wir einem ab. *ą* gegenüber in den slav. Lehnwörtern der ung. Sprache fast ausschließlich *on* resp. *om* finden (ich hatte Arch. 25 : 571 20 derartige Fälle verzeichnet!) und *rocska* ausgenommen nie wieder ein *o*, da wir neben diesem, auf den ersten Blick vielleicht überraschenden, weil ganz isolierten *rocska* in älterer Zeit ein *roncska* noch nachweisen können, aus welchem jenes *rocska* lautlich sehr leicht entstehen konnte; da wir es ferner durchaus nicht mit einem auf einem kleinen Gebiet, etwa in der Nähe der Slovenen, üblichen Ausdruck zu tun haben, so führen die Gesetze der Logik unerbittlich zu dem Schlusse, daß *rocska* gar nicht slovenisch sein könne, wenigstens gewiß nicht in dem Sinne, daß es mit *o* ohne Nasallaut in die ung. Sprache aufgenommen worden wäre, daß es vielmehr ohne weiteres in die ansehnliche Gruppe der zweifellos mit *ą* aufgenommenen slav. Lehnwörter einzureihen ist.

Und nun sei mir gestattet, daß ich mein Wort direkt an den Mann richte, dem ja auch mein bescheidener Beitrag gewidmet ist und zu dem immer wieder meine Gedanken voll Liebe und grenzenloser Hochachtung hinüberflogen, während ich diese Zeilen niederschrieb. Verehrter Meister und teurer Freund! Ich habe in dieser kleinen Studie

abermals zu zeigen gesucht, wie wenig doch eigentlich die Slavisten ohne sehr eingehende Kenntnis der Geschichte der ungarischen Sprache den großen Schatz von Belehrung, der in den slav. Lehnwörtern unserer Sprache verborgen liegt, zu heben imstande sind. Wir ung. Sprachforscher sind nun in der allerletzten Zeit an einem Punkt angelangt, wo uns alle Weisheit, die in Büchern niedergelegt ist, nicht mehr recht genügen will, wir stehen vor einer Reihe von Fragen, die ohne eine lebendige Kenntnis des ung. Slovenischen und des Kajkavischen, des Kajkavischen, das in Ihrem lieben Hause Muttersprache ist, schlechterdings nicht gelöst werden können, und da liegt der Gedanke, der sehnsüchtige Wunsch nahe, möchte doch auch drüben, im kroatischen Lager sich das Bedürfnis regen nach einer lebendigen, bis in die feinsten Einzelheiten gehenden Erkenntnis unserer Sprache, die doch so viele Beziehungen zur kroatischen hat. Vielleicht daß auf diese Weise, durch gemeinsame Arbeit an wissenschaftlichen Problemen und die dadurch allmählich herbeigeführten persönlichen innigen Beziehungen auch der Weg zu einem gegenseitigen Verständnis auf politischen Gebieten angebahnt würde!

Budapest, den 24. Mai 1907. *Oskar Asbóth.*

О вліяніи на ударяемые гласные твердости и мягкости сосѣднихъ согласныхъ въ общерусскомъ языкѣ.

Желая разсмотрѣть ударяемые гласные со стороны вліянія на нихъ твердости и мягкости сосѣднихъ согласныхъ, мы расположимъ ихъ для своего изслѣдованія въ слѣдующемъ порядкѣ по степени открытости: **а** — наиболѣе открытый гласный, **о** и **э** — средніе по открытости и, наконецъ, **у**, **і**, **ы** — узкіе гласные.

А (Я).

Вслушиваясь въ произношеніе гласнаго **а** въ словахъ **ма́т** || **ма́т'**, мы замѣчаемъ, что во второмъ случаѣ гласный **а** мягче, нежели въ первомъ случаѣ; другими словами, гласный **а** при слѣдующемъ твердомъ согласномъ звучитъ твердо, при слѣдующемъ же согласномъ мягкомъ принимаетъ особую окраску, наклоняясь къ **і**, иначе выражаясь — принимаетъ небный оттѣнокъ (**а**ⁱ). Другіе примѣры: **сла́ф** || **сла́ⁱф'**, **уда́р** || **уда́ⁱр'**, **да́н** || **да́ⁱн'** . . .; **ра́ну** || **ра́ⁱн'у**, **жа́лу** || **жа́ⁱл'у** и т. д. Такъ какъ мы имѣемъ здѣсь два сосуществующихъ явленія — смягченіе согласнаго и небный оттѣнокъ предшествующаго гласнаго, то возникаетъ вопросъ, какое изъ этихъ явленій должно считаться причиною и какое слѣдствіемъ другаго. Исторія звуковъ русскаго языка показываетъ, что мягкость согласныхъ могла быть вызвана слѣдующимъ палятальнымъ гласнымъ или же звукомъ **j**, частію имѣющимися на лицо, частію же исчезнувшими. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ смягченіе согласныхъ, какъ имѣющее уже свою причину, никакъ не можетъ быть слѣдствіемъ небнаго оттѣнка предшествующаго гласнаго. Что же касается происхожденія названнаго оттѣнка, то, за отсутствіемъ какой-либо другой причины, мы должны считать его обусловленнымъ мягкостью послѣдующаго согласнаго. Онъ не можетъ имѣть какого-либо самостоятельнаго происхожденія, ибо при отсутствіи послѣдующаго согласнаго, какъ это бываетъ на концѣ слова (срв. напр. **туда́** и т. п.), нашъ гласный

звучитъ какъ **á**^{a}; но стоитъ присоединить частичку *-ли*, начинающуюся мягкимъ согласнымъ, и гласный **а** принимаетъ слегка небный оттѣнокъ. Зависимость небнаго оттѣнка гласнаго отъ мягкости послѣдующаго согласнаго можетъ быть подтверждена также при помощи слѣдующихъ наблюденій. Мы можемъ *взрывной согласный* (твердый или же мягкій), которымъ замыкается изслѣдуемый гласный, сдѣлать *несмычнымъ* искусственно, произведя требующійся для этого согласнаго затворъ или смычку, но безъ взрыва; чрезъ это достигается изолированность гласнаго звука отъ слѣдующаго согласнаго элемента, благодаря чему легче, вслушиваясь, опредѣлить, различается ли самый гласный передъ твердымъ и мягкимъ согласнымъ. Опытъ показываетъ, что гласный въ томъ и другомъ случаѣ различается по оттѣнку какъ лицомъ произносящимъ, такъ и слушающимъ. Далѣе, посредствомъ *мышечнаго чувства* замѣчаемъ, что при энергичномъ произношеніи $а^{1}$ между прочимъ углы губъ слегка оттягиваются въ стороны, между тѣмъ какъ при $а^{a}$ этого не замѣчается. Наконецъ, если сочетаніе изъ а + С' *повторять ускоряя*, то **а** болѣе и болѣе принимаетъ окраску і. Въ томъ случаѣ, когда гласный **а** находится *между мягкими согласными*, то онъ обнаруживаетъ наибольшую степень небнаго оттѣнка, такъ какъ имѣетъ мягкими какъ экскурсію, такъ и рекурсію.

Подводя итогъ вышеизложенному, я прихожу къ слѣдующему заключенію. Не подлежитъ сомнѣнію, что гласный **а** (какъ и всякій другой гласный) не одинаковъ по своей рекурсіи передъ твердымъ и мягкимъ согласнымъ, а также по своей экскурсіи послѣ такихъ же согласныхъ, что̀ должно обусловливать соотвѣтствующее различіе въ звуковомъ оттѣнкѣ. Но вопросъ въ томъ, различается ли, кромѣ рекурсіи и экскурсіи, хотя нѣсколько средняя (главная) часть гласнаго звука **а** при указанномъ различіи условій? Я думаю, что болѣе чѣмъ вѣроятно такое различіе гласнаго **а** между твердыми и между мягкими согласными, напр. мáт ‖ м'áт'. Что же касается такихъ случаевъ, какъ **мáт'**, то труднѣе рѣшить, зависитъ ли небный оттѣнокъ гласнаго только отъ мягкой рекурсіи, или же вмѣстѣ съ тѣмъ и средняя часть гласнаго звука уже нѣсколько затронута (аффицирована) небностью. Послѣднее мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ въ виду того, что гласный слова **мá**^{i}**т'** производитъ на слухъ особенное впечатлѣніе не только своимъ небнымъ оттѣнкомъ, но еще и большею краткостью по сравненію съ гласнымъ слова мáт; эту, послѣднюю можно понять такимъ образомъ, что [illegible] случаѣ раскрытость рта нѣсколько меньше, чѣмъ во второмъ, [illegible] потому [illegible] часть гласнаго можно признать слегка [illegible]нною. Укажемъ [illegible] обстоятельство. Когда мы [illegible] $а^{a}$ въ

отдѣльности, наложивъ при этомъ большой и указательный пальцы руки съ боковъ на подъязычную кость, то замѣчаемъ самое легкое движеніе послѣдней книзу, между тѣмъ какъ при произношеніи **а**^{i} — такое же движеніе кверху; при мягкихъ согласныхъ движеніе кверху болѣе значительно, такъ что **а**^{i} представляетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое соотвѣтствіе къ произведенію мягкости согласныхъ и во всякомъ случаѣ нѣсколько отличается отъ **а**^{a} въ артикуляціонномъ отношеніи. Артикуляціонная сторона **а**^{a} и **а**^{i} можетъ быть изслѣдуема и приборами, что относится къ области экспериментальной фонетики.

Е (Э, Ѣ).

Обыкновенно принимаютъ, что гласный **э** является въ двухъ разновидностяхъ: **æ** (*э широкое*) — передъ твердымъ согласнымъ и **ɛ** (*э узкое*) — передъ согласнымъ мягкимъ, напр. п'ǽт ‖ п'ɛ́т', м'ǽры ‖ м'ɛ́р'ӥт' и т. п. Но при болѣе внимательномъ изслѣдованіи произношенія этого гласнаго можно установить большее число оттѣнковъ въ зависимости отъ частныхъ различій сосѣднихъ согласныхъ. Такъ, гласному **э**, какъ палятальному, обыкновенно предшествуетъ мягкій согласный, соотвѣтственно чему экскурсія **э** бываетъ мягкою; но въ тѣхъ случаяхъ, когда разсматриваемому гласному предшествуютъ отвердѣвшіе согласные (*ш*, *ж*, *ц*), то гласный **э**, имѣя уже твердую экскурсію, получаетъ соотвѣтственное отличіе нюанса въ началѣ своего звука, срв. п'ǽт (= орѳ. пѣтъ) и шǽст (= орѳ. шестъ), п'ɛ́т' (орѳ. пѣть) и шɛ́с'т' (орѳ. шесть). Надо указать еще тотъ случай, когда гласному **э** не предшествуетъ никакой согласный, какъ напр. въ словахъ: *это*, *эхъ*, *эти* и т. п.; такое **э** представляетъ нѣсколько бо́льшую открытость по сравненію съ предъидущими примѣрами въ положеніи передъ твердымъ и мягкимъ согласными. Что касается рекурсіи гласнаго, то кромѣ обычнаго различія широкаго и узкаго **э** передъ твердыми и мягкими согласными (широкое **э** слышится также въ концѣ словъ, напр. *тѣ́*, *уже́*) можно еще различить среднее **э** (обозначаемое нами въ научно-фонетическомъ письмѣ начертаніемъ *е*) передъ группою согласныхъ, изъ которыхъ только второй имѣетъ полную мягкость, а предшествующій ему — лишь среднюю степень смягченія, напр. зе́мл'ӱ (орѳ. землю), гр'е́бн'ӥ (орѳ. гребни). Кромѣ указанныхъ болѣе замѣтныхъ варіацій гласнаго **э** можно найти и болѣе мелкія, изъ которыхъ остановимся на одномъ случаѣ. Изъ мягкихъ согласныхъ, оказывающихъ вліяніе на **э**, нужно выдѣлить согласный j, такъ какъ подъ вліяніемъ его этотъ гласный имѣетъ нѣсколько бо́льшую открытость, чѣмъ при другихъ мягкихъ согласныхъ, срв.: п'ǽл и jǽл; п'ɛ́л'ӥ и jɛ́л'ӥ; с'ɛ́т' и с'ɛ́j; jɛ́j.

Изъ всего предшествующаго разсмотрѣнія варіацій гласнаго **э** слѣдуетъ тотъ выводъ, что гласный этотъ болѣе чутокъ къ вліянію твердости и мягкости сосѣднихъ согласныхъ по сравненію съ гласнымъ **а** и, какъ увидимъ ниже, со всѣми другими гласными. При опытахъ замѣчается, что главныя варіаціи гласнаго **э** легче улавливаются слухомъ, чѣмъ варіаціи другихъ гласныхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что разновидности гласнаго **э** касаются не только экскурсіи и рекурсіи, но и средней или основой части звука.

О (Ё).

Гласный **о** не особенно богатъ оттѣнками палятальности, приближаясь въ этомъ отношеніи къ гласному **а**. Онъ также различается по оттѣнку передъ слѣдующими твердыми и мягкими согласными, напр. ст**ó**л || ст**ó**^{i}л' и т. д. Мы не будемъ здѣсь повторять тѣхъ доказательствъ, съ помощью которыхъ можемъ убѣдиться въ томъ, что небный оттѣнокъ принадлежитъ гласному **о**, а не перенесенъ на него съ сосѣдняго мягкаго согласнаго; мы постараемся по возможности разъяснить вопросъ, зависитъ ли небный оттѣнокъ разсматриваемаго гласнаго отъ мягкой рекурсіи, или же вмѣстѣ съ этимъ болѣе или менѣе аффицирована небностью и средняя часть гласнаго звука.

Какъ показываетъ опытъ, мы можемъ искусственно выдѣлить обѣ варіаціи гласнаго **о** (о^a и о^i); наблюденіе надъ ихъ артикуляціями убѣждаетъ насъ, что эти артикуляціонные уклады не вполнѣ одинаковы, а именно: *мускульное чувство* въ губахъ показываетъ, что при **о**^{i} губы не выдвигаются впередъ въ такой степени, какъ при **о**^{a}, но имѣютъ тенденцію удерживаться нѣсколько ближе къ зубамъ; это чувство особенно замѣтно въ верхней половинѣ нижней губы; съ другой стороны, и въ области языка артикуляціонные уклады не тожественны при произнесеніи того и другаго **о**: при **о**^{i} чувствуется движеніе не задней части языка (какъ при о^a), но средне-задней, и такимъ образомъ при **о**^{i} одновременно происходитъ какъ бы легкое взаимное сближеніе губной и язычной артикуляціи. Указанная разница въ мышечномъ чувствѣ замѣчается не только при произнесеніи варіаціи **о** въ отдѣльности, но и въ сочетаніи съ слѣдующимъ твердымъ или же мягкимъ согласнымъ, напр. **ó**^{a}т || **ó**^{i}т', м**ó**^{a}л || м**ó**^{i}л' и т. п. Такъ какъ подобное же мышечное чувство въ губахъ замѣчается и при произнесеніи мягкихъ согласныхъ, особенно губныхъ (срв. м' || м и проч.), то слѣдуетъ признать, что гласный о^i получилъ свою палятальность отъ приноровленія своего произношенія къ укладу слѣдующаго мягкаго согласнаго. Замѣтимъ еще, что различіе [illegible] въ

томъ случаѣ, когда слѣдующій согласный принадлежитъ другому слогу. Наибольшая степень палятальности оказывается тогда, когда гласный находится между двумя мягкими согласными, напр. м'о́ⁱд'ӕ̆ (срв. произношеніе м'о́дў); здѣсь произношеніе оⁱ почти уже приближается къ французскому или нѣмецкому ö; при постепенномъ ускореніи произношенія этотъ оттѣнокъ еще болѣе замѣтенъ.

Послѣ всего изложеннаго мы заключаемъ, что различіе разсматриваемыхъ оттѣнковъ гласнаго **о** касается въ той или другой степени также и средней части звука.

У (Ю).

Сказанное нами о разновидностяхъ гласнаго **о** распространяется и на гласный **у**, который по своей артикуляціи однороденъ съ гласнымъ **о**, представляя лишь узкую ступень этого гласнаго. Въ существованіи двухъ оттѣнковъ гласнаго **у** передъ твердымъ и мягкимъ согласнымъ, т. е. **у** и **у**ⁱ, можно убѣдиться изъ сравненія произношенія и соотвѣтствующаго акустическаго эффекта такихъ словъ, какъ напр. ду́л || ду́ⁱл', ду́т || ду́ⁱт', пу́т || пу́ⁱт', ру́п || ру́ⁱп' и пр. Со стороны *физіологической*, въ случаѣ **у**ⁱ мы можемъ констатировать большее движеніе впередъ артикулирующей массы языка, чѣмъ при **у**; эта разница артикуляцій, благодаря болѣе узкому раствору рта, здѣсь становится болѣе замѣтною, нежели въ соотвѣтствующемъ среднемъ гласномъ (*о*), въ чемъ не трудно убѣдиться, наложивъ палецъ на поверхность языка и одновременно произнося тѣ и другіе звуки. Что касается губной артикуляціи, то мышечное чувство указываетъ на тенденцію болѣе приблизить внутреннюю часть губъ къ зубамъ, между тѣмъ какъ внѣшнее устье ихъ стремится выдвинуться впередъ, чтобы образовать надлежащее съуженіе; благодаря такому контрасту иногда можетъ казаться, что при **у**ⁱ губы болѣе выдвигаются впередъ, чѣмъ при простомъ **у**. Со стороны *акустической* нужно отмѣтить особенно сильный оттѣнокъ палятальности въ томъ случаѣ, когда гласный **у** находится между палятальными согласными, напр. въ сочетаніи м'уп' и т. п.; здѣсь наблюдается то же явленіе, что и при гласномъ **о**, т. е. гласный **у**ⁱ въ такихъ сочетаніяхъ напоминаетъ иностранное ü (ӱ), особенно если производить опытъ съ постепеннымъ ускореніемъ произношенія. Замѣтимъ еще, что акустическая разница того и другаго оттѣнка гласнаго легче улавливается при *шепотномъ* произношеніи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ (срв. ру́п и ру́ⁱп').

I.

Этотъ гласный представляетъ только двѣ варіаціи въ зависимости отъ твердости или мягкости слѣдующаго согласнаго; что же касается предшествующаго согласнаго, то онъ въ положеніи передъ **і** можетъ быть только мягкимъ, почему и экскурсія гласнаго можетъ являться только въ этой мягкой варіаціи. Если будемъ сравнивать произношеніе п'іт' и п'іт, то во второмъ случаѣ мы замѣчаемъ при помощи *мышечнаго чувства* тенденцію языка быть дальше отъ небнаго свода, тогда какъ въ первомъ случаѣ замѣчается противоположное стремленіе къ большему сближенію между языкомъ и небомъ; этому различію соотвѣтствуетъ въ первомъ случаѣ болѣе узкое раскрытіе рта по сравненію со вторымъ. Обратимъ вниманіе еще на одну варіацію гласнаго **і**, именно въ сочетаніи *чі*: здѣсь гласный **і** не имѣетъ своей обычной узкости вслѣдствіе того, что предшествующій согласный **ч** не является вполнѣ мягкимъ; но и эта разновидность **і** въ свою очередь варіируетъ въ зависимости отъ твердости и мягкости послѣдующаго согласнаго, срв. чін || чін'. Вообще же можно сказать, что разсмотрѣнныя варіаціи гласнаго **і**, вслѣдствіе незначительности въ перемѣщеніи укладовъ, менѣе явственны для слуха, чѣмъ варіаціи всѣхъ другихъ гласныхъ.

Ы.

Гласный **ы** по своей физіологической природѣ занимаетъ посредствующее положеніе между гласными **у** и **і**: подобно гласному **у** для произнесенія разсматриваемаго гласнаго требуется также участіе задней части языка, съ той лишь разницей, что мѣсто артикуляціи при **ы** не такъ глубоко, какъ при **у**; въ то же время губы, не образуя съуженія, остаются индифферентными и соотвѣтствуютъ укладу губъ для **і**. Такимъ образомъ гласный **ы** представляетъ собою какъ бы задне-язычное **і**. Въ зависимости отъ твердости и мягкости слѣдующаго согласнаго гласный **ы** имѣетъ двѣ варіаціи, при чемъ для мягкой варіаціи укладъ задней части языка становится еще менѣе глубокимъ, а раскрытіе рта болѣе узкимъ, срв. бы́т || бы́ⁱт', пыл || пыⁱл'. Что касается начальной части гласнаго или экскурсіи его, то она обычно бываетъ твердою, такъ какъ слѣдуетъ лишь за твердыми согласными. Особую варіацію гласнаго **ы** представляетъ произношеніе орѳографическихъ сочетаній *ши* и *жи*: въ нихъ гласный **ы** не имѣетъ своей обычной твердости, являясь какъ бы нѣсколько съуженнымъ (будемъ обозначать такое **ы** съ точкою снизу); но и въ этомъ случаѣ гласный подчиняется обычной модификаціи [illegible]ѣнка передъ слѣдующими твердыми и мягким[illegible] [illegible]гласными, срв. [illegible]т || ш[illegible] жы́т || жы́ⁱт'. Принимая во вниманіе [illegible]

народныхъ говорахъ сочетанія *ши* и *жи* выговариваются тверже по сравненію съ указаннымъ произношеніемъ литературной рѣчи, можно думать, что это послѣднее еще не достигло предѣльной твердости въ процессѣ отвердѣнія шипящихъ, если не обязано книжному вліянію.

Разсматривая всю серію ударяемыхъ гласныхъ звуковъ со стороны вліянія на нихъ сосѣднихъ согласныхъ, подведемъ итогъ сдѣланнымъ нами наблюденіямъ:

1) Дѣйствіе на ударяемые гласные мягкихъ сосѣднихъ согласныхъ, особенно послѣдующихъ, выражается въ томъ, что гласные пріобрѣтаютъ узко-небный оттѣнокъ; послѣдній зависитъ отъ того, что въ артикуляціяхъ языка принимаетъ большее или меньшее участіе средняя его часть при одновременной тенденціи губъ приблизиться къ зубамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько уменьшается раскрытость рта; короче — при палятальномъ оттѣнкѣ гласныхъ разстоянія между всѣми артикулирующими частями полости рта болѣе или менѣе сокращаются какъ въ горизонтальномъ (передне-заднемъ), такъ и въ вертикальномъ направленіи.

2) Не всѣ гласные одинаково легко поддаются указанному вліянію согласныхъ, представляя слѣдующую послѣдовательность по убывающему вліянію мягкости послѣднихъ: **э, а, о, у, ы, і.**

3) Въ виду того, что въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ русскаго языка процессъ вліянія мягкихъ сосѣднихъ согласныхъ представляетъ собою дальнѣйшее развитіе по сравненію съ литературнымъ произношеніемъ, мы вправѣ заключить о томъ пути, которому будетъ слѣдовать и это послѣднее. Примѣромъ того, какъ далеко можетъ идти палятализація гласныхъ, служитъ хотя бы чешскій языкъ, далеко оставившій за собою въ данномъ отношеніи остальные славянскіе языки.

Въ заключеніе замѣтимъ, что разсмотрѣнные нами оттѣнки гласныхъ звуковъ наблюдаются также въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ, но этотъ вопросъ уже выходитъ за предѣлы настоящей статьи.

Казань, 6 (19) мая 1907 г. В. Богородицкій.

Иноязычное происхожденіе црк.-слав. словъ иногъ — *γρύψ*, чрътогъ и Сварогъ.

Хотя Миклошичъ въ своей Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen (II 283 подъ No. 137) разсматриваетъ »Suffix ogъ«, тѣмъ не менѣе изо всѣхъ приведенныхъ тамъ примѣровъ этого окончанія оно можетъ быть безспорно почтено за живую славянскую наставку чуть-ли не въ одномъ малорусскомъ »murôh *rasenplatz*« (отъ √ *мур*- въ *мурава*, лит. *murai*), такъ какъ прочіе представляютъ собою или еще индоевропейскія образованія или заимствованія или темны по происхожденію. Первыя — *иногъ* и *многъ* — выдѣлены самимъ Миклошичемъ, но црк.-слав. иногъ или инегъ въ значеніи *γρύψ* можетъ быть и заимствованіемъ: ср. арабское ʿ*anqā* (عنقاء) грифонъ, сказочная птица въ родѣ орла.

Относительно слова чрътогъ, свойственнаго, кажется, только церковно-славянскому языку, Миклошичъ колебался. Въ грамматикѣ (1875) онъ пишетъ: »čгъtogъ *cubiculum*: črt: *vgl.* očrъsta *tentorium*«, къ которому въ црк.-слав. словарѣ прибавляетъ Др.-р. *череша* или *кереша* = куща, а въ словарѣ турецкихъ заимствованій (Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen. 1884) считаетъ его занесеннымъ Болгарами турецкимъ *čarṭak*, *čardak*, которое позже еще разъ было усвоено Славянами въ видѣ *чардакъ*, *чердакъ*. Производство отъ √ *чрт*, пожалуй, можно было-бы принять, если-бы существованіе древней славянской наставки -*огъ* или хоть -*гъ* не подлежало спору; но приведенные Миклошичемъ примѣры — не только подъ »Suffix ogъ«, а и подъ »Suffix gъ« (стр. 280, 132) — мало располагаютъ къ такому допущенію. Нѣсколько лучше, по видимому, дѣло обстоитъ съ производствомъ отъ тур. *čardak* (точнѣе *čardaq*) или, можетъ быть, *čar-ṭak* (по правописанію *čarṭaq*), если это слово въ такомъ видѣ не есть выдумка турецкихъ грамотѣевъ, считающихъ его сложеннымъ изъ перс. *čar* четыре и ар. *ṭaq* сводъ, слой. Но *четыре* не только въ среднеперсидскомъ языкѣ, а даже въ наши дни звучитъ у Персіянъ *čāhār* и лишь въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ стянулось въ *čar*. Слово *ṭāq*, правда,

ютребляется Арабами, но заимствовано, вѣроятно, у Персовъ: по айней мѣрѣ, въ ср.-п. языкѣ есть *tāk*, хотя значило оно отдѣльный едметъ изъ разряда ему подобныхъ »(ein Stück, что теперь *tā*) и, по димому, вѣтвь (позже *tāi*). И такъ, если такое сложное было, суще-вовало-ли оно у Персовъ уже тогда, когда Болгаре могли его заим-вовать, т. е., примѣрно, въ V—VI в.? И тѣмъ не менѣе возможно едположить, что у какихъ-то Турокъ (хоть и не у Болгаръ, которые ва-ли и были когда-нибудь Турками) или, что вѣроятнѣе, у какихъ-то ранцевъ существовало слово *čartaq*, и что къ нему-то и восходитъ авянское чрътогъ. Такое предположеніе ведетъ насъ въ область даній; но такова участь всякаго изслѣдованія, связаннаго съ прошлымъ обога иранскаго языка кромѣ персидскаго, который намъ болѣе или нѣе извѣстенъ съ V в. до Р. Х. Поле догадокъ еще расширяется въ іже слѣдующихъ разъисканіяхъ примѣненіемъ финно-угорскихъ язы-въ, изъ которыхъ лишь очень немногіе являются въ записяхъ ранѣе VIII в. Во всѣхъ этихъ языкахъ, кромѣ черемисскаго (такъ какъ *rtül'ni* »околица« отъ тат. *kirtülü-* огораживать), есть слово, предпо-гающее основной видъ **karta*, **karda* или **garda* и означающее дворъ и огороженное мѣсто (сосв.-вог. *kārtü*, сѣв.-ост. *karta*, финнмарк.-лап. *ürdü, gardem*, эрз.-морд. *kardas*), дворъ съ постройками или усадьбу ум.[1]) *kartano*, лив. *kārand*), изгородь (шв.-лап. *keürěta*), садъ (мад. *kert*), іѣвъ (мокш.-морд. *kardā*, эрз.-морд. *kardo*) и т. п., откуда и чув. *kardá*, з.-тат. *kirtü* околица (см. O. Donner, Vergleichendes Wörterbuch der innisch-Ugrischen Sprachen No. 175 и Munkácsi B., Árja és kaukázusi emek a finn-magyar nyelvekben. I. kötet. Magyar szójegyzék No. 204). ь признаніи индо-европейскаго происхожденія этихъ словъ финнологи гласны между собою, и споръ идетъ лишь объ опредѣленіи источни-въ заимствованія (см. Munkácsi тамъ-же и J. Nikkola, Berührungen vischen den westfinnischen und slavischen Sprachen стр. 8—9, гдѣ званы образцевыя изслѣдованія В. Томсена, и 19—20). Во всякомъ учаѣ рѣчь можетъ быть здѣсь только о языкахъ славянскихъ, балтій-ихъ, германскихъ ($\sqrt{}$*gard*) и иранскихъ (осет. *kürt* »дворъ«). Впро-мъ осетинское (т. е., вѣроятно, еще скиѳское, сарматское и аланское) ово у иранистовъ считается зашедшимъ отъ Финновъ (см. Ws. Miller, ie Sprache der Osseten стр. 8 и 11, гдѣ указаны труды Гюбшмана барона Р. Р. Штакельберга по этому вопросу). Есть, по видимому, до-евр. $\sqrt{}$*qert* или *qurt* »плести, гнуть«, но тѣсно ограниченный по

1) Т. е. »сумское« suomalainen, такъ какъ племя Suomi называлось нѣкогда -русски Сумью.

значенію и мало распространенный. За то именно среди тѣхъ индоевропейскихъ народовъ, которые находились въ наиболѣе близкихъ отношеніяхъ къ Финнамъ, пользовался широкимъ распространіемъ √*ĝerdʿ*, откуда гот. *gards* »домъ«, слав. **gordŭ* »крѣпость, городъ«, лит. (если не заимствовано) *gàrdas* »хлѣвъ« и, можетъ быть, скр. *gṛhá-s* или *gṛhá-m* домъ съ авестійскихъ *geređa-* »пещера« (для перехода значеній ср. иранское *kata-* »яма, жилище« — сум. *kota*, ост. *xāt*, мад. *ház* и другія финнскія слова того-же происхожденія въ смыслѣ жилья, перечисленныя у Мункачи тамъ-же подъ No. 155).

Измѣненіе индо-евр. **gordo-*, **garda-* или **gṛđa-* въ *karta* у Финновъ такъ естественно, особенно въ древнихъ заимствованіяхъ, что лопарскія и мордовскія *g* и *d* въ этомъ словѣ кажутся слѣдствіемъ или вторичнаго заимствованія или подновленія; а это слово должно было зайти къ Финномъ въ очень отдаленныя времена. Если такъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что финнское *karta* (въ смыслѣ изгороди) въ свою очередь перебралось къ Пруссамъ, гдѣ измѣнилось въ *korto*, и точно такъ-же могло проникнуть къ Аланамъ, откуда осет. *kärt* »дворъ« и далѣе — чеч. *k̓erl* или *k̓arl* »плетень«. У Аланъ же, судя какъ по ихъ личнымъ именамъ, такъ и по осетинскому языку, была въ большомъ ходу общая всѣмъ Индо-европейцамъ наставка *-aka-*, весьма употребительная впрочемъ у Иранцевъ вообще. Само собою разумѣется, что аланское **karta-* могло значить не просто дворъ, а дворъ со всѣми постройками, обнесенными тѣмъ-же заборомъ (ср. сум. *kartano*). При этомъ **karta-* вполнѣ легко допустить **kartaka-* въ значеніи болѣе узкомъ, какъ н.-перс. *xānä* (изъ *xānak*) »домъ« при *xān* »постоялый дворъ, гостиница«. Изъ такихъ колебаній въ греческой передачѣ аланскихъ именъ, какъ *Σπάδακος* и *Σπαδάκης* (изъ **spāđaka-* отъ авест. *spāđa-* »войско« — ср. кумыцкое *ispahe* »щеголь« при н.-перс. *sipāh* = *spāđa*), *Φάρνακος* при древнѣйшемъ *Φαρνάκης* (изъ **farnaka-* отъ *farna-* »блескъ, величіе«, осет. *farn* »миръ«) и т. п., позволительно заключить, что въ аланскомъ языкѣ той поры, когда эти имена попали въ греческія надписи, окончаніе им. п. *-a(h)*, если еще не совсѣмъ отпало, то уже утратило первоначальную длительность и ясность и стало подобно славянскому конечному ъ. Это подозрѣніе, само по себѣ не достаточно обоснованное смѣною окончаній *-ος* и *-ης*, значительно подверждается колебаніемъ иного рода — *Νάυακος* и *Νάυαγος* (**navaka-* — отъ *nava-* »новый« — ос. *näväg*), *Κάσακος* и *Κάσαγος* (**kasāka-* — ос. *käsag* »зрячій«) и т. п. (ср. др.-перс. **rapāka* »ходокъ« — ср.-перс. *ravāk*, позже **ravāg*, откуда ар. *rawāq* »ambulatio, галлерея« и *rawāg*, потомъ *rawāǧ* »сбытъ, курсъ товара« — н.-п. *rürā* »дозволенный«). Объясненіе имени *Κάσακος* или *Κάσ*[illegible]

посредствомъ ос. *käsag* »ein guter Seher« (ср. чеш. *divák*), а не *käsäg* »Черкесъ«, принадлежитъ проф. Вс. Θ. Миллеру (такъ-же стр. 6); и, какъ сейчасъ увидимъ, оно едва-ли ошибочно. Откуда имя *käsäg*? Оно употребительно, кажется, только у Осетинъ, отъ которыхъ перешло къ Русскимъ въ видѣ касогъ; сами себя Черкесы называютъ Адыгами, а прежде назывались, можетъ быть, Зыгами (*Ζυγοί*, *Ζύγιοι*), т. е. просто людьми, Греки звали ихъ Керкетами или Керкитами (*Κερκέται*, *Κερκέτιοι*, *Κερκεταῖοι*, *Κερκῖται*), другіе народы — именами, болѣе или менѣе близкими къ русскому Черкесъ или Черкасъ: тур. *čerkes*, ар. *ǰarkāsī*, лат. *Cercetici*, позже *Circassii*, фр. *Circassiens* и т. д. Имя *Κερκέτης* сильно напоминаетъ собою авест. *kahrkatās* »коршунъ или какая-то другая крупная птица изъ денныхъ хищниковъ« [1]), а Черкесъ, *ǰarkāsī* и т. п. — ос. *cärgäs* (изъ **čarkas*) »орелъ«, которое есть не что иное, какъ авест. *kahrkāsa-* = *kahrkatās*, ср.-перс. *kahrkās*, н.-перс. *kärkäs*, *kärgäs*. Шипящее или свистящее смягченіе перваго *k* этого слова наблюдается и въ финнскихъ его отраженіяхъ: вог. *čargeś*, *s'ārkēs'*, вот. *ǰuges*, гдѣ эта замѣна получена, по видимому, изъ источника. Изъ этихъ сопоставленій можно заключить, что Аланы называли Черкесовъ **čürkāsag*, откуда ос. **(cür)kasäg* (ср. др.-рус. касогъ, а не *косогъ) — *käsäg*. Устраненіе перваго слога могло быть вызвано смѣшеніемъ съ корнемъ глагола (зап.) *cärun* или (вост.) *cärin* »жить«, если не съ *car(m)* »кожа« или *carn* »жиръ«, какъ напр. Кумыки передѣлали русское бумажникъ въ *müžnik* вслѣдствіе звукового совпаденія перваго слога съ ихъ мѣстоименіемъ *bu* »этотъ«. Это сравненіе тѣмъ умѣстнѣе, что, если Осетины когда-нибудь называли Черкесовъ **cürkasäg* или **cürkäsäg*, то это названіе, какъ и слово *cürgäs*, они заимствовали у какихъ-то другихъ Иранцевъ, которые впрочемъ могли быть ихъ самыми близкими родственниками, также Аланами, отличавшимися отъ нихъ языкомъ, примѣрно, на столько-же, на сколько теперь восточные, Осетины (Иронцы) отличаются отъ западныхъ (Дигорцевъ). Дѣло въ томъ, что Осетины не смягчаютъ *kä* въ *ca* (*ča*), и напр. то слово, которое входитъ въ составъ слова *kahrkāsa-* — *cürgäs* (буквально »куроѣдъ«), звучитъ у нихъ такъ-же, какъ въ средне-персидскомъ языкѣ — *kark* (курица, что по-афгански *čirk*, по-мадярски *csirke*). Но вслѣдствіе распространной между Иранцами склонности къ умягченію звука *k* и къ выговору *a* за *ä* смягченіе слога *ka* въ *ča* (не говоря уже о *či* вмѣсто *ki*, не чуждомъ и Осетинамъ) свойственно въ значительной степени нарѣчію Татовъ, живущихъ отчасти на Кавказѣ, какъ Осетины, а

1) Не сюда-ли относится срб. кр̂ста̄ш ôрао и тур. *qartal* »орелъ«?

въ сарыкольскомъ языкѣ проведено, по видимому, вполнѣ и послѣдовательно, напр. *čārăm* »сѣю« — н.-перс. *kārăm*, *čabaud* »голубь« — н.-перс. *käbūtär*, *čēd* »домъ« — н.-перс. *küd* (въ *küd-xudā* »домохозяинъ«) и т. д. Въ такомъ иранскомъ языкѣ или, можетъ быть, говорѣ аланскаго языка **kartaka-* должно было измѣниться въ **čürtak*, **čärtag* съ такими-же оттѣнками въ звукѣ *a* послѣ различныхъ согласныхъ, какіе представляются во фр. *cheval* изъ лат. *caballus*. Отсюда тур. *čartaq*, *čardaq* и црк.-сл. чрътогъ. Удареніе въ этомъ аланскомъ словѣ падало, вѣроятно, на послѣдній слогъ, какъ въ осетинскихъ словахъ того-же образованія, и таково удареніе слова чрътогъ (по-русски чертóгъ), какъ впрочемъ всѣхъ словъ на -огъ. Почему же -огъ, а не -агъ? ср. сотонá (срб. сотòна) изъ гр. *σατανᾶς*, пономáрь изъ гр. *παραμονάριος*, когáнъ изъ тур. *qaγán* и т. п. Но примѣры передачи всякаго иноязычнаго ударяемаго *a*, долгаго или короткаго, славянскимъ ударяемымъ *a* извѣстны только съ IX в., а раньше, въ VII—VIII в., когда исконная долгота звука *a* у Славянъ, какъ доказалъ I. Миккола (Berührungen и пр. стр. 50 слѣд.), сохранялась въ бóльшемъ количествѣ случаевъ, *o* и *a* въ заимствуемыхъ Славянами извнѣ словахъ распредѣлялись, вѣроятно, сообразнѣе съ относительною длительностью соотвѣтствующихъ подлинныхъ гласныхъ, чѣмъ объясняется совмѣстная наличность обоихъ звуковъ безъ связи съ удареніемъ напр. въ словахъ сапóгъ и батóгъ.

Сварогъ сближено Буслаевымъ (О вліяніи Христіанства на славянскій языкъ стр. 49) съ скр. *svarga-s* »небо«. Противъ этого сближенія возсталъ академикъ Ягичъ (Mythologische Skizzen I. Svarog und Svarožič въ Archiv f. sl. Phil. 412—427): ссылаясь на отсутствіе этого имени въ лѣтописи подъ годами 907, 945, 971, 980 и 988, гдѣ его можно было-бы ожидать, онъ, на основаніи брачнаго закона, приписаннаго Ѳеостѣ-Сварогу въ Ипатской лѣтописи подъ 1114 (6622) г., считаетъ это имя искусственно произведеннымъ отъ съ-варити, сварьба = свадьба. Съ такимъ-же недовѣріемъ къ существованію божества Сварога отнесся Т. Маретичъ (Archiv X 139 въ статьѣ Zu den Götternamen der baltischen Slaven), но онъ думаетъ, что, такъ какъ, по той-же лѣтописи, этотъ божественный царь установилъ за прелюбодѣйство суровую кару, источникомъ имени Сварогъ послужили сваръ, сварити сѧ и т. п. Къ этому мнѣнію, по видимому, примкнулъ и Миклошичъ (Vergl. Gr. II 283, 137: »svarogъ *deus lucis*: *svarъ). Однако свáривать въ смыслѣ сведенія двухъ людей, особенно для вступленія [illegible] бракъ, и новгородское сварьба вмѣсто общерусскаго свадьба изъ [illegible] хотя-бы [illegible] времени возникновенія

Ипатской лѣтописи или ея источника въ этомъ мѣстѣ, славянскаго перевода хроники Малалы[1]), а отъ свара даже въ словѣнскомъ смыслѣ этого слова, будь то хоть самый строгій, длинный и скучный svarilni govor, до сожженія живьемъ въ раскаленной печи довольно далеко. Еще болѣе затрудняетъ при обоихъ производствахъ образованіе этого имени, такъ-же мало правдоподобное, какъ *сватогъ отъ сватать или *бранёгъ отъ бранить. Но обратимся къ источникамъ. Малала повѣствуетъ, что послѣ потопа въ Египтѣ воцарился *ὁ Μεστραΐμ* (евр. Miṣraim »Египетъ«), за нимъ Египтяне провозгласили царемъ *τὸν Ἑρμῆν*, потомъ вступилъ на престолъ *ὁ Ἥφαιστος*, котораго называли богомъ (*τὸν δὲ αὐτὸν Ἥφαιστον θεὸν ἐκάλουν*) — какъ можно заключить изъ связи — за то, что онъ *νόμον ἔθηκε τὰς Αἰγυπτίας γυναῖκας μονανδρεῖν καὶ σωφρόνως διάγειν, τὰς δὲ ἐπὶ μοιχείαν* (вм. *μοιχείᾳ?*) *εὑρισκομένας τιμωρεῖσθαι*; Гефесту наслѣдовалъ сынъ его, *ὁ Ἥλιος*, соблюдавшій законъ своего отца, на что̀ приведенъ примѣръ (см. послѣднюю главу 1-ой книги и первую 2-ой по Боннскому изданію). Въ славянскомъ переводѣ (В. М. Истринъ, »Первая книга Хроники Іоанна Малалы« въ Зап. Имп. Ак. Н. по историко-филол. отдѣл. VIII серія, т. I No. 3. С.-Петерб. 1897; его-же »Хроника І. М. въ слав. переводѣ. Книга вторая« въ Лѣтописи Историко-филол. Общества при Имп. Новоросс. Университетѣ, т. X, отд. VII. Одесса 1902; ср. его-же »Александрія русскихъ хронографовъ« въ концѣ) первый царь Египетскій названъ Местремомъ, второй — Ерміемъ, третій — Ѳеостомъ. »Сего же Феста (sic) бога нарицааху«. Этотъ царь »законъ оуставилъ женамъ за единъ моужь посягати и ходити говѣющи, а юже прелюбодѣющю обрѣсти, то тую казнити«. Далѣе: »По оумрътвіи же Ѳеостовѣ, его же и Сварога наричить, и царствова Египтяномъ сынъ его Солнце именемъ, его же наричють Дажьбогъ«. Еще далѣе: »Солнце же царь, сынъ Свароговъ, еже есть Даждьбогъ, бѣ мужь силенъ; слышавъ же нѣ отъ коего жену нѣкую Египтяныню, богатоу въ саноу соущю, нѣкомоу въсхотѣвшу блоудити с нею, искаше ся яти ю, (не) хотя Свароже отца своего закона рассыпати« и т. д. Въ Ипатской лѣтописи первые три царя названы такъ: Местромъ, Еремия, Феоста (ниже и Феостъ), »иже и Саварога« (въ Хлѣбниковскомъ спискѣ »зварога«). Разсказъ въ общемъ тотъ-же, но за словами »а иже прелюбы дѣюща казнити повелѣваша« слѣдуетъ нѣчто, не находящееся не только у Малалы, но и въ Архивскомъ хронографѣ, который, помимо этого отличія, слѣдуетъ здѣсь изводу Ипатской

---

1) Этимъ и другими указаніями на памятники русской письменности по вопросу о Сварогѣ я обязанъ любезности академика А. А. Шахматова.

лѣтописи. Вотъ это загадочное мѣсто: »сего ради прозваше и богъ Сварогъ; преже бо сего жены блудяху, къ нему же хотяше, и бяху акы скотъ блудяще; аще родяшеть дѣтищь, который ѣй любъ бываше, дашеть: се твое дѣтя; онъ же створяше празднество, приимаше. Феостъ же сий законъ расыпа, и въстави единому мужю едину жену имѣти, и женѣ за одинъ мужь посагати; аще ли кто переступить, да ввергнуть и въ пещь огнену. Сего ради и прозваша и Сварогомъ и блажиша и Египтяне«. Послѣднія слова есть уже у Малалы: »и блажахуть его Египтяне« = *καὶ εὐχαρίστησαν αὐτῷ οἱ Αἰγύπτιοι*. Дальше упоминаются, какъ въ переводѣ Малалы, и »сынъ его, именемъ Солнце, его же наричють Дажьбогъ«, »Солнце царь, сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ«, есть и »не хотя отца своего закона расыпати Сварожа«. Это мѣсто написано такъ, что его легко перевести чуть не дословно на греческій языкъ V—VII вѣка, и содержитъ въ себѣ одну подробность, безъ которой причина прозванія Ѳеоста Сварогомъ — если судить безпристрастно — просто непонятна. Эта подробность есть вверженіе любодѣйцы въ пещь огненную: это не только *τιμωρεῖν*, а и *ἀπολλύειν*. При этомъ само собою приходитъ на память старинное производство имени *Ἀπόλλων* отъ *ἀπολλύειν*, извѣстное ужъ Платону (Cratyl. p. 405a и 406a). Въ такомъ случаѣ имя Сварогъ послужило славянскому переводчику Малалы для передачи греческаго *Ἀπόλλων*. Правда, у Малалы этого имени нѣтъ, а есть *Ἥφαιστος*, котораго онъ не могъ отождествить съ Аполлономъ; но въ какомъ видѣ дошла до насъ его Хроника? Конечно, Славянамъ IX—XI вѣка она была извѣстна въ нѣсколькихъ изводахъ, откуда, вѣроятно, и разница въ этомъ мѣстѣ между Ипатской лѣтописью и Архивскимъ хронографомъ. Иначе мудрено объяснить не только внесеніе Сварога въ переводъ, но и замѣну Гефеста какимъ-то Феостой или Феостомъ, Ѳеостомъ. Ѳеопомпомъ (у Синкелла p. 262) упоминается Македонскій царевичъ *Θεόστιος*, но онъ здѣсь, очевидно, не при чемъ, и кромѣ того Ѳеоста предполагаетъ греческое *Θεόστης*, которое можетъ въ концѣ концевъ оказаться не чѣмъ инымъ, какъ *ϑεός τις*, а къ Гефесту-ли его приравнять или къ Аполлону — это уже дѣло личнаго усмотрѣнія. Но если *Ἀπόλλων* = *ἀπολλύων* читалось въ греческомъ подлинникѣ, то Сварогъ, отецъ Даждьбога, иначе Сварожича, т. е. солнца, не выдуманъ хитроумнымъ русскимъ лѣтописцемъ, а былъ въ самомъ дѣлѣ славянскимъ божествомъ, родственнымъ индѣйскому *Svarga* (*Suarga*)-*s*. Сближеніе съ нимъ Аполлона [illegible] понятно; но въ »Словѣ о томъ, како крестися Владиміръ, возмя Корсунь«, составленномъ тѣмъ Ѳеодосіемъ, которому принадлежитъ [illegible] Печерскаго патерика (см. А. А. Шахматовъ, Корсунская

легенда о крещеніи Владиміра« въ »Сборникѣ статей въ честь В. И. Ламанскаго«, гл. VI = стр. 36—44 отд. оттиска), съ Аполлономъ отождествляется Перунъ, именемъ котораго въ Александріи (гл. III, 13) передано греческое Ζεύς. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ первой редакціи, а во второй вмѣсто »Перунъ« читается »се рука«, что̀ можетъ быть искаженіемъ имени Сварогъ. Сопоставленіе Аполлона, солнечнаго божества, съ Перуномъ, богомъ неба и наблюдаемыхъ на немъ метеорологическихъ явленій, объясняется едва-ли невѣжествомъ Θеодосія, а скорѣе тѣмъ, что Перунъ въ понятіяхъ русскихъ язычниковъ подавилъ собою не только почти однозначащаго съ нимъ Сварога, но и прочія небесныя божества до низведенія ихъ на степень второстепенныхъ носителей божескаго достоинства, которые по этому и упоминаются въ лѣтописи рѣдко и какъ-бы случайно, безъ замѣтнаго выбора того или другого изъ нихъ по его важности или соотвѣтствію даннымъ обстоятельствамъ. У Литвы преобладаніе Перкуна выразилось, кажется, еще рѣшительнѣе. Иной вопросъ, попало-ли имя Сварогъ къ Русскимъ прямо отъ ихъ индоевропейскихъ предковъ: такъ какъ оно нигдѣ не является въ видѣ *сворогъ или *сврагъ, остается считать его заимствованнымъ, но не у Иранцевъ, а у какого-то другого арійскаго племени, — можетъ быть, у того-же, которое передало и Финнамъ слова съ *s* = скр. *s* = ир. *h* (см. Munkácsi NNo. 150, 159 и 160).

Θ. Коршъ.

О певању „Јеђупке“ у Дубровнику.

На крају својих песама о »девет разбоја од Турака«, у »књизи« (писму) којом те песме пропраћа, познати дубровачки песник Антун Сасин каже ово:

»Овеј пјесни да се даду
»Марку славну властелину,
»Басељева Тома сину,
»У Корчули, славну граду.

Тај Марко је, наставља он:

». . . . . слава и дика
»од славнога Дубровника,

и он сад на Корчули:

»у весељу данке траје, —
»слатке пјесни туј спјеваје.

Не пева сам Марко те »слатке пјесни«, него ето и

»Ванђелистин гди Мароје
»с њим у дружби слатко поје
»од гоурће теј љувезни.

Они певају и »воде танце« у исто доба; певају обично

»под сјеницом на крај мора,
»од Пељешца поврх гора,

и на певање њихово одговара »слатки жамор од птичица«, а и саме »лијепе виле« остају свезане »на врх горе теј камене« кад чују тако лепе гласове[1]). Марко Томов Басељић, властелин, и Мароје Ванђелистин, пучанин, пријатељи су, дакле, Антуна Сасина, и, како је овај дубровачки песник живео при крају 16 века (поменуте песме његове су из 1593—4), то су и они грађани дубровачки тога времена. Марко је, [illegible]ко знамо с друге стране, био рођен јамачно 1554, ушао у »велико вијећ[illegible] [illegible] јануара 1574, постајао један од тројице »advoca[illegible] [illegible] commun«

[1]) [illegible] Sasin, Djela (Sta[illegible] [illegible]isci. XVI, 19[illegible]–197

три пута, и то 24 маја 1577, 13 јуна 1582 и 26 октобра 1584, и умро 1625 [1]).

Ова два пријатеља Сасинова, чије лепо певање он толико хвали (држим да је у наведеним стиховима реч о њиховим певачким а не песничким способностима), долазе пред дубровачки суд 1 августа 1580, као кривци у једној кривичној парници, и то, као што ће се одмах видети, баш због тога свога лепог певања. Некакав Андрија Галиотовић (Andrea di Nico deto Galatouich; Galiotouich), грађанин дубровачки, тужи Марка Томова Басељића (Ser Marco Thomaso de Baseglio) да га је напао и тукао, и пребио му ногу; уз Марка се у овој парници помиње, као његов пријатељ и саучесник, и МаројеВанђелистин (Marino di Uangelista), као и неки други, непознати. На ову тужбу, суд испитује сведоке и кривце, света једанаест на број, и из тог испитивања, које траје 1, 9 и 11 августа и 4 новембра те године, види се да је ствар текла овако.

У златарској улици на Пријекому (calle di oreffici a priechi put), познатом крају града Дубровника, у којем су се у 16 веку сваке ноћи одигравале разне »сцене љубави и мржње«, са веселим младим људима као јунацима; у тој улици, на неколико месеци пре ове парнице Галиотовића, стално се ноћу виђао и чуо неки Никола Ивановић златар (Nicola Juanouich, или Juanou, или di Giouanni, orese), како води собом неке другове, и како, с њима заједно, свира у цитру, виолину и друге инструменте, и пева, кажу, непристојне песме (sonando de citara et uiolone et molti altri instrumentj et cantando uersi lassiuj et dishonesti), те узнемирује ноћу поштене грађане златарске улице. Његово друштво сачињавао је најпре Тројан Матијин, опет златар (Troian di Matteo, horese), а после, и нарочито, Јаков златар (Jacomo battioro), Никола Ненко (Nic° di Steph° Nencho), Марко Басељић и МаројеВанђелистин. Становници улице опомињали су их да то више не чине, јављали за то старијима (тако је јављено Ванђелисти, оцу Маројеву), нарочито кад су та долажења и узнемиравања постајала све чешћа, скоро свако друго вече (squasi ogni seconda sera), али весели млади људи нису се обазирали на то, чак ни Мароје, којега је отац за то опоменуо. Једну ноћ, пред 1 августом, деси им се нешто непријатно. Тога пута, Јаков (који ту ствар најопширније прича у свом исказу пред судом) није мислио ићи на уобичајено певање и свирање, него је раније легао и спавао, кад

1) Specchio (ркп. у држ. архиву дубровачком), под »Conseglieri del maggior consiglio« и »Advocati III del commun«. — Отац Марков Thomas Marc(i) de Basilio рођен је 1514, ушао је у »велико вијеће« између 10 априла и 24 новембра 1534, annorum XX; умро је 1590 (в. Specchio).

му одједанпут дођоше Марко и Мароје и Никола Ненко, и позваше га да иду да певају (»uenite che cantiamo«, говорили су му). Он се обуче и пође с њима. Они оду најпре у улицу »Лучарицу« (verso luzariza), где, на жељу Маркову, отпевају најпре једну серенаду његовој млади (alla sua nouizza), а после, као и обично, оду у златарску улицу. Јакову се није певало, и, кад је чуо како Марко и Мароје говоре о неким каменицама које их могу ударити за време певања, он изјави да неће ту ни да остане, ни да пева (»poiche si tirrà de sassate, io non uoglio star qua, ne cantar«, рекао им је он), али га Марко задржа, уверавајући га да неће бити ништа од тога. Тако Јаков остане, и свирка и песма почне; Никола Ненко је свирао у лаут (ha sonato del lauto). Стајали су баш пред кућом где је становао Галиотовић, и изгледа да су ту ради његове жене, а можда и слушкиње, долазили; то нарочито изгледа по исказу сведока Бољојевића и Николе Ивановића. Одједанпут, са прозора једног би бачена једна саксија (una grasta, una pignata) међу певаче. Јаков не зна ко ју је бацио и одакле, и не зна ништа даље, пошто је утекао одмах чим је саксија бачена (»doppo che fu tirrata, io me ne partiti subito« каже он), али други су видели, и ти што су видели кажу да је то учињено с прозора Галиотовића, управо да је то сам Андрија учинио. После тога, певачи, псујући и грдећи (како један сведок каже), разиђу се. Али се разиђу мислећи да се освете зато Андрији; нарочито је Марку криво било, јер је саксија пала баш крај њега (poco a largo da Ser Marco). У јутро 1 августа Марко и изврши што је мислио. Стојећи са Николом Ивановићем на Плаци (in piaza), и видевши Галиотовића како пролази недалеко од њега (Никола му је показао овога), Марко потрчи за њим, и удари га два пут (e li dette dua bastonate) штапом (col bastone). Андрија нагне бежати, а Марко за њим, ударајући га једнако по глави и по ногама, док овај, најзад, вичући једнако што га бије кад му он ништа није радио (»gentilhomo, io non ui o fato niente; perche me batete? . . . me hauete amazato; che cosa ui o fatto io?«, говорио је он), не паде на земљу, и остаде тако пола сата (mezza ora), а после би однет кући (et poj lo portorno a chasa). Мароје, тога јутра, није био с Марком, него га је само био видео пред кнежевим двором (»uidi auanti el palazzo el d° Ser Marco . . . et li dissi: bon di, ne alt° ho parlato con lui«, каже он); с Марком је био тада Јаков и неки други.

Тако се заврши овај догађај; архивске књиге не говоре више о њему, и ми не знамо н. пр. колико је Марко био кажњен, колико други, итд.[1]

[1] [illegible] стр. 17[illegible], 179, 188 [illegible]

Све ово што смо испричали није ништа особито. Млади Дубровчани 16 века, властела или уопште господичићи, често су се забављали као Марко Басељић и његово друштво, и тукли немилостиво свакога који им је сметао у забављању, нарочито ако је тај био простога рода. Случај Андрије Галиотовића није по себи ништа интересантан, и ми га не бисмо ни причали да се случајно, у протоколу у којем је забележен, не налази узгред казан и један леп податак за књижевну историју дубровачку. Видели смо да је Марко Басељић са својим друштвом био оптужен ради певања непристојних песама; они, бранећи се од те оптужбе, изјављују да то није истина, него да су они певали Јеђупку и друге пристојне песме. Марков исказ на суду није забележен у архивским књигама, ни исказ Николе Непка, али Мароје Ванђелистин и Јаков златар то казују. На питање судијâ какве су песме певали (che sorte di canzoni hauete cantato?), Мароје одговара: »певали смо разне обичне песме и Јеђупку« (habb^{mo} canto diuersi uersi communi et li uersi di Jegupcha), и додаје да је саксија пала баш кад су певали другу станцу (nel cantar della 2da stanzia ci uene . . . gettata . . . una grasta); реч је овде јамачно о »станцама« Јеђупке. Јаков то исто каже, т. ј. да су певали Јеђупку, итд (nel cantar che facess^{mo} di uersi communi honesti et della Jegupcha, ci fu tirrata una grasta). И један сведок (Ant^{o} ferro) долази им донекле у помоћ, казујући како су последњих ноћи певали неке нове песме (comenzorno certi moderni cantj et sonj).

Јеђупка се, дакле, певала. Ми смо досада знали да се она (н. пр. Чубрановићева) јавно говорила: ево сад имамо доказа и да се певала.

Неколико речи још. О чијој је Јеђупци овде реч? О Пелегриновићевој није јамачно, јер тек ваљда се неће у Дубровнику певати хварска Јеђупка; Мажибрадићева је познија од времена о којем говоримо, а тако исто, по општем мишљењу, и она непознатог песника: остају Чубрановићева и Бобаљевићева које су могле бити певане у ноћи пред 1 августом 1580. Чија пре? Бобаљевићева је у времену дошла после Чубрановићеве, и могла је ваљда заменити већ застарелу песму »славног Андрије златара«, али је песма овог последњег била јамачно популарнија од Бобаљевићеве; интересантно је приметити да су неколико оптужених певача Јеђупке по занимању златари, исто као и песник ове чувене песме. У осталом, нека је н. пр. о Чубрановићевој овде реч, то значи да су се вероватно и друге певале, јер су те друге ваљда постале у свему по угледу на прву. — Важно је овде још питање да ли се цела Јеђупка певала. Ако је Чубрановићева, сувише

је дуга. Можда су се само извесни делови певали, н. пр. песма »шестој госпођи«, која и јесте главно у Јеђупци и која је у ствари права љубавна песма; можде су се певали и сато делови шесте песме. — Са изразом »друга станца« на које се место мислило у Јеђупци? — Важно је и питање о мелодији, о музици Јеђупке. Занимљиво је да је више њих певало и свирало, и да је више разних инструмената било, ако се т. ј. помен о томе односи баш на свирање и певање Јеђупке а не оних других »uersi communi honesti«.

Павле Поповић.

Wspomnienie o wzajemnych między Kroatami i Polakami stósunkach.

Związki duchowe między Kroatami a Polakami sięgają zamierzchłej przeszłości. Już owa stara baśń o wyjściu trzech braci, Czecha, Lecha i Rusa (Mocha) z Kroacyi, z pod stóp góry Krapiny (Kawanin, którego ona jeszcze zachwycała, mówi z Dałmacyi) jest jakby zawiązkiem poczucia ścisłego pobratymstwa narodów słowiańskich, jakoby idealnego panslawizmu, którego kolebką Kroacya. U Polaków spisane były te padania nie tak rychło, jak u Czechów przez t. n. Dalimila, ale pamięć o nich, schowana w zakątkach kronik, odżyla na nowo w całej pełni, w pamiętnych latach ok. 1840, kiedy ruch umysłów u Słowian rozbudził się ogromnie, kiedy Ljudewit Gaj głosił ideę illyryzmu, kiedy Mickiewicz z katedry Paryskiej przedstawiał rozwoj kultury słowiańskiej, kiedy w Poznaniu, »polskich Atenach«, było ognisko krytyki, a w Pradze siedziba nauk słowiańskich. Wtedy to w Poznańskiem *Orędowniku* ukazał się artykuł Maciejowskiego, przysłany z Warszawy, o podaniu z pod Krapiny. W historycznych czasach nastały związki między Kroatami a Polską dopiero za króla Ludwika węgierskiego, któremu do Polski towarzyszyli nie tylko Węgrzy, ale zapewne i Kroaci. Nie kto inny upowszechnił w Polsce imię Władysław, jak Kroaci, u których ono było w powszechnem użyciu: Wladislaw albo Ladislaw, wreszcie Laislaw; po polsku zaś imię to dotąd zawsze brzmiało Włodzisław, podobnie jak włodzę, włodarz, włość, włosny; jeszcze dotąd ślad tego na górnym Szląsku w nazwie Loslau, po pol. Włodzisław, zwykle Wodzisław, z wyrzuceniem ł, bo polski szlązak wymawia zgłoskę *wło* bez ł, n. p. wodarz, ale l przechowało się w niemieckiem Loslau. Od Kroatów weszły do języka polskiego i inne imiona i wyrazy, przedewszystkiem Rzym za pośrednictwem czeskiego Řim, bo nazwa ta z wielu kościelnemi wyrazami wędrowała przez Czechy do Polski, ale zmiana formy Roma na Rim wyszła z kroackich okolic, tak jak Ancona na Jakin. Ale to nie jedyne wpływy kroackiego języka na polski: w starożytnej pieśni

Bogurodzica zachodzi miejsce »swe niebieskie siły« (omnes vires), i ten zaimek zachodzi jeszcze w ps. flor. w formie swytki omnis, a w kaz. Gniez. swyciek, a potem znika.

Ożywiły się stosunki wzajemne, kiedy Władysław Jagiełło powołał mnichów słowiańskich do Krakowa, zapewne z Kroacyi, tak jak Karol IV do Emaus. Wr. 1444 znalazły się oba narody obok siebie pod przéwodem wspólnego króla Władysława Warneńczyka, koronowanego w Budzimie na króla węgierskiego i chorwackiego, przeciw Turkom. W bitwie pod Warną zmieszała się krew kroacka i polska, obok Władysława zginął także ban Matko Talowić.

Wiek 16-ty był wiekiem największego zbliżenia między Kroatami a Polakami. Już w 15-tym wieku zawięzywały się stósunki więcej ożywione: t. n. Janczar Polak, Michał Konstantynowicz, który rodził się w Ostrowicy (1430), żył później w Polsce. J. Jireček twierdzi, że kronikę pisał po polsku, mnie się zdaje, że pisał ją po — łacinie. W Ostrowicy była łacińska szkoła, a znany Maciejowski opowiada w *Piśmiennictwie*, że jeden rękopis kroniki miał napis »kroniczka przełożona z łacińskiego«, przecież przeznaczona była dla Europy, jak rozmaiłe »*Turcyki*« (zob. *Orędownik* 346). W 16-tym wieku jeden z najznakomitszych uczonych swego czasu, humanista Dudycz (Dudithius) przeżył wiele lat w Polsce i osiedlił się tutaj. Urodził się w ziemi chorwackiej pomiędzy Zagrzebiem, Krzyżem a Warazdynem, więc w ojczyznie Jagića; w epoce zawichrzeń religijnych złożył sukienkę kapłańską i godność biskupa Pięciukościołow, udał się do Polski jako agent polityczny Maksymiliana II; tutaj powitany serdecznie przez uczonych polskich, Kochanowskiego, Gornickiego, Nideckiego i. i., tak bardzo upodobał sobie życie polskie, że ożenił się z Reginą Straszowną, później, już jako właściciel Śmigla, z Elżbietą Zborowską, córką Marcina Zborowskiego a wdową po Janie Tarnowskim. Jeden z przyjaciół Dudyća, Jan Kochanowski, wielbił go wierszami, inny, Nidecki, naukowe z nim miewał biesiady, jeszcze inny, zapewne także kolega z Padwy, Łukasz Górnicki, dzielił z nim poglądy na słowiaństwo w naukowych względach, i z pewnością w myśl uczonego Słowianina w *Dworzaninie* 1566 pisał, że język polski tak jak inne pobratymcze wyrosły z jednego t. j. słowiańskiego, i niejednokrotnie powtarzał, że język kroacki, podobnie jak czeski i ruski, mają zasoby wyrazów, które godzi się Polakowi przejmować, kiedy własnych nie ma. — W wieku też 16-tym było wielkie zbliżenie Kroatów i Polaków w Padwie, bo uniwersytet w Padwie był w równej mierze uniwersytetem dla Polaków jak dla Kroatów. Tu polska młodzież dowiedziała się o [illegible] na wzór włoski i [illegible]

godzi, że ta kroacka poezya Marulićów, Držićów, Menčetićów i. i. była podnietą i wzorem dla poezyi polskiej 16-go wieka podobnie jak poezya Ronsarda, nie może to być przypadkiem, że niektóre temata poezyi kroackiej: psalmy, Zuzanna, Broda, liryki, mianowicie niektóre ich motywy, były także upodobane w polskiej poezyi złotego wieku. Wznawiali też pamięć o Serbach i Kroatach i wtedy i w 17-tym wieku wędrujący po dworach polskich muzycy, o czem świadczy poeta Kasper Miaskowski i Hieronim Morsztyn: ów w wierszu *Mięsopust polski* wspomina »serbskie skrzzypki« na uczcie zapustnej, ten zaś w *Światowej rozkoszy* śpiewa:

Przy nim Serbin żałosny długi smyczek wlecze
(i śpiewa)... jak przed laty
Turków bili Polacy — i mężne Chorwaty

Ów Serb grajek na mięsopustnej uczcie (u Miaskowskiego) grał na skrzypcach do tańca, ów zaś drugi »żałosny« z długim smyczkiem był widocznie Kroatą, bo śpiewał o mężnych Chorwatach, a grał na gęśli (gusli), tutaj obrazowo połcią nazwanej.

W wieku 17-tym, r. 1621, była walka Polaków z Turkami pod Chocimem, a kroacki poeta Gundulić wielbił sławne czyny wojenne Polaków w poemacie *Osman*, który Pavić wolałby zatytułować *Vladislav*, bo poeta głównie podnosi chwałę królewicza Władysława i przewagi Polaków. — W wieku 17-tym wędrował też Kroat Jerzy Križanić, »pierwszy panslawista«, po polskich ziemiach i wsłuchiwał się we wdzięki mowy polskiej, ale w Polsce nie podobało mu się, ciągnęło go do potężnej Rosyi.

Potem w Polsce nastały czasy straszne i burzliwe: furya wojenna szalała ogniem i mieczem, jędza nietolerancyi nienawiścią; stósunki sąsiedzkie i probatymcze poszły w poniekrę i ustały zupełnie. Dopiero w czasie wojen Napoleońskich i w epoce odrodzenia, zawięzują się znowu ożywione stósunki między narodami słowiańskiemi; poczucie pobratymstwa budzi się i potężnieje; powstają pisma z celem wzajemnego poznania się, w języku narodowym albo niemieckim: Slavin, Slovanka, Časopis č. M., Jordan, Slav. Jahrb., Smoler-Schmaler, Zeitschr. f. slav. Liter., Lukšić Slav. Blätter i. i.; przewodnicy ruchu umysłowego u Słowian zwiedzają kraje pobratymcze; zawięzuje się pomiędzy nimi ożywiona korespondencya, której ogłoszenie winniśmy Jagićowi; rządy europejskie zakładają katedry filologii słowiańskiej i starożytności: we Wiedniu, w Paryżu, w Wrocławiu, rząd rosyjski wysyła kandydatów takich katedr do Pragi i za granicę.

Rząd rosyjski dawał takim kandydatom dokładne instrukcye na podróż naukową z marszrutą do siedlisk życia naukowego w krajach

słowiańskich, w której zawsze obok Pragi była Kroacya jako stacya bardzo ważna dla studyowania ruchu narodowego. Śladem tych młodych slawistów, jak Bodjanskij, Sreznewskij, Preis i. i., wędrowali także polscy młodzi uczeni, że wymienię tybko Kucharskiego, ktorego także rząd rosyjski wysłał z Warszawy w podróż po Słowiańszczyźnie, i Wojciecha Cybulskiego, który przed habilitacyą w Berlinie odbywał podróż naukową i chętnie przebywał w Kroacyi, gdzie zawiązał ściśle stosunki z przewodnikami ruchu narodowego »illyryjskiego«, ze Stankiem Vraz, z Mażuranićami i wieli innymi.

W. Nehring.

Къ вопросу о заимствованныхъ словахъ въ славянскихъ языкахъ.

1. Словинск. *čamer*.

Словинское *čamer* sm. gen. s. *čamra* »Pelzmütze«, также *čamar* »kosmata kapa za zimo« Ahacel 26, »kapa od zajčjich kožic kakor polhovka« Letopis 1895, 5 и *čamra* sf. »idem« — Štrekelj Lehnwörterkunde 13 выводитъ изъ средневерх.-нѣм. *schabernac*, *schavernac* »rauhaarige Pelzmütze, grober Winterhut«. — Съ точки зрѣнія семасіологіи эта этимологія — безукоризненна, но фонетическихъ затрудненій, возникающихъ при такомъ толкованіи не рѣшилъ и нашъ этимологъ (с. l.) указаніемъ на возможность контаминаціи двухъ словъ: *Schauber* и *Schabernac* уже на почвѣ средневерхненѣмецкаго языка. Вѣдь если бы, Štrekelj былъ правъ, то слѣды контаминаціи должны были бы сохраниться въ германскихъ діалектахъ, чего мы однако не замѣчаемъ.

Между тѣмъ всѣ затрудненія, связанныя съ толкованіемъ этого слова, рѣшаются, коль скоро мы обратимся къ языкамъ Балканскаго Полуострова. Здѣсь всюду распространено слово, котораго нельзя отдѣлить отъ указаннаго словинскаго: новогреч. *τσεμβέρι* »Frauenturban«, см. Korais *Ἄτακτα* IV 595; idem Смирна, *Δελτίον* VI 179, Аркадія, *Δελτίον* VI 270, *τσιbέρ* »мужская шапка, обыкновенно краснаго или чернаго цвѣта, напоминающая древне-фригійскую шапку« Лесбосъ, Kretschmer, Lesb. Dialekt 460; серб. чѐмбер »velum feminarum Turcicarum«, Караџић 850; румынск. *džimbir* »rotes schwarzpunktiertes Kopftuch« мадьярск. *gyömber* id. (см. Stinghe, Jahresb. Instit. f. rum. Spr. VIII 82), болг. *čumber* »běla ženska krŭpa«, русск. чембур »веревка, тесьма« (см. Miklošić Türk. Elem. Nachtr. I 95), алб. *tšembér*, *tšimbér* »velum« (см. G. Meyer Alb. Wb. 446). — Всѣ перечисленныя нами формы, вмѣстѣ со словинск. *čamer* заимствованы изъ османск. *čenber*, въ народномъ произношеніи: *čember* »обручъ[1]), головная

1) Первое значеніе османскаго слова уцѣлѣло въ болг. чембéр »обручъ« см. Геровъ Рѣчникъ V 540.

повязка, шапка« (о которомъ Miklošić Türk. Elem. I 39)[1]). Образованіе словинской формы правильно объяснено и Štrekelj'емъ (c. l.): nom. sing. *čamber*, gen. *čambra* и проч; отсюда gen. sing. *čamra*, по фонетическимъ причинамъ, а отъ него образованъ новый nom. sing. *čamer*.

2. Слово корьць въ славянскихъ языкахъ.

Подъ словомъ корьць Miklošić Et. Wb. 133 сопоставляетъ цѣлый рядъ славянскихъ словъ со значеніемъ »мѣры сыпучихъ тѣлъ« — съ одной, и »черпальнаго сосуда, ковша« съ другой стороны, повидимому выводя эти слова изъ греч. *κόρος*, но вмѣстѣ съ тѣмъ связывая ихъ съ кора и корыто и этимъ вводя читателя въ полное заблужденіе. Этотъ недостатокъ справедливо подчеркнутъ Štrekelj'емъ Lehnwörterk. 34, но и онъ не указываетъ въ подробности этимологическаго взаимоотношенія словъ, приведенныхъ Mi^емъ^. Именно поэтому новое сопоставленіе всего матеріала намъ кажется далеко не излишнимъ; принимаясь за него мы постараемся руководиться при этомъ фактами семасіологическими.

Прежде всего необходимо выдѣлить слова со значеніемъ »ковшъ изъ коры« или »корзина«; сюда относятся: словацк. *korec* »nadoba z kûry na jahody« см. Kott I 750, словинск. *kórec* 1) »iz skorje napravljena posoda«, 2) »nádoba k čerpání vody«, 3) желобоватая черепица, 4) водочерпальное колесо, см. Pleteršnik I 437; чешск. *korec* 1) nálevka s dlouhým držadlem, 2) водочерпальное колесо, см. Kott I 750, польск. *korzec* »ковшъ для черпанья воды«, см. Słownik języka polskiego II 484, русск. корецъ 1) »мельничный ковшъ, куда идетъ засыпка хлѣба«, 2) »поперечный брусъ (у сохи), за который обжи протягиваются вичьемъ, закрутками«, Тамбовъ, Даль II³ 416; затѣмъ: »ковшъ« Калуга, Сб. отд. русск. яз. LXXVI 54; Кашинъ, Сб. LXX 75; Область Донск. Каз., Сб. LXVIII 34. — Значеніе всѣхъ этихъ словъ позволяетъ намъ установить связь ихъ со словомъ кор-а (о кот. Miklošić Et. Wb. 129), которое такъ относится къ корню *ker-* въ литовск. *kertu*, греч. *κείρω* и проч. (см. Walde Et. Wb. 99 sq., Hirt, BB. XXIV 261, Prellwitz² 214), какъ высшая ступень къ низшей[2]). Отъ значенія »ковшъ изъ коры« не

1) Въ тюркскихъ языкахъ мы находимъ османск, джагат., тар. *čämbär*, со значеніемъ 1) (Осм.) тар. обручъ, кругъ бубна, рѣшета, кругъ изъ веревки. bojun čämbäri (осм.) шейный платокъ, čämbär kajyk (осм.), лодка сзади круглая, čämbär diräji (осм.), бизань; sräläkin čämbärindän ğäčmäk (осм.), испытать удары судьбы. 2) (осм. джаг. тар.) длинная женская повязка на лбу. см. В. Радловъ, Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій III 2002—2003, который источникомъ тюркскихъ словъ считаетъ персидск. *čämbär* (на это обратилъ наше вниманіе А. Н. Самойловичъ).

2) Балканскія заимствованія изъ ст.-слав. кора, см. G. Meyer Ngr. Stud. II 33 sq. [illegible]
[illegible]

далеко до значенія: »ковшъ вообще«. Такъ я объясняю русск. корéцъ »желѣзный ковшъ для черпанья воды, кваса, чумичка« Тамбовъ, Даль II³ 416. —

Кромѣ перечисленныхъ сейчасъ словъ въ славянскихъ языкахъ встрѣчается цѣлый рядъ вполнѣ сходныхъ съ ними фонетически словъ со значеніемъ: »мѣры, главнымъ образомъ, сыпучихъ тѣлъ«: малорусск. кóрець »Schüttmaß« Želechowski 366; польск. *korzec* 1) miara ciał sypkich, 2) hektolitr, см. Słownik jęz. polsk. II 484; Karłowicz Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodz. II 303, чешск. *korec* »мѣра« Kott I 750, помор. *korčk* »Scheffel« (см. Pfuhl Wend. Wb. 273), словинск. *kórec* »Getreidemaß«, Pleteršnik I 437, др.-русск. корьць »vas quoddam« Mikl. Lex. Palaeosl. 304. »хлѣбная мѣра, кобелъ, около гарнца«, Срезневскій I 1293, русск. корéц, »мѣра сыпучихъ тѣлъ«, Павловскій 575. — Относительно этихъ словъ на первый взглядъ можетъ возникнуть сомнѣніе связать ли ихъ съ разсмотренной выше группой или нѣтъ; но принимая во вниманія старо-слав. **коръ** »хлѣбная мѣра« Cod. Zograph. 192, 7 (ed. Jagić p. 116) и рядомъ ст.-сл. **корьць**, id. Cod. Marian. 271, 24 (ed. Jagić) мы только и можемъ рѣшить, что имѣемъ дѣло съ греческимъ заимствованіемъ. Источникомъ его является греч. *κόρος*, въ свою очередь восходящее къ еврейск. כֹּר *kōr* (см. Thumb Hellenismus 113 и 117). Греческое слово со значеніемъ 1) мѣры для вина, 2) четверикá, встрѣчается въ греческой литературѣ послѣ классическаго времени въ Нов. Завѣтѣ, у Іосифа Флавія и др. (ошибочно Matzenauer Cizí slova 45, нерѣшительно Meillet Etudes 343). Изъ славянскихъ языковъ слово уже перешло къ мадьярамъ: *korecz*, а отсюда обратно заимствовано словинск. *koruš* »хлѣбная мѣра«; только такъ и можетъ быть понято конечное *š* этого послѣдняго, которое невозможно объяснить, принимая толкованіе Štrekelj'a, Lehnw. 34, такъ какъ греч. *s* всегда передается славянами черезъ *s* (см. Соболевскій, Извѣстія отд. р. яз. X, 2, 140—145). Широкое распространеніе нашего слова въ славянскихъ языкахъ свидѣтельствуетъ о древности его заимствованія. Въ настоящее время народно-этимологическое чутье совершенно соединило обѣ группы словъ, первую — исконнославянскую, и вторую — заимствованную. Контаминаціей обѣихъ объясняется значеніе слѣдующихъ словъ: русск. корéц, »мѣра при продажѣ молока, равняющаяся небольшому чайному стакану«, Донск. Обл, Сб. LXVIII, 34, лужицк. *kórc*, »rindenes Maß«, см. Pfuhl Wend. Wb. 273.

3. *košulja* : *kačula*.

Miklošić Et. Wb. 134 подъ словомъ *košulja* говоритъ: »*košulja* aksl. ‚Hemd', nsl. bulg. serb. *košulja*, č. *košile*, poln. *koszula*, osorb. *košula*,

košla, nsorb. *košulja*, klr. *košuľa*, *košeľa*, wr. *košuľa* ‚idem', russ. *košulja* ‚Art Pelz', dial. ‚Hemd' — alb. *kesuľe*. Man vergleicht lat. *casula*«. — Этими словами совершенно не рѣшенъ вопросъ о происхожденіи нашихъ словъ; вѣдь алб. *kesuľe* »головкой уборъ, чепчикъ, шапка« въ этомъ языкѣ само не имѣетъ этимологической »семьи« и должно быть признано заимствованнымъ (см. G. Meyer Alb. St. V 85, Alb. Wb. 190 sq.). Но такимъ образомъ рушится и все этимологическое зданіе, построенное на столь шаткихъ основаніяхъ. Попытаемся изъ указанныхъ матеріаловъ создать что нибудь новое: прежде всего несомнѣнно, что всѣ славянскія формы восходятъ къ одному источнику. Сюда же слѣдуетъ присоединить русск. кошу́ля sf. »сорочка, рубашка« Западн.; »женская рубаха съ широкими рукавами«, Курск.; »убранный воротъ у женскихъ сорочекъ, Смол.; »короткій крытый тулупъ«, Кострома; »овчиная шуба съ борами, крытая китайкою, крашениною или сукномъ« Ярославск. Вологодск; »мужской или женскій поддевокъ на мѣху«, родъ верхней рабочей рубахи«, см. Даль I³ 470.

Несомнѣнна и связь съ этими словами средне-греческаго *κασοῦλα* »простая рубашка« встрѣчающагося у Прокопія Кесарійскаго (Bell. Vandal. 522, 2 ed. Haury, Opera Procopii I 539, 10—15)[1]). Но славянскія формы не могутъ непосредственно быть заимствованы изъ греческой, такъ какъ греческое *s* всегда передается слав. *s* (см. Соболевскій, Извѣстія X, 2, 140—145). Самъ Прокопій указываетъ намъ источникъ греческаго и славянскихъ словъ: вульг.-лат. *căsŭlă* »плащъ съ капюшономъ«[2]), откуда, со введеніемъ суфф. *-ullus* — исп. *casulla* »Meßgewand der Priester« (см. Diez-Scheler⁵ 91, ошибочно Körting 180, Storm Romania V 174). Изъ этого вульгарнолатинскаго слова заимствованы съ одной стороны славянскія формы, съ другой — греч. *κασοῦλα*. Удареніе этихъ заимствованій интересно и для романистовъ, ибо указываетъ, что отмѣченное нами введеніе суфф. *-ullus* нѣкогда было распространено болѣе, чѣмъ заставляютъ подозрѣвать современныя свидѣтельства романскихъ языковъ. Уже изъ греч. *κασοῦλα* заимствовано алб. *kesuľe* (см. G. Meyer Alb. Wb. 190 sq.); прямое заимствованіе съ латинск. яз. заста-

1) Въ виду важности этого мѣста, приводимъ его цѣликомъ: *Ἀρεόβινδος δὲ οὐδέν τι μελλήσας αὐτῷ εἵπετο, ἱμάτιον ἀμπεχόμενος οὔτε στρατηγῷ οὔτε ἄλλῳ στρατευομένῳ ἀνδρὶ ἐπιτηδείως ἔχον, ἀλλὰ δούλῳ ἢ ἰδιώτῃ παντάπασι πρέπον· κασοῦλαν αὐτὸ τῇ λατίνων φωνῇ καλοῦσι Ῥωμαῖοι.*

2) Изъ *căsŭlă* : *casa* »домъ, хижина«; съ значеніемъ »плащъ« уже Ven. Fort. Vita S. Medardi 2, Isid. 19, 24, 17; отсюда слово перешло и въ германскія нарѣчія; съ одной стороны: англ.-сакс. *cásul* »Priestermantel«, съ другой — др.-англ. *cesol*, *ceosol* »избушка«, Pogatscher, Zur Lautl. d. Lehnw. im Altengl. 118, наконецъ и алб. *kesoľe*, *keoľe*, *kasoľe*, *kaſeo*[illegible] »домъ, х[illegible]ѣрокъ«, источн[illegible] G. Me[illegible] Alb. W[illegible] 30.

вило бы и здѣсь ожидать не *s*, а *š* (см. G. Meyer, Gröbers Grundr. d. rom. Phil. I 804 sq.). Со стороны семасіологической нѣтъ никакихъ затрудненій: для перехода значенія: плащъ > шапка имѣются параллели, въ родѣ греч. *κουκούλλι* 1) шапка, 2) плащъ (см. G. Meyer Ngr. Stud. III 29), *κάππα* 1) шапка, 2) плащъ (см. G. Meyer Ngr. Stud. III 25), вульг.-лат. *cappa*, см. Kluge Et. Wb.[6] 149 sq. Затѣмъ нѣм. *Mütze*, см. Kluge 277 и проч.

Въ то же время вульг.-лат. *casula*, уже путемъ народнаго заимствованія, попало въ греческій языкъ, въ видѣ *κατσοῦλα*[1]) »шапка, чепчикъ«, Эпиръ, Syllogos XIV 220, »капюшонъ« Морея, Papazafiropulos 436, *κατσοῦλι* »пѣтушій гребень«, *κατσουλιέρα* sf. »хохлатый жаворонокъ«, ibid.; *ἀνεκατσουλιώνω* »ерошиться« Өира, *Πεταλᾶς* 16, ошибочно G. Meyer Ngr. Stud. III 29. Уже изъ греческаго заимствовано рум. *căciulă* »шапка«, которое Pușcariu, Et.Wb. d. rum. Spr. I 21 ошибочно выводитъ изъ латинскаго языка[2]), макед.-рум. cățulă (см. Weigand Aromunen 110), алб. *katsuréts* m. »капюшонъ« (со славянскимъ суффиксомъ, см. G. Meyer Alb.Wb. 191), *katšul* m. »хохолокъ у птицъ«, *katšuľer* m. »хохлатый жаворонокъ«, греко-алб. *katšuľe* f. »хохолъ у птицъ«, *katšuľos* »опускать уши на подобіе шапки« (о животныхъ), см. G. Meyer Alb. Stud. V 85; наконецъ болг. качулка, качула »головная повязка«, которое Mikl. Et.Wb. 108 выводитъ изъ румынскаго языка, а Štrekelj 29 сопоставляетъ съ обширнымъ классомъ словъ, выводимыхъ изъ романск. *cochlea*, изъ котораго онъ, также ошибочно выводитъ и сербск. кукулица »косичка«, см. М. Фасмеръ Живая Старина XV, 3. 50 сл.

4. Названія Мула и Осла.

Сербск. му̑сј, му̑сјо въ Черногоріи употребительно со значеніемъ: »vox alliciendo asino«, затѣмъ въ выраженіяхъ въ родѣ: »седлах коња добра мусја«, очевидно какъ прозвище коня, см. Караџић 388. Въ истрочакавск. нарѣчіи *mùš* »asinus« см. Nemanić I 9. Всѣ эти формы Štrekelj 41 выводитъ изъ тріест.-ит. *mus* »asino, somaro«, фріульск. *muss* »asino«, *musse* »asina«, ломб. *müssa*, ит. *miccio* »оселъ«. Что касается этихъ послѣднихъ, то самъ Štrekelj (с. l.) указываетъ на два объясненія, уже не опредѣляя своего отношенія къ нимъ и ни одному не оказывая предпочтенія: этимологія Caix, Studi di et. ital. 415, выводящаго

1) Относительно соотвѣтствія лат. *s* — греч. *τσ* въ народныхъ заимствованіяхъ см. Thumb IF. XIV 354 sq.

2) Фонетически производство этого слова изъ вулг.-лат. **catteulla* (отъ **cattea* »кошка«) безукоризненно, но затрудненіе: 1) формальное — полная проблематичность вульгарно-латинской формы и даже мнимаго ея прототипа; 2) семасіологическое — отъ »кошки« никогда не получаетъ своего названія »шапка«. Все это заставляетъ насъ скептически относиться и къ доводамъ Pușcariu, *Tḳ* u. *ḱi* im Roman. 53—54.

всѣ романскія формы изъ лат. *mūsĭmo*, Plin. VIII 199 »ein sardinisches Tier, vermutlich der Muflone«, — невѣроятна по семасіологическимъ и фонетическимъ соображеніямъ. Этимологія Schuchardt'a Rom. Etym. I 60, считающаго источникомъ этихъ словъ ит. *mogio*, *muso* »вялый« изъ лат. *musteus* »толстоногій«, хотя и принята Körting'омъ Lat.-rom. Wb.[2] 607, въ семасіологическомъ отношеніи также крайне невѣроятна: вѣдь характернымъ признакомъ осла вовсе нельзя признать »толщину ногъ« и пр. (о подобныхъ толкованіяхъ см. Bartholomae IF. Anz. XII 24).

Между тѣмъ всѣ эти изслѣдователи не обратили вниманія на то, что подобное же слово имѣется въ албанскомъ языкѣ, гдѣ оно объяснено весьма удовлетворительно: въ алб. *mušk* m., *muškε*, *mułškε* f. »мулъ«, G. Meyer Alb. Wb. 293 sq. видитъ указаніе на происхожденіе этого животнаго изъ Мисіи (М. Азіи), что подтверждается данными культурно-историческими (см. цитаты изъ древне-греческихъ авторовъ къ этому вопросу Hehn-Schrader Kulturpfl.[7] 132 sq., G. Meyer IF. I 322 sq., Schrader Reallexikon 533 sq.). Такимъ образомъ въ древнее время въ албанскомъ (иллирійскомъ) языкѣ существовали названія мула: *muso-*, *musko-*, *muslo-* [1]). Изъ послѣдняго заимствовано лат. *mulus*, изъ *musko-* — лат. *muscellus*, *muscella* [2]). Далѣе, то же слово попало въ славянскіе языки, когда здѣсь еще существовали глухіе гласные, въ формѣ *мъскъ, откуда мъськъ и, чрезъ ассимиляцію гласныхъ, мьськъ (см. примѣры Miklošič L. P. 388), отсюда ст.-серб. мьскъ, мьзгъ »mulus«, мьска, мъска »mula«, др.-русск. мъскъ (примѣры Срезневскій II 213) и мъска, мьска »mula« (см. Срезневскій II 213; къ его примѣрамъ прибавимъ: мьска »mula« Новгор. I лѣтоп. 96, 6), чешск. *mezh*, *mesk*, серб. мȁзга, мȁска »mula«, мȁзгов, мáсак, см. Караџић 353 и 358 словинск. *mezə̀g*, *mèzg*, *mezgíca* [3]), рядомъ съ *mazg*, *mazginja*, которое заимствовано съ сербскаго языка. Наконецъ, къ тому же иллирійскому источнику восходятъ указанныя выше романскія формы и румынск. *muscoiu*, см. G. Meyer IF. I 322 sq.[4]). Что касается славянскаго мьзгъ рядомъ съ мьскъ, то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ слова мозгъ (о кот. Mikl. Et. Wb. 203), или же съ измѣненіемъ конечныхъ согласныхъ по

1) При чемъ *-ko* и *-lo* должны быть признаны уменьшительными суффиксами. См. G. Meyer IF. I 322 sq., Alb. Wb. 293 sq.

2) Значитъ излишне предположеніе формы **muxellus* изъ **mugh-slos* съ »перестановкой« см. Walde Et. Wb. 399. Невѣроятно Brugmann Gr. Gr.[2] 97 соединяетъ греч. *μυχλός* съ лат. *mūlus*. См. Bartholomae Wochschr. f. kl. Phil. XV 1060 sq. Hehn-Schrader Kulturpfl.[7] 136.

3) Derivata: *mezgár* »Maultiertreiber« etc. см. Pleteršnik I 579.

4) Другія названія осла въ балканскихъ языкахъ, въ связи съ названіями [illegible] Zeitschr. XVII [illegible]

аналогіи отношеній: моск : мозга, виск : визга и пр. уже послѣ исчезновенія конечныхъ глухихъ гласныхъ, примѣры Соболевскій Лекціи [3] 118 сл.

Рядомъ съ мъскъ: мы отмѣтили форму мъськъ: извѣстно, что въ заимствованныхъ словахъ въ сочетаніяхъ нѣсколькихъ согласныхъ въ славянскихъ языкахъ появляются ирраціональные гласные (см. М. Фасмеръ Извѣстія XII, 2, 201), причемъ характеръ этихъ глухихъ зависитъ отъ окружающихъ согласныхъ; поэтому, въ виду предшествующаго *s*, второй гласный въ мъськъ не представляетъ ничего удивительнаго; но подъ его вліяніемъ произошла перегласовка перваго ъ > ь (объ этомъ явленіи Vondrák Vergl. Gr. I 150 sq.); такъ изъ мъськъ получилось мьськъ [1]). Впрочемъ, не исключена возможность, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ діалектической албанской формой, но пока данныхъ для этого нѣтъ на лицо (см. G. Meyer Alb. Stud. III 70 sq.) [2]). Изъ мьськъ на русской почвѣ получилось: мéскъ sm. »ублюдокъ, выродокъ, тумакъ особ. отъ лошади; мулъ« Даль II [3] 837 сл. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ обобщеніемъ формы косвенныхъ падежей меска, меску и проч. изъ мьська, мьську, ибо nom. sing. слѣдовало бы ожидать *мсек изъ мьськ⟨ъ⟩ (см. законы исчезновенія глухихъ Шахматовъ, Новг. грам. 182 сл. Ляпуновъ, Изсл. 86 сл. Соболевскій Лекціи [3] 53 сл.) [3]).

5. болг. *spuza*.

Болг. *spuza* »пепелъ«, малорусск. спуза, спудза »горячая зола« Mikl. Et. Wb. 318 выводитъ изъ рум. *spuză*, id. Онъ же Beitr. z. Lautlehre d. rum. Dial. II 5 румынское слово признаетъ необъясненнымъ. Послѣ этого Štrekelj 59 правильно установилъ связь рум. *spuză* (такъ, а не *spuze*, какъ онъ пишетъ) съ греч. *σποδιά*. Но при такомъ толкованіи остается невыясненнымъ удареніе славянскихъ и румынской формъ, а также и звукъ *z*. Первое затрудненіе Štrekelj (с. l.) обходитъ молчаніемъ, второе онъ разрѣшаетъ словами: »*δι* ward über *dj* zu *ζ*; über *dj* > *ζ* im Agr. vgl. G. Meyer Gr. Gr. [3] § 283«. Это объясне-

1) G. Meyer IF. I 323, стараясь объяснить мьскъ и не принимая во вниманіе другихъ формъ, ссылается на бътарь изъ лат. *butarium*; но здѣсь онъ забываетъ форму бътарь, см. Mikl. Lex. Pal. 49, показывающую, что въ бътарь мы имѣемъ дѣло съ среднеболгарскимъ совпаденіемъ глухихъ, см. Лавровъ, Обзоръ 34 сл.

2) Такъ какъ въ фригійскомъ языкѣ имѣется измѣненіе *υ* > *ι* (см. Thumb Hellenismus 140 сл.), то мы могли бы объяснить форму мьскъ прямо заимствованіемъ изъ этого языка, если бы имѣлись данныя позволяющія предположить существованіе нашего слова именно въ такомъ видѣ въ фригійско-ѳракійскихъ нарѣчіяхъ; но такъ какъ такихъ данныхъ пока еще нѣтъ, то мы здѣсь ограничимся указаніемъ на эту возможность.

3) Аналогичный случай: русск. сонмъ, отъ gen. sing. сонма, вм. *сенмъ изъ сънмъ.

ніе, впрочемъ, можетъ показаться излишнимъ, ибо мы имѣемъ дѣло съ новогреческой формой, а явленіе, отмѣченное Г. Мейеромъ относится къ прагреческому періоду. Для объясненія румынскаго слова М. Фасмеръ Жив. Стар. XV, 3, 50, уже обратилъ вниманіе на измѣненіе *δ* > *τζ* въ нѣкоторыхъ дзекающихъ новогреческихъ говорахъ: локридскихъ, цаконскихъ и др. (см. Foy Lautsystem 55); но и это указаніе не рѣшаетъ вопроса: въ сѣверногреческихъ говорахъ, которые только и могутъ быть приняты во вниманіе въ нашемъ случаѣ, дзеканье отсутствуетъ. Значитъ необходимо подыскать другой источникъ: алб. *špuzε* sf. »горячая зола« заимствовано изъ лат. *spodium* (см. G. Meyer Alb. Wb. 415), далѣе слово попало въ румынскій языкъ, отсюда въ болгарскій и малорусскій. Изъ румынскаго же языка путемъ контаминаціи словъ *spuză* + *sprună* (послѣднее изъ лат. *prūnă* см. Weigand, Olympowalachen 59) [1]) получилось новогреч. *σπροῦζα* sf. »горячіе уголья« Эпиръ, *Μνημεῖα* I 54, отсюда при дальнѣйшей контаминаціи *σποδιά* + *σπροῦζα* получилось новогреч. *σπροῦζια* »зола, смѣшанная съ угольями« Загори (Эпиръ), Syllogos XIV 229, неточно G. Meyer Ngr. St. II 72 sq.

1) Рум. *spuză* употребительно въ сосѣднихъ говорахъ см. Dalametra, Dicţionar macedo-român 195. Другія румынскія формы Puşcariu Et. Wb. I 149 s. v. *sprună*.

СПб. Май 1907 г. М. Фасмеръ.

Einige verkannte slavische Lehnwörter der baltischen Sprachen.

Es gibt im Litauischen mehrere Wörter, in denen, wie Brückner sich ausdrückt, »*ui* aus *ai* verschoben scheint« (Lituslav. Stud. I 42 Anm., vgl. Vf. GGA. 1875 S. 273, H. Weber Archiv f. slav. Phil. III 193). Allein Hervorgehen von *ui* aus lit. *ai* würde nur bei Entlehnungen aus litauischen Mundarten, die *ai* in *oi* verwandeln (BB. IX 287, XX 108), nicht ganz unbegreiflich sein [1]), und die Annahme einer solchen Entlehnung stößt in jedem der betr. Fälle auf Schwierigkeiten. Bei *guinióti* wird sie sogar durch seine Verbreitung und das Fehlen von **goinioti* geradezu abgewiesen. — Ebenso wenig aber lassen sich *puĩszinas* : *paiszinas* »rußig«, *ruinas* (wo?) : *raínas* (so Kurschat, Stallupönen, Memel) »grau« (nur von Erbsen gebraucht) nebst *rainótas* »(grau) gestreift« (Ostlitauen: Birsen, Poswol), *ruiszas* : *ráiszas* »lahm« (hinkend), *guinióti* : *gainioti* »hin und her jagen« ohne Willkürlichkeit als Ablautsformen hinstellen, und eine weitere theoretische Möglichkeit, ihr Lautverhältnis einheitlich zu erklären, vermag ich nicht zu erkennen. Dies Verhältnis scheint mir daher in jedem Falle besonders untersucht werden zu müssen, und deshalb kann mich an den nachstehenden Erklärungen von *gainioti*: *guinióti* und *stainùs* : *stuinùs* der Umstand nicht irre machen, daß ich andere ähnliche Wortpaare vorläufig nicht verstehe.

gainioti ist schon von Bretken gebraucht (Beitr. z. Gesch. d. lit. Sprache S. 65), von Geitler Stud. S. 83 aus russ.-lit. Texten nachgewiesen (*gajniota* Iwiński Kalendorius ant . . . 1846 S. 19) und findet sich in den Wörterbüchern von Juškevič und Mieżinys (in letzterem auch *gainiosena*, *gainiotojas*). Jener übersetzt es mit russ. gonjátь »treiben«, dieser mit poln. ganiać (vgl. o-, od-ganiać), russ. raz-vy-gonjatь. Die

---

1) Vgl. z. B. *ráiszas* »lahm« Kurschat (*rayszas* Szyrwid), *róiszas* »hinkend« (neben *kũilis* »Eber«, *puĩkus* »hübsch«; also *oi* nicht aus *ui*) Kissinnen (Kreis Memel), *rùiszis* »Hinker« in der Mundart Gaigalats. Aber *rászt* »hinken« Prökuls.

Betonung schwankt: *gaimóti* und *gáimoti* Juškevič S. 401, 696, *gáimioti* H. Weber a. O. Ganz genau entspricht ihm lett. *gaiňát* »abwehren, durch Fechten in der Luft von sich abtreiben«. — In der Memeler Mundart braucht man dafür *gaináti* »herumjagen«, vgl. *pragainóti* »vertreiben« Mitteil. d. lit. liter. Ges. I 65.

guinióti kennt man aus den Wörterbüchern von Kurschat (»fortgesetzt hin- und herjagen«) und Juškevič (»gonjátь, gonjatьsja«), sowie aus Donalitius. Ruhig, Mielcke, Nesselmann bieten dafür *guinóti*, und dies ist nicht etwa nachlässige Schreibung, sondern mir aus der Stallupöner Gegend (»mutwillig und zwecklos umherjagen«) und durch Gaigalat als Aussprache seiner Mundart (Kreis Ragnit) bekannt. — So ergeben sich die litauischen Formenpaare *gainióti*, *gainóti* : *guinióti*, *guinóti*. Dem ersteren stellt das Lettische außer *gaiňát* auch *gainît* »treiben, verfolgen, wehren« zur Seite, während es dem zweiten keinen, oder doch keinen unmittelbaren Anschluß bietet. Im Litauischen dagegen reiht sich dieses anerkanntermaßen eng an das Verbum *gùiti* »schnell jagen«, »treiben«, das J. Schmidt Vokal. I 175 zu preuß. *guntwei* »treiben« und lett. *gût* gestellt hat (vgl. Leskien Ablaut S. 297 und S. 326). Die erste Kombination halte ich für richtig (s. unten), nicht aber die zweite, denn *gût*[1]) bedeutet »haschen, fangen, greifen«, »bekommen« und schließt die Vorstellung des Treibens, Jagens im allgemeinen nicht in sich. Es steht in regelrechtem Ablaut zu lit. *gáuti* »bekommen«, mit dem sich der Begriff »erjagen« auch nicht mit Notwendigkeit verbindet.

Ebensowenig wie *gainît*, *gùiti* und *guntwei* lassen sich aber von den Dubletten *gainióti* : *guinióti*, *gainóti* : *guinóti* die Verben *ganióti*, *genióti* trennen, die Juškevič Slovarь S. 696 als Nebenformen von *gainióti* aufführt[2]), und die vollkommen klar sind. Unverkennbar ist nämlich *genióti* unter dem Eindruck des lit. Präsens *genù* »ich jage, treibe« = lett. *dſenu* (vgl. *dſenát* »sehr treiben, jagen, verfolgen« neben z. B. *mĕtát*: *metu*) für *ganióti* eingetreten, und dieses ist das entlehnte russ. *gonjátь* (wruss. *o-*, *po-gonjáć*). Hierdurch ist aber die Erklärung zunächst von *gainióti*, *gainóti* an die Hand gegeben. Man braucht sich nur an die Lehnwörter lit. *dainyczà* (poln. *donica* »Napf«[3])) und *kuĩnas* (poln. *koń*, *kóń*, wruss. *konь* »Pferd«) zu erinnern, um einzusehen, daß *gainióti* (lett.

1) Im poln. Livland hat es das Präsens *gyunu* : *gyunames*, *gyunates* Kossowski Mo[illegible]ibas (Rygà 1852) I 124, 341. Vgl. Bielenstein Lett. Spr. I 355.

2) Fern zu halten ist dagegen, wie mir scheint, *ginioti* bei Mieżinys. Ich sehe [illegible] in *gŷnioti* (Juškevič), abgeleitet von *ginù* : *gýniau*, *gìnti* »wehren«.

3) Sein *i* muß von den Entlehnern als geschleiftes *ī* aufgefaßt sein, da sonst [illegible] werden würde. Vg[illegible] die slavischen Fremdwörter *alywà*, *barawŷkas*, [illegible] *lìvina* [illegible] ein andermal.

gaińát), *gainóti* durch *i* = Epenthese aus *gonjátь* erwachsen sind und sich hinsichtlich der Wirkung der Epenthese ebenso unterscheiden, wie z. B. avest. *mainyañti* von gr. *μαίνομαι*, während *ganióti* beinahe neben *gainóti* steht, wie att. *ἄλλων* neben kypr. *αἴλων*. In einer Sprache, welche die Epenthese nur beiläufig zeigt, kann diese verschiedene Behandlung nicht befremden.

Aus derselben Grundlage (russ. *gonjátь*), durch denselben lautlichen Vorgang sind aber, wenn mich nicht alles täuscht, auch *guinióti* und *guinóti* erwachsen. Man kann diese Verben lautlich freilich auch aus poln. *ganiać* ableiten (vermittelst **gonioti* > **goinioti*, vgl. *stoinė* und *stainė* Leskien und Brugmann Lit. Volkslieder usw. S. 282, *zuĩkis* »Hase« aus wruss. *zajka*, *buidokėlis* aus russ. *bajdák* Brückner a. O. S. 156, Arch. f. slav. Phil. VI 605), und wenn *gainioti* nicht schon im XVI. Jahrh. vorkäme, ließe sich auch dieses auf *ganiać* beziehen (vgl. z. B. *danēlis* poln. *daniel*, *baika* poln. *bajka* Brückner Lituslav. Stud. I 71, 79). Allein dies poln. Verbum scheint weder als Simplex gebraucht zu werden, noch — im Gegensatz zu *gonjátь* — in reiner, d. h. durch Epenthese unberührter Gestalt in die baltischen Sprachen aufgenommen zu sein, und die Betonung von *guinióti*, *guinóti* spricht für Entlehnung nicht aus dem Polnischen, sondern dem Russischen. Wenn dem gegenüber die Betonung *gáinioti* polnischen Einfluß auf dies Wort erweist, so halte ich sie bei der Übereinstimmung der Betonungen *guinióti*, *gainóti*, *guinióti*, *guinóti* für nur sekundär, d. h. *gáinioti* für die grammatikalische Schreibung des von polnischem Munde gesprochenen *gainiót'*. Man vgl. die Akzentverschiebung in lett. *làkērét* »lackieren«, *pràwitis* »Prophét« u. dgl.

Die Verschiedenheit von *gainióti* (*gainóti*) und *guinióti* (*guinóti*) beruht darin, daß dort slav. *o* der Regel nach zu *a*, hier aber zu *u* geworden ist. Derselbe Übergang von *o* in *u* hat sich außer in mehreren von Brückner a. O. S. 40 f. angeführten Wörtern gerade in einigen zu *gonjátь* gehörigen Bildungen vollzogen, nämlich in den oben erwähnten Verben *gùiti* und *guntwei*, sowie in *gùnyti* (Juškevič) und dem Substantiv *pagunìkis*. Ich werde diese Wörter in umgekehrter Reihenfolge behandeln.

pa-gunìkis »Laufbursche« (Kurschat) = *pa-ganikkis* »Hilfsjunge für den Viehhirten« (Nesselmann) und *pa-guniks*, *pŏ-gunèks* »Hirtsjunge« (Lit. Forsch. S. 149) sind Entlehnungen aus russ. *pogónokъ* »Viehtreiber« (Brückner Archiv f. slav. Phil. VI 605). (*pa-*)*ganikkis* kann sein *a* dem Einfluß von lit. *ganaũ* : *ganýti* »hüten, weiden« (*gãnas* »Hirt«, *gãniawa* »Weide«, *ganōwas* »Treiber«), und das von Juškevič gebrauchte *pa-*

gónas »Hirt« (Lit. Forsch. a. O., im Reime auf *pónas*) sein *o* dem von lit. *naktì-gonė* »Nachthut« (*góna* »Herde«, *gõniawa* »Schar«, *gonýcza* »Verbannter«) verdanken. Man kann aber auch dort slav. *o* und hier slav. *a* (vgl. poln. *poganiacz* »Treiber, Viehtreiber«) zugrunde legen.

gùnyti, *guntwei* und *gùiti*, außerdem aber auch lett. *gainít* (s. oben) halte ich sämtlich für nichts anderes als poln. *gonić* »jagen, nachjagen, nachsetzen«.

gùnyti (*-niju*, *-nijau*) ist mir nur aus Juškevič' Slovarь bekannt, wo es S. 492 mit russ. gnatь, vygonjátь, poln. gnać, wypędzać übersetzt und S. 715 frageweise durch žem. **gũnyti* (aus **guĩnyti*) erklärt wird, was ich nicht für nötig, auch nicht für richtig halte. Seine finiten Formen sind Neubildungen aus dem Infinitiv.

Preuß. *guntwei* (I. Pl. *gunnimai*) in ein Ablautsverhältnis zu lit. *genù*: *giñti* zu bringen, ist trotz ksl. *gъnati* ebenso gewagt[1]), wie seine Verbindung mit ved. *junáti* »antreiben, scheuchen« (avest *zu*; J. Schmidt KZ. XXV 149). Ganz unbedenklich ist dagegen die Annahme, daß *gunnimai* das poln. *gonimy* wiedergibt, und der Infin. *guntwei* zu ihm neu gebildet ist (vgl. z. B. *po-gaunimai* : *po-gaūt*). Preuß. *u* = poln. *o* bieten auch *mufingis*, *mufilai*, *gurins* (Brückner Arch. f. slav. Phil. XX 490, 493).

gùiti »schnell jagen« (nach Juškevič auch *guĩti*) tritt in klare Beleuchtung, sobald *guinù* (Juškevič, Nesselmann; nach Kurschat bei Memel, wo ich es nicht habe ermitteln können) als sein rechtes Präsens angesehen wird. Dies ist entweder russ. *gonjú* »ich treibe, jage« (Infin. *gnatь*), oder — was ich vorziehe — poln. *gonię* mit litauischer Endung (vgl. lit. *kuĩnai* : poln. *konie*), ist aber von dem lit. Sprachgefühl ebenso falsch aufgefaßt, wie *gunnimai* von dem preußischen. Daher stellte man ihm den Infinitiv *gùiti* zur Seite, und diese singuläre Form führte zur Bildung der Präsentien *guijù* (Kurschat, Nesselmann, Stallupönen) und *gujù* (Ruhig, Mielcke, Nesselmann, Schleicher Gram. S. 82, Gaigalat, Juškevič).

Lett. *gainít* endlich halte ich selbstverständlich für eine durch *i*-Epenthese beeinflußte Umwandlung von *gonić*. Sein Präsens (*gainu*) ver-

1) Grundsprl. *n̥* und *n̥̄* sind im Preußischen nur durch *in* vertreten (BB. XVII 221, Berneker Preuß. Sprache S. 156 ff.). Steht *gъnati* für *gn̥nāti*, wie Vondrák Vergl. Grammatik S. 38, 160, 336 meines Erachtens mit Recht annimmt, so wäre also dafür — da hier an Entlehnung nicht zu denken ist — preuß. *ginn*° zu erwarten. — Vgl. preuß. *winna* »heraus«, ksl. *vъnъ* »hinaus« (KZ. XLI 89 Anm. 2), wo möglicherweise auch *n̥n* vorauszusetzen ist (vgl. Stokes Urkel[illegible] Sprachschatz S. 262 unter [illegible] und Solmsen [illegible] (Moskau 1896) S. 138 ff.

dankt es seinem Anschluß an die XI. Konjug.-Klasse (*darit*, *prasit*: *daru*, *prasu*).

Die obigen Erklärungen von *gùiti*, *guinióti* sind so verschieden von denjenigen, die diese Wörter früher durch mich selbst und andere erfahren haben (Geras S. 198, Fick Wbch.[4] I 408, Lorentz IF. VIII 104, H. Weber a. O. u. a.), daß es hier keinen Zweck haben würde, auf dieselben einzugehen. Wenn *gùiti*, *guinióti* Lehnwörter sind, brechen sie von selbst zusammen.

Sehr viel kürzer kann ich mich über *stainus* : *stuinus* fassen. In *stainus*, das Mielcke nur aus *pri-stainùs* erschlossen zu haben scheint und Nesselmann als Simplex nicht kennt, während es Kurschat in Klammer als żemaitisch mit der Bedeutung »ansehnlich, stattlich« aufführt, sowie in *pri-stainùs* »ansehnlich«, »stattlich, angesehen, geehrt« (Kurschat in Klammern; Mielcke, Nesselmann, die auch *pri-stainus* haben) und in dem dazu gehörigen *dastainei* »würdiglich« ist, wie man längst weiß (Nesselmann unter *dastainey*, Brückner a. O. S. 79, 136), *ai* = slav. *oi* : russ. *stojnyj* »wertvoll, würdig, achtungswert«, *pri-stójnyj* »ehrbar, anständig, schicklich« = poln. *przy-stojny* »geziemend, anständig«, poln. *do-stojny* »würdig«. Dieselbe Vertretung zeigt sich z. B. in dem häufigen, aber in den Wörterbüchern fehlenden żem. *straine*[*i*] »fein, zierlich« aus poln. *strojnie*. Dagegen ist in *stuinus* — dem Brückner mit »($\sqrt{sta}$)« (a. O. S. 43) heute gewiß selbst nicht mehr gerecht zu werden meint — *oi* zu *ui* geworden, falls dies Adjektiv überhaupt anzuerkennen ist. Meines Wissens kommt es nicht in Texten, sondern nur in Lexicis vor, zuerst in Ruhigs Wörterbuch, aber nicht im litauischen, sondern nur im deutschen Teil und zwar in dem Artikel: »strebicht Kind, *wikrùs kúdikis*, *stuinùs*«. Ebenso steht es um sein Vorkommen im Mielckeschen Wörterbuch, und da ferner Nesselmann nur bietet: »*stuinus*, *i*, kräftig, strebig, von Kindern«, Kurschat aber s. v. Mielcke als Quelle nennt, so halte ich es nicht für ausgeschlossen, daß *stuinùs* bloß ein Druckfehler (für *stainùs*) ist. Seine Bedeutung würde nicht hiergegen sprechen, denn ein »strebiges« Kind ist ein kräftiges, starkes, also ansehnliches Kind (s. Frischbier Preuß. Wörterbuch).

A. Bezzenberger.

Opusculum contra Francos.

Od mnohých let prázdné svoje chvíle věnovav studiu dějin cyrillo-methodějských, důkladněji jsem rozebíral staroslovanské legendy, které věda dosud ještě považuje za nejspolehlivější pramen dějin slovanských apoštolův. Odprvu je uznávám za tendenční[1]); i pokoušel jsem se provésti důkaz toho alespoň částečně pomocí vědy theologické, zejména pak církevního práva platného ve století devátém.

Ujav se poznámky A. D. Voronova[2]) snažil jsem se dokázati, že *pannonských legend nesepsal nikdo jiný nežli autor statě o písmenech slovanských mnich Chrabr.* Když pak Dr Václav Vondrák důvody filologickými duchaplně dovozoval, že jsou dílem Klimenta biskupa slovanského, který prý byl učenníkem Methodějovým[3]), prohloubil jsem svoje studium poněkud, a shledav, že mnohé důvody českého učence kryjí se s mými o autorství Chrabrově, *prohlásil jsem jej s biskupem Klimentem za osobu jednu*, uvedl některé důvody niterné a objasnil jsem co nejdůkladněji bylo možno zvláště dogmatické stanovisko Methodějovo i jeho učňův na základě listin na důkaz, že *nemohl býti Kliment biskup slovanský učenníkem slovanského apoštola*[4]). Nedávno pak Dr Alexander Brückner uveřejnil studii o slovanských legendách[5]); souhlasím s ním, uznávaje je spisy tendenčními v celém jejich rozsahu; o ostatních věcech dovolím si podati svoje poznámky.

Dokud se mi podařily moje průvody, o tom rozhodne budoucnosť. Za svou snahu jsem dosti odměněn, zavdal-li jsem podnět k hlubšímu studiu našeho předmětu.

---

1) Pannonské legendy a mnich Chrabr. Sborník historický. Red. Ant. Rezek. Ročn. IV. str. 134.

2) Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія. Кіевъ 1877, стр. 102 слѣд.

3) Studie z oboru církevněslovanského písemnictví. Rozpravy České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění. Třída III. Č. 20. V Praze 1903.

4) Studie [illegible]yrillomethodějské. Hlídka 1904—1906. Rozšířený otisk z Hlídky Brně 1906, s. [illegible]5—45 a 57—166.

5) Thesen [illegible] Cyrillo-Methodianischen Frage. Archiv für slavische Philologie. [illegible] otundzwanzigster Band [illegible] 999.

S pannonskými legendami souvisí, jak uvidíme, poněkud i Opusculum contra Francos, připisované v rukopisech cařihradskému patriarchovi Fotiovi, o kterém zde míním stručně promluviti. Vydal je z kodexu vatikanského č. 1011 slovutný církevní historik Josef kardinal Hergenröther v doplňku[6]) k svému třísvazkovému dílu o Fotiovi[7]); šíře o něm pojednal v III svazku str. 172—224.

Spis proti Frankům obsahuje řadu výtek činěných Frankům a ostatním Latinům. Z výtky 19, že nedovolují Boha ctíti leč jazykem židovským, řeckým a latinským, »*Λέγουσι (Φράγγοι) μὴ δεῖν ἄλλαις γλώσσαις τὸ θεῖον γεραίρεσθαι, εἰ μὴ ταῖς τρισὶ ταύταις διαλέκτοις· ἑβραιστὶ ἑλληνιστὶ ῥωμαιστί*, professor Anton Semenovič Budilovič vyvozuje, že Fotius skutečně byl duchem spřízněn s našimi Soluňany[8]) a připisuje mu dílko alespoň co do § 19, dovolávaje se svědectva Hergenrötherova, že § 19 a 21 se hodí velmi dobře do doby Fotiovy, ano lépe než do kterékoliv jiné[9]). Ale učenec později nachem ozdobený nevěděl, že v první polovici desátého věku mnichu Chrabrovi brániti bylo písmo slovanské proti kněžím sloužícím řecky v Bulharech statí o písmenech s jedné a pannonskými životy slovanských věrozvěstův s druhé strany, čehož učenec ruský se jistě dočetl u Voronova. K tomu si Budilovič nevšímá, co Hergenröther dále napsal: Daher schien vorerst nur so viel behauptet werden zu können, daß das Opuculum contra Francos in der Gestalt, wie es uns vorliegt, keineswegs als eine Arbeit des Photius betrachtet werden kann, schwerlich aber überhaupt vor Caerularius verfaßt ward[10]); a prozkoumav jednotlivé výtky, soudí: viele der angeführten Punkte sind von der Art, daß sie schwerlich in dieser detaillierten Weise vor dem eilften Jahrhundert besprochen worden sind[11]). Mně se zdá, že opusculum contra Francos samo a zejména onen § 19 výborně nám poslouží k bližšímu určení doby, kdy, krajiny, kde, ba i osoby, kým bylo sepsáno.

S mnohými výtkami, jež činil Fotius latinské církvi ve své pověstné encyklice z roku 867, shledáváme se v poněkud pozměněném způsobě i ve spise proti Frankům (sr. §§ 1, 4, 7, 18); z ostatních jeho pravých

---

6) Monumenta Graeca ad Photium eiusque historiam pertinentia. Ratisbonae 1869 pag. 62—67.

7) Photius, Patriarch von Constantinopel. Sein Leben, seine Schriften und das griechische Schisma. I.—III. Band. Regensburg 1867—1869.

8) Нѣсколько мыслей о грекославянскомъ характерѣ дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія стр. 35. Меѳодіевскій юбилейный сборникъ. Варшава 1885.

9) Uv. spis str. 44.

10) Photius III 174.

11) ibid. III_224.

spisův užito jenom v § 21 pojednání, jehož zlomek objevil kardinal Hergenröther a s nadpisem de liturgia uveřejnil ve svých Monumenta Graeca ad Photium[12]. Západ'anův nikde Franky nenazývá Fotij, ovšem pak Lev ochridský arcibiskup a jemu soudobý antiochijský patriarcha Petr III. Fotius se dále dovolával autority papežovy ještě i v pozdním díle svém de Spiritus sancti mystagogia, neboť se všemožně zasazoval o to, aby ho papež uznal; Fotius také skutečně s ním po nějaký čas obcoval: nemohl tedy býti sám proti sobě, nemohl odsuzovati, oč sám tolik byl stál, aniž vzmohl se tak velice jeho hněv a rozhořčenost' proti papeži, by tvrdil, že již od mnohých časův, *πρὸ πολλῶν χρόνων* západní národové i s papežem jsou mimo církev katolickou (*τῆς καθολικῆς ἐκκλησίας ἐκτός εἰσι*) a vzdáleni nauky (podání) evangelia apoštolův a otcův (*καὶ τῶν εὐαγγελικῶν καὶ ἀποστολικῶν καὶ πατριστικῶν παραδόσεων ἀλλότριοι*). Mnohem více se hodí řečené v dobu Kerulariovu, který neostýchal se vysloviti nemalý anachronismus, že papežové z diptych církve východní škrtnuti jsou již od Vigilia za času šesté synody[14], což Petr III antiochijský patriarcha opravuje řka, že Vigilius žil za pátého sněmu obecného a za šestého papežem byl Agathon, muž ctihodný a božských věcí znalý, jejž také sněm velice oslavuje[15].

K tomu nemohl Fotius ještě vytýkati Latinům, co obsahem jest §§ 7—9, 11, 13c, 14a, c, 15, 16, 19—22, 24—26.

Nejsou li, jak dovozuje kardinal Hergenröther, tyto články spisu našeho sestaveny před jedenáctým věkem, není alespoň v nynějším textě z dřívějších dob ani jediný z ostatních. Vyjímám pouze § 19, který není než bezmála doslovný překlad výtky, kterou pisec pannonské legendy v ústa klade duchovenstvu benátskému: **Мы же три языкы**

---

12) Monumenta Graeca pag. 11 sequ.

13) ibidem pag. 63.

14) Dr Cornelius Will, Acta et scripta, quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae composita extant Lipsiae et Marpurgi 1861 pag. 178 sequ. Michaelis Caerularii ad Petrum patriarcham epist. cap. 9. Migne Patrologia Graeca 120, 788. *Οἶδας γὰρ ὅτι ἀπὸ τῆς ἁγίας καὶ οἰκουμενικῆς ἕκτης συνόδου καὶ ἐπὶ τάδε ἡ ἐν τοῖς ἱεροῖς διπτύχοις ἀναφορὰ ταῖς καθ' ἡμᾶς δηλαδὴ ἁγίαις ἐκκλησίαις ἐξεκόπη τοῦ πάπα διὰ τὸν τηνικαῦτα πάπαν Ῥώμης Βιγίλλιον μὴ ἀπαντῆσαι κατὰ ταύτην τὴν σύνοδον, μήτε μὴν ἀναθεματίσαι τὰ παρὰ Θεοδωρήτου κατὰ τῆς ὀρθῆς πίστεως καὶ τῶν δώδεκα κεφαλαίων τοῦ ἁγίου Κυρίλλου γραφέντα, ἔτι δὲ καὶ τὴν τοῦ Ἴβα ἐπιστολήν· καὶ ἔκτοτε καὶ μεχρὶ τοῦ νῦν ἀποτμηθῆναι τῆς καθ' ἡμᾶς ἁγιωτάτης καὶ καθολικῆς ἐκκλησίας τὸν πάπαν.*

15 l. c. pag. 192 ep. Petri cap. 4. Migne l. c. col. 797 *ὁ Βιγίλλιος γὰρ ἐπὶ τῆς [illegible]μπτης ἦν . . . ἐπὶ δὲ τῆς ἕκτης τῆς ἁγίας συνόδου ὁ ἱερὸς ἦν πάπας Ἀγάθων, ἀνὴρ [illegible]ιμιος καὶ τὰ θεῖα σοφὸς . . . εὑρήσεις γὰρ τὸν εἰρημένον Ἀγάθωνα [illegible] τῆς [illegible]*

токмо вѣмъ, ими же достоить славити бога, еврѣискы, еллиньскы, латиньскы[16]).

Na základě dat obsažených ve spise mnicha Chrabra o písmenech jsem konstatoval, že duchovenstvo v Bulharech řecky sloužící tehda, když se tam zaváděla slovanská bohoslužba, nikterak se k ní nechovalo přátelsky, nýbrž naopak všelikým způsobem se ji snažilo zameziti. Když potom roku 1019 Řeci dobyli oblasti Bogorův a Symeonův, dali Bulharům ještě jednoho arcibiskupa z jejich národa Jana z Debry. Jeho však nástupcem byl chartofylax veliké církve (cařihradské) Lev úhlavní to nenávistník Latinův[17]) a horlivý pomocník patriarchy Michala Kerularia, se kterým byl z církve vyloučen roku 1054 od vyslanců papežových[18]).

Arcibiskup Lev napsal několik polemických pojednání proti Latinům[19]). Zvláště pamětihodný jest jeho list Janovi arcibiskupovi transkému, kterým dáno bylo heslo k boji s Římem. Psal jej, vyzván jsa k tomu Kerulariem a určil, aby sdělen byl se všemi biskupy Frankův i se samým nejctihodnějším papežem[20]), aby napravili nepříslušnosti a bludy (kacířstva, *αἱρέσεις*) počtem čtyři. Vytýká jim totiž, že židují, zachovávajíce nekvašené chleby a sobotu, zvláště;

1. že užívají nekvašného chleba (který se prý ničím neliší od bezduchého kamene a od hlíny cihelné a od slínu), který sám Mojžíš jednou pouze v roce požívati nařídil Židům;

2. zachovávají sobotu čtyřicetidenního postu, t. j. světí ji, dle citatův Mat. 12, 1—4, Mar. 2, 27, Luk. 6, 1—4, 12, 15, Jan 9, 16 rozuměj: postí se ten den. Fotius v encyklice z roku 867 mluví o postě v sobotu vůbec.

Pro tyto dvě věci Latini, ač křesťany se nazývají, nejsou prý ani

---

16) Dle Perwolfova vydání v Pramenech dějin českých sv. I.

17) Konstantin Josef Jireček, Dějiny národa bulharského V Praze 1876 str. 176, Hergenröther III. 736.

18) Will, Acta et scripta pag. 154 Michael . . . atque cum eo Leo Achridanus episcopus dictus et sacellarius ipsius Michaelis . . . sint anathema Maranatha.

19) Е. Голубинскій Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской сербской и румынской. Москва 1871. Онъ принадлежитъ къ числу греческихъ церковныхъ писателей (извѣстно въ настоящее время нѣсколько полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, и одно — 50 главъ о невольныхъ ускушеніяхъ — аскетическо-правоучительное, см. Удина Comment. de scriptoribus ecclesiast. t. II p. 604 Lequien'-a Oriens II. 292) и извѣстенъ какъ самый ревностный помощникъ патріарха Михаила Керилларія въ его борьбѣ съ латинской церковью и сл.

20) Will l. c. pag. 56. Migne 120, 836. *Ἡ τοῦ θεοῦ μεγάλη ἀγάπη καὶ τὰ χρηστὰ τῆς συμπαθείας αὐτοῦ σπλάγχνα ἔπεισαν ἡμᾶς γράψαι πρὸς τὴν σὴν ἁγιότητα καὶ διὰ σοῦ πρὸς πάντας τοὺς ἀρχιερεῖς τῶν Φράγγων καὶ πρὸς αὐτὸν τὸν αἰδεσιμώτατον πάπαν.* Conf. et p. 60.

Židy ani křesťany, alebrž podobni levhartům, jejichž srsť dle sv. Basilia není ani černá ani zcela bílá.

3. požívají zadávenin, v nichž jest krev, proti zákazu božímu (Levit. 17, 14);

4. opomíjejí ve čtyřicetidenním postě zpívati alleluja[21]).

Ku konci připovídá v jiném spise větší věci a obšírnější, pakli že tyto zlořády budou odstraněny[22]). Zdá se, připomíná Hergenröther, že Lev z Ochridy dostál svému slovu[23]).

Výtky, jež činil ochridský arcibiskup církvi latinské, opakuje, byť i stručněji a s části bez dokladův pisatel Opusculi contra Francos všechny: prvou v § 2, druhou v § 4 (jenom že zde mluví zřetelně o postě v sobotu vůbec právě jako Fotius ve své encyklice), třetí v § 12, čtvrtou v § 17[24]).

Již celý úvod spisu proti Frankům, jeho shoda s listem arcibiskupa ochridského a konečně slib posledně jmenovaného, že v jiném spise pojedná šíře na důkaz pravé božské víry k boží oslavě a ke spáse pravověrných, nasvědčuje, že nikdo jiný nesestavil toho spisu než ochridský arcibiskup Lev. Netřeba dokládati, že žádný jiný z biskupův byzantských nemohl snáze míti vědomí o výtce v životě Konstantinově-Cyrillově jemu samému prý činěné jakožto původci slovanské bohoslužby, žádnému jinému nebyla by snadno padla do očí, žádnému jinému by nebylo tolik na ní záleželo, jako právě některému biskupovi

---

21) l. c. pag. 57 sequ. Migne l. et col. cit. et sequ. 1. *ὑπομνῆσαι περί τε τῶν ἀζύμων καὶ τῶν σαββάτων ἃ Μωσαϊκῶς ἀσυντηρήτως ἐπιτελοῦντες συγκοινωνεῖτε τοῖς Ἰουδαίοις . . . τὰ δὲ ἄζυμα οὐδὲν διαφέρει λίθου ἀψύχου καὶ πηλοῦ πλινθίνου καὶ κεράμου . . . 2. καὶ τὸ σάββατον πῶς κατὰ τὴν ἁγίαν τεσσαρακοστὴν ἰουδαϊκῶς φυλάττετε; ἢ οὐκ ἀκούετε τοῦ εὐαγγελίου λέγοντος, ὅτε ἐρχόμενοι οἱ μαθηταὶ ἐν τοῖς σάββασιν ἤρξαντο ὅδον ποιεῖν τίλλοντες τοὺς στάχυας καὶ ἐσθίοντες;* (Matth. 12, 1) *κτέ.* 3. *Πῶς δὲ καὶ πνικτὰ οἱ τοιοῦτοι ἐσθίουσιν, οἷς τὸ αἷμα αὐτοῦ συγκέκραται;* 4. *Ὅτι δὲ καὶ τὸ Ἀλληλούϊα κατὰ τὴν τεσσαρακοστὴν οὐ ψάλλετε, ἀλλὰ κατὰ τὸ πάσχα μόνον . . . κατὰ τοῦτο οὖν μηδὲ τὸ θεὸς κύριος καὶ ἐπεφάνη ἡμῖν, μηδὲ τὸ εὐλογημένος ὁ ἐρχόμενος ψάλλετε, καὶ τοῦτο γὰρ Ἀλληλούϊα ἐστί* (sic).

22) l. c. pag. 60. *εἰ τοῦτο ποιήσῃς, προσθήσω καὶ διὰ δευτέρας γραφῆς τὰ μείζω καὶ πλατύτερα τούτων εἰς ἔνδειξιν πρότερον τῆς ἀληθοῦς καὶ θείας πίστεως καὶ δόξαν θεοῦ καὶ σωτηρίαν τῶν καλῶς καὶ ὀρθοδόξως πιστεύειν αἱρουμένων.*

23) Hergenröther III 737.

24) Ku přirovnání podávám ony §§ spisu proti Frankům z Hergenrötherových Monumenta Graeca pag. 64 sequ. § 2. *Ἀντὶ ἄρτου ἄζυμα προσφέρουσι καὶ συκοφαντοῦσι τὸν ἀπόστολον Πέτρον καὶ τοὺς ἐν ἁγίοις πατέρας ὡς ἐκεῖθεν ἔχοντες τὴν τοιαύτην παράδοσιν.* § 4. *Νηστεύουσι τὰ σάββατα, καὶ ἐὰν τύχῃ ἐν σαββάτῳ ἑορτὴ τῆς Χριστοῦ γεννήσεως ἢ τῶν φωτῶν, οὐ λύουσι τὴν νηστείαν.* § 12. *Τὰ πνικτὰ ἐσθίουσι* [illegible] *θη*[illegible] *θνησιμαῖα καὶ τὸ αἷμα καὶ τοὺς ἄρκτους* [illegible] *τοὺς κυνοποτά*-[illegible] *τούτων* [illegible]*ρώτερ*[illegible] *μιαρότερ*[illegible] [illegible]7 *Ἀπὸ τῆς τε*-
[illegible]

bulharskému Řeku rodem, jehož kněžstvo velikou většinou sloužíc jazykem slovanským užívalo onoho životopisu a který snad nucen byl sám pro sebe si pořiditi nějaký z něho výtah jazykem řeckým. *Všecky okolnosti poukazují na prvého Řeka na arcibiskupském stolci ochridském, urputného a zapřisáhlého protivníka Latinův Lva.*

Konečně mám za to, že nejsem dalek pravdy, tvrdím-li, že *Michal Kerularius měl náš spis proti Frankům před očima*, když psal brzo po smrti Lva IX. papeže svůj list prvý Petrovi III. patriarchovi antiochijskému.

Inkriminace Latinův dělí Kerularius ve dvé v listě tomto.

V oddíle prvém uvádí, v čem prý židují: 1. užívají [ve mši svaté] nekvašeného chleba; 2. jedí zadáveniny, 3. holí brady, 4. zachovávají sobotu, 5. jedí pokrmy nečisté a poskvrněné, 6. mniši požívají sádla vepřového a kůže sáhající až k masu, 7. v prvním postním konají zároveň týden masopostu a týden sýropostu, 8. jedí ve středu maso a 9. v pátek sýr a vejce ale za to 10. v sobotu se postí celý den.

V oddíle druhém vyčítá 11. přídavek Filioque, 12. že v Gloria říkají: Unus sanctus, unus Dominus Jesus Christus in gloria Dei Patris per Spiritum sanctum, 13. zapovídají manželství kněží, 14. dva bratři berou si dvě sestry, 15. ve mši svaté jeden z přisluhujících přijímaje [ve způsobě] nekvašeného chleba, ostatní objímá, 16. biskupové nosí prsteny a 17. jdouce do boje poskvrňují ruce své krví, 18. udělujíce křest kněží jenom jednou ponořují a 19. ústa křestěncova naplňují solí, 20. porušují (falšují) slova apoštolova (I. Kor. 5, 6, Gal. 5, 9) o kvase, 21. neuctívají svatých ostatkův, někteří ani svatých obrazův a konečně nepočítají k velikým svatým otcům řeckým učitele a biskupy Řehoře Bohoslovce, Basilia Velikého a Jana Zlatoústce aniž přijímají jejich učení[25]).

Michal Kerularius jenom zběžně, κατὰ πάροδον dotýká se toho, v čem bloudí Latini, pro kteréžto »bludy« třeba se jich varovati: Slůvko κατὰ πάροδον zdá se poukazovati, že obšírněji již předem o nich bylo mluveno.

Zcela nového vypovídá velmi málo, co uvedeno zde pod čísly 12., 20., 21., 22. Čísto 4., 7., 11., 14. vytýkal už Fotius v encyklice z roku 867 a v listě knížeti bulharskému, č. 3 v listě právě uvedeném. Výtky Kerulariovy 1., 2., 5., 7., 10., 11., 13., 14., 15., 16., 17. 18., 19. odpovídají v Opusculum §§ 2, 12, opět 12, 5 a zároveň 6, 4, 15, 3,

---

25) Epistola Michaelis Caerularii ad Petrum num. 12—14 apud Will Acta et scripta pag. 180—183. Migne 120, col. 789—793.

22, 27, 3, 14a, 14b. Výtkám 6 a 9 přirovnati dlužno § 23 a § 7. Číslo 4 opakováno jest z listu Lva arcibiskupa Janovi Transkému, jenom že Lev dokládaje se uvedených výše textův na rozum dává, že právě půst v sobotu vybral si zábarkou své výtky: Latiníci židují zachovávajíce půst v soboty postu čtyřicetidenního.

Celé rozdělení inkriminací Kerulariových na takové, čím se Latini přizpůsobují Židům a na ostatní připomíná taktéž dotčený list Lva arcibiskupa. V prvém oddíle mimo číslo 3 není nic, co by nebyl uvedl autor spisu proti Frankům. Rovněž i ve výtce 15 Kerularius brevis fuit, obscurus factus est, nemáme-li zření na § 27 polemiky proti Frankům.

Však nemůže Kerularius ukončiti výčet »bludův« latinských, aniž by se alespoň summárně nedotekl i ostatních, které tu byly opominuty: I jiné však některé věci činí, kteréž nesnadno vypočítávati dopodrobna[26]).

Zavírám: *Opusculum contra Francos věrojatno sestavil ochridský arcibiskup Lev.* Brzo potom s encyklikou Fotiovou z roku 867 a s písemnostmi téhož roku odevzdanými poslům Borisovi určeným sloužilo pramenem Michalu Kerulariovi, když psal prvý svůj list Petrovi III. patriarchovi antiochijskému. V pozdější době byl mnoho užíván, častěji opisován, doplňován, načež některý opisovač podle mravu tehdy zavládlého, aby větší ještě nabyl váhy, připsal k záhlaví jméno původce rozkolu Fotia patriarchy.

Chrabrovy-Klimentovy klevety (tendenční lži) o římské církvi, z nichž jednu nalezli jsme i v Opusculum contra Francos, se udržovaly v písních sestavených na základě pannonských legend, jež zavedeny v liturgii na počest' svatých Soluňanův vytiskly úplně staré a, pokud možno souditi podle jediného zbylého troparu, básnicky dokonalejší a proto také daleko cennější[27]). Tak byl uměle pěstován odpor a nechuť proti Římu.

Však Lev Ochridský přijav ze záští a nenávisti k západu dotčenou výtku z Chrabrova-Klimentova životopisu Konstantinova Cyrillova, nikterak neosvědčil, že by sám a vůbec řečtí hierarchové v Bulharech před ním a po něm žijící byli přáteli a příznivci slovanské bohoslužby a jejích šiřitelův a obhájcův. Dějiny aspoň dokazují opak toho.

---

26) Will l. c. 183, Migne l. c. 793. *Καὶ ἄλλα δέ τινα δρῶσιν, ἃ ἐργῶδές ἐστι κατὰ μέρος ἀπαριθμεῖσθαι.*

27) Srovn. Hlídku 1902 str. 662 a moje Studie cyrillomethodějské str. 127.

František Snopek.

Славянскія этимологіи.

I. Прасл. **bystrъ* »citus«.

Это слово оставлено Миклошичемъ EtWb. 27 безъ объясненія, да и теперь, како вѣрно указалъ Meillet Études 402, оно не пользуется достовѣрной этимологіей. Между тѣмъ еще въ 1880 г. чешскій лингвистъ Matzenauer LF. VII 19—20 предложилъ ему, по моему мнѣнію, совершенно правильное объясненіе, сближая его съ извѣстнымъ корнемъ **bheudh-* »бодрствовать«. Къ сожалѣнію, Matzenauer обосновалъ свою этимологію слишкомъ кратко и бѣгло, и потому, я надѣюсь, не будутъ лишними нижеслѣдующія сопоставленія, которыя я сдѣлалъ, не зная еще ничего объ этимологіи чешскаго ученаго.

Когда этимологу приходится имѣть дѣло со словомъ, которое, на первый взглядъ, стоитъ совершенно изолированно отъ другихъ образованій, то первымъ и необходимымъ условіемъ его изслѣдованія долженъ быть такой анализъ его значенія, который установилъ бы вряду его различныхъ оттѣнковъ первоначальный и главный. И вотъ, если мы приложимъ это правило къ праслав. **bystrъ*, то сразу убѣдимся, что значеніе »скорый«, которое имѣетъ, напр., дцсл., не можетъ считаться первичнымъ. Болгарскому и сербскому языкамъ это значеніе даже совсѣмъ не извѣстно, и замѣнено значеніемъ »ясный, прозрачный«: »бистра (вода) като сльза«, говоритъ болгаринъ; »бистра (вода) као ракиja«, говоритъ сербъ. Конечно, значеніе »ясности« и »чистоты« (которое, кстати сказать, переносится и на духовныя способности, — ср. сербское выраженіе у њега je бистра глава »у него ясная голова«) могло легко развиться изъ понятія »быстроты«, но какой быстроты, — быстроты болѣе или менѣе механической (значеніе которой лежитъ въ основѣ, напр., прасл. **skorъ* »celer«) или той быстроты, которая является результатомъ извѣстнаго напряженія воли, энергіи и вообще нѣкоторой духовной работы? Даже самый бѣглый обзоръ значеній, которыя имѣетъ **bystrъ* въ другихъ славянскихъ языкахъ, позволяетъ намъ отвѣтить на этотъ вопросъ лишь въ послѣднемъ смыслѣ. Такъ, въ словенскомъ языкѣ *bister* имѣетъ значеніе не только »ясный, прозрачный (»klar, hell«),

но и »бодрый« (»wachsam«) и, напр., *bistr konj* означаетъ не только »быстраго коня«, но и »горячаго«, »рѣзваго« (»wachsam«, »munter«). Значеніе »wach, wachsam, aufmerksam« единственно въ чш. *bystrný* и, во всякомъ случаѣ, является первымъ въ чш. *bystrý*: *bystré oko na někoho míti* значитъ по- чешски »наблюдать за кѣмъ«. Не случайно поэтому и Гусъ употребляетъ иногда *bystrý* въ значеніи »энергичный«, »energisch«: »*Protivie sě taci lenochové bystrému životu pána Ježiše* (Gebauer, Slovník staročeský), что значитъ: »такимъ лѣнтяямъ не нравится полная дѣятельности жизнь Христа«. Подобнымъ образомъ въ пл. яз. *bystry* значитъ не только »скорый, ясный, проницательный«, но и »дѣльный«, »дѣловитый«, а въ русскомъ быстрый весьма часто употребляется въ значеніи »бойкаго«, »рѣзваго». Ср. вишь ребятишки какъ быстряются (Влдм. губ.). А значеніе »бодраго, энергичнаго« является даже единственнымъ для такихъ глаголовъ, какъ быстровáть (Арх. губ.) »выдерживать тяжкіе труды«, быстрогá (т. ж.) »неутомимый рабочій« и т. д.

Изъ этого краткаго обзора значеній нашего слова съ очевидностью вытекаетъ, что первоначальнымъ изъ нихъ было не »скорый«, а »бодрый, энергичный«: изъ этого значенія одинаково легко могло развиться сначала значеніе »живой« (ср. срб. бȁдар »lebhaft«), а потомъ »скорый« (ср. русс. живо = скоро), а изъ обоихъ вмѣстѣ — значеніе »ясный, прозрачный, проницательный«.

До сихъ поръ семасіологія. А что говоритъ морфологія?

Въ славянскихъ языкахъ, какъ и въ другихъ индо-европейскихъ, широко распространенъ корень **bheudh-* »erwachen«. Ср. дцсл. боудити блюсти бѫдѣти, лт. *baústi* »züchtigen«, *bùsti* »erwachen«, *būdýnė* »Nachtwache«, гот. *biudan*, двн. *biotan*, гр. *πεύθομαι*, др.-инд. *bódhati* »erwacht«, *bodha-s* »das Wachsein, Erkenntniss, Einsicht«. Fick I[4] 89, Br. Gr. I[2] S. 213, KVG. S. 145, Uhlenbeck Ai. EtWb. 192, Prellwitz[2] 365, Hirt Ablaut S. 459, Bernecker IF. X 151. Отъ разновидности этого корня **bhūdh-* съ помощью извѣстнаго суффикса сравнительной степени *-tro-* и могло быть образовано прилаг. **byd-trъ*, изъ котораго, по законамъ славянской фонетики, и возникло далѣе **bystrъ*.

Такимъ образомъ, съ морфологической точки зрѣнія прилаг. **bystrъ* представляетъ прилаг. не въ положительной степени, а въ сравнительной. Оно означало, слѣдовательно, не »бодраго вообще«, а »бодраго болѣе, чѣмъ обыкновенно«, »бодраго par excellence«, ergo »энергичнаго« и формально вполнѣ аналогично русс. матерый и лат. *maturus*, о которыхъ ср. Покровскаго KZ. XXXV 233, Prellwitz BB. XX[illegible] Meillet Études 407.

II. Чешское *stěhovati* »переселяться«.

Чш. *stěhovati*, *přestěhovati*, *přestěžiti* »übersiedeln«, Mikl. EtWb. 323 оставилъ безъ объясненія. А между тѣмъ едва-ли можно сомнѣваться, что корень этихъ словъ представляетъ высшую ступень извѣстнаго и-е корня **stigh-*, котораго низшая ступень заключается, напр., въ лтш. *stiga* »Pfad«, гр. *στίχος*, др.-инд. *stighnutē* »springt auf«, слав. *stьdža*, а средняя — въ лт. *steigtis* »eilen«, гот. *steigan*, гр. *στείχω* »иду«. Ср. Fick I⁴ 144, 568, Br. Gr. I² S. 590, 632, Uhlenbeck Ai. EtWb. 344, Prellwitz ² 431, Walde, Lat. EtWb. 402, 666, Zupitza, Germ. Gutt. 180. Изъ значенія »идти по дорогѣ« легко могло развиться значеніе »übersiedeln« чш. глаголовъ. Ср. чш. *cestovati*, *cestiti* »путешествовать, странствовать«, образованныя отъ *cesta* »дорога«.

Изъ другихъ славянскихъ языковъ корень **stěg-* извѣстенъ только верхнелужицкому. Ср. *sćehować* »слѣдовать«, *sćěha* и *sćeh* »слѣдованіе«, »Folge«. Послѣднее имя не только по звукамъ, но и по формѣ и значенію совершенно тождественно съ гр. *στοῖχος* »Reihe«.

III. Рус. сусликъ »mus citellus«.

Кромѣ русскаго языка, это слово извѣстно еще въ словенскомъ: *sûslik*. Оба эти имени представляютъ Deminutiva отъ прасл. **susъlъ*, которое сохранилось въ рус. діал. сýсоль. Съ другой вокализаціей корня и въ другомъ значеніи это слово употребляется въ болгарскомъ языкѣ: съселъ »крыса«; тождественно съ русскимъ по значенію, но также отлично отъ него по вокализму чешское *sysel* и его deminutivum *syslik* »Zieselmaus«.

Такъ какъ животныя, которыя въ славянскихъ языкахъ обозначаются этими названіями, принадлежатъ къ отряду грызуновъ, то я не вижу основаній отдѣлять отъ этихъ словъ извѣстный корень **sъs-* »сосать« (дцсл. **съсати**, срб. сȁти, слв. *sesáti*, чш. *sesáti*, рус. сосать), какъ это дѣлаетъ Mikl. EtWb. 335: вѣдь »сосаніе« и »грызеніе« на практикѣ нерѣдко бываютъ невозможны одно безъ другого, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что славяне назвали »суслика« по первому изъ этихъ двухъ характерныхъ признаковъ. До извѣстной степени эта этимологія подтверждается бѣлорусскимъ сусликъ »сосущее дитя«, рядомъ съ которымъ употребляется и глаголъ суслиць »сосать«.

Что касается до корня **sъs-*, то онъ спорнаго происхожденія: въ то время какъ одни этимологи возводятъ его къ корню *suk̑-* (Pedersen IF. V 39), другіе возводятъ его къ **sup-s-* (Persson, Zur Lehre 176, Zupitza, Germ. Gutt. 29, Walde, Lat. EtWb. 607). Но предлагаемая этимологія прасл. **susъlikъ* сохраняетъ свое значеніе независимо отъ

той или иной этимологіи *sъs-, такъ какъ его значеніе »впитывать жидкость«, повидимому, также древне, какъ древне само слово.

IV. Сербское дȍба »время«.

Сербское дȍба отличается отъ соотвѣтствующей формы другихъ славянскихъ языковъ (болг. доба, слв. *dóba*, чш. *doba*, пл. *doba*, русс. діал. доба) въ трехъ отношеніяхъ: 1. оно представляетъ форму не женскаго рода, а средняго; 2. оно потеряло способность измѣняться по падежамъ, т. е. стало несклоняемымъ и 3. имѣетъ не то удареніе, которое мы ожидали бы для него, какъ для слова съ основой -ā, -удареніе не ˋ, а ˵, ср. чак. *dobà*.

Такъ какъ ни одинъ изъ славянскихъ языковъ не имѣетъ почти ничего похожаго на то, что показываетъ серб. дȍба, то его акцентуальную и синтаксическія особенности приходится считать новообразованіемъ. Какъ же оно возникло?

Что бы отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимъ вниманіе, что въ одномъ изъ славянскихъ языковъ, именно въ верхнелужицкомъ, вмѣсто доба ж. р., употребляется *dobo* ср. р. Ср. *jene dobo* »auf einmal«, *z dobom* »mit einem Male«, *na dobo* »zusammen, auf einmal« (См. словарь Пфуля). Нѣтъ никакихъ основаній полагать, что это *dobo* возникло изъ *doba*: повидимому, и то и другое слово представляютъ субстантивированныя формы прилаг. **dobъ* »пригодный«, которое въ соединеніи съ суфф. сравнит. степ. -го- болѣе распространено въ слав. язз. въ видѣ **dobrъ* Ср. Fick, KZ. XIX 260, Vgl. Wörb. I[4] 462, Bezzenberger, GGA. 1898, 554, Walde, Lat. EtWb. 201, Meillet, Études 115. Еслибы можно было теперь доказать, что сербскому языку также было извѣстно *dobo*, то, быть можетъ, оно объяснило бы, по крайней мѣрѣ, перемѣну грамматическаго рода у имени *doba*; эта перемѣна могла совершиться подъ его вліяніемъ.

И дѣйствительно, въ черногорскихъ говорахъ сербскаго языка, недавно съ большою подробностью описанныхъ П. А. Ровинскимъ (Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ, III, СПб. 1905), имя *dobo* употребляется наряду съ *doba*, и притомъ въ одинаковомъ съ нимъ значеніи (ib. 511). И въ высшей степени интересно и важно то обстоятельство, что родъ того и другого слова »иногда не сообразается съ окончаніемъ: у та добо и у то доба« (Ровинскій ib.).

На первый взглядъ, можетъ показаться правдоподобнымъ объясненіе, что смѣшеніе грамматическихъ родовъ у добо и доба произошло именно вслѣдствіе [illegible] въ одномъ и томъ же языкѣ, [illegible] только [illegible] [illegible]енія и

формъ *dobo* и *doba*, всеже различіе между ихъ окончаніями настолько рѣзко и настолько тѣсно ассоціировано въ сербскомъ языкѣ (какъ и вообще въ славянскихъ) съ функціями грамматическаго рода, что смѣшеніе ихъ было бы совершенно невозможно безъ помощи какого-нибудь внѣшняго фактора или причины.

И по счастью, эту причину указать нетрудно!

Если дѣйствительно въ сербскомъ яз. слышалось одно время имя *dobo*, — а мы видѣли, что соврем. черног. добо тому служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, — то отъ него сербы могли образовать Ablativus temporis *d̏ba* (ср. серб. jу̏чера — Abl. temp. отъ jу̏чер »вчера«). Этотъ Ablativus и по звукамъ, и по формѣ, и по значенію вполнѣ совпадалъ съ N¹ имени **dòba* и отличался отъ него только удареніемъ. Пока Abl. *d̏ba* не окаменѣлъ, и пока языкъ помнилъ его этимологическую связь съ *dobo*, это совпаденіе не могло оказать существеннаго вліянія ни на ту, ни на другую форму. Но когда съ теченіемъ времени форма *dobo* стала выходить изъ употребленія, и когда, вслѣдствіе этого, его Abl. *d̏ba* сталъ стремиться къ кристаллизаціи, смѣшеніе между нимъ и N **dòba* стало неизбѣжнымъ. Это смѣшеніе могло произойти или такъ, что Abl. *d̏ba*, совпавъ формально и семасіологически съ N **dòba*, не успѣлъ закончить процесса своей постепенной кристаллизаціи, а остановился, такъ сказать, на полъ-пути къ ней, сохранивъ свой прежній (т. е. средній) родъ и функціи существительнаго, хотя и несклоняемаго: или же — такъ, что N¹ **dòba* подъ вліяніемъ тождественнаго по значенію Abl. *d̏ba* перемѣнилъ свой родъ на средній, а затѣмъ, когда послѣдній окаменѣлъ окончательно, заимствовалъ отъ него его удареніе и несклоняемость, и такимъ образомъ отожествился съ нимъ почти совсѣмъ. Съ другой стороны, черног. добо могло получить значеніе ж. р. въ то время, когда Abl. отъ *dobo d̏ba* еще не превратился въ нарѣчіе, и потому могъ легко подвергнуться вліянію **dòba*.

Но какимъ бы путемъ смѣшеніе всѣхъ трехъ формъ ни происходило, несомнѣнно одно, что современное сербское до̏ба представляетъ синтаксическій и акцентуальный компромиссъ двухъ праслав. падежей Abl. *doba* (отъ *dobo*) и N¹ *doba*.

V. Древне-церковно-славянское **гънати**.

Звукъ **ъ**, resp. **ън** въ этомъ словѣ обыкновенно (послѣдніе, напр., Vondrák Vergl. Gr. 38, 160 и Meillet, Alternances 365) объясняютъ какъ прасл. рефлексъ и.-е. *n̥*, resp. *n̥n*, и, слѣдовательно, въ корнѣ **гън-** видятъ низшую ступень корня **ghen-*, которая въ славянскихъ языкахъ

имѣетъ представителемъ глаголъ **женѫ**. Это объясненіе, конечно, возможно: разъ въ праслав. языкѣ и.-е. *r̥r* или *l̥l* можетъ отражаться через *ъr* или *ъl*, то почему же и индо-европ. *n̥n* или *m̥m* не можетъ давать въ томъ же языкѣ *ъn* или *ъm*?

Однако, существуетъ одно обстоятельство, на которое изслѣдователи до сихъ поръ не обращали вниманія, но которое заставляетъ относиться съ нѣкоторымъ скептицизмомъ къ господствующему мнѣнію. Дѣло въ томъ, что въ славянскихъ языкахъ отъ глагольныхъ корней на низшей ступени вокализаціи образуются обыкновенно iterativa, которыхъ коренная гласная представляетъ обыкновенно удлиненіе коренной гласной первыхъ. Такъ при *bьrati* въ слав. яз. употребляется *-birati*, при *dьrati* — *-dirati*, при *stьlati* — *-stilati*, при *sъlati* — *-sylati*, при *sъpati* — *-sypati* и т. д. Между тѣмъ, ни въ одномъ изъ славянскихъ языковъ нѣтъ образованія, которое можно было бы объяснить изъ iterativum **gynati*! Явленіе довольно странное!

Но оно не будетъ такимъ, если мы вспомнимъ теперь, что Präsens къ Inf. *gъnati* въ дусл. яз. звучитъ **женѫ**, котораго начальные звуки не имѣютъ ничего общаго съ зачиномъ слова **гънати**. Вслѣдствіе этого, форма **gnati*, гдѣ *gn* представлялъ нулевую ступень корня **ghen-*, не могло особенно тѣсно ассоціироваться съ формой Präs. *žen̨ą*. При такихъ обстоятельствахъ, этимологическая связь между обѣими основами могла легко порваться, и одна изъ нихъ (въ данномъ случаѣ **gnati*), если не вполнѣ смѣшаться, то, по крайней мѣрѣ, подвергнуться морфологическому вліянію или контаминаціи съ какой-нибудь другой формой, этимологически съ ней ничего общаго не имѣвшей, но близкой къ ней по звукамъ, функціи и значенію.

Какъ извѣстно, слав. *ženą* въ лт. яз. соотвѣтствуетъ *genù ginti* »гнать скотъ«. Еще Шмидтъ, Zur Geschichte des idg. Voc. I 175—176 сопоставлялъ съ этими словами лт. *gujù*, *guinóti* »jagen, treiben«, причемъ объяснялъ ихъ изъ первыхъ фонетически. Это, конечно, не вѣрно, но, во всякомъ случаѣ, интересно констатировать фактъ, что въ лт. яз. существуетъ форма, вокализмъ и значеніе которой вполнѣ совпадаютъ съ вокализмомъ и значеніемъ дцсл. **гънати**. Это сходство покажется еще болѣе замѣчательнымъ, если мы вспомнимъ, что лт. *gujù* нельзя отдѣлять отъ лт. же *gáunu* »erlangen, bekommen« и лтш. *gũnu* »hasche« (ср. Leskien, Ablaut 35), а эти послѣднія родственны, по всей вѣроятности, — съ др.-инд. *junā́mi* »гоню«. Ср. Wiedemann, Lit. Prät. 55 Принимая во вниманіе глубокое органическое родство балтійскихъ и славянскихъ языковъ, довольно естественно предположить, что и въ [illegible] глаголъ **gъnati* (отъ к. *gu-* »fangen [illegible]

который, совнавъ по формѣ и значенію съ глаголомъ *gnati (отъ корня *ghen-), или сталъ на его мѣсто, или повліялъ въ извѣстномъ намъ смыслѣ на его вокализмъ. Какъ бы то ни было, но форму *gъnati слѣдуетъ читать, по нашему мнѣнію, не какъ *gъn-ati, а какъ *gъ-na-ti.

VI. Древне-церковно-славянскія **дъвашьды** и **дъвашьди**.

Этимъ нарѣчіямъ, которыя приводятся здѣсь только въ качествѣ примѣровъ многочисленныхъ multiplicativa въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ на **-шьды** и **-шьди** (ср. **тришьды** и **тришьди**, **четыришьды** и **четыришьди**, **пѧтишьды** и **пѧтишьди** и т. д.), посвятилъ недавно небольшую этимологическую замѣтку Wiedemann BB. XXX 219. Исходя изъ мысли Лескина (Handbuch⁴ 104), что древнѣйшая форма суффикса была **-шьды**, онъ предложилъ гипотезу, что **-шьдъ** есть не что иное, какъ Instr. pl. отъ имени *šьdъ »Gang«, причемъ въ качествѣ семасіологическаго подтвержденія этой гипотезы указалъ, что »schwed. *Gång*, dän. *gang* haben nicht nur die Bedeutung »Gang«, sondern auch die Bedeutung »Mal«.

Какъ бы мы ни относились къ этой этимологіи, слѣдуетъ признать, что она, во всякомъ случаѣ, правдоподобнѣе объясненія Johann'a Schmidt'a KZ. XVI 439, который выводилъ дцсл. *-ždy* изъ дцсл. *djo-*, или гипотезы Ягича (Das Leben der Wurzel *dê* 57—58), сопоставлявшаго *-ždy* съ *-žьdo* въ **кѫжьдо**, **кынжьдо** и т. п. Оба этихъ ученыхъ забываютъ, что *-ždy* и *-ždi* суть только продукты ассимиляціи согласныхъ въ болѣе древнихъ формахъ **шьды** и **шьди**[1]; въ частности, противъ этимологіи Schmidt'a можно возразить, что **ы** въ **дъважды** не могло сохраниться послѣ **жд**, а Ягичу можно указать, что въ древнѣйшихъ памятникахъ между **ж** и **д** никогда не ставится **ь**, чего не было бы, если **-жды** нашихъ нарѣчій было того же происхожденія, что и **жьдо** въ **кѫжьдо**.

Отъ всѣхъ этихъ недостатковъ свободна гипотеза Видеманна, но зато она имѣетъ другой, именно тотъ, что она не объясняетъ отношенія нарѣчій на **-шьды** къ нарѣчіямъ на **-шьди**. Ибо если даже признать вмѣстѣ съ Лескинымъ, что послѣднія нарѣчія возникли позже первыхъ, — для чего, въ сущности, нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ нарѣчія на **шьди** встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ церковнославянскихъ памятникахъ, напр., въ Супрасльской рукописи, — то все же Видеманнъ

---

1) Весьма интересно, что въ церковнославянскихъ памятникахъ болѣе позднеи поры (напр. во многихъ среднеболгарскихъ) встрѣчаются нарѣчія на -шти : дъвашти, тришти и т. п.; въ этомъ шти мы наблюдаемъ прогрессивную ассимиляцію ш и д въ противоположность регрессивной въ дъважды, трижды.

не долженъ былъ бы оставлять открытымъ вопросъ, какъ же **-шьди** возникло изъ **-шьды**: вѣдь иначе каждый читатель будетъ имѣть логическое право предполагать, что не **-шьди** возникло изъ **-шьды**, а. наоборотъ, **-шьды** произошло изъ **-шьди**.

Но такъ какъ и въ послѣднемъ случаѣ невозможно указать какой-либо фонетической или психологической причины образованія одной формы изъ другой, то едва-ли не правильнѣе всего было бы допустить, что наши формы не связаны одна съ другой отношеніемъ причинности, но представляютъ совершенно-самостоятельныя, параллельныя образованія. Это значитъ, что, если **-шьды** есть форма основы на *-о-*, какъ думаетъ Видеманнъ, то **-шьди**, какъ форма ей параллельная, должна быть той же формой отъ другой основы, напр., на *-ĭ-*. Въ такомъ случаѣ, **-шьди** такъ относилось бы къ **-шьды**, какъ прасл. **chodь* (въ **inochodь* и т. п.) — къ прасл. **chodъ*.

Но если такъ, то форма **-шьды** не можетъ быть Instr. pl., какъ думаетъ Видеманнъ: вѣдь въ такомъ случаѣ и **-шьди** должна была бы быть тѣмъ же падежомъ, но I³ отъ основы на *-ĭ-* могъ звучать въ дцсл. яз. только какъ ***шьдьми**, а потому и вмѣсто, напр., нарѣчія **тришьди** мы должны были бы ожидать ***тришьдьми**.

Всѣхъ этихъ противорѣчій Видеманнъ могъ бы легко избѣжать, если бы онъ форму **-шьды** морфологически квалифицировалъ не какъ форму I³, а какъ форму Ac³: и параллельная ей форма **-шьди** была бы въ такомъ случаѣ тѣмъ же падежомъ. А если такъ, то нарѣчіе, напр., **тришьды** такъ относилось бы къ нар. **тришьди**, какъ дцсл. **трикраты**, гдѣ **краты** представляетъ Ac³ имени на *-u-* или на *-о-* (послѣднее предполагаетъ довольно убѣдительно Беличъ въ Изв. IV 4 1157), — къ ***трикрать**, гдѣ **-крать** представляетъ основу на *-ĭ-* (ср. пл. *dwakroć*, *trzykroć* и т. п.). Въ послѣднемъ **-крать** есть NAc¹, соединившійся съ **три** по образцу ***юдинъ крать**, подобно тому какъ въ срб. яз. два̏пут два̏ред образовались по образцу jѐда̑нпут jѐда̑нред.

Аналогично возникли, вѣроятно, и **dъvašьdъ*, **trišьdъ* въ черног. два̑ш, три̑ш. Напротивъ, черног. два̑жде вполнѣ соотвѣтствуетъ дцсл. **дъвашьдъı** именно какъ соврем. серб. форма Accusativi pl. (ср. па̑ке = дцсл. **пакъı** (но ни въ какомъ случаѣ не какъ Instrumentalis).

Харьковъ. Г. Ильинскій.

Слово Ильи трудолюбиваго.

Въ церковной славянской православной литературѣ день 8 ноября отмѣченъ цѣлымъ рядомъ оригинальныхъ и переводныхъ памятниковъ, посвящаемыхъ т. н. »Собору арханг. Михаила и прочихъ силъ бесплотныхъ«: на этотъ день мы находимъ слова и поученія: Климента словѣнскаго [1]), проложное сказаніе [2]), Сказаніе о чудесахъ великаго Божіяго архистратига Михаила »сведено въ кратцѣ« (начало: »Многихъ и великихъ благодѣяній«), Пандолея пресвитера — о томъ же (нач.: »Велія и преславна«) [3]). Сюда же можно присоединить и извѣстное »Видѣніе Архипа пономаря« (чудо въ Хонахъ-Іераполѣ), относимое иногда (напр. Минеей Макарія) не только на 6 сентября, а также и на 8 ноября [4]). Т. о. около этого популярнаго праздника находимъ цѣлый циклъ сказаній и поученій.

Мнѣ представилась возможность еще увеличить этотъ циклъ однимъ памятникомъ, посвященнымъ тому же событію, при томъ памятникомъ, какъ я надѣюсь доказать, не переводнымъ, а югославянскимъ по происхожденію, представляющимъ нѣкоторый интересъ и въ другихъ отношеніяхъ. Въ довольно извѣстномъ сербскомъ сборникѣ Бѣлградской Народной библіотеки No. 104 [5]) конца XIV в., л. 254—256, находимъ: »Сл͠во Илие троудолюбиваго вь .и͠. д͠нь ноѥбра. о сборѣ Михаила арх͠гла.« (начало: »Хотеи прѣбл͠гыи чл͠вколюбивыи б͠ь вьсего мира сьтворити ѿ небытиꙗ прьвѣѥ помысли«) [6]).

1) Издана Похвала, напр., въ Библіогр. мат. А. Попова XX, 39.

2) Напр., въ рук. Югослов. Акад. III. с. 6, f. 58 (XIII в.); Моск. Синод. Типогр. библ. No. 162 (XIV в.).

3) Оба напечатаны въ Минеѣ митр. Макарія, ноябрь, стл. 234—236, 243—282; тамъ же (237—241) и »Похвала« Климента.

4) Напечатано въ Библіогр. мат. А Попова XX, 6, также Минеѣ Макарія, сент., стлб. 293—299.

5) Составъ сборника и литература о немъ — Љ. Стојановић, Каталог Народне Библиотеке, IV (Беогр. 1903), 295 сл.

6) Тоже находимъ въ сборникѣ XVII в. Инст. въ Нѣжинѣ No. 28 (л. 216), но съ инымъ заглавіемъ: »Слово похвальное на соборъ архангела Божіа Михаила«.

Содержаніе этого Слова очень не сложно и въ общемъ напоминаетъ знакомыя намъ (и упомянуться выше) »Сказаніе — въ кратцѣ« и »Сказаніе Пандолея«, отчасти »Похвалу« Климента, именно: разъяснивши слушателямъ поводъ къ уставленію празднованія, объяснивши, что значитъ »соборъ« 7), ораторъ, пригласивъ слушателей похвалить »всѣхъ владыку« архангела Михаила, »исполнившаго чудесами весь миръ своими явленіями«, перечисляетъ эти явленія арх. Михаила, а также Гавріила, и заканчиваетъ отъ себя похвалой этимъ архангеламъ.

Но сходство съ указанными »Сказаніями« и »Похвалой« на первый взглядъ лишь общее: перечень явленій архангела, находимый въ »Сказаніяхъ« значительно обширнѣе; у Ильи упомянуты только: 1) Явленіе Іисусу Навину, 2) Гедеону (на Ефратѣ), 3) Тремъ отрокамъ (Ананіи, Азаріи и Мисаилу) въ Вавилонѣ, 4) Даніилу прор. (на рѣкѣ Тигрѣ), 5) Валааму, 6) женамъ мироносицамъ, 7) Архипу пономарю (въ Іераполѣ), тогда какъ въ »Сказаніи — въ кратцѣ« такихъ явленій перечислено до 15, а въ »Сказаніи Пандолея« еще гораздо болѣе; но въ нихъ въ тоже время не находимъ, нашихъ явленій: четвертаго, шестаго и седьмаго; а въ тѣхъ, которыя по темѣ совпадаютъ, находимъ совершенно иной текстъ. Явленій же архангела Гавріила (сошествіе Христа въ адъ, благовѣщеніе Іоакиму и Аннѣ, благовѣщеніе Захаріи и Елизаветѣ, Богородицѣ) совершенно нѣтъ въ »Сказаніяхъ«. Что же касается аналогіи къ »Похвалѣ Климента«, то она ограничивается общимъ риторическимъ пріемомъ: Климентъ (во второй части Слова) послѣ словъ: »радостно съ похвалою взопіемъ«, даетъ рядъ восхваленій, изъ коихъ каждое начинается словами: »радуйся, архистратиже ....«; тоже и Илія, только обращаясь къ Михаилу и Гавріилу: »прославим же светый праздникь великаго Михаила и Гаврилаа, сице глаголюще: радуйта се . . . .« 8).

Ясно, что въ интересующемъ насъ Словѣ, мы имѣемъ нѣчто своеобразное, при чемъ мы, пожалуй, можемъ видѣть нѣкоторое вліяніе указанныхъ »Словъ«, но въ тоже время обязаны признать и самостоятельное, своеобразное пользованіе источниками, разъ ими могли быть указанныя »Сказанія« и »Похвала«. И дѣйствительно, присматриваясь внимательнѣе къ »Слову« Иліи трудолюбиваго, мы можемъ указать одни источники, предположить иные, наконецъ установить личность самого Иліи, до сихъ поръ не встрѣчавшагося въ качествѣ автора

7) »рекше вънимание, выединение и съвькоупление«.

8) Какъ у того, такъ и у другаго этотъ пріемъ восх[illegible] [illegible] (напр. Іисусу Сладчайшему)

Слова на соборъ бесплотныхъ силъ. Изъ подобнаго анализа Слова Иліи выясняется прежде всего, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ компилляціей изъ различныхъ источниковъ, притомъ такихъ, которые извѣстны уже въ славянскихъ текстахъ, т. е. компилляцію славянскую, а не переводную. Такъ: начало Слова, объясняющее фактъ, послужившій поводомъ къ »собору« (возмущеніе Сатанаила, его паденіе, призывъ Михаила чинамъ ангельскимъ), есть ничто иное, какъ дословно приведенная статья старославянскаго переводнаго Пролога старшей редакціи: оно буквально совпадаетъ съ переводомъ, читаемымъ въ Прологѣ XIII в. (сербскомъ) Югослав. Академіи (III. с. 6) л. 58[a], въ русскомъ Прологѣ XIV в. Моск. Синод. Типогр. библ. No. 162 и въ массѣ другихъ Прологовъ старшей редакціи; переводъ Пролога (не извѣстно пока, гдѣ сдѣланный) не моложе XII столѣтія.

Вторымъ несомнѣннымъ источникомъ автора нашего Слова было »Сказанье чюдеси преподобнаго Архипа пустынника пономаря великаго архангела Михаила бывшаго въ Хонѣхъ« [9]). Пользованіе этимъ »Сказаньемъ« и, несомнѣнно, въ готовомъ славянскомъ переводѣ, доказывается текстуальными совпаденіями между нашимъ текстомъ и текстомъ »Сказанья«; сравнимъ:

видиши ли, преподобниче, воду, сходящую отъ высоты.	видиши ли, прѣподобниче, ꙗко води гредуть на те сь высоты.
Въздвигнуже гласъ свой, глаголя святый архистратигъ къ рѣкама: въсупетася в̓ тѣсноту сию и будета мулимѣ и поничющи до кон̓чины вѣка. (по Минеѣ Макарія, сентябрь, стлб. 292).	тогда глаголаа рѣкама соунѣтѣсе вь сию пропасть и будите мулимѣ до скончании вѣка.

Текстуальная связь несомнѣнна. Также весьма вѣроятна текстуальная связь у Ильи и съ Климентомъ, что̀ общій риторическій пріемъ превращаетъ въ указаніе вліянія именно Климента; это указаніе — въ одинаковости эпитетовъ, придаваемыхъ архангеламъ:

радуитасе, скуфроносца прьваа небеснаго цара	радуисѧ, архистратиже Михаиле, ѥдиносущныи и неразлучныи Троица первы скыпетроносче [10])

---

9) Текстъ XIV в., б. Моск. Чудова мон. No. 20, л. 86. — см. Матеріалы А. Попова, XX, 6—7; греч. текстъ — Acta SS., september, VIII, 38).

10) Не имѣя подъ рукой сербскаго текста »Похвалы« (изд. въ Опис. рук. Хлудова, стр. 53—56), цитирую по русскому XIV в. (Библ. мат. А. Попова, XX, 44 и сл.).

радуитасе небесная воеводы	первыи воевода бесплотнымъ силамъ
прьваа прѣдстатели и теплаа застоупника наша	радуетася съгласно теплая защитника всѣмъ прибѣгающимъ
прѣдстоюще прѣстолоу божию.	и престолу божью предъстоя.

Связь съ »Похвалой« Климента простирается и далѣе — на подборъ мыслей: Климентъ приписываетъ Михаилу и Гавріилу возвѣщеніе о сшествіи Христа въ адъ: »вы бо съкрушиста предътекша въ адъ, съмрьтныи вереи . . . . . адовныи силы съкрушьша и възпивша: възмѣте врата кнази ваши . . . . .« Тоже, но короче, говоритъ и Илья: »ангеломь прѣди текоущимь и вьпиющимь: вьзмѣте врата вьзьмѣте . . . . .« Подобно Клименту, архангеламъ приписываетъ и Илья свидѣтельство о воскресеніи — мироносицамъ, о вознесеніи Господа, но лишь сокращая: »радующесе вьпиихоу видеще владыку вьсходеща кь отцоу«.

Тоже замѣтимъ и по отношенію къ благовѣщенію Захаріи и Елизаветѣ, Богородицѣ: это упоминаніе также отраженіе того, что у Климента: а этихъ то моментовъ мы не нашли ни въ »Сказаньи въ кратцѣ«, ни у Пандолея. Илья, т. о., ясно, имѣлъ »Похвалу« Климента и похвальной ея частью воспользовался для своей похвалы же, частью для исторической части: »ангели бо благовѣствоують радующесе оть Бога посилаеми . . . . .« (далѣе перечень); отчасти же въ этой части воспользовался онъ заключеніемъ Климента, слѣдующимъ за похвалой.

При такомъ свободномъ пользованіи источниками, допускающемъ перифразъ, изложеніе своими словами [11]), можемъ и мы допустить, что Илья, сильно сокращая, черпалъ и изъ Пандолея презвитера: на такую мысль наводитъ аналогичность плана (перечень) и своеобразность въ этомъ отношеніи Климента. Утверждать же такую зависимость основаній прочныхъ пока нѣтъ: при общности мысли, восходящей къ библейской реминисценціи (напр., о Валаамѣ ср. Числа XXII, 22 и сл., о Гедеонѣ — Судей VI, 20 сл., о трехъ отрокахъ — Даніилъ III, 49), различія настолько велики, что заставляютъ предполагать либо иной источникъ (напр., помѣщеніе явленія Гедеону на Ефратѣ, Даніилу на р. Тигрѣ), либо то, что авторъ Слова писалъ по воспоминанію о какихъ либо эпизодахъ, дошедшихъ въ иныхъ мнѣ неизвѣстныхъ текстахъ.

Какъ бы то ни было въ Словѣ Ильи мы имѣемъ передъ собой славянскую компилляцію, стоящую въ зависимости отъ Климента и Пролога. Этотъ послѣдній источникъ даетъ возможность предположительно [illegible] ке былъ этотъ Илья? Онъ названъ не преподобнымъ,

[illegible] [illegible]-учительно сокращеніе большаго видѣнія Ар[illegible] [illegible]ъ десятокъ [illegible]

святымъ и т. п., а оригинально: »трудолюбивымъ«; его Слово начинается буквальной выпиской изъ Пролога. Все это говоритъ за то, что этотъ Илья одно и тоже лицо съ тѣмъ Ильей трудолюбивымъ, котораго предисловіе къ Прологу считаетъ однимъ изъ его редакторовъ. Вотъ выписка изъ этого предисловія[12]): »Нь троудолюбивы илии. многь сыи рьвениѥмь и бг҃олюбиѥмь. многоу бьдрость и лѣностьныи подвигь положивь и всакого прилежании ивѣ вышьши ѡбьщепользноую вещь ѡставити тамо бо соущимь дльгомоу оучению себе и троудомь вдавь[13]) . . .« = Ἀλλ' ὁ φιλοπονώτατος Ἡλίας πολὺς ὢν καὶ τὸν ζῆλον καὶ τὸ φιλόθεον, πολὺς τὸ φρόνιμόν τε καὶ ἄοκνον, ἀγώνισμα θέμενος πάσης ἀσχολίας ὑπέρτερον, κοινοφελές τι χρῆμα καταλιπεῖν τοῖς ἐν χρονίᾳ μελέτῃ ἑαυτὸν πολλοῖς πόνοις ἐκδέδωκεν . . .[14]). Т. о. нашъ Илья оказывается грекомъ; но это невозможно, если не допустить едва-ли возможное: грекъ (при томъ жившій едва-ли позднѣе конца XI или начала XII в., когда создалась эта редакція греческаго Синаксарія, оригинала нашего Пролога, переведеннаго едва-ли позднѣе XII в.) составилъ компиллятивное Слово по готовымъ уже славянскимъ переводамъ (а текстуальная связь автора Слова съ »Видѣніемъ« Архипа и переводомъ Пролога несомнѣнна) и »Похвалѣ« Климента словѣнскаго. Единственное, кажется, правильное рѣшеніе вопроса будетъ таково: неизвѣстный авторъ — славянинъ, составляя свое Слово на основаніи готовыхъ источниковъ, имѣлъ въ рукахъ славянскій переводъ Пролога съ обычнымъ предисловіемъ и, исходя изъ проложной статьи на 8 ноября, взялъ ее цѣликомъ и въ заглавіи поставилъ имя Ильи, котораго онъ считалъ (и не безъ основанія) почти авторомъ Пролога: не даромъ ему предисловіе расточаетъ такія похвалы, оставляя въ тѣни втораго (м. б. болѣе поздняго) редактора и автора предисловія — Константина Мокисійскаго. Чтобы закончить характеристику анонимнаго автора Слова на 8 ноября, добавлю одну подробность о немъ: м. б. она вызоветъ дальнѣйшія разысканія и приблизитъ насъ къ болѣе отчетливому рѣшенію вопроса объ авторѣ Слова: авторъ, выписавши статью изъ Пролога, говоритъ: »мы же, братиѥ, подражающе того ангельскаго сьбора, сьбравшесе вь храмѣ светаго архангела Михаила, похвалимь вьсѣхь владыку«. Итакъ, Слово произнесено въ церкви въ честь архангела Михаила: гдѣ этотъ былъ храмъ? Мнѣ установить не удалось.

12) По Прологу Югосл. Акад. III. с. 6. f. I[6].

13) Рук. троудовавь; исправляю по Синод. Типогр. No. 162.

14) Propylaeum ad Acta SS. novembris. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae. — Hyp. Delehaye (Brux. 1902). Prolegg. p. XXXV.

Москва, май 1907. М. Сперанскій.

Słow. *osoje* itd.

---

1. Słow. *sojo-* (→ *soje-*) = awest. *saja-*[1]):

Temat *sojo-* resp. *soje-* mamy w następujących dwuch resp. trzech starych złożeniach: czak. *osój* (G. *-sòja*)[2]) = słowiń. *osòj* (G. *-sója*) = bułg. *osój* = małorus. *ósoj* obok neutr. (coll.) serb. *òsoje* (czak. *osòje*) = słowiń. *osǫ̂je* = bułg. *osóje* — wszystkie ze znaczeniem 'miejsce cieniste, strona cienista (zasłonięta od słońca)' z tym dodatkiem, że małorus. *ósoj* zachowane jest już tylko jako nazwa miejscowości (góry)[3]) i że w staroserb. występuje również осоие jako nazwa gieograficzna[4]); drugie złożenie, pendant pierwszego, jest czak. *prīsój* (G. *-sòja*) = słowiń. *prisòj* = bułg. *prisój* obok neutr. (coll.) serb. *prìsoje* (czak. *prīsòje*) = słowiń. *prisǫ̂je* — wszystkie ze znaczeniem 'miejsce, strona słoneczna'; trzecie złożenie, zdaje się wyłącznie bułgarskiemu właściwe[5]), jest bułg. *usój*, *usóje* (znaczenie = *osój*, *osóje*) i dlatego niezupełnie pewne, bo bardzo łatwo może być ← *osój*, *osóje*. Mamy zatem temat *sojo-* resp. *soje-* i pochodne neutrum **sojьje* (*soije*), które zresztą trudno oddzielić od możliwego pierwszorzędnego neutrum **soje*. Pytanie, jak pojmować skład wyrazu *osoj*(*e*), stoi po części w związku z etymologją, dlatego je na razie odsuwam na bok.

Temat nasz jest identyczny z tematem wyrazu awest. *a-saja-*, który tylko dwa razy się spotyka, raz Jasna 57, 27 jako przydomek boskich rumaków bóstwa Sraoša w znaczeniu 'bez cienia (adiect.) t. j. nie rzucający cienia'[6]), drugi raz w Jašt 19, 4 jako imię własne góry lub gór

---

1) przez *j* piszę — za przykładem coraz liczniejszych językoznawców — głoskę, dotąd zwykle w aryjskich językach przez *y* pisaną; dlatego też *ǵ* = *j* (*č* = *c*).

2) akcent według Nemanića.

3) przynajmniej wedle Żelechowskiego.

4) p. Miklosicha Lexicon palaeoslov.

5) Miklosich Et. Wb. podaje wprawdzie serb. *usoj*, ale niema [illegible]ego wyrazu [illegible] Daničić (Osnove 81, gdzie *osoj*, *prisoj* podane jako nie[illegible] [illegible]ieni 45), [illegible] Vuk; staroserb. słownika Daničića niemam pod reką.

6) w [illegible] d[illegible] [illegible]tó[illegible] [illegible]miertelny[illegible]

(Dual. neutr.), pr. Jackson Avesta Reader ad l. (i w słowniczku) oraz przedewszystkiem Bartholomae Altiran. Wtb. s. v. Temat *saja-* zawarty w tem złożeniu stoi oczywiście w najściślejszym związku z nowopers. *sāja* 'cień; ochrona' (pehl. *sājak* itd., Horn Grd. der neupers. Et. nr. 695) oraz staroind. *čhājā* f. 'cień; obraz (odblask, odbicie); blask', ale pod względem iloczasu zgadza się ten izolowany zresztą awestyjski wyraz (*asaja-*) tylko ze słow. *osojь* (*osoje* resp. *osoije*) i *prisojь* (*prisoje* resp. *prisoije*), a dalej z gr. σκοιός 'cienisty'[1]), albań. *hē* (← **hajā*) 'cień; wdzięk (Anmut)' pr. G. Meyer Et. Wtb. alb. Spr. 149 nst., a także z jeszcze jednym słow. wyrazem, mianowicie *soja* (*sojьka*) 'corvus glandarius', znanym wszystkim słowiańskim językom: ptak został tak nazwany od swego świetnego upierzenia i słusznie też Miklosich Et. Wtb. 313 (s. v.) *sojkę* łączy etymologicznie ze swoją grupą *si* -1. A mianowicie już z samych dotąd przytoczonych wyrazów wynika, że pozornie przeciwne znaczenia 'cień' i 'blask' łączą się w tym jednym temacie, a i teoretyczne zrozumienie semazjologicznego związku nie jest trudne, boć cień padający od przedmiotu jest jego odblaskiem, możliwym tylko w blasku, świetle.

Trzymając się wyłącznie w granicach słowiańszczyzny i istniejącego tu przeciwieństwa *osoje* 'strona lub miejsce cieniste' || *prisoje* 'strona lub miejsce słoneczne' odrazu wpada się na myśl, którą też już i Miklosich Et. Wtb. wyraził, że *osoje* jest złożone z prepozycją *ot*(*ъ*) jako jeden z nielicznych już przykładów stojących na równi n. p. ze starocerk. *ošьdъ*[2]) i że znaczy zatem mniejwięcej tosamo co *u-soje* t. j. 'odsunięcie od słońca resp. światła, jego brak'. I pojmowanie takie jest zupełnie możliwe. Wolałbym jednak oba te odosobnione i widocznie prastare złożenia słow. *osojь* (*osoje*) i awest. *asaja-* zrównać, a w takim razie ani pojmowanie słowiańskiego jako złożonego z *ot*(*ъ*), ani awestyjskiego jako złożonego z *a* privativum (p. wyżej) nie byłoby możliwem. Nasuwa się wtedy inna analiza, godna prastarego wyrazu, a mianowicie można w słow. *o-* = awest. *a-* widzieć indoeurop. prepozycję *o-*[3]): jeżeli

---

1) gr. σκοιός oczywiście o tyle tylko nie jest wprost identyczne z aw. *saja-*, słow. *sojь*, alb. *hē*, że jego -ιος zostało odświeżone analogicznie (wedle przymiotników na -ιος), bo pragr. *σκοjος dałoby naturalnie *σκοος.

2) gdzie zatem już w prasłow. było *ot-* (a nie *otъ*); objaw znany; obocznie formy takie utrzymały się w bułg. do dziś n. p. maced. *ošla* || *otišol* (Prilep), *ošel* || *otišel* 'przyszedł' (Sofijsko), *ošâl* (Caribrodsko — СбМНП. XIV°).

3) ta prepozycja w formach alternujących i apofonicznych *o* || *ō* : *e* || *ē* zachowała się w dosyć licznych zresztą śladach w językach ideur.; co do języków słowiańskich, to na innem miejscu wskażę na kilka jej resztek — tutaj przypominam tylko n. p. greckie ὀ-φλισκάνω, ὀ-τρύνω i odsyłam czytelnika do ostatniego znanego mi miejsca, na którem o niej mowa, mianowicie do Lidéna Armen. Studien 77.

słusznie, to ideur. **o-sojo-* mogło zarówno znaczyć coś mającego z cieniem jak i blaskiem do czynienia (p. wyżej), a więc awest. *asaja-* jako nazwę góry możemy i formalnie i znaczeniowo zupełnie zrównać ze słow. *osojь*, zaś awest. *asaja-* jako przydomek rumaków bóstwa Sraoša — a właśnie! pomyśli czytelnik, jakże to pogodzić z wyżej statuowanem znaczeniem 'nie mający cienia'? Ale to nie sprawia trudności, bo mamy dwa wyjścia: 1. możnaby doskonale epitet ten przełożyć przez 'błyszczący, świetny, obdarzony blaskiem'; wprawdzie tradycja jest za pojmowaniem 'bez cienia'[1]), ale to jeszcze nie jest decydujące, a 2. możnaby się zgodzić na istnienie w aweście także złożenia z *a* privativum. W każdym razie awest. nazwy góry niepodobna pojmować ani tak (*a* privativum), ani tak jak ewentualnie słowiańskiego *osoje* (*ot*[*ь*]), zatem w pewnej przynajmniej mierze złożenie z *o-* nie da się ominąć.

Uwaga 1. Tensam temat mamy prawdopodobnie jeszcze w staroisl. *skegg* (< **skaʒʒa-*) 'broda' (Noreen, Urgerm. Lautlehre 117, 161); pr. śgn. *scheme* 'cień, larwa, maska', *schemebart* 'Schönbart, maska'.

Uwaga 2. Inne, ale fałszywe, etymologiczne zestawienie wyrazów *prisoje* (oraz *sijati*) u Trautmanna, Germ. Lautgesetze 47.

Uwaga 3. O ugrofińskich wyrazach, które tu ewentualnie — w tym lub owym pojmowaniu rzeczy — należą p. Setälä, Finnisch-ugrische Forsch. II 251 i Munkácsi, Árja es kaukázusi elemek 226.

Uwaga 4. Małorus. *osónje* i czak. *prisùnac*, oba 'miejsce (położenie) słoneczne' wykazują wpływ wyrazu 'słońce'.

2. Staroind. *čhavi-* || *čhājā́* : słow. *o-sov-* || *o-soj-*:

W staroind. *čhavi-*, *čhavī́-* 'skóra, cera, barwa, blask, piękność' mamy niewątpliwie oboczną formę pierwiastka, występującego w *čhājā́* i otóż, rzecz ciekawa, tęsamą oboczność spotykamy w słowiańskich językach: słowiń. *osǫvje*, *osovina*, *osóvən* znaczących tosamo co *osǫ̂je*, *osójən*, serb. *òsòvštiv* 'cienisty', małorus. *osóvnja* 'słoneczna, południowa strona góry'. O zasadniczej, ogólnej stronie tej alternacji niemam się tu co rozwodzić, jako o fakcie dobrze znanym, przypomnę tylko tęsamą alternację w pokrewnych *skeir-* || *skeur-* (staroisl. *skírr* ← **skeiris* obok *skýrr* ← **skeuris* 'jasny' itd., p. Noreen, Urgerm. Lautl. 67; dalsze etymologiczne zestawienia dla staroind. wyrazów p. Walde, Latein. Et. Wtb. pod *obscūrus*, gdzie literatura.

3. Słow. *sěnь* : *těnь* 'cień':

Znanej oboczności *sěnь* || *stěnь* || *těnь* poświęcił jak wiadomo Vondrák

---

[1]) i tak ogólnie przyjęto, pr. wyżej cytowane miejsca [illegible] Bartholo-[illegible]go oraz podane tam (niedostępna mi zresztą), inną literaturę.

niedawno osobną rozprawkę w BB. XXIX 173 nstt. (pr. także Vgl. Gram. I 349) i usunął szczęśliwie i stanowczo trudności, jakie ta oboczność sprawiała oraz nieprawdopodobny a rozpowszechniony do ostatnich czasów sposób ich usunięcia[1]. Nie ulega wątpliwości, że mamy tu do czynienia z dwoma pierwotnie różnemi wyrazami, z których jeden, t. j. *sěnь* ← **soi-ni-* łączy się najściślej z *soj-* (p. wyżej), drugi, t. j. **tenь* (p. niżej) należy do pierwiastka *tem-*, a oba razem dały nowy produkt t. j. mieszańca *stěnь*. Ja osobiście tem bardziej jestem za wywodem Vondráka, że od dawna sam w ten sposób tę oboczność pojmowałem. Nie uważałbym jednak za potrzebne zawiadamiać świata o tem i jeżeli wogóle o tem piszę, to dlatego żeby zrobić parę uwag.

Przedewszystkiem dodam, że obok słowin. *zatòn* (G. *-tǫna*) = czak. *zātón* 'zachód (słońca)', serb. *súton* 'głęboki zmierzch' = czak. *sūtón* 'tosamo, loca umbrosa', rosyj. *pritón*[2]), oraz słowac. *toňa*, *tôňa*, *tôn* 'cień' mamy tensam temat także w dawniejszej polszczyźnie w wyrazie *potonieć -nieję* 'deficere'[3]); dalej że oboczną formę tego tematu z wokalizmem *e* spotyka się w malorus. *sutenity* 'zmierzchać się', *sutenýna* 'zmierzch'. Wiadomo oddawna, że *ton-* ‖ *ten-* w tych wyrazach rozwinęły się fonetycznie z **tom-* resp. *tem-*, form znanego pierwiastka *tem-* 'być ciemnym', rozszerzonych sufiksem *-no-*, przyczem *-mn-* → *-n-*. Jednakowoż dzieje grupy *-mn-* w słowiańskich językach nie są jeszcze całkiem jasne; mówił o nich ostatni raz Vondrák prócz przytoczonych miejsc także jeszcze w Vgl. Gr. I 117, 322 nst., gdzie podana ważniejsza literatura. Z przytoczonych dotąd przykładów dla pierwotnej grupy *-mn-* w słowiańskich językach, które można za całkiem pewne uważać, wynika w każdym razie tyle, że na gruncie słowiańskim *-mn-* przeszło w *-n-* bez względu na miejsce akcentu, jak to już sformułował Pedersen, KZ. XXXVIII 351 (§ 61)[4]), a powtóre że niema mowy o wzdłużeniu zastępczem[5]); zatem (wbrew temu, co przyjmuje Vondrák) *těnь* nie kontynuuje ściśle fonetycznie dawnego **temnь*, bo to mogło dać tylko **tenь*

1) Miklosich Vgl. Gr. I² 288. Brugmann Grdr. I² 177, 546 itd.

2) w tym wyrazie tkwi jednak może także *pritón* ← **pritopnъ* (cf. *zatón*).

3) wydobyte przez Brücknera Rozpr. Wydz. filolog. Ak. Um. XXV 191, gdzie jednak niesłusznie odniesione do *top-* resp. *tonąć*.

4) do przykładów tego przejścia dodaję czak. *dinjav* 'tumidus' ← **dymnjavъ* (może taksamo ogolniesłow. *dynja* ← **dymnja*). Alternację zawartą w *tina* ‖ *timěno* uważam za bardzo starą — mówię o tym w swych dotąd nieogłoszonych studjach nad nazwami wód słowiańskich, ale może niema ona nic z *-mn-* do czynienia, pr. Lidén IF. XIX 356 nst. Armen. Studien 109. Przejścia *-mn-* w *-m-* w dawniejszej epoce słow. nie uważam za pewne mimo **termъ* : τέρεμνον.

5) wypadki *-měniti* ‖ *-męnąti* itd. stanowią osobną kategorję i na ich podstawie nie można przyjmować **těnь*. Zresztą *měniti* samo zawiera dyftong.

(pr. przytoczone małorus. *sutenity* itd.), ale dostało *ě* pod wpływem wyrazu *sěnь*; **tēmnь* jest mało prawdopodobne, ale możliwe.

Uwaga. Wyraz *tělo* (Miklosich, Et. Wtb. s. v., Vondrák, BB. l. c.) tutaj z pewnością nie należy.

4. Ogólne uwagi o pierwiastku wyrazów *osoje* itd., *soja*, *sěnь*.

Miklosich Et. Wtb. słusznie postawił *osoje*, *prisoje* pod *si* -1 łącząc je przedewszystkiem ze znanym czasownikiem *sijati* resp. *sьjati*, *sinąti* i dodając do tego *soja*. Że należy tu i *sěnь*, to także rzecz oddawna uznana, chociaż M. nie był tego zdania: trudności pozorne wynikające z pojmowania formy *stěnь* jako **skěnь* zostały szczęśliwie przez Vondráka usunięte (p. wyżej). Teraz kilka uwag dodatkowych do pierwiastka.

Przedewszystkiem wypada zaznaczyć, że nie wszyscy łączą grupę sti. *čhājá-* (*σκιά*, *σκοιός* . . ., ags. *scima*, śgn. *scheme* 'cień' . . ., słow. *sojo-*) z grupą goc. *skeinan* 'świecić' (sts. *scīmo* 'blask' . . ., słow. *sinąti* . . .), jak to jest prawie powszechnie przyjęte. Mianowicie Möller, Semit. und Indogerm. I § 48 str. 61/62 (§ 69, § 206 str. 225, § 275 str. 349 nst.) rozróżnia na podstawie języków semickich dwa pierwiastki, mianowicie (w formie już indoeuropejskiej) *s-k_1h-į-* ze znaczeniem 'szarej barwy, cienia' itp. oraz *s$k_1$ei̯-* ze znaczeniem 'świecenia, blasku'. I trzeba przyznać, że rodzina językowa semicka rzeczywiście wykazuje różnicę, ale nie przypisywałbym temu zasadniczego znaczenia, t. j. sądzę, że i tak obie grupy są pierwotnie w ten czy inny sposób pokrewne. Zresztą, chociaż jestem zdania, że Möller dowiódł pokrewieństwa języków semickich i indoeuropejskich i dzieło jego wypada postawić w rzędzie niewielu rzeczywiście gienialnych, to i tak w szczegółowych problemach, zwłaszcza zaś etymologicznych, zawsze przedewszystkiem trzeba będzie się oglądać na bliższe pokrewieństwo. W naszym wypadku są zresztą jeszcze inne trudności. Ponieważ zaś znaczeniowo i gienetycznie nie podobna rozbijać n. p. staroind. *čhāyá* albo słow. *osoje*, *prisoje* na dwa źródła, przeto uważam i nadal obie grupy w zasadzie za jednolitą.

Zgoła nieprawdopodobnie rozerwał Danielsson słow. *sijati* od *sinąti* łącząc je (t. j. *sijati*) z staroind. *śyājati* 'krzepnie, zsiada się, marznie' itd. Powtarza to Hirt, Idg. Ablaut § 353 (idg. *k̑ejā* 'gerinnen': *sijati*, ai. *śyājati*, *śyāna-s* 'dürr', *śītá-s* 'kühl', *śīná-s*) i tylko ztamtąd znam miejsce Danielssona (Gram. Anm. I 15[4]); nie wiem też, jak D. uzasadnia swoje zapatrywanie. Wątpię jednak z góry, czy nawet znając odnośną uwagę Danielssona, mógłbym się zdecydować na rozerwanie *sijati* od *sinąti*, chyba żeby oddzielić *sijati* w znaczeniu 'płonąć' od *sijati* 'błyszczeć', ale i to mało prawdopodobne, bo znaczenie 'płonąć' ...winęło się z 'żarzyć się, być rozpalonym do białości', jak to wykazu...

jeszcze kasz. *séjac* (RAMUŁT) oraz pol. *sijać* BRÜCKNER Rozpr. Wydz. filol. Ak. Um. XXXIII, 171[1]), serb. *ùsjati* itd. Dlatego z powyżej przytoczonemi wyrazami staroindyjskiemi łączyłbym może stgn. *hei* 'suchy, wyschnięty' itd. (pr. literaturę do tego u TRAUTMANNA, Germ. Lautges. 47). W drugim dopiero rzędzie nasuwałoby się pytanie, czy to stoi wszystko w dalszym związku etymologicznym z naszem *skei-*, czy nie. Tęsamą stopę co *sijati svjati* zawiera alb. *hie* ← **hijā* 'cień, pl. widziadła' (G. MEYER l. c.).

Natomiast nie stoją w związku — przynajmniej bezpośrednim — z *sijati* itd. znane przymiotniki *sirъ* itd., które MIKLOSICH l. c. tu umieszcza. Odpowiada im jak wiadomo stind. *śjāvá-s* obok *śjāmá-s* = lit. *šėmas*, a pr. wogóle MÖLLER l. c. 61, § 47. ZUPITZA, Germ. Gutturale 185 itd.

Uwaga. Trudność w całej naszej grupie etymologicznej, o ile istnieje w językach słowiańskich, sprawia tylko rosyj. *zástitь*, *zástovatь* = małorus. *zástuvaty*. W każdym razie forma to drugorzędna, a mogła powstać rozmaicie. Albo jestto denomin. od *zástь* (Imperat. do *zástitь*, używany także prawie przysłówkowo; prócz tego *zastь* adv. w zwrocie ~ *ot svéta*, p. Słownik akadem.), a to może przedstawiać fonetyczny rezultat z dawniejszego **zasnь* ← ewent. **zasni* (pr. do tego czasownik *zasnítьsja* w smoleń. *sólnyško zasnilosь*, Słownik akadem. — zatem *sьn-*); albo jestto kontaminacja **zásnitь* z *zasténitь*; albo wreszcie mamy tu wpływ jezyków ugrofińskich, pr. zyrj. *saśtyny* 'zacieniać', czerem. *šojštem*, *šöštem* 'zasłaniać światło, zacieniać': naturalnie mogły się te wszystkie przyczyny także złożyć.

1) obu tych wyrazów niema u Miklosicha.

Kraków. *Jan Rozwadowski.*

Die postlabialen und -gutturalen Diphthongierungen des Pomoranischen.

Die bekannte Diphthongierung des *o* nach Labialen und Gutturalen im Pomoranischen zu erklären ist bisher, so weit mir bekannt ist, nur ein Versuch gemacht worden: von K. Nitsch in seiner Beschreibung des Lusiner Dialekts Mat. i pr. I 232. Nitsch meint, daß es sich hier um eine allgemeine Vorschiebung des *o* handelt, wodurch dieses in *e* überging, und daß sich dabei nach Labialen und Gutturalen als Übergangslaut ein *u̯*, sonst ein *i̯* eingestellt habe. Diese Annahme scheitert aber daran, daß das *o* nach nichtlabialen und -gutturalen Lauten im Lusiner Dialekt nicht als *ⁱe* (d. i. *i̯e*), sondern als *ię* erscheint, dies *ⁱę* ist durch eine Reihe von Zwischenstufen, welche sämtlich in den benachbarten Dialekten erhalten sind, aus *uo̯* hervorgegangen, welches seinerseits ein geschlossenes *ó* voraussetzt. Auch abgesehen davon würde Nitschs Erklärung nur für den Lusiner und einige benachbarte Dialekte möglich sein: in allen andern Dialekten, welche nach nichtlabialen und -gutturalen Konsonanten das *o* als gerundeten gutturalen Vokal erhalten, würde diese Nichtvorschiebung einfach unverständlich sein.

Für die richtige Erklärung der Erscheinung gibt ein Vorgang im Schwornigatzer Dialekt einen beachtenswerten Fingerzeig. In diesem Dialekt, welcher die Diphthongierung des *o* nach Labialen und Gutturalen nicht kennt, hat das *o* nach den nichtlabialen und -gutturalen Konsonanten einen Vorschlag von *u̯* erfahren, nach diesem *u̯* und ebenso nach dem alten im Wortanlaut vorgeschlagenen und dem aus *ł* entstandenen *u̯* is das *o* zu *ö* geworden, während es nach Gutturalen und Labialen, wo der *u̯*-Vorschlag nicht existiert, als *o* geblieben ist. Nitsch in seiner Beschreibung des Schwornigatzer Dialekts Mat. i pr. III 115 erwähnt dies Lautgesetz nicht, ich habe mich jedoch bei mehrmaligem [illegible] in Schwornigatz von seinem allgemeinen Vorhandensein [illegible]

In diesem Schwornigatzer Lautgesetz haben wir es nun ebenfalls mit einer Verschiebung des *o* nach vorn zu tun, wir erkennen aber auch den Anlaß zu dieser Verschiebung: die Dissimilation gegen das vorhergehende *u̥*. Nach Labialen und Gutturalen, wo das *u̥* nicht vorhanden war — vielleicht existierte es auch hier einmal, ist aber später wieder geschwunden —, konnte eine Dissimilation nicht eintreten, infolgedessen blieb das *o* erhalten.

Daß sich ein solches *u̥* als Übergangslaut zwischen Labialen und Gutturalen und *o* sehr leicht einstellen konnte, bedarf keines Beweises. Gehen wir von einem $k^{u̥}o$ aus, so kommen wir durch eine vollständige Dissimilation (in Schwornigatz ist dieselbe nur unvollständig ausgeführt, da die Lippenrundung geblieben ist) zu $k^{u̥}e$ und hierin haben wir tatsächlich den Vorfahren aller heutigen Vertreter des postlabialen und -gutturalen *o* erreicht. Dies sind nämlich sämtlich »steigende« Diphthonge, in allen ist der erste, halbvokalische Komponent ein gerundeter gutturaler Vokal, meistens *u̥*, bisweilen einem *o̥* nahe stehend, der zweite, vokalische Komponent ist mehr oder weniger palatal, meistens der mittleren, bisweilen auch — durch Annäherung an das *u̥* — der hohen Zungenlage angehörig, in der Regel ungerundet, doch unter besonderen Umständen auch gerundet. In den Einzelheiten ergibt sich hier ein sehr buntes Bild, da die umgebenden Laute von großem Einfluß gewesen sind, überall aber kann man von einem *u̥e* ausgehen.

Nun wäre es allerdings nicht unerklärlich, aber doch recht auffällig, wenn sich nicht auch anderweitig Spuren eines Übergangslautes nach Labialen und Gutturalen finden sollten. Tatsächlich ist der Übergangslaut vor allen gerundeten gutturalen Vokalen nachweisbar, vielleicht ist er einst überall hier vorhanden gewesen, dann aber größtenteils wieder geschwunden ohne irgend eine Wirkung auszuüben.

Es kommt hier zunächst das ursprünglich lange, später geschlossene *o* in Betracht, welches im Südkaschubischen, Westsaborischen und einem Teil des Lesnoer Dialekts als *u̥y* erscheint. Da nun *y* in diesen Dialekten das ursprünglich lange, später geschlossene *e* vertritt, so wird auch *u̥y* aus *u̥ē* hervorgegangen sein. Dies *u̥ē* steht zu dem alten *ō* in demselben Verhältnis, in dem *u̥e* zu *o* steht: es ist aus $^{u̥}ō$ durch eine infolge der Dissimilationsneigung eingetretene Verschiebung nach vorn entstanden.

In dem Teil des Lesnoer Dialekts, welcher das *u̥y* nicht besitzt, hat sich das *u̥* nach Labialen und Gutturalen erhalten: $b^{u̥}ùk$, $v^{u̥}ùs$, $g^{u̥}ùra$. Sonst ist es überall geschwunden.

Auch für kurzes und langes *u* nach Labialen und Gutturalen ist der Vorschlag eines *ụ* nachweisbar und zwar für ersteres im ganzen Kaschubischen mit Ausnahme des Nordwest- und Südkaschubischen, für letzteres in denselben Dialekten mit der weiteren Ausnahme des Nordostkaschubischen. Die beiden *u*-Laute erscheinen hier in einer dem diphthongierten *o* sehr ähnlichen Form: es sind »steigende« Diphthonge, deren erster, halbvokalischer Komponent ein gerundeter, gutturaler Vokal — und zwar immer *ụ* — ist, während der zweite, vokalische Komponent mehr oder weniger palatal ist, nur hat er, im Gegensatz zu dem aus *o* entstandenen, immer die hohe Zungenlage und ist, doch ist dies wohl sekundär, häufiger gerundet. Wenn nun auch die meisten dieser Dialekte auch in den übrigen Stellungen das *u* nach vorn verschoben haben, so beweisen doch die Dialekte, welche, wie der Heisternester, das *ū* als gutturalen Vokal erhalten haben, daß es sich hier nicht um einen sporadischen Lautwandel handelt. Auch hier ist anzunehmen, daß *ku* zunächst zu *k*ᵘ*u* geworden und dies durch vollständige Dissimilation in *k*ᵘ*i* übergegangen ist, auf *ụi* lassen sich die sämtlichen heutigen Vertreter der *u*-Laute in den genannten Dialekten zwanglos zurückführen.

Vor andern als den *o*- und *u*-Lauten ist das Eintreten des Übergangslauts nicht nachweisbar. Erwarten dürfte man ihn höchstens noch vor dem aus langem *a* entstandenen *o*-Laut, tatsächlich wird auch individuell im Zentralkaschubischen *g*ᵘ*ọ́d*ᵃ*c*, *p*ᵘ*ọ́ra* gesprochen, doch ist hier das *ụ* sicher späteren Ursprungs, da sein Schwinden in andern Dialekten, z. B. im Westkaschubischen mit seinem *gėdėš*, *pėra*, nicht zu erklären wäre. Wahrscheinlich aber war, als *o* und *u* den *ụ*-Vorschlag erhielten, das lange *a* noch gar nicht gerundet, *o* und *u* waren also die einzigen vorhandenen gerundeten Vokale mit gutturaler Artikulation.

Auf eine andere Entstehungsweise der besprochenen Diphthonge — falls man sie überhaupt noch Diphthonge nennen darf — könnte das von K. Nitsch Mat. i pr. III 115 erwähnte Lautgesetz des Schwornigatzer Dialekts, nach welchem die auslautenden *o* und *u* nach Labialen und Gutturalen in *oẹ* und *uy̨* übergegangen sind, hinweisen, indem man annehmen könnte, daß nach einem allerdings unklaren phonetischen Prinzip *o* und *u* zunächst in *oẹ* und *uį* übergegangen und diese in *ọe* und *ụi* umgesprungen wären. In Wirklichkeit hat aber das Schwornigatzer *oẹ* [illegible] das von Nitsch behauptete *uy̨* habe ich nicht bestätigt gefunden, ich habe im Auslaut immer reines geschlossenes *u* gehört — mit den vorhergehenden Labialen und Gutturalen gar nichts zu tun, vielmehr ist dies ein sporad[illegible] auslautenden *o* [illegible] andern

Konsonanten deshalb nicht einstellen konnte, weil hier nach dem oben erwähnten Lautgesetz *o* über ${}^{u}o$ in ${}^{u}ö$ übergegangen war. Daß dies wirklich der Fall ist, zeigt die gleiche Erscheinung im Brußer und Lesnoer Dialekt, wo das auslautende *o* nach allen Konsonanten zu *oę* geworden ist, vgl. Nitsch Mat. i pr. III 161 f., in diesen Dialekten existiert ein dem Schwornigatzer entsprechendes Lautgesetz über den Übergang von *o* in ein ${}^{u}ö$ nicht.

Es bleibt also dabei, daß die sogenannte Diphthongierung der *o*- und *u*-Laute nach Labialen und Gutturalen in Wirklichkeit gar keine Diphthongierung ist, sondern eine Dissimilation gegen das als Übergangslaut eingeschobene *ų*.

Karthaus, Westpr. *F. Lorentz.*

Końcowe *oN*, *ol*, *oj* w polszczyźnie literackiej i ludowej.

Kwestja wzdłużania w językach polskim i czeskim samogłosek krótkich w zgłoskach zamkniętych stała się w ostatnich czasach kilka razy przedmiotem badań. Pisali o niej: Lorentz w Arch. f. sl. Ph. XIX 163 (odnośnik), Pedersen w KZ. XXXVIII 305, Kul'bakin w Sborniku otd. russk. jaz. i sl. LXXIII nr. IV 154—186 i w Izv. XI ks. IV 303—5, Vondrák w BB. XXX 101 nn., Porzeziński w Sborniku LXXXI nr. IV 101—8, posługując się w objaśnianiu więcej lub mniej zależnością tych głosek od pierwotnego akcentu i intonacji. Z żadnym z wymienionych autorów nie mogę się zgodzić bez zastrzeżeń, a w szczególności sądzę, że dzisiejszy stan zgłosek końcowych w języku polskim najlepiej jeszcze da się wytłumaczyć starą hipotezą Baudouina de Courtenay (O drevnepol'skom jaz. 78). Odkładając uzasadnienie tej opinji do innej sposobności (na razie zob. Prace filologiczne VI 288), tutaj chcę zwrócić uwagę na jeden tylko szczegół i wykazać, że gdy nie starczą choćby subtelne spekulacje historyczne, objaśnienie znaleść można czasem w dzisiejszym stanie języka, zwłaszcza ludowego.

Idzie mi o te przypadki, w których *o* zamknięte jest końcową płynną *m*, *n*, *ń*, *r*, *ł*, *l*, *j*. Według zgodnej opinji piszących o tym autorów za fonetyczne uważać tu należy formy ze ściešnionym *ó* bez względu na pochodzenie dźwięku (z **ŏ*, *ě* samodzielnych, czy też stanowiących składnik grup **or*, *er*, *ol*, *el*). Jedynie tylko Pedersen sądzi, że wzdłużenie następowało tylko przy intonacji rosnącej, w którym to razie za prawidłowe uważaćby należało *sróm* (r. *sórom*, s. *srâm*) ale *prom* (r. *poróm*, s. *prȁm*), rzecz tę jednak pomijam, bo hipotezy tej nie uważam za słuszną, a gdyby nią nawet była, nie objaśni odstępstw, o których chcę mówić. Tymczasem w rzeczywistości stosunki nie są tak proste: gdy przed *l*, *j*, *r* mamy istotnie prawie bez wyjątku *ó*: *król*, *ból*, *wól*, [illegible] *wiór*, [illegible] jeżeli się pominie [illegible] wyrazy przy- [illegible] tylko kilka

a *r* jak *tor*, *zator*, powstałych pewnie drogą analogji), to przed *ł* dstępstwa są znacznie częstsze, np. *anioł*, *chochoł*, *warchoł*, często *ıozoł*, a przed nosowymi *m*, *n*, *ń* (w dalszym ciągu oznaczam je symolicznie przez *N*) zwężenia niema nigdy: *dom*, *grom*, *dzwon*, *gon*, *on*, *:oń*, *słoń*, *poziom*, *prom*, *srom*, *broń*, *skroń*, *dłoń*, *człon*, *plon*, *trzon*.)dstępstwa te objaśniano dotąd jedynie ryczałtowym przypuszczeniem .ziałania analogji przypadków zależnych. Zobaczmy, czy nie rzuci ı nieco światła zachowanie się tych grup w dzisiejszych djalektach ıdowych.

Zaczynając od spółgłosek nosowych, zwracam uwagę na fakt, że rak zwężenia istnieje w języku literackim tylko przed nimi ze wszyst.ich dźwięcznych i płynnych i że rozciąga się on na cały język. Prócz owiem przytoczonych mianowników l. p. występuje on w dop. l. mn. zeczowników ż. i n., gdzie zawsze jest *żon*, *nasion*, *wron*, *bron*, *stron* ez względu na pierwotny akcent i intonację, mimo że pochylenie przed ınymi spółgłoskami, nie tylko dźwięcznymi, jest tu tak częste (*cnót*, *kóp*), e aż skłoniło Vondráka do przypuszczenia wzdłużenia samogłoski tema›wej specjalnie w tym przypadku, a Porzezińskiego do słusznej zresztą pinji, że »samogłoska długa stała się formalną przynależnością bez:ońcówkowego dop. l. mn.«. To samo wreszcie mamy w środku wyraów, np. w zdrobnieniach. Gdybyśmy nawet przypuścili z Pedersenem ›netyczność niektórych z tych form, np. *wronka* przez wzgląd na czeskie *ranka* (dla pewnej odległej epoki byłoby to możliwe, skoro do *błoto*, . *bolóto*, mamy *błotko*, a do *złoto*, r. *zóloto* — *pozłótka*, ale kto wie, zy różnica między tymi dwoma zdrobnieniami nie leży po prostu w óźnej epoce ich powstania; podobnie *wronka* nie doszła chyba do nas :adycyjnie, każdy z nas sam sobie ten wyraz tworzy w razie rzadkiej resztą bardzo potrzeby), to i tak trudnoby przyjąć, by analogja ogaręła wszystkie bez wyjątku przykłady. Mamy zaś: *nagonka*, *dzwonka*, *'omki*, *poziomka*, z innych pochodnych *konny*, *obronny* i t. d. — Z tego rzeglądu okazuje się, że połączenie *óN* w języku literackim zupełnie ie istnieje bez względu na pozycję i etymologję. Spotyka się je zasem w ustach inteligiencji polskiej z prowincji ruskich, zwłaszcza w łalicji wschodniej. Wymowa ta w zdrobniałych, jak *poziómka*, *pierciónki*, *ogónka* (nawet *pierściónek*, *ogónek*) zaraz zwraca uwagę np. Krakowianina, ale jeszcze nie razi, nie uchodzi za gminną; taką jest opiero *óN* kończące wyraz, np. *ón*, *dóm*, *kóń*. Skłonność ta z pewnością ozostaje w związku z bezwzględnym wzdłużaniem tej pozycji w języku ıałoruskim: *win*, *dim*, *kiń*. W wymowie krakowskiej znam jeden tylko rzykład ścieśnienia: *jednokónka* obok *jednokonka*. — Taka jedno-

stajność nie może oczywiście powstać drogą analogji, że zaś jest to prawidłowość dzisiejsza, zawarunkowana wyraźnie dzisiejszym stanem języka, przeto nie trzeba jej objaśnienia szukać w przeszłości, przynajmniej nie w bardzo odległej. Kiedyż więc i pod jakim wpływem zrodziło się to literackie prawidło, mocą którego każde *óN* przeszło w *oN*? Sądzę, że zawdzięcza ono swe powstanie dążności do usunięcia z języka postaci, uchodzących za ludowe, gminne. Dziś tendencje takie obserwować można zwłaszcza u osobników, bezpośrednio wychodzących z ludu i pragnących pozbyć się cech nieliterackich języka często z przesadą, znaną pod nazwą »szadzenia«. Polega ono, jak wiadomo, na tym, że usuwa się z wymowy nie tylko takie *s*, *z*, *c*, *dz*, którym odpowiadają literackie *sz*, *ż*, *cz*, *dż*, ale także i pierwotne, ogólno-polskie. Otóż jest rzeczą bardzo możliwą, że w epoce powstawania dopiero języka piśmiennego i wymowy t. zw. poprawnej objawy takie były częstsze, ogarniały szersze kręgi i odbijały się na piśmie. Aby się tak stać mogło, musiały już oczywiście istnieć dwie różne wymowy, z których jedna uchodziła za lepszą. Zdaje mi się, że właśnie coś podobnego dałoby się wykazać dla grupy *oN*.

W dzisiejszym języku ludowym grupa ta na bardzo znacznym obszarze ulega zmianie na *óN* nie tylko w zgłoskach zamkniętych: *dóm*, *dómu*, *słóma*, *zielóny*, *krowóm*, *kónie* i t. d., z *ó* zupełnie równym *ó* powstałemu przez wzdłużenie z *ŏ: *góra*, *król*. Tak jest w całej prawie Wielkopolske i Śląsku, gdzie to *ó* jest dźwiękiem różnym od *u* (zob. np. Rozprawy filol. IX 120, XII 16, Malinowskiego Oppelnsche mundart 15; mowę ludową tych dzielnic znam zresztą z własnych badań), a także na Kujawach i w Ziemi Chełmińskiej, gdzie są one sobie równe (*kuńe*, *gura*, *kura*, zob. Mat i Pr. III 313 i 319). Zamiana *oN* w *óN* istnieje wprawdzie i w Małopolsce (np. koło Opoczna Rozpr. fil. XI 156, w gwarze lasowskiej Rozpr. VIII 89), ale po większej części pozostało ono bez zmiany lub przeszło w *ǫN*: tak np. koło Tarnowa (M. i P. I 11, III 76), nad Rabą (M. i P. II 364), w Zebrzydowicach (Rozpr. IX 163), w pasie podgórskim (Rozpr. VIII 242, M. i P. I 58); ten ostatni jest zapewne nieco późniejszego pochodzenia, ale bądź co bądź kolonizowano go z Małopolski, a wiadomo, że okolice zaludnione później zachowują czasem nawet dawniejsze cechy językowe. Nie znaczy to jednak, by w tych wszystkich gwarach połączenie *óN* bylo zupełnie nieznane: w wymienionych wyżej nadrabskich, należących do najdawniejszych małopolskich, obok zwykłych *słǫma*, *zwǫnek*, *dǫm*, *ludziǫm*, *ǫn*, *ogǫn* [illegible] też *kóń* *kónie*, *gónić*, polegające z pewn[illegible] przynajmniej [illegible] na [illegible] wzdłużeniu. Że zaś tych [illegible] przykładów jest

tak mało, to pozostaje zapewne w związku z istniejącą w Małopolsce silną tendencją do rozszerzania artykulacji tylnojęzykowej przed *N*: formy *łóna*, *strona* (= stsł. *struna*), *pieron*, *tromna*, *fortona*, *podaronek* są tam zjawiskiem zwykłym (zob. np. Rozpr. VIII 76 i 186, IX 152, XXVI 337, M. i P. I 58 i t. d.). — Jest więc rzeczą zupełnie możliwą, że dopóki język literacki rozwijał się w Wielkopolsce, wzdłużenia czy zwężenia *o* przed *N* stosowały się do tychże praw, co zwężenia przed innymi tegoż rodzaju spółgłoskami (sonantami); jeżeli podane w Gramatyce Franciszka Malinowskiego (Poznań 1869, str. 171) formy dop. l. mn. *brón*, *wrón* nie są skutkiem sztucznej poprawności (wyliczone są pomiędzy innymi dopełniaczami, jak *cnót*, *robót*, *kóp*, *stóp*, *ócz*), to połączenie *óN* do dziś tam w pewnych razach istnieje. Gdy zaś punkt ciężkości języka literackiego przeniósł się do Krakowa i gdy wielkopolskie *wróna*, *kónie*, *dómy* zaczęły razić i uchodzić za niepoprawne, wtedy wraz z nimi zaczęło znikać z języka klas wykształconych także i uprawnione pierwotnie *óN* w formach jak *kóń*, *brón*, *żónka*. Skoro zaś w Małopolsce nawet *uN* przechodziło w *óN* i *oN*, przeto poczęły się i w piśmie zjawiać postaci jak *słońce*, *strona* (chorda), panujące np. już w pierwszych wydaniach Kochanowskiego (w Psałterzu Florjańskim lub Biblji królowej Zofji zawsze *słuńce*, *struna*) mimo że tamże spotyka się jeszcze *kóń*, *ón*, *dziatkóm* obok *konie*, *dom*, *onéy*. Że tendencja ta działała i później, świadczą dzisiejsze wahania w wyrazach *tłumaczyć*, *tłumok*, pisanych często przez *o*, świadczy zdarzająca się, choć nie uchodząca za poprawną forma *bronet* i inne. Został jednak *tłum*. Godny wreszcie uwagi wyraz *sum*, występujący w tejże postaci i w języku czeskim, gdy w innych, np. w rosyjskim i serbskim mamy *som*, widocznie pierwotne, skoro spotyka się i w stpol. (Piekosiński, Studja . . . z dziedziny historji polskiej, t. VI Wybór zapisek sądowych . . . wielkopolskich z XV w., str. 201) i skoro *u* mamy właśnie w tych dwu językach, w których może ono być rezultatem wzdłużenia *o*; tego samego dowodzi zresztą litewskie *szãmas*, którego niema powodu uważać za przyswojenie z ruskiego, jak to przypuszcza Brückner (Litu-slavische Studien, I 140). Widocznie więc mamy tu do czynienia ze zjawiskiem odwrotnym omawianemu powyżej, mianowicie z przejęciem do języka literackiego formy ludowej; skoro przejście *óN* albo i *uN* w *oN* nie odbyło się w języku literackim drogą właściwego nieświadomego prawa głosowego, lecz przez przejęcie z djalektu i przez sztuczny dobór, przeto ten jeden fakt odwrotny nie pozostaje z nim w sprzeczności, zwłaszcza że to wyraz rzadko używany, a tendencja do zamiany *u* na *o* znacznie słabsza jest przed *m* niż przed *n*, zwykle np. ludowe *rozum*.

Trudniejsze do objaśnienia są przykłady nieścieśnionego *o* przed *ł*. Wyrazy z pierwotnymi *o*, *e* mają tu systematycznie *ó*: *dół*, *kół*, *pół*, *stół*, *wół*, *popiół*, *wesół* i t. d., z obcych zupełnie na ich wzór *kościół*, *rosół*. W wyrazie *anioł* *o* powstało później, w Kazaniach świętokrzyskich pisze się jeszcze *angel*, w Ps. Fl. *angel* i *angol*; nadto przytaczam dzisiejsze literackie *chochoł*, *warchoł*, często *mozoł*. Przyczyną braku ścieśnienia mogło być wyrównanie do innych przypadków, ale z pewnością nie samo ono tylko: z pewnością współdziałał przedostający się z gwar nowy typ zakończony na *oł*: *kocioł*, *kozioł*, *osioł*. Pojawia się on w literaturze już w w. XVII, ale w gwarach był z pewnością już dawniej, skoro dziś panuje w nich bardzo silnie, obejmując np. w całej Wielkopolsce, a także indziej, nie tylko *eł* z *e* ruchomym podniebiennym (z *ĭ), ale i z niepodniebiennym (*ŭ), np. *posoł*, *Pawoł*, *poł* (czas przeszły do *pielę*), a nawet *orzoł*, gdzie rychłe odpodniebiennienie *rz* jest przyczyną pozornej niekonsekwencji między literackimi *osioł* a *orzeł*. Proces ten, odbywający się przedewszystkim, choć nie wyłącznie, w gwarach wymawiających *ł* jak *u̯*, pojmuje się zwykle jako przejście *el* w *oł*, niezupełnie jednak słusznie, to *o* bowiem, nie mając przed sobą nigdy labjalizacji *u̯*, typowej, choćby w słabym stopniu, dla większości rdzennych gwar polskich, nie da się sprowadzić do *ŏ lecz do *ŭ. Widać to doskonale z zestawienia wielkopolskich *śu̯ostra*, *ću̯otka*, *pu̯ole* z *ku̯oćou̯*, *Pavou̯*, *pudou̯ku̯o* i *trou̯va*, *bou̯y*, *ptou̯k*. Że przyczyną braku *u̯* przed *o* nie jest tu dyssymilacja do następującego *u̯* z *ł*, wykażę zaraz poniżej. Przedtym jednak zwrócę uwagę, że dopiero takie postawienie kwestji tłumaczy nam, dlaczego to *o* nie ulega zwężeniu na *ó*, chociaż w tychże gwarach mamy zwykle *aniół*, *chochół*. Wogóle co do zwężania w grupie *ół* można zauważyć ciekawy paralelizm między mową literacką a ludową, przyczym jednak pierwsza stale się niejako opóźnia. I tak (pomijam warstwę wyrazów najdawniejszą): gdzie lud przeprowadził już przeważnie zwężenie (*aniół*, *chochół*) — tam klasy wykształcone mają prawie wyłącznie *o*, gdzie lud ma stale *o*, czasem nawet już zamieniane na *ó* (*osioł* i *osiół*) — język literacki zachowuje jeszcze resztki *e*, gdzie ludowy, na znacznym obszarze, ma *o* nigdy nie ścieśniane (*Pawoł*; jedynym pozornym wyjątkiem jest *djabeł*, występujący w gwarach jako *dziaboł* lub *dziabół*, dla drugiej z tych form można jednak wychodzić z łacińskiego *o*) — literacki zna tylko *e*.

Jest jednak jeszcze drugie zjawisko gwarowe, dotyczące grupy *oł*. Jeżeli w typowych gwarach wielkopolskich, a także czasem na Śląsku, spotyka się *kozo*, *łozo* obok *ku̯oza*, *łu̯otka*, to możnaby przypuścić, że labjalizacja [illegible] zginęła [illegible] dyssymilacji

do następującego *u̯*. Jeżeli jednak na Krajnie obok *koe̯t*, *śoe̯stra* słyszy się *kóu̯ek*, *pšćóu̯a*, *vesóu̯i* (M. i P. III 183, 189, 193) i zestawi się z tym tamtejsze *próvda*, *tróva*, to musi się przyjąć zasadę, że **ŏł* przeszło tam w **āł*. Podobnie na Śląsku notowałem: w Dobrzniu lub Siołkowicach pod Opolem *pole*, *koza* ale *cóu̯o*, *kóu̯o* z *ó* jak w *tróu̯va*, *ptóu̯k*, w innych jego częściach, np. w Piekarach pod Bytomiem: *kot*, *polåk*, *kovål* obok *cåu̯o*, *påu̯ova*, *gåu̯ǫmp*, a nawet *måva* (= *gåtka*, a więc z **mołva*). Widać stąd jasno, że ma się tu do czynienia nie z dyssymilacją, ale istotnie z przejściem **ŏł* w **āł*. O dawności tego zjawiska trudno coś pewnego powiedzieć; wprawdzie *mowa* obok *mołwa* spotyka się już w Ps. Fl., ale *ł* w tym wyrazie mogło się na Śląsku utrzymać dłużej. Rozpowszechnienie jego terytorjalne jest prawdopodobnie większe, niżby można wnosić z nieuwydatniania tego faktu w dotychczasowych opracowaniach gwarowych. Istnieje on czasem, przez badającego niedostrzeżony: tak np. pod Tarnowem zanotowano *cou̯e*, *kou̯e*, *chou̯eto* obok *cefńiva śe*, *u̯ǿku̯ǿ* (M. i P. I 11; co do *o* i *å* zob. tam str. 2) lub *gou̯y* obok *gu̯ǿlec* (M. i P. III 76). Nie ulega oczywiście wątpliwości, że bardzo wiele gwar zjawiska tego nie zna zupełnie, tak np. w Zebrzydowicach *kuöu̯o*, *muöva*, *puöle* bez różnicy (Rozpr. IX 154). — Kto wie, czy nie pozostaje z tym w związku *warchoł*, obok którego istnieją nazwiska *Warchał* i *Warchałowski*. Chyba zaś tylko za pośrednictwem tego zjawiska dadzą się objaśnić zachodnio-pruskie *żałty*, *żałniérz*, *szałtys*, *na wiérzchałku* (M. i P. III 239 n.). Istnieją one na niewielkiej przestrzeni, gdzie graniczą z sobą djalekty zachowujące odrębność **ā*: *ptåk*, *tråwa* (kaszubskie i tucholskie) i djalekty równające je z **ă*: *ptak*, *trawa* (kociewskie); sam obchodzący nas tu pas graniczny należy dziś językowo do Kociewia, mógł jednak niegdyś należeć do typu z *å* (l. c. 267 n.), że zaś także na Kociewiu dawne *ā* ulegało przynajmniej w niektórych pozycjach zwężeniu, dowodzi jego zachowanie się dziś przed *N*: *zómek*, *bocion*. Otóż można tu przyjąć dwie epoki: 1. *oł* ⟹ *åł*: *pråwda*, *żåłty* (na całym Kociewiu mowi się *żołty*, nie *żółty*), *żåłniérz*, 2. *å* ⟹ *a*: *prawda*, *żałty*, *żałniérz*. W przypadku tym idzie co prawda tylko o *oł* w zgłosce zamkniętej (toż samo w niektórych gwarach południowo-kaszubskich, np. w. Boryszkowach: *kœu̯o* obok *żöu̯ńéř*, *żöu̯ti* z *ö* jak w *prövda*, M. i P. III 142), ale tendencja jest ta sama. — Koniec końców, jakkolwiek pojmować te fakty, nie ulega wątpliwości, że zmiana następuje tu nie w kierunku zwężenia lecz rozszerzenia artykulacji *o* przed *ł*.

Całkiem odwrotnie ma się rzecz w grupie *oj*. Z istniejącego bodaj czy nie na całym obszarze Polski ludowego *pujdzie* lub *pudzie* (w dja-

lektach, zachowujących zresztą odrębność *ó* od *u*) możnaby wnosić, że jednozgłoskowe *oj* miało tendencję do przejścia w *uj* przynajmniej w pewnych razach (zwykle bowiem równorzędnie z nim rozkaźnik *pódź*, nawet *podź*). Że obok tego mamy zwykle *dójdzie* lub *dojdzie* (i literackie *pójdzie* — *dojdzie*), to rzecz inna: tudaj działało poczucie związku z przyimkiem *do*, następującym prawie zawsze po tym słowie, np. *dojdzie do miasta*, gdy tymczasem *po* w *pójdzie* zupełnie zatraciło znaczenie przyimka *po*, służąc tu jedynie do nadania słowu niedokonanemu znaczenia dokonanego. Dlatego ta odosobniona, niewystawiona na wpływy analogji forma może mieć większe znaczenie, niż mianowniki typu *rój*, *bój*, *gnój*, zostające pod silnym wpływem innych przypadków. Że i tu jednak tendencja ta istnieje, dowodem gwary południowo-kaszubskie ze swoimi konsekwentnymi *muj*, *stuj*, *gnuj*, *chujna* (M. i P. III 121 i 142) obok *bór*, *król*, *anioł*. Paralelnie do tej dążności do zwężania język literacki, przeciwnie niż w grupach *oN*, *ol*, ma bezwyjątkowe *ój*.

Kraków. *Kazimierz Nitsch.*

Westbulgarische Dialekte in Ostbulgarien.

Nach der Aussprache des alten ѣ-Lautes zerfällt die bulgarische Sprache, wie bekannt, in zwei Hälften: ostbulgarisch, wo der alte Laut des ѣ noch bewahrt ist, und westbulgarisch — mit einer umgelauteten *e*-Aussprache desselben Vokals. Die Grenzlinie dieser zwei Hälften des bulgarischen Sprachgebiets ist auch schon festgestellt; sie geht, von der Mündung des Vit-Flusses an der Donau an, in ziemlich gerader Richtung bis nach Saloniki hin, mit einer kleinen Biegung nach Osten im Bezirke Tatar-Pazardžik. Vgl. mein *Uvod* im Сборн. за нар. Умотв. etc. X, S. 366. Hier eine kleine Korrektur eben dieser Biegung der ѣ-Grenze. Bei Miletić (Das Ostbulgarische, S. 8) sind die Orte *Čangarlii*, *Eši-Kašlii*, *Kösse-Muratovo*, *L'ahovo* und *Elli-Dere* (alle im Bezirk Tatar-Pazardžik) irrtümlich in die östliche Hälfte gesetzt, während sie in die westliche fallen sollten, weil sie *e*-Aussprache des ѣ aufweisen.

Durch die genannte Grenzlinie sind die beiden Teile des bulgarischen Sprachgebiets so streng voneinander geschieden, daß wir immer, wo wir im Westbulgarischen eine *e*-Aussprache des ѣ treffen, sicher sein können, daß diese Eigenschaft aus dem ostbulgarischen Gebiete herstammt — und umgekehrt. Ostbulgarische Aussprache des ѣ in Westbulgarien weisen auf die Orte: *Staro-Selo* und *Vlaško-Selo* (Bezirk von Vraca), dann im Bezirk Kula (Kreis Viddin) die Stadt *Kula* (*Adlié*) selbst und die Dörfer: *Gulemanovo*, *Bojnica*, *Šišenci*, *Poletkovci*, *Izvor-mahala*; und dann weiter hinter der serbischen Grenze: *Zajčar* und *Veliki-izvor*. In der Tat sind das alles Kolonisten aus Ostbulgarien.

In Ostbulgarien waren bis jest nur die sogenannten *arnauti* in *Bracigovo*, *Peštera* (Bezirk T.-Pazardžik), dann im Dorfe *Ajdemir* (Bezirk Silistria) bekannt. Diese »arnauti« sind keine Albanesen, wie man dem Namen nach urteilen könnte, sondern mazedonische Bulgaren aus der Umgebung von Kastoria, die noch ziemlich gut die Haupteigenschaften ihres Heimatsdialekts (Nasalismus und Betonung) bewahrt haben. Solche

»arnauti« habe ich noch in *Patelenica*, *Crnča* und *Debrštica* (Bezirk T.-Pazardžik) entdeckt, die aber alle aus Bracigovo stammen[1]).

Aus Westbulgarien stammen auch die sogenannten *tronkovci* oder *tronki*, welche, aus dem Vilayet Adrianopel herkommend, hier und da im Kreis Burgas angesiedelt sind. Ihre eigentliche Heimat ist aber nicht Adrianopel, sondern Mazedonien, was aus ihrer Sprache klar wird. Diese *tronki* aber erkannte ich nicht an der Aussprache des ѣ-Lautes, welcher bei ihnen wie *'a* lautet, sondern an andern westbulgarischen Merkmalen, wie: *o*-Artikel anstatt ъ oder *a*, *k'e*-Partikel zur Bildung des Futurum, sowie an einzelnen westbulgarischen Ausdrücken, die ich mir im Dorfe Paša-köj (Bezirk Kazyl-Agač) notiert habe: *ručok*, *briga*, *benga*, *enza*, *harno*, *dzviska*, *nerez*, *bizaje*, *niti*, *tronka* (= trohinka) anstatt *malko* — woher auch ihre Benennung — *kuk'a*, *hug'e*, *vrejk'a* etc.

Miletič vermischt diese *tronki* eigentümlicherweise mit den *zagorci*, d. h. mit jenen nordbulgarischen Kolonisten in Südbulgarien, welche den *o*-Artikel gebrauchen. Vgl. Das Ostbulgarische S. 33 und 208, Старото бълг. население S. 34. Vgl. meine Bemerkung dazu in Диалектни студии I, Сборн. за нар. умотв. etc. S. 76—77. Zwar gebrauchen auch die tronki denselben *o*-Artikel, aber sonst ist ihre Mundart nach oben erwähnten Merkmalen streng zu scheiden. Außerdem sprechen die tronki das ѣ überall ohne Umlaut aus: *l'ato* — *l'aten*, wogegen die Zagorci denselben Vokal nach nordostbulgarischer Weise vor weichen Silben umlauten lassen: *l'ato* — *leten*.

Die alte *'a*-Aussprache des ѣ haben sich die tronki entweder von den benachbarten südöstlichen Mundarten angeeignet, oder aber haben sie diese Eigenschaft aus ihrer früheren Heimat mitgebracht in einer Zeit, wo die *'a*-Aussprache des ѣ noch allgemein bulgarisch war.

Nun gibt es noch eine westbulgarische Mundart im Osten, und zwar wieder im Bezirke von *Kazyl-Agač*, über welche ich bisher noch keine Erwähnung in der bulgarischen Dialektologie gefunden habe. Auf meiner Studienreise durch Südbulgarien (Ostrumelien) im Sommer 1905 hörte ich im Bezirksorte Kazyl-Agač, daß man im Dorfe *Dere-köj* in demselben Bezirke *šopski* sprechen sollte. Ich schickte mich daher mit großer Neugier an zum genannten Dorfe, um diese *šopi*, fast an der türkischen Grenze, kennen zu lernen. Als ich mich nun diesem Dorfe nahte, hörte ich in der Rede eines Hirten manche Worte, die nach Aussprache und Betonung in der Tat eine westbulgarische Mundart

[1]) Über die »Arnauten«-Kolonien in Ostbulgarien vergl. **Miletič**, Арнаутитѣ въ Силистренско, Пер. Сп. LXI, 623—666; M. Georgiev, Арнаутитѣ и мървацитѣ въ Брацигово, Изв. на Сл. сем. при Соф. Унив. I, 117—140.

verrieten: *žèn'ta*, *pъtìšta*, *kučèta*, *bìoli*, *šarèno* anstatt: *ženàta*, *pъtišta*, *kùčeta*, *šàreno*, *bìvoli*. Gleich erinnerte ich mich an die Betonung von Kostur (Kastoria) und dachte schon an neue »Arnauten«, d. h. an Kolonisten aus dem Kastoria-Gebiete. Als ich aber im Dorfe selbst diese Aussprache und Betonung näher studierte, erkannte ich sogleich in der Sprache der Bewohner Dere-köj's eine mazedonische Mundart, die sehr nahe der Mundart von Vodena steht.

Die Hauptmerkmale und zugleich die Unterschiede dieser Mundart von Dere-köj gegenüber den andern ostbulgarischen Dialekten sind folgende:

1. Die Aussprache ist viel energischer und rascher, als sonst der Fall ist bei den südöstlichen Mundarten; daher werden viele Vokale synkopiert — gerade so wie im Vodenaer Dialekte: žèn'tă, tèl'tu, kùč'tu, kučèt'ta, dĕ̀t'tu, vìn'tu, tilèt'tă, kъ kùp'me, kъ kùp'te, met'me, mèt'te etc.

2. Die Reduktion mancher Vokale geschieht viel öfter und trifft nicht immer dieselben Fälle wie im Ostbulgarischen; man spricht z. B. sъ nàdъme, pъlъčnìk anstatt palečnik oder palešnik (Pflugeisen), pъnnàjme (padnahme), iribìca (jarebica), nъ vъ vìdeh' (ne vi videh), nъ nъ vidèja ki! (ne nu videha ki), slàv'ъk, slъv'àci (slavej). Die Reduktion aber trifft nie das auslautende *e* — gerade so wie in Vodena: tèle, mète, mèt'me, drugàre, pupòve, jъdèńe, pijèńe etc.

3. Die Aussprache des ѣ ist nicht *'a*, sondern *e*: sènk'a, plèvn'a, strèja (streha), lèja (leha), metèh', metèjme, tudèva. Zugleich hörte ich auch ein breites *ë* für ѣ, welches mir wie Annäherung zum ostbulgarischen *'a* vorkommt: dëte, mëur (mehur), rëka, vëra, drënki, stëna.

4. Der *h*-Laut hat (abgesehen von den Fällen, wo er schwindet) doppelten Wert: im Auslaute wie *h'* (weich): urèh', prah', kùpih' — im Inlaute wie *j*: strèja, lèja, kupìjme, kupìjte, bъjla (блъха).

5. Die Betonung in der Mundart von Dere-köj weicht die letzte Silbe und behält fast immer die vorletzte; nur einige Verbalformen oxytonieren. Daher haben wir: žèna, stèna, sъ̀rna, rъ̀žda, mъ̀gla, sènu, sèdlu, bràšnu; sòl-ta, svèš-ta, gràd-u, vràt-u, dèn-u; mъštèa, vъglène, gъsenìca, kъklìca, kulèda, čubrìka, bъlgàre, kučèta, imèta, gledàńe, imàńe, kupuvàńe; òrel, òves, òcet, òven, òsten; čòvek — čovèci, dèver — devèri, mèsec — mesèci, bìul — biòle, kùče — kučèta, čoban — čobàne, ìme — imèta, zàlăk — zalàdzi, pòvul' — puvòl'e (povoj), pòklun — puklòne, ràzbul' — razbòl'e (razboj), òreh' — urèsi, kvàsnik — kvasnìci, prèsnik — presnìci, sàpun — sapùne, sòdžuk — sudžùci, òbrăč — ubràče — rъ̀kaf — rъkàve, gъ̀lъp — gъlъ̀be, òfčar — ofčàre, gòlem —

gulèmi, dъlbuk — dъlbòki, šàren — šarèno etc. Aber: metèh′, metè, metè; mulìh′, mulì; kupuvàh′, kupuvà etc.

6. Für die Bildung des Futurum gebraucht man die Partikel ki oder kъ: ki jdă, ki zèma, kъ pùp'me, kъ dàd'me. Sonst aber habe ich keine Spuren von k′ — g′ anstatt št — žd gefunden, außer im Worte *vreka*. щ und жд lauten immer št und žd, nicht šč und ždž wie sonst in der heutigen Mundart von Vodena.

Es unterliegt also keinem Zweifel, daß die Bewohner von Dere-köj Mazedonier sind. Auf die Frage aber, wann und woher sie gekommen sind, konnte ich keine Antwort bekommen. Sie nennen sich selbst *šopi* und waren sehr überrascht, als ich ihnen gesagt habe, daß sie aus Mazedonien stammen. Einer dunklen Überlieferung nach sollen sie früher *harbalii* gewesen sein, d. h. »Spießbürger« im echten Sinne des Wortes, welche die türkische Regierung von jeder Steuer befreit und beauftragt haben soll, den benachbarten Engpaß zu bewachen. Mit gewissem Stolze haben sie mir das materielle Zeugnis ihres getreuen Dienstes gezeigt, nämlich eine alte *harbija* (Lanze) — ihre zuversichtliche Waffe aus jener guten alten Zeit, als sie gestrenge Wächter des Weges nach Konstantinopel waren. Ein 80jähriger Greis unter ihnen hat mir dazu noch erzählt, daß sie aus *Čirmen* (Bezirk Mustafa-Paša in der Türkei) stammen, woher sie ein Paša vor 400 Jahren in das jetzige Dorf übersiedeln ließ und mit dem Wachdienst beauftragt hat. Derselbe Greis erinnerte sich noch der drei Wachthäuser oder Wachttürme im Engpaß in der Nähe des Dorfes.

Es mag wahr sein, daß die Bewohner von Dere-köj aus Čirmen oder aus irgend welchem Orte im Osten hergekommen sind, aber ursprünglich stammen sie sicher aus dem Westen, aus Mazedonien, und zwar aus der Vodena-Gegend, was aus ihrer Sprache ganz klar erleuchtet.

Sofia, 12. VI. 1907. *B. Conev.*

— —— ————

O pravopisu i jeziku Vida Došena.

Ocjeńujući Jagić g. 1865. u »Kńiževniku« (god. II., str. 572—574) Starčevićevo izdańe Došenove »Aždaje sedmoglave« pozdravļa ovu kńigu kao dobru i korisnu, jer joj je sadržaj moralan, a jezik krasan. Narod će iz ńe naučiti, kako da se čuva od sedam glavnih grijeha, a rado će je čitati, jer pjesnikovi stihovi teku glatko. Ali što se tiče novoga izdańa, Jagić nije ńime zadovoļan. On zamjerava Starčeviću, što je nedosļedno mijeńao Došenov pravopis i na više mjesta ispravļao jezik te na taj način izopačio tekst. Tom prilikom ističe Jagić ļepotu Došenova jezika i dosļednost ńegova pisańa.

Pokušat ćemo ovdje, da se upoznamo s Došenovim pravopisom i jezikom i to na temeļu prvoga izdańa ńegove »Aždaje«.

Vid Došen (1720—1778) rodom je iz Like, kao što i Joso Krmpotić, ali svojim kńiževnim radom idu obojica među slavonske pisce 18. vijeka. Došen je naime 22 godine svojega života proveo u Slavoniji kao župnik dubovički te je u Duboviku i umro. Poznata su nam dva ńegova djela: »Jeka planine, koja na pisme Satira i tamburaša slavonskoga odjekuje i odgovara« (U Zagrebu 1767, II. izd. 1780), napisana u obranu pjesnika »Satira«, M. A. Relkovića, i »Aždaja sedmoglava bojnim kopjem udarena i nagrđena iliti . . . Ukor malovridnosti čovičanski . . . (U Zagrebu 1768, II. izd. 1792, III. izd., što ga je priredio David Starčević, 1865; osim toga izišla je g. 1803. »Aždaja« u Budimu na »slaveno-srpskom« od Georgija Mihaļevića, koji Došena kao autora ni ne spomińe). Došen se naziva »Dalmatin od mora velebitskoga«, a »Aždaju« svoju »blagosiva puku iliričkom«.

I.

Najprije da ogledamo spoļašńe lice Došenova pisańa, ńegov pravopis. Pravopis mu je slavonski, kao što je i u ńegova zemļaka Krmpotića, ali se ne podudara uvijek s Krmpotićevim. Evo kako Došen piše pojedina slova:

č = *cſ*: cſinit (1^{b}), cſoviku (2^{a}); = *cs*: csovika (2^{b}), — dakle bez razlike cſ i cs.

ć = *chj*: sazivajuchja (1); = *ch* (na kraju sloga ili riječi i isprед *i*): pomoch (1^{a}), dárchjuch (144^{a}), ſrichnog (7^{b}), rechi (1^{a}); = *tj*: bratja (36^{b}, 109^{b}), bratje (211^{a}), bratjo (123^{a}), pitje (148^{a}, ^{b}), pitja (148^{a}, 176^{b}), nagnutje (189^{a}), ganutja (267^{a}), kárstjana (94^{a}). Ove riječi imaju tj = ć prema riječima: brat, piti, nagnuti, ganuti, krst.

đ = *gy* (obično): nagargyena (naslovni list), nagye (9^{b}); = *dj*: orudje (69^{b}).

ǵ = *cs*: ſárcsba (199^{b}).

h piše Došen dosta nedosļedno, a to znači, da ga nije izgovarao. U 1. sing. aorista nema ga: reko (56^{b}, 59^{b}, 68^{b} i t. d.), zađo — nađo (23^{a}, 198b, 199^{a}), znado (235^{a}), počinu (127^{b}), spomenu — krenu (269^{b}), zaludi (126^{a}) i t. d. U 3. sing. aor., gdje mu mjesta nije, piše ga više puta: naduh (12^{b}), čuh (35^{b}). Ne piše ga u gen. plur. pridjeva: kriposnî (1^{a}), I skup božjî svi kripostî (3^{b}). Nema ga ni u plur. zamjenice »on«: Da ńi (= ńih) ļudi ne pogube (15^{b}), Jerbo i (= ih) je odhranila (15^{b}). Izostavļa ga u imenici »hlad« i u riječima od ńe izvedenim: u ladu (228^{a}), ladna voda (208^{a}) oladi (184^{b}, 207^{a}), olade (172^{b}), razladilo (137^{b}). Nema ga ni u: rom (91^{b}), odma (141^{a}) grunuti (27^{b}), ali odahnuti (27^{a}). — Kao što Krmpotić piše i on: hol, -a, -o (4^{a}, 5^{b} i t. d.), holost (12 i t. d.), pridjev holit (13^{b} i t. d.), glagol holiti se (50^{b}, 51^{b}). — Zališno je h u: hambar (18^{b}, 58^{b}, 214^{a}), hrđa (57^{b}), hrđav (137^{b} i t. d.), hrže (64^{b}), hržući (64^{b}), hum (= um). Ova posļedńa riječ dolazi veoma često i to uvijek sa h: hum (26^{a}, 131^{b}), na hum (19^{b}, 65^{b}, 75^{b}, 82^{b}, 95^{b}. 122^{a}, 127^{b}, 132^{b}, 133^{a}, 217^{a}, 242^{a}, 256^{b}), isto tako u: dvohumi (42^{a}, 138^{a}, 200^{a}), nahumila (99^{a}). Vidimo, da ova riječ dolazi najviše s prijedlogom »na«, a h će biti umetnuto radi ukidańa zijeva. Tako možemo rastumačiti h i u »dvohumiti«. I u oblicima glagola »smijati se« nalazimo h: nek se smihe (133^{a}), smihu se (26^{b}, 71^{a}), nasmihat se (70^{b}), kako ne bi one ļude osmihali (72^{a}), ali uz to i »se smie« u sroku sa »nie« (56^{b}). Morat ćemo i ovomu h tražiti razlog u ukidańu zijeva, a na to je utjecala i imenica »smijeh« sa svojim h. Krmpotić također piše ovako ovaj glagol. — th dolazi u tuđim riječima: Athena (31^{b}), Loth (148^{a}), Sabaoth (13^{a}) i u prilogu *thia* (82^{a}, 123^{b}, 187^{a}, 226^{b}, thja 66^{a}). Došen je ovim h htio valjada naznačiti, da se tj (ti) ovdje ne izgovara ć (kao što u bratja).

[illegible] iz i [illegible] najviše se izostavļa [illegible] boim (se) — dvoim (1^{a}), pustaiu [illegible] 128^{b} [illegible] slićnija je (129^{a}) katkada vrijedi [illegible] postoji [illegible]

ļ = *ly*: trublya (1), valya (valet 2[a], 204[b], volutat 204[b]); *lj* (rjeđe): valja (volutat 2[a]).

ń = *ny*: nyu (1[b]), nyima (1[b]), sužany (9[b]).

ṙ = *ar*: gardi (2[a], 5[a]); *àr*: sàrce (1[a]), gàrdi (2[a]); *ár*: gárdi (4[a]), — akcenat na *a* ne čini dakle nikakve razlike; *ra*: satrao (128[b]).

s = *s* i *ſ* bez razlike: nebesa i nebeſim (2[a]); ſ obično ispred t, a i inače: ſtrane (1), ſablaſti (1), ſve (1), biſan (2); jednom *ſz*: kad ſze (23[a]).

š = *sh*; viteshki (1[a]), dushmanina (10[a]); *ſh*: duſhmanina (2[a]), — dakle bez razlike; *ss*: Dossen (naslovni list).

ž = *x*: uzdixe, axdaji (1[a]).

Za čudo je, da Došen ne udvaja slova, kao što to rade drugi slavonski pisci n. pr. Kanižlić i Krmpotić. Dvostruki suglasnik nalazimo jedino u glagolima: *podati se* (Dal se ženi ti poddade 107[a], Kad se smradu već poddade 148[b]) i *podavati se* (Pak se ženi poddavati 107[b]), gdje je pisac htio naznačiti, da je ovaj glagol složen s prijedlogom *pod* (subdo), a ne *po*; zatim u prijedlogu *pod* ispred *se*: podda se (42[a]), ali i poda se (124[b]). Inače piše Došen i etimologički i fonetički, kao što svi naši stari pisci. Ńegove konsonantske kombinacije pobiļežio je Maretić (Istorija hrvatskoga pravopisa latinskijem slovima. U Zagrebu 1889, str. 253—256).

Došen stavļa rado na riječi akcente. Poznaje tri znaka: ˆ, ˋ i ˊ, ali ovi znaci obično ne stoje na naglašenom slogu, nego ili služe drugoj svrsi ili nemaju nikakvo značeńe. Znak ˆ nalazimo na dugim samoglasnicima: u gen. plur. I skup božjî svî kripostî (3[b]), ńî (1[b], 3[b]), iz tî tmina (260[a]), do nebesâ (2[a]), zapovidî (246[b]), otácâ (119[a]), očiû 228[a]); pô dne (248[b]), ali stoji i na: onî (nom. plur. 246[b]), dolazećê (grihe, ak. plur. 186[b]), život vâš (269[b] i bez akcenta u istom stupcu), môš (= možeš 22[a] i t. d.). — Druga dva znaka dolaze veoma često. Pravila im ne možemo postaviti. ˋ stoji na vezniku *dà* i na krajńem *o* i *e* od prislova: hitrò (1[a]), mnogò (13[a]), tamnò (115[a]) i t. d. (ali i kripko 1[a]), cinè (120[b]), ničicè (4[b]), mùčè, múčè i mučè (118[a], [b]) i t. d., zatim obično na jednoslovčanim riječima: stàn (imperativ, 1[b]), sàd (1[b] i sàda 3[b]), vàs (= sav, 2[a]), bòg (2[b], ali i bóg 2[a]), na prijedlogu pò i t. d. — ˊ imamo u: dáde (1[a]), poznáde (2[a]), váļa (volutat, 2[a]), što ćé (1[a]) i t. d. Akcente ˊ i ˋ nalazimo veoma često na homonimnim riječima za razliku značeńa, osobito u sroku, na pr. drúgi (dat. od drúga, socia) i drùgi (alter, 120[a]) drúgo (vok. od drúga) i drùgo (prilog, 121[b]), blàgò (prilog) i blágo (imenica, 119[a]), gòri (pejor) i góri (3 sg. prez. od gorjeti, 116[b], 219[b]), ali i gòri (supra) i góri (pejor 205[a]), móre (mare) i mòre (= može, 191[b],

194[b], 199[a]), propást (imenica) i propàst (glagol, 173[b]), svíta (gen., mundus) i svìta (gen., consilium, 201[b]), vàļa (valet) i váļa (voluntat, 204[b]).

II.

Došen je štokavac, a narječje mu je ikavsko. Ijekavskih oblika nema. Ekavski je: ovde (1[a], 161[a]), na obedu (131[b]), obedi (150[a]), pod obedom (u sroku sa: redom, 151[a]). Ikavske oblike vidimo i u: brize (gen. sing. = breze, 92[b]), jelin (178[b]), jeline (u sroku sa: planine, 72[a], 151[a]), jelinskim skokom (124[a]), korin (238a, ali i koren 84[a]), korina (gen. sing. u sroku sa: starinâ 30[b], 36[a], 247[a]), ńelim (250[b]), ciriti se (I u zboru da se ciri 95[a], ijekavski: cjeriti se i ceriti se).

Što se tiče glasova, treba primijetiti, da piše f mjesto hv: fala (115[a]), fale (3. plur. prez. 115[a]), pofali (115[a]), pofaliti (156[b]); fatale (131[a]), ufati (163[a]) i t. d. — l-epentheticum ne dolazi uvijek. Nalazimo ga u: ļubļeńa (157[b]), spravļat (52[b]), zadobļeno (59[a]), živļeńe (7[a]) i t. d., ali ga nema u: divieg (251[b]), diviu (217[a]), diviaše (= dìvļaše, 97[a]), divjaka (15[b]), kopje (1[a]), kopja (1[a]), kopjem (naslovni list), robje (148[b]), zdravje (8[a]), i t. d. — Mjesto mn piše ml u: mlim (7[a]), mliš (25[a]), mli (10[b]), mlite (55[a]), mliđâ[h] (167[b]), mliđahu (79[a]), ali uvijek: mnogi (31[b]), mnogo (40[a]). mt > nt: pantiti (110[b], 131[a], 188[b] i t. d.). zn > zl: zlameńe (112[b]), zlamenuje (110[b]). — U riječi *paun* umeće *v*: pavun (65[b]). Početno *p* odbacuje u: *šenica* (128[a]), *tica* (65[b]). — 2. sing. prez. od moći: možeš stegnuto je u moš (19[b], 22[a], 37[b], 43[b], 127[a], 257[a]); 3. sing. može (39[b]) i more (13[a]).

Imenice i pridjevi. *otrov* je ženskoga roda (73[b] više puta, 90[a], 97[a], 103[b], 110[b]). Vuk Karadžić veli, da je ova riječ u Crnoj Gori ženskoga roda, u Lici i Slavoniji je, koliko mi je poznato, samo muškoga roda. — *hum* = um dolazi jednom u ženskom rodu i to u sroku: Jer na moru od poslova uvik pliva hum ńihova (26[a]), a iz drugih primjera ne da se razabrati, kojega je roda. U akademijskom rječniku stoji: »hum (ili um?) f. oholost(?)«, a kao primjeri navode se spomenuti Došenov i dva od Đ. Rapića. Međutim »hum« je ovdje samo »um«: tò se vidi jasno iz spomenutoga mjesta u »Aždaji«, gdje se veli, da velika gospoda imadu mnogo briga, da su uvijek zamišļeni, čelo im je »oblačno«, i misle uvijek na poslove; a vidi se i iz izraza: pada (pane) mu na hum (19[b], 65[b], 75[b] i t. d.). — *mládež* je jedanput mušk. roda i to u sredini stiha: O mladežu! nu pogledaj! (103[b]). — Od nom. *muško* glasi dat. *mušku*: Žena kad se mušku nudi (96[b]), Da se mušku opreglača k bedri vrže misto mača (162[a]). — Došen upotrebļava rado imenice na -ća na pr. ciloća (cieloća, 152[b]), čistoća (87[a]), kratkoća (51[b]) lasnoća

(132^b), slaboća (105^a), slatkoća (25^a), teškoća (27^a) i t. d., zatim nekoliko, kojih nema u Iveković-Brozovu rječniku: goloća (24^a), gorkoća (104^a), sitoća (201^b), tamnoća (86^a), truloća (242^b), velikoća (3^a). — Ima mnogo pridjeva na -it na pr. jadovit (73^b), potribit (potrebit, 149^a), silovit (4^b) strahovit (36^a), šarovit (24^a), zamašit (217^b) i t. d., u Iveković-Broza nema: čudnovit (224^b), holit (16^a), zazorit (31^b). — Došen slaže često pridjeve s prijedlogom *po*: poļut (81^a), poļući (66^a), ponečist (76^b), poširok (119^b, i u Iveković-Broza), potvrđi (160^a) i t. d.

Glagoli. Prezent. *prěti*, Došen *priti* (90^a): 1. sing. priem (62^a); 3. sing. prie (38^a, 61^b, 173^a), saprie (12^a); 3. plur. priu (90^a); part. prez. priuć (27^a). — *smjeti*: 3. sing. smide (34^a, 94^a, 129^b i t. d.), 3. plur. smidu (56^b), i to uvijek u sroku (ne smi 160^a, izvan sroka). Isto tako od *mniti* 3. sing. mlide (123^a, 129^b) u sroku. — *primiti*: 2. sing. primeš (51^b); 3. sing. prime (10^a, 12^a, 146^a, 248^a; u sroku 10^b, 25^b, 139^a, ali i primi 91^b, izvan sroka); 3. plur. primu (110^b). — Po prvom razredu mjesto po drugom V. vrste glase oblici: 1. sing. doumiram (47^a), zakliňam (52^b); 3. sing. umira (45^a, 73^b, u sroku), doumira (183^a, u sroku), spomiňa u sroku sa opomiňa (159^b); 1. plur. spomiňamo (26^b, u sroku), umiramo (47^a, 49^a, izvan sroka), umiramo u sroku sa udiramo (47^b); 3. plur. spomiňaju (222^b). — Part. pas. na -t (oblik slavonski) dolazi veoma rijetko i to ponajviše u sroku: dato (13^b, 70^a), data (62^b, 70^b, 147^a), načinite (79^a), čifuti okoliti (= opkoļeni, 58^b), pripravitu (144^a); u sredini stiha: zadata (91^b), nepridobit (86^b), uzajmitog (151^b). — U infinitivu ne širi se osnova u glagola: drti (73^a), mrti (47^b, 183^a), umrti (73^b), podaprti (228^a), ždrti (73^b, 94^b). Ovi infinitivi dolaze obično u sroku, jedanput u sredini stiha (mrti 47^b). — Mjesto s nalazimo š u *pustiti* i složenima: pušte (225^a), dopušti (223^a), upušti (223^a), zapušte (237^b), ali i pusti (86^b) i t. d.

Jedna je osobina Došenova pisaňa, da rado slaže glagole s prijedlogom *po*, kao što smo to vidjeli i za pridjeve. Spomenut ću najprije nekoliko glagola, koji su složeni samo s prijedlogom *po*, a zatim s dva prijedloga, od kojih je prvi *po*. (Uz glagole, koji se nalaze u Iveković-Brozovu rječniku, stoji I.-B.): pobesjediti (98^b), pogamizati i pogmizati (4^b, 18^b, 150^b, 192^a), pojekivati (118^a, I.-B.), popijevati (165^a, I.-B.), pozlobiti (57^a, I.-B.); s dva prijedloga: poiz: poistresti se (158^b), poištetiti se (50^b), poizvući (122^b, 210^b); — pona: ponabiti (184^b), ponadignuti se (211^b), ponamamiti (103^b), ponapariti se (209^b), ponapiti se (184^b, I.-B.), ponapojiti se (21^b), ponasrkati se (165^a), ponategnuti se (168^b), ponavabiti (59^b, 99^b); — poo: pookidati (205^b), poostaviti (119^a, 261^b); — poob: poobladati (84^a); — pood: poodjačati (192^a), poodmeknuti (188^a),

poodstidjeti se (157^{b}), pootkinuti (251^{a}); — popo: popokiniti (197^{b}), popolupati (157^{b}), popońušiti (84^{b}), poposlaviti (204^{a}), popostajati (21^{b}); — popre: poprestati (popristati 101^{b}); — popri: poprihvatiti se (165^{a}), poprileći (176^{b}, 187^{a}), popritužiti se (66^{a}); — poraz: porashladiti (89^{b}), porazdražiti (251^{a}), porazmetnuti (104^{a}); — pos: posadirati (198^{b}), posaznati se (97^{a}), posmaći (124^{b}), pozgrčiti se (163^{a}); — pou: poustati (113^{a}), pouteći (50^{b}, 104^{a}, 108^{a}), pouvući se (39^{b}), pouzuriti (210^{b}); — pouz: pouzaći (18^{a}), pouzdati se (159^{b}, 229^{a}, I.-B.), pouzdignuti se (114^{b}, 129^{a}, 161^{b}, 208^{a}, 235^{a}), pouspariti se (81^{a}, 158^{a}, 160^{b}, 163^{a}), pouspeti se (155^{b}), pouspjeniti se (158^{a}); — poza: pozabaviti se (261^{b}), pozačiniti (161^{b}), pozahvatiti (167^{a}), pozakinuti (166^{a}), pozaložiti se (166^{a}), pozamazati (104^{a}), pozamjeriti se (168^{a}), pozažmiriti (250^{b}), pozažvaliti (35^{a}).

Iz sintakse. Poput naših starijih pisaca upotrebļava i Došen konstrukciju: *za* s inf.: Uzdignuti svoju glavu *za* nacrnit božju slavu (2^{a}), I pokazat kripost zrilu *za* ukinut bisnu silu (10^{b}). Neobičnije su konstrukcije sa: *za da*: I s crnim se paklom diže, *za da* s kraļem na visini rat zametne i boj čini (5^{a}), Svak nek svoga mista pazi, *za da* na zlo ne nagazi (18^{a}): *za neka*: *Za nek* odsad barem pazi, da već prazan ne dolazi (67^{b}); *da neka*: Na sve strane sunce siva, *da neka* ga svit uživa (230^{b}), Nek pakleni kamen bude, *da nek* krive žeže ļude (251^{b}); *za da neka*: Još nek linac k tome znade, *za da nek* se ličit dade (251^{a}).

Jezično blago. Došenov jezik obiluje složenicama. Već smo vidjeli, kako rado slaže pridjeve i glagole s prijedlogom *po*, ali ćemo naći kod ńega i drugih složenih pridjeva, imenica i glagola. On je te složenice ponajviše sam napravio, zato sam i pridržao ikavski im oblik. U akademijski rječnik (kojega imamo dosada 25 svezaka, do riječi ļubovida) unesene su sve osim: lažoričan. Onih složenica, koje dolaze i u Iveković-Brozovu rječniku, ni ne spomińem. Evo Došenovih složenica: *Blagober* (55^{b}, 60^{a}, 72^{a}, 74^{b}), *blagorad* (76^{a}, 77^{b}, 80^{a}), *blagozob* (55^{a}, 61^{b}, 63^{b}), *blagožder* (63^{b}), *bludnoričan* (93^{b}, 97^{b}), *bludnorička* (97^{b}, 98^{a}), *bogodojla* (104^{b}), *bogoneć* (263^{a}), *bogonećan* (259^{b}); *divomužna* (žena 91^{a}), *dobropiran* (167^{b}), *dobroradan* (73^{b}), *domodičan* (33^{b}), *domoglasan* (32^{a}), *dvomužnica* (snašica 96^{b}); *goloprsan* (105^{b}); *hololaža* (38^{b}, 40^{a}), *hololud* (35^{a}), *holoslava* (42^{a}); *jatovodan* (106^{b}); *krivobožac* (79^{a}), *krivobožan* (104^{b}, 229^{a}), *krivokletan* (142^{b}, 143^{a}), *krvoločan* (70^{a}, 264^{b}); *lažoričan* (36^{b}), *ležorad* (220^{b}), *linovlad* (229^{a}, ^{b}, 230^{a}); *malovridan* (67^{b}, 115^{b}, 133^{b}, 134^{b}, 223^{b}, 240^{b}), *malovridnost* (naslovni list), *maslonoša* (65^{b}), *miloričan* (99^{a}), *miloričiti* (glagol, 99^{a}), *milorad* (64^{a}), *milozob* (68^{b}), *milozoban* (68^{b}), *mnogomužna* (snaša 32^{a}, 100^{a}), *mnog[illegible]stan* (70^{b} 259^{a}), *mudro[illegible]* (211^{b}), *mudroznan* (101^{b}, 242^{a}) [illegible] (44 [illegible] *[illegible]nabožan* (17[illegible] [illegible] [illegible]rijer u

Africi, 71[b]), *nosoriz* (240[b]), *novomil* (146[a]), *novosel* (lupež, 211[a]); *pak'o-bog* (79[b]), *paravrag* (235[a]), *pitolud* (80[b]), *potoplac* (26[a], 175[b], 194[b]), *pravdonoša* (63[a]), *pravdoznanac* (62[a]), *pravoričan* (131[a]), *psoglav* (zmija 72[b]); *sedlonoša* (68[b]), *sisonosna* (božica, 105[a]), *sličnorično* (naslovni list), *sridoneban* (265[b]), *stosotona* (235[a]), *svevlad* (80[a]), *svitlonoša* (41[b]), *svrhnaravan* (266[a], [b], I.-B. svrhunaravan kod riječi: vrhunaravan); *tuđoličje* (139[b]); *vucidar* (62[b]); *zlatokov* (79[a]), *zlatoļuban* (77[b]), *zlatomil* (219[a]), *zlatorodan* (77[b]), *zlokuća* (40[b], 169[b]), *zlostalović* (169[b]); *žderoļub* (176[b]), *žderorad* (149[b], 170[a]).

Najzad nabrojit ću još i druge riječi iz »Aždaje«, kojih nema u Iveković-Brozovu (a po tome ni u Vuka Karadžića) rječniku, da upoznamo čitavu leksikalnu stranu Došenova jezika: *Babaļko* (35[b], I.-B.: babajko), *biserkińa* (Biserkińe iz dubine 101[a]), *bója* (ģelat, krvnik, s epitetom »strašni« ili »božji« 110[b], 129[b], 130[a], 146[a], [b], 179[a]); *ćajer* (50[a], I.-B.; čajir); *ćuteńe* (Pet ćuteńa čovik ima 136[a]); *doštrapati* (I do dvora doštrapaše 157[a]), *dotočiti* (u značeńu »doći«: Dok do kraja dotočimo 47[b], 226[b]), *draguša* (kaže se ženskom čeļadetu, 169[a]); *glotan* (u znač. »nečist«: Odovud se indi svisti, zašto glotnog ja navisti[h], zato neka čisti sinu 127[a]), *grobina* (165[b]); *hator* (75[b], 185[a], 224[a], 225[b], 251[b], I.-B.: hater); *isporučiti* (u znač. »osloboditi«: Da se zemļa s vami muči, smrt dokle ju izporuči 233[b]); *jatan* (Da je svaka jatna žena jurve bludno okužena 94[b]), *jatnica* (Kad do ruke dođe tica lovcu, koja bi jatnica 94[b]), *japaga* (planinske japage 191[a]), *jaran* (jarna vatra, 137[b]); *kaļčina* (Il kaļčina zabačena 38[a]), *kina* (Koja li je zemļe kina? 241[a], 251[b]), *kipra* (psovka za babu, 125[b], 126[a], 129[a], 131[a], 157[b], 235[a]), *klapićati* (Jer tkogodi rad klapiće, rad izmišļa i namiće 132[b], 153[a]), *klapot* (Stoji klapot, stoji zveka 173[a]), *kolarica* (koja igra u kolu 101[a]), *kopilešće* (119[a]), *krman* (= korman, kormilo, 194[b]); *laščina* (136[a], 137[a], 138[b], 141[b], 143[a]), *lava* (= lavež, 82[a], 133[a], 136[b]), *laz* (u znač. »prolazak«: Gdi bak laza ne opazi, odma pod plast ne ulazi 91[a]), *lazo* (Tko na svome vinogradu lazo prodre kroz ogradu, on lupeže . . . diže 91[a]), *lipak* (ļepak: Lipkom konac on [lovac] nateže pak za nogu tici veže 94[b]), *lovnina* (= lovina, 95[a], 128[b]); *mamenik* (Idi odtud mameniče! razlog na te da ne viče . . . kad pomamu tvoju vidi 24[b]), *meštrica* (Da meštrica svaka bude za naučit širom ļude 102[b]), *mrvoļak* (I mrvoļke sve pokupi 166[a]), *muće* (= mučeći, mučke, 118[a], 137[a], 159[b] i t. d.), *mudran* (243[a]); *nadvrći* (Sve li indi on živine . . . nadvrć radi s opačinom? 44[a]), *napengan* (I sadańi jošter dana pravica je napengana 69[a]), *našast* (našasto blago 76[a]), *nedoseżnost* (Kad se kini ludujući nedoseżnost dosižući 3[a]), *nikšaniti* (= nišaniti, 99[b], 114[b], 127[a], 196[b]); *obramba* (Nek ńi[h] rani svega vika brez obrambe i brez

lika 1^{b}), *obuzročiti* (u znač. »pozvati za svjedoka«: I kad Boga obuzroči, da š ńim tamnu laž svidoči 143^{b}, 141^{a}, 141^{b}, 265^{b}), *očice* (adv. Za da bistro i očice vidit može božje lice 268^{b}), *odapet* (Zvir je takva bludna žena, odapeta i puštena 95^{b}, A bludnici odapeti 112^{b}, Tilo trizno nek je sveto, pijano je odapeto 148^{a}; mjesto »odapet« dolazi u istom značeńu i »razapet«: A škodļivo zvire žena, razapeta i puštena 105^{b}), *odmužen* (O muževi odmuženi 107^{b}), *odsegnuti* (Malo iz ńe [dižve s vinom] da potegne, podlanicu dok odsegne 166^{a}), *odumiliti* (A kad drugi pun je duga, odumili ńemu tuga 115^{a}), *odvitak* (Kad odvitak starca Noja bisno nadu holost svoja 12^{b}), *okoračiti* (Dal kada ga okorači, s težinom ga samo tlači 149^{b}), *onemiliti* (Kada Bogu onemili 7^{a}), *oplaza* (Jer naravnu tu nakazu [zmiju] narav ima za oplazu 180^{a}), *osrdaļe* (Kada sudca dar ufati za lakomo osrdaļe 62^{b}), *otajan* (Otajnu ti sad stvar kažem 257^{a}); *pengati se* (Pengala se, znam, pravica zavezana negda lica, . . . pengala se i brez ruku 69^{a}), *plańati* (Da se smradu uvik klańa i u bludnoj vatri plańa 88^{a}, Srce tvoje srģbom plańa 196^{b}, 89^{a}, 105^{a}, 108^{a}, 196^{a}, 239^{a}), *počelo* (= početak, 185^{b}, 200^{a}, 230^{a}, 269^{b}), *podapirati se* (= podupirati se 129^{a}, 150^{b}), *podaprti* (= poduprijeti, 228^{a}, 249^{b}), *podmuče* (A kada se gdi podmuče izmed društva poizvuče 122^{b}, 106^{a}), *pokripno* (To jest milost od visine, koja s duše nemoć skine i pokripno ńu uzdigne 266^{b}), *potrošan* (Kad potrošne ručke daju 150^{b}, 152^{a}), *pravden* (69^{b} tri puta: pravdene vage, mač pravdeni, pravdene ruke), *priļubodno* (Priļubodno tko propane, brez očiju da ostane 222^{b}), *primotati* (Morebit smo primotali i već na kraj vika stali 45^{b}), *priobraz* (krvnik meće na se: Tuđolićje il priobraz 139^{b}), *pripregnuti* (Ženski zapreg da pripregne 107^{a}), *pritrostručiti se* (Kad se sideć [lijenac] pritrostruči 220^{b}), *privrlaziti* (Da dan za dan privrlazi 210^{b}), *protrsiti* (Dokle smuti i zamrsi, da se već put ne protrsi 27^{a}, 261^{b}), *proždoran* (A proždornoj lakomosti još ni blizu nije dosti 74^{b}, 60^{a}, 150^{a}, 177^{a}); *rasapan* (I razsapnu čini škodu 136^{a}), *rasapnik* (= rasipnik 167^{b}, *raspasa* (Bosa trune i razpasa, brez zaprega i haļine 208^{a}), *rastrsiti* (Dal stvar dobro nek razmrsi i istini put raztrsi (132^{b}), *rasutak* (Svako dilo brez svog reda na razsutak sebi gleda 244^{a}, 202^{a}), *razapliti se* (Da neka se sruši prije i u zemļu razaplije 177^{a}); *skitarica* (I ovakve skitarice nisu skrovne . . . 94^{b}), *skitarina* (Skitarinu kad obļubi 93^{a}, 95^{a}), *skitļiv* (skitļive žene 94^{a}, 95^{b}), *smajiti* (= smazati: Koju [kúcu] kada svati smaje, rugajuć se čauš laje 158^{a}), *smličan* (kaže se za kravu i za ženu, da je »smlična«, 90^{b}, 104^{b}, 106^{b}. 119^{b}. 164^{a}), *smutno* (Da se smutno ne zastidi 85^{b}), *sputan* (Na uzliku sputne gušte, gdi se svaki smrad zaleže 237^{b}), *srdan* (onaj, koji se srdi 163^{b}, $199^{a,b}$), *strostručiti* (Da hiļade tko hiladi i strostručit vas

vik radi, da s tim božji vik izpiše, ne b' kazao ništa više 3^a), *sveśćenica* (Nego da ste zavitnice, svešćenice i divice 92^b); *šešļuga* (neka trava: Cvit podkaša i šešļugu 50^a), *štecati* (= štehtati, štektati: Pod kalpakom gledaj zeca, mli da vas svit za ńim šteca 127^a, 131^a), *štrapati* (Da na ńemu (kļusetu) doma štrapam 155^b, dakle u značeńu »trapati«, a i ovaj glagol dolazi na istoj strani 155^a i složeni »natrapati« 155^a i »dotrapati« 155^b, vidi i doštrapati); *tegliti* (u znač. »téžiti«: Holi tegli biti prvi 8^b, 12^b, 84^a, 97^a, 145^b, 225^b); *umića* (Drugim više služi srića nego pamet i umića 99^b, 47^b), *uoglaviti* (Da linčinu uoglavi i izvede na put pravi 266^a, 108^b, 254^a), *usilnik* (Usilnike čini dične 164^a), *uzmožan* (Rimski negda puk uzmožni 104^b, kraļ uzmožni 229^a, 147^b, Kako kripko i uzmožno . . . stvori stvari Bog iz ništa 185^b), *uzmnožan* (Da je mudar il pobožan il u blagu svom uzmnožan 114^b), *uzmnožiti* (Da uzmnože griha jato 94^b, 199^b, 211^b, 219^b); *varkati se* (Kad virovat ńemu ne ćeš, dal se varkaš i izmećeš 257^b), *vežań* (= okovi, 86^a, 95^a), *vlaše* (Smrt kad svojom kosom maše, ne udara nikog vlaše 50^a), *vrsta* (u znač. »red, čin«: Ļudma svima vrsta dade, da zapovid svak poznade 145^b, Što dobave vrstu ovu, gospodari da se zovu 238^a); *zadobaviti* (8^a, 9^b, 12^a, 20^a, 34^b, 52^b, 96^a, 112^b, 183^b, 186^a, 199^b, 200^b, 204^b, Pak i tuđe stvari mnoge zadobave š ńime noge 211^a), *zajer* (= zar, 1^b, 9^b i t. d.), *zamužen* (žene zamužene 107^b), *zaobiliti se* (od »obil, obilan«: Da se smrada zaobili 98^b), *zapreg* (= opregača, 107^a, 208^a), *zasidnik* (zasjednik: (Zasidnike i lupeže fali 164^b), *zavitnica* (zavjetnica, 92^b, vidi svešćenica), *zazorit* (= uzorit: Steći pravo blago svita stvar je sobom zazorita, i onom je lipa fala, kom je srića ta zapala 183^a, 31^b, 113^b, 164^a), *zvizden* (= zvjezdan: zvizdeno jato 18^a i 133^b, zvizdenog kraļa = sunce, 133^b); *ženurda* (= ženetina, 121^b), *žugati* (Tako stara kuca žuga, kad ju kipra sluša druga 129^a), *žutov* (Kroz kapu mu perčin gleda brez svakoga čupav reda, jerbo linac ńeg timari kao ćurak žutov stari 205^b).

Krapina. *Dr. Konstantin Draganić.*

Ziemia — ziemię. Wolá — wolą.

Oddawna już zwrócono uwagę na to, że polskie imiona rzeczowne na -a mają w końcówce mianownika l. p. a czyste lub też á ścieśnione; odpowiednio też do tego pierwsze kończą się w bierniku na -ę, drugie zaś na -ą. Do pierwszej grupy należą przedewszystkiem te, których końcowa spółgłoska tematowa jest niepalatalna; natomiast rzeczowniki z końcową spółgłoską palatalną lub dyspalatalizowaną kończą się w mianowniku l. p. na -a lub na -á, w bierniku zaś na -ę lub na -ą.

Dotychczasowe objaśnienia tej niejednostajności nie są zadawalniające: ks. Fr. Malinowski (Krytyczno-porównáwczá gramátyka języka polskiego, § 34) pisze, że zawsze końcówka -á powstała z kontrakcji np. wolá z *wolija. A. Małecki (Gramatyka historyczno-porównawcza języka polskiego, I, § 134) ścieśnienie końcowego -á przypisuje albo kontrakcji, albo też »wyjątkowym, późniejszym i niejako lokalnym przyczynom«. Kryński (Gramatyka języka polskiego, wyd. IV, r. 1907 § 104) mówi ogólnie, że »rzeczowniki, zakończone na -a z poprzedzającą spółgłoską miękką lub powstałą ze zmiękczenia (pierwotne osnowy na -ja) miały w dawnej polszczyznie á pochylone czyli ścieśnione np. rolá, wolá . . . Znaczna część tych rzeczowników kończyła się pierwotnie na -ija np. rolija, wolija . . .« Tenże autor w § 107 pisze, że »wszystkie rzeczowniki, mające w mianowniku á ścieśnione (pochylone), kończyły się dawniej w bierniku l. p. na -ą«, zarazem jednakże zaznacza, że z rzeczowników ze spółgłoską tematową miękką miały w dawnej polszczyznie końcówkę biernika -ę: szyję, żmiję, nadzieję, ziemię, duszę. Kalina (Historya języka polskiego, I, 147) na podstawie ortografji XV w. widzi á ścieśnione w takich nawet formach jak: prawicø, nadziejø, ziemiø, a z drugiej strony tam, gdzie w w. XVI i XVII oznaczano *á* ścieśnione, upatruje »prostą omyłkę drukarską«! Na str. 167 Kalina wylicza imiona, które w starych zabytkach mają końcówkę -ę, lub -ą w bierniku l. p., dodając do tego na str. 169 niejasne i nic nie mówiące [illegible] Arch. XIX, 144) pisze: »Unaufgeklärt bleibt hier- [illegible] sing einiger ja-Stämme findet«.

Kulbakin (Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка, Санктпетербургъ 1903, str. 142) powołuje się na wyjaśnienie Baudouina de Courtenay (Beitr. IV, 25—26), według którego końcowe -á powstało ze ściągnięcia -iia, a potem ta końcówka przeniesiona została i do innych rzeczowników ze spalatalizowaną spółgłoską tematową np. rolá, nędzá, pod wpływem analogji.

Rzecz domaga się rewizji na podstawie danych historycznych, które możemy wyciągnąć z zabytków XV i XVI wieku. Zabytki dawniejsze nic nam pod tym względem dać nie mogą, gdyż nie oznaczają konsekwentnie ścieśnienia (czy też długości) samogłosek, oraz nie rozróżniają samogłosek nosowych. Nawet zabytki rękopiśmienne wieku XV, oraz pierwszej połowy w. XVI mogą nam być o tyle tylko w tym względzie użyteczne, o ile wykazują -ę w bierniku, gdyż znak -ą ma tam wartość wątpliwą, a nadto niema tam odróżnienia dla a czystego i pochylonego czyli ścieśnionego. Dopiero druki wieku XVI dają nam tu wskazówki pewne, z których można wyciągnąć następujące wnioski:

1. W wieku XVI już ustaliły się pewne typy deklinacyjne w ten sposób, że imiona, kończące się w mianowniku l. p. na -a czyste, mają stale końcówkę biernika na -ę a nadto w dopełniaczu kończą się wyłącznie na -e. Natomiast rzeczowniki na -á mają ac. sg. na -ą, oraz najczęściej gen. sg. na -ej.

2. Do typu deklinacyjnego na -a czyste należą:

a) Wszystkie rzeczowniki ze spółgłoską tematową niepalatalną.

b) Wszystkie rzeczowniki na -ca, -dza, w których c, dz niegdyś powstało z k, g pod wpływem poprzedzającej samogłoski palatalnej: owca, ac. sg. owcę; jędza, ac. sg. jędzę.

c) Wszystkie rzeczowniki rodzime polskie na -ja: szyja ac. sg. szyję, żmija — żmiję, nadzieja — nadzieję.

3. Do typu deklinacyjnego na -á (ścieśnione) należą:

a) Wszystkie rzeczowniki, w których końcowej zgłosce zaszła kontrakcja: braciá — bracią, sędziá — sędzią; mogą mieć one gen. sg. na -ej: braciej, sędziej.

b) Wszystkie rzeczowniki zapożyczone na -ja np. w »Wizerunku« Reja z r. 1560: bestyá, rozdział II, wiersz 73, również VI, 178; melankoliá VIII, 617; melankolią VIII, 610; parachiá XI, 116; komedyá V, 107; w szałwią I, 43; lekcią VI, 241 i t. p.

4. Wyrazy na -a z ostatnią tematową spółgłoską palatalną lub dyspalatalizowaną, nie wchodzące do żadnej z powyższych kategoryj, należą to do jednego, to do drugiego typu deklinacyjnego, zależnie od dawnego akcentu:

a) do typu deklinacyjnego na -á należą rzeczowniki, niegdyś akcentowane na zgłosce przedostatniej: Wolá Wizerunk IV, 321 i złożone: swáwolá ib. IV, 232; IV, 252; na swąwolą ib. III, 150; w niewolą ib. IV, 445. Por. rus. вóля. Burzá ib. VIII, 124 rus. бýря. Kupiá ac. sg. kupią ib. XI, 906, rus. кýпля. Żądzá ac. sg. Leopolita 2. Cor. 7, 7, rus. жáжда. Do tegoż typu należą jeszcze: Rolá Wizer. IV, 303; IV, 332; tę rolą ib. V, 320; Leop. Mat. 13, 24. Szarańczá Wiz. XI, 173. Głębiá, ac. sg. na głębią ib. I, 458; III, 759; Jaskiniá, ac. sg. jaskinią ib. X, 833. Stajniá ib. X, 643. Szpiżarniá, gen. sg. do szpiżarniej ib. X, 919. Tarczá, ac. sg. tarczą Leop. Mat. 6, 16; gen. sg. tarczej Wiz. XII, 466. Sukniá, ac. sg. suknią Wiz. XII, 1027. Studniá, ac. sg. studnią ib. V, 23. Kielniá ib. VI, 620. Karmiá ib. V, 185. Pieczá, ac. sg. pieczą ib. VI, 664. Pracá, ac. sg. pracą Leop. 1 Thes. 1, 3 por. łac. pórtio. Tłuszczá, ac. sg. tłuszczą ib. Mat. 14, 14. Niektóre z nich mogą zresztą mieć á wskutek kontrakcji.

b) Do typu deklinacyjnego na -a czyste należą rzeczowniki niegdyś akcentowane w mianowniku l. p. na zgłosce ostatniej; Ziemia Wiz. II, 61; II, 93; ac. sg. ziemię ib. I, 369; II, 97, także w Psałterzu Puławskim, w Modlitwach Wacława i innych wielu zabytkach; por. rus. землí. Zárza Wiz. IV, 103; VIII, 25; XI, 14, także: zorza u Knapskiego, por. russ. зарí. Świeca u Knapskiego, ac. sg. świecę Wiz. X, 741, por. rus. свѣчá. Dusza ib. IV, 687; IV, 690 etc., ac. sg. duszę ib. XI, 807. Leop. Mat. 10, 28; por. rus. душá. Nędza Wiz. VI, 542; XI, 772; ac. sg. nędzę VI, 515; Leop. Mach. II, 6, 9 i t. d. por. rus. нуждá. Tu także należą następujące: wieża, ac. sg. wieżę Leop. Mat. 21, 33; ib. Luc. 14, 28. Kropia Wiz. XII, 315; kania, ac. sg. kanię ib. II, 146; skrzynia ib. IV, 85, ac. sg. skrzynię ib. IX, 939; zapożyczone: koszula ib IV, 406; VII, 356; krotochwila ib. II, 487; V, 483. Niektóre mają tę samą końcówkę, choć w jęz. rus. nie są akcentowane na ostatniej zgłosce: tęcza Wiz. VIII, 31 por. rus. тýча; niedziela ac. sg. niedzielę Wiz. II, 343; V, 1001 por. rus. недѣля, ale tu można przypuścić albo zmianę akcentu w języku ruskim, albo wpływ analogji obocznego typu imion w języku polskim.

Zgodność niewątpliwych czterech przykładów polskich z ruskiemi dla typu na -á, oraz pięciu takichże przykładów typu na -a nie może być tylko przypadkową i zdaje się dowodzić, że prasłowiańska samogłoska długa w końcowej zgłosce otwartej skracała się na gruncie polskim pod akcentem, pozostawała zaś długą po akcencie. Jeżeli [illegible] w XVI wieku: nędzę, duszę i t. p. zamiast:

nędzą, duszą, to tu już przypuścić musimy wpływ analogji do mianownika.

Przypuszczenie o wpływie akcentu na iloczas samogłoski w ostatniej zgłosce otwartej może być jeszcze poparte jednym przykładem: w zabytkach wieku XVI występuje stale forma ac. sg. ją (np. Wiz. IV, 461) ale w połączeniu z przyimkami kończy się ona na -ę: pod nię Wiz. IV, 446; w nię ib. IX, 324 a tak samo i w innych zabytkach. Mamy tu prawdopodobnie wynik tych samych stosunków, które wywołały oboczność form: mie, cie, sie, występujących po czasownikach, oraz mię, cię, się, używanych z przyimkami. Formy bez przyimka używano enklitycznie, zaimek zaś w połączeniu z przyimkiem akcentowano.

Przykładów popierających tę teorję przytoczyłem niewiele, sądzę jednakże, iż szczegółowsze zbadanie pod tym względem zabytków staropolskich stwierdzi słuszność mego poglądu przynajmniej dla wieku XVI. O ile można sądzić z przykładów przytoczonych przez Kalinę (choć niezupełnie im dowierzam), już w wieku XVII zaczęło się wyrównywanie obu typów deklinacyjnych w ten sposób, że wtedy już występują też same wyrazy z końcówką -ę, lub -ą. Fr. Malinowski przytacza nawet przepis Knapskiego, aby pisać wyraz roża dwojako: roża = kwiat, rożá = choroba skóry. Ten proces mięszania form mógł się już rozpocząć wcześniej, np. w w. XVI, ale tu jeszcze nie zdołał zatrzeć śladów stanu pierwotniejszego, normowanego przez stosunki akcentowe.

Jan Łoś.

Nepoznati Dubrovčanin o smrti Petra Zrinskoga.

Daleko od krajeva gdje je živio Petar Zrinski, u Dubrovniku u kńižnici Male braće, sačuvala nam se u poznatom rukopisu *Kuļenu* (str. 307.) pjesma neznanoga dubrovačkoga pjesnika o zadńim časovima banovim. Sitna je pjesmica, a spjevana u obliku monologa Petra Zrinskoga na stratištu, gdjeno gorkim riječima prigovara svojoj supruzi Katarini, što ga je zavela s pravoga puta.

Tu pjesmu spomińe Kaznačić u Kukuļevićevu *Arkivu* (sv. V., str. 151., pod br. 71.), a zabiļežena je i u katalogu Čulićeve kńižnice (str. 25., pod br. 74.), pa jer je ona zanimivo sitno zrnce, priopćujem je u cjelini prema prijepisu g. P. Kolendića:

Ban Petar Zrinski, doveden gdje mu se imaše glava
odsjeći po zapovijedi Leopolda prvoga, česara rimskoga,
scijenim da ovako govoraše:

Dođi, o ļubi ma ļubjena,
dođi vidjet draga tvoga
ponosito uzvišena
vrh pristoļa kraļevskoga!

Nu ne, vajmeh! Bježi veće!
Eto istinu znam očitu,
udesno je mjesto od sreće,
gdje smrt čekam strahovitu.

Onu vjeru, u mê prsi
ku udjeļah čistom krvi,
ti rastrese, ti zamrsi,
ti iskorijepi, ti izmrvi.

Čuj, česare, riječi moje:
tko oholne veličine
ženske ne tre, pravedno je.
da ko i tamna žena izgine,

Da se mâ smrt čàs ne dijeļ[illegible]
ko s privarom živļe mnogom,
[illegible] ne ima. Prijateļi,
[illegible] družbo s Bogom!

Osim te pjesme spomińe Kaznačić u Male braće (l. c., str. 143., pod br. 27.) još jednu o istom predmetu, a znade za ńu i katalog Čulićeve kńižnice (str. 9., pod br. 28.), no sada joj se, na žalost, zameo trag.

Zrinski su bili u opće dobro poznati Dubrovčanima, te su dapače neke pjesnike dubrovačke vezale s članovima porodice Zrinskih i lične veze. Dinko Zlatarić je svoju *Elektru* prikazao Jurju Zrinskomu, a Juraj mu se posebnim pismom zahvalio (cf. *Stari pisci* XXI., str. XXV. i 3.). Braća Nikola i Petar, vjerni tradicijama svoje porodice, istakli su se u borbi s Turčinom, a Petar je uz to bio i pjesnik hrvatski, pa je Dubrovčanin Vladislav Menčetić svoju *Trublu slovinsku* namijenio upravo »u pohvalu ... Adrijanske Sirene spjevaoca«. Dubrovački je pjesnik dapače vidio već u duhu, gdje zapada turski mjesec:

Zrińsko sunce ńega tjera,
u iztoku da pogine,
da se utopi š ńim nevjera
Crna mora srjed pučine.

Vidim, bojne srjed potjere
gdi steg carski po tleh pada,
gde se drugi s križem stere
vrh bijeloga Carigrada.

Cesarovijem tu pod krilom
ban će čestit stolovati,
ban imenom, a kraļ dilom
podložni će puk vladati.

Zadńi dani Petra Zrinskoga, ńegovo ugovarańe s Turčinom i smrt mu na stratištu odjeknuli su Evropom onoga doba, a u nas ostalo im je tragova i podaļe od buke svjetske, gdje bismo im se jedva nadali. U glagolskom rukopisu prikazańâ *Muke Spasiteļa našega* i *Mišterija vele lipa i slavna od Isusa kako je s križa snet, za tim u grob postavjen* pripisala je neznana ruka latinskim pismenima, da »1671-oga leta bihu velike smućńe meju gospodu kršćansku, kako Ugri hotihu po starem zakonu postavit svoga krala ugarskoga, i kako bihu si se dovićili, da postave Petra Zrinskoga. I na to se sažalihu Nemci ... i tako cesarova voska podignu se i zavje vse Zrinskoga ladanje i markezovo ali Frankopansko, a nim glavi čini poseći 1671 aprila dan 29.« (Stari pisci XX., str. VI).

Nije dakle čudo, što se našao suvremenik Dubrovčanin pa kazao i on svoju o katastrofi porodice Zrinskih. No karakteristično je, da je osnovna misao ńegova izrečena također u kajkavskim pjesmama onoga doba: i u ńima proklińe ban Katarinu, i u ńima je ženska taština glavnim, da ne rečem jedinim motivom cijeloj uroti, koja se krvavo završila na stratištu u Wiener-Neustadtu.

Kukuļević je priopćio najprije u *Arkivu za povjesnicu jugoslavensku*, a kasnije preštampao u kńizi *Kńiževnici u Hrvata iz prve polovine XVII. vijeka s ove strane Velebita* (Zagreb 1869.) odlomke poduže epske hrvatske pjesme o uroti i smrti Petra Zrinskoga: *Cantio de Zriny Petro ili plačna pesma Petra Zrinskoga, kojega žena ńegova Katarina Tržačka radi ponosite svoje lepote, zbog koje kraļicom je postati hotila, sa sveta ovoga s vnogim drugovom žalostno je spravila.* Varijantu iste pjesme *Od Petra Zrina, bana horvatskog* štampao je Šrepel u *Građi za povjest kńiževnosti hrvatske* (II. sv., str. 191.) po rukopisu kajkavskih pjesama, što se nalazi u arhivu Jugoslavenske akademije. Očito je, da obje pjesme potječu iz istoga vrela, no kolajući od ruke do ruke, od usta do usta, na gdjekojim su se mjestima dosta udaļile jedna od druge. Pjesnik je bio bez sumńe suvremenik Zrinskoga, i to suvremenik, koji je bio dobro upućen i u sitnice iz urote hrvatskih velikaša. Ne samo što se zbilo u Hrvatskoj do polaska Zrinskoga i Frankopana u Beč, nego pjesnik spomińe u tančine također momente iz zadńih im časova u tamnici i na stratištu: on znade, da je osuđenim velikašima bilo dopušteno sastati se prije smrti, eda se jedan od drugoga oproste, pa da je Frankopan prije, nego je pošao na stratište, pisao svojoj ženi pismo, gdje ju je molio, neka mu oprosti »ako ju zbantuval vu svojoj mladosti«, a zna i to, da je Frankopan na samom stratištu »govoril dosta od vernosti; koj' su ondi bili, čuli su zadosti« 1). Kroz cijelu pjesmu provlači se kao crvena nit misao, da je svemu zlu i propasti Zrinskoga i Frankopana kriva ženska taština: Katarina, supruga Petrova, »želejuč i hlepeč na kraļevsku diku« nagovorila je muža svojeg, da se odmetne od cara i uteče pod okriļe Turčinu. Kad je ban vidio, da ga je urota u zlo uvalila, stao je proklińati Katarinu:

»O prokleta vura, da si me spoznala
i tolnač ovakov kada si mi dala!
Siromaka mene jesi vučinila,
sina takaj moga, koga si rodila;
boļe, da ga nesi nigdar zanosila,
vu vremenu svojem kada otkojila.
Ti nesrečna žena, zakaj si me vzela? . . .

1) Grada II., 195. i 196. — Isporedi s time list Frankopanov supruzi mu Juliji i izvještaj o smaknuću Zrinskoga i Frankopana sačuvan u mletačkom arhivu: »Il Frangipani fece l' ultimo atto con generosità et con corraggio. Parlò al popolo con energia, con espressioni devote verso il cielo, humilissime verso l' imperatore, senz' incolpar alcuno che la propria malitia e contraria fortuna. Aggiunse, che per suggestione altrui entrato nell' operationi cattive meritava a ogni modo il castigo et il supplitio« (Rački, *Isprave o uroti bana P. Zrinskoga i kneza F. Frankopana*, Zagreb 1873, pod br. 631 i 635.).

Kak Adama Eva jesi me vkanila,
iz bana petlara jesi me včinila[1].«

Ovakove pjesme prigodnice zanimive su, jer ako nam uvijek i ne kazuju historijske istine, one su nam svjedoci, kako su suvremenici sudili o događajima svojega doba. Kada nije bilo novina, bile su te pjesme jedinim glasnikom onoga, što danas zovemo javnim mišlenem. Naravno, nijesu one bile uvijek odjekom općega mišlena svojega doba. Pjesnici, što su ih mogućnici imali uza se po dvorovima, veoma su često vršili zadaću današne službene štampe. No sudeći po svem, pjesme u Kukulevića i Šrepela pa pjesmica nepoznatoga Dubrovčanina nijesu bile tek osamlen glas pojedinaca.

Historijski je sasvim zajamčeno, da je Katarina Frankopanka, žena Petrova, zbila aktivno sudjelovala u pripravama za urotu. Još za života Nikole Zrinskoga n. pr. pregovarala je ona u rujnu 1664. s franceskim poslanikom u Mlecima, biskupom bézierskim Bonsyem, u ime braće Zrinskih. Nema sumne ni o tom, da je Zrinski želio, da s pomoću franceskoga kralja Ludevita XIV., a kasnije s pomoću sultanovom zavlada u Hrvatskoj nezavisno od Habzburgovaca. No u čijoj je duši ta misao najprije nikla, teško je reći. Kada se otkrila urota i kada su glave vođâ nezinih pale od mača krvničkoga, bilo je u opće otelo mah mišlene, da je Katarina bila duša urote, a i u tuđem svijetu su to mnijene raširili poslanici stranih država u izvještajima, što su ih iz Beča slali svojim vladama. Gremonville javla 18. lipna 1671. Ludevitu XIV., da dvor misli u buduće blago postupati s onima »qui ont eu part dans les affaires passées« i tim ublažiti uzrujanost radi smaknuća vođâ urote, no ipak da su dopremlene u Beč u zatvor udova Vesselenyeva i Katarina Zrinska[2]. Mnogo su obilatija izvješća mletačkoga poslanika Zorzija. U travnu 1670. piše on svojoj vladi, da je dvor osobito lut na Frankopana, jer je on bio »il primo ad istigare la sorella a superbi cattivi pensieri«. A u izvještaju 31. svibna 1670., govoreći o bolesti grofice Zrinske, veli Zorzi izrijekom: »Non dispiacerà la morte di donna sì inquieta, origine delli mali alla sua casa, et che per giusto giuditio di Dio viene punita dalle machine contro la christianità a prò degl' infedeli«[3].

I naš kajkavac dakle i nepoznati nam Dubrovčanin, pjevajući o Petrovoj uroti i sudeći onako oštro Katarini, bili su

1) *Građa* II., 193.
2) Bogišić, Acta coniurationem Petri a Zrinio et Francisci de Frankopan nec non Francisci Nadasdy illustrantia, Zagrabiae 1888., str. 214.
3) Rački o. c., str. 173. i 268.

tek odjek mišļeńa svojega doba. Bez sumńe je među motivima urote bilo povrijeđenoga ličnoga ponosa, a bit će i žeđe za vladom, no u drugu ruku je historijska istina, da je ustanak Zrinskoga bio naperen protiv one struje, koja je, šaļući Herbersteina u Karlovac za generala, imala na umu »la separazione di Schiavonia, Croazia e Dalmazia dall' Ungheria e reduzione degli Stati medessimi in ereditarie provincie della casa d' Austria« [1]) Oprijeti se toj struji bila je bez sumńe misao velika, ma da ńezini začetnici nijesu bili dorasli, da je izvedu, i ma da se kasnije, kada se nesreća sorila na ńihovu glavu, nijesu u istrazi ponijeli onako, kako bi čovjek očekivao od zastupnikâ velike misli.

Između domaćih suvremenih pjesnika čini se da ih je ponajboļe shvatio Spļećanin Kavańin. Do ńega nije doduše dosizala ruka ńemačka, no on je osjećao, da Hrvate u živac vrijeđaju, te nema sumńe, da je u prvom redu mislio na naše urotnike, kad je pjevao [2]):

Ali Nijemac sve to veće
na gospodu sile pridńe
svoe zančice stere i meće
neprijateļske, nenavidne,
da sinovi kuća stari'
držani su ko oslari.

Pa onda dakako da se »svjetla vlastelinstva, videći se uhiļena« odmeću i »na svo'u pomoć Turke zovu«.

Nu nitkor se ne odruži
od vlastita gospodara,
kraļu nohti jesu duži,
kim dosiže i obara
glave i uzimļe još živote
sramotnije srjed sramote.

U Kavańina nema nijedne žalne ni prijekorne protiv urotnikâ. Dok su kajkavac i Dubrovčanin mehanički i bez saučešća ponovili ono, što su čuli da govore drugi, Spļećanin je s više razumijevańa i duble proniknuo u jezgru događajâ svojega vremena.

1) Iz Herbersteinova lista knezu Lobkovicu od 20. siječnja 1671. (Rački o. c. str. 436.).

2) Bogatstvo i ubožtvo, Zagreb 1861., str. 262.

T. Matić.

Vom idg. *l*-Suffix.

Im Griechischen ergänzen sich die Stämme *μέγα-* und *μεγάλο-*, *πολύ-* und *πολλό-* [aus **πολυλό-* nach Thurneysens evidenter Deutung[1])] zur Einheit des Paradigmas. Im Litauischen wird *didis* 'groß' durch *didelis* verdrängt[2]), während *daũg* und *daũgel* 'viel' seit alters synonym gebraucht werden, grade so wie im Altindischen *bahú* und *bahulam*[3]). Daß der Typus der Weiterbildung alt ist, beweist die Übereinstimmung des Germanischen und des Griechischen in *mikila-*[4]) und *μεγάλο-*.

Die Slaven nennen den Adler, den König der Vögel,

ὅς θ' ἅμα κάρτιστός τε καὶ ὤκισος πετεηνῶν[5]),

orьlъ (lit. *erẽlis*) — verwandt mit *ὄρνις* —, die Inder den wilden Büffel *gavala-* — abgeleitet von *gav-* 'Rind'; beide Worte enthalten dasselbe Suffix, das wir soeben in *μεγάλο-* und *mikila-*, der gr. und der germ. Bezeichnung des Begriffes 'groß', konstatiert haben.

---

1) IF. 21, 176 unter Hinweis auf die bekannte Verkürzung der Präposition *κατὰ* vor Dentalen (vgl. Berl. Philolog. Wochenschrift 1890, 1474 und jetzt Solmsen Rhein. Mus. 62, 331). Aber auch an die lautliche Verwandtschaft von *λ* und *υ* muß man denken, die in *ἐλθεῖν* [aus **ἐλυθεῖν*] die unter anderen Bedingungen unerhörte Aufsaugung des Vokals begünstigt zu haben scheint. *πέρσυ* [aus *πέρυσι*] Monatsberichte der Berliner Akademie 1874, 16 Z. 6 (Kyzikos, Zeit des Tiberius) ist viel jünger (vgl. KDieterich Untersuch. zur Geschichte der griech. Sprache 37).

2) Schleicher Lit. Gr. 204.

3) Auch an die Prakrit-Form *mahalla* = *mahat* 'groß' darf in diesem Zusammenhange vielleicht erinnert werden. Pischel Grammatik der Prakrit-Sprachen 404 § 595.

4) Die einfache Form ist erhalten in dem an. Adverbium *mjǫk* (aus **megu*), das seine Endung von dem synonymen *fjǫl* (aus **felu*) bezogen haben wird. *fjǫl-* existiert nur noch in Kompositen, sonst ist es durch *mjǫk* verdrängt und ersetzt worden.

5) Φ 253. *αἰϝετός* aus **ἀϝj-ετός*, zu lat. *avis*. Joh. Schmidt KZ. 32, 374. Sitzungsberichte der Berliner Akademie 1899, 305. Vergleiche damit lit. *wiłkatas* 'Werwolf'. Szyrwid Dictionarium trium linguarum (⁴ Wilna 1677), 340 s. v. *wilkołek*, Lycanthropus, lycaon. *wiłkatas* [angeführt von Leskien Bildung der Nomina im Litauischen 418 = 568]. Das Suffix *-eto-* charakterisiert offenbar den Adler als großen Vogel, den Werwolf als ein besonders furchtbares Wesen.

Ai. *sūkarā-* 'Eber' gehört zum Femininum ags. *sugu* = mnd. *soge* [idg. **sukā*] 'Sau', ist also *sūk-ará-* zu teilen; vielleicht darf man *-ará-* als masc. Genuszeichen betrachten[1]).

Im Lateinischen gehören *caprea* und das ganz selten belegte Deminutivum *capreola*[2]) in üblicher Weise zusammen[3]), aber *capreolus* scheint abseits zu stehen, da ihm ein gleichgeschlechtiges Grundwort fehlt. Priscian 1, 112_{16} H: *capreolus* videtur a nominativo *capreus* esse, cuius femininum in usu est. Im Rumänischen, Italienischen und Französischen lebt dies *capreolus* fort als Name des Rehbockes[4]). Es läßt sich beweisen, daß man die Form einfach als Maskulinum zu *caprea* aufgefaßt hat: CGL. 5, 404_{53} [ebenso im sog. Keronischen Glossar Ahd. Gl. 1, 114_1] *damma · caprioli similis, capra agrestis* verglichen mit 4, 225_{12} *damma · genus capreae similis*; Ahd. Gl. 3, 674_5 *capreolus · rehpoc*, ₇ *caprea · rehcaiz*[5]); Wright-Wülcker Anglo-Saxon and Old-English Vocabularies 1, 320_{37} *capreolus · rahdeor*, $_{38}$ *caprea · ræge* (vgl. $543_{36f.}$)[6]). Es stehen also hier *capreolus* und *caprea* nebeneinander als Maskulinum und Femininum, ebenso wie im Französischen *chevreuil* 'Rehbock' und *chevrette* 'Rehgeiß', das zum Ersatz für *caprea* geschaffen wurde, vermutlich um ein von *chèvre* 'Ziege' deutlich unterschiedenes Wort zu gewinnen, oder wie im Altfranzösischen, Altprovenzalischen, Italienischen und Rumänischen, wo sich die Feminina im Suffix den Maskulinformen assimiliert haben, die gleichbedeutenden *chevrol* und *chevreule*, *cabirol* und *cabirola*, *capriuolo* und *capriuola*, *căpriór* und *căprioáră*. Die übertragenen Bedeutungen, in denen *capreolus* gewöhnlich gebraucht wird[7]), beruhen auf einem Vergleiche mit den Stangen oder Zinken des Reh-

1) Die besondere Funktion des Suffixes in ai. *chagalá-* 'Bock' weiß ich nicht zu bestimmen. Ohne das *l*-Suffix bezeichnet *chága-* den 'Bock', *chágā* die 'Ziege'.

2) Nur als Eigenname ist *Capriola* (*Capreola*) häufiger, wie die Indices zu CIL. IX und X ausweisen.

3) *caprea* zu *capra* ganz wie ai. *gavayá-* zu *gav-*.

4) Pușcariu Etym. Wörterbuch der rumänischen Sprache I Lat. Element 24 s. vv. *cápră căpriór*.

5) Mehr bei HPalander Althochdeutsche Tiernamen 1, 110 s.

6) RJordan Altenglische Säugetiernamen 188 s. *rǽge* ist das weibliche Tier, *ráhdéor* allgemein 'Reh, Rehwild', engl. *roedeer*. Auch das it. *cavriuolo* hat diese allgemeine Bedeutung. Boccaccio Decam. giorn. 9 introd.: videro gli animali, si come cavriuoli, cervi et altri, quasi sicuri da' cacciatori per la soprastante pistolenzia, non altramente aspettargli che se senza tema o dimestichi fossero divenuti.

7) Rich Dictionnaire des antiquités romaines et grecques (Übersetzung von Chéruel, Paris 1873), 109. Olck in Pauly-Wissowas Real-Encyklopädie 3, 1548 ss. 1. 'Weinrebenranke' wie it. *capriuolo*, afrz. *chevrole*; 2. 'zweizinkige Hacke'; [illegible]

geweihs, zeigen also, daß *capreolus* nicht bloß das männliche Tier bezeichnet, sondern zugleich auch sein Geweih, etwa wie die indischen Lexikographen für *gavala-* 'Büffel' auch die Bedeutung 'Büffelhorn' angeben. Darnach wird man *capreolinum* · *δόρκειον* CGL. 3, 187_{48}, 255_{70} nicht von *capreola*, dem Deminutivum von *caprea* — beide Worte werden in den bilinguen Glossaren durch *δορκάς* übersetzt —, sondern von dem im Grunde mit *caprea* gleichbedeutenden Maskulinum *capreolus* ableiten müssen. An ein Muster wie *caprea* : *capreolus* mag die Volkssprache angeknüpft haben, als sie zu *avia* 'Großmutter' nicht bloß ein Maskulinum *avius* [prov. *avis*], sondern auch *aviolus* [prov. *aviols*] schuf[1]). Ob wirklich die technische Sprache des Landmanns und des Jägers *caprea* und *capreolus* als Bezeichnungen verschiedener Arten auseinandergehalten hat, vermag ich nicht zu entscheiden. Zu Columella 9 c. 1 in. sagt Schneiders Kommentar scr. r. r. 2, 2, 468: distinxit *capreolum* veluti maiorem a *caprea* Praef. 1 memorata. Jedenfalls gehört *capreolus* viel eher in die Klasse der Augmentative als der gewöhnlichen Deminutive[2]). Im Altfranzösischen steht neben *chevrol* in gleicher Bedeutung *chevrion*, eine unverkennbare Augmentativform[3]). — Das Litauische gewinnt das Femininum von *tar̃nas* 'Diener' durch Deminution [*tarnáitė*][4]), die Maskulina aber zu *ántis* 'Ente' *awìs* 'Schaf' *katė̃* 'Katze' u. a. durch Augmentation [*añtinas ãwinas kãtinas*]. Vgl. *angìnas* 'große, besonders giftig gedachte Schlange' zu *angìs* 'Schlange' und mehr dergleichen bei Leskien

1) Tappolet Über die romanischen Verwandtschaftsnamen 64. Zu frz. *aïeul* hat sich dann auch ein Femininum *aïeule* hinzugefunden. Auf mechanischer Nachahmung des Musters beruhen vielleicht die bekannten Bildungen vom Typus des it. *Spagnuolo* (zu *Spagna*).

2) Zugleich freilich dient *capreolus* als sein eigenes Deminutiv und entspricht dann in der Bedeutung dem aprov. *cabrolet* und dem frz. *chevrillard*. Vergil egl. 2, 40

praeterea duo nec tuta mihi valle reperti
capreoli, sparsis etiam nunc pellibus albo;
bina die siccant ovis ubera: quos tibi servo

verglichen mit Boccaccio Decam. giorn. 2 nov. 6: per che ella, levatasi, là entrò donde uscita era la cavriuola, e videvi due cavriuoli, forse il dì medesimo nati; e, non essendolesi ancora del nuovo parto rasciutto il latte del petto, quegli teneramente prese, et al petto gli si pose. Li quali, non rifiutando il servigio, così lei poppavano, come la madre avrebber fatto (s. dazu die S. 344 Anm. 6 angeführte Stelle). — Wer *capreolus* für ein gewöhnliches Deminutivum von *caprea* hält, kann zur Rechtfertigung des Geschlechtswechsels wenigstens aus dem von AWeinhold im Archiv für latein. Lexikographie 4, 184 s. gesammelten Material keine wirklich genügende Analogie beibringen, was ich mit Rücksicht auf Brugmanns allgemeine Bemerkung IF. 19, 216 Anm. betonen möchte.

3) Vgl. aprov. *cabrion* 'Sparren'.

4) Zur Geschichte lateinischer Eigennamen 136. 418.

a. a. O. 254 = 404 s.[1]. Die Lateiner, die zu *caprea* das Maskulinum *capreolus* geschaffen, lassen das Deminutivum *capella* (neben *capra*) als Femininum von *caper* fungieren: man lese Ovid fast. 1, 354. 361, wo in dem gleichen Zusammenhange zuerst *caper*, dann *capella* erscheint[2]:

Sus dederat poenas: exemplo territus huius
palmite debueras abstinuisse, caper.

Culpa sui nocuit, nocuit quoque culpa capellae.

Der Gruppe *caprea capreola capreolus* fehlt das masc. *capreus*, der verwandten *caper capra capella* umgekehrt das masc. *capellus*, aus keinem anderen Grunde, als weil hier *capella* das Femininum von *caper*, dort *capreolus* das Maskulinum von *caprea* vertritt: es handelt sich um Erscheinungen der sog. grammatischen Motion, in deren Dienst die Bildungsmittel der Augmentation und der Deminution gestellt werden[3]. — Auch bei *simiolus* Cic. ad fam. 7, 2, 3 wird man fragen dürfen, ob Cicero durch das *l*-Suffix die Form wirklich als Deminutivum und nicht vielmehr als Maskulinum hat charakterisieren wollen: *simius* und *simiolus* können sich zueinander verhalten wie prov. *avis* und *aviols*[4].

Die 'Witwe' ist, wenn man so sagen darf, eine uralte Institution, der 'Witwer' dagegen überall bei den Indogermanen die Erfindung eines viel jüngeren Zeitalters[5]. So ist aus und zu aisl. *ekkja* [dän. *enke* schw. *enka*] 'Witwe' ein Maskulinum *ekkill* neugebildet, für das Cleasby-Vigfusson überhaupt keinen älteren Beleg kennen[6], das aber nach ihrem Zeugnisse 'frequent in modern use' ist. Auch hier ist eins

---

1) Portug. *cabrão* 'Ziegenbock', Maskulinum zu *cabra*, = sp. *cabron* it. *caprone* 'alter oder großer Ziegenbock'.

2) Vgl. aus der Terminologie des Würfelspiels *damnosi canes* Properz 5, 8, 46 Ovid a. a. 2, 206 trist. 2. 474: *damnosa canicula* Persius 3, 49 (s. OJahns Ausgabe S. 153). Portug. heißt die Hündin *cadella*. *cabrão* und *cadella* können recht gut als Illustration für *capreolus* und *capella* dienen.

3) Diez Grammatik der roman. Sprachen [5] 622. Meyer-Lübke Grammatik der roman. Sprachen 2, 415. Brugmann Grundriß II² 1, 601. Brugmann gebraucht den Terminus 'Amplificativum', wohl nach dem Vorgange der Slavisten. Ich ziehe das kürzere und vermutlich ältere Wort 'Augmentativum' vor, das aus dem Sprachgebrauch der romanischen Grammatik stammt. Goethe Ital. Reise 1 (Weim. Ausg. 30), 92: »der Audienzsaal des Rathauses, mit Recht durch das Augmentativum Salone betitelt«.

4) AWeinhold Archiv für latein. Lexikographie 4, 184. It. *caprio* 'Rehbock' (= sp. *cabrio* 'Dachsparren') wie *simius* und *avis*.

5) Delbrück Indogerm. Verwandtschaftsnamen 64 = 442 ss. unter Verweis auf Grimm [DG 3, 338 n. Abdr.].

6) [illegible]itzners Ordbog verzeichnet infolgedessen die Form gar nicht. — Wie alt [illegible] Torp Ety[illegible] Ordbog 1, 1[illegible] angeführte schw. *ænkil* [Axel Kock Svensk [illegible] heute heißt es [illegible]

der für die Neubildung maßgebenden Muster noch erhalten: *gymbill* 'a he-lamb' zu *gymbr* 'a ewe lamb' [1]).

An den Schluß der Reihe stelle ich das sl. *kozьlъ* [nsl. č. *kozel* r. *kozël*] 'Ziegenbock', das sich zum Femininum *koza* 'Ziege' verhält wie lat. *capreolus aviolus* zu *caprea avia*, isl. *gymbill ekkill* zu *gymbr ekkja* und das durch den Nachweis dieser Parallelen aus seiner bisherigen Isoliertheit [2]) erlöst, durch ai. *gavala-* und sl. *orьlъ* im Verein mit den durch *l*-Suffix erweiterten Bezeichnungen für die Begriffe 'groß' und 'viel' zugleich auch erklärt wird.

Irre ich mich nicht, so ist hier eine idg. Augmentativbildung gewonnen, die wir in die Urzeit zurückzudatieren berechtigt sind. Daß dasselbe *l*-Suffix, wie bekannt, auch der Deminution dient, ist nur in der Ordnung. Lit. *didelis* hat die Endung der Deminutive angenommen, *erēlis* dazu auch ihre Akzentuation; got. *mikils* 'groß' reimt auf *leitils* 'klein'; die deminuierten Adjektive *δριμύλος ἡδύλος παχυλῶς* zeigen das Suffix von ai. *bahulá-* und *πολλό-*; prakr. *mahālaya* (fem. *mahāliyā*) 'groß' [3]) stimmt zu ai. *ambālikā*, der Verkleinerungsform von *ambā* 'Mutter'. Man vergleiche außer dem, was ich schon Quaest. ep. 301. 308 [4]) zitiert habe (Bezzenberger BB. 5, 98), Belić Arch. für slav. Philologie 23, 144. 26, 329 und Brugmann Grundriß II² 1, 679.

1) Noreen Altisländische Grammatik³ 131 § 167, 1. *Agnus dei* heißt im Stockholmer Homilienbuch *guđs gymbill*.

2) Miklosich Stammbildungslehre 94. Weshalb er die von ihm im Lex. palaeoslov. 305 nach Vostokov angeführten Pluralformen *kotelja koteljamъ* auf ein m. *kotelь* statt auf das f. *kotelja* bezieht, ist mir unklar.

3) Pischel a. a. O. 402 § 595.

4) Dem hom. *μελάντερος* Δ 277 darf man als Parallelen beischreiben die Frauennamen *Μικοτέρα* [Bechtel Att. Frauennamen 42] und *Σιμοτέρα* [z. B. Michel Recueil d'inscriptions grecques 667 A 35].

Berlin. *Wilhelm Schulze.*

Золовка.

В своём подробном разборѣ Миклошичева корнеслова[1]), гдѣ я имѣл в виду снабдить оговорками и дополнительными замѣтками всѣ слова, которыя в том по моему мнѣнію нуждались, я не коснулся реченія, кое там является как праславянское zely, а в »Старословенском« словарѣ (также в соотвѣтственной строкѣ корнеслова) — как **ЗЛЪВА**. Теперь однако мнѣ кажется, что на этом словѣ стоит нѣсколько остановиться.

Прежде всего не мѣшает присмотрѣться поближе к тѣм разновидностям, в коих оно употребляется в разных славянских языках.

»Старословенское« **ЗЛЪВА** взято Миклошичем из рукописи болгарскаго извода, XVI вѣка (Gregorii papae et Petri diaconi dialogi), которая конечно не доказывает староцерковности даннаго слова и не может служить для опредѣленья правильнаго его написанія. Тѣм менѣе в этом смыслѣ даёт чисто-русское золо́вка, приводимое тут же из Лексикона треязычнаго Өедора Поликарпова, 1704 года. К счастью, в староцерковности, или по крайней мѣрѣ в праславянскости, в данном случаѣ сомнѣваться не приходится. **Злъва** можно считать разновидностью, или даже лишь другим написаніем приводимаго и Миклошичем новоболгарскаго зъ́лва, и его западнаго видоизмѣненія зо́лва. Зъ́лва имѣется в словарикѣ при Цанковской грамматикѣ, и оттуда, надо полагать, в написании злъ́ва, вошло в словарь Дювернуа; примѣры послѣдняго всѣ три — македонскіе, с чистою огласовкой, взятые из Пѣсень Миладиновых, на каковыя пѣсни ссылается и М-ч, а именно на пѣсню из Прилѣпа (No. 7, стран. 6) и на описанье свадебных обычаев в Кукушѣ (стран. 517). Стихи, кои приводит Дювернуа, одни (No. 558) — из Велеса, другіе — без обозначенія мѣста. Чистую-же огласовку представляют примѣры, которые я могу привести из одной самоковской пѣсни (Сборник за умотворения, XI, Пѣсни из челядния живот. От

---

[1]) Об этимологическом словарѣ Миклошича. Русскій [illegible] Вѣст-[illegible] томы [illegible] XXV[illegible] Варшава [illegible] 887, 1891

Самоков, 1): »Седнáли ми са, седнáли Снáа и зóлва нáедно, Зóлвица тио говóри«, »Зóлвице, мила еднúчка«.

Для словенскаго языка М-чев корнеслов и Плетыршников словарь (показанья которых я свожу здѣсь в одно) указывают цѣлый ряд разновидностей нашего слова, отчасти усложнённых производками -ina и -na, из коих вторая м. б. лишь звуковое измѣненіе первой. В корнѣ мы здѣсь видим колебаніе между гласными *a*, *e*, *o*, и глухим или же отсутствіем гласнаго, а также между сохраненіем группы lv и утратою звука l. Выпаду перед v звука l (надо полагать, твёрдаго, давшаго сначала чисто-губное w), равно как и различному измѣненью первоначальнаго глухого удивляться нечего; хотя болѣе точное освѣщенье этих явленій, предоставляемое мной лучшим знатокам словенской рѣчи, м. б. было бы не лишним. Указаны первичныя формы с l: zъłva, zâłva, и zôłva; затѣм первичныя безэльныя: zâva и zeva; далѣе, производныя элевыя: zâłvica и zolvičina, производныя безэльныя: zavičina, zavîčna, и наконец производныя безгласнаго корня: zvičina и zvîčna[1]).

По сербски имѣется за̂ова, ближайше предполагающее зълъва, и стяжонная фонема за̂ва, приводимая Вуком, как воеводинская.

По чешски, встарину, указывают формы zelva и zelvice: первая отмѣчена в старинных словарях — в Райградском (»Клена Роскоханаго«) и Номенклаторѣ (есть и в Mater verborum, но как глосса подложная), притом со значеніем снохи, каковое значеніе является и в примѣрах из старинных библій: »Zelva povstává proti tšči své« Biblí olomoucká (очевидно — Лук. XII, 53) и »test zelvu svau« Музейская библія, Езекіил XXII, 11. Было ли это слово также равносильно русскому золовка — нѣсколько сомнительно: Юнгманн скрѣпляет такое значеніе лишь ссылкой на слова Добровскаго: »зелва Bohemis olim quod Russis золóвка mariti soror« Institutiones, стран. 139, а Котт даёт слѣдующія, несовсѣм

1) Zъłva приводится как нижнекраинское (Миклошичем) и как бѣлокраинское; zâłva — со ссылкой на рукописный словенско-нѣмецкій словарь Залокаря; при zôłva указывается на Цигалетов словарь (Cigale, Deutsch-slovenisches Wörterbuch), на Левстиковы приписки к Миклошичеву рукописному словарю и на Цафовы выписки из Блейвейсовых »Новиц«; при zâva находим ссылку на Янежича (глухую), на Цигалета, помѣчающаго его Красом (Kras-Cig.), и на рѣчь бѣлокраинцев; при zeva имѣются помѣтки M. (т. е. Миклошичевы словарные матерьялы) и Bl. Kr., т. е. Бѣлые краинцы. (У послѣдних таким образомъ отмѣчены три разновидности нашего слова.) При zâłvica является ссылка на Цафовы выписки изъ Новиц, при zvîčna — на »разные труды Миклошича« (в данном случаѣ м. б. на тот-же корнеслов) и на Крестьянскую химію Вертовца (Vrtovec, Kmetska kemîja); zvičina выставлено как венецьянско-словенское, по Эрьавцевой Путевой сумѣ (Iz potne torbe). Форм zavičina и zolvičina мы въ Плетыршниковомъ словарѣ не находим. На иных формах не отмѣчено ударенія.

ясныя указанія: Zelva, y, zelvice, e f. — sestra mužova, die Schwägerin. D. (Dobrowsky), Mus. (Časopis Českého Musea), Lex. vet. Z., — žena synova, die Schwiegertochter. Gl. 385. Послѣдняя ссылка значит: Brandl, Glossarium illustrans bohemico-moravicae historiae fontes, Brünn 1876, в коем читается: Zelva, Zelvice die Schwägerin (auch Schwiegertochter) — выписок или ссылок нѣт. Примѣр на zelvice у Юнгманна новый и подозрительный: »Ohledni se, lépa Květo, sestra tě volá. Nemohu se ohlednouti, ani ozvati: K zelvicem mne sivý koník tryskem unáší« — это вѣдь ничто иное, как перевод сербской народной пѣсни (Караџић I, 82)[1]), и самое слово zelvice здѣсь могло бы быть перекроено из сербскаго з̑ао в а. Впрочем želvice (со звуком ж) приводится Коттом, как »бескидское«. В качествѣ словацких форм у Котта приведены: zolva, zolvica, zolo- и žol-, с примѣрами на вторую форму из Словенских поглядов (Slovenské pohľady na literaturu, umenie a život), III, 2, 201, 3, 251 и V, 58: Mužova sestra pre ženu je zolvica; Nemáš svokry, nemáš ani len zolvice. Шембера — Základové dialektologie československé. Ve Vídni 1864, стран. 74 — отмѣчает это слово, как оравское (верхневажское): zolvica (sestra mužova jest zolvica jeho manželky); не как опавское, т. е. не в сѣверовосточной Моравіи: у Котта здѣсь недосмотр.

Из польскаго языка М-ч приводит »żełwa, żełẃ, żełwica и отсюда żołwica«. Первой формы нѣту в линдевском словарѣ, а прочія, как устарѣвшія, снабжены звѣздочками. Вот линдевскіе примѣры и ссылки, послѣднія с раскрытіем сокращеній: świeść, żołwica glos, soror mariti Ян Тухольчик, словарик при латинской грамматикѣ 1533 года; Gregorii Cnapii (Кнапскаго) Thesaurus Polono-latino-graecus, 1090 et 1418; glos, żołwica Ioannis Ursini (Недзвѣдскаго) Grammatica, Zamość, 168; świeść, mężowa siostra, żełẃ, żełwica Dasypodius Catholicus, hoc est Dictionarium latino-germanico-polonicum, germanico-polono-latinum et polono-latino-germanicum. Dantisci 1642 (передѣлка латино-чешскаго словаря Вацлава Дасиподія — Dasypodius или Dasypus, т. е. вѣроятно Zajíc: Δασύπους погречески космоног, заяц); Volckm., 371 (Nicolaus Volckmar, Dictionarium quadrilingue. Pars I. Latino-germanico-polonico-graeca. Pars II. Polonico-latina. Pars III. Germanico-latina. 2-ое изд., во Гданскѣ 1605; glos, żełẃ abo żełwica, też niewiastką niektórzy zowią, t. j. mężowa siostra. Mączynski, Lexicon

[1]) Справка по юнгманновской ссылкѣ выяснила, что тут разумѣются Sva- [illegible] vané [illegible] Челяковскаго (Časopis Českého Musea, šestý roční [illegible]

latino-polonicum 1564, w Królewcu; Bracia Władysława II głową rad sobie szkodliwych Krystynę żełwicę swoję być powiedzieli. Kromer, Kronika, tłumaczenie Błażewskiego, 165, bratową; Żołwice i bratowe u jednego stołu, I świekry i niewiasty jadają pospołu. Simonides-Szymonowicz, Sielanki, 56 (по Варшавскому изданію в 8); Jan Kochanowski, Dzieła, w Krakowie 1639, 77 zgoda rodzinna. Послѣдняя ссылка, кажется, ошибочна: я не знаю стихотворенья Кохановскаго под таким заглавіем (оно д. б. относится к только что приведённым стихам Шимоновича); зато могу привести, вѣроятно и соотвѣтствующій линдевскому указанію, примѣр из Отсылки греческих послов: »Coś to Zołwicom za bratową . . . przyniosła« Odprawa posłów greckich, 431 (Chorus: »O białoskrzydła morska pławaczko!«) — Jan Kochanowski, w Krakowie 1629, str. 77, гдѣ имѣется Z вм. Ż, но может-быть лишь потому, что над большим Z вообще точки встарину часто (или никогда?) не ставилось: в Юбилейном изданіи (Wydanie pomnikowe, tom II, w Warszawie 1884), стран. 114, напечатано Żołwicóm.

В русском языкѣ, велико-русское нарѣчіе, кромѣ общеизвѣстнаго золо́вка, представляет (по Далю): зо́лва, зо́лвица тверское, сѣверное, сибирское, причом в олонецком зовут так и братнину жену, невѣстку. В малорусском нарѣчіи мы находим формы золви́ця, зови́ця и зову́хна.

В польских формах, и в нѣкоторых чешско-словацких, затрудненье представляет появленіе *ж* вм. *з*, да в польском ещо и *о* вм. *е* — трудно придумать для этого иное обьясненіе, кромѣ пріурочки к слову **жьлъı-жьлъвє** черепаха: это было бы первоначально выраженіем непріязни со стороны молодухи, вродѣ русских выраженій »золовка — зловка«, »золовка — колотовка«, »золовка — мутовка«. Впрочем польское ż могло бы, пожалуй, быть лишь невѣрною передачей стариннаго прописного Z; хотя самая огласовка через *о* говорит впользу шипящаго — сравним żółty и т. п. (mółwić, mówić — единично).

Несмотря на неясность нѣкоторых форм, мы, сопоставив первичныя (конечно, относительно первичныя) формы злъва, золва, zelva, заова, и żełẃ, представляющія в окончаніи то же колебаніе, как церковь, цр̊ква и т. д., при староцерковном **цръкъı**, можем с полным правом предположить праславянское (вѣроятно, и староцерковное) сло̆во **зълъı**, ро́дпик — **зълъвє**. Это в сущности уже и сдѣлал М-ч, прописавши в своём корнесловѣ праславянское zely[1]). Звук **ъı** мы, ввиду давно от-

1) О миклошичевском *e*, явно неумѣстном, не считаю нужным распространяться.

мѣченнаго сродства греческаго *γάλως* и латинскаго glos, будем выводить из *о* с двуверхою (по фортунатовской терминологіи — прерывистою) долготой, как **ы** в **камы** при литовском akmũ. Вѣдевое склоненіе нашего слова, надо думать, исходит от назывнаго падежа, и возникло по образцу **свекры-свекръве**. Также и латинскіе косвенники: gloris и т. д., вдобавок не опримѣренные, а указываемые лишь грамматистами[1], могли возникнуть по примѣру flos-floris и е. п., что̀ высказал уже Асколи[2]; греческое же *γάλως* естественно считать основой на -$\bar{o}$i̯, -$\breve{o}$i̯, как *αἰδώς*, каковую основу можно признать и праязычною. Мысль, что второй частью двугласнаго здѣсь было u, и что строить его слѣдует ввидѣ -$\bar{o}$u̯, -$\breve{o}$u̯, причом можно бы перекинуть к нашему **зълы** фонетическій мост — довольно таки сложнаго построенія, — мнѣ, как и Бругманну, кажется невѣроятною. Сравним также утвержденіе Льва Мейера и Преллвица, что слово это содержало звук v[3]).

Что̀ касается внутренней огласовки, то мы уже у Бругманна, во 2-м изданіи его Очерка и в Краткой сравнительной грамматикѣ, а также у Дельбрюка, в его Индоевропских названіях родства[4]), находим два глухих, очевидно на основаньи сербскаго за̏ова (вѣдь **зълъва** дало бы зува)[5]); требованье сербской фонетики поддерживается и русскою: русское золо́вка — в старинных текстах это слово, к сожалѣнью, не о̀тмѣчено — приходится обьяснять из болѣе ранняго *зловка, вышедшаго фонетически из зълъвъка, и усвоившаго себѣ первое *о* от первичницы *злы-золви, каковая притом могла долго держаться в языкѣ: вѣдь свекры́, как областная форма, живёт и понынѣ[6]). Конечно русскій язык, подтверждая присутствіе ещо одного глухого, вмѣстѣ с тѣм заставляет нас предполагать не ь, как Бругманн, пишущій zьlъva, а —

1) Neue, Friedrich, Formenlehre der lateinischen Sprache. Dritte sehr vermehrte Auflage von C. Wegner, Leipzig 1901. S. 262.

2) Miszellen, 1. K.Z., XII, 319.

3) Brugmann, Grundriß der vergleichenden Grammatik, том I, изд. 2-е, стр. 204, пункт 3. Leo Meyer, Handbuch der griechischen Etymologie, III. B., Leipzig 1901. Prellwitz, Walter, Etymologisches Wörterbuch, 2. Aufl. Göttingen 1905.

4) Brugmann, Grundriß, в указ. м.; Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, S. 138. Delbrück, Die indogermanischen Verwandtschaftsnamen, S. 533 (155).

5) На это давно указал Пётр Алексѣевич Лавровскій (Коренное значеніе в названіях родства у Славян), Сборник II. Отдѣленія Императорской Академіи Наук. т. II, стр. 75; только его староцерковное зълва — поправка неудачная.

6) Даль (под словомъ Свёкор) говорит, что форма свекры́ встрѣчается въ [illegible]сборніях новгородской, московской, воронежской [illegible] её [illegible] Рязанской, [illegible]

ъ, который и является у Дельбрюка, говорящаго: »altslovenisch zlŭva, oder vielmehr zŭlŭva«. Иной первое *о* м. б. захотѣл бы объяснить примѣненіем к прикладку зол, однако такое сближенье (вѣроятности котораго я уже касался и опять коснусь ниже), при бѣглости звука *о* в данном прикладкѣ (зла, зло; злой, злая, злое), думается мнѣ, напротив того поддержало бы самородный выговор *зловка. Предполагать, вмѣстѣ с Бругманном, ь, с языковѣдной точки зрѣнія удобнѣе (М-ч не даром затруднялся — Etymol. Wört. — примирить славянскій вид корня с греческим): сравним **мрѣти-мьреши, влѣчеши-вльклъ**; впрочем Фортунатов полагает, по справкѣ любезно сообщенной мнѣ Поржезинским[1]), что минимальный гласник (по его пониманью и терминологіи: ирраціональное, при плавных ктому и неслоговое *a*) мог давать также ъ.

Строя праязычное слово с минимальным и бѣглым гласным, вродѣ *g^elōs* (древнѣе *g^elōis*), рóдник *gloiés*, и предполагая, значит, для корня болѣе полный вид *gel*, мы могли бы принять Асколіевскую этимологію (в выше указанном мѣстѣ), по коей *γάλως* сродни словам *γαλερός*, *γαληνής* спокойный, тихій, *γέλως* смѣх, *γελάω* смѣюсь, *ἀγάλλομαι* красуюсь, радуюсь — »золовка« была бы свѣтлою, радостною, пріятною. Правда, это только возможность[2]): вспомним, что можно сдѣлать весьма заманчивыя по звукам и по смыслу, но безусловно невѣрныя сближенія слов, как худóжество (**хѫдожьство**) и худóй, минýта и миновáть! Ещо смѣлѣе Асколіевской этимологіи, приводимая и отвергаемая Лавровским Аксаковская, и русская народная, — от зол, злой[3]), заставляющая нас возводить, безо всякаго основанія, славянское значенье послѣдняго слова к праязыку. (Что бы молодухи праязычной поры никак не могли, — сперва напр. между собой, потом в шутку, а наконец и в серьёз, не думая уже о первоначальном значеніи, — называть мужниных сестёр »злюками« — мнѣ кажется соображеніем невѣским). Не годится, разумѣется, и толкованье самого Лавровскаго, который, положим, для своего времени не особенно прегрѣшил, сблизивши своё **зълва** с санскритским *gurvi* (мужескій род — *gurú*), в значеньи »почтенная«; но всёж без основанія признал санскритское переносное значеніе этого прикладка также и праязычным и пренебрёг рѣшающим для нас свидѣтельством греческаго *βαρύς* о присутствіи здѣсь лабьяльности и настоящаго г, за-

1) Лекціи по сравнительной фонетикѣ 1902 года, стр. 65. *Χαριστήρια* (Сборникъ в честь Корша), стр. 487—488.

2) Дельбрюк — Verwandtschaftsnamen, 535 (157) — предпочитает говорить, что праформы нельзя построить с достовѣрностью, и что этимологія неясна.

3) В указ. м., стр. 77.

ставляющих нас считать славянским видом привлекаемаго корня не зъл, а гър или жьр.

В заключенье этой замѣтки, подчеркну, как достовѣрныя положенія о словѣ »золовка«, что староцерковнаго злъва не существует, и что, в качествѣ праславянской, вмѣстѣ с тѣм по всей вѣроятности и староцерковной, формы этого слова, надо строить зълы-зълъве.

Москва 31. мая (13. іюня) 1907 года. Роман Брандт.

Къ вопросу о времени изобрѣтенія письменъ и перевода священнаго писанія.

Въ богатой рукописями библіотекѣ знаменитаго сербскаго монастыря Хиландаря есть сборникъ, въ описаніи отца Саввы значащійся подъ No. 329, теперь же въ приготовляемомъ отцомъ Саввою второмъ изданіи Описанія подъ No. 482.

Въ этомъ сборникѣ на л. 225 помѣщены **сїа словеса вь кратцѣ избранна оть книги Константина кирила философа и оучителѣ срьпскаго бывшаго при бл҃гочьстивѣж деспотꙋ стефаноу сн҃ꙋ ст҃го кнѧѕа лазароу**. Судя по заглавію, мы имѣемъ здѣсь дѣло со спискомъ извлеченія изъ грамматическаго труда извѣстнаго въ юго-слав. письменности Константина Костеньчскаго. Отлагая оцѣнку всего списка до поѣздки на Аѳонъ въ настоящемъ году, мы сообщимъ теперь сдѣланную нами въ прошломъ году выписку изъ этого текста, оказавшуюся весьма интересной.

А именно на л. 246 читается слѣдующее заглавіе: **сказанїе ѿкж-доу и въ кое врѣмѧ прѣведеса бжс҃тъвное писанїе. ѿ гръчскаго ѧзыка въ блъгарскаг и аще кто хоще т писати. съмотри здѣ оѯїе и варїе. и намеціанїе м слѡва и пиши ами :· ꙗвѣ ꙗко при птоломеа цр҃ѣ еллинскаго. бс҃ы по съмотренїе бж҃їе. преведесѧ ѿ еврейско писанїе на еллинско. ѿ прѣвѡд к҃ни, прѣжд е съшествїа хв҃а. т҃а, лѣт. по съшествїе въплъщенїа г҃а нашего ic҃ хс҃а. въ напокѡне врѣмен в лт҃ѡ ҂ѕ҃т҃о при бл҃говѣрнѣж цр҃ѣ iѡанна асѣнѣ. ѿ бг҃опосланїих мѫжїи. испод вѣкни и равноапс҃лны, кѵрх, меѳѡдїе, климен ть, наоум, гѡрасдо, аггеларїе. лаврентїе, з҃ числѡмь. по съмотренїе бжїе. ꙗкож, о҃. при цр҃ѣ птолѡмеа: + прѣд весѧ ѿ прѣвѡдк ни. ѿ гръчскат ѧзыка въ блъгарскаг, к лт҃ѡ ѕто. и сїа ѡбрѣтѡшѧс словеса противꙋ ѧзыкоу нашемꙋ. б ѕ ж ш щ ц ч ъ ѣ ꙑ ю ѥ и семꙋ сице**

поб҃ае в҃ѣти. како намѣщаетсѧ къжо на мѣсто свое. и҃ срѣкѫ, и силѫ. и прѡчїи бел҃ѣ. въ бжтвное писанїе. ꙗко да невѣжьстви кѡрнишь и хѹлишь. и ересн мѣташь, оу сто писанїе. и зри ѡ сицевы. прѣ по антїстихїе. сирѣ прѡтивь. слѡвїю се, ы се повелител҃но е. и исплънително. аще ли хощеши инако слѡвеса писати, не възбранно ти е. тъчїѫ право да пишѫтсѧ. и къжо на свое мѣстѣ да стои. зри вѣти побае въсѧ слѡвеса сїа начрътана и побнаа си. и тако на мѣстѣ въсѧ пиши и глаи. аще грѣшаешь, или прѣзираешь. ѿ си вьсѣ хѹлиши. и бѹ досаждаешь. и ты мъзѫ не прїешь. нѫ ꙗрѡ бжїа на себѣ наводишь и клѧтвѫ. ꙗко пише прркъ. поите съ разѹ. и пакы зако проклѧ въсѣ извращаѧи слово бжїе и пише лъжѫ. ина ѿ стго писанїа мнѡга. оучи и наказоуе на трѣзвисѧ ѡ се: ~ тлъ. крте помагаи. а. азъ есмъ бъ. б. ба жива снъ. в. видѣ славѫ бжїѫ г. глѧ добро. д. добрь бѡ есмь. е. есмъ бѡ. ж. живоношѫ въ себѣ. ѕ. ѕѣлѡ дивнаа сътвори. з. земѧ на водѫ основа. і. иже вы азь изведо. и, и въ поустыни въспита. к, кое вы зло сътвори. л, людїе мои. м, мыслїѫ ва сътвори. н, на кртѣ мѧ пригвѡздисте. о, онь бо мѧ зове. п, пилатоу мѧ прѣдасте. р. рьцѣте безакѡнници. с. словомь въсѧ сътвори. т. тръно ми вѣнець възлѡжисте. оу. оударень бы за ланитѫ. ф. фараѡна въ мори потопи. х. херѹвїми мѧ слава. ъ. на ерха носи есмъ. ѿ. ѿ нбсь сънидо не льститесѧ. ѡ. ѡни мѧ не приѧшѫ. ѱ. пѣнми славѧ мѧ аггли. ц. цртво мое нбсѧ. ч. чл҃кѡлюбїа радї сънидо на землѧ. ш. шестокрилати мѧ славѧ. щ. что ми ѿвѣщаете тогда. ы. ꙗко вы имѫ сѫдити. ю. юдїи безакѡнии. ѥ. еже мѧ вѧзасте:

Ни у Константина, ни въ извлеченіи изъ него нѣтъ соотвѣтствующей главы съ упоминаніемъ св. седмичисленниковъ. Хотя упоминаніе Іоанна Асѣня умаляетъ цѣнность этой главы, но все же она представляетъ интересъ и главнымъ образомъ указываемой датой, которая при томъ повторена дважды. Дата даетъ 862 г., т. е. какъ разъ тотъ годъ, на который приходится обращеніе Ростислава въ Константинополь.

Было бы интересно знать, откуда взята эта дата, которая расходится съ датой Храбра 855 г. Какъ извѣстно, въ краткихъ сербскихъ лѣтописяхъ указывается точно также особая дата 6360 г., но она отодвигаетъ время изобрѣтенія письменъ и перевода свящ. писанія еще далѣе. Дата же настоящей статьи интересна совпаденіемъ съ вычисляемой по источникамъ датой моравской миссіи. Насколько намъ извѣстно, въ другихъ источникахъ этого года не указано.

Далѣе любопытно указаніе числа буквъ, не достающихъ въ греческомъ алфавитѣ, для передачи звуковъ слав. яз. Этотъ перечень у Константина находится въ 6 главѣ см. 399 изданія проф. И. В. Ягича. Въ настоящемъ спискѣ все соотвѣтствующее мѣсто приходится на конецъ статьи. Только подробное сличеніе Хиландарскаго текста съ изданнымъ въ Разсужденіяхъ старины выяснитъ ихъ взаимное отношеніе.

Кстати прибавимъ, что въ настоящемъ сборникѣ есть интересный списокъ сказанія о письменахъ черноризца Храбра. Его заглавіе: **сказаніе како състави стыи кѵри словѣнмо писмена противоу азыкоу** сближаетъ этотъ списокъ съ бреславльскимъ. Списокъ заслуживаетъ особеннаго вниманія по соединенію въ немъ нѣсколькихъ весьма важныхъ чтеній. Мѣсто, въ которомъ перечисляются буквы алфавита св. Кирилла, читается такъ: **се сжт писмена словѣнскаа. сице и побае писати и глашати а, б, в да до а и ѿ си сжт четыри межоу десѧма. побна грьскы писменомъ. сжт же си. а б в г д е з и ѳ і к л м н ѯ о п р с т ѵ ф х ѱ ѡ а четыринадесѧт по словѣнскоу азыкоу и сжт сіа. б ж ѕ ц ч ш щ ъ ы ь ю ж ѧ.** Здѣсь исчисляются буквы, сходныя съ греческими, и затѣмъ буквы, которыхъ соотвѣтствующихъ нѣтъ въ греческомъ алфавитѣ. При этомъ, какъ и въ Бреславльскомъ спискѣ, употреблено выраженіе **четыри междоу десѧтма**. Но сверхъ того въ этомъ спискѣ, какъ и въ спискѣ Московской духовной Академіи, есть замѣчательная вставка: **сжт бо еще жикы иже сжт видѣли (ихь)**, въ оригиналѣ послѣдняго слова нѣтъ. При перечисленіи государей современныхъ изобрѣтенію письменъ названо имя **растица моравска.**

Такимъ образомъ настоящій списокъ даетъ указаніе на извѣстность доселѣ стоявшей одиноко прибавки о близости Храбра къ святымъ Кириллу и Меѳодію, а въ то же время заключаетъ и важную особенность языка текста, какъ отмѣченное выше обозначеніе 24. Если принять во вниманіе еще во всякомъ случаѣ старую форму Растица, югослав.

характеръ которой вполнѣ убѣдительно установленъ въ статьѣ Б. М. Ляпунова, то выяснится весь интересъ, представляемый настоящимъ спискомъ сказанья о письменахъ.

Мы постараемся въ виду всего этого снять полную копію Хиландарскаго списка, а настоящей замѣткой, являющейся нѣкоторымъ дополненіемъ къ одному изъ обширнѣйшихъ трудовъ И. В. Ягича Разсужденіямъ старины о церковно-славянскомъ языкѣ, рады засвидѣтельствовать глубокое почтеніе къ чествуемому нынѣ знаменитому юбиляру, трудами котораго оказаны такія выдающіяся услуги изученію славяновѣдѣнія.

4 Іюня 1907 г.

Еще разъ разсмотрѣвъ хиландарскую рукопись, мы должны прибавить, что съ л. 225 по 246 въ ней находится списокъ Словесъ впратцѣ, весьма близкій къ изданному И. В. Ягичемъ. На л. 246 начинается лишняя статья, выше нами напечатанная, вслѣдъ за которой идетъ алфавитъ, сопровождаемый фразами на каждую букву, близкій къ напечатанному по Берлинскому сборнику В. С. Караджичемъ въ Примјери српско-славенскога језика стр. 8—9. Затѣмъ съ л. 248 слѣдуетъ Сказаніе о письменахъ.

Что касается даты, то всего ближе къ указанному въ нашей статьѣ году будетъ 863 г. въ одномъ русскомъ спискѣ Пчелы см. стр. 137 сочиненія Бодянскаго о происхожденіи славянскихъ письменъ.

22 Октября 1907. **П. А. Лавровъ.**

Zur slavischen Wortkunde.

1. *Napъ* 'mercenarius'.

Das kirchenslavische *napъ* 'mercenarius' ist meines Wissens nicht etymologisch erklärt worden. Es ist das althochdeutsche *chnappo*, jetzt *Knappe*. Da das Slavische kein anlautendes *chn* kennt, so wurde *chn* nur durch *n* substituiert. Außerdem kommt in derselben Bedeutung напъты, напты in Житіе Нифонта zweimal vor (Sreznevskij, Слов. др.-русск. яз.), wozu Nom. sgl. wahrscheinlich *napъtъ* (**napьtъ?*) und nicht *napъta*, wie bei Sreznevskij, anzusetzen ist. Dieses **napьtъ* ist irgendeine auf althochdeutschem Boden entstandene Weiterbildung zu *chnappo*, ebenso wie *Knecht* eine mit *t*-Suffix erweiterte zu derselben Sippe gehörende Bildung ist. Außer *napъ* und *napъty* existiert noch *napьda*, *nabda* 'merces'. Auch dieses enthält kaum das slav. Suffix *-da*.

2. Slov. *lava* 'sumpfige Stelle neben einem Flusse'.

Pleteršnik hat in seinem slovenischen Wörterbuch *láva* 'tiefe, sumpfige Stelle neben einem Flusse oder in einem vertrockneten Flußbette' aus Steiermark angeführt. Diesem Wort sind schon zwei etymologische Erklärungen zuteil geworden. Torbiörnsson Slav. Liquidametathese I, 69 verbindet es mit lat. *alveus*. Lidén Blandade språkhist. bidrag (Göteborgs Högskolas Årsskrift 1904, I) S. 32 f. dagegen stellt es zusammen mit lat. *ulua* (aus *olua) 'Sumpfgras, Schilfgras'. Entlehnung aus einem romanischen Ableger von lat. *ulua* hält Lidén für unwahrscheinlich. Beide, Torbiörnsson und Lidén, gehen also von einer Urform **olvā* aus. In der Tat haben beide unrecht, denn slov. *láva* in oben angeführter Bedeutung ist ein deutsches Lehnwort. Die nächste Quelle ist kärntnisches *laue* 'kleine Lache, wie sie sich namentlich an den Ufern eines Baches oder Flusses bildet'. Weiteres von derselben Sippe findet man in Grimms Deutschem Wörterbuch sub voce *Loh* f., so: *lau* 'palus, labina', *laug* 'sumpfige Bodenstelle'. Besonders ist bayr. *lôh* oder *lôhen*, *lôgen* (*lou*') 'nasse sumpfige Stelle im Boden; Sumpf-

wiese' zu merken. Schmeller in seinem bayrischen Wörterbuch I. 1466 f. fügt noch hinzu: '»Die ganze Gegend um den ehemaligen, jetzt zum Torfmoor gewordenen Fichtelsee besteht aus *Lôhen*, den nie versiegenden Quellen der Flüsse, die von diesem Punkt aus nach allen Weltgegenden herabströmen.« Hier paßt sowohl Form als Bedeutung gut mit kärntn. *laue* und sloven. *lava* zusammen. Zugrunde liegt idg. *louko-*, *loukā*, das im Germanischen **lauhō* gegeben und sich in ahd. *lōh*, ags. *leah*, aisl. *lō* (besonders in Ortsnamen) und zwar in der Bedeutung 'niedriges, feuchtes Land' wiederspiegelt. So wird *lo* im Norwegischen gerade von niedrig liegenden Wiesenstücken, die sich längs der Wasserkante strecken, gebraucht. Einige deutsche Formen und auch die ags. Dativform *leage* (zu N. sgl. *leah* 'Wiese') könnten auf grammatischem Wechsel beruhen.

3. *Lěto* 'Sommer'.

Nach der landläufigen Etymologie soll *lěto* mit lit. *lytùs*, *lëtùs*, lett. *leetus* 'Regen' zusammenhängen und somit ursprünglich 'Regenzeit' bedeutet haben. Da nun in den indogermanischen Sprachen Europas der Sommer entweder 'die warme Zeit' oder mit demselben Namen wie der Frühling, nirgends aber, nicht einmal im Gebiete des reichlichsten Sommerregens, 'Regenzeit', wie *varšā* bei den Indern, genannt wird, so wäre eine solche Benennung des Sommers im Slavischen recht auffallend. Aber auch von lautlicher Seite ist diese Etymologie nicht einwandfrei. Man würde nämlich, wenn *lěto* mit *lëtùs* zusammengehörte, im Slavischen nicht *lěto*, sondern **lito* erwarten, ganz wie im Slavischen *sito* gegenüber lit. *sëtas* steht. Dem lit. *lëtùs* und *sëtas* liegen nämlich beiden gleichartige zweisilbige Basen zugrunde und *lěto* und *sito* sind ihrer Suffixbildung nach ganz auf einer Reihe. Dagegen kann slav. *lěto* sehr gut mit folgendem schwedischen Worte zusammengestellt werden. Im Altgutnischen heißt *lapigs* 'im Frühling'. Für die Länge des *a* sprechen die neuschwed. Dialektformen *läding*, *läing*, *läig* 'Frühling', *i lädigs* 'im vorigen Frühjahr' (Rietz, Sv. dialektlexikon 387[a]). Trennen wir das Suffix ab, so kommen wir auf urgerm. *lēþ-* zurück, das vortrefflich mit slav. *lěto* stimmt. Wenn das aus diesen gewonnene uridg. *lēto-* zu einer ursprünglich zweisilbigen Basis (*leiet-*) gehört, so könnte ags. *līþa* 'Juni — Juli', das von ags. *līþe* 'mild, sanft' nicht getrennt werden kann, damit verwandt sein. Die Reduktionsstufe zu derselben Basis bildet altir. *laithe* 'Tag' (aus *lati-*). Zur Bedeutungsentwicklung vergleiche man got. *dags*, d. *Tag* und preuß. *dagis* 'Sommer' zu idg. *dhegh* 'brennen'.

4. *Jedlъ* 'Tanne'.

Urslav. *jedlъ*, das sich aus čech., poln. *jedl*, russ. ель 'Tanne' ergibt, ist meines Wissens noch nicht mit dem entsprechenden Baumnamen im Keltischen verglichen worden. Nach Stokes in Kuhn-Schleichers Beiträgen V, 445 findet sich im Altir. *aidlen*, das mit 'abies' glossiert wird, und ihm entspricht im Bretonischen *aedlen* oder *édlen* 'sapin'. Das keltische Wort weist auf eine Form mit anlautendem *a* hin, so daß von idg. *adli-* auszugehen ist. Der slav. Anlaut *je* ist also hier aus *jo* entstanden, ganz wie in *jesenъ* und *jelъcha*, denn für diese Ablautsformen mit *e* anzusetzen ist nur ein Notbehelf. Man mag sich nicht auf entsprechende litauische mit *e* anlautende Formen berufen, denn im Litauischen und Lettischen kommt vielfach durch palatale Vokale bewirkte Umlautserscheinung von *a* zu *e* vor.

5. Poln. *duńczyk* 'Däne', *duński* 'dänisch'.

'Dänemark' heißt polnisch *Danya*, aber 'Däne' und 'dänisch' heißen *duńczyk* und *duński*. Woher dieser Unterschied im Vokalismus der ersten Silbe? *Danya* ist eine neuere Form und zwar der lateinische Name Dänemarks, *duński* dagegen eine alte Form, deren *u* sicher aus *ó* entstanden, weshalb vom etymologischen Standpunkte aus *dóński* zu schreiben wäre. Der letztgenannten Form muß ein **dóń* zugrunde gelegen haben. Die entsprechenden Formen sind aus dem Altrussischen belegt. Донь 'Dänemark' hat schon Kunik in Bulletin hist.-phil. de l'Acad. VII, 279 f. aus der ersten Novgorodschen Chronik zweimal (unter Jahren 1130 und 1134) und das dazu gebildete Adjektiv (въ доньскую землю unter Jahr 1302) einmal nachgewiesen. Донь weist wieder auf germ. *dani-*, aisl. *danir* 'Dänen', zurück.

6. Ab. *žrěbъ*, *žrěbij* 'sors'.

Miklosich sagt von diesem Wort und seinen Entsprechungen in anderen slavischen Sprachen unter dem Artikel *žerbŭ*: »Man vergleiche preuß. *gīrbin* sing. acc. zahl.« Will man aber nach einem verwandten Wort im Germanischen suchen, so liegt der Vergleich mit d. *Kerb* nah an der Hand. D. *Kerbe* 'Einschnitt' (weiter im *Kerbholz*, *-stock* und auch ins Polnische und Čechische entlehnt: *karb*) kommt bekanntlich vom germ. Verb, das 'ritzen, einschneiden' bedeutet: d. *kerben*, ags. *ceorfan* usw. In diesem germanischen, slavischen und wahrscheinlich daraus geliehenen preußischen Worte, dem idg. Basis *gerbh-* zugrunde liegt, haben wir den Bedeutungswandel von 'Einschnitt' zu 'Loos' und

'Zahl'. Die ans d. *Kerb* mahnende ursprüngliche Bedeutung kommt noch in russ. жеребей zum Vorschein. So erklärt Dal dieses Wort zuerst mit »кусочекъ, отрубочекъ, отрѣзокъ, частица крошенаго, рубленаго; иверень, отломокъ,« und aus dem XVI. Jahrh. führt Sreznevskij in seinem altruss. Wörterbuch: Рѣзаны кости жеребьемъ, wo das letztgenannte Wort 'ein geschnittenes Muster' bedeutet.

Ein Pendant haben wir im südslavischen *broj* 'numerus'. Es steht nämlich im Ablautsverhältnis zu *briti* 'rasieren', ursprünglich 'schneiden', vgl. *bridъkъ* 'schneidig, scharf': slov. *bridek*, čech. *břidký* 'scharf'. Die Basis ist ursprünglich zweisilbig (*bherei̯*) und so gehört dazu lit. *burìi* 'wahrsagen, zaubern', *bùrtas* 'Loos'. Die ursprüngliche Bedeutung 'Kerbe' finden wir aber im Lettischen: *burtas-kohks* 'Kerbstock', *burta* 'Verzeichnis'. Die Bedeutung 'Einschnitt' steckt auch in ar. *bъrtь* 'alveus apium', neuruss. борть, čech. *brť*, poln. barć, vgl. r. пасѣка 'Bienenstock' von сѣчь 'hauen'.

Helsingfors. *Joos. J. Mikkola.*

O wpływie języka łacińskiego na polski.

W rozwoju języka polskiego uwydatniły się w wiekach średnich silne na niego wpływy przedewszystkim języków sąsiednich: niemieckiego i czeskiego, oraz łaciny. Rozmiary tych wpływów i ich skutki były niejednakowe.

Wpływ języka niemieckiego dotyczy wyłącznie dziedziny leksykalnej czyli słowozbioru: język polski przyswoił sobie mnóstwo wyrazów niemieckich wskutek stosunków, jakie wynikały z osadnictwa niemieckiego w Polsce od wieku XII-go, jako też wskutek stałego sąsiedztwa gieograficznego z Niemcami.

Wpływy ze strony czeskiej odnoszą się również do samego tylko słowozbioru polskiego. Z przyjęciem przez Polaków chrześcijaństwa w wieku X-ym przybywały nowe pojęcia oderwane, religijne i etyczne, a z niemi nowe wyrazy, służące do ich oznaczania. Wyrazy te przejęliśmy od Czechów; do języka zaś czeskiego dostały się one z Rzymu za pośrednictwem starogórnoniemczyzny.

Silniejszy od czeskiego wpływ na mowę polską wywarł język łaciński. Złożyły się na to dwie głównie okoliczności. Naprzód znaczenie uprzywilejowane języka łacińskiego w rozwoju kultury europejskiej, i powtóre znaczny okres czasu, w ciągu którego wpływ ten oddziaływał na życie umysłowe społeczeństwa polskiego. Łacina była językiem kościoła, językiem prawodawstwa, sądu, sejmu i szkoły, językiem książkowym i naukowym, językiem wyłącznym uczonych. Tak było w całej Europie zachodniej, tak bylo i w Polsce. Łacina oddziaływała na nasz język stale w ciągu wieków średnich do wieku XII-go przez chrześcijaństwo i instytucje kościelne; silniejszy jeszcze był jej wpływ w okresie humanizmu od końca wieku XV-go przez wiek XVI-ty aż do połowy w. XVII-go. Pierwsze utwory piśmiennictwa polskiego w końcu wieku XIII-go i na początku XIV-go powstały pod bezpośrednim wpływem wzorów łacińskich; są to przekłady pisma ś-go, kazania kościelne i zabytki języka prawnego i sądowego. Pisano

je po polsku, wzorowano się jednak na tekstach łacińskich, łamiąc się z trudnościami przy oddawaniu pojęć nowych odpowiedniemi wyrazami polskiemi. Z konieczności przeto do języka tych pierwszych utworów piśmiennictwa polskiego wciskać się musiały wyrazy łacińskie i niejedno wyrażenie wprost na wzór łacińskiego utworzone. Przykłady takich latynizmów są dosyć częste nie tylko w najstarszych zabytkach piśmiennictwa wieku XIV i XV-go, ale i w okresie złotego wieku literatury polskiej, a nawet i później. Są one trojakiego rodzaju: 1. czysto wyrazowe czyli leksykalne, polegające na wcielaniu wyrazów łacińskich do tekstu polskiego; 2. słowotwórcze, tj. dotyczące formy wyrazów o przyrostkach pochodzenia łacińskiego, i 3. składniowe czyli syntaktyczne, odnoszące się do pewnych wyrażeń i zwrotów, w których konstrukcję łacińską zbyt dosłownie, nieraz wprost niewolniczo wprowadzano do wysłowienia polskiego.

1. W dziedzinie słowozbioru czyli leksykalnej język polski przyswoił sobie mnóstwo wyrazów łacińskich (bądź rodzimych, bądź wziętych z greckiego), podobnie jak i sąsiednie Niemcy i inne narody giermańskie, wyrazów, jako nazw rzeczy i pojęć oderwanych, z zakresu życia prywatnego i politycznego, przedtym nieznanych, a przejętych pod bezpośrednim wpływem cywilizacji romańskiej. Nabytki te, znane powszechnie, są istotnym wzbogaceniem każdego języka; zrosły się one zupełnie z myślą i mową narodu, który przez szereg stuleci rozwoju kulturalnego stale się niemi posługiwał.

2. Wpływ łaciny w zakresie słowotwórstwa (słoworodu) odbił się na niektórych formach przymiotników i rzeczowników, utworzonych bądź to w zależności od formy i brzmienia przyrostków łacińskich, bądź też wprost za pomocą przyrostka łacińskiego. Do kategorji pierwszej należą pewne przymiotniki, pochodzące od nazw gieograficznych cudzoziemskich, jak: bizantyński, konstantynopolitański, florentyński, pompejański, afrykański, w staropols. indjański i t. p. Postaci tych przymiotników nie zostały utworzone drogą zwykłą od osnów rzeczownikowych, lecz wprowadzone do polskiego wskutek tłumaczenia bezpośredniego przymiotników łacińskich (byzantinus, florentinus, pompeianus, africanus . . .) o przyrostkach *-inus*, *-anus*; formy właściwie polskie są: bizantyjski, konstantynopolski, florencki, podobnie jak w staropolskim używane: afrycki, amerycki. Na wzór też łaciński stworzono w wieku XVI-ym formę atenjeński (atheniensis); postać ta jednak, jako też i druga atenijski (Solon atenjeński filozof; atenijska pani, Rej) ustąpiły prostszej ateński, opartej na osnowie rzeczownikowej

Wszakże wzór łacińskich przymiotników na *-ensis* sprawił, że od wieków używamy formy przymiotnika gnieźnieński zamiast gnieziński, od Gniezno, dzięki tylko formie łacińskiej *gnesnensis*, którą wyłącznie się posługiwano w okresie przewagi łaciny kościelnej w Polsce. Nazwy prawidłowej gnieziński użył dopiero prof. Nehring w nagłówku zabytku starej polszczyzny »Kazania gnieziński«, przez siebie wydanego w r. 1896 w Krakowie. Obok tego przymiotnika mamy szereg innych, podobnych mu, z okresu późniejszego, jak: grodzieński, kowieński, wileński, od nazw Grodno, Kowno, Wilno..., które nie są już przekładem form łacińskich na *-ensis*, lecz powstały drogą zwykłą od osnów tych imion za pomocą przyrostka -ьski: grodź-e-ń-ski, ko-wi-e-ń-ski, wil-e-ń-ski...

Drugą kategorję wyrazów z piętnem łacińskim stanowią rzeczowniki, utworzone od osnów rodzimych za pomocą przyrostka łacińskiego *-us*, tj. liz-us, sług-us, oberw-us, obdart-us, pij-us, nag-us, łg-us, wis-us, der-us, zdzier-us (zdzierca), łajd-us (łagodniejsze niż łajdak), dwor-us, dzik-us, garb-us, wiar-us, cał-us; po części też: rapt-us, nyg-us i andr-us (z gwary złodziejskiej). Wyrazy te powstały w języku w nowszych czasach; wszystkie, z wyjątkiem całus, są nazwami osób i używają się w znaczeniu ironicznym lub pogardliwym, oprócz rzeczownika wiarus, do którego przywiązane jest znaczenie dodatne: stary, dzielny żołnierz.

3. Inaczej przedstawia się wpływ łaciny na język polski w zakresie składni. Wpływ ten był istotnie dosyć znaczny w pierwszych wiekach rozwijania się piśmiennictwa polskiego; granice jednak jego nie były zbyt rozległe, jak nieraz głosiły twierdzenia gołosłowne; nie był on ani tak trwały, ani tak dalece silny, ażeby mógł zasadniczo zmienić w pewnym zakresie właściwości przyrodzone mowy polskiej. Miał znaczenie przemijające i dotyczył kilku zaledwie zwrotów właściwych składni łacińskiej, które tłumacze tekstów łacińskich w wieku XIV i XV-ym przenosili do przekładów polskich; za nimi zaś poszli i inni pisarze.

Najbardziej rozpowszechniony w rękopisach i drukach staropolskich był zwrot skrócony, polegający na użyciu biernika z bezokolicznikiem (accusat. c. infinitivo), zamiast osobnego zdania pobocznego (ze spójnikiem *że*), zwrot, niezgodny z naturą polszczyzny i innych języków słowiańskich. Spotykamy się z nim w zabytkach w. XV-go i późniejszych; np. w wyrażeniach: Przerzeczonego Idzika skazaliśmy być ku przysiędze dopuszczonego, Święt. z. Wociesz. r. 1449; kiedy uźrzysz tego cierpieć, tedy twoję duszę miecz boleści przejdzie, Opeć 1522; Powiadała być dobre pijaństwo, Sąd Parysa 1542; Wyznam go być boga mego,

J. Kochan.; A tak odwołali sądy do Kalisza, gdzie się spodziewali biskupa samego przybyć, M. Biels. i t. p.

Używano także na wzór łaciny zwrotu, złożonego z podwójnego biernika; posiadają go już najstarsze zabytki języka; np. Zbawiona mię uczyń, boże mój, Psał. flor. (salvum me fac); Pan bóg, ktoryż cię dostojnego uczynił bojaźni, Żyw. Eufr. r. 1524; Powstań Panie, zbawionego mię uczyń, Psał. r. 1532; Bóg nawysszy mnie krolewica objawił, Sąd Parysa (me regem declaravit), i t. p.

Probowano prócz tego i wyrażeń, zawierających podwójny mianownik; jak np. aby ona rada, którąś ty umyślił, nie była naleziona nieużyteczna, Żyw. Eufr. (ut non illud consilium . . . inveniatur infructuosum); Wspomionął, że są ciało i duch niewrócony, J. Kochan.; lub zwrotów, polegających na użyciu bezokolicznika z mianownikiem, np. Te gwiazdy zdadzą się tam być rozsadzone, J. Kochan., Zdali się sobie obadwa już być gotowi, J. Kochan., i t. p. Wnowszej polszczyźnie pozostałością po tego rodzaju zwrotach łacińskich jest wyrażenie po słowie *zdaje się*, złożone z bezokolicznika i mianownika, albo też z bezokolicznika i narzędnika, lub wreszcie z samego bezokolicznika; np. skutek zdaje się być wątpliwy (zamiast: zdaje się że jest wątpliwy, albo: że będzie wątpliwy); Jan zdaje się być smutnym (zam. Jan, zdaje się, smutny); Zdaje się o tym wcale nie wiedzieć (zam. zdaje się, że o tym wcale nie wie, lub: zdaje się, wcale o tym nie wie) itp.

Pod wpływem wzorów łacińskich pisarze tekstów staropolskich począwszy od wieku XIV-go przy łączeniu dwu zdań, względnego z głównym, najczęściej opuszczali w zdaniu głównym zaimek wskazujący *ten*, *taki* . . . przed następnym zdaniem względnym, zaczynającym się od zaimka względnego *jen*, *jenże*, *który*, *kto* . . . albo od przysłówka *gdzie*; np. A w myślach twoich nie jest, ktoby był rówiennik tobie, Psał. flor. 39 (non est, qui similis sit tibi); Zamętek blizu jest, a nie jest, jenżeby pomogł, Ps. fl. 21 (non est, qui adiuvet); Toć ubogi królewic był, iże nie miał, gdzieby swoję głowę podkłonił, Kaz. świkrz. (non habet, ubi caput suum reclinet); Najdą się krom wątpienia, którym ku twej ozdobie wymowy dostanie, J. Kochan., itp.

Innym wynikiem wypływu języka łacińskiego na składnię staropolską jest opuszczanie przeczenia *nie* przy łączeniu dwuch zdań przeczących za pomocą spójnika *ani*. Zarówno pisarze tekstów najstarszych jak i późniejsi nie powtarzają przeczenia nie przed orzeczeniem drugiego zdania przeczącego równorzędnego; np. Zapowiadamy, aby dziewki w dziedzinach, [illegible] ściznę rzeczony, nie wstępowały, ani namiestniczkami [illegible] pokazał nam bog, [illegible]chom

nie jedli, ani się jego dotykali, Bib. szar.; Jako to świadczę, iże Mikołaj nie szedł gwałtem ze dwiema paniczoma a dwiema podlejszyma w dom do Domienika, ani miecza dobył, ani zabić chciał. Rota Kś. kościań. r. 1424; Wzgardzili przymierzem pańskim, ani praw posłuszni byli, J. Kochan.; Nic się na żadnego stanu człowieka nie oglądasz, ani o to dbasz, jako kto przyjmie, Orzech. i t. p. Jest to oczywiście naśladowanie wyrażeń łacińskich, zaczynających się od spójnika *neque*. W nowszej polszczyźnie tego rodzaju sposób łączenia nie jest w użyciu: spójnik łączący *ani* przed drugim zdaniem przeczącym ma tylko znaczenie spójnika *i* wzmocnione, po którym właściwe przeczenie *nie* wyrażone być winno (np. Ani osobiście nie przybył, ani odpowiedzi nie przysłał).

Pod wyływem składni łacińskiej przekształceniu także uległy pewne wyrażenia polskie, właściwe staropolszczyźnie i innym językom słowiańskim, polegające na użyciu narzędnika osoby działającej. W dawnym języku polskim przy słowach o formie biernej wyrażano narzędnikiem imię osoby działającej, podobnie jak dodziś wyrażamy nazwę wszelkiego narzędzia, którym się czynność wykonywa. W najstarszych zabytkach mamy wyrażenia takie, jak: Ta ista słowa zmowiona oćcem świętym, jemuż biesze imię Symeon, Kaz. świkrz.; Pismo tego krolewica dziewicą porodzonego nazywa krolem luda żydowskiego, Kaz. świkrz., Bogiem sławiena Maryja, Pś. Bogar.; Zdrowa bądź gospodze angiołem zawitana, gospodze, ogarniona duchem świętym, Mod. Nawoj.; Przeto ja jeśm posłana bogiem ty rzeczy zwiastować tobie, Bibl. szar., Tako nam był otworzył duchem świętym oczy na przyszły upadek nasz, Orzech.; Cesarz, obrażony Sobiesławem, synem Sobiesławowym, a bratem stryjecznym Władysławowym . . . stolicę osadził, Błażow. r. 1611 i t. p. Właściwość ta sięga jeszcze epoki prasłowiańskiej, a w języku starosłowiańskim mamy również przykłady podobne, jak: iskušajemъ sotonoją; nareče sę prěprostyj vьsęją bratiją, Supr. (dictus est simplex ab omnibus fratribus) i t. p. Otóż użycie tego rodzaju narzędnika w nowszej polszczyźnie nie utrzymało się; bardzo wcześnie bowiem, bo już od początku piśmiennictwa narzędnik w tych wyrażeniach stopniowo ustępuje miejsca wyrażeniom z przyimkiem *od* lub z przyim. *przez* na podobieństwo łacińskich: *a* v. *ab* aliquo, *per* aliquem. W ciągu kilku wieków pospolite jest tu użycie *od* z dopełniaczem (np. Złodziejstwo jest tak srogo od nas skarano, Orzech. Quinc.; Rozmowy Sokratyczne przetłumaczone od J. P. Zabłockiego, Warszawa 1775, i t. p.), ale i ono w końcu ustało; natomiast weszło w użycie wyrażenie z przyimkiem *przez*, które w polszczyźnie wieku XIX-go w tych razach wyłącznie się ustalilo.

Pomijając przykłady pojedyńczych zastosowań rządu niektórych wyrazów na sposób łaciński, spotykane w tekstach staropolskich, pomijając również pewien wpływ zewnętrznej formy okresów łacińskich na tok wysłowienia dawnych prozaików naszych, musimy wkońcu choć krótką uwagą dotknąć t. zw. makaronizmów w języku polskim.

Zwykle w życiu umysłowym Polski całe stulecie, od połowy wieku XVII do połowy XVIII-go uważa się za okres upadku piśmiennictwa, zepsucia smaku w dziedzinie poezji i krasomówstwa. Historja też stwierdza w okresie tym i niezwykłe zaniedbanie języka pod względem formy i jednocześnie towarzyszącą mu dążność wśród piszących do rzekomego przyozdabiania wysłowienia polskiego barbaryzmami. Przy zaniku poczucia dobrego smaku stało się niemal prawidłem obowiązującym używanie w mowie i piśmie wyrazów łacińskich naprzemian z ojczystemi. Szczególnie zaś tej modzie makaronicznej hołdowali napuszeni krasomówcy, panegiryści i rymotwórcy minorum gentium. Przeszła ona jednak nad językiem i minęła bezpowrotnie, jak lekka epidemja, choroba nagminna, nie sięgnąwszy głębi jego ustroju, nie zrządziwszy w jego rodzimej budowie żadnej szkody poważnej; nie była też przeszkodą silną do dalszego rozwoju i tego wydoskonalenia, do jakiego język polski doszedł pod piórem wielkich poetów i prozaików wieku XIX-go.

Warszawa, w czerwcu 1907. *Adam Ant. Kryński.*

Über die Sprache der ältesten moldauischen Urkunden.

Es sind beinahe achtzig Jahre verflossen, seitdem J. Venelin in der Vorrede seiner »Влахоболгарскія или дакославянскія грамати« (St.-Petersburg 1840; die Vorrede wurde 1832 geschrieben) die Meinung ausgesprochen hat, daß die Sprache der alten moldauischen Urkunden russisch sei; nur hat er diese Sprache nicht ganz richtig »süd-russisch« (южно-русское нарѣчіе) genannt. Seitdem wurde dieses auch von rumänischen Gelehrten, Historikern und Philologen, die moldauische Urkunden herausgegeben haben, stillschweigend anerkannt, obgleich die meisten unter ihnen die Sprache dieser Urkunden schlechtweg slavisch »slavică, slavă« genannt haben; siehe Melchisedek, Chronica Hușilor, Bucuresci 1869, Anhang, S. 2—3; Hasdeu, Archiva istorică a României, Bucuresci 1865, Vorrede, und desselben Abhandlung »Negru-Vodă« (als Einleitung zum IV. Bde des »Etymologicum Magnum Romaniae« gedruckt), Bucuresci 1898, S. XCVI. Die fremden Gelehrten, zumeist Slavisten, die gelegentlich moldauische Urkunden zu ihren Untersuchungen benutzt oder herausgegeben haben, haben daran nie gezweifelt. So Emil Kałużniacki, der im VII. Bande der Akta grodzkie i ziemskie, Lwów 1878, einige moldauische und walachische Urkunden des Lemberger Stadtarchivs herausgab, erkennt, S. 7 Anm. 25, daß bis zur Mitte des XVI. Jahrh. die Urkunden der moldauisch-fürstlichen Kanzlei, »wie allgemein bekannt«, russisch verfaßt seien. Derselben Meinung ist auch Prof. C. Jireček. In der Besprechung meiner Ausgabe der alten moldauischen Chroniken (Arch. f. slav. Phil. Bd. XV, S. 81 ff.) behauptet er, daß die Sprache der moldauischen Urkunden »meist entschieden russischen Typus« habe, ja diejenigen die E. Kałużniacki in Hurmuzakis Documente Bd. I, 2 (1890) veröffentlicht hat und meist die Beziehungen zu Polen betreffen, »von ganz russischer Art« seien[1].

1) Es sind dieselben, die 1887 V. A. Uljanickij, mit geringerer Genauigkeit und mit teilweiser Vernachlässigung der ursprünglichen Orthographie, in »Матеріялы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши usw. въ XIV—XV вв.« herausgegeben hat: Auszug aus den Чтенія имп. общества ист. и древ. росс. при московскомъ университетѣ.

Derselben Überzeugung hat auch der Unterzeichnete in verschiedenen Abhandlungen und in seinen Vorlesungen über ältere rumänische Diplomatik, die er seit 1894 mehrmals an der Bukarester Universität gehalten hat, Ausdruck gegeben.

Wenn aber über den allgemeinen Charakter dieser diplomatischen Sprache, die seit dem XVIII. Jahrh. bei den Rumänen nicht mehr im Gebrauche ist, keine Meinungsverschiedenheit bestehen kann, ist ihre nähere Charakterisierung nur durch ein eingehendes Studium aller Bestandteile, die sich in diese Sprache eingeschlichen haben, möglich. Es ist das Verdienst A. J. Sobolevskijs, dieses Studium eingeleitet zu haben, zuerst in den Очерки изъ исторіи русскаго языка, Кіевъ 1884, S. 59—64, wo er sich mit der Sprache der galizisch-volhynischen Urkunden befaßt, dann in den Лекціи по исторіи русскаго языка, I. Ausg. Кіевъ 1888, II. Ausg. С.-Петербургъ 1891, wo er auch auf moldauische Urkunden Bezug nimmt, allerdings nur nach der Ausgabe Uljanickijs. Sobolevskij behauptet S. 16, daß die Sprache dieser Urkunden im Grunde weiß- oder westrussisch (бѣлорусскій, западнорусскій) sei, aber eine ziemlich starke Mischung mit südrussischen Elementen (съ южнорусскою примѣсью) aufweise, und beweist das gelegentlich der Beschreibung aller phonetischen und morphologischen Eigentümlichkeiten der weiß- und südrussischen Dialekte in ihrer historischen Entwicklung. Das hat einen jungen rumänischen Slavisten, Herrn Ilie Bărbulescu, nicht gehindert, die Behauptung aufzustellen, daß »die Sprache und die Orthographie der moldauisch-slavischen Texte bulgaro-slavisch seien, kombiniert mit Serbo-slavischem und Russisch-slavischem«: Cercetări istorico filologice, București 1900, S. 67. Ebenda S. 59 wird gesagt, daß die slavische »lebende Sprache« in der Moldau »ein dreifaches literarisches Konglomerat (»compromis«) aus dem Bulgaro-serbischen als Fundament und mit Einschaltungen russischer Elemente« sei. Die Russismen der moldauischen inneren Urkunden sind für ihn »anorganische, hie und da auftauchende Elemente«, während diejenigen Urkunden, die die Beziehungen des Fürstentums Moldau zu Polen betreffen, in einer »russisch-polnischen« Sprache verfaßt seien und eine »russische Orthographie besitzen« (S. 60): diese Sprache und diese Orthographie wurden von den moldauischen Herrschern als eine »Kondeszendenz Polen gegenüber« aufgefaßt und in ihre Kanzlei eingeführt (S. 63). »Die diplomatisch-politische Sprache war, dem polnischen Königreiche gegenüber, neben der polnischen auch die kleinrussisch-slavische« (S. 64). In dieser heillosen Begriffsverwirrung, die einem [illegible]lichen Mangel [illegible] diese Zeilen

geschrieben. Der Charakter der betreffenden Sprache wurde von Sobolevskij ganz richtig erkannt; die Aufgabe weiterer Forschung ist es ihn näher zu bestimmen. Seit 1887 ist viel neues Material hinzugekommen; in den Staatsarchiven des Königreichs Rumänien, in Privatarchiven und in der Bibliothek der rumänischen Akademie befinden sich ganze Schätze urkundlichen Materials, die sprachlich noch gar nicht verwertet wurden. Ich werde hier nur kurz und zusammenfassend die Resultate meiner Auslese geben, da ich anderswo diesen Gegenstand vollständiger behandeln werde.

Man kann das ganze urkundliche Material der moldauischen Kanzlei in zwei Teile sondern: a) innere Urkunden, meistens fürstliche Schenkungen an Bojaren (жалованія) und Klöster (данія) und Bestätigungen aller Art Abmachungen unter den Bojaren und deren Nachkömmlingen, betreffend den ländlichen Grundbesitz[1]); b) äußere Urkunden, meistens Huldigungsakten und Allianzverträge mit den polnischen und ungarischen Königen und mit den litauischen Fürsten, Privilegien an polnische und siebenbürgische Kaufleute (z. B. an die Lemberger und Kronstädter), politische und Handels-Korrespondenzen, Missiven usw.[2]).

Diese Urkunden sind in russischer Sprache verfaßt, denn man kann eine Sprache, die in phonetischer und morphologischer Hinsicht alle Eigentümlichkeiten besitzt, die den russischen Dialekten (groß-,

---

1) Am besten sind Urkunden solcher Art von Hasdeu, Archiva istorică a României, 4 Bde (București 1865—67) herausgegeben; einige auch in Hurmuzakis Documente, Bd. I, 2 (1890) und Bd. II, 2 (1891) von E. Kałużniacki. Weniger brauchbar sind Golovackijs Грамоты угровлахійскія и молдавскія in der Лѣтопись занятій археогр. коммисіи, IV (1868); Melchisedeks Chronica Hușilor (1869) und Chronica Romanului, 2 Bde (București 1874—75); Ghibănescus »Uricariul« Bd. XIV (1889) und XVIII (1892): die früheren Bände dieser großen aber unkritischen Sammlung wurden von Th. Codrescu besorgt; desselben »Surete și izvoade« und »Ispisoace și zapise« (bis jetzt je ein Band, Jași 1906); Orest Popesculs »Câteva documente moldovene« (Cernăuți 1895) und andere kleinere Sammlungen. Die Zeitschriften zitiere ich nicht.

2) Außer in den bereits erwähnten Ausgaben Hasdeus, Uljanickijs und Kałużniackis, befinden sich solche Urkunden in meinen »Cinci documente slavoromâne din archiva curții imperiale dela Viena«, București 1889 (Huldigungsakte der moldauischen Herrscher an Joh. Hunyadi); »Documente moldovenești din sec. XV și XVI în arhivul Brașovului«, București 1905 (Handelsprivilegien und politische Korrespondenzen mit den Bürgern von Kronstadt in Siebenbürgen, Briefe einiger Bojaren und Stadtbehörden); »Contribuții la istoria Moldovei între anii 1448—1458«, București 1907 (Verträge moldauischer Herrscher mit Mitgliedern der Familie Buczacki aus Galizien) und bei St. Nicolaescu, »Documente slavoromâne«, București 1905, S. 85—165 (Kronstädter Urkunden) und S. 167—206 (Bistritzer Urkunden): über dieses Machwerk siehe meine Kritik in den »Analele Academiei Române« für das Jahr 1906/07. — Einige Verträge mit den litauischen Fürsten sind in Акты западной Россіи, Bd. I, gedruckt: für Sprachstudien unbrauchbar.

klein- und weißrussisch) gemeinsam sind, wohl nicht anders als russisch nennen. Der einzige Unterschied, der zwischen inneren und äußeren Urkunden besteht, ist, daß die letzteren viele polnische Elemente aufweisen, die sich teilweise durch ihren Inhalt, teilweise durch den Einfluß der polnischen Bevollmächtigten auf ihre Abfassung erklären. Manche wurden sogar auf polnischem Gebiet, in Sniatyń, Kolomyja, Lwów niedergeschrieben. Keine ist rein polnisch. Es läßt sich auch bemerken, daß die kleinrussischen Bestandteile ebenso in den inneren wie in den äußeren Urkunden auftreten und desto reicher sind, je mehr sich die Sprache von den ältesten Vorlagen der litauisch-russischen Kanzlei entfernt. Mit der kleinrussischen Aussprache waren die Moldauer, besonders in den nördlichen Teilen des Fürstentums, wo die Hauptstadt Suceava lag, ziemlich vertraut, während das Weißrussische ihnen ferner lag. Die ältesten inneren Urkunden sind ganz frei von polnischen Elementen.

Ich werde nun im Folgenden unter drei Gruppen die wichtigsten Merkmale dieser diplomatischen Sprache, soweit sie in den ältesten auf moldauischem Gebiete geschriebenen Urkunden[1]) auftreten und mit besonderer Berücksichtigung der phonetischen, zusammenstellen: a) die gemeinrussischen, b) die weiß- und kleinrussischen, c) die speziell kleinrussischen; in der Anordnung schließe ich mich an die Klassifizierung Jagićs an (Arch. f. slav. Phil. Bd. XX, S. 33—34), die mir die zweckmäßigste erscheint. Die Beispiele sind nur aus solchen Urkunden des XIV. und XV. Jahrh. entnommen, die ich im Original kenne; der Kürze wegen zitiere ich Daten, Ausstellungsorte und Ausgaben nicht, bemerke nur daß die Zitate aus den oben Anmerkung 1 und 2 angeführten Werken alle nach den Originalen richtiggestellt wurden und daß die ursprüngliche Orthographie immer beibehalten wurde.

a) Im Vergleiche mit der mittelbulgarischen Sprache der walachischen Urkunden, haben die moldauischen folgende gemeinrussische Merkmale: *e* = *o*: ѡдинъ (ѡдина, ѡдна, ѡдно), ѡжє, ѡзєро (einmal ѡжєроиъ Ulj. S. 84). *ъ*, *ь* = *o*, *e*: возмєть, возрить, посол; во, ко, со; бєзо лсти, надо иною; ѡстатокъ, початокъ, пѧтокъ; ѹгорскїи; pl. gen. бочокъ, сотъ; вєсь, дєнь, почєншє; pl. gen. овєць, sg. nom. рꙋбєль. *r̥* + cons. = *or*; *ьr* = *er*; *rъ*, *rь* = *ro*, *re*: горло, коршитн, корчьма, торгъ (торгꙋвати), хорнєць (= горнєць, altbulg. гръньць); вєрба, вєрхъ, жєрствило, наипервоє, pl. gen. ѡвєршїи, sg.

1) Ich schließe absichtlich die auf galizischem Gebiete gegebenen Urkunden aus, denn man kann nicht leicht feststellen, ob sie von polnischen oder von moldauischen Schreibern herrühren.

gen. сердца, твердо (потвердити, потверженїе), терпѣти; кровь, крестъ (-ть). $\underset{\circ}{l}$ + cons. = *ol*; *lъ*, *lь* = *lo*, *le*: sg. gen. долгополѣ, должник, молвити, молчати, полнити, столпъ; без лести, слеза; für *lo* habe ich kein Beispiel verzeichnet. *oro*, *olo*: коронити, воротити сѧ, городъ (городище, загородити), дорога (дороха), король, сторона; болото, володиславъ, волость, голова (головное, голѡваты), золотыи, pl. gen. колод, sg. loc. колодѧзи, молодъ, sg. nom. солод, ac. солодкоу (солоткꙋ), холопъ. *ere*, *olo*: березникъ, веремѧ (sg. instr. веременемъ), перевозъ, перед, пережe, поперекъ (-кь), серебро, череваты, черезь (чересь); für *olo* = лѣ habe ich kein Beispiel gefunden. *žd*, *št* = *ž*, *č*: принуженъ (принуженїе), прѣжe, рожество (рожство), чꙋжїи (sg. gen. f. чꙋжеи); sg. dat. дчери, pl. gen. кошаричъ, мочь (помочь), inf. мочи, gerundia auf -чи: обѣчаючи сѧ, слюбуючи, чтꙋчи, хотѧчи usw. Daß ѧ als *ja* gelesen wurde, unterliegt keinem Zweifel, vgl. моѧ = f. моꙗ 1400 und die rumänischen Wörter витѧзь, грозѧ, костѧ, нѧтедул = viteaz, Grozea, Costea, Neatedul (heute Netedul) 1395, *Jacько*, ꙗцко und ѧцкова 1374, 1400, 1409; попшѧ, илїѧшъ = Popșa, Iliĭaș (Ilijaš) 1423 usw. Dem Schwunde des *g* vor *n*, des *l* nach *k*, *g*, (*z*) begegnete ich nicht: потѧгнути, оутеклъ, моглъ. Was die Formenlehre anbelangt, so finden wir regelmäßig -ого im sg. gen. des zusammengesetzten Adj.: бѣлого, иного, ис҆ного, красного, руского, сочавьского, шер[ьб]овьского; -ть in der 3. sg. und pl.: юсть (есть), суть, имꙋть usw., aber auch юстъ usw.; -амъ in pl. dat. der *o*-Stämme: sehr oft селамъ, selten городамъ, панствамъ, селнищамъ, vgl. селахъ und селох nebeneinander 1472, мѣстах 1499; und das Pronomen тотъ, тото, тота statt той.

b) Von den dem Weiß- und Kleinrussischen gemeinsamen Merkmalen kommen in den moldauischen Urkunden *or* = *ir*, *ro* = *ri*, *ž* = *dž* nicht vor. Die Endung der zusammengesetzten Adj. ist, mit wenigen Ausnahmen[1]), -ый, -ій, geschrieben -ъи, -ыи, -ии, -їи, einigemale -ъи[2]), kontrahiert -ы, -и: велебнъи, вѣчнъи, написанъи, мольдавьскии, полскии, молдавскы, цѧцинньскы, хорловскы, валаскии; будушчии, нынѣшнии, послѣднии usw. Шиꙗ (шїа), die ziemlich oft vorkommt, lautet nie шеꙗ (шея). *g* ist manchmal durch

1) Sg. nom. *vjernoi* 1374 (wahrscheinlich ein Fehler des Abschreibers), коломыиской 1457, староста подолской посполитой 1458; воевѡда великой in einer russisch verfaßten Urkunde vom J. 1408 des walachischen Woewoden Mircea (Ulj. No. 16).

2) Самодержѧвнъи 1392, роженъи 1458.

h, *v* sehr oft durch *u* ersetzt: sg. gen. долха (nom. propr.), мохила, ѹхорскыи, подлѹх, холдъ (холдовати) statt des öfteren голдъ (голдовати, голдованїе), похребь, с хорнцом, бохѹшъ (rum. Buhuș) und богѹшь, дорохѹн und дорогѹнскы, хринковичь und гринко, хоѹдичь und гоѹдичь — *h* fällt aus in wсподарь, олдь (олдовати) —; оѹ (= въ), оѹноѹкъ (оѹноѹчатомъ, праоѹноѹчатомъ), оѹсе (оѹси, оѹсѣхъ, оѹсѣмъ usw.), оѹсѣкого, оѹздадѹтъ, оѹздержати, на оѹзлѣсїе, оѹзмогѹтъ, оѹзнаменали, оѹзнесенїе, оѹзритъ, оѹзѧти, оѹспоминати, оѹстат(и) usw., sogar оѹлада, оѹладова (= sg. gen. влада, sg. nom. владова, von владъ). Statt весь kommt einigemale ѹвсе vor (pl. gen. ѹвсих, dat. ѹвсим). Der Übergang von *k*, *g*, *h* in der Flexion in *c*, *z* (*dz*), *s* wird regelmäßig bewahrt: pl. nom. велици, предци, рѹсци, молдавсцїи (auch брашовстїи, оѹгоръстїи), sg. dat. васѹтци (von васѹтка), пасицѧ (= -цѣ), рѹцѣ, слѹзѣ (слѹзи, слѹѕи), loc. дорозѣ, aber auch оѹ лоѹцки 1388, pl. nom. молдавскїи 1462, 1466. Die Dativendung *-ovi -evi* wird sehr oft angewendet: господареви, декханышеви (decanus, Dechant), дидови, дневи, королеви, монастиреви, родови, владиславови, владови, иванови, нѣгоеви, петрови, строеви usw., geschrieben auch -овѣ -евѣ, -овы -евы: казимировѣ, королевѣ, wтцевѣ, мцьковы. Ebenso die Endung *-ove -ovъ* im pl. nom. und gen.: комрове, возове, домове (als pl. ac.), панове, писареве, предкове, прїѧтелеве (-евѣ), свѣдкове, сасове, татарове usw.; возовь, вороговъ, городовъ, пановъ, перевозовъ, предковъ, селовь, господаревъ, злодїевъ usw. Die Endung *-mo* vertritt oft in der 1. pl. die Endung *-mъ*, aber es wird, unter polnischem Einfluß, auch *-my* (-мꙑ, -мы) *-mi* gebraucht: есмо, чинимо neben есмꙑ (есми), чинимꙑ, въправимꙑ, вызнавамы (-ми), имамꙑ usw. Seltner ist das Futurum mit *imu*, *mu*: иметъ дати oder дати иметъ, иметъ жити, — погнати, — повести; имѹть кѹпити, — понти, сѧ имѹть коротити; не мочи мемъ, ико мочи мѹмъ.

c) Von den phonetischen Eigentümlichkeiten der kleinrussischen Sprache kommen in den moldauischen Urkunden, wie in den galizischen des XIV. und XV. Jahrh., *o* = *i* und *e* (russ. *ě*) = *i* nicht vor; es sind jüngere Lauterscheinungen. Alle anderen sind reichlich vorhanden. *e* und *i* sind durchgängig hart; ich brauche dafür keine Beispiele anzuführen. *ѣ* wird sehr oft durch *i* (geschrieben и), und ы durch и ersetzt: билыи (билогородскыи), виданїе, вира (adj. виринии), гнивъ, [illegible], дило, того дилѣ (-лѧ), злодїи, изминна, лисъ, мина, мисто [illegible] [illegible] [illegible]дилы, пасика, пин[illegible]зь, привиснти, розди- [illegible] синожать [illegible] ѹд[illegible]ати, хо-

тити, циловати, цина usw.; високъ, више, доситъ (= досыть), ми, нинѣ (нинешнии), оумислъ, оуслишити, пустини, рива, тисѧча, велики, великих, малих, вѣрним, малими, готовними, pl. ac. злати, далекнѣ, aber добувати, добувалъ, wie heute im Klr. ы statt и ist entweder als hartes klr. y oder als Resultat der Vermischung von и und ы aufzufassen: вытѧзь, inf. заплатиты, крывда (gewöhnlich кривда), мыханлъ, никыта, dat. ыцьковы, до оустыѧ (= -тїи, -тїа), на оустыоу, шбръшыє (= шбершїє). Das Suffix -*ицъ* (-*иця*, -*иця*) ist weich: sg. gen. граници, dat. волховцю (nom. волховець), мистцю, nom. богородицѧ, кръницѧ, рѣдцѣ (poln. radca), съпорницѣ, gen. волчинцѧ (nom. волчинець), зрадцѣ, штцѣ, сердцѧ, сѫдцѣ, ызловцѣ usw.; vgl. двухнадцѧт. Das Inf. endet regelmäßig in -*ти*, sehr selten in -*тъ* (-*ть*): слюбѹемъ въиправитъ его 1433—43; и҃ der Originale ist in -ити aufzulösen, nicht in ит, wie einige Herausgeber es getan haben.

Selbstverständlich finden wir in der moldauischen Urkundensprache außer den bereits angeführten, auch andere Eigentümlichkeiten der russischen Dialekte, diejenigen ausgenommen, die sich erst später, etwa im XVI. Jahrh., entwickelt haben (wr. *dź* = *ź*, *dz* = *d*, *c* = *t*, u. a.). So gehen die Finalen *o*, *e* in *ъ*, *ь* über und die letzteren schwinden gänzlich: adv. тутъ, как, инак aus туто, како, инако; ажь, ижь (аж, иж, ажъ, ижъ), гдеж, заноуж, шпрочь (шproч) aus аже, иже, гдеже, заноуже, шпроче, die neben den verkürzten Formen gebraucht werden; das finale *i* geht in *ь* über und *ь* schwindet dann gänzlich: бѹдь, бѹд (бѹд що, — кто, — какїи, — где) aus бѹди; *ѣ* wird durch *e* vertreten, das im r. und wr. so geläufig ist: pl. беки, бера, беренъ, loc. вѣре, вечнии, sg. gen. брегу, дело, недели, крепость, немецъ (pl. dat. немъцемъ), пред, предковъ, подле, поехати, привесити, хоте (= хотѣ, хоть) usw.; *e* wird *o* nach palatalen Konsonanten: зачо[л], ничого, чоловѣкъ, ни ѹ чом, чорным, чорторынскым, чотыри; вышолъ, пришолъ, нашоиу, нашои, нашою, шолкъ; жона; *e* wird *ë*: loc. всомъ, днохъ. Sogar dem Übergange der akzentlosen *a*, *o*, *e* in *e*, *a* (dem sogenannten Akanje der weißrussischen und großrussischen Dialekte) begegnen wir einigemale: adj. кнегининъ, ac. мерзечку, учестїе, оуноучетомь, праѹнѹчетом, neben кнѧгининъ, мерзѧчкымъ, участїе, оуноучатомъ, праоуноучатомъ; sg. instr. сумаю statt сумою 1388 (Ulj. Nr. 3)[1]; к нѧму 1434 (= к нему). Spuren des Akanje zu Ende des XIV. Jahrh. wurden auch in russischen

1) Im Науковый Сборникъ I (1865), S. 192: сѹмою.

Denkmälern von E. Th. Karskij und A. I. Sobolevskij konstatiert[1]). Außerdem sind viele kleinrussische Lauterscheinungen die in den galizischen, volhynischen und podolischen Urkunden des XIV. und XV. Jahrhunderts vorkommen, auch in den moldauischen reichlich vorhanden. So *e* = *ю*: **вызнаваюмъ**, **знаюмъ**, **слюбуюмъ**, sg. gen. **кролювъства**, sg. dat. **тютки**, **юн**, pl. dat. **дѣдичоумъ**; *o* = *y*, wo das heutige Kleinrussische *i* hat: **броуд**, **булшее** (**наибѹлшее**), **докул**, **дрѹбныи**, **кѹлко**, sg. loc. **кумъ**, **тоулко**, auch **коруна** (poln. korona), **скузѣ** (= **сквозѣ**); *e* = *ē*, *i* in pl. gen. **зѣмль** (siehe Sobolevskij, Очерки, S. 60) und besonders im Suffix *-enьje*: sg. gen. **кр(е)сшчѣнья**, **порушѣнїа**, **ивлѣньа**, instr. **привол ѣньемъ**, sogar **потвержинье** (vgl. **потвержѣне** in der Urk. Mirceas v. 1403, Ulj. No. 16), **прирожынье**, gen. **оумышлиннѧ**; **исъ**, **ис**, **и** oder **изъ**, **из**, **з** = **съ**, **илвовъ**, **илвовскїи**, **искладъ** (**искладати**), **ишкода** (**ишкодникъ**) = **львовъ**, **львовскїи**, **съкладъ** (**съкладати**), **шкода** (**шкодникъ**); sg. gen. **чсти** und **чти** = **чьсти**, **розства**, **розтва**, **роства** = **рожьства**, und vieles andere.

Wenn wir uns die angeführten sprachlichen Eigentümlichkeiten der ältesten moldauischen Urkunden vergegenwärtigen, so müssen wir unbedingt zu dem Schlusse gelangen, daß die Sprache dieser Urkunden identisch ist mit derjenigen, die von den litauischen Fürsten in den russischen Ländern gebraucht wurde und mit Władysław Jagiełło in die polnische Kanzlei Eingang fand und für russische Angelegenheiten daselbst lange Zeit im Gebrauche blieb. Die westrussische Sprache konnte in der Moldau nicht denselben Entwicklungsgang haben wie in Polen und Litauen. In diesen Ländern hat sie desto mehr kirchenslavische und polnische Bestandteile, je älter sie ist; den reinen Volksdialekt gab sie nie wieder; zuletzt entwickelte sich die bekannte, durch das litauische Statut charakterisierte offizielle Sprache (vgl. Jagić, Arch. f. slav. Phil. XIX, S. 291). In den moldauischen Urkunden dagegen überwuchern die kleinrussischen Elemente; hier und da treten auch kirchenslavische (mittelbulgarische) vor, ganz besonders in den Klosterurkunden. Die polnischen Elemente beschränken sich auf einige phonetische Eigentümlichkeiten, die meistens in polnischen Wörtern vorkommen, **ц** statt **ч** (**щ**), **е** statt **ое**, **ро**, **ло** statt **оро**, **оло**, **а**, **ѧ** statt *ą*, *ję*, **ан** statt *ą*, *ę*: sing. dat. f. **ѡсвѣценоі**, m. **освѣценому**, **премоґуцему**. pl. dat. **будуцимъ** neben **освѣченному**, **будучимъ** (**буду-**

1) [illegible] по исторіи [illegible]

цимъ), sg. gen. u. instr. моци (= мочи, мочью); adj. оусєсєрдєчнє (= -оє); бронити, владислав, кроль, кролица, кролова, кролевьство, sg. gen. пленины; вѣрна служьба служити, добра рада радити = wierną służbę służyć, dobrą radę radzić; вымвъши, кнажата = wyjąwszy, książęta; андровашу (neben андровошъ), с танчина = Ądrowążu, s Tęczyna. Allerdings haben die Huldigungsakten der Woewoden und Bojaren und die Verträge mit den polnischen Königen und den litauischen Großfürsten sehr viele polnische Wörter, polnische Redewendungen und ganze polnische Sätze, die von den moldauischen Schreibern nach dem Diktate der königlichen Bevollmächtigten einfach so wiedergegeben sind, wie sie gesprochen wurden. In den inneren Urkunden ist das polnische Element sehr schwach vertreten. An seine Stelle tritt das mittelbulgarische, das aber nie so deichhaltig ist, um die russische Physiognomie der Sprache zu verdecken. Das schließt nicht aus, daß es auch rein mittelbulgarische Urkunden gibt, wie z. B. die vom Metropoliten Josif für die Klöster Neamț und Bistrița im Jahre 1407 ausgestellte[1]), die auch hinsichtlich der Schriftgattung sich von den fürstlichen gleichzeitigen Urkunden unterscheidet: jene ist in der Halbunziale der kirchlichen Handschriften, diese meistens kursiv geschrieben. Die Zahl solcher Urkunden, meist von kirchlichen, selten von Stadtbehörden oder Privatleuten ausgehend, ist unbedeutend[2]). Damit ist aber nicht gesagt, daß in der fürstlichen Kanzlei nie Urkunden oder Briefe in mittelbulgarischer oder serbischer Sprache verfaßt wurden[3]). Die offizielle Sprache der moldauischen Kanzlei blieb aber ennoch immer die russische.

1) Das Original im Bukarester Staatsarchiv; gedruckt bei Hasdeu, Arch. ist. I, 1, S. 140.

2) Siehe z. B. einen Brief des Richters und der Bürger von Vaslui an die Kronstädter c. 1450—1500, in meinen »Documente moldovenești în arhivul Brașovului«, S. 61.

3) Siehe die moldauischen Briefe aus dem XV. und XVI. Jahrh. an die Kronstädter in meiner oben zitierten Schrift und Miklosich, Monumenta serbica S. 557, Spomenik XI, S. 90.

Bukarest, Juni 1907. *J. Bogdan.*

Lidové pověsti o původu tabáku

hojně rozšířené zvláště na ruském východě jsou zajímavé s dvojího hlediska, jednak, že se v nich zračí mínění lidu o této požívatině, jednak že jsou poměrně mladého věku, nezasahujíce původem svým za XVII st. Tím jsou důležité pro dějiny vývoje tradic lidových.

V ruských tradicích lidových došel výrazu silný odpor proti užívání nové této zámořské byliny, které kladli zvláště kruhové církevní, po případě rozkolničtí velký odpor. Akademik Ozereckovskij sděluje mimo jiné různé své spory s rozkolníky, na př. výklady proti holení vousů, také co odpovídali, když jim dovozoval prospěšnost šňupavého tabáku; vypravovali jemu zvláště, že tabák vznikl ze smilnice, odvolávajíce se na rukopis, kde byla hrubě vykreslena ženština, ze které vycházel tabák[1]). To byla legenda oblíbená a silně rozšířená, i literární formou svou zajímavá, původem svým dosud záhadná, neb aspoň nevysvětlená. Toto »сказаніе отъ книги, глаголемыя Пандокъ, о хранительномъ быліи, мерзкомъ зеліи, еже есть табацѣ« jest v literatuře již dlouho známo. Vydal je nejdříve N. Kostomarov[2]), několik slov promluvil o něm také akademik A. N. Veselovskij[3]). Děj klade se do doby pohanského krále Anepsia. Jistá jeptiška, jménem Jezavel propadla smilstvu a porodila dceru. I tu rozpálil Satanáš na smilství. Bůh jí sice poskytl čas dáti se na pokání, ale marně, a tak poslal anděla a dal zemi rozestoupiti se: zemé rozestoupila se na třicet loket a pohltila smilnici živou. Satanáš načerpal v jejích útrobách »чашу полну мерзости и скверности любодѣянія ея« i vykropil na zemi nad její mrtvolou: i vzrostla bylina, a tu pohané na rozkaz satanášův pro radost rozsadili a nazvali tabák. To slyšel všecko král Anepsij od anděla, když byl, postrašen hrozným snem, utekl ze svého sídla. Potom pak na domluvy andělovy vrátil se na svůj

[1]) М. И. Сухомлиновъ Исторія россійской академіи II, 332.

[2]) [illegible] русской литературы [illegible] 1860 [illegible]—484. Srv. ještě [illegible] картинки IV, 266 [illegible]

[3]) [illegible]

stolec. V téže době šel lékař Tremikur hledat bylin léčivých a našel na poli nad nějakou propastí, kde anděl Hospodinův byl smilnici srazil, jakousi bylinu. Satanáš vnukl mu myšlenku, aby bylinu tu utrhl a k ní přivoněl. Pokochal se jí, neb zapomněl na strasti pozemské. Vzal bylinu i semeno, zasadil do své zahrady, začal ji trhati a k ní voněti, i vesel choditi, jako opilý, a rozplodilo se velké množství této byliny. Lidé divili se, jak se tento člověk opíjel. Ukázal jim bylinu, prodal ji. A tak rozšírila se bylina, a tak začali opíjeti se lidé; mnozí kladli ji na oheň a dým její vdychovali do úst dýmkami. Opilí a omráčení lidé přicházeli před palác královský, a tu na mnoze dokonce mrtvi klesali. Viděl to kral Anepsij a divil se, odkud to. Mučením vyzvěděl na pohanech, že mají v sadech jakousi podivnou bylinu a tou že se opájejí, že ji koupili od lékaře Tremikura. Zavolán Tremikur před krále a ten ukázal králi místo, kde našel bylinu. Dal král na místě tom kopati i vykopali jámu hlubokou přes třicet loket, našli pak mrtvolu smradlivou (трупъ мерзокъ и смрадъ, и зловоненъ, смердящъ), pouhé kosti, tělo všecko setlelo. Vyzkoumal pak král, že jsou to pozůstatky smilnice, která v jich městě před dvanácti lety žila, seznal bližší její život i konec její za hrozné bouře, která se byla tehdy nad jich městem rozpoutala. I vzpomněl král Anepsij na onoho anděla božího a jeho zjevení. Dal se pak král Anepsij pokřtíti a přijal jméno Aleksij, a s ním zároveň množství knížat a pánů a lidu obceného přijalo křest. Bůh pak poslal svého anděla, aby proklel tuto bylinu, plod hříchu. Proklel ji z návodu andělova biskup, a lidé pobožní vytrhli ji ze sadů svých. Jen ti, kteří se nedali pokřtíti, rozvezli tuto bylinu po dalekých krajích pohanských, nekřtěných. Tam pohané tutu bylinu rozplodili a všude rozvozili i do Němec, mezi Turky, Tatary, Čerkasy, a odtud opět se rozšířila »k nám křesťanům«.

Původ této pozoruhodné legendy jest temný, dosud pokud vím není odhalen. A. N. Veselovskij na uv. m. nemohl říci o tom nic určitého a zůstavil otevřené otázky, možno li v této zajímavé legendě shledávati zpracování nějaké starší apokryfické látky upravené podle potřeb časových, aneb nějaké samostatnější dílko ve slohu a směru známých legend církevních a asketických. V zakončení jejím lze zajisté shledávati jistý vliv rozšířené stati asketické »listu s nebe« čili t. ř. epištoly o svěcení neděle.

Do lidu nezdá se že tato legenda hluboce pronikla. Připomíná se bohužel příliš povrchně, že ve Vjatské gub. se vypravuje, jak tabák vzrostl z hrobu krvosmilníků (sestry a bratra) aneb z hlavy smilnice, o které vypravuje evangelium, aneb z těla zbloudivší jeptišky zabité od hromu, aneb konečně z hrobu jakéhos nezvěstného člověka (Simbir.

gub)[1]. Patrně jen pověst na třetím místě připomenutá souvisí s naší knižnou legendou. Podobná verse byla zapsána pokud vím pouze v Terské oblasti[2]): Dívku shřešivší zabili, a zakopali daleko od vesnice u cesty, neboť byla toho nehodna, aby byla pochována na svatém poli. Po čase vyrostla tu bylina širokolistá. Pocestnému vnukl čert, aby list s té byliny utrhl, stočil, zapálil. Našel v tom zalíbení a chtěl bylinu vytrhnouti. Začal rýti, ryl, ryl, až viděl, že kořen byliny vycházel zrovna »изъ с... ля«. »Tak hle odkud jest tato prašivá bylina.«

Poněkud příbuzná jest legenda zapsaná v Homelském okr. Mohylevské gub[3]). Dívka brávala k sobě do postele psa, až ním shřešila a porodila štěně. Otec ji zabil a zakopal. Na hrobě vyrostl za nějaký čas tabák. Dívali se lidé, jaká to je bylina, odkud jdou její kořeny, kopali a poznali, že kořen jde »чаразъ тютьку съ самаго пуза дѣвки тыя« (skrze štěně ze samého břicha této dívky). A tak pojmenovali bylinu tjutjun. Jest to očividně etymologická povídka, a patrně byla za tím účelem etymologisačním přepracována známá látka knižná.

Mimo to rozšířeny jsou různé pověsti o původu tabáku. V jedněch vyrostl tabák z těla Jidášova. Tak vypravuje legenda východohaličská[4]): Jidáš oběsil se a visel, až se provaz přetrhl. Tělo spadlo na zemi a shnilo tak, že od toho pták letící nad ním spadl a zahynul. Na tom těle vyrostl tabák. Legenda ta ví dokonce, kde vyrostly různé druhy tabáku: »Kruhlan« na tváři, silnější »margotka« na břiše, a nejostřejší »kolozdra« na zadnici. V litevské[5]) versi byl původ tabáku spojen ještě s čertem: Když puklo tělo oběšeného Jidáše a vypadla střeva, litoval čert, že by taková zloba měla vymizeti ze světa, a proto vysel střeva se vší jeho zlobou po zemi. Z nich vyrostl tabák bylina se vší hořkostí a špatností, jako byl Jidáš. Připojena ona mravoučná tendence, která jest vlastníruské legendě: kdo užívá tabáku, dostane jakoby špatného ducha Jidášova; kdo jej semletý cpe do nosu, zahání tím svatého ducha, kterého bůh nám vdechl nosem. Jest to proto velký hřích kouřiti z dýmky aneb šňupati.

Ještě v Bosně[6]) jest známa tako legenda, leč v podání mnohem prostším

1) С. Максимовъ Нечистая, невѣдомая и крестная сила str. 9.

2) Г. Малявкинъ Станица Червленая Кизлярскаго Отдѣла Терской области Этнограф. Обозрѣніе X, str. 58, č. 4.

3) Е. Романовъ Бѣлорусскій Сборникъ IV, str. 23 č. 19.

4) Володимир Гнатюк Галицько-руські народнї Леґенди II (Етн. Збірн. XIII). str. 238 č. 415.

5) C. Jurkschat Litauische Märchen und Erzählungen [illegible]

6) Босанска Вила VIII (1893) str. 174

»Nečist« se ze střev Jidášových vysypala na zemi, a z ní po nějakém čase vzrostla jakási bylinka—tabák.

Jiné legendy kladou vznik tabáku do mnohem starších dob. Legenda zapsaná v Černigovské gub.[1]) dává vznikati tabáku podobně jako právě uvedená o Jidáši. Když Bůh se rozhněval na čerty, začal je shazovati s nebe; jeden z nich narazil se na uschlý dub a visel tam, až se začala z něho sypati hniloba. Ta spadla na zem a z ní vyrostl tabák. Lidé začali pak tabák šňupati a kouřiti.

Jiná maloruská legenda[2]) klade vznik tabáku do doby krále Davida, ne starozákonního, než nějakého jiného, jehož dobu a kraj neudává. Jediný syn toho krále svedl krasavici zaměstnanou v službách královských, a byl za to od soudců podle přísných trestů této země odsouzen a sťat. Dívka denně chodila na jeho hrob a prolévala hořké slzy. Z nich vyrostla krásná, zelená, vysoká bylina. A dívka modlila se k Bohu, aby na důkaz odpuštění způsobil, aby lidé celého světa si zamilovali tuto bylinu. I Bůh učinil jí po vůli. Připojena etymologická povídka o původu jména tabáku »ťuťun«. Za dívkou chodil všude i na hrob její psík. Dívka odháněla ho, aby bylinu nepoškodil, a volala naň ťu-ťu-ťu-ťu... Podle toho byla pojmenována ťuťun.

Jiná zase jest polská povídka, která byla zapsána ve Varšavě podle vypravování lodníka rodilého z Haliče[3]). Vypravuje jak ošklivá a hodná dcera kovářova obsloužila Ježíše vodou, utřela mu vlastním šátkem bradu. Ale hezká sestra její zošklivěla si, vyplivla a vysmála se. Ježíš chtěje se odvděčiti učinil ošklivou dívku v peci hezkou. Jest tu sled známé a rozšířené látky o omlazování stařen a p. Kovář chce pak sám učiniti hezkou dceru ještě hezčí: než upálil ji na prach. Na radu Ježíšovu rozsel potom tento prach po poli. Za krátko vyrostla z něho bujná bylina. Lidé začali sušiti a kouřiti její listí, ale vždy musí plivati po zlé kovářově dceři, která plivla na Pána Ježíše.

U Mohamedánů spojena pověst o vzniku tabáku, již nikoliv tak tendenčně upravená, s Mohamedem. V Alžíru vypravuje se[4]): za dob Mohamedových mluvili ještě hadi. Jednou v zimě našel Mohamed zmrzlou zmiji a soustrastí jat strčil ji do svého rukávu. Když jí teplo vrátilo život, vystrčila nevděčná hlavu a řekla proroku, že ho kousne, neboť jeho lid stále pobíjí její lid, jeho plémě jest ve válce s jejím plemenem, a přísahala pomstu jménem Allahovým. Nečinil prorok

1) Гринченко Этнографическіе матеріалы I, str. 10 č. 17.
2) Кіевская Старина 1890, sv. XXX, str. 326.
3) Wisła XIV (1900), str. 68.
4) Revue des traditions populaires III, 385.

námítek, než prosil ji jen, aby ho kousla jménem Allahovým. Kousla ho zmije do ruky, a prorok pustil ji, aniž by jí byl způsobil zlo. Mohamed vyssál jed z rány, a vyplil jej na zemi. Z toho vzrostl tabák, tato podivuhodná rostlina, a tak má i hořkost jedu zmijina, i sladkost sliny prorokovy. Tato legenda jest podle všeho dosti rozšířena po mohamedanském světě, nebot byla nalezena také bulharská její verse v okrese Tulčanském[1]).

Jinde v Bulharsku byla pověst o vzniku tabáku upravena se stanoviska protitureckého. Aspoň v Sofijském kraji byla zapsána taková verse[2]): Sázeli se jednou Mohamed a sv. Ilija, kdo jest z nich větší junák, kdo z nich více umí křičeti. Mohamed vylezl na velký strom, křičel, křičel co mohl, ale na Iliju dojmu neučinil. Potom zdvihl se Ilija až do oblak a rozkřičel se, až se země zachvěla a Mohamed se pos . . . Z toho lejna vznikl tabák. Turci z úcty ke svému světci řekli si, že třeba byliny té k něčemu užíti, začali ji sušiti a kouřiti. Proto mají Turci tabák za svatý a nejvíce ho požívají.

Habešští kněží[3]) rozšířili tradici, že tabák vyrostl z hrobu Ariova, který má u Habešanů úlohu zlého ducha. Tabák přísně se zapovídal. Jinde zase jako na ostrově S. Vincentu věří, že zapovězené ovoce v ráji byl právě tabák, a jeho listy zakryli si Adam i Eva svou nahotu[4]).

Ku podivu řídká jest pověst odvozující vznik tabáku ze samého čerta. Vypravuje se vlastně jen na Ukrajině, mimo versi nahoře uvedenou ještě následující[5]): Čerti dlouho, všemi možnými způsoby zkoušeli bohabojného mnicha, ale marně. Na konec zapálili dub před jeho poustevnou, myslíce, že ho tím vylákají ven, že totiž půjde hasit. Mnich zaklel čerta v tomto dubě, dub začal srůstati a čert byl v dubu tak roztlačen, až krev z něho vytekla. Aby krev tato nepropadla, začali pohrabáči rozhrnovati list na dvě strany. Tak vyrostla tam bujná, listnatá tráva. Pricházejí páni, trhají listí, a to zdá se jim býti tak libovonným. Tak začali je rozkrajovati, kouřiti, šňupati. Nevyrostl tu tabák všude jednaký, tam lehký a tam silnější, horší »korinci«, »marchotka«, »lystatyj«. Jelikož tedy tabák vzešel z krve čertovy, nehodí se kouřiti.

Rušti starověrci, filiponi, usedlí ve východním Prusku[6]), kladou vznik

1) Сборникъ за народни умотворения II, одд. 3, str. 166.
2) Ib. VII, одд. 3, str. 138.
3) Revue des trad. popul. III, 484.
4) Ib. 484.
5) Гринченко Этнограф. Матеріалы III, str 11 [illegible]
6) [illegible] Dähnhardt, Natursagen I, 55

tabáku až ke stvoření světa: Anděl, který měl Bohu přinésti z hlubin mořských hrst země, ponechal si také něco v ústech. Když Bůh rozsypal zemi a řekl »Staniž se«, rostla také země v ústech andělových. Anděl volal o pomoc, na přání boží vyplil zemi, a z té vyrostl tabák a chmel.

Čert naučil člověka tabák sázeti, tabáku užívati. O tom jest zvláštní rozkolnický verš z doby novější[1]), výtvor čistě knižní, který není v žádné souvislosti s lidovými tradicemi. Pověst v Kurské gub.[2]) zapsaná vypravuje, jak člověk na svých cestách po klášterech uviděl na jednom místě tabák. Zdálo se: hle brambůrek kvete, natrhej jablíček s něho, zakopej je do horkého hnoje; tu pustí odnože, ty zasaď, zalévej, zalévej... Udělal tak člověk, jak mu sen kázal. Chodil denně dohlížet, až dvanáctého dne spatřil, jak tam seděl žid. Ten mu pověděl, aby po šest dní tam nechodil, že vzejdou samy. Tak se i stalo. Nakopal hrádečku, zasadil a opět pilně zaléval. Dívala se na to také sv. Neděle a řekla mu »dal Bůh? či ne dal Bůh? jakému Bohu jsi se modlil, ten i dal« a poradila mu, chce li spasení své duše, aby se zřekl, ale chce li býti boháčem, ať dělá, »koho jsi prosil, ten ti dá... Bůh nedal, Bůh jest na nebi a tvůj v svinském chlévě«. Podíval se člověk do chléva a tam viděl čerta ve zlatě. Čert řekl mu, že i on bude ve zlatě. »Čeho jsem si přál, to dal mi Bůh« — »Tu není Boha, buď mým soudruhem!« odpověděl mu čert a poradil mu, aby nikoho neposlouchal, jen zaléval, a jak vyroste, aby lístečky olamoval a semeno schovával, pak bude boháčem.

Tabákem i kořalkou sváděl čert nejraději muže bohabojné, mnichy, poustevníky. Tak vypravuje jiná maloruská legenda z Jekaterinoslavské gub.[3]) o nějakém poustevníkovi v záporožských lesích divokých, jak si začal stýskati, nemodlil se, nejedl. Tu přišel k němu čert a přinesl mu nádobku s práškem »šňupej, a budeš jako o dvou«. Poustevník šňupl, jednou, po druhé, po třetí, kýchl a bylo mu veselo. Druhý den zjevil se opět čert a přinesl mu trávu a dýmku, i šekl mu »zakuř si, a bude ti jako o třech«. Zakouřil si poustevník a rozveselil se ještě více. Konečně přišel čert ještě třetí den a přinesl mu nádobku s kapkami, »jak vypiješ, bude ti jak o desíti«. A tak bylo nyní poustevníkovi veselo, vypil, zazpíval si, zatancoval... O jakýchsi zhoubnějších následcích tabáku, kořalky tato povídka neví.

---

1) Лѣтописи русской литературы и древности V (1863), отд. 3, str. 108.
2) Кіевская Старина 1893, sv. XL, str. 547.
3) Ib. 1898, sv. XXI, str. 20.

Ve Vologdě vypravuje se zcela prostě, že jakýsi neznámý černý myslivce naučil statkáře pěstovati tabák[1]). U Malorusů haličských[2]) vypravuje se, že čerti v začarovaném mlýně o půlnoci melou tabák, ve mlýně, jehož mlynář chtěl, pod mostem ukryt, zařvav jako medvěd, postrašiti Krista a Petra Pavla, a byl za to v medvěda přeměněn.

Legenda o původu tabáku spojila se místy s látkou o závodě čerta a sedláka, tak v povídce, zapsané v severovýchodních Pomořanech[3]): Tabák vynašel čert a nikdo neznal jméno této byliny. Jednoho dne viděl sedlák, jak čert vysázel velké pole bylinami. Neznal jich, byl zvědav a ptal se čerta, co tu sází. Pohádali se a vsadili se: uhodneli sedlák do tří dnů, jak se bylina ta jmenuje, připadne mu celé to pole se vším, co na něm je; neuhodneli, propadne jemu duší a tělem. Sedláku pomohla, jak se ve versích této povídkové látky zhusta vypravuje, selka se svou lstí. Svlékla se do naha, vlezla do bečky dehtové a vyválela se v peří, tak že byla jím pokryta po celém těle. Šla pak na ono pole čertovo, pobíhala mezi brázdami a místy skláněla se k zemi, jakoby listy chtěla ožírati. Sotva ji čert spatřil, vyběhl z domu, aby velkého toho ptáka zaplašil, tleskal do rukou a volal »Pšš.. pšš — ty velký ptáku! Půjdešli z mého tabáku! Pšš! — Pšš!« Žena věděla dost, utekla domu a pověděla muži jméno byliny. Tak tedy řekl sedlák třetí den jméno čertovi, vyhrál sázku, dostal pole s tabákem a od té doby začali sázeti tabák.

Podobně se vypravuje též u Maďarů[4]), že čert dal sedlákovi semeno tabákové, aby je vysel, a pohrozil mu, nebude li věděti jméno jeho, až se vrátí, že zahyne. Další průběh jest stejný jako v pomořanské versi.

Ještě v Chrvatsku v okolí Karlovce[5]) byla zapsána zpřízněná verse: Čert smluvil s hrabětem, že bude mu sloužiti celý rok za 40 zl. a kousek země v jeho zahradě, kde by vysel svoje čertovo semínko. Až vyprší rok, musí hrabě uhodnouti, jaké je to semeno; neuhodne li, bude on muset sloužiti mu celý rok. O tomto čertově semínku nebylo ničeho v hraběcích knihách a marné bylo všecko jeho študování. Pomohla mu z nesnází jakási cizí žena, nikoliv manželka jeho. Nevystrojila se tak jako ve versi zapsané od Ul. Jahna, než šla přímo tak, jak byla, k té bylině; a obcházela stále, nevšímajíc se nijak, že se čert zle na ni osopoval, do konce holí ji hrozil. Rozhněvala ho konečně tak, že se

1) С. Максимовъ op. cit. str. 9.
2) Твори Степана Руданського II, 197.
3) Ulrich Jahn Volksmärchen aus Pommern und Rügen I, sr. 265 č. 51.
4) Oskar Dähnhardt Natursagen I, 194.
5) R. Strohal Hrvatskih narodnih pripovijedaka knj. I, str. 180 č. 58.

zapomněl a ve své zlosti vyřkl slovo »tabák«: »Kaj ćeš mi ti gad stari gadit *tabak*, odhajaj sada valja iz vrta«. Hrabě ukryt zaslechl slovo, a tak vyhrál sázku.

Čert naučil lidi kouřiti z dýmek, jakož i šňupati, o čemž jest řada maloruských povídek v různých obměnách. Čert sedí ve svých bažinách, jde cestou a kouří z dýmky. Potká ho člověk a požádá ho, aby mu dal aspoň jednou potáhnouti si. Čert dal. Člověk vykouřil dýmku a ještě poprosil na cestu, i řekl, znamenitá to věc tabák, i sílu udržuje i zahřívá. Vyprosil si semena a začal pěstovati tabák ve své zahradě. Tato v Jekaterinoslavské gub. zapsaná pověst[1]) nemá jak viděti žádné tendence nepřátelské tabáku.

Velice jest rozšiřena následující pověst od východní Haliče až do gub. Smolenské, Kalužské, ba až na Kavkaz ovšem s různými dosti nepatrnými obměnami. V Sambor. okr. v Haliči[2]) byla již před dvacíti lety zapsána povídka vypravující o pohřebních slavnostech, které vystrojil čert své matce. Čert sezval mnoho lidí, také popy ke pohřbu své matky a po pohřbu pohostil lidi ve svém domě. Lidé neoplakávali čertovu matku, a čert těžce to nesl. Po hostině natřel čert tabáku a pobízel své hosty »dosud jedla ústa, nechať nyní jí nos«. Lily se nyní slzy z očí čertových hostů. Spatřil to moudrý Šalomounu, šel k Bohu a vyložil mu, že jest potřebno dáti lidem tabák a dýmky, aby kouřili a plivali na čertovu matku. Svolil Bůh, a tak začali lidé kouřiti a plivati a říkati »fuj na čertovu matku«. Vítr roznesl tabák po světě. Lidé rozešli se s tabákem a dýmkami domů: a tak nyní jedni šňupají a pláčí nad čertovou matkou, druzí kouří z dýmek a plivají na ni. Ve verších z Bučac. okr.[3]) vých. Haliče přinesl místo Šalomouna Kristus a ne Bůh lidem dýmky. Podobně vypravuje se v Homel. okr. Mohylevské gub.[4]) a v Smolenské gub.[5]). V jiné versi z Jekaterinoslav. gub.[6]), patrně pokažené, nevypravuje se více, že čert naučil své hosty šňupati a Bůh pak kouřiti. Vypravuje se tu jen, že čert sehnal všecky čerty, když jeho matka zemřela. Sebrali se kuřáci s dýmkami a šňupáci se svými růžky, a rozesedli se do dvou řad. Kuřáci vytáhli z dýmky dým a

---

1) Манжура Сказки, пословицы и т. п. str. 145.

2) Данило Лепкій Чортъ пôсля понятій и вѣрованя люду — Зоря VIII, 44. Житє і Слово III (1895), str. 374 č. 35. Етнограф. Збірник V, 169. Český překlad od Fr. Řehoře: Zlatá Praha 1891, č. 44 str. 522.

3) Етнограф. Збірник XII, str. 72 č. 77, 78.

4) Романовъ Бѣлорусскій Сборникъ IV, str. 23 č. 16 pozn.

5) Добровольскій Смоленскій Этногр. Сборн. I, str. 282 č. 47.

6) Драгомановъ Малорусскія народныя преданія str. 13 č. 38.

plivali čertově matce mezi oči, až ji celou poplivali. Šňupáci seděli tiše, natáhli tabáku z růžků do nosů, a slzy jim tekly, jakoby plakali. Pochválil je čert, že sebe rozveselí i po nebožce pláčí. Lidé dověděli se, že čert pochválil šňupáky, začali samí tlouci tabák a potahovati z růžků, jako ti čerti, kteří plakali nad čertovou matkou.

Něco obměněna byla povídka ta v Kalužské gub.[1]). Čert sezval na pohřební slavnosti své nebožky tchýně kuřáky a šňupáky. Kuřáci kouřili, kouřili a plivali, všecky oči jeho tchýně poplivali. Rozhněval se čert a vyhnal je všecky. Ale šňupáky nechal u sebe, šňupali a slzy tryskaly jim z očí. Podobně vypravuje se v Terské oblasti[2]), že proto si čert nejvíce váží šňupáků.

V těchto versích nejeví se tedy tendence proti tabáku vůbec, než jen spor mezi šňupáky a kuřáky. Šňupání bylo do nedávné doby mezi lidem běloruským a velkoruským silněji rozšířeno než kouření[3]), než i tu jevil se odpor proti šňupání, jak viděti z uvedených versí. Že se pak kouření považovalo aspoň za menší hřích než šňupání, jest ještě viděti z legendy zapsané u staroobrjadců Kijevské gub.[4]). Jidáš prodával šňupavý tabák o něco levněji, než kuřlavý, jen proto, aby uvedl v hřích a zahubil více lidu.

Ostatně podle jiné maloruské pověsti z vých. Haliče[5]) nenaučil právě Bůh aneb jeho vyslanec, Šalomoun, lidi kouřiti z dýmek, než čert: Od dávných dob byl tabák, ale páni neuměli ho užívati. Sypali na plechovou mísku tabák, kladli naň žhavé uhlí, a dým pak lapali otevřenými ústy. Kdysi o půlnoci, když se odbýval panský ples, přišel čert do svinského chléva, nabral svinského lejna, z toho nadělal dýmky a ty podal pánům, aby z nich kouřili. Pokud byl s nimi čert, dotud měli dýmky, ale jak čert zmizel, zmizely i dýmky. Páni potom poručili hrnčíři, jak jim má udělati hliněné dýmky. Od té doby tedy vešly dýmky v užívání.

Vášnivý odpor proti čertovské trávě, který jsme shledali v knižní legendě, připomenuté na počátku toho našeho článku, projevil se zvláště v některých povídkách zapsaných v Samarské gub. a na Kavkaze. V nich spojil se tento motiv s rozšířenou látkou o kajícném zbojníku, kde na důkaz odpuštění ne jabloň rozkvete a libé ovoce ponese, než tři černá

1) Максимовъ op. cit. str. 10.
2) Этнограф. обозрѣніе X, str. 58 č. 3.
3) П. В. Шейнъ Приговоры или причеты о табакѣ. Труды Эт[illegible] отд. Имп. [illegible]юб. естествозн., антропологъ и этногр. VII, 183.
4) Ib. 18[illegible]
5) [illegible]

jehňata zbělejí. U kozáků Slěpcovské stanice Sunženského oddílu Terské oblasti[1]) vypravuje se, jak vrah a loupežník Trofim Bezštannyj dvacet let již pásl tři černá jehňata, modlil se dvacet let, ale jehňata nezbělela. Nicméně nereptal, než stále pásl. Konečně přece opouštěla ho trpělivost, a když jednou se zastavila blízko cesty velká karavana čumáků, zoufal si, že si již nevymodlí spásu, že všecko jest marné, a tak všecky čumáky ve spánku zabil. Prohlížel pak zboží, a všude byl tabák, který byl mu zcela neznám. Rozhněval se, že ničeho nenašel pro sebe a tak rozhodl se, že všecko spálí: mrtvoly, vozy i všecek tabák. Když to vše shořelo, zpozoroval, že jeho černá jehňata zbělela jako sníh. Zaradoval se a pověděl to onomu kouzelníku starci, který mu byl tuto pokutu uložil. Pověděl mu stařec, že nyní jest sňat hřích s jeho duše; třeba že mnoho lidí zabil, ale ten hřích se mu odpustí, protože spálil tu čertovskou bylinu tabák. Neboť jinak by se byla rozlezla po světě mezi lidmi, a kolik by lidí pokálelo se touto nečistou bylinou, přijalo by hřích na svou duši. Tou vraždou zachránil mnohem více lidí od hříchu, než jich zabil, a tak jest duše jeho čistá. Šel Trofim se starcem do své vesnice, zval ho do své chaty, a tam slyšel nářek ženin nad jeho mrtvolou. Stařec poučil ho, že nyní již jen duše jeho mluví s ním, mrtvola pak jeho leží na lavici. Ospravedlněná duše jeho odešla se starcem do ráje. Podobně vypravuje se v Samarské gub.[2]). — Zcela téměř stejná jest verse ze Stavropolské gub.[3]). Tu patrně jest pochybeno, že hříchy rozbojníku budou odpuštěny, až jeho tři bílé ovce zčernají. Dodáno mimo to, že zabil čumáky vlastně proto, že místo vody podali mu kořalky, vodky. Tento motiv protitabákový byl do těchto versí o kajícném zbojníku vsunut místo jiného motivu. Když podle jedné verse ruské[4]) nebyl rozbojníkovi odpuštěn třetí hřích, uložil mu poustevník stejnou pokutu, pásti stádo černých ovec a modliti se, až všecky zbělejí. Tři leta plnil rozkaz přísně, ale ovce stále byly černé. Tu začal jezditi tudy jakýsi člověk a prozpěvovati veselé písničky. Zbojník zeptal se, proč veselé písničky zpívá, a když slyšel jeho odpověď, že tím veselejší píseň zpívá, čím více lidí pobije, zabil ho svou dubinou. Když se vrátil k ovcím, viděl, že všecky zbělely. Tato povídka jest také známá na ruském jihu, pokažená verse její zapsána byla v Jekaterinoslavské gub.: Poslední hřích zbojníkův od-

1) Сборникъ матеріаловъ Кавказ. XVI, одд. 1, str. 202.

2) Садовниковъ Сказки и преданія самарскаго края str. 299.

3) Wisła V, str. 57. Сборникъ матер. Кавказ. VII, одд. 2, str. 51 sl. Ю. Яворскій Очерки по исторіи рус. нар. слов. I, 15.

4) Аѳанасьевъ Нар. русскія легенды str. 94.

puštěn, když zabil člověka, který holí tloukl po hrobech volaje: »vstávejte, psí synkové, a jděte na robotu«. Toho člověka ani země nepřijme, řekl zbojníkovi pop, neboť jak panský dohlížitel nad robotníky tak je urážel, že není na světě hříšnějšího člověka. Zde tedy byla vnesena tendence socialní[1]). Na zbělení černých ovec pak zapomenuto. Zachováno jen tolik, že pásl ovce, ale nepřipomenuto, jaké byly barvy. Souvisí pak tato verse s látkou dosti rozšířenou zvláště od východní Haliče dále na východ[2]).

Velmi řídké jsou povídky, v nichž dochází výrazu jiné mínění, tabáku daleko příznivější. Nalezli jsme je u Malorusů a na slovanském jihu, kde jest tabák ve veliké oblibě. V Kurské gub. zapsána byla pověst[3]), jak Matku Boží přestala hlava boleti, jakmile si šňupla, a proto tabáku žehnala. Srbská legenda[4]) zase ví o tom, že byl tabák posvěcen od sv. Sávy, a že čertu se naopak zošklivuje dým tabáčný; když ústa zavánějí tabákem, pustí čert člověka.

1) Драгомановъ Малорусскія нар. преданія str. 131 č. 2.
2) Ю. А. Яворскій op. cit. I, str. 4 sl.
3) Кіевская старина 1893, XL, str. 548.
4) Босанска Вила XVI (1902), str. 95.

J. Polívka.

Матеріалы къ познанію русскихъ говоровъ Лифляндской губерніи.

Предлагаемые нами скромные матеріалы представляютъ извлеченіе изъ многочисленныхъ нашихъ записей и наблюденій, начатыхъ нами около 1893 года. Наблюденія производились нами не только въ городахъ (Ригѣ и Юрьевѣ), но, преимущественно, въ селахъ и деревняхъ, гдѣ русскіе живутъ либо отдѣльно, либо въ перемежку съ мѣстными племенами, эстами и латышами.

Исторія русской колонизаціи въ Лифляндской губерніи — дѣло не совсѣмъ ясное. Къ сожалѣнію, и матеріалы для рѣшенія относящихся сюда задачъ рѣдки и трудно находимы. Можно сказать лишь, что русскіе попадали въ этотъ край въ разное время (начиная съ очень древняго періода) различными дорогами и изъ различныхъ мѣстъ. Вотъ почему и лингвистическій матеріалъ, собираемый здѣсь, отличается пестротою, трудно поддается единообразной характеристикѣ и указываетъ на разнообразіе своего происхожденія и источниковъ. То же разнообразіе кидается въ глаза наблюдателю и въ отношеніи этнографическомъ, при изученіи обрядовъ, одежды и пр.

Мужское населеніе, приписанное къ деревнямъ, живетъ по преимуществу въ городахъ, а потому языкъ у нихъ сбивается и не надеженъ для изслѣдователя, желающаго опредѣлить именно мѣстныя особенности. Въ виду этого я старался записывать произношеніе и діалектологическія особенности, главнымъ образомъ, женщинъ и дѣвушекъ — и притомъ такихъ, которыя не покидали никогда своихъ родныхъ мѣстъ и не утратили діалектическихъ особенностей.

Я счелъ болѣе осторожнымъ не давать никакихъ общихъ выводовъ и характеристикъ, предпочитая выждать мнѣнія лицъ, болѣе меня компетентныхъ въ общихъ вопросахъ русской діалектологіи. Пускай они выскажутся по поводу собранныхъ нами матеріаловъ; наше дѣло будетъ либо подтвердить ихъ заключенія новыми соотвѣтствующими данными,

либо отвергнуть ихъ мнѣніе на основаніи собранныхъ нами фактовъ живой дѣйствительности.

Въ расположеніи матеріала мы держались порядка академической программы.

Гласные звуки.

Вмѣсто *а—я*: Якулинушка, Якимъ, во сняхъ, обоссѣлися, святовья и т. д.

Вм. *о—а*: злавѝла, спарадѝла, вазьмѝтя, хадѝтя, паднасѝлъ, калѣчка, таргѝ, палавѝнки, славѐчекъ, три съ палтѝной, въ агародѣ, подъ акòшичкомъ, хаспадѝнъ, сакалà, залòй, марòзъ, папàдья, залатòй, Пскавьскòй, Пскавьскàя и т. д.

Въ родит. пад. един. числа прилагат. муж. рода обыкновенно слышится вм. *го—ва*.

Въ изглашеніи вм. *о—а*: нỳжна.

Вмѣсто *е—а*: тапèрь, жанѝлъ, съ шасти до шасти часовъ, расчашѝте, чатыре, Афремъ, карасинъ и т. д.

Вм. *е—я*: лящѝ, запрятили, на вярхỳ, привялѝ, въ сялѣ, мяжевскѝхъ, бярỳть, пярѝну, сястрѝцы, чясàлъ, въ сямью́, на бярегỳ, пякỳ, ня слышỳ, вазьмѝтя, увѝдитя.

Послѣ шипящихъ звуковъ вм. *е—о*: щоголѝхи, стражòй (твор. п. ед. ч.). Обратное явленіе я встрѣтилъ только въ словѣ: крожèвникъ.

Вм. *е—и*: Фидосѐй, зилèная, зилèзной, типло, стиклянòчка, беришкỳ, сивòдне, виздѣ, привосхòдная и т. д.

Въ изглашеніи *и*: нискòльки, тòльки, бỳдитъ, румяницъ и т. д.

Вм. *и—ы*: крыкъ, грымитъ, капрызный, на крылосу.

Обратно: оммàнивать.

Вм. *у—о*: только въ словѣ: крожèвникъ.

Вм. *у—ю*: рю́сська, ю́тро, по чюхòньски, скюпой.

Обратно: панухаешь, брунетка.

Вм. *у—ы*: только въ словѣ: сыхарѝ.

Вм. *ѣ—а*: цаловàла.

Вм. *ѣ—я*: вянòкъ, бядà, бягѝ, сняты, лянныя (лѣнивые), сляпыя, мясѝлъ, перемянѝть и т. д.

Обратно: сѣдуть (сядутъ).

Вм. *ѣ—и*: билаярова, дѝвкой-то, сминивать (мѣнять), обѝдать, мѝсяцъ, софсимъ, фси, фсихъ и т. д.

Вм. *я—е*: вежѝ (вяжи), везỳть (вяжутъ), сиводне.

Вм. *я—и*: свитà (недѣля) блѝзка, дèсить.

Обратно: кто-нябудь, ня оинòй.

Сохраненіе бѣглой гласной: во̀ши, ло̀бы.

Приставка гласной: они ишли.

Отпаденіе начальной гласной: спо̀лнилось.

Стяженіе гласныхъ: чичасъ, Маринска.

Согласные звуки.

Звукъ *г* въ большинствѣ случаевъ произносится средне между *г* (= лат. *g*) и нѣмецкимъ *h*. Этотъ звукъ я обозначу черезъ *гх*: гхора̀мъ, гхро̀зьной, гхлубо̀кое. Но въ слѣдующихъ словахъ *г* произносится, какъ *х*: хаспадинъ, пирохъ, рохъ и т. д.

Въ родит. пад. един. числа прилагат. мужескаго рода вм. *г—в*.

Вмѣсто *г—ж*: испужалась.

Вм. *к—х*: перехрястилась, до̀хтырь, хто и т. д.

Вм. *ку—кю* только въ словѣ: сахарькю̀.

Вм. *с—ш*: заштрахо̀вана, шта̀тный (статный).

Вм. *с—ч*: чичасъ.

Вм. *с—х*: хвищете, хвистокъ.

Вм. *зн—ст*: съ болести.

Вм. *ц—ч* только въ словѣ: половнѝчи.

Вм. *ж—з*: зилѐзной, вези (вяжѝ), порозьный.

Вм. *щ—шш* только въ ишшо.

Вм. *ш—х*: слухать.

Вм. *ч—ш*: канешно, машта.

Вм. *б—м*: омманя̀лъ.

Вм. *б—п*: рапьской вѣры.

Вм. *в—м*: испугамшись.

Вм. *в—л*: не осталяйся (не оставайся).

Вм. *в—к*: кукшинъ.

Вм. *в—с*: скусно.

Вм. *в—ф*: софсимъ, фси.

Вм. *у—в*: вда̀ритъ.

Выпаденіе согласныхъ: ока́зываюсь (отказываюсь), пробужайся, позно, легость, замнутый, замните, за ма̀кушу, сняты̀, ря̀пуша.

Уподобленіе согласнаго *д* слѣдующему за нимъ звуку *н*: моннѐй, намѐнни, роння̀, послѣннее, онну̀ю, въ занней.

Вставка согласныхъ: купля̀ть, охво̀ты.

Перестановка согласныхь: маркота.

Звукосочетаніе *ція* произносится, какъ *цця*: паля̀цця.

Въ прилагательныхъ на нскій звукъ *н* произносится очень мягко: чюхоньскій.

Особенности въ удареніи.

Спѐрва, чàстенько, папàдья, магàзина такая, цѣльнàя, толстàя, зàно-виски, заголòсила, оголòшанье, понялъ, взяла, вòзьмутъ, все рòвно, смѣшно, никòму, глàзы, плòтичка, на дочкàхъ, надъ моёй дочкòй, оннòму, за князя выхòди, вòши, никуды, лягла, мальцòвъ, учàтъ.

Склоненіе.

Смѣшеніе склоненій именъ существительныхъ всѣхъ родовъ: обѣи Бѣлоусовы (мужики), бòки, роды (род. п. ед. ч.), ничей заводы (род. п. ед. ч.), съ дитёмъ.

Родит. пад. ед. ч. именъ существит. муж. рода вм. *а*-*у*: съ рынку.

Мѣстный падежъ ед. ч. » » » вм. *ѣ*-*у*: на крылосу.

Именительный пад. множеств. числа:

вм. *а*-*ы*: глàзы.

вм. *ы*-*а*: волосà.

вм. *а*-*и*: бòки.

на *ья*: святовья, пузòвья.

Родит. падежъ множеств. числа: курèй, угрёвъ.

Смѣшеніе падежей един. числа именъ существит. женскаго рода: въ кòмнаты, въ сковородỳ, къ Мины, въ вàнны, плакала по косы, въ воды мыть, на робòты (род. п. ед. ч.), на охвòты, на ковры, по гòловы, по мòды, во втарòмъ этажỳ, къ сестры, на горы, въ Нàрвы, на Мызѣ, на щекѝ и т. д.

Прилагательныя.

Употребленіе прилагательныхъ опредѣлит. въ сокращенной формѣ: святà (недѣля), Маринска нѣмецка больница, крàсны волосà, буйну галòвушку, била курица и т. д.

Въ именит. пад. множеств. числа прилагательныхъ полныхъ всѣхъ родовъ чаще слышится *я*, нежели *е* и *и*: сляпыя, лянныя.

Вмѣсто мѣстнаго падежа един. числа прилагательныхъ мужескаго и средняго родовъ употребляется творит. падежъ: въ высòкимъ домѣ.

Мѣстоименія.

Вмѣсто въ немъ говорятъ: въ ёмъ много динехъ.

Вм. у нея говорятъ: у ей галова заболѝ.

Вм. тѣмъ — тымъ: подъ тымъ-то краемъ.

Вм. тѣ (именит. множ.) — тыи: тыи дивки.

Вм. съ тѣмъ — тыимь: съ тыимь и кончилася.

Вм. сами (именит. множест.) — самы.

Вм. въ этомъ — въ этымъ платьи.

Вм. его — яво, явоново кальцо.

Вм. ея — ейная: поихала ейная и явоная рода.

Вм. ихъ — ейныхъ: въ сыновьяхъ ейныхъ ключито.

Кромѣ упомянутыхъ выше формъ отъ личнаго мѣстоименія 3-ьяго лица, существуютъ еще слѣдующія: јонъ (им. ед.), јона (им. ед. ж. р.) аны, яны (им. мн. ч.).

Вм. оба и обѣ (именит. множест. жен. рода) — абѣи: въ насъ абѣи дьячки халастыя.

Спряженіе.

Въ 3-ьемъ лицѣ единств. и множеств. чиселъ отъ глаголовъ въ настоящемъ времени чаще всего встрѣчаются формы безъ окончанія *ть* и *тъ*: торгуе, не пойдё, заболя, съ ума сходи, сама сидѝ; но встрѣчаются также слова и съ окончаніемъ *тъ*: могитъ, учатъ, будитъ.

3-ье лицо ед. числа отъ ѣсть: ясти, ѣсти: сама сидѝ да ѣсти.

2-ое лицо единст. числа отъ глаголовъ: дать, ѣсть: дастишь, ѣстишь.

Вмѣсто есть употребляются слѣдующія формы: ести, есте, естя.

Встрѣтились еще и такія формы: скакаютъ, содержае.

Неопредѣленное наклоненіе.

Куда ихъ снесть? Несть самоваръ? Вясть (вязать)?

Причастія.

Омманилъ, накладено, убёгъ.

Повелительное наклоненіе.

Вм. поѣзжай — поѣдь.

Синтаксическія особенности.

Употребленіе нѣкоторыхъ словъ въ множест. числѣ вм. единств. числа: во сняхъ, на изгнанья, поѣду въ Валкъ на ярманки.

Употребленіе именит. падежа вм. винит.: два дяди видала.

Употребленіе родит. падежа вм. винит. отъ именъ существительныхъ мужскаго и средняго родовъ: терпѝ горюшка, кружевъ везутъ (вяжутъ кружева), яна собирае крожевнику.

Замѣна творит. падежа — родит. съ предлогомъ: онъ красивъ съ лица.

Весьма часто употребляется дательный падежъ вм. творит.: съ дровамъ, со слязамъ; онъ сняткамъ и пильсинамъ торгуе.

Согласованіе съ числительнымъ два: въ насъ два дяди, два кѳты да кошка и два голуба.

Вм. слова: лѣтъ употребляется очень часто слово: годъ; дисять годъ.

Замѣна одного предлога — другимъ:

Вм. *за*—*по*: по воду, по капусту.

Вм. *отъ*—*съ*: съ болѐсти.

Вм. *на*—*въ*: я иду въ рынокъ.

Вм. *у*—*въ* (очень часто): въ Ѳеклы, въ Палаши, конецъ въ иголки.

Сравнительная степень: гораздъ лутше, дылше (длиннѣе).

Употребленіе безличнаго оборота вм. личнаго: въ Ѳеклы и въ Палаши взято было.

Употребленіе причастія вм. личной формы глаголовъ: Она замерши, я испугамшись, я таперь не привыкши сидѣть въ наклонку, онъ шодцы, гдѣ ты съ голосу смининши, онъ красиво надѣвши.

Слышанныя мною характерныя выраженія: я сиводне не шьюся, за что зломала (зачѣмъ сломала?), я иссорила пять рублей, јонъ на дисять тысячъ богатъ, аны идутъ въ середку, не могу никакова луковьства соблюдать при сибѣ, мы любимъ гораздъ, дай мнѣ ожихариться (обжиться), мы маладыхъ отпивали (пѣли пѣсни на свадьбѣ), јона пише только крестивши, я надѣлась (одѣлась), бѣси — это, а не народъ, я такой роды ни читаю (не признаю), та улица фсихъ понравилась, торговки не онны не знаютъ, пить злой, фся деревня до чистà все щоголихи, фся чисто ругали, я не знаю, что тамъ дѣлаются фсяво, тамъ больши нѣмецкомъ языкомъ говорй, всяка миня сміется, будемъ двоичкою хлибать, какъ хайне плакать (какъ начнетъ плакать).

Пословицы, поговорки и стишки.

Пирохъ, какъ рохъ, начинка, какъ плѣшь,
  Подскакивай да ѣшь.

Деньгхи въ устахъ, а не въ кустахъ.

Святымъ кулакомъ да по праклятой шеи.

Вѣкъ жыть, не михъ шыть.

Скупо не жыть, ничего не быть.

Всякъ по своему съ ума сходи.

Стой дѣдъ на мосту
И крычи: »фсихъ обоссю!«

Хто табакъ курятъ,
Тѣхъ во адъ турятъ;
А хто нюхае,
Тотъ сзади трухае.

Словарь.

Ахво̀та, ахво̀тникъ, алеба̀рдовъ (оплеухъ), асѣда̀ть (тонуть), боло̀тникъ (бранное слово), вербница (Вербное воскресенье), вперѐжѐ (впереди), гальтись (смотрите), глазы̀рь (вѣтеръ, дующій въ глаза), гра̀бить (грести, напр., сѣно), дега́ется (насмѣхается), дружникъ (другъ дѣвицы, а также шаферъ), ебятина (дѣти), жи̇̀хыри (жители), загнѣти̇̀ть, загнѣжа̀ть (напр., самоваръ), зды̀нуться (подняться), иншій (иной), клещица (игла, которой вяжутъ рыболовныя сѣти), конецъ въ смыслѣ начала (какъ Вы съ конца заспивали?), кро̀шево, курва, лахти̇̀на (много крупныхъ рыбъ), ловчи̇̀ха (женщина или дѣвушка, занимающаяся рыбной ловлей), ло́дья (лодка, на которой привозятъ въ Юрьевъ дрова), лязгавка (мелкій лещъ), ма̀лецъ (неженатый, парень), ма̀сенькія (маленькія), наволожимъ (напр. масломъ кашу), нарумяниться (безразлично: быть набѣленымъ или нарумяненнымъ), недовижу (ненавижу), нетѐльки (бабочки), нечестивикъ (чортъ, бранное слово), нечистикъ (тоже), ожихариться (обжиться), окрутиться (нарядиться, одѣться), окру̀тный (нарядный), окрылась платкомъ (накрылась платкомъ), оголо̀шанье (опѣвяніе жениха), отпѣвать, опѣвать жениха, осталяйся (оставайся), отложить дверь (отворить), охря̀нуть (откашлянуть), паршивикъ (бранное слово), пахать (мести), побранка (брань), по̀судникъ (шкафъ для посуды), прахаждайка (проходимка), при̇̀передокъ (передбанникъ), приплодъ сдѣлать (навязать нѣсколько петелъ лишнихъ въ сѣти), про̀сты двери (отворены), русма̀нка, русма̀ночка (русская изъ внутреннихъ губерній), разхолонуться (разхолодиться), свольничили дивку (избаловали), ско̀питься (собраться), сняты̀ (снѣтки), соро̀ку, сорочку загнать (значитъ при вязаніи сѣтей сплести двѣ петли вмѣстѣ), стыръ (мачта), срощинница (воспитанница), старецъ (нищій), стуката̀ться (стучаться), страдать (играть, заигрывать съ дѣвками), суту̀га (проволока), тарелка въ значеніи блюдечка, торнуть ножикомъ, тягу̀хи (рукавицы), халудара (бранное слово), хламота̀ть (стучаться), читать въ значеніи признавать, шали̇̀вая галова (ругательное слово), шематокъ, шматокъ, шматъ (кусокъ), щибѐръ (большой лещъ), щуплый, щупленькій (худой, тощенькій), я̀йчка (петля въ сѣти), ярить (щипать, напр., руки, смазанныя масломъ, ярили), шщирка (крышка).

Искаженіе иностранныхъ словъ.

Адриссъ, ниферштетъ (университетъ), небель (мебель), карасинъ, корфикъ (корзина), шафрейка (чуланъ), трепка (лѣстница).

Владиміръ Бобровъ.

Slov. vьně, vъnъ.

Skupina slov, o kterých vykládá Miklosich Etymoł. Wtb. 396 s. v. *vŭnŭ*, pojívá se v jazykozpytné literatuře s různými slovy jiných jazyků idvr. Miklosich sám ukazuje na stind. *vinā* »bez«, se kterým hláskově na pohled skoro totožno je prus. *winna* »ven« (*winna perēimai* »heraußkommen«, tvarem 1. os. pl., Will 31); srv. Per Persson IF. II 213, kde citováni J. Schmidt KZ. XXVII 286 a Pott Etymol. Forsch. I[2] 718. Jinde se pomýšlívá na příbuzenství s ř. *ἄνευ*, při čem ovšem bývá řeč především o málo rozšířeném csl. *izvъnu* »z venčí« (Miklosich Lexicon 98 s. v. вънъ: извьноу antch. prol.-mih. kruš. men.-vuk. pat.-mih., извьноу града men.-leop.), na př. Brugmann Grdr. II[1] 615, Per Persson l. l. 203/4[3]. V novější době vykládá kmen **vъno-* Meillet Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave I 154 z **ud-no-*, ze staré idvr. předložky *ud*/*ūd* v stind. *út*, ř. *ὕσ-τερος*, sthněm. *ūz*, sl. *vy-* atd., rozšířené příponou -*n*-ovou (srv. sthněm. *ūzana* nněm. *aussen*, stind. *vinā* »bez« vedle *vi-* »roz-« a pod.); s tím srv. Brugmann Kurze vgl. Gramm. 463, Die Demonstr. der idg. Spr. (Abh. der phil.-hist. Kl. der Sächs. Ges. d. W. XXII, VI) 110[1], kde se s náležitou opatrností připouští možnost vzniku slv. *vъnъ* z **ud-no* nebo z **us-no-* (k tomuto srv. got. *us uz-*, sthněm. *ur-*).

Tyto výklady mají jeden rys společný: hledají pro adverbia významu »ven, venku« původ a příbuzenství v slovích významu podobně formálního, jaký mají ona adverbia. A to je aspoň zbytečno: právě adverbia významu onoho pocházívají i ze slov významu původně věcnějšího. Srv. na př. lat. *forīs*, *forās*, ř. *θύραζε* (již u Homera na př. i o moři, *ἔκβασις οὔπῃ φαίνεθ' ἁλὸς πολιοῖο θύραζε* ε 410, o ráně, *ἐκ μηροῦ δόρυ ὦσε θύραζε* [illegible] 694 [illegible] pod.), *θύρᾱσι*, *θύρᾱθεν*; lit. *laukè*, vlastně [illegible] poli [illegible] znamená [illegible] *laũkan* vlastně »na pole« [illegible] původního [illegible]

stind. *ārē* »v dáli« ald., Johansson BB. XV 315, Zubatý IF. VI 278) bohužel neznáme (lit. *óras* znamená »vzduch, povětří« a pod.), ale patrně byl také věcnější než formalní »venku, ven« [srv. И. Эндзелинъ Лат. предлоги I 52 n.]. Zvláště budiž připomenuto, že při těchto zde uvedených slovích se význam »venku, vně« vyvinul, ač jejich význam etymologický v jazycích o něž jde není zatemněn, t. j., ač se vedle nich užívá slov týchže nebo příbuzných i u významě původnějším: připustíme-li možnost podobného původně věcnějšího významu i při slov. *vьné*, *vъnъ*, byl vývoj podobný při nich tím možnější, že vedle nich zanikla slova původního významu věcného. A o výklad podobný se zde chci pokusiti.

Výkladu podobnému se zdá svědčiti především okolnost, že slova *vьné* »venku«, *vъnъ* »ven« docela mají ráz lokalu a akkusativu nějakého jména **vъnъ*. O hláskovém rozdíle mezi *ь* ve *vьné* a mezi *ъ* ve *vъnъ* (r. вонъ) snad mluviti ani netřeba: srv. Jagić Arch. I 17. Ani by nevadilo csl. *извъноу, které koncovkou se zdá odporovati souvislosti s nějakým kmenem na *-o-*: buď máme před sebou lokalní tvar na *-u* jako v slov. *tu*, *onu-de* a pod. (Hirt IF. I 30 n.), anebo vzniklo **jьz vъnu* vedle *vъnъ* prostým napodobením poměru **jьz domu* »z domu« vedle *domъ* »do domu, domů«[1]); je přirozeno, že pojmy »venku«, »ven« se týkaly odjakživa v první řadě rozdílu mezi domem a prostorem mimo dům. A ohlížíme-li se v příbuzných jazycích po příbuzenstvě k slov. *vьné*, *vъnъ*, mimoděk vzpomínáme stind. jména *vánam* »les« (a vedle toho střídáním významovým i odjinud známým též »strom«, »dřevo« a pod.). Slov. *vьné*, *vъnъ*, pův. »v lese«, »do lesa« by mělo mezi slovy nahoře uvedenými nejbližší obdobu v lit. *laukè*, *laũkan*, pův. »na poli«, »na pole«; a s prus. *winna* »ven« by doplňovalo Meringerovy etymologie IF. XVI 179 nn. i příslušníky baltsko-slovanskými, jichž postrádá Meringer na str. 183.

Slov. *vьné* by mohlo býti hláskově i historicky totožno se stind. *vánē* »v lese«, jako *vъnъ* s *vánam* »do lesa«, protože stind. *-an-* může býti, zvláště v počáteční slabice slova, i střídnicí původního slabého stupně **-ən-* (anebo, chceme-li, *-n̥n-*); měli bychom zde týž hláskový poměr co mezi slov. *mьnją*, *mьněti* a stind. *mányē*, ř. *μαίνομαι* **μανjομαι*. Ale nemám tuto možnost za nepochybnou. V jazycích stind. a avest. nalézáme i tvary, které nám dávají tušiti staré jednoslabičné neutrum,

---

1) Po případě (v srbském území) vedle *vъ domъ*, *na domъ*; prostý akkus. cílový *domъ* jak se zdá není pro jižní část slovanských jazyků zaručen, ač jej aspoň pro starší dobu lze s velikou podobností předpokládati.

jehož tvary mohly mívati kmenostup *ven- : vən-; tvary kmene na -o- by mohly v slovanštině i v jaz. stind. býti novotvary od sebe navzájem neodvislými, a stind. van- by mohlo býti i pův. stupněm ven-, a snad jím i jest podle okolnosti, že první slabika jeho různých tvarů tak důsledně mívá přízvuk. Tvary kmene souhláskového jsou na př. v starém lokale *vanar (vanar-gúḥ »v lese chodící«; vanar-ṣád »v dřevě sedící«; *vanar-jaḥ »v lese zrozený«, jméno nějaké rostliny; odvozenina vānaraḥ »opice«, vl. »lesní«, Uhlenbeck Ned. Taal- en Letterk. XIII 210 n., Etymol. Wtb. s. v.), v gen. sg. *vánas ve vánas-pátiḥ »lesa pán, strom«, v Rgvédě i v gen. pl. vanā́m, v lok. pl. vą́su[1]); v Avestě je vedle ženského (nepůvodního) kmene na -ā- (vana »strom«) i gen. pl. vanąm, ukazující též ke kmeni souhláskovému. Co je prus. winna sluší-li spíše ke kmeni souhláskovému či samohláskovému, jsou otázky, vůči nimž nedostatečná známost pruštiny nedopouští bezpečné odpovědi (iswinadu v aina kanxta iswinadu kanxtinsna »eine feine eußerliche zucht« Will 44 je mechanickou napodobeninou poměru stwen »tam«: is stwendau, stwendau »odtamtud«, a snad pochází přímo od Willa).

Po stránce hláskoslovné ani tvaroslovné nic nevadí domněnce, že slov. vъně, vъnъ je příbuzno se stind. vánam »les«. Po stránce semasiologické bychom museli předpokládati, že slov. vъně, vъnъ vzniklo — jakož z předu pravdě podobno — na vyjádření pojmů protivných pojmu domova, a že vzniklo v době, kdy mimo domov s jeho příslušenstvím (dvorem, rolí atd.) byly hlavně lesy. A uvážíme-li vysoké stáří slov vъně, vъnъ, plynoucí z okolnosti, že jsou všeslovanská, nic nevadí ani takovýmto domněnkám. I zde lze nám uvésti rozličné analogie na podporu našeho výkladu. Stind. áraṇaḥ znamená »cizí«, áraṇyam pak »cizinu, vzdálenost«, ale i »les, pustinu« (les i v pozdějších dobách je Indovi v první řadě pustinou, jíž se strachuje, v níž snadno zabloudí, v níž na něj číhají zákeřní lupiči a pod.); araṇya- v přední části složenin i adjektivum āraṇyaḥ slouží za označení rostlin a zvířat nedomácích, divokých proti domácím (v starší době se tak objevují často zvláště araṇyā́ḥ páśavaḥ »lesní zvířata« na rozdíl od domácích, zvaných grāmyā́ḥ paśávaḥ »osadní, v osadě žijící zvířata«). Právě tak stává i adj. vā́nyaḥ »lesní«, nebo vana- v složeninách; srv. petrohradský slovník s. v. vā́nya- (doklady z Rámájaṇa), nebo jména jako *vana-kaṇā »divoký pepř«, vana-puṣpam »lesní, polní květ«, vana-makṣikā »ovad«, vlastně »lesní moucha«, vana-mālā »věnec z divokých, nezahradních květin« (srv. Meringer l. l. 180) a pod.

1) Přízvukem [illegible] snad i stupněm kmenovým jsou tyto tvary docela [illegible] : gen. sg. [illegible], gen. pl [illegible] lok. pl. -ṣsu.

Podobně užívá latina výrazů jako na př. *silvestres tauri* (Plinius), *gallinae*, *arietes* (Columella), *silvestris rosa*, *faba*, *cicer cucumis*, *prunus* (Plinius) a pod. (docela jako řečtina, výrazů s *ἄγριος*) i o rostlinách a zvířatech nedomácích, která v dobách pokročilejších ani v lesích nebývají. Ulmann vykládá s. v. *mežs* takto: »Alles was im Deutschen mit *wild* im Gegensatz zum Zahmen bezeichnet wird, bekommt im Lettischen den Genit. *meža* [»Waldes-«] vorgesetzt, also *meža cūka* »das wilde Schwein«, ebenso *meža pīle* [»divoká kachna«], *meža zūss* [»divoká husa«], *meža zirgs* [»divoký kůň«] usw. *Mežá êt* [»do lesa jíti«] = *sevis péc êt* [»pro sebe jíti«] »seine Notdurft verrichten«. Významné je též spojení slov *dámē* — *vánē* v modlitbě k Agniovi RV. VII 1, 19 (srv. Meringer l. l.) *mā́ nō dámē mā́ vána ā́ juhūrthāḥ* »neubližuj nám v domě, ne v lese«, kde po způsobě ve védské poesii tak obvyklém antithesí *dámē* »v domě« — *vánē* »v lese« se má vystihnouti pojem vše zahrnující (asi »všude«, »kdekoli«); petrohradské slovníky zde přímo hledají význam »das dem Menschen nicht gehörige, fremde Land«, »Ferne, Fremde«. Máme-li zde před sebou dvojici antithetických pojmů »domov« — »les«, tak hojně a nepochybně doloženou, vznikají v nás ovšem mimoděk pochybnosti o správnosti všech jednotlivostí, o nichž vykládá Meringer IF. XVI str. 179 a n. Zejmena je nám pro stind. *vánam* význam »les« starší, než význam »pole« (v složeninách jako *vana-mālā*), ač ovšem připouštíme, že asi pojem »lesa« původně zahrnoval všecku nevzdělanou půdu vůbec, vyplněnou obyčejně z největší části lesem ve dnešním smysle slova, ale po případě i jinými útvary nevzdělaného povrchu zemského (takovýto širší význam sluší patrně zvláště stind. jménu *áraṇyam* i v době pozdější).

Co by mohlo se stind. *vánam*, slov. *vьně* atd. býti příbuzno v jiných jazycích idvr., nebudeme shledávati. Odkazujeme čtenáře na výklad Uhlenbeckův, Kurzgefaßtes etym. Wtb. der altind. Sprache s. v. *vánam*, Meringerův v pojednání Wörter und Sachen l. l., na kritiku Uhlenbeckovu PBB. XXX 325 a odpověď' Meringerovu KZ. XL 232. Narážíme zde v jednotlivostech na otázky, o nichž si zatím neosobíme soudu. Výklady Meringerovy zasluhují všecku pozornost, ale tato pozornost stále musí býti provázena i opatrností. A to opatrností na všecky strany. Hledá-li na př. Meringer l. l. 187 význam »orati«, »Ackererwerb, . . . aber jämmerlicher, mit den Mitteln der Vorzeit errungener, wie es ärmlichen Verhältnissen entspricht« pro sloveso *vanutē* AV. XII 2 36 *yát kṛṣátē, yád vanutḗ, yác ca vasnḗna vindátē,* | *sárvaṃ mártyasya tán nā́sti (na-asti) kravyā́c cḗd ánirāhitaḥ*, najde sotva souhlas sanskrtistů (Ludwig na př. překládá: »was einer erackert, was er *er-*

wirbt [*erkämpft?*], was mit der hand er sich verdient[1], | all das hat der mensch verloren, wenn der Kravyât nicht beseitigt ist«, Rigveda III 481): a přece kdo ví, nemohl-li by se konec konců dovolávati inchoativního slovesa *uňcháti* »sbírá klasy« (:něm. *wünschen*) na podporu svého mínění?

1) Ludwig patrně čte *hástēna* místo *vastēna* vydání Rothova-Whitneyova; čísti jest *vasnēna*, v. Böhtlingk-Roth VI 858, Whitney Index verborum 268, Harvard Oriental Series VIII 679 (zde překládá Whitney »and what one gains by pay«).

Josef Zubatý.

Berichtigungen zu »Kalina. Jana Parum Szulcego słownik języka połabskiego«.

Der erste Teil der Abhandlung von Kalina, die in den Krakauer »Rozprawy i Sprawozdania« B. XVIII und XXI erschienen ist, enthält bekanntlich den Abdruck des sogenannten Wörterbuchs von Parum Schulze nach der Abschrift des Originals, die im Lemberger Ossolineum aufbewahrt wird. Bei der Kollation dieser Ausgabe mit der Handschrift, die ich vor einigen Jahren vorgenommen habe, hat sich herausgestellt, daß nur einige Versehen und Fehler von Kalina selbst korrigiert worden sind (vgl. S. 80, die »Sprostowania i Uzupełnienia« enthält). Deswegen wird es hoffentlich nicht überflüssig sein, wenn ich ein ausführliches Verzeichnis all der Stellen zu geben versuche, die ich am Rande meines Handexemplars vermerkt habe, soweit die Nachträge des Herausgebers die nötige Korrektur nicht bringen. Solche Abweichungen von der Handschrift, die von keiner Bedeutung sind und folgerichtig durch den ganzen Text gehen, werden selbstverständlich nicht mit aufgenommen (z. B. der Unterschied zwischen langem und kurzem *S*). Andererseits können diejenigen Fälle nicht übergangen werden, wo Kalina nur gelegentlich vom Original abweicht, z. T. seine Schreibungen verbessernd, z. T. sie genau nachahmend, da man dadurch nur eine ungenaue Vorstellung vom Wert der Überlieferung bekommen könnte. Bei der sehr weit gehenden Ungenauigkeit unserer Quellen in der Wiedergabe der wirklich gesprochenen Laute der polabischen Sprache ist ungemein wichtig jedesmal genau zu wissen, in welchem Grade der gedruckt vorliegende Text die Handschrift ersetzen kann.

S. 18 *Leÿseynung* statt *Leyseynung*.

S. 19 *Mühsz dine* statt *Mühszdiene*.

S. 20 *Cessat* statt *Sessah*.

S. 21 *Johü* statt *Johü*.

Tühlne statt *Thülne*.

S. 23 Anm. [1]) gehört zu *Baddaja* Betten.

S. 24 *Peÿje* statt *Peyje.*
Peÿ john statt *Peÿjohn.*
Heÿde statt *Heyde.*
Kreÿwe statt *Kreywe.*
S. 25 *Schmÿ jsza* statt *Schmÿjsza.*
Leÿsa statt *Leysa.*
S. 26 *Po Züubee* statt *Pozäubee.*
S. 28 *Grot jo je* statt *Grotjoje.*
De taa statt *Detaa.*
S. 29 s. v. *Mahmmah* : *mohtÿ mamu* statt ***mohty mama.***
Streujah fehlt in 2.
Wanklang ze (*vanklangza* 2) statt *Van* ***klangze*** (***klangza*** **2**).
S. 30 *Kuzeÿ* statt *Kuzey.*
Liefiung statt *Liestung.*
Ta Ja dahl statt *Tajadahl.*
Nach *Runckawicz* fehlt *Dweÿse bährei* 2.
S. 31 *Dveÿse* statt *Dveyse.*
Preytöhr statt *Preythör.*
Pühtzehm statt *Püht zehm.*
Zart Jüw statt *Zartjüw.*
S. 32 *Prach od Stäuhl* (*Pragodtstäuhl* 2) **statt** ***Prachod Stäuhl***
(***Pragodt stäuhl*** **2**).
Heiddin Kammei statt *Heidin* ***Kammeis.***
S. 33 S. v. *Johwahraa* fehlt : (*Jahwaraa* 2).
S. 34 *Sti Jöht* statt *Stijöht.*
T. Jühn statt *Tjühn.*
S. 35 *Srÿbang* statt *Srybang.*
Schweinu (*Schweinü* in »Uzupełnienia« **ist falsch).**
Schweinjuh statt *Schweinjah.*
S. 36 *Teÿwack* statt *Teywack.*
Deÿwa statt *Deywa.*
Gunss Jahr statt *Gunssjahr.*
Pyjahngtey statt *Pujahngtey.*
Ştrids jar statt *Stridsjar.*
S. 37 *Tehl ja* statt *Tehlja.*
Månns statt *Manns.*
S. 38 *Saap ca* statt *Saapca.*
Sopeÿtje statt *Sopeytje.*
S. 39 *Jang Eÿm Jaacke* statt *Jang* ***Eymjaacke.***
Tung Pijahss statt *Tung Pijahs.*

S. 40 *Mih lolja un motey* statt ..... *mohtey.*
Z. 6 v. u. *Dieb brasehna* statt *Diebra sehna.*
S. 41 Z. 5 v. u. *jehm* statt *sehm.*
S. 42 *Mi Jang* statt *Mijang.*
S. 45 Z. 20 v. o. *peÿ* statt *pey.*
Z. 8 v. u. *veilje* stait *veitje.*
Z. 7 v. u. *Kreÿw* statt *Kreyw.*
S. 46 Z. 4 lies: *Johss zany* (*kaa*) *veitje heit* (*nimmer*) *minne tock peyohn peit Tid jesehna* .... (das in Klammern gesetzte ist durchstrichen).
S. 46 Z. 13 v. u. *wilt je* statt *wiltje.*
Z. 8 v. u. *ländey* statt *ländey.*
S. 47 *Wist jahn* statt *Wistjahn.*
Leidss zaar statt *Leidsszaar.*
Neyw statt *Neyw.*
S. 48 *Eÿ vlatzon* statt *Eyvlatzon.*
Li john statt *Lijohn.*
W. jungse statt *Wjungse.*
T Jüpitz statt *Tjüpitz.*
Eysaggohn statt *Eysaggohn.*
Dan wa wiest statt *Danwawiest.*
S. 49 *T. Jösöhr* statt *Tjösöhr.*
Weÿse statt *Weyse.*
Po Jäuber statt *Posäuber.*
So bahlsah statt *Sobahlsah.*
S. 50 *So wäusneitz* statt *Sowäusneitz.*
Prüh wesel statt *Prühwesel.*
S. 51 Z. 12 v. u. *T. Jübahl* statt *Tjübahl.* Am Rande steht noch: Ohrfeigen *Scrohseil.*
Z. 10 v. u. *wisseÿ* statt *wissey.*
S. 52 *T. Jäupal* statt *Tjäupal.*
Weÿ Parrin statt *Weyparrin.*
Wangzohl statt *Wangjohl.*
Zeÿwe statt *Zeywe.*
B. Johl statt *Bjohl.*
T. Jantige statt *Tjantige.*
S. 53 *Jang eymerson* statt *Jang eymerson.*
S. 54 *Heide* od. *Püdo* statt .... *Püde.*
S. 55 *Wan jinneh* statt ..... *jineh.*
Brest Joje statt *Brestjoje.*

T. Jüsac statt *Tjüsac*.
S. 56 *T Jama* statt *Tjama*, *T Tejammi* statt *Tejammi*.
Po Zanck statt *Pozanck*.
Po Zangscin statt *Pozangsein*.
Eÿsassern statt *Eysassern*.
Clangseÿ statt *Clangsey*.
S. 57 Z. 12 v. o. *de ta* statt *deta*.
Z. 15 v. o. *P. Jungsat* statt *Pjungsat*.
Z. 20 v. o. *Krÿjoht* statt *Kryjoht*.
Z. 26 v. o. *T. Jösör* statt *Tjösör*.
Z. 3 v. u. *Tungglad* statt *Tung glad*.
S. 58 Z. 1 v. o. *T. Jessey* statt *Tjessey*.
Z. 3 v. u. *Medän* statt *Medüu*.
S. 59 *Pan Tijüh* statt *Pantijüh*.
Kreÿdel statt *Kreydel*.
S. 60 *Wieneitz* statt *Vieneitz*.
Pleess neÿve statt *Plessneyve*.
Kasseÿve statt *Kasseyve*.
T. Jeddro Je statt *Tjeddroje*.
S. 61 *Zir Tijar* statt *Zirtijar*.
Bordeÿnang statt *Bordeynang*.
T Jüpal statt *Tjüpal*.
Zeÿen statt *Zeyen*.
Wass Tijej statt *Wasstijey*.
Streÿsin statt *Streysin*.
Moss Eÿstreÿsohn statt *Moss Eystreysohn*.
S. 62 *Päun* statt *Püün*.
Bugheÿbarro statt *Bugheybarro*.
V. Jungsat statt *Vjungsat*.
S. 63 Z. 1 v. o. *Meÿsah* statt *Meysah*.
Pi Jossic statt *Pijossic*.
Mohss Tibe wessd Jat statt . . . . . *wessdjat*.
Jiss wesd Jova statt *wesdjova*.
Wannÿ statt *Wanny*.
De ta qveÿle statt *Deta qveyle*.
De ta vühtze statt *Deta vühtze*.
S. 64 *De ta* statt *Deta*.
Dannäü statt *Dannäu*
Zeÿide statt *Zeyide*
[illegible] statt [illegible] *sodespen*

Jaa mart statt *Jaamart*.
Nitutizsa statt *Ni tutizsa*.
S. 66 *Mÿcrarindsa* statt *Mycrarindsa*.
Kleÿb statt *Kleyb*.
S. 67 *Mohla Wadjuhl* statt *Mohla Wadſuhl*.
S. 68 *Ey da wig* statt *Ey dawig*.
S. 69 S. 18 v. o. *Jeÿ* statt *Jey*.

S. 71 ff. enthält die Abhandlung von Kalina ein Verzeichnis der Eigennamen, die in der Chronik vorkommen. Dasselbe ist leider unvollständig, es hat aber keinen Zweck, Nachträge dazu zu liefern, denn ich hoffe in nicht allzu entfernter Zukunft die Möglichkeit zu bekommen, mein ausführliches Wörterbuch des ganzen polabischen Sprachschatzes zu veröffentlichen.

Moskau. *W. Porzeziński.*

Херцег Стипан Вукчић Косача и породица му у историји и народној традицији.

У својој књизи »Западна Европа и Балкански Народи према Турцима у првој половини XV. века« (Нови Сад 1905) стр. 267 sqq. истакао сам да је узрок рату између Дубровчана и херцега Стипана Вукчића Косаче 1451—1453 био чисто економне природе, али сам у нап. 2 на стр. 273 рекао и то, да је народ сасма друкчије објашњавао ово ратовање између два најближа суседа. Један случај, који се десио у породици херцеговој баш у очи рата са Дубровником, био је толико занимљив по народну машту, да га је она тесно везала са читавим ратовањем, тумачећи тим случајем и узроке ратовања.

Ја ћу у овом чланчићу, на основу казивања хроничара у XV., XVI. и XVII. в., показати како се та традиција развијала, и напокон покушаћу да утврдим да ли се та народна традиција очувала у нар. песмама и причама и како се очувала.

Из архивалне дубровачке грађе [1]) види се, да су скоро одмах у почетку рата најстарији син херцегов Владислав и мати му Јелена, која је била кћи последњега Баошића а праунука кнеза Лазара, прешли на страну Дубровника. У марту 1452 преотео је Владислав од оца скоро читаву територију северно од Неретве, потпомогнут Иванишем Влатковићем, Петром Војсалићем и другима [2]). Из архивалних података не види се зашто су Владислав и мати му Јелена устали на херцега Стипана, али грчки писац Лаоник Халкондил, који је писао на 10—15 година после овога ратовања, каже, да је у херцегову земљу са флорентинским трговцима дошла једна веома лепа и раскалашна Флорентинка, у коју се херцег загледа и задржа је код себе. Херцегова жена напусти га због тога, те са сином одбегне у Дубровник. Херцег јој је поручивао

1) Jos. Gelcich, Diplomatarium reipublicae Ragusanae cum regno Hungariae. Budapest 1887. N. Jorga, Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XV-e siècle. Paris 1899. II.

2) N. Jorga, op. cit. 455.

да се врати дома и да га не ружи у страном свету, али пошто херцег не хте отпустити младу Флорентинку, како је херцежица захтевала, то херцег, љут на Дубровник, зарати са њиме, у коме је рату учествовао и син херцегов на страни Дубровчана[3]). Овај детаљ могао је Халкондил чути од дубровачких трговаца у Цариграду, како је добро опазио В. Макушев у Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника[4]).

Да је раздор у херцеговој породици избио због неке младе женске, како прича Халкондил, потврђује једна белешка у дубровачком архиву из априла 1451 дакле пре него што је рат избио. Херцег Стипан тражио је наиме од републике да му изда поклад стрица Сандаља у износу од 12000 дуката, који се по завештају Сандаљеву после херцегове смрти имао разделити међу његове синове. Но република не хте издати тај поклад јер је херцег у животу те »po haver altri fioli che quelli chi sono al presente o de la madre de li detti fioli, o di altre donne, *perchè, vivando essa ha preso un altra zoveneta, et po cum essa haver de li fioli*« [5]). У протоколу дубровачког већа умољених спомиње се у јулу 1451 код херцега domina Helisabeta, и то ће по свој прилици бити та Флорентинка, тим пре што је херцег имао трговачких веза са Флоренцијом[6]).

Констатујући истинитост Халкондиле прелазимо на друге писце. Док Јаков Гобелин или боље папа Пије II. прича само да је Стипана син му истиснуо с помоћу Турака на далматинска острва, не могући подносити његову власт[7]), дотле Теодор Спандупино, који је писао негде на поч. XVI. в., прича, независно од Халкондиле, у главном исту причу, само нешто детаљније говори о приликама у породици херцеговој[8]). Спандупино не приказује рат Дубровчана са херцегом, него, говорећи о намери султ. Мухамеда II. да освоји Босну, спомиње, како је херцег од св. Саве имао најстаријега сина Владислава »che avea per moglie una sorella de mio avo nomata Anna«, и како су Владислав и жена му Ана много били љути на херцега, који »essendo vecchio et havendo poco rispetto al figlio et alla nora, prese una meretrice per concubina et menossola in palazzo«. Пошто отац не хте напустити

3) Laonici Chalc. De rebus Turcicis. Bonnae 1843, lib. X. 540—542.
4) Записки Имп. Акад. Наукъ т. XI. No. 5. СПб. 1867. 282.
5) J. Gelcich, op. cit. 503.
6) N. Jorga, II. 418. n. 5. 456. n. 3.
7) Gobellinus, Commentarii rerum memorabilium, Romae 1584. 573.
8) Teodoro Spandugnino, De la origine deli imperatori Ottomani (Sathas, Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge. T. IX. Paris 1890. 162).

конкубину дигне се Владислав у споразуму са неколицином великаша, те истисне херцега из земље, нашто се овај обрати султ. Мухамеду II., давши му за таоца млађега сина који се потурчи и назва кашње »Sinan bassa Cherzecogli«. Мухамед II. уђе с војском у Босну, али херцег беше за то време умро, а Владислав се са женом и децом склони у Млетке »et stette a casa nostra alcuni giorni«, па одатле у Угарску, где је и умро. Други син херцегов Влатко доби од султ. Мухамеда II. на уживање град Нови са још неколико места, али га кашње истисну оданде султ. Бајазет II. те умре »in Arbe città di Dalmatia«.

Спандуцино, који је преко Ане био у неком сродству са херцеговом фамилијом, прича ствар онако, како се у истину десила и како ју је он могао чути од старијих чланова своје породице. Нарочито истичем казивање Спандуцина да се Владислав у споразуму са неколико угледнијих људи у Херцеговини подигао против оца, што потврђују архивални подаци. Спандуцино једино греши када смрт херцега Стипана ставља за читавих 15 година раније и што турчење најмлађега сина херцегова Стевана, кашњега великога везира Ахмеда Херцеговића, ставља половином XV. века, називајући га погрешно Синаном. Халкондил опет брка херцега Стипана са стрицем му Сандаљем а узрок рата између Стипана и Дубровника погрешно тумачи овим случајем у херцеговој породици. Но крај свих тих омашака и код Халкондиле а и код Спандуцина имамо, независно једно од друго, забележену причу у њеном првобитном облику, онако како она највише одговара истини.

Али љубав старога херцега према младој Флорентинци, због које кида са члановима своје породице, интересовала је народну машту и после 1453, када се херцег измирио са женом Јеленом и сином Владиславом [9]). У току од четири до пет деценија почело се у народу заборављати право стање ствари, те се причало како је та млада Флорентинка замакла била за око сину херцегову, али ју је стари херцег себи присвојио, што је, наравно, изазвало срџбу жене и сина херцегова. Ову, нешто преиначену версију, налазимо већ код млетачкога историчара Марка Антонија Сабелика, који је писао пред крај XV. века. Немам при руци Сабелика, али у Растића или боље у аналистичној компилацији оба Гундулића у XVI. и XVII. в. каже се: »Et io mi riduco a credere esser vero quello che dice Sabellico, che la concubina fiorentina sia stata di Vladislavo, e che il padre volendola per sè ancora, il figliuolo si fosse sdegnato contro il padre, cosi pure la moglie« [10]).

9) Miklosich. Mon. Serb. 457—463.
10) Monum. [illegible] hist. slavorum merid. XX[illegible] Scriptores [illegible]

Првих година XVI. в. пак причало се, а можда и певало, у народу већ друкчије. Алојзије Цријевић Туберо, који је писао у првој четврти XVI. в.[11]), каже, како је херцег најстаријем сину преотео невесту (erat Stephano Cosacio filius natu maximus patri, ob ereptam sibi sponsam, valde infensus . . .), због чега син, љут на оца, послуша Дубровчане, те с помоћу Турака нападне на оца. Туберо прича даље да се овај син херцегов кашње потурчио[12]). Сличну причу читамо и код Корнелија Дуплиција Шепера, који је 1533 пропутовао кроз Херцеговину као посланик Фердинанда I. Он прича да је на том путу слушао како је херцег хтео оженити сина Владислава некаквом хришћанком, коју је херцег преварио и оскврнио. Због тога се жена херцегова и син дижу на њ, те му с помоћу Турака преотму земљу, коју предаду Турцима, а херцег се повуче у Нови. Шепер прича даље да се херцег кашње измирио с Турцима и умро у Цариграду, а син му Владислав да се потурчио, те се као Махмуд бег оженио са једном ћерком султ. Бајазета II.[13]). Народна традиција, како су је забележили Туберо и Шепер, уноси у првобитну причу нов елеменат. У народној машти некадашња милосница старога херцега преобразила се поч. XVI. в. у невесту Владислава, у причу се уноси родоскврни елеменат. Но тим уношењем новога елемента и проширењем ремети се знатно првобитни поредак ствари, а нарочито се личности у тој породичној драми бркају једна с другом. Најстарији херцегов син Владислав брка се са најмлађим Стеваном, који се кашње потурчио, а који, када је избио раздор у породици због Флорентинке, тешко да је био рођен, јер се у листинама, којима се утврђује мир у херцеговој породици, не спомиње[14]). Он је по свој прилици херцегов син из брака му са Цецилијом. Но необична појава турчења пред крај XV. в. стала се тумачити тешком увредом, коју је, тобоже, син претрпео од оца.

Павле Јовије, бискуп Нођере, који је писао око половине XVI. в., ставља овај догађај много кашње, у доба владе султ. Бајазета II. И он везује погрешно читаву причу за најмлађега сина херцегова. »Costui, вели он, figliuol di Cherseogle signore in Ischiauonia di monte Nero, essendogli data per moglie et già menata alla nozze, apparecchiato una fanciulla, ch' era del sangue del despoto della Servia, incontanente lo

---

11) Archiv für sl. Phil. XIX. 51—52.

12) Lud. Tuberonis Commentariorum de rebus quae temporibus eius in illa Europae parte, quam Pannonii et Turcae eorumque finitimi incolunt, gestae sunt. Francofurti 1603. 114—115.

13) Rad jugosl. akad. LXII. 65—66.

14) Miklosich, Mon. Serb. 457—465.

scclerato padre, percioche ella marauigliosamente bella, postole adosso l' occhio, fieramente se n' accese et uincendo la lussuria ogni uergogna, subito insolentemente escluso il figlio celebrò le nozze«, противно родбини, која истицаше да тиме срамоти сина и читаву фамилију. Син огорчен на оца одбегне султану Бајазету »et lasciato il nome di Stefano, chiamato Acomate, Cherseogle fu fatto genero di Baiazete«[15]. Не знам од куда је Павле Јавије могао дознати и забележити да је вереница херцегова сина била из породице српскога деспота. Но како је жена херцега Стипана, Јелена, била кћи последњега Баошића, брата од тетке деспота Ђурђа Вуковића, могуће је да је Јовије начуо нешто о сродству херцегове породице са породицом српскога деспота, те је, не знајући добро право стање ствари, могао написати оно о пореклу веренице херцегова сина. Мавро Орбини, који је читао ову причу код Јовија, како ћемо одмах видети, био је боље обавештен о везама ове две породице, па је стога и одбацио ово казивање Јовијево.

Ову причу налазимо забележену и у Пандектама Јована Левенклава с краја XVI. в. Но Левенклав није забележио ову причу по слушању, него по Спандуцину и Јовију »Diversa vero, каже он, тумачећи зашто се Стеван потурчио, referuntur a duobus auctoribus, Spandugino et Jovio«. Занимљиво је међу тим да Левенклав, излажући причу Спандуцинову, подмеће овом и таке детаље, којих код Спандуцина нема. Он је, што се јасно види, причу Спандуцина проширио казивањем из Халкондиле, кога исписује скоро дословце, и ако не налази за вредно да то спомене. Овако проширену причу обогатио је са још неким детаљем о најмлађем херцеговом сину Стевану из Јовија, па је све то приписао Спандуцину. Нашавши код Јовија причу да се Стеван потурчио поглавито стога што му је отац протео невесту, није знао да има пред собом две версије о једном истом догађају, старију и млађу, него их без икакве критике обе усваја: »Dux Stephanus ... non modo Florentiae mulieris adulterio se polluit, verum etiam deinceps sub Baiasitis imperio sponsam Stephano filio secundogenito per scelus eripuit«[16].

Мавро Орбини, с краја XVI. в., има такођер старију и млађу версију. То долази отуда, што се, пишући о овоме, служио Халкондилом, Тубероном и Павлом Јовијем. Али и он, као и Левенклав, прича доста збркано. Пошто је по Халкондили испричао како је херцежица са једним сином због Флорентинке избегла у Дубровник, додаје, да није

---

15) La prima parte dell' istorie del suo tempo di monsignor Paolo Giovio da Como, vescovo di Nocera. In Venetia 1555. 337—338.

16) Joannes Leunclavius, Annales sultanorum othomanidarum Pandectes. Francofurdi ar. Andreae Wecheli heredes 85/6

због тога избио рат него због питања о царини, коју је херцег тражио од дубровачких трговаца. Исправивши тако Халкондила, прича, како је почело ратовање, за време кога се подигао на херцега син му Владислав и утврдио се у Благају. Одатле је прешао у Дубровник, где је пред сенатом: »accusò il padre, che sendogli stata apparechiata et gia menata (изрази узети из Јовија) da Vulatko figliuolo d' Juan Catunar di Ciauaglina (questa terra è in Popovo) per moglie la figliuola di Marino Martiano principe di Russano, egli incontanente (percio che era molto bella) vincendo la lussuria ogni vergogna (из Јовија), gli l' haueu tolta«. После тога »Vladislavo disse tanto mal di costumi del padre, che fece stupire quel senato«[17]). Према оваком причању изгледа да је Орбини замишљао да је са херцежицом пребегао у Дубровник други син херцегов (Влатко), а Владислав да је нешто кашње због преотете веренице устао на оца. Орбини је знао и за трећега херцегова сина Стевана, за кога по Јовију каже да је, за време побуне Владислава, дат од стране херцега као талац султ. Мухамеду II. Он сасма добро опажа да није тачно оно што кажу Павле Јовије и Луд. Туберон »che Vuladislauo, per far vendetta dell' onta riceuuta dal padre, sia statto quello, che rinego la fede christiana«[18]). Орбини прича по Јовију да се најмлађи син херцегов Стеван потурчио, па шта више зна чак и име кћери Бајазетове, која је потурчењаку Стевану дата за жену, док Јовије не спомиње име Фатиме. Од куда је Орбини знао за ово име? Ја држим да не ћу бити далеко од истине ако узмем да је име Фатима унесено у Орбинијево причање из народне традиције. Споменућу још да Орбини овај случај у херцеговој породици упоређује са сличним случајем у царској фамилији Палеолога, који је детаљ узео из Халкондиле[19]). Исто то понавља и Јаков Лукарић на поч. XVII. в., који је у опће читаву ову причу исписао из Орбинија. Једино је Лукарић проширио оно место код Орбинија, где је говор о херцегову неморалном животу. Он каже за херцега да је »dato tutto in preda alla colera et al vino et risoluto alla pratica delle serue et meretrici«[20]).

Пре него што пређем на турскога путописца Евлију Челебију рећи ћу да ову причу налазимо забележену и у једном изводу из млетачких анала. Ту се каже како је херцег »aveva fatto venire una tedesca per moglie al suo figlio, ma vistala molto bella, disse: »quella

17) M. Orbini, Il regno degli Slavi Pesaro 1601. 383—4.
18) Op. cit. 387.
19) Chalc. op. cit. lib. II. 81.
20) Giacomo Luccari, Copioso ristretto degli annali di Rausa. In Venezia 1605. 97—98.

non era da fantolini, et volle quella nel suo letto«[21]). Како Љубић ништа не каже о времену постанка ових анала, не могу се дубље упуштати у оцену ове приче. Види се само да је у њој забележена млађа версија.

На поч. друге половине XVII. в. пропутовао је кроз Херцеговину Евлија Челебија. Говорећи о томе како је султ. Мухамед II. освојио Босну, каже, да је то учинио с помоћу Ахмед бега, херцегова сина. По грчким писцима, нејасно каже Евлија, тај Ахмед, који је освојио Милешево, још док је био неверник, верио се са ћерком шпањолскога краља. Али херцег, његов отац, коме се невеста допадне, преоте је сину баш на дан свадбе, због чега син, љут на рђа, пребегне Мухамеду II. Пошто је примио ислам, добије од султана 50 хиљада војника са неколико топова, те из Сокопља крене на Милешево и освоји га, а стари херцег избегне у Благај. Султан у радости поклони Ахмеду Милешево с правом, да све, што од оца освоји, буде његово. Ахмед бег освоји целу Херцеговину, те после неколико година умре и буде сахрањен у Милешеву, у близини џамије[22]). Евлија тачно везује турчење за најмлађега сина херцегова само греши и он што турчење доводи у везу са вереницом и што, према томе, турчење ставља много раније него што се у истини десило. Како то да Евлија зна да је вереница херцегова сина била кћи шпањолскога краља а не зна ништа о Ахмедовој женидби са ћерком султ. Бајазета II.? Није ли он можда какав податак о кћери шпањолскога краља могао наћи код познијих грчких писаца, који друкчије причају од Халкондиле? Све су то питања на која не умем да одговорим.

Види се дакле да се о љубави херцега према Флорентинци причало и да су ту причу марљиво записивали кашњи хроничари и путници сем папе Пија II. који бележи ратовање, не залазећи детаљније у ствар. Неки од тих писаца забележили су ту причу онако како су је чули (Халкондил, Спандуџин, Сабелико, Јовије па донекле Орбини и Евлија) док други ову причу у своје радове не уносе као одјек народнога причања, него је та прича код њих литерарна порекла.

Погледајмо сада да ли се очувала каква успомена на овај догађај у познијој народној традицији.

У женским песмама из Херцеговине код Вука[23]) бр. 13. налазимо песму »Владислав се потурчио«. У песми дознаје херцегова љуба од

[21]) S. Ljubić, Commissiones et relationes venetae I. Zagrabiae 1876. 5.

[22]) Evlia Cselebi török világutazó magyarországi utazásai 1660—1664. fordította Dr. Karácson Imre. Budapest 1904. 408—409.

[23]) [illegible]

звезде Данице да се Владислав потурчио и постао Смаил пашом, и да са силном турском војском полази на херцега. Она јавља то херцегу, а овај скупи благо и одлази у Дубровник, да га опде остави у поклад. Дубровчани примају благо на оставу под условом, да херцег напише на градска врата: »Прође херцег и пронесе благо, и проведе вјереницу љубу«. За херцегом стиже пред Дубровник потурчењак Смаил паша, но пошто га Дубровчани упозорише на запис на градским вратима, враћа се натраг. Херцег Стипан тражи по том благо од Дубровчана, али га не добива, јер и њега лукави Дубровчапи отправише празних руку на основу записа на градским вратима. Херцег Стипан умире од муке.

У овој песми код Вука, као што видимо, сачувала се прилично тамна успомена на тај догађај. Оно што би требало да буде главно губи се у позадини а на први план истиче се мудрост и лукавство Дубровчана. Једино из речи херцежице: »О ти Шћепо, зао сан заспао! а у з'о час разљутио сина« види се, да је дошло до неких диференција између сина и херцега, али певач већ ништа детаљније није умео да каже о узроку те свађе. Но у стиховима: »Прође херцег и пронесе благо, и проведе вјереницу љубу«, где је то сасма немотивирано, сачуван је, и ако нехотице, веома важан елеменат старије народне традиције. Као што видимо у овој песми код Вука обрађена је, и ако веома непотпуно, млађа версија, она, коју сретамо код Шепера, Јовија и Евлије Челебије. За то што се у овој песми код Вука сачувала два главна елемента ове традиције: свађа између оца и сина и тамна успомена на женску, због које је дошло до раздора, стављам ја ову песму испред раније забележеног варијанта код В. Богишића под бр. 119. »Херцег Стјепан и благо му у Дубровник донесено« [24]). У овој се песми, као и код Вука, пева како Мехмед паша, пређе Владислав, полази са турском војском против херцега. Но у овој песми недостатак она два главна елемента раније народне традиције надокнађује се детаљнијим топографским подацима. Тако Мехмед паша полази на Благај, који спомиње и Шепер, да га освоји и однесе херцегово благо. Мајка Владислављева полази преда њ и јавља, да му не може предати кључеве од града, јер их је херцег понео собом у Мостар, на што се Мехмед повлачи. Херцег Стипан за тим сакупи до три турме коња, те побегне с благом из Благаја: »Прва турма низ Попово иде, друга турма низ Видово поље, трећа турма низ Дубраве равне«. Дубровчани, као и у песми код Вука, превариpermanently херцега, те му не хтедоше издати благо, него »Њиме

24) В. Богишић, Нар. пјесме из старијих највише приморских записа. Биоград 1878.

хране сироте девојке«. Чудноват је овај стих којим се песма завршује. И ако се ту најпре мора мислити на дело милосрђа републике према сиротим а неудатим девојкама, како је то било у истину у Дубровнику, ипак је чудно да се у песми херцегово благо упопребљава баш на ту сврху. Зар се не би смело помислити да је ту, наравно несвесно, сачувана тамна успомена о неком делу херцегову, којим је повредио чистоту девојачку, због чега тај грех помагањем сиротих девојака треба колико толико да се ублажи?

Сем песме »Златарић Стеван«, у којој се сачувала само веома тамна успомена на турчење најмлађега сина херцегова Стевана [25]), знам још две песме код Вука, у којима се пева о херцегу Стипану и његовој заручници [26]). У песми под бр. 727. пева се како је херцег Стипан испросио лепу Мару и даривао, али она не ће да пође за њ, јер »Ерцег, кажу, да је пијаница, да је ерцег много Турком дужан«. Да би избегла удају са херцегом, Мара се начини мртвом. Херцег долази са сватима по невесту, коју затиче на носилима. Но он не верује да је Мара умрла. Он јој меће жеравицу у недра, па онда пушта змију присојкињу, али се Мара не миче. Када је протрља брадом по образу, Мара се с муком уздржи да се не насмеје. Херцег са сватима одлази а Мара здрава и весела скаче са носила.

У овој песми, која би се могла назвати женским Малим Радојицом, нарочито се истиче издржљивост девојчина а појентира се особито снага мушкога миловања. Но по нас је интересно то, што се ту херцег приказује као пијаница. Ту је дакле тај мотив једини остатак старије народне традиције, који је истакнут код Орбинија, а још више код Лукарића.

У сасма позној песми код Вука »Опет заручница ерцега Стипана« (бр. 728) пева се, како херцег напушта вереницу, коју су му покудили: »Једни кажу, ода зла си рода, други кажу љута као гуја, трећи кажу сањива, дремљива«. Није ли оно »ода зла си рода« веома мутан и таман остатак од врло старе традиције о везама херцеговим са девојком незнанога порекла?

---

25) Босанска Вила за г. 1887. 360—362.

26) Срп. нар. пјесме. Књига прва, у којој су различне женске пјесме. У Бечу 1841. Бр. 727 и 728. Пријатељ мој проф. Павле Поповић саопштио ми је почетне стихове једне песме о херцегу Стипану, коју је пре неколико година слушао у Шапцу. Судећи по тим стиховима, држим, да ће то бити варијанат Вукове песме под бр. 728.

Београд 12 јуна 1907. Јован Радонић.

Опытъ указанія литературныхъ параллелей къ „плачу Ярославны“ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“.

Крайне скудно поэтическое наслѣдіе, завѣщанное древнею, до-татарскою, Русью, но за то немногіе поэтическіе отголоски ея, уцѣлѣвшіе въ вѣка невзгодъ, бурь, сумятицъ и тяжкихъ несчастій, удручавшихъ русскую землю въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій начиная со смерти Ярослава I. и въ особенности со второй четверти XIII-го вѣка, сохранили до нашихъ дней почти всю поэтическую прелесть, которая была присуща имъ и въ моментъ появленія ихъ на свѣтъ, если оставить въ сторонѣ неизбѣжную устарѣлость языка.

Всѣми признано, что въ ряду такихъ высоко поэтическихъ литературныхъ памятниковъ древней Руси на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено »Слово о полку Игоревѣ« какъ по основной идеѣ, выражающей общерусское народное самосознаніе, такъ и по красотѣ выраженія ея.

Эстетическія достоинства »Слова« свидѣтельствуютъ о полной уже выработкѣ русскаго художественно-поэтическаго стиля въ то время и о доведеніи его до значительнаго совершенства.

Можетъ быть ставимъ и не разъ уже ставился вопросъ лишь о томъ, какъ произошла эта выработка, другими словами — была ли она послѣдствіемъ самобытнаго развитія древне-русской дворской и дружинной поэзіи, или же была обязана отчасти иноземному вліянію?

Послѣднее врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію, но признаніе того нисколько не подорвало бы высокой оцѣнки творчества пѣвца Игорева похода.

Во всякомъ случаѣ, кажется, можно установить интересныя параллели къ »Слову« не только въ его цѣломъ (издавна уже намѣчавшіяся въ русской и иностранной научной литературѣ путемъ сравненія русской поэмы съ »Пѣснью о Роландѣ« и древне-сѣверными и вообще германскими памятниками), но и въ частностяхъ, что также можетъ

имѣть нѣкоторое значеніе въ рѣшеніи давно уже поставленнаго вопроса объ оригинальности »Слова«, — разумѣется подъ условіемъ устраненія произвола въ догадкахъ, которымъ нерѣдко погрѣшали сопоставленія »Слова« съ иноземными произведеніями.

Уже давно указывали на аналогію въ рыцарской поэзіи къ нѣкоторымъ выраженіямъ »Слова«. На одно изъ частныхъ совпаденій его съ близкими къ нему по времени произведеніями западной поэзіи я рѣшаюсь обратить вниманіе читателей настоящей замѣтки.

Предметомъ ея послужитъ одинъ изъ поэтичнѣйшихъ эпизодовъ »Слова«, — такъ наз. »Плачъ Ярославны«. Его уже сопоставляли съ народными заплачками, и изъ этого сравненія были выведены интересныя наблюденія надъ отношеніемъ плача Ярославны къ русскому народно-поэтическому творчеству. Не подлежитъ сомнѣнію такое соотношеніе въ содержаніи, образахъ и стилѣ, но не менѣе интересна и общая схема этого плача, его форма.

Приглядимся къ ней повнимательнѣе.

Въ плачѣ Ярославны особенно замѣтно дѣленіе повѣствованія на части, хотя стихотворный складъ рѣчи въ этомъ эпизодѣ »Слова« не такъ ясенъ, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ, въ коихъ открываютъ даже слѣды то аллитераціи, то риѳмы. Передъ нами несомнѣнно четыре скорбныхъ воззванія Ярославны, изъ которыхъ каждое начинается изображеніемъ ситуаціи лица, въ уста которому влагается сѣтованіе. Первое воззваніе открывается словами: »Ярославнынъ гласъ (ся) слышитъ«, а слѣдующимъ тремъ предшествуетъ одинаковое начало, разъ только слегка видоизмѣненное, именно дважды повторяется выраженіе: »Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ аркучи«, а въ третій разъ слышимъ маленькую перестановку: »Путивлю городу на забородѣ«. Эти запѣвы составляютъ не просто лишь эпическій пріемъ повторенія, а начала отдѣльныхъ тирадъ неравной длины, въ родѣ старо-французскихъ laisses. Каждая изъ отдѣльныхъ строфъ не повторяетъ только одинъ и тотъ же мотивъ, но даетъ ему новое содержаніе. Такимъ образомъ, быть можетъ въ плачѣ Ярославны сохранился слѣдъ опредѣленной формы эпико-лирическихъ произведеній, достигшей замѣчательной художественной выработки.

Она могла явиться не въ пору начальнаго развитія, а вѣрнѣе во время расцвѣта нашей старой пѣсенной поэзія [1]), — расцвѣта, озареннаго

[1]) Подобно М. Погодину и другимъ, и А. И. Соболевскій, Нѣсколько мыслей объ древней русской литературѣ, Спб. 1903, 15, не сомнѣвается, что произведеній [illegible] монгольской Руси было много

яркимъ блежомъ »свѣтлаго и тресвѣтлаго солнца«, подъ »горячими лучами« котораго »всѣмъ тепло и красно« было въ Руси до-татарской. Правда, тогда »сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась«, »князи сами на себе крамолу коваху, а поганіи сами побѣдами нарищюще на Рускую землю, емляху дань«, но, по словамъ другого также въ высокой степени патріотическаго памятника того времени, земля русская была тогда »свѣтло свѣтлая и красно украшена и многими красотами удивлена« .... Авторъ этого »Слова о погибели русскія земли« не называетъ поэзіи въ числѣ тѣхъ красотъ, но ея вѣяніе слышится не разъ въ литературѣ до-татарской Руси, и не будетъ слишкомъ смѣлымъ домысломъ признать, что у русскихъ, какъ и на Западѣ, достигла тогда высокаго подъема идеалистическая свѣтская поэзія въ формѣ былевыхъ и хвалебныхъ пѣсенъ и также изящной дворской лирики. Вмѣстѣ съ тѣмъ подобно тробадорамъ дворскіе пѣвцы могли быть выразителями общественнаго мнѣнія и самосознанія; по крайней мѣрѣ таковымъ является и пѣвецъ »Слова о полку Игоревѣ«.

Именно не только къ народной причети или заклятію (заговору), но и къ дворской лирикѣ того времени [2]), кажется, слѣдуетъ причислить плачъ Ярославны, уроженки Галича, который изъ древне-русскихъ центровъ былъ наиближе къ Западу. На ряду съ народно-поэтическими образами и выраженіями [3]) пѣсня Ярославны полна интересами княжеско-дружиннаго быта.

Основною ситуаціею горюющей эта пѣсня нѣсколько напоминаетъ соотвѣтственныя произведенія романскаго Запада, и, для сравненія, я охарактеризую теперь вкратцѣ три извѣстные въ наукѣ вида этихъ романскихъ пѣсенъ, нѣсколько напоминающихъ плачъ Ярославны, именно французскіе романсы, или chansons d'histoire, XII-го и предшествовавшихъ вѣковъ, провансальскія пѣсни сѣтованія въ разлукѣ съ милымъ, отправившимся во св. землю, и такія же жалостныя итальянскія пѣсни XIII-го в. Что до нѣмецкой поэзіи, то въ ней извѣстны позднѣйшія Reuterliedlein. Одна изъ нихъ содержитъ весьма сердечное и вмѣстѣ художественное выраженіе заботливости дѣвушки объ ея миломъ, но сохранилась въ передачѣ XVI-го вѣка и потому не можетъ такъ интересовать насъ здѣсь, какъ болѣе древнія романскія произведенія.

2) Быть можетъ — къ женской, образцы каковой дошли до насъ въ западно-европейскихъ памятникахъ.

3) Зегзица, Дунай, синее море, Днѣпръ Словутичъ, ковыль, красное солнце, — все это образы и эпитеты, встрѣчающіеся и въ народной поэзіи. См. Потебни Слово о полку Игоревѣ, текстъ и примѣчанія, Ворон. 1878, 135—140; Огоновскаго Слово о пълку Игоревѣ, Льв. 1876, 114—116.

Въ chansons de toile или d'histoire, какъ ихъ называютъ, изображаются королевны или другія знатныя дамы и дѣвушки, горюющія и тоскующія въ замкѣ по отсутствующемъ миломъ, мужѣ или женихѣ. Эти романсы находятся въ соотношеніи и съ народными пѣснями. Въ нихъ, какъ и въ народныхъ произведеніяхъ, обнаруженіе сильнаго чувства наивно, и мысль не нуждается въ изысканной формѣ для усиленія впечатлѣнія. Это одни изъ лучшихъ цвѣтковъ средневѣковой западноевропейской лирики. Строфы этихъ пѣсенъ иногда не равны. Стихъ ихъ эпическій 10-ти сложный съ цезурою, имѣющею иногда мѣсто послѣ 6-го слога. Вмѣсто риѳмы въ древнѣйшихъ пѣсняхъ — ассонансъ, который связываетъ въ одну тираду рядъ стиховъ, одинаково оканчивающихся.

Болѣе искусственны провансальскія пѣсни о разлукѣ, но и онѣ проникнуты иногда особою теплотою и мягкостію чувства.

Въ особенности интересны для насъ здѣсь итальянскія произведенія, носящія названіе Lai или Lamenti. Они позднѣе соотвѣтствующихъ французскихъ, но не надо забывать, что въ Итальянской поэзіи уцѣлѣли нѣкоторыя архаическія формы лиризма, которыхъ уже не найти во французской литературѣ и которыя возводятся къ общему источнику. Въ Lamenti выражалась скорбь по поводу разлуки или разрыва съ милымъ. Извѣстна скорбная пѣсня возлюбленной крестоносца, приписываемая Rinaldo d'Aquino[4]) и пріурочиваемая одними къ крестовому походу 1188 г., а другими къ походу Фридриха II.. Она содержитъ воздыханіе и молитву и превосходна по изяществу и чистосердечной простотѣ выраженія чувства. Есть далѣе плачъ, извѣстный въ исторіи литературы подъ названіемъ il lamento della sposa padovana, сочиненный въ половинѣ XIII-го в. на Венеціанскомъ нарѣчіи и найденный въ бумагахъ, датованныхъ 1277-мъ годомъ[5]). Уже Caix сближалъ эту пѣсню съ французскими героическими романсами, или chansons d'histoire. Авторъ спеціальной монографіи о происхожденіи старо-французской лирики Jeanroy также думаетъ, что какъ Rinaldo d'Aquino въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего произведенія подражалъ Маркабру и Guiot de Dijon безъ отношенія въ какому-нибудь историческому событію, такъ и авторъ стихотворенія, найденнаго въ бумагахъ 1277 г., постоянно слѣдовалъ стилю французской повѣствовательной поэзіи[6]). Наконецъ,

---

4) См. Monaci, Crestomazia italiana dei primi secoli, fasc. primo, Città di Castello, MDCCCLXXXIX, p. 82—83. О Rinaldo d'Aquino см. въ F. Torraca, Studi su la lirica italiana del duecento, Bol. 1902, pp. 185—203. См. еще D'Ancona, La poesia popolare italiana, 18—19.

5) Monaci. Crest. fasc. secondo, MDCCCLXXXXVII, p. 386—387.

6) [illegible] poésie lyrique en France au moyen âge [illegible] éd., Par. [illegible]

Novati высказалъ предположеніе, что il frammento Papafava принадлежалъ не къ лирическимъ или повѣствовательнымъ произведеніямъ, а къ дидактическому, по всей вѣроятности аллегорическому эпосу въ родѣ Романа Розы, вообще не къ народной, а къ дворской поэзіи [7]).

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ провѣрку этихъ предположеній. Для нашей цѣли достаточно отмѣтить, что въ XIII в. на Западѣ установилась уже традиція составленія пѣсенъ разлуки и въ главнѣйшихъ романскихъ литературахъ XII и XIII вв. существовалъ, хотя и съ различными видоизмѣненіями, но въ сущности одинъ особый видъ лирическаго сѣтованія женщины, находящейся въ разлукѣ съ милымъ, отправившимся въ походъ противъ враговъ христіанства.

Этотъ видъ скорбной лирики, повторяю, представляетъ нѣкоторую параллель плачу Ярославны, который также, быть можетъ, надо считать одною изъ разновидностей цѣлаго разряда подобныхъ произведеній. Вспомнимъ, что тема о женѣ, оставленной мужемъ, уѣхавшимъ въ дальнюю сторону, несомнѣнно навѣянная соотвѣтственными произведеніями западно-европейской поэзіи, была разработана въ былинѣ о Добрынѣ въ отъѣздѣ. Ставить съ полною увѣренностію и плачъ Ярославны со стороны его схемы въ связь съ западною лирикою рыцарскаго времени покамѣстъ преждевременно, но позволительно, думаю, поднять вопросъ по поводу интереснаго совпаденія между древне-русскою поэзіею и западною въ обработкѣ одной и той же темы.

Во-1ᵘˣ, въ плачѣ Ярославны и въ западно-европейскихъ скорбныхъ пѣсняхъ женщинъ, находящихся въ разлукѣ со своими милыми, видимъ одну и ту же ситуацію женщины, одиноко тоскующей въ замкѣ, причемъ и въ романсахъ, какъ и въ плачѣ Ярославны, иногда имя горюющей повторяется въ началѣ почти каждой строфы, напр.:

> Bele Doëtte as fenestres se siet . . .
> Bele Doëtte tantost li demanda . . . .
> Bele Doëtte s'est en estant drecie . . .
> Bele Doëtte li prist a demander . . . и т. д.

Въ Il lamento читаемъ:

> eo sto en la çambra,
> eo men sto sola en camerela . . .

Segnor этой тоскующей находится въ Pagania.

Во-2-ᵘˣ, въ передачѣ этой ситуаціи находимъ одну и ту же эпико-лирическую форму съ дѣленіемъ на строфы.

---

7) F. Novati, Attraverso il medio evo, Bari 1905, 211—238: Il frammento Papafava

Лишь въ частностяхъ содержанія сѣтованій русской княгини и западныхъ grandes-dames усматривается различіе: Ярославна взываетъ къ сочувствію силъ природы и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, какъ бы производитъ заклинаніе, западныя же пѣсни излагаютъ сѣтованія безъ такого воззванія и выраженія народныхъ вѣрованій.

Это различіе не исключаетъ, конечно, возможности заимствованія одного изъ пріемовъ техники западно-европейскаго лиризма русскимъ пѣвцомъ.

Такое заимствованіе было возможно, потому что западные пѣвцы бывали, повидимому, въ то время на Руси и въ частности въ Кіевѣ, который издавна былъ самымъ крупнымъ городомъ восточной Европы и былъ наполненъ иностранцами, какъ то показываютъ извѣстія Адама Бременскаго и Титмара Мерзебургскаго. Съ далекаго юго-запада въ Кіевъ велъ черезъ Польшу хорошо извѣстный въ XII-мъ стол. торговый путь, а купцамъ не разъ сопутствовали въ средніе вѣка и пѣвцы.

Какъ бы то ни было, о пребываніи иностранныхъ пѣвцовъ въ Кіевѣ говоритъ само Слово о полку Игоревѣ. Вспомнимъ эпизодъ о томъ, какъ »падеся Кобякъ въ градѣ Кіевъ, въ гридницѣ« »Святослава, грознаго великаго Кіевскаго« князя XII-го вѣка: »ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ князя Игоря ...« »Пѣть славу« — весьма распространенное тогда и обычное обозначеніе, равнозначащее съ выраженіемъ: слагать хвалебную пѣсню, — пѣсню, которая являлась спеціальностію эпическихъ пѣвцовъ того времени.

Что вмѣстѣ съ иностранными гостями, т. е. купцами, перечисленными въ приведенномъ мѣстѣ »Слова«, могли прибывать въ русскую землю и ихъ пѣвцы, довольно вѣроятно. Правда, упоминанія о шпильманахъ относятся къ позднѣйшему времени, но и spielleute и перехожіе пѣвцы другихъ народностей издавна могли выступать на Руси на ряду съ мѣстными пѣвцами подъ общимъ наименованіемъ скомороховъ, упоминающихся въ начальной лѣтописи уже во второй половинѣ XII-го вѣка. Давно уже отмѣчено, что слово скоморохъ или скомрахъ въ нашихъ старыхъ рукописяхъ замѣняло греческія обозначенія $\mu\tilde{\iota}\mu o\varsigma$ и — что важнѣе — $\lambda\omega\tau\alpha\xi$[8]. Русскіе могли быть знакомы также и съ западными представителями того же типа перехожихъ пѣвцовъ, если извѣстное упоминаніе т. наз. лѣтописца Переяславля Суздальскаго о короткомъ платьѣ Латинъ и узкихъ панталонахъ съ нашивкою пріурочивать вслѣдъ за Бѣляевымъ и Веселовскимъ къ западнымъ скоморохамъ болѣе древняго

8) Б[illegible] скоморохах[illegible] Временникъ [illegible] 69—70.

времени [9]). Нѣкоторые относятъ это опредѣленное свидѣтельство къ болѣе позднему времени — къ XIV-му вѣку, но знакомство съ подобными западно-европейскими нравами и обычаями въ костюмировкѣ могло возникнуть и раньше. Вспомнимъ раннія сношенія Кіевской Руси съ Франціею: дочь Ярослава Мудраго Анна была французскою королевою, а затѣмъ, овдовѣвъ, стала женою одного изъ видныхъ французскихъ феодаловъ [10]). Повидимому и потомъ продожались сношенія Франціи съ Русью. По крайней мѣрѣ, во французскомъ эпосѣ сохранилось немало упоминаній о Руси, указывающихъ на разныя связи, въ томъ числѣ и на торговыя [11]). Въ годы, когда Анна Ярославна прибыла во Францію, тамъ уже знали провансальскихъ гистріоновъ. Упоминаніе о нихъ, какъ о спутникахъ южной знати, относящееся къ началу XI-го вѣка, сохранилось у лѣтописца Rud. Glaber-а въ описаніи прибытія въ Парижъ дочери Раймунда Тулузскаго для бракосочетанія съ французскимъ королемъ Робертомъ. Вслѣдъ за нею, по словамъ Glaber-а, »начали стекаться во Францію и Бургундію изъ Оверни и Аквитаніи люди пустѣйшіе и легкомысленнѣйшіе, въ одеждѣ и нравахъ распущенные, въ вооруженіи и сбруѣ нестройные, до половины головы остриженные, бритые подобно фигляерамъ, въ обуви неприличнѣйшей, правды и чести не знающіе«. Это описаніе приводитъ на мысль отмѣченныя Переяславскимъ лѣтописцемъ подробности костюма Латыны и его негодованіе на »безстудіе« послѣдней. — Не слѣдуетъ упускать изъ виду также частыя сношенія древне-русскихъ князей съ Западомъ и продолжительное пребываніе тамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ начиная со второй половины XI-го в., когда, быть можетъ, жилъ и Боянъ, »пѣснотворецъ стараго времени Ярославля« [12]). — Вспомнимъ, наконецъ, что »москолудство« упоминается въ такомъ раннемъ памятникѣ, какъ поученіе Луки Жидяты, относимое теперь ко второй половинѣ XI-го вѣка, а москолудство съ значительною долею вѣроятности можетъ быть причислено къ слѣдамъ проникновенія въ Русь обычаевъ, распространявшихся при посредствѣ скомороховъ, тѣхъ же гистріоновъ.

Но и помимо признанія возможности появленія западныхъ перехожихъ пѣвцовъ (въ частности нѣмецкихъ fahrende Leute, чешскихъ пѣв-

---

9) Мое возраженіе см. въ брошюрѣ: Рыцарство на Руси, стр. 14.

10) H. Menu, La Russie et le pays Rémois 1048—1893, Reims 1893; А. Н. Воротниковъ, Анна Ярославна, Королева Франціи, М. 1902; А. В. Половцовъ, Анна Ярославна и Реймское евангеліе — Моск. Вѣд. 1901, N. 247; и др.

11) E. Langlois, Table des noms propres de toute nature compris dans les chansons de geste imprimés, Par. 1904, pp. 576—577.

12) См. А. С. Петрушевича, Кто былъ вѣщій Боянъ, упоминаемый въ »Словѣ о полку Игоревѣ«? — Приложеніе къ »Вѣстнику Народнаго Дома« 1897, ч. 172.

цовъ и сѣверно-итальянскихъ) на Руси уже въ до-татарское время, отмѣченное выше сходство въ темѣ и основномъ построеніи плача Ярославны и западныхъ скорбныхъ пѣсенъ разлуки не лишено, думаю, нѣкотораго интереса. Быть можетъ, эта параллель слишкомъ отдаленна и недостаточна для подтвержденія домысла о нѣкоторомъ литературномъ родствѣ съ западною рыцарскою поэзію художественнѣйшаго изъ эпизодовъ лучшаго памятника древне-русской литературы; но все-же она не безынтересна, и освѣщаемый ею плачъ Ярославны можетъ только выиграть въ поэтической задушевности и прелести.

Кіевъ. Н. Дашкевичъ.

Дещо до говору Буковиньско-руского.

Русини Буковиньско-рускі, в числї 268.000, дїляться на властиві **Руснаки** с. є. жителї переважно долів і горбів і **Гуцули** або жителї гірскі. Під зглядом язиковим становлять они часть говора Русинів званого покутским і можуть подїлити ся на північно-покутский (часом невластиво називаний також опоняньский) і полуднево-покутский або гуцульский. Оба тоті підговори (північно- і полуднево-покутский) суть з собою так споріднені, що їх годї різко віддїлити; від галицких ріжнять ся головно тим, що посїдають більше елементів румуньских в своїй бесїдї. Підговор гуцульский відзначає ся сильнїйшим змягченем шиплячих пр. хóчю, ч'абáн, ч'ервáк, дуже твердим с пр. в словах свіжий, співати, частим переходом с в ц і не мягченем с пр. цес, ца, це, сцати місто сесь, ся, се, ссати. Різко відзначають ся Гуцули своєю ношею, котра єсть коротша від убраня звичайних Руснаків.

Говір покутский (именно полудневий) одмічає ся такими прикметами: 1) в назвуцї прейотоване а переходить в е пр. є́вір, є́ма, єцé (єйцé), є́года, є́блоко, є́сний, єкúй, єк. 2) є місто загальноруского я: стоє́ти, боє́ти си м. стояти, бояти ся. 3) Мінá а в є як понайбільше в говорах галицкоруских: ше́пка, чєс, шєнувáти, тє́лє, в горах однакож найчастїйше удержалось а: шáпка, час, тє́ля. 4) о переходить в у, потом у в, місто онá, онó, онú часто унá, унó, унú, а наконечно вна, вно, вни. 5) і місто и (= ы) в невіддїльнім приміннику ви: вінести, вівести, вігодувати, віпрати; також вімнє місто вúмя psl. вымѧ. 6) и місто о: блихá, лúжка м. блоха, ложка. 7) шиплячі виговорюються дуже мягко: чюжúй, ночювáти, хóчю, вчє́ра, чюти, кáчька; шьо. 8) перед окінчанєм -ский (наросток -ьскъ) н і л не мягчать ся: пáнский, сілский, гуцýлский, сокілский, так само л перед ний (-ьнь): вóлний, дáлний, вілний. 9) с вимовляє ся твердо: сньіг, сіяти (попри сьіяти, psl. сѣяти; нато-

міст спія́ти psl. сныти), слі́дно, по́слі, сньіда́ти, смія́ти се, співа́ти, свіжий; то само: ходи́ў єс, ходи́лисми (ходили-м), ходилисте; часто се (си) місто ся: ро́бит се (си), йіст се. — суда́ м. сюда, сюди; шьос м. щось; єку́с чю́ти повино́ньку = якусь чути новиноньку. 10) мягка вимова суголоски р: коса́рь, боннарь genit. косаря́, боннаря; тепе́рь; це́рьков, черьва́к psl. чръвь. чрьвь; верьх, psl. връхъ; вьрхъ; терьх onus cf. psl. тръхъть. трьхъть. 11) В nominat. єсть наросток -ец (-ьць), в genitiv-i явить ся є (я) слїпец genit. слїпцє́, гребіне́ц genit. гребінцє́. 12) Окінчене -ица acc. -ицу: молодица, молодицу, копи́ца, копи́цу plur. genit. молоди́ц, копи́ц, перепели́ц. 13) ц виступає часто місто с. цес. ца. це. 14) Відпад окінчаня в третїм лици мног. числа часу теперішного: хо́дє, но́сє, сидє́ м. хо́дять, но́сять, сидя́ть; також в єдиничнім числі иноді т відкидає ся: хо́ди, но́си; иноді удержує ся т в третїм лици ед. ч., коли в инших галицкоруских говорах оно відкидує ся: бе́рет, пе́сет, хо́чет, здо́ймет, тріва́єт, ма́єт м. бере, несе, хоче, здойме, тріва́є, ма́є. 15) ж місто дж: ви́жю м. виджу. 16) місто: блу́джу, ра́джу, про́шу говорять декуда: блу́дю, радю, про́сю. 17) к місто т: кьі́сто, кьі́мнє м. тїсто, тїмя. 18) черле́ний м. червоний psl. чрълюнъ. чрълюнъ; декуди пр. Гуцули в Жабю говорять також черво́нний м. червоний. 19) вставне н місто загальноруского л. земня́ м. земля. 20) бж або бдж місто загальноруского пч. бжола́ м. пчола. 21) частий запик назвучного в або г: о́зме, ольі́ти, брон, оро́х, брлиця м. возьме, вольіти, ворон, горо́х, го́рлицє. 22) Описана форма часу будучого через infinit. з praes. глагола яти т. є. му (з иму), причім му кладе ся вперед: му писати. му косити (в старосл. від имѣти. имамь писати; в украипьск. му кладе ся після infinit. і з ним сплива́є: писа́тиму, коси́тиму. 23) ід або д з dativ. в случаях, в котрих у инших говорах кладе ся до з genit. д ха́тьі, ід ха́тьі = до-хати. ід дьі́вчиньі = до дївчини. д котрі́й дьі́вцьі = до котрої дївки. 24) ф м. хв. фатити, фоя м. хватити, хвоя. 25) переставка в словах: коло́пньі м. коно́плї, жо́нва м. жовна Grünspecht. 26) м. ходилисмо (сми), робилисмо, косилисмо часто ходили-м, робили-м, косили-м psl. ходили юсмъ etc. 27) декотрі яко всувки або причіпки уживані частицї н. пр. сме (форма енклїт. м. юсми, юсмь) пр. колисме ти нелюба, було ня не брати; в сполуцї з part. praet. act. II. також до утвореня perfectum: ходи́ў сме до мі́ста. — — мой! н. пр. това́ришю, мой, ци чю́єш? — частиця ко причіпляє ся до форми imperat.: [illegible]ди-ко! озми́-ко! ходьі́т ко! оз[illegible]і́т ко! [illegible]ластивіст[illegible] котра [illegible] і там [illegible] у Бойків стрічає с[illegible]

В остатних днях серпня 1904 р. був я на Буковинї, іменно в Кимполунцї, в рускій Молдавици, в Рус Бовл, а з поворотом в Глїбокій. Також припагідно бесїдовав я з селянами з Жидови́ (недалеко Бергомета). Тут подаю короткі мої записки з тих околиць.

Г. = Глїбока. — Ж. = Жадова́ недалеко Бергомета. — К. = Кимполунка. — РБ. = Рус Бовл. — РМ. = Руска Молдавица.

Граматика.

До звучнї (Lautlehre).

Голосівочня (Vokalismus).

о, е або ѣ стїсняє ся в і, як загально в малорускім пр. в словах: стіў, genit. стола́ (psl. **столъ**), віў, genit. вола́ (psl. **волъ**), кінь genit. коня́ (psl. **конь**), ріля́ (psl. **ролны** v. **ралны**); мід genit. меду (psl. **медъ**), я ніс, несла́, несло́ (psl. **неслъ ѥсмь, несла ѥсмь, несло ѥсмь**); сніг (psl. **снѣгъ**).

а місто і (= ѣ) виступає в словах: ця́лий Г. м. цїли́й (psl. **цѣлъ**), ця́лком Г. м. цїлко́м, pol. *cały, całkiem.*

є місто и в 1. 4 і 5. падежи многого числа: пр. чайке́ РМ. м. чайки́, nom. sing. ча́йка; певке́ РМ. м. пявки́; тернівке́ РМ. огирке́ РМ. плистке́ Г. куропатке́ Г. м. тернівки́, огирки́, плистки́, куропатки́.

є місто я (а). пе́вка РМ. м. пявка; боде́к РБ. м. бодяк; джеворонок РБ. же́воронок Г. м. жаворонок, жайворонок; же́ба РМ. м. жаба; чире́к Г. м. чиряк, чирак, Geschwür; барабу́ле РМ. бараболя Kartoffel; ше́пка Г. Mütze, шапка; меска́ Г. мяска, Mark; хрещ Г. хрящ, Knorpel; пре́жка Г. пряжка, Schnalle; поте́ РМ. plur. поте́та Vogel, kleiner Vogel, по́тя; мие́со і ме́со РБ. Fleisch; ягне́ Г. Lamm, ягня́; пре́диво Г. прядиво; свече́ний ВМ. священий; ребий Г. рябий; това́речий К. Vieh-, товарячий. това́рече ме́со; в свинскім ме́сі; меки́й Г. weich, мягкий; горе́чий Г. heiß; усе́кий РМ. всякий; Богу де́кувати Г. Богу дякувати; сте́ти Г. стяти; взе́ти Г. взяти.

є місто назвукового я. ейце́ К.РМ.Г. м. яйце, Ei; ези́к РМ. м. язик, Zunge; е́ма РМ. м. яма Grube (але в Г. яма); е́шірка РМ. (йе́щірка), Eidechse, ящірка; е́шюр РМ. ящур, Erdmolch, Salamandra; ек РМ. як, als; е́года РМ. ягода Beere, Erdbeere; е́вір РМ. явір, Bergahorn, psl. **ꙗворъ**; е́сінь РМ. genit. е́сеня Esche; е́блоко РМ. яблоко; psl. **ꙗблъко**; ебли́нка РМ. Apfelbaum; е́сна РМ. Zahnfleisch, ясна; ечмінь РБ.Ж. ячмінь.

ица місто иця.

пéтница Г. Ж. м. пятниця, psl. пѧтьница; пшени́ца Г. Ж. м. пшениця, pls. пьшеница; ла́сица Г. Wiesel, м. ла́сиця, psl. ласица; перепели́ца Г. Wachtel, перепелиця psl. прѣпелица; куни́ца Г. Marder, куни́ця, psl. коуница; біли́ца Г. Eichhorn, білиця; пу́головица Г. Kaulquappe, пуголовиця; осьі́лница Г. м. усільниця, гусениця, psl. жсѣница; попели́ца Г. Blattlaus, Aphis, попелиця; мотили́ца Г. Leberfäule, мотилиця; одови́ца Г. м. вдовиця, psl. вьдовица; керти́ца Г. Maulwurf, psl. кр҄ътъ; дійница Г. дійни́ця, Milchgelte, psl. доиница; кити́ца Г. китиця, Quaste; ґерґели́ца Г. ґерґелиця, Calandra granaria.

е місто а. вечéре Г. м. вечера. іду́ на вечéрю.

а місто е. пода́коли К. м. подеколи, пода́коли залытают гóлубцьі; здéлеку Г. м. здалеку; делéко Г. м. далеко.

випад и. доста РМ. (з-до-сита) genug, досить.

у місто і. ру́жний Г. місто різний, psl. разьнъ. ружне дерево; куку́ль Ж. м. кукіль, psl. кжколь.

а місто о. бага́то Г. м. богато. бага́то мóху.

я місто е. гадя́ К. Reptilien; трамя́ К. Balken; — але: колóсе Г., ли́сте Г., здорóве Г. (в Кучерові великім: здорóвля).

і місто я. світи́й Г. м. святий; склыінни́й Г. м. скляни́й.

перед стїсненим о завсїгди в. вівця́ Г. genit. вівци́, nom. plur. вівци genit. plur. овéц psl. овьца; вільха Г. Erle, genit. sing. вільхи genit. plur. вільхів, psl. ольха; вісь genit. оси, psl. ось; віспа Г. Pocken; він, она́, онó Г.

перед о стоїт г. горі́х Г. оріх psl. орѣхъ; горобéц Г. Ж. воробець psl. вραбий; але: отáва, осьінь Г.

і місто у. дібрóва Г. місто: дубрóва, psl. джбрава; глібóкий (глыбокий) Г. м. глубокий, psl. глжбокъ; за́між Г. м. замуж (за муж = за мужа; іти заміж = psl. ити замжжь).

ю місто у. чю́ти Г. м. чути.

у місто ю. суда́ Г. м. сюда.

перед назвуковим у завсїгди в. ву́хо Г. місто ухо; ву́лица Г. м. улиця; вус Г. plur. вуси м. ус; ву́йко Г. м. уйко.

а часто місто і побіч у. да́л'а бу́ря вел'ика Г. = ду́ла бу́ря вел'ика; вітер да́ў Г. м. вітер дув.

і місто и. віпутати ся Г. м. ви́путати ся; вібрати Г. м. вибрати;

[illegible] РМ м. [illegible]

о не зміняє ся найчастїйше. ключо́м К. ключом летє́ журавлыі; ›вальо́м і ковале́м Г.

і найчастїйше приставляє ся: ішо́ў, ішла́, ішло́ Г. psl. шьлъ, ьла, шьло.

й випадає. во́сько Г. м. войско.

назвучне є зникає. шьє Г. м. еще.

назву́чне і зникає. гла Г. ігла, Nadel, psl. игла; мнє Г. м. імя, l. имѧ.

Наголос.

з наголосів одмінні: чове́н Г. genit. човна́ в укр. чо́вен, genit. ›вна; оре́ Г. = о́ре; орє́ Г. = о́рять; дешеви́й Г. feile = де́шевий; ›пито́ Г. genit. копита́ Huf = копи́то.

Суголосня. Konsonantismus.

плавні л, р.

ў місто л. віў К. genit. вол'а́, загальнор. віл.; стіў К.Г. стол'а́; гальноруск. стіл.

середне л' місто твердого л. забу́л'а Г. м. забу́ла, забу́л'о м. заило; ходи́л'а К. м. ходила; ходи́л'о м. ходило; ходи́л'и м. ходили; а́вка Г. лавка.

л' місто ль. сил'ни́й Г. си́льний stark; сил'на́ гру́шка = рясна ›ушка; гуцу́л'ский Г. гуцул'ский.

н місто л. земня́ РМ. м. земля; в земни́.

в наростку -арйъ звучить р мягко: коса́рь Г... genit. косаря́ осаре́).

випад р. ганче́рь Г. із горнчар genit. ганчеря́ (ганчере́) psl. ›ъньчарь.

сичачі с, з, ц. с м. сь. дес Г. (з де-си) м. десь.

старославяньск. ьскъ одвічає ск. ру́ский psl. роусьскъ; па́нский . па́ньский; по́л'ский Г. psl. польскъ.

ц місто с. цес Г.РМ. м. сесь; ца, це, ценя́, цене́ РМ.Г. м. ся, ›, сеся, сесе; до цего року = до сего року; цу дыівчину = сю дїв-ину; клю́цкі Г, Klöße, клюски; сца́ти Г. ссати. ву́ж сце коро́ву Г. = уж ссе корову, die Natter saugt die Kuh (nach dem Aberglauben es Volkes); трийцет Г. із: тридьсять, psl. тридєсѧтє.

ш місто с. шкіра Г. м. скіра psl. скора; шерсть Г. м. серсть psl. ›ъсть.

старосл. наросткови -ьць одвічає -ец. одове́ц Г. genit. одовця́ psl. вьдовьць; оте́ц Г. genit. отця́; пан-о́тец genit. пан-о́тця; горобе́ц Ж. genit. горобця́; гугуре́ц РМ. Eule, genit. гугурця́.

шиплячі й, ж, ч, ш.

після й стоіт часом о: його́, йому́, до нього, побіч звичайного: його́, йему́, до не́го (єго́, єму́).

шиплячі ж, ч, ш вимовляють ся почайбільше магко: чоловічьок Г. Pupille, чоловічок, зріниця; -шьо Г. м. що; йе́ш'ур РМ.

ш місто ч. рушни́к Г. м. ручник; не́шта Г. м. нечта, нечесна особа.

шь місто щ. горшьо́к Г. м. горщок, Topf; шье Г. м. еще, noch; шьо Г. місто і побіч що; скаралу́шє РМ.Г. м. скаралуща, Schale. скаралу́шє з єйця́.

жь місто щ. дожь РМ.Г. genit. дощу. загально руск. і в nominat. дощ.

Зубні т, д, н.

дь в й. два́йцеть Г.РМ. із двадьсять psl. двадєсатє; три́йцеть із тридьсять.

ц місто т. цма К. м. тьма, phalaena.

д втручене. продру́хати си Г. із: пpору́хати са; він продру́хав си. — уздрі́ти Г. м. узріти.

перед середзвучне є часто н. мнє́со Г. побіч мєсо; мнє́тица Ж. Schwanzwirbel.

Гортанні к, г, ґ, х.

ґ місто г. роґі́з Г. м. рогі́з, Typha, Rohrkolben; Ґаври́ло Г. м. Гаврило; Ґрего́рий Г. м. Григорий.

Губні п, б, в, м.

к наголосове заникає. струг К. Forelle м. пструг (від пестръ bunt; проте пструг = bunter Fisch).

б всуває ся. камбра́тє Г. Kameraden, камратє collect., камерад...

бж місто пч. бжоля́ К. м. пчола psl. бъчєла et пъчєла vel пчєл...

н місто м. поро́н Г. м. пором.

в місто м. по́ловінь gen. половени gen. fem. місто: поломін... Flamme.

о місто в. одове́ц Г. м. вдове́ць; одови́ца Г. м. вдовиця ps... вьдовица.

у місто в. усей. Г. м. всей psl. вьсь. усе́й ове́с.

переставка. л-н місто н-л.

[illegible] РМ [illegible] конопля plur [illegible]. [illegible] ко-
[illegible] Stanbhanf [illegible] Samenhanf

здвоене суголосок.

льля́ти Г. м. льяти. нальля́ти води́; дільля́ти Г. = дольяти; :льінний Г. м. скляний; зьзісти Г. м. зйісти.

До пнетвору (Stammbildungslehre).

З замітнїйших наростків сущників женьского рода згадаемо лиш: лля: тарбля Г. корова тарчаста; марцбля Г. корова звичайно поло.ста (рбдить ся в матрї). — -аня: голубаня Г. голубосива корова. — 'ля. красу́ля Г. корова краса.

з наростків сущників середного рода: е (старосл. ние): бодече РБ. дяки, Disteln; трепете́ Ж. Zitterpappeln.

З пнїв глагольних згадаем:

плй-ти РМ. praes. плию́, плие́ш, плие́; — плйвати РМ. schwimmen.

До словотвору (Wortbildungslehre).

Склонене сущників.

лев Г. genit. ле́ва; лен genit. ле́ну; оре́в Г. genit. оре́ва; plur. »еви́. оре́л РМ. plur. вірли́.

віў К. Г. genit. вола́; стіў К. Г. genit. стола́.

ôльінь К. genit. олене.

тхір' genit. тхоря́. — понедьілнок Г. genit. понедьілка. — вігброк Г. genit. вівтірка. — четве́рь Г. genit. четверьга́.

горобйц (горобец) Ж. Г. genit. горобца́; — хлбпиц (хлопец) Г. ›nit. хлбпца.

коса́рь К. genit. косаря́ (косаре́); муле́рь Г. genit. муля́ря Maurer; »ма́рь genit. комаря́ plur. nom. комарі́ Г. мале́рь Г. genit. маляря́ aler. —

бвад Ж. Tabanus Viehbreme plur. nom. бвади і ова́ди Ж.; гріш . plur. грбши, грбший.

ріг Г. genit. plur. місто рогів. вівца́ не ма́е ріг Г. = вівца не ›е рогів.

гблов Г. РМ. гблову (accus. sing.).

ablat. сущників і приложників женьского рода на оў: водбў, коʒў, горбў, рікбў; зеле́ноў, кра́сноў = водбю, косбю, горбю, рібю; зеле́ною, кра́сною.

вівца́ Г. genit. вівци́; genit. plur. ове́ц = ове́ць.

перепелйца Г. genit. перепелйци, genit. plur. перепелйц.

genit. plur. сущників женьского рода звичайно уживае ся на -ів. а́тів Г. = хат; вільхі́в Г. = вільх; бага́то крупі́в Г. = богато

круп; до бжôлів Г. = до пчіл; гôловів Г- = голов; панніс Г. = пáнний, der Fräulein; таньістрів Г. = таньістр; одна пісня. багáто пісньів Г. = богáто пісéнь; кôзів Г. = кіз; вôдів Г. = від. — вôшів Г. = вôшей; бр́ôвів Г. = бров; — цéрква Г. gen. plur. цéрквів = цéрквей, цéрков. —

ів стрічає ся і у сущників середного рода: сéлів Г. = сел, сіл; гньіздів Ж. = гнїзд; подвірів Г. подвірій; до небесів Г. = до нéбес; але: весілé genit. весілá genit. plur. весьіль Г. — мньів Г. = імен.

також говорять: Чернівцьі, до Чернівцьів Г. м. до Черновéць.

копитó Ж. genit. копитá, Huf, копи́то.

дривá Г. plur. tant. genit. дров.

лю́дем Г. = людям; лю́дех Г. = людях.

двéрем Г. = дверям; двéрех Г. = дверях.

вімне Г. genit. вімне = ви́мя, genit. ви́мени; — 1. 4. 5. мне: 2. мня. 3. мню. 6. мням. 7. мню. = імя, імени, імени, імепем, імени.

1. тéле Г. 2. телéти. 3. телéти (телéтю). 6. телéтем (телем).

7. телéтю (тéлю). plur. 1. телéта. 2. телéт. 3. телéтам.

6. телéтами. 7. телéтах. лôше.

1. небо. 2. неба. plur. 1. небесá. 2. небесів.

двійне число (dualis) в цїлости зникло, лише тут і там лишили ся еще давні форми. дві сéльі Ж. дві слôві Ж.

Приложники.

до порівнальника (comparativus) нераз приставляє ся май пр·чайкé май менші від ворони РМ.

одличник (superlativus) иноді творить ся через приставлене най (на) до рядовика (positivus): пугáч найвели́кий.

Заименники.

форми до мéне, до тéбе, до сéбе скрізь уживають ся.

місто мною, тобою, собою говорять: мноў, тоббў, соббў.

єго, єму, до нéго, в нім, в ній.

мôго, твôго, свôго; мому, твому, свому місто: моєго, твоєго, своєго; моєму, твоєму, своєму.

моéў, твоéў, своéў м. моéю, твоéю, своéю.

Зложене склонене.

[illegible]tivus plur. закінч[illegible] на -ими. вели́ким[illegible] лісами. [illegible]ними ко-[illegible] [illegible]р[illegible]ними яблоками

Числівники.

одéн, однá, однó (також: едéн, еднá, еднó); штíри = чотири; сеть (десыт); петьнáйцеть (петнáйцыт), psl. пѧть на десѧте; аценть, psl. два десѧте; трийцете, psl. три десѧте; петьдéсеть десеть), psl. пѧть десѧтъ; сьíмдесеть, psl. седмь десѧтъ; деть дéсеть, psl. девѧть десѧтъ. двасто; тристо; штириста; ть сот; деветь сот.

трéтий, трéта, трéте. шéстий, шéста, шéсте.

двóе телéт, двоúх телéт, двоúм телéтам, двóе телет, двóе телéт, оúми телéтами, у двоúх телéтах.

Глаголи.

нéсти. несý. принесé Г. (в Дрогобичи: принéсу, принéсеш, принéсе).

потáти Ж. потаé в вóду er sinkt im Wasser.

плúти РМ. schwimmen. плию nato пр. плиé кáчка по водьí.

вúдьіти Г. praes. вúжу (вúжю) = виджу, psl. виждѫ.

держáти Г. держý, держúш, держúт, psl. дръжати, дръжѫ, дръжиши, дръжúть. в 3. лици мног. числа теперішника глаголів з III., дпадуе т (ть): держé Г., вúде Г., лет́ Г., вúсе Г.

блудúти Г. блýдю = блýджу, psl. блѫждѫ. блýдю по льíсьі.

мастúти Г. мáстю = мащу, psl. маштѫ.

просúти Г. прóсю = прошу, psl. прошѫ.

пустúти Г. пýстю = пущу, psl. поуштѫ.

рáдити Г. рáдю = раджу, psl. раждѫ.

любúти Г. лю́бю (часом: люблю), лю́биш, psl. люблѭ, любиши, глаголів IV. кл. в 3. лици ед. числа тепéрішника найчастїйше відпадуе (ть):

гóни водá Г. а також: гóнит вода = гóнить в.

жéли Г. кропíва жéли = кропúва жалúть die Nessel brennt.

прóси Г. і прóсит = просить.

рóби Г. і робит = робить.

в 3. лици многого числа тепéрішника тих глаголів завсїгди відпадуе (ть):

говóре Г. = говорять (ед. ч. 1. лице: я говóрю).

лю́бе Г. = люблять.

молóте Г. = молотять.

свíте Г. = світять. свíте зóрі.

також у декотрих глаголів V. кл. т відпадуе.

бóре си Г. = борять ся. боре си барани. —

ірза́ти Г. wiehern = ірзати. кінь іржé das Pferd wiehert, psl. ръзати. ръжѫ, ръжеши.

ткати Г. weben. я тчу, ты тчеш; оні́ тчут, psl. тъкати, тъкѫ, тъчеши.

гна́ти, жену́, женéш. psl. гнати, женѫ, женеши. part. praet. гнат, гна́та, гна́то. за́гната корова Г.

ві́крутювати Г. викручувати. ві́крутюю, ві́крутюєш, ві́крутює.

ві́чистювати Ж. ви́чищувати. ві́чистюю, ві́чистюєш, ві́чистює.

му ви́дьіти Г. = буду видьіти; му стоя́ти Г. = буду стояти.

ходили-м Г. ходили-смо; косили-м Г. косили-смо; що-м віддава́ли Г. = щосмо віддавали.

єст і є. пр. бага́то єст жо́лода з дуба Г. грушки є Г.

йім, йіш, йіст. йід' = ї́дять. — даду́т Г.

Іван Верхратский.

Kad su počele da ulaze u rumunjski jezik najstarije njegove slavenske riječi.

Zna se, da je rumunjski jezik vrlo našaran svakakovim slavenskim riječima; izmedju njih jedne su starije a druge mladje. Ove zadnje, to jest mladje, kojih je broj najmanji, misli se u današnjoj nauci, da su nam počele dolaziti ne prije IX. stoljeća, a to literarnim radom Ćirila i Metodija, koji bi bili uveli medju Rumunje slavenski crkveni obred, slavenski jezik i slavensku azbuku; dočim one starije, kojih je broj najveći, tvrdi se, da su ušle u rumunjski jezik u Jordanovo doba, naime u VI. i VII. vijeku.

Tako misli čitava današnja nauka, koja se bavi rumunjskim stvarima, počevši bar s Miklošićem, koji se posebno bavio slavenskim elementima u rumunjskom jeziku, i svršivši sa svim rumunjskim filolozima kao što su Čihak, Hasdeu, Tiktin, Philippide, O. Densusianu, i s historičarima, kao što je naš slavista J. Bogdan, koji, da pravo rečemo, *u tom pitanju ne donose ništa novoga već se svi drže samo Miklošićevih študija i zaključaka* [1]).

Mi se ovdje ne ćemo baviti mladjim slavenskim elementima u rumunjskom jeziku i kulturi. Spomenućemo samo da — kako sam dokazao već u »Fonetici ćirilske Azbuke u pisanju rumunjskog jezika« (Zagreb 1899), pa opširnije još u »Fonetica alfabetului Cirilic« (București 1904) — literarni i crkveni slavenski rad nastao je medju Rumunjima ne u vrijeme Ćirila i Metodija, kako se mislilo u nauci prije, već nekako u XII. vijeku.

Ali zadatak ove radnje je da pokušam dokazati, da Miklošić, a dakle i svi rumunjski učenjaci (jer svi se drže samo njegovih študija

---

1) U tom pogledu teško mogu i da spominjem djelo prof. N. Jorga: »Geschichte des rumänischen Volkes«, Gotha 1905; jer ovo ne odgovara današnjemu stadiju nauke (već njezinom stadiju od prije 20 godina), ne samo u onom, što se bizantinistike tiče (kako je pokazao K. Dietrich u »Byzantinische Zeitschrift« od 31 Jan. 1907 g.), već osobito i glede slavistike.

i zaključaka) griješe i kad kažu, da su **najstarije slavenske riječi** ušle u rumunjski jezik u Jordanovo doba, to jest u VI. i VII. vijeku.

Pokušaću ovdje da dokažem, da su nam **ove najstarije slavenske** riječi počele dolaziti ne u to doba, čak niti u **staroslovenskoj periodi**, već poslije IX. vijeka. A i o ovom pitanju **neću sada raspravljati** opširno, već ću *samo temelje* staviti, rezervirajući sebi da (u većoj radnji, što upravo pripravljam pod naslovom »Najstariji etnički i kulturni dodiri Rumunjâ sa Slavenima«) dokažem, sa čitavim naučnim aparatom, ovu svoju novu teoriju.

*

I Miklošić i svi oni, koji se drže njegovih **zaključaka i teorija**, ne primaju Röslerovu teoriju glede Rumunjâ. **Oni dakle tvrde** — što je bez sumnje jedino historično — da su **Rumunji uvijek živjeli u Dakiji**, od Trajanovog doba do danas.

Ali s druge strane isti učenjaci **konstatiraju, na temelju starih** historičkih izvora, osobito na temelju **poznatog spisa Jordanova, da su** u VI. i VII. vijeku živjeli u Dakiji — to jest u **Moldavskoj, Vlaškoj** i Erdelju — i Slaveni.

Ali ovi učenjaci ne pitaju sebe, da li **na odnosnome mjestu Jordanes** hoće da kaže ono, što oni na prvi pogled razumiju: **naime da su, fak**tično po *čitavoj* Dakiji, živjeli onda Slaveni, ili samo u *jednom* njezinom kraju? Već, bez dalje kritike, uzimlju za neosporno, da **Jordanes hoće** da kaže, da su po čitavoj Dakiji bili onda **Slaveni, a budući da su i** Rumunji onda živjeli u Dakiji, ti učenjaci **tvrde dalje, da onda, to jest** u VI. i VII. vijeku, Slaveni su dali **rumunjskom jeziku one najstarije** slavenske riječi, jer su onda ova dva **naroda živjela skupa**.

Prema tome i budući da se pristaje, **da su dakijski Jordanovi** Slaveni, koji su živjeli onda smiješani s **Rumunjima, govorili, sa kakvim** dialektičkim niansama, tako zvani **staroslovenski jezik, koji je danas** u nauci smatrau za starobugarski, **zato oni učenjaci tvrde, da su one** slavenske riječi rumunjskog jezika **staroslovenske**.

Tako misli Miklošić, koji na pr. u svojoj **raspravi »Die slavischen** Elemente im Rumunischen« str. 12 kaže: »**eine nicht unbedeutende An**zahl von slavischen, namentlich **altslovenischen Wörtern in das** Rumunische aufgenommen worden ist.«

A isto tako misle svi rumunjski učenjaci; **tako Čihak u svojem** »Dictionnaire d'Etymologie daco-romane« **I, str. VIII, piše, da: »c'est** surtout au *vieux slave* (slavon) ou **vieux bulgare, comme on l'appelle** [illegible] préférence, avec plus ou moins de raison, que le **roumain doit**

le plus grand nombre de ses emprunts.« Ov. Densusianu, u svojoj »Histoire de la langue roumaine«, 240 kaže po Miklošiću i Čihaku, da: »la plupart des éléments slaves pénétrèrent en roumain aux V., VI. et VII. siècles. Ils forment la couche la plus ancienne et la plus importante.« Dočim profesor Bogdan ide i dalje od ovoga, kad kaže, što je Miklošić naročito zanijekao, da: »ne može da bude ni riječi o rumunjskom narodu prije nego što je rumunjsko pučanstvo apsorbiralo slavenske elemente tokom VI.—X. vijeka[1]«.

Ali svi, prevareni nerazumijevanjem Jordanova teksta, nijesu dalje opazili, da slavenske riječi rumunjskog jezika nemaju u sebi fonetičke karaktere staroslovenske već mladje od staroslovenskih, a naime više ili manje srednjobugarske, *koji su se počeli razvijati u bugarskom jeziku poslije IX. stoljeća.*

Inače, Miklošić je zanemario *historičku* gramatiku slavenskih riječi i kad je proučavao slavenske elemente u madjarskom; jer već prije mene, premda samo mimogred, prof. Asbóth mu predbaci, da »Миклошич не различаетъ стараго отъ новаго« (»Извѣстія отдѣл. русск. яз. и словест. Императ. Академ. Наукъ, 1902«. Тома VII-го книжка 4-я. Санктпетерб. 1902, str. 290). Dočim prof. W. Vondrák, u svojoj »Altkirchensl. Grammatik«, na str. 374, iskaže takodjer nekakvu sumnju, kad piše, da: »auf die slav. Lehnwörter im Magyarischen, Rumänischen usw. kann man sich nicht berufen, wie es Miklosich tat, weil es sich nicht beweisen läßt, daß diese Worte **nur** aus dem Aksl. Eingang ins Magyarische fanden.«

Da dokažemo svoju tvrdnju, mi ćemo sad samo ove četiri karakteristične pojave istaknuti.

I. Slavenske riječi sa ъ, ь u staroslovenskom.

Ima u rumunjskom jeziku mnogo slavenskih riječi, koje su u staroslovenskom imale *zvukove* ъ i ь. Ali u rumunjskom ove riječi predstavljaju se pod oblikom drugih četiriju kategorija: naime ili nemaju nikako ъ i ь, ili imaju *e* namjesto ь i *o* namjesto ъ, ili imaju *î* (= y, rusko ы) ili *ă* (= novobugarsko ъ) namjesto ь.

Tako *prva kategorija* ima: sdravăn, priče, sfadă, denie, beznă, praznik, zglobiŭ, nătîng, oblînk, stînjen, prund, dîmb, stilp, rînd, sfînt,

---

1) J. Bogdan: *Istorigrafia romînă şi problemele ei actuale*, Bucureşti 1905, str. 21: »nici nu poate fi vorba de popor romîn înainte de absorbirea elementelor slave de către populaţia băştinaşe romînă *în cursul sec. VI—X*«. Niti Miklošić: *Die slav. Elem. im Rum.*, 12, niti Šafařík u *Slov. Staroż.* I, 268 nijesu toliko pretjerivali, jer obojica misle o eksistenciji rumunjskoga naroda već u V i VI stoljeću.

potîng, păing (ili păĭanžen, păĭažen), puška, duhovnik, pîrnik, rîmnik (iz rîbnik), pivniţa, poftă (iz pohtă), răpštesc i t. d., koje su u staroslovenskom glasile: съдравъ, притъча, съвада, бъдѣние, безданно, праздьникъ, зълобивъ, нетѧгъ, облѫкъ, сѧжьнъ, прѫдъ, дѫбъ, стлъпъ, рѧдъ, свѧтъ, потѧгъ, паѫкъ, поушька, доуховьникъ, прьникъ, рыбникъ, пивьница, похътѣние, ръпъщѫ.

Druga kategorija: stînžen, stekla (i stikla), temniţa, prekupeţ, koteţ, stareţ (i stariţ), šugubeţ, oţet, sprinten, u starim tekstovima: smĕren, pĕvetz, pa veste, poveste, lene, melitza i t. d., koje su u staroslovenskom glasile: сѧжьнь, стькло, тьмьница, прѣкоупьць, котьць, старьць, *соугоубьць, оцьтъ, спрѧтьнъ, съмѣрьнъ, пѣвьць, вѣсть, повѣсть, лѣнь, мьлица i t. d.

Treća kategorija: dobitok, vîrtop, svitok, năpîrstok, vînzok, prilostesk, tokma, moždai: šoptesk i t. d., koje su u staroslovenskom glasile: добытъкъ, врътъпъ, съвитъкъ, напрьстъкъ, съвѧзъкъ, шьпътати, тъкмо, прѣльстити.

Četvrta kategorija: rîvna, pîra i pîrnik, păstrăv, pîkla, mîškoĭ, mîzda, ovăz, ime jednog posjeda: Tîmna, pa dîra, tirăsc, možda i: văduva, stiklă, prizărit, zăresc, pa skîrbă, i u starim tekstovima: dveară, sineaţă i t. d., koje su u staroslovenskom glasile: рьвьнъ, пьры, пьрьникъ, пьстръ, пьклъ, мьскъ, мьзда, овьсъ, тьмьна, съдьрати, тьрати, вьдова, стькло, скръбь, призьрѣти, зьрѣти, дврь, свиньць i t. d.

I Miklošić i svi naši filolozi tvrde, da su ove četiri kategorije riječi ušle u rumunjski jezik u Jordanovo doba, to jest u VI. i VII. vijeku, iz staroslovenskoga; samo je Miklošić one iz treće kategorije smatrao staroslovenskim u »Die slav. Elem. im Rumun.«, dočim ih kasnije, u »Beiträge zur Lautl. der rumun. Dial. Vocal. II« str. 17 smatra riječima ruskog izvora u rumunjskom. Ali, po današnjoj nauci, one ne mogu biti smatrane za staroslovenske, budući da je njihova fonetika mladja od staroslovenske. A evo zašto. Današnja nauka, nekako razlikujući se od Miklošića, tvrdi, da ъ je glasilo kako ă (to jest današnje bugarsko ъ) a ь kako ĕ (to jest »ein geschlossenes, kurzes« e nagnuto k i, kao što je i u njemačkom bitte); a ona tvrdi još i da ne samo u VI. i VII. vijeku već jamačno i u Ćirilo-Metodijevo doba, to jest bar u IX. ako ne i u X. vijeku, i ъ i ь su se izgovarali svagdje, gdje su se pisali u staroslovenskim spomenicima. A to, odnoseći se na dakijske Slavene, znači, da su se ъ i ь izgovarali i u njihovom jeziku, i to ne samo u IX. već i u VI. i VII. vijeku Jordanova doba.

Tako kaže današnja nauka, predstavljena u tom Jagićem, Soboljevskim, Leskienom, Vondrákom i t. d.

Ali prema tome, kad bi riječi prve kategorije bile došle u rumunjski jezik u staroslovensko doba, to jest izmedju VI. i IX. vijeka, one bi glasile i u nas kao što u staroslovenštini sa onim ă (ъ) ili ĕ (ь) na koncu i u njihovoj sredini; dakle bi bile glasile, bar nekad, sădravăn a ne sdravăn; prităča a ne priča, i t. d. kako što sada glase. Ali one riječi nijesu nikad glasile tako u rumunjštini, što nam i stari tekstovi dokazuju. A kad bi nam došle iz staroslovenskog, bile bi morale da tako glase i u nas, zato što *u organizmu rumunjskoga jezika uopće ne postoji fenomen da se gubi ovakovo* ъ = *ă* ili ь = *ĕ*, dakle ono ъ i ь *ne bi se bilo moglo izgubiti na zemljištu našem.*

Ako dakle one riječi nijesu mogle izgubiti ono ъ i ь na zemljištu rumunjskog jezika, slijedi da *su one došle* u ovaj jezik upravo *bez* ъ i ь, dakle da su došle *ne u staroslovenskom* stadiju *već u drugom stadiju bugarskog jezika*, došle su naime u jednom njegovom stadiju, u kojem je ovaj sam jezik po svojoj organičnoj fonetici bio izgubio ъ = ă i ь = ĕ.

Isto tako, kad bi riječi druge kategorije došle u rumunjski jezik u staroslovensko doba, one bi glasile i u nas sa jednim ь = ĕ na koncu i u njihovoj sredini. A kad bi ovako prešle u rumunjski jezik, morale bi da se isto tako i sačuvaju, zato što, *u organizmu našeg jezika*, *uopće nema te pojave* da ь prelazi u *e* ili da se gubi.

Isto tako kad bi riječi treće kategorije došle u rumunjski jezik u staroslovensko doba, one bi glasile i u nas sa jednim ă = ъ na koncu i u njihovoj sredini.

A kad bi ovako prešle u rumunjski jezik, morale bi da se tako i sačuvaju, zato što u organizmu našeg jezika ne mora da u ovakovim pozicijama *ă* prelazi u *o*.

Napokon kad bi riječi četvrte kategorije došle u rumunjski jezik u staroslovensko doba, one bi glasile i u nas uopće sa jednim ь = ĕ; a kad bi ovako prešle u rumunjski jezik, one bi morale da se tako i sačuvaju, zato što, *u organizmu našeg jezika*, ne mora da na ovakovim mjestima jedno *ĕ* prelazi u *i*.

Ali koji je bio ovaj drugi stadij bugarskog jezika, u kojem su one riječi, na tlu ovog jezika, počele da imaju one fenomene onih četiriju kategorija? Staroslovenski tekstovi su prijepisi iz X. ili XI. vijeka. Ako se promatra jezik ovih tekstova, vidi se, da se u njima pojavljuju kao nešto nenormalno i neobično, dakle kao nešto odaljeno od običnog njihovog jezika, upravo one *četiri fonetičke pojave*. Ove četiri pojave, koje se pojavljuju kao nešto *novo* u jeziku, odgovaraju onim *četirma kategorijama*, na koje smo razdijelili u rumunjskom jeziku slavenske

riječi, koje u staroslovenskom imaju ъ i ь. Naime kao nešto novo pojavljuje se u staroslovenskim tekstovima gubljenje onog ъ i ь, budi na koncu riječî, budi u njihovoj sredini, pa zamjenjivanje jednog ь sa *e* a jednog ъ sa *o* i napokon zamjenjivanje jednog ь sa ъ.

A naučna dalnja istraživanja današnje slavistike pokazuju, da ove četiri pojave, koje su samo nešto nenormalno i novo u staroslovenskim tekstovima, sastavljaju upravo individualnost bugarskog jezika u XII. vijeku, to jest u srednjobugarskom stadiju ovog jezika. A opet one se pojave rasprostanjuju u onom jeziku neprestano u sljedećim vijekovima sve do današnjega dana. To znači dakle, da počevši od X. ili XI. vijeka riječi iz onih četiriju kategorija glasile su u dalnjem razvitku bugarskog (t. j. srednjobugarskog) jezika *upravo kao što u rumunjskom.*

Istina je s druge strane da su neke izmedju riječî druge i četvrte kategorije mogle dobiti svoje *e* i *î* i na tlu rumunjskog jezika, isto tako kako n. pr. iz latinskog *titionem* imamo rum. tăčiune. Ali to niti mora niti može da bude ovako, jer i onima manjka staroslov. ъ i ь: rum. Tîmna, starosl. тьмьна, ali srednjobug. тъмна; rum. pîrnik, starosl. пьрьникь, ali srednjobug. пърник i t. d. A kad im manjka ъ i ь, to je znak da se one nijesu stvorile na rumunjskom zemljištu, već da su nam došle ovakove, kakove su, to jest i sa *e*, *ă*, *î* namjesto ь i bez ъ i ь.

II. Slavenske riječi sa ѫ i ѧ u staroslovenskom.

Ima u rumunjskom jeziku slavenskih riječi, koje sadržavaju u sebi nazalizam *în* (îm) i *un* (um). Izmedju ovih *în* odgovara staroslovenskomu ѫ ili ѧ, ali *un* odgovara samo ѫ. — Tako za *în* imamo a) prema ѫ: dîmb, gîngav, oblînk, osîndi, pîndi i pîndar, trîmbă, tîngui i tînži, mîndru, krîng, gînska, dobînda, krînčen, u Banatu: golîmb i t. d.; b) prema ѧ: sfînt, nătîng, zvîkni, îmbrînči, rînži, vînzok, rînd, tînžală, înstîngăni, smîntină, potîng, rînza, možda i păianžen ili păing, pa stînžen i t. d. A za drugu pojavu, kad *un* odgov. staroslov. ѫ: skump, munka, prund, lunka, undița, kumpăna, dunga, dumbrava i t. d.

Treba da unaprijed primijetimo, da je u rumunjskom jeziku broj riječi sa *în* najveći, dočim ih je sa *un* mnogo manje. Sam Tiktin mora da donekle to prizna, kad u Zeitschr. für roman. Phil. XII, 236, kaže: »ksl. ą wird nach Kons. bald durch *în*, bald — doch weniger häufig — durch *un* dargestellt.«

Ali svakako i ne obazirući se na to, i Miklošić i svi rumunjski filolozi rekli su, da su sve riječi ove vrste ušle u rumunjski jezik u Jordanovo doba, a prema tome izvodili su ih iz staroslovenskoga. Samo što su napr[illegible] razliku da riječi sa *un* [illegible] den älteren

Reflex des ѫ« (Miklosich: Beiträge, Voc. III, Cons. I, 24, a po njemu Ov. Densusianu: *Histoire de la langue roumaine*, 270[1]). Ali svi, prevareni nerazumijevanjem onoga Jordanova mjesta, nijesu opazili, da ove riječi nijesu nam mogle doći iz staroslovenskoga iz dva razloga: prvo, jer one nemaju glasa *ă* ili *ĕ*, što bi odgovarao staroslov. ъ i ь, a drugo, jer — pazeći na činjenicu, da su riječi sa *în* u velikoj većini a one sa *un* u maloj manjini — ѫ i ѧ bi morali da imaju u rumunjskom jeziku drugi refleks a ne *în*.

Današnja je slavistika dokazala, da je staroslovensko ѫ glasilo kao francuski *on* (i to samo tako, a ne još kao *un*, kako je mislio Miletič), a da je ѧ glasilo kao što franc. *in*. Prema tome one su riječi glasile u staroslovenskom, to jest bar od VI. do IX. vijeka: дѫбъ, гѫгънавъ, облѫкъ, осѫдити, пѫдити i пѫдаръ, трѫба, тѫговати i тѫжити, мѫдръ, крѫгъ, гѫска, добѫда, крѫчина, голѫбъ; ili: свѧтъ, нетѧгъ, звѧкнѫти, брѧкнѫти, рѧгнѫти, вѧзъкъ, (glagol вѧзати), рѧдъ, тѧжало, въстѧгнѫти, съмѧтана, потѧгъ, рѧса, паѫкъ i паѫчина, сѧжьнь; i: скѫпъ, мѫка, прѫдъ, лѫка, ѫдица, кѫпона, дѫга, дѫбрава.

Ali najprije činjenica da ove riječi nemaju ъ = ă ili ь = ĕ u rumunjskom jeziku, kako ga imaju u staroslovenskom: starosl. dąbă rumunjski dîmb, staroslov. rędă rum. rînd i t. d., — to nam dokazuje (prema rezultatu *prediducega paragrafa* o ъ i ь), da ove riječi, koje imaju nazalizam *in* ili *un*, nijesu nikako došle u rumunjski jezik prije X. vijeka; jer, kad bi prije došle, trebalo bi da imaju i u rumunjskom izgovoru ono finalno *ă* ili *ĕ*, što su ga imale u staroslovenskom prije X. vijeka.

Ali osim toga i nazalno *în*, *un*, prema staroslov. ѫ = on, ą, dokazuje nam istu stvar. Ako se promatraju latinske riječi u rumunjskom jeziku, vidi se, da je latinsko *on* uopće prelazilo po *pravilu* u *un*, a da samo iznimice imamo i *în* namjesto latinskoga *on*. Toga radi najviše latinskih riječi ima *un* a najmanje ih *în*. To je fakt, što se ne može poreći, a što je priznao i Tiktin u Zeitschrift für rom. Phil. XII. To znači dakle, da se za ostvarenje onog izuzetka (on = în) umiješala kakva druga okolnost; ta su okolnost, kako ja mislim, upravo slavenske riječi sa nazalizmom, o kojim ćemo govoriti odmah i koje imaju nasuprot u većini *în*. Isto tako vidimo, da je latinsko *en* u rumunjskom jeziku uopće prelazilo po pravilu u *in*, a da samo iznimice imamo *în*

---

1) Izpor. i Tiktina, u *Zeitschr. für roman. Phil.* XII, 220, da: »Manches heute durch *în* reflektierte ksl. *ą* mag ebenfalls die Stufen *on*, *un* durchgemacht haben«, — što je svakako pogrješno.

namjesto lat. *en*, i to po mojemu mišljenju s razloga, s kojega je i lat. *on* izminice prelazilo u *in*.

Ali, ako se promatraju slavenske riječi u rumunjskom jeziku, vidi se, da staroslovenskomu ѫ odgovara uopće *po pravilu în*, a da mu samo iznimice odgovara *un*. Dakle upravo *protivno* onomu, što smo opazili za latinske riječi. Toga radi, opet protivno, najviše slavenskih riječi ima *în* a najmanje ih *un*. To je fakt, što se ne može da poriče, a koji nam pokazuje, da je on bio ona okolnost, koja je prouzrokovala onaj izuzetak (*în* namjesto *un*) u latinskim riječima rumunjskog jezika. S druge strane u slavenskim riječima našeg jezika, kao što i u latinskim, staroslovenskomu ѧ odgovara uopće po pravilu *in* a samo iznimice *în*. Bar za slavenske riječi uzrokom je ovomu izuzetku bio vlastiti fonetizam bugarskog jezika.

U VI. i VII. vijeku rumunjski je jezik imao i razvio u svojem organizmu fonetičko pretvaranje *on* latinskih riječi u *un*: munte lat. montem, punte lat. pontem, kumpăr lat. comparo, kumpăt lat. computo. Upravo tada staroslovensko je ѫ — kako dokazuje danan̆šja slavistika — glasilo kao *on*. Kad bi naše slavenske riječi tada ušle u rumunjski jezik, one bi morale da slijede onaj opći fonetizam našeg jezika, dakle bi morale da i one *uopće*, *najviše njih*, pretvore slavensko *on* (kao što i latinsko) u *un*. Ali, kako je poznato i očevidno, slavenske riječi imaju u našem jeziku upravo *naopako*: manji njihov broj ima *un* a najveći *în*. To je dokaz da slavenske riječi sa nazalizmom, kojemu odgovara staroslov. ѫ, nijesu došle u rumunjski jezik u VI. i VII. vijeku. Dakle ove slavenske riječi sa *în* nijesu došle u rumunjski jezik u stadiju staroslovenskom već *u drugom* stadiju bugarskog jezika. To izlazi isto tako i za one sa *un*: munka, prund, dumbrava, dunga i t. d., kojih je broj mnogo manji.

Može li da se misli, da su nam u staroslovenskom stadiju došle riječi, koje imaju u rumunjskom *în* namjesto staroslov. ѧ: sfînt, nătîng, zvîkni, brînči, vinzok, rînd, tînžală, smîntîna i t. d.? Jamačno da ne može, jer se to ne može misliti za one, kojim odgovara staroslov. ѫ, a osobito kad i ove nemaju staroslovenskih glasova ъ i ь: sfînt ne sfentă kao starosl. свѧтъ, rînd ne rendă kao storoslov. рѧдъ i t. d.

Iz toga svega izlazi dakle, da ove sve tri kategorije slavenskih riječi rumunjskog jezika, — to jest one sa *în* namj. starosl. ѫ (dîmb i t. d.), one sa *un* namj. staroslov. ѫ (munka i t. d.) i one sa *în* namj. staroslov. ѧ (rînd i t. d.) — nijesu mogle doći u naš jezik u staroslovenskom stadiju, to jest u Jordanovo doba, već u drugom stadiju bugarskog jezika. Koji je taj drugi stadij?

Ako se uopće prima, da je u Ćirilo-Metodijevo doba staroslov. ѫ glasilo kao nazalno *on*, prima se takodjer, da poslije toga doba, to jest u X. ili XI. vijeku do XIV., ono je *on* počelo da se mijenja u bugarskom jeziku: najviše u *ăn* (= ѣн) sa dialektičkom niansom *an*, ali, dakako isto dialektički, i u *un*.

Dakle od toga doba bugarski je jezik mogao imati one riječi, o kojim govorimo u rumunjskom jeziku, sa fonetizmom: dъmb, oblъnk, osъnditi i t. d., to jest sa ъn mj. starosl. ѫ; ili i: skump, munka i t. d., to jest sa *un* mj. staroslov. ѫ. Ali ovaj mladji fonetizam bugarskog jezika upravo je onaj isti, sa kojim se one slavenske riječi pokazuju i u rumunjskom jeziku. To znači dakle, da su one riječi — koje nam nijesu došle u staroslovensko doba — počele da dolaze poslije staroslovenskoga doba, to jest u X. ili XI. vijeku.

Isto tako je i sa slavenskim riječima, koje u rumunjskom jeziku imaju *în* (a ne, kako bi trebalo i kako bi bilo pravilno, *in*) namjesto starosl. ѧ, ali o kojima su i Miklošić i svi naši filolozi rekli, kao što Tiktin u Zeitschrift für roman. Phil. XI, 60, da imaju *în* iz starosl. ѧ, — a da se nijesu ni sjetili srednjobugarskoga miješanja jusova. Poznato je naime, da u doba poslije staroslovenskoga, u njekim krajevima bugarskog jezika i u naročitim mjestima riječî, jusovi ѫ i ѧ su se počeli miješati medju sobom. Tim miješanjem došlo se do toga, da se u njekim riječima već u srednjobugarsko doba izgovoralo *ăn*, to jest izgovarao se fonetizam, što odgovara staroslovenskomu ѫ, a ne, kako bi pravilno trebalo: *en* ili *in*, to jest: nije se izgovarao fonetizam, što odgovara staroslovenskomu ѧ. Ali srednjobugarske forme, upravo sa ovakim fonetizmom, nalaze se i u onim nekim slavenskim riječima rumunjskog jezika, koje imaju *în* namjesto pravilnoga *in*: sfînt, nătîng i t. d., a to dokazuje, da i ove riječi nijesu se modelirale na rumunjskom zemljištu i u ovom jeziku već da su nam upravo tako modelirane došle od Bugara u doba poslije staroslovenskog, to jest počevši negdje od X. ili XI. vijeka.

III. Slavenske riječi sa ꙑ u staroslovenskom.

Ima u rumunjskom jeziku mnogo slavenskih riječi, koje u staroslovenskom obliku sadržavaju u sebi glas ꙑ = *î*, dočim u rumunjskom imaju *i* namjesto onog ꙑ = *î*.

Tako rumunjski: v*i*dra, b*i*vol, m*i*tă, vlăd*i*că, pel*i*n, smok*i*n, mogh*i*la, ob*i*čeĭ, kob*i*la, rak*i*ta, dob*i*tok, isp*i*ta i isp*i*tesk, kop*i*ta, str*i*vesk, zăm*i*slesk, răs*i*pesk, t*i*kva, pust*i*nik i pust*i*ie, gr*i*ža, prost*i*ie, d*i*haniie, năs*i*p,

od*i*hnesk, pot*i*cnesk, d*i*hor, p*i*r, k*i*seliţa, k*i*tesk, ogr*i*nžĭ, okol*i*š, skitačĭ, sporiš, ribiţa, i t. d.

Za ovakove riječi i Miklošić i svi rumunjski filolozi (kao što na primjer Ov. Densusianu: *Histoire de la langue roumaine*, 273) misle, da su nam došle u rumunjski jezik za vrijeme Jordanovo, dakle u staroslovenskom obliku.

Ali učenjaci nijesu opazili niti za ove riječi (kao što nijesu za one sa ѣ, ь ili ѫ, ѧ), da se historička fonetika bugarskog i rumunjskog jezika protivi ovakovomu zaključku. Jer u istini u jeziku i stadiju staroslovenskom, i u IX. vijeku, dakle tim više u VI. i VII., ove su riječi imale glas ы = *i* namjesto *i* rumunjskog: starosl. выдра, izgov. vîdra, dočim rumunjski vidra; starosl. выволъ, izgov. b*i*volă, dočim rum. bivol; stslov. мыто, izgov. m*i*to, dočim rum. mită i t. d.

Kad bi ove riječi došle u rumunjski jezik u VI. i VII. vijeku, tim više bi ušle u nj sa *i* = ы, čim čak i u Ćirilo-Metodijevo doba one imaju ono *i* u staroslovenskom. A u tom slučaju one bi morale biti i danas sa *i*, a ne sa *i*, u rumunjskom jeziku; jer toliko *stari rumunjski spomenici* koliko i *današnji naš jezik* pokazuju, da fonetika rumunjskog jezika ne dopušta da se misli, da su nam one došle iz staroslovenskoga sa *i*, pa da bi se na rumunjskom zemljištu pretvorilo *i* u *i*. Organizam rumunjskog jezika naprotiv naginje uprav na to, da pretvara *i* u *i*: n. pr. prije ziua pa poslije zîua, prije zik pa poslije zîk, prije strik pa poslije strik, prije sting pa poslije stîng, sin pa sîn, singur pa sîngur, tzine pa tzine, pa čak prije sită (staroslov. сито) a poslije sîtă, tzigla pa poslije tzigla. Dakle, prema ovome nagnuću rumunjskog jezika da pretvara *i* u *i*, one riječi, kad bi ušle u nj sa *i*, isto tako bi i ostale, a ne bi pretvorile *i* u *i*, jer ne bi imale nikakog povoda za to; one bi dakle morale da i u rumunjskom glase kao u staroslovenskom: vidra, b*i*volă, m*i*tă, vlăd*i*kă i t. d.

Ako ih nemamo ovako, sa *i*, to je dokaz da ove riječi nijesu nam došle niti u VI. i VII., a niti u Ćirilo-Metodijevo doba (IX. v.), već u drugom stadiju bugarskog jezika, naime u jednom njegovom stadiju, u kojem na bugarskom zemljištu staroslov. *i* bilo se pretvorilo u *i*. A koji je taj drugi stadij?

U staroslovenskim spomenicima nalazi se, kao rijedak izuzetak, glas и = i namjesto ы = î, kad je ovaj zadnji glas bio iza ρ = r, tako u Codex Zograph. рика pored običnoga рыка; u Savinoj Knjizi: зивниць, рикѣ, i покриетъ pored običnoga покрыетъ i t. d. Rijetkost ove fonetičke pojave pokazuje nam, da je ona nešto novo u općem jeziku staroslovenskom [illegible] činjenica, da se ta pojava javlja samo iza ρ,

pokazuje, da je ovo pretvaranje glasa ъı u и počelo prije uz konzonant *r*; ali, kako se zna, ovo se poslije rasprostranilo dalje i uz druge konzonante. U spomenicima srednjo-bugarskim XII. vijeka ovo и namj. staroslovenskoga ъı gotovo je svuda provedeno. To dokazuje — a slavistika to priznaje —, da se u to doba staro ъı = *î* već bilo pretvorilo u и = *i* u bugarskom jeziku. A bugarski spomenici sljedećih vijekova, koji svuda miješaju и sa ъı, pokazuju, da je ova pojava pretvaranja ъı u и bila počela u vijeku staroslovenskih tekstova, a da se neprestano razvijala, tako da današnji bugarski jezik gotovo nema glasa *î*, nego vrlo rijetko i nenormalno, već gotovo svuda ima *i* namjesto staroslov. ъı = *î*.

Ali upravo to nam pokazuje, da su one slavenske riječi u rumunjskom jeziku, o kojima govorimo, da imaju *i* namj. staroslov. ъı = *î*, glasile u bugarskom u vijeku, iz kojega imamo staroslovenskih tekstova, sa *i*, dakle ne više sa staroslov. ъı = *î*: naime видра, бивол, мито i t. d. Ali isto sa *i*, a ne sa *î*, ima ih i rumunjski jezik: vidra, bivol, mită i t. d.

Ali sada još jedno pitanje u svezi sa ovim. Osim ove velike većine slavenskih riječi u rumunjskom jeziku, koje imaju *i* namj. starosl. ъı, ima u našem jeziku još *nekoliko* slavenskih riječi, koje se izgovaraju i sa *î* kao što u staroslovenskom. Tako je: r*î*găesk, h*î*rleț, r*î*s, r*î*bița, R*î*mnik, r*î*knesk, ț*î*gan (premda izmedju njih se jedne izgovaraju i sa *i*: ris, ribița, țigan).

I za ove, kako za one sa *i*, o kojim smo dosad govorili, misle i Miklošić i svi naši filolozi [1]), da su nam došle u Jordanovo doba. Samo, kažu oni, da su ove sa *î* starije (uralte Entlehnungen)[2]) nego li one sa *i*. — Je li to tako? Mi odgovaramo, da nije, već da su nam i ove, kako one sa *i*, došle u istoj periodi poslije staroslovenskog doba. A evo zašto.

Istina je da početak pretvaranja staroslovenskoga ъı u и spada već u X. ili XI. vijek. Istina je s druge strane da se u XII. stoljeću ъı bilo većim dijelom pretvorilo u *i*. Ali pored toga istina je još i to, da ъı se očuvalo dalje, gdjegdje na zemljištu bugarskog jezika, poslije XII. vijeka i do današnjeg dana. Glas *î* naime se nalazi i u srednjobugarskim spomenicima; a današnji bugarski jezik, uz opće *i* namjesto staroslov. ъı, ima rjedje i *î* sačuvano u jednom malom broju riječî, tako u nekim selima Macedonije (Ispor. Miletič, Arch. für slav. Phil.

1) Ovid Densusianu: *Histoire de la langue roumaine.* Tiktin, u *Zeitschrift für romanische Philologie* X, XI, XII.

2) Miklosich: *Beiträge*, Vocal. III. Conson. I, str. 18.

XX, 586). Što više u današnjem bugarskom jeziku, takodjer kao rjedja fonetička pojava, ima (čega nema i u staroslovenskom) i *i* namj. etimolog. *î* (Miletič, Das Ostbulgarische str. 74—75). To znači dakle isto tako, da uz obične riječi sa *i* namj. staroslov. ꙑ mogle su biti u srednjobugarskom, i u XI. i XII. vijeku i kasnije do danas, još riječi sa *î*: ръıкник, цъıганин i t. d. Dakle poslije IX. vijeka, to jest u doba poslije staroslovenskog, bugarski jezik, koji je imao riječi i sa *î* i sa *i* namj. starosl. ꙑ, mogao je da daje rumunjskomu i riječi sa *i* i riječi sa *î*. Premda se može da pretpostavlja [i to da je ova manjina riječi sa *î* došla u rumunjski jezik isto sa *i*, kao što i ona većina iz srednjobugarskoga, ali da se na zemljištu našeg jezika *i* pretvorilo u *î*, kako se uopće i pravilno dešava u nas. A to bi se moglo tim više pretpostaviti, što se ove riječi pojavljuju u rumunjskom jeziku i sa *î* i sa *i*: țîgan i țigan, Rîmnik i Rimnik, rîs i ris, rîbița i ribița. Pa r*î*găesk nalazi se i sa *i* već u XVI. vijeku u Skejanskom psaltiru pod oblikom ригъи, a Rîmnik je sa *i*: Римник u jednom Liturgijaru naštampanom god. 1733 i u jednom Katavasijaru naštam. god. 1744 (I. Bianu și Nerva Hodoș: *Bibliografia românească veche*, tom II, fasc. 1, str. 48—49). Može dakle biti da su nam ove riječi sa *î*: Rîmnik, rîs, rîgăesk i t. d. došle isto sa *i*, kao što i one sa *i*: vidra, pelin i t. d., ali da su, iz kakovih god razloga, ove zadnje ostale dalje sa *i*, dočim su one prve pretvorile *i* u *î* na zemljištu rumunjskog jezika, po jednom organičnom pravilu ovog jezika, po kojemu se pretvorilo na primjer i s*i*ta u sîta (stsl. сито) ili ț*i*gla u ț*î*gla (stsl. цигла).

IV. Slavenske riječi sa ѣ u staroslovenskom.

Ima u rumunjskom jeziku mnogo slavenskih riječi sa *diftongom ea*. Tako: treabă, leak, leat, smead, deal, leasă, mreaža, breaz, žgheab, Neamț, hrean, pribeag, teask, steag, peaveț i t. d. O njima i Miklošić (Die slav. Elem. im Rum., 5, 12 i Beiträge 19) i naši su rumunjski filolozi (Čihak u *Dictionnaire* I; Tiktin u Studien, 10; Ov. Densusianu u *Histoire de la langue roumaine*, 241, 273) rekli, da su došle u rumunjski jezik — skupa sa onim, koje imaju nazalizam ili ъ, ь ili ꙑ u starosl. — u Jordanovo doba. Ali ove riječi imaju u staroslovensko doba jedno ѣ prema našemu diftongu *ea*: трѣба, лѣкъ, лѣто i t. d. Premda jedni filolozi tvrde, da je staroslov. ѣ glasilo kao *ja* ili *jä*, drugi kao *'a*, treći (Geitler i Tiktin) kao *ea*, ipak najtemeljitije je mišljenje Miklošićevo, Soboljevskoga, Leskinovo, Miletičevo i Vondrákovo: da je staroslov. ѣ glasilo kao meko *e*, koje se približalo k *a*, kao što na primjer njemačko *ä* u riječi *Bär*. Prema tome i po Miklošiću ona

riječi su u staroslovensko doba glasile: *träba*, *läkă*, *läto* i t. d. A tim više su one tako glasile u Jordanovo doba.

Niti u starim rumunjskim spomenicima niti u današnjem rumunjskom jeziku ne vidi se, da je nekad egzistirao glas *ä* u nas. Dakle niti ove riječi nijesmo izgovarali sa *ä*. Ali se ne može niti tvrditi, da smo ih mi primili u staroslovenskoj fazi, to jest sa *ä*, pa da smo na zemljištu našeg jezika pretvorili staroslovensko *ä* u današnje *ea*. A to nije moguće bilo za to, što rumunjsko uho i danas — kao što jamačno i onda — ne shvata *ä* kao diftong *ea* već kao *e*. To se može vidjeti na njemačkim ili francuskim riječima, koje imaju *ä* i koje su ušle u rumunjski jezik, ili kad Rumunji izgovaraju danas francusko ili njemačko *ä*. Tako, osobito u Erdelju, Rumunji izgovaraju: treger (njem. Träger), briftregăr (njem. Briefträger), chemfăr (germ. Kämpfer), gheșeft (njem. Geschäft) i t. d.[1]). A kad Rumunj govori francuski uopće ne shvaća i ne izgovara različno *é*, *è*, *ai*, nego sve kao jednostavno *e*: m*e*r franc. mère, p*e*r franc. père; *e*p*e* franc épée, ili m*e*zon franc. maison, m*e*n franc. main. A to opet pokazuje, da Rumunj svako *ä* shvaća kao jednostavno *e*. Ako dakle rumunjski jezik nije nikad imao i uopće nema glasa *ä*, pa ako danas Rumunj shvaća kao jednostavno *e* svako strano *ä*, onda mora da je u duši rumunjskog jezika uvijek živjelo isto današnje nagnuće da bi se primilo kao *e* i slavensko *ä*. Tako da, kad bi one slavenske riječi, o kojima govorimo i koje u staroslovenskom imaju ѣ namjesto rumunjskoga *ea*, bile došle u rumunjski jezik u *staroslovenskom* obliku, onda one bi morale da glase u rumunjskom sa *e* a ne sa *ea*; jer starosl. ѣ = *ä* bilo bi shvaćeno rumunjskim uhom kao *e*. U tome slučaju naravno Rumunji bi izgovarali sm*e*d (na pr. kao: sek) a ne smead, prib*e*g (na pr. kao: întreg) a ne pribeag i t. d.

Činjenica dakle, da ih imamo sa *ea* a ne sa *e*, pokazuje, da smo mi primili ove riječi ne u staroslovenskom stadiju već u drugom stadiju bugarskog jezika, u jednom stadiju naime, kad je sam bugarski jezik izgovarao diftong *ea* na onim mjestima namjesto staroslov. ѣ. — A koji je ovaj stadij? Kao nešto anormalno javlja se u Codex Zograph. i Codex Marianus pored сѣнование još санове i сѣанове, što znači, valjda, da je onda, to jest u X. ili XI. vijeku, staroslov. ѣ bilo već počelo da se pretvara u *ea* (ili *ᵉa*). Tako misli Jagić (već u Arch. für slav. Phil. VI, 78). Kasnije javlja se to dalje kadikad, premda je literarna tradicija zahtijevala, da se piše redovito ѣ (Vidi to u mojoj knjizi:

---

1) Ispor. Simion C. Mîndrescu: *Influența culturei germane asupra noastră*. Jași 1904.

Fonetika Alfabetuluĭ cirilic, str. 129). A današnji bugarski jezik, koji ima *ä*, možda kao staroslov. ostanak, ima još i *ea*. Nenormalnost ove pojave u staroslov. spomenicima, što imamo, i njezina današnja normalnost u bugarskom jeziku, pokazuje, da u X. ili XI. vijeku u njemu se počelo pretvarati staroslov. *ä* u *ea*, a da se ovo pretvaranje raširilo od onda dalje do danas.

Prema tome dakle u X. ili XI. vijeku one riječi slavenske, koje su imale ѣ u staroslov., glasile su uopće sa *ea* u bugarskom (to jest u više ili manje srednjobugarskom) jeziku: треаба, леак, леато i t. d. Ali upravo tako glase ove riječi i u rumunjskom jeziku. Ako dakle ove riječi nijesu mogle dobiti ovo *ea* iz staroslov. *ä* na zemljištu rumunjskog jezika, slijedi da su nam one došle iz bugarskog jezika, upravo sa *ea*, počevši negdje sa X. ili XI. vijekom, to jest u više ili manje srednjobugarskom stadiju.

Iz toga svega slijedi da i ove riječi sa *ea* namjesto staroslov. ѣ — kao što i one sa nazalizmom, sa ъ, ь ili sa ı namj. starosl. ꙑ — nijesu nam nikako došle prije X. vijeka, dakle niti u Jordanovo doba već samo poslije IX. stoljeća.

*

Ima još i drugih karaktera u slavenskim riječima rumunjskoga jezika, koji se isto tako nalaze ne u staroslovenskom već samo u srednjobugarskom jeziku. Ovi karakteri bi nam još više potvrdili ovu našu antistaroslovensku teoriju. Ali za sada, zato što ću to pitanje mnogo opširnije razložiti u knjizi, što pripravljam, ograničujem se samo na ova četiri karaktera, o kojima sam dosad — i o njima ukratko — raspravljao.

Inače bar jedan izmedju ovih četiriju karaktera nalazi se *u svakoj slavenskoj riječi rumunjskoga jezika*. To znači, da ovaj naš antistaroslovenski zaključak može da se odnosi apsolutno na sve naše slavenske riječi, dakle da (relativno) nijedna nije nam došla prije X. već samo poslije IX. vijeka.

Ali ako je to tako, kako ima da se razumije ono Jordanovo mjesto? Očevidno je da, na temelju ovih mojih antistaroslovenskih zaključaka — ako su oni dobro izvodjeni — ne može više da se drži, da su Rumunji živjeli skupa sa Slavenima u Jordanovo doba (u VI. i VII. v.), već da su skupa s njima živjeli samo poslije IX. vijeka, to jest samo u perijodi više ili manje srednjobugarskoj. To znači dakle, da su u Jordanovo doba Slaveni i Rumunji živjeli u Dakiji, ali ne skupa smiješani, kako se misli, već jedni na jednoj a drugi na drugoj njezinoj strani. Ovaj naš antistaroslovenski zaključak utemeljen na historičkoj fonetici slaven-

skih riječi u rumunjskom jeziku, ruši dosadašnje Šafařikovo i Miklošićevo mnijenje (koje je i Niederle prihvatio), da su Slaveni stanovali po *čitavoj* Dakiji, smiješani s Rumunjima, počevši od VI. vijeka dalje k našemu vremenu, kako su ovi učenjaci razumjeli ono mjesto u Jordana. Ali naš zaključak potvrdjuje — filološkim putem — Zeussov zaključak, koji je u svojoj knjizi: »Die Deutschen und die Nachbarstämme« izrekao, da ono poznato Jordanovo mjesto treba da bude rekonstituirano ne kako ga je razumio Šafařik (i Miklošić), to jest ne u smislu da su Jordanovi Slaveni živjeli po *cijeloj* Dakiji, već tako, kako to mjesto glasi u starim Jordanovim izdanjima i u jednom rukopisu, naime, da su Slaveni u Jordanovo doba živjeli: »a civitate novi et Sclavino Rumunnensi et lacu qui appellatur Musianus«. A, prema tome zaključku, Zeuss, — i ne sumnjajući, da bi mogli egzistirati ovakovi filološki razlozi, kao što su ovi moji, no samo svojom genijalnom intuicijom — kaže, da ono Jordanovo mjesto treba da se razumije u smislu da: »die nördlichen Grenzen der Sklawenen lägen so am Dniester und an der Weichsel, die südlichen an der Donaumündung und der Aluta«. Aluta je rumunjska rijeka Olt. Dakle, prema tome Zeussovom rekonstituiranju, Slaveni su živjeli u Jordanovo doba u istini u Erdelju, Vlaškoj i Moldavskoj, ali samo u istočnom njihovom kraju — do Olta prema zapadu, a od ove rijeke na zapad nijesu živjeli Slaveni.

A budući da slavenske riječi rumunjskog jezika nijesu nam došle prije već poslije IX. vijeka, kako smo dokazali, slijedi da su u Jordanovo doba i do X. vijeka Rumunji živjeli u Dakiji *na zapad od Olta*, to jest na zapad od onog Sclavinum Rumunnense, koji je bio položen na Oltu, *na granici* izmedju Rumunjâ i Slavenâ.

To se inače potvrdjuje i činjenicom, da jedni rumunjski filolozi — kao što izmedju starijih Hasdeŭ u »Strat și Substrat«, București 1892 [1]), a izmedju mladjih profesor A. Candrea u »Buletinul Societății Filologice«, București 1905 — i ne znajući o ovim mojim argumentima, već samo proučavajući rumunjske govore u njihovom latinskom elementu, dolaze do zaključka, da se rumunjski jezik stvorio u Olteniji, jugozapadnom uglu Erdelja i u Banatu, dakle upravo u kraju Dakije na zapadu od Olta; a odavle, — kažu oni, — rumunjski se jezik, tečajem vijekova, rumunjskim migracijama rasprostrani dalje po čitavoj Dakiji, u Istru, češku Moravu, preko Dunava na Balkan i t. d.

Dakle po ovoj mojoj teoriji Rumunji su živjeli do X. vijeka, isto kao što i Slaveni, u Dakiji, ali odjelito od ovih, naime Slaveni na istok

---

1) Ispor. još Hasdeŭ: *Româniĭ Bănățenĭ*, u *Analele Academ. Romîne*, vol. XVIII.

od rijeke Olt: u većem dijelu Erdelja, Vlaške i Moldavske, a Rumunji od Olta na zapad, u Olteniji, južno zapadnom Erdelju i Banatu. Ali nekako u X. vijeku ekspanzivni pokret treba da je počeo da se pokazuje i medju Rumunjima i medju Slavenima, — kod prvih sa nagnućem da prelaze preko Olta, gdje su se nastanili medju Slavene, u one krajeve, u kojima *su do onda samo Slaveni živjeli*, a kod drugih (kod Slavena) sa nagnućem da prelaze preko Olta na zapad, gdje su se nastanili u onim krajevima, u kojima *do onda su samo Rumunji živjeli*. Tim pokretom i procesom asimilacije Rumunji su počeli *onda*, to jest poslije IX. vijeka, da primaju od Slavena, s kojim su počeli živjeti skupa, svakakva topografska imena i riječi, što imamo u našem jeziku. Dokazom, da su se samo poslije IX. vijeka Rumunji i Slaveni počeli miješati i živjeti skupa, jest činjenica, da slavenske riječi rumunjskog jezika imaju fonetiku ne staroslovensku već srednjobugarsku.

Jaşi, maja mjeseca 1907. *Ilie Bărbulescu.*

О чакавскоме ´.

О њему су исказивана различна мишљења. Неки га доводе из за-
днице словенске (Шахматов[1]), други пак (Решетар[2])) сумњају у
ігову дубоку старину уопште. У ствари, како се мени чини, истина
— по средини. И ако се не може доказати да је постао у зајед-
іци словенској, ипак његове карактеристичне црте јасно показују да
он могао постати и пре српскохрватске заједнице. Његово је ја-
ање условљено специјалним приликама, које су створене изменама
едничкословенских акцената после заједнице словенске. Баш зато
го се тачно не зна, када су се те измене извршиле, да ли у јужно-
овенском, српскословеначком или заједничкосрпском, не може се ни
ек с поузданошћу рећи, шта је све утицало на његово образовање.
е улазаћи у детаљна питања о његовој хронологији, изнећу овде само
оје мисли о његову постанку.

Све примере[3]) у којима се данас у чакавскоме дијалекту налазу ´
жемо поделити на две групе: на примере у којима се тај акценат
звио независно од полугласника и на такве за које је непосредно или
средно везано губљење полугласника.

Да узмемо прво прву групу примера.

1. чак. *mlátiš* = шт. мла̂тӣш. Ако се претпостави да је мишљење
[ахматовљево[4]) о постанку и значају рускога моло́тишь и тачно,
ак ми ни по чему не морамо претпоставити да се стари заједничко-
овенски дуги слаби акценат ту сачувао до данашњег дана. Он
јашњава то дужином потоњег слога; али се нигде, ни у једној више

1) Къ исторіи ударенiй въ славянскихъ языкахъ (Изв. III књ. 1), стр. 3 и даље.

2) Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten, 25 стр.; исп. и
·ну тога дела од А. Шахматова, Изв. Отд. р. яз. и сл. VI. 1 кн. 345 и даље.

3) Материјал узимам из Мажуранићеве Slovnica Hèrvatska (Zagreb 1859), Не-
мићевих Čakavisch-kroatische Studien I—III (Wien 1883—1885) и Решетарева
ника »Alter steigender Accent im Serbischen«, *Archiv* XVII 192 и даље.

4) Къ исторіи 23.

категорији (исп. ниже) примера, не види такав утицај дужине. Зато ја и мислим да се дуги акут и ту скратио исто онако као и свугде другде: *mlàtīšь. Под утицајем дужине у инфинитиву и другим облицима (mlāt̀iti) тај је облик добио поново дужину, која је са овако скраћеним слогом дала поново ′, који се тако у чак. дијалекту сачувао до данас. а у штокавском се, по познатом правилу, претворио у ˆ.

2. Као потврду своме мишљењу, да се у горњем примеру заједничкословенски слаби дуги акценат сачувао пред дужином потоњег слога, Шахматов[5]) наводи ове речи: чак. *stráža* : шт. стра̑жа; чак. *súša* : шт. су̑ша; чак. *grája* : шт. гра̑ђа: чак. *žéja* : шт. же̑ђа, шт. ла̑ђа и сл. Али вероватност да у тим примерима имамо такав случај још је мања него у горњем, јер се овде — као што је тачно приметио Куљбакин[6], — не може констатовати никаква нарочита дужина која се не би морала скратити онако као и у другим сличним случајевима (т. ј. код *a* основа. Шахматов мисли да се као траг те дужине сачувао дуги слог у gen. sing. код данашњих *a* основа у шток. говорима: во̏дē, сла̏вē; али, прво, у чак. дијалекту имамо ту и *i* које је такође дуго: *vodi* (исп. ниже); друго, тај се падеж завршавао сугласником у заједничкослов., па се, на неки начин, можда, ту дужина дуже сачувала него на апсолутном крају речи[7]), и, треће, има доста именица са таквим (т. ј. *ja*, наставком код којих је дуги слог основе правилно скраћен (пре̏ђа, ту̏ча, мре̏жа, сва̏ђа и мн. др.). Зато ја и мислим да је и у свима горњим случајевима (исп. руско сторо́жа, горо́жа и сл.) стари дуги слаби акценат првобитно скраћен, па да је тек доцније, са стране, унесена поново дужина у тако скраћен слог, који је са дужином дао ′. Веза међу глаголима *strāž̀iti* : **strážīm*, *grād̀iti* : **grádīm*, *sūš̀iti* : **súšim* и овим именицама тако је блиска да је сасвим природно, као што је учинио и Лескин[8], претпоставити да је дужина из тих глагола поново унесена у ове именице. Именица же̑ђа, која гласи у чакавскоме[9] и *žéja*, могла је добити дужину од же̑ђ : же̑ђи, же́дан, же̑днӣ и сл. Именица ла̑ђа трослошна је по пореклу (**oldъja*), па према томе онако

5 Къ исторіи 19—23; спом. оцена, стр. 353 (nota).

6 Замѣтки о словянскомъ количествѣ и удареніи (СПб. 1907), стр. 66 (Засебно одшт. из Изв. Отд. IX кн. 4.

7 Meillet. Mém. de la Soc. de Lingu. XI 348 мисли да су те именице имале циркумфлекс на крајњем слогу (исп. *garbẽ* у лит.) и да зато нису преносиле акцента; али се томе противе именице са кратким слогом у корену које преносе редовно акценат на крај (зѐмља, мѐђа и сл.).

8 Untersuchungen über Quantität und Betonung in den slavischen Sprachen I B. C. 1893, стр. 33—34.

9 Немaнић II 23: сличан сам облик чуо у Херцеговини.

чување споменутог акцента непосредно пред дугим слогом — за њу не вреди: чак кад бисмо и претпоставили[10]) да је акценат првог слога у ње био стари циркумфлекс као ула̂кат, ипак би њена данашња дужина у српском језику потицала од губљења полугласника (као у гро̑бље). — И све се друге именице оваква типа могу објаснити или овако или слично.

3. Такав акценат, опет у почетном слогу, находимо у одређеним придевским облицима[11]): чак. *stári*, *lúdi* и сл. = шт. шта̑рӣ, лу̑дӣ и сл. Однос међу неодређеном и одређеном придевском формом врло је карактеристичан. Слагање у томе правцу српскохрватског и рускога језика показује да је у њима старина. Основна црта њихова, с акценатске тачке гледишта, у томе је, што се акценат — тамо где има фонетске могућности — преноси у неодређеној форми на крај, а у одређеној остаје на корену: бѣла́, синя́, желта́, цѣла́, глупа́ и т. д.: бѣ́лая, си́няя, жёлтая, цѣ́лая, глу́пая и сл. = бе́ла, жу́та, це́ла, глу́па и сл.: бе̑лā, жу̑тā, це̑лā, глу̑пā и сл.[12]). Последњим примерима одговарају у чакавском облици са ʹ на првом слогу. То исто имамо и у случајевима када је у корену кратак вокал: рус. боса́, гола́ и сл.: бо́сая, го́лая и сл. = срп. бо̀са, го̀ла и сл.: бо̏сā, го̏лā и сл. При објашњавању ових облика не треба, као што многи чине[13]), полазити, од српских облика, већ од руских. Однос бѣла́: бѣ́лая може се само тако разумети, ако се претпостави да је у првом примеру на почетном слогу циркумфлекс, а у другом акут[14]). Да је то заиста тачно види се најбоље из облика са »полногласјем«: го́лоденъ: голо́дный, хо́лоденъ: холо́дный и сл. Према овоме разлика између бо̀са и бо̏сā није у томе што је у одређеног облика на крају дуг вокал, јер у руском облику нема контракције, па ипак имамо такав исти однос, већ у томе што је акценат првог слога друкчији. Сасвим је друго питање, зашто је у одређеној форми добивен друкчији акценат него у неодређеној; за нас је овде главно да је он у одређеној форми акут, када је у неодређеној циркумфлекс код дугих слогова у корену или слично код

10) Tore Torbiörnsson, Die gemeinslavische Liquidametathese I 7.

11) Решетар о. с. 197, Неманић III 11 и даље.

12) Види друге примере код Даничића, Akcenti u adjektiva, Rad XIV 88 и даље.

13) Куљбакин мисли да је контракција на крају у српском језику учинила да се ̑ измени у ʹ; тај се пак акценат чувао и даље пред дугим потоњим слогом (Замѣтки 66). Али, прво, у почетном слогу нисмо имали првобитно ̑, а, друго, како би се тај ̑ могао, ако се прими Шахматовљева хипотеза о скраћивању дугих слогова у првом слогу многосложних речи — као што чини Куљбакин —, могао сачувати на том месту до контракције у српском језику?

14) Meillet, op. cit. 349.

кратких. Према томе бисмо, место горњих облика, овде очекивали овакве облике[15]: **bělā*, **žùtā*, **cěla* (т. ј. *бе̏ла̄, *жу̏та̄, *це̏ла̄ и сл.). Ти су облици, свакако врло рано, под утицајем паралелних неодређених облика, наново добили дужину, која је и овде са кратким слабим акцентом дала ˊ, који се тако сачувао у чакавском, а у штокавском је прешао у ˆ. За то има и индиректних потврда: прво, у компаративу (бр̏жӣ, бла̏жӣ, мла̏ђӣ и сл., исп. рус. моло́же, коро́че и сл.), и, друго, у посесивним придевима на ји (вра̏њӣ, гу̏шчӣ, кра̏вљӣ и сл., исп. рус. коро́вья, воро́нья и сл.), код којих није било паралелних форми са циркумфлексом, а у којима је такође био — као што руске форме показују — слаби дуги акценат, имамо увек, и поред и контракције и дужине потоњег слога, слаби кратки акценат. Најзад, такав акценат имамо и у одређеној форми оних придева који у неодређеној форми имају слаби кратки акценат: ду̏г : ду̏гӣ и сл. Зашто се и овде стари ˊ није сачувао пред дужином потоњег слога? На то би се питање, поуздано, одговорило да је то због тога, што је овде одређена форма стајала под утицајем неодређене; али то, према свему што је горе изнесено, није потребно[16]).

Сличнога су постанка и ови облици: чак. *devéti*, *deséti*, *péti* (Неманић III 59), исп. шт. дѐве̄тӣ, дѐсе̄тӣ, пе̏тӣ, де̏ве̄т, де̏се̄т, пе̑т и руско девя́тый, деся́тый, пя́тый; чак. *gorúća*, *bojéć se* (Решетар 197), *pisáći* (Мажуранић 24 и 102; код њега ˈ = ˊ) и шт. то̀нӯћи, ви̏де̄ћи и пѐкӯћи, плѐтӯћи[17]). У форме са првобитно скраћеним наглашеним вокалом унесена је дужина из паралелних образовања која су имала на томе слогу или дуги акценат који се не скраћује или дужину иза акцента.

4. Досад смо прегле́дали облике у којима се ˊ находи у првом слогу двосложних речи или у претпоследњем слогу уопште, и видели смо да се он нигде не може објаснити чувањем старога акцента. Свугде смо могли претпоставити скраћивање старог дугог акцента и уношење нове дужине из паралелних образовања. То исто вреди и за крај речи. Образовања те врсте чине pendant горњим. Овамо долазе многобројни примери типа *klèčiš* и сл. (шт. кле̏чӣш = кле̄чӣш) и *vodé*, *vodí* gen. sing.

---

15) Сасвим са других разлога претпоставља скраћивање дужина у овим облицима Вондрак, В. В. XXX 133 и д.

16) Одступања од горњег има и у српском и у руском језику; али она, бар у српском језику, нису многобројна. Овамо долазе облици: ста̏р и ста̑рӣ. Такви се облици могу објаснити простим изједначавањем: **stâr* : **stȁrī* дало је поред *stárī* и *stär*, па су се неке од тих форми сачувале, а неке су се изгубиле.

17) Тако треба објашњавати и ч. *mojégo*, *jednóga* и сл. (Неманић III 7; Решетар 97 [illegible]) у којима је [illegible] страховане одређене [illegible] форме. Дужина [illegible]

:. во̀дё = водê)[18]. У оба случаја на крају је био стари дуги слаби ценат[19], који је морао бити скраћен. Из паралелних образовања (на *ви̏дīš* и сл., сла̏вё или сл.)[20] добивена је наново дужина, која је, ı и у свима другим случајевима, са старим кратким слабим акцен-ı, дала ′.

5. У једносложним речима налазимо врло често у чак. диј. ′. Од іх таквих образовања обично се одваја gen. pl. (на пр. *vlás*, *súd*), јер за њ мисли да је, свакако, по постанку, врло стар. Међутим за нас ;е он није од тако великог значаја, из простога разлога што је увек г, и што се на тај начин не могу тако лако одвојити примери са ıром, основном дужином од оних који су је путем аналогије добили. и иначе, ни у српском јез., ни у другим слов. језицима акценатске ілике gen. plur. нису испитане како ваља. И, што је овде најглавније, савски нам је материјал, баш у овоме провцу, врло мало познат. За-;а се не може тачно рећи, какав је био основни акценат у gen. plur. чак. у једносложним речима; ако се сложимо са мишљењем неких[21] ігвиста да је код именица са циркумфлексом у неким падежима у n. plur. могао бити акут, онда чак. ′ у таквим случајевима можемо аснити генералисањем дужине у том падежу и дуљењем, на тај іин, старога краткога слабог акцента који је добивен скраћивањем зобитног дугог акцента на томе месту[22].

Да узмемо сада примере друге групе. Постанак у њима ′ јасан зато су они врло поучни за проучавање овога чакавског акцента. они се могу поделити у неколико група: у једнима се акценат, због бљења крајњих полугласника или бар због губљења њихове пуније салности, преноси с краја на претходни слог, који, ако је дуг[23], тим пренесеним акцентом даје ′, на пр.: *klobŭk-ŭkȁ*, *tŭć*, *vŭć* и сл.

---

18) Примери у Решетара 196, Немањића II 27 и д.

19) Meillet op. c. 346—7.

20) Сви признају да је у водê дужина нова, само се не слажу у томе, како је ивена. Исп. горе тач. 2 и нап. 7.

21) Исп. Шахматова, Изв. VIII 2 књ. 309—310; Педерсена, K.Z. 38, 302 стр.; ıдрака B.B. XXX 141.

22) Шток. же̏нā и сл. облици (исп. Решетара Archiv XVII 192) ни у ком слу-у не представљају стари ′, исто онако као што тога акцента уопште, у употреби у он има у чак. дij., нема у шток. говорима. Исп. Глас LXII 205 и д.; С. М. љбакина Замѣтки 52 и материјал у Решетара Die serbokroat. Betonung, особито и даље.

23) Овако треба објашњавати и ′ пред новим енклитикама: и код њих имамо зношење акцента на претходну дужину, само са других разлога него у овим слу-свима, на пр: *jḁ́ san*, *tí biš*, *póćeš* (Решетар 197); можда се тако и може објаснити *tí* и сл. у неким чакавским говорима.

(Мажуранић 18; Решетар 196); у другим се у самом кратком слогу развија дужина пред познатим сугласницима[24]), када се њима завршује слог, на пр.: *rūkôm* (Маж. 23), *krāljén* (Нем. I 16), *gospodîn-îna* (Маж. 19. Реш. 196), *čȕval-čâvla* (Маж. 17), *divójka* (Нем. II 47), *gletúnac-gletúnca* (Нем. I 52), *dójde* (Реш. 197), *lišće*, *znąńe*[25]) (Реш. 197. Нем. II 6) и мн. др. и даје са основним кратким акцентом опет ′; и, најзад, има и таквих случајева где се може претпоставити и једно и друго, на пр.: *bôj-bojȁ* (Маж. 15), *ón* (Нем. III 7) и мн. др.

У свима овим примерима, у којима је у штокавскоме говору, ако је акценат на првом слогу, ˆ а иначе ‵ —, може се констатовати постанак ′ слично његову постанку у примерима прве групе: или се ̏ (ˈ) преноси на дужину или он добија дужину. Према правилу о скраћивању заједничкословенских акцената у српскоме језику, сасвим је природно што је у старијим примерима заступљена, у главноме, само друга половина овога правила.

Као што је познато, и у словеначком језику има појава, овима сличних[26]): *mlátim*, *stráža*, *devę́ti*, *loviš*, *mogǫ́č*, *zemlę́*, *pekǫ́* и т. д.; али су у њему дужине у претпоследњем слогу могле бити онако добивене како се у словеначком уопште добија нови ′; само за крајње слогове вреде горњи услови. И ако не би била немогућна претпоставка да су се сви ти појави развили у заједници српскохрватског и словеначког језика, јер и словеначки језик зна за скраћивање старог слабог дугог акцента као и српскохрватски, ипак ја остављам да се коначно мишљење о томе дâ тек онда када се боље испитају унутрашње родбинске везе међу тим блиским језицима.

За млађе појаве ове врсте од великог је значаја питање, да ли се у шток. и чак. дијалекту у њима ′ заједнички развио. Одговор на то питање налази се у вези са тумачењем многих других појава. На првоме месту, он зависи од тога, када је почело нестајати полугласника на крају, када се почео преносити акценат с краја речи на дужину пред њим и када се пред познатим сугласницима добијала дужина: да ли у заједници штокавскога и чакавског језика или у посебном развитку свакога од њих. Па и ту, у посебном животу свакога од њих, није свеједно, када су се ти појави јавили. Ако је то било пре времена када је у шток. говору ′ у старијим примерима прешло у ˆ и ‵ (од зајед-

24) Лескин, Untersuchungen I (1885) 8.

25) Разуме се да се за основну форму мора узети облик са скраћеним вокалом: **lisťje*, **znâńje* исп. *lišće*, *smȕlje* Нем. II 5 и сл.).

26) Исп. Валавчеве Glavne točke o naglasu kńiž. slovenštine (Rad 132, стр. 116 и даље), стр. 159. 160. 176. 209.

ничнословенскога скраћенога ʹ), тамо где се чувало, у ̏, — онда се и у млађим примерима, и у штокавском говору, могао добити ʹ, који је после прешао у ̑; али ако се све то извршило после споменутих појава, као што је врло вероватно, онда је штокавски говор у тим примерима развио свој ̑ непосредно из ̏ (од ̀) који је добио дужину. Тада би то, посредно, сведочило да се у чакавскоме говору, још дуго после одвајања од штокавскога, чувала разлика међу старим кратким акцентима ̀ и ̏.

Све ово показује нам двоје:

1. Да нема потребе одступати од Лескинова правила о скраћивању старога слабог дугог акцента у српскоме језику; и

2. Да се стари слаби кратки акценат, добивши на неки начин дужину, претварао у српскохрватском у нови слаби дуги акценат.

Има још доста примера који би се могли претрести овом прилико̀м, али ја сам се засада задовољио само оним који се обично тумаче на други начин.

Београд 23. V. 1907. **А. Белић.**

Вук Караџић и Бечка полиција.

»Ја би радо био Српски новинар, — одговара Вук Копитару[1], — али засад није могуће: а) зато, што сам прије свега рад ове пјесме издати на свијет; б) ја и друкчије не би писао, до по мојој ортографији, а тако би врло мало пренумеранта било: зашто је Карловачки двор и онако свуда овуда разгласио, да сам ја рад Србе да пошокчим и да поунијатим, и да сам на то поткупљен од Нијемаца и преварен од Вас; и да ме митрополит тужио за оне пробе Бугарског језика, и да сам зато из Беча проћерат, и Новине Српске да су зато укинуте. То је све из овдашњега двора владичина разглашено, и данас се разглашује (ономадне кад је овђе био Бранковић, сам је из своји уста људма ђекојим говорио, да се са мном не мијешају и да ме се чувају). Но доћи ће Видов дан«.

Сиромах Вук! Он тада још није знао, да је против њега у исто доба пуштена и супротна клевета код Бечке полиције, да је непријатељ Аустријском царству.

И шта је више у то доба могло компромитовати једног Србина у очима народним од сумње, да хоће Србе да поунијати: шта ли је опасније тада могло бити за једног човека, који живи у Аустрији, од подозрења, да је туђински агенат?!

И обе те клевете, и ако оне једна другу искључују, прихваћене су као истините: прва од гоњеног и на православље веома осетљивог народа Српског, друга од неповерљиве и веома опрезне Метернихове полиције. Оне су га пратиле целога живота, и не само што су њему лично донеле много тешких часова у животу, него су, без стварне потребе, једну чисто научну ствар пренеле на политички и религиозни терен, на коме се развила силна али узалудна борба, јер је унапред била осуђена да се сврши на штету његових противника, и која је апсорбовала многе снаге, које су се могле корисније употребити.

*

1 Из Темишвара, 9. дек. по р. 1822 год. Вукова Преписка, I, 207.

Остављајући на страну клевету да је поткупљен од Аустријанаца да поунијати Србе, која се не може ничим ни доказивати ни опровргавати, јер никаквих трагова о томе нема, да прегледамо однос Аустријске полиције према Вуку, па ће се из тога најбоље видети сва апсурдност обе те клевете.

На жалост грађа коју би нам за то питање пружиле Бечке архиве (geheime Hof- und Staatskanzlei, Kriegsarchiv и Polizey-Hofstelle) великим делом је уништена. Али и оно што је очувано, и из регистара, довољно је, да се види, како га полиција није пуштала из очију. У протоколима од 1828.—1838. год. у свакој свесци на стр. 31. има његова рубрика, његово резервисано место. Био он у Земуну, Дубровнику, Црној Гори или ма где, свуда се о њему води рачуна, свуда га прати будно око полицијско.

Још 1820. године фелдмаршал-лајтнант Томашић јавља из Задра (31. марта[1])), да је Јеремија Гагић 21. марта послао преко Т. Тирке једно писмо Вуку. А о Гагићу и Павковићу као руским људма имају огромни списи у архивама. По овоме изгледа да је Вук од самога доласка у Беч због познанства с Гагићем био подозрив Бечкој полицији, а ако тад још и није био, оно јамачно постао је подозрив после његова пута у Русију 1818.—19. године. Та се сумња од стране полиције увеличала кад је Вук 1826. год. добио Руску пензију.

1828. године Вук је хтео да иде у Србију, и почетком августа молио је за пасош, а није га био добио ни почетком октобра (Вук. Преп. I, 328). Ту његову молбу послало је Polizey-Hofstelle председнику Hofkriegsrath-а принцу Хохенцолерну, који је 16 истог м. упутио одговор на geheime Hof- u. Staatskanzlei, у коме вели, и ако досадашњи полицијски надзор који се над њим води још ничега подозривога против њега није могао опазити, опет обраћа пажњу тајној канцеларији, да ли му се може допустити повратак у Србију према извештајима о њему Земунске војене команде, и због садашњега стања у Србији и у околним турским провинцијама, и што се полицијски надзор, ако би у Србују прешао, даље над њим не би могао водити. Hofkriegsrath нема никаквог одређеног мишљење о његову путу у Србију, и оставља тајној дворској и државној канцеларији и полицији да она реши. А ако би ипак његов прелаз био сумњив, могло би му се одобрити да може доћи до границе н. пр. до Земуна или Панчева, и предузеле би се мере да преко гринице не пређе, и по потреби да под надзором остане.

На основу овога акта Метерних је писао графу Седлницком (шефу

---

1) Датуми су сви новог стила, сем где стари стил изрично буде помсиут.

Polizey-Hofstelle) под 31. авг., како се из акта види, тражилац пасоша бави се само филолошким радовима, а од политике је изгледа далеко, то му се пасош може издати, ако он не би имао каква основана разлога ди му то ускрати.

Тако је Вук отишао у Србију и око половине, или друге половине, јануара 1829. г. вратио се у Беч с намером да породицу пресели у Земун, а он опет да пређе у Србију.

Та његова намера позната је била још пре његова тражења Бечкој полицији. Зато 21. февр. пише Седлницки Метерниху, да му се — ако устражи — не допусти пресељење у Земун, јер би то значило дати му могућност да српском обер-кнезу Милошу Обреновићу шаље извештаје с ове стране, и да му и иначе у другоме од помоћи буде, а њему је од цара стављено у дужност да на њега брижљиво мотри. Ако његова светлост има друго мишљење из дипломатских и државних обзира, моли да га о томе извести. Метерних актом својим од 8. марта одговара, да се слаже о мишљењем Седлницког да Вуку у садашњим приликама не треба допустити пресељење у Земун.

Међу тим Вук је некако ипак добио пасош и дошао у Земун заједно с породицом. »Данас је 14[ти] дан — пише Копитару 8. јуна — како сам у Земун дошао, али Вам прије нијесам могао писати, јер нијесам знао, на чему сам. Једва сам добио допуштење, да оставим овђе жену и ђецу, и то само на мјесец дана, а међу тим да се старам добити им пасош из Беча, да могу у Земуну сједити«, и моли га да му то преко кога зна изради. Он је међу тим прешао у Србију. Копитар му (21. јула) препоручује, да би можда најбоље било, кад би се отуда писало варошком команданту »да има изговора да је пусти на миру«. Вук му одговара (30. јула — 12. авг.) да је то већ учињено, али би боље било да она, као Бечкиња, има пасош из Беча. О томе је између њих вођена дуга преписка (Вук. Преп. I, 334, 336, 338, 339, 341, 343, 345, 347, 349), и Копитар му је једнако давао наде, да ће се повољно свршити, али од свега не би било ништа, да није било једнога писма Милошева.

Та је ствар, по службеним актима, ишла овако.

Polizei-Hofstelle добије од Hofkriegsrath-а акт од 2. јуна да је по извештају командата Славоније ђенерала кавалерије Сигентала Вук с породицом дошао у Земун 28. маја с пасошем од 29. априла бр. 18, али да му је Земунски командант ђенерал Фонт, у смислу ноте од 2. априла забранио бављење у Земуну. Он је међутим 11. јуна отишао у Србију, а породицу је оставио. Како је пак жена Вукова Аустријски поданик, и не жели у Србију прелазити, и како се српски оберкнез

Милош Обреновић писмом својим од 8/20. јуна обратно ђенералу, да породици Вуковој допусти борављење у Земуну, то ђенерал пита, да ли то допуштење да изда. Не сумњиво је, вели се даље у акту, да ће кнез Милош употребити Вука као извештача, и да ће овај ради тога користити се и својом женом. Али једно што се на њу овде може лако пазити, а друго што кнез Милош може сем Вука и друге људе за своје послове употребити, то Hofkriegsrath мисли, да би ту услугу Кнезу Милошу могли учинити, тим пре што се и од њега сличне услуге траже, н. пр. сад издавање двојице криваца који су правили лажне банкноте. Граф Седлницки актом од 24. јуна, позивајући се на акте од 21. фебруара и 8. марта понавља кнезу Метерниху горњи акт, слаже се са предлогом и оставља њему да реши. Кнез Метерних одобрава бављење Вукове породице у Земуну (11. авг.). Седлници извештава о томе принца Хохенцолерна (8. нов.), и Хохенцолерн одговора Седлницком (14. нов.), да је издао наредбу у томе смислу ђенералу Сигенталу, али, »да на ову породицу преко Земунске команде пажљиво мотри, и ако што сумњиво опази, одмах да га извести«. Седлницки је известно о томе Метерниха 31. децембра.

Вуку је саопштио 14/26. новембра ђенерал Фоит, да може у Земуну седети, и да му не треба пасош из Беча тражити (Вук. Преп. I, 349).

*

Али овим се још нису свршила митарства Вукова. Оно што је главно тек сад наступа.

Вук је пробавио у Србији — с кратким прелазима у Земун — до половине августа 1831. године, а тада је прешао у Земун опростивши се сасвим са Србијом. Сви позиви и од Кнези Милоша лично и преко других да се врати остали су безуспешни. Он је опет, како вели, постао српски књижевник.

23. авг. по ст. био је у Земунском контумацу, а 17/29. дец. већ се жали Копитару, како га узнемирују због пасоша: »опет су ме ономадне овђе заокупили за пасош (будући да виде, да на ону страну за сад не мислим ићи); зато сам 26. о. м. по р. предао овдашњој милитар-команди ону лањску моју тужбу и молбу на Polizey-Hofstelle, и мислим, да ће данас одавде добро испраћена тамо стићи«. — »Што се пасоша тиче — одговара му Копитар 20. јан. — можда би најбоље било да узмете Руски, ако Аустријска полиција продужи, да своју злу вољу на вама искаљује«. А Вук му на то одговора (18/30. јан.): »Што се мога пасоша тиче, ја сам прави мученик на све стране. Ја знам и сам, да би најбоље било, у оваким опстојатељствима да узмем Руски

пасош; али како ће ми Руси дати пасош, кад је митрополитова партија по Петербургу, као и по свему народу Српскоме у овоме царству, разгласила, да је двор Аустријски мене преко Вас поткупио да Србе унијатим и да шокчим? Опомињете ли се, како је Мушицки на наше очи код бијелога курјака говорио Меглицкоме: »ова два господина све, што у Славенскоме језику није по њиховој ћуди, вичу да је Руско«? А за нама Бог зна шта је говорио! — За то велим, да сам мученик, јер ме митрополит код полиције овога царства опада, да сам у тајним друштвима, и да сам опасан за ово царство; а код народне партије и код Руса опада ме, да сам од овога царства, поткупљен, да унијатим и шокчим. А полиција Бечка може бити да мисли, да и Ви са мном против овога царства за Руски интерес интригирате! Ето како човека на правди Бога може биједа да нађе! Тако ми Бога, да имам куда би сам бјежао и из овога царства и из народа Српскога, само да се уклоним од оваки интрига«. Копитар му саветује (7. февр.) да би најбоље било да дође у Беч да се лично објасни, а Вук одговара (8/20. февр.): »Само да ми не забране тамо доћи! Милош Урошевић, овдашњи пропалица, којега сте Ви прије неколико година виђали ту код бијелога курјака, завадивши се нешто с овдашњим пургермајстором, капетан-авдитором Лазаревићем, тужио га је (мислим још љетос) самоме цару, да је он преко мене ћео Србима да изда Сријем, и да би га за цијело издао, да није њега (Урошевића) било! А и сад, како сам овђе из Србије дошао, мислим, да ме Урошевић у Беч тужио, да сам Милоша Обреновића шпијун. Као што и по бирцаузима и по сокацима јавно говори. Ово Вам само јављам да знате. А ја мислимъ за цијело, да овдашња милитар-команда (која се Урошевићевим плеткама — интригама — мора смијати) нема ништа против мене« (Вук. Преп. I, 408, 410, 412, 413).

Вукове жалбе и Копитарови одговори продужују се тако у свакоме писму преко целе године (Вук. Преп. I, 416—448), од чега вадимо само још ово. Марта 31. по ст. пише Вук: »Зло за мене! Није доста, што ми је Василија умрла и што сам и сам једнако слаб и болестан, него још дошло јуче од Hofkriegsratha да ми се не допушта нигђе у царству овоме сједити, него да морам ићи у Турску! Ето мога доласка у Беч! Сад управо не знам шта ћу радити. У Србију друкчије нијесам рад ићи, већ ако да ме предаду на силу, као каквога злочинца, јер знам, да ме нема, ако онамо пређем. — Ја се ништа другога немам бојати, о в и непријатељи, који ме овђе овако гоне, доћи ће [illegible] онамо [illegible] [illegible] да је митрополит још лани [illegible] његово масло,

јер не знам, зашто би ме друго полиција овако гонила. Чујем да стоји у Verordnung-у, да ја сам знам, зашто ми се не допушта у овом царству живити. То дакле мора бити превод Н. З. . . . . . Да ми није жене и ђеце, Бога ми! би сам с радости ишао у Србију, да се прије избавим овакога живота«. — 25. јула (по ст.) пише: »Из Карловаца излазе гласови, да се мени ни на који начин неће допустити да седим у Бечу, него или да ћу бити протеран у Србији, или у Русији. И то би за Ча Ст. било врло добро, јер не само што ја више ништа не би писао, него би се он још могао надати, да ће ме у Србији убити, а у Русији (с помоћу Стојковића и други његови једномишљеника) у Сибирију послати. Јамачно је он о том у Беч писао, и још може бити преко Генералкоманде; него гледајте и Ви тамо те радите, што се може«. — 26. септ. (по ст.) пише, како га је кнез Милош због његових »demagogische Umtriebe« тужио Варадинској генералкоманди, и молио да га са границе удале.

Архивски материјал за ово друго гоњење мање је сачуван него за оно прво. Сем денунцијације Урошевићеве очувана су само 3—4 акта, а за све остало знамо само из регистра Kriegsarchiv-а.

14. априла 1831. обратио се Урошевић цару молбом за пасош да дође у Беч, и да своје извештаје лично поднесе. Седлницки, спроводећи ту молбу, дао је противно мишљење, карактеришући га као непоуздана човека, који ће за новце од сваког се дати употребити, и на чије извештаје се не може ослонити. Цар је ипак наредио, да Урошевић поднесе писмен извештај, што је овај 10. окт. и учинио.

Шеста тачка те денунцијације говори о Вуку. Урошевић тужи Лазаревића да је у врло сумњивом односу с Вуком, »српским списатељем и руским плаћеником, и ако је овај под сталним полицијским надзором. Он је не само имао чешће с њим разговоре у контумацу. него увек, кад год би Вук из Беча или из Србије дошао у Земун, он би имао с њим више састанака, а нарочито за време претпоследњег бављења његова овде био је Вук код Лазаревића више пута ноћу до 11—12 часова, и на послетку, водио је Лазаревић овога српског шпијуна у околне српске манастире, што је целом грађанству у очи пало«. Даље вели, како је Вук и сад у сталним односима с Лазаревићем и са зетом кнеза Милоша, Тодором Хаџи-Бајићем, како је с оне стране пуштена вест по Земуну и Панчеву да је пао у немилост, и да је из Србије протеран, а он сам код војничке команде да је изјавио, како је само на два месеца дошао к фамилији у Земун. Он држи да би Вука требало — ако му се неће у опште забранити бављење у Аустрији — уклонити с границе, јер и ако против њега нема за сад

ништи позитивно да изнесе, с временом ће се показати, да је он непријатељ ове, а пријатељ руске монархије.

Ова денунцијација, изгледа, није имала никаква дејства.

Из регистора Hofkriegsrath-а види се ово:

Фелдмаршаллајтнант Влашић шаље из Петроварадина 1. јан. 1832. молбу Вукову, помогнуту од Земунске војене команде, да се може преселити у Нови Сад. — 10. јан. послата је та молба на решење у Polizei-Hofstelle у вези с актима од 2. априла и 8. новембра 1829. г.

Реферат Седлницког Метерниху и Метернихова одлука очувани су. Седлницки је мишљења, да му то не треба допустити, јер сумња, која је о Вуку била 1829. г., постоји и сада, т. ј. да га кнез Милош употребљава за извештача, а у Н. Саду он би дошао у додир са још већим кругом Срба, и ту највише наређење о његову надзору не би с успехом могло бити вршено (акт од 10. марта). — Метерних актом од 21. марта усваја то мишљење Седлницког.

По регистру даље: 27 марта граф Седлницки извештава о томе Hofkriegsrath. — 2. априла извештава се о томе Славонска генерал-команда. — 26 априла ф. м. л. Абел шаље из Петроварадина молбу Вукову за пасош за Русију. — 2. маја послато на одлуку у Polizei-Hofstelle. — 31 јула генерална команда из Петроварадина шаље молбу Вукову за пасош да иде у Будим. — 8 августа послато на одлуку у Polizei-Hofstelle.

Одлукâ по овим молбама нема ни у регистрима. О свему се овоме говори и у кореспонденцији Вуковој с Копитарем.

23. септ. ф. м. л. барон Радошевић јавља, да је кнез Милош захтевао, да се Вук удаљи с границе, моли за одлуку, и за означење места његовог будућег бављења. — 3. окт. послат овај извештај графу von Rewitzky. — 15. окт. граф Седлницки пише, да се слаже с тим, да се Вуку за сад одреди Будим, с тим, да се непрестано држи на очима. — 21. окт. то је саопштено барону Радошевићу. — 22. окт. Седлницки пише, да се може Вуку допустити бављење у Будиму ради употребе бање, и да се после сме преселити у Беч. — 30. окт. извештен је о томе командант Славоније. — 8. нов. Радошевић јавља, да је извршио саопштење. — 15. нов. извештен је о томе Седлницки.

Од свега овога сачуван је само концепат Метернихов Седлницком (од 18. окт.), којим одобрава његов предлог, да се Вуку може допустити употреба бање у Будиму, и после одлазак у Беч, и акт председника Hofkriegsrath-а графа Хардега (од 23. окт.) којим извештава и Седлницког да је, по споразуму са тајном дворском и државном канцеларијом, даље бављење Вуково у Аустрија допуштено, и да се п[illegible] жељи [illegible] може [illegible] Будим, [illegible] да се [illegible] њега

пази; ово је учињено нарочито и због тога, што је кнез Милош тражио, да се Вук с границе уклони »wegen angeblicher demagogischen Umtriebe gegen seine Regierung«.

9/21 нов. пише Вук Копитару из Пеште: »у овдашњем магистрату прочитан ми је Verordnung да ми је допуштено у Беч доћи и у овоме царству, где ми је воља, живети. Фала Богу и пријатељима!« — Он није знао да му пријатељи ништа нису могли помоћи, већ да му је помоћ дошла са стране, с које му се мислимо нашкодити, т. ј. захтев кнеза Милоша. У оба дакле случаја, и 1829. и 1832. помогла је Вуку само интервенција кнеза Милоша.

Као што се из ових оскудних података види, нигде се не помиње Стратимировић, и ако се Вук жали, да је то све његово масло. Па и опет с великом вероватношћу дâ се закључити, да је Вук имао право што се жалио. Треба се само сетити 1) да је Вук увек добро обавештен био ко га гони, јер у преписци с Копитаром говори и о Урошевићу, помиње речи из писма кнеза Милоша (demagogische Umtriebe), зна да је Земунска команда његову молбу поткрепила, и тд. а све се то потврђује и из горе приведених акта; 2) то потврђују и гласови из Карловаца, које Вук помиње, а нарочито хвала Стратимировићева, да се још није решио где ће га прогнати — у Турску или у Сибир; 3) Седлницки на два места помиње да му је од самог цара наређено да на Вука пази, а то је лично могао цару рећи само Стратимировић.

*

Могла би се даље ређати факта, да је Вук и даље, и после смрти Стратимировићеве, стално био на нишану Аустријске полиције, али је и ово довољно, да се јасно као дан види, да Вуков књижевни рад није имао никакве везе с политиком у опште, а с Аустријском најмање.

Дошао је Видов дан!

Београд, јула 1907. Љуб. Стојановић.

Kopitar und Vuk.

Ich will die Beziehungen zwischen Kopitar und Vuk, dem Zensor und dem Schriftsteller einerseits, und die Beziehungen Vuks und Kopitars zu dem damaligen politischen Regime Österreichs näher schildern.

Materialien zu dieser Schilderung bieten mir die Dokumente der ehemaligen k. k. Zensur- und Polizei-Hofstelle in Wien, die heutzutage im Archiv des Ministeriums des Inneren aufbewahrt werden; es sind darunter die sehr interessanten Referate der Regierung (des Zentral-Bücher-Revisions-Amtes — Z.B.R.A. — und der Z. u. Pol. Hof Stelle. — Z.-P.H.St. —) zu finden, vor allem aber die Zensurbegutachtungen Kopitars. Auf Grund dieser Dokumente bietet sich uns die Möglichkeit, die Zensurgeschichte von beinahe den gesamten epochemachenden Schriften Vuks kennen zu lernen mit all' den Gefahren, denen sie ausgesetzt waren. Freilich die Zensurgeschichte der beiden ersten Werke Vuks bleibt uns auch weiter unbekannt; trotz des vielen Nachsuchens konnte ich leider auf die Spur der Verhandlungsakten, die »Песнарица« und »Писменица« betreffend, nicht kommen. Es ist aber mit Wahrscheinlichkeit anzunehmen, daß Vuk und Kopitar auf größere Schwierigkeiten seitens des Z.B.R.A. resp. seitens der Z.-P.H.St. nicht gestoßen sind. Aus den späteren Referaten Kopitars (vgl. seinen Bericht über Davidović, Supplent des serbischen Zeitungsschreibers vom 8/2. 1822, Arch. Min. d. Inn. No. 1305 ad 1204) erfahren wir wenigstens davon gar nichts. Erst später, etwa 1816 oder 1817, ist Kopitar eine unangenehme Überraschung seitens der Oberbehörde widerfahren. Zwei Artikel Vuks, die er als Zensor begutachtet und mit admittitur ad imprimendum erledigt hat, wurden von der Z.-P.H.St. verboten. Einen von diesen Artikeln nennt Kopitar selbst; es war die Biographie Miloschens, wahrscheinlich dieselbe, die in »Новине Србске« 1817, No. 97, S. 773—775 gedruckt wurde und gegen welche auch die Z. P.H.St. nichts einzuwenden hatte, nachdem dieselbe früher [illegible] Zeitschrift gedruckt wurde (vgl. [illegible]

Der zweite Artikel bleibt uns vorläufig unbekannt. In dem schon zitierten Berichte hat Kopitar den Verdacht geäußert, es sei die Denunziation eines jungen Walachen, eines gewissen Georgević, an diesem Mißgriffe der Z.-P.H.St. schuldig. Ob mit Recht, kann man nicht sicher behaupten; Kopitar mußte jedenfalls schon Gründe haben zu einem solchen Verdachte. Diese vermutliche Denunziation war aber erst der Anfang jener Schurkereien, gegen welche Kopitar in Verteidigung der Werke Vuks mit der Z.-P.H.St. die Lanze brechen mußte.

I.

Vuks »Рјечник« (1817—1832) und »Први србски буквар« (1825—1832).

Das erste größere Werk Vuks, dessen Zensurgeschichte wir nach den Dokumenten darlegen können, ist sein »Lexikon«. Eigentümliche Hindernisse wurden demselben in den Weg gelegt, nicht wegen der Polizei- oder Zensurrücksichten; es waren par excellence österreichische vorkonstitutionelle Schnörkel, die den Druck des »Lexikon« auf Jahre hin verschieben konnten. Schnirer, der bisherige Drucker der Vukschen Werke in Wien, bekommt Angst vor dem Privilegium der Offner Universitäts-Buchdruckerei und schlägt rundweg ab, den Druck des Werkes anzufangen ohne die frühere Vergewisserung seitens der Regierung, er werde jede Kollision mit dem Offner Privilegium vermeiden. Vuk als Verfasser und Kopitar als Mitverfasser dürfen also ihr Werk nicht in Wien drucken lassen, sondern den schönen Augen der Offner dasselbe nach Offen schicken, um sich eine Metamorphose desselben zu einem Unding gefallen zu lassen.

Es hat eine interessante Bewandtnis mit diesem Privilegium, aber die Regierung selbst weiß weder von der ganzen Tragweite der Offner Ansprüche, nach davon, ob sie begründet oder unbegründet sind. Kopitar hat noch keine Ahnung von dieser Ignoranz der Regierung, indem er sein erstes Zensur-Decisum der Z.-P.H.St. zusendet. Was er von den Offner Ansprüchen spricht, ist nur so nebenbei gesagt, er zweifelt keinen Augenblick an der günstigen Erledigung einer solchen technischen Kleinigkeit seitens der Regierung. »Hohe k. k. Zensurhofstelle!« schreibt er in seinem Berichte vom 11. November 1817 (No. 970, fasc. 1259), »1) Fünf Millionen sprechen serbisch, davon die Hälfte österreichische, die Hälfte türkische Untertanen. 2) Von den österreichischen sind über die Hälfte disuniert. 3) Die Disunierten sprechen es ganz so, wie die katholischen; aber in Büchern haben die Mönche ein Gemisch von dieser neuen Sprache und der alten der Kirchen-

bücher (die vor 1000 Jahren übersetzt sind) als Hofserbisch bisher protegiert. 4) So sehr auch die weltlich Disunierten allen Gedanken von der Union verabscheuen, so waren die besseren Köpfe unter ihnen doch so gescheit, um nicht die lebende Sprache, nach dem Muster aller heute aufgeklärten Nationen, einer toten, wie vielmehr einer so makkaronischen vorzuziehen.

5) Seit 1782 wird daher die gescheutere Partey, die zugleich politisch die patriotische ist, immer zahlreicher.

6) Die Mönchspartey hat daher dem Ofner Censor (er gesteht es selbst) aufs Gewissen verboten, die Schriften der Gegenpartey zu admittieren. Demzufolge ist z. B. einem Buche des Luka Milavanogo über serbische Sprache und Poesie, 1814, in Ofen bloß deswegen das admittitur versagt worden etc. etc. etc.

7) Die patriotische Partey suchte daher in Wien Zuflucht. Der Anhänger, Buchdrucker Schnirer, schaffte sich die Lettern an, druckte die serbische Zeitung, eine reformreiche serbische Grammatik, Nationalheldengesänge etc.

8) Die (russicirenden) Gegner übersahen die Folgen dieses Mittels und es glückte ihnen bisher es dadurch zu hintertreiben, daß auf eine Beschwerde der Ofner Universitäts-Druckerey seit 1816 in Wien nichts in illyrischer und walachischer Sprache gedruckt werden darf! Nur die bereits früher privilegirte serbische Zeitung ausgenommen. Der hohen Hofstelle sind die weiteren Verhandlungen in dieser Sache bekannt. Es ist dringend nöthig, daß die gute Partey nicht länger, zum großen finanziellen und politischen Schaden des Staates, aufgeopfert werde.

9) Der bekannte Vuk, der die oben genannte Grammatik etc. herausgegeben, hat auf meinen Vorschlag auch ein Lexicon seiner Sprache unternommen. Nach 4 Jahren ist es fertig geworden; ich habe die deutsche und lateinische Erklärung dazu beigetragen. Es ist dazu bestimmt und berechnet, der gemeinschaftlichen Redesprache den verdienten Sieg zu verschaffen. Zugleich ist durch eine reformierte Orthographie die künftige Sprachunion der katholischen und der disunierten Serben vorbereitet worden.

10) Da dieses Werk also zugleich deutsch und lateinisch ist, so hatte der Buchdrucker sowenig als der Verfasser die mindeste Besorgniß, daß die Ofner Druckerey etwa wegen des serbischen (illyrischen) Drittels Anstände erheben könnte. Der Autor nahm das nöthige Geld auf um den Druck zu beginnen accordierte mit dem Papier-

macher, Drucker etc. Der Druck sollte mit dem ersten Nov. d. J. anfangen.

11) Aber auf einmal bekommt der einzige Buchdrucker, der von seinem Versuche 1814 noch serbische Lettern hat, und mit dem Kontrakt auch allein angestoßen werden konnte und wurde, Skrupel, es könnten ihm die Ofner einen Prozeß anhängen. Er deutete daher der Regierung allhier vor 14 Tagen sein Vorhaben an und bat um Schutz gegen möglichen künftigen Schaden, mittels ihrer Erklärung, daß ein serbisch-deutsch-lateinisches Lexicon nicht unter das ausgesprochene Privilegium der Ofner falle, da es nicht einmal $^{1}/_{3}$ serbisch (und dieses nicht einmal in dem Serbisch der Ofner Bücher) sey. — Soeben erhalte ich eine walachisch-deutsche Grammatik vom Direktor Marki, die 1810 in Tschernowitz (Bukowina) gedruckt ist. Ihr Fall ist der unseres Lexicons; ja nicht einmal so viel, da kein Latein dabei ist. Und doch ist's ohne Anstand in der Bukowina gedruckt worden!

Es ist Hoffnung, daß die Entscheidung der Regierung billig ausfallen werde. Aber mittlerweile können Wochen und Monate vergehen, — während indessen Vuk von aufgenommenem Gelde lebt!

12) Der Unterzeichnete bittet daher als Mitautor und Leiter des Ganzen, eine hohe Hofstelle geruhe, nach Notiznehmung von allem bisher angeführten, vor der Hand entweder das Gesuch des Schnirer bei den untern Behörden schnell zur gewissen Entscheidung zu bringen, oder dem Unterzeichneten ein ostensibles Votum zu ertheilen, daß das Serbisch-deutsch-lateinische Lexicon nicht unter das Ofner Privilegium falle. Letzteres wäre das kürzeste.«

Kopitar hat sich jedoch bald überzeugt, daß man sich mit der ganzen Geschichte nicht so leicht abfertigen läßt. Die Angelegenheit wurde der ungarischen Hofkanzlei zu ihrer Meinungsäußerung vorgelegt. Die letztere, wie es zu hoffen war, wollte von der günstigen Erledigung nichts hören. Diese unangenehme Wendung wurde am 23. Mai 1818 zur Kenntnis Kopitars gebracht, welcher gleich (23/7. 1818) in einem zweiten, sehr umfangreichen Berichte an die Z.-P.H.St. einen Widerpart gegen die Offner Universitätsbuchdruckerei richtete. Es ist ganz unmöglich, diesen Bericht wegen der räumlichen Beschränkung diesorts anzuführen, wie interessant er auch für die Charakteristik Kopitars ist. Ich beschränke mich daher nur auf die kurze Inhaltsangabe. Kopitar wiederholt kurz die Ausführungen seines ersten Berichtes und schildert sodann sehr genau die Geschichte des Privilegiums von den Zeiten der Maria Theresia an bis auf seine Gegenwart. Er gedenkt sogar der Zeiten Cyrills und Methods; zu deren Tätigkeit in Pannonien und in

Mähren bemerkt er: »Der Pabst selbst bestellte den Method zum Erzbischof in Pannonien und Mähren. Während der 24 Jahre seines Lebens in Pannonien übersetzte er (oder ließ übersetzen) alle Kirchenbücher aus dem Griechischen in den slavischen Dialekt seiner Diöcese (denn die sechs slavischen Dialekte, die noch heute bestehen, hatten sich bereits damals abgesondert). Dieser Punkt ist wichtig für den österreichischen Patrioten, daß Method und die Kirchensprache nach Österreich gehören! Es wird eine Zeit kommen, wo der ungeneckte, politisch glückliche, wissenschaftlich gebildete österreichische Südslave mit gerechtem Nationalstolze auf die Russen herabsehen wird, zu denen er jetzt wie zu glücklichern und höhern mit Eifersucht heraufblickt! Da wird er auch seine Kirchenbücher von den durch russische Editionen eingeschlichenen Russismen reinigen und Methods Sprache wiederherstellen; da wird er nicht mehr den russischen Kalender bloß nachdrucken etc. etc.« Zu Ende seines Berichtes gibt Kopitar eine Reihe von Vorschlägen, die dahin zielen, der Offner Un.-Buchdruck. nur den Nachdruck der Kirchen- und der mit diesen im Zusammenhang stehenden Schulbücher zu belassen. Durch die genaue Schilderung der Geschichte des Privilegiums hat Kopitar klar an den Tag legen wollen, daß die Ansprüche der Offner Univ.-Buchdruckerei nur eine Anmaßung seien, daß sie jeder gesetzlichen Grundlage entbehren (wie er es an der Hand der diesbezüglichen Kaiserverordnungen bewiesen hat) und daß sie mit dem Wohl der serbischen Nation und somit auch mit dem Gedeihen der ganzen Monarchie im grellen Gegensatze stehen.

Die gründlichen und überzeugenden Ausführungen Kopitars haben bei der Z.-P.H.St. eine günstige Aufnahme gefunden. In seinem Referat an den Kaiser wiederholt Graf Sedlnitzky wörtlich die Argumente und die Schlüsse Kopitars, ja sogar die ganze Geschichte des Privilegiums. »Ich glaube hieraus folgern zu müssen«, schreibt unter anderem Graf Sedlnitzky am 8. Dezember 1818, »daß die Lage der inländischen Buchdruckereien, besonders jener in Pest, nicht wahrhaft dargestellt, sondern verheimlicht, und wenigstens die Erweiterung in dem neuen Privilegium auf alle Arten in Illyrisch und Walachischer Sprache erschlichen worden sey. Ich glaube ferner behaupten zu sollen, daß Eure Majestät allerdings befugt und ermächtigt sind, das auf diese Weise erschlichene Privilegium zu erläutern und auf den ursprünglichen Sinn, nach welchem es bloß die Schul- und Religionsbücher in sich faßte, zurückzuführen.

Es ist Tatsache, wie auch Kopitar in seinem Gesuch weitläufig anführt, daß die bisherigen Inhaber dieses Privilegiums, ungeachtet bis

jetzt ein Zeitraum von beinahe 50 Jahren verflossen ist, den Zweck, welchen sich der Staat bei Erteilung desselben vorstellte, bis jetzt noch nicht erreicht haben, daß, um ein Beispiel anzuführen, jene Illyrischen Kirchenbücher, worin die Geistlichkeit liturgiert, noch immer aus Rußland bezogen werden. Es ist ferner die Tatsache, daß die Pester Universität die bei ihr bestellten Druckarbeiten spät, meistenteils schlecht und sehr teuer liefert. Es ist endlich erwiesen, daß sich die Zensur der Illyrischen und Walachischen Bücher in keinen verlässigen Händen befindet und von der russisch gesinnten Partei influenziert werde, weswegen ich E. M. bereits mehrere a. u. Vorträge zu erstatten in dem Fall war. Ich kann überhaupt in Zensur- und P.-Rücksichten keine jener Gründe in Abrede stellen, welche Kopitar in seinem Gesuch für die Notwendigkeit einer Erläuterung des oft erwähnten Privilegiums anführt. Unter diesen Umständen bin ich der unmaßgeblichen Meinung, daß E. M. zu erklären sich bewogen finden sollten, daß

1. Bücher, wie Vuks serbisches Lexikon, welches zu diesem a. u. Vortrag die erste Veranlassung gab, in den Privilegien der Pester Universität nicht begriffen,

2. daß Bücher, welche serbische Redesprache zur Büchersprache erheben, folglich noch niemals existierten, gleichfalls nicht dahin zu zählen seyen,

3. endlich, daß überhaupt alle Bücher in Illyrischer und Walachischer Sprache, welche keine vorgeschriebene Schul- und Religionsbücher sind, ohne Anstand an jeden inländischen Buchdrucker nach vorläufiger Zensursbewilligung zu drucken erlaubt seyen.

E. M. würden durch diese allergnädigste Erläuterung der in Kultur noch so sehr zurückstehenden Illyrischen und Walachischen Nazion eine große Wohlthat erweisen und ihr die Mittel zu ihrer besten Bildung erleichtern.«

Trotz dieser günstigen Auspizien ist es nicht gelungen, die ganze Angelegenheit zu einem raschen und günstigen Abschluß zu bringen. Dank dem vorkonstitutionellen Schlendrian wurde sie erst Mitte des Jahres 1832 erledigt, in der Weise, daß Seine Majestät Kaiser Ferdinand der Offner Universitäts-Buchdruckerei »nur ein ausschließliches Privilegium auf den Druck der in illyrischer, wallachischer, russischer und in anderen orientalischen Sprachen erscheinenden Werke, insofern deren Inhalt die Lithurgie und den Ritus zum Gegenstande hat, und auch dieses Privilegium **nur für den Umfang des Königreichs Ungarn und demselben einverleibten Provinzen**, worunter jedoch das Großfürstentum Siebenbürgen

keineswegs begriffen ist, auf die Dauer von zehn Jahren a. g. zu verleihen geruht haben.« (Aus dem Dekret des Gr. Sedlnitzky, Präsidenten der Z.-P.H.St. an das B.R.A. Wien d. 31. Juli 1832 No. 6559 ad No. 26 ex 1832.)

Gleichzeitig wurde auch eine andere Handschrift Vuks von dem Kaiser zum Drucke in Wien zugelassen[1]), obwohl dieselbe schon Anfang 1825 in die Zensur eingereicht, von derselben mit admittitur erledigt und in Wirklichkeit schon längst, denn noch im Jahre 1827 in »Даница« und dann im Separatabdruck erschienen ist — »Први србски букварь«, dessen Zensurgeschichte ich jedoch bei der anderen Gelegenheit angeben werde.

Die kaiserliche Entscheidung, wie spät sie auch gekommen war, war doch für die serbische Literatur sehr günstig: von nun an durften die serbischen Handschriften in Wien nicht nur gedruckt, sondern auch zensuriert werden, was bei der bekannten Stellungnahme Kopitars und später Miklosichs zur serbischen Literatur für dieselbe von einer außerordentlichen Bedeutung war.

II.

Bibelübersetzung.

Es nimmt uns heutzutage nicht mehr Wunder, wenn ein Lexikon möglichst vollständig ist; ja, jedem gründlichen Verfasser wird von der Wissenschaft die Pflicht auferlegt, alle in der Volkssprache lebendigen Wörter in das Lexikon hineinzubringen und seien sie noch so unanständig. Kein wirklich sittenvoller Mann denkt sich dabei, die Moralität eines Individuums oder einer Nation könne durch das Vorhandensein solcher Wörter beeinträchtigt werden. Aber in den Zeiten des allmächtigen Klerikalismus in Österreich des XIX. Jahrhunderts und der alleinherrschenden Macht des serbischen Mönchtums war dies nicht der Fall. Vuk »qui se jam a Dictionario Serbico-Germanico verbis aeque non pure serbiis, sed in Servia usitatis vulgaribus conscripto, inter quae farrago exquisitorum obscenissimorum, et pro tenera inventute (!) Scholastica, cuius usibus illud deservire deberet, pericolosorum verborum continentur« (vgl. No. 2191 ad No. 1214 ex 14. Febr. 1822) hatte beschlossen, seine Landsleute noch mit einer Bibelübersetzung zu

---

1) »Caeterum manuscripto Abecedario praescriptis libris scholasticis haud adnumerato hujus impressionem litteris cyrillicis et russicis typographo Schmidt difficultari nequire«. Aus der Verordnung des Kaisers Ferdinand vom 28. April 1832. Als eine Beilage zu No. 6559, wie oben.

beschenken. Mušicki[1]), der über Vuk und Kopitar wegen des Lexikons auch entrüstet war, hat die Rache des Metropoliten richtig prophezeit.

Stratimirović ließ auch nicht lange auf sich warten. Anfang des Jahres 1822 ist seitens des Feldzeugmeisters Bellegarde, Präsidenten des k. k. Hofkriegsrats an die Z.-P.H.St. die Anzeige folgenden Inhalts angelangt: »In Folge der geehrten Note vom 29. Dezember vorigen Jahres hat man den Gränz-General-Kommanden aufgetragen, mit der größten Sorgfalt darauf zu wachen, daß den von der Bibelgesellschaft ausgehenden Schriften der Eingang in die Gränze verwehrt und deren Verbreitung daselbst verhütet werde. Hiedurch hat sich der in Slavonien kommandirende General veranlaßt gesehen, mich in dem beigeschlossenen Berichte auf einen hier lebenden Serbier Namens Wuk Stephanovich aufmerksam zu machen, welcher sich mit Schriftstellerei in serbischer Sprache abgeben und damit umgehen soll, eine in die serbische Sprache übersetzte Bibel zum Gebrauch für den gemeinen Mann ins Publikum zu bringen. Stephanovich, vor dessen Arbeiten sich die serbische Geistlichkeit fürchte, soll hier mit einem anderen Gelehrten Namens Kopitar (wahrscheinlich derselbe, der als Kustos bei der k. k. Hofbibliothek angestellt und als ein großer Kenner und Beförderer der slavischen Sprachen bekannt ist) in Verbindung stehen und dieser den Buchdrucker Davidovich, von dessen Aufenthalt bei dem serbischen Oberknesen ich die Polizei Hofstelle am 29. vorigen Monats b. 4. zu verständigen die Ehre hatte, gleichfalls ermuntert haben, die Bibel in die serbische Sprache zu übersetzen« (vgl. No. 1214). Es ist klar, daß der eigentliche spiritus movens der Anzeige, welchem viel daran gelegen war, das Erscheinen der Bibelübersetzung schon frühzeitig unmöglich zu machen, — anderswo zu suchen ist. Wie kommt doch ein kommandierender General dazu, in die Geheimnisse der Vukschen schriftstellerischen Tätigkeit so tief eingeweiht zu sein, daß er schon im voraus

---

1) In dem Briefe an den Magarašević vom 30. Jänner 1819 (у »Голубицы« ч. IV, стр. 308) schreibt er, was folgt: »Вукова Лексикона іюштъ не' мамь, писао самь Кокытару, да ми мо скорѣе по Дилижансу пошлѣ. Жао ми е и Вука и Копытара, — найвыше черезъ умаленіе обще ползе, — што су се тако, као што ми пишете, осрамомили. Я се чудимъ Копытару, исрдимъ се на нѣга, што е као цензоръ — оне свиняріе или свинярства допустио. Такоhу му и писати. У неговой е дужности, недопуштати ништа contra bonos mores. Срећанъ ће быти, ако га Митрополитъ неустужи Полицаю Бечкомъ«. Vgl. »Утукъ« од М. Светића. III. S. 20. Bem. 4. — Der Verfasser des »Утукъ« spricht noch in den 40er Jahren mit Entrüstung von Vuks Lexikon. »Србльи су нарочито после изданога Рѣчника (1818 г.) викали, да Вукъ у свому писаню ненаблюдава пристойности, да се безобразно и срамотно изражава, кое вређа чувство морално, и само приличи свинярима и говедарима, а не списательима, кои су учительи народа« usw. Vgl. »Утукъ« S. 19—20.

das Erscheinen der Bibel prophezeien kann? Heutzutage, wo wir von den damaligen Verhältnissen auch anderswo unterrichtet werden können, wissen wir, daß die Triebkraft dieser ganzen unterirdischen Arbeit der Metropolit Stratimirović war. Kopitar ist sich dessen auch bewußt und aus diesem Grunde führt er offen gegen den Metropoliten das Wort, obgleich der Z.-P.H.St. selbst der Name des wirklichen Denunzianten nicht angegeben wurde.

Die Anzeige Bellegardes hat jedoch das ihrige gemacht. Die Z.-P.H.St. verliert das Gleichgewicht vor der Entrüstung gegen Kopitar. Der letztere erscheint ihr schon wenig zuverlässig; da sie aber noch nichts sicheres weiß, so bleibt vorläufig nur die Heuchelei: nur über zwei (nach der Anzeige Bellegardes) angeklagte Personen will sie von Kopitar Bescheid wissen — über Vuk und Davidović. Die dritte angeklagte Person, Kopitar selbst, wird von der Z.-P.H.St. verschwiegen, welche sich nur darauf beschränkt, ihr Mißtrauen ihm gegenüber zu markieren, gegen welches er sich zu verteidigen hat. Die verlangten Berichte über Davidović und Vuk erteilt Kopitar und fügt bei dieser Gelegenheit seine eigene Rechtfertigung hinzu, ohne aber zu ahnen, daß die Z.-P.H.St., mit der Erklärung ihres Mißtrauens allein nicht einverstanden, über ihn selbst und den ganzen Sachverhalt Erkundigungen bei der Wiener Polizeidirektion einzieht. Ich will jedoch nicht vorgreifen und komme zu den beiden Berichten Kopitars zurück. Denjenigen über Davidović mit dem Datum des 8. Februar 1822 lassen wir jetzt unbehandelt, da er mit unserem Thema wenig zu tun hat. Dagegen ist für uns von einem hohen Interesse der 4 Tage später ausgearbeitete, ziemlich umfangreiche Bericht über Vuk. Kopitar äußert sich darin über Vuk als einen Schriftsteller und seinen Freund und aus diesem Grunde wird es sich lohnen, diese Äußerungen in ihrer ursprünglichen Form kennen zu lernen: »Vuk Stephanovitsch kam 1813 von Belgrad nach Wien. Ich erkannte an ihm den besten Kopf unter allen meinen serbischen Bekannten und unsere Unterredungen über serbische Literatur und Sprache führten ihn zu dem Entschluß, dem bisherigen Chaos derselben ein Ende zu machen. Um dies gehörig zu verstehen, muß man wissen, daß die Illyrier graeci ritus die nämliche Mundart sprechen, wie die katholischen; aber schreiben tun sie anders als die katholischen. Diese nämlich schreiben seit 300 Jahren wie sie sprechen; die graeci ritus aber, die in einer veralteten Sprache ihren Gottesdienst halten, mischen im Stil von dieser veralteten Sprache mehr und weniger in die heutige, je nachdem einer mehr oder weniger davon aus der Kirche oder aus der Schule im Kopfe behalten hat. So daß der

Katholik, wenn er auch ihre Schrift lesen kann, doch ihr Konzept nicht versteht, weil er von der veralteten Sprache (des 9. Seculi) keinen Gebrauch mehr macht und selbst diese chaotischen Konzipienten verstehen selten einer den anderen — das Volk sie noch weniger. Es versteht sich, daß die Mönche und der hohe griechische Klerus mit dieser Absonderung und Isolierung ihrer Schäflein von den katholischen Illyriern sehr zufrieden sind und daher bei jedem Anschein erleichteter Communikation in Furcht geraten. A. 1783 hatte ein Exmönch selbst, Dositheus, in Leipzig Bücher in ungemischter, also gemeiner, von der katholischen nicht verschiedenen Sprache herauszugeben angefangen und gegen diese Absonderung geeifert. Er ward der Liebling der Nation, weil sie doch verstehen konnte, was er schrieb, aber die Mönche strebten ihm nach dem Leben. Daß diese Absonderung außer dem Standesinteresse der Mönche mittelbar auch dahin zielt, um die Nation immer den Russen näher und geneigter zu erhalten, springt in die Augen.

Vuk sollte ein veredelter Dositheus werden, seine reine Umgangssprache noch ungemischter schreiben usw. Ich munterte ihn auf, vor allem eine Grammatik seiner heutigen Sprache zu verfassen, damit auch andere sie im Notfall befragen könnten. Dann eine Sammlung von Nationalpoesien (deren er an 100 Stück auswendig wußte) drucken zu lassen, um die Redesprache in Büchern in nationaler Gesellschaft aufzusichern und so in den Herzen der Leser Schutz gegen die Schimpfreden der Mönche zu finden. Mittlerweile ward ich 1814, damals als der allerletzte Beamte an der Hofbibliothek, allein nach Paris gesandt, um die Schätze der Hofbibliothek zurückzubringen. Von allen Kommissären hatte ich allein meine Reklamationen vor Napoleons Wiedererscheinung errungen und in Sicherheit gebracht. Andere holten sie erst nach der zweiten Einnahme von Paris, erhielten dafür Auszeichnungen usw. Ich war und bin mit dem Zeugnisse meines Gewissens zufrieden, meine Schuldigkeit mit Liebe und Sorgfalt getan zu haben und diese mit dem besten Erfolg gekrönt zu wissen.

Bei meiner Rückkunft, Februar 1815, fand ich Vuks Grammatik und den ersten Band Nationalpoesien gedruckt. Der Metropolit Stratimirovitsch, der sich als den Chef der Nation betrachtet, verfolgt seitdem den Vuk; er hat z. B. dem Archimandriten Mushitzki im Kloster Shishatovatz, wo damals Vuk sich aufhielt und an seinem Lexikon sammelte, befohlen, diesem die Gastfreundschaft aufzukünden und ihn fortzuschaffen. Er glaubte ihm dadurch die Mittel zu entziehen, das Lexikon zu vollenden. Vuks Eifer mußte einerseits durch die Verfolgung, sowie andererseits durch den Anhang und Namen, den er

in der Nation als ein zweiter Dositheus sich gemacht hatte, nur wachsen. Er vollendete sein Lexikon in Wien und ließ mittlerweile den zweiten Teil der Nationalpoesien ausgehen. Die Grammatik und die zwei Bände waren Versuche gewesen.

Das Lexikon sollte die Orthographie definitiv festsetzen auf eine Art, die vor dem Kritiker überhaupt und zugleich vor dem österreichischen Patrioten, der davon zum lateinischen Alphabet den Übergang erleichtern sollte, die Probe aushalten sollte. Ersteres wegen Vuk, der als ein guter Kopf ihre Vorzüge erkennen mußte, der österreichische Patriot war ich. Auch ermangelten die Mönche nicht, den Vuk vor mir zu warnen; aber sein gesunder Kopf war dagegen gewaffnet.

In dieser Orthographie, die von der alten, aus der Kirchensprache zusammengestoppelten freilich stark abweicht, ist nebst vier neuen Zeichen auch das lateinische jod aufgenommen worden. Das war genug, um den Vuk zum Abtrünnigen, zum Katholiken zu machen.

Die Hofstelle erinnert sich vielleicht, daß, weil in Lexiko auch die Wörter podex, meretrix, cunnus und mentula an ihren Stellen vorkamen, wie in allen anderen Lexicis, die Mönche sich schmeichelten, unter dem Vorwande des Skandals, das Lexikon verbieten zu machen. Schon damals, als der Unterzeichnete sich über diese Verleumdung zu erklären hatte, bemerkte er, daß dieses der erste, aber nicht der letzte Angriff gegen ihn und Vuk wäre. Der Unterzeichnete glaubt nicht zu irren, wenn er in der Denunziation, worüber er eben jetzt sich zu äußern aufgefordert wird, den zweiten erkennt. Damit nun hat es folgende Bewandtniss.« Kopitar erzählt nun von dem Antrage Pinkertons, des Agenten der englischen Bibelgesellschaft, Vuk, welcher dem letzten empfohlen wurde, möchte die serbische Bibelübersetzung besorgen. Da aber zu dieser Zeit Vuk von Wien ausblieb, »so unterblieb dann auch die Sache. Der Hofstelle ist es erinnerlich, daß der Unterzeichnete infolge des h. Erlasses vom 7. Jän. 816 den Vuk zu einer Pension oder Anstellung empfohlen hatte. Da er keinen Bescheid erhalten, so konnte er 1818 den Vuk auch nicht zurückhalten, als er nach vollendetem Lexico nach Petersburg reisen wollte, um dort eine Pension als serbischer Exulant zu suchen. Er hat, zum Glück vielleicht, dort auch keine erhalten. Vielleicht nicht deswegen, weil er eine Wienerin zur Frau hat und ich ihn ex hoc capite an unseren damaligen Gesandten, Graf Thurn, adressiert hatte.« Bei dieser Gelegenheit habe die Bibelgesellschaft Vuk dort zur Übersetzung des neuen Testaments engagiert und ihm 100 Dukaten Vorschuß darauf gegeben; bei dem Abdruck des ersten Bogens sollte er andere 100, zu der Mitte des Werkes die dritten

100 und am Ende wieder 100, also im ganzen 400 Dukaten für die Übersetzung erhalten.

»Daß ich am Kontrakte keinen Anteil hatte, darf ich hoffentlich nicht erst versichern. Aber als alter Freund ging ich dabei dem Vuk mit Rat an die Hand und verglich am Ende seine Übersetzung mit dem griechischen Original. Denn immer das beste der illyrischen Sprache im Auge behaltend, war es offenbar, daß nach dem Lexico und den Nationalliedern noch ein Volksbuch, wie die Evangelien sind, einen Canon der gemeinen Sprache formieren würden, gegen den die Mönche mit allen ihren Schimpfereyen nichts ausrichten könnten. Man vergesse nicht, daß sich's hier nicht von einer Bibel für Katholiken handelt, sondern für Griechen, denen selbst der sardinische Minister Demaistre, der Verfasser des Buches du Pape, zum Besten der katholischen Kirche wünscht, daß sie die ganze Leiter der Aufklärung je eher je lieber durchlaufen mögen, weil sie dann um so leichter katholisch werden (Recht erwogen, wirklich sehr wahr!) wäre es auch aus Indifferentismus und Politik, bei der Majorität der Katholiken . . . .

Die katholischen Illyrier lesen nicht cyrillisch. Und wenn selbst ein Katholik dann eine Bibel für Katholiken herausgeben wollte, so vergesse man nicht, daß nur die Bibelgesellschaft, nicht aber die Bibel in Österreich verboten ist. Übrigens ist Vuks Neues Testament zwar fertig, hat aber noch keinen Segen von einem Bischof. Daß diesen der Metropolit nicht geben werde, versteht sich. Da es nicht in Wien oder Ofen gedruckt werden kann, so habe ich, um Petersburg von diesem Verdienst um die Illyrier auszuschließen, auf Leipzig geraten. Und wenn man annimmt, daß jener Aufsatz durch die Bibelgesellschaft selbst in die allgemeine Zeitung gegeben wurde, so hätte ich meinen Zweck erreicht. Indessen weiß Vuk noch nichts davon; vielmehr suchten die Russen sein Manuskript auf Kredit von ihm herauszubekommen, was er aber wohl weislich verweigerte. So steht bis jetzt die Sache mit Vuks N. Testament.

Vuk ist übrigens, wie gesagt, der beste Kopf unter allen meinen serbischen Bekannten, mit einer katholischen Wienerin verheiratet, was ihm der Metropolit ebenfalls als Verbrechen gegen den Glauben rechnet, lahm, Vater eines Knaben, still und geachtet von allen seinen Umgebungen. Er kennt in Serbien das Land und die Leute, hohe und niedere, im größten Detail. Er war voriges Jahr 4—8 Monate bei Milosch in Kragujevatz, und ist dort beliebt. Er würde im Erforderungsfalle Österreich dort die ersprießlichsten Dienste leisten können und auch hier die verläßlichsten Auskünfte geben, wenn man sich seiner

Dienste bedienen wollte. Sein literarisches Treiben steht mit meinen Wünschen bei Dobrovskys Grammatik im genauen Zusammenhange. Beide wollen und werden die Illyrier von den Russen dauernd abziehen, indem sie ihnen ein vaterländisches Centrum geben.«

Um die Wirkung seiner ersten mittels des Bellegarde gemachten Denunziation nicht fallen zu lassen, ließ Stratimirović dieselbe in einer neuen Auflage erscheinen, indem er sich selbst direkt an den »Celsissimum Principem Cancellariae Hungarico-Aulicae, Dominum gratiosissimum« mit der Beschwerde gegen Vuk wendete. Herr Metropolit hatte konstatiert, daß in der Beilage der in Wien erscheinenden serbischen Zeitung sowohl in religiöser als auch in sittlicher Hinsicht höchst anstößige Gegenstände vorkommen und zwar in rohen, bei den serbischen Bewohnern Ungarns nicht üblichen Ausdrücken. Durch solche Ausdrücke zeichne sich vor allem die Probe von einer ganz unrichtigen serbischen Übersetzung der bulgarischen Bibel, die dem No. 8 des Jahres 1822 dieser Zeitschrift beigefügt wurde und »vermutlich aus der Feder eines gewissen Vuk Stephanovics geflossen ist, von dem schon manches zur Allerhöchsten Kunde gekommen sein dürfte« (vide Anzeige Bellegardes) und dessen serbisch-deutsches Wörterbuch für die Schuljugend, für welche es bestimmt sei, sehr gefährliche Worte enthalte. Ihm, Vuk habe auch eine ausländische Gesellschaft den Auftrag gegeben, die ganze Bibel oder wenigstens das Neue Testament in die gemeine serbische Sprache zu übersetzen und nach der oben genannten Probe zu urteilen, wodurch der Verfasser wahrscheinlich seine Arbeit bei dem Publikum einführen wollte, werde die heil. Schrift wohl mehr entstellt und herabgemindert, als ausgelegt und erklärt werden. (Vgl. No. 2191.)

Stratimirović macht jetzt schon kein Geheimnis mehr, von Vuk »jam alia via Suae Mtti Stmae aliqua immotuisse«, weswegen wir den Verdacht Kopitars als berechtigt annehmen müssen. Das Streben des Metropoliten ist, Vuks Versuch, die Bibel zu übersetzen in, einem abscheulichen Lichte vorzustellen: dieser Versuch sei geeignet, die Bibel zu entstellen und ihre Bedeutung herabzumindern. Denn was kann man von einem Manne hoffen, »qui se jam a Dictionario Serbico-Germanico verbis aeque non pure serbiis, sed in Serbia usitatis vulgaribus conscripto, inter quae farrago exquisitorum obscenissimorum et pro tenera juventute (!) Scholastica, cuius usibus illud deservire deberet, periculosorum verborum continentur, notum reddidit? Da man jedoch in den Händen keinen Beweis einer so großen Verschuldung hat, indem die Bibelübersetzung noch nicht erschienen ist, ersinnt man also einfach Lügen und

zitiert sogar die Stelle, wo die Probe von jener zu verdammenden Übersetzung erschienen ist, — »in appendice ad No. 8 Ephemeridum hujus anni«. Die Schuld war dadurch schon bewiesen. Die Z.-P.H.St. glaubte so fest an die Wahrheitsliebe des Kirchen-Oberhirten und war von der Gottlosigkeit des Vukschen Versuchs so stark überzeugt, daß sie ganz außer sich gebracht wurde: sie bestraft Kopitar als Zensor der »Новине«, ohne nachzuforschen, wie es dem eigentlich sei, und ohne ihn zu befragen, ob er was zu seiner Verteidigung einzuwenden habe. Es hilft auch nichts der mittlerweile angelangte Bericht des Wiener Polizeidirektors über den wahren Sachverhalt der Bibelübersetzung, wo die dem Kopitar zu Schulden kommende strafbare Teilnahme an dem Werke Vuks in Abrede gestellt wird. (Vgl. No. 3382.) Auf Befehl der Z.-P.H.St. ist seitens des B.R.A. Kopitar eine so strenge Rüge zugekommen (vgl. No. 2191 ad 1214), daß er jede Verteidigung seiner Person für nutzlos erklären mußte und sich nur erlaubte, die Handlung des Stratimirović bei ihrem Namen zu nennen. Den 18. April 1822 schreibt er an das B.R.A., was folgt: »Indem ich bei Rückstellung des hohen Dekretes die serbische Bibelübersetzung betreffend, den Inhalt desselben zur Nachachtung übernehme, wird es mir erlaubt seyn, die veranlassenden Daten von Seite des Erzbischofs Stratimirowitsch für das, was sie sind, zu erklären, d. i. für falsch. Der fragliche Artikel der serbischen Zeitung war keine Probe, noch weniger Empfehlung, sondern eine streng literarische Abhandlung über die bisher ganz verkannte und so gut als unbekannte **bulgarische** Mundart und nur das Bulgarische war als Hauptsache serbisch erläutert (in der serbischen Zeitung konnte das nicht deutsch geschehen). **Von der serbischen Bibelübersetzung war dabey keine Rede.** Da der hohen Hofstelle selbst daran liegen muß zu wissen, wiefern sie sich auf die Umsicht ihrer Untergebenen verlassen kann, da ihr daran liegen muß, ihre Untergebenen gegen Verleumdung zu schützen, so wird es mir erlaubt seyn, meine gerechte Reclamation gegen die unverdienten Verleumdungen des Erzbischofs Stratimirovitsch auf dem Wege zur Kenntniß zu bringen, auf welchem mir die dadurch veranlaßte, unverdiente Mißbilligung zugekommen ist.« (Vgl. No. 3624 ad 1214.)

Das Schicksal der Bibelübersetzung war dadurch beschieden; ihr Druck in Österreich war auf eine ganze Reihe von Jahren verhindert. Was von der Übersetzung 1824 in Leipzig erschien, das waren nur Bruchstücke. Eine sehr interessante Episode, die sich 1847 mit dem Neuen Testament ereignet hat, gehört schon in das Regime Miklosichs und davon werde ich ein andermal erzählen.

III.

»Народне пословице« (1833—1836).

Ganz eigentümlich ist die Zensurgeschichte dieses Denkmals. Ende September 1833 in die Zensur eingereicht, im Oktober mit dem imprimatur der Z.-P.H.St. versehen, wurden die serbischen Sprichwörter mit dem Wißen des B.R.A. den Mechitaristen zum Drucke übergeben. Während nun alles in der besten Ordnung war und man jedem Anscheine nach hoffen konnte, daß wenigstens diesmal die Sache ohne Hindernisse vor sich gehen wird, — da kommt 23. Jänner 1834 unversehens eine Attaque von der Seite »des Chefs der serbischen Nation«: »Von einem mir untergeordneten Geistlichen« schreibt der Karlowitzer Metropolit an den Grafen Sedlnitzky, »auf die von dem sich derzeit in Wien aufhaltenden serbischen Schriftsteller Wuk Stephan Karadzhits beabsichtigte Herausgabe der ‚serbischen Volks-Sprichwörter' aufmerksam gemacht und befürchtend, der Herausgeber, der schon durch sein »serbisch-deutsch-lateinisches Lexikon« zur Genüge bewies, daß ihm, was religiöse Gebräuche und gute Sitten anbelangt, nichts heilig sey, möchte auch in diesem Buche, welches sonst, wenn es mit Umsicht und sittlichem Gefühle gewählte Sprichwörter enthielte, wünschenswerth und nützlich wäre, den schamlosesten, unzüglichsten Zotten Raum geben, bin ich bemüßiget, Euer Excellenz um so dringender gehorsamst anzugehen, das gedachte Buch der strengsten Censur gnädigst unterwerfen zu lassen, als nach der Ankündigung der Pränumerationstermin mit diesem Monate zu Ende geht, somit das Werk sich entweder bereits unter der Presse befindet oder nächstens unter dieselbe kommen wird und wenn, wie ich ohnmaßgeblich glaube, der bisherige Censor der Wukischen Werke in Wien nicht dazu geeignet ist, das erwähnte Buch gehörig zu prüfen, so bitte ich Euer Excellenz zu veranstalten, daß dasselbe von dem Ofner Censor durchgesehen werde. Wobey ich mit ausgezeichenster Hochachtung verbleibe Euer Excellenz gehorsamster Diener Stephan v. Stratimirovics.«

Es drängt sich gleich die Frage auf, wer ist der an der Spitze erwähnte »untergeordnete Geistliche«? Die Anzeige selbst gibt uns keinen Aufschluß darüber, einen solchen geben uns jedoch die Referate Kopitars an die Z.-P.H.St. Demgemäß verhielt sich die Sache folgendermaßen: »Der Karlstädter Bischof Muschitzky hat einen Hofkaplan Ilijich, vormals Schullehrer in Karlstadt, der auch eine ähnliche Sprichwörtersammlung vorhat! Und da war der Wunsch des Herren natürlich, dem Wuk solche Hindernisse in den Weg zu [illegible] als möglich, um

ihm zuvorzukommen, — ja, wenn es anginge, ihn auch zu plündern; letzteres wäre leicht, wenn man Vuks Ms. zur vorläufigen Censur in die Hände bekäme! Da könnte man sicher seyn, ihn nicht nur bequem plündern, sondern auch so lange zurückhalten zu können, bis man ihm mit dem Drucke der Sammlung des Karlstädter Hofkaplans zuvorgekommen wäre. Deswegen hat der Karlstädter Bischof dem Metropoliten die präventive Denunziation insinuiert. (Kaiphas und Annas waren sonst Feinde, aber hier glaubten sie sich wenigstens für diesen Fall aussöhnen zu können)«. (Aus dem Schreiben Kopitars an den Hofrat v. Ohms, v. 24. Februar 1834.)

Was macht nun die Z.-P.H.St.? Der Aufforderung des Stratimirović zufolge warnt sie Kopitar nachträglich »die weitere Revision der Bürstenabzüge mit Strenge vorzunehmen und alles Anstößige zu beseitigen, neue Aenderungen aber zu exhibiren.« Damit nun nichts im Unklaren bleibe, schreibt Kopitar an Hofrat v. Ohms die oben zitierte Vorstellung, wo er seiner Hoffnung den Ausdruck gibt, die Z.-P.H.St. werde sich von einem Verleumder doch nicht mißbrauchen lassen. »Sollte die Hofstelle sich zu solcher duperie mißbrauchen lassen, so bliebe dem Vuk nichts übrig, als sein Ms. zurückzunehmen! Aber ich hoffe, daß die Hofstelle ihren verantwortlichen und erprobten Censor das Unrecht nicht anthun wird, ihm zu seiner und ihrer eigenen Schande den lügenhaften Einflüsterungen zweyer Mönche graecae fidei aufzuopfern.« Auffallend, daß das Wort »erprobten« (in Bezug auf Kopitar) mit einem Ausrufungs- und einem Fragezeichen von der Hand des Referenten begleitet worden war. Vielbedeutende Zeichen, welche schwere Folgen nachgebracht hatten. Denn ungeachtet die Versicherung Kopitars, er werde das Werk Vuks ohne jede Rücksicht behandeln, ungeachtet ihre eigene Erteilung des imprimatur, kommt die Z.-P.H.St. den 1. März 1834 zur Einsicht: »Vuks Ms. in jedem Falle mit Gutachten wieder vorzulegen, damit solches, um alle Collisionen mit Behörden zu vermeiden, der ungar. Hofkanzley mitgetheilt werden könne.« Mit anderen Worten, der Sieg des Stratimirović, aber die Niederlage und mögliche »Plünderung« Vuks. Kopitar konnte auf einen solchen Ausgang nicht eingehen; den 11. März erklärte er in der Z.-P.H.St. mündlich, daß unter solchen Umständen Vuk seine Handschrift zurücknehme. Die »serbischen Sprichwörter« sind wie bekannt erst 1836 in der serbischen National-Buchdruckerei gedruckt worden.

Mit der Herausgabe der Sprichwörter ist die Richtung der serbischen Literatur ein für allemal festgesetzt worden. Was später von Vuk geschrieben, neu gesammelt oder neu redigiert wurde, das waren nur neue

Beiträge und neue Zusätze zu dem alten feststehenden Plane. Damit ist auch meine Schilderung der gegenseitigen Beziehungen Vuks zu Kopitar zu Ende. Meine Bemerkungen haben an den Vorstellungen von der in Rede stehenden Frage im wesentlichen nichts geändert, sie verfolgten nur das Ziel dieselben insofern zu vervollkommnen, als wir Kopitar nicht nur als einen Freund und Meister Vuks, sondern auch als einen einflußreichen Gönner Vuks und der ganzen serbischen Literatur betrachten müssen. Das Lexikon hat nur mit Hilfe Kopitars das Tageslicht frühzeitig und in einer anständigen, wissenschaftlichen Form erblickt. Dasselbe gilt von dem »Буквар«. Seine Hand als eines Zensors mußte bei »Песнарица« und »Писменица« auch mit im Spiele gewesen sein. Daß die Sprichwörter erst 1836, die Bibelübersetzung aber erst 1847 gedruckt worden waren, das ändert an der bezeichneten Rolle gar nichts. Im Gegenteil, das Mißgeschick dieser zwei Denkmäler bestätigt diese Rolle um so kräftiger, als wir gesehen haben, daß Kopitar trotz Unannehmlichkeiten, mit denen die Regierung ihm zu oft entgegenkam, ein treuer Freund und Gönner Vuks und der serbisch-kroatischen Literatur geblieben ist.

In den 30 und 40er Jahren des XIX. Jahrhunderts hatte Kopitar die Idee gehabt, auch für die galizischen Ukrainer[1]) einen Vuk zu schaffen, er wollte nämlich die Rolle Vuks zwischen Joseph Levyckyj und Denys Zubryckyj teilen. Sein Plan ist jedoch an dem Obskurantismus des ersten (ein Mann à la Stratimirović) und dem Renegatismus des zweiten zum Scheitern gekommen.

1) Eine Abhandlung über die Beziehungen Kopitars zur galizisch-ukrainischen Sprache und Literatur werde ich in der nächsten Zukunft veröffentlichen. Ich hoffe auch in der weiteren Folge zur Frage »Kopitar als Zensor graeco-slavicus ordinarius« zu kommen.

Mychajlo Teršakoveć.

Etymologisches.

Gem.-sl. *proso*, r. *prjáda*, *pruditь*, *prudъ*, aksl. *prądъ*, slov. *prǫ́d*.

Die Hirse gehört neben dem Weizen und der Gerste zu den ältesten Halmfrüchten Europas (Schrader, Reallex. d. indog. Altertumsk. S. 374, Sprachvergl. u. Urgesch.[3], II/2, S. 186, Buschan, Vorgesch. Botanik, S. 67, E. Hahn, Die Haustiere u. ihre Bezieh. z. wirtsch. Kult. S. 410, Hoops, Waldbäume u. Kulturpfl. S. 323). Speziell für die Slaven ist die Hirsekultur schon durch die ältesten Nachrichten bezeugt. So berichtet nicht nur Ibrâhîm-ibn-Ja'ḳub: »der größte Teil ihrer Ernte besteht aus Hirse« (Westberg, Zap. imp. ak. nauk, Ser. VIII, ist.-fil. otd. T. 3, Nr. 4, S. 59), sondern auch der um etwa 4 Jahrhunderte ältere Strategiker Maurikios weiß zu erzählen: *ὑπέστη δὲ αὐτοῖς πλῆθος ἀλόγων παντοίων καὶ γεννημάτων, ἐν θημωνίαις ἀποκείμενον, καὶ μάλιστα κέγχρου καὶ ἐλύμου* (Ars milit. XI, 5, S. 273 der Schefferschen Ausgabe). Bestätigt werden diese Nachrichten über die uralte Hirsekultur in diesen Ländern durch die prähistorischen Funde, so durch den der jüngeren Steinzeit angehörigen Fund von Coucouteni in Rumänien (Buschan, l. c., S. 69) und die von Chvojka bloßgelegten, gleichfalls neolithischen Ansiedlungen am Dniepr (Schrader, Sprachvergl. u. Urgesch.[3], II/2, S. 187). Die Nachricht des Maurikios erwähnt ausdrücklich zwei Hirsearten, *κέγχρος* und *ἔλυμος*, worunter die beiden Hauptspezies der Hirse: Rispen- u. Kolbenhirse zu verstehen sind (Fischer-Benzon, Altd. Gartenflora, S. 166, Hoops, a. a. O. S. 323). Daß diese beiden Hauptspezies immer nebeneinander hergehen, darüber vgl. man E. Hahn, l. c. S. 412. Buschans übrigens sich nur auf Deutschland beziehende Vermutung (l. c. S. 72), daß die Kolbenhirse im Gegensatze zur Rispenhirse erst durch Vermittlung der Römer eingeführt worden sei, wird jetzt durch die prähistorischen Funde hinfällig (Hoops, a. a. O., S. 395).

Trotz des hohen Alters des Hirsebaues bei den Slaven und der aus dieser Tatsache sich ergebenden Vermutung einer einheimischen Bezeichnung harrt gem.-sl. *proso* aber noch immer einer befriedigenden Erklärung. Die Literatur, soweit sie dem Schreiber dieser Zeilen be-

kannt wurde, weist nur zwei Deutungen von *proso* auf: Pictet, Les origines indo-europ. I, S. 281, 2. Aufl. I, S. 351, 352 (und mit ihm A. Kuhn, Kuhn u. Schleicher, Beiträge, II, 378) stellt *proso* zu ved. *pṛkṣ*-Labung, Sättigung, Nahrung, Speise, *pṛc*, *parc* mengen, mischen, füllen, sättigen, in Fülle geben, mehren (die Bedeutungen nach Böhtlingk-Roth). Da nun aber ai. *pṛc*, *pṛṇákti* ohne Zweifel zu lat. *proximus* gehört, somit ursprüngliches *qu* aufweist (Fröhde, B.B. 7, 125, Walde, Lt.Et.W. 434), so ist die Zusammenstellung mit sl. *proso* nach dem heutigen Stande der Lautlehre ausgeschlossen. In der Tat ist sie auch aus der neueren Literatur völlig verschwunden (cf. Schrader, Real-Lex. l. c., der *proso* als dunkel bezeichnet). Prellwitz, Et.W. der gr. Spr.[2], 382, 383 (=1. Aufl. S. 262) vergleicht *proso* mit gr. πράσον Lauch, lt. *porrum*, was semasiologisch wenig befriedigt und im übrigen nicht nur von Walde, Lt.Et.W. S. 482, sondern auch von Prellwitz selber als ganz zweifelhaft bezeichnet wird. — Zur Deutung von *proso* wird es dienlich sein, sich zu vergegenwärtigen, daß r. und klr. *prjáda* die grüne Kolbenhirse, Panicum viride, Setaria viridis bedeutet. Es ist dies die über Europa bis nach Finnland hin verbreitete Stammform der Kolbenhirse, von der sie sich nur durch die Größenverhältnisse und das frühzeitige Abfallen der Fruchtährchen unterscheidet (Buschan, l. c. S. 74). Es liegt daher — insbesondere nach dem einleitend Bemerkten — nahe, *proso* und *prjáda* etymologisch zu vereinigen. Danielsson, Ait. Stud. 4, 168 Anm. 1 (und mit ihm Persson, Wurzelerweit. S. 68 u. 217, Anm. 1) erklärt das Nebeneinander von lt. *premo*, *pressi* als eine ursprüngliche Doppelheit *pr-em-*, *pr-es-*, die der Doppelheit von gr. τρέμ-ω, lt. trem-o: gr. τρε(σ)ω, ai. *tras-ati* ganz analog sei. Bei dieser Erklärung von *premo*, *pressi* fehlte es aber an weiterer Anknüpfung (Walde, Lt.Et.W. 489, Brugmann, I.F. 13, 87 ff.). Das Slav. bietet sie nun. *proso* steht im Ablautsverhältnis zur Wurzelform *pres-*. r. klr. *prjáda* < **prędа* gehört zu der mit (sl., also zweideutigem) *-d-* weitergebildeten Wurzel *prem-*. Die weitere Verzweigung der Wurzel *prem-d(h)-* im sl. wird sogleich zu erörtern sein. Hirse bedeutet also im sl. die »Quetschfrucht«, ganz ähnlich wie die sl. Bezeichnung der andern alten Ackerbaufrucht, des Weizens, *pьšenica*: lt. *pinso*, aksl. *pьchati* auf »Stampffrucht« hinausläuft. Im r. und älteren č. (Rešel) heißt nun das von *pьšenica* nur im Suffix verschiedene *pšeno* tatsächlich (enthülste) Hirse. Dies ist also ein deutlicher Beweis mehr für die eben gegebene Erklärung von *proso*, *prjáda*. Die *d*-Erweiterung der Wurzel *prem-* zeigt sich noch in: r. *prudítь* dämmen, hemmen, *prudъ* Damm, Deich, slov. *prýd* Sand, sandiges Ufer, *ródec* Schotter, aksl. [illegible] zugleich rahl Sand (nach Ausweis der alten Lehnwörter:

magy. *porond* Sand, rum. *prund* Sand, Mikl. E.W. 265[1]). Russ. *pruditь* dämmen, hemmen und *prudъ* kamen zu ihrer Bedeutung gegenüber lat. *premere* in genau derselben Weise wie lit. *kamszà* Damm, mhd. nhd. *hemmen* gegenüber lit. *kamũti* zusammenpressen, stopfen (Zupitza, Gutt. 108). Die Bedeutungsentwicklung von aksl. und sw. *prądъ* Sand aus *prem-* quetschen, drücken findet ein Analogon an r. *tolokónnyja góry* Sandhügel: *tolóčь* stampfen, zerstampfen, got. *malma* Sand: *gamalwjan* zermalmen, zerstoßen, nhd. *zermalmen*, Wz. *mel-* (Kluge, Et.W.[6], 257, Walde, Lt.Et.W. 391), ferner an lt. *sabulum* Sand: gr. *ψαίω* malmen (Walde, l. c. 536). Des weiteren herrscht zwischen *proso*, *prjáda* einerseits und aksl. *prądъ*, slov. *prǫ́d* andererseits wohl dasselbe begriffliche Verhältnis wie zwischen lt. *milium*, gr. *μελίνη*, lit. *malnos* Hirse und got. *malma* Sand. Denn daß die eben genannten Bezeichnungen der Hirse eher zur Wz. *mel-* malmen als zu lt. mel, gr. *μέλι* Honig gehören — und zwar wegen des lit. *malnos* gegenüber lit. *medùs* Honig — darüber vgl. man Schrader bei Hehn, Kulturpflanzen u. Haustiere[6], 545. So auch jetzt Prellwitz, Et.W. der gr. Spr.[2], S. 288, während Walde, Lt.Et.W. S. 385 die Wahl zwischen beiden Etymologien von *milium* offen läßt. Gehören aber *milium*, *μελίνη*, *malnos* zur Wz. *mel-*, so ergibt sich vollständige Identität der »inneren Wortform« zwischen *proso* und den genannten Hirsebezeichnungen des gr., lt. und lit., da ja das älteste Mahlen nichts anderes als ein Quetschen ist (Schrader, Real-Lex. 512). Doch stehe es um die Herleitung von *milium*, *μελίνη*, *malnos* wie immer, für jeden Fall findet die hier gegebene Erklärung von *proso* schon innerhalb des sl. selbst, und zwar durch *pšeno* ihre hinreichende

1) Daß aksl. *prądъ* Sand und seine ebengenannten Verwandten mit *prądъ* Strom nichts zu schaffen haben, sah Miklosich a. a. O. sehr wohl, während noch Potebnja, Russk. fil. vèstn. 4, 218, die beiden Sippen für identisch gehalten hatte. — [Diese Bemerkungen waren bereits zum Druck eingeliefert, als mir aus I.F. 21, 173 Hirts Deutung von *proso* bekannt wurde. Hirt führt das Wort wegen lit. *sóra* Hirse, ai. *psáras* Schmaus, Mahl unter Annahme einer Metathese auf **psoro* zurück. Die ältere Deutung von lit. *sóra* (Schrader, R.L. 374) als »Saatfrucht« sei kaum befriedigend. Allein die Frage nach der ursprünglichen Anlautsgestalt des slav. Wortes kann nicht außer Zusammenhang mit seinen nächsten slav. Sach- und Namensverwandten und d. *friesel* entschieden werden. Andererseits ist die Deutung von lit. *sóra* als »Saatfrucht« semasiologisch durchaus nicht zu verwerfen. Man beachte deutsche Namen von Hirsearten wie luxemburg. *Fullesämchen* für panicum miliaceum (Körnicke, Getreidebau, I, 245), *Sorgsamen*, *Sorgsaat* für Mohrhirse (ib. 294), vergl. ferner r. *vorobьinoe sěmja*, s.-kr. *sjeme vrabče* Meerhirse (Šulek, imenik bilja 354) mit dem gleichbedeutenden s.-kr. *proso vrebče*, r. *próso vorobьinoe*, p. *wróble proso* (ib. 314). So begreift man leicht, wie in einer Zeit mit bedeutendem Hirsebau die Hirse als »Saat«, Samen« schlechtweg bezeichnet werden konnte, ähnlich wie nach Pritzel u. Jessen, Die deutschen Volksnamen d. Pflanzen, 410 für d. Weizen »Saat«, »Samen« gebraucht wird.]

semasiologische Stütze. Die Bedeutungsentwicklung von slov. *prǫdec* Schotter aus der Wz. *prem-* ist ohne weiteres verständlich. Cf. lit. *melmů̃* Steinkrankheit, Nierenstein: got. *malan*. In morphologischer Hinsicht verhält sich r., klr. *prjáda*: r. *pruditь* ebenso wie r. (veraltet) *pjadá*, s.-kr. *péda* (neben gleichbedeutendem aksl. u. sw. *pędь*) Spanne: *pęditi* (Meillet, Études II, 264). r. *pruditь* stellt sich ferner zur unerweiterten Wurzelform *prem-* in derselben Weise wie aksl. *pęditi* zu der aus *pęti* zu abstrahierenden einfacheren Wurzel (Cf. Persson, De origine et vi gerundii 24 sammt Anm. 4 und Miklosich, Gr. II, 207). Demnach erweist sich r. *pruditь* als eine Bildung mit sl. Determinativ *d-* (= idg. *d-*, *dh*-Determinativ). Analoge Bildungen innerhalb des sl. sind z. B.: aksl. *truditi* vexare — mit dem Subst. *trudъ* labor wie r. *pruditь* mit r. *prudъ* usw. — zu gr. *τρύω*, aksl. *trovą*, *trują*, *truti* (Persson, Wurzelerweiterung 36, Prellwitz, Et.W. d. gr. Spr.[2], 456, Hirt, Abl. Nr. 223), aksl. *raditi* curare: lt. *rēri* (Persson, l. c. 46, Walde Lt.Et.W. 521). Cf. ferner č. *hyzditi* Ekel verursachen: klr. *hyd* Ekel (Walde, K.Z. 34, 509). — Von sl. *proso* ist pr. *prassan* Hirse nicht zu trennen. Ob Urverwandtschaft, wie dies Prellwitz, Et.W. d. gr. Spr.[2], 383 annimmt, oder Entlehnung des pr. aus dem sl. vorliegt (so Brückner, Arch. f. sl. Phil. 20, 496) ist schwer zu entscheiden. Ein sicheres Kriterium für die letztere Annahme ist jedoch kaum zu erbringen. — Zu *proso* gehört r. *prosjanica* außer »Hirsegrütze« auch »Frieselausschlag«, slov. *prosenice*, *prosénec* Frieselausschlag, klr. *prosjánicja* Art Hautausschlag bei Kindern (neben Hirsestroh). Sollte nicht nhd. *Frieseln* mit seinem slav. Äquivalent urverwandt sein? Auch die medizinische Bezeichnung *febris miliata* zeigt ja die Beziehung des Namens der Krankheit zum Hirsenamen *milium* (Das tertium comparationis ist die Ähnlichkeit der Bläschen mit Hirsekörnern). Cf. ferner gr. *κεγχρίας ἕρπης* »ein Ausschlag, der wie Hirsekörner aussieht : *κέγχρος* Hirse. — Daß das *i* in *Friesel* ursprünglich kurz ist, zeigt das schweiz. *Frĭsel* (Staub u. Tobler, Schweiz. Idiotikon I, 1329). Diese Kürze des *i* aber spricht gegen die ältere Zusammenstellung des Wortes mit *frieren*, ahd. *friosan* (so noch Franck Et. Woordenb. d. nederl. taal, Sp. 1115), eine Deutung, die daher von Kluge, Et.W.[6] 126 mit Recht abgelehnt wird. Wenn aber Kluge a. a. O. etymologischen Zusammenhang von *Friesel* mit öst. *Riselausschlag* und dem älteren *Riseln*, *Rüseln*, »Sommersprossen« vermutet, demnach für den Anlaut die Gruppe *wr* ansetzt, so ist dagegen einzuwenden, daß das Wort auch im ndd. *frĭsln* lautet (Kluge l. c.). In der anlautenden Gruppe *wr* wird aber das *w* bloß in den oberd. Mundarten beseitigt, während das ndd. *wr* bewahrt (Wilmanns Deutsche Gr.[2], I, 149). Bei Zusammenhang unseres

Wortes mit *Riseln* wäre also für das ndd. *wrïsln* zu erwarten. Beide Schwierigkeiten, nämlich sowohl die des anlautenden Konsonanten als die des inlautenden Vokals, schwinden bei der oben gegebenen Erklärung. Als Grundform ergäbe sich sohin germ. **fres-ila-* < **pres-ila-*. Über *Risel*, *Rüsel* Sommersprossen vgl. man die Erklärung bei Grimm, D.W. 8, 1538 u. 1181 (: *rosem*). Cf. auch frz. *rousseurs* Sommersprossen, *roussures* idem: *rousseur* Röte. Dialektisch konnten dann *Friesel* und *Risel* sich gegenseitig beeinflussen.

Ksl. *broštь* purpura.

Von andern sl. Dialekten besitzen das Wort: das s.-kr.: *broć*, das slov.: *broč*, das blg.: *brošt*, das klr.: *brič*, *broča*, endlich das p.: *brocz*, und zwar in einer von der ksl. etwas abweichenden Bedeutung, da in den genannten modernen Slavinen das Wort nicht den Purpur, sondern die Färberröte, den Krapp bezeichnet. Das ksl. *štь* deutet im Verein mit blg. *št*, klr. *č*, slov. *č*, s.-kr. *ć* mit Sicherheit auf *tj* oder *ktj* als zugrundeliegende Lautgruppe hin; poln. *brocz* erweist sich daher als Entlehnung aus dem klr., wie denn das Wort insbesondere in Kleinpolen verbreitet ist (Miklosich, Et.W. 22). Liegt aber die genannte Lautgruppe zugrunde, so haben wir in dem Worte eine Entlehnung aus lt. *brattea*, *bractea*, einer Nebenform zu *blattea* purpura, zu suchen. Bezeugt ist *brattea*, *bractea* als Nebenform von *blattea* durch Corp. gloss. lat. IV, 594, 15: *brattea tenuis auri lamina sive purpura sirici bis tinctum* und ib. IV, 602, 6: *bractea auri lamina sive purpura*. Nun tritt *blattea* in der Bedeutung Purpur erst in späterer Zeit auf (cf. W. A. Schmidt, Forschungen auf dem Geb. des Altertums I, 130). Nur in diese Zeit kann dann auch die sl. Entlehnung fallen, was sohin zu allgemeinen historischen Erwägungen über die lat.-sl. Berührungen gut stimmt. Entlehnung aus gr. *βλάττιον* anzunehmen, ist darum weniger ratsam, weil im gr. eine Form mit anlautendem *βρ* nicht bezeugt ist. Die abweichende Bedeutung des Wortes in den modernen sl. Dialekten beruht auf Bedeutungswandel. Daß ein ein Färbemittel bezeichnendes Wort sekundär auch von anderen, eine ähnliche Farbe liefernden Mitteln gebraucht wird, zeigt ngr. *κοκκινόχωμα*, das Mennig bedeutet, trotzdem *κόκκινος* seinem Ursprunge nach einem ksl. *črъmьnъ*, č. *červený* usw. entspricht, also die von der farbstoffhaltigen Schildlaus (*κόκκος*) gewonnene Farbe bezeichnet (cf. Schrader, Real-Lex. 420). Und in der Tat bietet auch *broštь* selbst einen Beleg für Bedeutungsübertragung von solcher Art, da es in glagolitischen Quellen auch coccinum wiedergibt (Miklosich, Lex. pal.-slov. 45).

Wien, Juli 1907. *Norbert Jokl.*

Бѣлѣжка за българската замѣна на ѫ съ у.

Въ срѣднобългарския литературенъ паметникъ — »Пчела« (ръкописъ отъ XVI. в.) [1]), що отдавна съмъ приготвилъ да издамъ, прѣдставя интересъ замѣната на юсоветѣ ѫ и ѧ както единъ съ другъ взаимно, тъй и съ други вокали. Ще се спра тукъ на замѣната на ѫ (ѭ) съ оу (ю).

Отбѣлѣжвамъ слѣднитѣ примѣри отъ замѣната, за която е рѣчь: соусѣда 7б — сѹседа 5б, 96б (в. п.) — сѹсѣдѡ 129а (д. мн.) = сѫсѣ (р. мн.) 131а — съсѣды (в. п.) 131а — съсѣдѣ 94а, оуздоѫ (тв. ед.) 8б — ѻбоуздавайте 9б = ѡбѫздавати 13б, рѹгаѫщеса 136б = рѫгаѫщеса 136б, скѹпство 102а — съ скоупство 19б, доубь (в. п.) 24а, лѹча (слънечпаа) 121а, 126б, покрай да ѿлѫчи 142б, зѹбы (в. п.) 119б = зѫбы 116б, рѹцѣ 53б, 127а — рѹкь (р. мн.) 95а = рѫцѣ 30а, тѹгѫ (в. п.) 129б = въ тѫга 36а, ю (л. м. 3. л. ж. ед.) 138а (на 5—6 мѣста) = ѫ 47б, 77а, 108а — ѫ 92а, 93б, 94а б, ѧ 45а, 47б, 48б — а 43б, сѹть 55а = сѫть 61а; полѹнощь (им. п.) 95б — въ полѹнощи 130б = въ полѫнощи ib., до полѹ цартвїа 144а, ѡбрѹчнища 135а — къ ѡбрѫчници 137а = ѡбрѣчници (нар. етим.) 135а, съмѹщаѥть (сег. 3 л. ед.) 105б = съмѫщаѥть 64а, понѹдиса 16а =

---

1) »Пчелата«, намѣрена въ гр. Шуменъ и чувана днесъ въ синодалната библиотека въ София, добива особна важность вече съ туй, че ни иде тъкмо отъ най-тъмния периодъ (15.—16. вв.) отъ историята на бълг. езикъ и писменость, отъ който за сега имаме най-малко паметници. Езикътъ ѝ прѣдставя оригинални и твърдѣ интересни черти въ областьта на фонетиката и донѣйдѣ на морфологията. Взаимната замѣна на ѧ и а, оправдавана отъ изравняването на звуко-физиологичната стойность на двѣтѣ носовки, се пъстри тъй, че не се поддава напълно на извѣстното срѣднобълг. правило за нея, установено отъ Лескина. Голѣмата правописна непослѣдователность, която посочва, какъ писецътъ, отстъпващъ отъ традицията, се лута при изобразяването тоя или оня звукъ, разклащането въ флексията, смѣсването на падежнитѣ форми, отклоненията въ синтактичнитѣ конструкции, всичко туй са черти, [illegible] които се изказва силна струя отъ народенъ елементъ. Паметникътъ употрѣбява [illegible] ударения [illegible] думитѣ, макаръ че нарѣдѣ и не винаги сигурно. Той брои 153 [illegible]та (го[illegible] [illegible] Бачковския манастиръ.

іонѫднимь себе 36б — нѫжѫ (в. п.) 34б, 117а, 149а, въ недоу 27б = Ѿ недѫга (ib. слѣдъ 1 редъ); ногоу (в. п.) 24б, на ногоу 26а, 78б, 119б, 135а, до ногꙋ 125а (а по ногѫ 25б), при ногꙋ 65а, 116а, ногꙋ своѥѫ (р. дв.) 2б, рѫкꙋ 54а, 71а, на рѫкꙋ 121б, 139а, изрѫкꙋ 67а, Ѿ рѫкꙋ моѥѫ 125б, въ рѫкꙋ и въ ногꙋ 108б (а за рѫкѫ 66б), въ рѫкꙋ моѥю 19б, въ факелꙋ 131б, въ темницю 65а, 141б = въ темницѫ 143б, въ апамїѫ сѵрїнскꙋю 123б = въ амелетїнскѫѧ рѣкѫ 124б, въ лаѡдикїю 136а, въ полатѫ црѣвоу 134б, на оу-трѣхꙋ 134б, на вечерꙋ 131а, въсꙋ нощь 137б = въсѧ нощь 54б; красотоу 15а = красотѫ 38б, вѣрꙋ 77а, похвалꙋ 72б, оутрънꙋ и лито(ѵ)ргїю . . . пръвꙋю 129а (а литꙋргїѫ 81б), жалость неиз-мѣрнꙋ 129б, съмрътъ злꙋ 130б, стъкленицꙋ 131б, стекленицꙋ сїю плънꙋ 132а, бжїю силꙋ 132а, дрꙋгѫ (трапезѫ) и третїю 134б, въсꙋ граматикїю (и) цркъвнꙋ исторїю 135а, малꙋ помощь 59а = малѫ любов ib., некѣстꙋ 135а, хижицꙋ 136б, хар'тїю 137а, 138а = хар-гїѫ 138а, съпричастницꙋ 150а (все в. п.), копрѣною (= копри-, тв. п.) 135а, смола врѣщꙋ (им. п.) 96б, геенꙋ страшномꙋ 97а; по-лоучю 24а покрай ѡмочѫ 27б — ѡмочѧ 31б, ищꙋ 65б, а възыщѫ 4а и хощѫ 61б, рекꙋ 129б, пожегꙋ 130б = пожегѫ ib., не могꙋ 31б, 149б = не могѫ 92б, 150б, оуморꙋ 130б, не зрꙋ 130а покр. сътворѫ 117а, напишꙋ 68б, попекꙋтсѧ 58а = попекѫтсѧ 59б, принесꙋть 49б, сѧ дѣнꙋ (аор. 2. л. ед.) 136а покр. дꙋнѫ 49б и из-дъхнѫ 3б (аор. 3. л. ед.). Наопаки ѫ си запазва етимологичното мѣсто въ думи, дѣто по́-скоро би се очаквало оу: блѫдъ и блѫдникъ 19б, заблѫжденїа (р. п.) 23а, ѫзы 21а, ѫтробѫ (в. п.) 5а, 110б, 153б, благоѫтробный 30а, ѫханїемь (тв. ед.) 13б, благоѫханїе 55б, грѫ-бымъ 153а, хѫдож'ствоу 40а, рѫкохѫдожникъ 65б, лѫкав'ствѣ 10а, лѫкави 19а, гнѫшаѥтсѧ 19а, гѫсли 31б, въ пѫчинѫ 30а, порѫганъ 34а, порѫганїе 12а, гѫдѣцїинхь 35б, погрѫжаем' 128а, погрѫзитесѧ 125а, въдрѫзите 150а, въ трѫсѣ 150б; срѣща се дори и неорганич. ѫ: вел'ижѫжь (нар. етим.) 25б, пагѫбника 140б (= пагꙋбника 110а — пагꙋбѫ (в. п.) 143а, погꙋбленїе 3а, погоубиль 23б), къмѫждо (= комоу-) 51а. Послѣднитѣ два примѣра, които на-вѣрно се длъжатъ на грѣшки, сѫ интересни по туй, че посочватъ, какво за писеца на паметники ѫ и оу сѫ близки помежду си звукове.

Горнитѣ примѣри токо-речи изчерпватъ случаитѣ отъ занимаващото ни явление въ цѣлия текстъ. Тѣ сѫ, както виждаме, рѣдки, случайни

и за паметника не мѣродавни. За насъ тукъ иматъ значение, че засѣгатъ, покрай други, и коренни срички, па ни даватъ и паралелни двойствени форми (дублети), за каквито става рѣчь по́-надолу.

Обикновено примѣри, като нашитѣ, въ срѣднобългарскитѣ литературни паметници се обясняватъ съ книжовно влияние на сръбски езикъ или, по́-точно, на сръбска графична школа. Не ще и дума, че въ конкретни случаи и за отдѣлни паметници явлението може да се дължи на тая причина. За примѣръ ще посоча само Почаевския Сборн. на Киевск. Дух. Акад. отъ молдаво-бълг. редакц. отъ XVI. в., дѣто примѣри съ ꙋ вм. ж се срѣщатъ най-често въ статиитѣ, прѣписани по всичка вѣроятность отъ сръбски оригиналъ, ала спорадично срѣщатъ се и въ другитѣ части на паметника (А. М. Лукьяненко, Новый Сб. по славяновѣд., сост. и изд. учен. В. И. Ламанскаго, СПб. 1905, стр. 432). Ала замѣната на ж съ оу въ срѣднобълг. лит. паметници да се тълкува изобщо съ сръбско влияние и да се смѣта за отличителна сръбска черта не е оправдано, защото прѣди всичко не навсѣкждѣ въ България сръбската редакция е могла да проникне и да добие мѣродавно значение. За литературно влияние, щомъ се касяе до 16.—17. вв. и особенно до паметници, чиято родина е източна България, по́-скоро, чини ми се, трѣба да се допусне руско, отколкото сръбско, понеже отъ речената епоха ни идатъ изъ Русия ржкописи и книги, макаръ повечето богослужебни (М. Сперанскій, Дѣленіе истор. русск. лит-ры на періоды и вліяніе русск. лит. на югославянскую — РФВ. т. XXXVI, 211). Дири отъ руско влияние забѣлѣжихъ дори и въ »Тиквешкия ркп.« (отд. отпеч. 49_2). Б. М. Ляпуновъ напослѣдъкъ посочи ркп. (Еванг. четива), писанъ нѣйдѣ въ областьта на южноруск. говори въ XII. ст. и попадалъ въ България или поне въ бълг. ржцѣ въ 16. и 19. вв., за което свѣдочатъ писани по него бѣлѣжки на български (Зап. Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. XXVII, 1907, 81—82). И въ него оу стои вм. ж (парѣдко — и обратното), както и ю вм. ѭ, което, впрочемъ, лесно се обяснява съ руското потекло на паметника. А изобщо книжовнитѣ връзки между българи и сърби оставатъ безъ значение за народния езикъ (Цоневъ, МСб. XVIII, 362). — При това имаме, както посочи проф. Милетичъ (ПСп. XVII-годишн., 340) прѣходна редакция срѣднобълг. ржкописи, въ които, кога старата традиция почвала незабѣлѣзано да се разклаща, покрай редовното ж тукъ-тамъ се е вмъквало на негово мѣсто и ꙋ. Докато въ коренните срички, що били уцѣлѣли и въ живия езикъ, българинътъ прѣписвачъ все е могълъ да се води по своя езикъ, та да не [illegible]мѣсва ж съ оу, за изчезналитѣ окончания на имен[illegible] флексия, а така [illegible]ѣпно за окончанията на тая флексия и на глагол[illegible] [illegible]сто стоб.

ѫ и ѧ размѣсено се прѣдавали, по извѣстното и прѣзъ 15. в. вече неразбирано срѣднб. правило, ту само съ ѫ, ту само съ ѧ, той прѣдпочиталъ, по чуждо влияние (сръбско или руско), да пише оу или ю, за да избѣгне непонятнитѣ нему непослѣдователности. Разбира се, въ много случаи, и аналогията е вземала своето.

Ала замѣната на ѫ съ оу не се ограничава само съ срѣдб. текстове. Тя засѣга, както е извѣстно, и стрб. книжовни паметници, дѣто не може да става дума за чуждо влияние. Проф. Соболевскій (Древн. церк.-слав. языкъ — Фонетика 37—38) посочи изъ стрб. текстове редица примѣри отъ занимаващата ни замѣна (прѣдимствено въ окончан. на флексията), що напомнятъ нашитѣ въ »Пчелата«, ала ги смѣта за недописвания или просто грѣшки и, въ всѣки случай, лишени отъ всѣко значение. Примѣритѣ му, дѣйствително, сѫ подбрани за тая цѣль, ала не и за обяснение на замѣната, макаръ че дори измежду тѣхъ примѣрътъ изъ Синайския Псалтирь съ паучина не е грѣшка: паужина знаятъ и днесъ живитѣ бълг. говори (самоковския, копривщенския, калоферския и др.). Инакъ постѫпи въ случая проф. В. Вондракъ. Въ новия си трудъ (Vergleichende Slav. Gramm. I. B., 1906, 126—128), той се спира на замѣната между ѫ и оу въ праславянскитѣ звукофизиологични бѣлѣжки. Като изтъква, че въ стрб. (староцърковносл.) езикъ има много думи, въ които паралелно съ ѫ се срѣща и оу, авторътъ разглежда явлението като положителенъ езиковъ фактъ и се старае да го обясни надлежно. Той ни дава за примѣръ слѣднитѣ характерни дублети: мѫдити и моудити — бавя: Мат. 24. 48 въ Зографския и Асемановия кодекси, въ Савината Книга моудитъ, а Лук. 1. 21 въ Зогр. мѫждааше (въ други текстове имаме още измъдѣти — ослабвамъ, изнемощявамъ), въ паралелъ на които съпоставямъ нвбълг. дублетъ: му̀ден-бавенъ, му̀дно (Стара-Загора, Горна-Джумая) и мъдо — слабина testiculus и измъдям — осакащамъ нѣкого въ слабинитѣ. — Въ Супрас. код.: гнѫсити сѧ, гнѫсьнъ и гноушати сѧ, гноусьнъ, гноусъ, срѣщу които бълг. говори даватъ: гнѐсен и гнѐс ма е (Шуменъ), гнѐсен (Охридъ-МСб. XVIII, 528), гнас (Прилѣпъ-МСб. XX, 7), гнѐсно (кукушк.-воденск. гов.-МСб. XVIII, 449), гнус и гнас (Г. Джумая-МСб. XX, 5) и гну̀сен, гнус (въ цѣлата бълг. гов. область). Любопитно е, че »Пчелата« дава само ф. гнѫшати сѧ. — Сѫмьнѣти сѧ и соумьнѣти сѧ (въ Супр. к. соумьнитъ сѧ) — не чужди и за нвб. ез. »Пчелата« тукъ ни дава соу́сѣдъ-сѫсѣдъ-съ̀сѣдъ. За соу-'източ. и центр. говори прѣдставятъ примѣри: су̀кръвица (ср. сукрвица, р. сукровица, ч. soukrvice), су̀мрак (ср. сумрак, р. сумерки мн., ч. soumrak), су̀грашица; въ отдѣлни примѣри су- се срѣща и въ полския ез. (Дръ В. Облакъ, Приносъ

къмъ бълг. грамат. МСб. XI, 536). — **Нѫдити — нѫжда и ноудити — ноужда**, въ »Пчелата« **понѫдити — поноудити и нѫжда**, срѣщу които въ цѣлата говорна бълг. область срѣщаме само формата **ү**: принудих, изнудих, нужда и нужба (въ нар. пѣсн.), понуда (Прилѣпъ — ӧнада, МСб. XX, 7), ако тукъ принадлежи. — Въ »Пчелата« срѣщаме още: **рѫгати сѧ — порѫганиѥ и роугати сѧ**: ру̑гам — хокамъ (Ст. Загора: Г. Джумая — МСб. XX, 5), йзругаф (Прилѣпъ — ib. 7); случай съ **ж**, до колкото зная, не се срѣща въ никой говоръ. — **Обоуздавати — оуздѧ и обѫздавати**, срѣщу който дублетъ днесъ имаме само узда̀ (Г. Джумая), іузда̀ и обіуздам (»обіузди врани коня« въ пѣсн.). — **Сѫмѫщати и съмоущати**: мѫтен — мъто̀к и с мутни̇̀ — раздоръ (Ст. Заг.), смутѐн (общобълг.). — **Лоуча и отлѫчениѥ**: луч (Прилѣпъ), луча и лѫча — общеизвѣстни въ бълг. езикъ и първата форма дори надмощява втората. — **Недѫгъ и недоугъ**: недъ̀гаф (изт. гов.) — нѐдугаф (Прил.). — **Тѫга и тоуга**: тѫжникъ и тужинъ (Соф., Явашевъ МСб. XXI, 44, 1) — растения.

Паралелитѣ, що съпоставямъ съ горнитѣ примѣри, разкриватъ вече замѣната на **ж** съ **ү** и въ живата народна рѣчь. Отбѣлѣжвамъ още общобълг. утроба, грубъ (лице груби̇̀ — Разложко), художество, лукавъ, гусла, трусъ, блудъ, заблуждение, които въ »Пчелата« срѣщнахме съ застѫпенъ стрб. назалъ **ж**; трудна (жена), чубрица, да пукна, гу̑зен (споредъ Цоневъ, може би отъ гуз = безъ опашка М. Търновско, МСб. XX, 81). Ще приведа и тукъ нѣкои двойни форми (а тѣзи могатъ да прѣдставятъ и повече видоизмѣнения), защото, на мой погледъ, тѣ въ говоритѣ, както и въ книжовнитѣ паметници, щомъ бѫде изключена възможностьта за чуждо влияние, съставятъ бълг. черта: измӯдрым (= измислямъ, скроявамъ) покрай мѫдри са, примѫдрил са (Ст. Заг.), му̑дар (Прил.), припітупу̑лка (Ст. Загора) и пришта-пу̑лник (В. Търново) = прощапа̀лникъ (у Дювернуа), хруштилка, хрушти̇̀, хруска (глаг.) и хръска̀вица, хръска (Ст. Заг.), хръшт'елки (череши — въ др. изт. гов.), пу̑пка и па̀пка (Г. Джумая), ручей (Свищовъ) и ръчей (Рѣсенско) у̑ам (отъ **жұати** — Г. Джум.) и въхам (Котелъ — МСб. XVIII, 358), рукобо̀л = награда на овчари връхъ платата имъ (Срѣднородоп.) и ръкобо̀л = облага (Габрово — МСб. XX, 81), хомо̀т' (= о̀мот — Прилѣпъ, **хомѫтъ**) и хаму̑т' (въ изт. гов.), бубреци (Срѣднородоп.), бу̑брак (Г. Джум.), бу̑брек (Прилѣпъ) и бъ̀бр'ак (Ст. Заг.). Отдѣлни думи още[1]: из-

---

[1] Жаля, [illegible] сбирки и пом[illegible] врѣме и мѣсто [illegible] да [illegible] си

шту́пна ми (отъ ума — Ст. Заг.) — штукна̀ ми (Г. Джум., Разложко), ми шту́кна од глаа (Прилѣпъ), ра̀зблуда (дѣте = немирно, Ст. Заг.), лугува̀чка (Чирпанско МСб. IX, 231 Dipsacus sylvestris) — лугачка (Добричко МСб. XXI, 51, ст. на Явашевъ) — луженица (ib.), дусу́ш (досущъ — общбл.) суштию — суштo (Г. Джум.), су́шти, суштото (Ахѫчелеб.), гу́жва (Прил., Г. Джум., Разложко), у́тка (ѫтъка — Прил.), желу́док (Г. Джум.), жѐлудок (Прил.), кус = кѫсъ (Прил., Г. Джум., Ахѫчелеби), со̀прук (сѫпрѫгъ — Прил.), суд = сѫдъ и судник (Разложко), сут и судий (Г. Джум.), сут, су́дам и прѐсудба (Прил.), ору́ж'е (Г. Джум.) и ору́жеа (Ахѫчелеб.), у́кус = закуска, попуда (Ахч.), ску́ден (Прил.), оскуден (Разл., Г. Джум.), дру́сам (Ст. Заг., Г. Джум.), трусам (Г. Джум., Разл.), феруглица (хорѫгы — Разл.), фру́шко (ножче — фрѫжьскъ — Г. Джум.), сива голубице (Рупч.), дулбо̀ко, скупѝи (скѫпия), йструси (изтѫрсй) и йспуг'и (помашк. гов. въ Чепинско ПСп. XVII-год., 206), у́трипу (Ахѫчел. МСб. XI, 72), мѣст. название на планипа Голубпик (нѣйдѣ между Сѫботско и Мориховско). — Примѣри отъ замѣна на ѫ съ ү въ бълг. говори обнародваха Цоневъ и Теодоровъ (гл. П. А. Лавровъ, Обзоръ звук. и форм. особ. болг. яз. 22; Облакъ, пос. м. 536). Материялитѣ, обнародвани въ Мин. Сборн. по отдѣлни говори отъ Д. Мирчевъ (по кукушководенск. — кн. XVIII и по прилѣпския — кн. XX), Хр. П. Стиловъ (по Горно-Джум. — кн. XX), Е. Спространовъ (по охридския — кн. XVIII), П. Гѫбьовъ (по видинския — кн. XIX) и диялектичнитѣ студии на Милетича, Цоневъ и Теодоровъ разшириха много тѣхния крѫгъ. Ала другитѣ български говори, най-вече източнитѣ и централнитѣ, чакатъ още описанието си. Не сѫ използувани за цѣльта и обнародванитѣ до сега словарни материяли. Кога стане всичко това, рѣчникътъ на българската замѣна на ѫ съ ү, нѣма съмнѣние, ще нарастне дотолкова, че не ще може вече да се занемаря, дори и ако се не смѣтатъ думи, чиято етимология не е ясна: напр., Кѣніу — Ка̀ніу — Ку́ніу (Ст. Заг-ско), Кѣне — Кѣнчо — Ку́нчо и Кѣна ж. — Ку́на (МСб. XV, 196) и Гърде — Гру́де (В. Търновско, Сб. на Книж. Друж. I, стр. 24), ако сѫ отъ едни корени; урбалецъ (устоболъ — Stomatitis) и урбаличе (Glechoma hederacea, Дръ Ватевъ, МСб. XXI, 11), усувиче (Явашевъ ib. 27) и др. — II по отношение към живитѣ говори занимаващото ни явление, като се вематъ за изходище само западнобългарскитѣ, се обяснява съ влияние на сръбск. ез. или съ туй, че послѣднитѣ говори се броятъ за прѣходни между бълг. и сръбск. ез. Ала туй обяснение не се крѣпи прѣдъ факта, че сѫщото явление се срѣща и въ източнитѣ и централнитѣ бълг. говори. Посочванитѣ ми по̀-горѣ при-

мѣри, нарочно черпени комахай все изъ тѣзи послѣднитѣ говори[1], доказватъ това нагледно. А най-поучителното е, че явлението сѫществува и то съ свое диялектично развитие и въ помашкитѣ говори, дѣто не може да бѫде дума за чуждо етнично или какво и да било друго влияние. Сетнѣ, повечето отъ примѣритѣ ни, като измудрямъ, прищупулка, уамъ, лугувачка, луженица, утка, укусъ, друсамъ, трусамъ, феруглица и пр., тъкмо не намѣрваме въ сръбск. езикъ (поне у Караджича ги нѣма). Видинскиятъ говоръ, който, като старозагорск., прѣдставя въ отдѣлни думи двояки форми (крўгло—кръгло, лубъ (на сито) = лўба—лўпа и лòба—лòпа (Гѫбьовъ, пос. м. 5), дава негли пó-малко примѣри за ѫ = ү, отколкото старозагорскиятъ. Па и какъ ще се обясни туй вълнообразно движение на сръбското влияние, дѣто въ Босилевградско, Царибродско и пр., досущъ така както въ Пиротъ, Бѣла-Паланка, Княжевацъ и пр., срб. **ѫ** има изговоръ **ү**, а въ Видинско, Ломско, Софийско и др. вм. **ѫ** се чува **ъ** (както въ повечето изт.-бълг. говори) и въ Вратчанско, Самоковско и др. = **а** (както въ Златишкия, Пирдопския и др. чисто-бълг. говори). Проф. Цоневъ смятря изговора **ү** за **ѫ** свойственъ на крайнитѣ сѣверозападни бълг. говори и го брои за »изговоръ явно чуждъ за бълг. езикъ« (МСб. XIX, 57), ала, за жалость, не се изказва по-опрѣдѣлено върху това.

Итака, бълг. замѣна на **ѫ** съ **ү** се забѣлѣзва още въ срб. книжовни паметници, усилва се въ срѣднобълг. (гл. и Лавровъ, пос. м. 22), па и днесъ обхваща не само голѣмъ площадъ отъ бълг. езиковна область, както посочи Облакъ (ib. 533—34), а може се ре — спорадично — цѣлия ѝ просторъ. Едно такъво явление, що напомня за себе прѣзъ цѣлото историческо развитие на езика и живѣе и днесъ въ говоритѣ му, не се обяснява въ своята цѣлокупность така, както се е обяснявало доинѣ. То изисква пó-дълбоко проучване и всестранно освѣтление. Ето защо, докѫдъ не се събератъ и исторически освѣтлятъ всички данни изъ живитѣ бълг. говори, докѫдъ не станатъ, както прѣдложи и Облакъ, специялни издирвания и обнародвания на текстове, най-вече за XVI.—XVIII. вв., когато явлението се усилва, та да се види, що може да се отдаде на чуждо литературно влияние или етнично взаимодѣйствие и що си остава народно, въпросътъ за замѣната на **ѫ** съ **ү** трѣба на най-малка страна да се счита отворенъ. Впрочемъ и това, що е обнародвано досега, не опровергава още мнѣнието на Калина, да тълкува явлението като домашно, нито Дриновото становище, да изкарва **ү** отъ

1) По класификацията на проф. Цоневъ (МСб. XIX, 60), го[illegible], кукушко-
[illegible]

неударено **о**. И сега дори могатъ се набѣлѣза нѣкои посоки въ развитието на замѣната:

1) Примѣри, като сукръвица, сумракъ, си идатъ съ своето **ү** още отъ общосл. ез.

2) Унгаринъ (**ѫгринъ**), отдѣто и ѝнгарче (стара унг. среб. монета 5 кр. — Ст. Загора), унгари, намира за себе подкрѣпа въ гр. *οὔγγαροι*, *οὔγγροι*, лат. ungari, hungari. Срѣщу названието на р. Тунџа имаме отъ една страна старото название Tonsus, а отъ друга — Тѫжа — име на единъ Тунжинъ притокъ — навѣрно пакъ отъ сѫщото старо име Tonsus, само въ друго звуково развитие (Циневъ, МСб. XX, 81), а негли и турско изговаряне на думата, въ което се е зачувалъ назалниятъ остатъкъ. Така сѫщо юндол (име на равнище на С. З. отъ с. Лѫжане, Чепино) иде, спородъ Цоневъ (пос. м.), сигурно отъ стрб. **ѫдолъ** (въ »Пчел.« **ѫ̓доль** 101[6]), изговоряно **ѩдолъ** = ѩндол и отпослѣ приведено въ връзка съ **юнъ** — младъ, отдѣто — ѭндол. Споредъ сѫщия изслѣдвачъ, ако бихме искали да си обяснимъ тоя изговоръ като фонетично произлѣзълъ отъ **ѫдолъ**, бихме имали сѫщия примѣръ, както съ Тѫнџа. Послѣдното ми се вижда по́-приемливо.

3) На църковно влияние се длъжатъ сигурно примѣритѣ, като: мѝченици (Г. Джумая), св. великомученик Гьорги, обручение и др. Види се, и писецътъ на »Пчела« не ще да е схващалъ вече добрѣ смисъла на **обрүчити—обрѫчница**, та, по народно осмисляване, пише и **обрѣчница** (= обречена). Ала църковното влияние, що се е отразило съ тъй мощна струя въ книжовния езикъ, не е пуснало дълбокъ коренъ въ живитѣ говори. Рѣдкитѣ примѣри, що ни дава то въ послѣднитѣ, нѣматъ органично развитие и лесно се отличаватъ по своята прикованость къмъ формата и случая на употрѣбата си. Така, напр., въ прилѣпск. говоръ (Мирчевъ, МСб. XX, 7) д. **мѫка** = мѝка само въ израза за клетва »вечна ти мука«, »во вечна‿мука«, защото въ всички други случаи тя гласи мàка.

4) Изслѣдванията на Милетича ни даватъ диялектично развитие на замѣната **ѫ** съ **ү** въ помашкитѣ говори въ Чепинско. Така, въ костандовския говоръ (сПСп. XVII-годиши., 206—8), ударено **ѫ** = о̓ (широко *о* между *о* и *а*) и неудар. **ѫ** = **ү**: зо̓п (**зѫбъ**) — зубо̓т, до̓п (**дѫбъ**) — дубо̓т, мо̓ш (**мѫжь**) — мужо̓т; ру̀ка — ручѝца — мн. руцѐ, мàику (вм. мàико = маикѫ, косв. п.). Тако сѫщо и въ глаголнитѣ форми сег. врѣме 3. л. мн. ч. окончанието *о*, щомъ е безъ ударение, гласи у: плето̓т (стрб. -**ѫтъ**), мро̓т, ала ѝмрут, нòсут.

Всичко изложено дотукъ дава, мисля, основание да се погледне на бълг. замѣна на ѫ съ ꙋ като на явление самородно въ основата си и да се подири развитието и обяснението му въ даннитѣ на самия езикъ. На пó-нататъшнитѣ специялни изслѣдвания въ тая посока остава да кажатъ думата си. Нѣма ли тѣ да ни доведатъ да допуснемъ въ стрб. ѫ и гласежъ у^{н} (*ų*) поне като промежденъ? За това подсѣщатъ случаитѣ въ гр. текстове, дѣто се прѣдава стрб. ѫ: *σουνδάριον* = **сѫдарь** (Собол., ib. 36), *σουνδίασχον*, *σουνδέασχον* = ***сѫтѣска** (Вондр., ib. 114); обстоятелството, че и въ полск. ез. стрб. **дѫбъ** нѣкога гласѣло do^{m}b, da^{m}b, du^{m}b, de^{m}b (Соб., ib. 91); примѣритѣ пó-горѣ съ юндол и Тунца, па и рефлексътъ ꙋ (отъ коренн. ѫ) въ бълг. говори. Отъ изучването на горѣ привиденитѣ дублети изъ стрб. текстове проф. Вондракъ (ib. 127) дохажда до заключение, че ѫ (*ą*) е пó-старо и ȣ (*u*) — пó-младо. Споредъ него, въ извѣстни думи вече твърдѣ рано се е показалъ отпадъкътъ на назализма, който (отпадъкъ) тогава настаналъ токо-речи въ всички слав. езици, и то за ѫ най-напрѣдъ въ срички, що сѫ съдържали още едно **м** или **н** (случайно насловието на най-близката сричка). Тоя процесъ, види се, се е изразявалъ така, че ѫ (*ą*) се е доближилъ най-напрѣдъ до едно ꙋ^{н} (*ų*), отдѣто послѣ, слѣдъ изчезването на назализма, произлѣзло ꙋ (*u*).

Цариградъ 1907. Н. А. Начовъ.

Словѣнското племе *Βαιουνῆται*.

Словѣнското племе »байуните« се отнася къмъ онѣзи словѣни, които прѣзъ VII вѣкъ вече сѫ били установени въ центъра на Балканския полуостровъ на постоянно мѣстожителство. Тѣзи словѣни заедно сѫ прѣдприемали редъ обсаждания на градъ Солунъ; описательтъ на тѣзи обсади ни съобщава твърдѣ интересни свѣдѣния за тѣхното културно състояние. Така на примѣръ въ житието на Св. Димитри се говори, че тѣзи словѣни отдавна сѫ водили оседналъ животъ, че отъ прѣди дълго врѣме се било завършило заселяването имъ. Тѣзи съсѣди и врагове на гр. Солунъ сѫ знаяли всичкитѣ тайни отъ изкуството на засѣдналия животъ. Жизнеописательтъ на Св. Димитри разказва още, че тѣ знаяли да строятъ еднодръвни ладии, съ които плавали надалечъ въ открито море. Освѣнъ това тѣ сѫ били доста добрѣ запознати съ римското военно изкуство, умѣели сѫ да строятъ огромни обсадни машини и пр.; при туй сѫ се занимавали и съ земледѣлие и скотовъдство и съ произведенията си вършели търговия съ гр. Солунъ. Въ житието сѫщо се говори и за мирни договори между властитѣ на гр. Солунъ и князетѣ на околнитѣ словѣнски племена, както и за дохождането и прѣбиването на князетѣ въ града, било по дѣла чисто политически или отъ частенъ характеръ. Ето текстуално пасажътъ отъ туй житие, дѣто се споменува и името на словѣнското племе *Βαιουνῆται*, което е прѣдметъ на нашитѣ изслѣдвания: *Ἐγένετο τοίνυν, ὡς εἴρηται, ἐπὶ τῆς τοῦ ἐν ὁσίᾳ τῇ μνήμῃ ἐπισκοπῆς Ἰωάννου, τὸ τῶν Σκλαβίνων ἐπαρθῆναι ἔθνος, πλῆθος ἄπειρον συναχθὲν ἀπό τε τῶν Δρογοβιτῶν, Σαγουδατῶν, Βελεγεζιτῶν, Βαιουνητῶν, Βερζητῶν καὶ λοιπῶν ἐθνῶν, πρώτως ἐφευρόντων ἐξ ἑνὸς ξύλου γλυπτὰς νῆας κατασκευάσαι, κατὰ θάλασσαν ὁπλισαμένους, καὶ πᾶσαν τὴν Θετταλίαν καὶ τὰς περὶ αὐτὴν νήσους καὶ τῆς Ἑλλάδος, ἔτι μὴν καὶ τὰς Κυκλάδας νήσους καὶ τὴν Ἀχαΐαν πᾶσαν, τήν τε Ἤπειρον καὶ τὸ πλεῖστον τοῦ Ἰλλυρικοῦ, καὶ μέρος τῆς Ἀσίας*

ἐκπορθῆσαι καὶ ἀοικήτους πλείστας πόλεις καὶ ἐπαρχίας ποιῆσαι, βουλεύσασθαί τε ὁμοθυμαδὸν καὶ κατὰ τῆς εἰρημένης ἡμῶν φιλοχρίστου ταύτης πόλεως παρατάξασθαι, καὶ ταύτην ὡς τὰς λοιπὰς ἐκπορθῆσαι· εἶτα δὲ καὶ ἐπὶ τούτοις ὁμογνώμονες γενόμενοι, ὥσπερ κατεσκεύασαν ἐκ μονοδένδρων γλυπτὰς νῆας ἀπείρους τὸν ἀριθμὸν ὑπαρχούσας, κατὰ τὸ πρὸς θάλασσαν κατεστρατοπέδευσαν μέρος· τὸ δὲ λοιπὸν ἀναρίθμητον πλῆθος διά τε ἀνατολῆς, ἄρκτου καὶ δύσεως, δι' ὅλων τῶν μερῶν τὴν θεοφρούρητον ταύτην περιστοιχίσαι πόλιν, μεθ' ἑαυτῶν ἐπιξύνας ἔχοντες τὰς ἑαυτῶν γενεὰς μετὰ καὶ τῆς αὐτῶν ἀποσκευῆς, ὀφείλοντας ἐν τῇ πόλει μετὰ τὴν ἅλωσιν τούτους ἐγκαταστῆσαι. (A. Tougard, De l'Histoire profane dans les actes grecs des Bollandistes. Paris 1874. p. 118). Въ това извѣстие се илюстрира заселяването на словѣнитѣ въ Балканския полуостровъ. Тукъ сѫ наименовани названията на племената, а сѫщо се намира и най-старото и едничко извѣстие за племето *Βαιουνῆται*. То, ако и да се срѣща въ житието на Св. Димитрия, което носи профаненъ характеръ, все пакъ заслужва внимание и може да получи историческо значение, защото названията на нѣкои отъ останалитѣ словѣнски племена сѫ потвърдени и отъ други исторически паметници, въ чиято автентичность не може да се породи никакво съмнѣние. На примѣръ за словѣнскитѣ племена друговити и сагудати ни разправя и Иоанъ Каменнатъ още прѣзъ 904 г., че сѫ живѣли въ солунското поле къмто града Веръ (Joannes Cameniata, de execidio Thessalonicensi ed. Bon. p. 496). Наполсѣдъкъ обърпаха по-сериозно внимание на извѣстията въ житието и западноевропейскитѣ изслѣдователи. H. Gelzer, Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Слѣдъ издаването на житието отъ Боландиститѣ прѣзъ 1780 год. П. Шафарикъ е първъ отъ ученитѣ, който си послужи съ него при изслѣдванията си. Така въ съчинението: Über die Abkunft der Slawen 1828 той говори за пръвъ пѫть и за племето Vajunitae. Подиръ него споменува го Tafel въ съчинението си: De Thessalonica eiusque argo 1839 г. въ прѣдговора на страница 79 и го чете Bajunitae. Шафарикъ малко по-късно въ »Словѣнски Старожитности« нарича туй племе пакъ Wajunitae (Ваюнити). »*Βαιουνῆται* т. е. воинити или войничи, той казва, се споменуватъ единствено отъ жизнеописателя на Св. Димитрия 669—675 г. сѫ и били по моето мнѣние най-вѣроятно обитатели на областьта и града, които се наричали отъ византийскитѣ писатели Вайна (Waina, *Βαϊνά*), Ваими (Waimi, *Βαϊμί*) у Кантакузена (1334 г.), близо до града Радовишта въ Македония. Въ Русия се споменува община войничи подъ Волоко въ 1398 г. 1523« (Руско издание кн. III. стр. 370); а въ кн. V на стр. 215. Шафарикъ пакъ пише: »Вайонити (*Βαιουνῆται*

Vajunitae) на вѣрно войничи или воиничи, вѣйка отъ македонскитѣ словѣни около 669—675 г. въ околностьта на едноименния градъ въ горна Македония, близо до Радовишта«. Подиръ Шафарика за нашето племе намираме споменъ у Филарета, Архиепископъ Черниговски, въ статията: »Святой Великомученикъ Димитрій и Солунскіе Славяне« въ »Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ« 1848 г. кн. VI. Архиепископъ Филаретъ, безъ да спомене за възгледа на Шафарикъ, пише: »Веунити (*Βαιουνῆται*) едвали не сѫ запазили старото име на всичкитѣ словѣни — венети; тѣ въ врѣме на третата война съ Солунъ сѫ живѣли, вѣроятно, на границата между Епиръ и Тесалия«. Почти оуквално сѫщото намираме и въ извлѣченията на П. Р. Славейковъ, издадени подъ надсловъ: »Святий Димитрий Солунский и македонскитѣ славене съ българитѣ 1868 г.« Венетитѣ (*Βαιουνῆται οἱ Βένετοι*) току рѣчи тѣ ся задържали старото име на всички славяны. Въ третятѫ Солунскѫ война, Венетитѣ (Българитѣ) живѣали между Епиръ и Тесалиѫ (стр. 67)«. П. Р. Славейковъ извлѣкълъ това отъ сръбския прѣводъ на П. Сречковича, който помѣстилъ статията на Филарета въ »Гласнии Србског учeног Друштва« кн. 18, 1865 г. Отъ цитираното се види ясно, че Архиепископъ Филаретъ нарича племето веюнити и го отождествява съ венети, като сѫщеврѣменно поставя неговото мѣстожителство между Епиръ и Тесалия. Филаретъ, за да оправдае послѣдното, казва: »Нъ тъй като солунскиятъ историкъ посочва, че верзититѣ живѣли до белезититѣ, както драговититѣ до сагутатитѣ, стримонцитѣ къмъ рупхинитѣ, слѣдователно и берзититѣ сѫ живѣли тамъ, гдѣто и белезититѣ т. е. въ Тесалия«. Между туй М. Дриновъ въ съчинението си: »Заселеніе Балканскаго Полуострова Славянами« на стр. 162 нарича нашето племе веунити, а на 172 ваюнити (*Βαιουνῆται*): »Они упоминаются, какъ было уже замѣчено, въ числѣ славянъ, осаждавшихъ въ 676 г. Солунъ. Въ договорѣ Генриха Дондола съ крестоносцами отъ 1204 г. упомянута и область Вагенетія« (Vagenetia Bagenetia) между Янинoй и Главиницей. Анна Комнина, повѣствуя о войнѣ Роберта Гюнскара съ Византійцами 1081—1085), разказиваетъ, что сынъ Роберта, Воемундъ, пройдя черезъ Вагенетию (*διὰ τῆς Βαγενετίας*), завоевалъ Янину 1082 г. Но самыя ясныя данныя для определения землеписнаго положения этой области, прѣдлагаетъ грамота Деспота Епирскаго, Симеона Палеолога, брата Стефана Душана (отъ 1361 г.). Въ ней исчисляются мѣстечка и села, лежавшія въ области Вагенетий (*ἐν τῷ θέματι τῆς Βαγενετίας*) изъ коихъ видно, что край Ваюнитовъ лежалъ въ прибрежіи южнаго Епира къ сѣверу отъ залива Арти«. Отъ изложеното дотукъ се види, че М. Дриновъ напусналъ

Шафариковия възгледъ и приелъ оня на Филарета за мѣстожителството на *Βαιουνῆται*, усвоилъ двойното четение, нъ прибавилъ още идентитета на Vagenetia съ отечеството на ванууните и опрѣдѣлилъ мѣстожителството имъ въ Епиръ на сѣверъ отъ артенския заливъ. Подиръ Дринова писа г. Иречекъ въ »Историята на Българитѣ« за прѣдметното племе (виж. стр. 152, българ. издание). Той усвоява почти Дриновия възгледъ за отечеството на *Βαιουνῆται*, нъ приелъ и тождеството съ войничи, както Шафарикъ, и прибавилъ, че населението на Vagenetia се наричало Homines Vagenetis въ срѣднитѣ вѣкове. Така че г. Иречекъ, може да се каже, отождестява Homines Vagenetis съ войничи. Слѣдъ него писа и Проф. Д-ръ Крекъ въ съчинението си Einleitung in die slavische Literaturgeschichte 1887 (второ издание) за нашето племе, както слѣдва: »In Epirus saßen die *Βαιουνῆται* im Küstenstriche des südlichen Epirus nördlich der Bucht von Arta« съ забѣлѣжка, че називанието на племето е тъмно (dunkel), а за тождеството съ войничи казва unmöglich Vojniči. Значи и той се съгласилъ съ г. Иречека за мѣстожителството на *Βαιουνῆται*, като ги отождествилъ съ Homines Vageneti. Сърбинътъ пъкъ П. Срећковић въ »Историја Српскога Народа«, I. кн., стр. 66, пише буквално тъй: »Баиуните т. ј. Војћ. Бојћ су населили Бојку или Бојемију на левој страни Вардара, а главни град овога племена био је Радовић. У њему је Душан закључио мир с Андроником млађим. И они су нападали на Солун са осталим нашим племенима«. Въ забѣлѣжка той навежда мнѣнието на Шафарика, което ние по-горѣ цитирахме и прибавя още: »Према овоме неможе бити ово име превађано са Војничи, него са Боји т. ј. Бојки, а земља Бојемја«. Подиръ Срећковића по дата писа по нашия въпросъ Ст. Новаковић въ съчинението си: »Први основи словенске књижевности међу балканским словенима« 1892 г. На стр. 72 пише: »Не знамо управо како да васпостављамо изговор словенски (на *Βαιουνῆται*). М. Дриновъ узимље да их треба изговарати Вајните, а други-Бојнићи. Вагенетја се спомиње при нападању словенском на Солун 676 (?)«. Новаковичъ се съмнѣва за произношението, но е наклоненъ да приеме тождеството на Vagenetia съ *Βαιουνῆται*. Той даже измислилъ и отъ себе си, че Vagenetia се споменувала при нападанията на Солунъ отъ словѣнскитѣ племена, което не е вѣрно!

Отъ наведенитѣ дотукъ разни мнѣния на изслѣдователитѣ относително тождеството на мѣстожителството на прѣдметното племе се види ясно, че въпросътъ е съвсѣмъ заплетенъ. Докато Шафарикъ чете ваюнити и ги отождестява съ войничи и поставя тѣхното мѣстожителството въ Македония, Филаретъ чете веюнити, идентифицира ги съ

венети и търси тѣхното мѣстожителство между Епиръ и Тесалия. Дриновъ пъкъ отождествилъ съ **Vagenetia** мѣстожителството на *Βαιουνῆται*. Иречекъ съ помощьта на свѣдѣнията на Хопфа отождествилъ ги съ **Homines Vegeneti**, нъ приелъ и Шафариковото тождество войничи. Сречковичъ ги отождествилъ съ боини и ги търси при Радовичъ, и то независимо отъ Шафарика, ако и да забѣлѣзва, че Бойница се намирала налѣво отъ Вардаръ (!), когато тази мѣстность въ дѣйствителность се намира въ сѣверната часть отъ солунско поле въ Гевгелийско.

Както се вижда, въпросътъ за тождеството на нашето племе и оня на неговото мѣстожителство вървятъ нераздѣлно; затова и при нашия критически анализъ не ще можемъ да ги раздѣлимъ. И тъй думата *Βαιουνῆται* или *Βαιουνῖται* е име сѫществително, записано отъ гръкъ, жизнеописатель на Св. Димитрия. Тази дума означава названието на едно словѣнско племе, тъй като авторътъ отначало казва, че срѣщу Солунъ се е опълчилъ словѣнскиятъ народъ и подирѣ изброява самитѣ племена. Такива сѫществителни имена въ гръцки езикъ сѫ извѣстни подъ название *Ἐθνικὰ οὐσιαστικά* т. е. етнически или народни сѫществителни и означаватъ народа или отечеството, отдѣто произхожда той. Въ гръцки езикъ подобни родни сѫществителни или *ἐθνικὰ* се образуватъ, като се прибавятъ къмъ основата разни суфикси, между които сѫ и слѣднитѣ: *ατης* — *ητης* — *ιτης* и *ωτης*. Примѣри могатъ да се наведатъ много: *πολίτης*, *Αἰγεινήτης*, *Σταγηρήτης*, *Ζαγορήτης*. И въ дадения случай думата *Βαιουνῆτης*, понеже е сѫществителна, която означава родината на словѣнското племе, т. е. отдѣто произлизало племето, то и въ тази дума частицата *ητης* или *ιτης* — може и трѣбва да се смѣта, като суфиксъ, прибавенъ отъ византийския писатель, за да означи отечеството или родината и на това племе, което взело участие при третата обсада на градъ Солунъ, заедно съ другитѣ друговити, сагудати, велегезити, верзити. По аналогия съ горнитѣ примѣри можемъ да приемемъ, че и тукъ суфиксътъ *ητης* е прибавенъ къмъ *Βαϊουν*, който трѣбва да се смѣта за словѣнско название на това племе или на страната, отдѣто произхождало племето. Аналогически старословѣнски названия имаме: **Блвоунъ** (**еретикъ нарицающихъ се бавоунь**), **Бѣгоунъ**, **Пероунъ** или **Перкоунъ**, **Пѣстоунъ** и пр. Слѣдъ като знаемъ словѣнското название, имаме вече възможность да оперираме по-нататъкъ. Първата съгласна отъ собственото име е В. Византийскитѣ писатели я употрѣбявать и за Б. и за В. Шафарикъ я чете като В, защото му трѣбвало В, за да го идентифицира съ войничи; Филаретъ тоже я чете В, понеже той искалъ да сближи основата съ Венети. Сѫщо направилъ и Дриновъ, тъй като той я отождествилъ

съ Вагенетия. Тафелъ я чете като Б, по общо правило; Срећковић — също Б, той я отождестви съ Бойки. Нъ за звукътъ Б византийцитѣ сѫ употрѣбявали и *ου* прѣдъ гласна. Напримѣръ у Птолемея *Οὐένετοι* = *Βένετοι*; *Γηουϊνοι* = Gevini, *Οὐάνδαλοι* = Vandali, *Οὐένδικὸς* = Vendico и пр. Остава ни да прослѣдимъ идѫщия звукъ, който е означенъ съ *αι*. Шафар. прѣдлага да се чете аи или ай; също и Тафелъ. Обаче Филаретъ го счита за дифтонгъ, и го чете като Е, както сѫ го произнасяли византийцитѣ прѣзъ това врѣме. Констант. патриархъ Никонъ, по произхождение словѣнинъ, билъ присмиванъ въ Цариградъ, че челъ тоя дифтонгъ като ай, което означава, че въ VIII вѣкъ не се чело вече като *αϊ*, а като *ε*. Вѣрно е обаче въ този случай четенето на Шафарика и Тафеля, тъй като гърцитѣ не употрѣбявали двойна гласна за чужди думи, а тя се употрѣбявала изключително за чисто гръцки думи. Въ такъвъ случай трѣбва да се изхвърли начина на четенето споредъ Филарета, което единъ пѫтъ е употрѣбено и отъ Дринова. Тогава първиятъ слогъ отъ основата остава да се чете или като Ба или като Ва. Остатакътъ е *ιουν*. Нъ ако и да имаме Ванунъ и Банунъ Шафарикъ и Иречекъ измѣниха основата и отождествиха го съ воиничи или войничи. Туй е, разбира се, съвършено произволно и неправилно, когато се отдалечаваме отъ самата основа. При туй нека забѣлѣжимъ, че византийскитѣ писатели тогава сѫ употрѣбявали *βοη* или *βοϊ*. Писвали сѫ напримѣръ *βοϊνός*, *βοηλὰς*, *βοϊλάδες*, *βόϊκι* (*εἰς τὸν παρ' αὐτοῖς Βόϊκι τόπον ἐπονομαζόμενον*), *Βαϊανός*. *Χοροβοΐ* (Thema Patzinaciae) и пр. Види се проф. Крекъ е отказалъ тождеството на *Βαιουνῆται* съ войничи, като е ималъ прѣдъ видъ подобни примѣри; нъ той не навежда никакви доводи, а само казва unmöglich, т. е. невъзможно е тождеството. Що се отнася до идентитета на *Βαϊουνῆται* съ *Βόϊκι* = Бойки, сърбско племе, както прави Срећковић, то по сѫщитѣ горѣнаведени правила си остава невъзможно. При туй Константинъ Багрянородни писалъ го *βόϊκι* и ако бѣше същото произношение на *Βαιουνῆται*, то подобно т. е. *βόϊκι* би го написалъ и жизнеописательтъ на житието или самъ Константинъ Багрянородни. Цѣльта въ този случай на Срећковића е била да докаже сродството на сръбскитѣ племена съ македонскитѣ, въ противоположность на Шафарика, който причисли всичкитѣ македонски словѣнски племена къмъ българскитѣ, както правятъ напослѣдъкъ и други.

Да разгледаме сега тождеството на *Βαιουν(ῆται)* съ *Ἐνέτ(οι)*, или *Οὐένετ(οι)*, или *Βενέτ(οι)*, понеже и тукъ, както виждаме, се промѣнява [illegible]новата [illegible] същеврѣменно не прѣдставлявало никакво затруднение да [illegible] Св. Димитрия вмѣсто *Βαϊου*[illegible] *Βενετ*, то

и туй не почива на нѣкакво научно сближение. Нъ най-важенъ остава идентитетътъ на *Βαγενέτ(ια)* съ *Βαΐουν*, който прокара М. Дриновъ и се прие почти отъ всички, които имаха случай да пишатъ по сѫщия въпросъ. Нъ като имаме прѣдъ видъ, че и въ този случай се накърняватъ звуковетѣ отъ самия коренъ, то мѫчно ще можемъ да се съгласимъ съ тождеството на *Βεγενέτ* съ *Βαΐουν*, което ни прѣдложи М. Дриновъ. Нѣкакви правила, за да се сближатъ гласнитѣ или съгласнитѣ отъ единия коренъ съ другия, не ми сѫ познати.

Слѣдъ като дойдохме до заключение, че е невъзможно да се приеме кое и да било тождество отъ тѣзи, които сѫ ни прѣдлагали ученитѣ за нашето племе, не ни остава друго, освѣнъ да отхвърлимъ туй и да се усъмнимъ и за мѣстожителството, което, както наведохме, се поставяше въ Епиръ, при артенския заливъ. Първоизточникътъ, за да се търси мѣстожителството му въ Епиръ и Тесалия, е Архиеп. Филаретъ. Той разсѫждава тъй: понеже племето берзити се поставя отъ жизнеописателя до велегезити, както драговити до сагудати, то и берзити сѫ живѣли до белегезити т. е. въ Тесалия. И понеже банунити се споменуватъ до берзити, то и тѣ сѫ живѣли до бързити. Обаче отъ извѣстието въ житието не може да се заключи, че племената сѫ наредени по редъ съ далечината на тѣхното мѣстожителство. При туй не трѣбва да се забравя, че берзити се отождестяватъ правилно съ бързяци, които живѣятъ и сега въ Битолско. Като вземемъ въ съображение обстоятелството, че племето бързяци, което стои най-накрая между изброенитѣ словѣнски племена отъ жизнеописателя, е живѣло къмъ западъ отъ драговити и сагудати, на три до четири дена разстояние отъ тѣхъ и като незабравяме, че далечното разстояние, дори отъ артенския заливъ, би прѣдставлявало голѣми затруднения на една словѣнско племе да се опълчи и движи срѣщу Солунъ заедно съ близко до града поселени племена, опитахме се да подиримъ слѣди отъ словѣнски племена, които сѫ живѣли или сѫ се намирали по близко до Солунъ и които да съдържатъ въ основата си корена *Βαΐουν*. И дѣйствително въ по-къснитѣ словѣнски паметници се срѣща споменъ за Бабуна, като рѣка и като планина и като мѣстность, която носи и до днесъ това си старо название; напримѣръ четемъ: »оу Богомили въ **Бабѹнѣ**« (Гласник Друштва србске словесности XIII кн. стр. 371). Богомила е сега село, което се намира по горното течение на р. Бабуна въ богомилската долинка. Въ срѣднитѣ вѣкове богомилитѣ се наричали още и бабуни.

(»Еретики назывались еще бабунами по горному хребету и по р. Бабунамъ изъ которыхъ тянется въ направленіи отъ сѣвера къ югу, на востокъ отъ городовъ Прилѣпа и Битоля, а вторая выходя изъ

сейчасъ названнаго хребета течетъ по направленіи на сѣверовостокъ и впадаетъ справа въ Вардаръ немного ниже Велеса (Крат. очер. Ист. Прав. Церкв. стр. 156; Горски и Невоструевъ, описаніе No. 391 л. 333 об., III 1 стр.; Калайдовичъ, въ Иоаннъ Екзархъ стр. 210. Лѣтописи занятій Археолог. коммиссіи выпускъ 1 стр. 38).

Значи планинската верига, и рѣката, които сѫ носили название Бабуна, били сѫ извѣстни още отъ срѣднитѣ вѣкове съ това име. Често пѫти словѣнскитѣ поселения сѫ се наричали по мѣстото, гдѣто сѫ живѣли. По аналогия съ мокрани, загоряни, струмци, ринхини, отъ Мокра, Загора, Струма, Ринхина, имаме въ дадения случай и бабуни отъ Бабуна рѣка и планина, а сѫщо и мѣстность. Като веземемъ въ съображение фактътъ, че въ срѣднитѣ вѣкове именно прѣзъ XIII и XIV в. се намирали люде, които се наричали бабуни и които сѫ живѣли недалечъ отъ гр. Солунъ, значи словѣнско племе; като имаме прѣдъ видъ още, че и племето дроговити се наричало еретици: напримѣръ, Димитри Хоматенъ въ писмата си споменува и »*Δρουγουβιτικὴ ἐξουσία*« т. е. богомили, то неволно се питаме, какъ щѣха да напишатъ названието на бабунитѣ византийскитѣ писатели било прѣзъ VII и VIII вѣкъ или даже въ XIII вѣкъ. Въ този случай трѣбва да прибѣгнемъ къмъ начина на писването на византийскитѣ писатели прѣзъ VII и VIII вѣкове. И дѣйствително, ако си послужимъ съ палеографията на сѫщото врѣме, ще видимъ, че получаваме поразително сходство при написването на племето бабуни, както и на племето *Βαιουνῆται*. Графиката е тази [illegible]. Както се види тукъ, не се забѣлѣзва особена разлика въ начина на писването основата на едното племе и другото. Виждаме само една липса (или отсѫтствие) на една *ι* до *ου*, за да се чете бабунъ. А туй ни дава право да приемемъ, че прѣписвача на рѫкописътъ или самия първоначаленъ авторъ, е пропусналъ единъ *ι*, вслѣдствие на което се появило неясното четене на текста и понататъшното невъзможно сближаване до самото правилно четене на названието на словѣнското племе бабуни, за сѫществуването на което, както казахме по-горѣ, споменуватъ сегизъ тогизъ южнословѣнскитѣ паметници. Че има нѣкаква погрѣшка въ написването на *Βαιουνῆται* се вижда отъ натрупването на редъ гласни, които правятъ трудно произношението на названието на племето. Въ този случай ние не можемъ да не съжалимъ, дѣто византийскитѣ писатели сѫ написали само единъ пѫть името на туй племе, та съ туй не сѫ ни дали възможность да направимъ сравнение съ друго рѫкописно написание на сѫщото име. Че при [illegible] уска-

ния и замѣнявания на звукове, не подлежи на никакво съмнѣние. При туй не трѣбва да прѣнебрѣгваме и обстоятелството, че, при обсадата на града Солунъ отъ словѣнитѣ, на първо мѣсто очаквало се съгласието на най-близкитѣ племена да вzематъ участие, а по-послѣ оставало да се привличатъ къмъ обсадата племената, които се намирали на по-далечно разстояние, дори къмъ артенския заливъ. Нъ както и да е, ако нашия възгледъ може би не е съвсѣмъ убѣдителенъ въ това, че племето *Βαιουνῆται* е сѫщото бабунитѣ, които живѣли и живѣятъ въ центъра на Балканския полуостровъ, три дена далечъ отъ Солунъ, смѣло можемъ да кажемъ, че тождествата, които сѫ ни прѣдставили ученитѣ, сѫ невъзможни, слѣдователно и неприемливи.

София. Г. Баласчевъ.

Über Wesen und Bedeutung der volksetymologischen Attribute christlicher Heiliger.

Eines der geläufigsten Beispiele der Anwendung der Volksetymologie auf christliche Heilige stellt bekanntlich St. Valentin dar. Schon Martin Luther hat in einer seiner Erstlingsschriften, den »Decem praecepta Wittenbergensi praedicta populo« diesbezüglich die Überzeugung ausgesprochen, daß die Gepflogenheit des deutschen Volkes, in St. Valentin den Helfer gegen die fallende Krankheit zu verehren, keineswegs in seiner Lebensgeschichte, die nicht den geringsten Anhaltspunkt dafür bietet, sondern lediglich in der volkstümlichen Deutung des Namens dieses Heiligen mittels des Verbums fallen seinen Grund habe. »Quem cum nihil legimus egisse cum hoc morbo, prope iurarem ex allusione germanica in huius auxilii sortem venisse. Nam cadere vallen significat, quod ad Valentinum quam proxime alludit.« Und sieht man näher zu, so wird man zugeben müssen, daß vorstehende Erklärung eine vollkommen begründete ist. Da nämlich Valentin im Munde des deutschen Volkes wie Falentin klingt, so war in der Tat nichts leichter, als diesen Namen in Verbindung mit dem Verbum fallen zu bringen. In dem nämlichen Augenblicke, da dies geschehen war, ward aber auch das betreffende Attribut und gleichzeitig die Instanz fertig, an welche sich die von der fallenden Krankheit oder der Epilepsie Heimgesuchten um Schutz und Hilfe wenden konnten.

Auf analoge Weise, wie der soeben erwähnte, sind aber auch noch zahlreiche andere Heilige in den Ruf gekommen, in dieser oder jener Krankheit, dieser oder jener Lebensnot helfen zu können. So hat beispielsweise schon der rühmlichst bekannte französische Humanist Henricus Stephanus (Henri Estienne) im Kap. XXXVIII seines im Jahre 1566 erschienenen »Traité préparatif à l'Apologie pour Hérodote« nicht weniger als 9 Heilige genannt, die die ihnen im Volksglauben der Franzosen, beziehungsweise in dem der Italiener zugesehenen Funktionen ausschließlich der volksetymologischen Deutung

ihrer Namen verdanken. Zieht man dagegen auch die übrigen hierher gehörigen Beispiele, wie es derlei vor allem in den einschlägigen Arbeiten von Andresen, Nyrop, Gaidoz, Afanasjev, Maretić, Savinov, Ryłov und Šišmanov, dann aber auch in den verschiedenen folkloristischen Sammlungen und sonstigen mit der Volkskunde oft nur ganz lose zusammenhängenden Publikationen gibt, zu Rate, so wird man jenen 9 und nach Einrechnung auch der beiden von Martin Luther präsentierten Beispiele[1]) jenen 11 noch weitere 68 Nummern hinzufügen dürfen, so daß die Gesamtzahl der bis zum Jahre 1907 bekannt gewordenen Heiligen dieser Kategorie sich faktisch auf 79 beläuft. Es sind die folgenden:

Acaire. Hat nach franz. Volksglauben die Aufgabe, widerhaarige Leute (les acariastres) zur Raison zu bringen. H. Estienne, Traité prép. à l'Apologie p. Hérodote, ed. Ristelhuber II, 311. Vgl. auch Mélusine, recueil de mythol., litérature pop., traditions etc. IV, 505.

Aegidius. Wird in den katholischen Ländern, insbesondere aber in Frankreich, als der Helfer in Sturmesnöten verehrt. Schon seine erste Tat, die er, im südlichen Gallien, einer damals noch von zahlreichen griechischen Kolonien besiedelten Landschaft, angelangt, vollführte, bestand der Überlieferung zufolge darin, daß er ein vom Sturme gefährdetes Schiff durch die Macht seines Gebetes errettete. Aber mehr als derlei Wunder, die vielleicht doch nur ätiologische Bedeutung haben, trug zur Einbürgerung jener Funktion zweifellos sein Name bei. Denn Aegidius, griech. *Αἰγίδιος*, weist mit Evidenz auf *αἰγίς* hin, worunter die Griechen bekanntlich sowohl den metallenen Schild, durch dessen Schütteln Zeus den Sturmwind erzeugte, als auch diesen Sturmwind selbst verstanden. Weiteres Detail bei E. Maass in den Jahresheften des österreich. archäolog. Instituts IX, S. 181.

Agatha. Wird von den Čechen volkstümlich Háta genannt und wohl nur mit Rücksicht auf diese letztere Namensform als die Heilige angesehen, die auch gegen den Biß der Schlange (had) schützt. Sonst gilt sie ihnen, wie den übrigen christlichen Völkern, als die Schutzpatronin des Herdfeuers. J. J. Hanuš, Bájeslovný kalendář slovanský 77.

Agnanus. Die franz. Form dieses Namens ist Agnan oder Aignan. Durch Verbindung mit Saint wurde daraus Sain-Tagnan bzw. Sain-Taignan und im Volksmunde, wie Estienne o. et l. c. vermutet, Sain-Tignan. Da nun tigne, teigne soviel wie Grind bedeutet, so wurde

1) Außer dem hl. Valentin hat er nämlich auch den hl. Vinzenz mit der Motivierung hierher gezogen: »Germanice enim invenire vinden dicitur, atque ideo Vincentium servum perditarum rerum et custodem constituerunt«.

der in Rede stehende Heilige von den Franzosen daraufhin zum Helfer gegen dieses letztere Übel avanciert. Ob er es auch heute ist, vermag ich leider auf Grund der verfügbaren Literatur nicht zu sagen.

Andreas. Gilt allgemein als der Heilige, der den Mädchen den künftigen Mann (τὸν ἄνδρα) zeigt. Von den Bulgaren, die ihn volkstümlich Jadrej bzw. Adrĉaj und Edrej nennen, wird er dagegen in Beziehung zum Thema jadъrъ, edъrъ (= groß, zunehmend, anquillend) gebracht und demgemäß als der Heilige angesehen, der alles mehrt und größer macht. Darauf weist mit aller nur erdenklichen Deutlichkeit der Brauch hin, am St. Andreastage allerlei Sämereien abzukochen und, nachdem sie hierdurch an Umfang gewonnen haben, davon dann eine Anzahl in die rechte Hand zu nehmen und sie einzeln in die linke Hand hinüberschüttend, dazu die Worte zu sprechen: »Да едрѣе житото, да едрѣіѫтъ царевицитѣ, да едрѣе просото, да едрѣе ячемикътъ, овесътъ, гърстиницитѣ, кокошкитѣ, говедата« etc. Zu deutsch: »Es nehme zu das Getreide, es nehme zu der Mais, es nehme zu die Hirse, es nehme zu die Gerste, der Hafer, der Hanf, das Geflügel, das Vieh« etc. Weiteres Detail bei Šišmanov, Приносъ къмъ българската народна етимология, abgedruckt im Сборникъ за нар. умотворения etc. IX, 554 ff., und bei Gerov, Рѣчникъ на бълг. языкъ (1895—1904) sub v. Андрей und Едрей. Vgl. übrigens auch Родн. Старина S. 44.

Audoenus. Wird von den Franzosen St. Ouen genannt und auf Grund dieser letzteren Namensform als der Heilige angesehen, der Taube wieder hören (ouïr) macht. Kristoffer Nyrop, Ordenes Liv, deutsche Übersetzung von Rob. Vogt (Leipzig 1903), S. 225.

Augustinus. Gilt den Deutschen als Helfer gegen Augenkrankheiten. Hoefler in der Zeitschrift des Vereins f. Volksk. I, 300.

Avertinus. Heilt nach franz. Volksglauben die Querköpfigen (les avertineaux) und hilft auch sonst gegen Kopfkrankheiten. H. Estienne o. et l. c. und Mélusine IV, 505.

Barbara. Wird von den Slaven griech. Bekenntnisses Varvara oder, wie z. B. von den Serben, auch schlechtweg Vara, ihr Tag der Varindan genannt. Durch Annäherung an das Verbum variti (= kochen) entstand nun bei den Südslaven die Vorstellung, daß die hl. Barbara dem Kochen (varenije) vorstehe. Mit dieser Vorstellung dürfte es denn auch zusammenhängen, am St. Barbaratag aus verschiedenen Feldfrüchten einen Brei (varica) zu bereiten und mit diesem dann allerlei Divinationen anzustellen. Da jedoch variti auch schweißen bedeutet, so gilt Barbara der nämlichen Gruppe von Slaven außerdem als die Heilige, die die Macht besitzt, sowohl Wunden als Hautsprünge

aller Art zusammenzuschweißen, d. i. soviel als zu schließen. In betreff des Details vgl. Vuk Karadžić, Живот и обичаји нар. срп. 1 ff. und Српски Рјечник sub v. Вариндан; Hanuš, Bájeslov. kalendář slov. 18 und 227 ff.; S. Karavełov, Памятники нар. быта болгаръ I, 357; Fr. Kraus, Volksglaube u. relig. Brauch der Südslaven, 165 ff.; Šišmanov im a. W. 556 ff.; Gerov, Рѣчникъ sub v. Варвара und Варварица [1]).

Bartholomaeus. Wird von den Bulgaren Vъrtołom genannt und auf Grund dieser letzteren Namensform als der Heilige angesehen, der die Macht besitzt, zu bewirken, daß die Wolken sich nicht drehen und brechen (da se ne vъrtjat i ne łomjat oblacite) und nicht eintrete Hagelschlag (i da ne vali grad). Sehr interessant ist im vorliegenden Falle auch die Vorstellung, wonach am St. Bartholomäustage (d. i. am 11. Juni a. St.) die 12 Apostel selbst erscheinen, um die Sonne umzudrehen, d. i. um sie von ihrer Sommerbahn wieder auf die Winterbahn zu bringen. In Struga und Umgebung besteht sogar der Brauch, an diesem Tage früh morgens aufzustehen, um zu beobachten, wie die Sonne sich neuerdings dem Winter zuwendet. Słavejkov, Бълг. притчи 45; Сборникъ за нар. умотворения IV, 93 und IX, 557.

Basilios von Paros. Heißt auf russisch Vasilij Parijskij und gilt dortzulande als der Heilige, der die von Schnee und Winterfrösten erkaltete Erde wieder warm macht (parit). Afanasjev, Поэт. воззрѣнія славянъ на природу III, 673.

Basiliskos. Wird von den Angehörigen des russ. Sprachstammes Vasilisk, auch schlechtweg Vasilik genannt und in Übereinstimmung damit als der Heilige angesehen, der Macht über die Kornblumen (vasilki) hat. Afanasjev im a. W. 674.

Blasius. Ist einer der 14 Nothelfer und besitzt schon aus diesem Titel einen ziemlich ausgedehnten Kreis von Funktionen, wie z. B. den Schutz gegen Halsleiden, gegen entzündliche Wirkungen von Gift, gegen »la puce maligne«, gegen Tollwut, Kehlsucht und Pest. Auf Grund der Volksetymologie sind ihm aber noch einige weitere Funktionen hinzugewachsen. So gilt er den Deutschen als Helfer gegen die Erkrankungen der Blase und in einigen Ortschaften der Rheinprovinz überdies als der Schutzpatron der Hornbläser. Den Südslaven und Russen, von denen er Vłasij genannt wird, gilt er dagegen als Helfer

---

1) Bezüglich der übrigen Funktionen dieser Heiligen, die jedoch nicht in volksetymologischen Erwägungen, sondern in der hagiographischen Überlieferung ihren Grund haben, vgl. außer der einschlägigen deutschen, französischen und russ. Literatur ausdrücklich noch Karłowicz, Słownik gwar polskich, Kraków 1900 bis 1906, sub v. Barbara und Barbarka.

gegen die verschiedenen Erkrankungen der Haare (vłas, vołos) und gleichzeitig als der Schutzpatron der Rinder und der übrigen, Haare tragenden Haustiere. Auch eine eiternde Wunde bei Rindern, die von bulgarischen und kleinrussischen Bauern auf die Wirkung eines haarförmigen Wurmes zurückgeführt wird und darum bulg. vłas, klruss. vołos heißt, gehört zu denjenigen Krankheiten, gegen die der in Rede stehende Heilige hilft. Aus der ziemlich umfangreichen Literatur des Gegenstandes mögen erwähnt werden: Nyrop-Vogt 227; Sauvé in dem weiter unten sub v. Clara angez. Werke, S. 34; Hanuš 76 ff.; Hoefler in der Zeitschrift des Berliner Vereins für Volkskunde I, 294; Sławejkov, Бълг. притчи 45; A. Popov, Вліяніе церковнаго ученія и древнерусс. письменности на миросозерцаніе русс. народа etc. 113—115; Šišmanov im a. W. 520 ff.; Marinov in der Жива Старина I, 113; Gerov, Рѣчникъ sub v. Велесовъ день und Муковъ день; Karłowicz, Słownik gwar polskich sub v. Błażej.

Bonifacius. Nützt nach deutschem Volksglauben den Bohnen. Andresen, Über deutsche Volksetymologie [5], S. 112.

Boris. Wird von den Russen Barís ausgesprochen und auf Grund der hierdurch möglich gewordenen volksetymologischen Annäherung an baryš (= Gewinn, Vorteil) als der Förderer aller Kaufgeschäfte angesehen. Wer an seinem Tage, der sogar direkt der baryšdenj (= der Tag des Gewinnes) heißt, gut kauft oder verkauft, wird das ganze Jahr hindurch ebenso gut kaufen und verkaufen und umgekehrt. Afanasjev im a. W. III, 672; Savinov, Народная этимологія на почвѣ языка русскаго im Русс. филолог. Вѣстникъ XXI, 37.

Clara. Gilt den Franzosen, von denen sie Ste. Claire genannt wird, als die Heilige, die bewirkt, daß man wieder klar sieht (= fait qu'on voit clair). L. F. Sauvé, Le folklore des Hautes-Vosges in Les littératures populaires XXIX, 216; Andresen 51.

Claudius. Hilft nach franz. Volksglauben gegen das Hinken (claudication). Andresen 51; Nyrop-Vogt 225.

Clodoaldus. Wird von den Franzosen, die ihn St. Clou nennen, vor allem als Helfer gegen Brandgeschwüre (les clous) angerufen. Da und dort gilt er aber auch als Schutzpatron der Nagelschmiede (les cloutieres). Nyrop-Vogt 225; Gaidoz, Mélusine IV, 510.

Cornelius. Gilt in Frankreich als Beschützer des Hornviehes (les bêtes à cornes). Nyrop-Vogt 226.

Donatus. Schützt nach deutschem Volksglauben gegen den Donner. Andresen 112. Hinsichtlich des eventuellen Zusammenhanges dieses Heiligen mit dem epirotischen Aïdoneus vgl. dagegen die ein-

schlägige Studie von E. Gubernatis, sowie die Légendes hagiographiques von Delehaye, S. 198 ff.

Eleutherios. Der Sinn dieses Namens ist: der frei Machende, der Befreier. In Übereinstimmung damit wird denn Eleutherios auch an verschiedenen Orten Griechenlands als der spezielle Heilige angesehen, der schwangeren Frauen leichte Entbindung und implicite Befreiung von der sie bedrückenden Last gewährt. Auf der Insel Kreta sagen sie sogar direkt von ihm: Ὁ ὅσιος Ἐλευθέριος ἐλευθερώνει τὰς γυναῖκες. Bybilakis, Neugriech. Volksleben, S. 2; Bernh. Schmidt, Das Volksleben der Neugriechen, S. 38. Rodd, The customs and lore of modern Greece, S. 127; Basiner im Rhein. Museum pro 1905, S. 622.

Elias. Gilt auf Grund der alttestamentlichen Legende, die von einer Entrückung in vom Himmel herablangendem Flammenwagen berichtet, im Volksglauben sämtlicher christlicher Völker als der Heilige, der Macht über die himmlischen Flammen oder die Blitze besitzt. Auf Grund der volksetymolog. Deutung seines Namens, der eine Annäherung an das Verbum lijati (= gießen) gestattete, wird er dagegen von den zum griech. Ritus sich bekennenden Slaven hin und wieder auch als der Urheber der um den 20. Juli a. St. häufig eintretenden Regengüsse angesehen. Speziell die Kleinrussen haben in dieser Hinsicht sogar den Spruch: »Илья наробить гнилья (= Elias richtet Fäulnis an)«. Čubinskij, Труды статистическо-этнограф. экспедиціи въ западно-русс. край III, 223 und Karłowicz, Słownik gwar pols. sub v. Eliasz.

Elissäus. Ist den Südslaven sonst nur in dem Sinne geläufig, als sie die Zeit um den 14. Juni a. St. herum als den geeignetsten Termin ansehen, wann Hirse ausgesäet werden darf. Speziell den Bulgaren, zumal jenen, die diesen Heiligen statt Elisej, bezw. Jelisej lieber Liseaj nennen, gilt er dagegen auch als Helfer gegen die Kahlheit, bulgarisch lisò, lisàta genannt. Vuk Karadžić, Рјечник sub v. Виде; Šišmanov im a. W. 559[1]).

Eutropius. Gemeint ist hier offenbar der erste Bischof von Saintes. Er wird, wie dies schon Estienne a. a. O. hervorhob und Stadler in seinem Heiligenlexikon II, 174 gleichfalls erwähnt, in Frank-

---

1) Nach Gerov, Рѣчникъ sub v. Елисей wird dieser Heilige von den Bulgaren auch darum gefeiert, daß Gott ihre Anwesen nicht dem Verderben preisgebe, was sie bildlich durch die Phrase ausdrücken: »за да ги не залѣси (spr. zalěsi) господь = auf daß Gott nicht Wald über ihnen wuchern lasse«. Es ist offenbar, daß für diese letztere Vorstellung lediglich die volksetymologische Verwandtschaft zwischen dem Namen des Heiligen und dem bulg. Appellativum lěs (= Wald) maßgebend gewesen ist.

reich allgemein als Fürbitter gegen die Wassersucht (hydropsie) angerufen. Speziell Estienne gibt hierzu die folgende Erklärung: »Semblablement, quand on a fait S. Eutrope médecin des hydropiques, je croy qu'on a confundu Eutrope avec Hydrope«. Vgl. übrigens auch Nyrop-Vogt 225.

Expeditus. Gilt auf Grund seines Namens, der offenbare Beziehung zum Verbum lat. expedire hat, französischen, wie deutschen Katholiken als der dienstbereite Förderer aller dringlichen Angelegenheiten und Wünsche. Speziell von den Franzosen wird er, wie zahlreiche Inschriften auf Statuen und Votivtafeln bekunden, sogar direkt als »le patron des causes pressés« bezeichnet. Und auf einem in den deutschen Provinzen Österreichs stark verbreiteten Bilde heißt er noch bestimmter: »der besondere Patron um glückliche und fertige Ausrichtung aller Geschäfte, Amts-, Standes-, Hausverrichtungen und Reisen«. Nyrop-Vogt 222 ff.; Mélusine IX, 169 ff.

Fiacre. Heilt nach franz. Volksglauben das unter dem Namen »fic« bekannte Geschwür und namentlich jenes, das auf dem Sitzfleisch erscheint (»et de celui principalement qui vient au fondement«). H. Estienne o. et l. c.

Fort (Fortis). Wird von den Franzosen, zumal denen in der Umgebung von Bordeaux, behufs Stärkung der Gliedmaßen (pour fortifier les membres) angerufen. Aber auch schwächliche Kinder werden zu demselben Zwecke in seine Obhut gestellt. Abbé Bergier, Origine des dieux du paganisme I, 304: Broc de Segange, Les saints Patrons I, 373; Mgr. Cirot de la Ville, Les origines chrétiennes de Bordeaux, S. 159 ff. Die letztere Schrift enthält zugleich eine sehr beachtenswerte Untersuchung zur Frage nach der Entstehung der Legende von dem hl. Fort.

Gallus. Wird von den Deutschen und den Schweden auf Halland als Helfer gegen die Gallsucht (schwed. galdesyge) der Schafe angesehen. Den Franzosen, die unter la gale einen juckenden Ausschlag verstehen, gilt er dagegen als Helfer gegen dies letztere Übel. Nyrop-Vogt 227.

Genulphus. Wird in Frankreich St. Genou genannt und im Einklang damit als Helfer gegen gichtische Schmerzen, zumal jene, die im Kniegelenk (le genou) erscheinen, angerufen. H. Estienne o. et l. c. und Nyrop-Vogt 225.

Germanos. Die bulgarische Form dieses Namens lautet German, beziehungsweise Gъrman. Auf Grund dieser letzteren Namensform nun, die eine Annäherung an Them[illegible], gъrmъt

(= Donner) gestattete, wird der heil. Germanos von den Bulgaren allgemein als der Schutzpatron gegen das Gewitter (za da ne gъrmi) gefeiert. Durch Vermittlung der Bulgaren ist diese Vorstellung dann auch zu den Serben gedrungen, die, trotzdem sie den in Rede stehenden Heiligen Džerma nennen, sich an ihn dennoch um Abwendung des Gewitters und namentlich des Hagels wenden. »До међу Ђермо; од међу на овамо не дай, свети Ђермо, молим ти се«. In freier deutscher Übersetzung: »Wenn du schon Hagel senden willst, o Džerma, so sende ihn nur bis zu meinem Rain; von da an aber nicht, o heiliger Džerman, ich bitte dich darum«. Sławejkov, Бълг. притчи 45; Čołakov, Бълг. народенъ сборникъ 136; Miličević, Краљ. Србија 152 ff.; Šišmanov im a. W. 558 und Gerov, Рѣчникъ sub v. Германъ.

Glêb, klruss. Hlib. Gilt sowol Groß-, als Kleinrussen als der Schutzpatron der Brotfrucht (chlěb, klruss. chlib). Detail bei Afanasjev III, 674 und bei Savinov im a. W. 39.

Gregorios. Wird von den Bulgaren Grigorij genannt und volksetymologisch zum Verbum гъргоры (= ich zwitschere) gestellt. Auch besteht im Zusammenhange damit dortzulande der Glaube, daß Vögel erst von diesem Tage, d. i. vom 12. März a. St. an, zu zwitschern beginnen, um mit dem St. Johannistage (7. Juli a. St.) wieder damit aufzuhören. Šišmanov im a. W. 559 [1]).

Hedwig. Ist den Franzosen unter dem Namen Ste. Avoye geläufiger. Da nun zu der Zeit, als sie mit dieser Heiligen bekannt wurden, noch ein Verbum avoyer in der Bedeutung »auf den rechten Weg weisen« bestand, so wurde sie von ihnen daraufhin zur Schutzpatronin verirrter Seelen bestellt. Wenigstens ist in einem aus dem XV. Jahrh. stammenden Gebetbuche noch ganz ausdrücklich zu lesen: »Orasion à Sainte Avoye qui les gens aide et avoye«. Nyrop-Vogt 224.

Helena. Wird von den Kleinrussen Ołena, von den Großrussen Alëna genannt und von den einen wie von den anderen als Spenderin guten, langen Leines (łen, lën) angesehen. Hie und da heißt sie sogar direkt lenosějka (= Säerin des Leines). Man noticre übrigens auch die folgenden Sprüche: »Сѣянъ ленъ у семи Оленъ (= Gesäet wurde der Lein zu den sieben Helenen«. »Лены Оленѣ, огурцы Константину (= Den Lein der Helene, die Gurken dem Konstantin)«. Afanasjev III, 672; Savinov 40; Čubinskij III, 184.

1) Bei den Polen und Čechen gilt er dagegen, wie Hanuš 95 ff. und Karłowicz in seinem Słownik gwar polskich sub v. Gregorjanek bezeugen, als der Patron der Schulknaben. Auch in Tirol pflegt man nach Mannhardt zu sagen: »Der Schulmeister geht in Gregory«.

Ignatius. Wird auf Grund der volksetymologischen Annäherung seines Namens an die Verbalformen digam, dignat (= heben, vom Platze rücken) von den Bulgaren in Makedonien als der Heilige angesehen, der sowohl den Tag um ein weniges (na Ignat denot ke se dignat), als auch jedwede Arbeit vorwärts bringt, sie fördert. Stellenweise, so namentlich in Orěchovo und Umgebung, wird er dagegen in Beziehung zum Thema ognь, ognьt (= Feuer) gebracht und mit Rücksicht darauf unter die Heiligen gerechnet, die die Macht besitzen, Feuer sowohl abzuwehren, als es zu verursachen. Auf diese letztere Beziehung weist unter anderem auch der Brauch hin, an seinem Tage ein Feuer anzuzünden, darin, zwecks Erzeugung einer größeren Funkenzahl, mit einem Stäbchen herumzurühren und dazu die Worte zu sprechen: »Колкото искрици, толкова пиленца, шиленца, яренца, теленца, ждрѣбенца, прасенца, пловченца, бибенца, пупченца, дѣчица, а найвяче медъ и масло и бѣла пшеница на сьвъ народъ (= Wie viele Funken, so viele Küchlein, Lämmlein, Zicklein, Kälberchen, Pferdchen, Schweinchen, Gänslein, Entelein, Pfauchen, Kinderchen, vor allem aber Honig, Butter und weißer Weizen für das Volk)«. Šišmanov 561 ff.; Gerov sub v. Игнатъ; Daskałov, Празници и обичаи въ Трѣвненско, S. 12—13.

Jakob. Wird im Wege volksetymologischer Annäherung an Kobb (= Kopf) von den Katholiken in Deutschland als der Heilige gefeiert, der zum Gedeihen der Kopf- oder Häuptelpflanzen beiträgt. Darauf weist mit aller Bestimmtheit die Beschwörungsformel hin, die an seinem Tage zwischen 11 und 12 Uhr mittags über den Krautblättern gesprochen wird und wörtlich also lautet: »Jakob, Dickkobb, werd so dick, wie mein Kobb, im Namen Gottes« etc. Meyer-Wuttke, Der deutsche Volksaberglaube der Gegenwart (Berlin 1900) § 665.

Jeremias. Wird zunächst auf Grund des bloßen Zusammenklanges, den sein Name mit slav. zmija (= Schlange) ergibt, von den Südslaven als der Schlangenvertreiber verehrt. In Rußland, wo der betreffende Heilige volkstümlich Jarëma (klruss. Jarema) heißt, gilt er dagegen als der Schutzpatron der Tiere, denen, wenn sie zur Arbeit gehen, ein Joch (jarëm, jarmo) angelegt wird. Hie und da wird er sogar direkt der jaremnik (= Jochanleger) genannt, und dauert diese seine Funktion in der Regel so lange, als das Frühjahrsackern dauert, also vom 1. Mai, als dem speziell dem hl. Jeremias geweihten Tage, bis ungefähr zum 31. Mai, an welchem Tage ein entfernter Namensverwandter des hl. Jeremias, der hl. Ermij, gefeiert wird. Vuk Karadžić, Рјечник sub v. Јеремијев дан; Milićević im Гласник српс. ученог

ıруштва XXXVII, 117; Čołakov im a. W. 116; Maretić, Studije iz pučkoga vjerovanja i pričanja u Hrvatâ i Srbâ im »Rad« der südslav. Akademie der Wiss. XL, 138; Šišmanov im a. W. 560—61; Afanasjev III, 673; Savinov 41; Gerov, Рѣчникъ бълг. яз. sub v. Еремија und Благовѣць.

Justina. Ist den Bulgaren in der Form Ustina geläufiger und wird von ihnen als die Heilige verehrt, die wilden Tieren den Mund (usta-ta) schließen kann, sie solcherart für Haustiere unschädlich machend. Šišmanov im a. W. 568; Gerov, Рѣчникъ sub v. Устина.

Kallinikos. Wird von den Russen in Beziehung zu »kalinniki«, worunter sie die um den 19. Juli herum besonders zahlreich auftretenden donnerlosen Blitze oder das sogenannte Wetterleuchten verstehen, gestellt. Afanasjev III, 675.

Kosmas und Damianos. Diese Heiligen werden auf Grund der hagiographischen Überlieferung allüberall als die unentgeltlichen Ärzte verehrt. In Rußland, wo der erstere von ihnen volkstümlich Кузьма (spr. Kuźma) heißt und infolge dessen sehr wohl in Beziehung zu kuzńa, kuzńec (= die Schmiede, der Schmied) gebracht werden konnte, gelten sie dagegen auch als Eheschmiede. So lesen wir diesbezüglich in einem Liede: Тамъ шелъ самъ Кузьма-Демьянъ | На свадьбу Агафонича: | Ты святой-ли, ты Кузьма-Демьянычъ, | Да ты скуй-ли ка намъ свадебку | Вѣковѣчную, неразрывную. Zu deutsch: »Ging Kuźma-Demjan in eigener Person dort | Zur Hochzeit des Agafonič: | Du Heiliger, du Kuźma-Demjanič, | So schmiede uns ein Hochzeitlein, | Ein ewiges, ein unzertrennliches«. Savinov 42.

Lambertus. Heilt nach deutschem Volksglauben die Lahmheit. Nyrop-Vogt 227.

Lazarus. Wird von den Serben in Beziehung zum Verbum laziti (= gehen, sich langsam fortbewegen) gebracht und im Einklange damit als der Heilige angesehen, der kleinen Kindern bei den ersten Gehversuchen behilflich ist. Auch besteht in dieser Hinsicht der Brauch in Syrmien, wonach Mädchen am Vorabend des St. Lazarussamstags einen Kreis bilden und, indem sie sich ein männliches Kind von Hand zu Hand reichen, dazu das Lied singen: »Lazi, lazi, Lazare, | Te dolazi do mene« etc. Zu deutsch: »Gehe, gehe, Lazar, | So gehe bis auf mich zu« usw. Vuk Karadžić, Рјечник sub v. Лазарице und Maretić im a. W. 138 [1]).

1) Bei den Bulgaren wird der hl. Lazar zwar auch von Mädchen durch Lieder, die sie am Vorabend des St. Lazarussamstags von Haus zu Haus gehend vortragen,

Liénard (= Leonhard). Gilt den Katholiken in Frankreich als der Heilige, der sowohl die Fesseln der Gefangenen, als auch die aneinandergewachsenen Kinder löst (délie). Andresen 51.

Lucia. Macht nach franz. Volksglauben trübe Augen wieder hell (lucide). Andresen 51. Aber auch in Deutschland und den übrigen katholischen Ländern ist sie als Ärztin kranker Augen wohl bekannt. In Colle de Santa Lucia (Oberitalien) besteht sogar eine von Augenkranken aller Art stark besuchte Gnadenstätte dieser Heiligen. Man ist in den betreffenden Kreisen auch heute noch fest überzeugt davon, daß eine vor dem Bilde der Heiligen verrichtete Andacht in Verbindung mit darauf folgender Benetzung der Augen mit dem Wasser aus dem dort befindlichen Kirchenbrunnen genügt, um, wenn nicht volle Genesung, so mindestens einige Linderung des Leidens zu erlangen. Hoefler im a. W. 304; Usener, Götternamen 121; Archiv f. Religionswissenschaft IX, 253 ff.

Lukas der Evangelist. Nützt dem Volksglauben der Kleinrussen zufolge dem Knoblauch, der dortzulande лоукъ (spr. łuk) heißt. Kaindl in den Mitteilungen der geogr. Gesellschaft in Wien pro 1896, S. 438.

Lupus. Wehrt nach französischem und rumänischem Volksglauben den Wolf (loup, lupŭ) von den Herden ab. Durch Vermittlung der Rumänen hat dieser Glaube übrigens auch bei ihren slav. Nachbarn und insbesondere den Ruthenen der Bukowina Eingang gefunden. Mélusine IV, 510; Mitteilungen der geogr. Gesellschaft in Wien pro 1896, S. 439.

Maclovius. Steht namentlich in der Bretagne, wo er zu Hause war, in großem Ansehen und wird vom Volke, das ihn St. Maclou nennt, ebenso wie der hl. Clodoaldus (s. diesen) als Helfer gegen Brandgeschwüre (les clous) angerufen. Stadler, Heiligenlexikon sub voce Maclou; H. Gaidoz o. et l. c.

Makkabäer. Dieses Fest wird von den Angehörigen des russ. Sprachstammes »na svjatych Makovějev« oder auch »na svjatych Makovej« genannt und allgemein in Beziehung zu Thema mak (= der Mohn) gebracht. Daher die Sitte, an diesem Tage (1. August a. St.) die Mohnernte vorzunehmen, jedenfalls aber irgend eine Mohnspeise herzurichten und zu Ehren des Festes zu verzehren. Speziell die Klein-

gefeiert, aber ob sich darunter auch das »Lazi, lazi, L[illegible] [illegible]et, ist aus dem, was Gerov in seinem Wörterbuch der bulg. Sprache [illegible] darüber sagt, nicht ersichtlich.

russen lassen an diesem Tage überdies wilden Mohn weihen, darin das beste Mittel gegen allerlei Hexenspuk erblickend. Afanasjev III, 674; Čubinskij im angez. Werke und Bande S. 225; Savinov 44; Kozariščuk in der Zeitschrift »Наука« pro 1891, S. 660.

Makrina. Wird sowohl von Groß-, als Kleinrussen[1]) zum Thema mokr (= feucht) gestellt und auf dieser Grundlage als Spenderin der Feuchtigkeit angesehen. Darauf weisen unter anderem schon die Sprüche hin: »Мокрина мокра и осень мокра (= Ist die Makrina feucht, wird auch der Herbst feucht sein)«. »Смотри осень по Мокринамъ (= Willst du wissen, wie der Herbst wird, achte auf die Makrinen)«. In noch viel augenfälligerer Weise kommt aber diese Funktion der hl. Makrina in nachstehendem Brauch zum Ausdruck: Hat die Dürre längere Zeit angehalten, so pflegen die Bewohner des Gouvernements Kursk, der bekannten Kornkammer Rußlands, sich zur Veranstaltung einer förmlichen Makrinafeier zusammenzutun. Weiber und Mädchen treten angekleidet ins Wasser und zerren da auch alle Vorübergehenden hinein. Afanasjev III, 674; Čubińskij III, 223; Savinov 45.

Mamertus. Wird von den Franzosen, die ihn St. Mamert, auch St. Mammair nennen, als Helfer bei Erkrankungen der Brüste (les mammeles) angesehen. Den Ammen ist er dortzulande überdies der selbstverständliche Schutzpatron. H. Estienne o. et l. c.; Andresen 51; Nyrop-Vogt 225.

Marcus. Macht nach deutschem Volksglauben die Erbse markig. Es ist daher vielfach Brauch in Deutschland, mit der Aussaat dieser Frucht bis zum St. Markustage zu warten. Meyer-Wuttke § 655.

Maturinus. Gilt den Italienern und durch deren Vermittlung auch den Franzosen als der Arzt der Irrsinnigen (gli matti). H. Estienne o. et l. c.

Maura (Μαῦρα). Wird auf Grund ihres Namens, der wörtlich die Mohrin, dann jede schwarz aussehende Person überhaupt bedeutet, von den Bewohnern der Insel Zakynthos als die Schutzpatronin und Helferin der an schwarzen Blattern Erkrankten verehrt. Nach der volkstümlichen Vorstellung der Athener vermag sie aber auch alle anderen Arten von Geschwüren zu heilen, eventuell damit heimzusuchen. Letzteres geschieht indes nur dann, wenn jemand durch Mißachtung ihres Festtages (3. Mai a. St.) sich deren Ungnade zugezogen hat. Mommsen, Athenae christianae 143; B. Schmidt im a. W. 38.

1) Die letzteren nennen sie sogar direkt Mokryna (= die Feuchte).

Mevennus. Wird von den Franzosen St. Main genannt und im Einklang damit als Helfer gegen beliebigen, auf der Hand (la main) erscheinenden Ausschlag und namentlich die Krätze verehrt. H. Estienne o. et l. c.; Nyrop-Vogt 225.

Michaël. Gilt an verschiedenen Orten Frankreichs als der Schutzpatron der Bäcker. Es ist evident, daß er diese seine Funktion lediglich dem Umstande zu danken hat, daß das Laib Brot französisch »la miche« heißt. Nyrop-Vogt 225.

Minas. Wird von den Bulgaren, die bei seinem Namen in erster Linie an das einheimische minavam (= ich gehe vorüber) dachten, als der Schutzpatron der Reisenden verehrt. In Panagjurište und Umgebung rufen sie ihn dagegen auch dann an, wenn es sich um die Wiedergewinnung eines abhanden gekommenen Gegenstandes handelt. »Sveti Mina« — sagen sie in einem solchen Falle — »kaži, koj minà i zaminà, ta namèri edi što si (folgt der Name des verlorenen Gegenstandes)«. Šišmanov 565.

Modestus. Wird in der Umgebung von Achă-Čelebijsko in Bulgarien Mułešti genannt und mit Rücksicht darauf als der Schutzpatron der Maultiere (mułete) verehrt. Šišmanov 565.

Mokios. In betreff dieses Heiligen besteht bei den Russen eine analoge Vorstellung, wie in betreff der hl. Makrina. Regen an seinem Tage (11. Mai a. St.) bedeutet, daß es den ganzen Sommer über naß (mokro) sein werde. Hanuš 151: Afanasjev III, 674.

Naum der Prophet. Leitet nach bulg. und russ. Volksglauben zur Vernunft (na um) an. Speziell in Rußland besteht in dieser Hinsicht sogar die Sitte, dem hl. Naum an dem Tage, an dem die Kinder zum erstenmale in die Schule geschickt werden sollen, eine Kerze zu widmen und vom Geistlichen eine entsprechende Andacht verrichten zu lassen. Auch pflegt man mit dem Beginn des ersten Unterrichts dort gewöhnlich bis zum 1. Dezember, als dem diesem Heiligen gewidmeten Tage, zu warten. Afanasjev III, 675; Savinov 46; Ryłov, Очерки по изученію русс. нар. языка въ области великорусс. говора in den Ученыя Записки der Kasaner Universität pro 1892, Heft IV, S. 119; Šišmanov im a. W. 565.

Pachomios. Zeigt nach russ. Volksglauben an, »wonach der Sommer riecht (pachnët)«. Ist nämlich der St. Pachomiostag (1. Mai a. St.) warm, so wird — dies ist der Sinn der Phrase — auch der Sommer warm sein und umgekehrt. Afanasjev III, 674.

Pantalemon. Seine ihm im Volksglauben der Bulgaren zukommende Funktion wird am deutlichsten durch seinen Beinamen, der bul-

garisch пѫтникъ (spr. pătnik) lautet und deutsch durch »der Reisende« zu übersetzen ist, bestimmt. Auch besteht im Zusammenhange damit der Brauch bei den Bulgaren, an dem dem hl. Pantalemon gewidmeten Tage (es ist der 27. Juli a. St.) sich auf die Straße zu begeben und dort wenigstens einige Augenblicke zu verweilen. Man wird wohl kaum fehlgehen, wenn man der Ansicht Ausdruck gibt, daß der Name des Heiligen, der eine Annäherung an bulg. пѫтъ (= der Weg) gestattete, hierzu den Anstoß gegeben hat. Was dagegen die ihm von den Kleinrussen zugeschriebene und durch die Epitheta Palij (= der Zünder) und Pałykopa (= Verbrenner der schockweise geschichteten Garbenhaufen) ausgedrückte Funktion anbelangt, so halte ich dafür, daß diese Epitheta nicht durch volksetymologische Erwägungen, sondern lediglich durch die Wahrnehmung, wonach um den 27. Juli a. St. herum die meisten Gewitter mit starken, auch Brände verursachenden elektrischen Entladungen stattfinden, veranlaßt worden ist. Karavełov, Памятники 227; Šišmanov 566; Afanasjev III, 674; Čubinskij III, 224.

Phokas. Gilt den Rumänen und im Wege der Entlehnung auch ihren slavischen Nachbarn, den Ruthenen in der Bukowina, als der Schutzpatron des Feuers, das rumänisch focŭ heißt. Kaindl in den Mitteil. der geogr. Gesellschaft in Wien pro 1896, S. 438. In den Ländern des schwarzen und des östlichen Teils des mittelländischen Meeres bis zur Adria hin wird er dagegen als der Schutzgeist der Schiffer verehrt, und hat schon Radermacher im Archiv für Religionswissenschaft VII, S. 445 mit Rücksicht darauf die Vermutung ausgesprochen, daß vielleicht der Name des Heiligen, der an griech. φώκη (= Robbe) erinnert und vom gleichen Stamme abgeleitet ist, hierzu die Veranlassung bot. Weiteres, diese Vermutung erheblich unterstützendes Detail bei E. Maass in den Jahresheften des österreich. archäolog. Institus IX, 181, sowie bei Otto Kern im Archiv für Religionswissenschaft X, 82 ff.

Polychronia. Wird von den Bulgaren volkstümlich Poljaranija genannt und auf Grund dieser letzteren Namensform in einigen Gegenden, so z. B. in der Umgebung von Küstendžil, als die Heilige angesehen, die die Felder (poljata) schützt (chrani). Šišmanov im a. W. 567.

Prokopios. Wird, da sein Name sich sehr leicht in Beziehung zum Verbum prokopsam (= προκόπτω, bezw. πρόκοψα) bringen ließ, von den Bulgaren als der Heilige verehrt, der die Kinder in seiner speziellen Hut hat. Demgemäß sagen sie auch: »Треба да го дръжиме

Прокопа за децата, да ни прокопсаат (= Es ist notwendig, daß wir den Prokop feiern der Kinder wegen, damit sie uns gedeihen)«. Von anderen slavischen Völkern, so z. B. von den Serben und den Čechen, wird sein Name dagegen mit dem Verbum kopati (= graben) in Verbindung gebracht und als der Schutzpatron alles dessen, was auf diesem letzteren Wege zustande kommt, gefeiert. Ein am St. Prokoptage (4. Juni) umgrabener Kohl wird nach čechischem Volksglauben besonders gut sein usw. Vuk Karadžić, Рјечник sub v. Прокопље; Hanuš 194; Maretić im a. W. 135; Šišmanov 505 u. 566 ff.; Gerov, Рѣчникъ sub v. Прокопий.

Rochus. Gilt, weil sein Name an la roche (= der Felsen) erinnert, in vielen Gegenden Frankreichs als der Schutzpatron aller jener Personen, die mit Steinen hantieren, also insbesondere auch als der Schutzpatron der Steinmetze und der Pflasterer. Mélusine IV, 510.

Rosa. Heilt nach deutschem Volksglauben den Rotlauf oder die sogenannte Rose. Nyrop-Vogt 227.

Stylianos. Dieser Heilige wird, wie Bybilakis, Neugriech. Volksleben, S. 4 bezeugt, von den heutigen Griechen als Spender leichter Entbindungen, bezw. als Pfleger und Beschützer der Neugeborenen verehrt. Den Bulgaren gilt er dagegen als der heilige Arzt überhaupt, der die Macht besitzt, Kranken aller Art Genesung zu verschaffen. Insbesondere halten aber an dieser Vorstellung jene Bulgaren fest, die, wie die Bewohner von Stara Zagora, die Lautgruppe st in ts, bezw in c verwandeln und demgemäß auch nicht Stylian, bezw. Stilian, sondern Cilian sprechen. Von Cilian zu Cělian (= der heil Machende) ist aber nur ein kleiner Schritt gewesen, und die Funktion, um die es sich hier handelt, war hergestellt. Šišmanov im a. W. 568.

Symeon Stylites. Die russ. Form dieses Namens ist Semen, und es hat sich wohl nur mit Rücksicht darauf dortzulande die Vorstellung gebildet, daß es von diesem Tage an (1. September a. St.) nicht mehr ratsam sei, Sämereien (sěmena) auszusäen: »Семенъ день и сѣмена долой (= Ist einmal der hl. Semen da, dann fort mit den Sämereien)«. Afanasjev III, 675; Savinov 49.

Symeon Zelotes. Wird von den Kleinrussen schlechtweg Zilot genannt und in Übereinstimmung damit als der Heilige angesehen, der den Kräutern (žil'ja) ihre wundertätige Kraft verleiht. Da aber die kleinrussische Form dieses Heiligen ebenso gut auch eine Annäherung an Thema zołoto (= Gold) gestattet, so besteht der Brauch bei den Kleinrussen, an seinem Tage (10. Mai a. St.) nicht nur nach wundertätigen Kräutern, sondern mit deren Hilfe auch nach Gold zu suchen.

:sgleichen glaubt man, daß ein an diesem Tage ausgesäeter Weizen sonders schön und rein sein werde wie Gold. Afanasjev III, 674; ıbinskij III, 184; Savinov 49.

Theodoros Studites. Leitet nach russ. Volksglauben die Kälte tudenj) ein. Daher auch die Bauernregel: »Θеодоръ Студитъ землю удитъ (= Theodoros Studites macht die Erde kalt)«. Afanasjev III, 5; Rylov a. a. O.

Theodulos. Die russ. Form dieses Namens lautet Feoduł, auch rzweg Feduł. Da nun diese letztere Form sehr wohl zu russ. dut' = blasen, wehen) oder noch besser zu der davon gebildeten Partizialform duł, poduł gestellt werden konnte, so hat sie dortzulande e Vorstellung veranlaßt, daß der in Rede stehende Heilige Macht er die warmen Frühjahrswinde besitzt. »Пришелъ Федулъ, теплякъ дулъ (= Kam Theodulos, begann der warme Wind zu blasen)«. Allerıgs vermag der hl. Theodulos auch kalten und unfreundlichen Wind bringen, und heißt es dann von ihm: »Федулъ губы надулъ (= Theolos blies die Backen auf)«. Afanasjev III, 673; Savinov 50.

Theophanes. Wird von den Russen Fofan genannt und im Einang damit als der Schutzpatron der Einfältigen und Narren, die dort fany heißen, verehrt. Savinov 52.

Therapon. Schon auf Grund der Legende, die von einer aus inem Blute emporgewachsenen heilbringenden Eiche berichtet, durfte ɘser Heilige von den Angehörigen der griechischen Kirche als der nmlische Arzt gefeiert werden. Speziell bei den Griechen trug aber ɘrzu gewiß nicht wenig auch sein Name bei, der, indem er sehr wohl θεραπεύω (= warte, pflege, heile) gestellt werden konnte, die nämhe Funktion wie die Legende begründete. Colnaghi in Newtons avels and discoveries in the Levant I, 348; K. Jireček, Cesty po ılharsku 13; Šišmanov 568.

Tychon. Wird von den Russen im Wege volksetymologischer ınäherung an Thema tich (= ruhig, still) als Spender ruhigen, klaren etters angesehen. An seinem Tage (16. Juni a. St.) ist — so sagen : — die Erde still, auch die Sonne legt ihre Bahn stiller als sonst rück und die Singvögel stellen von da an das Singen ein. Hanuš '2; Afanasjev III, 675; Savinov 50.

Valentinus. Über diesen Heiligen und seine ihm im Volksglauben r Deutschen zukommende Funktion war schon oben (S. 504) die :de. Hier wäre nur noch nachzutragen, daß die Kunde von dieser ınktion sich im Wege der Entlehnung auch bei den Dänen, den röm.-.th. Slaven und selbst bei den Litauern verbreitete. Speziell bei den

Polen trug zur raschen Einbürgerung der betreffenden Vorstellung nach einer ganz richtigen Bemerkung Karłowicz's, Słoworód ludowy S. 32 überdies der Umstand bei, daß hier zwischen Namen und Funktion eine analoge Beziehung hergestellt werden konnte, wie im Deutschen. Denn da Valentin polnisch Walenty, bezw. Walek heißt und das charakteristische Merkmal der Epilepsie durch das polnische walić (= fallen machen, niederwerfen) ebenso prägnant ausgedrückt werden konnte wie durch deutsches »fallen«, so war jene Vorstellung den Polen sofort klar und geläufig. Darauf weist unter anderem auch das Sprichwort hin: »Święty Walek tych powali, co patronem go nie zwali (= Der hl. Valentin wird jene fallen machen, die ihn nicht zum Schutzpatron erkoren haben)«. Zur Literatur des Gegenstandes wären außer den »Decem praecepta« von Martin Luther und der soeben erwähnten Schrift von Karłowicz noch heranzuziehen: Wackernagel, Kleine Schriften III, 104; Nyrop-Vogt 226; Hoefler im a. W. 293; Archiv für slav. Philol. XII, 468 und XIII, 157.

Varnava (= Barnabas). Schützt dem Volksglauben der Bulgaren zufolge gegen das Gewitter, indem er bewirkt, daß die Wolken nicht wiederkehren (da se ne vъrnuvat oblacitè), sondern ruhig weiter ziehen. Slavejkov, Бълг. притчи 45; Šišmanov im a. W. 557; Gerov, Рѣчникъ sub v. Вартоломей, Врьтоламей und Вратоломей.

Vincentius. Wird von den Deutschen Vinzenz oder vielmehr Finzenz genannt und sowohl von ihnen selbst, als durch ihre Vermittlung auch von den röm.-kath. Slaven und Litauern als der Heilige angesehen, der Verlorenes wieder finden hilft. Von den Franzosen wird er dagegen in Verbindung mit vin (= Wein) gebracht und dementsprechend als der Schutzpatron der Weinbauer und aller derer, die damit so oder anders zu tun haben, verehrt. Auf diese letztere Funktion weisen insbesondere die nachstehenden zwei Bauernregeln hin: »Quand Saint Vincent est clair et beau, | Il y a du vin comme de l'eau«. ‖ »Si le jour de Saint Vincent est trouble, | Il met le vin au double«. Man notiere übrigens auch eine analoge deutsche Bauernregel: »Vinzenzi Sonnenschein | Bringt viel Korn und Wein«. Martin Luther, Decem praecepta etc., in der neuesten Weimarer Ausgabe seiner Werke I, 412; Joh. Lasicii Poloni de diis Samogitarum libellus, Mannhardtsche Ausgabe 95; K. Nyrop, L'étymologie populaire et le folklore, Mélusine IV, 518 und Ordenes liv, deutsche Übers. von R. Vogt 226.

Vitus. Wird von den Südslaven Vid, Vide, auch Vida (d. i. der Sehende) genannt und in Übereinstimmung damit als der Beschützer all' der Sachen betrachtet, die man seinen Blicken zugänglich gemacht

hat. Deswegen die Sitte, an seinem Tage (dem Vidov dan) früh morgens alle Habseligkeiten, auch die etwa noch vorhandenen Sämereien, aus dem Hause zu tragen und wenigstens für einige Augenblicke in die Sonne zu stellen, damit sie sichtbar werden (da se vidi). Und in einem Liede heißt es diesbezüglich noch bestimmter: »Иваница лан сејала | На Иван вечеру: | Иде Вида, да га види | На Иван вечеру = Ivanica säete den Lein aus | Am St. Johannistage gegen Abend: | Kommt da Vitus, um zu sehen | Am St. Johannistage gegen Abend« etc. Vuk Karadžić, Рјечник sub v. Виде; Milićević im Glasnik XXII, 104; Maretić im Rad LX, 138; Šišmanov im a. W. 538; Gerov, Рѣчникъ sub v. Видовъ день. Hie und da, so z. B. in der Umgebung von Gabrovo, besteht nach Daskałov (vgl. seine Празници и обичаи въ Трѣвненско, S. 10) übrigens auch die Sitte, sich zwecks Wahrung des Sehvermögens am St. Vitustage die Augen mit einem Wasser auszuspülen, in das man zuvor den ersten, im betreffenden Jahre erblickten und eingefangenen Johanniswurm, der bulgarisch světułka, d. i. »die Leuchtende« heißt, hineingetan hat. Es ist evident, daß auch hier wieder ein Fall der volksetymologischen Deutung des Namens des Heiligen, noch verstärkt durch den Sinn der bulgarischen Benennung des Johanniswurmes, vorliegt.

Wolfgang. Gilt in Bayern als der Schutzpatron und Gebieter der Wölfe. Hoefler im a. W. 302.

Selbstredend ist auch mit den hier spezifizierten 79 Nummern die Liste der in Betracht kommenden Heiligen noch lange nicht als abgeschlossen zu bezeichnen. So war ich im vorigen Jahre bereits selbst in der Lage, im Archiv für slav. Philologie XXVIII, 84 ff. auf ein weiteres, in der einschlägigen Literatur, soweit sie mir eben bekannt und zugänglich war, nicht vermerktes Beispiel solcher Art hinzuweisen. Es betrifft den hl. Kyrikos und zeigt, wie dieser Tarsysche Märtyrer aus dem Anfang des IV. Jahrhunderts durch volksetymologische Annäherung seines Namens an Thema slav. kur (= Huhn) von den kleinrussischen Karpathenbewohnern, zumal den ostwärts wohnenden, nicht nur zum Schutzpatron der Hühner bestellt, sondern auch in den Mittelpunkt von allerlei Vorstellungen und Bräuchen gerückt wurde, die sich zu einem vollständig ausgebildeten und in sich abgerundeten Kyrikoskultus zusammenschließen. Mag es den Hühnern gut oder schlecht ergehen, beide Eventualitäten erscheinen darin als die legitimen Äußerungen einer speziell dem hl. Kyrikos zustehenden Machtbefugnis aufgefaßt, und haben diejenigen, denen es an dem Gedeihen ihres Hühnerstandes,

wie mittelbar auch an dem eigenen Wohlbefinden gelegen ist, kein anderes Mittel, dies Ziel zu erreichen, als nur, daß sie sich bestreben, durch schonende und sorgfältige Behandlung seiner Schützlinge das Wohlwollen dieses Heiligen zu gewinnen.

Zu den bislang nicht vermerkten Beispielen dieser Art gehört übrigens auch das folgende. In Prełuki und den anderen längs der Osława gelegenen Ortschaften des Bezirkes Sanok in Galizien pflegen Bäuerinnen, wenn sie daran gehen, Petersilie auszusäen, zuvor ein Gebet an den hl. Peter zu richten. Es ist klar, daß das geschieht, weil die Bäuerinnen des Glaubens sind, daß der Heilige, der einen mit der vorzunehmenden Aussaat verwandten Namen führt, sie auch in ihrem Wachstum fördern würde. Die Petersilie, kleinrussisch petruška genannt, ist sonach auf diesem Wege zu einem dem hl. Peter besonders genehmen Gewächs und er selbst zu ihrem rechtmäßigen Beschützer gestempelt worden.

Wenn aber der rege Anteil, den die Volksetymologie an der Bildung von volkstümlichen Attributen christlicher Heiliger hatte, den hier vorgeführten Beispielen zufolge außer allem Zweifel steht, so ist mit der Feststellung dieser Tatsache die in Rede stehende Angelegenheit keineswegs als erledigt zu betrachten. Es drängt sich nunmehr von selbst die Frage auf, wieso das komme, daß die Volksetymologie sich mit einer gewissen Vorliebe an die Namen christlicher Heiliger heftete und warum die unter ihrer Mitwirkung entstandenen Attribute den offenkundigen Zweck verfolgen, christliche Heilige mit Eigenschaften auszustatten, durch welche sie im Volksglauben die Fähigkeit erlangten, dem Menschen in den verschiedensten Notlagen seines Lebens, auch den allerspeziellsten, Schutz und Hilfe zu gewähren? Auf diese Frage läßt sich im Verfolg eines tatsächlich schon von Usener, Götternamen 116 ff. angeregten, von ihm selbst jedoch in minder zutreffender Weise auf eine andere, hierzu weniger geeignete Gruppe von Heiligen angewandten Gedankens Folgendes erwidern:

Es ist eine ständige Erscheinung in der Geschichte jedweden religiösen Lebens, daß die unmittelbar daran Beteiligten nur höchst ungern aufgeben, was für ihre Vorfahren und noch für sie selbst den Gegenstand des Glaubens und des Kultus gebildet hat. Von diesem Standpunkte aus betrachtet, war es daher den zum Christentum bekehrten Heiden beim besten Willen nicht leicht möglich, sich sofort aller Beziehungen zur alten Religion zu entäußern. Es zog sie immer von neuem

den Vorstellungen und Bildern hin, die ihnen durch Jahrhunderte ihrende Übung wert und teuer geworden waren, und sie späheten ıwillkürlich nach Mitteln aus, die es ihnen ermöglichen würden, wenigens einen Teil dieser Vorstellungen und Bilder auch in die neue Relion hinüberzuretten. Als das geeignetste Instrument hierzu boten sich nen nun die christlichen Heiligen. Schon der Umstand, daß sich an e Person derselben mehr minder ausführliche, von allerlei Wundern d übernatürlichen Begebenheiten erfüllte Legenden knüpften, bewirkte, ß sie der religiösen Empfindung der gewesenen Heiden ungleich näher ınden, als die mit den Sinnen unfaßbaren Repräsentanten der göttlichen lmacht oder des ewigen, nicht Anfang noch Ende in sich schließenn Seins. In noch viel stärkerem Maße, als der soeben erwähnte, trug er zur raschen Einbürgerung und der stets wachsenden Popularität r Heiligen zweifellos der Umstand bei, daß sie der von der christhen Kirche selbst vertretenen Lehre zufolge als die berufensten Verttler zwischen Gott und den Menschen galten und außerdem genau, e einst die heidnischen Götter, durch Bild und Statue versinnlicht ərden durften. Hiedurch wurden die Unterschiede, die zwischen den ıen und den anderen bestanden, bis zur Unkenntlichkeit verwischt, d die religionsgeschichtliche Evolution, die die Einführung des Christenms bei den Heiden begleitete, endete damit, daß in die Funktionen, elche bis dahin heidnischen Göttern zukamen, allmählich christliche eilige eintraten.

Doch dies ist eben erst die eine Seite der uns hier beschäftigenden ıgelegenheit, und um zur Erkenntnis auch der anderen Seite zu geıgen, erscheint es notwendig, sich zuvor noch Folgendes zu vergegenırtigen. Wie dies für die Römer seit Ambrosch[1]) feststeht und für e Griechen, sowie für die Angehörigen des preußisch-litauisch-lettischen rachstammes durch Usener, Götternamen S. 79 ff. und S. 122 ff. sehr ıhrscheinlich gemacht worden ist, haben alle diese Völker außer den

---

1) Er ist nämlich der erste gewesen, der in seiner, in der Zeitschrift für ilos. u. kathol. Theol. pro 1842 unter dem Titel: »Über die Religionsbücher der mer« veröffentlichten Abhandlung auf diese Eigentümlichkeit der röm. Religion merksam machte. In betreff der übrigen hierher gehörigen Literatur, sowie der die Frage nach echten und falschen »Sondergöttern« in der röm. Religion sich üpfenden Kontroversen wäre dagegen vornehmlich auf den einschlägigen Artikel ssowas in dessen »Gesammelten Abhandlungen z. röm. Religions- und Stadtıchichte« (München 1904) S. 304—326 zu verweisen. Einige sehr beachtenswerte merkungen zu diesem Gegenstande enthält übrigens auch der Artikel Doszewski's, den er neulich unter dem Titel: »Dei certi et incerti« im Archiv für ligionswissenschaft X, 1—17 veröffentlichte.

sogenannten Kultusgottheiten auch noch zahlreiche Vorstellungsgebilde niederer Art verehrt, als deren hervorstechendstes Merkmal die nachstehenden zwei Momente erscheinen: 1. die begriffliche Durchsichtigkeit des Namens; 2. die enge Begrenztheit der Funktion. Speziell bei den Litauern und Letten scheint diese letztere Kategorie von mythischen Vorstellungsgebilden sogar noch im XVI. Jahrhundert, wo doch diese Völker längst christlich waren, in einer Urwüchsigkeit und Fülle[1] lebendig gewesen zu sein, die die Missionäre ebenso wie die Gelehrten jener Zeit in gerechtes Erstaunen versetzten. Und mag es auch richtig sein, daß sich unter diesen Vorstellungsgebilden, wie dies unter anderem schon die sprachliche Form mehrerer ihrer Namen[2]) und in besonders augenfälliger Weise der Krikstbos[3]) bekundet, auch offenbare Neubildungen befinden, so ändert dies an dem Wesen der Sache gar nichts. Gerade dieser letztere Umstand ist für uns um so wertvoller, als er uns an Beispielen aus einer nicht allzufernen Vergangenheit zeigt, daß das Bestreben, für alle Handlungen und Zustände, die für den Menschen von Bedeutung sein konnten, besondere, nach eben diesen Handlungen und Zuständen benannte Gottheiten männlichen oder weib-

1 Die einschlägigen Nachrichten am übersichtlichsten bei Brückner in der von ihm in der »Biblioteka Warszawska« pro 1897 und 1898 unter dem Titel: »Starożytna Litwa. ludy i bogi« publizierten Abhandlung. Zusammenstellungen und Erklärungen von litauischen Götternamen überdies bei Bender, Schleicher (passim), Mannhardt, Mierzyński, Solmsen, Bezzenberger (passim) und Grienberger. Hinsichtlich der »Baltica des libellus Lasicki« von Grienberger wäre jedoch auch das von Brückner im Archiv f. slav. Philol. XXII. S. 569 ff. Gesagte zu vergleichen.

2 Ich habe, wenn ich das behaupte, in erster Linie selbstredend die Namen im Auge, die durch die Suffixe iczius und icza oder durch Verbindung von mate und patis mit einem vorgesetzten Appellativum gebildet sind. Denn was zunächst die Namen der ersteren Art anbelangt, so können sie schon darum nicht alt sein, weil die betreffenden Suffixe den Litauern nachweislich erst durch slavische Vermittlung zukamen, die der anderen Art dagegen darum nicht, weil es in alter Zeit überhaupt nicht üblich war, Götterbegriffe durch Composita von der Art, wie die erwähnten, zu bezeichnen. Das Auftauchen von Verbindungen, wie die letzterwähnten, ist nach Useners ganz zutreffender Bemerkung gerade der sicherste Beweis dafür, daß wir es mit Neuschöpfungen zu tun haben. »Hier zeigt sich — so lautet die betreffende Bemerkung wörtlich — eine Erschlaffung der Vorstellungskraft, welche nicht mehr frisch ein neues Gebilde zu erzeugen vermag, um dem Gottesbegriff einen sinnlich faßbaren Ausdruck zu geben, sondern in bequemer Trägheit es vorzieht, ein gegebenes Wort durch Verbindung mit patis zu einem Gottesnamen zu machen«.

3 Unter Krikstbos wurde nämlich von den Litauern laut Łasicki das göttliche Wesen verstanden, dem die Aufgabe oblag, die Friedhofkreuze (kriksztas) zu bewachen. Es liegt auf der Hand, daß ein derartiges Wesen erst möglich wurde, als die Litauer bereits Christen geworden waren, also nicht früher als im [illegible] der beiden nachfolgenden Jahrhunderte

lichen Geschlechts zu schaffen, einen tief eingewurzelten und, wo es die Verhältnisse nur irgendwie zuließen, immer von neuem durchbrechenden Trieb der religiösen Begriffsbildung darstelle.

Dies vorausgeschickt, wird man es nunmehr verstehen, weshalb die Volksetymologie sich mit solcher Beflissenheit an die Namen christlicher Heiliger heftete und gleichzeitig die Tendenz bekundete, die Träger dieser Namen mit Eigenschaften auszustatten, durch welche sie im religiösen Bewußtsein der Volksmassen die Fähigkeit erlangten, dem Einzelnen überall da, wo er es gerade nötig hatte, ihre hilfreiche Hand zu bieten. Während vieler Jahrhunderte an den Umgang mit begrifflich durchsichtigen Göttern gewöhnt, haben nämlich die gewesenen Heiden nach ihrer Bekehrung zum Christentume sich die Dienste dieser ihnen besonders werten, weil in den Bedürfnissen des alltäglichen Lebens fußenden Götterkategorie auf diese Weise zu erhalten versucht, daß sie sich bestrebten, deren Funktionen im Sinne der oben dargelegten religionsgeschichtlichen Evolution auf christliche Heilige zu übertragen. Da sie aber unter den ihnen durch das Wort der Priester und die Bildwerke der Kirchen vermittelten Heiligen nicht einen fanden [1]), der den beiden Hauptmerkmalen jener Götterkategorie vollkommen entsprochen hätte, so blieb ihnen unter so bewandten Umständen nichts anderes übrig, als diese Merkmale einzelnen christlichen Heiligen im Wege der Volksetymologie zu verschaffen. Und der Erfolg, den sie durch dieses

---

1) Unter den auf letzterem Wege vermittelten Heiligen waren höchstens solche zu finden, die dem an zweiter Stelle genannten Merkmale jener Götterkategorie, aber auch nur insofern entsprachen, als es auf Grund ihrer Legenden möglich war, ihnen ganz bestimmte Funktionen zuzuweisen. So konnte z. B. der hl. Joseph mit Rücksicht auf die ihm in den Evangelien zugeschriebene Beschäftigung sehr wohl zum Schutzpatron der Zimmerleute und Schreiner, der hl. Petrus zum Schutzpatron der Fischer, der hl. Lukas zum Schutzpatron der Maler bestellt werden. Ebenso konnte ferner auch der hl. Leonhard als der Schutzpatron der Krieger und der im Kriege Gefangenen, der hl. Nikolaus als Schutzpatron der Schiffer und insbesondere als Retter aus Sturmesnöten und die hl. Kosmas und Damianos als die unentgeltlichen Ärzte und Schutzpatrone des ärztlichen Standes fungieren. Im ganzen ist aber auch diese Gruppe von Heiligen in der ersten Zeit keine besonders zahlreiche gewesen, so daß sich die Kirche selbst veranlaßt sah, dem Wunsche der Gläubigen nach speziellen Helfern auf diese Weise entgegenzukommen, daß sie außer den in der Litanei anzurufenden noch weitere 14 Heilige statuierte, die sie als die »vierzehn Nothelfer« anzurufen gestattete. Es sind die folgenden: Achatius, Aegidius, Blasius, Christophorus, Dionysius, Erasmus, Eustachius (bezw. Hubertus), Georgius, Cyriacus, Pantaleon und Vitus und von den weiblichen: Barbara, Katharina und Margaretha.

naive Mittel erzielten, war in jedem Belang ein überraschender. Mit Hilfe der Volksetymologie wurden, wie obige, gewiß noch vielfach ergänzungsfähige Liste zeigt, einzelne christliche Heilige nicht nur begrifflich durchsichtig gemacht, sondern sie konnten daraufhin sehr wohl auch mit Attributen ausgestattet werden, durch welche sie die Eignung erhielten, analoge Funktionen auszuüben, wie früher die begrifflich durchsichtigen Götter.

Czernowitz im Juli 1907. *Kałużniacki.*

Dohodak stonski, koji su Dubrovčani davali srpskome manastiru sv. Arhangjela Mihajla u Jerusalimu i povelje o njemu cara Uroša (1358) i carice Mare (1479).

Općina dubrovačka bila je dužna svojim susjedima davati razne godišnje dohotke ili tribute (dohodьk, lat. tributum, census, incensus, regalia).

Najveće je bilo »tributum Sancti Demetrii« od 2000 perpera, koje se od kraja 13. vijeka davalo svake godine na dan sv. Dimitra (26. oktobra). Kako se vidi iz povelje kralja Stefana Tvrtka od g. 1378, primao ga je onaj, koji je gospodovao »ovomzi zemljom primorskom, Trebinjem i Konavlami i Dračevicom« (Mon. serb. str. 188). Ovaj dohodak su primali kraljevi i carevi srpski do g. 1371, poslije župan Nikola Altomanović, g. 1375—1377 Gjuragj Balšić kao gospodar na Trebinju i u Konavlima, najposlije kraljevi bosanski od g. 1378 do propasti države bosanske.

Kad su se Dubrovčani vješto poslužili borbom izmedju Srba i Bošnjana, pa u svoje ruke dobili grad Ston i poluotok Stonski Rat (lat. Puncta Stagni), plaćali su od g. 1333 »tributum Stagni«, naime 500 perpera Bošnjanima, pa opet 500 perpera i Srbima. Rok tributa bosanskoga bio je dan sv. Vlaha (tributum S. Blasii), rok tributa srpskoga »Velik dan« ili »Vьskrêsenije« (tributum Pasche).

Tribut bosanski od Stona primali su vazda samo vladaoci bosanski. U knjigama arkiva dubrovačkoga čita se na pr. da je 14 februara 1349 Dubrovčanin »Junius de Calichio« kao poklisar »domini bani Bossine« od gradskoga kneza Petra Justiniana pred svjedocima primio 500 perpera »pro tributo in festo S. Blasii proxime preterito« (Div. Canc. 1348—9). Opet je taj tribut primio 27 marta 1354 Kraguj, poklisar bana bosanskoga, 19 februara 1356 pak magister Nicoletus Nigrellus i isti Kraguj (Div. Canc. 1354), 1366 mletački vlastelin Ser Marcus Bonçi, »nuntius et procurator domini Tuertchi, bani Bosnensis«, 2 marta 1371 poklisar banov Pripko Mirešić, 12 marta 1375 Dubrovčanin »presbyter Ratchus,

cappellanus et procurator ad infrascripta magnifici et potentis domini Tuertchi bani Bossine«, 4 februara 1376 jedan Sasin, koji se je onda iz Bosne preselio u Dubrovnik, Chanussius Saxinovich, 12 februara 1377 opet »presbiter Ratchus, cappellanus domini Tuertchi, incliti bani Bosne«. Medjutim se ban Tvrtko dao okruniti na kraljevstvo srpsko. Tada je došao u Dubrovnik 24 septembra 1378 onaj isti pop Ratko, ali već kao »prothovistiarius et camerarius serenissimi domini, domini Tvertchi, dei gracia bani Bosne et regis Rascie«, pa je primio ne samo tribut od 500 perpera, »quod solvitur dominio Bosne pro Stagno et Punta Stagni«, za ovu godinu, koja će se navršiti »de mense februario proxime venturo«, nego za prvi put i tribut svetodimitarski, »quod solvitur regno Rascie« (Liber diversarum scripturarum 1377—1379).

Vara se dakle Lukarić (Copioso ristretto degli annali di Ragusa, 1. izd. 1605 str. 55, 2. izd. od 1790 str. 93), kad piše, da je car Stefan Dušan (1350) protjerao Stefana bana bosanskoga i odredio, neka Dubrovčani onaj tribut, što su ga davali banu, u naprijeda daju srpskome manastiru u Jerusalimu.

Drugi tribut stonski, koji su Dubrovčani plaćali Srbima, primao je Stefan Dušan preko raznih izaslanika. Za tribut svetodimitarski dolazili su u Dubrovnik kao poklisari kraljevski ali poslije carski takodjer razni ljudi: vlastela srpska ili kotorska, talijanski trgovci iz Mletaka ili Florencije, katkad i katolički biskupi ili opati iz Primorja. U subotu 10 decembra 1334 »Paulus habas (sic) S. Sergii (sv. Srgj na Bojani), nunctius serenissimi domini Stephani, dei gracia regis Raxie«, dobio je od dubrovačkih kamerlengâ pred knezom i svjedocima iz Kotora, Bara, Mletaka i Florencije tribut svetodimitarski i 250 dukata (onda 1 zlatni dukat = 2 yperpyri) »pro incensu, quem idem dominus rex debebat recipere a communi Ragusii in Pascate Resurrectionis Domini proxime preterito pro Punta, pro uno anno preterito et completo in dicto Pascate« (Div. Canc. 1334). G. 1342 javio se 25 aprila kao kraljevski izaslanik srpski kalugjer Gjerasim Prkosa, »Jerassinus Pricossa caloyrus, nunpcius domini regis Raxie«, pa je primio »in pecunia numerata de grossis de Ragusio vice et nomine domini regis Raxie« od općinskih kamerlengâ Matije Menčetića, Živete Crijevića i Živete Gučetića 500 perpera, »quos ipse dominus rex Raxie recipere debebat in Pascate Resurrectionis preterito a dicto communi pro tributo, quod solvitur pro Punta Stami« (Div. Canc. 1341). U knjizi »Diversa Cancellarie 1347—1348« zapis se o isplaćivanju tributa »domino imperatori« za prošasti Uskrs (Pascate [illegible]terito) u polovici mjeseca julija 1347 žalibože nalazi na gnjilom listu, [illegible] dva imena svjedokâ. [illegible] 1349 7 junija javio

za tribut stonski Marko, katolički biskup skadarski: »venerabilis in o pater dominus Marcus episcopus Scutarensis in presencia domini :olay Georgio marchionis de Veneciis (markiz u Bodonici kod Termo- ı u Grčkoj), Ser Nicole de Lucari et dompni Michaelis de Bodacia, ore litterarum domini imperatoris Slavonie, quas ipse presentavit ›ili et potenti viro, domino Petro Justiniano, honorabili comiti Ragusii suo minori consilio, fuit contentus et confessus habuisse et recepisse licto domino comite et suo minori consilio, dante et solvente nomine amunis Ragusii pro tributo Punte Stagni yperpyros quingentos, qui ri debebant in Paschate nuper preterito de anno domini MCCCXLVIIII, ictione secunda, quibus literis domini imperatoris data fuit plena fides dominum comitem et suum minus consilium« (Div. Canc. 1348—1349).

Iduće godine 1350 car Stefan darova tribut stonski srpskomu ma- ıtiru sv. Arhangjela Mihajla i Gavrila u Jerusalimu[1]. O tome se aze u Miklošićevim »Monumenta« tri povelje:

1. Car Stefan odredjuje, crkva arhistratiga Mihajla u Jerusalimu ı si uzima u Dubrovnicê od dohotka carstva mi na vsako godište na ıkrêsenije 5 sьt perper benetьčkih«. Povelja nije sačuvana u origi- u, nego samo u dva prijepisa, koji se ne slažu ni u mjestu, ni u lini, ni u mjesecu (Mon. serb. str. 133—135). a) Po prijepisu 14. stoljeća ana je »u Prizrêni« 29 aprila »кь лѣто ·҂ѕѡ« (fale brojevi trećega etvrtoga mjesta), indiktion 1., što bi po indikciji vodilo u g. 6856 = 1 septembra 1347 do 31 augusta 1348, dakle bi bila izdana 29 aprila ı8. b) U kopijaru arkiva dubrovačkoga čita se godina ·҂ѕѡни·, ›8 = od 1 sept. 1349 do 31 augusta 1350, »мисеца марьта ва гради ıльнице ѹ Грьцнехь на Рѡманию«; po tome bi povelja bila izdana nartu 1350. Prva data svakako je kriva, jer je car, kako smo vidjeli, 7 junija 1349 dao tribut stonski isplatiti sebi samome preko biskupa .darskoga. Florinskij, Памятники законодательной дѣятельности Ду- ıа, царя Сербовъ и Грековъ (Kiev 1888) str. 114 riješio se za g. 1348. :himandrit Ilarion Ruvarac u raspravi o manastiru sv. Nikole na Vranjini, ga je car Stefan istom poveljom priložio manastiru jerusalimskomu, ·ori o nesuglasnosti u datiranju izmedju prvoga i drugoga prijepisa, pa .li, da se razlika može »izjasniti i tim, što je car Stjepan dva hrisovulja ao srpskoj crkvi u Jerusalimu«; u prvom od 1348 zapisao je jeru- ımskoj crkvi mali manastir na Vranjini, u drugom od 1350 priložio istoj crkvi dohodak od 500 perpera u Dubrovniku, pa »od oba ta

---

1) O njegovim sudbinama piše arhimandrit Nićifor Dučić, Српски краљевски астир у Јерусалиму, Godišnjica Nikole Čupića 9 (1887), 235—242.

zasebna hrisovulja, dana crkvi jerusalimskoj, napravio je pozdniji prepisivač jednu listinu« (Ruvarac, Камичци-прилошци за други зетски дом: Просвјета, год. II, на Цетињу 1894 свеска 10, стр. 533—534).

Ovo darovanje dohotka stonskoga manastiru jerusalimskom nije u nikakvoj svezi sa uvjetom, pod kojim je kralj Stefan g. 1334 Dubrovčanima potvrdio Ston i Rat Stonski: »i ješte su se zakleli kraljevstvu mi vlastele dubrovьčci, da prêbiva pop srьbski i da poje u crkvah, koje su u Stonu i u Rьtu, kako jest povelêvalo kraljevstvo mi« (Mon. serb. 108). Srpski pop Bratoslav primio je od vlade dubrovačke oko 1339 kod diobe poluotoka stonskoga dva »soldi« zemlje u starom gradu sv. Mihajla kod samoga Stona i jedno zemljište kod crkve sv. Petra u malenom polju stonskom (»Bratosavo, presbitero Stagni«, zakonik »Liber Reformationum« XXXI, 3). Ali potomci popa Bratoslava, njegovi sinovi, unuci i praunuci nisu bili više popovi. Pribac, sin pokojnoga »Bratoslavo prete« spominje se 1394 (Libro Rosso f. 184). Kod revizije katastra u maju 1433 našlo se, da se ove zemlje u gradu sv. Mihajla i »in lo plan de Stagno« kod crkvicâ sv. Stefana, sv. Ivana, sv. Petra, sv. Martina i sv. Kozme i Damjana ne nalaze u duhovnim rukama, nego u rukama mirskih ljudi, nasljednikâ popa Bratoslava. Bila je to Živka, kći Ilije Pripčića (držala je polovicu zemljišta »sul monte de Sancto Michiel, la che fo castello antichamente«), Radovac Gjurgjević, koji je svoju zemlju (opet kod sv. Mihajla) dobio kao prćiju svoje žene, don Petar Stanjević iz Stona, Božičko Radniković, Radmilac Pantetić itd., koji su bili okupirali i sve zemljice rečenih crkvica, ali same crkve ostavili »desruinate e scoverte«. Oni su se branili: »noi tuti come successori de Bratosav prevede abiamo posseduto i detti terreni et a esso Bratosavo forno concessi per la signoria de Ragusa«. Ali kod diobe zemljišta stonskoga govorilo se samo o Bratoslavu a nije o njegovim nasljednicima. Za to je vlada ove zemlje nasljednicima uzela i darovala crkvama stonskim (Libro Rosso f. 249 = Libro imperfetto dei deceni di Stagno f. 102, u arkivu dubr.).

Car Stefan je latinskom poveljom sa srpskim potpisom od 20 augusta 1346 u Skoplju darovao kapitulu crkve sv. Nikole u Baru u Pulji 200 perpera »de nostro tributo, quod habemus in dicta civitate Ragusii« (Farlati, Illyricum sacrum VI, 127; Makušev, Итал. архивы III, 11—12 u Записки имп. акад. наукъ 19 pril. 4, 1871; Rački, Rad 18, 229—230). Car Uroš je ovu darovnicu potvrdio, ali Dubrovčani su 1363 zahtjeve kapitula barskoga pismom pisanim »regine Apulie« odbili, budući da tribut davaju samo izaslanicima, koji »specialibus litteris sclavis et latinis« imadu punomoć od gospodara raškoga. K tomu dodaju, da bi

drugačije kanonicima barskim radje davali, »si venirent ad nos anno quolibet cum litteris regis Rassie«, nego »caloyaris scismaticis, quibus pro parte domini regis Rassie quidem damus omni anno tributi pecuniam supradictam« (Mon. Rag. 3, 297).

2. Car Uroš potvrdjuje 24 aprila 1357 »pod Prizrenom na Ribnicê« zapisanje, što ga je dao »gospodin svetopočivši car, roditelj carstva mi«, »prečistoj vladičici gospoždi Bogorodici sinajskoj«, da se njoj dava »od Velika dьni do Velika dьne na vsako godište od Dubrovnika pet sьt perper benetьčkih od Stona« (Mon. serb. 159—160). Povelja se sačuvala, kako Miklošić kaže, samo u prijepisu 14. vijeka. Istijeh dana, 24 i 25 aprila datirane su ili »na Ribniku« ili »u Prizrênê« još četiri druge povelje cara Uroša (ib. 157—165). Spominju se u njima isti poklisari dubrovački: Marin Bunić, Žive Nikole Gundulovića sin i Žive Crijević, samo što povelja izdana manastiru sinajskome piše **Чике** mj. **Живе**. Drugačije u pravopisu nema razlike. Čudnovato je samo, da za dohodak stonski nisu u vrijeme careva Stefana i Uroša nikada dolazili monasi sinajski, nego vazda jerusalimski. U knjigama dubrovačkim nalazi se samo 6 junija 1355 zabilježeno, da je »Nichodimus monacus de Synay S. Chatarine« pred knezom Nikolom Barbadikom i drugim svjedocima primio natrag svoj depozit (Div. Canc. 1354). Ne zna se, je li to bio isti Nikodim, koji je godinu ranije (1354) došao u Dubrovnik kao kalugjer jerusalimski, da uzme dohodak stonski.

3. Car Stefan Uroš potvrdjuje u Prizrenu 2 junija 1358 zapisanje, koje je otac njegov, car Stefan priložio crkvi sv. Arhangjela u Jerusalimu. Sadržaj ove povelje priopćio je u kratko Grigorovič, Очеркъ путешествія по Европейской Турціи (2 izd., Moskva 1877, str. 45). Tekst je dva puta štampan: u Glasniku društva srpske slovesnosti 2 (1849) 197—199 i po ovome izdanju kod Miklošića, Mon. serb. 165—168. Po ovoj je povelji car Stefan odredio, da Dubrovčani svake godine davaju manastiru jerusalimskomu »tisuštu perper dubrovьčkih«, to jest 500 perpera »na Velik dьn na Vьskrьsenije« i drugih 500 perpera »na Dmitrov dьn«, »do gdê godê Dubrovnik drži Ston grad«. Ako bi se slučilo »grêh radi naših« hramu u Jerusalimu »zapusteti«, neka se ta »tisušta perper« daje u Svetu Goru manastiru Hilandaru i »monastiru svetago velikomučenika Gjeorgija, glagoljemij svetyj Pavl«, što su sagradili »prêdêdi carstva mi« sv. Simeon, sv. Sava »i po njih roditelj carstva mi i my takožde«. Original na pergameni sa zlatnim pečatom čuvao se u Hilandaru, pa ga je 1848 jeromonah i bivši iguman hilandarski Serapion donio sa sobom u Biograd (Glasnik ib. str. 202).

Sumnjiv je na prvi pogled pravopis. U pravim listinama cara Uroša

nigdje nema ї, koje se javlja u srpskim pismima čak na kraju 14. vjeka, ali ova povelja ima: кожїи, кожїа, кытїє, правовѣрїє, вь православїи, прїєшє, Ѩрсенїє, Марїа itd. Čudno je, da se nekoliko puta piše u singularu Ієросолимь (listina cara Stefana ima -салимь), pa jedan put u pluralu: вь Їєросолїмѣхь, po grčkom ἐν Ἱεροσολύμοις. Riječi, kojima se govori o ocu, ne slažu se sa stilizacijom nesumnjivih listina. Car Stefan se u ovoj povelji zove »trblažen«, »prisno pominajemi« i »car kyr Stefan«; u drugima se piše »gospodin i roditelj carstva mi, svetopočivši car« (Mon. serb. 155—156), »sveti car Stefan« (ib. 161, 164), »gospodin car, svetopočivši roditelj carstva mi« (ib. 163, 175). Ni potpis nije u redu. Obična formula je: »Stefan Uroš v Hrista boga blagovêrni car Srbljem i Grkom«, ali ova listina hilandarska ima: »Stefan v Hrista boga blagovêrni Uroš car Srbljem i Grkom«. Uroš je tu postavljeno daleko od Stefan, po primjeru grčkih listina, gdje Κομνηνός ili Παλαιόλογος dolazi gotovo na kraj carskoga potpisa. Još je više sumnjiv natpis na pečatu, koji je po Grigoroviču od pozlaćenog srebra: »Стєпань вь х҃а б҃а благовѣрни младь Оурош«; nema u njemu carskog naslova, ali ima riječ »mladi«, koja je imala smisla, dok je Uroš bio »mladi kralj« kraj svojega oca kralja, ali od kako je Stefan Dušan okrunjen na carstvo, izašla je iz običaja.

Najviše je sumnjivo darovanje i jedne četvrtine dohotka svetodimitarskoga manastiru jerusalimskomu.

Kako se vidi iz kancelarskih knjiga dubrovačkih (vidi u prilozima), carevi Stefan i Uroš svake su godine primali cijeli tribut svetodimitarski (2000 perpera) u punoj svoti sami za sebe, preko svojih poklisara, koji su bili mirski ljudi: mletački vlastelin Francesco Ruzzini 1351, kotorski vlastelin Luka Bućić 1355, knez Vojislav 1362 preko svojega poklisara Strijelca i udovica Vojislavova 1364 i 1366, knez Grgur Golubić 1365, čelnik Miloš 1368, Grgur Stechat 1370.

S druge strane znamo iz tih istih kancelarskih knjiga, da su kalugjeri (caloyari, calogeri) jerusalimski onda dobivali od Dubrovčana kao »dohodak« ili »tributum Stagni« svaki put samo 500 perpera na godište, nikada ni perpere više, vazda sa vjerovnim pismom od cara, poslije i od drugih gospodara u Srbiji. Dolazili su rijetko u proljeće odmah nakon Uskrsa, katkada (već 1355) u augustu, pa više puta u posljednjim mjesecima od godine. Slučavalo se, da su morali dugo čekati, dok se novci isplate, kao kalugjer Serapion 1366; za to su mu Dubrovčani dali na stan (pro affictu domus) dar do dvije perpere (Mon. Rag. V, 68). Isto se g. 1367 plaćanie vuklo od julija do decembra. U dvije polovice po 250 perpera je plaćen dohodak 1371. Poslije propasti

Nemanjićâ češće se dogadjalo, da se je dohodak platio zajedno za dvije prošle godine, kao 1372, pa opet 1375. Vrlo je zapelo isplaćivanje u vrijeme velikoga rata izmedju Mlečića i Gjenoveza (1378—1381). G. 1382 izravnali su Dubrovčani svoj dug samo do 1376, pa 1387 samo do Uskrsa 1384. Napokon su po nastojanju srpskih gospodara, kneza Lazara, Vuka Brankovića i Gjurgja Balšića 1388 isplatiti tri godišnja obroka, do 1387.

Kalugjeri, »sindici« ili »ikonomi« jerusalimski dolazili su najprije po jedan, od 1367 katkada i dvojica ili trojica. Samo 1355 javljaju se kalugjeri sv. Nikole (na Vranjini), Mihajlo i Antonije. Svi drugi su bili Jerusalimci; dolazili su preko Carigrada, Modona u Grčkoj ili Manfredonie u Italiji. Medju njima se spominju trojica sa prezimenom Prkosa: Gerasim Prkosa već 1342 prije darovanja dohotka Jerusalimcima i 1352, iguman Gervasije Prkosa 1370 i 1372 i kalugjer Roman Prkosa 1370, 1371, 1372, 1375, 1382, možda ti isti Roman, koji se spominje još 1386 i 1388. Drugi su bili: Nikodim 1354, Metodije 1362, 1367, 1369, Nikola 1365, Serapion 1366, 1367, Danilo 1375, Filip 1375, Makarije 1375, Sava 1386, 1387, 1390, Joasaf 1387, iguman Jovan 1388, mitropolit Mihajlo 1388, Gerasim 1388, Damjan 1390 itd.

U vrijeme despota, Stefana i Gjurgja, dohodak stonski isto se uvijek plaćao u svoti od 500 perpera. Tražilo se vazda vjerovno pismo gospodara srpskijeh; monasi su 1402 imali punomoć »per literas baronum et nobilium testimoniales«, 1424 »literas despoth de Sclavonia seu de Rassia et domini Georgii Volcovich secundum usum« (pismo »gospodina Gjurgja« vidi u Spomeniku XI, 76 br. 75), 1432 opet pismo despota Gjurgja. Ako nisu donijeli vjerovno pismo, Dubrovčani su se izgovarali pa tražili, neka se kalugjeri sami brinu za potrebnu punomoć. Tako su rekli 16 novembra 1422 kalugjerima, neka najprije jedan od njih trojice ide »ad dominos Sclavonie« za pismo; isto je 16 decembra 1427 zaključeno »excusandi isti calogero«, pa pisati »domino Georgio, domino Rassie et Sclavonie«; u zapisnicima od marta 1446 i od julija 1459 opet je zabilježena »excusatio« kalugjerima, jer su došli bez pisama. Dohodak se plaćao neredovno, katkada za dvije godine, kao 1402 i 1432, ili za tri godine, kao što 1422, 1442, 1446, pa i za četiri godine 11 julija 1448. Bilo je i toga, da su ga davali u obrocima; na pr. 1455 3 januara 150 perpera, 15 aprila 500, 18 juna opet 500. Plaćanje je ostajalo daleko za tekućom godinom; 1424 je svotom od 1200 perpera bio dohodak namiren samo do Uskrsa 1419 (Spomenik XI, 76). Izaslanici su »calogeri Jerosolimitani«, »calogeri Sancti Michaelis Yerosolimitani«. Spominju se Josip i Gavrilo 1402, Gavrilo, Nikandar i Galaktion 1422,

opet Nikandar i Gavrilo 1424, Nikandar 1431. Ovaj »Nikandar starac jerusalimski« bio je duhovnik gospodje Jelene, kćeri kneza Lazara i udovice velikoga vojvode Sandalja; spominje se u njezinom testamentu i dolazio je poslije njezine smrti († 1443) u Dubrovnik, da primi njezinu ostavštinu (Mon. serb. 415—417; Pucić II, 121—123). Za dohodak stonski su se kašnje javili kalugjer Marko 1448 i iguman Gavrilo Novobrdjanin 1455 (frater Gabriel de Novoberdo, abbas Sancti Michaelis de Yherosolima, calogerius Jerosolimitanus). Iz Dubrovnika vraćali su se »starci Jerusalimljani« u Srbiju; 1429 dala je općina dubrovačka kalugjere na svojoj oružanoj ladji dovesti u Bar, koji je onda bio grad gospodina despota. Marko i njegov drug zapisani su 1448 kao »callogeri S. Michaelis de Monte Sinai«, što se ne slaže, je crkva sinajska nije se zvala sv. Mihajla. Vidi se, da je manastir u Jerusalimu propadao i da su srpski monasi Jerusalimci većinom boravili na Svetoj Gori Atonskoj: zovu se 17 decembra 1408 »caloieri de Sancta Gora de Sancto Monte« (Cons. minus), 17 junija 1424 »calogeri de Monte Sancto« (Cons. Rogatorum), pa malo dana poslije toga 23 junija »Nichandar et Gavril calogeri Jerosolimitani, habitantes in Monte Sancto in partibus Constantinopolitane civitatis« (Div. Canc. 1422).

Poslije propasti države srpske našle su stare zadužbine zaštitu kod potomaka domaćih kuća vladalačkih. Najprije kod kćeri despota Gjurgja, turske carice Mare, udovice sultana Murata II, koja je imala svoj dvor blizu Svete Gore, u Ježevu kod Sera. »Imperatrix Mara« bila je vazda u prijateljstvu s Dubrovčanima, s kojima je imala sveze od g. 1459. U svojim pismima piše im kao »našim dobrim i vele uzdanim prijateljem« (1474 Mon. serb. 535). U drugom listu kaže: »i naprijeda smo mi vaši prijatelje, kakono su naša gospoda bila vam prijatelje, takoj i mi držimo svako prijateljstvo k vam u svako vrijeme« (1475 ib. 537); u trećem se zahvaljuje i poklanja »kako našim bratjam i starim prijateljem« (1478 ib. 536).

G. 1462, 18 marta, dalo je vijeće umoljenijeh punu moć knezu i malomu vijeću odgovoriti »ambassiatori Mare imperatricis (poklisaru Novaku) pro tributo Hierosolimitano«; u zapisniku ne kaže se, u kojem smislu. Tri godine nakon toga došao je jedan kalugjer sa poklisarima carice Mare i s pismom cara turskoga za dohodak stonski. G. 1465 zaključeno je 11 maja u vijeću umoljenijeh: »Prima pars est de solvendo Thome calogero, qui venit cum duobus hominibus Mare imperatricis et cum literis imperatoris Turchorum et dicte Mare imperatricis de denariis tributi, quod tenemur monasterio Sancti Michaelis de Hierusalem pro Stagno iuxta scripturas inter commune nostrum et olim im-

peratorem Stephanum et Orosium filium suum. Per XXXV contra V« (drugi prijedlog, »secunda pars«, bio je: non dare, quia non venit cum contrasignis opportunis). Kalugjer Toma je onda dobio 1000 perpera za dvije godine. Još 21 oktobra iste godine opet bi zaključeno dati »ambassiatoribus imperatricis Mare et callogeris monacis Hierosolimitanis« 2000 perpera za 4 godine, »et hoc ad instantiam imperatricis Mare, que instanter de hoc requisivit« (Liber Rogatorum 1463—1466). Tijem je bilo isplaćeno g. 1465 svega 3000 perpera za 6 godina, po svoj prilici 1459—1465[1]. Isto je 19 junija 1469 riješeno dati »Nichifforo calogero, nuncio Mare imperatricis« 1000 perpera za 2 godine, za »monasterium S. Michaelis de Hierusalem«. U septembru 1469 javljaju se poklisari carice Mare[2] zajedno sa poklisarom Esebega, turskoga vojvode u Skoplju (u Macedoniji), pa govore gospodi dubrovačkoj o tributu jerusalimskom. Istijeh dana javila se u gradu i gospodja Katakuzina, sestra carice Mare i udovica Ulrika grofa Celjskoga. Evo što se čita o tome u zapisniku vijeća umoljenijeh 13 septembra ov. g.: »Prima pars est de dando imperatrici Mare per manus ambassiatorum nostrorum id, quod sumus debitores pro tributo, quod tenemur dare monasterio de Hierusalem, faciente ipsa nobis fieri expeditorias opportunas. Per XXV contra VII«. Zajedno je knezu sa malim vijećem dana punomoć »respondere ambassiatori imperatricis Mare et ambassiatori Exebegh pro facto tributi de Hierusalem. Per omnes contra I«. Kod ovih se pregovora radilo i o starim poveljama o tome tributu, koje su imali i Dubrovčani i carica Mara; vijeće umoljenijeh 16 septembra je (sa 29 glasova protiv 3) zaključilo »de ostendendo ambassiatoribus Mare imperatricis scripturas, quas habemus cum imperatore Stiepano pro tributo de Hierusalem, si ipsi oratores volent ostendere eorum scripturas«. Još 22 septembra isto je vijeće riješilo, neka malo vijeće pokaže gospodji Katakuzini (D. Catacusine) »privilegium lectum in presenti consilio per Marinchum[3], in presentia duorum de minori consilio« (Liber Rogatorum 1468—1470). Vidi se, da se u listinama, što su imale obje stranke, nešto nije slagalo. Iduće godine 1470 slali su Dubrovčani

---

1) Na ovo mjesto u »libro di Pregati dell' anno 1465« pozivlje se Lukarić, kad piše, da su srpski kalugjeri u Jerusalimu pomrli od kuge i da je carica Mara s carom Mehmedom II. molila Dubrovčane, neka stari dohodak jerusalimski daju »alle badie di Santa Maria di Filandari e di San Paolo di Monte Santo in Macedonia« (Luccari, 1. izd. 55, 2. izd. 93).

2) Poslije se 7 okt. 1469 spominje »Nichoforus et socius, oratores domine Mare imperatricis«.

3) O Marinku Cvjetkoviću, djaku ili logofetu dubrovačkom, vidi Archiv für slav. Phil. XXV (1904), 207.

500 »perper dubrovьčkih, što dava Dubrovnik dohodьk od Stona na Jerusalim crkve svetomu Arhangelu na godište«, za ovu godinu preko svojih poklisara Jovana Bunića i Paladina Lukarevića, koji su pošli na portu, pravo »gospodji carici Mari«, koja je primanje potvrdila pismom od 4 novembra te iste godine (Mon. serb. 514).

Sačuvana gradja iz toga vremena dosta je oskudna. Znamo, da su Dubrovčani 28 decembra 1483 dali kalugjerima, koji su se javili sa pismom »Marc imperatricis«, tribut sv. Mihajla za dvije godine, isto 4 aprila 1486. Da su ti kalugjeri dolazili sigurno već ne iz Jerusalima, nego iz Svete Gore, vidi se 8 julija 1488, gdje je vijeće umoljenijeh riješilo primiti »expeditorias factas per chalogeros de Monte Sancto pro ypp. 1000 pro duobus annis, pro ecclesia S. Michaelis de Hierusalem«. Kad je umrla carica Mara († 1487), brinula se za taj posao njena sestra Katakuzina; 3 junija 1490 vijeće je zaključilo platiti »monacis missis per dominam Catacusinam id, quod debemus dare monasterio S. Michaelis de Hierusalem«.

I u to vrijeme vidi se svaki put, da godišnji dohodak stonski nije bio veći od 500 perpera, koje su se onda računale za 147 dukata (Mon. serb. 514). Ne slaže se s tijem povelja, koju je izdala »carica i samodržica kyra Mara« u Ježevu 15 aprila 1479 (6987 ind. XII). U njoj kaže, kako je vidjela hrisovulje, zapisane carem Stefanom i sinom njegovim carem Stefanom Urošem manastiru sv. Arhangjela u Jerusalimu, Dubrovčani da mu davaju za Ston grad na godinu 1000 perpera, 500 na Uskrs i drugih 500 na Dmitrov dan. Vidjela je, da se u tim hrisovuljima piše, ako zapuste hram jerusalimski, da se taj dohodak daje manastirima svetogorskim, Hilandaru i sv. Pavlu. Sada je crkva u Jerusalimu pusta, pa je carica slala u Dubrovnik kalugjere Arsenija i Ćirila, koji su s Dubrovčanima sve dogovorili (Glasnik 2, 1849, 200—202; Mon. serb. 520—522). U arkivu dubrovačkom nema knjiga Rogatorum i Maioris Consilii za g. 1479—1480, tako da se po dubrovačkom materijalu za ovu povelju ne da ništa kazati. Znamenito je, da se u njoj spominje sadržaj spomenute već lažne listine cara Uroša od g. 1358, koja će biti falsifikat istoga vremena, naime od konca 15. stoljeća. Budući da je carica Mara vrlo dobro znala, koliko je bio Dubrovnik dužan na godinu platiti, biće i ova listina Marina patvorena. Sastavljači htjeli su monasima svetogorskim osigurati nasljedstvo jerusalimsko, pa kod toga i udvojiti dosadanji dohodak. Znali su možda za pregovore Mare s Dubrovnikom g. 1469, gdje su se obje stranke pozivale na svoje istine, pa [illegible] griješkom datirali za deset godina kašnje.

Listina carice Mare sastavljena je svakako prije g. 1501, kada je cijelo pitanje bilo konačno uredjeno.

Poslije smrti gospodje Katakuzine Dubrovčani nisu htjeli stonski dohodak dalje plaćati. U Carigradu se zauzimala za kalugjere nekakva »kraljica bosanska«, biće Katarina, sestra posljednjega kralja bosanskoga Stefana Tomaševića, koja je živjela u Turskoj. U naputku poklisarima k porti, Martolici Rastiću i Ivanu M. Kabužiću od 24 januara 1495 rečeno je: »Se per la regina de Bosna o per altri ve sera facto motto per quello che solemo dar in elemosina al monastero de Sancto Michiel de Hierusalem, direti che voi non haveti de questo alguna commissione, et chi ha a cerchar, vigna a Ragusa« (Lettere e commissioni di Levante 1493—1528). Isto je pisano u naputku za Petra Ciprijanova Lukarevića i Stjepka Marinova Vučinića (de Volzo) 17 januara 1498: »se alla porta ve fosse facto motto« za tribut monasima jerusalimskim, neka kažu, da o tome nemaju komisije.

Ali do skora su kalugjeri našli novoga pokrovitelja. Bio je to vezir sultana Bajezida II, Ahmet Hercegović, takodjer potomak starih kršćanskih gospodara, sin hercega Stjepana Vukčića. Kao zet sultana Mehmeda II imao je veliki upliv kod porte, pa je četiri puta bio veliki vezir († 1518). Pisao je g. 1500 Dubrovčanima, da su na portu gospodina cara došli kalugjeri od srpskih manastira Hilandara i sv. Pavla iz Svete Gore, pa su se njemu tužili, kako je car Stefan ostavio »jednoj crkvi na Jerusolimu njekoj dohodak i kako je onaj crkva pogibla, i poslije carica Mara s vami kako je načinila, da onaj dohodačac dajete u ta dva manastira više rečena, i jeste davali za njekoliko godina, i paki jest njekoliko godina, jedna zla žena vuhovstvom jest toj smela, i nijeste im dali togaj dohodačca od njekoliko godina«. Kalugjeri su htjeli o tome govoriti samome caru, ali Ahmet, prijatelj Dubrovnika, nije im dao, pa piše Dubrovčanima, neka se sa kalugjerima sporazume. Ako ne prime njegov savjet, da on drugi put neće kalugjere ustaviti od toga, da dodju do samoga cara (Mon. serb. 545—546). Ovo je pismo Ahmetov poklisar Radič Bogašinović prikazao gospodi dubrovačkoj. Vijeće umoljenijeh je 25 januara 1501 riješilo razmišljati (de induciando) o tome pismu i »de petitione monacorum de Monte Sancto, videlicet de monasterio Chilindar et de monasterio Sancti Pauli«. Ali već 1 februara je sa 32 glasa protiv 15 zaključeno, da se 1500 perpera plati »callogeris, qui venerunt de Monte Sancto« (Cons. Rog. 1497—1501). Od toga vremena ne govori se više o monasima jerusalimskim, nego samo o »callogeri de Monte Sancto«. Primili su 6 aprila 1502 »pro uno anno yperpyros 500, facientibus ipsis expeditoriam opportunam«. Poslije

su dolazili svake druge godine, pa primali vazda dohodak za dvije godine zajedno; tako je bilo g. 1504, 1506, 1508 itd. Malo poslije toga počimlje niz namirnica kalugjera svetogorskih od g. 1520 do 1792, što su sačuvane u arkivu dubrovačkom; izdao ih je A. Vučetić u Starinama, knjiga 17 (1885) str. 1—48.

Prilozi.

A. Tribut svetodimitarski 1351—1378.

1351, 20 novembra, ind. 4. »Ser Franceschinus Ruçini de Venetiis« primio je od commune Ragusii ypp. 2000 pro tributo, quod dominus Imperator Sclavonie habere debebat pro anno proxime preterito. Testes: Ser Paulus Querino de Veneciis, Ser Luca de Lucari, Luce de Gambe et mag. Antonius de Feraria (Div. Canc. 1351—1352).

1355, 8 januara, ind. 8. Luce de Buchia primio je od dubrovačkih kamerlengi 2000 ypp. pro tributo anni preteriti domini Imperatoris Sclavonie, vice et nomine Çive fratris sui. Testes: Ser Andreas Memo et Franciscus Baldella Veneti (Div. Canc. 1354).

1362, ult. octobris. Consilium rogatorum je zaključilo »de dando Sreleç, nuncio comitis Voyslavi, perperos IIM tributi istius anni, secundum verba que dixit dominus imperator nostris ambaxatoribus« (Mon. Rag. 3, 234).

1364, 27 oktobra. Consilium rogatorum je odredilo, »de dando perperos IIM tributi domine comitisse (udovici kneza Vojislava), secundum quod scribit dominus imperator« (ib. 4, 33).

1365, 6 decembra. »Comes Gregorius Golubich, nuncius domini Imperatoris Sclavonie« primio je tribut »anni proxime preteriti de mense octobris yperpyros duo mille«. Izmedju svjedoka: Pripchus Murisich et Radoe Posovcich, homines Senchi (Div. Canc. 1364).

1366, ult. novembris. »Crayssa Miroslavich, cephalia Canalis, et Utiessen Ochmuch, nuncii domine comitisse, uxoris quondam comitis Voyslavi«, primili su od rektora Joannes de Bona et parvo consilio 2000 ypp. pro tributo S. Demetrii anni elapsi, »quod solvitur a dicto communi domino Inperatori (sic) Rassie, donato a dicto Inperatore prefate domine comitisse, prout clare patet per literas autenticas ipsius domini Imperatoris, missas exinde communitati Ragusine« (Div. Canc. 1366—1368). — 1366, 23 nov. Consilium rogatorum je odlučilo »de respondendo ambaxiatori domini imperatoris Sclavonie« ... »quod nos dedimus tributum istius anni domine comitisse, que nobis destinavit litteram domini imperatoris cum bulla leonis in die S. Demetrii«, isto »de ostendendo ambaxiatori domini imperatoris litteram, quam destinavit domina comitissa ex parte domini imperatoris« (Mon. Rag. 4, 69).

1368, 13 januara. Consilium rogatorum je riješilo, »quod proferatur et detur (prevučeno: nuncio domini) imperatoris Sclavonie tributum anni proxime preteriti de S. Dymitrio. Per omnes« (Fragmenta in Libro Reform. 1350, f. 7a; u Mon. Rag. 4, 97 stavljeno kod 13 julija 1367, v. Archiv für slav. Phil. XIX, 588). — 1368, 1 aprila. »Milos celnich, homo domini imperatoris Sclavonie et nuncius eiusdem, qui literas apportavit a dicto [gnjilo: domino imperatore] et a domina imperatrice, eius matre, pro tributo recipiendo istius anni proxime preteriti, fuit contentus et ... (gnjilo) et recepit a domino rectore Ser Petro de Çereva (knez u aprilu 1368), dante et solvente vice et nomine communis (Ragusii) yperperos [illegible] millia in

presentia Volcoslavi Crudup (sic) et Priboe Ruye de Tribigna, Micaelis cyroici salariati communis Ragusii et Petri speciarii de Venetiis« (Div. Canc. 1366—1368).

1370, 5 februara. »Gregorius Stechat, nuncius et procurator ad infrascripta domini Orossii, imperatoris Rassie« prima od rektora Grube de Mençe 2000 perpera tributi S. Demetrii proxime preteriti (Div. Canc. 1369).

1372, 27 oktobra. »Stepos Mesnovich de Draçeviça et Dobrovoy Subeç, homines çupanj Nicole, destinati per Obrad Siorcha, comitem dicti çupanj in Chanali«, primili su 2000 perpera kao tribut za prošastu godinu. Izmedju svjedoka: Marinçe de Modroculo, Mençe frater eius de Antibaro, Johannes Lievor de Drivasto, Basse Tichoevich de Antibaro (Div. Canc. 1371).

1375, 3 decembra. »Nicha Pastrovich et Zannes Baçan de Antibaro, nuncii et procuratores ad infrascripta domini Georgii de Balsa«, primili su 2000 perpera kao tribut »de festo S. Dimitrii proxime preterito« (Div. Canc. 1376).

1376, ult. octobris. »Radiç Juryevich, chefalia in Canali, nuncius et procurator domini Georgii de Balsa«, sa pismom »cum sigillo parvo in cera viridi« primio je 2000 perpera tributa S. Dimitra (ib.).

1377, 11 novembra. »Johannes Baçan de Antibaro et Druschus Lexievich, nuncii et procuratores domini Georgii de Balsa« primili su »pro tributo S. Demetrii yperpyros duo millia« (Lib. diversarum 1377—1379).

1378, 24 septembra. »Presbiter Ratchus, prothovistiarius et camerarius serenissimi domini, domini Tvertchi dei gracia bani Bosne et regis Rascie« prima 2000 perpera kao tribut za idući dan sv. Dimitra: »quod solvitur regno Rascie in festo Sancti Demetrii, in primo anno sui regni, qui complebitur in isto festo Sancti Demetrii nunc proxime futuro in presenti millesimo« (ib.).

B. Tribut stonski manastiru srpskome u Jerusalimu 1352—1396.

1352, 22 aprila. »Jarasinus (očevidno Gerasim) chaloiarus« prima od kamerlengâ dubrovačkih pred svjedocima 500 perpera pro tributo anni preteriti, »dando imperatori Sclavonie pro Stagno et Punta« (Div. Canc. 1351—1352).

1354, ind. 7, 1 madii. »Nicodemus caloiarus ecclesie Jer[oso]l[i]m[itane] primio je 500 perpera »pro tributo Stagni anni proxime preteriti«, pošto je »imperator Sclavonie« pismom javio, da se dadu ovomu Nikodimu. Testes: magister Benedictus olim Judeus physicus, magister Gerardus de Ravenna, physici salariati communis, Ser Andreas de Memo de Veneciis (Div. Canc. 1354).

1355, 29 augusta. »Michael, Antonius caloiari de S. Nicola« (manastira sv. Nikole na Vranjini) primaju od komuna dubrovačkoga 500 perpera »pro tributo Stagni de anno proxime preterito, secundum tenorem literarum domini imperatoris Sclavonie et secundum literas Grube de Primutis« (ib.).

1360, 21 aprila. Consilium rogatorum je zaključilo »de dando caloyaro, misso ab imperatore Rassie denarios Stagni« (Mon. Rag. 3, 30).

1363, 12 oktobra. »Metodeus monachus Jer[usa]l[e]mi fuit contentus et confessus habuisse et recepisse a communi Ragusii pro tributo istius anni proxime preteriti pro tributo Stagni, quod commune Ragusii solvere tenebatur domino imperatori Sclavonie. ypp. VC, in presentia Ser Francisci Baldela de Veneciis, magistri Andree ciroyco de Barleto, Petri filii Blaxii Plantavigna de Furlivio, Bieloe Stiepcovich Nalucavçe, hominis Senchi, Michaelis monacus (sic) J[e]r[usa]l[e]m« (Fragm. Div. Canc. 1363 in Distributionibus Testamentorum 1362).

1365, 19 augusta. »Nicola caloiarus Jerusalem, qui apportavit literas domini imperatoris Sclavonie«, primio je »pro tributo Stagni anni proxime preteriti de Paschate« 500 ypp. Testes: Novach Uglesich de Chanali, Obrat Boioslavich de

Canali, Mençe homo Blasii Matarango, Marinçe Charli de Dolcigno, Vasili de Budua (Div. Canc. 1364).

1366, izmegju 9 i 11 novembra (knjiga je gnjila). »Frater Serapion caloyarus, nuncius et procurator ad infrascripta ..... domini Orosii ..., imperatoris Servie et Grecorum, prout clare patet per literas auct[enticas] domini imperatoris, suo vero sigillo cum figura leonis sigillatas, facit manifestum, quod ipse confitetur habuiffe et recepiffe a domino Johanne de Bona, honorabili rectore communis Ragusii et suo parvo consilio, danti et solventi nomine et pro parte tocius communis Ragusii, yperpyros quingentos pro integra et completa solucione tributi de Stagno, quod solvitur eidem domino imperatori in festo Pasche pro isto presenti anno .... indictione predicta, Ser Marco Guro, Ser Francesco Baldella de Veneciis, magistro Bartholomeo, magistro Michaele cirurgicis salariatis Ragusii, Crayssa cephalia de Canali et Utiesseno Hochmuchouich, testibus ad premissa vocatis et rogatis« (Div. Canc. 1366—1368; srv. Mon. Rag. 4, 56, 68).

1367, 6 julija. Zaključak u »consilium rogatorum«: »littere, quas apportaverunt caloiari a domino imperatore Sclavonie pro tributo Stagni de anno preterito sunt sufficientes, et denarii dentur eis ad illum terminum, qui videbitur domino rectori et parvo consilio« (Mon. Rag. IV, 96).

1367, 7 decembris. »Frater Seraphion et frater Methodeus, monaci Jerosolimitani, imperatoris Raxie .... (gnjilo) confitentur habuisse et recepisse a domino rectore Ser Johanne de Bona .... solventibus nomine et pro parte communis Ragusii pro tributo Stagni, quod commune Ragusii debet solvere [domino] imperatori in festo Pasce Resurrectionis Domini proxime elapso, quod (sic) tributum ipse dominus imperator scripsit speciales literas eisdem caloyaris, yperpyros quingentos pro integra solucione dicti tributi pro anno .... magistro Xpoforo physico salariato communis Ragusii, Petro Salimbene de Veneciis speciario, habitatori Ragusii, Nicolao spa[da]rio filio quondam Muçarelli, Antonio de Risula de Vigiliis, Ruya Gradoevich et Ostoya Sbislavich testibus ad premissa vocatis et rogatis« (Div. Canc. 1366).

1369, 3 augusta. »Metodius caloiarus de Jerusalemo fuit contentus et confessus habuisse et recepisse a communi Ragusii ypp. VC pro tributo Stagni, quod commune solvere tenetur domino imperatori Sclavonie de Paschate proxime preterito, et hoc vigore litere dicti domini imperatoris cum quadam litera latina, quas apportavit pro dicto tributo domino rectori et parvo consilio«. Svjedoci Mlečići, pa i »Bosichus Bochdisevich de Prisreno et Pripchus scribanus Bochdani de Quirismich«. Općina je uzela te novce u zajam od Luce de Bona, kojemu se istoga dana obvezala platiti 500 perpera »usque ad festum S. Michaelis« (Div. Canc. 1369).

1370, 6 augusta. »Gervassius gumen in presentia Ser Marchi Goto, Ser Aloysij de Cornario et Ser Francisci Baldella fuit contentus et confessus habuisse et recepisse a communi Ragusii pro tributo Stagni anni proxime preteriti yppos VC, qui literam imperatoris Sclavonie apportavit occasione predicta« (ib.). Malo prije, ultimo julii, primio je »Gervasius gumen caloiarus« od Lucha de Bona »totum illud, quod per ipsum vel per aliquem alium eius caloiarum fuisset depositum apud ipsum Lucha de tempore preterito usque ad diem presentem«, u prisutstvu »Romani eius chaloiari«; 22 augusta opet je »Jovan chaloiarus Ochovanich« primio sve od istoga Luke Bunića (ib.).

1371, 15 oktobra. »Frater Romanus Pricossa, caloyarus Jerosolomitanus facit manifestum, quod ipse tamquam nuncius et procurator caloyarorum Jerosolimitanorum cum expresso consensu et voluntate imperatoris Rassie fuit confexus (sic) et contentus habuisse et recepisse a Luxa de Baraba, camerario communis Ragusii, solvente nomine dicti communis pro tributo Stagni perperos ducentos L, presentibus

Ser Lodoyco Cornario et Johanne Bono Rinbaldo de Veneciis et magistro Michaele cyruyco, testibus ad premissa vocatis et rogatis. — Die III mensis nouembris VIIIIe indictionis. Frater Romanus predictus fuit confexus habuisse et recepisse a camerariis communis perperos ducentos quinquaginta pro integra solutione tributi de Pasca anni Domini millesimo IIICLXX, presentibus magistro Xpoforo, magistro Michaele medicis et Nicoletto Meliorato« (Div. Canc. 1371; izdano već u mojem članku: Srbský cář Uroš, král Vlkašin a Dubrovčané, Časopis českého musea 1886, 265).

1372, 26 augusta. »Gervasius Bricossa, igumen de Jerusalem, Roman Bricossa eius socius, fuerunt contenti et confessi habuisse et recepisse a communi Ragusii pro tributo Stagni de anno preterito in millesimo trecentesimo septuagesimo primo in festo Pasche Resurrectionis yperpyros quingentos in presentia magistri Christophori de Beniveuto et magistri Petri de Stiçana physicorum et salariatorum communis Ragusii et Petri Saimbeni speciarii de Veneciis« (Div. Canc. 1371).

1372, 17 septembra. »Frater Gervasius Bricossa, gumenus Jerosolimitanus, et frater Romanus Bricossa eius caloyarus faciunt manifestum, quod ipsi confitentur habuisse et recepisse a domino Joanne de Grede rectore et parvo consilio communis Ragusii, solventibus nomine et pro parte dicti communis yperpyros quingentos pro integra et completa solucione tributi de Stagno anni nuper elapsi, quod debuerunt habere in festo Pasce Resurrectionis Domini nuper elapsi, presentibus testibus infrascriptis ad hoc vocatis et rogatis: magistro Petro physico salariato communis Ragusii, Nicoleto Meliorato de Veneciis, Petro Samben ſpeciario de Veneciis, habitatori Ragusii, et Marino Bratoslavich, Boguno Bosinovich hominibus çuppani Nicolai de Altomagno« (ib.).

1375, 22 decembra. »Daniel et Phylippus calogeri monasterii Jer(usa)l(e)m« primaju od »camararii communis Ragusii« »pro completa solucione tributi de Stagno« yperpyros mille »usque ad annum domini MCCCLXXIIII de festo Pasce Resurrectionis Domini proxime preterito«. Medju svjedocima: Brayan Dragavçich et Priellup Vtiessenovich de Tribunio (Div. Canc. 1376). — Malo ranije, 3 novembra: »Daniel calogerus S. Archangeli de Jerusalem« prima od Allegretta de Ragusio stvari Romani chalogeri S. Archangeli, koje je Allegrettu bio predao Julianus de Anchona, patronus unius navis, in Manfredonia. Spominju se: Phylippus et Macharius calogeri, socii et confratres Romani calogeri. Cassa, jer je Roman poslije sam primio svoje stvari (ib.).

1382, 28 junii. »Roman Brichossa, caloyarus monasterii Jerosolimitani« primio je tributum de Stagno, yperpyros mille, »pro completa solucione dicti tributi usque ad annum domini MCCCLXXVI de festo Pasce Resurrectionis«. Medju svjedocima: Ser Andrea de Cesamo de Jadra (Div. Canc. 1381).

1386, 19 novembra. »Sava caloyarus, missus a mitropolitano monasterii Jerusalem tamquam sindicus seu yconimus dicti monasterii« primio je ypp. 500 pro uno anno. Testes: Ser Johannes quondam magistri Conversini de Fregnano, iuratus notarius communis, magister Dionysius Tebaldi de Tridento cirugicus etc. (Div. Canc. 1386). — Kod toga vjerovno pismo Mihajla mitropolita jerusalimskoga, s kojim šalje »kalugjere Savu i Romana« za »dohotke«, izd. Pucić II, nro 35, str. 35.

1387, 7 junija. Jovan igumen jerusalimski, Joasaf i Sava kalugjeri, izaslani od mitropolita jerusalimskoga, primaju 500 perpera »pro tributo, dicto monasterio debendo a communi Ragusii pro Stagno«, koji je isplaćen do Uskrsa g. 1384. Div. Canc. 1388. Spomenik XI. 101—102 nro 37. — Kod toga pismo mitropolita jerusalimskoga Mihajla, kojim javlja, da je knez (Lazar) poslao »za dohodke crkovne, što njeste dali u bnetčku rat« kalugjera Joana. Pucić II nro 37, str. 29.

1388, 20 februara. »Solutio tributi Jer(osoli)mitani pro duobus annis. Johan yguman, Jerasin et Sava caloieri, nuntii et yconimi monasterii Jerosolimitani, missi a metropolitano Jerosolimitano, ut patet in literis sclavicis affixis in hoc libro circha principium libri« primili su »pro duobus annis pro tributo Stagni eisdem caloieris seu mon(asterio) Jerosolimitano singulis annis debendo ypp. mille in ducatis aureis et grossis Ragusinis« (Div. Canc. 1388).

1388, ultimo augusti. »Michael metropolitanus monasterii Jerosolimitani, Gerasin et Roman calogeri, nuncii et yconomi dicti monasterii Jerosolimitani« primaju pro tributo Stagni MCCCLXXXVII in festo Resurrectionis ypp. 500 in ducatis aureis. Svjedoci: Ser Alberto Mathei Compagni de Florencia, Petrus Ser Çeri de Arabato de Florencia, Franciscus Milliani de Florencia, Petrus Conradi de Florencia (ib.). Kod toga tri pisma, kneza Lazara, Vlka (Brankovića) i Gjurgja (Stracimirovića), pisana općini dubrovačkoj, kojima preporučuju mitropolita jerusalimskoga Mihajla, neka mu dadu »dohodak« crkve jerusalimske, koji joj nisu dali »od bnetačke rati godišta i sega drugoga godišta«. Pucić II nro 39, str. 29—31; sravn. Spomenik XI, 102.

1390, 14 decembra. »Damianus et Sava chalogeri, nuncii metropolitani Yerosolimitani et yconomi loci chaloger(orum) Jerusalem, ad hoc specialiter transmissi et deputati, ut patet in literis hic affixis et per literas nobillium et baronum Sclavonie approbatis« primili su pro tributo Stagni ypp. 500 za g. 1388 (Div. Canc. 1389).

1396, 17 aprila. »Pop Arsenie, Pop Dorathe, Achachie, calogrii Yerosolimitani, monaci Sancti Michaelis Archangeli« primili su ypp. mille pro tributo duorum annorum, de quibus fuit ultimus terminus in festo Resurrectionis MCCC nonagesimo sexto, pro tributo Stagni. Actum in civitate Ragusii sub lozia, prope portichum porte hospicii regiminis« (Div. Canc. 1396). — 28 aprila. »Jovan et Dorathe, caloyeri de Yerusalem« najmili su za sebe i za dva druga barku Ratka Marinovića de Zuppana sa 4 mariuarii, do »Modonum Romanie«, za 16 ducatos auri i 12 groša (ib.).

U Beču, mjeseca junija 1907. Dr. *Konst. Jireček.*

НѢ — КЪТО.

Kopitar je u svojoj Gramatici str. 298. nagađao, da stsl. нѣ-къто stoji mjesto не вѣмь къто, a za njim se poveo Miklošić, koji je od Kopitara odustao samo u tome, što nije нѣ izvodio od не вѣмь, nego od не вѣ u značenju »nescitur« (mjesto не вѣстъ), koje se promijenilo tako, da je otpalo е od не i в od вѣ (Synt. 172). To je svoje mišljenje Miklošić ponovio i u Etym. Wörtb. str. 214, samo ga je izrekao manje odlučno i donekle promijenio, jer tu kaže: »нѣ ist wahrscheinlich невѣ nescit«. Danas se već ne može s takovim glasovnim promjenama operirati, kakve je dopuštao Miklošić. Pa stoga i Delbrück (Vgl. Synt. I. str. 518. i d.) oblike kao нѣ-къто tumači drukčije; on u нѣ nalazi negaciju te drži, da je нѣ-къто isprva dolazilo samo u negativnoj rečenici pa otuda došlo i u pozitivnu (isp. i Brugmanna: Kurze Vgl. Gramm. str. 614). Ni s tim se tumačenjem ne mogu složiti, jer negativnomu značenju takovih oblika nema nigdje traga (lit. *nèkas* u značenju »ništa, nitko«, na koje se Delbrück poziva, odgovara etimologički stsl. ни-къто, ne нѣ-къто).

Prije negoli kažem, što sâm o tom mislim, valja mi spomenuti, da osim onoga нѣ, što dolazi u нѣ-къто, imamo u jeziku staroslovenskom još dvojako нѣ. Jedno dolazi pred brojevima u značenju »circa«, n. pr. нѣ до осми моужь *ὡς ἑπτὰ ἢ ὀκτώ*, нѣ о тръхъ стѣхъ (Mikl. Lex.). Ovo je нѣ Miklošić držao za identično s onim u нѣ-къто (Synt. 172), ali u kojem je odnošaju značenje jednoga i drugoga нѣ, nije kazao. Zacijelo je i značenje »circa« izvodio iz postanja od не вѣ »nescitur«, premda se čovjek teško domišlja, kako može n. pr. не вѣ до осми моужь značiti »circa octo viros«.

Drugo нѣ dolazi složeno sa по u понѣ, koje u pozitivnoj rečenici znači »bar, samo« (grč. *κἄν*, lat. vel), a u negativnoj »ni« (grč. *οὐδέ*, lat. nec), n. pr. Глаголаше бо· ѣко аште прикоснѫ сѧ понѣ ризѣ его, съпасена бѫдѫ. *Ἔλεγεν γάρ· ὅτι κἂν τῶν ἱματίων αὐτοῦ ἅψωμαι, σωθήσομαι.* Dicebat enim: Quia si vel vestimentum eius tetigero, salva ero. Zogr. Mark. V, 28. cf. VI, 56. — И не вѣ нмъ коли понѣ

ѣсти. *Καὶ οὐδὲ φαγεῖν ηὐκαίρουν.* Et nec spatium manducandi habebant. ib. Mark. VI, 31. — Приношаахѫ бо на одрѣхъ недѫжнъıа, да понѣ стѣнь петровъ нападетъ на коѥго ихъ, и абиѥ въстаахѫ. Sup. 225, 6. — Нъ и на крьстѣ повѣшенъ бъıвъ больша дѣла и множаиша чоудеса показалъ, да понѣ тако оуставитъ богомрьзькъıихъ неистовьство. *Ἀλλὰ γὰρ καὶ ἐπὶ τοῦ σταυροῦ κρεμασθεὶς μείζονα ἔργα καὶ πλείονα θαύματα ἐπεδείξατο, ἵνα κἂν οὕτως παύσῃ τῶν θεοστυγῶν τὴν μανίαν.* Sup. 368. (Mikl. Lex. s. v. понѣ). — Bug. понѣ (= по крайней мѣрѣ, хотя, хоть бы, лишь, все таки, Геровъ Рѣчи.); češ. *poně* (= etwa, mich deucht), *aspoň* (= wenigstens). — Za нѣ i понѣ kaže Miklošić u Etym. Wörtb. str. 214: »понѣ *κἄν* vel ist von нѣ (sc. u нѣ-къто) wohl zu trennen«.

Ja držim, da je sve troje нѣ identično, i to **koncesivno-hipotetička** partikula.

Ono нѣ, koje znači »circa«, hipotetička je partikula te znači upravo »jamačno, možda«, koje značenje imadu i druge hipotetičke partikule, kad dolaze u samostalnim rečenicama, n. pr. Da s' donijo Bugarsku kopanju, ako (= možda) bih ti i usuo vina. Vuk, N. pj. II, 143. — *Ἀλλ' εἰ* (= jamačno) *μὲν δώσουσι γέρας μεγάθυμοι Ἀχαιοὶ ἄρσαντες κατὰ θυμόν, ὅπως ἀντάξιον ἔσται.* Il. I, 135. — Navedeni primjer нѣ до осми моужь znači dakle upravo: »možda (jamačno) do osam muževa«; njem. »wohl, etwa«.

Понѣ je koncesivna partikula: »makar«, pa onda »bar, samo«, te navedeni primjer iz Sup. 225, 6. znači upravo: »da **makar** (bar, samo) sjen Petrov padne na kojega od njih«. Budući da i partikula и može imati isto značenje, te bi se moglo kazati i: да и стѣнь петровъ нападетъ на коѥго ихъ, razumljivo je, da u negativnoj rečenici понѣ znači »ni«, kao što biva u navedenom primjeru iz Zogr. Mark. VI, 31. — Ovomu shvaćanju ide u prilog i to, što se riječju понѣ prevodi grčka riječ *κἄν*, koja je postala od *καὶ ἄν* (= *ἐάν*). Kao понѣ tako dolazi do istoga značenja i hrv. *daj* = *da i*, n. pr. Почините понѣ дан мало. Domentijan [a] 330. — A nu viđ oči me, ter vjeruj **daj** njima, ako neć' ovime vjerovat' riječima. Gund. 189. (Budm. Riječn. II, 224). Savez partikule понѣ sa нѣ u značenju »circa« vidi se u tome, što češ. *as(i)*, koje se sa *poně* slaže u *aspoň*, a znači »okolo, více méně, snad, skoro, etwa, irgend, ungefähr, beiläufig« (Kott), postalo je pak jamačno od hipotetičkoga *a*, dolazi i pred brojevima u značenju »circa«, n. pr. Byl zde asi před hodinou; pače i *aspoň* dolazi tako, n. pr. Vlasta aspoň s padesáti na ně se obořila (Kott).

Koncesivnu partikulu [illegible] нѣ u нѣ-къто [illegible] Budući da нѣ-къто

negirano glasi ни-кѫто, mora нѣ-къто značiti isto, što hrv. *i-tko* (koje je mlađe i postalo u hipotet. rečenicama), jer je ни upravo negacija od и; a hrv. *i-tko* znači »makar (bar) tko«; dakle mora нѣ značiti »makar (bar)«. Po tom n. pr. **Прикоснѫ сѧ мьнѣ нѣкъто.** Luk. VIII, 46 (Mar.) znači: Dotače se mene makar (bar, svakako) tko. (Drugo je *makar tko* sa značenjem »makar *x*, makar *y*, makar *z* . . .«.) Potreba za slaganje indefinita sa нѣ osjetila se jamačno najprije onda, kad je pozitivni indefinit u suprotnosti s negativnim, n. pr. hrv. Ja sam donio nešto, a ti ništa (isp. i: Bolje je išta nego ništa). Ali je tako postali oblik napokon iz afirmativnih rečenica gotovo posve istisnuo prosti oblik (bez нѣ).

S нѣ-къто se može isporediti stsl. ѥдє к'ый, bug. еди кой »quidam« (gdje je ѥдє, еди konces.-hipotet. partikula); isp. ѥда; slovač. (malorus.) *da kto* »aliquis« (ako je *da* partikula *da* [isp. hrv. *daj* = *da i* »bar«], a ne = къда, kao što misli Miklošić u Synt. 80, isp. Maret. Vezn. § 68); češ. (malorus., slovač.) *leda kdo* »makar tko«. Ali najljepša mu je analogija novogrčko *κανείς* = *κἂν εἷς* »makar jedan«, koje je gotovo svagdje zamijenilo stari indefinit *τὶς* (Thumb, Handb. d. neugr. Volksspr. 67 i d.). Lat. *ali-quis*, ako je prva čest doista u svezi s *alius*, može značiti *εἷς τις*. Da bi *alius* moglo značiti »jedan«, dokazuje slav. инъ, koje znači i »drugi« i »jedan« (инорогъ); isp. Brugm. Demonstr.-Pron. str. 109.

Koncesivno-hipotetičko značenje držim da je partikuli нѣ postalo od aseverativnoga (kao i slavenskoj partikuli ли ili grčkoj *ἦ* = *εἰ* ili latinskoj *sī*, isp. *sī-c*), koje još ima grč. *ναί*, *νή*, lat. *nae*, *nē*.

Od istoga je korijena kao нѣ postalo više partikula, koje se mogu podijeliti na dvoje: na koncesivno-hipotetičke i na poredbene. Među koncesivno-hipotetičke pripada češ. *ne-b(o)* »ili«, upravo »možda«, tako da n. pr. Zaskočila si do lesa po trohu jahod *neb* jiného lesního ovoce — znači: po malo (možda) jagoda možda drugoga šumskog voća. Uporedo s hipotetičkim razvilo se od aseverativnoga i kausalno značenje »quoniam« (Maretić, Veznici § 90). Za hipotetičku držim i starosl. partikulu нє-да »*ὤφελον*, utinam« (Mikl. Synt. 259). Napokon ide ovamo i ono не ili ни, koje se često (uz imperativ будь) u maloruskom i ruskom jeziku dodaje indefinitnim i relativnim pronomenima, tako da je n. pr. rus. ушла куда ни будь играть = hrv. otišla je nekuda (t. j. makar kuda bilo) igrati se, a rus. что ми ни вдаси, то язъ приниму = hrv. što mi daš (t. j. ako mi makar što daš), to ću ja primiti (Mikl. Synt. 90, 181, gdje se не, ни drži za negaciju). Isp. i lit. *nekurs* f. *nekurì* = »neki«, *nekadà* = »kadšto«, u starijem

jeziku i *nēkas* »quidam« (Delbr. Vergl. Synt. I, 518, gdje se *ne* drži za negaciju; Mikl. Synt. 91, koji kaže: »*nékas* quidam aus *néj kas* für нѣ-къто kann auf die Vermutung einer Verwandtschaft des ни in den hier behandelten Fällen mit нѣ führen«).

Ovamo će ići i staroind. *káš caná* = »makar tko«, n. pr. ná tám aśnōti káś caná: njega ne stiže makar tko t. j. nitko (Delbr. Vergl. Synt. I, 514, koji drži *na* u *caná* za negaciju).

U poredbenom značenju, koje je također postalo od aseverativnoga, dolazi maloruska i poljska partikula *ni*, n. pr. polj. mięso co dzień ni wilk żrą: quotidie carnem uti lupi vorant, upravo: doista vuci (Mikl. Synt. 181). Tomu *ni* odgovara lit. *neĩ*, n. pr. jìs bëga neĩ vëjo nėszams: trči kao vjetrom nošen (upravo: doista vjetrom nošen). (Delbr. Vergl. Synt. II, 540, Brugm. Kurze Vergl. Gramm. 618, koji obojica *neĩ* također tako shvaćaju).

Ovamo ide i staroind. *na*, n. pr. íṣuṃ ná sṛjata dvíṣam: kao strijelu bacite neprijateljstvo (upravo: doista strijelu). (Delbr. Vergl. Synt. II, 537 etc., Brugm. Kurze Vergl. Gramm. 618, koji obojica *na* tako shvaćaju, a posljednji navodi za potvrdu avest. *bā* »doista« = grč. φή »kao«).

Tako valja po svoj prilici shvaćati i komparativno не-же, не-го. Suponirati se može:

Азъ есмь мѫдръ не ты = ja sam (tako) mudar kao ti [ego sum (tam) sapiens quam tu]; pa onda:

Азъ есмь мѫдрѣй не(же) ты = ja sam većma (tako) mudar kao ti [ego sum magis (tam) sapiens (= sapientior) quam tu].

Isp. novosl. Jaz sem modrejši kakor ti (Ziemer, Vergl. Syntax der indogerm. Comparation 188 etc., koji kao i Mikl. Synt. 179. drži не za negaciju, a s njima se slaže i Delbr. Vergl. Synt. II, 519, ali Brugm. Kurze Vergl. Gramm. 618 shvaća не kao poredbenu partikulu; isp. i Maretićeve Veznike § 97, gdje se također не shvaća kao negacija).

I u litavskom dolazi *neĩ*, *neĩgi* kod komparativa, pa *nekaĩp* (Brugm. Kurze Vergl. Gramm. 618, Mikl. Synt. 180).

Pitanje o odnošaju korijena naših partikula prema korijenu negacije не bolje je za sada ostaviti na strani.

Zagreb. Dr. *A. Musić.*

Slovenica.*)

Kar sem priobčil pod tem naslovom v nekaterih prejšnjih letnikih »Archiva«, se je večinoma nanašalo na moje domače narečje (Sv. Juri na Ščavnici, severno-iztočna Slovenska Štajerska, politični okraj Ljutomer).

Kar objavljam evo v tem »Jubilejnem Zborniku«, se tudi tiče po večini imenovanega narečja.

Baš, ko sem začel pisati nastopne vrste, sem govoril s starejšim, inteligentnim kmetom, ki je v svojem govoru rabil izraze, že čisto nenavadne v mlajši generaciji; na pr.: *pitovno drevje* (= požlahtnjeno); *opet*; *broj*; *umorjen z delom* (hrv. umoren — 'umoriti' v slov.-književnem smislu je tam neznano); *notak reč po reči* (und so gab ein Wort das andere). Ta zadnji zgled je posebno zanimiv, ker kaže, kako je v tej frazi ostal prvotni (in hrv.-srbski) pomen besede »reč«. Vobče so vsi ti izrazi ostanki — rekel bi — predslovensko-šolske dobe našega naroda; nova šola je prinesla zapadnoslovenski (kar se tiče besednega zaklada) kranjski književni jezik in je izpodrinila marsikak izraz, ki je dotle svedočil o tesni zemljepisni in kulturni zvezi Slovenskih goric s sosedno Hrvatsko. Stari ljudje so rabili še izraz »orsag«, ki je sedanji mladini že neumljiv.

Vzporednost dialektnih posebnosti in otroškega govora.

Činjenica vzporednosti dialektnih posebnosti in otroškega govora je že konstatirana (na pr. Preyer, Die Seele des Kindes, Compayré, Moralni razvitak djeteta II. 59), posebe je pokazano to tudi gledé na glas *r*.

Jaz hočem za ta pojav iznesti zglede iz slovenskoga narečja Sv. Juri na Ščavnici, oziroma iz govora svojih dveh 4—6 letnih dečkov.

I. Tuja končnica *-ier(en)* se izpremeni v *-er* (ě, visok e): cementěr, cemoněr, seceěrati, kanjěr, kanoněr, komanděrati, leněr(ati) = Lineal,

*) Glej »Archiv f. slav. Phil.«, Bd. XXVI.

lešpetěr, mašěrati (marschieren), repetěrati, *r*engěrati = *l*engěrati (regieren), salotěrati (salutieren), šprancěr (spazieren), štenděrati (studieren), talěr, kolěr — obratno: mirkati (vormerken, a: doma m*e*rkati).

Slično v domačih besedah: hûjděr, Kosěr, krampěr, kûrvěr, osěr, slokěr, voděr; sredi besede: s*e*rka.

Ostane pa *-ir* v leh-le zgledih: mehir, pap*ir*, pastir; v enozložnicah: mir, pir, sir, tir.

Ta pojav izpremembe *i*- ja v *e* pred *r*, ki sigurmo ni osamljen na to narečje, nahaja analogijo v otroškem (dečinjem) govoru. Opazoval sem svoja dva dečka v dobi 4—6 let; otroci govore: klavěl (clavir), odpelati (odpirati), seozela (ozira), pap*e*l (papir), papelček, sel (sir), okvel (okvir), v melu (miru), melen (miren), sela (sira), steli (štiri).

Ta dečji izgovor je radi tega vreden pozornosti, ker otroci ne govoré *r*-a, nego *l*; kar bi hoteli imeti za fiziološki vzrok izpremembe *i*- ja v *e*, to tu manjka, namreč glas *r* (otrok pa ne reče: b*e*li, nego bili).

r pred *i* ne povzroči izpremembe samoglasnika; zato govori otrok: linglspiel (Ringlspiel), lisati (risati), liba (riba), stlic (stric).

*

Otrok si besedo predstavlja z *r* in ve, da bi moral v njej govoriti drug glas nego *l*. Zato protestira proti temu, če odrasel v šali govori *l*, ter pravi: »Ne *l*iba—liba!!« (Ne more *l*-a popraviti drugače nego z *golim* protestom!).

Na drugi strani pa mi deklica, ki nagiblje k samohotnemu izkrivljanju jezika, izpreminja besedo »klamp*e*l« (= krompir) v »klampe*u*«.

II. V raznih, tudi slovenskih narečjih je samoglasniški *r* razvil pred seboj polglasnik: k*e*rt, sm*e*rt (krt, smrt).

Otrok mi govori: *kelt*, *smelt*, *velt*, to je, čuje se polglasnik (skoro *e*), in sicer, dasi otrok ne govori *r*-a, nego *l*. Kadar je za *r*-om soglasnik, ki zajedno z njim težko zatvarja zlog, vstavi otrok predenj še drug polglasnik ter pravi: c*e*l*e*n (črn), delel (drl), umelel (umrl), zapelel (zaprl), kakor: smalen (šmarn).

Znano je, da Slovani nemško končnico *-er* izpreminjajo v *-ar*. Moj otrok izgovori lastno ime »Kozler«: Kozla*l*; to je, tudi v tem slučaju se *e* izpremeni, dasi ni glasu *r*, ki ga običavamo smatrati vzrokom izpremembe. (Otrok pa pravi: plis*e*l = prišel) [1]).

1) Dodatno omenjam vpliv *r*-a na *u* v lastnih imenih: ***Orša*** (= ***Urša***), Vorih (= Urh), a v nenaglašenem zlogu: Urbán (= Urban); tudi: **R*o*prt** (= **Ruprecht**). Pri Sv. Juriju se kakor za šalo govori: Roprtov Roprt je **ša Roprtovega** Roprta [illegible] Roprtov Roprt Roprtovega Roprta [illegible] je v tem [illegible]

Poluglasnik pred nosnikom.

Kakor vobče v iztočno-štajerskih narečjih, tako je tudi v narečju Sv. Jurija na Ščavnici poluglasnik dal *e*.

Nenaglašen je ta *e* jako širok (odprt), na pr.: hlapъc : hlapäc.

V naglašenih zlogih je ta *e* dolg ali kratek.

I. Ako je dolg, razločnjem

a) slučaje, kjer zveni ta iz poluglasnika nastali *e* prav visoko (se izgovorja prav ozko ali tesno) kakor *ẻ*: bobėn, kocén, pedėn, locén, lēn, dēn, ténki, mėši (= manjši);

b) slučaje, kjer je ta *e* srednje širok (odprt): nohét, vihér, lakét, šepét, kijéc, Stuhéc; pēsji, tēst, vēs.

II. Ako je dotični naglašeni zlog kratek, razločujem zopet dvoje slučajev, in sicer

a) slučaje z ozkim *e*: vzemen, genen, z meno, tema;

b) slučaje s srednje odprtim *e*: lehek, sneha, megla, pekel, vogéa, rogéa (vogel, rogelj), tešče, dež, gnes (= danes, zato tudi: *gnēšnji*), ves (vsa, vse), reca, meša, te (= tъda), pes, sep, žnjec, prem*e*knen, vt*e*knen.

Skupini I. a) in II. a) se krijeta baš tako kakor I. b in II. b). V prvih dveh skupinah se govori ozek *e* (ẻ), v drugih odprt.

Kako si je tolmačiti oni ozbi *e* v prvih dveh skupinah? Uvaževati je nosnik, ki stoji za njim v vseh navedenih zgledih; z njim si ga tolmačim.

Po besedah s prvotnim polglasnikom sta se povedli tudi besedi; plamén, korēn, ki izprva nimata polglasnika, a imata sedaj v sebi ozek dolg ẻ.

e/o.

Narečje Sv. Jurija na Ščavnici v sklanjatri, na pr. v 6. sklonu ednine ne pozna razlike med *jelenъ-mėsto* in *kralj-polje*. Zato se govori: s sr*co*n, z bitjón, z grmovjón itd.

V 1. sklonu ednine pa so srednji samostalniki ohranili *e*: srcé, bitjé, grmovjé itd. Vpraša se, zakaj se je ohranil *e* v prvem, a ne tudi v šestem sklonu. Najbolj je tu delovala pač analogija soglasniških *-n-* in *-t-* debel (ime, tele), ki imajo v imenovalniku: *e*, v instrumentalu pa ne.

Prirevniki pa niti v prvem sklonu ne poznajo več *-e* za srednji spol; govori se: toto vino je arde*čo*; mleko je vro*čo*; to je vs*o* mleko. Ni dvoma, da je ta *o* nastopil radi sklada s končnico samostalnikov.

To je razvidno baš i iz tega, ker na pr. v besedah »ves, vroč« ostane *e*, ako ni samostalnika: *vse* je za nič. Gnes je vro*če* (heute ist es heiß).

Predlogi pri krajevnih imenih.

I. Na vrašanja: kje? kam? odkod? določujemo kraj

a) pred vsem s predlogom *v* in *iz*: v Ljubljani, v Ljubljano, iz Ljubljane; v Zagrebu, v Zagreb, iz Zagreba itd.

Ista predloga stojita pred krajevnimi imeni, ki so izprva patronymica (takih imen je zlasti mnogo baš v Slovenskih goricah); na pr.: v Rádencih (v Radence, iz Radenec), v Bučečóvcih (v Bučečovce, iz Bučečovec), v Logárovcih, Kokóričih, v Bolehnéčicih, v Seliščih, v Slabtincih, Okoslavcih itd. Ti izrazi nalikujego izrazu »v Lahih« (= v Furlaniji, pri Gorici) in kažejo, da je v slovenščini prav govoriti in pisati: v Slovencih, v Nemcih itd. Prvotno spadajo sem tudi imena, ki se dandanes sklanjajo: Poličane, Poličan, v Poličanah; v Gorjah (prim. Levčev »Pravopis« pag. 32).

b) večprat stojita predloga *na* in *s*(*z*): na Dunaju, na Reki, na Gori, na Górici, pač tudi: na Dobravi, na Dobrni.

Ti slučaji kažejo jasno, kdaj stoji na vprašanje kje? predlog *na*; takrat namreč, ako krajevno ime izprva pomeni goro ali reko, skratka širši kraj, s katerega ....

To nam utegne v mnogih slučajih biti kažipot pri razlagi prvotnega pomena imena.

Govori se le: na Vrhniki, na Vrhniko (pri Ljubljani, Oberlaibach) in pri Sv. Juriju na Ščavnici o vaseh: na Čakovi, na Čakovo; Jamna, na Jamni (na Jamno, z Jamne), na Blagůši (na Blagůš, z Blagůša; na Ženiki, na Ženik; na Kranjskem: na Dovjem.

Mnogokrat se je izgubilo prvotno naziranje kraja, često pod tujim vplivom; zato se govori in piše večkrat: v Reko, vedno pa že: v Goríci (ob Soči), v Gorico, iz Gorice; v (Škofji) Loki, iz (Škofje) Loke; tako je pač tudi s kraji, ki se imenujejo *Bistrica* (prvotno ime reke ali potoka): v Bistrici (nam. *na Bistrici). — Popolnoma se je prvotno naziranje izgubilo pri izrazu *vrh* (= vinograd v Slovenskih Goricah); zato se ne govori: Idemo na vrh! ampak: v vrh! (Smo bili v vrhi, tudi: v goríco, Šmigoc, Gramm. p. 209) in pri lastnih imenih: v Mocasken vrhi, v Rožičken vrhi, v Okoslasken vrhi in tudi: »v Sovjak« (ime »vrha«), toda: na Galošaki, na Kokolanjšaki, na Borošaki itd. Na Kranjskem: v Dobrepolju, Devica Marija v Polju.

Umevno je, da se pri izrazih kakor »Štajersk[illegible] [illegible], Hrvatsko,

Goriško itd.« rabi predlog *na*; zakaj ti izrazi srednjega spola pomenijo izprva širši kraj: das Steierische, das Görzische itd. Enako je tudi presojati ime *Krško* (Gurkfeld); praviloma bí se prvotno moralo reči: na Krškem, a se dandanes običajno piše: v Krškem [1]).

c) Mnogokrat stoje na vprašanja: kje? kam? odkod? predlogi: *pri*, *k*, *od*, in to pri imenih žup; na pr.: pri Kápeli smo bili (in Kapellen), k Kápeli gremo, od Kápele sem doma, od Kápele grem; — pri Sv. Juriju, k Sv. Juriju, od Sv. Jurija; — pri Sv. Križu, k Sv. Križu, od Sv. Križa (*in* St. Georgen, *in* Hl. Kreuz); — pri Sv. Duhu (*in* Hl. Geist), pri Mali Nédelji (*in* Kleinsonntag); — pri Negovi (*in* Negau), k Negovi, od Negove; pri Sv-Treh kraljih itd.

Pri teh imenih prevladnje predstava *cerkve*; cerkev je bila v teh slučajih (vsaj v nekaterih, ki so postali potem vir analogije) začetek sela. Nazivi pomenijo izprva toliko kakor: k cerkvi Sv. Jurija itd. Polagoma se je naziv raztegnil na vse selo in tedaj se je mogel izpremeniti tudi prepozicionalni izraz. Misel na cerkev je laže izginila iz predstave tam, kjer je pred imenom svetnika namesto »Sveti« stalo »*Šent*« (Sanctus); »Šent« je bila neumljiva beseda in je kot taka potisnila misel od *svetega* Jurija in »cerkve Svetega Jurija« na selo in župo — in ljudje so hodili *v* Šent Juri, *v* Šent Vid, Šmarje itd. in tako hodijo dandanašnji na Kranjskem, dočim hodijo iztočno-štajerski Slovenci »*k* Sv. Juriju« in »*k* Sv. Vidu«. Ljubljančan, Primorec, ki prideta v Slov. gorice, govorita *pomotno*, da mislita iti *v* Negovo itd.

*

Posebno poglavje naj bo odkazano *ulici*!

Mesta imajo *ulice* in *ceste*. Ljubljančan stoji *na ulici*, kakor kmet zunaj *na cesti*, stanuje pa *v* Prešernovih ulicah, *v* Gospodskih ulicah ali *na* Miklošičevi cestí. Iz teh zgledov se vidi: ako imamo opraviti z lastnim imenom kake posebne ulice, rabimo predlog *v*. Stvar je ista kakor v nemščini: *auf* der Gasse, *in* der Herrengasse.

V oči pada množina pri imenih ljubljanskih ulic: Kolodvorske ulice, Cigaletove ulice itd.

Ta množina je tuja ostalim Slovanom, pa tudi izvenkranjskim Slovencem. Listi, kakor celjska »Domovina« pišejo ednino; dà, celo napisi v mestecu Kamniku par ur nad Ljubljano imajo ednino. Dokler nisem stalno bival v Ljubljani, sem mislil, da je v časniških navedbah

[1]) Misleč, da je krivo pisati napr.: Sv. Juri *na* Ščavnici, češ, da Sv. Juri ni gori *na* Ščavnici, so pod vplivom dijaške doktrine pred 20 leti začeli pisati: Sv. Juri ob Ščavnici.

na pr.: »Kolodvorske ulice št. 5« oblika na »-e« genitiv ednine, odvisen od samostalnika »število«.

Ta množina v imenu ljubljanskih ulic je s stališča ususa slovenskega jezika neupravičen in očividno lokalizem. Pleteršnik ima za »Gasse« pred vsem *ednino* »ulica« po najznamenitejših slovarjih, o množimi »ulice« pa pravi, da pomeni ozko pot, Hohlweg, der Viehtrieb (eden izmed virov Pleteršnikovih, Cigale, pravi sub »Gasse«: ulice pl., nach Vodnik sowie im Altslavischen und allen übrigen slavischen Mundarten *ulica*; — Šmigoc, Grammatik, p. 25: ulice enger Weg, Gasse, istolako Murko v slovnici p. 18). Cf. Poradnik 1903, No. 1.

Nova Ljubljana nima več »sotesk« in »zagat«, tudi ni več »mesto« κατ' ἐξοχήν le za okoličane, nego je vseslovensko središče, eno izmed slovanskih center. Zato je pričakovati, da dobe na skoro tudi imena ulic edninsko obliko: ulica (ne: ulice).

Sv. Juri na Ščavnici (Štajerska). Dr. *Fran Ilešič.*

Das Kürzungsprinzip in Ortsnamen.

Konstantinopel heißt in der modernen griechischen Volkssprache ·kanntlich ἡ Πόλι, der Einwohner ὁ Πολίτης. Diese Benennung läßt ch schon ziemlich früh, spätestens im 10. Jahrhundert[1]), nachweisen; e steckt auch in dem türkischen *Stambul*, dessen Erklärung aus 'ς ;ν Πόλι (gesprochen *Stimboli*) jetzt völlig sicher gestellt ist, nachdem esseling (Revue d. études grecs III 189 ff.) und G. Meyer (Türk. :ud. I 14) das *a* der ersten Silbe einleuchtend aus der Vokalharmonie ·r türkischen Sprache hergeleitet haben; eine weitere Stütze bildet e Form Στημπόλι statt Πόλι für Konstantinopel im kappadokischen ıertakäna (Δελτίον τ. ἱστ. ἑταιρ. I 504). Wohl allgemein wird aber ıs ngr. Πόλι so aufgefaßt, daß die Hauptstadt und größte Stadt des ʼzantinischen, jetzt des türkischen Reiches als die »Stadt« κατ' ἐξοχήν ·zeichnet worden sei[2]). Schon Romanos Nikephoru vertritt in seiner itte des 17. Jahrhunderts verfaßten Grammatik der griechischen Vulgär·rache diese Meinung (Jacquet, Journal asiat., I. Sér., IX 1832, S. 458): *nde fit* ς τὴν πόλιν *pro* εἰς τὴν πόλιν, *ad urbem (id est Constanti·polim) per excellentiam.* Πόλιν *enim nullam aliam urbem vocant raeci, solam vero Constantinopolim per excellentiam: sed alias omnes ·bes vocant* κάστρα. So naheliegend diese Auffassung auf den ersten lick erscheint, ist sie doch keineswegs einwandfrei. Man denkt zwar fort an die scheinbar parallelen Ausdrücke ἄστυ für Athen und *urbs* r Rom. Aber diese Ausdrucksweise war auf einen viel engeren Kreis ·schränkt als das allgemeingriechische Πόλι. Wenn der Attiker unter ·r »Stadt« schlechthin s e i n e Stadt, Athen, versteht, so ist das ohne

---

1) Die Belege in Sophokles' Lexikon: Sokrat. Hist. eccl. VI 6 (Migne Patr. gr. , 678. 5. Jahrhundert), Agathias p. 283, 22 (6. Jh.), Theophan. 280, 18 (9. Jh.), onst. Porph. De admin. imp. 208, 20. 22 (10. Jh.), sind alle nicht recht beweisäftig, da πόλις an diesen Stellen noch nicht als Eigenname fungiert. Ein ausückliches Zeugnis für den Eigennamen *Bólin* ist das des Masudi (10. Jahrh.).

2) Vgl. Oberhummer in Pauly-Wissowas Real-Encycl. unter *Constantinolis* 965.

weiteres begreiflich. Außerhalb Attikas war aber diese Bezeichnung nicht üblich und sie hat auch nie wie ἡ Πόλι die Geltung eines wirklichen Eigennamens gewonnen. Ähnliches gilt von lat. *urbs* = Rom. Dagegen wäre es doch merkwürdig, wenn der Grieche in großen Städten wie Saloniki, Smyrna, Athen, Alexandria mit der *Stadt* schlechthin nicht die ihm zunächststehende Großstadt, sondern das entfernte Konstantinopel meinte. Das wird auch durch die eximierte Stellung der Hauptstadt nicht genügend gerechtfertigt: man denke sich nur, daß etwa der Prager, Grazer, Triester Wien einfach als »die Stadt« benennen sollten! Vollends widerlegt wird jene Auffassung aber durch eine Parallele, auf die ich schon früher einmal (Der heutige Lesbische Dialekt, Schriften der Balkankommission VI, Sp. 344) in anderem Sinne hingewiesen habe. Eine kleine kretische Stadt, heute nur ein Dorf bei Rethymno, namens *Ἀργυρούπολις*, scherzhaft auch *Γαϊδουρούπολις* genannt, wurde von den Venetianern, natürlich nach griechischem Vorgang, einfach als *Πόλις* benannt. Schon in dem Vertrage zwischen Venedig und Kallierges vom Jahre 1299 (*Ἀθηνᾶ* XIV 305) ist im griechischen Text von *τὰς καβαλλαρίας τῆς Πόλης*, im lateinischen *militias de Stinboli* die Rede, womit Argyrupolis gemeint ist. Auch die Berichte der venezianischen Rektoren Kretas nennen sie *Stimboli* (Noiret, Docum. inéd. S. 88 vom J. 1397. S. 197 vom J. 1409). Wenn also das kleine Argyrupolis so gut wie das große Konstantinopel *Πόλις* genannt wird, so haben wir es in beiden Fällen mit einer Abkürzung zu tun.

Wir haben hier ein Beispiel dafür, daß das aus dem Gebiet der Personennamen wohlbekannte Prinzip der Kürzung auch für Ortsnamen gilt, freilich in anderm Umfange. *Πόλι* gehört zu den äußeren Kürzungen, die einen langen aus zwei Gliedern bestehenden Namen auf eines reduzieren (und der Name *Κωνσταντινούπολις* ist ja geradezu berüchtigt wegen seiner Länge), wobei entweder das erste oder das zweite Glied weggelassen wird. Vgl. *Φράδμων* = *Πολυφράδμων* u. dgl., ngr. *μόρτης* 'Totengräber' aus ital. *beccamorti* (G. Meyer, Ngr. Stud. IV 53), von Ortsnamen *Πάκτος* Chron. v. Morea v. 3626 = *Ναύπακτος*. *Ζεῦξις* = *Ζεύξιππος*, *βίαιος* = *βιαιοθάνατος*, *σπανός* = *σπανοπώγων*, in der Wiener Volkssprache *der Werkel*, *der Aschen* = *Werkelmann*, *Aschenmann*. So kürzt man in Rußland den etwas langen Ortsnamen *Nižnij Novgorod*, so genannt zum Unterschied von dem *Novgorod* bei Petersburg, zu *Nižnij* ab; türk. *Filibe* = *Philippopolis*, *Edirne* bulg. *Odrin* = *Adrianopolis*, *Köln* = *Colonia Agrippinensis*, *Aix* = *Aquae Sextiae* usw.

Diese [illegible] Kürzung kommt [illegible] für zweigliedrige Ortsnamen

in Betracht. Andere werden entweder am Anfang, am Ende oder im Innern gekürzt. Für die Anfangskürzung ist ein klassisches Beispiel *Σαλονίκη* aus *Θεσσαλονίκη*. Die kürzere Form findet sich schon im Mittelalter. Zu den zahlreichen Belegen, die Tafel De Thessalonica eiusque agro S. 18 ff. gesammelt hat, *Salonicia* Chron. Fossae Novae, *Saloniquium* Anon. Cassinensis, *Salonica* Wilhelm v. Apulien, *ἡ Σαλονίκη* neben *τὸ Σαλονίκι* Chron. von Morea v. 1010. 1052 u. ö., mhd. *Salneck* sind die Belege der mittelalterlichen Seekarten und Portolane hinzuzufügen: *Salonichi* Atlas Luxoro XIII. Jh., Portolan Rizo 1490 n. Chr., Andreas Benincasa XV. Jh., *Salonychi* Portol. Versi 1445, *Saloniqui* Giraldis Karte, *Salonic* Portol. in Parma XV. Jh., ferner *Salonichi* Noiret, Documents inédits S. 165 (1406), arab. *Salóníq* bei Idrisi XII. Jh. nach Tomaschek, Sitzgsber. Wien. Akad. 113, S. 351 f., türk *Selanik*. Die Slaven haben den Namen auch noch am Ende gekürzt: *Solun*. Auf eine Parallele *Κουρίσκα* bei Theophyl. Simocatt. VII 2, 19. VIII 6, 7 = *Securisca* an der unteren Donau (Moesia inferior) machte mich Konst. Jireček aufmerksam. Kürzung am Wortende (vgl. ngr. *διάβης* = *διαβάτης* auf Nisyros, *Ζωγράφ. Ἀγών* I 383, epir. *θύγω* = *θυγάτηρ* I 42) zeigen z. B. *Mogontia* ahd. *Maginza* Mainz = *Mogontiacum*, poln. *Częstochy* = *Częstochowa* (Russ.-Polen), *Kolbuszka* mit Deminutivendung = *Kolbuszowa* (Galizien, nach Mitteilung von Kas. Nitsch); russische Ortsnamen auf *-sk* wie *Stšedrinsk* aus *Stšedrinskoje (seló)*.

Für die innere Kürzung ist amerik. *Frisco* = *San Francisco* ein sehr bekanntes Beispiel. Besonders häufig ist die Erscheinung in den deutschen Ortsnamen, die durch die Zusammensetzung mit Personennamen eine unbequeme Länge erreicht haben, wie *Alsbach* aus *Adolfesbach*, *Alsleben* aus *Adalolfesleiba*, *Gölshausen* aus *Gedolfeshusen*, *Rixdorf* aus *Richardsdorf* (vgl. K. Z. 38, 133[1]) usw. Poln. *Kšańovice* aus *Krzyżańcowice*, amtlich *Krisanowitz* in Oberschlesien (nach K. Nitsch). Ein schon altgriechischer Fall scheint *Λάσα* = *Λάρισα* nach Hesych, das durch *Λασαίοις* der großen Inschrift von Larisa Z. 19 bestätigt wird (Meister GDI. IV S. 33). Auch diese Kürzung hat der Name *Constantinopolis* erfahren, wenn er nach Egli Nom. geogr. 504 von den Levantinern zu *Cospoli* gekürzt wird. Zwei neuere griechische Belege mögen den Schluß machen: *Cerigo*, der italienische Name von *Κύθηρα*, ist innerlich gekürzt aus *Citerigo*, *Ciderigo*, wie der Name z. B. auf der Karte des Andrea Benincasa (15. Jh.) lautet. Schon eine Urkunde von 1275 bei Hopf, Chroniques Gréco-Romaines, hat *loci Cedrigi*, die venezianischen Urkunden des 14. und 15. Jahrhunderts bei Noiret, Documents inédits pour servir à l'histoire de la domination vénitienne

en Crète de 1380—1485 (Bibl. des écoles franç., fasc. 61) *Cederici* (S. 93 vom J. 1398 u. ö.), *Cethericum* (S. 379), *Cithericum* (S. 447)[1]. Die Kürzung *Cerigo* ist auch schon am Ende des 13. Jahrhunderts nachweisbar[2]. *Citerigo* aber ist aus *Κύθηρα* oder der Nebenform *Κυθηρία*[3]) entstanden wohl durch Anhängung der in Oberitalien häufigen Ortsnamenendung *-igo*; ebenso haben die Venezianer den Namen der rhodischen Stadt *Lindos* zu *Lindigo* gemacht: *Lendego* bei Andr. Benincasa, *Lendegi* auf der Katalanischen Seekarte, *Landigo* bei Blaeuw 16. Jh.[4]). Wie *Citerigo* zu *Cerigo* haben die Venezianer auch *Zakynthos*[5]) zu *Zante* gekürzt, eine Form, die schon im 13. Jahrhundert begegnet[6]). — Diese Beispiele für die Kürzung von Ortsnamen lassen sich gewiß aus allen Gebieten bedeutend vermehren: sie werden aber in der Regel erst bemerkt, wenn sie aus der Umgangssprache, in der sie entstanden sind, in die Schriftsprache emporsteigen.

---

1) Vgl. Leonhard, Die Insel Kythera, 128. Ergänz.-Heft zu Petermanns Mitteil. 1899, S. 2.

2) In der Namenliste *Insulae Aegeopelagi*, Hopf Chron. Gréco-Rom. S. 175. *Zerigo* Portolan Rizo vom J. 1490 und in Giraldis Karte.

3) *Κυθηρία* war auch im Mittelalter noch üblich: Hierokl. Synekd., *Κυθουρία* Chrysob. Monemvas. (Leonhard a. a. O.); *Chituriam vel Cythaream insulam quae Citri hodie nominatur*, Buondelmonti c. 1.

4) Vgl. Lelewel, Géogr. du Moyen-Age.

5) Bei den Venezianern begegnet auch eine Form *Jacynthus*: Buondelmonti c. 6, *Jacinto* Andr. Benincasa, *Jacianto* Portolan der Magliabecchiana No. 72, *Jaccianto* Port. in Parma, 15. Jh. *Jazanta* Katalan. Karte von 1375. Sie scheint auf umgekehrter Schreibung zu beruhen, weil *z*- und *j*- zusammengefallen waren: vgl. *Zerax* = *Ἱέραξ*, andererseits *Josimus* = *Ζώσιμος* (Seelmann Ausspr. d. Lat. 239).

6) Hopf, Chron. Gréco-Rom. S. 176. Port. Millo 16. Jh. *Zantte* Port. Magliab. No. 71. *Alzante* Blaeuw.

Wien. *Paul Kretschmer.*

Budimski lekcionari XVIII vijeka prema bosanskodalmatinskomu od B. Bandulavića.

Ima tomu više tragova, da je koji dubrovački ili dalmatinski pisac na izmaku XVIII vijeka u Slavoniji poznat. Mnogi govore i o nekom *utjecaju* Dubrovčana na Slavonce, no ispravnije je ostati pri činjenicama, koje nam potvrđuju samo neko slabo dodirivanje. Ne prelaze u Slavoniju iz Dubrovnika, ni Dalmacije, *smjerovi* književni, nego samo pojedina mjesta, citati, reminiscencije. Zašto je tako, to dovoljno razjašnjuje velika razlika kulturna tamo i ovamo. A dijeli obje književnosti i raznoliko narječje. Osobito dalmatinska čakavština natrunjena talijanizmima tuđa je i nerazumljiva slavonskoj štokavštini našaranoj turskim, mađarskim i njemačkim provincijalizmima. I političko odijeljenje sprečavalo je međusobni saobraćaj, U Slavoniji jak je nada sve kulturni utjecaj *njemački*, pred njime iščezava svaki drugi.

Čini se kao da Kačićev Razgovor ugodni jedini veže u XVIII vijeku sve naše pokrajine u duševne rodbinske veze. Premda je tako, ipak ni pri njemu ne valja govoriti o »utjecaju«, jer u XVIII vijeku Kačić unatoč svojoj popularnosti još nema onoga *književnoga* značenja, što ga *dobiva* istom u osvitku narodnog preporoda. A oni, koji ga time oponašaju, da u svoje *prigodne* pjesme o junaštvima svojih *suvremenika* upliću obrate iz narodne pjesme, i ne slute poznije *značenje* pjevanja *na narodnu.* Po *razvitak* književnosti Kačić u XVIII vijeku ostaje još bez svakoga značenja.

O nekom utjecaju, prem ne umjetničkom, ipak možemo govoriti, ondje, gdje se slavonski pisac pomaže razvijenijim *jezikom* starije knjige dalmatinske za *crkvenu svoju potrebu.* Samo *tu* ga je nužda pritisla, da *uči* iz vlastite starije književnosti, jer tuđi jezik, u kojem je bio obrazovan (latinski i njemački), nije mu ovdje bio od koristi. Crkvenom potrebom bit će da je bio izazvan i prvi književni rad u Slavoniji; a taj se sigurno već u svom početku stao obazirati na stariju književnost u Bosni, Dalmaciji i Dubrovniku.

Dragocjena vijest o tome nalazi se u jednome talijanskom pismu, što ga čitam u Acta Bosnae: »Eminentissimi! Fra Nicolo da Possega, redovnik provincije Bosne Argentine najponiznije moli V. E. za *dva rječnika ilirska* i dva turska, pošto je on bio zamoljen od nekih samostana njegove pokrajine željnih, da poučavaju neke mladiće jezike gore spomenutih rječnika, da mogu što sigurnije proputovati turske krajeve, u kojima oni borave. Gore spomenuti molitelj prosi za to najponiznije. U Rimu, 20 aprila. god 1665[1].«

Ako je tu bio zahtjevan rječnik Mikaljin, a taj je i bio od Propagande izdan u Rimu 1649[2]), onda u njemu imamo vidjeti najraniju svezu Slavonije sa Dalmacijom; i to preko Bosne, jer Mikaljino jezično blago bosanskog je porijetla[3]).

Tim istim putem postoji sveza između lekcionara slavonskih i dalmatinskih.

Najraniji lekcionar slavonski, pisan ikavskom štokavštinom ugarskog podunavlja, jest po svoj prilici neki *Kesićev* od god. 1740, štampan u *Budimu*[4]).

Od dalmatinskih lekcionara, štampanih u *Mlecima* najdalje siže u XVIII vijek (do god 1773) onaj, što ga je priredio F. Ivan Bandulavić god 1613. *Ove Bandulávićeve Pištole*[5]) *služile su podlogom Kesiću i onima, što su Kesićev rad nastavljali*, jer Bandulavićev lekcionar bijaše Kesićevu ne samo po vremenu nego i po *jeziku* najbliži.

Treba da se zato najprije obratimo Bandulaviću i da u kratko označimo njegov položaj prema starijim dalmatinskim lekcionarima.

---

1) E. Fermendžin, Acta Bosnae, 512.

2) Et sumptibus sacrae Congregationis de Propaganda Fide impressum (u natpisu).

3) Šafařík P.: Gesch. der südslav. Lit. II, 108—109.

4) Epistole i Evangelia priko sviju nedilja, i blagi dneva svetih godiscnji. I muka Gospodina Nass. Isukersta. Po Mattii, Marku, Luki, i Ivanu, u jedno sloxena. Po redu Rimskoga Misala Clem. Papae VIII i Urb. VIII razredien. Stroskom pokojnoga gosp. Antuna Kesicha, Gragianina Budimskoga doverssena A s-nastojanjem brata njegova O. P. Fra. Nicolae Reda R. Franae Obsluxitelja Provinciae Bosnae-Argentinae pocseta; koj u vrime strassnae kugae, s-truda prisavssi na vicnji pokoj, drugoj Bratji pocseti posao ostavisse, koja Bratja i doverssisse. God. Gos. 1740. Tlacseno u Budimu, kod Veronikae Nottenstajnin Vdovicae.

5) Pisctole i Evangelya priko snega godiszta novo istomacena po razlogu Missala Dvora Rimskoga — Od svigh pomagnkanyih koliko moguchie bisse koya dosad nebighu oçisetena: i sasvijmi, koga dosad u slovinschi yezik magnkahu s' velikom pomgnyom istomaçena, i virno prinessena, z novemi svetci. Pristupisce x'gnim mnoghij blagosovi: Red karstenya: i kalendar Papae Gargura; s' Tabulom Blandanii [illegible] vanu Bandulavićn [illegible] R. M B. [illegible] Bnecich, Po [illegible]

I.

Bandulavić je prvi lekcionare primorske, pisane čakavištinom okrenuo a *štokavštinu.* No ni on nije čisti štokavac, nego zastupa neku pre-.znu smjesu jezičnu, u kojoj vladaju čakavske riječi uz štokavske ɔrme. Sam on naziva svoj posao »*iznova* pisanje«, a nabraja i razloge, ıšto je *iznova* radio. Poglavito zato, da nađe »*za vas jezik općenije, ɔji osobite nadhode vokabule, aliti imena i riči*[1])«. Na kraju Pištola ılazi se popis riječi, »koje se po veće načina mogu razumjeti u jezik ovinski«. Te su riječi većinom dalmatinsko-čakavske, koje Bandulavić ımači izrazima *štokavskima* n. pr. *boj* tumači sa *rat, vojska*; *blihu* sa *ljuska mora*, *betežni* sa *pomorni, otrovni*; *poja* (aor. 3. l. sg.) sa *vze* t. d. A u *tome* smislu mijenjao je Bandulavić i u tekstu uzimaju za izraz specifično pokrajinski (čakavski) riječ općenitiju-štokavsku. andulavić bijaše i po svome porijetlu štokavac[2]), i *općenitija* mu se nila ona riječ, koja je *njemu* štokavcu bila poznatija. [Istu težnju ı općenitiji jezik, gotovo za književni, izrazio je i B. Kašić: Meum ıit diuturno labore in paene infinita idiomatis Illyrici varietate per-:ribere *communiori* dialecto Illyricis, quod Latinis sermo Latinus prae-:ripsit, Šaf. 76. II, 206].

Bandulavić imao je pred sobom kao uzor Pistule i evanjelja po omu Benedatu Zborovčiću[3]), koja su do njega više puta bila izišla ;od. 1543, 1544 i 1586). Da Bandulavić nije posegnuo preko Zboro-čića natrag za prvim izdanjima, dokazuje ispoređivanje snjime i Ber-ırdinom Spljećaninom[4]). [Bandulavić ima n. pr. *meu*, Zborovčić *meu*, ernardin *meju*; Band. *imenu*, Zbor. *imenu*, Bern. *jimenu*; Band. *vskri-ıju*, Zbor. *uskrišuju*, Bern. *uskrsnuju*; i t. d.]. Dakle je već Zborovčić ıijenjao; promijene se tiču oblika i riječi, koje, kako veli Maretić b. IX), već u njegovo vrijeme u njegovu kraju nijesu bile obične.

Dakle je Bandulavić mijenjajući tekst Zborovčićev samo nastavio, !o je ovaj već počeo.

Zanimljivo je to, da Bandulavić tijekom knjige same sve više i više apušta čakavske forme Tako na prvih 40 stranica vlada ne samo

1) Iz predgovora (Štiocu razboritomu) k izd. od god 1645. list. 2.

2) Rodio se u Skoplju u Bosni, i živio je najviše u Bosni i Srbiji. [Horanyi 113 — Šafařík, Gesch. der slidsl. Literaturen II, 26.]

3) Treće izdanje: Pistule i evanjelja po sve godišće hrvatskim jazikom stu-ačena. Novo prištampana i s pomnjom privijena po načinu novoga missala arejena po sfetoj materi crikvi. — Prodaju se u Bnetcih pri sfetomu Žulianu u njigara, ki drži zlamen od mačke. 1586.

4] Lekcionarij Bernardina Spljećanina. Po prvom izdanju od god. 1495. izd. ugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti [Dr. T. Maretić]. U Zagrebu 1885.

u epistulama prenesenim iz Zborovčića, nego i u novijim dodanim, pretežno čakavska forma participa praeterita t. j., na *l*, dok od stranice 39. te dalje stoji pretežno štokavski oblik na *o*. Zboravčić je miješao obje forme, jer to su činili već njegovi prethodnici. I kod Bernardina sačuvano je *l* do 58 str. njegova izdanja (Maretić 76. str. XII), i Rešetar ga zato dijeli u dva nejednaka dijela: u *stariji*, gdje se bez promjene-l na kraju slovke čuva, i u *mlađi*, gdje se uz *-l* nalazi i *-o* [1]). Bandulavić dakle od str. 39. svojega izdanja provodi skroz *mlađi* oblik part. praet. [str. 39: včinio, zapovidio, blagovao, blagoslovio, svršio, privario, podložio; str. 41. pridao, izašao, poslao prema pridal; izašal, poslal kod Zborovčića].

To prelaženje u stokavštinu može se i na nekim drugim oblicima opažati, tako na 1. l. sg. praes. Do str. 38. Bandulavić ostavlja Zboravčićeve forme s nastavkom na *u*, ali dalje ih zamjenjuje sa onima na *m* str. 38: *blagujem* mj. *blaguju*, *blagoslovim* mj. *blagoslovlju*; *vmrem* mj. *vmru*, *vcinim* mj. *vcinju* [2]). — Samo za jedan jedini glagol sačuvao je Bandulavić oblik na *u*, za *govoru*. [Oblici na *m* dolaze od drugih glagola i ranije pred str. 39, tako na str. 34 gredem, idem, ali to biva u novim Bandulavićevim dodacima.]

Još ranije, već od str. 26, odustaje Bandulavić od oblika 3. l. sg. aorista na *t* (za buduće vrijeme) te meće složeni oblik: infinitiv sa *bude* ili sa *će* n. pr. vratiti će tebi (str. 26); činiti bude, bude hoditi, bude čuvati, bude živiti (str. 30).

Ako li se uzme u obzir, da je Bandulavić više puta preštampavao svoje Pištole, a ipak na prvim stranicama ostavljao starije oblike, onda čini se, da to ostavljanje nije bezrazložno. I to, da je u glagolu *govoru* sačuvan stariji oblik, nije tek slučaj. Glagol *govoru* dolazi u stalnom obratu sv. pisma na *početku* mnogih evangjelja. Nešto slična se događa i sa *inicijalima* u pisanim kodeksima, početno slovo nekih ćirilskih spomenika je glagolsko, starije. *Mora da je odgovaralo nekom nabožnom običaju bar ispočetka čuvati starinu.*

Štokavština Bandulavićeva očituje se tolikim priznacima, da je nije potrebno dalje dokazivati. Već u prvoj lekciji zamjenjuje *ča* i *zač* sa *što*, *kadi* sa *gdi*. A ono što je namjeravao mijenjati »osobene« riječi »općenitijima« on izvodi tako da n. pr. za *hiža* veli *kuća*, za jazik — jezik, pritač — prilika i t. d. Ali dosljedan on nipošto nije; čakavske riječi još ostaju na mnogo mjesta. Što je štokavski a što čakavski nije dakako lako odrediti, ali neko mjerilo u tom pitanju mogu da

1) Primorski lekcionari XV. vijeka. Napisao dr Milan Rešetar (Rad 134, 86.)

du n. pr. Kašićeve Epistule, koje se u stokavštini podudaraju sa ,ndulavićevim.

Bandulavić		Kašić		Zboravčić
		[U sridu četverih Is. 2]		
i (veznik)	—	i	—	a
na boj	—	na boj	—	na hrvanje
na goru	—	na goru	—	na vrh
prositi	—	prositi	—	pitati
isti	—	isti	—	sam

Cijeli odnošaj Kašićev prema Bandulaviću ne mogu ja ovdje odre- ;i, jer mi ne dostaju za to ranija izdanja Bandulavićeva[1]).

Bandulavić je očevidno postigauo svoj cilj, njegove Pištole raširiše više no ikoje u našoj crkvenoj književnosti. Kukuljević[2]) nabraja lanja od god 1613 (I. izd.), 1626, 1639, 1640, 1665, 1682, 1699, 18, 1739, 1773[3]). Izdanje 1699, kojima sam se služio, već je dosta skošno opremljeno. Bandulavić umetao je i mnoge obljubljene crkvene esme, a u kalendar uvrstio je domaće svece. Sa tih kreposti raširile se njegove Pištole tako, *te su bile najbolje poznate i Kesiću, kad je remao lekcionar.*

II.

Namjera Kesićeva bila je posve druga nego Bandulavićeva, on ne laje svojih Epistola za crkvenu potrebu, kako Bandulavić, nego za ›trebu domaću, za narod. Ta je svrha istaknuta u predgovoru: »da ıko kod drugi kerstianski naroda, skoro kod svakoga domaćina drži Sveto Evangjelie, da i oni i mladi njovi još iz mladosti štijuć ga i juć ga razumnji, bogoljubni, u svetoj viri temeljitiji ostanu«. Protesıntizam utisnuo je sv. pismo u ruku običnom čvojeku, a katolička kva morala je da ga slijedi (protureformacija). Da Kesić pod drugim šćanskim narodima razumijeva u prvom redu Nijemce, sigurno je, r pojednoj bilješci su i one molitve, što ih dodaje svakom čitanju iz emačkog jezika prevedene[4]).

1) Imao sam samo izd. od god 1645. od 1699 i 1718, a ta se sva slažu do›vno u tekstu. Prema riječima naslova izd. od god. 1699 str. 1. »mnoge jošte ›ra *druge stvari* nakon MDCXXXIX«, čini se da, je netko *drugi* poslije te godi (1639) upotpunio Bandulavićeve Pištole.

2) Iv. Kukuljević Sakcinski: Bibliografia hrvatska I dio. Zagreb 1860.

3) A izd. od god 1645 ima u Zagrebu knjižnica jugosl. akademije.

4) Šafařik, Ib. II, 199: P. Nicolaus Kesich recudit evangelia Illyrice, addens ıgulis orationes concinnas ex germanico idiomate ad Illyricum traductas, Budae ıte 1739. 4 [Occhievia-Horanyi II 344, Čevapović, 320].

I ovdje je u predgovoru označeno stajalište pisca prema dosadašnjima prevodiocima: »Evangjelia, koja, premda je i dosada očita bila Narodu Iliričkomu ali nije onako, kako sada; nego zarasla s hergom (rđom) ili neobičajni riči ili mučna štijenja. I zato razkošljvim očima jeste mlogo dosadna bila. Evo tebi se je sada dogodilo (kući Kesića) da pod tvojom srićom i naricanjem tvojim, pokaza se svitlija u riči lakša u štijenju, lipša u poslu, očistena od herge (rđe), i trnja, koje bi moglo dosaditi. Radi šta ufam se svima će drago biti, jer će lasno poznati cinu nje.«

Što naziva ovaj predgovor »rđom i trnjem«, »neobičajnim ričima« i »mučnim štijenjem«? — Oblike, riječi i pravopis Bandulavićevih Pištola.

Unatoč ovakovoj kritici u predgovoru, ipak su Kesićeve Epistule dosta tragova svoje zavisnosti o Bandulaviću sačuvale.

One zavise u slijedećim značajkama:

1. u *terminima biblijskim*, za koje nije bilo domaćeg izraza. n. pr.:

Pav. Kor. I, 9[24] in *stadio* currunt — B.: k zamirci teku, K.: k zamiri teku [Dočim već Lanosović, Evangjelistar, veli terkalište, Vuk: na trku].

Pav. Rim. XII 1 hostiam; B.: posvetilište, K.: posvetilište (L.: žrtvu).

Knj. kralj III, 19[6] *subcinereus panis*; B.: podpepelni kruh, K.: podpepelni kruh (L.: oprisnik ječmeni).

Mat. VIII[5] ceturio; B.: stotinik, K.: stotinik. [L. i dapače Katančić stotnik, dočim Vuk: kapetan].

Joel II[17] *vestibulum*; B.: oblačnicom, K.: oblačnicom (L.: oblačnicom, Kat.: med ulazkom, Daničić: između trijema).

Pav. Kor. I[13] *aes* sonans aut *cymbalum* tiniens; B.: mido zučeće i cimbal tutnjeći, K: mido zučeće i cimbal tutnjeći (L.: mido zučeće i poudrica tutnjeća, Kat.: zvono zvečeće i cimbal zvekujući, Vuk: zvono koje zvoni, ili praporac, koji zvuči).

Pav. Kor. XIII[10] quod ex *parte*; B.: što iz diila jest, K.: što od strane jest (L.: što neizvrsno jest, Kat. što je sa strano, Vuk: što je nešto).

Mat. XXI[12] *cathedras*; B.: sidališta, K.: sidališta (L.: stolice, Kat.: sidališta, Vuk: klupe).

Luk. XVI *villicum*, B.: dvornika, K.: dvornika (L.: kuće nastojnika, Kat.: špana, Vuk: pristava).

Luk. XVI[7] centum *coros*; B.: sto uborak, K.: sto uborak (L.: sto mirovah, Kat.: sto kilah, Vuk: sto oka).

Pa. Kor. X[7] *idololatrae*; B.: idolovci, K.: idolovci (L.: kiposluži- ... Ka ... ioložastnici, V.: idolopoklonici).

Luk. XV¹ *publicani*; B.: očitnici, K.: očitnici (L.: očitnici, Kat.: očitnici, Vuk: carinici).

Mark. VIII⁸ *sportas*; B.: krošnica, K.: krošnica (L. košnica, Kat.: korpah, Vuk: kotarica).

2. *u kovanicama i obratima* prema latinskom jeziku originala:

Mat. II¹² *regionem*; B.: vladanje, K.: vladanje (L.: krainu, Kat.: deržavu, V.: zemlju).

Pav. Rim. XII² *beneplacens*; B.: dobrogodna, K.: dobrogodna (L.: blagongodna, Kat.: dobra, ugodna, Vuk: dobra, ugodna).

Mat. XI² *vinculis*; B.: u vzah, K.: u vezah (L.: u tamnici, Kat.: u putam, V.: u tamnici).

Mat. XI⁸ *mollibus* vestitum; B.: mehkimi obučena, K.: s mekimi odivena (L. i Kat.: mekim odivena, V.: u meke haljine obučena).

Mat. XX¹ *patri familias*; B.: ocu obitili, K.: ocu obitili (L.: domaćinu, Kat.: domaćinu, V.: domaćin).

Pav. I⁷ *facti* sitis *forma*; B.: včinjeni prilika, K.: učinjeni prilika (L.: izgled, Kat.: učiniste se slika, V.: postadoste ugled).

Mat. VI¹⁶ *exterminant* enim facies suas; B.: skončavaju bo lica svoja, K.: skončavaju bo lica svoja (L.: pomračaju bo lica svoja, Kat.: potamnjuju, V.: načine blijeda lica svoja).

Mat. VIII *modicae fidei*; B.: male vire, K.: male vire (L.: strašljivi, malovirci, Kat.: malane vire, V.: malovjerni).

3. *u apstraktnim imenicama, pridjevima i neobičnim glagolima.*

Luk. V⁶ *concluserunt* piscium multitudinem copiosam; B.: zapasaše ribu, K.: zapasaše ribu (L.: uloviše, Kat.: zafatiše, V.: uhvatiše).

Luk. V⁹ *Stupor* enim *circumdederat eum*; B.: čudo obujalo njega, K.: čudo obujaše njega (L.: čudo obujalo, Kat.: osupnost obuzela, V.: ušao strah u njega).

Mat. V⁴⁸ *perfecti*; B.: svaršeni, K.: sveršeni (L.: izversni, Kat.: izverstni, V.: savršeni).

Js. XLVIII⁶ *onus*; B.: brime, K.: brime (L.: jaram, K.: brime, V.: jaram).

Js. LVIII⁶ *colligationes*; B.: zaveze, K.: zaveze (L.: uzle, Kat.: zavezanja, V.: sveze).

Petr. Ep. I 57 *cura de vobis*; B.: pomnju od vas, K.: pomnju od Vas (L.: pečali (se) za vas, Kat.: briga za vas, V.: brine za vas).

Petr. 76 *solicitudinem*; B.: pečao, K.: pečao (L.: brigu, Kat.: skerbivost, V.: sve brige).

Pav. Filip. IV⁵ *modestia*; B.: tihost, K.: tihost (Kat.: čednost, V.: krotost).

Pav. Rim. XII[6] *secundum rationem fidei*; B.: po razlogu vire, K.: po razlogu vire (L.: po miri vire, Kat.: po razlogu vire, V.: po mjeri vjere).

Pav. Rim. XII[17] *providentes bona*; B.: providjajući dobra, K.: provigjajući dobra (L.: pomnite za dobro, Kat.: providjajući dobra, V.: promišljajte o tom, što je dobro).

Pav. Kološ III[16] *in gratia*; B.: u milosti, K.: u milosti (L.: s blagodarenjem, Kat.: u milosti, V.: u blagodati).

Pav. Rim. XIII[13] *non in commesationibus*; B.: ne u zalihu blagovanju, K.: ne u zali blagovanju [Značajan nesporazumak!] (Kat.: ne u gostenjim, V.: ne u žderanju.

4. *u sintaksi.*

I. Bandulavić i njegovi uzori prevodili su latinski tekst ad verbum. No jedva se može takovo prevođenje smatrati pravim načinom ondje, gdje se piše za narod, a ne za crkvu. A ipak Kesić je tu još većma zavisan, nego u rječniku.

a) *participijalne konstrukcije* 1) ablativus absolutus:

Luk. II[12] ascendentibus illis Jerosolymam; B.: vzhodeći oni u Jeruzolim, K.: ushodeći oni u Jeruzolim (L.: uzhodjahu, Kat.: uzišav, V.: dođoše).

Luk. II[7] consumatisque diebus; B.: i budući svršeni dni, K.: i sveršivši dni (L.: kada svršiše).

b) *deklinirani particip*:

Luk. II[16] invenerunt illum ni templo sedentem in medio doctorum, audientem illos, et interrogantem eos; B.: najdoše njega u crkvi *sideći* posrid naučitelja, *slišajući* njih i *upitujući*, K.: sidećega srid naučitelja, slušajući nji i pitajući.

Pav. Rim. XIII[11] Et hoc scientes tempus; B.: znajući, da vrime jest, K.: znajući, da vrime jeste (L.: znajte, da . . ., Kat.: I to znajući vrime, V.: i znajući ovo vrime).

c) *dva akuzativa.*

Mat. XXI vos autem fecistis illam speluncam latronum; B.: a vi ste *ju* učinili spilu razbojnikov, K.: a vi ste *ju* učinili spilu razbojnika (L.: . . . ju spilu razbojničku, Kat.: ju spilju lupežah, V.: od njega (hrama) pećinu hajdučku).

Pav. Kor. II, 3[6] Qui et idoneos nos fecit ministros novi testamenti; B.: koji *podobne nas* učini *službenike* novoga zakona, K.: koji podobne nas učinio služitelje novoga zakona (L.: vridne služitelje, Kat.: podobne nas dvoritelje, V.: uči nas vrsne da budemo sluge).

d) *nom. plurala sr. roda mj. nom. singulara*

Luka III[5] et erunt [illegible] in directa, [illegible] plana: B.:

I biti će opaka u prava i oštra u puteve ravne, K.; I biti će opaka u uprav, i oštra u pute ravne (L.: i budu stranputna upravna, Kat.: i budu kriva na upravna; i oštra na pute ravne, V.: i što je krivo neka bude pravo, i hrapavi putovi neka budu glatki).

e) *plural apstraktnih imenica.*

Pav. Filip. IV[7] et inteligentias vestras; B.: razuminja vaša, K.: razumjenja vaša, Kat: razumnosti vaše, V.: i misli vaše).

f) *u doslovnom prijevodu fraze.*

Iz. LX[1] et gloria domini superte *ortu est*; B.: i slava gospodnja svarhu tebe *istekla jest*, K.: — istekla jest (L.: — prosja se, Kat.: izajde, Dan.: obasja te).

Iz. LX[2] super te autem orietur Dominus; B.: svrhu tebe isteći će Gospodin, K.: — isteći će, Gospodin (L.: — *javiti* se hoće, Kat.: izajti, Dan.: tebe će obasjati Gospod).

Iz. LX[3] et reges in splendore ortus tui; B.: u zraci istoka, K.: u zraku istoka (L.: u sjajnosti istoka, Kat.: u sjajnosti porod, Dan.: ka svjitlosti, koja će te obasjati).

A evo sad nekoliko primjera, kako je Kesić obraćao Bandulavića u rječnik svoga kraja.

Bandulavić — Kesić:

bezpoštenje — nesramnost, Pav. Gal. V[19] impuditia (Kat.: nestidnost, V.: besramnost).

didina — baština, Luka X[18] haereditas (Kat.: baštinstvo, V.: našljedstvo).

hudobština — zloća, Pav. Gal. V[24] vitiis (Kat.: grih, V.: slast).

inoplemenac — inostranac, Luka XVII[18] alienigena (Kat.: inorodac, V.: tuđin).

iskati — tražiti, Luk. II[14] requirebant (Kat.: tražiti, V.: tražiti).

ljubeznistvo — ljubeznivost, Pav. Gal. V[22] benignitas (Kat.: blagost, V.: dobrota).

mokrina — vlaga, Luk.: VIII[6] humor (Kat.: vlaga, V.: vlaga).

naslidbe — krivovirstva, Pav. Gal. V[20] sectae (Kat.: inoslidja, V.: jeresi).

nerazmagam — nerazboliti, Pav. Kor. II, 11[29] infirmor (Kat.: oslabljujem, V.: oslabiti).

nesklad — neskladnost, Pav. Gal. V[20] dissensio (Kat.: nesložnost, raspre).

obitovanja — obećanje, Luk. X promissiones (Kat.: obećanja, V.: obećanja).

ostan — podbadanje, Pav. II, 12[7] stimulus (Kat.: podbodak, V.: žalac).

ostrovi — čaranja, Pav. Gal. V[20] veneficia (Kat.: čarke, V.: čaranja).

pečal — briga, Luk. VIII[14] solicitudo (Kat.: pobrižnost, V.: briga).

pitomština — tihost, Pav. Gal. V[23] modestia (Kat.: stidnost, V.: krotost).
pop — misnik, Luk. XVII[14] sacerdos (Kat.: sveštenik, V.: sveštenik).
poterati — hititi, Luk. VIII[4] properare (Kat.: žuritise, V.: dolaziti).
prijati — primiti, Pav. Kor. I, 15[1] accepistis (Kat.: primiti, V.: primiti).
prijati — uzeti, Mat. XX[10] acceperunt (Kat.: uzeti, V.: primiše).
prožarstvo — proždеrlstvo, Pav. Gal. V[21] commessatio (Kat.: žderanje, V.: žderanje).
priljubodivstvo — bludnja, Pav. Gal. V[19] fornicatio (Kat.: bludnost, V.: preljubočinstvo).
službenik — služitelj, Pav. Kor. II, 3[6] ministros (Kat.: dvoritelje, V.: sluge).
svadba — svadnja, Pav. Gal. V[20] irae (Kat.: kavge, V.: prkosi).
vrime — ura, Mat. XX[3] hora (Kat.: sat, V.: sahat).
zavidost — zlavećanja, Pav. Gal. V[20] contentiones (Kat.: svadnje, V.: svade).

E. Pavić, drugi po redu, koji je izdavao Evangelistar posvema je ovisan o Kesiću.

No on za svoje Epistole[1]) veli, da su sad *treći put* u »Slovinski iliti Iliričkí« jezik preštampane. Nije druge, nego da uzmemo, da je Pavić tek iz predgovora Kesićevih Epistola saznao za neko prvo izdanje, da je Kesićevo smatrao drugim i zato svoje trećim izdanjem. Između njega i Kesića ne ima naime gotovo nikakove razlike, on ga je jednostavno prepisao ispravljajući u tome poslu pravopis i štamparske pogrješke (»i od zamersitog štivenja očistita« u natpisu). U pristupu Pavić sam veli: »baš od riči do riči, i kakosugod u Svetomu Pismu upisana (koliko sam ja vidio i našao) dvaput po Mudrima, i Naučnima Redovnici na svitlost dana«.

Treći, koji u Budimu izdaje evangjelistar, jest **Marijan Lanosović**[2]).

1) Epistole i evangjelja priko sviu godišnji nediljah i svetkovinah, s-dvima mukama, po Matheu i Ivanu ispisanima, Po uregjenju Rimskoga Misala, i Naredbi Svetoga Tridentinskoga Sabora složena, i u slovinski, iliti ilirički jezik trećiput priŝtampana, i od zamersitog štivenja očistita Po. O. E. Emeriku Paviću, Lektoru Jubilatornu, i sadašnjemu Difinitoru, prov. S. Ivana od Kapistrana u Budimu. Godine 1764. Štampano po Leopoldi Franceskn Landereru.

2) Evangjelistar ilirički za sve nedilje i svetkovine priko godine s četirima Gospodina našega Isusa Kersta mukami. Na bistrij razum, i čistije štijenje izvedeu po. O. F. Marianu Lanosoviću, starinom Gjuriću. Bogoslovja i zakona cerkvenoga igdašnjemu Štioniku, a sadanjemu Države Kapistranske Otajniku Reda S. A[illegible] Man. Brat [illegible]oljah. U Budimu [illegible]roskupštine Kra[illegible] 176[illegible]

On zauzima u ovoj svezi s Bandulavićem, Kesićem i Pavićem neko osobito mjesto. Gotovo se čini, da je od njih nezavisan. Bit će tomu razlog ovaj: »Znaj i to, pričastni štioče! da u popravljenju Evangjelistara ovoga služiose jesam najviše s' prinešenjem *nimačkim*, koje se s' latinskim u *Chartiere*[1]) nahodi. Iz istoga izvadio sam tomačenja« (Pridgovor VII).

Jedino težnja za *arhaiziranjem* upućivala je Lanosovića na naše ranije lekcionare. Veli on: »Najdeš stanovito i nike riči kano nove; koje, pak znaj, da sam iz *našega jezika cerkvenoga* izvadio (Ib. VIII). A. Šafařík o njemu veli »Die Ausgabe soll von veralteten, zum Teil aus der cyrillischen Kirchensprache herübergenommenen Wörtern wimmeln« (Gesch. d. südslav. Lit. II, 200—201).

U istinu Šafařík nije bio točno obaviješten, jer zastarjele riječi u Lanosovića dosta rijetko padaju, a dvojbeno je, da su iz crkvenih knjiga pisanih ćirilicom. Za mnoge se upravo može pokazati, da dolaze u *glagolskim* misalima, dakako, ušle su valjada ovamo (za vrijeme rusificiranja njihova) iz ćirilice (?).

Ponajviše se i Lanosović oslanja na Bandulavićeve Pištule. On često mimoilazi štokavski izraz Pavićev i Kesićev, te uzima onaj, što ga upravo ima Bandulavić. Evo ovakovih slučajeva.

Mat. XX[10] acceperunt; B.: prijaše, L.: *prijaše* [K. i P.: uzeše (V.: primiše)].

Mat. XX[15] nequam est; B.: je hudobno, L.: biti *hudobno* [K. i P.: zlobno (Kat.: hudo, V.: zlo)].

Pav. Kor. II, 11[29] quis infirmatur ego non infirmar; B.: Tko se razbalja, ja se nerazmagam, L.: Tko se razbalja, da se ja *nerazmagam* [K. i P.: Tko se razbalja, a ja se nerazbolim (Kat.: tko oslabljuje, a ja ne slabim, V.: ko oslabi, i ja da ne oslabim?)].

Luk. VIII[14] qui audierunt, et a solicitudinibus; B.: koji slišaše i od pećalih, L.: koji slišaše, ali od *pećalih* [K. i P.: koi su slušali i od brigah (Kat.: i od pobrižnostih, V.: od brige)].

Luka VIII[4] properarent; B.: I od gradov *potežahu* se K. Isusu, L.: . . . *potežaše* [K. i P.: iz gradova hitijahu K. Isusu (Kat.: žurila se, V.: dolažahu)].

Mat. XXII[42] cuius filius est; B.: čigov sin jest, L.: *čigov* je sin [K. i P.: čij sin jest, Kat.: čije sin, V.: čij je sin].

Mat. XXII[3] et nolebant venire; B.: nehotihu prijti, L.: nehotiahu *priti* [K. i P.: nektjau doći].

1) Tomu izvoru nijesam mogao unatoč svakom nastojanju u trag ući.

Mat. XXII[4] dicite invitatis; B.: recite zvanim, K.: recite *zvanim* [K. i P.: recite uzovnikom, Kat.: pozvanim, V.: zvanicima].

Mat. XXII[1] ecce prandium; B.: evo sam obid, L.: evo *obed* moj [K. i P.: evo ručak moj (Kat.: ručak, V.: objed)].

Mat.: XXII[5] Illi autem neglexerunt; B.: a oni nehajaše, L.: oni pak *nehajaše* [K. i P.: a oni nemariše, Kat.: ne hajaše, V.: ne marivši].

Mat. XXII[6] reliqui autem tenuerunt servos eos; B.: ostali uhitivši sluge njegove, L.: a ostali *uhitiše* sluge njegove [K. i P.: deržaše sluge njegove (Kat.: latiše, V.: uhvatiše)].

Mat. XXVII[3] principibus sacerdotum; B.: poglavicam popovskim, L.: poglavicam *popovskim* [K. i P.: poglavicam misničkim (Kat.: sveštenikah, V.: glavarima sveštеničkijem)].

Mat. XXII[16] quia verax es; B.: da istinan jesi, L.: da *istinan* jesi [K. i P.: da istinit jesi (Kat.: istinit, V.: istinit)].

Mat. XVIII[30] et misit eum in carcerem; B.: i vrže ga u tamnicu, L.: i *vrže* ga [K. i P.: i metnu ga (Kat. i V.: baci)].

Mat. XXII[15] ut caperent eum in sermone; B.: uhitili u govorenju, L: *uhitili* u govorenju [K. i P.: ufatili u govorenju (Kat.: ufatili, V.: uhvatili)].

Mat. IX[24] sed dormit; B.: nego spi, L.: nego *spi* [K. i P.: nego spava (Kat.: nego spava, V.: nego spava)].

Mat. XXIV[19] Vae autem praegnantibus, et nutrientibus; B.: A jao prisobnicam i dojnicam, L.: a jao *prisobnicam*[1]) i dojkinjam [K i P.: a jao trudnicami i dojnicami (Kat.: nosećim, V.: trudnima)].

Pav. Rim. VI[19] propter; B.: cića, L.: *cića* [Kesića a to u jednom dijelu evangjelistara, u kojemu sa nemara njegovih nastavljače ima i više nezavisnosti o Bandulaviću].

Iv. IV[52] febris; B.: ognjica, L.: *ognjica* [K. groznica (Kat.: groznica, V.: groznica)].

Prema ovim primjerima stoji, da je Lanosović prenosio riječi i oblike neke iz Bandulavića, osobito ove: *cića, istinan, nerazmagam, pečalih, prijaše* i *spi*.

Evo drugih nekih »crkvenih« riječi Lanosovićevih, kojih nema u Bandulavića:

blagodarenje (Pav. Filip IV[6]) gratiarum actio.

bližnjik (Luk. X[29]) proximus; B.– K.: iskrnji, dolazi i u *Belinu rj.* (Vidi Akad. Rj.).

čas (Mat. XX[3]) horam; B.: vrime, K.: ura.

---

1) Za ovu riječ veli Rešetar, da spada medu one u lekcionarima XV v. »kojih danas više nikako nema ni u književnom jeziku ni u narodnom govoru onijeh [illegible] ova gdje su lekcionari postali (Rad 136, 178).

hljeb (Iz. LVIII1–9) B., K., P.—kruh. *Misal glag od god 1706—hleb.*
izbavit (Iz. XXXVIII6) eruam; B., K.: oslobodit. — Misal glag. 1706 *izbavlju.*
korab (Mat. IX1) naviculam; B.: plavdicu, K.: lađicu. Mis. Glag. 1706 *korabal* (Vid. i Akad. Rj. riječ praslavenska).
opačina (Pav. Gal. V21) vitiis; B.: hudobština, K.: zloća.
pakostnik (Pav. Kor. II, 127) stimulus; B.: ostan, K. i P.: podbadanje.
podoban (Mat. XII39) simile; B. i. K.: prilična.
šuha (Mat. VI3) sinistra, B., K., P.: liva.
upodobiti se (Mat. XXII2). Glag. Mis. upodobi se.
uzdanje (Pav. Kor. II, 34) fiduciam; B.: ufanje.

Većina ovih riječi zaista se čini, da su značaja ćirilskoga. No moguće će se to oprovrgnuti, kad budemo imali potpun historički prijegled riječi[1]) knjiga pisanih latinicom i glagolicom.

Unatoč arhaizovanju i pozaimanju od Bandulavića Lanosovićev je prijevod prema ostalima upravo moderan. On slijedi način prevođenja po duhu vlastitoga jezika, a nezavisan jé o tuđoj riječi i tuđoj sintaksi. Zato on

1) razvezuje zamršenija mjesta mijenjajući izraz ili dodavajući.
2) obnavlja i prevodi termine tuđe s predodžbama poznatijima (modernizovanje rječnika, kako je i Martin Luter činio!).
3) odstranjuje periodu i participialne konštrukcije latinskog originala.

1. Pav. Gal. VI7 nolite errare; Deus non irreditur (B.: nemojte zabluditi, Bog se ne poruguje, K. i P.: nemojte zabluđivati, Bog nek se ne posmiuje), L.: nevarajte se, Bog se ne da privariti.

Pav. Ef. III20–21 ei autem, qui potens est omnia facere superabundanter quam petimus, aut intelligimus, secundum virtutem, quae operatur in nobis, ipsi gloria in Ecclesia. — B.: a onomu, koji mogući jest svaka učiniti obilanie nego prosimo, ali razumijmo po kriposti, koja diluje u nas, njemu slava u crkvi. K. i P.: A onomu, koji mogući jest svaka učiniti obilnije nego prosimo, ali razumimo po Kriposti, koja diluje u nas, njemu slava u crkvi, L.: A onomu, koji po mogućnosti svojoj, koja u nam diluje, svaka učiniti obilatije može, nego li mi prosimo ili razumijemo, njemu budi slava u crkvi.

Iz. LVIII9–10 si abstuleris de medio tui catenam et desieris extendere digitum, et loqui, quod non prodest. Cum effuderis esurienti animam tuam, et animam afflictam repleveris, orietur in tenebris lux tua,

1) Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika izd. jugosl. akademija istom je došao do slova *M*.

et tenebrae tuae erunt sicut meridies; — B.: ako odneseš od sridu sebe verigu, i pristaneš prostirati prst i govoriti, što neprudi: kada izliješ lačnomu dušu tvoju: i dušu obnevoljenu budeš napuniti isteći će u tamnosti svitlost tvoja i tmine tvoje budu kako poludne, K.: ako sakriješ isrid sebe verigu i pristaneš pružati prst, i govoriti što ne prudi-kada izliješ gladnomu dušu tvoju, i dušu ožalošćenu napuniš, isteći će u tavnosti svitlost tvoja, L.: kada odvrgneš od sebe verige, i pristaneš prititi prstom i govoriti što ne prudi. Kada udiliš gladnomu hljeba iz srdca tvojega, i dušu nevoljnome zasitiš, tada prosine svitlost tvoja u tminah, i tmine tvoje budu kako poludne.

Malach III$^{2-4}$ et quis stabit ad videndum eum? Ipse enim quasi ignis conflans, et quasi herba fullonum, et sedebit conflans et emundans argentum, et purgabit filios Levi, et colabit eos quasi aurum, et quasi argentum, et erunt Domino offerentes sacrificia in justitia. Et placebit Domino sacrificium Juda, et Jerusalem sicut dies saeculi, et sicut anni antiqui. B.: Ali tko će stati na gledanje njega? Jere on kako oganj, koji sliva i kakono trava perućih. I siditi hoće slivajući i čisteći srebro i očistiše sinove Levove. I sliti će ih, kakono zlato i kakono srebro. I biti će Gospodinu prikazujući posvetilišta u pravdi. I biti će ugodno Gospodinu posvetilišta Judino i Jeruzolimsko kakono dnij vika, i kakono Godišta stara. -- K.: i tko će stati na gledanje njega? On bo kako oganj sivajuć i kakono trava perjoca: i siditi oće slivajući i čisteći srebro, i čistiće sinove Levire, i sliti će i kakono zlato, i kakono srebro i biti će Gospodinu prikazujući posvetilišta u pravdi. I biti će ugodno Gospodinu posvetilište Judino i Jerusolimsko, kakono dni vika, i kakono godišta stara.

L.: Ili tko će moći gledati njega? On bo čisti, kako oganj gorući, i pere, kakono trava *valjaocah sukno.* I siditi hoće i rastapati i čistiti srebro i zlato i očisti sinove Levijne i raztopi njih kakono zlato i srebro. I prinositi budu Gospodinu žrtvu u pravdi. I prijatna bude Gospodinu ova žrtva Judina i Jerusolimova, kakogod u dnevih prvašnjih i kakogodir u godištih prošastih.

2. Malach III^{3} fullonum; B.: perućih, K.: perjoca, L.: valjavcah sukno.

Pav. Kor. X^{7} idololatrae; B. i K.: idolovci, L.: kiposlužitelji.

Luk. XVI^{1} villicum; B. i K.: dvornik, L.: kuće nastojnik.

Luk. XVI^{7} coros; B. i K.: uborak, L.: mirovah.

Pav. I, Kor. XIII^{1} cymbalum; B. i K.: cimbal, L.: poudrica.

Mat. XVIII^{17} galeam; B. i K.: šišak, L.: kacigu.

Mat. VI^{2} ellemosynam; B.: lemozinu, K. i P.: elemozinu, L.: milostinu.

3. Pav. Rim. XII[6] habentes autem donationes secundum gratiam, quae data est nobis, differentes: sive prophetiam secundum rationem fidei, sive ministerium, in ministrando, sive qui docet in doctrina, qui exhortatur, in exhortando, qui tribuit, in simplicitate, qui praeest, in solicitudine, qui miseretur, in hilaritate. Dilectio; adhaerentes bono charitate fraternitatis invicem diligentes; honore invicem praevenientes; solicitudine non pigri; spiritu ferventes; Domino servientes; spe gaudentes; in tribulatione patientes; orationi instantes; necessitatibus sanctorum communicantes; hospitalitatem sectantes. Benedicite persequentibus vos; benedicite, et nolite maledicere. Gaudere cum gaudentibus, flere cum flentibus, idipsum invicem sentientes; non alta sapientes, sed humilibus consentientes.

K. i P. (prema B.): *Znajući* darove po milosti koja dana jest nami različite: ili proročanstvo po razlogu vire, ili služba u služenju, ili koji uči u nauku, koji ponukuje u ponukovanju, koji podiljuje u priprostim, koji pridhodi u pomnji, koji se smiluje u veselju. Ljubav brez licu mjerja. Nenavideći zlo, pritiskujući se dobru, s milostju bratin stva jedan drugog milujući, poštenjem se medu sobom pritičući, pomnjom ne lini, duhom goruci, Gospodinu služeći, ufanju veseleći se, u nevolja usterpljivi u molitvi nastojeći, potribam svetih podiljujući gostinstvo naslidujući. Blagosivajte progonstvo naslidujući. Blagosivajte progonećim vas, blagosivajte i nemojte proklinjati: Veselite se i veselećim, plakati s plačućim, jedino medu sobom čuteći, ne visoka misleći, nego s poniznim skladajućise.

L.: Imamo različite darove po milosti, koja je nam dana: ili proročanstvo po miri vire: ili službu u služenju: ili koji uči, nek se zabavlja u nauku: koji ponukuje u ponukovanju, koji dili, neka čini u priprosti: koji vlada, u nastojanju; koji miloserdje ukazuje, neka ukaže dragovoljno. Budi ljubav nelicumirna. Nenavidite zlo, priljubite dobro. Ljubite jedan drugoga ljubavlju bratinskom; poštenjem jedan drugoga pritičite. Ne budite lini u onomu, o čemu se brinuti imate budite žestoki duhom; služite Gospodinu. Radujte se u ufanju; strpite se u nevoljah nastojte molitvi. Pomozite svete u potribah, gostinstvo obslužujte. Blagoslovite one, koji progone vas: blagoslovite, i ne proklinjajte. Radujte se s plačućim. Jedino medju sobom ćutite; visoko od vas ne mislite; nego skladajte se s' poniznima.

Nakon Lanosovića opet je u prijašnje stope svogih uzora ušao P. Katančić prevodeći sv. pismo riječ po riječ[1]), što će reći, da je

1) Sveto Pismo starog zakona Sixta V. P. naredbom prividjeno i Klementa VIII pape vlastjom izdano; sada u jezik slavno-ilirički izgovora bosanskog prineseno;

gradio s hrvatskim riječima latinske rečenice, i s hrvatskim osnovama latinske složenice. A sve to za volju teološkoj nekoj tijesnoći, koja je vlastiti jezik smatrala sluškinjom posvećenog latinskog. [»Neiskazanom našeg željnog Prinašaoca Trudu pripisati imamo, da slovojavno S. Pisma izdatje Latinsko (istočna ne odbaciv vrila) od riči u jezik Slavno-Ilirički virno udesno, razgovitno, i štono vele *slovo za slovom*, na veliko sviu začudjenje, privede«]. [Predgovor S. Pismu Katančićevu od G. Čevapovića str. XII.]

Katančić doduše obiluje mnogim pravim i narodnim izrazima, ali ipak mu je jezik natrunjen okaminama leksikalnim iz crkvenih knjiga, koje pokazuju, *da je i Katančić radio na temelju ranijih lekcionara.* — I on veli sa Pavićem, Kesićem i Bandulavićem n. pr. podpepelni kruh (Knjig kralj III. 9[6]) sidališta (Mat. XXI[12]) očitnici (Luk. XV[1]) pisci (Luk. XV[2]) mekim (Mat. XI[8]) fale uzdajemo (Pav. Sol. I[2]) uspomenu čineći (Pav. Sol. I[2]) brime (Iz. LVIII[6]) posvetilišta (Malach III[3]) i dr. I on doslovno prevodi. Iz. LVIII[9]: Ako jamiš od srid tebe lanac, i pristaneš pružati perst, i govorit' što ne prudi, kad izlieš gladnomu dušu tvoju i dušu obnevoljenu (isp. Bandulavića) napuniš izajti će u tminah svitlost tvoja i tmine tvoja budu kako podne.« — On šnjima ima jednako konstruiranje participialnih rečenica i čuvanje oblika prema latinskomu. (Isp. isto mjesto Pav. Rim. XII[9–18] . . . Blagoslovite progonećim vas: . . . Radovat se s radujućim, plakat s plačućim. To isto među se čuteći: »ne visoka mudrujući, nego poniznim privoljujući . . .«)

Katančić doduše ne spominje nijednog evangjelistara, što smo ih obredali, nego navodi tek Pavićevu Jezgru[1]), a izim nje se sjeća »i drugih; »elle niedno podpuno po Izdatju slovojavnom, dosad nenajdese« (Pridgovor VI). Pod »drugima« Katančić sigurno misli budimske i druge evangjelistare (lekcionare), jer su sve to nepotpuni prijevodi.

Što se Katančić razlikuje velikim bogatstvom riječi, koje ne dolaze u lekcionarima ispred njega, to se osniva na mnogo obilnijim pomagalima, koja su mu pri poslu služila. On ima ispred sebe Kačića, Kanižlića i Reljkovića (str. X Pridgovora), on poznaje rječnike, i to Bellin, Stulliev i dapače Mikaljin (str. XI Predg.), on je znao i za »Serviance« Raića, Stojkovića, Došenovića, Rakića i Stefanovića (str. XII Predg.).

—

Tad SS otacah i naučitelja tomačenjem nakitjeno. U Budimu. **Slovima i troškom** kraljev. mudroskupštine madžarske 1831. — Sveto pismo **novog zakona** — — U Budimu 1831. —

1) Ogledalo temelja vire i zakona katoličanskoga **to jest Sveto Pismo ili** ti Jezgra svi dogogjaja staroga i novoga zakona ... po oc... **Emeriku Pavichu.** [illegible]

U natpisu ove raspravice nazvao sam sve spomemute lekcionare iza ındulavića budimskima, jer u Budimu su ne samo štampani nego ovdje i nastali. I u istome budimskom samostanu završava i P. Katančić oje veliko djelo prijevoda sv. pisma. Dok je pisao predgovor, njemu klonula ruka, a pero mtrvoga druga i učitelja digne Grgur Čevapović, izda djelo. Bijaše to doba, kada je već nastajao preokret u shvaćanju zika i pravopisa, kada je na mjesto mrtvog autoriteta latinštine stupio snagu autoritet živi — narodni jezik. I zato sav rad Katančićev spada XVIII vijek, spada u kolo budimskih lekcionara, što su izrasli iz ora dalmatinsko-bosanskog — Bandulavića.

Zaključak.

I. 1. Bandulavićeve Pištole (I izd. god 1613) osnivaju se na Zboraićevom izdanju Bernardina Špljećanina (III izd.).

2. Bandulavić teži za nekim zajedničkim ili općenitijim jezikom, u ega je to smjesa štokavštine i čakavštine (kakova nigdje nije u živom voru postojala)[1].

3. Štokavština Bandulavićeva ispočetka je pritajena, a ojačava ekom Pištola sve više.

II. 1. Nikola Kesić i drugovi spremaju novo izdanje lekcionara u liku evangjelistara za puk (god. 1740), a zavise u tome poslu o ındulaviću: a) u biblijskim terminima, b) kovanicama i obratima laıskima, c) u apstraktnim imenicama, d) u sintaksi, e) u shvaćanju jedinih mjesta.

2. Razlika prema Bandulaviću stoji u provincialnom štokavskom ihovu blagu riječi.

3. E. Pavić (god. 1764) posve je ovisan o Kesićevim epistolama.

4. M. Lanosović (god. 1794) prvi se oteo dosadanjim uzorima, ali ima zato u pomoć *njemački* prijevod. Svezu sa Bandulavićem i »crknim knjigama« čuva ipak *arhaiziranjem* svojega rječnika.

5. Njegov prijevod odlikuje se a) jasnoćom, b) modernizovanjem riči (purizam), c) narodnom sintaksom.

6. S ovima (Bandulavićem, Pavićem, Kesićem i Lanosovićem) suvisi P. Katančić svojim prijevodom sv. pisma (g. 1831).

---

1) I Bandulavić kao svi jezikoslovci do historičke škole u 19. vijeku, smatraše ik djelom razuma, a ne prirodnim organizmom. On misli, da bi tkogod mogao ći, pa *odrediti* i svojim *autoritetom* odlučiti, što će biti propisano za svakoga. ndulavić se tuži, na zlu sreću Slovinskoga jezika: »koji neimamo poglavita *učitelja* nikakova, ki je dosad hotio svojemu jeziku *pomoć* podati, odlučujući novito red razlog i način pisma« (Vidi Predgovor izd. 1645). Ovo se doduše nosi na pravopis, ali stoji u svezi i sa Bandulavićevim mišljenjem o jeziku u opće.

III. Izvan te sveze stoji dubrovački lekcionar B. Kašića. Sa Bandulavićem dodiruje se Kašić svojom štokavštinom [1]).

Dubrovčanin imao je istu težnju, koju i Bandulavić, da stvara *štokavštinom* zajednički književni jezik.

Držim, da ova leksikalna sveza budimskih lekcionara sa dalmatinsko-bosanskim nije tek slučajna i osamljena i da će se naći takovih prijelaza iz dalmatinske književnosti u »slavonsku« mnogo više. Neke knjige, tako n. pr. od bezimena pisca Pisanica duhovna krstianskoga nauka od god. 1754 (štampana u Beču) [2]) poznaje u svojemu inače slavonskom dijalektu i neke *talijanizme* (libarice, purgatorij), isto nalazimo i u propovijedima od Gjure Rapića (Svakomu pomalo) [3]). Budući da je jedan i drugi pisac slavonskog porijetla, bit će opravdana slutnja, da su se služili uzorima dalmatinskima, iz kojih su talijanizmi.

U mnogo slučajeva bit će put saobraćaja između Slavonije i Dalmacije onaj isti, koji je i kod lekcionara, naime posredovanjem *bosanske knjige*.

Bosna je od uvijek sa Slavonijom bila u svezi. Iz Bosne naselilo se najviše današnjih žitelja Slavonije, i to baš tijekom prošlih vijekova, od 16.—18. vijeka. Iz Bosne ponesoše ti ljudi i uspomenu na kulturne neke tečevine, osobito na pismo—na bosančicu. Dok to spomenuti bezimeni pisac ne kaže izrijekom, nalazi se jasna potvrda u Reljkovića.

Vaši stari jesu knjigu znali
Srbski štili, a *srbski* pisali [4]).
[Satir, pj. IV, stih 17—18.]

1 Izvan sveze sa budimskim lekcionarima stoje i kajkavski, a i onaj što ga je izdao Iv. Baptista Ježić (1776—1833), Epistole i Evangelja priko svega lita po redu Misala Rimskoga Skupno molitvami i blagoslovmi u jezik slovinski prinesena. 1824. U Rici. Pritiskano Slovima Antona i Josipa Karbetzky. — *Napomenuti mi je ovdje, da se svi lekcionari upotrijebljeni u ovoj raspravici nalaze u Kr. sveučilišnoj biblioteci u Zagrebu.* Hvala pomnji i trudu bibliotekara dr. *Iv. Kostrenčića* nalazi se ovdje lijepa zbirka naših lekcionara i crkvenih knjiga.

2) Pisanica duhovna krstianskoga nauka puna izpisana. Po jednomu misniku od družbe Isusove misionariušu apoštolskomu, i za Uskrs poklonjena plemenitoi gospodi senatorom, purgarom, i svemu poglavitomu varošu požežkomu; navlastito pako ocem i materam priporučena. Iz biblioteke katehetice S. G. Svete Ane u Beču 1754. Štampana pri Schvendinonnissen. Tutoru.

3) Svakomu pomalo iliti predike nediljne . . . po P. F. Gjuri Rapica *Gradiscsanimu.* God 1762. Tlačeno u Pešti kod Antuna Franceska Eitzenbergera, purgerskoga tlačioca. (Ovdje dolaze ovakovi talijanizmi: sentenciji (2.) devoto (12) frustra (5) od desperationa (15) i dr.)

4) »Srbski« se ovdje odnosi na čitanje (»štili«) i pisanje (»pisali«) dakle ne na jezik nego [illegible] ćirilicu, a budući su Reljkovićevi [illegible] iz Bosne, to se ovdje misli [illegible] bosančica.

A bezimeni pisac veli: »... znadem, da nike starije gospoje štiti znadu knjigu, koju su se ali u Bosni, ali od Bošnjaka još pod turskim vladanjem, ali malo posli naučile, a sada stide se knigu u ruke uzeti, i druge učiti, kada je mir i draga karstianska sloboda« (Pisanica duhovna, str. 5).

Da su Bandulavićeve Pištole bile namijenjene bosanskim svećenicima, razabire se iz marginalne primjedbe: »potomtoga poddijak iliti subdjakon štapom križa, ali petom istoga, kada nebi bio na štapu za koji uzrok, *kako u Bosni zaradi Turak*: pokuca u vrata ... (Nedilja cvitna, Pištole str. 67). Bandulavić meće u Kalendar i mnoge svece, kojih nema u Zboravčića, Dalmatinca, valja da opet — radi obzira na Bosnu.

Sve do god. 1757[1]). Bosna zajedno sa Slavonijom čini jednu franjevačku provinciju, koja obasiže i južnu Ugarsku, dakle i Budim. Ne valja smetnuti s uma, da je Bosna sa Slavonijom i *politički* nekoć bila združena u jedan *pašaluk bosanski*[2]).

Bit će zato u buduće uvijek potrebno uzimati i svu *književnost* u Bosni, Slavoniji i Ugarskoj *kao jednu cjelinu*. To vrijedi za XVII i XVIII vijek više nego za danas?!

1) Em. Pavich: Ramus viridantis olivae seu descriptio provinciae nuper Bosnae Argentinae jam vero S. Joannis a Capistrano. Budae. 1766. p. 103.

2) Izim srijemske županije, koja je spadala pod beglerbega budimskoga, sva je Slavonija spadala pod Bosnu. Smičiklas T.: Dvijestogodišnjica oslobodjenja Slavonije. U Zagrebu 1891. I. d. str. 4. (prema Ricaut Histoire de l'empire Ottoman livre I str. 138.)

Zagreb. *D. Prohaska.*

Über einige slavische Wörter mit dem Wurzelelement *mar-*.

Die slavischen Wörter mit dem Wurzelbestandteil *mar-* hat Miklosich Et. Wörterb. 183 im ganzen in einleuchtender Weise zusammengeordnet. Im einzelnen aber läßt sich, insbesondere in etymologischer Hinsicht, über das von dem Altmeister gegebene hinausgelangen.

1. Grruss. *maráti*, klruss. *máraty*, osorb. *marać* 'besudeln, beschmutzen, verschmieren, verstreichen' gehört zweifellos zusammen mit gr. *μορύσσω* 'beschmutze, verschmiere, schwärze', das in der alten Literatur nur einmal bezeugt ist, Od. 13, 435, wo erzählt wird, wie Athene den Odysseus in einen alten Bettler verwandelt:

ἀμφὶ δέ μιν ῥάκος ἄλλο κακὸν βάλεν ἠδὲ χιτῶνα,
ῥωγαλέα, ῥυπόωντα, κακῶι μεμορυγμένα καπνῶι (v. l. *μεμορυχμένα*),

und das später namentlich der alexandrinische Dichter Nikander in seinen *Ἀλεξιφάρμακα* teils im Sinne 'besudle' (Vs. 318), teils im Sinne 'verschmiere, vermische' (Vs. 144. 330. 375) gebraucht. Als dessen Grundform ist jetzt **μορύχ-ιω* sichergestellt durch das Adjektivum *μορυχος* '*σκοτεινός*, dunkel' — der Akzent ist unbekannt —, das Diels vor kurzem (Hermes 40, 1905, 301 ff.) in Aristoteles' Metaphysik 1, 5 (987 a 9 der Ausgabe der Berliner Akademie) aus Alexander von Aphrodisias eingesetzt und für das Prächter soeben (ib. 42, 1907, 647) einen weiteren Beleg aus dem Platonkommentar des Hermeias beigebracht hat; es war uns als Eigenname schon früher geläufig, und zwar als Beiname des Dionysos aus Syrakus (Zenobios V 13 mit der Erklärung: *ἀπὸ τοῦ τὸ πρόσωπον αὐτοῦ μολύνεσθαι, ἐπειδὰν τρυγῶσι τῶι ἀπὸ τῶν βοτρύων γλεύκει καὶ τοῖς χλωροῖς σύκοις*), als Personenname in der Form *Μόρυχος* und den deminutivischen bzw. patronymischen Weiterbildungen *Μορυχίων Μορυχίδης* aus Athen, Böotien, Ionien (Belege bei Bechtel, Griech. Spitznamen 53). Auch die slavischen Sprachen kennen eine Ableitung mit Guttural: slov. *maróga* 'Streif, Fleck, Maser, Narbe', poln. *morąg* 'dunkler Streif; bunt gestreift, bunt gestreiftes Tier, buntscheckiger Hund [illegible] auf grün[illegible] [illegible] Fleck, verst[illegible]ehene

Stelle' wohl nicht dem üblichen, aus *-ucha* weitergebildeten Deminutivtypus auf *-uška* (*klětúcha* — *klětúška* 'kleine Klete', *ljagúcha* — *ljagúška* 'Frosch', *sestrúcha* — *sestrúška* 'Schwesterchen'; ohne vorausliegendes *-ucha izbúška* 'Hüttchen', *rýbuška* 'Fischlein', *solóvuška* 'kleine Nachtigall' u. a. bei Belić Archiv 23, 184 f.) einzureihen, sondern aus **marąž-ika* herzuleiten haben. Ich glaube freilich nicht, daß diese Bildung mit μορυχος in unmittelbarem geschichtlichem Zusammenhange steht. Urslav. **marąg-a *morąg-ŭ* nämlich schließt sich an **pĭstrąg-ŭ -a* 'Forelle' in poln. *pstrąg bzdrąg bzdręga*, čech. *pstruh*, magy. *pisztrang*, woraus kroat. *bistranga* (Miklosich, Vgl. Gramm. 2, 284), und wohl auch in serb. *pàstruga* 'ein Donaufisch', **ostrąg-a* in poln. *ostręgi* 'Bromberen', serb. *òstruga* 'Bromberstrauch, Sporn' und andere Wörter gleichen Ausgangs an. Von diesen aber ist mir gemäß dem Verhältnis von *ino-gŭ* 'μονιός' zu got. *aina-k-ls* 'einzeln, vereinsamt' und lat. *sin-g-ulus* 'einzeln, allein', gemäß der Parallele abulg. *ostro-gŭ* 'Pfahl', grruss. *ostróg* 'Pfahl' *ostrogá* 'Gabel zum Fischstechen': *ostrŭ* 'scharf' = aind. *árbha-gas* 'klein, schwach, jung': *árbhas* dass. (vgl. Meillet Études 353 f. Brugmann Grundr.[2] II 1, 508) und aus sonstigen Gründen, die hier darzulegen zu weit führen würde, wahrscheinlich, daß ihr *g* ursprachliches unaspiriertes *g* (g^u) vertritt. Wie **pĭstrągŭ -a* auf *pĭstrŭ* 'bunt', **ostrąga* auf *ostrŭ* 'scharf' beruhen, so setzt **morągŭ* ein **morŭ* 'schmutzig, dunkel' voraus. Es liegt noch vor im Femininum osorb. *mora* 'schmutzige, braungestreifte Kuh'. Mit anderen Suffixen sind davon abgeleitet osorb. *moraś* 'aschfarbiger, graugestreifter Hund', čech. *morous* 'aschfarbiges, gestreiftes Rind', *moratý* 'schwarzgestreift', *morovatý* 'fleckig, aschfarbig, grau-, schwarzgestreift'. Alle diese Formen, die sich in der Wurzelstufe mit μορυχος μορύσσω decken, machen wahrscheinlich, daß auch bei der *g*-Bildung das Polnische den ursprünglichen Vokal bewahrt, das Slovenische und Russische *a* vom Verbum *marati* oder dem diesem zu grunde liegenden **mara* 'Fleck, Schmutz' (mit der Wurzelstufe von *slava para* russ. *iz-gaga*) übernommen haben. Dahl-Baudouin II 779 verzeichnet auch für das Großrussische aus dem Gouvernement Vladimir ein *mórkij* 'leicht schmutzend'; ist das alt, nicht erst durch labialisierende Einwirkung des *m* auf *a* oder durch Anlehnung an *moróka* 'Dunkelheit, Nebel' entstanden, so würde es lehren, daß das sonst im Russischen übliche *márkij* ebenfalls ans Verbum angeglichen ist, und ein von **morŭ* ausgegangenes **morŭkŭ* erschließen lassen. Auch das Griechische hat neben μορυχος noch eine andere Adjektivform besessen: μορφόν· σκοτεινόν. μέλαν Hesych. Man ist geneigt sie als verderbt anzusehen, dazu ist aber, zumal da sie an der richtigen alphabetischen Stelle steht, kein

Anlaß: wie *-αχος -ιχος -υχος*, *-ακος -ικος -υκος*, *-αθος -ιθος -υθος* wechseln, so lag neben *-αφος* (*φλήναφος* 'geschwätzig, Geschwätz', *κίραφος* 'Fuchs' u. a.) und *-υφος* (*ἄργυφος* 'glänzend weiß', **εἵλυφος* 'wirbelnd, wirblig' in hom. *εἱλυφᾶν εἱλυφάζειν* 'wirbeln' u. a.) *-ιφος*: *ἔριφος* 'Bock' zu umbr. erietu 'arietem', *στέριφος* 'starr, fest, hart' zu *στερεός* dass. aus **στερεϝός*, ion. *σκελιφρός* 'starr, hart'. Möglich, daß *μορφός* auf einem **μορις* 'verdunkelt, beschmutzt' beruht, das sich in seiner Gestaltung mit *τρόφις* 'gemästet, feist', *στρόφις* 'gewandt, verschlagen' vergliche. — Lit. *markė* 'Fleck', das Miklosich neben *maráti* nennt, bleibt besser aus dem Spiele: Kurschat stellt es als nicht genügend beglaubigt hin, und auch Leskien hat es, soviel ich sehe, in seine 'Bildung der Nomina' nicht aufgenommen.

2. Auf die südslavischen Idiome ist eine andere Gruppe beschränkt: serb. *mâr* 'Bekümmernis', *nèmār* 'Sorglosigkeit, Nichtachtung, Vernachlässigung', *máriti* 'sich kümmern um', *màrljiv* 'fleißig'; entsprechend im Bulgarischen und Slovenischen, welch letzteres noch *márati* 'achten, sich kümmern um'. *máren* 'fleißig' hinzufügt. Miklosich hält sie für entlehnt aus dem Deutschen: ahd. *unmâri* 'gering geachtet, gleichgültig'. Das ist sehr wenig wahrscheinlich: *unmâri* ist ja lediglich das negierte *mâri*, das im Althochdeutschen wie in allen Schwestermundarten (as. *mâri*, ae. *mǽre*, aisl. *mǽrr*, got. *waila-mêrs*) 'berühmt, bekannt, herrlich' bedeutet. Ich denke, es liegt auf der Hand, daß die slavischen Ausdrücke zu der durch die meisten indogermanischen Sprachen verbreiteten Wurzel *smer mer* 'gedenken, sich erinnern' gehören, die in einigen von ihnen zu der Geltung 'sorgen, sich bekümmern' gelangt ist: ai. *smárati* 'gedenkt, erinnert sich', awest. *maraiti* (in der Zusammensetzung *-šmaraiti*) 'gedenkt, erinnert sich', lat. *me-mor* 'eingedenk', gr. *μάρτυς* 'Zeuge' *μεριμνᾶν* 'sorgen, sich bekümmern' *μέρμερος* 'wer viel denkt, sinnt, sorgt; was viel Denken, Sinnen, Sorgen erfordert' *μερμήρη* 'Sinnen, Sorge' *μερμηρίζειν* 'sich bedenken, sinnen, sorgen', got. *maúrnan* ahd. *mornên* 'sorgen, besorgt sein'. *mâr máriti* zeigen Dehnstufe des Wurzelvokals wie abulg. *varŭ* serb. *vâr* 'Glut, Hitze', abulg. *variti* serb. *váriti* 'kochen' trans. neben abulg. *vrěti* 'sieden, wallen, sprudeln', ahd. *warm* 'warm'; serb. *ȕgār* 'die zum Anbau aufgerissene Erde', eigentl. 'die abgebrannte, geschwendete Stelle' (vgl. *ȕgarak* 'Brand') grruss. *ugár* 'was beim Verbrennen abgeht, Abbrand, Ofendunst', serb. *ugáriti* 'die Erde aufreißen' neben abulg. *grunŭ* 'Topf, Kessel', *žeravŭ* 'glühend', *gorěti* 'brennen' intr., gr. *θερμός*; abulg. *valŭ* serb. *vâl* 'Woge', abulg. *valiti* grruss. *valiti* 'wälzen' neben abulg. *vlŭna* 'Woge', ahd. *wella* 'Welle', gr. *ἐλυσθείς* 'si[illegible] [illegible]zend ringelnd'. Eine andere A[illegible] Dehnstufe haben

wir in μερμήρη, womit man abulg. *po-žarŭ* 'Brand', serb. *žâr* russ. *žarŭ* 'Glut, Hitze' und russ. *žará* dass. zusammenhalte.

3. Bis hierher erscheinen die Dinge klar und eindeutig. Bei einer weiteren Sippe aber fließen verschiedene Möglichkeiten in einer Weise ineinander, daß ich keine bestimmte Entscheidung wage. Liest man bei Miklosich: bulg. *maranja* 'Hitze', vgl. serb. *ȍmara* 'Schwüle' *ràz-mariti* 'bei Feuer aufgehen lassen' (Wachs), russ. *marŭ* 'Sonnenwärme', *máritĭ* 'brennen' (von der Sonne), so wird man an gr. *μαρμάρ-εος* 'glänzend, funkelnd', *μαρμαίρω* aus **μαρμαρ-ἰω* 'glänze, funkle, strahle', nicht redupliziert *μαῖρα* aus **μαρ-ἰα* 'Hundsstern, Sirius', *ἀμαρ-ύσσω* 'funkle, leuchte' erinnert, mit denen ai. *márīciṣ* masc. fem. 'Lichtatom, Lichtstrahl', *marīcikā* 'Luftspiegelung, vorgespiegeltes Wasser in der Wüste' verbunden zu werden pflegen. Indes wird nach Dahl-Baudouin II 777 *máritŭ marítŭ* vom Sonnenbrand gesagt nicht bei klarer, sondern bei undurchsichtiger, dunstiger, schwüler Luft, wie sie im Sommer vor dem Gewitter, bei Waldbränden, im Frühjahr gegen Ende der Schneeschmelze zu sein pflegt; *marŭ* heißt 'Sonnenglut' nur im Gouvernement Irkutsk, anderwärts 'trockner Nebel, schwüle und trübe, dunkle Luft', entsprechend *márno* dort 'heiß, warm' allgemein, sonst mit dem Nebensinne 'trüb, dunkel' (*sólnce stoitŭ márno* 'die Sonne hat keinen Glanz'), *márë* im Gouv. Archangelsk 'Nebel, durch Nebel verursachte Dunkelheit', *marĭ* ebenda 'Nebel, aufsteigende Ausdünstungen', *márevo* 'Hitze, bei der die Luft trüb weiß ist, ihre unteren Schichten neblig und wenig durchsichtig sind; Höhenrauch (von Waldbränden); Luftspiegelung wie sie an schwülen Sommertagen in der Steppe vorkommt'. Von mehreren dieser Wörter liegen nicht weit ab *móra* 'Dunkelheit, Nebel' (Vologda) und das allem Anscheine nach reduplizierte *momrá* 'Dunkelheit, trübes nebliges Wetter, trockner Nebel' (Orenburg, Sibirien). *márevo* hat auch das Kleinrussische, nach Želechovskij für 'Zwielicht, Halbdunkel; Schwärmerei, Phantasie', daneben für 'Zwielicht, Sonnenspiel' *mrevo mrjáva*, und diese führen hinüber zu *mrity* 'düster, neblig werden' (vom fallenden Nebel- und Staubregen; *sónce mrýe* 'die Sonne umdüstert sich'); 'schimmern, dämmern, grauen, wimmeln; leise schlafen, schlummern' (vgl. unser *dämmern* vom Halbschlaf), *mryj* 'nebeltrübe, düster, dumpfig, finster' (*sónce mrójc* 'die Sonne ist umdüstert'), *mrývo* 'düsteres, nebliges Wetter, Naßkälte', *mrjávica* 'Nebeldämmerung, Gewimmel, leiser Schlaf'. An die letztgenannte Bedeutung schließen sich grruss. *marŭ* 'Schlaf' (Tomsk) nebst *marítŭ menja* 'ich bin schläfrig, im Halbschlaf' und osorb. *vomara* 'Halbschlaf, Ohnmacht', das sich zu serb. *ȍmara* 'Schwüle' verhalten kann wie grruss. *marŭ* in der eben angeführten

Begriffsnuance zu der im übrigen geltenden; die Sinnesverschiebung wird des weiteren erläutert durch gemeinslav. **morkŭ* (abulg. serb. slov. čech. *mrak*(*ŭ*), poln. sorb. kaš. *mrok*) 'Finsternis, Dämmerung, Nebel': grruss. *mórokŭ moróka* 'Finsternis; dichter Nebel — Ohnmacht', *óbmorokŭ* 'Höhenrauch — Ohnmacht'. Wie zu dieser Wortfamilie (abulg. *mrŭknąti*, serb. *mȑknuti*, grruss. *mérknuti* 'sich verdunkeln', serb. *mȑk* 'schwarz'; čech. *mrkati* 'blinzeln, mit den Augen winken' und lit. *mérkiu* 'schließe die Augen', *mirksiu* 'blinzle' *mirklŷs* 'Blinzler', *úž-marka* 'wer etwas anblinzelt' gehören, so zu der kleinrussischen Sippe das von Miklosich Et. Wtb. 190 s. v. *mer-* 2 dazugezogene dialektisch-čechische *přimřič oči* 'mit den Augen blinzeln'. Grruss. *mórokŭ moróka* umschreibt Dahl-Baudouin II 910 im Sinne 'dichter Nebel' mit *marevo*, *mgla*, *suchoj tuman*; klruss. *meréyt* heißt 'es fällt Staubregen'. Auf grund alles dessen sind die Fragen unausweichlich, ob das nach klruss. *mrity* zu erschließende urslav. **mirěti* 'düster, dunkel werden' nicht der unter 1 behandelten Wurzel von μορυχος **morągŭ marati* angehört und ob die unter dieser Nummer genannten großrussischen Formen mit *mar- mer- momr-* nicht ebenfalls von ihr abzuleiten sind. Als ihre Normalform wäre dann *mer-* anzusetzen, und *merk-* in lit. *mérkiu*, slav. **morkŭ* **m̥rkŭ* könnte aus ihr (oder im Hinblick auf den Toncharakter von lit. *mérkiu* und serb. *mȑknuti* einer zweisilbigen Wurzelgestalt) durch Antritt eines 'Determinativs' hervorgegangen sein[1]). Daß ich zwischen dieser Auffassung und der Eingangs erwähnten nicht entscheiden will, habe ich schon gesagt. Welches die genaue Sinnesschattierung von bulg. *maranja* ist, kann ich nicht feststellen. Serb. *ràz-mariti* wird man nicht von serb. *mèrati* 'Wachs ziehen' trennen dürfen; ein anderes *mérati* 'schlagen' (mit dem Waschbläuel nach Vuk) gemahnt an ai. *mr̥ṇāti* 'zermalmt, zerstört'.

4. Noch eine andere Möglichkeit haben Miklosich für grruss. klruss. *márevo* und grruss. *marŭ* 'Schlaf', Dahl-Baudouin II 777 für die sämtlichen unter 3 besprochenen großrussischen Wörter mit *mar-* ins Auge gefaßt: sie ziehen sie zu grruss. klruss. *mará* 'Lockung, Versuchung, Träumerei, Täuschung, Phantasie, Gaukelbild, Gespenst' und damit

1 Mit einem anderen 'Determinativ' könnte weitergebildet sein *merg*[*h*] in aisl. *myrkue* 'Finsternis' *myrkr* asächs. *mirki* 'finster, dunkel', grruss. *mórgotĭ* 'Dunst, Brandgeruch' *morgotá* 'Höhenrauch, neblige Luft' čech. *mrholiti* 'fein regnen', lett. *merga marga* 'sanfter Regen', gr. ἀμέρδω 'blende' aus *ἀμεργ[h]-ιω über *ἀμέρζω, d. i. ἀμέρσδω vgl. Fröhde, Bezz. Beitr. 20, 215); dazu weiter grruss. *morgátĭ morgnútĭ* 'blinzeln'. Noch anders erweitert grruss. *morochá* 'Staubregen', *mórosĭ* dass., *morozgá* dass., welch letzteres dann zu *morózŭ* 'Frost' hinüberleitet (vgl. Walde KZ. 34, 513. Torbiörnsson Gemeinslav. Liquidametathese II 42).

weiter zu poln. *mara* 'Traumgesicht, Schreckbild, Gespenst', *marzyć* 'träumen' klruss. *máryty* 'träumen'[1]. Daß *marevo* im Kleinrussischen im Sinne 'Schwärmerei, Phantasie' und im Großrussischen da, wo es die Geltung 'Luftspiegelung' hat, daß vielleicht auch grruss. *marŭ* 'Schlaf' und *maritŭ menja* 'ich bin im Halbschlaf' für das gegenwärtige Sprachbewußtsein mit *mara* verknüpft sind, braucht nicht bestritten zu werden. Aber daß etymologische Identität besteht, ist mir doch mit Rücksicht auf die Bedeutungsverzweigung der gesamten Wortgruppe, von der sie einen Teil bilden, nicht wahrscheinlich. J. Franck hat KZ. 37, 129 *mara* als Ablautform zu abulg. *mora* und entsprechend in den heutigen slavischen Sprachen 'Hexe, Alp, Trud' und damit zu aisl. ae. ahd. *mara* 'Alp, Mahr' aufgefaßt. Auch hier soll gegenseitige Beziehung insbesondere im polnischen und kleinrussischen Sprachgefühl — im Großrussischen liegt nur *kiki-mora* 'Hauskobold, Waldgespenst' vor — nicht in Abrede gestellt werden. Allein für die Herkunft hat wegen der gesamten Bedeutungen im Russischen doch vielleicht eher Zubatý recht, wenn er (Archiv 16, 398) *mara* zu abulg. *mamiti* 'täuschen, anlocken', serb. *mámiti* 'anlocken, wütend machen' *ȍmam* 'Köder' *zȁmama* 'Lockspeise', čech. *mámiti* 'täuschen, betrügen' *omam* 'Blendwerk, Täuschung, Gespenst' (entsprechend in den anderen süd- und westslavischen Sprachen) und zu grruss. *maná* 'Köder, Trugbild', *maniti* 'locken' refl. *mně mánitsja* 'mir träumt', *manijákŭ* 'Erscheinung, Trugbild, Sternschnuppe, Schau-, Taschenspieler', *ob-mánŭ* 'Trug, Blendwerk' *ob-manúti* 'betrügen' (entsprechend in den beiden anderen russischen Mundarten) stellt und wenn er die ganze Wortgruppe mit lett. *māži* Pl. 'Gaukelei, Phantasie' *māžs* 'Gaukler' (mit *ž* aus *dj*), *ap-māt* 'blenden, bezaubern, vexieren' und mit ai. *māyā́* 'Verwandlung, Truggestalt, Betrug, Täuschung, Illusion', *dur-māyúṣ* 'böse Künste anwendend' (Roth im Pet. Wtb.), 'übeltuend, schädlich' (Geldner Glossar zum Rigveda) verbindet. Jede der beiden Nasalableitungen des Slavischen hat anderswo in Europa Entsprechungen, wenn auch mit Ablautsvarianten, wie sie bei der durch die indischen Formen erwiesenen *āi*-Wurzel zu erwarten sind: *mamŭ mama* in gr. μῖ-μος 'Nachahmer, Nachahmung, insbesondere des Lebens auf der Bühne; urspr. Gaukler, Gaukelei, Blendwerk', das schon W. Schulze, KZ. 27, 485 zu ai. *māyā́* gezogen hat, *manŭ mana* in ahd. *mei-n* 'falsch, be-

1) Das von Miklosich als 'altslovenisch' aufgeführte *mara* 'mentis emotio' scheint nach den im Lex. Palaeoslov. 362 beigebrachten Belegstellen aus russischen Texten zu stammen und eine der zuletzt angegebenen Bedeutungen zu haben. *omariti sę* und *obumarjati* 'in der Ekstase sein' nebst *obumarjenije* 'Ekstase' aber gehören zu *obumirati* dass., d. h. zu abulg. *mĭrą mrěti* 'sterben'.

trügerisch', ahd. *mein* asächs. *mēn* ae. *mán* N. 'Falschheit, Frevel, Verbrechen' aisl. *mein* 'Schädigung, Unglück', das wir gemäß seiner Bedeutung zunächst hier, nicht, wie gewöhnlich geschieht, an abulg. *měna* 'Wechsel, Veränderung', lit. *maĩnas* 'Tausch' anzuknüpfen haben — mögen auch im letzten Grunde die aufgeführten Wörter für 'trügen' mit den gleichfalls in der *i*-Reihe sich bewegenden für 'tauschen' (ai. *ni-mayas* 'Tausch' *máyatē* 'tauscht', lett. *mīju mīt* 'tausche') einer Wurzel entstammen. Es kann sein, daß auch die *r*-Bildung in russ. poln. *mara* auswärts wiederkehrt. Lat. *mīrus* 'wunderlich, wunderbar, seltsam', wovon *mīro -or* 'wundere mich, staune', schließt man bisher allgemein an die Wurzel *smei-* 'lächeln, lachen' in ai. *smáyatē*, gr. *μειδᾶν μειδιᾶν*, abulg. *směją*, ahd. *bi-smer* 'Spott' *bi-smerôn* 'spotten' an, und diese Etymologie ist im Hinblick auf ai. *smáyas* 'Staunen; Hochmut'; *vi-smitas* 'betroffen, erstaunt' gewiß möglich (*mī-rus* in diesem Falle 'belächelt, Lächeln hervorrufend' wie *clā-rus* 'berühmt, Geschrei hervorrufend', *di-rus* 'gefürchtet, Furcht erregend'). Aber so schlagend ist sie doch nicht, daß sie jede andere Zusammenstellung ausschlösse; setzen wir als Vorstufe von 'wunderlich, seltsam' 'blendend, trügend, täuschend' an, so rückt *mirus* in nächste Nachbarschaft von slav. *mara*. Man lese mit diesem Gedanken Plautusstellen wie Pseud. 1213 *tu, nisi mirumst, plane perdidisti mulierem* 'wenn's nicht sonderbar zugeht = wenn nicht alles täuscht', Trin. 861 *mira sunt, ni illic homost aut dormitator aut sector zonarius* 'es wäre wunderlich' = 'eine Täuschung', Merc. 240 *mihi illud videri mirum, ut una illaec capra uxoris dotem ambederit* 'mir schien das wunderbar — eine Täuschung' und berücksichtige *miriones* 'personae distortis oribus deformes', also 'Fratzengesichter' Accius nach Varro Lingua Lat. 7, 64 neben grruss. *mara* klruss. *maréna* 'Popanz, Scheuche, die man zum Empfang des Frühlings, am ersten März, unter Gesang von Frühlingsliedern durch die Straßen trägt' (Dahl-Baudouin II 777).

Bonn. *Felix Solmsen.*

Zur Frage über die »Weichheit« und »Härte« der Sprachlaute im allgemeinen und im slavischen Sprachgebiete insbesondere.

»Weich« (russ. мягкій, poln. miękki, čech. měhký usw.) und »hart« (russ. твёрдый, poln. twardy, čech. tvrdý usw.) gehören, streng genommen, in den Bereich des Tastsinnes. Wenn man also von »weichen« und »harten«, sei es optischen, sei es akustischen, Erscheinungen spricht, so geschieht dies nur infolge einer gewissen Analogie unter den von verschiedenen Sinnen empfangenen Eindrücken. »Weich« ist Synonym von »sanft«, »gelinde«, »schwach«, *lenis*; »hart« dagegen Synonym von »roh«, »stark«, *fortis*.

In Anwendung auf die lautliche Seite der Sprache beziehen sich die Ausdrücke »weich« und »hart« in erster Reihe auf unsere akustischen Eindrücke, nicht aber auf die diese Eindrücke veranlassenden Arbeiten der Sprechorgane. Die »Weichheit« und »Härte« phonetischer Gebilde bestimmt man vor allem mit dem Ohre, und nur nebenbei mit dem inneren Muskelgefühl.

Bekanntlich werden diese Ausdrücke von der deutschen populären Sprachlehre in einem anderen Sinne angewendet, als von der populären Sprachlehre der Slaven. Ein Deutscher assoziiert die vage Vorstellung einer »Weichheit« mit den Graphemen (Buchstabenvorstellungen) *b*, *d*, *g*, *w*, *s* (»gelindes« *s*) . . . ., im Gegensatz zu der »Härte« von *p*, *t*, *k*, *f* (resp. *v*), *ß* (resp. *ss*) . . . . »Weich« bedeutet hier also *lenis*, »hart« — *fortis*. Dem Slaven gelten ebenso einfache *b*, *d*, *g*, *v*, *z* . . . ., wie auch einfache *p*, *t*, *k*, *f*, *s* . . . . als »hart«, während die durch eine Annäherung der mittleren Zunge an den harten Gaumen modifizierten *b́*, *d́*, *ǵ*, *v́*, *ź* . . . ., *ṕ*, *t́*, *ḱ*, *f́*, *ś* . . . . den Eindruck der »Weichheit« auf ihn ausüben.

Die Ursache des Eindruckes der »Weichheit«, im Gegensatz zur »Härte«, sei es im deutschen, sei es im slavischen Sinne, muß man in dem Umstande suchen, daß die lokalisierte Arbeit des betreffenden

Konsonanten durch eine Nebenarbeit an einer anderen Stelle des Sprechapparats kompliziert wird. Wenn man *ceteris paribus*, d. h. bei derselben Summe der Muskelanstrengung, bei derselben Intensität, seine phonatorische Tätigkeit auf eine gewisse Stelle konzentriert, bekommt man ein stärkeres akustisches Resultat, als in dem Falle, wo man einen Teil der Arbeitsintensität auch auf das Überwinden noch eines anderen Hindernisses aufwenden muß. Dann, d. h. in diesem zweiten Falle, entsteht zwar etwas, was jener einfacheren und stärkeren Arbeitsweise fremd war, die für jenen ersten Fall einzige Arbeit aber muß hier geschwächt zum Vorschein kommen. Zum Vergleich könnte man Erscheinungen aus anderen Gebieten hinzunehmen (aus der Mechanik Wirkung derselben ›Kraft‹ auf einen Punkt oder auf mehrere; aus der Psychologie Konzentrierung der Aufmerksamkeit auf einen Gegenstand oder deren Zerstreuung auf mehrere Gegenstände; aus der Ökonomie die Verwendung einer und derselben Geldsumme auf den Erwerb einer einzigen Warengattung, oder aber mehrerer Gattungen).

Bei den stimmhaften Konsonanten wird die Hauptarbeit in der Mundhöhle (bei *b* die Arbeit der Lippen, bei *d* — der vorderen Zunge, bei *g* — der hinteren Zunge usw.) durch die Vibration der Stimmbänder geschwächt. Darum erscheint einem Deutschen der akustische Eindruck, welchen er von der in der Mundhöhle lokalisierten Hauptarbeit der genannten Konsonanten erhält, als ›weich‹, d. h. geschwächt. Ebenso wird von einem slavischen Ohre der akustische Eindruck von der Arbeit an der phonatorischen Hauptstelle der Konsonanten (Lippen, Vorderzunge, Hinterzunge) durch das Hinzutreten der Annäherung der mittleren Zunge an den harten Gaumen als geschwächt oder ›weich‹ vernommen. Die slavische ›Weichheit‹ der Konsonanten ist nicht mit dem Eindrucke von dieser Annäherung der Zunge an den harten Gaumen zu verwechseln. Das ›Palatale‹ oder das ›Mittellinguale‹ des Eindruckes hängt hier von der Arbeit der mittleren Zunge, das ›Weiche‹ oder das ›Mouillierte‹ aber von der ›reduzierten‹, geschwächten Arbeit der betreffenden Hauptstelle ab.

In einigen deutschen Gebieten (wie auch u. a. im Dänischen) ist der primäre Urheber des Unterschiedes von ›Härte‹ und ›Weichheit‹ der Konsonanten, d. h. der Unterschied der Stimmbändertätigkeit, abhanden gekommen; aber der durch ihn veranlaßte sekundäre Unterschied der lokalisierten Mundhöhlenarbeit dauert immer fort. Auf diese Weise hat man in diesen Sprachgebieten stimmlose *lenes* neben den stimmlosen *fortes* erhalten.

[illegible] auch als [illegible] und

arten« Konsonanten bevorstehendes denken. Nehmen wir an, es ver-.mme der Urheber dieses Unterschiedes, d. h. die begleitende Unter-ıeidung zwischen Annäherung der mittleren Zunge an den harten ,umen und deren gegenseitigen Entfernung, ohne den durch ihn her-rgerufenen Unterschied der Intensität der Aussprache an der phona-ischen Hauptstelle (Lippen bei *p*, *b*, *f*, *v*, *m* oder *ṕ*, *b́*, *f́*, *v́*, *ḿ*, vordere nge bei *t*, *d*, *s*, *z*, *n*, *r*, *l* . . . . oder *t́*, *d́*, *ś*, *ź*, *ń*, *ŕ*, *ĺ* . . . ., hintere Zunge i *k*, *g*, *ch* . . . .) irgendwie zu ändern. Was würde dann geschehen? lbstverständlich würde sich der genannte Unterschied fortsetzen und r würden einerseits »starke« oder »harte« *p*, *b*, *f* . . . ., *t*, *d*, *s*, *z*, *n* . . . ., *g*, *ch* . . . ., andererseits »schwache« oder »weiche« *p*, *b*, *f* . . . ., *t*, *d*, *z*, *n* . . . ., *k*, *g*, *ch* . . . . bekommen.

Eine interessante Substitution habe ich bei einer in Kasan ansässigen anzösin aus Elsaß in den JJ. 1875—1876 beobachtet. Sie hörte wohl n Unterschied zwischen den russischen »weichen« und »harten« Kon-nanten, konnte ihn aber nicht genau wiedergeben. Da sie jedoch n Unterschied in der Intensität der Aussprache an der phonatorischen ıuptstelle vernahm, so ersetzte sie, wenigstens bei den stimmlosen, n Unterschied von »harten« und »weichen« mit dem Unterschiede n stimmlosen und stimmhaften. Sie sprach also *pal* (палъ), *pop* ıпъ) . . . ., *tam* (тамъ), *to* (то) . . . ., *kak* (какъ), *kazák* (казакъ) . . . ., er *bel* (пѣлъ), *kubés* (купецъ) . . . ., *de* (тѣ), *adés* (отец) . . . ., *rugi* ʼки), *gem* (кѣмъ) . . . . Im Gebiete der stimmhaften Konsonanten war ıe solche Unterscheidung der »Weichheit« und der »Härte« nicht ːhr möglich.

Sonst hängt die Anwendung dieser *termini*, »weich« oder »schwach« d »hart« oder »stark«, von der subjektiven Auffassung ab, d. h. da-n, wohin man seine Aufmerksamkeit hauptsächlich lenkt. Ich kenne B. den Streit darüber, was eigentlich als hart oder stark (*fortis*) und ıs als weich oder schwach (*lenis*) gelten solle: ob *p*, *t*, *k* . . . ., oder *d*, *g* . . . . So viel ich weiß, sind die Angehörigen mongolischer lker (Mongolen, Kalmücken, Burjaten . . . .) geneigt, eher *b*, *d*, *g* . . . . : stärker (»härter«) und *p*, *t*, *k* . . . . für schwächer (»weicher«) zu hal-ı, als umgekehrt. Und es ist leicht zu verstehen. Wenn man die mme der einmaligen akustischen Einwirkung berücksichtigt, bekommt ın einen deutlicheren und bestimmteren, folglich stärkeren (»härteren«) ndruck von den stimmhaften (*b*, *d*, *g* . . .), als von den entsprechenden mmlosen (*p*, *t*, *k* . . .). Wenn man aber vorwiegend die Tätigkeit der der Mundhöhle lokalisierten Hauptarbeitstelle in Erwägung zieht, mmt man zu einer umgekehrten Definition.

Jedenfalls konstatiert man die leicht verständliche Tatsache, daß je mehr Nebenarbeitsstellen mit akustisch hörbaren Resultaten sich zu der Hauptarbeitsstelle gesellen, um desto mehr nimmt die Intensität der Hauptarbeitsstelle ab. Wir erhalten also folgende absteigende Reihe:

$$t > \begin{matrix} d \\ \acute{t} \end{matrix} > \begin{matrix} d' \\ n \end{matrix} > \acute{n}$$

Die Tätigkeit der vorderen Zunge bei *t* ist am stärksten, weil sie von keiner akustisch vernehmbaren Nebenarbeit gehemmt wird. Phoneme *d* und *ť* stehen in dieser Hinsicht um einen Grad niedriger, als *t*, da sie beide durch je eine Nebenarbeit modifiziert werden: *d* durch die Nebenarbeit der Stimmbänder, *ť* durch diejenige der mittleren Zunge. Noch schwächer sind, als vorderlinguale *clusiles*, *ď* und *n* mit je zwei akustisch vernehmbaren Nebenarbeiten: *ď* — Stimmbänder und mittlere Zunge, *n* — Stimmbänder und offene Nase. Schließlich nimmt *ń* die letzte Stufe ein, weil man bei ihm alle drei Nebenarbeiten konstatiert: Stimmbänder, mittlere Zunge und offene Nase.

Je schwächer der akustische Eindruck von der Hauptarbeitsstelle, desto unstandhafter und desto veränderlicher ist das betreffende Phonem. So findet auch im Gebiete der »volksetymologischen« Verwechslungen gerade die Substitution der »weichen« Nasalkonsonanten am leichtesten statt. Vgl. z. B. russ. *ńébeľ* (небѣль) für *ḿébeľ* (мебель), *ńékrut* (некрутъ) für *ŕékrut* (рекрутъ) . . . .

Andere Folgen solcher Schwächung durch Nebenarbeiten bietet uns die Reimbildung. So erhellt z. B. aus dem von J. Karłowicz gesammelten Materiale, daß die polnische »Volkspoesie« solche Reime, wie *-aba* . . . *-ada* . . . *-aga* . . ., . . . *-ama* . . . *-ana* . . ., . . . *-aḿa* (*amia*) . . . *-ańa* (*-ania*) od. ähnl. wohl zuläßt, die Reime aber in der Art von . . . *-ata* . . . *aka* . . . *-apa* . . . nicht duldet.

Aus dem Vorhergehenden erhellt zur Genüge, daß es sich nicht ziemt, den Konsonanten *j* (*i̯*) »weich« — in dem üblichen Sinne des Wortes — zu nennen, oder von den »weichen« Vokalen *i*, *e* . . . . zu reden. Alle solche Phoneme können »palatal«, »mittellingual« . . ., nie aber »weich« oder »mouilliert« genannt werden. »Weiche« Vokale sind geradezu ein lautphysiologisches Unding. Das den so viel Unheil verursachenden russischen Schulgrammatiken und sogar anderen linguistischen Werken eigene Gerede von »weichen Vokalen« rührt von der Verwechslung der Buchstaben mit den Lauten, der Grapheme mit den Phonemen her. Man hat in der russischen Graphik Vokalgrapheme, …tellungen …kalischer Buchstaben, die mit der Vorstellung der

Veichheit« vorhergehender Konsonanten assoziiert werden; infolge-ssen überträgt man, auf dem Wege der so oft vorkommenden psy-ischen Unterschiebung und Verwechslung, diese Benennung, »weich«, uf die diesen Graphemen entsprechenden Vokale, wobei die diesen okalen vorangehenden Konsonanten gar nicht als »weich« aufgefaßt erden. Unterdessen erinnern zwar diese Grapheme, *и*, *е*, *ѣ*, *я*, *ю* . . . ., ı die »Weichheit«, aber nicht der ihnen entsprechenden Vokale, son-rn der Konsonanten, die diesen Vokalen unmittelbar vorangehen.

Bei der »Weichheit« der Konsonanten im »slavischen« Sinne muß an die akustische, deutlich vernehmbare Weichheit von der bloß ıysiologischen unterscheiden. In den »erweichten Konsonantengruppen« itt in der Regel bloß der letzte Konsonant als akustisch »weich« auf, ährend die »Weichheit« aller ihm vorangehenden Konsonanten meistens ıdeutlich und nicht mit dem Ohre, sondern einzig und allein mit dem neren Muskelgefühl vernommen wird.

Die »Erweichung« der Konsonanten immer nur dem »Einflusse nes«, sei es »organischen«, sei es »parasitischen *j*« zuzuschreiben ıd sie auf die »innige Verbindung mit *j*« zurückzuführen ist ganz nfach ein Unsinn. Psychologisch läßt sich die »Palatalisation« oder Erweichung« der Konsonanten durch den Einfluß folgender palataler ler mittellingualer Vokale mit der Vorbereitung zum Aussprechen des lgenden Phonems erklären. Wenn man ein *te*, *ti* . . . . aussprechen ll, ist man geneigt, schon während des ersten Moments an die dem lgendem Phoneme eigene Annäherung der mittleren Zunge an den ıumen zu denken und diese Arbeit schon in den ersten Moment zu ›ertragen. So können sich *te*, *ti* . . . . in *ťe*, *ťi* . . . . verwandeln.

Bei der palatalisierenden (mittellingualisierenden) Einwirkung ge-isser palataler oder mittellingualer Phoneme auf andere mit ihnen rbundene nicht palatale kann man folgende Richtungen und Arten ıterscheiden:

1. Neben der Übertragung der mittellingualen Annäherung der ınge an den harten Gaumen von den folgenden Phonemen auf die rangehenden (regressiv) hat man auch eine solche Übertragung in tgegengesetzter Richtung, von den vorangehenden auf die folgenden rogressiv).

2. Es kann dabei der Konsonant auf den Konsonanten, der Vokal f den Konsonanten und der Konsonant auf den Vokal eine assimilie-nde Wirkung ausüben.

3. Hinterlinguale Konsonanten unterliegen der »Erweichung« viel leichter, viel früher und in höherem Maße, als vorderlinguale und labiale.

4. Bei dem Übergange von der urarioeuropäischen Sprachperiode zu der gemeinslavischen wurden alle hinterlinguale Konsonanten durch die mit ihnen verbundenen palatalen oder mittellingualen Phoneme affiziert und dann sind sie in vorderlinguales Gebiet übergegangen (*č′ ž′ š′*; *ć ǵ ś*). Bei den labialen und vorderlingualen fand die palatale Affektion nur durch den Einfluß des nichtsilbebildenden, konsonantischen *i* (*i̯*, *j*) statt, während in Verbindung mit palatalen Sonanten eine palatale Affektion erst viel später, und zwar bloß im slavischen Norden, sich vollzog.

5. In einigen slavischen Gebieten, so vor allem im Čechischen (im Böhmischen), wirkten palatale Sonanten affizierend auf vorangehende Konsonanten nur dann, wenn sie lang waren (Fortsetzungen von *ī*, *ē*, *ę*); kurze Sonanten (Fortsetzungen von *ĭ*, *e*) übten keinen solchen Einfluß aus.

6. Bekanntlich hing die palatale Einwirkung vorangehender Sonanten auf folgende hinterlinguale Konsonanten von der verschiedenen Wortakzentuation ab. — Etwas ähnliches wurde schon früher bei der germanischen »Lautverschiebung« konstatiert[1].

Durch den Schwund des Unterschiedes zwischen den aspirierten und nichtaspirierten Konsonanten wurde bei dem Übergange von dem arioeuropäischen (indogermanischen) Urzustande zu den einzelnen späteren Zuständen die Beteiligung des Kehlkopfs an der Aussprache bedeutend vermindert. Wenn trotzdem der Unterschied zwischen den historischen Fortsetzungen der aspirierten und zwischen den historischen Fortsetzungen der nichtaspirierten aufrecht erhalten blieb, so wurde er durch verschiedene Arbeiten in der Mundhöhle erreicht (Germanisch, Neugriechisch . . . .), folglich die Rolle des Kehlkopfs durch diejenige der Mundhöhle ersetzt. Wo aber, wie im Eranischen, Keltischen, Aistischen (Baltischen) und Slavischen, keine Spur ehemaligen Unterschiedes zwischen den aspirierten und nichtaspirierten Konsonanten zu entdecken ist, da wurde eine von den Arbeiten des Kehlkopfes ganz einfach annulliert, ohne jeglichen Ersatz dafür zu erhalten.

1 Vgl. u. a. meine Abhandlungen: 1) Два вопроса изъ ученія о »смягченіи« или палатализаціи въ славянскихъ языкахъ (Ученыя Записки Имп. Юрьевскаго Университета 1893. No. 2 = Zwei Fragen aus der Lehre über die Palatalisation in den slavischen Sprachen (Acta et commentationes Imp. Universitatis Jurievensis [olim Dorpatensis]). — 2) Einiges über Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalisation) (Indogermanische Forschungen. IV. 1894. 45—57).

Im nordslavischen Sprachgebiete aber bildete sich mit der Zeit in der Mundhöhle eine ähnliche Unterscheidung, wie ehemals diejenige der Aspiratae und Nonaspiratae im Kehlkopfe war. Diese Unterscheidung wurde durch die Tätigkeit der mittleren Zunge erreicht. Die Unterscheidung vermittelst der mittleren Zunge samt dem harten Gaumen bildet gewissermaßen einen Ersatz für die verlorene Unterscheidung vermittelst des Kehlkopfs. »Palatale« oder »mittellinguale« sind den aspirierten, nicht-palatale oder nicht-mittellinguale den nichtaspirierten analog.

Auch historische Weiterentwicklungen beider Gattungen zeigen eine gewisse Ähnlichkeit. Ebenso aspirierte, wie auch palatalisierte Konsonanten verändern sich mit der Zeit in Affricatae und Fricativae (Spiranten). Wenn man dazu noch andere Modifikationen vermittelst des Kehlkopfes, und zwar diejenige der Stimmlosigkeit und der Stimmhaftigkeit hinzunimmt, so kann man folgenden allgemeinen Satz aufstellen:

Jede Komplikation der Aussprache eines Konsonanten, sei es im Kehlkopfe im allgemeinen (Aspiration), sei es vermittelst der Stimmbänder (Stimmhaftigkeit), sei es schließlich in der Mundhöhle vermittelst der mittleren Zunge samt dem harten Gaumen (Palatalisation, Mittellingualisation, Mouillierung, »Erweichung«) führt zu einer Schwächung der Aussprache an der phonatorischen Hauptstelle und folglich zu einer Veränderung und Entartung (Weiterentwicklung).

Die Folgen der Labialisation wären auch zu berücksichtigen.

Mit dem einfachen Schwunde des Unterschiedes zwischen den aspirierten und nichtaspirierten kann man einen anderen ersatzlosen Schwund der modifizierenden Nebenarbeit vergleichen, nämlich den partiellen Schwund der Palatalität oder Mittellingualität (»Weichheit«) der Konsonanten in dem kleinrussischen (ukrainischen) Sprachgebiete.

Im polnischen Sprachgebiete sind alle palatal affizierten Konsonanten — etwa mit Ausnahme von *ľ* und *ń* — mehr oder weniger historisch weiterentwickelt. Vorderlinguale *ś ź ť ď* bilden jetzt eine besondere Abart oder eine besondere Reihe vordermittellingualer Konsonanten, *ś ź ć dź*, mit der Tendenz gegen *š ž č dž*. Aus *ŕ* ist *ř* und selbst *ž* (resp. *š*) geworden. Labiale *ṕ b́ f́ v́ ḿ* und sogar sekundär entwickelte *ḱ ǵ x́* (*ch́*) verraten eine Tendenz zur Weiterentwicklung in diphthongische Verbindungen: *ṕj*, *b́j*, *f́j*, *v́j*, *ḿj*; *ḱj*, *ǵj*, *x́j* (*ch́j*).

Angesichts dessen ist es ganz verfehlt, in den polnischen *pj*, *bj* .... eine Fortsetzung ursprünglicher urslavischer Verbindungen mit einem

aus der Luft gegriffenen *j* zu sehen. Die polnischen *ṕj*, *b́j*, *ḿj*, *v́j* .... sind ebenso als sekundäre Zerlegungen früherer einfach palataler Konsonanten zu betrachten, wie das krainisch-slovenische (slovenische) und westlich-serbokroatische *rj* aus dem früheren *ŕ*.

Zum Schluß noch eine methodologische Bemerkung:

Hier, wie auch sonst, soll künftighin das rein Physiologische (d. h. die Arbeiten der Sprechorgane samt dem sie begleitenden inneren Muskelgefühl) von dem Akustischen (d. h. von der Perzeption der durch jene Arbeiten zustande gebrachten und mit dem Gehör vernehmbaren Resultate) unterschieden werden. Wir haben uns von der Vermischung der Buchstaben mit den Lauten, der Grapheme mit den Phonemen meistenteils freigemacht. Jetzt aber kommt in dem Gebiete des Phonetischen selbst die Unterscheidung des Akustischen von dem Physiologischen, des Zentripetalen von dem Zentrifugalen an die Reihe.

Dementsprechend muß auch unser gelehrter Jargon einer gründlichen Revision unterzogen werden.

Petersburg, November 1907.

J. Baudouin de Courtenay.

»Gebote der heiligen Väter« nach dem Euchologium Sinaiticum.

)ie im Jahre 1882 erschienene Ausgabe Geitler's, »Euchologium ski spomenik manastira Sinai brda«, ist von allen Forschern, die den westlichen Einfluß auf das altslavische Kirchenrecht gegeben haben (so vor allem N. Suvorov: »Sljedy zapadno-katol. vn. prawa ...« 1888, auch: »K voprosu o zapadn. vlijanii ...« und »Vopros o nomokanonje J. Postnika ...« 1898; sodann A.)v: »Mnimyje sljedy ...« 1892 und V. Vondrák: »Zachodno-ejskie postanowienia pokutne ...« 1904), benutzt worden. Im 1907 ist es mir gelungen, die Handschrift auf dem Berge Sinai Katharinenkloster vollständig zu photographieren. Jetzt gebe ich vieder den glagolitischen Text der »Gebote« (f. 101r—104v) in der Ierrn Prof. Jagić befolgten Transkription heraus; neben der alten)rdneteren Zustand gebrachten Kapiteleinteilung setze ich die von errührende hinzu; meine Zusätze sind in ⟨⟩ eingeklammert.

[1] ЗАПОВѢДИ СТꙐІХЪ ОЦЬ · О ·

:· покаанꙑи развоѣ· і о всемь грѣсѣ ·/.
Іще кто развои сътвори · или отъ ро I
жденьѣ своего оубиетъ · і лѣ да по
:· каетсѧ · Въ инои области · Толи по
:· томь да приѧ вжде въ свое оте
:· чство · Іще вжде правено покаа
:· лъ · о хлѣвѣ о водѣ · і да послоушъ
:· створетъ емоу епипъ · и пове · Вь ни
:· хъже сѧ естъ покаалъ ·/. Къ рожденью
:· оубиенааго ·/. Іще ли вжде недовро
:· покаалъ · То да не приѧтъ вжде въ
:· свое отчство ·/. Іще кто развои II

[1] стꙑхъ *cod.*

·:· сътвори не хотѧ· д лѣ да покаѥ
·:· тсѧ · к о ни о хлѣ· о водѣ ·/.
к Аще которы причетьни· содомъ III
скы блаждъ сътвори· і лѣ да
·:· покаѥтъ· к о ни о хлѣ о во ·/.
г Аще которы причетьникъ блж IV
|сътвори· ж лѣ да покаѥтъсѧ ·/. f. 101v
д Аще кто проклинаѥтъ· ж лѣ да поѥтсѧ ·/. V
е Аще кто нждьми клънетъ· в лѣ да VI
⟨ж⟩ ·:· покаѥтъ ·/. Аще кто оукраде· главъ VII
·:· но что· или скотъ· іли домъ подъко
·:· паѥ· іли что добро· зѣло драго оу
⟨ѕ⟩ ·:· крадетъ· д лѣ дакаѥтъ· А ли ма VIII
·:· ло что оукраде· в лѣ да покаѥтсѧ ·/.
з Аще которъй причетьни блж сътво IX
ри· съ тоуждеѭ женоѭ· ли съ дѣви
·:· цеѭ· к лѣ да покаѥтъ· о хлѣ о во ·/.
з Аще ли ѥсть дилкъ· ли чрънець· г лѣ X
да покаѥтъ· к о ни о хлѣ о во ·/.
з Аще ли ѥсть ѥпсиъ· то да извръже XI
тъ сана· и і лѣ дакаѥтъ ·/.
і Аще кто отровениѣ ради погоуби чка· XII
ж лѣ дакаѥтъ· к о ни о хлѣ о во ·/.
і Аще которы клорисець· женж и XIII
мы· толи съ тоуждеѭ блж съ
·:· твори· іли съ дѣвицеѭ· д лѣ да
·:· каѥтъ· к о ни о хлѣ о во ·/.
і Аще которы причетьни· ли вꙗщь XIV
ниж честь имѣѭ· оставлѧ же
·:· нж честь приѥме· аще ѥсть дилѣ
[illegible] ѥтъ· аще ли ѥсть
[illegible]
[illegible] 109 XV

·:· понеже вѧщьши наречетъ· в҃ лѣⷮ
і҃ Да поѥтъ ѻ҃ во ѻ҃ хлѣ ·/. Ꙗще кто са XVI
·:· мъ в҃ сѧ блⷤ҃ твори· лѣⷮ да покаѥтс⟨ѧ⟩ ·/.
⟨і҃⟩ Ꙗще кто гн҃ѧ плъти часть погоуби· XVII
·:· лѣⷮ Да покаѥтъ ·/. Ꙗще кто помꙑ XVIII
·:· слитъ на женѫ· тоуждѫ· толи не
·:· можетъ съ неѭ съгрѣшити· лѣⷮ
і҃ ·:· Да покаѥтъсѧ ·/. Ꙗще кто ѻбѣдъ XIX
·:· сѧ блюѥтъ· Да тръгоубитъ к҃ ·/.
і҃ Ꙗще кто болѣзни ради· ізблюѥтъ XX
брашеньце· в҃ дьни да поститсѧ·
·:· и еже естъ изблькалъ· Да съхра
·:· нитъ на ѻгни· и р҃ псамъ да испоѥ
·:· тъ· аще ли его пси да въкоусѧ р҃
денъ да поститъсѧ ·/.
і҃ Ꙗще котораѩ жена ѻтрочѧ оудави XXI
·:· в҃ лѣта да поѥтсѧ· а҃ ѻ хлѣбѣ ѻ во ·/.
и҃ Ꙗще кто хотѧ своѥѩ плъти оурѣже XXII
тъ· к҃ лѣⷮ Да покаѥтъ ѻ хлѣ ѻ во ·/.
и҃ Ꙗ кто похоть имꙑ· іли лѫкавъ XXIII
ствомь тоуждѫ женѫ прииме·
·:· в҃ лѣⷮ Да покаѥтсѧ· а҃ ѻ хлѣбѣ ѻ во ·/.
и҃ Ꙗще которꙑ простъ людинъ· вра XXIV
жьдѫ имꙑ· оударитъ чл҃ка· и ѻ
·:· кръвавитъ и· і҃ денъ Да покаѥтс⟨ѧ⟩ ·/.
|и҃ Ꙗще кто бѣдоѭ оукрадетъ· сънѣдъ f. 102v XXV
но чьто· к҃ денъ да покаѥтъсѧ ·/.
и҃ Ꙗще кто въ а҃ денъ иде на коладѫ· XXVI
·:· еноуарѣ· ѣкоже пръвѣе погани тво
·:· рѣахѫ· в҃ лѣⷮ Да покаѥтъсѧ ѻ хлѣ
и҃ ·:· ѻ во ·/. Ꙗще котораѩ жена извръже XXVII
·:· тъ ѻтрочѧ· в҃ лѣⷮ да покаѥтсѧ ѻ

ки ·:· хлѣ ѻ во ·/. Аще кто съ въдовоѭ· ли XXVIII
·:· съ дѣвицеѭ блж сътворитъ· в лѣ
ки ·:· Да поетъ ·/. Аще кто домъ заже XXIX
·:· жетъ· ли гоубьно· ж лѣ Да поетъ
ли ·:· ѻ вѣ ѻ во ·/. Аще кто ѻтъ манастъи XXX
·: рьскыꙗ цркве· токъмо чьто
·:· оукраде· ж лѣ Да поетъ ѻ хлѣ ѻ во·/.
(лв) Аще которы свщникъ· съ гнѣвомь XXXI
съкажетъ чка· ли кръвь пролѣ
·:· етъ· Да проситъ врача· Да дас
·:· емоу цѣленью постъ· ѻ денъ ѻ хлѣ
·:· ѻ во ·/. Аще ли естъ диѣкъ то ж мѣ· XXXII
(лг) Аще ли естъ по то лѣ ·/. Аще ли естъ XXXIII XXXIV
·:· епскпъ· то д лѣ Да покаетсѧ ·/.
лд Аще кто алъкати не можетъ· Да и XXXV
споетъ к псамъ· и ѕ· Аще ли не оу
·:· мѣетъ· Да дастъ цѧтж· Аще ли
·:· не иматъ цаты· то да ѻ брашъ
·:· на еже иматъ· Да дастъ ·/.
ле Аще кто мъздѫ възъметъ ѻтъ f. 103r XXXVI
кого· поститисѧ за нь· аще вѣдъı
се сътворилъ естъ· Да алъчетъ
за сѧ· елико и за ѻного· І еже естъ
възѧлъ· Да дастъ нищимъ ·/.
Іко тоуждѧ грѣхы вьземлетъ·
нѣстъ лѣпо да именоуетъсѧ
лѕ хвъ рабъ ·/. Аще котораꙗ жена XXXVII
·:· блждъ сътворьши· толи прока
·:· зитъ ѻтрочѧ к себѣ· і лѣ Да по
·:· етсѧ· к ѻ ни ѻ хлѣ ѻ во ·/.
лз Аще которы клоризчь· [illegible] XXXVIII
[illegible]
[illegible]

шедъ въ манастырь да поетъ ·/.
ѣ Аще кото причетьни· съ четврѣ XXXIX
ногомь блждъ сътворитъ· ѣ
·:· лѣ имы· і лѣ да поетъ ·/. Аще XL
·:· жены не има· Аще ли женж има
ѣ ·:· д і лѣ да поетсѧ ·/. Аще которъй XLI
·:· попъ· ли причетьникъ оупиетсѧ·
·:· і денъ да поетъ· Аще ли естъ
бѣлоризець· ж денъ да поетсѧ ·/.
ѣ Аще кто дроуга своего оупойтъ XLII
до ржга· да поститесѧ бка ж
·:· дьней ·/. Аще кто сънѣдьно что XLIII
| ·:· оукраде· да поститъ к дьней· А f. 103v
·:· ще ли естъ дѣтескъ· ж денъ да по
·:· ститсѧ ·/. Аще кто помыслитъ XLIV
·:· блждъ сътворити· толи не мо
·:· жетъ· да тръгоубитъ к ·/.
Аще кто съ рабож блждъ сътвори XLV
·:· толи роди дѣтищь· да свободи
·:· рабж тж· і поститъ лѣ едино ·/.
Аще комоу оумьретъ дѣтищь некръ XLVI
щенъ· за лѣность· в лѣта да по
·:· каетсѧ о хлѣбѣ о водѣ ·/.
Аще кто гнѣваетсѧ на братра свое XLVII
го· еликоже денъ гнѣвъ дръжи
·:· тъ· толико да поститъсѧ о хлѣ
бѣ о водѣ ·/. Аще кто братра свое XLVIII
·:· го въ гнѣвъ проклънетъ· і пакы
·:· възлюбитъ· ж денъ да покае
·:· тъсѧ о хлѣбѣ о водѣ ·/.
Аще кто оудавлениинж· ли кръвь XLIX
скотиж· не вѣды ѣко оумрьло

119 оукпиетсѧ *cod.* 135 Аще *cod.*

·:· ѥстъ· ілн трѣбъно ҷто без бѣдꙑ
ѣстъ· в҃ і҃ недѣли да поститсꙙ ·/.
Аще ли бѣдꙑ· ѣлъ ѥстъ· в҃ лѣ да L
поститсꙙ ·/. Аще кто не съхрани LI
·:· тъ брашеньца· толи мꙑшь ѥго
·:· въкоусить· или сътъретъсꙙ·
| ·:· к҃ ти день да поститъсꙙ ·/. Аще кто f. 104r LII
·:· пролѣѥтъ отъ ст҃ꙑꙙ ча· въ врѣ
·:· мꙙ прѣношенью· ж҃ день да пости⟨тсꙙ⟩ ·/.
Аще ли по прѣношеньи· пролѣѥтъ к҃ LIII
день да поститсꙙ ·/. Аще кто въ LIV
·:· цр҃кве съпꙙ· толи ѥмоу врагъ бла
·:· знь принесеть въ сънѣ· ж҃ день
да поститъсꙙ· и да поклонитъ
·:· сꙙ на день р҃ ·/. Аще кто чрьньцѫ LV
·:· окрадетъ· в҃ лѣта да поститсꙙ
·:· о хлѣбѣ о водѣ· А еже ѥстъ оукра
·:· лъ· да дастъ нищиимъ ·/.
Аще которꙑ причетьникъ ловит⟨ъ⟩·
аще ѥстъ диѣкъ· к҃ лѣ да постит⟨ъсꙙ⟩ ·/. LVI
Аще ли ѥстъ попъ· к҃ лѣ да пости LVII
тъсꙙ· о хлѣбѣ о водѣ ·/.
Аще кто заклинаѥтъ кого ст҃ꙑ LVIII
ми· толи оупивсꙙ облюѥтъ· к҃ ти
день да поститсꙙ о хлѣ о во ·/.
Аще ли диѣкъ ѥстъ ж҃ день да по LIX
ститъсꙙ· о хлѣбѣ о водѣ ·/.
| Аще кто клꙙтъ бѫде· і молитъ f. 104v LX
·:· сꙙ сотонамъ· іли імена имъ
·:· творитъ часка· д҃ лѣ да покаѥ
·:· тъсꙙ о хлѣбѣ о водѣ ·/.

V. Beneševič,
außerord. Prof. des Kirchenrechts.

Slavische Wortdeutungen.

1. Abg. *abьje*, *abije*.

Abg. *abьje*, *abije* 'εὐθύς, εὐθέως, παραχρῆμα, sogleich; alsbald' hat J. Schmidt, Neutra 216 Anm. mit ai. *ahnāya* 'sofort' (das aber von anderen auf *áhan-* 'Tag' bezogen wird); gr. ἄφαρ (anders Bartholomae BB. 15, 17 f., der es mit ai. *sabar-dhúk*, Beiwort von Kühen, als 'leicht Milch gebend' vereint), 'sogleich, darauf, ununterbrochen'; ἄφνω, ἄφνως 'plötzlich' verbunden; dazu stellen Bezzenberger bei Stokes 50 und Zupitza KZ. 36, 244 ir. *obann* aus **obhnó-* 'plötzlich'. Doch lassen sich gegen die Zugehörigkeit des abg. *abьje* zu dieser Sippe Bedenken betreffend die formantische Seite erheben. Aus dem ai., gr. und ir. Wörtern darf man auf einen idg. *r/n*-Stamm schließen oder, wenn gr. ἄφαρ nicht dazu gehören sollte, wenigstens auf einen *n*-Stamm. Da das slav. Wort keine Spur davon zeigt, so würde sich die Verwandtschaft jedenfalls nur auf Wurzelgemeinschaft beschränken. Vielleicht ist indes *abьje* ganz anders aufzufassen. Wenn man an die nicht seltenen Fälle denkt, wo Ausdrücke für »sogleich« vom Demonstrativstamm **to-* gebildet werden, wie lat. *topper* aus **tod-per* 'rasch, sofort, sogleich'; lit. *tů*, *tů-jaũ* 'sofort'; nhd. *mit dem* als Ausdruck der Gleichzeitigkeit (Brugmann, Demonstrativpron. 142); bg. *tútakъi* 'sogleich', so wird man wohl annehmen dürfen, daß solche Bildungen auch vom anaphorischen Pronominalstamm **i-* möglich waren. So kann man in *abьje* ein älteres **obь-je* **obhi* **i̯od* 'zu dér Zeit' sehen. Über *obъ* (aus **obь*) mit dem Acc. in Zeitbestimmungen vgl. Miklosich VG. IV 429 f. Das anlautende *a* in *abьje* aus **obьje* ist durch Anlautsdehnung entstanden; über diese Erscheinung im Slav. handelt Pedersen KZ. 38, 315 ff.

2. R. áльчикъ.

Das r. Wort áльчикъ wird von Dal' für Archangelsk angegeben und erläutert als 'игорная говяжья надкопытная кость, кóзна, кóзанъ, бабка, костыга, шлякъ, лодыга, бáска; латинс. Talus'. Es bezeichnet

also den beim Knöchelspiel gebrauchten Knöchel, das Fessel- oder Sprungbein beim Rinde. Dieses Wort ist von Zubatý BB. 18, 253 in die Sippe von slav. **olkъtь* (abg. *lakъtь*, r. ло́коть usw.), lit. *ùlektis*, *alkúnė*, *elkúnė* 'Elle, Ellenbogen' eingefügt worden, was, so weit ich sehe, allgemeine Zustimmung gefunden hat (vgl. zuletzt Lidén, ArmStud. 97; KZ. 40, 265; Meillet MSL. 14, 377). Da in letzter Zeit diesem áльчикъ immer mehr Bedeutung in semasiologischer wie in lautlicher Beziehung (als Ablautsstufe) innerhalb dieser Sippe beigemessen wird, so ist es an der Zeit zu erinnern, daß die Indigenität dieses Wortes keineswegs sicher steht. Aller Wahrscheinlichkeit nach ist es ins Russische aus den Türkdialekten entlehnt. Im Kasaner, Aderbedschan- und Krymdialekt begegnet *alčy* 'eine der vier flachen Seiten des Knöchels, die dem Tochan gegenüberliegt'; kirg. *alšy* 'die eingebogene Seite des Knöchels'; aus dem Gebrauch beim Knöchelspiel stammt die Redensart *asyʒyṇ alšy turdu* 'dein Knöchel steht mit der eingebogenen Seite nach oben, deine Sache steht gut' (vgl. Radloff, Versuch eines Wb. der Türkdialekte I 425. 429; daselbst auch Hinweise auf Verwandte und die Herleitung innerhalb des Türkischen).

3. P. *baczyć*.

Ohne Deutung ist bisher p. *baczyć* 'sehen, wahrnehmen, bemerken, beobachten, berücksichtigen' geblieben; dazu *obaczyć* 'sehen, bemerken; erblicken; sich besinnen'; *z-obaczyć* ds. Klr. *báčyty* und wr. *báčić* 'sehen' dürften aus dem P. stammen. Das Wort ist im P. altbelegt. So bietet der Flor. Ps.: *baczil iest glos* 'attendit voci'; *bacz na glos* 'intende voci'; *baczicze* 'sapite'. Matzenauer LF. 7, 4 hat an Entlehnung aus tü. *bakmak* 'besehen' gedacht; doch widerspricht dem die Formation des Wortes (wenn nichts anderes!) auf das entschiedenste. Ich sehe in *ob-aczyć* die relativ ursprünglichere Form und in *baczyć* eine falsche Dekomposition, indem *obaczyć* als *o-baczyć* gefaßt wurde. Solche falsche Dekompositionen sind häufig. So entstand č. *bádati*, p. *badać* 'forschen' neben č. alt *jadati* 'forschen' aus *obadati*, *obádati*; *obadać* (vgl. Zubatý bei Gebauer HM. I 424: *jadati* aus **adati* zu gr. ὄζω, ὄδωδα; lit. *ū́džu*, *ū́sti* 'riechen'; lat. *odōrārī* 'riechen, wittern' — 'erforschen, ausspüren'); p. dial. *bagnić się* 'lammen' aus *ob-agnić się* (**agnьcь*); č. *bořiti* 'zerstören' aus *ob-ořiti* (**orą*, **oriti*); Gebauer Slov. I 86; wr. *bóloki* Pl. 'Wolken' aus *ob-óloki* **ob-volky*. Und so noch vieles andere. Als Grundwort für *baczyć*, *obaczyć* erhält man so ein urslav. **ačą*, **ačiti*, über dessen Etymologie man nicht in Verlegenheit sein kann: es gehört [illegible] und [illegible] -andt[illegible] [illegible] -en Stamm **ǭk*- [illegible] hat ausführlich

J. Schmidt, Neutra 388 ff. gehandelt. Stufengleich mit slav. **ak-* sind aw. *aiwy-āxšayeinti* 'sie beaufsichtigen, wachen über' (Bartholomae, AirWb. 311); gr. *ὄψ*, A. *ὦπα* 'Auge'; *πρόσ-ωπον* 'Antlitz'; *κατ' ἐν-ωπα* 'ins Gesicht'; *ὄπ-ωπ-α* Pf. 'erblickte'. Zur Bedeutung und Bildung von *ob-aczyć* vgl. p. *z-oczyć* 'erblicken, gewahren'.

4. Slav. *besěda.*

Die Sippe: abg. *besěda* 'Unterhaltung, Rede'; *besědovati* 'sich unterhalten, sprechen, reden'; r. бесѣда 'Gespräch'; бесѣдка 'Laube'; dial. 'Kunkelstube'; бесѣдовать 'sich unterreden'; klr. *bésida* 'Sprache, Rede'; *bésiduvaty* 'sprechen, reden'; skr. *bèsjeda* 'Gespräch, Rede, Wort'; *bèsjediti* 'sprechen'; sl. *besȅda* 'Wort, Rede, Gespräch'; *besédıti*, *besedováti* 'sprechen'; č. alt *beséda*, heute *beseda* 'Gespräch; Unterhaltungsort'; p. *biesiada* 'Schmaus, Unterhaltung'; os. *bjesada* 'Unterredung, Gesellschaft' (vielleicht aus dem P.; anders Mucke, Laut- u. Fl. 66) — ist noch nicht befriedigend gedeutet. Daß Zusammenhang mit *sěděti* 'sitzen' besteht, zu dem **sěda* ein Postverbale sein kann, ist öfters behauptet worden. Allein was ist das *be-*? Pogodin RFV. 39, 1 denkt an die lit. Durativpartikel *be*; *be-vargstù* 'ich leide immerfort'; *mán bè-kalbant* 'während ich noch so sprach'. Doch ist man weder über deren Herkunft im Klaren, noch läßt sie sich sonst im Slav. nachweisen. Ich wage folgende Vermutung. *besěda* kann aus **bez-sěda* entstanden sein; vgl. abg. *besъmrъtьje* 'Unsterblichkeit' aus **bez-sъmrъtьje*. Vielleicht hat *bez-*, sonst 'ohne', in der Komposition noch die alte Bedeutung 'außerhalb' bewahrt; *bezъ* = ai. *bahiṣ* 'außerhalb'. So wäre *besěda* ursprünglich das 'Draußensitzen' (vgl. zur Bildung ai. *bahir-dvāram* 'Platz vor der Tür'), worauf vielleicht noch r. бесѣдка 'Laube' weist. Aus der Bedeutung 'Draußensitzen', etwa dem gemeinsamen Draußensitzen von Nachbaren vor den Türen der Behausungen, konnte sich die von 'zusammen reden, verhandeln, sprechen' entwickeln. So ist ja der Bedeutungsübergang von 'Versammlung' zu 'Rede, Unterhaltung' häufig innerhalb und außerhalb des Slav. Vgl. z. B. bg. *sbor* 'Versammlung' und 'Wort'; *sborúvam* 'rede'; klr. (aus dem P.) *sejm* 'Versammlung' — *sejmáty* 'sprechen, sich unterhalten'; skr. *dìvān* (aus dem Osman.) 'Ratsversammlung' — *divániti* 'sich unterhalten, sprechen'; gr. *ἀγορά* 'Versammlung' — *ἀγορὰς ἀγορεύειν* 'Reden halten'; *ἀγορεύειν* 'reden'; gr. *ὅμιλος* 'Getümmel, Haufe, Versammlung'; *ὁμιλέω* 'sich scharen, verkehren' — ngr. *μιλῶ* (*ὁμιλῶ*) 'spreche'; ngr. *κουβέντα* 'Rede, Unterhaltung'; *κουβεντιάζω* 'rede' aus lat. *conventum* (G. Meyer, NgrStud. III 333); rum. *cuvînt* (conventum)

Wort, Rede'; *cuvînt* 'reden'; nhd. dial. kärnt. (Lexer 133) *hàns*, *hànse* Geplauder, Unterhaltung' zu ahd. *hansa* 'cohors'.

5. R. колбаса́.

Daß bei seiner Vereinigung der Wörter r. колбаса́; klr. *kolbasá*; skr. alt *kobasa*, heute *kobàsica*; kajk. *klobasa*; čak. *klobasïca*; sl. *klobása*; č. *klobása*; p. *kiełbasa*; os. *kolbasa*; ns. *kjałbas* 'Wurst' unter einer urslavischen Gf. **kъlbasa* die Lautverbindung *tъlt* im Sl., Skr. und Č. auffälligerweise nicht die zu erwartenden Reflexe ergeben hat, betont Miklosich selbst EW. 154. Schon dieser Umstand läßt an dem urslav. Charakter des Wortes füglich zweifeln. So hat man es denn auch als Lehnwort aufgefaßt. Budmani Rječnik V 134 und Baudouin de Courtenay bei Dal' II 341 denken an frz. *calebasse* 'Flaschenkürbis, Kürbisflasche', welches selbst durch Vermittelung von span. *calabazza* aus Westindien stammt. Die Kürze des Wörterbuchartikels hat beiden Gelehrten nicht gestattet, die Möglichkeit einer solchen Entlehnung nach zeitlichen, örtlichen und sachlichen Umständen näher zu begründen und die großen sich bei dieser Annahme ergebenden Schwierigkeiten zu beseitigen. Daß das Wort entlehnt ist, dürfte kaum zu bezweifeln sein (Matzenauers Deutung LF. 8, 175 überzeugt nicht). Aber woher? Bei Karłowicz, Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia 268 finde ich den m. E. sehr beachtenswerten Wink, daß колбаса́, *kiełbasa* usw. aus dem Hebräischen stammen. Beachtenswert sind hiebei (was Karłowicz nicht anführt), die beiden ältesten Belege, die Срезневскій Мат. I 1249 für колбаса gibt. Der eine aus der Nowgoroder Kormčaja kniga von 1280 lautet: Нѣции оубо кръвь коего любо животьнаго хытростью стваряють снѣдьно, еже глаголють колбасы (Einschub); der andere aus dem Стоглавъ (1551): правило возбраняетъ всѣмъ православнымъ христіаномъ удавленины и крови ясти, сирѣчь колбасы. Aus beiden Stellen geht hervor, daß die Speise nicht gewöhnlich war; aus der letzteren, daß sie als nicht »christlich« galt. Die hebräische Quelle des Wortes könnte wohl *kōl-bāsʼār* (Karłowicz schreibt nicht ganz richtig *kūl basār*) 'allerlei Fleisch' sein. Kollege Dr. David Herzog belehrt mich freundlichst, daß die Zusammenstellung der beiden Wörter in der Bibel durchaus häufig ist (so Gen. $6_{13 \cdot 17}$; 7_{21}; $9_{11 \cdot 15 \cdot 17}$; Lev. $13_{43}{}^{2}$; 17_{14}; Deut. 5_{23}; Ps. 65_{3}; Hiob 34_{15}; Jes. 40_{5}; 49_{26}; $66_{16 \cdot 23}$ u. ö). Er schreibt mir ferner: »Es ist merkwürdig, daß wir im Hebräischen eine Bezeichnung für das Wort 'Wurst' überhaupt nicht besitzen. Denn das im Aramäischen (daraus entlehnt auch im Neuhebräischen) und auch im Arabischen vorkommende *lūḳnikā*, bez. *lūḳānīḳ* ist dem gr. λουκά-

νικον, lat. *lucanica*, *lucania* entlehnt; vgl. auch Fleischer in den Nachträgen zu Levys Neuhebr. u. Chald. Wörterbuch Lpz. 1883, III, p. 718 ad S. 440, Sp. 1, Z. 3 Man wird also gewiß schon in alter Zeit zu der Umschreibung *köl-bāsʼār* für 'Wurst' gegriffen haben«; und erinnert daran, daß das Fleischergewerbe schon in uralten Zeiten bei den Juden, auch schon mit Rücksicht auf die rituelle Schlachtung, heimisch gewesen ist, die jüdischen Fleischer also auf jeden Fall Termini für Waren ihres Faches gebildet haben werden. — Bei der Annahme von Entlehnung erklären sich die variierenden Lautformen des Wort s ohne sonderliche Schwierigkeiten. Daß *kolbasá* usw. als Fem. auf *-a* aufgenommen wurde und nicht das *-r* des hebräischen Originals behielt, erklärt sich wohl leicht daraus, daß ein Formans *-ar* zu ungewöhnlich war. Und auch das im Altpolnischen überlieferte *kiełbo-dziej* 'Wurstmacher' widerspricht der Deutung nicht ernstlich. Denn *kiełbo-* wird schwerlich das Grundwort für *kiełbasa* sein, sondern eher eine Art Kurzform im Kompositum.

6. Slav. **kъnorzъ*.

Altruss. кнорозъ (XV. Jh.) 'Eber'; klr. *knóroz* 'Eber von zahmen Schweinen'; daneben *kórnos*, *kornaz* (wohl mit Metathese an *korńáty* 'stechen, schlagen' angelehnt); wr. *knóŕèz* (für **knóroz* durch Anlehnung an *rèzati* 'schneiden') 'Einhoder von Ebern und Pferden, nicht genügend kastriert'; slk. *kurnaz* (aus dem Klr.?); p. *kiernoz*, *kiernos* (aus **kiernroz*); kasch. *knôrz*, G. *knarza* (neben p. *ćernoz*); slz. *knårz* (vgl. Lorentz 75); os. *kundroz*; ns. *kjandroz* 'Eber'. Wenn r. dial., klr., wr., p. *knur* 'Eber' überhaupt hierher gehört, so ist es als Kurzform aufzufassen; dunkeler noch ist os. *kunč*. Daß diese Wortsippe zu urslav. **kъrnъ* = ai. *kāṇás* 'ausgestochen, durchlöchert' gehöre, hat schon Miklosich EW. 157 vermutet, doch gelang ihm nicht, der Schwierigkeiten Herr zu werden. Ich halte **kъnorzъ*, durch Dissimilation aus **kъrnorzъ* entstanden, für ein Kompositum, dessen erstes Glied zu **kъrnъ* gehört und dessen zweites = gr. *ὄρχις*; aw. Du. *ərəzi*; arm. *orj-* in *mi-orj-i* '*μόνορχις*'; *orji-k'* 'Hoden'; *amorji-k'* 'testicles' (vgl. Hübschmann, ArmGr. I 483); alb. *herđε* 'Hode' ist. Zum *o*-Stamm **-orzъ* im Kompositum vgl. gr. hom. *ἔν-ορχος* 'Hoden habend, nicht verschnitten'. **kъrnorzъ* also 'der, dessen Hoden verschnitten, verstümmelt sind'. Lit. *eržilas* 'Hengst', das zu *ὄρχις* usw. gestellt wird (Fick I 17), beweist wohl das Vorhandensein des altidg. Wortes auf balt. Boden.

7. Slav. **krotъkъ; *krotǫ, krotiti.*

Der Begriff »kastrieren« (»zähmen«) scheint auch folgenden Wörtern zugrunde zu liegen: abg. *krotъkъ* 'sanft, mild'; *krotostь* 'Sanftmut'; *krotiti* 'zähmen'; r. кроткій 'sanft, mild, bescheiden'; кротить 'zähmen, bändigen'; klr. *krótok* 'sanft, demütig, ruhig'; *u-krotýty* 'zähmen, bändigen; lindern'; bg. *krótъk* 'zahm'; *krotь'* 'zähme'; skr. *kròtak* 'sanftmütig, zahm'; *u-kròtiti* 'zähmen'; sl. *krótək* 'zahm, kirre, sanft'; *krotiti* 'bändigen, bezähmen'; č. *krotký* 'sanft, demütig, ruhig, geduldig'; *krotiti* 'zähmen, lindern'; p. *krótki* 'gezähmt'; *u-krócić* 'bändigen'. Miklosich EW. 142 hat keine Deutung gegeben. Die Zusammenstellung mit gr. *κράτος* 'Stärke'; *κρατέω* 'habe Kraft' (Matzenauer LF. 9, 14) ist verfehlt und den Vergleich mit ai. *krathana-* 'erstickend; Erstickung'; *krāthanam* 'Schnarchen' hat Zubatý KZ. 31, 7 selbst schon mit einem Fragezeichen versehen. Geht man für *krotǫ, krotiti* von der Bedeutung aus »Tiere durch Kastrieren zähmen« so bietet sich zum Vergleich gr. *κροτέω* 'klopfe, schlage, schmiede'; *κρόταφος* 'Kolben am Hammer'. Das Kastrieren geschah in alter Zeit am einfachsten dadurch, daß man durch Klopfen eine Entzündung hervorrief; vgl. Hirt, Indogermanen 291; 658; Schrader RL. 919; so schon im alten Indien (Atharvaveda 6, 138, 2) und so noch in der Herzegowina. Ob die alte Bedeutung von *krotiti* 'schlagen' noch in r. dial. кротить 'Seehunde mit der Keule tot schlagen' bewahrt ist oder nicht, darüber kann man verschiedener Meinung sein. *krotъkъ* '(castriert) gezähmt, zahm' ist gebildet wie **kortъkъ* 'kurz (abgeschnitten)' zur W. *qert-* 'schneiden'.

8. Slav. **nъktva.*

R.-ksl. *nъštьva, noštva* 'σκάφη'; r. dial. ночва 'flache Mulde, Futterschwinge'; klr. *nóčvy, nočovy* Pl. ds. und 'Waschtrog' (*nécky* Pl. aus dem P.); bg. *nъštvi* Pl. 'Backtrog'; skr. *nȁćve* und *nȁvće* (mit Metathese) Pl. 'Brottrog, Backtrog, Trog' (daneben *mlȁćve*, etwa an *mlátiti* 'dreschen, beuteln' angeglichen?); sl. *nəčvè* und *nȃčke* (mit einem *k*-Formans umgebildet); dial. *nȃčke* (alt *nuške* aus kärnt. *nuosch, nuesch* 'Rinne; Schweinetrog') 'Backtrog, Mulde'; č. *necky* Pl. 'Mulde, Waschtrog, Backtrog'; p. *niecki* (daraus *niecu* neugebildet) 'Mulde, Trog, runde Holzschüssel'; os. *mjëcki*; ns. *njacki* 'Mulde' können nicht mit Miklosich EW. 218 auf ahd. *nuosc* 'rinnenartiger Trog für das Vieh'; mhd. *nuosch*, nhd. bair. *nuesch* bezogen werden. An Entlehnung ist nicht zu denken und Urverwandtschaft unmöglich. Faßt man ksl. *št*, r. *č* usw. als Vertretung [illegible] auf so ist die ganze Bildung des Wortes unverständ-

lich. Es bleibt nur der Ausweg, *kt* anzusetzen und anzunehmen, daß *kt* durch das vorhergehende *ь* den Anstoß zur Wandlung in der Richtung von *ť* erhielt. Auf **nъktva* mit *ь* weist ja entschieden das P. und Sorb.; das Südslav. und das Č. lassen keine Entscheidung zu, während r. klr. *noćva* auf **nъktva* zurückgehen. Diese Formen könnte man durch die Annahme erklären, daß hier *ь* nach der Wandlung von *kt* zu *ъ* durch das folgende *v* umgelautet sei; also ein ähnlicher Fall wie ursl. **tьnъkъ* (p. *cienki*), woneben r. тóнкий ein **tъnъkъ* voraussetzt. Ist aber **nъktva* die Grundform, so ist die Etymologie klar. Zum Formans *-tva* vgl. Meillet Études 304 f. **nъktva* bedeutete ursprünglich 'Waschtrog' und ist zu ai. *nénēkti* 'wäscht ab'; *niktás* 'gewaschen'; gr. *νίζω*, *νίπτω* 'wasche'; *νίπτρον* 'Waschwasser'; *χέρνιψ* 'Waschbecken' und seinen weiteren Verwandten (vgl. namentlich Zupitza, GermGutt. 92) zu stellen.

Prag. *Erich Berneker.*

Emil Korytko.

Poljak Korytko je bil prvi sistematični nabiratelj narodnega blaga pri Slovencih. »Slovénske pésmi, krajnskiga naróda«, ki so izišle v Ljubljani 1839—1844 v petih zvezkih so bile plod njegovega kratkotrajnega a uspešnega delovanja na Slovenskem. Kdor pozna razmere slovenskega javnega življenja v tridesetih letih prošlega stoletja, ta vé, da je komaj dveletno bivanje tega navdušenega poljskega mladeniča znatno poživilo takratno slovensko slovstveno gibanje. Slovenska literarna zgodovina pa je Korytka skoraj prezrla. Glaserjeva »Zgodovina« ne vé o njem veliko več nego ime. Nekoliko več piše o njem Marn (Jezičnik, XVI. str. 6); v zadnjem času je hotel razširiti naše znanje o Korytku članek Romana Zawilińskega in drja. Fr. Ilešiča (K biografiji Emila Korytka, Ljub. Zvon, 1899, str. 468), a nam je na podlagi nekih Kolbergovih zaznamkov docela zmešal časovne podatke o Korytku. Prihranjujoč si obširnejšo razpravo za kakšno slovensko publikacijo, hočem tu omeniti le nekatera važnejša dejstva Korytkovega kratkega življenja in v marsikaterem oziru zanimivega delovanja.

Emil Korytko je prišel obenem z Bogusławom Horodyńskim dne 27. januarja 1837 kot političen interniranec v Ljubljano. Mladenič (rojen l. 1813 na posestvu Zezawa pri Zaleszczykih v czertkowskem okraju v Galiciji) je študiral v l. 1833 prvi kurz drugega letnika filozofije v Lvovu, ko so ga prijeli in vteknili v preiskovalni zapor. Bil je na sumu, da je agilen član tajnih društev, ki so se po letu nesrečne poljske revolucije (1831) o velikem številu ustanavljala v Galiciji. To gibanje so podžigale revolucijske knjige in brošure (med njimi Mickiewiczeva »Księgi narodu i pielgrzymstwa polskiego«), ki so se na skrivaj tiskale v osolińskem institutu. V preiskavah med leti 1833—1836 (veliki procesi radi veleizdaje) je sodišče Korytku sicer dokazalo, da je »dejansko sodeloval pri razširjanju revolucijskih brošur«, da je »prodal knjigarni Kuhn & Milikowski 200 izvodov zelo opasnih brošur »Księgi narodu polskiego« ter da je v nekem seznamku praktikanta v institutu osolińskih ... bil opisan kot odjemateli velikega števila

revolucijskih knjig« — a direktnih dokazov veleizdaje se vendar ni moglo najti zoper njega. Obsodili so ga torej samó »wegen der Störung der öffentlichen Ruhe« v prognanstvo iz Galicije, po nasvetu Sedlnitzkega v Ljubljano. (Akti v cenzurnem in policijskem arhivu na Dunaju.)

Na podlagi poročil, ki jih je moral pošiljati ljubljanski polic. ravnatelj Sicard na Dunaj, se dá natanko zasledovati Korytkovo življenje na Slovenskem. Ta mesečna izvestja se pričenjajo vsa brez izjeme s pohvalo interniranačevega vedenja, omenjajoč osebe, ki prihajajo s Korytkom v dotiko in poročajoč o dejanju in nehanju njegovem. Tako naznanja polic. ravnatelj na pr. dne 20. febr. 1837, da se je Korytko seznanil v licejki s knjižničarjem Likavcem in skriptorjem Kastelcem, da je bil sprejet v kazino za člana in da sedaj tam v čitalnici ure in ure čita. Posebno pa da se je sprijateljil z družino advokata drja. Crobatha (čigar žena je bila Poljakinja) in njegovim koncipientom drjem. Prešernom. Poslednji da Korytka pogosto obiskuje na stanovanju, da se drug od drugega uči poljščine, oziroma slovenščine. Korytko in Horodyński živita zelo skromno, prvemu pošilja oče 50 gl. na mesec; in s tem malim denarjem podpira Korytko celó svojega tovariša, ki je brez sredstev. Dne 28. marca 1837 se poroča, da se Korytko uči pri nadporočniku Cantaruzziju »angleškega slikarstva«. Od aprila dalje začneta interniranca hoditi k drju. Crobathu na hrano in delata z advokatom in Prešernom s polic. dovoljenjem kratke izprehode iz Ljubljane. »Korytko zahaja pridno v licejsko in Čopovo knjižnico.« O tem, da mu je policija dovolila delati izlete v ljubljansko okolico na 18—20 ur daleč, je pisal Korytko svojemu očetu dne 16. apr. 1837; to pismo so, kakor vso njegovo korespondenco prestregli, v Lvovu prevedli na nemško in ga poslali Sedlnitzkemu. Poslednji je zahteval od ljublj. polic. ravnatelja pojasnila. Predsednik Sicard pravi, da je interniranecema dovolil izlet v Postojno, ker je mislil, da leži to v njegovi kompetenci; kakega splošnega dovoljenja jima pa ni dal. Sedaj da prosita, da bi smela napraviti dva izleta: enega v Bohinj na 5 dni, drugega v Idrijo na 3 dni. Sicard priporoča njuno prošnjo zaradi slabéga zraka v Ljubljani. Sedlnitzki teh dveh izletov ni dovolil, »ker se na takih ekskurzijah ljudje težko nadzorujejo«. Te izlete na deželo je Korytko potreboval zaradi svojega slabega zdravja in pa v svoje folklористične namene. Mladenič je bil »vsled dolgega preiskovalnega zapora ves oslabljen«, kakor je pisal gališki deželni predsednik baron Krieg že v poletju 1836 grofu Sedlnitzkemu. Dne 18. julija 1837 poroča Sicard, da je Korytko bolehen in da ga je zato, »ker potrebuje boljše postrežbe« vzel dne 3. julija dr. Crobath k sebi na stanovanje in

hrano. Tu je stanoval do 16. dec. 1837, na hrani pa je ostal vedno pri advokatu Crobathu. V oktobru 1837 je vložil prošnjo, da bi se smel vrniti v Galicijo, a Sedlnitzki je dne 20. nov. 1837 vrnil prošnjo, češ da ni pravega vzroka za pomiloščenje. Nato se je vdal v svojo usodo in se začel baviti z nabiranjem folklorističnega gradiva kraja, v katerega ga je bila zanesla usoda.

Ko so Korytku v sodnijskih obravnavah očitali njegovo dopisovanje z mladimi dijaki, se je izgovarjal, da je rabil te zveze, ker namerava pisati neko statistično delo. Sodišče je bilo mnenja, da je Korytko sicer nadarjen, a da za tako delo nima zmožnosti, da je torej njegovo opravičevanje le prazen izgovor. Da ima Korytko res veselje do takega dela, se je Sedlnitzki lehko uveril iz poročila Sicarda z dne 30. junija 1838, v katerem piše ljublj. polic. predsednik, da je Korytko okreval, zadobil zopet svojo vedro nrav, vsled česar more zopet nadaljevati svoje prirodoslovne in statistične študije. Bavi da se posebno z nabiranjem narodnih pesmi in pripovedk, opisovanjem običajev, nravov in šeg kranjskega naroda. V ta namen je priobčil v ljubljanskem listu »Illyrisches Blatt«, št. 25, z 10. junijem 1838 datiran oklic na prijatelje slovanstva na Kranjskem. Ta oklic je imel naslov: »Den Freunden des Slaventhums in Krain ein Slave aus Norden.« V tem spisu opozarja na važnost narodnih pesmi in pripovedk, opisov nravnega in domačega življenja, šeg, navad in običajev, kar imajo drugi Slovani že zbrano, le Kranjci so zaostali. Pravi, da hoče on izdati slovensko narodno blago in prosi odgovorov na 12 vprašanj, tičočih se ženitve, pogreba in krsta, božiča, kresa, plesa in godbe, vraž, čarovnic, besov, čudodelnih zelí, pregovorov, pesmi, noše i t. d. Ta sestavek je ponatisnil praški list »Ost und West« v štev. 58, z dne 21. julija 1838, napovedujoč Korytkovo zbirko slovenskih narodnih pesmi, češ da kmalu izide. — Narodnih pesmi je imel v kratkem času toliko zbranih, da jih je res mislil poslati že v tiskarno. O tej svoji nameri je napisal dve objavi: eno dne 24. junija 1838 za »Ost u. West«, drugo dne 26. julija za »Illyr. Blatt«. Prvi list jo je prinesel v svoji štev. 63. z dne 8. avg. pod naslovom »Sammlung krainerischer Volkslieder von Emil Korytko«. Tu pravi Korytko; »Den Sammlungen und Arbeiten über Krain schicke ich die Volksliedersammlung voran.« Potem se zahvaljuje svojim sotrudnikom; o Prešernu pravi, da mu je pomagal primerjati in popravljati inačice. Omenja Smoletovo zbirko, a pravi o njej, da je »vsled množine jezikovnih napak skoraj neporabna«. »Die Volkslieder, die ich jetzt herausgebe, sind zwei Bände stark und werden weder mit den alten, noch mit den Metelkischen, sondern mit den neuen böhmisch-

Gajschen Lettern gedruckt und mit einer kritischen Nachrede (im 2. Bande) versehen werden. Diese ist polnisch verfaßt, weil ich in keiner andern Sprache schreibe.« A vseh pesmi méni da bo okrog 4 do 5 zvezkov. — V svoji drugi objavi v »Illyr. Blatt« v št. 30, podpisani ž njegovim popolnim imenom, se tudi zahvaljuje svojim pomočnikom za prispevke, poročajoč, da ima nabranih pesmi za dva zvezka po 24 pol in napovedujoč izdajo prvega zvezka v kratkem. Izšel da bo prvi zvezek v treh snopičih na velinu »mit Vignetten und drei Steinabdrücken verziert«. Tretjemu snopiču bodo pridejani kamenotiski, ovoj in predgovor.

Ta predgovor je Korytko tudi napisal že dne 15. avg. 1838, a priobčil ga je v *nemškem* jeziku v »Ost u. West« v treh številkah, začenši z 89 (dne 7. novembra 1838). Članek ima naslov »Ein Wort über das Volkslied in Krain«, podpis: Milan. Uredništvo je dodalo opombo, da je to »odlomek sestavka, ki je namenjen za predgovor« novi Korytkovi zbirki. Tu razpravlja Korytko precej obširno o slovenski narodni pesmi, postopajoč bolj deskriptivno. Kritično primerjanje z narodno poezijo drugih Slovanov, pravi, da opušča, ker si je to pridržal za predgovor drugega zvezka. H koncu piše: »Soviel für jetzt; ich wollte ein slawisches Vorwort geben, da aber der Dialekt, in dem ich schreibe, hier nicht verstanden wird, mußte ich mich der deutschen Sprache bedienen . . .« Iz tega bi se dalo sklepati, da je hotel pridejati prvemu zvezku ta na nemško prevedeni predgovor (poprej ga je bil napisal po poljsko). Ko pa se je izdanje pesmi zavlačevalo, je gledal, da vsaj predgovor izide, in ga je poslal praškemu listu.

Zavlekla pa je bila izdanje narodnih pesmi — cenzura. Dne 18. julija 1838 je pisal Korytko svojim staršem v Zalesczyke pismo, v katerem sporoča da mu je dne 17. julija i. l. dovolil ljubljanski guverner Schmidburg popotovati po celi Iliriji. To da mu je jako dobro došlo, ker ima zelo veliko dela: Narodne pesmi so že v cenzuri in skoro izidejo. Guverner mu je izposloval popotovati po celi deželi, da dovrši za četa dela, za katera se guverner sam zanima, tako, da je sam prevzel cenzuro in bi prevzel tudi tiskovne stroške, ako bi mu Korytko hotel posvetiti izdajo. »Das würde ich aber niemals thun, denn Schmeichelei und eine Art von Unterthänigkeit werden weder mein Herz noch meine Feder lenken können.« — To pismo je prišlo Sedlnitzkemu v roke. Zoper potovanja po deželi ni imel nič, ta mu je bil sam dovolil na tozadevno prošnjo, vloženo od Korytka ob istem času kakor za pomiloščenje (že v aprilu 1838), z gubern. odlokom z dne 17. julija 1838. A o nabiranju narodnih pesmi ni Sedlnitzki vedel doslej nič. Izvedel

je o tej stvari prvič iz Korytkovega pisma staršem in potem iz poročila pol. ravnateljstva z dne 31. julija, kjer omenja nadkomisar Suchanek, da je Korytku naznanil odlok gubern. predsedništva de dato 12. julija, s katerim mu guverner Schmidburg dovoljuje izdajo 12. podob kranjske noše in dveh portretov pokojnih profesorjev Čopa in Vodnika. Dalje poroča nadkomisar, da razvija Korytko jako živahno delovanje pri svojem podvzetem izdanju »slovenskih pesmi kranjskiga naroda«. — Ko je Sedlnitzki izvedel o nameravani Korytkovi izdaji in o tem, da ima že guvernerjev imprimatur za nekaj podob, *»namenjenih kot priloge za to izdajo«*, je pisal dne 17. avg. guvernerju Schmidburgu: »... iz drugega vira sem izvedel, da pripisuje Korytko temu svojemu delu veliko važnost; a preteklost avtorjeva vzbuja sumnjo, da ima pri tem druge (politično sumljive) namene ... Ker se vedno bolj kaže, da hočejo poljski fanatiki druge Slovane s tem pridobiti za svoje subverzivne naklepe, da se laskajo njih narodnosti, prosim, da pošiljate vse Korytkove cenzurne objekte tudi sem na Dunaj v pregled.« — Sedaj je bil Schmidburg v veliki zadregi. Poslal je poročilo pol. ravn. Sicard z dne 31. avg. na Dunaj in se doteknil te strari tudi v svoji spremni vlogi. Pol. ravnatelj poroča, da je dobil Korytko gubern. odlok z dne 28. julija, s katerim se mu dovoljuje natisk štirih zvezkov kranjskih narodnih pesmi pod tem pogojem, ako izpusti od ljubljanskega cenzorja Pavška prečrtana mesta, dve pesmi pa naj prenaredi, ali pa sploh črta. Nato je predložil Korytko dne 6. avg. vnovič svoj rokopis, očiščen primerno cenzorjevi želji, nakar je dobil končno dovoljenje. Medtem je prišel ukaz Sedlnitzkega v Ljubljano. Policija je zahtevala od Korytka rokopis nazaj, a ta ga je bil poslal že v Zagreb v drja. Gaja tiskarno. Gubernij je sklenil pótem policije zahtevati preko zagrebškega magistrata, da dr. Gaj rokopis nemudoma vrne. A da bi stvar pospešil, je dal prepisati duplikat knjižnega revizijskega urada in je ta prepis poslal na Dunaj. Dne 3. oktobra je šele mogel poslati Schmidburg iz Zagreba po magistratu doposlani cenzurni rokopis z magistratskim dopisom in lastninsko izjavo »založnika« drja. Gaja vred. Sedlnitzki je natisk dne 10. okt. dovolil in odobril cenzuro Pavškovo. Zahteval je samo, da se izpusti »na mestu predgovora se nahajajoči motto, ki je vzet iz dela slaboglasnega Poljaka Mickiewicza, izdanega pod naslovom Konrad Wallenrod, ker so bila v zadnjem času vsa v poljski tiskarni Jełowickega v Parizu izdana dela tega pisatelja, med njimi tudi Konrad Wallenrod, na Dunaju strogo prepovedana. Mickiewicz spada namreč k eksaltirani stranki poljskih puntarskih ubežnikov. Dotični motto pa še posebe kak... i sposeben vsled svoje revolucijske tendence, da izide v delu,

izdanem v c. kr. avstrijskih državah.« — Iz policijskega poročila z dne 30. nov. 1838 se razvidi, da je prišel rokopis šele 5. nov. v Ljubljano z dovoljenjem dunajske cenzure, da sme dati Korytko pesmi v tiskarno. Toda v katero? Na Gajevo Korytko sedaj ni smel več misliti. Dr. Gaj je namreč pisal Korytku dne 4. decembra 1838, da je podal samo vsled nesporazumljenja njegov namestnik glede zbirke »einen Rechtsanspruch (titulo empti).« Še več: on ga je celo prosil »auf das humanste, daß Sie von nun an sowohl mich, als auch alle übrigen hier befindlichen Slavisten mit Zuschriften und Berührungen jeder Art gänzlich verschonen mögen.« Češ da se nahaja njihovo »lojalno delovanje pod neposrednim pokroviteljstvom naše uzvišene vlade«[1]). — Nato se je obrnil Korytko dne 15. dec. na ljublj. tiskarja Blaznika, naj bi on prevzel založništvo in natisk njegove zbirke. V svojem pismu, ki ga omenja Bleiweis[2]), mu navaja pogoje, pod katerimi mu hoče prepustiti 5 zvezkov slovenskih narodnih pesmi. Kako sta se pogodila, nam ni znano. V mesecu decembru je namreč Korytko zbolel. O tem poroča pol. predsednik ljubljanski v svojem mesečnem izvestju z dne 1. febr. 1839, da se je že v decembru pr. l. bila polotila Korytka kataralno-revmatična mrzlica, ki ga je sicer v januarju 1839 nekoliko popustila; a proti koncu istega meseca je naenkrat nastopila akutno in povzročila dne 31. jan. 1839 ob 9. uri zvečer nakopičenje bolestne snovi v možganih ter storila konec njegovemu mlademu življenju.

Ves čas svojega bivanja v Ljubljani je Korytko hrepenel po svoji domovini. In naravnost tragično je, ko čitamo v aktih, da je bil pravzaprav že več kot pol meseca prost, a on o tem ni vedel. Umrl je z zavestjo prognanca. — Akcijo za njegovo oprostitev je bil započel njegov oče Stanisław Korytko. V novembru mesecu je prišla Sedlnitzkemu prošnja Korytka-očeta iz cesarjeve kabinetne pisarne v presojo. Sedlnitzki se je informiral pri galiških oblastih o očetu in njegovih razmerah, vprašal je, dali bi se moglo Korytka poslati nazaj. Lvovske oblasti so odgovorile, da so imele že same priliko pečati se z enako prošnjo v spomladi 1838, ko je bil Korytko-oče vložil isto prošnjo na nadvojvoda generalnega guvernerja. Takrat se je poizvedelo, da je oče jako lojalen državljan, ki ni nikoli skrival poljskih ubežnikov, da je ugleden lastnik posestva Zezawa, vrednega sedem do osem tisoč zlatov, v najemu pa ima še neko malo posestvo Rozanówka v istem czertkowskem okraju. Njegov približno 25 let stari sin Emil nima svojega pre-

1) Prim. Letopis Matice Slovenske za l. 1876, str. 173.
2) l. c. str. 172.

moženja. — Deželni predsednik baron Krieg v odgovoru na Sedlnitzkega noče naravnost priporočati prošnje, ker bi se v tem slučaju morala dovoliti vrnitev tudi Horodyńskemu, sicer bolj graviranemu a zato manj inteligentnemu in manj opasnemu. A generalni guverner nadvojvoda Ferdinand je bil odločno za to, da se Korytku dovoli povratek z ozirom na njegovega obče spoštovanega očeta in pa na sinovo lepo in mirno vedenje v Ljubljani. Sedlnitzki se je pridružil mnenju nadvojvoda in pristavil, da je oče porok za sina. Ker je sin gmotno odvisen od očeta, si ne bo upal hoditi zopet svoja samovoljna in opasna pota. Tako priporočeno prošnjo je odposlal Sedlnitzki v začetku januarja 1839 cesarju. Nj. Veličanstvo jo je rešilo dne 10. januarja *ugodno*. A rešitev je tako dolgo romala po kancelijah, da Korytko ni izvedel ničesar o svojem pomiloščenju. Dne 19. februarja 1839 je javil Sedlnitzki cesarju: »Istega dne, kakor odgovor Vašega Veličanstva na prošnjo Stanisława Korytka glede pomiloščenja njegovega sina sem dobil od ilirskega deželnega predsédstva poročilo, da je Emil Korytko dne 31. jan. v Ljubljani umrl.« V cesarjevem imenu je k temu poročilu pripisal nadvojvoda Ludovik: »Dient zur Nachricht.«

Dne 1. febr. 1839 je javljal pol. predsednik Sicard poslednjič o Korytku. Kakor skoraj v vseh poročilih omenja tudi v tem pesnika Prešerna, ki je bil umrlemu do zadnjega zvest prijatelj: »Übrigens war Korytko insbesondere von seinem Freunde und Mitkonfinierten Bogusław Horodyński, welcher in dem neuen Kasinogebäude ein Zimmer neben ihm bewohnte, sowie auch von dem Dor. Preschern, welcher mit demselben in einer besonderen freundschaftlichen Relation stand, bis zu seiner Auflösung fortwährend umgeben und gepflegt.«

Spomine na Korytka je napisala hčerka drja. Crobatha Lujiza Pesjakova v Ljublj. Zvonu 1886. Na str. 676 pravi o njem: »Jako mlad je bil, majhne drobne postave, roci je imel tako beli in mehki, kakor ženska . . . Slavjanski tip se mu je videl na obličji, katerega rožnata polt je bila poleti jako ogorela in pégava. Pogled bistrega očesa modre boje je bil smijoč se in srce ogrevajoč, ali često, često se je bolestno mračil . . . Prav po otročje je znal biti vesel . . . Morebiti je imela ta živahnost nekaj nervoznega na sebi . . . časih se je hipno umeknila globocemu zamišljenju. Začujeni smo ga gledali in umolknili tudi mi. Še zdaj čujem, kako zmagonosno je vselej pričenjal popevati svojo:

'Ni še Poljska izgubljena!'

in kako se je razzvenela v glasove najbridkejše toge.«

Korytko je bil izvanredno živahna in agilna moč. Komaj dve leti je bil na Kranjskem in že je postajal nekako središče slovenskega

literarnega kroga v Ljubljani. Prešeren, ki ni bil organizator, se ga je oklenil kot takega. Vzpodbujen od Stanka Vraza, s katerim si je dopisoval, je deloval v njegovem zmislu in vžival veliko zaupanje slovenskih začetniških pisateljev, ki so videli v njem tako vodilno silo, kakršna je bila v umrlem Čopu. Prim. kaj piše Malavašič Vrazu dne 7. febr. 1839: »Emil Korytko je ravno jel žarke Slověsnosti med krajnske Slovence metati, ko je tudi njega smert prehitela . . . Nobeniga zdaj ni več, kdor bi se za mater Slavo pečal . . . Danico ilirsko in novine smo brali tukej, dokler je Korytko živel, al zdaj si jih bomo sami od Zagreba pripisali. Ta nam je mnoge časopise posodoval, pa zdaj naj počiva v miru! . . . Njegove zbrane Pesme krajnskiga naroda se pri Blazniku natiskavajo, pa v kterim pravopisu, mi ni znano. Blaznik bi jih rad v starim, ki se boji, de bi jih ne mogil v novim natisnene zgotoviti. Kastelic ga nagovarja za noviga. Zdaj ne vem, kako bo.«

Blaznik je izdal od Korytka zbrane slovenske narodne pesmi (5 zvezkov) v stari bohoričici, a ostali program, ki si ga je bil sestavil ta mladi Poljak glede slovenske folkloristike, ni še danes ostvarjen v polnem svojem obsegu.

Dr. *Ivan Prijatelj.*

Čech.

Článek tento řeší puvod jména *Čech*, snaží se tedy vniknouti v otázku, která již téměř po stopadesát let poutá k sobě neztenčený zájem badatelů[1]. Jméno to mělo původně dozajista druhový význam[2], a podle všeho tvar *Čechъ* = **keso*-[3]. Tento tvar *Čechъ* = **keso*- zachovala na naše doby pouze slovinština, kde v nářečí doloženo slovo *čèh* (*čèha*) (1. »ein Knabe von etwa 10 bis 15 Jahren« [»med Dravo in Mura. *Trstenjak* (Kres IV. 113)«] [smysl původnější] 2. »der Rinderhirt« [»Mursko polje-*Caforo* slovarsko gradivo«])[4] t. j.) s významem »chlapec«. Kromě toho souvisí **kes*- (v Čechъ = *keso-) s **kos*- (*koch*- : stcsl. ras-*košь*, »voluptas, rozkoš«, stč. *kochati*, »laskati«, p. *kochać*, »milovati«, »amare«, tedy

1 Otázku tu přetřásala již doba *Dobnerova* (sr. na př. *Athanasiúv* spis »Disquisitio historico-chronologico-critica: Quare, et quando Bohemia fuerit appellata Czechia, ejusque incolae Czechi? . . .« Vetero-Pragae atd.); pak obírali se více méně zevrubně týmž předmětem zejména *Dobrovský* (»Abhandlung über den Ursprung des Namens Tschech (Czech), Tschechen«. Prag und Wien 1782), *Jungmann* (»Slovník česko-německý«. Díl I. V Praze 1835), *Šafařík* (»Slovanské starožitnosti«. V Praze 1837; 2. vyd. Sebrané spisy, díl I. 1862, díl II. 1863; II. 455—460), *Perwolf* (»Slavjane«. Tomъ I. Varšava, 1886. 94), *Prusík* (»Původ jména Čech« [Sitzungsberichte der königl. böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Philos.-histor.-philolog. Classe. Jahrgang 1885 (1886) 10—14], *Lužai* (»O proischoždenii imenъ Čechъ, Lechъ, Rusь i Slavjane« [Učenyja Zapiski Imperatorskago Kazanskago Universiteta. Godъ LVII. Kniga 2. 1890. 277—288], *Sľavík* (»O významu jména Čech« [Časopis Musea království Českého 1890. Ročník LXIV. 568—574], *Hošek* (»O významě jmen Čechové, Morava, Slované« [Časopis Matice Moravské. Ročník XV. 1891. 215—224]; sr. s tím práci *Kotíkovu* »Naše příjmení . . . Nové vydání«. V Praze. 1897. 15 a 132), *Sobolevskij* (»Čech (čechъ) und Čach (čachъ)« [Archiv für slavische Philologie. XXVII. Band. 1905. 244—245]; viz také stať *Mikkolovu* (»Objasnenija někotorychъ slavjanskichъ slovъ« [Russkij Filologičeskij Vestnikъ. Tomъ XLVIII. 1902. 270—280]).

2 Viz *Šafaříka* (II 459).

3 Třeba-li připustiti vedle toho tvar *Čachъ* = **kēso*- (sr. *Šafaříka* [2 II 458 a 460] i *Sobolevského*), je v témže poměru k tvaru *Čechъ* = **keso*- jako příbuzné stcsl. *čak-ati* (= **kē*-) k *čekati* (= **ke*-).

4 »Slovensko-nemški slovar. Uredil . . . Pleteršnik«. I. del. V Ljubljani 1894

»chlapec« = »plod lásky (soulože)«. Ostatně tvaru **kos-* (*koch-*) stojí po boku tvar **gos-* ve stejném významu[5]) (:**goch-*, stcsl. *gošiti*, »parare«[6]), č. *hoch*, »chlapec, chlapík [mladík], chlap [muž]«[7]); původní *gos-* obsaženo v stcsl. *gos-podь*, »dominus«[8]) atd.). Blízkým příbuzným tvaru **kes-* je stejnoznačné **ken-* (:stcsl. *čędo*, »dítě«, stč. *čad*, *čád*, »hoch, mladík«, *čada*, *čáda*, »holka, děvče«[9])), ke kterému se druží také souznačné **gen-* (:stcsl. *žena*, »Weib« atd.). Srovnáme-li pak **ken-*(do) s **ke-*(s-o-), dospějeme ke společnému východisku **ke(n)-*[10]). Nenáleží sem vlastně také **ki-* (:stcsl. po-*čiti*, »ruhen«, po-*koj*, »Ruhe«, č. *kojiti*, »stillen, säugen«) s parallelním **gi-* (:stcsl. *žiti*, »vivere, žíti«, *goilo*, »sedatio«, *goinъ*,

5) Ve slovanštině se vůbec uplatňuje jakýsi parallelismus (mimo jiné) mezi kmeny s náslovným *g* a *k* (sr. *Brücknerovu* poznámku [Arch. f. slav. Phil. XXIX. Band. 1907. 119]!): stcsl. *golěnь*, »crus, holeň« — stcsl. *kolěno*, »Knie, koleno«; **golgolo-*, stcsl. *glagolъ*, »hovor«, č. *hlahol*, »zvuk« — **kolkolo-*, stcsl. *klakolъ*, »zvon«, r. *kolokólitь*, »hlasitě hovořiti«; stcsl. *golь*, »Ast«, č. *haluz*, »Zweig«, *hůl*, »Stock« — stcsl. *kolъ*, »Pfahl, kůl« atd.

6) *Paro* souvisí s *pario*, »roditi«!

7) *Gebauer* (»Slovník staročeský«. V Praze 1903—) pokládá slovo *hoch* vlivem *Matzenauerovým* za přejaté ze »stněm«. *hache*, »Bursche, Kerl« — neprávem (viz o tom *Štrekeljovo* pojednání »Slavische Wortdeutungen« [Arch. f. slav. Phil. XXVII. Band. 1905. 41—72]!).

8) Slovo *gos-podь* je v nejužším příbuzenství s lat. *hospes* z **hósti-potis* (*Brugmann* a *Delbrück* [»Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen . . .« I. Band. 2. Bearbeitung. Strassburg, 1897, 215]) a s got. **gasti-faþs*. Druhá část slova *gos-podь* souvisí zajisté se stcsl. *podъ* (1. subst. »Boden, půda«, 2. praep. a praefix »unter, pod« (také **podь* v stcsl. *podi*, is-*podi*, »unten«)), značícím podřizování, což je s významem »dominus« v naprostém souhlase, tedy *gospodь* asi »muž vládce«. Jinak odvozuje se *gospodь* z got. (tak i *Much* [»Deutsche Stammeskunde« (Sammlung Göschen 126) 2. Auflage. Leipzig, 1905, 36; sr. také *Vondrákovu* »Vergleichende Slavische Grammatik« (Göttinger Sammlung indogermanischer Grammatiken) I. Band. Göttingen, 1906, 478 a 479!]); proti tomu výkladu vyslovil se *Pedersen* [Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Band XXXVI. 1900. 324]). *Mikkola* (274—276) zase hledí dokázati původ lat. O předmětě tom viz ještě *Richterův* článek »Griech. δεσπότης« (Zeitschr. f. vergl. Sprachf. a. d. Geb. d. indog. Spr. Band XXXVI. 111—123) a *Gebauerův* »Slovn. staroč.«!

9) Slovo *čę-do* náleží po mém náhledu k stcsl. (na-)*čę-ti* (*čьnq*), »anfangen« a (po-)*konь*, »Anfang« s příbuznými stind. *kaniyā*, »Jungfrau«, *kánīyas-*, »jünger«, řec. *καινό-ς*, »neu« *Brugmann* a *Delbrück* [583]; sr. č. po-*četí*, »Empfängnis« a *kout*, »Kindbett«!; platí však skoro všeobecně za slovo přejaté z germ. *kinda-* (čti stať *Uhlenbeckovu* »Die germanischen Wörter im Altslavischen« [Arch. f. slav. Phil. XV. Band. 1893. 481—492], knihu *Schraderovu* »Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde . . .« Straßburg, 1901, 427 atd.!; i sám *Miklosich* (»Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen«. Wien 1886) klonil se již k tomu náhledu (*Gebauer* [»Slovn. staroč.«] přejímá již plně původ germ.); naproti tomu *Vondrák* (118) je právem na vahách, nevyrostlo-li slovo *čędo* přece snad na půdě domácí.

10) Sr. s tím stcsl. *leg-* (v *lešti*) a *lęg-* (v *lęgq*), »sich legen, brüten, lehati, líhnouti«!

»abundans, hojný«, slovin. *gojiti*, »ernähren«, srb. *goj*, »pax«), která jest jistě smyslem (asi »oživovati«) velmi blízka?[11]). Ostatně praví ještě stcsl. slovo *čędь*, »lidé« z **ke(n)-*, že k významům dosavadním »hoch, mladík, muž, dítě, děvče, panna, žena« třeba připojiti všeobecnější »člověk«. Tento smysl je také v nejúplnějším souzvuku s výkladem jiných jmen praotců národních a národů samých, neb i národní jméno *Čech* prý bylo vlastně jménem vůdce (praotce) národa: sr. stind. *Mánus*, »praotec lidí, pračlověk« vedle germ. *Mannus*, »praotec Germánů« = »člověk«[12] (také hebr. *Adam*, podle bible »praotec lidí« = »člověk«); dále got **Gutos* vedle **Gutans*, »Gotové« = »muži, lidé« a sthněm. *diutisc*, »deutsch« z *diota*, »národ, lid« atd.[13]). Týž význam původně náležel také slovanskému jménu národnímu *Srъbinъ* (viz p. [pa-]*sierb*, »[nevlastní syn« atd.!)[14]). Nesouvisí s tímto jménem úzce druhé slovanské jméno národní *Chrъvatinъ*[15])? Stejný význam původní se podle všeho skrývá v jiném jménè téhož okrsku **Lęchъ* (vedle **Lechъ*[16]); viz stcsl. *ledvi*, »lumbi, Lenden, ledví« (dle biblického názoru sídlo plodivosti) atd.? A nenáleží sem i povšechné jméno *Slověninъ*[16]) s blízkým příbuzným *-slavъ*[17]), které stavím k stcsl. *sluga*, »Diener, sluha«[18]), původně však jistě »dítě, hoch, mladík, muž, člověk«[19]))? Na prvý pohled pak doza-

11 Doklady dle *Miklosiche*! Nemá se **ki-* ku **ke-* jako na př. **sid-* **chid-*: stcsl. u-*šidъ*, u-*šidь* [mimo u-*šьdъ*], »uprchlík« k **sed-* (**ched-*: stcsl. *šьdъ*, »šed«, *šьlъ*, »šel«)? Viz stcsl. *čisti*, *čьta*, »počítati, čísti, ctíti« vedle stcsl. *četa*, »agmen«!

12 Tak *Fick* »Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen« 4. Auflage. I. Theil. Göttingen. 1890. 106 a *Schrader* 521.

13 *Much* 122 a 138.

14 Dle *Šafaříka* ²I 202–210 *Srbové* = »zrozenci, rodáci, rod, národ.« Poněkud jinak *Solmsen* v článku »Slavische etymologien« (Zeitschr f. vergl. Sprachf. a. d. Geb. d. indog. Spr. Band XXXVII. 1904. 575—601); viz k tomu také poznámku *Mikkolovu* (273)!

15 Tak tušil již *Daničić* »Osnove srpskoga ili hrvatskoga jezika«. U Biogradu. 1876. 211 a 370; sr. s tím stať *Geitlerovu* »Etymologie jména Hrvat, Chorvát« (Listy filologické a paedagogické. Ročník III. 1876. 87—95) a spis *Krekův* »Einleitung in die slavische Literaturgeschichte . . .« 2. Auflage. Graz, 1887, 248–252. O Chorvatech českých viz *Šafaříka* ²II 461 a 462!

16 O slově tom jedná *Krek* 299–301.

17 Viz jméno *Č. [illegible]* u *Gebauera* »Slovn. staroč.«!

18 Podobně již *Mikkola* 270—273.

19 O tomto přechodu významovém svědčí výmluvně tyto případy obdobné: stcsl. *otročę*, »puer« vedle č. *otrok*, »Knecht«; č. *robě*, »Kind«, p. *robieniec*, *robionek*, pa-[illegible], »Bursche«, r. *rebja*, *rebenokъ*, *rebenokъ*, »Kind« vedle stcsl. *rabъ*, *robъ*, »servus« (sr. *Mikkolu*!); sthnem a strhněm. *kněht*, »mladík« vedle nhněm. *Knecht*, »sluha« (viz také sthněm. *knabo*, strhněm. *knabe*, »hoch, mladík, sluha«, nhněm. *Knabe*, »hoch« vedle *Knappe*, »sluha«); nhněm. *Bursch*, *Bursche*, »mladík, sluha« (také nhněm. *M[illegible]*, *M[illegible]*, č. *holka*, *děvečka*, »dívka, služka« atd. Sr. i lat. *servus* se jménem [illegible]!

jista vzbudí podiv, že nedostalo se prvotním jménům národním významův určitěji vyhraněných. Pochopíme však, uvážíme-li, jak se v odlehlých těch dobách jistě nadmíru nejasně rýsovaly odlišné znaky kmenové, jichž ostatně by nebyl vystihl původní člověk, vyzbrojený ovšem ještě malou bytrostí postřehu: Říkal tedy různým kmenům (národům) prostě »lidé ti« nebo »lidé oni«, při čemž mu na službu rozlišovací dosyta vystačily panenské tehdy poklady jazykové.

Třeba však odstraniti ještě jednu překážku z cesty, má-li býti dosavadní výklad jména *Čech* povznešen nade všechnu pochybnost. Překážkou tou je přechod souhlásky *s* v souhlásku *ch* po samohlásce *e* (*Čechъ* = **ke-s-o-*), který nutno přesvědčivě doložiti. Tato přeměna *-es-* v *-ech-* je totiž v naprostém rozporu s hláskoslovnými zákony, které v tom ohledu vymezil *Uhlenbeck*[20] a *Pedersen*[21]; ale k přísným pravidlům těmto náleží zajisté nezbytně řada pružných výjimek, které také v poslední době Leskien[22]) stanovil. Přes to všechno nebude na škodu slovo *Čechъ* podepříti nějakým slovesem, u něhož je přechod původního *s* v *ch* nesporně stvrzen. Této podmínce pak plně vyhovuje časoslovo *česati* = **ke-s-*s původním *s*[23]) a s nepopíratelnou přeměnou hlásky *s* v hlásku *ch*: *Miklosich* uvádí se stesl. *česati* ve spojení mimo jiné srb. o-*čenuti*[24]), č. *čechrati*[25]), p. *czechać* się, *czechrać*, mr. roz-*čechnuty*; také ve slovin. doložen mimo *česati* vedlejší tvar *čehati*[26]); v stč. dochováno dokonce ještě *česrati* vedle *čechrati*[27]) atd. Nyní zabočme ke smyslu jmenovaného časoslova! V stcsl. značí *česati* »kämmen«, *kosa*, »Haar« (č. *česati*, také »striegeln, hecheln, krämpeln«, *čechrati*, »kypřiti, auflockern, carminare,

---

20) »Die Behandlung des indog. *s* im Slavischen« (Arch. f. slav. Phil. XVI. Band. 1894. 368—384).

21) »Das indogermanische *s* im Slavischen« (Indogermanische Forschungen. V. Band. 1895. 33—87).

22) »Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache ...« 4. Auflage. Weimar, 1905, 45 a 46: »... Die vergleichende Grammatik macht es wahrscheinlich, dass ursprünglich im Slavischen das urspr. *s* nur nach den Vertretern der indogerm. Laute *i*, *u* einschliesslich der *i*- und *u*-Diphthonge, *ei*, *eu*, *oi* usw.) *r*, *r̥*, *k* zu *ch* wurde ... Das *ch* ist aber im Slavischen weit über seinen ursprünglichen Bereich hinausgegangen, erscheint auch nach *a*, *o*, *e*, *l*, *n* ... *ch* kommt [im Altbulg.] vor: 1. Im Silbenauslaut vor folgendem Konsonanten ... [46] 2. Zwischen Vokalen im Innern des Wortes ... 3. Nach *r*, *l*, *n*, *k* vor folgendem Vokal ... 4. Im Anlaut vor Vokalen, *r*, *l*, *v* ...« Výjimky podobné připouští poněkud i *Vondrák* (349—364).

23) *Vondrák* 345).

24) *Miklosich* k tomu slovu výslovně praví, že spočívá na *če*[*e*]*h*- z *čes*-.

25) Také *Jungmann* zná *čechrati* vedle *česati*.

26) »*Slov.-nem. slov.*«

27) *Gebauer* (»Slovn. staroč.«).

zupfen«[28]), pa-čes, »Werg, Hede«[29]); r. česátь, »kratzen«, kosá, »Haarflechte« s lit. kasà); k tomu patří najisto stcsl. kosorъ, »Sense, kosa (r. kosá, »Sichel« s lit. kasù, »grabe«)[30], jak naznačují již uvedená slova srb. o-čenuti, »herabreißen« a slovin. čéhati (čésati), »reißen« (čes, »Spanscheit«, čésec, »Splitter«)[26]) vedle výmluvných tvarů, které se poji ku greb- : stcsl. grebą, »schabe, kratze, kämme«, iz-grebь, trama«, grobъ, »Grube, Grab, hrob«, grabiti, »rapere« (č. hrabati, scharren, graben«, sr. hrabati se ve vlasech). *ke-s- mělo tedy významy »česati, kypřiti, škrabati, hrabati, trhati, řezati«[31]), což všechno lze snad pojmouti v souhrnný smysl »děliti«. Namítne se právem: Kterak se mohl z toho významu vyvinouti smysl »dítě« atd.[32]? Věc má se takto: *ke-s- znamenalo původně »odnož, ratolest, haluz, Reis, Zweig (sr. střhnèm. zwien, »pfropfen«, sich zwien, »sich durch Abzweigung vermehren«, roub (k stcsl. rąbiti, »secare, rubati«[33]), štěp (ze *skep-, »spalten, štěpiti«, Pfropf, Pfropfreis, Schößling, Sprößling (= také »potomek«), výrostek, nebo ještě lépe »uzrálé« ovoce (sr. č. česati ovoce, »Obst, Früchte brechen, pflücken, abnehmen«[28]), (zralý) plod (lásky = soulože, sr. p. kochać, »milovati«), Liebesfrucht«, čímž obojím ovšem míněn »(nový, mladý tvor vůbec a potom také »dítě« atd.[34] zvláště. Týž smysl ovšem přináleží také č. příjmením Česal, Česaný, Čechura, Češka atd. = Čada, Čáda, [illegible] atd.[35]. Takovým způsobem dospělo tedy *ke-s- k významu »ploditi« atd. Totéž vztahuje se již na *ke-d- : *kądrь, stcsl. kądrjavъ, »kraus« č. kadeř, kadrna, kučera, kądělь, »trama, koudel« — čędo, »dítě«. Hlásí se však ve slovanštině ještě mimo to případy, kde význam »děliti« a význam »ploditi« pospolu se vyskytají buď ve slovech více méně příbuzných

28 Jungmann.

29 Miklosich.

30 Miklosich uvádí lit. kasti kasù ve spojitost se stcsl. kosa, kdežto [illegible] se stcsl. kosorъ. Viz také Zubatého Arch. f. slav. Phil. XVI. Band. 395 a 396.

31 Sr. [illegible] slovan. *kos-, »schneiden, spalten« v řec. [illegible], lat. castro.

32 Viz ostatně v stcsl. čęstь, Teil, část« s kąsъ, »Stück, kus« vedle čędo, »Kind« a [illegible], Teil, díl« vedle dětę, »Kind, dítě«! Nenáleží také lat. pars k pario?

33 Gebauer, »Historická mluvnice jazyka českého«. Díl I. V Praze a ve Vídni. 1894. 47.

34 O správnosti mých vývodův ostatně mluví též druhový význam, dochovaný v lužicko-srbském řečení to su moje čechi a lechi, »tot mé vše« sr. s tím něm. Kind und Kegel, »celá rodina«, kde střhněm. kegel, »(nemanželské) dítě« a v r. pořekadle [illegible], tak, tak, ani tak ani tak, ani dobře ani špatně. (Viz [illegible] 245.) Z těchto dvou případů vyplývá nad slunce jasně, že původní význam druhový jmen Čechъ Čachъ a *Lęchъ *Lechъ byl týž t. j. »dítě« atd. Co se týče tvarů *kę-s- vedle *ke-s- a *lę-s- vedle *le-s-, sr. také ještě [illegible] vedle [illegible] [illegible].

35 Kott [illegible] 15.

*lqk-, stcsl. lqčiti, »trennen, loučiti« — lęgq, »brüte, líhnu«; *kъl- 1. »Zahn, kel[36]« — 2. stcsl. pro-klěti, pro-kliti (č. kléti, klíti), »keimen, klíčiti«; p. sierp (stcsl. srъpъ), »Sichel, srp«, sierść (stcsl. srъstь), »pili, srst« — [pa-]sierb, »[nevlastní] syn« nebo dokonce ve slově jediném: č. kluk (stcsl. klъkъ, »trama«), kluky, »Flocke, Werg«, (kluč, »pařez«) klučě, »kopanina« — kluk, »Bube«[27]) atd.[37]).

36) Viz k tomu uhněm. Kamm s příbuzným řec. γόμφος, »Zahn«, stind. jámbha-s, »Zahn« atd.!

37) Tato věc také docela souhlasí s výzkumy novodobé vědy přírodní, dle které plození není ničím jiným nežli množením t. j. dělením buněk. I tento nález byl však vlastně teprv mostem — přes hlubiny naprostého zmatku ve významech ustavičně co nejpestřeji splývajících — na břeh konečného poznání, že v nejskvělejším souladě s učením Darwinovým o postupném vývoji tvorstva z tvarů nejnižších i řeč lidská přes nynější své pyšné bohatství se během doby rozvila z nejnižších prvků t. j. ze slovních kořenů (vlastně jednoho) — původně s jediným (vlastně nižádným) významem — jich stálým vzrůstem a vzájemným spojováním za současného poltění se původního jediného pojmu. Když pak jsem pracným a pomalým rozborem i náhlým a náhodným tušením k tomu výsledku byl dospěl, jal jsem se poprvé usilovněji rozhlížeti po pracích o psychologii lidstva. Wundt (»Völkerpsychologie«. I. Band. »Die Sprache«. 2. Auflage. 2. Teil. Leipzig 1904) mimo jiné odkázal mne (618) k Steinthalovi, který dějinám pokusův o výklad původu řeči věnoval celou knihu (»Der Ursprung der Sprache . . .« 4. Auflage. Berlin 1888). Tam (169 a 182) jsem i zvěděl, že názor o naprosté bezvýznamnosti (»Alldeutigkeit«) původní látky jazykové vyslovil již Geiger (»Ursprung und Entwickelung der menschlichen Sprache und Vernunft«. I. Band. Stuttgart, 1868, 134 a 219), což tedy mé poznání plně potvrzuje. (Nepronesl ostatně podobný náhled již Rousseau?).

Ve Vídni koncem prosince 1907. *Jaroslav Sutnar.*

Малорусскій отрывокъ Измарагда XVII в.

Если нынѣ, послѣ цѣлаго ряда разнообразныхъ и болѣе или менѣе интересныхъ и замѣчательныхъ открытій и разысканій въ области старинной южно-русской, и въ особенности карпато-русской письменности, нельзя уже и сомнѣваться въ томъ, что въ ней, начиная съ XVI в., ярко вспыхивало и распространялось все шире и настойчивѣе живое стремленіе къ полному, даже мѣстно-діалектическому приспособленію и усвоенію себѣ литературнаго достоянія, какъ современнаго Запада, такъ и сѣдой славяно-русской старины, — то все-таки нельзя съ подобной-же увѣренностью и опредѣленностью признать, чтобы это стремленіе было въ такой-же самой степени сознательно, осмысленно и планомѣрно. Напротивъ, весь наличный, извѣстный нынѣ, объемъ и характеръ этого переводнаго мѣстно-литературнаго усвоенія, въ связи съ общими культурно-историческими условіями и данными, позволяетъ, повидимому, заключать о томъ, что оно могло происходить именно только болѣе или менѣе безсознательно и стихійно, проявляясь наружу, сквозь сплошную и твердую кору общей славяно-русской книжности, какъ-будто только случайными и непроизвольными, хотя и довольно сильными и учащенными прорывами и скачками.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь стоитъ только внимательно и вдумчиво разсмотрѣть и взвѣсить весь наличный составъ южно-русской переводной письменности XVI—XVIII вѣковъ, чтобы наглядно и вразумительно убѣдиться въ томъ, что не какая-нибудь общая и ясно-сознанная центробѣжная идея національно-литературнаго выдѣленія и обособленія, — какъ это въ послѣднее время усердно стараются провести нѣкоторые южно-русскіе ученые, — а просто только насущная, такъ или иначе назрѣвшая, практическая потребность популяризаціи и демократизаціи нѣкоторыхъ литературныхъ явленій, или, наконецъ, даже какая-нибудь случайная прихоть досужаго грамотѣя, — вызывали, двигали и опредѣляли всѣ эти мѣстно-нарѣчныя, такъ сказать, домашнія попытки непосредственнаго усвоенія и приспособленія общенароднаго духовнаго достоянія.

Одновременно съ пестрой массой разныхъ мелкихъ и незначительныхъ западно-европейскихъ, съ польскаго, легендъ и повѣстей, привлекшихъ къ себѣ почему-либо случайное вниманіе досужаго переводчика,

замѣчается, напр., совершенное отсутствіе перевода не только такого популярнаго и захватывающаго, широко распространеннаго и въ Московской Руси, духовно-повѣствовательнаго сборника, какимъ являлось въ свое время »Великое Зерцало«, но также и многихъ славяно-русскихъ духовныхъ повѣстей и сказаній, а даже, что̀ особенно удивительно и странно, столь излюбленныхъ и популярныхъ житій святыхъ. Рядомъ съ разнообразнымъ и широкимъ, хотя тоже болѣе или менѣе случайнымъ и неуравновѣшеннымъ, подборомъ второстепенныхъ апокрифовъ или схоластическихъ трактатовъ, — полное и характерное отсутствіе перевода такихъ настольныхъ, важныхъ и авторитетныхъ сборниковъ, какими несомнѣнно всегда были на Руси »Прологъ« или »Измарагдъ« . . .

Подобный случайный и прихотливый литературно-естественный подборъ, такіе растерянные и неравномѣрные скачки и порывы, такіе существенные и вопіющіе пробѣлы, наконецъ, — свидѣтельствуютъ, кажется, съ достаточной наглядностью и вразумительностью о томъ, что, оставаясь въ опредѣленномъ кругѣ устойчивыхъ научныхъ изслѣдованій и умозаключеній, невозможно никакимъ образомъ, по крайней мѣрѣ въ объемѣ наличныхъ историко-литературныхъ данныхъ, усматривать и устанавливать въ этой старинной переводно-южнорусской письменности какія-нибудь особыя, сколько-нибудь сознательныя и осмысленныя, въ отношеніи національно-литературнаго выдѣленія и самоопредѣленія, общія идеи и тенденціи. А въ скудныхъ и расплывчатыхъ, еще болѣе случайныхъ и прихотливыхъ, оригинальныхъ попыткахъ и крупицахъ ея, которыя, такимъ образомъ, въ данномъ отношеніи и совсѣмъ не могутъ быть приняты въ разсчетъ, — и того менѣе . . .

Ничего подобнаго, ничего другого, кромѣ естественнаго практическаго стремленія къ самой широкой и проникновенной демократизаціи и популяризаціи, общепонятности и общедоступности нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе случайно и произвольно выбранныхъ, литературныхъ явленій, — на данномъ протяженіи времени въ южно-русской письменности не было и быть не могло!

Этихъ нѣсколько предварительныхъ и общихъ мыслей и замѣчаній считали мы умѣстнымъ предпослать издаваемому далѣе малорусскому тексту XVII в. Хотя они, повидимому, прямого и непосредственнаго отношенія къ нему и не имѣютъ, но, тѣмъ не менѣе, они возникаютъ и напрашиваются сами собою всякій разъ, когда случается разсматривать какую-нибудь новую находку изъ области старинной южно-русской письменности вообще.

Что касается самого этого текста, то, казалось-бы, уже одно су-

ществованіе его должно-бы какъ-будто противорѣчить высказаннымъ нами выше соображеніямъ, въ числѣ которыхъ находится также и указаніе на отсутствіе малорусскаго перевода »Измарагда«. Нисколько. Напротивъ даже, найденный нами малорусскій отрывокъ только еще лишній разъ подтверждаетъ, еще ярче подчеркиваетъ нашу общую мысль о случайности и хаотичности этого малорусскаго переводно-литературнаго подбора.

Вѣдь это, въ сущности, не органическій, случайно сохранившійся отрывокъ изъ какого-нибудь предполагаемаго, почему-либо пропавшаго, полнаго и цѣльнаго перевода »Измарагда«. Судя по внѣшнему виду рукописи и по необычному сочетанію въ ней рядомъ данныхъ трехъ статей, размѣщенныхъ въ »Измарагдѣ« на строго опредѣленныхъ мѣстахъ, въ другомъ порядкѣ и на отдаленномъ другъ отъ друга разстояніи (главы 29, 71 и 48), — это отрывокъ опять только случайной и произвольной выборки изъ »Измарагда«, а, можетъ быть, и вся эта выборка, воткнутая зря въ сборникъ какихъ-нибудь другихъ, утраченныхъ нынѣ статей, полностью. Такимъ образомъ, даннаго отрывка совсѣмъ нельзя считать органическимъ остаткомъ или слѣдомъ какого-нибудь цѣльнаго малорусскаго перевода »Измарагда«. Это — только частичная и произвольная выборка, наобумъ вынутыя изъ него три отдѣльныя статьи, — не болѣе . . .

А настоящаго, сколько-нибудь полнаго и цѣльнаго малорусскаго перевода этого замѣчательнаго и излюбленнаго древне-русскаго памятника все-таки нѣтъ и, повидимому, не существовало вовсе. И совершенно напрасно смущаетъ насъ Н. И. Петровъ, сообщая въ своемъ описаніи Кіевскихъ рукописей, будто бы, напр., одинъ »Измарагдъ« XV в. К.-Михайловскаго монастыря (No. 488/1646) »обнаруживаетъ явное стремленіе перевести неудобопонятный общеславянскій языкъ на обыкновенную (малорусскую) рѣчь«[1]. Кромѣ весьма рѣдкихъ и слабыхъ мѣстныхъ языковыхъ отраженій, вполнѣ естественныхъ въ трудѣ южно-русскаго списывателя, — никакого подобнаго стремленія въ этомъ спискѣ, однако, не замѣчается вовсе, какъ въ этомъ достаточно можно убѣдиться и изъ приведенныхъ г. Петровымъ въ его описаніи[2] заглавій и начальныхъ строкъ статей памятника, и изъ приводимыхъ нами далѣе изъ него-же варіантовъ.

Значительно болѣе малорусскихъ элементовъ встрѣчаемъ уже въ лицѣ другого сборника, могущаго по составу своему считаться, съ нѣкоторыми оговорками и ограниченіями, конечно, чѣмъ-то въ родѣ

1 [illegible] собраній, находящихся въ г. Кіевѣ, 1897, II, 130.
2 [illegible] 166—182.

»Измарагда«, или, по крайней мѣрѣ, значительнаго и цѣльнаго извлеченія изъ него, на который-то характеръ его, однако, ученымъ изслѣдователемъ его даже не было обращено вниманія. Мы имѣемъ въ виду сборникъ XVI в. изъ собранія П. Ѳ. Симсона въ г. Ржевѣ, подробно описанный и изслѣдованный В. Н. Перетцомъ [1]). Если это, однако, и »Измарагдъ« или какое-либо видоизмѣненіе его, то и въ такомъ случаѣ нельзя его считать нисколько сплошнымъ и осмысленнымъ малорусскимъ переводомъ, такъ какъ, во 1-ыхъ, далеко не всѣ его статьи обнаруживаютъ въ своемъ языкѣ замѣтные и несомнѣнные малоруссизмы, во 2-ыхъ же, даже въ этихъ немногихъ, несомнѣнно малорусскихъ статьяхъ его, по признанію самого проф. Перетца, замѣчаются »очевидные архаизмы« и »стремленія переписчиковъ къ сохраненію славянской литературной традиціи даже въ правописаніи« [2]).

Всѣ же остальные извѣстные списки »Измарагда«, писанные на територіи малорусскаго нарѣчія, носятъ уже вполнѣ обще-литературный, славяно-русскій характеръ [3]).

Что касается нашего отрывка, то онъ, какъ уже отмѣчено выше, содержитъ въ произвольномъ сочетаніи три статьи, извлеченныя, повидимому, изъ »Измарагда« второй редакціи: »Притчу о богатыхъ«, »Слово Іоанна Златоустаго о невозстающихъ на утреню« и »Поученіе св. Василія лѣнивымъ«. Что эти три статьи извлечены именно изъ второй, по опредѣленію В. А. Яковлева, или »господствующей«, по выраженію А. С. Архангельскаго, редакціи »Измарагда«, а не очутились здѣсь рядомъ случайно, изъ другого какого-нибудь назидательнаго сборника, явствуетъ изъ того, что, хотя онѣ въ отдѣльности и встрѣчаются въ разныхъ древне-русскихъ сборникахъ довольно часто, но всегда по-рознь, въ подобномъ же соединеніи, всѣ три вмѣстѣ, находятся только въ одномъ »Измарагдѣ«, и именно только во второй, господствующей, самой распространенной и популярной, предназначавшейся болѣе для мірскихъ людей, его редакціи [4]). Только, какъ уже было замѣчено выше, онѣ размѣщены здѣсь въ другомъ порядкѣ и на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, именно, занимаютъ главы 29, 71 и 48 [5]).

1) Матеріали до історії україньскої лїтературної мови, — въ Запискахъ Наук. Товар. им. Шевченка, 1906, т. 67, стр. 1—32.

2) Тамъ-же, стр. 24.

3) См., напр., Петровъ, Описаніе, II, 182—183, 207—218; И. С. Свѣнцицкій, Опис рукописів Народного Дому з колекції А. Петрушевича, I, 1—18 (Українсько-руський Архив, т. I, 1906).

4) В. А. Яковлевъ, Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія »Измарагда«, 1893, стр. 162-сл.

5) Яковлевъ, Тамъ-же, стр. 175, 181, 178.

Исторіи и характера самого »Измарагда« мы здѣсь, конечно, касаться не будемъ, отсылая къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ В. А. Яковлева [1]) и А. С. Архангельскаго [2]).

Относительно самыхъ статей нашего текста приходится сказать немного.

»Притча о богатыхъ«, сама по себѣ, встрѣчается въ древне-русскихъ рукописяхъ чаще всего и вошла, между прочимъ, также въ составъ »Пролога« (подъ 19 ноября). Это — славяно-русская передѣлка извѣстнаго аполога изъ »Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ«, перешедшаго въ такомъ видѣ въ славянскую письменность черезъ посредство богомиловъ [3]).

»Слово о невозстающихъ на утреню«, приписываемое въ »Измарагдахъ«, какъ и вообще въ древне-русскихъ рукописяхъ, Іоанну Златоустому, на самомъ дѣлѣ не принадлежитъ ему вовсе, но является произведеніемъ неизвѣстнаго русскаго автора [4]). Въ составъ древнѣйшей, первой редакціи »Измарагда« оно еще не входило [5]).

Наконецъ, »Поученіе лѣнивымъ и похвала дѣлателемъ«, встрѣчающееся преимущественно только въ »Измарагдахъ« и проникшее отсюду также въ »Прологъ« (подъ 31 іюля) [6]), тоже, по словамъ Н. И. Петрова [7], приписывается св. Василію Великому (Кессарійскому) ложно, такъ какъ между его твореніями оно не находится вовсе. Проф. Архангельскій, однако, считаетъ его все-таки принадлежащимъ св. Василію, хотя и не указываетъ его подлинника [8]).

Остается еще сказать, что нашъ отрывокъ, состоящій изъ 6 листковъ малой 4-ки, повидимому XVII в., находится въ настоящее время въ Митрополичьемъ Церковно-Археологическомъ Музеѣ во Львовѣ No. 42. Q. На концѣ послѣдней страницы (л. 6 об.) находится слѣдующая, очевидно не относящаяся къ тексту, приписка: »Мцы илрта л. в сей де

1 См. указанное выше сочиненіе.

2 Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности, вып. IV, 1890.

3 Ср. А. Н. Веселовскій, Изъ ист. литер. общенія Вост. и Зап., 1872, 160–161; его-же, О слав. редакц. одного аполога Варлаама и Іоасафа, 1879. И. Я. Франко, Притчата на еднорога и нейниятъ български вариантъ, 1886

4 А. С. Архангельскій, Къ изученію древне-русской литературы, 1888, стр. 67.

5 Архангельскій, Творенія отц. церкви, IV, 83. Ср. Яковлевъ, Опытъ изслѣд. Измар., стр. 9–29.

6 Н. И. Петровъ, О происхожденіи и составѣ слав.-рус. печ. Пролога, 1875, стр. 298.

7 Тамъ-же, стр. 232.

8 Архангельскій, Къ изуч. др.-рус. литерат., стр. 35.

распитъ гдь нашъ іс хс. стаго препод іωана лѣствич. ѿ створ. свѣт. з ф л г« (?).

Мы издаемъ здѣсь этотъ интересный отрывокъ полностью и съ буквальной точностью, пропуская только надстрочные знаки придыханія и возстановляя интерпункцію, которые въ рукописи совершенно спутаны и произвольны. Варіанты приводимъ по упомянутому выше »Измарагду« XV в. Кіево-Михайловскаго монастыря No. 488/1646, а также, гдѣ это было возможно, по сводным извлеченіямъ В. А. Яковлева и А. С. Архангельскаго.

(Л. 1.) Притча ѡ богатих ѡ богаки(хрсх) книгах.*)

Чловѣкъ нѣкоторый ходилъ на полѣ чистѣ, и не било на поли том ни дебри ни лѣса. оузрѣл идучи[1]) к себѣ лъва со верблюдом, и заразъ смутен сталъ, и начал тужити, и не малъ где би[2]) сѧ скрити ѿ звѣрей тих. и скочилъ[3]) по полю и найшолъ кладѧз глубок, же[4]) и дна кладѧзю не било вид'но[5]), и сталъ над ним. звѣрем же болше еще приближают'сѧ[6]) ко нему, теди ѡнъ пустил'сѧ к кладѧз той. и било двѣ деревѣ виросли[7]) збоку[8]) того кладѧзѧ: едино сребрѧно листвие[9]), а другое [злато][10]). и летѣ к той кладѧз, и паде[11]) на среб'нѣм деревѣ, и ухватисѧ за листвие[12]), и сѣде на том древѣ[13]). возрѣвже вгорѣ, и видѣ лъва со верблюдом стоѧщих над нимъ[14]). и таж || л. 1 об. || ему[15]) горлица прилѣтаючи[16]), смокви[17]) носѧчи ему, иногда рожки ѧгодичии[18]) виннѧ, котори то приймуючи и илъ[19]). и плакала ѡ нем горлица таѧ, и вранъ[20]) прилѣташе оуголь горѧщъ приносилъ и кидалъ[21]) на него, а часомъ ѧщорки[22]) и жаби. ѡнъ то ѡбачивши и чудисѧ, и посмотрѣвъ долу, видѣ двѣ миши гризущие корен тому древу: ѡдна чорнаѧ, а другаѧ бѣлаѧ. и оузрѣвъ другое древо злато ростучое[23]), а сподѣ того древа[24]) змий страшний и ѡгнемъ дишуще аспиди[25]) и ехидни злыи, который то[26]) видѧчи, ѧко живота ему нѣсть уже и нѣсхода[27]) с кладѧзѧ того, недбав того нѣчого, несмисленный[28]), почалъ рвати[29]) сребреное листвіе и класти за надра[30]) своѧ. и мислилъ, жеби еще упасти [на][31]) златое древо[32]). и пустилъ сѧ на древо златое[33]) и летѣ водно и [на] злиѧ[34]) скоропіи. и оуслиши[35]) его змий свистаніемъ своимъ. дѣ- || л. 2. || лѧ того безумній зле погибе. слишите братие сказаные притчи сеѧ. а то поле назнаметсѧ свѣтъ весь, а верблюдъ немощъ и старость чловѣча,

а левъ смрть, бо так пишетъ [36]) прокъ двъ: ико левъ боуhитъ дшу мою [37]). а кладазь то есть сѣть діавола и многонмѣнныя и хотѣныя [38]), в которо то мнози чловци погибаю, икъ в кладази ѡно глубоко. а древо сребряное стяжаные [39], богатихъ, если много и беретъ [40]), а боше хоще, а не бонтъся, ико оумети маетъ, а то все ѡстаетъ [41]), и за скупос во муку поити. а двѣ мыши, которыи коре гризоу, то е бѣлая днь, а чорная ноіць, чловки скушающе [42]). а горлица, которая смови приносила, то е аггелъ гнь, той приносилъ [43]) добрии помисли на срце чловку и скорбѣлъ [44]) ѡ грѣсѣ его. а вранъ, що приноси [45]) уголь горячъ [46]), то диаволъ е, котори распалаетъ [47]) чловки на л. 2 об. сребролюбѣе и на вся неприязныя дѣла. а златое древо то пожаливо е многобо[га]ска [48]), такъ мовитъ: жеби и злота собралъ еще много, а не мае сити. а змий и скоропѣи и гади [49] то е мука вѣчная и ѡгонь негасимый скупимъ и немилостиви. бо хто любитъ [50]) многоимѣнныя, не може спетися и его насититися [51], и егди много звере, то еще боше хоще [52]), а не изволи ни троха, що собра, аби далъ [53]) бга ради, но аби ему ѿ числа не оубуло. якоже и море не може ся напоныти [54]), многии рѣки примуючи, таже и чловкъ не може ся наситити, звираючи много [55]). и икъ адъ погибае, а не може ся наситити [56]), таже и златолюбецъ [57]), хо [58]) погибае, а не престае и не ѡпочивае, собирае [59]) богаство и подавати щади, которому то [60] погибѣла будет в негасимо ѡгнѣ. ѡ икъ же мае бити що доброго дши скупаго. бгу нинѣму слава вѣкы.

Варіанты — по рукописи XV в. Кіево-Михайл. монастыря No. 488, 1646 л. 23—24:

*) Ѿ болгарски книгъ. Это — обычное чтеніе въ громадномъ большинствѣ списковъ: см. напр. Франко, Карп.-рус. письменство XVII—XVIII в., 103; Свѣнцицкій, Опис. рукоп. Петруш., I, 4; Добрянскій, Опис. рукоп. Вил. П. Библ., 197, 356; Перетцъ, Матеріали до іст. укр. мови, 4; Яковлевъ, Опытъ изслѣд. Измар., 12. 52, 175; и мн. др. Такое же неправильное чтеніе, какъ въ нашемъ спискѣ (ѡ болгарскихъ книгахъ), замѣчено нами только еще въ Измарагдѣ XV—XVI вв. К.-Михайл. м-ря No. 489, 1657 л. 43 об. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ встрѣчаются также и другія разночтенія въ надписаніи притчи, какъ на пр.: притча свѧта сего ѡ богаты

и ѡ немилосер'дꙑ истокована Ѿ богарьскꙑ кни« — въ »Златой Цѣпи« XVI в. Древлехранилища Погодина No. 1025 (Пѣтуховъ, Серапіонъ Владимірскій, 230); »притча о богатꙑхъ отъ богословскихъ (sic!) книгъ« — въ рукоп. XVI в. Архангельской Духовн. Семин. No. 248 (Викторовъ, Описи рукоп. собр. Сѣверн. Россіи, 46); »притча стго Варлаама къ Исафу ѡ богатꙑх« — въ Сборн. XVI в. No. 86/39 Виленск. П. Библ. (Добрянскій, Описаніе, 165), а также въ рукоп. XV в. Спб. Духовн. Акад. No. 22/1099 (Веселовскій, О слав. редакц. одн. аполога Варл. и Іоасафа, 3—4); наконецъ, даже »повесть о времѣннѣй сей жизни« — въ Сборникѣ XVIII в. Буслаева (Бычковъ, Каталогъ рукоп. Бусл., 315) и т. д.

1) градуціа. 2) не имѣа гдѣ. 3) и поскочи. 4) ꙗко. 5) нѣ видѣти. 6) приближающимса. 7) и бѣста два древа растоуща. 8) Ѿ бокоу. 9) сребрено имѣаше листвіе. 10) злато въ нашемъ текстѣ пропущено. 11) летѣи же паде. 12) вѣтвіи. 13) сѣде тоу. 14) стоаща. 15) и тамо сѣдащю емоу. 16) прилеташе. 17) смоковь; въ нашемъ т. на полѣ приписано финꙑ. 18) ꙗгодꙑ. 19) ѡнь же пріимь ꙗдаше. 20) и пакꙑ врань. 21) носа помѣташе. 22) аціер'ци. 23) и видѣ въ днѣ близь злато древо растоуціе. 24) а к ꙑсподе под древомь. 25) на аспидꙑ. 26) ѡнь же. 27) ні исхода. 28) небреже того всего ни оукоаса несмыслены. 29) трозати. 30) в надра. 31) на пропущено въ нашемъ т. 32) и тоужаше скорба, дабꙑ паль на златое древо, и нача мыслити въ срдци своемь. 33) и поусти нань. 34) въ злꙑа. 35) ѡглоушіи. 36) ꙗко же ре. 37) на полѣ приписано ѱло ка. 38) на полѣ приписано пожалливост. 39) на полѣ приписано звира. 40) зберетъ. 41) ꙗко оумрети все ѡставльше то. 42) чл҃чь вѣкь скраціающіе. 43) приносаи. 44) скорба. 45) приносаи. 46) нечтоwтоу. 47) разьжигаа. 48) хотѣніе е многа стажаніа; въ нашемъ словѣ пропущенъ слогъ га. 49) ехꙑднꙑ. 50) любаи бо члкь. 51) не может са его насытити. 52) и пакꙑ иного въсхоціе. 53) ни мала събраннаги дати. 54) не наполнитса. 55) тако и члкь не имать годѣ звираа. 56) погыбе ненасытас. 57) златолюбивꙑи. 58) донеле и. 59) събираа. 60) еже емоу.

(Л. 3.) Слово Іѡана Златаго ѡ невостающи*) на оутрѣню.

Еже в лѣности хто во житии семъ мешькаетъ[1]), то неспсетъса. а кгди ж би са обленилъ на утреню встати, то

не дай ꙗсти тѣлу своему во днь той до вечера, писано бо еть: праный да не ꙗстъ. кгди жъ хто крадетъ, тотъ вину маетъ, такъ же вину причитаетъ бгъ кодому не востающому на оутреню ко цркве, кромѣ недуга и труда великаго. ѡбаче ѿ недужьнаго и труднаго ищитаетъ [2] бгъ мл҃тивый слуби дхоныꙗ [3]. и нѣхто в обичаю того не имѣй [4], кгди на свѣтѣ мешькаючи [5] со женою и со дѣтьми и староны [6] ѡ дому своемъ мѣлъ би [7], не мов'те: не могу бгу угодити, бо видимо многыи оугоныки бжіи на свѣтѣ межи || л. 3 об. || нами [8] и заповѣди его виполъныючи [9]. дѣ ци не би кога или не црь ли билъ, то бгу мовилъ семижди днемъ хвали ти и еще мовитъ во полуноши [10] востах' исповѣдаси [11] тебѣ. а кгди жъ црь семижди бга хвалилъ [12] на днь [13] и полуноши вставалъ и молилъ сѧ бгу, а коко мѣлъ печатати [14]? а ми ꙗкъ будемъ помилованни живучи во лжи [15]? а лѣнымъ си ко цркве на оутреню, на литогию и на веченю ити [16]. что чинишъ ѡ члче, лѣниво [17] и скаредо живи, ча мѧткеній противаꙗ [18] и нравъ поганихъ любꙗчи? бо ти есть веселие еже би си упивати. а хртнꙗномъ кгди ю ѿобѣдаши тогда пити [19]. а ти [20] весь днь сѣдиши, губы питиемъ, ни телесни може [21] ѡрудій чинити [22] || л. 4. || ани дшевни, ено все на питие видаꙗй, тѣло и дшу свою томꙗчи [23]. бо незаповѣдньно е ꙗсти анѣ пити [24], ено в подобный ча, але [25] піꙗ[н]ство [26]. збитьне [27] бо мнози пиюще, ве днь губатъ, ꙗкоби нѣмии [28] скоти и звѣрие, которни не чаютъ [29] суда анѣ нба [30] знаютъ [31]. то и тии сибѣюса на [32], хо несмисленыи: ми того не чинимо. а члвци сіи несити, кгди и маю ꙗробн [33] пінію [34], а и нъшнии [35] покоръми бруху [36] не маю покоꙗ пиюще, и льютъ ꙗко во оутелъ сѣсутъ [37], доти ажъ вобѣснуетъся ѿ піꙗнства. дѣ бо піꙗнствѣ раличние [38]. ѡдно же мнзи хвалꙗси [39] глще: то не пꙗницы [40], который упився и спитъ [41]. але ꙗ повѣдаю, же и скоский [42] зле чинитъ, кгди сѧ упиетъ, и спитъ ꙗкоби || л. 4 об. мртвий, и аки болва валꙗетсꙗ, и много сквенытъса, ище ѡмочившися смердитъ, и лежитъ во годину [43] заоутрени, не может' ни голови звести [44], ригае, смердитъ, многопитиемъ [45] расслаблꙗе свое тѣло, мокро чинитъ [46], и до горъла аки мѣхъ [illegible] — чимъ же ѿдаленъ [47] погани [48] таковй? видѣте [illegible]

ганами то̑ ѡсу̑ди́сѧ, а смѣли́[50]) пі́ѧницы[51]), которн[й] ра̑ битисѧ и скаритисѧ[52]), нще лаетъ[53]) тимъ, кото̑и говѣю и бг̃омълюбцѐ насмѣваѐсѧ[54]) и лает'[55]). и кгдиби вр̑ѧ которіи такови́ билъ[56]), то еще гор'ше[57]), всѣх' бо повинути[58]) хочетъ своей пагубѣ, не боитесѧ оукора[59]), говѣющи́ ти̑ ненавиди́, кото-|л.5. рии ему подобни, ти̑ люби́, що ему потаковуютъ[60]) и бла̑ную̑[61]). таковаго см̃ртъ приме̑, с куміросложебники ѡсу̑дисѧ. бг̃у нш̃ему слава в вк̃и.

Варіанты — *К.* по той-же рукописи К.-Михайл. м-ря No. 488/1646 л. 66—67; *А.* и *Я.* по сводпымъ извлеченіямъ Архангельскаго (Творенія отцовъ церкви, IV, 41—42) и Яковлева (Опытъ изслѣд. Измарагда, 271—272).

*) Въ рукоп. **ѡ невостающи́м**. 1) К. и *Я.* **пребываетъ**. 2) К. **истѧзаеть**. 3) К. **мол̃твы дх̃вныѧ и слоужбы**. 4) К. **да никто извѣта имаеть**. 5) К. **въ миру живый**. 6) К. **печаль**. 7) К. **имѣѧ**. 8) К. **во миру**. 9) К. **тр̑ѧщее**. 10) К. **и пакы полоуноши**. 11) К. **испокѣдатисѧ**. 12) К. **пѣлъ**. 13) К. **дн̃емь**. 14) Sic! въ К. **а толико имый печалій**. 15) К. **во лготѣ**. 16) **ити** въ К. нѣтъ. 17) К. **бесчинно̑**. 18) Въ рукоп. **противлаѧ**. 19) К. А. и *Я.* **егда отобѣдати, тогда и отпити**. 20) *Я.* **а ты, человѣче**. 21) К. А. и *Я.* **могый**. 22) К. и А. **творити**, *Я.* **управити**. 23) Въ рукоп. **томочи**; К. **томѧ**, *Я.* **гукѧ**. 24) А. и К. **речено бо въ законѣ ѧсти и пити**. 25) А. и К. **а не въ**. 26) Въ рукоп. **піѧство**. 27) ? въ рукоп. **закитъне**; въ А. *Я.* и К. этого слова совсѣмъ нѣтъ. 28) А. *Я.* и К. **безсловеснїи**. 29) А. и К. **не чающе**. 30) А. и К. **бг̃а**. 31) Въ рукоп. **знаетъ**; А. и К. **вѣдуще**. 32) *Я.* **намъ рекуще**. 33) А. *Я.* и К. **оутрокоу**. 34) А. и К. **питію**, *Я.* **піютъ**. 35) Въ рукоп. **нъшии**. 36) А. и *Я.* **брюхы брашну**, К. **брюхы брашны**. 37) Sic! А. *Я.* и К. **сосудъ**. 38) А. *Я.* и К. **двѣ бо піаньству различіи**. 39) А. *Я.* и К. **хвалѧтъ**. 40) *Я.* **пьѧнство**. 41) К. А. и *Я.* **иже оу̑пивсѧ спить**. 42) К. А. и *Я.* **кроткый**. 43) *Я.* А. и К. **въ годъ**. 44) К. А. и *Я.* **възвести**. 45) *Я.* К. и А. **отъ многа питіѧ**. 46) А. *Я.* и К. **мокръ**. 47) К. А. и *Я.* **ѿдѣлень**. 48) А. К. и *Я.* **ѿ поганъ**. 49) А. и К. **коль зло**. 50) А. и К. **дерѧживый**, *Я.* **драчливый**. 51) Въ рукоп. **піинницы**. 52) А. К. и *Я.* **иже биетсѧ и сварится**. 53) Такъ и К. А. и *Я.*; въ рукоп. **лаютъ**. 54) А. К. и *Я.* **поносить**. 55) К. А. и *Я.* **оу̑каряетъ**. 56) А. К. и *Я.* **и аще**

властель есть. 57) А. К. и Я. лютѣе. 58) Такъ и въ К. и Я.; въ А. повинусти. 59) А. К. и Я. божѧ оукора. 60) К. и Я. иже потаквы творѧть ему. 61) К. и Я. блазнѧще его.

(Л. 5.) Поучение стаго Василиꙗ лѣнивим, которіи не робꙗтъ, и ѡ похвали тих, которіи дѣлают.

Еже вам молвю, братие, слишите. кгди би не хотѣлъ бо вамъ сего[1]) мовити, но боюсꙗ реченнаго: возбужате[2]) спꙗщаꙗ и на дѣло подвизайте лѣнивих. кгди жзеныꙗ оубѣганте бѣди[3]), то нбсныхъ не узрите добрих[4]), котори\м то робо\тнико\м бгъ ѡбѣца\те[5] ѿ працѣ теди здравіе и ѿ бѣди[6]) спсеніе. а лѣнивѣи по реченыю апостолу[7]) да не ꙗстъ. бо земный робо\тныкъ подобенъ естъ || л. 5 об. || инокомъ[8]) поу[с]тинному[9]) житию и труду[10], понеже сонъ ѿрѧсъ, на дѣло земное иде\т, и лѣпше[11]) дому пустиню[12]) любитъ, зною же и зими трудним тѣлом[13]) противитсꙗ, и длꙗ того працѣ своей плод зберае\т, и таковый блвинъ бгомъ, ѿ них же душевное приемлетъ спсеніе, бо с тих[14]) оубогихъ накормитъ и немогущим[15]) подавае\т, то ꙗко самому хү подае\т, который то плод подае\т, дождъ посилае\т[16]) рань и поздень, и все чины, и земліа[17]) наситисꙗ хлѣба, понеже с того напо\лнꙗсꙗ гумна[18]). блвинъ бгомъ, працею свое[е]ю[19]) хвалꙗйсꙗ, руцѣ бостаныбому[20]) ѡбогатѣю. а нероботныи[21]) и к тому[22]) пꙗныца не може\т бити бога\т. лѣнос\т бо всѣм дѣлом мти злимъ бисть, а доброти, корін \то л. 6. маеш, то лѣносі погублꙗе\т, а иных не дае\т совокупити. а хоть[23]) и богаі будеши, а лѣнивъ, то зубожиш[24]). кождый лѣнывый и слабии сам себе[25]) прокліг. а кди би богъ пѣкловалъсꙗ лѣнывими, то би повелѣвъ билю[26]) жита растити, а лѣсу[27]) ѡвощи всꙗкіꙗ родити[28]). кождый лѣнывый ѡдѣвае\тсꙗ в малаѧ[29]) и подраныꙗ порътища, бо который на дѣло лѣнывъ, то таковый и ѡ души своеи недбаліе[30]). ѡ празнолюбци лѣнывыи! которую заплату своеи працѣ бви принесете? бо не требуе\т бгъ ѿ лихоимѣныѧ ѡфѣри ни приноса, но аки закалаема пса гнушае\тсѧ. лѣпше естъ не чинити чужим ани красти[31]). ни лѣ[ни]вимъ[32]) ни много спꙗщин ни лихоимьцем ни пꙗницам ни крадущим бгъ вѣчную жизнь[33]) ѡбѣцалъ естъ. || л. 6 об. || котории бга дѣла працуютъ, робычи своима рукама, ѿ того оучастие бви оудѣлающе, нѣкотории в плотскихъ[34]) пилнуютъ[35]) робота\л, иныи же скоти и конѣ[36])

пасу̑, и ѿ того десатину бв҃и далю, спсуть[с]ы[37]. иниже сѣку̑ агницн[38]) ко̑мы̑, ѿ того убоги̑ и недужъныхъ накормытъ и щдѣвають, бл҃веніе примаю̑ ѿ бг҃а. и нѣкотори̑ по морю пливаю̑ и гостьбы дѣю̑[39]), и ѿдѣлыю̑[40]) дш҃енную часть[41])....цр҃ство нб҃сное приметт. а ви жени ло̑тѣ свои оутверъдѣте на роботи и руцѣ на веретено, и ѿ того мл҃стиню давайте, да сп҃етеса. а не робачи, ѩкую заплату своеи сили бв҃и прине̑те? бо жад̑е бе̑ працѣ не може̑ са сп҃сти, но ко̑дый по дѣло̑ возме̑[42]). бг҃у нш҃ему слава во вѣки.

Варіанты — *К.* по той-же рукописи К.-Михайл. м-ря No. 488/1646 л. 40—41; *А.* и *Я.* по сводньмъ извлеченіямъ Архангельскаго (Творенія отц. ц., IV, 44—45) и Яковлева (Опытъ, 228—229).

1) К. и *Я.* **ѡ снхъ.** 2) Въ рукоп. переправлено сверху изъ первоначальнаго **во̑мущеныи.** 3) К. А. и Я. **страды.** 4) А. и Я. **благъ,** но К. такъ-же **бл҃гы̑.** 5) К. и Я. **ѡбѣщалъ е̑.** 6) К. А. и Я. **страды.** 7) К. и Я. **по апостолоу.** 8) Такъ и въ А.; въ К. и Я. **же иноки̑.** 9) Такъ и Я.; К. **поустномоу,** А. **постному.** 10) Такъ и К. и Я.; А. **житию труд̾ь.** 11) К. и Я. **паче.** 12) Въ рукоп. **пустинн.** 13) Такъ и К.; Я. **дѣломъ.** 14) Въ рукоп. **ст҃и̑.** 15) Я. **неимущимъ.** 16) К. **посылаа.** 17) А. К. и Я. **всакъ дѣлаай землю.** 18) К. **стогь възвыси гоумна си;** А. **стогъ възвысивъ и гумно сый;** Я. **сін стоги возвыси гумна.** 19) Въ рукоп. **свою.** 20) К. **въста̑ликомоу.** 21) К. **недѣлате̑.** 22) К. **и̑.** 23) К. и Я. **аще бо.** 24) К. и Я. **ѡскудѣешь.** 25) А. и К. **слаба себе.** 26) А. К. и Я. **былью.** 27) Въ рукоп. **лѣса̑.** 28) Посл. слова въ А. К. и Я. нѣтъ. 29) А. К. и Я. **скудная.** 30) А. и К. **не подвизаетса.** 31) К. **а̑ не грабити.** 32) Въ рукоп. **лѣвнмъ.** 33) Въ рукоп. **жи̑нь.** 34) А. К. и Я. **польскыхъ.** 35) Въ рукоп. **пилнуетъ;** А. К. и Я. **прилежаще.** 36) Такъ и въ А. и К.; въ Я. **скотъ въ поле.** 37) Въ рукоп. **сп҃сутъи.** 38) А. К. и Я. **сѣно сѣку̑ и агньци.** 39) А. и К. такъ-же **гостьбы дѣюще;** Я. **въ пути ходаще гостьбы дѣюще.** 40) А. и К. **отдѣлайте.** 41) Въ нашемъ текстѣ пропущено здѣсь, очевидно, нѣсколько словъ, которыя восполняемъ по списку К.: **цр҃кви̑ и̑ ніщи̑, и̑ роукодѣлници творите мл҃тиню̑, да ѿсю̑доу по ѿшествии̑.** 42) К. **пріиме̑.**

Кіевъ. Ю. А. Яворскій.

V. Vodnik und die nachillyrische Periode in Krain.

In allen bisherigen Biographien Vodniks wird erwähnt, daß die österreichische Regierung nach dem Abzug der Franzosen aus Illyrien (1813) Vodnik nicht freundlich gesinnt war und daß alle seine Gesuche um verschiedene Lehrstellen in Laibach erfolglos blieben. Den direkten Grund dafür kannte man bisher nicht; auch ich konnte in meinem Aufsatze über Vodnik im Archiv f. slav. Philologie, Band XXIII dieses Verhältnis nicht aufklären. Seither habe ich neues Material gefunden und will die Darstellung hier vervollständigen.

Als es den Franzosen im Jahre 1809 geglückt war, nach mehrjährigen erfolglosen Versuchen den größten Teil der slovenischen Gebiete zu besetzen und sie mit den südlichen Ländern zu den »Provinces Illyriennes« zu vereinigen, verlor die österreichische Regierung nicht die Hoffnung, diese Gebiete den Franzosen wieder zu entreißen. Es wurde deshalb ein weit verzweigter Nachrichtendienst eingerichtet, um über die Ereignisse und Stimmungen in Illyrien genaue Berichte zu erhalten. Unter andern vertraulichen Berichterstattern war der Polizeikommissär Simon Kremnitzer in Cilli, der anfangs in französischen Diensten stand, später aber wegen eines Zerwürfnisses mit dem illyrischen Polizeileiter Toussaint sich dem Präsidenten der Polizeihofstelle in Wien Baron Hager anbot und nach Cilli übersiedelte.

Noch vor dem Abzuge der Franzosen aus Illyrien bestimmte Kaiser Franz, daß im Falle der Besetzung der illyrischen Provinzen durch die österreichischen Truppen dem provisorischen Verwalter derselben Freiherrn von Lattermann der Polizeikommissär Kremnitzer zugeteilt werde. Am 15. Oktober 1813 teilte ihm das Baron Hager mit und wünschte Berichte über alle Wahrnehmungen Kremnitzers. Schon am 29. Oktober sendete Lattermann den ersten Bericht Kremnitzers und am 4. und 9. November 1813 schickte Kremnitzer selbst Berichte an Hager und einen

»Ausweis über die hierorts existierenden Mitglieder der Freimaurergesellschaft« und sagt im Bericht vom 4./XI. »den Unmut der Bevölkerung vermehret der Umstand, daß einige Beamte der vorigen Regierung, die ihnen verhaßt waren, wieder provisorisch angestellt worden sind« und im Bericht vom 9./XI., daß die Bevölkerung »sehr aufgebracht und mißvergnügt sei, daß sie noch ferner im Staatsdienst behalten werden«.

In dem ersten Verzeichnis kommt Vodnik nicht vor, wohl aber im zweiten »Verzeichnis der Freimaurer-Logen-Mitglieder zu Laibach« unter den »Mitgliedern aus Illyrien: . . . Vodnigg Professor«. Angeschlossen ist auch ein »Verzeichnis jener Individuen, welche sich durch ihr Benehmen gegen die Franzosen auch Abtrünnigkeit gegen Österreich in Laibach verdächtig gemacht haben«, darunter ist »Vodnigg Professor der Poesie«. Am 11./XI. antwortete Hager, daß während des Krieges das österreichische Regime nicht eingeführt werden könne. Am 12./I. 1814 sendete Kremnitzer an Hager einen neuen »Ausweis derjenigen in Krain und Illyrien befindlichen Individuen, welche der französischen Regierung noch immer anhängen, dem Publiko und der Nazion verhaßt, dann dem österreichischen Staate gefährlich sind, und bleiben dürften«. Unter Punkt a) sind »Verschiedene Individuen, die wegen ihrer besonders widrigen Gesinnungen gegen Österreich hierunter namentlich aufgeführt werden« und darunter an dritter Stelle »Vodnik Professor«. Am 21. Jänner 1814 sendet nun Kremnitzer einen ausführlicheren Bericht und bemerkt: »Nun mache ich es mir zur heiligsten Pflicht auch die Ursache und Gründe, wie auch einige spezifische durch Überzeugung erhaltene Thatbeschreibungen dieser verkehrten Menschengattung zu ertiefen« und schreibt: »die vierte und letzte Abteilung enthält die Namen derjenigen ammeisten und allgemein verachteten Individuen, die schon bei dem französischen Einzuge im Jahre 1809, wie auch in der Folge, und dermal noch sowohl durch Worte als Handlungen bei verschiedenen Gelegenheiten, meistens aber dann, wenn keine österreichischen Patrioten zugegen sind, zu erkennen geben, daß sie mit Kopf und Herz Frankreich zugethan, und im nämlichen Grade Österreich abgeneigt sind.« Über Vodnik speziell heißt es in diesem Berichte: »Vodnigg Professor ein tholer Anhänger Frankreichs war immer wider Österreich, und soll, wie ich es von glaubwürdigen Männern vernamm, im Oktober vorigen Jahres bei einer Reise nach Oberkrain versucht haben, die Bauern wider Österreich für Frankreich einzunehmen.«

Hager berichtet darüber dem Freiherrn von Lattermann und bemerkt: »die meisten sind Beamte oder in öffentlichen Ämtern angestellte Männer,

die, wenn sich die Tatsachen wider sie bewähren sollten, ihrer Posten unwürdig, und davon vermöge der E. E. bekannten a. h. Directiv-Regeln zu entfernen wären« und dem Kremnitzer erteilt er den Auftrag »das Benehmen aller Individuen gleich Gelichters genau im Auge zu halten«.

Inzwischen suchte die österreichische Regierung das illyrische Schulwesen nach österreichischen Prinzipien zu reorganisieren und schickte den Grafen von Saurau als Einrichtungs-Hofkommissär nach Krain, welcher am 19. Juni 1814 in einem ausführlichen allerhöchsten Vortrag über seine Mission und die Gymnasien zu Laybach und Neustadtl berichtete. Darin schreibt er bezüglich der Lehrkräfte unter »4. Ich wage es nicht für die beiden Lehrer Valentin Wodnik, Weltpriester, im Jahre 1809 Lehrer der Geschichte und Geographie und dermalen Lehrer des Stils zugleich provisorischer Direktor der Normalhauptschule; dann für den weltlichen Lehrer des Stils Franz Peesenegger bey Eurer Majestät um deren Bestätigung im Lehramt zu bitten.

Der erste ist zwar ein Mann von nicht wenigen Kenntnissen, besonders in der slavischen Sprache, und gegen seine Sittlichkeit im allgemeinen wird keine Klage geführt. Allein sein Direktor legt ihm im Anfange zur Personalstandstabelle im Protocolle 2. Gleichgiltigkeit, also Mangel an Eifer und die Unbehilflichkeit zur Last, sich bey den Schülern das gehörige Ansehen zu verschaffen. Er hat den Ruf, ein starker Anhänger der Franzosen gewesen zu seyn, gegen sich, und dieser Ruf begründet schon Mißtrauen gegen ihn, wozu ein öffentlicher Lehrer, dem man, ohne ihn stets controlliren zu können, die künftige Denkungsart einer Generation anvertraut, keinen Anlaß geben soll.

Daß er aber diesen Anlaß gegeben hat, darüber liefert das angebogene im Geiste der französischen All-Eroberungssucht verfaßte Lobgedicht auf den Kaiser Napoleon, und der fernere Umstand den Beweis, daß er auf der Liste der Freymaurer steht.« Und weiter unten:

»Sollten diese nunmehr von Euerer Majestät Generalgouvernement provisorisch beim Lehramte belassenen Männer nach meinem unterthänigsten Antrage von Euerer Majestät die Bestättigung als öffentliche Lehrer nicht erhalten, dann aber eine andere Anstellung, nur nicht wieder bey einem andern öffentlichen auf die Gesinnungen der Schüler Einfluß nehmenden Lehramte suchen, so glaube ich sie Euerer Majestät dahin, daß sie nicht von jeder Dienstleistung überhaupt als unfähig oder unwürdig ausgeschlossen werden, in dem Anbetrachte unterthänigst empfehlen zu dürfen, weil sie beide vor dem Jahre 1809 lang in landesfürstlichen Diensten gestanden sind. Wodnigg wurde schon im Jahre

1798 Lehrer der Poetik, und war zuvor seit 1787 Katechet an einer Landesschule; ... beide sind im Alter vorgerückt, und ihrer Versicherung nach von schwächlicher Gesundheit. Gegen Wodnigg ist früher keine Beschwerde geführet ... Ihr Betragen zu Gunsten des Machthabers von Frankreich, und seiner nach Illyrien geschickten Beamten findet zwar keine Rechtfertigung, aber doch einige Minderung der Schuld in dem, daß es in die Periode fällt, in welcher das Land und sie mit dem Lande an Frankreich abgetreten waren, und sie sich ihrem vermeintlichen Herrn auf eine freylich den Charakter würdiger Selbständigkeit verläugnende Art gefällig zu machen suchten. Insbesondere dürfte Wodnigg zu Grätz, wo der Scriptordienst an der Bibliothek und die Lehrkanzel der slavischen Sprache dermalen erledigt ist, ohne Besorgnis verwendet werden können, wenn Euere Majestät gegen denselben väterliche Milde und Nachsicht eintreten zu lassen geruhen ... In der Voraussetzung, daß Wodnigg und Peesenegger nicht beym Lehramte zu bleiben haben, sind die Canzeln der Religionslehre, des Stils, der Geschichte und Geographie und der Elemente der lateinischen Sprache erledigt ...«

Diesen Bericht teilte die Central-Organisierungs-Hofkommission der k. k. Studien-Hofkommission mit, welche sich bezüglich Vodniks äußerte:

»Gegen den nunmehrigen Weltpriester Valentin Vodnik (er war vorher ein Religiöse) ist bis zur Besetzung Krains durch die Franzosen im Jahre 1809 hierorts keine Klage vorgekommen. Er stand vielmehr im besten Rufe, ist in der Geschichte seines Vaterlandes wohl bewandert, wie das von ihm verfaßte Lehrbuch »die Geschichte Krains« beweist, ein Kenner und enthusiastischer Verehrer und Verbreiter der slavischen Sprache, welches ihn auch zu dem Lobgedichte auf Napoleon verleitet haben mag. Der H. Hofcommissär trägt wegen dessen Anhänglichkeit an Napoleon und der Freymaurerey auf dessen Entlassung vom Unterrichte der Jugend an.

Allein dieses Gedicht ist eine bloße Äußerung der Freude über das Wiederaufleben des alten Illyriens als ein Lobgedicht auf Frankreichs Herrscher und die unter der vorigen Herrschaft gepflogene Freymaurerey, wenn er derselben nun entsagt, scheint ihn vom Lehramte nicht auszuschließen. Wenn daher für dessen Anhänglichkeit an Napoleon außer dem obigen Gedichte und gegen dessen Moralität nichts vorgebracht werden kann, so wäre er beym Lehramte beyzubehalten, und ihm entweder das Lehrfach der Geschichte oder der Humanitäts-Classen, die er beide schon verwaltet hat, wieder aufzutragen.«

Am 3. Oktober 1814 unterbreitete die Central-Organisierungs-Hofkommission dem Kaiser ihre Vorschläge, in welchen sie nach Rekapitulierung des Berichtes des Grafen Saurau und der k. k. Studien-Hofkommission bemerkt: »In Rücksicht auf den Professor Vodnik aber steht man der Studien-Hofkommission, welche diesen Mann sehr anrühmt, bey, indem man auch hierorts findet, daß Vodnik bloß als Enthusiast für die illyrische Sprache und sein Vaterland das Lobgedicht auf Napoleon, das übrigens keine Invective gegen die österreichische Regierung enthält, verfaßt habe.

Wenn Euere Majestät dem unmaßgebendsten Antrage, den Professor Vodnik beizubehalten, den gnädigsten Beifall schenken, so wäre dem Gubernium die Ausschreibung des Konkurses . . . . . mit dem Beisatze aufzutragen, daß über das Resultat der abgehaltenen Konkurse der Vorschlag an die Studienhofkommission einzusenden sey.«

In einem kürzeren vom 31. Oktober 1814 datierten Referat über den Bericht des Grafen Saurau und über die Äußerung der Central-Organisierungs-Hofkommission und der k. k. Studien-Hofkommission heißt es: »Die Studien-Hofkommission und Zentral-Organisierungs-Hofkommission haben übereinstimmend dasjenige in den Anträgen des Hofkommissärs Grafen von Saurau verbessert, was der für die österreichischen Staaten vorgeschriebenen Schulordnung nicht ganz angemessen war, oder wozu kein hinreichender Grund, wie zur Entfernung des Lehrers Wodnik, dem kein Vergehen zur Last fällt, der schätzbare Kenntnisse besitzt und schon vor der Abtretung Illyriens mit Eifer diente, vorhanden war. Diese Anträge scheinen mir daher ganz zur a. h. Genehmigung geeignet zu seyn.« Rechts davon hat der Kaiser seine Entscheidung eigenhändig hingesetzt; sie lautet: »Franz Hladnik ist nur dann beyzubehalten, wenn er während der Illyrischen Regierung sich in keinen geheimen Gesellschaften befunden, Wodnik und Pessenegger hingegen, können in ihren Plätzen nicht beybehalten werden, sie sind also entweder nach den bestehenden Vorschriften zu pensionieren, wenn sie nicht mehr diensttauglich sind, und ihnen eine Pension gebührt, oder zur angemessenen mit Erziehung der Jugend nicht verbundenen Stellen außer Illyrien in Vorschlag zu bringen. Zur Besetzung der dadurch erledigt werdenden Stellen sind Konkurse auszuschreiben; wo Ich übrigens die Anträge der Central-Organisierungs-Kommission in allen Punkten genehmige[1]).

Wien am 26. Dezember 1814 **Franz m. p.«**

1) Dieses Zitat sowie alle übrigen sind aus den Akten im Archive des k. k. Ministeriums des Innern und des k. k. Ministeriums für Kultus und Unterricht

So wurde also Vodnik trotz der Anträge der k. k. Studien-Hofkommission und der Central-Organisierungs-Hofkommission auf Grund der Polizeiberichte des Kommissärs Kremnitzer die Bestätigung versagt. Das gleiche Schicksal ereilte alle andern Bewerbungen Vodniks um verschiedene Lehrstellen, so um den Lehrstuhl der Weltgeschichte am Laibacher Lycäum, um die Lehrkanzel der italienischen Sprache am Lycäum zu Laibach und um die Lehrkanzel für die slovenische Sprache in Laibach. Überall siegten die gehässigen Berichte des Polizeikommissärs Kremnitzer über die gute Qualifikation, bis sich Vodnik in sein Schicksal ergab und die weitere Bewerbung um eine Lehrstelle endgültig aufgab.

Wien. *Fr. Vidic.*

Epistolae Abgari ad Christum et Christi ad Abgarum.

V literatuře *církevněslovanské* máme několik rukopisů těchto listů (Kozak: Bibliographische Übersicht der biblisch-apokryphen Literatur bei den Slaven, str. 21, 22). Otázkou touto obíral se v »Drobných příspěvcích« 1891. prof. Dr. Jiří Polívka, který podal také rozvětvení její v různých literaturách. Nejdůležitější pomůckou jsou studie Lipsia: Die edessenische Abgarsage 1880 a Matthes: Die edessenische Abgarsage auf ihre Fortbildung untersucht 1887.

V *české* literatuře je o listech těchto zmínka u prof. Golla v Čas. Mus. kr. Českého 1878 na str. 283 »Zpráva o českých rukopisech v Zhořelci«, ale z rukopisu tam není podána ukázka.

Když jsem r. 1893 studoval v *Milichově knihovně* ve *Zhořelci*, udělal jsem si důkladný popis tamních bohemic, zvláště pro dějiny Jednoty důležitých, přihlížeje hlavně k potřebám literarním a filologickým.

Podávám tuto opis těchto epistol, které se nalézají v pap. rukopisu č. 19; je to číslo 15. Original je na str. 183 a)—185 a) sborníku, který byl psán v Slížanech (na Moravě) v letech 1577—79.

Mimo to jsou vloženy ony listy do »Desatera knih Historie církevní od Eusebia«, kterou r. 1594 do češtiny přeložil Kocín z Kocínetu a r. 1855 Krbec v Praze s opravami znova vydal.

List 183 a) Cod. No. 19 v Milichově knihovně Zhořelecké:

Copie a wypis Liſtu, kteryž Edeſenſky kral Abgarus k naſſemu wykupiteli Kryſtu pa^u^ poſlal.

Abgarus kniže. kraginy Edeſenſke wzkazuge pozdráwenj Gežiſſowj wérnemu adobremu ſpaſytelj. kteryž wúkol Méſta Gerúsalema obywa.

Doſſla mne gjſta a wjry hodná zpwa, kterak ty y ſtémi, kteřiž při tobě gſau, lidem pomáhaš a ge zdráwe činiš beze wſſech bylin a lekû. Nebo ty, gakž ſlyſſjme, dáwáš ſlepym widéni, chromym chozenj, málomocne čiſtiš, mrtwe obži ! 183 b) — wugeš, a têm, Ktetjž dlaúheymi nemocmi byli obtjženi zaſe kzdrawj přiwodiš Wyháníš take nečiſte dúchy a diábly. Když ſem pak otobě takowe wécy ſlyſſel, tak ſem ſobě ſmyſlil, že ty nebo ſy Bûh ſam ſ nebe ſem kčiněnj tak djwnych

ſkůtků p̀ſſel, anebo že ſy Syn Božj, poněwadž tak weljke wěcy půſobiš. Protož tebe ted' timto pſanim ꝓſym, aby ſobě obtěžowati neračil ke mně přigitj, a ode mne welmi těžkau, aboleſtnau nemoc. kterauž ſe trapim, odgiti.

Nebo y toᵛ take ſem wyrozuměl, že žjde ꝓti tobě repcy. a hledagj wſſelike p̀hodnoſtj, kterak by tě mohli vmůčiti y zabiti. || 184a) Nů gá ted' zde mám ſwe wláſtnj Měſto, kterež ačkoli ĝt mále, wſſak ĝt poctiwe a bude mně y tobě doſti welike mocy byti. Ná takowy ſpůſob ſwrchu řečeny Abgaruš. gako ten, kterýž máličko Nebeſkym ſwětlem oſwjcen byl, paᵛ Kryſtů pſánj včinil.

Wypis liſtu

spaſytele naſſe⁰

Gežiſſe Kryſta, kterýž Králi Abgarowj na geho pſani *odeſlal**).

Blahoſláweny gſy, Abgare, že ſy we mně vwěřil, ačkoli ſy mne newiděl, nebo ſtogj o mně pſano, že ti, kteřiž || 184b) mne vzřzj, nebudau we mne wěřitj, aby ti, kteřiž mne newidj, wěřili a žiwot mělj. Kdež w ſwem pſanj dokladaš aneb dotykaš, abych k tobě přiſſel, maš wěděti, že yá na temž miſtě. t. w Jůdſke krágině aneb w Gerůzálemě wſſecko proč poſlan gſem, wyplniti můſym, a kdyžto wykonám, tedy můſym hned zaſe ktoᵛ gjtj, kterýž mne poſlal: gakž pak wzhůrů wzat bůdu. adonebe puydů, poſſli ktobě gedneho zučedlnikuw ſwych. Ten tobě má pomocy. a tebe y ſtěmi, kteřiž vtebe ſau, vzdrawjtj.

Když pak bylo po Nánebe wſtáůpenj paně, poſlal kněᵛ Tomaš gednoho Apoſſtolá gmenem tadeáſſe. kterýž byl geđe z ſedmdeſati včedlniků || 185a) Odtoho tyž Ab. vjře w K. P. ĝt naučen ſwymi. aodnemocy ſwe vzdrawen, kterauž měl welmi těžkaů od mnoha let.

Die edessenische Abgar-Sage. Lipsius. 1880 (Braunschweig) S. 15.

»Abschrift des Briefes, geschrieben von dem Toparchen Abgar an Jesus und abgeschickt an ihn durch den Schnelläufer Ananias nach Jerusalem.«

»Abgar Uchama[2]), Toparch (von Edessa)[3]), Jesu dem in der Gegend von Jerusalem erschienenen guten Heiland Gruß! Ich habe die Kunde von dir und von deinen Heilungen vernommen, als welche ohne Arzneimittel und Heilkräuter von dir vollbracht worden sind. Denn wie die Rede geht, machst du Blinde sehen, Lahme gehen, und machst Aus-

---

*) Proložené psáno rumělkou.

1) Der Zusatz »Uchama« ist jetzt in den meisten Handschriften verschwunden.

2) Der Zusatz Ἐδέσσης fehlt bei Rufinus und ist zu streichen.

sätzige rein und treibst unreine Geister und Dämonen aus und die in schwerer Krankheit Gequälten heilst du und Todte weckst du auf. Und da ich dies alles über dich hörte, setzte ich in meinem Geiste eins von beiden fest, entweder daß du Gott bist und vom Himmel herabgestiegen dieses thust, oder daß du Gottes Sohn bist, indem du dies thust. Deswegen also habe ich geschrieben und dich gebeten, dich zu mir zu bemühen und das Leiden, welches ich habe, zu heilen. Denn ich habe gehört, daß die Juden wider dich murren und dir Böses thun wollen. Ich besitze aber eine zwar kleine, doch würdige Stadt, welche ausreicht für uns beide.«

»Antwortschreiben Jesu durch den Schnelläufer Ananias an den Toparchen Abgar:

»Selig bist du, da du an mich geglaubt hast, ohne mich gesehen zu haben. Denn es steht über mich geschrieben, daß die, welche mich gesehen haben, nicht an mich glauben werden, und daß die, welche mich nicht gesehen haben, glauben und leben sollen. Was aber das betrifft, was du mir geschrieben hast, daß ich zu dir kommen möchte, so ist es nothwendig, daß ich Alles, um deswillen ich gesandt bin, hier erfülle, und nachdem ich es erfüllt habe, also zu dem aufgenommen werde, der mich gesandt hat. Wenn ich aber aufgenommen sein werde, will ich dir einen meiner Jünger schicken, daß er dein Leiden heile und dir und den Deinigen Leben gewähre.«

»*Desatero knih Historie církevní od Eusebia*« od Jana Kocína z Kocinetu. *Krbec*. Praha 1885. (druhé vydání) Str. 45. (ve vydání z 1594. Str. 46.)

Přepis[1]) *listu od Abgara, knížete v Edesse, k Spasiteli našemu*[2]) *(po rychloběžci Ananiovi odeslaného)*[2]).

»Slyšel jsem [o Tobě a][3]) o Tvé moci, kterak beze všech bylin a léků[4]) lidi od nemocí uzdravuješ. Nebo jakž pověst jde, toho dovozuješ, aby slepí viděli, kulhaví chodili; taky málomocné[5]) očišťuješ, duchy nečisté a d'ábly vymítáš, dávními nemocmi obklíčené k zdraví navracuješ, a naposledy mrtvé křísíš. Kteréžto věci ovšem když jsem o Tobě uslyšel, i hned sám u sebe jsem pomyslil, že jedno z toho dvého musí býti: Že Ty aneb Buh jsi, a stoupil's s nebe[6]), aneb jistě Syn boží, poněvadž takové divy a zázraky činíš. A protož píšu[7]) k Tobě

1) Kocín: Přjpis. 2) U Kocína schází. Je tam však více: Abgaruš, knjže měfta Edešfy, Gežjffowi Spafyteli miloftiwému, kterýž fe w kragině Geruzalémfké w těle zgewil | pozdrawenj. 3) není u K. 4) K.: Lékařftwj a bylin. 5) K.: malomocné také. 6) K.: a Nebe3 afftaupil. 7) K.: pjffi
[illegible]

toto, a velice Tebe prosím, abys[8]) sobě nestěžoval ke mně práci vážiti, a nemoc mou, kteráž mne příliš trápí, uzdraviti. Nebo i to mne došlo, že Židé proti Tobě zlobivě repcí, a velmi rádi by Tobě zle uškodili. Mám pak[9]) město ovšem nevelikè[10]), ale způsobné[11]), tak že[12]) nám oběma dostatek věcí potřebných dodávati[13]) může.«

To on tím způsobem, nebyv ještě božím světlem dobře osvícený, k Pánu Ježíšovi psal. (Ale hodné jest, aby taky odpověď, ač krátká, však mocná, kterouž Pán Abgarovi po témž poslu odeslal, tuto byla doložená, jejíž jest tento rozum*).

Přepis odpovědi, kterouž Ježíš[14]) *Abgarovi po rychloběžci*[15]) *Ananiovi odeslal.*

»Blahoslavený jsi, Abgare, žes ve mne uvěřil, nevidév mne. Nebo psáno jest o mně, že ti, kteříž mne vidí[16]), ve mne neuvěří, aby kteříž mne nevidí[17]), uvěřili a života došli. Kdež mi píšeš, žes toho žádostiv, abych k Tobě přišel, věz, že já všecko, proč jsem poslán, zde vykonati musím, a po dokonání toho hned se k tomu, kterýž mne poslal, navrátiti mám. Tam jakž přijat budu, pošlu[18]) k Tobě někoho z svých učeníků, kterýž neduh Tvůj, jenž Tě příliš trápí, uzdraví, a Tebe se všemi tvými životem obdaří.

(Po těchto listech bylo ještě toto syrským jazykem doloženo: Když pak vzat jest Jesus, odeslal Judas, kterýž i Tomáš, sloul, apoštola Thaddéa, jednoho z počtu sedmdesáti, k Abgarovi**), (kterýž přišed tam, k Tobiášovi, synu Tobiášovu, do hospody se uchýlil. Když se pak o jeho příchodu pověst rozhlásila, a on skrze divy, kteréž činil, vyjeven byl, tedy Abgarovi v známost uvedeno a oznámeno, že apoštol od Ježíše, o němž mu psal, už přišel. A tak začal Thaddéus božskou mocí všelikou nemoc i každý neduh uzdravovati, že se tomu všickni divili. J uslyšev Abgarus o znamenitých a zázračných skutcích, které týž apoštol činil, a že ve jménu a mocí Jesu Krista všelijaké neduhy uzdravuje, hned mu padlo na mysl, že on ten jest, o kterémž mu Jesus psal, těmito slovy:) Když vzat budu k tomu, jenž mne poslal, někoho z učeníků svých k tobě pošlu, aby tě od nemoci tvé těžké uzdravil.«

8) K.: aby. 9) uK. schází. 10) K.: newelikė a ſkrowné. 11) K.: wſſak poctiwé a ſlawné. 12) kteréž. 13) dodati. 14) Pán a Spaſytel náš. 15) K.: poſlu. 16) K.: widěli. 17) K.: newiděli. 18) K.: poſſli.

*) Schází v rukopise Zhořeleckém.

**) Kocín: Když pak wzat byl Gezus | Jůdaš, kterýž y Tomáš ſlaul, Thadeáſſe Apoſſtola gednoho z počtu Sedmdleſáti, k Abgarowi odeſlal.

Ευσεβιου του Παμφιλου ἐκκλησιαστικη ἱστορια. ***Eusebii Pamphili*** *Ecclesiasticae historiae libri decem.* **Eiusdem de vita imp.** Constantini, libri IV. *Henricus Valesius* . . . **latine vertit. Parisiis. M.** DC.LIX. S. 32).

Exemplum Epistolae scriptae a rege Agbaro (ὑπὸ ἀβγάρου τοπάρχου) ad Jesum, et ad eum missae Hierosolyma per Ananiam cursorem.

Agbarus princeps Edessae Jesu Seruatori bono (*ἰησοῦ σωτῆρι ἀγαθῷ*) qui in finibus Hierosolymorum **apparuit, Salutem. Nuntiatum** est mihi de te et de **curationibus quas absque herbis et medicamentis** operaris. Fama enim est caecis visum, **claudis gressum abs te restitui,** leprosos mundari, daemonas et **immundos spiritus expelli, diuturnis morbis** oppressos sanari, mortuos **denique suscitari. Quae cum omnia de** te audirem, sic in animum meum **induxi, aut te reuera Deum esse, qui** è caelo delapsus haec efficias, **aut certe Dei filium. Proinde ad te** scripsi, orans vt nos inuisere, **morbumque nostrum sanare non graueris.** Audio enim Judaeos tibi obtrectare, **et insidias in caput tuum struere.** Est mihi ciuitas parua quidem **illa, sed ornata quae nostrum vtrique** sufficiat (*ἐξαρκεῖ ἀμφοτέροις*). **Et haec quidem ita scripsit Agbarus,** cum diuini luminis radius eum modice **tum quidem collustrasset. (Nunc** epistolam quam ei Jesus per eundem **tabellarium rescripsit, audiamus,** breuem illam quidem, sed **virtutis et efficaciae plenissimam. Quae sic** habet.)

*Rescriptum Jesu ad Agbarum regem per **Ananiam cursorem.***

Beatus es Agbare qui in me **credideris quem non vidisti. De me** enim scriptum est, eos qui me **viderint, non credituros in me, vt ii qui** non viderint, credentes || 33. vitam **accipiant. Quod vero ad me scribis** vt ad te proficiscar, hic necesse habeo **omnia implere propter quae sum** missus, iisque demum absolutis, ad illum **qui me misit, reuerti. Ceterum** cum primum ad eum me recepero, **ex discipulis meis aliquem ad te** mittam, qui et morbum tuum curet, **et vitam tibi tuisque omnibus praestet.** (His epistolis haec etiam Syriaco sermone **erant adjuncta.) Post ascensum** Jesu Christi, Judas qui etiam Thomas **dictus est (*ἀπέστειλεν αὐτῷ ἰούδας* ***ὁ καὶ θωμᾶς, θαδδαῖον τὸν ἀπόστολον, ἕνα τῶν ἑβδομήκοντα***)[1]). **(Qui** enim illuc advenisset, apud Tobiam **Tobiae filium diuertit. Cum primum** me ad eum recepero, ex **discipulis meis aliquem ad te mittam,** qui et morbum tuum curet, et vitam **tibi tuisque omnibus praestet.**

*

[1] [illegible] …ddaeum unum ex 12. Apostolis [illegible]

Resultat. V písemnictví českém existují *dvě recense* »Korresponence« Abgara (Ukkâmâ Edesského) a Krista. Starší v rukopise slínském v Zhořelci, která měla za předlohu týž vzor jako je u Lipsia a str. 15. uveřejněn, a mladší v Kocinetově překladu Eusebiovy Církevní kroniky r. 1594. Znova byla Eusebiova kronika od Krbce 1855 ydána a korrekturami opatřena. Latinský text Eusebiovy kroniky ořídil Johannes Christophorsonus, biskup Chichestarský z řeckého oriinalu; u nás je připojem překlad Henrica Valesia 1659. z pařížského ydání.

Goll nazývá sborník č. 19. v Milichově knihovně chybně slezanský ísto sléžanský anebo slížanský podle orady *Slížany* ležící v okresu dounském, uprostřed Moravy.

Kodex č. 19 psán byl členy české Jednoty; na konci pojednání 13. dává se jako pisatel v čtyřhranné závorce Tobiaš: podiwinuš. Podivín ıěm. Kostel) je prastaré místo v jižní Moravě, kde bývala župa.

Sléžany byly důležitým střediskem Jednoty již od polovice 16. stotí. K př. r. 1557 konala se tam synoda bratrská[1]). Wolný píše v Kirchliche Topographie Mährens« IV. 313. »Um 1540 war der Ort ner der pikardischen Hauptsitze in Mähren.« Když se Mach Sionský 1549 vrátil z Pruska, bylo tam concilium bratrské. V Slížanech se 1557 podňali obnovy »starších bratří« a ještě r. 1583 vzpomíná se mnější bratrský dům. V pruském státním archivu v Poznani praví v listině ze dne 13. ledna 1609, v níž Hynek Žalkovský z Žalkovic na Uhercích, žádán od Bratra Jana Beránka, na ten čas správce oru Slížanského, aby kus pole k domu bratrskému v Sléžanech aroval[2]).

Také v »Todtenbuchu der böhmischen Brüder«, I. Fiedler (Fontes rum austriacarum, Erste Abt. V. Band) jsou Sléžany často jmenovány. iedler tiskl Sležaný. Bratří tam byli za kněze svěceni k př. Jan vatoň, Bardějovský, Hýra, Jan Husita, Beránek, který žádal o pole domu bratrskému u Hynka Žalkovského.

Je pravděpodobno, že Tomáš Podivinus, podepsaný pisatel č. 13. éžanského sborníku je totožný s Tobiášem Othonielem, jenž byl r. 587 za kněze vysvěcen a r. 1603 v Uherském Brodě zemřel. U Bratří dostávalo kněžím vysvěcení ani v 30 roce věku jejich. Je tedy ožné, že Tobiáš Podivínský (biblické jméno přijal později) byl r. 1587,

1) Gindely »Dekrety Jednoty bratrské« 1865, str. 183 etc.
2) J. Müller: »Zpráva o archivu Jednoty Bratrské v Lešně polském«. Sborník storický, III. str. 210, č. 45.

kdy jednotlivé oddíly sborníku slížanského opisoval, akoluthem nebo diakonem (20—22 let).

Forma Slížany, Sléžany je tudy správná.

Na dialektický původ rukopisu ukazuje také forma: dlauheymi (kde se v dialektu vyslovovalo ý = e, boj se spisovným jazykem). V označování délky se jeví kolísání (kteřiž a kterjž, widěni, ale chozenj); pisatel vycítil jistě měkké l., píše obyčejně li jako lj (ſpaſyteli). Orthografie není sice ustálená, ale v principu přidržuje se pisatel diakritické tečky Husovy (ě, č, ż, ř, ŝ podlouhlá čárka) vyjma u ſſ. Je patrno, že se v dobách těchto Bratří lišili od katolíků i v orthografii; katolíci milovali spřežky cz, rz, a ż. V rukopise našem bývají tečky také nad *a* a nad *u*; v případě posledním nejspíš vliv německého psaní.

Apokryfická psaní tato jsou dosti vzácný důkaz, že se hloubaví, seriosní Bratří obírali také tímto druhem literatury, která tenkráte představovala jaksi naše krásné písemnictví.

*

V střední Moravě zachovala se tajně »pravá česká církev« přese všechna utiskování i v 17. a 18. století. Dr. Jan Herben líčí schůzky těchto vyznávačů, jejichž střediskem se staly hlavně Klobuky u Brna po vydání tolerantního patentu, v široce založené velkolepé epopeji »Do třetího i čtvrtého pokolení«.

Také v *nejnovější české literatuře* byla legenda o Abgarovi zpracována a jako episoda do *Zeyerovy* »Kroniky o sv. Brandanu« vložena[1]. Básnická duše Zeyerova sloučila pověst o Abgarovi, který byl hostem Césara Augusta, avšak ani v Římě zdraví nenabyl, s pověstí o obraze Kristově.

Jemný poeta vzácného smyslu pro velebnou působnost křesťanství upravil si konec takto: Poslové Abgarovi přišli do Jerusalema s psaním Abgara, »když Kristus na kříži svou duši právě v ruce Bohu dal«. V noci, když se vrátili do Edessy, zjevil se Kristus jako vytoužený host v slávě planoucí chorému Abgarovi a hlasem sladkým, plným snivosti děl Abgaru: »Hle, v dům tvůj přišel jsem,

bych přání tvému skutkem vyhověl.
Tvé město krásné, snící v zahradách,
však nad tvé krásnější jest město mé.
Pojď se mnou! Zdráva bude duše tvá

[1] [illegible] Julius Zeyer, str. 152, 15[illegible]

A mezi tím, co matka v úzkostech
to slabé tělo k srdci vinula,
šla duše za Kristem . . . Byl Abgar z těch,
jichž z toho světa není království.

Látka hodná zlatého péra čistého poety — umělce Zeyera, jehož luch objímal krásno veškerého světa.

Dr. *Josef Karásek.*

Kleine Findlinge zur altslavischen Literatur und Geschichte.

In alten Büchern finden wir manchmal alte Bekannte, die uns aber aus ganz anderen Quellen, in einem ganz anderen Milieu bekannt sind. Dieselben Sachen in einem ganz fremdartigen Kostüm. Oder umgekehrt, dasselbe Kostüm an einen ganz anderen Inhalt angepaßt. Es ist ein eigener Reiz, solchen alten Bekannten auf die Spur zu gehen und sich von ihren geheimnisvollen Masken überraschen zu lassen. Einige solche Findlinge, die mir in dem Suchen nach etwas ganz anderem hie und da begegneten und mir durch ihre mir anderswoher bekannten Physiognomien zu denken gaben, möchte ich hier, in diesem Chorus ernster Stimmen, die sich zur Verehrung unseres geliebten Lehrers und erprobten Führers auf vielverschlungenen Pfaden der Slavistik erheben, als ein heiteres Impromptu vortragen. Möge es auch so angenommen werden.

I. Живꙗхоу звѣринымъ образомъ, живоуще скотьски.

Wer kennt nicht diese lapidare Phrase, mit welcher der älteste russische Chronist (einst hieß er Nestor, seligen Angedenkens, aber es ist schon lange her, er hat ja längst unter den Zähnen der historischen Kritik diesen und jeglichen anderen Personennamen verloren!) das Leben seiner nächsten, aber nicht sehr lieben Landsleute, der altrussischen Stämme der Derevljanen, Kryvičen und wie sie alle hießen, natürlich seine lieben Poljanen ausgenommen, charakterisiert. Womit er dieses harte Urteil motiviert, haben die denkenden Historiker seit jeher nicht recht einsehen können. Er sagt zwar, sie töteten einer den anderen, na, aber dieser Vorwurf trifft nicht nur die armen alten Derevljanen, sondern auch uns moderne Menschen, welche in der Tötungskunst ihrer Nächsten seither Fortschritte gemacht haben, die sich unser Chronist gewiß nicht träumen lassen konnte. Er wirft ihnen [illegible] ßen. Nun, was rein und was unrein ge[illegible]ungssache, keineswegs aber ein Kriterium

›r Zivilisationsstufe. Die Juden betrachten Schwein und Schweinernes s unrein, was andere hochzivilisierte Völker als ganz gut eßbar und gar deliziös betrachten. Er wirft ihnen, sowie den Viatičen und adimičen vor, sie »leben in Wäldern, wie jedes Tier«. Ja, wo sollten e denn sonst leben, wenn die schönen, grünen und blühenden Steppen ›r Ukraine in einem fort seit Jahrhunderten von räuberischen Horden ›imgesucht wurden? Aber das Schlimmste, Äußerste ist, was er ihnen ›rwirft und sogar zweimal mit vielsagenden Varianten wiederholt, das ; der Vorwurf: »braka u nich ne byvaše«, sie kannten keine Ehe! 'ie lebten die Leute aber? — fragten seit jeher die Historiker, und ›r Chronist schwieg nicht, sondern motivierte seinen Vorwurf mit emlich originellen Worten: »оумыкаваху оу водъ дѣвица«; sie raub- n Mädchen an den Gewässern. Damit man aber ja nicht an einen irklichen, kamčadalischen Mädchenraub denke, gibt er gleich eine die ıche noch erklärende Variante: »es gab Spiele zwischen Dörfern, und ǝ kamen zusammen zum Spiel und zum Tanz und zu allen teuflischen ›lustigungen und hier raubten sie sich die Frauen, mit welchen sie ›h verabredet hatten«. Na, so schlimm und bestial war die Geschichte ›ch nicht; die primitive, oft blutige, tierische Raubehe war schon ngst verschwunden und an ihre Stelle trat nur ein frohes Fest, ein remoniöser Brauch. Also kannten die Derevljanen und ihre Nachbarn ımals doch schon regelrechte Ehen, wenn auch mit gelegentlichen igamien, welche übrigens auch bei den Poljanen und dazu noch bis ›f in christliche Zeiten, ins zehnte und elfte Jahrhundert hinabreichten. aß sie bei Vätern und Schnuren das »срамословие« praktizierten, ob- öne Worte gebrauchten, — mein Gott! Sie hatten es ja von ihren ätern erlernt, und die Russen, Klein- und Groß- und Weißrussen haben s jetzt in dieser Spezialität ein so reiches Lexikon, daß manches ›her zivilisierte Volk sie darum beneiden könnte, natürlich, wenn wollte.

Wir sehen also, daß es bei unserem alten Chronisten mit seinem rteil über die Derevljanen und ihre Nachbarstämme ziemlich hapert: ıs Urteil ist scharf aber ungerecht. Es scheint, als ob es von irgend nem anderen Richter in irgend einer anderen Sache gefällt wor- ›n wäre.

Und richtig, beim alten byzantinischen Chronisten Johannes Malalas[1]) ıf S. 71 lesen wir folgendes: Cekrops, ein Ägypter von Abstammung, ar der erste König von Athen, dieser wurde ob seiner Körpergröße

1) Corpus scriptorum historiae Byzantinae, ed. Bonn, t. 45.

Duplex (Διφυής) genannt. Als er seine Königswürde antrat, gab er ein Gesetz heraus, wonach die Weiber, besonders Mädchen, welche seiner Regierung unterthan waren, jede einzelne nur einen Mann heiraten soll.... Denn vor diesem König hatten attische Weiber und alle ihre Nachbarinnen sich nach thierischer Art vermischt (im Original: πᾶσαι αἱ γυναῖκες τῶν Ἀττικῶν καὶ τῶν Ἀθηναίων καὶ τῆς πλησίον χώρας θηριώδει μίξει ἐμίγνυντο) nach ihrem Belieben mit jedem Mann, der ihrer begehrte. Nachher gaben sich die genotzüchteten Weiber, da sie für keinen Mann bestimmt waren, jedem Vorübergehenden hin. Und jedem Manne war erlaubt, daß er so eine so viele Tage bei sich zu Hause behalte, als es ihm beliebte; nach seinem Dafürhalten konnte er sie einem jeden, der sie nehmen wollte, mitgeben. Erst seit der Zeit des Cekrops wurde diese Sitte, welche die Weiber zwang mit jedem, der es haben wollte sich zu paaren, aufgehoben. Denn die Folge davon war, daß kein Mensch dort wußte, wer sein Sohn und wer seine Tochter ist. Denn das neugeborene Kind, sei es ein Knabe oder ein Mädchen, wurde von seiner Mutter nach ihrem Belieben einem jeden, der mit ihr verkehrte, geschenkt und freudig nahm er das Geschenk an. Erst nach dieser Zeit begannen alle Weiber die Reinheit hochzuhalten, indem die Mädchen nur an einzelne Männer verheiratet wurden, und welche früher genotzüchtigt waren, wählten sich jetzt Männer, welche sie wollten.«

Es unterliegt für mich keinem Zweifel, daß der altrussische Chronist, welcher, wie bekannt, außer dem Hamartolos auch die Chronik des Malalas für seine Chronik vielfach benützte, auch diesen Passus sich für seine Charakteristik zunutze machte. Nur daß der Passus beim Malalas ganz am Platze war und wirklich die thierische, regellose, primitive Mischehe — ob sie wirklich einst in Attika und in Athen bestand, oder ob sie nur eine Sage ist, kann uns gleichgültig sein — charakterisierte, während unser Chronist sie ganz unpassend den weit fortgeschritteneren Zuständen der altrussischen Stämme gar mechanisch anklebte. Auch verrät der Bau der Phrase in der Chronik selbst, daß sie kein Ausdruck historischer Beobachtung, sondern nur eine literarische ist; sie besteht aus einer Tautologie: sie lebten nach dem Vorbild der Thiere, — das mochte die ursprüngliche, poetische Übersetzung der griechischen Phrase θηριώδει μίξει ἐμίγνυντο sein; ein späterer Glossator, welcher von der griechischen Phrase nichts wußte und dem die Wendung in der russischen Chronik zu umständlich und gewunden erschienen haben mochte, drückte denselben Gedanken einfacher und unzweideutig aus: sie lebten viehisch. Natürlich nahm der fromme Kopist auch diese Dublette in den Text und die Doppelphrase war fertig.

II. Die Bogomilenverfolgung in Bulgarien im J. 1211.

In der »Geschichte der Bulgaren« von Prof. C. J. Jireček lesen wir auf S. 245 eine kurze Notiz, welche hier wörtlich angeführt werden möge: »Boril unternahm eine Bogomilenverfolgung. Die Lehrer und hervorragendsten Anhänger der Irrlehre wurden in dem ganzen Reiche eingefangen. Sodann versammelte der Zar im Februar 1211 eine Synode von Geistlichen und Boljaren in Trnovo. Von den Gefangenen schworen einige ihre Lehre ab; die Hartnäckigen wurden den Kirchengesetzen gemäß verbannt und über die Bogomilenlehre feierlich das Anathema ausgesprochen. Überdies ließ der Zar ein Gesetzbuch (eigentlich ein Sammelwerk von Sermonen und Edikten, denn so muß ein derartiger Sbornik verstanden werden) wider die Bogomilen aus dem Griechischen ins Slavische übersetzen.« »Vor seiner Zarenregierung« — hat ein Zeitgenosse in einem noch erhaltenen Synodik notiert — »hat Niemand anderer eine solche orthodoxe Synode veranstaltet.«

Das letzte mag richtig sein. Auch die Tatsache der orthodoxen Synode in Trnovo im J. 1211 will ich nicht leugnen, ebensowenig, daß auf dieser Synode unter anderem auch gegen die Bogomilen Beschlüsse gefaßt werden konnten. Das übrige aber in der Erzählung klingt mir etwas sagenhaft. Schade daß Prof. Jireček zu dieser Erzählung keine Quelle, keine beglaubigte Relation und überhaupt nichts außer der wenig bedeutenden Notiz des Synodik, welche dazu von den Bogomilen gar nichts sagt, beigebracht hat. Vielleicht wird es ihm noch möglich sein, die Sache ausführlicher aufzuklären. Mir ist es nicht möglich, und ich möchte gegen den Inhalt der Erzählung nur zwei Einwendungen machen. Erstens haben wir keine Spur von einem unter dem Zar Boril herausgegebenen antibogomilischen Sbornik. Nun dies kann nur ein Zufall sein, wenn uns der Sbornik verloren ging. Wie ist es aber mit dem Einfangen der Lehrer und hervorragendsten Anhänger der bogomilischen Irrlehre? Zu welchem Zweck wurden sie eingefangen? Doch nicht darum, stumme Zeugen der Trnover Synode und des Anathema zu sein und dann für vogelfrei erklärt zu werden. Entweder hatte der Zar etwas Ernsteres im Sinn, oder die Episode ist eine Erdichtung, eigentlich ein schwacher Abglanz einer älteren ähnlichen Sage, eine rein literarische Anleihe.

Die Sage steht in dem bereits zitierten Malalas in dem letzten Buch, welches die Geschichte Justinians behandelt. »In derselben Zeit« — sagt Malalas — »gewann das manichäische Dogma in Persien eine solche

Kraft, daß die Manichäer sich sogar einen Bischof mit Namen Indarazar installierten. Als der persische König dies erfuhr und er sowie seine Archimagen in Zorn entbrannten, rief der König ein Silentium zusammen (im gr. Original auch *σιλέντιον ποιήσας*) und ließ alle Manichäer mit ihrem Bischof ergreifen. Als diese ihm vorgeführt wurden, gab er dem im Hintergrunde aufgestellten Heere den Befehl, sie alle niederzumachen. Die Soldaten schlugen nun mit ihren Schwertern alle Manichäer mit ihrem Bischof und Klerus nieder, während der König und der christliche Bischof zuschauten. Alle ihre Habe (*αἱ ὑποστάσεις*) und Vermögen und auch ihre Bücher wurden dem Feuer übergeben, und ihre Kirchen sprach der König den Christen zu, wobei er überall ein Dekret verbreiten ließ: wenn jemand im persischen Reiche als Manichäer sich finden wird, soll er den Feuertod erleiden. So hat es der Perser Bastugarius erzählt, welcher nach erhaltener heiliger Taufe Timotheus genannt wurde.«

Mit der Erzählung von der bulgarischen Bogomilenverfolgung vom J. 1211 verglichen, erscheint die Erzählung des Malalas als Prototyp im Vergleich mit einer schwachen Kopie. Was hier einfach, klar und den orientalischen Sitten und Gebräuchen durchaus angepaßt ist, erscheint in der bulgarischen Erzählung fragmentarisch, zufällig und fast unmotiviert. Ich hoffe, daß die weitere Aufklärung über die Quelle dieser Erzählung uns der Wahrheit näher bringen wird und uns die Entscheidung ermöglicht, ob wir in der Bogomilenverfolgung vom J. 1211 eine historische Tatsache, oder eine importierte Sage sehen sollen.

III. Zwei Falken flogen nach Tmutorokanj.

In einem verworrenen und an »dunklen Stellen« reichen Kapitel des altrussischen Heldenliedes »Slovo o polku Igorevê«, nämlich im Kapitel IX nach der von Ohonovśkyj befolgten Einteilung[1]), welches gewöhnlich als »Traum des Fürsten Svjatoslav« bezeichnet wird, finden wir ein köstliches Fragment eines offenbar älteren Liedes, welches den vor dem Großfürsten stehenden Kijever Bojaren in den Mund gelegt wird, als sie dem Großfürsten seinen »unklaren Traum« (коутенъ сонъ) erklären wollen. Und die Bojaren sprachen zum Fürsten: »O Fürst, schon hat das Sehnen (тоуга, ein vielbedeutendes Wort, welches mit Sehnsucht, Niedergeschlagenheit, Melancholie usw. interpretiert werden kann) das Gemüt unterjocht (оуже, княже, тоуга оумъ полонила). Das sind Worte der Bojaren, die Charakteristik ihrer Stimmung. Und nun kommt das Fragment:

1 Emil Ohonovśkyj, Slovo o polku Igorevê. Lemberg 1876, S. 12

Zwei Falken flogen
Vom goldnen Vaterstuhl,
[Flogen] zu suchen
Die Stadt Tmutorokanj,
Oder den Don mit Helmen zu trinken.

Schon sind den Falken
Die Flügel lahm gemacht
Von Heidensäbeln,
Sie selber umwunden
Mit eisernen Banden.

Daß dieses Fragment mit den weiteren Zeilen, wo von Igor und seinem Bruder Vsevolod als von zwei verdunkelten Sonnen, zwei purpurnen Säulen und von ihren Söhnen als von zwei jungen Monden, welche mit Finsternis überzogen sind, die Rede ist, scheint mir evident zu sein. Unter zwei Falken, welche, Tmutorokanj zu suchen, fliegen, können weder Igor und Vsevolod, noch auch ihre Söhne verstanden werden, da ja ihr Zug gar nicht gegen das damals schon halb verschollene ferne Tmutorokanj, sondern gegen nahe Nachbarn und Feinde, die Polovcen, ging. Auch stilistisch unterscheidet sich unser Fragment von dem Teile der Bojarenantwort, welche ihm unmittelbar folgt. »Es wurde aber dunkel am dritten Tag, zwei Sonnen verdunkelten sich, beide purpurne Säulen erloschen, und mit ihnen die jungen Monde, Oleg und Svjatoslav, bedeckten sich mit Dunkelheit.« In der Zusammenstellung dieser beiden Satzgruppen kann man höchstens eine Antithese, eine Parallele des Alten mit dem Neuen, keineswegs aber die Entwicklung einer und derselben Gedanken- und Bilderreihe erblicken.

Was ist es aber mit Tmutorokanj? Welche Rolle spielt es im alten Rußland, welche Beziehungen mögen in dem obenerwähnten Liedesfragment gemeint sein?

Tmutorokanj, heutiges Tamanj am Asowschen Meer, spielte im alten russischen Reiche eine sonderbare, noch nicht völlig aufgeklärte Rolle. Das erstemal wird es in der altrussischen Chronik erwähnt, da, wo von der Teilung des Reiches durch Vladimir unter seine zahlreichen Söhne die Rede ist (Mikl. S. 74): den Mstislav setzte er in Tmutorokanj. Also gehörte Tmutorokanj zur Zeit Vladimirs zum Bestande des russischen Reiches.

Mstislav der Tapfere, welcher auch im Einleitungskapitel des Sl. op. Ig. als Held der Lieder erwähnt wird, lebte in Tmutorokanj ziemlich lange. Seit dem Tode seines Vaters (1015) waren bereits 7 Jahre verflossen, da wir von seiner Heldentat hören. Unter dem J. 1022 erzählt die Chronik, Mstislav, in Tmutorokanj weilend, ging gegen die Kasogen (Čerkessen). Dies hörend, ging der Kasogenfürst Rededjá dem

Mstislav entgegen und sprach: »Wozu wollen wir unsere Truppen gegeneinander vernichten? Nehmen wir beide den Kampf auf[1]). Siegst du, so nimmst du mein Vermögen und meine Frau und meine Kinder und mein Land, siege aber ich, so nehme ich dein Alles.« Und Mstislav sprach: »Es sei so!« Und Rededjá sprach zum Mstislav: »Nicht mit Waffen wollen wir kämpfen, sondern ringen wir miteinander.« Und sie begannen gewaltig zu ringen, und Mstislav begann die Kraft zu verlieren, denn Rededjá war groß und stark. Und Mstislav sprach: »O urreine Gottesgebärerin, hilf mir, und wenn ich siege, will ich eine Kirche in deinem Namen erbauen.« Und als er dies gesprochen, schleuderte er den Rededjá zu Boden, entblößte sein Messer und schlachtete ihn. Und er ging in sein Land und nahm all sein Vermögen, seine Frau und seine Kinder, und legte den Kasogen Tribut auf, und als er nach Tmutorokanj kam, gründete er die Kirche der Gottesmutter, welche bis auf den heutigen Tag in Tmutorokanj steht« (Mikl. S. 90—91).

Mstislav war ein unruhiger Geist, wollte sich mit Tmutorokanj nicht begnügen und so lesen wir in der Chronik gleich unter dem folgenden J. 1023, er machte sich mit Kasogen und Chazaren auf zu einem Zuge gegen seinen Bruder Jaroslav. Wirklich erschien er am Anfang des J. 1024 vor Kijev während Jaroslavs Abwesenheit, »doch die Kijever nahmen ihn nicht an« — spricht lakonisch die Chronik. »Er ging und setzte sich in Černihov.« Jaroslav kam nun gegen ihn mit seinen frischgemieteten Varägen, unter denen sich der blinde Hakon (икоунъ) mit dem golddrahtenen Panzer auf der Brust auszeichnete. Mstislav ging ihm entgegen mit seinen »Siverjanen« und überfiel Jaroslavs Heer in einer stürmischen Nacht bei Listven. Er stellte die Siverjanen in die Mitte, gegen die Varägen, er selbst aber mit seinem Gefolge bildete die beiden Flügel. Es kam zu einem blutigen Kampfe beim Leuchten der Blitze; die Varägen »arbeiteten um die Siverjanen niederzuhauen, da kam aber Mstislav mit seinem Gefolge und begann die Varägen zu hauen.« Jaroslav sah, daß er besiegt wurde und flüchtete mit dem Hakon, welcher, wie die Chronik ironisch bemerkt, »hier auch seinem goldenen Panzer entlief«. Jaroslav ging nach Novgorod und Hakon ging übers Meer. »Mstislav aber sah morgens früh die von seinen Siverjanen niedergemachten Varägen Jaroslavs und sprach: »Wer möchte sich da nicht freuen? Da liegt ein Siverjane, dort ein Varäge, und mein Gefolge ist ganz!« Und er schickte nach Jaroslav mit den Worten: »Sitze auf deinem Stuhl in Kijev, du bist der ältere Bruder, und mir gönne

[1]) Bei Miklosich hier ein Fehler: [illegible], soll stehen възрѣть.

dieses Land.« Jaroslav aber wagte es nicht nach Kijev zu gehen, bis sie einen Frieden schlossen; »Mstislav saß in Černihov, Jaroslav in Novgorod, in Kijev standen Jaroslavs Truppen.« Erst im J. 1026 kam Jaroslav mit einem starken Heer nach Kijev und schloß Frieden mit Mstislav: sie teilten das russische Land durch den Dněpr, — sagt der Chronist, — Jaroslav nahm die rechte, Mstislav aber die linke Seite, und sie begannen friedlich und in Bruderliebe zu leben, und die Zwistigkeiten und Aufstände hörten auf und es war eine große Stille im Lande.« Noch einmal hilft er seinem Bruder zu einem Zug gegen die Polen (J. 1031). Er starb auf einer Jagd im J. 1035.

Diese Heldengestalt steht, wie wir sehen, an der Spitze jener Chroniknachrichten, in welchen vom Tmutorokanj die Rede ist. Warum er Tmutorokanj verließ, wen er dort an seiner Stelle zurückließ, wissen wir nicht. Natürlich ist keine Grundlage dazu, das Liedfragment, welches oben zitiert wurde, auf ihn zu beziehen; im Gegenteil, das, was über ihn die Chronik erzählt, die Episoden vom Rededja und von der Schlacht bei Lystven scheinen mir weit eher Überreste der Lieder, als ernste historische Relationen zu sein.

Fast volle 30 Jahre schweigt nun die Chronik von Tmutorokanj; erst ums J. 1064 ersteht eine junge Generation südrussischer Fürstensöhne, für welche Tmutorokanj zu einer Art allgemeiner Zufluchtsstätte, zu einem ersehnten Ziel für kühne und verwegene Männer und Abenteuerer wird.

Und so notiert die Chronik unter dem J. 1064: »Es entfloh Rostislav, Sohn Vladimirs, Enkel Jaroslavs nach Tmutorokanj, und mit ihm flohen Porěj und Vyšata, Sohn Ostromirs, des Novgoroder Vojevoden[1]), und als er ankam, vertrieb er den Hlěb aus Tmutorokanj und setzte sich selbst an dessen Platz.«

Also gab es damals bereits einen russischen Fürsten in Tmutorokanj! Er hieß Hlěb. Wer war er? Ei, ein junger Fürstensohn, der Sohn des Sviatoslav von Černihov, welcher nach Mstislavs Tode dort Fürst wurde, der Enkel desselben Jaroslav, von welchem auch Rostislav abstammte. Und richtig, im J. 1165 kommt Svjatoslav mit seinem lieben Sohne nach Tmutorokanj, Rostislav aber räumt die Stadt, »nicht aus Furcht vor ihm, wie die Chronik hervorhebt, sondern weil er gegen seinen Oheim die Waffen nicht wenden wollte. Und so kam Svjatoslav ungehindert nach Tmutorokanj, setzte sein Söhnchen Hlěb wieder als

1) Desselben, welcher für sich das berühmte Evangelium schreiben ließ, welches bis auf unsere Zeit gekommen ist.

Fürsten ein und ging ruhig nach Hause. Rostislav aber kam abermals, vertrieb den lieben Neffen und setzte sich in Tmutorokanj fest.«

Das Spiel hätte Gott weiß wie lange dauern können, wenn Svjatoslav und sein Hlêb nicht die Lust zu diesem Spiel verloren hätten. Übrigens freute sich auch Rostislav nicht lange seines Sieges. Noch unter demselben J. 1065 lesen wir in der Chronik (Mikl. S. 103) folgendes: »Indem Rostislav in Tmutorokanj verweilte und von Kasogen Tribut sammelte, kam Furcht über die Griechen und sie schickten zu ihm Kotopan, ihn zu überlisten. Als dieser zu Rostislav kam, erwarb er sein Zutrauen und Rostislav ehrte ihn. Als nun Rostislav einmal mit seinem Gefolge trank, sagte Kotopan: »Fürst, ich will auf dein Wohl trinken!« Der Fürst sagte: »Trink!« Dieser trank eine Hälfte aus und gab dem Fürsten die Hälfte zu trinken, nachdem er einen Finger in das Pokal eingetaucht hatte, in welchem er unter dem Nagel ein todbringendes Gift hatte. Er gab es dem Fürsten mit der Vorhersage, er werde binnen acht Tagen sterben. Nachdem der Fürst getrunken, ging Kotopan nach Chersonesus und sagte, an dem und dem Tage werde Rostislav sterben. Dies geschah auch, den Kotopan aber schlugen die Chersoneser mit Steinen zu Tode. Rostislav aber war ein tapferer Mann, ansehnlich von Wuchs, schön vom Antlitz und barmherzig gegen die Armen. Er starb am 3. Februar und wurde dort (in Tmutorokanj) in der Kirche der heiligen Gottesmutter begraben.«

Ein richtiges Heldenleben, kurz aber schön, einer edlen Tat fähig und leichtsinnig ums Leben kommend. Auch sein Neffe und Gegner Hlêb Svjatoslavič war eine ähnliche Erscheinung und auch sein Leben war kurz. Die Chronik erwähnt ihn nur noch einmal, unter dem J. 1078, in welchem er in Zavoloèje aus irgendeiner Ursache erschlagen wurde. Und auch bei ihm schenkt sich der Chronist sein übliches schablonenhaftes Lob nicht: »Hlêb war barmherzig gegen die Armen und liebte Pilger, sorgte für Kirchen, warm im Glauben und bescheiden, von Statur schön[1]). Man meint den Nekrolog eines frommen Mönches zu lesen.

Möglich, daß diese beiden Fürstensöhne jene Falken gewesen sind, welche das alte Fragment des Sł. op. Ig. besingt. Zwar wissen wir von ihrer Gefangennahme nichts, aber wissen wir denn überhaupt von ihnen und ihren Zeitgenossen viel? Die Reihe jener, welche damals nach Tmutorokanj zogen, war gewiß nicht klein.

Svjatoslav, Fürst von Černikov, hatte die vom Mstislav ererbte Anwartschaft auf den Fürstenstuhl in Tmutorokanj nicht vergessen.

[1]) [illegible] ndobona 18[illegible] S. 24.

Wir wissen nicht, was er für die Erreichung seines Zweckes, diesen Stuhl wieder mit einem von seinen Söhnen zu besetzen, tat, wissen aber auch, daß im J. 1076 sein Sohn Roman bereits längere Zeit in Tmutorokanj saß. Vielleicht saß er dort bereits im J. 1069, da wir wissen, daß in dieser Zeit der alte Abenteurer Vseslav, der Fürst von Polozk, nachdem er 7 Monate auf dem Großfürstenstuhl in Kijev gesessen, vor der drohenden Macht des nahenden Izjaslav mit polnischen Hilfstruppen aus Kijev entfloh, und, wenn wir dem Verfasser des Vseslav-Liedes, welches jetzt in Kap. XI, Abs. III, IV, V steht (Ohonovś. S. 18), »aus Kijev bis zum Hahnenkrähen bis nach Tmutorokanj geritten kam«. Die Chronik weiß nichts von diesem zauberischen Ritt Vseslavs und sagt nur, er sei aus Kijev nach Bilhorod gekommen, habe sich dort vor den Kijevern verborgen und sei dann nach Polozk entflohen (Mikl. S. 107). Ein anderer Fürst aber fand sich bemüßigt nach Tmutorokanj »zum Roman« zu fliehen; es war ein Boris, Svjatoslavs Sohn, welcher nach dem Tode Svjatoslavs als Prätendent auf den černihover Fürstenstuhl auftrat, diesen Stuhl auch am 4. Mai 1077 einnahm, aber nur 8 Tage auf demselben saß und dann vor Vsevolod entfliehen mußte und sich nach Tmutorokanj begab.

Svjatoslav hinterließ noch einen Sohn, Oleg Svjatoslavič, welcher sich später einen großen, traurigen Ruhm als der größte Zänker und Aufrührer erwarb und auch vom Verfasser des Sł. op. Ig. für immer als »Horyslavič« und Polovcenfreund gebrandmarkt wurde. Schon seine Jugend war stürmisch. Unter dem J. 1076 lesen wir in der Chronik: »Vladimir, Vsevolods Sohn, und Oleg, Svjatoslavs Sohn, zogen den Ljachen zu Hilfe nach Böhmen« (Mikl. 124) — eine jedenfalls für Altrußland ungewöhnliche und merkwürdige Notiz, über die wir leider nichts näheres wissen. Unterdessen starb sein Vater Svjatoslav in Černihov »отъ рѣзании желъве« — eine nicht genau bekannte Todesart. In Černihov kam es zu »Unordnungen«: Boris, Sohn Svjatoslavs, trat als Prätendent auf den »variierenden« Fürstenstuhl, auf welchem aber seit dem Tode Svjatoslavs Vsevolod saß. Er setzte sich darauf richtig am 4. Mai, um nach 8 Tagen Hals über Kopf von dem »rechtmäßigen« Fürsten Vsevolod gestürzt zu werden, worauf er »nach Tmutorokanj zum Roman« floh. Oleg war damals noch minorenn, denn als er aus dem böhmischen Abenteuer zurückkehrte, notiert die Chronik unter dem J. 1077: »Oleg aber, Svjatoslavs Sohn, war bei Vsevolod in Černihov,« d. h. lebte im Hause jenes, welcher seinen väterlichen Fürstenstuhl geraubt hatte. Daß seines Lebens in diesem Hause, bei seiner sanguinischen Natur nicht lang sein konnte, sehen wir aus gleich folgender Notiz der Chronik:

»Im J. 1078 entfloh Oleg, Svjatoslavs Sohn, nach Tmutorokanj aus Furcht vor Vsevolod am 10. April.« Tmutorokanj war auch für ihn der einzige Zufluchtsort aus dem russischen Wirrwarr. Dort kam er mit Boris zusammen; sie gingen zu den Polovcen und bewogen sie gegen Vsevolod zu ziehen. Die Polovcen kamen wirklich unter der Führung beider Brüder, besiegten den Vsevolod am Flusse Sožica, töteten viele Krieger, unter ihnen auch jenen Porêj, welchen wir früher mit dem Rostislav auf der Flucht nach Tmutorokanj sahen, und nahmen Černihov ein. »Sie hielten sich für Sieger — sagt der Chronist bei dieser Gelegenheit —, doch schufen sie viel Böses dem russischen Lande, vergossen Christenblut, welches Gott von ihren Händen abfordern wird, und sie müssen eine Antwort geben für das vergossene Christenblut.«

Vsevolod kam zu seinem Bruder Izjaslav nach Kijev, beide sammelten ein großes Heer und zogen gegen Černihov. Oleg und Boris waren abwesend, die Černihover aber wollten die fremden Fürsten nicht einlassen. Die Stadt wurde im Sturm genommen und verbrannt. Oleg und Boris mit ihren Truppen kamen dem Vsevolod und Izjaslav entgegen. Oleg sprach zum Boris: »Gehen wir nicht gegen sie, wir können den vier Fürsten keinen Widerstand leisten; schicken wir eine Bittgesandtschaft an unsere Oheime.« Boris aber sagte: »Siehe du nach dem Fertigen (ты готова зри), ich gehe ihnen allen entgegen.« Im Kampfe fiel er als einer der ersten; auch Izjaslav wurde getötet; Oleg aber mit einem kleinen Gefolge floh wieder nach Tmutorokanj. Vsevolod aber wurde Kijever Großfürst an der Stelle seines Bruders, und setzte an seiner Stelle in Černihov seinen Sohn Vladimir.

Oleg aber gab keine Ruhe. Er bewog seinen Bruder Roman aus Tmutorokanj zum neuen Zuge. »Im J. 1079 — lesen wir in der Chronik — kam Roman mit den Polovcen zur Stadt Vojnie, Vsevolod aber stand bei Perejaslav und machte Frieden mit den Polovcen. Und Roman kehrte zurück mit den Polovcen, welche ihn am 2. August totschlugen. Und seine Gebeine liegen dort bis heute. Den Oleg aber fingen die Chazaren und verkauften ihn als Sklaven (поточиша) übers Meer nach Konstantinopel. Vsevolod aber setzte den Statthalter Ratibor in Tmutorokanj« (Mikl. S. 124—127).

Und noch zwei russische Falken fliegen nach Tmutorokanj, die letzten, von denen wir Kunde haben, zwei Brüder von verschiedenen Vätern, auf welche unser Liedfragment am besten paßt. »Im J. 1081 — lesen wir in der Chronik — flohen David Igorevič und Volodar Rostislavič am 18. Mai und kamen nach Tmutorokanj und fingen den

Ratibor und setzten sich in Tmutorokanj.« Und bald kam auch das Verhängnis. »Im J. 1083 kam Oleg von den Griechen nach Tmutorokanj, und ergriff den David und den Volodar Rostislavič, und setzte sich in Tmutorokanj, und hieb nieder jene Chazaren, welche die Anstifter waren zum Mord an seinem Bruder (Roman) und gegen ihn selbst, und den David und Volodar ließ er frei laufen.«

Oleg saß in Tmutorokanj bis zum J. 1093, da er wieder mit Polovcen in Rußland erschien und sich in Černihov setzte. Dies ist die letzte Kunde von Tmutorokanj, die wir besitzen. Seit den 90er Jahren des XI. Jahrh. wird der mächtige Polovcenstamm zu einer dunklen Wolke, welche für Südrußland den ganzen Osten verbirgt. Tmutorokanj lebte nur noch in russischen Liedern, von welchen nur karge Fragmente oder prosaische Umarbeitungen auf uns gekommen sind.

Lemberg.

Dr. *Ivan Franko.*

Češko-ilirski pravopis na Štajerskem do »Novic«.

V času, ko sta Metelko in Dajnko iskala pristašev za svoje črkarske novotarije in so nasprotniki brusili orožje za obrambo častitljive bohoričice, vznikla je v Nemškem Gradcu prva misel, da se i dajnčica i metelčica i bohoričica nadomestijo z nečim novim.

Že l. 1828. je nagovarjal Gaj v Gradcu Murka, naj izda slovenski slovar v češkem pravopisu[1]). Gajev prigovor takrat ni našel odziva. Dve leti pozneje je položil Gaj temelj novemu pravopisu po češkem vzoru na Hrvaškem in povabil tudi Slovence: »... kulika nam stopram onda hasen i korist pristupi, ako se bližňi brati naši ... Štajerci, Krajnci i Korušci ... u ovem pravopisaňu z' nami barem vu sobstvenosti zjedinili budu ...[2]).« Pod vplivom Gajeve »Kratke osnove« in osebnega poznanstva ž njim je začela štajerska mladež prva in najprej v privatnih pismih rabiti češki pravopis. V jeseni l. 1833. je obiskal Vraz Hrvaško in gotovo zopet slišal katero o novem pravopisu, ki ga je bil spoznal že vsekako v Gradcu. V poročilu o svojem potovanju Cafu, učencu sedme šole v Ročicah pri Sv. Trojici, z dne 1. XI. 1833[3] rabi, kolikor se da po dosedaj znanih pismih soditi, Vraz prvi in prvič za slovenske glasove Gajev pravopis; v njem je pisal 3. XI. 1833 že tudi kaplanu Jos. Muršcu slovenski konec pisma in 5. XII. celo pismo[4]. V istem času se je poprijel novih črk Središčan Štef. Kočevar, ki se je spoznal kot dijak v Gradcu z Gajem[5]); vsa pisma, ki jih je pisal od 13. XI. 1833 naprej Vrazu, so pisana v češkem pravopisu[6]. Tem prijateljem nove ortografije se je pridružil s pismom Muršcu z dne 5. IV. 1834[7] središki kaplan Jurij Matjašič, s pismom Gaju z dne 6. VIII. 1835[8], ki ima samo nadpis: »Pisan Sheſtiga

1 [illegible], 89; 2 L. v. G., Kratka osnova horvatsko-slavenskoga pravopisana. Budim 1830, 22; 3 Štrekelj, Pisma in zapiski iz Cafove ostaline. Zbornik Slov. Mat. II 1900, 205; 4 Vraz, Děla V Zagreb 1877, 129—130; 134—135; 5 Srepeli, Vienac XV 1883, 150; 6 po prepisih dr. Prijatelja; 7 Ilešič, Korespondenca dr. Jos. Muršca, Zbornik Slov. Mat. VI, 115—116; 8 Děla

Augufta . . .« po starem, pa Miklošič. Vraz, Kočevar, Matjašič, Muršec, Miklošič, Caf, ta krog osebnih prijateljev, so v dejanju pozdravili prvi Gajev poskus! Kočevar je začel prvi *dosledno* pisati po novem, dočim je Miklošič pozneje zopet branil bohoričico ter sta Vraz in Muršec še oklevala. Dne 4. I. 1834[5]) je pisal Vraz Muršcu in 9. IV.[6]) Gaju slovensko pismo v novem pravopisu in Muršec mu je 6. I. istotako odgovoril[9]). A že v pismu Gaju dne 26. XI.[6]) je rabil zopet bohoričico ter ostal pri njej celo l. 1835.[10]); tudi Muršec je pisal Vrazu 20. XII. 1835[11]) v bohoričici. L. 1835. je vplival mogoče na Vraza in Muršca nekoliko primer Gaja, ki se ni takoj dosledno držal novega pravopisa[12]), kakor je sledečega l. 1836. gotovo v obratnem zmislu vplivalo vedno uspešneje prodiranje novega pravopisa na Hrvaškem. Pravopis je imel vse lastnosti, da prodre tudi pri Slovencih: ni ga izmislil Slovenec, ni ločil Slovencev od drugih Slovanov, ampak jim jih bližal, priporočali so ga vplivni možje kakor Šafařík, širil se je vzporedno s tako mogočnim gibanjem kakor je bil ilirizem.

L. 1836. je zadela na Štajerskem dajnčico ista usoda[13]) kakor tri leta poprej na Kranjskem metelčico. Šlo je tudi v štajerskem abecednem boju samo za bohoričico ali dajnčico, a indirektno so pomagali zagovorniki i jedne i druge širiti zanimanje za novi pravopis. Dajnčičar Kvas je opozoril sekovski ordinarijat kot višjo šolsko oblast na novi češko-ilirski pravopis, ki šteje v sosednji Hrvaški vedno več pristašev[14]). Zagovornik bohoričice Murko pa je v svojih »Bemerkungen über das neu aufgelegte windische Namenbüchlein . . .« z dne 7. julija 1836 istemu ordinarijatu naravnost pisal: ». . . wenn schon ein neues Alphabet eingeführt werden solle, warum wähle man nicht das böhmische . . .?«[15]). Vendar Murko takrat o potrebi reforme starega slovenskega alfebeta še ni bil prepričan[16]), in ko je dobil v začetku prihodnjega leta od graškega konsistorija ponudbo, da prevzame komisijo nad tiskanjem slovenskih šolskih knjig ter zvedel, da se je odločila dvorska študijska komisija za bohoričico[17]) je bil zadovoljen. A niti Murkova ravnodušnost, niti Kopitarjeva jeza, ki je imenoval novi pravopis literas conspurcatas[18]), niste mogli zajeziti razširjanja gajice, koje glavni apostel je postal sedaj navdušeni Vraz. Vraz je od l. 1836. dosledno korespondiral v gajici,

V, 135—137; 9) Štrekelj, Pisma in zapiski iz Cafove ostaline, Zbornik Slov. Mat. VII (1905), 128—129; 10) Kupležu 6. I. (Děla V, 138—139); Muršcu 4. I. (ibid. 137); 3. XII. (ibid. 139—141); Šafaříku (ibid. 148—152); Kastelcu (ibid. 145—148); 11) Zb. VII, 129—130; 12) Šurmin, Hrvatski preporod; 13) Košan, Slovenischer ABC-Streit, Jahresbericht des k. k. Staatsgymnasiums in Marburg, 1890, 25 sl.; 14) ibid. 25; 15) ibid. 26; 16) ibid. 25; 17) Vraz Prešernu 2. IV. 1837; Děla V, 157; 18) Glagolita

zadnje pismo v bohoričici je pisal menda 19. IV. 1836 duhovniku Vrabl[illegible] Jarniku je tožil menda 22. XI. 1836 o slovenskem razkolu radi pravopisa ker ga ta v odgovoru tolaži: »Hier wird bloß die Zeit heilen und das Beste herbeiführen..., der Beharrlichste wird den Sieg davontragen...«[20] Jarnik je bil novemu pravopisu že naklonjen, a iniciativo je prepu[illegible]čal Štajercem kot najbližnjim sosedom Hrvatov: »Die Steyrer als nächste Nachbarn werden wollen nachfolgen, dann kann die Neigung erbli[illegible] werden«[21]. Mož je imel prav.

Mlade »slaviste« v Gradcu je opominjal tudi Šafařik, naj se poprimejo novega pravopisa[22], in spomladi l. 1837. so bili že Vraz, Trstenjak in celo Kvas pripravljeni, da dajo tiskati v gajici »Metuljčka« in druge knjige, za izdajo katerih so ravno snovali fond[23]. Tem trem se je energično pridružil Kočevar, ter zahteval 1. VI. 1837, da se mora »Metuljček« tiskati v gajici, »drugače ni križa u Vašu peneznicu n[illegible] dam«[6]. Tudi Muršec gotovo ni ugovarjal[24], in končno si je moral dati dopovedati tudi Miklošič, ki se je zopet »z močnima rokama drž[illegible] bohoričice«[24], ter se je sklenilo, da Metuljček izfrči v češko-ilirski obleki[25]. Metuljček sicer ni izfrčal, a na Shamperlov »Navuk v peldah«, ki ga je poslal 12. IX. 1837 mariborski gimnaziji, je napisal Vraz tri slovenske sonete[26], in za Šafařika narodopisne podatke v novem pravopisu[27], kar mu je 5. III. 1838 tudi Jarnik svetoval[28].

Zelo dobrodošlo je bilo graškim »slavistom« priporočilo Šafařikovo, ki je v »Ost und West« št. 17 l. 1838. priporočil Slovencem češko-ilirski pravopis in ga izredno pohvalil. Ker se jim je nakana s fondom izjalovila, skušali so na drugi način priti do cilja. V Gradcu je izhajal list »Der Aufmerksame«, ki ga je urejeval od poletja 1837 do smrti dne 6. V. 1839 dr. A. I. Polsterer, fino izobražen mož[29]. Met glavnimi sotrudniki je bil Slovenec Matija Vehovar, član »Slavjanskega društva«, ki so ga bili l. 1838. osnovali graški »slavisti«[31]. Vehovar je najbrž posredoval, da je »Der Aufmerksame« dne 3. IV. št. 40 prinesel Trstenjakov članek: »Notizen zur slavischen Literatur«, kjer je razložil novi pravopis, se obregnil nad njegovimi protivniki češ: »Gajs Reform fand nicht nur bei seinen Landsleuten begeisterte Anerkennung, sondern

[illegible] Děla V. 243—244: 20 Ltp. Sl. Mat. 1877. 151; 21 l. c.; 22 Vraz [illegible] 1837: Děla V. 160; 23 Vraz Muršcu na dan sv. Jurja 1837. Děla V. 160; 24 [illegible] 1837: Děla V. 160; 25 Vraz Kastelcu 10. VI. 1837. Děla V. [illegible] Zora XXII 1902. 544; 26 J. Pajk. Kres III 1883. [illegible]; 27 Děla V. 171—172; 28 Ltp. Sl. Mat. 1877. 153; 29 Gle[illegible] [illegible] Trstenjak Vrazu 16. II. 1839; po prepisu dr [illegible] XII. 1838; Zb. VII. 1; 32 Dopis je anonimen. [illegible] Vrazovega pisma Jarniku. Děla V. 172

auch mit Ausnahme von wenigen, die überhaupt nichts billigen, was nicht entweder von der Wiege mit ihnen aufgewachsen oder wenigstens ihrer Stirn entsprungen ist, eine denkbar allgemeine Annahme,« in obljubil, da priobči Šafaříkov članek iz »Ost und West«, ki je res sledil dne 21., 24. in 26. julija (št. 87, 88, 89).

Leykamova tiskarna takrat še ni imela novih črk in je rabila za diakritično znamenje pri Trstenjakovi razlagi vejico v navadni legi(,); pozneje so si pomagali z vejico v poševni legi(ˇ) in evo: dne 19. IV. 1838 je prinesel v 47. št. »Der Aufmerksame« prvič slovenske glasove, tiskane v gajici: »Na den rojstva Njihovega Veličanstva [našega presvetlega ino premilostivega cesarja ino kralja Ferdinanda I[33]).« Pesnik ni podpisan, a jezik in tradicija govori za Vraza[34]). Poševna vejica v službi diakritičnega znamenja stoji tako visoko, da žali oko. Mogoče je dal Vraz drugi slovenski spis v gajici, namreč prigodnico: »Visokovrednemu Gospodi Antoni Strajnšaku na den služenja nove meše per Mali Nedeli,« sonet z datumom: »Dne 2. sept. 1838«[35]) radi tega tiskati v Gajevi tiskarni v Zagrebu. Med tem so si pa dali vliti tudi Leykamovi dediči pri Haasih v Pragi nove češko-ilirske črke z običnimi diakritičnimi znamenji[36]). Pri isti firmi je bil naročil črke tudi Gaj za svojo tiskarno.

Rubikon je bil prekoračen, a med prosto ljudstvo si še graški patriotje niso upali z novim pravopisom, ampak izdali l. 1838. »Novega Vedesha sa Slovenze«[37]) v bohoričici. Treba je bilo počasi gladiti pot, in zidati na uspeh, ki ga je imela gajica v »Aufmerksame«. Vraz je začel prigovarjati Kremplu, naj spiše svoje »Dogodivšine« v novem pravopisu[38]) in Krempel je postal mladeniško-navdušen pristaš novega pravopisa ter zvračal celo germanizme svojih del v bohoričici na »germanizujoči alfabet«[39]). Krempl ni začel le »Dogodivšin« pisati v gajici, ampak jo je širil med narodom ter jo z Murščem skušal uvesti v šole. Za prvo silo se je poslužil v svojem delokrogu litografiranih predlog[40]), ter hotel pisati v gajici čitanke za male šole[41]). Pisal je distriktnim šolskim nadzorništvom v malonedeljski okolici ter poslal 22. VI. 1838 tudi Muršcu za završko in ptujsko šolsko okrožje oklic, naj se gospodje pobrinejo, da uvede dvorska študijska komisija češko-ilirski pravopis[42]);

33) Cf. tudi Štrekelj, Zbornik Sl. Mat. II, 176, o. 1.; 34) Slomšek piše 23. IV. 1838, da mora biti ta himna Vrazova; po prepisu dr. Prijatelja. — cf. tudi Jarnik Vrazu Ltp. Mat. Slov. 1877, 155; 35) Pajk, Kres III (1838), 42—43; 36) Šafařík, ČČM. XII (1838), 257; 37) Vraz Prešernu 1. VIII. 1838, Děla V, 432; 38) Vraz Jarniku 1838, Děla V, 174—175; 39) Muršcu 22. VI. 1838; Zbor. VI. 125; 40) Vrazu 8. VI. 1838; po prepisu dr. Prijatelja; 41) l. c. in Vraz Gaju 30. VI. 1838; po prepisu dr. Prijatelja;

v tem zmislu je pisal tudi konsistoriju v Gradec[43]) ter pregovoril celo Ivana Gottweisa, sodnega oskrbnika gosposčine Malek pri Ljutomeru[44]), ki je bil nekdaj močen steber dajnčice, da se je potegnil pri štajerskem guvernerju Wickenburgu za gajico[45]). Caf je razložil ravnatelju graške teologije novi pravopis ter nameraval o prvi priliki napisati za nadzornika Gruberja traktat o gajici[46]). Krempljevemu stremljenju so se pridružili štirje dekanati[41]) a vsi napori niso nič pomagali, konsistorij ni imel nikakega vpliva[46]) in dvorna šolska komisija je naročila 12. sept. 1838[47]). Murku, naj spiše šolske knjige v bohoričici, kar Murka ni posebno vznemirjalo. Radi tega je Muršec v jeseni l. 1838. izrazil celo bojazen, nili morda Murko nasprotnik napredka v slovenski literaturi[48]). To je Murko dne 1. I. 1839 odločno zanikal, povdarjal, da čas za uvedbo novega pravopisa v šolske knjige še ni prišel, in da morajo prej knjige za narod udomačiti novi pravopis, ter obljubil, da bo rabil v vseh privatnih delih gajico[48]). Muršec in Krempl pa sta še vedno upala, da dosežeta svoj smoter. Krempl je prosil Kopitarja blagohotnega posredovanja[49]). Muršec pa je zasukal pomen Murkovega pisma po svoje, kakor da bi ta nerad pisal v bohoričici, a se ne upal protiviti ter je prosil 29. II. 1839 Vraza, naj pove Gaju, da piše kateremu svojih prijateljev na Dunaju, ki bi na tihem brez Murkove vednosti izposloval, da se naroči Murku novi pravopis. Za slučaj neuspeha pa je hotel Murka prositi, da delo preloži do časa, ko »nede več telko protivnosti — te... staro čisto potlačeno«[49]). Nakane so se izjalovile: Od Vraza še Muršec 21. VII. ni dobil odgovora[50]); Kopitar se je ponorčeval s Kolarja, Šafaříka in Gaja in menil: »Man braucht sich doch nicht zu übereilen, sondern man warte, ob er (Gaj) es auch bei dem Ratsamen anpries[51]);« Murko pa je delo res odložil...

Zato pa so Štajerci v tisku širili svoj pravopis. Dne 19. I. 1839 je prinesel »Der Aufmerksame« prigodnico: »Na den Visokega rojstva Njihove c. k. visosti Nadvajvade Janeza! Hvaležni Slovenci.« Pesnik je bil najbrž Trstenjak, nemški prevod je priložil Vehovar. Za Wickenburgov god je napisal neznan celjski pesnik prigodnico v bohoričici, Gabriel Seidl jo je pa prevedel na nemški[52]). Ti dve prigodnici je prinesel »Der Aufmerksame« dne 23. II. 1839 na prvi strani, na drugi pa M(artin) T(rstenja)k(ovo): »K' preveselem gódi Njihove ekscelencie Matije

42) Zbor. VI. 126; 43) l. c; 44) Košan, o. c. 22; 45) Trstenjak Vrazu 18. in Vraz Gaju 30. VI. 1838; po prepisu dr. Prijatelja; 46) Caf Kremplu 12. VI. 1838; Zbor. II. 191; 47) Košan, o. c. 29; 48) Murko Muršcu 1. I. 1839; Zbor. VI, 124; 49) Muršec Vrazu 24. II. 1838; Zbor. VII. 137; 50) Muršec Vrazu 21. VII. 1839; Zbor. VII. 138; 51) Krempl Muršcu 9. VII. 1839; Zbor. VI. 126; 52) Trstenjak Vrazu 28. IV. 1839; po prepisu

Constantina grofa Wickenburga, poglavara vojvodstva štajerskegu itd itd« v gajici. In med slavisti v Gradcu je vse »mermralo na stari pravopis in novog hvalilo«[52]). Tudi drug član slavjanskega društva[53]) se je podpisal pod svojo italijansko prigodnico v gajici: »M. Ticillašić. Dalmata.« Gotovo sta bila napisana v gajici tudi Murščev slovenski hronograf in pa Trstenjakov sonet za cesarjev god dne 19. aprila, ki ju pa »Der Aufmerksame« ni prinesel[54]). Vraz je dal istega leta v gajici natisniti prigodnico: »Hvala Nj. c. visosti nadvajvadi Joanu ... V Zagrebi, Iz k. p. ilir. nar. tiskarne dra Ljudevita Gaja 1839«[55]) ter izdal v sredi istega leta prvo večje slovensko delo v novem pravopisu: »Narodne pesmi ilirske ...« Tudi Vraz se je zavedal, da so na Štajerskem sicer »slavisti« vneti za novi pravopis, da pa v narodu še ni dovolj udomačen, zato je napisal slovenski predgovor v bohoričici ter tam razložil novi pravopis. L. 1840. je pisal v »Der Aufmerksame« Vehovar z gajico dne 28. I. ime »Dóbočin« v pesmi »Gattenliebe« in pa naslove slovenskih originalov k svojim nemškim prevodom: 28. II.: Die Freiheit (Slobodnost); 30. V.: Wahre Liebe (Prava ljubezen). L. 1841. je dal tiskati v novem pravopisu Trstenjak 20. IV. prigodnico: »Čuti štajerskih Slovencov na preveseli dén rojstva Njihovega cesarsko-kraljevskega Veličanstva Ferdinanda I. 19. malega Travna 1841« in Vehovar 19. X. naslov originala prevodu: »Der unglückliche Schütze« (Nesrečni strelec). V zadnji številki z dne 31. XII. se je podpisal še z novim »š« ljubljanski korespondent: Mathias Brešda.

Tako je prenehala tiha agitacija za novi pravopis v graškem »Der Aufmerksame«, ki pod tem imenom tudi ni več izhajal. Odslej sta storila največ za rajširjenje gajice na Štajerskem ravno v tem oziru prononsirani Murko in pa navdušeni Krempl.

Ko je Trstenjak zvedel, da piše Murko drugo izdajo slovnice res v gajici, je pisal Cafu: »Čuda preko čuda, čuda golemoga[56])!« Slovnica pa je l. 1843. res izšla v novem pravopisu in v predgovoru je pisatelj svoj postopek kratko apostrofiral:

»Durch die Wahl einiger čechisch-slawischen Schriftzeichen habe ich nur den schon in der Vorrede zur ersten Auflage dieser Grammatik, S. XIII von mir angedeuteten Weg, um die Dialekte der Westslaven durch eine gemeinschaftliche Orthographie einander zu nähern, nun wirklich betreten.«

---

dr. Prijatelja; 53) Trstenjak Vrazu 16. II. 1839; po prepisu dr. Prijatelja; 54) Trstenjak Vrazu 23. IV. 1839; po prepisu dr. Prijatelja; 55) Kres III (1883), 618); 56) 18. XII. 1841, Zbor. II. 223.

Istega leta je izdal Krempl v novem pravopisu svoje »Evangelje« in leto pozneje svoje »Dogodivšine«.

Murkova slovnica je širila Gajev pravopis samo med inteligenco, Kempljeve knjige pa tudi med pripostim ljudstvom. Ta okolnost nam pojasni marsikateri zanimiv pojav: da je kranjska kmetijska družba zlasti s Štajerskega dobivala mnogo dopisov v gajici, da je bil Štajerc Krempl prvi, ki je pisal »Novicam« v gajici, in da so pisali v novice tako kmalu tudi štajerski kmetje v novem pravopisu.

Dr. *Franc Kidrič.*

Zu der Kapiteleinteilung und einigen Stellen der Didascalia Apostolorum.

Bevor ich im Jahre 1903 teils in den stillen Räumen der *Ambrosiana*, teils im lauten Getriebe der Weltstadt Mailand einige Wochen lang eines höchst angenehmen und förderlichen *συμφιλολογεῖν* mit Ihnen, hochgeehrter Herr Jubilar, mich erfreuen durfte, hatte ich auf der alten Kapitularbibliothek in Verona den von mir oft und lange benutzten Palimpsest mit den kostbaren Resten der lateinischen Übersetzung der *Didascalia Apostolorum*, der *Canones Apostolorum* und der ägyptischen Kirchenordnung wieder einmal eingesehen, um mehrere von Rezensenten meiner *editio princeps* (Teubner 1900) in Frage gezogene Stellen abermals nachzuprüfen und womöglich endgültig zu erledigen. Denn trotz aller auf die Entzifferung aufgewandten Zeit und Mühe ließ der Umfang des Erhaltenen (80 Seiten zu etwa je tausend Buchstaben), die meist recht schwierige Lesbarkeit der seinerzeit durch allerlei Reagentien gebräunten oder durch sonstige Einflüsse verdunkelten, mehrfach auch wurmstichigen und lückenhaften Blätter, ferner die Ungunst des in den Herbstmonaten oft regenreichen lombardischen Himmels, endlich die Schwierigkeit des Textes, zu dessen vollständiger Überlieferung im Syrischen eine Übersetzung ins Deutsche fehlte, mir selbst noch manche Bedenken übrig, die ich zu erledigen trachten wollte.

Einiges von dem damals Ersehenen mit besonderer Ausführung der strittigen, nicht unwichtigen Frage über die Kapiteleinteilung der lateinischen Übersetzung möchte ich zu dem Ihnen gewidmeten Festbande beisteuern, indem ich hoffe, daß der Gegenstand Sie, hochgeehrter Herr Hofrat, dessen letztes, großes Werk *Psalterium Bononiense* sich hinsichtlich des Forschungsgebietes mit dem Inhalte des im Folgenden Gebotenen berührt, einigermaßen interessieren werde. Meine Bemerkungen scheinen mir auch deshalb nicht unzeitgemäß noch überflüssig zu sein, weil inzwischen, abgesehen von kleineren Beiträgen, zwei neue wichtige Publikationen von Kennern erschienen sind, nämlich »Die

syrische Didaskalia, übersetzt und erklärt von Hans **Achelis** und Joh. **Flemming**. Leipzig Hinrichs'sche Buchhandlung 1904« und die langerwartete Ausgabe des vortrefflichen, leider kürzlich verstorbenen Fr. X. **Funk**: *Didascalia et Constitutiones Apostolorum*, Vol. I. und Vol. II. *Testimonia et Scripturae propinquae.* Paderbornae in libraria F. Schoeningh 1905/6.

Wenn der eben Genannte in seiner Vorrede S. XI das Vorhandensein der Kapiteleinteilung in der lateinischen Übersetzung und im griechischen Originale folgendermaßen leugnet: *Versio syriaca .... Didascaliam in capita digestam tradit. Nemo autem non videt, partitionem, quam exhibet, non auctoris esse, sed interpretis vel alicuius librarii. Auctor ipse scripturam non in partes disposuisse videtur. Versio latina saltem omni partitione caret*, so ist er zu dieser irrigen Ansicht wohl dadurch verführt worden, daß die Titel des I. und II. syrischen Kapitels beim Lateiner in der Tat fehlen. Er hat aber weitere noch erhaltene Reste dieser Art im lateinischen Texte selbst, besonders aber die zahlreichen in meiner Ausgabe gemachten Vorschläge zur Ergänzung solcher Titel nicht beachtet.

Direkt in den fortlaufenden Text der Didaskalie eingefügt und mit gleicher Tinte geschrieben ist die offenkundige Kapitelüberschrift XXX 13 fg.: *Quoniam expedit | numquam deesse ab ecclesia*; diese enspricht dem 13. Kapitel der syrischen Übersetzung, das nach dem *codex Parisinus* so lautet: *Instructio populi, ut assidui sint se congregantes in ecclesia* (nach Funk; 'Belehrung an das Volk, daß es an der Versammlung der Kirche eifrig teilnehmen soll' nach Achelis-Flemming [1]). Ebenso bietet der Palimpsest gegen Ende des 7. syrischen Kapitels XXI 11 fg. vor *Audite, o episcopi* und dem großen Zitate aus dem IV. Buche der Könige 21, 1—16, dem II. Buche der Chronik 33, 11 fg. und dem fünfzehn Paragraphen umfassenden Gebet des Manasses, wovon lateinisch nur Reg. IV 21, 1—14 (*hereditatis meae*) und vom Gebete des Manasses die Paragraphen 14 und 15 erhalten sind, einen eigenen Abschnitt mit der Überschrift *De Manasse*, die beim Syrer fehlt; doch hat dieser vor dem letzten Stücke das Lemma: 'Gebet Manasses', das beim Lateiner höchst wahrscheinlich gefehlt hat. Auch XXXV 9 findet sich im Palimpsest von erster Hand geschrieben: *Qualis debet esse diaconus*, offenbar entsprechend dem Untertitel des 16. syrischen Kapitels *De diaconibus*.

---

1) Ebenda S. 183 findet sich die sehr breite Fassung dieses Titels nach dem *cod. b* (*Harrisianus*) und die knappere nach dem *cod. c* (*Cantabrigiensis*: »An das Volk, fleißig in der Kirche zu sein«

Mehr Kapitelüberschriften und Unterabschnitte ergeben sich aus der Beachtung der umfangreicheren Lücken, die der Palimpsest besonders vor größeren, meist über den Rand vorspringenden Anfangsbuchstaben einer neuen Partie aufweist. Daß diese jetzt leeren Stellen durch miniierte Titel oder Übergänge ausgefüllt gewesen waren, ergibt sich unzweideutig aus den mit der *Didascalia* aufs engste verbundenen Resten der *Canones Apostolorum* und der ägyptischen Kirchenordnung. Ich habe bereits in meiner Ausgabe diese Lücken von Spalte LXV ab aus dem zum Teil uns noch erhaltenen griechischen Originaltexte oder aus der koptischen und der äthiopischen Übersetzung auszufüllen versucht, so durch die eine Vorschrift oder Antwort einleitenden Wendungen: *Iacobus dixit* (LXV 4), *Matthaeus dixit* (daselbst 14) usw.[1]. Auch LXVIII 13 ist ein Titel ausgefallen, der, wie ich bereits a. O. S. 103 bemerkt habe, nach Maßgabe des Raumes *De episcopo* (vielleicht auch *De episcopo ordinando*) gelautet haben wird; denn für die wortreiche Überschrift bei Ludolf (*Ad suam historiam Aethiop. commentarius* 1691) pag. 323: *De ordinatione Episcoporum et ritu Eucharistiae* fehlt im Palimpseste der Raum. Über die Ausfüllung ähnlicher Lücken in den Spalten LXXI 1, 9, 20, LXXII 6, LXXV 3 fg., 9 fg., LXXVI 3, 6 fg., 13 fg., 28 fg., 35, LXXVII 4 fg., 17, 23, 31 fg., LXXVIII 2 fg., 7 fg., 14 fg. verweise ich auf die Bemerkungen im kritischen Apparate meiner Ausgabe. Alle diese Partien waren in der alten Handschrift wie sonst oft miniiert gewesen und wurden bei der Scheuerung, Befeuchtung und Glättung des Pergamentes vor dessen abermaliger Überschreibung völlig hinweggefegt. Sie enthielten aber ohne Frage weitere Kapitelüberschriften des Textes. So entspricht gleich die 13—15 Buchstaben umfassende Lücke der Didaskalie-Übersetzung IX 6 dem 4. Kapitel des Syrers: *Docet, qualis esse debeat, qui in episcopatum eligitur, et quales eius mores esse debeant* ('Lehrt, wie beschaffen der sein soll, der für das Amt des Bischofs gewählt wird, und wie sein Wandel sein soll'). In der lateinischen Übersetzung dürfte bloß *De episcopi vita* (oder *morib.*) gestanden sein; war der jetzt leere Raum durch die Schrift nicht ganz ausgefüllt gewesen, so wäre auch an: *De episcopis* oder *De episcopatu* zu denken möglich. Die jüngeren *Constit. Apost.* setzen hier, mit *Περὶ δὲ τῶν ἐπισκόπων οὕτως ἠκούσαμεν* beginnend, in minder entsprechender Weise den Beginn des zweiten Buches an. Auch XXXVI

1) Bedauerlich ist, daß LXVII 30 mit *Amen* der Text der *Canones* im ersten Viertel dieser Zeile abbricht und in der folgenden die Einleitung zu der sogenannten ägyptischen Kirchenordnung an 20. Stelle mit *Ea* anhebt. Hier fehlt ohne Zweifel eine längere und für die Komposition des Ganzen wichtige Überschrift.

31 klafft zwischen dem Satzschluß *obaudiens ei* und dem in der nächsten Zeile an 5. Stelle beginnenden *Si quis autem orfanus fuerit* eine Lücke von 16—20 Buchstaben, für deren Ausfüllung ich schon in meiner Ausgabe: *De educatione orfanorum* vorgeschlagen habe. Die Fassung des 17. Kapitels beim Syrer: *De orphanis parvulis educandis* (»Über die Erziehung der jugendlichen Waisen«) überschreitet den Umfang der Lücke; auch ist das Attribut *parvulus* nicht völlig im Einklang mit dem Inhalt des Kapitels selbst, das die Versorgung der mannbaren Waisen mitberücksichtigt (XXXVII 2, 15 ff.). Es wird daher dieses Deminutiv weder in der lateinischen Übersetzung noch im griechischen Originale vorhanden gewesen sein. Weiter bricht XXXVIII 28 die Zeile mit *glorificabitur* zu früh ab, während in der folgenden *Episcopi* eine stärkere und vorspringende Initiale aufweist, also einen neuen Absatz markiert. Da der Zwischenraum von 8—12 Buchstaben wieder weit kleiner ist, als daß er die Überschrift des 18. syrischen Kapitels: *Quod non decet accipere munera eleemosynarum ab eis, qui sunt reprehensibiles* »Daß es nicht recht ist, Almosen von solchen anzunehmen, die tadelnswert sind« fassen könnte, so dürfte der Titel im Lateinischen knapp *De eleemosynis* gelautet haben, wonach in der griechischen Vorlage *Περὶ ἐλεημοσυνῶν* (oder *συνεισφορῶν*) gestanden sein wird. In auffälliger Weise fehlt außerdem XLVII 34 im Palimpseste eine ganze Zeile, die dem 26. Kapitel des Syrers: *De vinculis Deuteroseos Dei* (›Über die Fesseln der Wiederholung des Gesetzes Gottes‹ entspricht. Der Lateiner dürfte sie, wie ich schon a. O. vermutet habe, durch: *De vinculis secundationis legis* ausgefüllt haben; denn so übersetzt er IL 2 und L 25 das griechische *Δευτερώσεως νόμου* (*Δευτερονόμιον*). Beachtenswert ist auch die Lücke L 22 zwischen *sculptili* und dem in der nächsten Zeile durch größeren und vorspringenden Anfangsbuchstaben hervorgehobenen *Propterea*: den etwa fehlenden 17—25 Buchstaben, welche hier (vor der eigentlichen Ausführung über die dem jüdischen Volke nach der Anbetung des goldenen Kalbes auferlegten Opfer- und Reinigungslasten) eine dem Haupttitel dieses Kapitels synonyme Fassung oder einen passenderen Untertitel geboten haben dürften, entspricht beim Syrer nichts. Endlich ist LXIV 33 nach *Amen* diese Zeile zur Hälfte und das nächste Paar vollständig für die wohl miniierte Subscriptio frei gelassen.

Anderseits fehlen in den uns erhaltenen Partien der lateinischen Übersetzung weniger nötige Unterabteilungen des syrischen Textes, so XXXII 32 zwischen *cuius gradus digna effecta est* und *Quae autem Deo placere vult vidua* der im syrischen 15. Kapitel stehende Untertitel ›Über die bescheidenen Witwen‹, ebenso XXXIII 34 »Daß es sich für

die Witwen nicht geziemt, irgend etwas zu tun ohne Befehl der Bischöfe« und zu XXXIV 19 der weitere, so lautende: »Zurechtweisung der unbotmäßigen Witwen«. Auch der vom Syrer im 20. Kapitel angesetzte eigene Abschnitt 'Bekräftigung dessen, was die Auferstehung betrifft, auch aus den Schriften der Heiden' findet im lateinischen Texte XXXIX 33, der die Worte *cum primus resurrexerit* mit den folgenden *Nam vos, qui ex gentibus vocati estis, scitis* formell eng verknüpft, keine Bestätigung. Wichtiger ist, daß der Lateiner mehrere, darunter einige unpassend angebrachte Kapitel der syrischen Didaskalie nicht kennt. Zwar läßt es sich nicht feststellen, ob das erste Kapitel des Syrers *De lege simplici et naturali* im Palimpseste vorhanden gewesen ist oder nicht; denn I 1 beginnt mit den sehr schwer lesbaren, weil miniierten Anfangsworten des Textes selbst *D(e)i plantatio uineae, cat⟨h⟩olica ecclesia*[1]. Aber sicher fehlt das sehr wortreiche II. syrische Kapitel in der lateinischen Übersetzung; an der entsprechenden Stelle II 33 findet sich nämlich (versehentlich um ein Wort zu früh) bloß ein ganz kleiner, für zwei Zeichen hinreichender Raum zwischen *ea* und *Agimus portate* ausgespart, wie ein solcher vor jedem neuen Satze oder Gedanken frei gelassen ist. Insbesondere ist die ganz willkürliche und sinnwidrige Einteilung in dem syrischen Texte, dessen 7. Kapitel *Ad episcopos* die Aufzählung der Eigenschaften eines Bischofs mit den Worten μὴ ὑπερoπτικούς der *Const. Ap.* II 24 abbricht und dessen 8. Kapitel *Exhortationes ad episcopos, quomodo se gerere debeant* ('Ermahnungen an die Bischöfe, wie sie sich recht betragen sollen') mit der Fortsetzung desselben Satzes μὴ οἰνόφλυγας anhebt, vom Lateiner durchaus vermieden worden; denn XXIV 30 sind die entsprechenden Worte *non superbos, non vino multo deditos*, wie dies der Zusammenhang und die Gedankenabfolge erheischt, in keiner Weise zerrissen, sondern aufs engste miteinander verbunden. Auch das 24. Kapitel des Syrers: *De constitutione ecclesiae. Refert iterum apostolos congregatos fuisse ad offendicula corrigenda* ('Handelt vom Zustand der Kirche und zeigt auch, daß die Apostel zur Richtigstellung von [allerhand] Ärgernissen zusammenkamen') fehlt in unserer Übersetzung XLIV 20. Denn obschon nach *depraedabant* am Zeilenende noch ein paar (3—4) Buchstaben hätten Platz finden können, so lehrt doch sowohl die Fassung

1) Der Titel der ganzen Schrift (nach I 11 und XLVII 31 vom Übersetzer wohl als *Doctrina Apostolorum* bezeichnet) dürfte auf der Rectoseite jenes Blattes des alten Kodex, das die Fastentafel von 439—494 enthält und in der jüngeren Isidorhandschrift die Zahl 89 trägt, miniiert verzeichnet gewesen sein. Vielleicht stand auf der Versoseite desselben Folio der Index aller Kapitel gleichfalls miniiert und darunter das *Incipit* mit dem Titel des I. Kapitels, das vielleicht beim Lateiner auch das nicht umfangreiche II. des Syrers mitumfaßte.

des unmittelbar darauffolgenden *Nos autem .... revertebamur iterum ad ecclesias* sowie der Umstand, daß *Nos* weder größere Initiale zeigt noch auch über den Rand vorspringt, daß hier ursprünglich kein Abschnitt angesetzt gewesen war. Endlich wird der durch das 25. syrische Kapitel (*Refert iterum apostolos ad ecclesias se convertisse easque stabilivisse*; 'Zeigt, daß die Apostel sich von neuem den Kirchen zuwandten und sie ordneten') nicht sinngemäß geschiedene Text im Lateinischen XLV 9 (*catholicam hanc Doctrina(m)* | *scribentes* mit dem folgenden *et tractatum consilii nostri*) aufs innigste verknüpft.

Wir können daraus ersehen, daß auch die lateinische Palimpsest-Übersetzung die für die Übersicht über den umfangreichen Stoff bequeme Kapiteleinteilung schon besaß. Ich möchte ferner annehmen, daß bereits die griechische Vorlage, die der Lateiner fast wortgetreu übertrug, dieselbe Disposition aufwies. Sie umfaßt aber, wie sich aus dem obigen ergeben haben dürfte, weniger Titel und ist mehrfach sinngemäßer[1], natürlicher und knapper als ihre Weiterbildung in der syrischen Didaskalie.

Nur anhangsweise möchte ich gleich hier hinzufügen, daß die neuerliche Vergleichung all der von den Kritikern meiner Ausgabe besprochenen, verbesserten oder geänderten Stellen fast ausnahmslos die Richtigkeit meiner Lesungen und Angaben bestätigt hat. Ich fand nur folgende Verbesserungen Wendlands und P. Corssens (Berl. Phil. Wochenschrift 1900, Sp. 1189 ff. und 1220 ff.) im Palimpsest selbst bezeugt vor zu XII 4 *participes effecti*, worin die Zeichen *ff*, *c* und *i* minder deutlich sind: XVII 10 *requiescent*, wie ich selbst schon vermutet hatte, statt *et quiescent*, LII 32 *gubernat*, *vincula autem* (die gerade darüberstehende Zeile der Isidorhand stört sehr) und LXIII 2 *pertinace(s) sectari*. Einige Korrekturen stammen ferner schon von der bessernden Hand (*m. corr.*), die wegen der Feinheit ihrer Schrift noch weit schwerer lesbar ist als die erste: sie hat XVIII 24 *oris* wahrscheinlich aus *vos* korrigiert, vielleicht auch *i* nachträglich zu *e* geändert (*ores* Nestle), XXIV 2 *solus*, wie es scheint, in *-os* verbessert, XXXIX 5 *tam* vor *per Eseiam quam* überschrieben und XLVI 15 das von mir vorgeschlagene *ingerebat* wohl aus *ingeretur* hergestellt.

Bei aller Anerkennung des Scharfsinns und der Gelehrsamkeit der genannten Kritiker möchte ich doch noch bemerken, daß manche ihrer Vorschläge nicht volle Rücksicht auf die eigenartige Latinität des Übersetzers nehmen und von Funk öfters wohl nur deshalb, weil er einen leicht lesbaren Text bieten wollte, aufgenommen worden sind. Anders

1 Eine Unterabteilung erscheint um einen Satz zu früh IV 18 fg. (vor *Erg.*).

freilich liegt die Sache z. B. bei seiner Lesung auf S. 28 (VIII 21 zu Const. Ap. I 10): *Ne autem sis litigiosa ad omnes, prae cetera adversus virum tuum*, wo er statt des handschriftlich durchaus gesicherten *praeterea* Corssens Vorschlag (a. O. Sp. 1226) aufnimmt und diesem folgend *prae cetera* dem μάλιστα im Texte der *Const.* unter Hinweis auf Rönsch, Itala und Vulgata S. 412 gleichsetzt. Hier finden sich jedoch nur die paar bekannten Fälle des vulgären Gebrauches von *prae* mit Acc. statt Abl., wie Petron 39 *prae mala sua*, nicht aber Beispiele für *prae cetera*. Ich habe dagegen, was Corssen und Funk entgangen zu sein scheint, bereits in meiner Abhandlung »Eine lateinische Palimpsestübersetzung der *Didascalia Apostolorum*« in den Sitzungsberichten der k. Akademie der Wissenschaften in Wien, phil.-hist. Klasse CXXXIV, 11. Abhandlung im Anschluß an Rönsch S. 346 das überlieferte *praeterea* als semasiologisch bemerkenswert und synonym mit *inprimis*, *praecipue* u. ä. erklärt und nicht nur auf die Belege in den Digesten XXXI 34, 5, L 7, 16, sondern auch auf die gleiche Verwendung dieses Wortes in der Didaskalie selbst XXX 8: *Si autem egenus — supervenerit et praeterea* (zudem, zumal) *senior aetate* hingewiesen, eine Stelle, die sowohl Corssen als auch Funk (S. 168, Z. 20 fg.) für durchaus heil ansehen. Daß übrigens *praeterea*, entsprechend dem ganz geläufigen *praeter cetera* (*-os*), *praeter omnia* (*-es*), wenn mit *ea*, *cetera* oder *omnia* das für den Schreibenden minder Wichtige bezeichnet wird, diese steigernde Bedeutung erhalten kann, ist unschwer begreiflich und läßt sich auch an dem Gebrauche von *praeter* (darüber hinaus, mehr) *quam* bei Plautus Pers. 366 (*virgo atque mulier . . . . mala*) *quae praeter sapiet quam placet parentibus*, Merc. Prol. 95, Ter. Haut 59 fg., ferner dem von *praeterire* gleich *praeire, superare, vincere:* Varro R. R. I 1, 10: *hos nobilitate Mago Carthaginiensis praeteriit*, Inv. in Sall. 2, Ov. Pont. IV 7, 51, Vell. I 17, 7 und an der Verwendung von *adeo* gleichfalls mit steigerndem Sinn und der verwandten des deutschen »zudem« gleich »überdies« (*insuper*) völlig klar machen.

Damit muß ich meinen Beitrag, den ich als δόσις ὀλίγη τε φιλή τε zu diesem Festband betrachtet wissen möchte, abschließen. Zugleich benütze ich die Gelegenheit, um anzufügen, daß ich mir eine Behandlung der bisher noch nicht gehörig besprochenen paläographischen und sprachlichen Eigentümlichkeiten dieser achtzig Spalten und weitere Beiträge zu ihrer Kritik und Erklärung vorbehalte.

Wien. *Edmund Hauler.*

Pravlast Slovanů a archaeologie.

Vydávaje I. díl svých Slovanských Starožitností, v němž je přirozeně otázka po pravlasti Slovanů jednou z hlavních rozprav, nemohl jsem se vyhnouti theoriím, které se této otázky dotýkaly se stanoviska archaeologického, zejména theorii prof. J. L. Píče, jenž před tím několikráte na ni archeologicky odpověděl. Učinil jsem tak na str. 477 a hlavně na str. 507 a násl. těmito slovy:

»Prof. Píč vychází z předpokladu, že bronzovou kulturu spolu s »obřadem spalování přinesli do Evropy z Asie Arijové, kteří přišedše »koncem doby přechodní do střední Evropy, rozešli se na sever, do »Alp, do Italie a na Balkán, všude tam, kde pak vznikla samostatná »centra kulturní. Část jich zůstala seděti na Dunaji v Uhrách, a to »byli Praslované ve své první kolébce dunajské[1]). Zde vyvinuli si »starší fasi bronzové kultury a odsud kolem r. 800 (nebo mezi r. 800— »600) odešli přes Moravu do Lužice a Slezska, kde se usadili[2]. — »to byla druhá kolébka, — vyvíjeli kulturu svou dále ve známou »fasi lužickou, slezskou atd., až konečně oblast jejich za vlivu latèn»ského a římského vzrostla a sesílila tak, že Slované nastoupili novou »pouť do blízkých i vzdálených končin Evropy. Odtud osídleno bylo »znovu Podunají a Balkán, odtud celá polovina Germanie, odtud vyšli »i lešští a ruští Slované a zaplavili po vpádu gotském východní »Evropu. Podle prof. Píče v I. a II. stol. po Kr. ještě Slovanů za Vislou nebylo, Venedi Pliniovi, Tacitovi a Ptole»maiovi nejsou Slované[3]. V té věci Šafařík a jeho následovníci »jsou na omylu. To jest asi obsah theorie Píčovy, jak jej můžeme »z dosavadních prací a výroku skonstruovati.«

Po vytištění této stati 1904 vyšel V. svazek »Starožitností země České« od prof. Píče (Praha 1905), věnovaný speciálně otázkám nejstarší periody slovanské archaeologie a v něm autor znovu odpovídá

1 Památky archeologické XVII. 538, XVIII. 633, XIX. 588.
2 Výzkum XCIII. Pam. XVII. 538.
3 Výzkum XCV. Pam. XVII. 365, 536, 538, XIX. 588, XX. 75, 76.

na otázku kolébky s hlediska archaeologického. Odpověď zní poněkud jinak nežli dříve, ale přece tak, že v celku je to totéž: první centrum Slovanů bylo v Podunají, druhé vyvinuté a hlavní ve východní Germanii. Zejména dlužno upozorniti, že i v tomto posledním svazku svého velkého díla ponechává prof. Píč úplně v platnosti své výv́ody a doklady historické o podunajské kolébce Slovanů, vyslovené ve svazcích předešlých. Slovem, celou starou thesi o kolébce na Dunaji ve smyslu tradice kijevského letopisu ponechává státi a svůj starší svrchu vyložený výklad mění jen potud, že nemluví více o r. 800, jako době, v níž Slované z jihu náhle přešli na sever, nýbrž vykládá, že už odedávna se šířili na Labe a Odru tak, že vlastně kolébkou jejich stal se pak celý kraj východní Germanie spolu s přiléhajícím Podunajím. Totéž má v nedávno vyšlém německém překladu svého díla (Die Urnengräber Böhmens. Leipzig 1907). Hlavní základnou pozdějšího rozvoje Slovanstva je mu tedy východní Německo a to kraj mezi Vislou, Labem a Sálou. Odtud šířili se Slované z části znovu na jih (do Moravy a do Čech), z části dále na západ, nejvíce ovšem na východ. Ale postup na východ neudál se před VI. stoletím po Kr. Za doly gotského panství Slované nebyli jestě za Vislou, Venedi Pliniovi, Tacitovi a Ptolemaiovi k nim proto nepatří. Slované podle nejnovějšího výroku prof. Píče, žili ve východní Germanii v jazykové a kulturní jednotě až do VI. stol. po Kr. Tu se teprve rozpadli na západní, jižní a východní a tu teprve východní vstoupili na půdu za Vislou a osadili východní Evropu[1]). Archaeologickým průkazem této these — mimo známé historicko-linguistické důvody o východisku z Podunají (letopis kijevský, Boguphal, slov. nomenklatura, jméno Dunaje v slov. písních, křest sv. Jeronýma a pod.) je prof. Píčovi vznik a rozšíření hrobů známých v středoevropské archaeologii pod jménem pohřebišť typu lužického a slezského. Ty vznikly u Dunaje, kde prof. Píč předpokládá jejich prototypy, a vyvinuly se pak v známou a mohutnou kulturní oblast ve východním Německu.

Kdokoliv se s rozvahou obírá slovanským pravěkem na základě materiálu historického a jazykového, musí, myslím, nabýti přesvědčení, že tato these předního a velmi zasloužilého českého archaeologa s hlediska historického a linguistického nemůže býti správná. Sám jsem proti tomu snesl a vyložil řadu důvodů na každé druhé stránce I. dílu svých Slovanských Starožitností. Nepotřebuji proto a nechci také jich

1) Srv. Píč Starož. V 200 sl., 208, 219 sl., 275, a zejména jeho něm. překlad Urnengräber *255* sl.

zde opakovati ani uváděti další na důkaz toho, že these, podle níž Slované původně vyšli z Podunají, a před VI. stoletím po Kr. nesedli ještě na východě Visly, podle níž rozsáhlé pláně Mazovska, Běloruси, Malorusi a Veliké Rusi byly od Slovanů zaujaty teprve od VI. století po Kr., je něco nemožného, absurdního pro každého, kdo pravěk slovanstva neluští jen jednou formulí, jednou naukou ale výslednicí získanou z vývodů všech účastněných nauk.

Zde chci poukázati stručně jen na to, proč ani vývody archaeologické nepokládám za správné.

Uznávám v souhlase s prof. Píčem slovanskost hrobů rázu lužického a slezského, nebo správněji řečeno, mám je aspoň mnohem pravděpodobněji za slovanská, než za germanská nebo gallská (srv. mé Starožitnosti I. 506). Ale s dalšími vývody jeho these souhlasiti nemohu.

Předně není možno doložiti dnes náležitými archaeologickými důvody existenci I. etapy slovanské na Dunaji, a sice právě v těch končinách, kam prof. Píč svými historickými doklady pro podunajskou kolébku Slovanů je uváděn, totiž v dolních Uhrách a v Pannonii. O dolních Uhrách a Pannonii mluví tradice v kijevském letopise a u Boguphala, tradice o sv. Jeronýmu, na dolní Pannonii a Banát ukazují stará jména Bustricius, Pelso, Pathissus, Tsierna, Bersovia, jichž se prof. Píč stále dovolává. Ale zde v jižních Uhrách, kde je ostatně jedině s dostatek podmínek pro počáteční rozvoj velkého národa, není prototypu kultury lužickoslezské, není první fase hrobů tohoto rázu, jež bychom tam nutně čekali. Neboť kultura spec. keramika, která tam v době bronzové, a starší přechodní panuje (t. zv. pannonská) je ve formách i v dekoraci něco z cela jiného, co v přímé genetické souvislosti s keramikou lužickou na severu není. O tom se každý přesvědčí snadno, prohlédneli poslední knihu M. Wosinského (Die inkrustierte Keramik der Stein- und Bronzezeit. Berlin 1904). Jsou sice na obou stranách některé společné prvky např. bradavcovité výčnělky, ale ty jsou současně i jinde, vznikly jinde, a přišly sem do Uher i na sever z jiného centra (středomořského). Prof. Píč dobře cítil, že je zde v odporu archaeologie s jeho historickými vývody, a spokojuje se s tím, že se dovolává několika málo nálezů ze severních a středních Uher příbuzných typu lužickému (Pilin, Hatvan, Šmolenice, Pokoradz). Ale tyto severouherské nálezy, pokud jsou vůbec starší (jsou a tam též, pokud vím, nálezy mladší obdobné typu slezskému) jsou tak řídké, že nemohou sloužiti za archaeologický doklad pro podunajskou kolébku Slovanů, zejména, když parallelní historické doklady

Píčovy soustřeďují se na Uhry dolní, kde lužické keramiky vůbec není, a když v Čechách i na Moravě právě tato »nejstarší fase« keramiky žlábkované a s vypnulinami (Buckelurnen) chybí tak, že vlastně tento typ prof. Píčovi z Německa »přeskakuje« do Uher[1]). To mnohem spíše pochopuji a uznávám stanovisko L. Červinky, jenž hledá původ lužické kultury na Moravě a v sousedství, neboť tu je aspoň náležitý archaeologický starý materiál a velmi zajímavé třebas ještě ne dosti objasněné spojky s kulturou doby přechodní[2]). Ale prof. Píč tohoto materiálu pro Uhry dnes nemá, jako jej neměl před 10 lety, kdy sám ještě otevřeně po svých dokladech ex historia přiznával, že »mu archaeol. doklady chybějí, neboť staré nálezy uherské jsou rázu cizího, neslovanského« (Pam. XVII. 538).

Prof. Píčovi nepodařilo se dosud doložiti archaeologicky, že Slované vyšli z Podunají, nedoložil zde první, nejstarší fase lužických hrobů, — posito, že jsou tyto slovanské. Prof. Píčovi se však podařilo sebrati, roztříditi, territoriálně ohraničiti a propracovati materiál těchto hrobů v Čechách i v Německu, a ukázati nezvratně, že tam je jejich hlavní, velké centrum a že odtud se šířily dále. Ne to, že byla kolébka Slovanů v Podunají, ale to, že Slované odedávna soustředeni byli v celé východní Germanii, — měl býti proň jediný správný závěr z daného materiálu. V tom leží také hlavní kus positivních výsledků velké práce jeho, — ale thesi o kolébce podunajské nutno při tom ostaviti stranou.

Vyslovujili se souhlasně s touto částí these Píčovy, nechci tím říci, je ji šmahem a plně přijímám. Souhlasím zde s prof. Píčem potud: připustímeli slovanskost lužickoslezských hrobů[3]), vidíme vskutku, že už v průběhu celého I. tisiciletí před Kr. utvořilo se mezi Labem, Dunajem a Vislou velké středisko slovanské. Ale po mém mínění, bylo by zase nesprávno souditi, — a to stanovisko zaujímá prof. Píč v další části své these svrchu vyložené —, že kromě tohoto centra Praslovanů jinde nebylo, speciálně že nebyli na východ od Visly. Soudím, že byli zde a sice už daleko rozšířeni na východ a severovýchod, jenom že kultura této časti vypadá pod vlivem svého zapadlého prostředí a

---

1) Píč Starož. V. *25*, *31*, *32*.

2) L. Červinka »Kdy zalidnili Slované Evropu střední?« (Časopis mus. Olom. 1907. *66* sl. Podobně jako on vykládávám ve svých přednáškách na universitě vznik kultury lužické z podkladu keramiky terramarní na obchodní cestě moravsko-oderské.

3) Mám stále jisté pochyby, ale doufejme, že je další nálezy a práce odstraní. Zatím sr. mé Slov. Star. I. 508 sl. a Č. Čas. Hist. 1906. 6.

pod vlivy černomořskými a orientálními jinak než západní, lužicko-slezská, vzniklá hlavně pod vlivem styků adriatických a italských.

Prof. Píč nechce připustiti u Praslovanů tuto principielní pradávnou kulturní rozluku, ač je už a priori zcela přirozená ba přímo dána a žádána poměry geografickými (srv. jen úkol velkých řek), a ač sám na jiných stranách s podobnou archaeologickou biparticí operuje [1]). Trvá na slovanskosti výlučně lužickoslezských hrobů východního Německa a to ho vede pak k nemožnému závěru, že Slované nebyli před VI. stol. po kr. na východě Visly, že nejen Herodotovi Neuři, ale ani Venedi Pliniovi, Tacitovi a Ptolemaiovi, a ovšem ani Velti, Zaboci, Suobeni posledního zpravodaje nemohli býti Slované. To je však pro mne z řady historických a linguistických důvodů představa nepřijatelná, jak podrobně ve svých Starožitnostech vykládám. A vzpomeňme jen, abych aspoň něco uvedl, že Jordanis už před VI. stol. zná na východ od Visly až po dolní Dněpr velký národ Slovanů, že týž historik uvádí přímo v Rusku Slovany už ve IV. stol. za doby gotského Vinithara a Hermanarika, že Prokopios v VI. stol. mluví o nesčíslných kmenech slovanských nad Azovským mořem! A to se vše zde mělo vzíti z Germanie teprve V—VI. století po Kr., aniž by historie o této obrovské národní přeměně východní Evropy měla zpráv? Či stačí na to letopisná tradice o lašském původu Radimičů a Vjatičů?

Neníli mi možno přijmouti celou tuto theorii s hlediska historického, pak ovšem nemůže platiti ani these, že výlučně jen lužickoslezské hroby vých. Německa představují staré Slovany. Potom musí v bohatém předhistorickém materiálu ruského Polska a záp. Rusi býti někde uložena kultura východních Praslovanů, třebas bychom ještě dnes nemohli přesně říci, která to je a vymeziti její příznaky a vývoj před VI. stol. po kr. Říci však, že teprve postup západní hradištné keramiky značí příchod Slovanů za Vislu a že smolenské žárové mohyly z IX. a X. stol. jsou teprve nově posunutým sem slovanským ostrovem, je naprosto jednostranné a nemožné řešení. Zde je, myslím, nejlépe viděti, jak nelze tak těžké a komplikované otázky slovanského pravěku řešiti jen jedinou, archaeologickou formulí.

1 Na př. u Gallů (Starož. II. 1. 102. 160) nebo u Illyrů (Star. V. 188). Ostatně vidíme leckde i na menším území na př. v Braniborsku, že se v římské době přikloňuje jedna polovina kulturní oblasti dunajské, druhá k oblasti rýnské (Niederl. Mitth. III. 16 sl.).

V Praze. *L. Niederle.*

- — -

Изъ наблюденій надъ языкомъ древнерусскихъ и старословянскихъ памятниковъ.

Имѣя въ виду ограниченность мѣста, выпавшаго на мою долю въ Сборникѣ, издаваемомъ въ честь академика Игнатія Викентьевича Ягича, я даю лишь одно небольшое наблюденіе, сдѣланное мною при изученіи одного изъ древнѣйшихъ памятниковъ русской письменности — Добрилова Евангелія 1164 г., хранящагося въ б-кѣ московскаго Румянц. музея подъ No. 103. Свѣдѣнія объ этомъ памятникѣ, важномъ какъ для исторіи словянскаго перевода евангелія, такъ и для исторіи русскаго яз., сообщались въ 1824 г. К. Ѳ. Калайдовичемъ въ его трудѣ »Іоаннъ экзархъ болгарскій«, стр. 30—31, 110—111, при чемъ на стр. 29—36 здѣсь дано сличеніе текста Матѳ. XXV. 14—29 (притчи о талантахъ) по Экзархову (т. е. по тексту, помѣщенному въ »Прологѣ« І. Э. при его переводѣ Іоанна Дамаскина), Остромирову 1057 г., »Мстиславову 1125—1132 г.«, »Синодальному« 1144 г. (т. е. Галицкому), »Канцлерскому« 1164 г. (т. е. Добрилову) и мног. другимъ вплоть до Московскаго издан. 1663 г. и нынѣшняго церковнаго; но тексты напечатаны здѣсь съ произвольнымъ исправленіемъ правописанія согласно съ общеупотребительнымъ въ русскихъ книгахъ первой четверти XIX-го столѣтія, вслѣдствіе чего дьяку Добрилу приписаны чуждыя ему формы **идѣже, весдѣ, избудеть** вмѣсто читаемыхъ въ рукописи (л. 103[а]—104[а]) **идеже, весде, изкоудѣть**, что̀ ввело въ заблужденіе проф. А. Е. Крымскаго, недавно[1]) отважившагося доказывать безъ прочныхъ основаній новгородское происхожденіе этого памятника. Позднѣе Востоковъ въ »Описаніи рус. и слав. рукописей Румянцовскаго музеума« (С.Пб. 1842), с. 171, сообщилъ цѣликомъ запись, заключающую дату памятника, сохранившуюся на оборотѣ послѣдняго (270) листа, но теперь вслѣдствіе порчи пергамента различаемую съ большимъ трудомъ. Свѣдѣнія объ этомъ памятникѣ сообща-

1) »Деякі непевні крітерії для діялектольоґічної клясифікації старо-руських рукописів«, Львів, 1906, с. 17—20. См. также его »Украинскую грамматику«, I, вып. 1, Москва, 1907, стр. 65.

лись также И. И. Срезневскимъ въ »Древнихъ пам. рус. письма и яз.« и »Славянорусской палеографіи«, болѣе же подробныя съ характеристикой правописанія и языка акад. А. И. Соболевскимъ въ »Очеркахъ изъ исторіи русскаго яз.«, ч. 1 (Кіевъ, 1884), стр. 1—8. Наконецъ и въ трудѣ Г. Воскресенскаго: »Древне-славянское Евангеліе. Евангеліе отъ Марка по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго евангельск. текста съ разночтеніями изъ ста восьми рукописей евангелія XI—XVI в.« мы находимъ на стр. 41 свѣдѣнія о Добриловомъ Еванг. съ указаніемъ литературы по изученію его. Отрывки изъ этого памятника печатались въ Исторической Христоматіи Буслаева (стр. 57—61) и въ »Палеограф. описаніи греч. рукописей«, т. II (Москва, 1880), стр. 37—39. архим. Амфилохія (ср. Г. Воскресенскаго op. cit. 41).

1. Іоанна гл. IV, 14 въ греч. текстѣ по Синайской, Ватиканской и друг. рукописямъ читается: *ἀλλὰ τὸ ὕδωρ ὃ (ἐγὼ) δώσω (αὐτῷ) γενήσεται ἐν αὐτῷ πηγὴ ὕδατος ἁλλομένου εἰς ζωὴν αἰώνιον*[1]. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ словянскихъ глаголическихъ памятниковъ — Зографскомъ Ев. это мѣсто передано такъ: **нъ кода ѭже азъ дамь емоу· бѫдетъ вь немь | істочьникъ кодꙑ кьслѣ плѫштѫѭ въ жикотъ вѣчьнꙑ·** (л. 233, стр. изданія акад. И. В. Ягича 141). Такъ какъ по смыслу здѣсь долженъ быть род. ед. ч., согласованный съ ф. **кодꙑ**, какъ переводъ греч. *ἁλλομένου*, то очевидно, въ Зогр. ев. въ формѣ **кьслѣплѫштѫѭ** окончаніе **-ѫѭ** стоитъ вмѣсто **-ѧѩ** по »болгарскому способу«, какъ на это указалъ уже Ягичъ (Prolegomena, XX). Но правильнее чтеніе **въслѣплѭштѧѩ** находимъ въ другомъ глаголическомъ текстѣ — Ассеманіевомъ или Ватиканскомъ (см. изд. Рачкаго 1865 г., стр. 25, изд. Черничча 1878 г., с. 24). Это выраженіе изъ древнихъ старословянскихъ текстовъ проникло и въ памятники болгарской и сербской редакцій. Такъ, въ болг. Карпинскомъ XIII в., вообще отличающемся стариною, **кьслѣплѧщѫ** (Амфил. Четв. Галицк. II, 644), въ болгарскомъ Добрѣйшовомъ Четвероевангеліи XIII в., изданномъ подъ редакц. проф. Цонева въ I книгѣ »Български Старини« (София 1906), находимъ тоже **кодꙑ въслѣплѧщѧѩ** (см. стр. 196); въ болгарско-македонскомъ Добромиров. Ев. XII в. **кодѣ кьслѣблѧщѧѩ** (V. Jagić, Evangelium Dobromiri, Wien, 1898, I, 57, II, 14); въ болг. Трновскомъ Ев. XIII в. — **въслѣплѧщѫ** (M. Valjavec, Trnovsko tetrajevandelije, Starine XX, 215, XXI, 46). Въ старѣйшемъ представителѣ,

[1] Tischendorf. Novum test. sinaiticum. Lipsiae 1863, p. 49*, N. t. Vatic. L. 1867, p. 120, 5—6. Тоже и въ столномъ маломъ изданіи Lipsiae 1881.

по мнѣнію проф. М. Н. Сперанскаго[1]), сербской боснійской группы памятниковъ или, по выраженію ак. А. И. Соболевскаго, »боснійскаго извода«, знаменитомъ Мирославовомъ евангеліи XII в. это мѣсто читается такъ: **нь вода юже азь дамь ему· боудеть вь немь источникь воды вьслѣплюще вь животь вѣчьны**[2]). Съ измѣненіемъ согласованія, т. е. съ отнесеніемъ причастія глаг. **въслѣпати** не къ слову **воды**, а къ слову **источникъ**, при томъ еще въ ф. вин. ед. вмѣсто ф. имен. ед., тоже выраженіе находимъ съ сербскомъ Вукановомъ (ок. 1200 г.), гдѣ читается **вьслѣплещь** (съ указаніемъ на оригиналъ, имѣвшій по болгарски **ѧ** вмѣсто **ѭ** послѣ **л**), иначе въ Сверлижскомъ (ок. 1279 г.), гдѣ — **въсхлеплющъ** (Г. Ильинскій, Сверлижскіе отрывки, с. 8, 25, отд. отт. изъ »Статей по славяновѣдѣнію«, издав. подъ ред. ак. В. И. Ламанскаго, II). Конечно, и въ Никольское евангеліе XIV—XV в., изданное Даничичемъ въ 1864 г., являющееся однимъ изъ типичнѣйшихъ представителей боснійскаго письма, это интересное выраженіе въ ф. **вьслыплюштее** попало изъ болѣе древнихъ текстовъ этой группы, подобныхъ Мирославову.

Когда ак. Ягичъ писалъ свои обширныя примѣчанія къ издаваемому имъ Маріинскому Четвероевангелію (въ 1883 г.), онъ могъ указать, что »замѣчательное и старинное слово« уцѣлѣло еще въ Зогр. Асс. Ник. ев.[3]). Теперь наши свѣдѣнія относительно распространенности его гораздо шире. Изслѣдованія о языкѣ различныхъ евангельскихъ и другихъ библейскихъ текстовъ, каковы труды Воскресенскаго, Валявца, Вондрака, Облака, Стояновича, Поливки, архим. Амфилохія и самого ак. Ягича[4]), значительно увеличили число примѣровъ употребленія его въ древней словянской письменности, показавъ, что въ промежуткѣ времени, раздѣляющаго написаніе Зографскаго и Ассеманіева еванг. съ одной стороны (XI в.) и Никольскаго (XIV—XV в.) съ другой, является цѣлый рядъ памятниковъ болгарскихъ и сербскихъ, знающихъ это слово. Въ многихъ другихъ текстахъ замѣнено оно болѣе понятными писцамъ глаголами **истѣкати**[5]), **тешти**, **въходити** или ***въсходити**, какъ

---

1) Мостарское (Манойлово) боснійское евангеліе, Варшава 1906, с. 3.

2) За сдѣланную по моей просьбѣ выписку этого мѣста по фотогр. изд. Миросл. Ев. въ б-кѣ Харьковск. унив. приношу глубокую благодарность проф. С. М. Кульбакину.

3) Маріинское Четвероеванг., с. 470.

4) Въ особенности его »Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslav. Sprache«, II, S. 61, 64 и слѣд.

5) **истѣкаѭщїаѩ** Остром. (изд. Савинкова л. 30г), по изд. Востокова —**аѩ**; **воды̀ те́кѫщїѫѧ** . . . . . въ среднеболг. XIV в. б-ки Новорос. Унив. No. 29 (Григор. No. 7); **водъı текоущїа** Гал. 1144 г., какъ и во многихъ XIV—XVII в. (Амфилохій, Галичское Четвероев. 1144 г., т. II, 644).

догадывается Ягичъ (Мар. Четв. 470: **кодꙑ· въходаща ...... вмѣсто късх—**), **късканати** (Zur Entst. II, 64), **искакати** (Šafařík, Über den Ursprung und die Heimath des Glagol., 41, рус. пер. 50); многочисленные варіанты (Ев. Арх. 1092 г., Сумон. 1270 г., Нов. Зав. Алексія Митр.) см. у Амфилохія, Четвероев. Гал. II, 644.

Прежде чѣмъ перейти къ тому чтенію, которое предлагаетъ въ данномъ мѣстѣ Добрилово Ев., сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу этимологіи занимающаго насъ слова. Какъ извѣстно, глаголы **късլѣпати, слѣпати** передающіе греч. *ἅλλεσθαι*, лат. salire, родственны съ другими старослов. глаголами — **слъпати, сльпати** (v. Miklos. L. P., **късльпѣти** (ibid., также Šafařík, op. c. 41), представляющими болѣе слабую степень вокализаціи, а также и со ст. слов. **слапъ** »fluctus« (Mikl. Lex. P.), чешск. *slap* »Wasserfall«, *slapy moře* »die Gezeite des Meeres« (Šumavský-Rank), словѣнск. *slâp* »Wasserfall« (Pleteršnik). Очевидно, здѣсь мы имѣемъ индоевроп. к. **selp-* (ст. сл. **слѣп-**), въ чередованіи съ **salp-* (ст. сл. **сльп-, слъп-**) и съ **solp-* (ст. слов. **слап-** [1]. Первый и послѣдній виды корня въ русскомъ яз. должны имѣть полногласную форму, которую и имѣемъ въ малорус. **солопити язика** (Пискуновъ), **высолопить** »высунуть«, что какъ »причинное« (каузативное) къ медіальному **слѣпати** давно уже указалъ Потебня [2]), въ бѣлорусскомъ **солупáць, вы́солупиць** (Носовичъ) съ измѣненіемъ неудар. *о* въ *у*; эти формы предполагаютъ, какъ и южнословянско-чешское *slap-*, праславянское **solp-*. Возможно, что и малорусск. **селепи́тися** (»пристать«, »привязаться«), бѣлор. **селепáць** (»проворно черпать«, »хлебать«, »хлестать«) представляютъ отраженіе праслов. **sel̄p-* и имѣютъ, такимъ образомъ, не »третье«, какъ предполагаетъ, повидимому, акад. А. А. Шахматовъ [3]), а первое полногласіе, т. е. являются по формѣ (съ варіаціей, однако, значенія) прямымъ соотвѣтствіемъ старословянскаго **слѣпати**. Праслов. **sьlp-*, **sъlp-* (изъ и. е. **sl̥p-*), откуда праруск. **sъlp-*, мы имѣемъ, кромѣ выше указанныхъ старослов. формъ, въ малорус. **со́вп** (»рыболовная сѣть«), сербск. **сȗп** (»родъ рыболовной изгороди« [4]. Индоевроп. к. **selp-*, **sl̥p-*, вѣроятно, представляетъ праязычное распространеніе того и. е. **sel-*, **sal-*, котор. мы имѣемъ въ ст. слов. **сълѭ — сълати**, др. инд. *prá-sulati* (»выталкиваетъ«,

1 Срав. Miklos. Et. Wb. и Meillet, Les alternances vocaliques en vieux slave. 377 (Mémoires de la Soc. de Linguistique. t. XIV).

2 Къ исторіи звуковъ русск. яз., 1876 г., с. 206.

3 Къ исторіи звуковъ русскаго яз. О полногласіи и нѣк. друг. явлен. С.Пб. 1903, стр. 96, 132.

4 Шахматовъ, ibid. 96, 132.

греч. ἅλλομαι [1]). Является лишь темный вопросъ, въ какомъ отношеніи къ этому корню находятся ст. словянскія формы **исхльпати, исхлъпати** [2]) (Miklos. Lex.: **источьникъ исхльплѥ** Мин. Миханов. XVI в.), **въсхлѧпати** (—**плѭ**) »ἅλλεσθαι«, »salire«; послѣднее особенно любопытно потому, что употреблено въ нѣкоторыхъ памятникахъ въ томъ же значеніи и въ той же евангельской цитатѣ, а именно въ одномъ изъ памятниковъ русскаго письма по рукописи Румянц. Муз. XIII-го в. (до 1300 г.), Обиходѣ церковномъ, описанномъ Востоковымъ, находимъ J. IV. 14: **источьникъ водꙑ въсхлѧплющь к животѣ вѣчьныи** (этотъ примѣръ см. у Миклошича Lex. P., полнѣе у Срезневскаго, Матеріалы для словаря др. рус. яз.); конечно, это же самое слово имѣемъ мы и въ выше указанномъ **въсхлеплющїъ** сербскаго Сверлижск. еванг., гдѣ слѣдовательно правильно **е** замѣняетъ по-сербски **ѧ**, а не **ѣ**. Я позволю себѣ сдѣлать догадку, что к. **хлѧп-** (праслов. *$\chi lęp$-), можетъ быть, родственный съ к. **хльп-** (праслов. *$\chi lьp$-), не имѣетъ никакого родства съ праслов. *selp-, *sьlp-, — по крайней мѣрѣ мы не располагаемъ данными для возведенія ихъ къ одному прототипу, и на словянской почвѣ они совершенно различны, — но что близость значенія ихъ вызвала возможность смѣшенія и употребленія второго (**хльп-, хлѧп-**) вмѣсто перваго (ст. слов. **слѣп-, сльп-**).

Что же находимъ мы въ данномъ мѣстѣ въ Добриловомъ Еванг. 1164 г.? Тамъ читаемъ: **нъ вода юже азъ дамь ѥмоу боудеть въ нѥмь источьникъ водꙑ· чреплющю къ животъ вѣчьнꙑи·** л. 22г. Это чтеніе даетъ не только новое указаніе на то, что и въ Россію проникали тексты, знавшіе древнее слово **слѣпати** [3]), ибо **чреплющю** есть несомнѣнное искаженіе болѣе древняго ***слѣплющю**, вѣроятно, не понятаго писцемъ, не привыкшимъ къ такому выраженію въ евангельскихъ текстахъ, но и на то, что подлинникъ, съ котораго списывалъ дьякъ Добрило или его предшественникъ, имѣлъ, подобно Зографскому евангелію, въ данномъ примѣрѣ замѣну буквы **ѧ** послѣ **щ** буквою **ѭ** или **ж**. Интересная изобрѣтательность писца (самого ли Добрила, или одного изъ его предшественниковъ?) сказалась въ томъ, что онъ по своему осмыслилъ непонятное ему и искаженное, благодаря замѣнѣ буквою **ю** неправильно поставленнаго какимъ-то болгарскимъ пред-

1 Ф. Ѳ. Фортунатовъ, Лекціи по сравнит. фонетикѣ, изд. 1899 г., стр. 59. K. Brugmann, Kurze vergl. Gramm. 1902, I, 132 (§ 198).

2) Dr. Wenzel Vondrák, Vergl. slav. Grammatik, I (Göttingen, 1906), 361.

3) Что это слово вообще, т. е. въ другихъ книгахъ священ. писанія, было извѣстно и на Руси, достаточно доказано примѣрами въ Матер. для слов. др. рус. яз. И. И. Срезневскаго.

шественникомъ ж вм. ѧ, выраженіе, понявъ его именно какъ ф. дат. ед. причаст. наст. муж. р. отъ глаг. чрѣпати »haurire«, при чемъ русскій писецъ, какъ это обычно въ др. русскихъ памятникахъ, особенно въ ц.-словянскихъ формахъ, соотвѣтствующихъ русскимъ полногласнымъ, замѣнилъ старослов. ѣ буквою *е*. Замѣтимъ, что видъ корня праслав. **čerp-*, извѣстный въ ст. слов. ф. почрѣти, sup. почрѣтъ (Jo. IV. 7 Зогр. Мар. Остр.), чрѣпати, отмѣченномъ Миклошичемъ (Lex. Pal. из сербскихъ и русскихъ спискахъ, въ сербск. дубровницкомъ црѐпати — црѐпљем, въ бѣлорусск. черéпаць, черепáшка (»черпало«), кажется, менѣе обыченъ, чѣмъ **čьrp-*, отражающійся въ старосл. чръпати напр. Jo. IV. 15: прихождѫ почрѣпатъ Ассем. Мар. Зогр., — почьрьпатъ Остр., изд. Савиник. 30[г]), сербск. цр̀пати, цр́псти, русскомъ чéрпать и т. п. Писецъ Добрило или его предшественникъ (русскій или сербъ, повидимому, понималъ данное мѣсто такъ: »но вода, которую Я дамъ ему, будетъ въ немъ источникомъ воды черпающему (или для черпающаго) въ жизнь вѣчную«. Давая такое объясненіе данной ф. Добр. ев., я расхожусь какъ съ толкованіемъ ак. А. И. Соболевскаго, предположившаго еще въ 1884 г. (»Очерки изъ исторіи русск. яз.«, с. 7, что въ чрепл̑ющю конечное *ю* вмѣсто *ѣ* (послѣднее есть правильн. оконч. ф. род. ед. женск. р. въ древнерус. яз.), такъ и съ мнѣніемъ ак. А. А. Шахматова, понимавшаго здѣсь букву ю въ знач. звука *ö* (»Изслѣдованія въ области русской фонетики« 1893 г., стр. 51).

Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось навести справокъ, встрѣчается ли подобное чтеніе въ какомъ либо другомъ евангельскомъ текстѣ, кромѣ тѣхъ данныхъ, которыя имѣются у Амфилохія въ II т., стр. 644, его »Галичскаго Четвероевангелія«. Словарный составъ Мстиславова Ев. до 1117 г., одного изъ самыхъ выдающихся памятниковъ древнерусской письменности«, по выраженію проф. Е. Ѳ. Карскаго (Особенности письма и языка Мстислав. еванг., Варшава, 1895, с. 1), составляетъ содержаніе неизданнаго еще труда Невоструева, въ спискѣ же словъ, отмѣченныхъ Карскимъ въ его статьѣ стр. 22—23, мы интересующаго насъ слова не находимъ. Такимъ образомъ, чтеніе Добрилова Ев., приведенное въ числѣ варіантовъ и отцемъ Амфилохіемъ безъ особыхъ объясненій, остается пока одинокимъ и въ числѣ другихъ русскихъ списковъ особенно замѣчательнымъ.

Одесса. 31 XII. 1907.
13. I. 1908.

Б. Ляпуновъ.

О аутору и узору Славено-сербског Магазина од 1768 год.

Славено-сербскій Магазинъ требаше да буде периодично издање. У предговору прве свеске се наговешћује, да ће шест свезака чинити један том који ће добити свој регистар. Ту се изриче нада, да број купаца »чаятельно будетъ съ времени на време великимъ«. Али је год. 1768 у Млецима изашла само прва свеска првога тома; даљим свескама није се досад ни траг нашао. Нема сумње, Магазин је, због несташице претплатника, престао излазити.

О идејама које су кретале овај први српски, па и први југословенски журнал, о смеру и задатку му довољно смо обавештени из опширнога Предисловија прве свеске[1]). То је био за своје доба напредан журнал, за српску књижевност, управо, необична појава. Овим књижевним издањем је књижевност православних Срба, која је дотле вековима пливала струјом византиске теологије, а после Велике Сеобе (1690) ударила током руске схоластике, једним махом, искочила на видик књижевних и културних идеја остале Европе. Додир и веза са савременом западном науком и књижевношћу се из Предисловија сасвим јасно види. Стога је и штета, што је Магазин с првом свеском престао излазити. Очигледно српска публика у Карловачкој Митрополији није још била спремљена за овако модеран журнал, те га није довољно потпомагала.

Заметак Славено-сербског Магазина завијен је у неку тајанственост. Непосредно, или бар поуздано, нисмо ни до данас знали, ко му је покретач и уредник. На насловном листу нема никакога обавештаја о том; чита се само толико, да је штампан у млетачкој штампарији Димитрија Теодосијева. Под Предисловијем нико није потписан. У књизи се на неколико места појављује редакција под сасвим неодређеним »мы«, али какога имена не налазимо нигде. Оно што из Предисловија, пак, о

1) Види о том моје дело Српска књижевност од Велике Сеобе до Доситеја Обрадовића, Карловци 1905, стр. 83—89.

редакцији дознајемо само нас још више збуњује, и све се чини, као да се на то и ишло.

Ту се, дакле, вели, да су се скупили »у весьма маленкомъ и третьегъ не превосходящемъ числу« и да су »таковъ уставъ измежду себе положили«, да издају на штампу »сочиненія и преводы о разныхъ матеріяхъ«, које ће српском друштву бити од користи. О личним односима ове тројице дознајемо још ово: »имаюћьи свакій отъ насъ свою домашнію Экономію«, веле, не могу сами, својим радовима, напунити Магазин, стога позивају и остале књижевнике на сарадњу. На другом месту правдају штампарске грешке »за далекимъ нашимъ отъ Типографіи отсутствіемъ«. Ето то је све што из самога журнала дознајемо о редакцији.

Па ипак, у нашој науци се већ одавно тврди, да је издавач и уредник Магазина Захарија Орфелин. Први је то одлучно тврдио П. І. Шафарик у свом делу *Geschichte der serbischen Literatur* (стр. 414, бр. 624). Име Орфелиново је Шафарик, као савестан библиограф, метнуо у заграду, чиме је хтео да обележи, да се оно не налази означено у наслову дела, него је за њ сазнао с друге стране. Стојан Новаковић је у Српској Библиографији (1869) Шафарикову белешку о Магазину у целини пренео (бр. 41). Никола Андрић, који је у својој *Prijevodnoj beletristici u Srba od god. 1777—1847* (1892) први рекао неколико похвалних речи о Магазину, ни не сумња, да он није Орфелинов.

С друге стране, и у Карловцима се мислило, да је Магазин Орфелиново дело. На примерку што се налази у Митрополиској Библиотеци у Карловцима стоји написано руком митрополита Стратимировића, да је аутор Магазину Орфелин[2]. Кад је Стратимировић ово записао и откуда је знао за тај факат, није познато. Али, ако је Орфелин заиста био издавач првога журнала, то се могло знати у Карловцима, где је Орфелин, као одрастао човек, већину својега века провео. А Стратимировић је, као свршен правник, отишао у Карловце, у дворску службу, год. 1783, дакле, још за живота Орфелинова, још за бављења му у Карловцима и околини им, у фрушкогорским манастирима. Могао се, према том, из прве руке обавестити о Орфелиновим књижевним делима.

Откуда Шафарик зна за аутора Магазина? О том он сам не даје рачуна. Али се унапред може мислити, да Шафарик неће нешто

2) [illegible] Г. Дим. Руварац у Споменику Срп. Краљ. Академије X стр. 81. [illegible] Николе Чупића XIII стр. 277. У свом поме[illegible] на стр. 89: »З[illegible] немам доказа ни против ове тврдње ни [illegible] Шафарик и Стратимировић добро обавештени«.

од ока тврдити. Он је о ауторству Магазина могао дознати и у Карловцима, може бити од самога Стратимировића (овај је умро 1836, а Шафарик је био професор у Новом Саду од 1819—1833). Али ово није вероједно, а то мислим због тога, што Шафарик у свом делу *Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten* (1826) спомиње Орфелина (стр. 218) и наводи му књижевне радове, али међу њима нема Магазина, шта више, за овај журнал он тада још ни не зна. Него мислим, да је Шафарику за ауторство Магазина извор Хорањи, који је први тврдио, да је Орфелин издавач Магазина. А Шафарик наводи Хорањија као својега извештача не само у бијографији Орфелиновој него и у библијографиском одељку своје Историје Српске Књижевности.

Дело Алексија Хорањија († 1809) *Memoria Hungarorum et Provincialium scriptis editis notorum* [3]) ни до данас није изгубило вредност за историју књижевности. Родољубивог мађарског пијаристу је тиштао прекор странаца, да су Мађари заостали у наукама иза других народа, па је хтео великом збирком од 1155 бијографија да им докаже, да Мађари имају књижевника и научника. Стога је 1770 год. отишао у Млетке и издао план (Prodromus), а потоње четири године је провео у Њитри, Тати, Пешти и Будиму, купећи податке за своје велико дело. Кад се оно појавило, похиташе многа немачка учена удружења да га изаберу за својега члана [4]).

У Хорањијеву делу добише места и многи Срби, рођени у Угарској, Славонији и Хрватској, међу њима и Орфелин [5]). Хорањи први тврди, да се Орфелин родио у Вуковару 1726 године, да је самоучки присвојио многе науке и језике и да »opuscula patrio sermone diversa Venetiis in lucem emisit«. Наслове дела Орфелинових наводи у изворном језику, транскрибовано латиницом, и у латинском преводу. Види се лепо, да је Хорањи добро обавештен о Орфелину, јер он и то зна, која дела Орфелин спрема за штампу. Вели: »Prelo subiicere parat cl. Auctor bina opuscula«, па им наводи и наслове [6]). Бијографију завршује с напоменом: »Auctori figere domicilium placuit Carlovicii, quod Illyricae gentis Metropolitae sedem praebet« [7]). Из оваких поједи-

3) У три књиге, Беч 1775—77. Год. 1786 је Хорањи дело наставио, али је (у Пешти 1792) изашла само I кн. (од А—С) под насловом *Nova Memoria Hungarorum.*

4) Szinnyei József, *Magyar írók élete és munkái,* Budapest, 4 књига (1896), стр. 1070 s. v. Horányi Elek.

5) Pars II, стр. 705—708. Код Шафарика се наводи III књига, што је грешка.

6) *Prawoslawnoje Sobornüja Apostolskija i Jerusalimskija Gretscheskagho Zakona nije (! Tzerkwe Ispowjedanije* etc. — *Traktat o Jedinstwje Tzerkwei.*

7) Први је из Хорањија црпао податке о Орфелину Friedrich Wilhelm von Taube

ности изводим, да је Хорањи ове податке добио од самога Орфелина. Признајем, да не знам, где је дошао до њих и кад (оних година кад је Хорањи своје дело радио, био је Орфелин у Карловцима), да ли их је добио преко писма или наустице, али сам уверен, да они потичу од самога Орфелина. Друкчије се детаљност и интимност Хорањијева извештаја не може разумети.

И Шафарик је тако мислио. Он је, истина, некоје податке о Орфелину и сам дознао и у свом делу их додао Хорањијевим подацима. Већину Орфелинових књижевних дела, па неке и од оних које Хорањи не помиње, он је имао сам у рукама. Стога се он при опису Орфелинових књига и не позива свагда на Хорањија. Нарочито пада у очи, да се код Магазина (*Gesch. d. serb. Lit.* бр. 624) не позива на њ. То је отуда, што се он позива на Хорањија само код оних дела Орфелинових која или сам није имао у рукама или код којих му је ауторство, због анонимности, било сумњиво[8]. Али не може бити двоумице, да је он по Хорањијевој сведоџби Орфелина прогласио за аутора Магазина.

Зашто Орфелин није назначио, да је он издавач првог српског периодичног издања? Чини се, да он баш замеће траг, наводећи у Предисловију, да њих тројица издају Магазин. Узрок овој мистификацији није познат. Факат је само то, да он, који се на својим бакрорезима свагда потписује, сва своја важнија дела издаје анонимно; а кад у Вечном Календару (1783) признаје, да је он аутор овога дела, у Предисловију сам себе проглашује — за мртва. Самом скромношћу или особењаштвом, мислим, не може се објаснити овај чудан поступак Захаријин.

Ако је слободно нагађати, ја бих рекао, да се Орфелин у својим књижевним радовима крио због сиротиње. Као јадник и бедник, он се осећао зависним на све стране, а врло добро је осећао и знао, да средина у којој је живео није марила у опће за људе који се истичу, камо ли за људе његових идеја. Он је био рационалист, знао је цену световној

у свом делу *Historische und geographische Beschreibung des Königreichs Slavonien und des Herzogthums Syrmien*, II књига Leipzig 1777) стр. 17. По Хорањију и Таубе наводи, да је Орфелин аутор дела: *Slavonisches Magazin* 1767 (место 1768) и *Leben und Thaten Peters I.* 1762. — Чудновато је, да Чапловић у свом делу *Slavonien und zum Theil Croatien*, II књига 1819), на стр. 293 говори о Орфелину, али не зна, да је он аутор Магазина. Чапловић у опће мало зна о Орфелину; Магазин, пак, нигде ни не спомиње. У Магазину за художество, књижество и моду 1839 год. наводе се на стр. 28, 32 Орфелинова дела, али међу њима нема Магазина.

8 Шафарик сумња (бр. 677), да је Житіе и славныя дѣла Государя Император. Петра Великаго дело Орфелиново, те стога прво побија Taube-a, па онда спомиње Хорањија, а требало је обратно чинити, јер је Taube црпао из Хорањија.

науци, истицао је, шта више, вредност природних наука. Он је био у своје доба оно и онакав, као што вели пок. архимандрит Руварац, »да би га данас, кад би нешто оживео, звали и називали народњаком, антиклерикалцем, или простије радикалом«[9]). Средина, пак, у којој се он кретао (а то су биле епископске резиденције и манастири) и од које је, као сиромашан човек, зависио, била је одлучно противна слободнијим мислима. У српском друштву доминирало је онда калуђерство, и то калуђерство балканскога типа, дакле без науке и конзервативно до крајности, калуђерство које је своју владу над духовима оснивало на незнању, калуђерство онако како га је приказао Доситеј Обрадовић у својој автобијографији 1783 године[10]). У такој средини је Орфелин, који и иначе није имао много грађанске храбрости, смео да се декларира за аутора само у својим богословским делима. И на тако невиним стварима, као што је, на пример, Мелодія къ пролетью (1764) он се потписује само »З. О.«.

У нашој науци није расправљано питање, да ли је Захарија Орфелин имао за овај Магазин каки узор пред очима. У својој Српској књижевности од Вел. Сеобе до Доситеја Обрадовића (стр. 90) рекао сам, да нас многи знаци упућују, да извор чланцима у Магазину треба тражити у Русији. После тога сам нашао нових података, којима ће се, мислим, моћи решити питање, на што се угледао Орфелин кад је издавао Магазин.

До нових података сам дошао год. 1905 у лето, кад ми се дала прилика, да у Митрополиској Библиотеци у Карловцима добијем на преглед заостале књиге Орфелинове књижнице. Књиге је Орфелин означио текућим бројевима. На жалост, није цела књижница му сачувана, као што се види по тим бројевима; сад је последњи број 179, али 76 бројева недостаје, те је, према том, сачувано свега 103 нумерисане књиге, а уз њих још десетак ненумерисаних.

Разгледајући ове остатке Орфелинове библиотеке, дивио сам се и множини књига, и многостручности садржине им, и разноврсности језика у њима. У средини XVIII века је оволика библиотека морала много новаца стати, нарочито кад међу књигама има добар део дебелих фолијаната. Човек који је целога века скомрачио, па је ипак толико књига прибрао, мора да је искрено љубио науку.

Међу књигама се налази и неколико томова и свезака (без текућега броја) руског журнала Ежемѣсячныя Сочиненія, који је покренуо

9) *Montenegrina*, I издање стр. 19.

10) Види о том моју књигу Доситеј Обрадовић у Хопову, нарочито 6, 7, 13 и 14 главу.

и уређивао академик и вредни историк руски Федор Ивановић Милер. То је прво периодично књижевно-научно издање на руском језику. Свакога месеца је излазила по једна свеска у 8-ни; шест свезака чине један том, дакле је сваке године изашло два тома; свака свеска на крају има Оглавленіе а сваки том добије Реестръ достопамятнымъ вещамъ находящимся въ .... послѣднихъ шести мѣсяцевъ такоъ 1760 год.). Журнал је почео излазити год. 1755, као издање Руске Академије у Петрограду, и зване се прво Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія. Од год. 1758 је наслов: Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія, а последње две године излажења му, т. ј. 1763 и 1864: Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ. Свега је изашло од 1755—1764 год. двадесет томова. На овом журналу Руске Академије су радили сви савремени знаменитији писци. Примали су се и преводи. Добар део чланака су преводи са шведског, немачког и француског језика, и то из сличних популарних журнала и магазина. Белетристике има мало[11].

У Орфелиновој књижници сам нашао потпуне томове Ежемѣсячныхъ Сочиненій ове: за год. 1760 II, за 1761 II, за 1762 I, за 1764 I и II; осим тога имају од 1761 год. свеске за април и јул и од 1762 год. свеске за август, септембар и октобар. Али је он, по свој прилици, имао све томове рускога журнала. У свом делу о Петру Великом[12]) позива се он на I том за 1760 год. (у I књизи, стр. 13 под звездицом) и на II том за 1763 (II књ. стр. 288), а међу изворима за то дело наводе се на првом месту: »Ежемѣсячныя Сочиненія 20 томовъ«. Како је Орфелин дошао до овога руског журнала, није познато.

Један поглед на брошурану свеску рускога журнала доста је, да увери о великој сличности њеној са Магазином. И формат, и наслов, и поједини технички изрази, и распоред, па чак и хартија и штампарска израда — све у Магазину живо подсећа на Ежемѣсячныя Сочиненія, као да је штампар, израђујући српски журнал, имао непрестано пред собом руски. У Орфелиновој библиотеци се међу свескама рускога журнала нашла и прва свеска Магазина, па и ова заједница, чини ми се, није случајна.

11 Г. Шмурло, у Енциклопедији Брокхауза-Ефрона s. v. Ежемѣсячныя сочиненія и Миллеръ. — П. П. Пекарскій, Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ (Записки Имп. Акад. Наукъ, томъ XII, No. 5).

12 Да је и ово дело, и ако на обичним издањима нема назначено име писца, Орфелиново, види се већ из тога, што и њега Хорањи l. c. наводи као Орфелиново. Дим. Руварац је у Јавору за 1887 год. (стр. 151, 167) другим путем доказао, да је ово дело Орфелиново.

Што ми се на први поглед само чинило, то се после, при поређењу, показало као тачно. Онај део наслова у Магазину, који му тумачи садржину, од речи до речи је једнак са делом наслова у руском журналу који му одговара. Наслов српског журнала гласи: »Славено-сербскій Магазинъ, то есть: собраніе разныхъ сочиненїй и преводовъ, къ пользѣ и увеселенїю служащихъ« [13]). Наслов последњег одељка у њему гласи: Извѣстія о ученыхъ дѣлахъ. И на крају прве свеске српскога журнала има Оглавленіе, а у Предисловију се обећава, да ће се на крају шесте свеске додати »реестръ достопамятнымъ вещамъ содержаватисе имущимъ у оныма шестымъ частямъ«. Ово су све така подударања која не могу бити случајна.

Кад смо тако ушли у траг угледању, требало би и даље испитати, није ли у Магазину пренесен који чланак или позајмљена која мисао или идеја из руског узора. На жалост, овај задатак не могу до краја извести, јер ми нису при руци свих 20 томова Ежемѣсячныхъ Сочиненій. А на основу томова и свезака који се налазе у Орфелиновој библиотеци могу тек нешто констатовати.

Од свих девет одељака у Магазину само у деветом је један комадић прештампан из руског журнала, и то бијографија Теофана Прокоповића (стр. 89—95) из свеске за октобар 1761 год. (стр. 314—320) [14]). Приказујући једно српско богословско дело [15]), Орфелин препоручује Прокоповићево дело »Краткая сказанія, I о Бозѣ, II о Божіемъ промыслѣ, III о Законѣ Божіи« и том приликом наводи живот знаменитог руског јерарха. Орфелин не наводи извор, него (на стр. 88) тако приказује ствар, као да му је ову бијографију сам Милер послао [16]). Је ли то опет мистификација, или је Орфелин имао одиста везе с Милером? На

---

13) У Шафарика наслов није сасвим тачан. Код њега је »Магацинъ« место »Магазинъ«, »т. е.« место »то есть«, »разлычныхъ« м. »разныхъ«, »къ ползѣ« м. »къ пользѣ«, »въ тип. Дим. Өеодосія« м. »Въ Типографїи Славено-Греческой благочестивой Димитрїя Өеодосїева«. Интерпункција је у наслову такођер нетачна. По овим нетачностима би се могло мислити, да Шафарик није сам имао књиге у руци, него да је наслов и опис Магазина од некога добио. И цео чланак Хорањијев о Орф. мора да је добио у препису, кад на неколико места погрешно наводи III књ. Хорањијеву, место II.

14) У свесци за јул 1761 год. започет је чланак »Краткія извѣстія о началѣ Новгорода« итд. Чланак иде кроз четири свеске, довршен је у октобру под насловом »Продолженіе о дѣлахъ новгородскихъ«, и ту је унесена бијографија Т. Прокоповића.

15) Епитом Дијонисија Новаковића (о том види Веља Мирослављевића чланак Српске вероучевне књиге бр. 3, отисак из Богословског Гласника IV).

16) »Извѣстїя о овомъ несравненномъ Архипастырѣ мы лучшега подати незнамо, кромѣ что мы хотѣли поставити овдѣ отъ слова до слова Извѣстїе, кое Имп. Санктпет. Академїи наукъ Професоръ и Конференцъ-Секретаръ Господинъ Миллеръ намъ сообщити хотео«.

то питање ће моћи одговорити они руски научници који могу доћи до портфељâ академика Милера. Милера спомиње Орфелин с похвалом и у својем делу о Петру Великом [17]).

Текст бијографије Прокоповићеве Орфелин није дирао, али је на језику и правопису погдешто мењао. Он мење, на пример, место говорить, досталась »говорити, досталася«, место какъ бы »како бы«, место передъ, города »предъ, града«, место для того »ради того« [18]. Руско писање Голландію мења на »Холландію«. Нешто је Орфелин и додао. Додао је у напомени на стр. 94 списак Теофанових дела и на стр. 95 напомену литерарно-историске садржине. Кад је на једном месту споменута Екатерина Алексејевна, додао је Орфелин у заграде »прва«. Из свих ових измена се види, да је Орфелин тежио, да руски књижевни језик приближи српском или бар црквено-словенском, који је нашој читалачкој публици био познатији, и да је хтео допунама да српском читаоцу дода оно што је руски читалац знао или до чега је лако могао доћи.

Осталих чланака Магазина нема у томовима и свескама руског журнала које се сад налазе у Орфелиновој библијотеци. Напомињем мимогред, да је проф. Павле Поповић нашао, да пети чланак у Магазину: »Писъмо Ахмета сына Солиманова къ младому Али, сыну Ибраимову« потиче из руског превода А. Нартова који је обављен год. 1758 [19].

Али ако више нема целих чланака, има појединих мисли и идеја које су потекле из журнала Руске Академије у Магазин. У свесци Ежемѣсячныхъ Сочиненій за јануар 1762 год. у чланку »Извѣстіе о новомъ періодическомъ сочиненіи« и т. д. говори се о делу Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія које треба да излази свака три месеца. Неке мисли у том Извѣстію живо подсећају на некоје мисли у Предисловију Магазина. Орфелин није преводио од речи до речи, него је појединe мисли, као градиво, слободно употребио. Ради бољe илустрације изнећу напоредо текст руски и српски.

17 У предгогору напомиње, да се користио Милеровим радовима на руској историји. На стр. 70 у напомени вели за Милера: »мужъ въ россійской исторіи безприкладнаго искусства«. У предговору у подужој напомени под линијом описује Петроград, па вели, да тај извештај има »отъ нѣкоего моего пріятеля«. Није ли и ово мистификација?

18 Очигледно је штампарска грешка у години рођења Прокоповићева 1651 место 1681.

19 Срп. Књижевни Гласник, књ. XIV стр. 553. Проф. Поповић се при том позива на дело: В. В. Сиповскій, Изъ исторіи русс. романа и повѣсти I. ч. 1903 Изд. Отд. Имп. Акад. Наукъ.

Ежемѣсячн. Соч. за јануар 1762.

Еженедельныя и ежемѣсячныя сочиненія въ семъ вѣкѣ въ Англіи, Франціи а наипаче въ Германіи въ высокомъ числѣ въ свѣтѣ выходить стали; и безспорно что сей родъ малыхъ сочиненій великую пользу произвелъ; ибо отчасти матеріяли къ таковымъ сочиненіямъ избираемыми, отчасти краткостію оныхъ, привлечены къ чтенію и такіе люди, которые прежде никакого въ томъ удовольствія не находили. Не всѣ люди довольно времени къ чтенію большихъ книгъ имѣютъ, для выбранія изъ нихъ того, что въ нихъ есть лучшее; а еще меньше имѣютъ всѣ терпѣнія къ прочтенію пространныхъ сочиненій, хотябъ въ содержаніи оныхъ и особливое нѣчто обѣщаемо было. Краткость же седмичныхъ листковъ и мѣсячныхъ сочиненій нетерпѣливымъ читателямъ не только сносною показалось, по причинѣ раздѣленія разныхъ статей; но еще премѣною и различностію матеріи великое удовольствіе произвели, и охоту къ чтенію подкрѣпили и умножили. Сочинители таковыхъ період. листковъ избирали къ своему упражненію или Фисику и Экономію, или нравоученіе или напослѣдок Исторію . . .
. . . Правда что въ томъ числѣ находятся многія мелочи: но не меньше и то истинно, что находятся также и преискусныя сочиненія величайшихъ сего вѣка разумовъ; да и самыя Академіи или ученыя собранія, признали таковыя період. соч. найлучшимъ и найспособнѣйшимъ средствомъ къ изданію въ свѣтъ своихъ изысканій и изобрѣтеній. Что должно сказать еще о называемыхъ такъ магазинахъ, которые съ нѣсколькихъ лѣтъ въ Англіи, Франціи, Швеціи и Германіи выходить стали, и вездѣ изрядно приняты были?

Славено-серб. Магазин стр. 5—7.

Предъ садашньимъ вѣкомъ писана была свака матерїя не токмо по особъ, но и пространно тако, что една состояла не рѣдко у нѣколикихъ томахъ, ради чега многшїи, и самые они, кои умѣли по Латински, рѣдко могли свою удовольствовати охоту, за тимъ, что не свакому возможно было купити толикогъ множества книгъ и о едной матерїи, а о различныхъ и мыслити ньима было не можно. А садъ мудрые мужи на сматраютъ на собственную славу и похвалу, кою первые отъ пространныхъ и глубокихъ своихъ Сочиненїяхъ толико жадно себи ожидавали, но стараютсе что бы похвала ньнова состояла у пользы ближняго, и на тай конецъ полажутъ они крайнее свое прилѣжанїе у краткихъ колико возможно, и простыхъ сочиненїяхъ, что бы свакому охотнику книге ньнове имати, и читаюћьи не трудно разумѣвати возможно было. Они вѣровали, что и таковое средство не довольно умножити пользу общую. Они изъискивали способъ, како бы удовольствовати свакога у еданпутъ са свима онима матерїями, кое у разныхъ особенныхъ книгахъ находетсе, и по тому разногъ къ читанью требуютъ времене, что само отъ оныхъ чинено быти можетъ, коихъ званїе у томъ исто состоитъ. Они почели издавати у почтанске дне, на неделю и на мѣсецъ не велике книжке, подъ разными наименованїями; поставляютъ у ньихъ, смотрећьи по различїю читателей, различне матерїе, дабы свакъ, по своей склонности и охоты могао чимгодъ пользоватисе.

Они примѣтили, что читатель не чувствително наставлясе, кадъ у опредѣленное време получава не много Листова у еданпутъ; и ово наставленїе обыкновенно тврђье у нѣму укоренявасе, неголи великихъ и пространныхъ книгъ. Любопытство нѣгово при томъ свагда умножавасе, кадъ наступава време, у кое новый листъ, или нова часть таквогъ сочиненїя изъ Штампе изиђьи имаде. Рѣдко да бы тко не захотео онога читати; а ради краткости свое не можетъ оно ни кому досадити; и едва ли тко бацити хоћье изъ рукъ, не прочитавши отъ начала до конца. Чега више желити должно,

> кадъ свакій путъ ако и наимање ч.
> найдетсе унутра, чимъ свакій читател.
> по своему любопытству и охоты къ ма-
> камъ, удовольствованъ будетъ.

Основна мисао: корист од периодичних издања, са кратким чланцима разноврсне садржине, провлачи се и кроз руски и кроз српски текст. Психолошка аргументација је једна иста. Али је јасно, да је Орфелин мисли руского журнала прилагодио приликама и потребама српске књижевности. Кроз Орфелиново Предисловије осећамо, да се налазимо у почетничком стадију једне књижевности: нема још публике, интелигенција је слаба, не зна још своје дужности. Ту треба не само руковођења и упућивања, него и придржавања, као што се придржава мало дете кад полази ногом [20]).

У наведеном руском тексту на крају долази и реч **магазин** као назив за периодична књижевна издања разноврсне садржине. Лако може бити, да је Орфелин баш одавде узео назив својега журнала.

Орфелин говори на много места у Предисловију Магазина о академијама, о »союзныхъ собраніяхъ ученыхъ людей«. Колико је он био обавештен о научним удружењима својега доба, није ми познато. Али бих рекао, да он на овим местима у првом реду мисли на Руску Академију. Његове речи: »И ако такова сочиненія (периодична издања) по большой части союзные собранія ученыхъ людей издаютъ« (стр. 7), пристају сасвим згодно на Руску Академију и **Ежемѣсячныя Сочиненія**. У том истом смислу је речено и ово: »(Срби), лишавајућисе ученогъ собранія«, њих тројица се латише да издају **Магазин**.

На основу свега досадашњега разлагања, сматрам за доказано: 1) да је аутор **Славено-сербског Магазина** и писац Предисловија у њему Захарија Орфелин; 2) да је узор Магазину журнал Руске Академије **Ежемѣсячныя Сочиненія**.

Овим доказом је потврђено још једном важном чињеницом, да се књижевност православних Срба у Карловачкој Митрополији XVIII века почела развијати и да је стајала под утицајем руске књижевности [21]).

Нови Сад, 1 (14) јан. 1908. **Д-р Тихомир Остојић.**

20) На првој страни Предисловија Орфелин кори књижевнике што се не брину за необразовану публику, што не пишу за оне којима би требало дати »училищного млека«. Ова фраза подсећа на наслов једног Орфелинова катихисиса: **Апостолское млеко** (Споменик X, стр. 82). И ово би био један споредан доказ, да је Предисловије писао Орфелин.

21) Опширније о том утицају в. у мојој књизи **Српска књижевност од Вел. Сеобе до Доситеја Обрадовића** гл. 8, 9, 10, 12, 13, 14).

Носовкитѣ въ польския езикъ и ческиятъ прѣгласъ на вокала *а*.

I.

Досегашнитѣ опити да се обясни смѣсването на носовкитѣ въ польския езикъ не успѣха напълно да разрѣшатъ този тъменъ и много интересенъ въпросъ. Главно не можà да се докаже, какъ е станалъ прѣходътъ на праславянската носовка *ǫ* въ польското *ę* (**rǫka*—*ręka*). Очевидно тукъ е най-слабото мѣсто на всички до сега прѣдложени хипотези, и тъкмо поради това обяснението на цѣлия въпросъ като че ли почна изново да се замъглява. И наистина, ако почнемъ отъ проф. Потебня, който приемаше пъленъ съвпадежъ на двѣтѣ праславянски носовки въ една обща старопольска носовка *ą* — сетнѣ прѣминала въ *ǫ* и *ę* [1]), и свършимъ съ проф. С. М. Кульбакина, който почти сѫщо така приема че до XI—XII в. е имало една общопольска носовка *ą* (*'ą*), която послѣ се диференцирала въ *ǫ* и *ę* (*'ǫ* и *'ę*) [2]), — виждаме, че въпросътъ се върти въ крѫгъ. Нека забѣлѣжимъ, че мнѣнието на проф. Кульбакина е напълно усвоено и отъ проф. Вондрака въ неговата Vergleichende slavische Grammatik (1906, стр. 133). А между туй бѣ о врѣме изказано едно твърдѣ важно мнѣние по нашия въпросъ, което щѣше, ако се бѣше възприело, по-скоро да насочи въпроса къмъ приемливо разрѣшение. Именно проф. Ягичъ изказа (въ Arch. f. sl. Phil. X, 248) споредъ мене много истинската мисъль, че праславянската носовка **ę* е гласѣла като *'ä̜* и че не е прѣстанала никога да сѫществува въ старопольския езикъ, понеже тя е прѣминала само **частично** въ *'ą*, при особни условия. Приемайки така въ старопольския езикъ три носовки, а именно *'ę* (*'ä̜*) — *'ą* (като рефлекси на праслав. **ę*) и *ǫ* (прасл. **ǫ*) не може да става и дума за общопольска генерална носовка въ старопольския

1) Къ Исторіи звуковъ р. языка 209 нт., Arch. f. sl. Phil. III. 614.

2) Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка, Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Н. LXXIII. N. 4. 1903, Огд. отт. стр. 31.

44*

езикъ, съ каквато боравятъ другитѣ хипотези. На тази, по мое мнѣние, единствено реална почва стоя и азъ, и отъ десетина години насамъ въ лекциитѣ си тълкувамъ процеса на смѣсването на полскитѣ носовки и специялно споменатата най-тъмна негова страна отъ особно своє гледище, което смѣя сега въ кратки черти да изнеса и въ явность.

Нѣма съмнѣние, че началниятъ потикъ за да стане смѣсване на носовкитѣ въ полския езикъ се дължи на чисто **фонетични** промѣни, които сѫ се извършили само въ **гласежа на праславянската носовка** *ę*. — Два фонетични фактора сѫ движили промѣнитѣ, които сѫ ставали въ артикулацията на *ę*, а тѣ сѫ именно: особниятъ широкопалатален характеръ на носовката *ę*, която е гласѣла като носово *'ä*, — срѣдно между *е* и *а*, — сир. като *'ą̈*, и квантитетътъ, който въ найдревната епоха на полския езикъ е билъ твърдѣ силенъ фонетиченъ факторъ както показва историята на цѣлия полски вокализъмъ. Отъ отличнитѣ работи на Лоренца (Archiv XIX) и на Кульбакина (Возникновеніе общопольскихъ долготъ, ор. с.) сега сме потънко освѣдомени върху квантитетнитѣ отношения въ свръзка и съ ударението на старополския езикъ та можемъ съ рѣшителность да приемемъ, че **дължината на носовката** *'ą̈* сама за себе си е била **достатъчно мощенъ факторъ** за да се развие отъ нея носовка *'ą̄*, и то, разбира се, **само** въ ония слогове, въ които носовката *'ą̈* не е била изгубила дължината си. Въ краткитѣ слогове слѣдователно *'ą̈* не се е приближавало къмъ *'ą*, а напротивъ, както показватъ живиятъ полски езикъ и старата му графика, то се е стѣснявало въ посока къмъ вокала *е* сир. въ *'ę*. Така се е извършило разцѣплението на праслав. **ę* въ полския езикъ, а именно досущъ тъй, както се е раздвоило сѫщото *'ą̈* (= **ę*) въ староческия езикъ, ако и по инакви причини (влияние на слѣдния слогъ), и както се е раздвоило *'ä* = праслав. ѣ) въ полския и въ българския езикъ въ *'а* — *'е*.

Втори стадий въ измѣнението на *'ą̈* е настѫпилъ, когато рефлексътъ *'ą̄* е получилъ по-затворенъ и закрѫгленъ гласежъ та се е изравнилъ съ носовката *ǫ*, която е сѫществувала въ старополския като прѣко продължение на праслав. **ǫ*. Прѣходътъ на дълго носово *'ą̄* въ *'ǫ* физиологично напълно се оправдава, понеже продължителностьта на назалирането изисква и по-затворенъ вокалъ, какъвто е *о* въ сравнение съ *а*. Освѣнъ това тоя прѣходъ е обикновенъ при полското нѣкога дълго *а* прѣдъ назалъ (срав. *com* вм. *cam*; *pon* вм. *pan*).

Дохаждаме сега до третия стадий на процеса — до частичната промѣна на носовката *ǫ* = прасл. **ǫ*, която е била тъй сѫщо дълга и кратка. Новополскиятъ езикъ показва, че вмѣсто *ǫ* въ краткитѣ слогове

се е явило *e* (*ręka*). Явлението е твърдѣ старо, защото дори и въ грамоти отъ XII—XIII в. има слѣди отъ тая промѣна (*en*, *em* = *ǫ), а това означава, че споменатитѣ по-горѣ промѣни на *ę се извършили още по-рано. Въпросъ е сега, дали и прѣходътъ отъ *ǫ* въ *ę* може да се счита сѫщо тъй за чисто фонетично (физиологично) явление, каквото е прѣходътъ *'ą̈ — 'ą̄ — 'ǫ*, за който говорихме. До сега въ всички прѣдложени хипотези въпросниятъ прѣходъ се счита именно за станалъ по звукофизиологиченъ пѫть, ако и никой до сега да не се е впускалъ въ подробни обяснения по тоя въпросъ. Обикновено досега се задоволяватъ по тоя въпросъ просто да констатиратъ, че се е извършилъ прѣходъ въ *ę*, като се прѣдполага, че това е станало прѣко едно *ą* [1]). Както вече се каза по-горѣ, този въпросъ съставя най-тъмната страна на досегашнитѣ обяснения на нашата проблема, и азъ намирамъ най-голѣма грѣшка главно въ туй, че и досега още се счита прѣходътъ на *ǫ* въ *ę* — и то даже чрѣзъ посрѣдство на *ą*! — за фонетично възможенъ при даденитѣ условия, когато имаме на лице като причина само отсѫтствие на дължина, а промѣната се е извършила неограничено — въ всички кратки слогове. Ето затова азъ мисля, че тукъ имаме работа съ резултатъ не на звукофизиологиченъ, а на психологиченъ изравнителенъ процесъ, — именно съ обикновена аналогия. Щомъ по указания редъ се е нарушила праславянската традиция та се образувало двояко назално произношение вм. *ę, твърдѣ често и въ етимологично идентични слогове, не е било възможно щото веднага да не заработи психологиченъ процесъ на асоцияция между прѣдставитѣ отъ една страна на палатално и гутурално- и отъ друга — на дълго и кратко назално произношение, съ тенденция, по-ясно да се разграничатъ и съ това по-лесно да се фиксиратъ тия двѣ назални категории. Като продуктивенъ типъ на аналогията тукъ сѫ послужили очевидно двата рефлекса на праслав. носовка *ę* сир. *'ǭ — 'ę̆*, срещу които сѫ стояли пакъ два рефлекса на праслав. носовка *ǫ*, а именно *ǭ — ǫ̆*. Историята на фонетиката ни учи, че когато при такива сгодни условия става асоцияция, рѣдко се указва традицията толкова силна, щото де може да спре едно изравнение. Именно и въ въпросния случай много лесно е станало, че по типа *'ǭ — 'ę̆* се е урегулирало и произношението *ǭ — ǫ̆*, като се е измѣнило въ *ǭ — ę̆*. Като единственъ отличителенъ бѣлѣгъ между тия нови два реда е останала само палаталностьта на консонанта прѣдъ рефлекситѣ на прасл. *ę,

1) Проф. Миккола мисли, че може прѣходътъ на *ǫ въ *ę* да е станалъ чрѣзъ посрѣдство на *ą* и то вслѣдствие на затворения характеръ на вокала *a*, — близъкъ ужъ до *ä*. Това прѣдположение на Миккола е съвсѣмъ немотивирано (вж. Betonung und Quantität 8).

и отъ друга страна твърдостьта на консонанта прѣдъ рефлекситѣ на прасл. *ǫ. И тъй психологичната формула и тукъ е била обикновената: отношението 'ǫ : 'ę̆ = ǭ : ǫ̆ се измѣня въ отношение 'ǭ : 'ę̃ = ǭ : ę.

Така споредъ типа 'ǭ—'ę̆ напримѣръ въ думитѣ: *wzglǫd—względu, cǫg—cęgu, wǫz—węzu, pǫty—pięć, dziesǫty—dziesięć, przǫdzka—przędza, grzǫdka—grzęda, wǫzka—węza, mǫsko—mięso* и пр.; се образувалъ по аналогия вторoятъ типъ ǭ—ę̆ вмѣсто по-стария ǫ—ǭ, напримѣръ въ *dǫb—dębu, krǫg—kręgu, mąż—męża, rǫk—ręka, gǫbka—gęba, prǫżka—pręga, gǫst—gęsty* и пр. вмѣсто първоначалнитѣ *dǫb—dǫbu* и пр.

Слѣдъ като се утвърдили първитѣ типове, понататъкъ е вървѣла замѣната на ǫ въ ę̆ прѣмо и безъ нуждното за аналогия съотвѣтствие, именно защото съ кратко назално произношение психологично яко е вече било асоциувано произношението ę, а не ǫ.

Както е видѣтъ, моята хипотеза се явява въ втората си часть като прѣмо продължение на първата часть на Ягичевата хипотеза. Послѣдната е формулирана у Кулбакина (ор. с. 24) така:

об.-сл. *ǫ → древ.-польск. ą, ǫ (изъ ą̄?) → въ XV. в. ę (изъ ą), ǫ → ново польск. ę, ǫ.

об.-сл. *ę → древ.-польск. 'ę < 'ę . . . . / 'ą . . . .

Проф. Кульбакинъ намира »невѣроятно« раздвоението на носовката *ę въ 'ę и 'ą, именно това, което споредъ мене е найцѣнното въ хипотезата на Ягича и което служи за изходна база на моето ново тълкуване прѣхода отъ ǫ въ ę. Но отъ друга страна проф. Кульбакинъ много вѣрно твърди, че »прѣходътъ отъ ę въ 'ą чрѣзъ посрѣдство на 'ą̄ е напълно възможенъ и вѣроятенъ«, че наопаки »непосрѣдственъ прѣходъ на ę въ 'ǫ е неправдоподобенъ« и че »причинитѣ на прѣхода ę въ 'ǫ (разбира се прѣко 'ą) сѫ само квантитативни« (ор. с. отд. отт. 28—30). Тия положения, подържани и отъ проф. Кульбакина, мисля, само потвърдяватъ моята хипотеза, и затова крайно неясно става за мене, защо проф. Кульбакинъ при все това подържа, че и кратко *ę е трѣбвало да мине въ 'ą, когато сѫщото това 'ą подирѣ пакъ е било длъжно да мине въ 'ę, безъ да се знае при това съгласно съ кой фонетиченъ законъ е можело да стане това. Сѫщо така не виждамъ основания, защо и общославянската носовка ǫ въ дългитѣ слогове тоже е трѣбвала да се измѣни въ ą, когато сѫщото това ą̄ сетнѣ изново е приело старил си глaсежъ ǫ. Ала не по-малко е вѣроятно и туй, че *ǫ въ кратките слогове е минало тоже въ ą и че послѣ това ą се измѣнило въ ę (*rǫka → *ràka → ręka), както тълкува проф. Кульбакинъ, тукъ вече въ

съгласне и съ проф. Ягича [1]). Не е ли пѫтятъ, указанъ отъ мене, по правъ и по-естественъ?

II.

Какъ аналогията въ областьта на фонетиката е създала новообразования, които по своята продуктивна сила сѫ заприличали на звукови закони, може да се види изъ два примѣра изъ историята на българската и на ческата фонетика.

Въ източно-българското нарѣчие владѣе двояко произношение на праслав. ѣ, а именно ѣ се произнася прѣдъ твърди слогове (или твърдъ консонантъ) и подъ ударение като *'a* (в'ара, б'ал), а инакъ като *е* (вѐрен, бѐли, побел'ал). Въ сѫщото нарѣчие се произнася етимологичното *'a* (сир. *a* слѣдъ палатални съгласни: j, ч, ж, ш) тъй сѫщо двояко, а именно когато се намира подъ ударение прѣдъ твърдъ слогъ (или консонантъ) *'a* не се измѣнява, а въ други случаи сир. кога е прѣдъ мекъ слогъ то се мѣни въ *е* нпр. jàсла — pl. jѐсли, ŏфчàр — ŏфчѐри, жàлба — жѐлби, чàша, чѐши, жàба — жѐби, Стŏjàн, Voc. Стоjѐне. Това измѣняване на палатално *'a* въ *е* се схваща като прѣгласъ (Umlaut) на *a* и минава единъ видъ за източнобългарски фонетиченъ законъ. А въ сѫщностъ по своя генезисъ то не е никакъвъ самостоятеленъ прѣгласъ на *a*, а е просто аналогия на правилото за *ѣ*: именно *'a* вм. *ѣ* се е асоциувало съ етимологичното *'a*, и това послѣдното се повело по произношението *'a — е* (= праслав. *ѣ*). Въ западнитѣ български нарѣчия, гдѣто *ѣ* се произнася като *е*, еднакво въ всѣко положение на думата, тамъ казаниятъ »прѣгласъ« на палатално *'a*

---

1) Проф. Кульбакинъ именно казва отъ една страна, че причинитѣ за прѣхода на *ę* въ *'ǫ* съ количествени, но сетнѣ като че ли не придава значение на квантитета. Именно той казва: »Основанія для появленія *'ǫ* изъ об.-сл. *ę* количественныя« . . . . »Но разъ основанія этого измѣненія квантитативныя, непосредственный переходъ *'ę̄* въ *'ą̄* является неправдоподобнымъ«. Но слѣдъ това много неясно и нѣкакъ противорѣчиво говори: »Такимъ образомъ форма *trzǫść* изъ **tręstь* понятна только при предположеніи посредствующей ступени **tŕą̄stь*; *'ǫ* изъ об.-сл. **ę* предполагаетъ болѣе раннее *'ą̄*. А такъ какъ въ измѣненіи **ę̄* въ *'ą̄* долгота не можетъ имѣть значенія, то такое же измѣненіе мы должны предполагать и въ *ę̆*, т. е. между современнымъ *'ę* и об.-сл. **ę* принять посредствующую ступень *'ą*. Эта посредствующая ступень не зависѣла ни отъ качества слѣдующаго слога ни отъ »тоническаго концентрированія«, какъ показываютъ формы *trzǫść*, *przǫść*, но являлась при всѣхъ условіяхъ. Развѣтвленіе об.-сл. **ę* на *'ę* при одних условіяхъ, *'ą* при другихъ, предполагаемое ак. Ягичемъ, кажется мнѣ невѣроятнымъ. Съ другой стороны и современное п. *ǫ*, соотвѣтствующее об.-сл. **ǫ*, легко возводится къ **ą̄*, а на измѣненіе об.-сл. **ǫ* въ *ą* указываетъ кашубскій« (ор. с. 28—29, отд. отт.).

Колкото за свидѣтелството на кашубското нарѣчие, азъ намирамъ, че това говори по-скоро обратното. Но по тоя въпросъ ще трѣбва по-обстойно да се поговори другъ пѫть.

не сѫществува, нпр. тамъ се казва бел, вера, бели, и пр. но: ча̀ша—ча̀ши, жа̀ба—жа̀би, Стоја̀не и пр. Въ тия нарѣчия отъ *ѣ* не се е развило *а* и затова смѣсване между тоя рефлексъ на *ѣ* и палаталното *а* не е можело да стане. Слѣдователно самостоятеленъ прѣгласъ на *а* въ българския езикъ нѣма [1]).

Мисля, че нѣщо подобно имаме и въ ческия езикъ, — разбирамъ специялно ческото нарѣчие, отъ което е произлѣзълъ и ческиятъ литературенъ езикъ. Извѣстно е еднаквото двояко произношение на ческото палатално *'а*, наречено и прѣгласъ на *'а*, и на праслав. носовка **ę*. Рефлекситѣ на **ę* въ староческия езикъ — *а*, *'е* се явяватъ при сѫщитѣ условия, при които и палаталното *'а* ту се задържа като *'а*, ту се замѣнява съ *'е*. Взаимната свръзка тукъ е очевидна и до сега се тълкува тя така, че се взема, какво носовката **ę* въ староческия езикъ изцѣло е минала въ *'а* (дълго и кратко) и че сетнѣ това *'а*, като съвпаднало съ палаталното етимологично *а*, подлегнало на прѣгласа *'а*—*'е*, който ужъ се явилъ въ ческото нарѣчие като звуковъ законъ. Така тълкуваха Миклошичъ и особно проф. Гебауеръ [2]). Но установено ли е надъ всѣко съмнѣние, че прасл. **ę* въ староческия езикъ, който *винаги* е ималъ вм. **ę* като рефлексъ и *е*, всецѣло е минало въ *'а*? Въпросътъ е подобенъ на онзи относително рефлекса на праслав. **ę* въ полския езикъ. И ето че пакъ проф. Ягичъ и тукъ отколѣ изказа мнѣние, споредъ мене единствено приемливо, а именно че първоначалната замѣна на **ę* въ ст. ч. е било пакъ *'ą* — и послѣ безъ назаленъ призвукъ *'ä*. Това *'ä* се раздвоило подъ влияние на слѣдния

1) Срав. за това у мене »Das Ostbulgarische« (Wien, 1903), стр. 75. 81. 185. 221. — Срав. още и у Б. Цоневъ, За източнобългарския вокализъмъ. Минист. Сборникъ III—IV.

2) Проф. Гебауеръ виждаше въ тоя прѣгласъ едвамъ ли не и чуздо — нѣмско влияние (Historická mluvnice I, 121). — И проф. Вондракъ подържа относително първоначалния прѣходъ на **ę* въ *'а* въ ст.-ческия езикъ становището на Гебауера, срав. у Вондрака, Vergl. slav. Grammatik 132: »An die Stelle des *ę* trat ursprünglich ein *'a*-Laut. Das *a* konnte dann nach allgemeinen Regeln umlauten, so daß wir mannigfache Vokale als Reflexe des einstigen *ę* finden.« Върху прѣгласа на *'а*—*'е* Вондракъ говори на стр. 79 пакъ въ този духъ: »Im Böhmischen geht *a* und *á* — und zwar auch das aus *ę* entstandene — nach weichen (palatalen) Konsonanten in *ě*—*ie* langes *é* über und zwar im absoluten Auslaute oder vor einem ebenfalls weichen Konsonanten bez. vor einer Silbe mit einem weichen Vokal (*ě*, *i*, ursprüngliches oder aus *ь* entstandenes *e*), z. B. *duše* etc.; *slyšel*—*slyšeli*.«

Понататъкъ, отъ факта, че тоя прѣгласъ не е проникналъ въ моравскитѣ диалекти и въ словашкия, проф. Вондракъ заключава именно, че това е »ein Beweis, daß auch hier die Entwicklung der *č*-, *š*- usw. Laute einen anderen Weg ging, denn dieser Umlaut kann nur aus der Eigentümlichkeit der erwähnten Konsonanten erklärt werden«.

слогъ въ думитѣ въ двѣ посоки: въ *'a* (дълго и кратко) и въ *'e* (дълго, новоч. *í*, и кратко). Слѣдовно *'e* вм. **ę* е по-първоначаленъ гласежъ, като рефлексъ на тая носовка, отколкото *'a* (Archiv f. sl. Phil. XVI, 510—512). Споредъ това не сѫществува тукъ »прѣгласъ« на *'a* въ *e*. Не мога да не бѫда напълно съгласенъ и по тоя въпросъ съ мнѣнието на проф. Ягича, понеже азъ отдавна съмъ се убѣдилъ въ голѣмата рола, която е игралъ вокалътъ *'ä* (билъ той назаленъ или не) въ историята на славянския вокализъмъ а специялно въ българския (сравни у мене Сборникъ на Минист. IX, 288—290, X (критич. отд.) 16, XIII. 104, 107; XVI—XVII. 413—415; Archiv f. sl. Phil. XX. 580. — Das Ostbulgarische 75, 81, 221, 223. Слѣды среднеболгарской замѣны носовыхъ, въ Сборн. по славяновѣдѣнію, 20). Азъ отивамъ и по-далечъ та смѣя силно да се усъмня дори и че знаменитиятъ чески прѣгласъ на палаталното *a* е самостойно фонетично явление. Нѣмаме ли и тукъ аналогия вслѣдствие на асоцияция между палаталното *'a* (= **ę*) и етимологично *'a*? Къмъ тази мисъль ме води не само еднаквостьта на условията, при които става замѣната и въ двата етимологични случая, но особито едно отъ тия условия, а именно правилото, че и вм. **ę* и вм. палат. *'a*, когато тѣ сѫ въ края на думитѣ, се произнася *'e*, нпр. *dítě*, *jehně*, *břímě* — *duše* (ст. ч. *dušě*), *vůle*, *ulice* и пр. Раздвоението на **ę* въ *'e* и *'a* (новоч. *'e*, *í*, *'ä*, *'á*) е станало безъ съмнѣние по чисто фонетични — асимилационни причини: *'ä* само прѣдъ твърди слогове е имало причина да се измѣни въ *'a* (**p'áty* отъ **p'äty*, вм. **pęty*, нч. *páty*), а прѣдъ меки слогове напротивъ то даже е станало по-тѣсно, минало въ *'e* (*p'eť*, вм. *pętь*, нч. *pět*). Въ края на думитѣ, които често завръшватъ съ по-голѣма и по-малка пауза въ изречението, не е можелъ да влияе въ нашия случай нѣкакъвъ sandhi-законъ, и за това виждаме, че **ę* въ това положение има винаги еднакъвъ рефлексъ и то *'e*, а не *'a*. Какво може да означава това, ако не, че първоначалниятъ гласежъ на **ę* наистина е билъ по-близъкъ до *'e* отколкото до *'a*, сирѣчь че е билъ едно широко *'e*, именно *'ä*? Понеже въ края на думитѣ не е имало регресивни асимилационни причини за да се измѣни *'ä* въ *'a*, затова *'ä* въ края е спазило своя първоначаленъ характеръ на *e*-вокалъ и постепенно се е изравнило съ обикновеното *'e*, като се спазилъ прѣдидещиятъ консонантъ мекъ. Отъ всичко това още излиза, мисля, че прѣгласътъ *'a*—*'e* (вм. **ę*) се основава върху основенъ гласежъ на едно широко *e*, а не на *'a*. А понеже съ правилото за рефлекситѣ на **ę* въ ческия езикъ напълно съвпада и правилото за прѣгласа на палатално етимологично *a* дори и въ изтъкнатия пунктъ — въ засловието (Auslaut), заключавамъ, че ческиятъ прѣгласъ на вокала *a* е просто аналогична консеквенция на фонетичния развой на

праслав. *ę*. И наистина, ако да бѣше се явилъ самостоенъ звуковъ законъ за прѣгласъ на *а* въ зависимость отъ палаталния характеръ на прѣдходния консонантъ, както всеобщо се приема, защо щѣше да се води тоя прѣгласъ и споредъ твърдостьта или мекостьта и на слѣдния консонантъ? Ако въ *čas*, или *Jan*, може *а* въпрѣки палаталитѣ *č*, *j*, да остане неизмѣнено, а въ *čese*, *Jene*, се »прѣглася«, очевидно е, че главниятъ факторъ на прѣгласа тукъ е билъ слѣдниятъ консонантъ (слогъ), сир. че асимилацията е регресивна. Но ако е така, защо и въ края на думата, гдѣто таково регресивно влияние нѣма, пакъ *а* се прѣглася въ *е*? Свръзката съ рефлекса на *ę* въ края на думата тукъ е очебийна. Нека си припомнимъ и особената замѣна на праслав. **ę* въ края на думитѣ въ старо-руския езикъ. Докато **ę* е било замѣнено въ срѣдословието чрѣзъ *'а*, въ края на думитѣ напротивъ се е произнасялъ *'е*-вокалъ, който обикновено по паметницитѣ се прѣдава чрѣзъ *ѧ*, отъ което пъкъ може да се заключи за първоначално широко *'ä* вм. **ę*, останало въ края на думитѣ безъ да мине въ *'а*. По това може да се заключи още, че и въ руския езикъ прѣходътъ на *'ä* въ *'а* се е почналъ първомъ подъ регресивно влияние на слѣдния твърдъ слогъ както въ ческия езикъ, но че сетнѣ рефлексътъ *'а* се генерализувалъ като е измѣстилъ по-стария рефлексъ *'ä* прѣдъ мекитѣ слогове. Ако да не бѣ това се случило, сир. ако да бѣ останало и въ руския езикъ раздвоено произношение *'а*—*'е* вм. **ę*, кой знае да ли не щѣше да се яви и въ руския езикъ прѣгласъ на вокала *а* въ палаталнитѣ слогове като ческия. Това става вѣроятно и отъ факта, че въ източнитѣ чески диялекти — моравското и словашкато — нѣма прѣгласъ на вокала *а* но нѣма и двоякото произношение на **ę* като *'а*—*'е*.

Женева, XII. 1907. Проф. Дръ Л. Милетичъ.

Natpis dosada nepoznatoga namjesnika rimske Dalmacije Apolonija Febadija iz V. vijeka.

(Sa jednom slikom u tekstu.)

Kada su tekom III. v. po Kr. počele provale varvarskih naroda na rimsko Carstvo, bilo je od potrebe, kako za ostale izloženije pokrajine, tako i za Dalmaciju odijeliti vojničku vlast od političke, koje su dvije vlasti bile, unaprijeda od Augusta, usredotočene u rukama jedne osobe, carskog namjesnika, pod imenom *legatus Augusti pro praetore*[1]). Carski namjesnik baš zato, što je stolovao u Solinu (Salona)[2]), nije mogao u isto doba suzbijati provale varvarskih naroda na granicama pokrajine[3]).

Ovo odijeljenje vlasti zbilo se u drugoj polovici III. v., valjda za cara Aurelijana[4]). Namjesnik politički ili civilni bi prozvan *praeses provinciae*, a vojnički *dux limitis*. Prvi je stolovao u Solinu, a drugi na granici pokrajine. Dunajske pokrajine od Noricuma pa do ušća rijeke Save (*Savus*) sa Dalmacijom biše združene u jednu vojničku cjelinu pod upravom graničarskog zapovjednika — *limes Illyricianus*. Zbog nedostatnih povjesnih vijesti i s razloga, što je *Notitia Dignitatum*[5]) doprla do nas osakaćena, ne možemo opredijeliti jasnije ovu diobu i djelokrug jedne i druge vlasti, *praeses*-a i *dux*-a. Nu iz *Notitia Dignitatum* ipak doznajemo, da je bureau predsjednika Dalmacije — *officium praesidis Dalmatiae*, koji nam daje *Notitia* kao neki primjer[6]), bio sastavljen ovako:

---

1) C. I. L. III p. 2459; Liebenam, *Forschungen zur Verwaltungsgeschichte des römischen Kaiserreichs*, I. Bd. S. 464, 150; O. Seeck, *Geschichte des Untergangs der antiken Welt* II. p. 55 ss.

2) Cons, *La province romaine de Dalmatie*, Paris 1882 p. 325; Liebenam o. c. p. 456.

3) Cons o. c. p. 281, 285.

4) Mommsen, *Röm. Staatsrecht* II. I p. 239; Hirschfeld, *Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diocletian*. II. Aufl. p. 386 ss.; Seeck o. c. p. 82.

5) *Notitia dignatatum* ed. Otto Seeck p. 224.

6) O. c. p. 225: »15. *Ceteri praesides ad similitudinem praesidis Dalmatiae officium habent*«.

4. »*Sub iurisdictione viri perfectissimi praesidis Dalmatiae*:
5. *Provincia Dalmatiae.*
6. *Officium autem habet hoc modo:*
7. *Principem ex eodem officio.*
8. *Cornicularium.*
9. *Tabularios duos.*
10. *Commentariensem.*
11. *Adiutorem.*
12. *Ab actis.*
13. *Subadiuvam.*
14. *Exceptores et reliquos cohortalinos, quibus non licet ad aliam transire militiam sine annotatione clementiae principalis.*«

Prvi dokaz za ovu diobu namjesničke vlasti u Dalmaciji nalazimo god. 277.[7]) u osobi namjesnika Aurelija Marcijana, a drugi godine 280.[8]) u osobi M. Aurelija Tiberijana.

Dok nam je — što iz povijesti što iz natpisa — poznat dosta velik broj[9]) onih namjesnika, koji su u svojim rukama imali sjedińena i civilnu i vojničku vlast, *legati Aug. pro praetore*, ne poznajemo dosad iz natpisa od civilnih namjesnika, *praesides*, nego relativno samo malo ńih[10]), a to je ovih pet u kronologičnomu redu:

1. Aurelius Marcianus god. 277.[11]).
2. M. Aurelius Tiberianus god. 280.[12]).
3. Flavius Valerius Constantius god. 282.—84.[13]).

7) C. I. L. III. 8707.

8) C. I. L. III. 12805.

9) Cons o. c. p. 363; C. I. L. III, p. 2459; Liebenam, o. c. p. 150; Ļubić, *O upraviteļih Dalmacije za rimskog vladańa* u *Radu* Jugosl. Akademije kń. XXXI p. 47 sl..

10) C. I. L. III p. 2463; Cons o. c. p. 365; Popis ovih namjesnika — *praesides* — i ako još ne strogo odijeļenih po kategoriji od *duces* vidi u Cons o. c. str. 289 sl. str. 365 sl. Ļubić o. c. str. 49 sl.

11) C. I. L. III 8707. *Imp(eratore) Caes(are) M(arco) Aur(elio) Pro(bo p(io) f(elici invicto Aug(usto) p(ontifice) m(aximo) t(ribunicia) p(otestate) II, cons(ule) p(atre) p(atriae), procons(ule), Aur(elius) Marcianus v(ir) p(erfectissimus) praes(es) prov(inciae) Del(matiae) devotus numini maiestatique eius.*

12) C. I. L. III 1805. *Thermas rei p(ublicae) h(i)emal(es) [rog]a[nte] populo in ruinam delapsas] M. Au(r)elius Valerius v(ir) p(erfectissimus), ducen[ari]us, ex protectoribus lateris divini de frugalitate sua .... [aedifi]cavit et lavantes rei p(ublicae) tradidit. epulum quoque c[i]vibus suis ea die praebu[i]t Messala et Grato cos., dedicante M. Aurelio Tiberiano v(iro) p(erfectissimo) praes(ide) prov(inciae) Del(matiae).*

13) C. I. L. III. 9860. .... *ude x [d]a[t]us a [F]lavio Va[ler]io Cons[t]a[nt]io [v. c.] praeside provinciae Dalmatiae f(i)nes (i)nt(e)r Salvia[t]as e[t] S[tr]ido[n]e[n]ses*

4. M. Aurelius Iulus god. 299.—304.[14]).
5. Flavius Iulius Rufinus Sarmentius god. 337.—350.[15]).

Stoga je svako novo ime ovakovih namjesnika lijep doprinos za povijest Dalmacije iz zadnih vijekova rimskog gospodstva u našoj zemlji.

Iz ruševina solinskih — toga bogatog, gotovo neiscrpivog vrela za povijest rimske Dalmacije — bi iskopan u zadne doba natpis jednog novog namjesnika ove vrsti.

Bio je natpis nađen god. 1905. u Solinu, prigodom poljskih radna u vinogradu čest. 3588 Ante Milišića pok. Jozipa u položaju, koji se zove

---

[d]e[t]e[r]mi[n]avi[t]. Ovaj natpis drže krivotvorenim Mommsen i Hirschfeld (C. I. L. III. 9860; Vol. III. Suppl. Pars Prior p. 43* n. 394* 2—8). Ja sam protivnog mnijena s razloga istaknutih u mojemu članku: *Wo lag Stridon, die Heimat des heil. Hieronymus* p. 276—280 u *Festschrift für Otto Benndorf zu seinem 60. Geburtstage, gewidmet von Schülern, Freunden und Fachgenossen*, Wien, Hölder. 1898. Isti članak talijanski u *Bullett. di arch. e stor. Dalm.* 1899 p. 142 s.

14) C. I. L. III. 1938, 8565. *Fortunae Conservatrici pro salute Marci Aureli Iuli v(iri) c(larissimi), auguris, praesidis provinciae Dassius notarius votum solvit.* Pod ovim *praeses* bi mučen Sv. Dujam (Domnius, Domnio), biskup Solina. Sr. Bull. dalm. 898 sltr. 128 sl.; 1900 str. 100. Bilo se je mnijena, da se je ovo mučeništvo zbilo god. 299. Sr. Bull. dalm. 1900 str. 280. Nego dalja istraživana, koja će se i nastaviti, govore vjerojatnije za god. 304; sr. Zeiller, *Les relations de l'ancienne Église de Salone avec l'Église romaine* (u Bessarione god. 1902—1903 fasc. 71 str. 236 Note 6); Bull. dalm. 1903 str. 178; Zeiller, *Les origines chrétiennes dans la province romaine de Dalmatie* p. 23.

U ovo doba, koncem III. i početkom IV. v., nekoji dokumenti nose dva namjesnika — *praesides* — Dalmacije. Jedan je *Dacianus*, opredijeljen kasnije kao *praeses* Sirije, pod kojim bi bio mučen Sv. Juraj, biskup solinski (Farlati Illyr. Sac. I str. 677, a drugi *Tarquinius*, spomenut kao *praeses* u Aktim mučeništva sv. Felicija (Farlati o. c. I p. 112; Acta SS. Mai IV 168—169, III Ed. 167—168; Zeiller o. c. p. 22, 88), pod kojim bi bio mučen ovaj svetac. Nego po maloj Chronica od god. 395 sv. Felicij bio je mučen zajedno sa sv. Dujmom (Krusch, *Studien zur christlich-mittelalterlichen Chronologie* p. 227; Analecta Bollandiana XVIII, fasc. II p. 304; *Bull. dalm.* 1900 p. 89; Zeiller o. c. 22 s., 88 s.); po tomu ovaj Tarquinius bio bi *praeses* pokrajine god. 304. Nego kako je gori rečeno, ove godine bio je namjesnikom M. Aurelius Iulus. Jesu li Dacianus i Tarquinius i koje godine bili namjesnicima Dalmacije, treba još koje bolje potvrde.

15) C. I. L. III. 1982, 1983. *D(omino) n(ostro) Fl(avio) Constanti victori ac triumfatori semper Augusto Fl(avius) Iul(ius) Rufinus Sarmentius v(ir) c(larissimus) p(raeses) pr(ovinciae) Dal(matiae) d(evotus) n(umini) m(aiestatique) e(ius).*

C. I. L. III. 2771. *Virtute et felicitate omnes retro principes supergresso d(omino) n(ostro) Fl(avio) Iul(io) Constanti victori ac triumfatori semper Aug(usto) Fl(avius) Iul(ius) Rufinus Sarmentius v(ir) c(larissimus), praeses prov(inciae) Dalmatiae d(evotus) n(umini) m(aiestatique) eius.*

C. I. L. III. 8710. *D(omino) n(ostro) Fl(avio) Constantio victoriosissimo semper Augusto Fl(avius) Iul(ius) Rufinus Sarmentius v(ir) c(larissimus) p(raeses) p(rovinciae) Dal(matiae) d(evotus) n(umini) m(aiestatique) e(ius).*

Glavičine, i baš ondje, gdje je na raskršću poljskih puteva prema sjeveru i prema zapadu po svoj prilici bila u staro doba *Curia* [16]).

Natpis je na kamenu vapnencu, visok 0·42, širok 0·60, debeo 0·35 m. Razbijen je u dva nejednaka komada, mańkav s desne strane i pri dnu, pa se ne zna, koliko je bio visok i koliko debeo. Na vrhu je površina cijela, ali malko odbijena. Sa obiju strana kamen je cio, a ima ogledalo kao i sprijeda, ali bez natpisa. Četverokutna lukńa s gorńe strane malo je mańkava pri vrhu: duboka je 0·12, široka na rubu 0·07, na dnu 0·09 m., a služila je za podignuće kamena [17]).

---

16) Sr. *Bull. dalm.* 1902 str. 26 i Tabl. I.

17) Ova je lukńa s gorńe strane daleka od ruba 0·27 m., a imala je stajati po prilici u sredini, po čemu cio kamen, uračunavši širinu lukńe 0·07 m., bio je debeo po prilici 0·60 m. Bio je dakle kamen četverokutan. Pošto je ova lukńa široka u vrhu i na rubu 0·07 m., a na dnu 0·09 m., to nije ona služila, da se u ńu što na-

Natpis je čitav u svim brazdama, pa i u samoj zadńoj, premda ima ondje odbijena prostora od 22 × 20. U početku prve brazde i pri kraju ima po jedna tačka u obliku malog krsta, samo što je pri kraju krst veći i nepravilniji. Ima sličnih znakova na pr. i na natpisu solinskoga biskupa Justina iz V.—VI. v.[18]). Nu pošto nema ovakova krsta u slijedećim brazdam, koji bi bio rabļen kao interpunkcija, naime kao tačka, onda nije iskļučena mogućnost, dapače je vjerojatno, da je ovaj krst u prvoj brazdi bio upotrebļen baš kao simbol ili vaļda kao simbol i ornamentalna interpunkcija u isto doba Na početku i pri kraju druge brazde tačka je u obliku trokuta. Isti je znak i na početku četvrte brazde, kao i iza V i C pa iza P i D.

Slova su visoka 50 mill., nepravilna, iz kasnije dobe, a na većem dijelu ńih vide se još tragovi *miniuma*. Slova su učińena, kako se vidi na slici, doduše prilično pomńivo, ali su manijerirana. Prerez u A nije ravni pravac, nego na kut, kako se to uvelo od IV. v. daļe[19]). Slova P imaju horizontalni potez na podanku.

Natpis se čita: *Curante Apollonio Foebadio v(iro) c(larissimo), p(raeside) p(rovinciae) D(almatiae).*

Cognomen namjesnika *Foebadius* = *Φοιβάδιος* proizlazi prema *Φοιβάς*, *Phoebas*, a ovaj prema *Φοῖβος*. O imenima ove vrsti, koja su ponajviše grčka derivata[20]) i barem djelomice u nekom odnošaju sa tako zvanim *signa graecanica*, raspravļao je Diehl u *Rheinisches Museum* g. 1907 str. 390—420. Sr. također Mommsen u *Hermes* g. 1902 str. 443—455. Inače je ovo ime rijetko. Sr. Pape-Benseler, Griechische Eigennamen s. v. U drugoj polovici IV. v. spomińe se jedan *Phoebadius*, biskup u Agenu (Agennum) u Akvitaniji drugoj u Galiji[21]), svetac i crkveni pisac[22]). On prisustvova u Riminskom (Ariminium) crkovnom

---

sadi ili pričvrsti, nego da se u ńu umetne żeļezni klinac, zvan *vuk* ili *mačak* (tal. *grippia*, ńem. *Wolf*), da se može podizati kamen. Ovakih lukńa nalazi se na kamenim spomenicima u Solinu (*Bull. dalm.* 1902 p. 5; 1903 p. 8) i rabi se kod majstora zidara svugdje za ovu svrhu.

18) *Bull. dalm.* 1900 p. 290; Zeiller, *Les origines chrétiennes etc.* p. 141, 177.

19) Cagnat, *Cours d'Épigraphie latine* p. 12.

20) Navađam samo neke primjere za tvorbu *-d* korena na *-ius*, kano na pr. *Leucas-Leucadius, Pallas-Palladius, Arcas-Arcadius, Hellas-Helladius, Pentas-Pentadius.*

21) Mas Latrie, *Trésor de chronologie* p. 1018; Gams, *Series Episcoporum Ecclesiae Catholicae* p. 479; Rigollot, *Ad Acta Sanctorum* p. 357; Duchesne u *Bulletin et Mémoires de la Société Nationale des Antiquaires de France* 1899 p. 364: »Agen, Phoebadius évêque d'Agen dans l'a. 357; est le plus ancien que l'on connaisse pour ce siège«.

22) Bardenhewer, *Patrologie* (II. Auflage, Freiburg i. B. 1901), p. 365: »Phöbadius . . . . Bischof von Agennum im zweiten Aquitanien (Agen in Guyenne),

sinodu, gdje popusti Arijanima. Predsijedao je uz to god. 374. koncilu u Valenciji i god. 380. u Saragosi (Caesaraugusta) kao najstariji biskup po godinama.

Osim biskupa Febadija spomiñe se taj cognomen takoďer god. 414. poslije Kr. u Narbonu pri svadbi Ataulfa s Placidijom[23]), a po datumu se vidi, da je to bio drugi Febadij, jer je biskup bio već godine 392. veoma star.

Kako natpis kaže, bila je pod civilnim namjesnikom *Apollonius Phoebadius* izvedena neka radña: podignuta neka zgrada, neki spomenik. Ovo nam kaže riječ *curante*. *Cura*, *sub cura*, *agens curam*, *curare* u epigrafiji jest terminus, kojim se označiva koja radña, javna gradña, na pr. hramova, žrtvenika, kipova, terma, bazilika, puteva, vodovodâ itd. Za to imamo obilatih primjera[24]).

Koja je to zgrada bila podignuta ili koja radña izvedena pod ovim namjesnikom, to ne proizlazi iz natpisa. Ali ako uzmemo u obzir, da je tik uz ono mjesto, gdje je bio našast ovaj natpis, bila *Curia* stare Salone[25]) i da je u ovoj okolici bilo slučajno i u više prigoda našasto starinskih predmeta odnosnih na *Curia*, kano na pr. natpis *duumvira*[26]), onda možemo nekom vjerojatnošću ustvrditi, da se ovaj natpis odnaša na neku stanovitu javnu zgradu.

U naslovu ovog članka rečeno je, da naš natpis pada u V. vijek. Ovo nam potvrduje paleografija i naslov *praeses* namjesnika Apolonija Febadija.

Koncem V. i početkom VI. v. namjesnici Dalmacije ne nose više naslov *praeses*. Pod Teodorikom (g. 493.—526.) nalazimo nekog Epifanija namjesnikom Dalmacije, sa naslovom *consularis*[27]). Da se je god.

gest. nach 392. Er trat der zweiten sirmischen Glaubensformel vom Jahre 357 mit einer sehr beachtenswerten, schneidigen Kritik entgegen (*Liber contra Arianos*: Migne, P. lat. XX, 13—30). Außerdem gibt Migne unter des Phöbadius Namen die wahrscheinlich Gregor von Eliberis (Abs. 4) angehörende Schrift *De fide orthodoxa contra Arianos* XX, 31—50) und ein Glaubensbekenntnis (XX, 49—50)«.

23) Ekscerpt iz Olympiodora (Photios bibl. cod. p. 59b): *»λέγονται καὶ ἐπιθαλάμιοι, Ἀττάλου πρῶτον εἰπόντος, εἶτα Ρουστικίου καὶ Φοιβαδίου· καὶ συντελεῖται ὁ γάμος παιζόντων καὶ χαιρόντων ὁμοῦ τῶν τε βαρβάρων καὶ τῶν ἐν αὐτοῖς Ρωμαίων«*. — Cf. nadaļe Suidas Lex. *Φοιβάδαιον* (no bez tumačeña); nagaďa *Φοιβάδιον* (može biti dakako ime djevojke ili žene).

24) E. de Ruggiero, *Dizionario Epigrafico* etc. s. v. *cura* str. 1323; Dessau, *Inscriptiones latinae selectae* II. I. p. 364 s.

25) *Voda po Spljetu i Solinu* str. 233; *Bull. dalm.* 1884 p. 118; 1902 p. 4, 26; 1903, p. 15.

26) *Bull. dalm.* 1884 p. 118; 1902 p. 4, 26.

27) Cassiodori Variae l. V. Ep. 24 u Mon. Germ. histor. auct. antiquiss. XII.

525.—526., u koje pada pismo Teodorika Epifaniju, namjesnik zvao *praeses*, jamačno ne bi bio ovaj naslov u pismu izostavljen. Da se pak pod naslovom *consularis* ima razumjeti civilni namjesnik, to proizlazi iz konteksta samoga pisma, koje se bavi nekim juridičko-administrativnim poslom, što ga je Epifanij imao urediti, i iz toga, što su u tom istom pismu spomenuta dva druga magistrata za vojničke poslove t. j. *princeps* (*Dalmatiarum*) i *comes*[28]).

God. 535. car Justinijan preustrojava rimsko carstvo i s administrativnog gledišta. U važnijim pokrajinam Istoka ukida diobu u osobi namjesnika, uvedenu u III. v., te spaja opet civilnu i vojničku vlast u rukam jedne te iste osobe pod raznim naslovim: *moderator*, *praetor*, *comes*, *proconsul*, kako za koju pokrajinu[29]). Ova reorganizacija, zbog raznih razloga, nije bila provedena u pokrajinam Zapada[30]). Dalmacija spadaše Istoku, te i ona dobi ovakog namjesnika, sa naslovom *proconsul*[31]). Jednoga takoga poznajemo u osobi Marcellina, ili sina ili sinovca Ivana, čuvara bazilike solinskog mučenika Anastazija (Staša). Ovoga Marcellina jedan dokumenat iz god. 598.[32]) i jedan važan natpis iz god. 603. zovu *proconsul*[33]). Ovaj Marcellin valjda je zadńi namjesnik rimske Dalmacije, jer ako ne pod ńim, a to malo kasnije bi razoren Solin i opustošena Dalmacija od Avara[34]).

Ako se dakle već god. 525.—526. namjesnik Dalmacije ne zove više *praeses*, onda pada naš natpis u V. v., u kojemu je još bio u običaju ovaj naslov. A tada možemo priličnom vjerojatnošću ustvrditi, da naš natpis nosi ime jednoga od zadńih namjesnika Dalmacije sa naslovom *praeses*.

Farlati, *Illyr. Sacr.* II p. 155—156: »*Epiphanio viro senatori, consulari provinciae Dalmatiae Theodoricus rex*«.

28) Idem, *Variae* »*magna inter collegas suos praerogativa decoratur quisquis gerit militiam, nomine principatus*« ..... »*Comiti quidem provinciarum potestas data est, sed tibi iudex ipse commissus est*«.

29) Diehl, *Justinien et la civilisation byzantine au VI s.* p. 281 ss.

30) Idem o. c. p. 284.

31) Farlati o. c. II. p. 271.

32) *Bull. dalm.* 1904. Suppl. 1—3 p. 42.

33) C. I. L. III. 9527; *Bull. dalm.* 1906 p. 295.

34) *Bull. dalm.* 1906 p. 268 sl.

Spljet. *Fr. Bulić.*

Zapadna »Epistola o nedelji« v južno-slovanski književnosti.

Znano je, da po osodni razdelitvi grške in rimske cerkve književna vzajemnost med južnimi Slovani ni popolnoma prenehala, kajti več bolgarskih spisov nahajamo še pozno pri hrvaških glagolaših, od njih pa so dobili Bolgari še v sredini 14. stoletja »Trojansko pričo«, ki je prešla tudi k Rusom kakor še drugi srbsko-hrvaški prevodi zapadnih spomenikov.

Omenil sem že v Archiv-u f. slav. Phil. XXVIII, 382, da k takim srbsko-hrvaškim spomenikom spada tudi Епистолія о недѣлѣ, ki jo je izdal K. Radčenko v 18. t. kijevskih Чтеній въ историч. обществѣ Нестора Лѣтописца[1] (str. 1—21 v ponatisu) po rokopisu plovdivske mestne biblioteke (No. 34) iz 16. stol. in po rokopisu belgradske narodne biblioteke No. 483 (562) iz 18. veka. O jeziku obeh spiskov sodi Radčenko, da je v svoji osnovi srbski, v plovdivskem jako blizek živemu narodnemu govoru; neke posebnosti pa vendar kažejo, da so »avtori« teh spiskov bili Bolgari. Po vsebini pa se oba spiska popolnoma razlikujeta od drugih dozdaj znanih spiskov »Epistolije«, predstavljata torej posebno redakcijo in izhajata od »enega ali prej dveh« grških izvirnikov.

Omeniti moram, da je tekst obeh rokopisov precej pokvarjen; da imamo tudi v staršem plovdivskem samo prepis, kažejo pogreški n. pr.: нѹ 14_{13} = єдиѹ belgr., смєрє 16_{6} = лицємѣріє belgr., црквєннєхь ѹста 13_{22}, t. j. ѡцкврєннєхь (pr. ѡцкврнающа 16_{21}) za осквр— (Miklosich, Vergl. Gr. I², 420). Zaradi tega je težko govoriti o bolgarizmih obeh rokopisov, kajti n. pr. slučaj člena, ki ga navaja Radčenko (str. 2): вєлиєть гї 13_{10} je prosta pogreška za вєликь (morebiti prvotno велій) єси ты гї belgr. Nočem pa trditi, da vsaj plovdivski prepis ni napisan med Bolgari (pri tem pa se še vedno lahko misli na katoliške misijonarje in dubrovniške trgovce) in da belgradski ne kaže nalega sledu »srednjebolgarskega pravopisa«, vendar je jasno, da je

[1] [illegible] archiv-u.

njih izvirnik prišel iz južno-zapadnih srbsko-hrvaških krajev, bržkone iz samega Dubrovnika, ker to dokazuje njihov jezik.

Izmed jezikovnih posebnosti se najprej zapazijo pridevniške končnice *-iem*, *-ieh*, *-iemi* za *im*, *ih*, *imi*.

-iem nakajamo v instr. sgl. аворисциємь (под дȣбомь —, t. j. мамврійскимъ) in v dat. pl.: живнємь и мртвнємь 14_{20-21}, єдȣщнємь 15_5, свєтнємь 15_6, васакнємь 16_6, смєшающнємь 16_{18}, сваћающнємь 16_{19}, лажȣщнємь 16_{20}, творєщнємь 16_{21}, вєрȣющнємь свєтнємь 16_{22}, нєвєрȣющнємь 16_{23}, почитающнємь 16_{24}, свєтнємь 17_9. Poleg teh 14 *iem* v dat. pl. nahajamo samo 5 *im*: вашнмь 15_2, нєнавидєщнмь 16_{13}, ȣдавлающнмь 16_{17}, вє҃дающнмь 17_8, ѡвєдȣщнмь 17_{10}.

-ieh v gen. pl.: лȣкавнєхь 13_{19}, вашнєхь 13_{19}, 15_{23}, 16_9, свєтнєхь 14_{15}, 16_{23}, многоѡчнтнєхь 15_9, хєровнмнєхь, сєрапнмнєхь 15_{10}, нєчастивнєхь, црквєннєхь(!) 15_{22}, благнєхь 15_{25}, злнєхь 16_9. Ni torej že davno nobenega razločka med trdimi in mehkimi koreni, kakoršnega je iskal Daničić (pr. Rešetar, Der štokavische Dialekt, 176). Dvakrat čitamo монєхь 14_{15}, 15_{25}, kar se nahaja tudi v drugih dubrovniških tekstih (Daničić, Историја облика 190). Poleg 13 oziroma 15 *-ieh* se je vkral samo eden *ih*: шєстокрилаcтнхь med хєровнмнєхь in сєрапнмнєхь 15_{10}.

-iemi v instr. pl.: (днєтн) вашнємн 15_3, (очнма) — 15_3, свєтнємн 17_2.

Semkaj je treba tudi šteti loc. pl. на нєбєснєхь 15_{24}.

Oblike *ijem*, *ijeh*, *iemi* namesto *im*, *ih*, *imi* se rabijo v Dubrovniku »bez iznimke« (Budmani, Rad jugosl. ak. LXV, 172), ali skoro enako izključno tudi v Hercegovini, Črni Gori in Boki (Rešetar, Der štokavische Dialekt 176).

Bliže omejuje kraj zamena starega ѣ. 17 krat čitamo *ie*: сєвнє 13_7, бнєшє 13_8, бнєхь 14_2, разȣмнєтє (ne—мє!) 13_{13}, 14_{10}, грнєха (g. pl.) 13_{19}, грнєхь 17_2, гннєвь 14_4, дрнєвȣ 14_8, рнєкє 14_{10}, заповнєдь $14_{14, 22}$, 15_1, 16_1, звнєрь 15_2, днєтн 15_2, днєла (g. pl.) 16_9. Poleg tega pa se piše večinoma *e* in sicer ne samo po *r*, kar tukaj ne pomeni mnogo, ker smo ravnokar našteli več *ie* po *r*, ampak tudi v drugih primerih: прєвалнтн 13_7, грєхє 14_{18}, грєшннє 13_{22}, врємє 13_{21}, срєдȣ 15_5, дрєва 15_{16}, ва чрєвє 16_{17}, дєла (n. pl.) 13_{10}, дєло 15_4, дєлатн 17_{13}, нєдєлȣ $14_{14, 16, 17, 20}$, $16_{2, 24}$, $17_{3, 13}$, нєдєлє 14_{14}, нєдєломь 14_{21}, наслєдȣнтє 14_{21}, вєровастє 13_{18} (v tekstu: вєровахсє!) 13_{23}, вєрȣ 16_{21}, вєрȣющнємь 16_{22}, нєвєрȣющнємь 16_{23}, вєрȣєть 16_{27},

смешающимемь 16_{18}, весовска 16_{21}, ѡведѹщимь (родителе свое) 17_{10}, вечни 17_{12}, Ѡветь 16_{10}, чловекь 15_3, 16_{26}, чловека 15_{12}, чловекѹ 15_{15}, 16_{11}, чловеци 15_{18}, 16_{15}, чловечански 14_2, видеше 13_5, видесте $14_{15,\,17,\,19}$, 17_{15}. Taka *e*- in jekavska mešanica je navadna v dubrovniških listinah od 13—15. stoletja (Rešetar o. c. 84) in še danes se nahajajo ekavizmi tudi v Boki (ib. 72). Posebno važni pa so primeri za *i* nam. ѣ: дила (g. pl.) 13_{19}, непо[ко]ливимога 15_8; semkaj štejem tudi вићѹ 15_{17} t. j. věća v pomenu iudicium (Daničićev Рјечник из књижевних старина српских ima samo вѣча consilium) kakor v slovenščini (gl. A. Kaspret, O večah, Časopis za zgodovino in narodopisje IV. 214 sl., 225, Pleteršnik Slovar II. 752), ki ima v besednem zakladu večkrat stike z Dalmacijo (v poljščini je wieca Adelsgericht, kar navaja Miklosich EWb. 388, po primerih v Lindejevem Słowniku n. pl. od wiece).

Bržkone je tudi приетоли 15_{6-7} pogrešek za пристоли (mogoče je seveda tudi приетоли), kajti v isti vrsti imamo tudi непо(ко)ливимога in *i* še je danes v takih prefiksih in predlogih navaden (Budmani, Rad LXV, 156). Taki ikavizmi se vjemajo s staršim dubrovniškim narečjem, ali ni izključeno, da so ostanki, ki kažejo, da je prevod nastal še bolj na severu od Dubrovnika.

Izmed drugih posebnosti, bi kažejo jasno na Dubrovnik in primorske kraje, še omenjam: *va* za вь, kar pripisuje Miklosich Hrvatom (Vgl. Gr. I² 414) n. pr. ва дань сѹдни 16_{10}, ва чреке 16_{17}, ва светѹ неделѹ 14_{2}, 17_3 (samo enkrat ѹ цркви 17_8); vokalizacijo *l* v tujki отаромь 13_6 (Radčenko je kakor še v nekaterih drugih dialektičnih slučajih pristavil *sic*, ali ta oblika je v Dubrovniku navadna, Budmani, Rad LXV. 162_{13}, pr. 163); medglasniški *r* za *ž*: тере 13_{13}; *p* za *f*: серафимимехь 15_{10}; *čkv* za *škv*: ѡцкврнающиа 16_{21}, црквенихь t. j. ѡцкврненихь 15_{22}; izredni ostanki *i* za *y*: acc. sgl. камн 13_{11} (vendar камень 15_{11}, acc. pl. ва веки 13_{24}, acc. pl. на ви $13_{20,\,24}$, $15_{1,\,17,\,20}$, $16_{3,\,8}$ (kami, vi . . »je jako obično u Boci«, Kušar, Povijest razvitka našega jezika hrv. ili srp. 85; enklitični v Črni Gori navadni dat. pl. se čita: кѹнѹ кн"е азь 15_1); pristavljen *j* v pronominalni deklinaciji: толѝѹи 16_{12}, $17_{6,\,8}$, толикѹи силѹ) 13_8; imperfekt na êhъ: внеше 13_8, внехь 14_2, pr. Miklosich Vgl. Gr. III. 224, Daničić Историја облика 302—305); z glagolom *imam* sestavljen futur (Miklosich Vgl. Gr. III. 247 ga pripisuje Hrvatom): имамь исѹшити 14_9, 15_{89}, послати имамь 15_{11} попалити [illegible] 15_{12}, пѹстити — $15_{17,\,20}$, 16_3, имамь пѹстити $15_{[illegible]}$ [illegible] имамь 15_{23}, kjer ima belgradski rokopis povsod [illegible] Zapadna je tudi besedna oblika — gen [illegible]гнѹтни

14_{21} v pomenu resurrectio poleg ускрͨєниє 15_{15} (Daničić Рјечник из књижевних старина српских navaja samo вьскрьсеник) in pa katoliško ime Ivan: Ѿ ивана 14_{19} (ı͡ѡнаа belg.) poleg pravoslavnega иѡвана 14_{4}.

V varijantah belgradskega rokopisa so jekavizmi redki (гниєва 19), zato na nahajamo jasne zapadne srpsko-hrvaške oblike: gen. sgl. нєдєли 19 (pr. Daničić Историја облика 16, Miklosich Vgl. Gr. III. 210), ѡвоүи (книгоү), тогди, никамоpє 19, томоүи 20 (dvakrat).

Tu imamo torej filološki dokaz, da je na jadranskem morju bila znana Epistola o nedelji in nekje tam tudi prevedena; ohranjena nam je torej zapadna redakcija, kakoršno sta predpolagala A. N. Veselovskij za ruski tekst Tichonravova (Журналъ мин. нар. просв. 1876, мартъ, 115—116) in S. G. Vilinskij za bolgarske tekste 16. in 18. stoletja (Лѣтописи историко-филол. общ. X., Одесса 1902, str. 105, 108—111), kajti tu je v ospredju Rim (v plovdivskem rkp. sicer ni naravnost imenovan kakor v belgradskem dvakrat, ali jasno kažejo nanj uvodne besede ва храмѹ ст͞го апѹстола пєтра) in ni treba z Veselovskim in Vilinskim misliti, da ruski in bolgarski teksti izhajajo iz kakega grškega, ki je bil predelan iz kakega latinskega.

Ne dvomim, da izhajajo ruski teksti Tichonravova, bolgarski (pr. posebno pogreško мѣри Vilinskij 118 in с мєрє plovd. = лицємѣрїє belgr.) in oba srbsko-hrvaška iz istega prevoda, ki se je mnogo predelaval, popravljal, razširjal in krajšal, seveda tudi večkrat prikrajal domačim razmeram (pr. »episkupa« in patrijarha Novaka v plovd. rkp. nam. Jonna belgr.).

Mogoče bi seveda bilo, da je kak starši bolgarski tekst prišel k Hrvatom in Srbom na jadransko morje in dobil tukaj narodno obliko, vendar proti temu govori stvar sama po sebi in vsled tega tudi letnica 1478 bolgarskih tekstov (Vilinskij 104). Tudi na to se smemo sklicevati, da se v vseh naših tekstih poleg Nedelje slavi tudi Petka; ta pa se je, kakor je Veselovskij (80—101) dokazal, začela častiti na zapadu, kjer so jo posebno povzdignili flagellanti. Torej tudi to kaže, da je izvirnik prišel še le pozno iz zapada, ko ni več misliti na bolgarski vpliv na jadranske Hrvate in Srbe. Vendar latinskega ali laškega (na takega sploh ne bi mislil, ker oba srbsko-hrvaška teksta ne kažeta v takih prevodih navadnih italijanizmov) izvirnika za naše tekste še ne znamo, rečem pa lahko, da mu je najbliži od Stumpfa[1]) v »Historia

1) Neue Mittheilungen a. d. Gebiete historisch-antiquarischer Forschungen, hrsg. v. d. thüringisch-sächsischen Verein f. d. Erforschung des vaterländischen Alterthums. II. B. 1-es Heft, 1835.

flagellantium praecipue in Thuringia« izdani latinski tekst (pr. Veselovskij, 89—90).

Jasno dubrovniška sta od Radčenka iz istega plovdivskega rokopisa въ Извѣстіяхъ Отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ Т. VIII. Кн. 3 str. 349—352 izdana apokrifna teksta Почетие свиета in nepopolno pripovedovanje o koncu sveta, vendar vsaj prvemu se pozna cerkveno slovenski, bržkone glagolski izvirnik (n. pr. Eva se dosledno zove евга), spada torej med glagolske in cirilske tekste, kakoršne je Jagić objavil v svojih »Prilozih« že l. 1868. Nadaljevanje njegovega dela posebno na tem polju še obeta mnogo sadu.

Dodatek. Ko sem pisal ta članek, še nisem imel pri roki maloruskih tekstov, ki jih je izdal Dr. Ivan Franko v IV. t. »Apokrify i legendy« (izd. arheografična komisyja Naukovogo tovarystva imeny Ševčenka, u L'vovi, 1906). Neznani sta mi bili tudi razpravi Maximiliana Bittner-a »Der vom Himmel gefallene Brief Christi in seinen morgenländischen Versionen und Rezensionen« (Denkschriften d. kais. Akademie d. Wissenschaften, phil.-histor. Kl., B. 51, Wien 1906) in pa P. Hippolyte Delahaye, S. I. »Note sur la légende de la lettre du Christ tombée du ciel« (Académie royale de Belgique, Bulletin de la classe des lettres 1899, p. 171—213). Proti drugim učenjakom sta Delahaye in Bittner dokazala, da so grške verzije in črez nje *vse* vzhodne prišle iz zapada. V kaki zvezi so slovanske med seboj in z grškimi izvirniki, na katere je vendar treba misliti vsaj pri večini slovanskih verzij in recenzij, bo še treba natančno preiskati.

Gradec. *M. Murko.*

Etymologisches.

Jerîča sf., slow., 'die stachelige Kastanienschale'. Pleteršnik s.v. vergleicht *ježica* von *jež*, was lautlich nicht angeht, weil *č* nur durch Annahme einer ungewöhnlichen Fernassimilation vor Wandlung des intervokalischen *ž* in *r* erklärbar wäre. Gleichwohl steckt im Worte der Name des Igels, doch nicht der slawische, sondern der romanische, wie er aus dem Rumänischen auch ins Kleinrussische als *jaryć*, *jarej* eingedrungen ist (Miklosich, EW. 100: jaričŭ). Für das nur im Westen gebräuchliche slowenische Wort hat man indes nicht vom Rumänischen, sondern von dem Italienischen oder Rätoromanischen auszugehen, wiewohl auf diesem Gebiet heute das anlautende *e* geschwunden ist; denn vom lat. *ēricius* 'Igel' hat man im Ital. jetzt nur *riccio* 'Igel, stachelige Schale, Kapsel, Hülse der Kastanie', friaul. *rizz* 'scorza spinosa della castagna, animale Erinaceus' usw. (Pirona s.v.). Andere romanische Sprachen haben noch den anlautenden Vokal: drum. *ariciu*, megl. *arič* neben *rič* 'bogue, hérisson, enveloppe épineuse de la châtaigne', provenz. *erissons*, afrz. *eriçon*, *ireçon*, span. *erizo*, port. *ericio* (Körting[2] 3273). Das slow. Wort geht daher auf eine Zeit zurück, wo die benachbarten rom. Sprachen noch *e* im Anlaut hatten; die Geschlechtsänderung kann mit Anlehnung an die ähnliche Bedeutung aufweisenden Feminina wie *ježica*, *lupina*, *luščina*, *robina* u. ä. eingetreten sein.

kudâti v. ipf., slow., 'denken, meinen' (im äußersten Westen). — Aus dem Romanischen: **cōgitāre*, **cūgitare* für alat. *cōgitare* 'denken' entwickelte sich zu altital. *coitare*, provenz. *cuidar*, afrz. *cuidier*, span. *cuidar* (Körting[2] 2305). Das Vorkommen des Wortes im Slow. ist ein Beweis für dessen langes Leben im Nordital. (beachte *d* für *t*) oder Rätoromanischen.

ladrōna sf., slow., 'enge Gasse' (im äußersten Westen). — Aus friaul. *androne* 'vicolo angusto ed ignobile, lat. barb. *androna*, gr. *ἀνδρών*' (Pirona 6); lat. *ăndrōn*, *ăndrōna* (*ἀνδρών*) 'ein Gang zwischen zwei Mauern eines Gebäudes', ital. *androne* 'breiter Gang, Vorhaus' (Körting[2] 639). Wenn das anlautende *l* nicht schon im Romanischen angetreten

ist, so dürfte sich aus *androna* zunächst **nadrona* und daraus durch Ferndissimilation *ladrona* entwickelt haben; eine andere Möglichkeit ist die, daß im *l* der rom. Artikel stecke und das erste *n* durch Dissimilation geschwunden sei, wobei bei einem vicolo angusto ed ignobile infolge einer volksetymologischen Adideation der darin auflauernde *ladrone* 'Räuber' mit im Spiele gewesen sein mag.

maranča sf., slow., 'die bei Verschreibung des Vermögens auf den Sohn zu entrichtende Gebühr, Übertragungsgebühr'; das Wort wird in dieser Form im Tolmeinischen gesprochen, wo auch, doch seltener, die Form *naranča* gehört wird. — Diese letztere eröffnet uns den Ausblick auf den Ursprung des Wortes, welches das abgekürzte ital. (ven.) *onoranza* wiedergibt: 'rigaglia, quel più che si cava delle possessioni date altrui in affittanza: dicesi anche in Veneziano regaglia' (Boerio 452, 562); friaul. *onoránze* 'onoranza: contribuzioni, che i fittajuoli delle terre devono pagare al padrone quasi a titolo di regalo in aggiunta al fitto' (Pirona 275). Wegen der Bedeutung vgl. das bayr. *Ehrung* (*Érung*) 'Geschenk, das bei verschiedenen Gelegenheiten herkömmlicherweise gemacht werden muß, vorzüglich bei Hochzeiten. Heutzutage besteht die Érung auf Hochzeiten besonders in dem, was der Hochzeitsgast außer dem bestimmten Mahlgelde gibt. In der feudalen Terminologie ist Érung dasjenige, was bei Gutsveränderungen außer dem Laudemium gegeben wird. Nicht selten sind die Ehrungen förmliche Abgaben. Der Érschatz, Abgabe bei Lehensveränderungen an den Landesherrn zu entrichten (verehren), Laudemium. Ein êrschatziges Gut, ein erbfälliges, solcher Abgabe unterliegendes Gut' (Schmeller-Frommann, Bayr. Wört. I. 126—127). In *maranča* trat *m* für *n*, indem wohl *pomoranča* neben *naranča* mitwirkte; vgl. indes auch *Miklavž*, *Mikloš* gegenüber *Nikolaus*.

merežati v. pf., slow., 'womit versorgen, auschaffen', meist reflexiv (im Westen). Das Wort erlitt eine Metathesis aus **remežâti* (vgl. *remé-selj* 'Lonicera caprifolium' für **maréselj* aus **maresèlj* = it. *madreselva*). In **remežati* steht *ž* für ven. *dz*, *z*, resp. friaul. *z* aus ursprünglichem lat. *di*, wie wir auf slow. Gebiet solches *ž* (allerdings nicht bloß für *di*, sondern auch für *gi*) auch sonst finden: ven. friaul. *zenso* > slow. *ženso*, *žencr*, friaul. *zornáde* (giornata) > *žrnáda*, friaul. *zej*, *zeja* > slow. *želj*, ven. *zogo*, friaul. *zug* > slow. *žoga* 'Spielball' usw. Das dem **remežati* entsprechende friaul. Wort lautet *rimedeâ*, *rimiedeâ* 'rimediare, riparare, provvedere, ersetzen, sicherstellen, versorgen', ital. *rimediare* [illegible] *rimedire* neben *redimere*, aus welchem die zuerst angeführten Formen [illegible] Hilfe, Mittel' erklär[illegible]den (vgl. Körting²

7865). Das gelehrte *rimedio* hielt wohl auch die Wandlung des *dį* in *ģ* (*dz*, *z*) im Ital. in Friaul. auf, doch nicht, wie das slowenische Wort zeigt, mit vollem Erfolg.

pȃr sm., serbokr., 'Augenblick, Nu': u jedan par 'auf einmal, jetzt'; u ovaj par̂ 'jetzt'. — Das Wort ist zu scheiden von *par* in der Bedeutung 'Paar' und ist einheimisch. Es gehört zur Wz. *per-*, die 'schlagen, stoßen, treten, reißen' bedeutet (bei Miklosich Et. Wtb. *per-* 2, 3, 4). Ähnliche Bezeichnungen für 'Augenblick' sind: *raz* 'Hieb, Schnitt', bayr. *Hieb* 'Augenblick' (davon slow. serbokr. *hip*), ital. *botto* 'Schlag', slaw. *krat* lit. *kar̃tas* 'Hieb', vielleicht auch d. *Mal*, dessen Bedeutung 'Narbe, auf 'Hieb' weist.

skaramucha m., poln., 'Buffo, Hanswurst, lustige Person'. — Aus r. скоморохъ скомороха 'Gaukler' umgestellt, worüber Miklosich, Et. Wtb. sub skomorchŭ zu vergleichen ist.

skarga f., poln., 'Klage', *skarżyć* 'anklagen', slowak. *skarha* id., wr. *skarha*, *skaržać* 'id.'; os. *skoržić*, *skoržba*, ns. *skaržyś*. Bei Miklosich, Et. Wtb. 298, unerklärt. Das Wort hat schon der Bedeutung wegen nichts mit *kara*, *karati* zu tun. Das in Schlesien gebrauchte čech. *skarba* ist aus dem poln. *skarga*, wobei nur das ungewöhnliche *-ga* durch den bekannteren Ausgang *ba* andrer Wörter ersetzt ist; ähnlich sind aus dem Polnischen auch die weißr. und slowak. Wörter herübergenommen. — Das Wort ist wohl — denn ein slav. Suffix *-ga*, *ъga* gibt es nicht — aus dem Deutschen entlehnt, wo wir finden: bayr. *schergen*, *aufschergen* eine Person oder Sache (bayr. Wald, verächtlich), sie anzeigen, anklagen, verklagen; andere *verschergen* (*vəˁſchiəˁgng*); im Salzb. der *Schergant* lictor von *Scherg* der Gerichtsdiener: ahd. *scarjo*, *scaro*, mhd. *scherje*, *scherge* (Schmeller-Frommann II. 465 f.); steird. *schirgen* 'gerne anzeigen, heimlich anklagen, verraten, anschwärzen', *Schergantel* 'Postenträger, heimlicher Anzeiger' (Unger-Khull s.v.) Auch im Polnischen heißt *skarga* 'Klage' nur in gerichtlichem Sinn und *skarzyciel* ist neben 'Ankläger' geradezu 'Denunziant'. Formell steht unserer Zusammenstellung nichts im Wege, besonders wenn wegen des *sk* die Entlehnung in ziemlich frühe Zeit verlegt wird; poln. *a*, os. *o* kann gleichfalls nicht auffallen.

soł m., poln., 'die Speisekammer in Bauernhäusern'. Miklosich erklärt es im Et. Wtb. 314 nicht. — Es ist das d. *Saal*, mhd. *sal* 'Wohnsitz, Saal, Haus, Halle (meistens nur einen Saal enthaltendes Gebäude) auch Tempel, Kirche'. Wie *Kammer* zum Begriff 'Speisekammer = Ort, wo Speisen aufbewahrt werden', so sank auch der weite, geräumige *Saal* zu demselben engen Begriff herunter; deutsches

a wird zu *o*, vgl. *krochmal* aus *Kraftmehl, grof* aus *Graf* usw. (Korbut, Prace fil. IV. 398 f.). Anlaß dazu gab in unserem Wort die d.-schlesische Aussprache des *sal* als *soal* (Weinhold, Deutsche Dialektf. 28); vgl. auch kärnt.-d. *sál*, *sól* 'derjenige Raum im ersten Stockwerk des Hauses, der über der láb'm (Laube) sich befindet' (Lexer 24).

vidati v. ipf., serbokr., 'heilen': vidati ranu 'die Wunde heilen'; *vidar* 'Wundarzt, Chirurg'. Miklosich im EW. 391 b vergleicht rum. *vindec* 'heilen' < *vindico* 'rächen, retten, aus der Krankheit retten, heilen' (Puşcariu 1893). Der Ausfall des *n* und der Abfall der Silbe *-ek* (*-ik*) wäre bei Annahme von Miklosichs Erklärung unbegreiflich. Hält man hingegen dazu das slow. *videti koga* (kdo me bo pa bolnika videl? 'wer wird mich Kranken betreuen, besorgen?' in Sedlo bei Karfreit), so ist offenbar *vidati* nur das Iterativ zum Durativ *viděti* 'sehen'. Der Begriff der Besorgung des Kranken, der Sorge um dessen Heilung, um dessen Pflege wird häufig durch Ausdrücke für 'sehen, besichtigen, wahrnehmen' wiedergegeben: vgl. gr. *ἐφορᾶν* 'besichtigen, besorgen, sich kümmern, Kranke besuchen': d. *besehen* (ält. Spr.) 'besuchen, besorgen, pflegen, warten: Den Nakaten kleiden, den Kranken besehen, den Toten begraben' (Schmeller-Frommann II. 245). Der Akzent des serbok. Wortes stimmt gleichfalls zu r. видáть = вúдывать. Die Form *vidati* war einst allgemeiner als jetzt, wo sie einigen Sprachen ganz abhanden gekommen ist.

voltrîn sm., slow. In Trubers »Catehismus s dveima islagama« 387 lesen wir: »Vnei nimi se ne ima naiti obena Curba ali Curbar inu oben Pankart oli Voltrin.« Die Bedeutung ist demnach 'Bastard, der außer der Ehe erzeugte'. Das Grundwort ist offenbar das lat. *adulterinus* 'im Ehebruch erzeugt'. Bedenkt man, daß das lat. *adulter* 'Ehebrecher' im altital. *avoltero*, provenz. *avoultre*, *aoultre*, afrz. *avoutre* (über **abulter*, vgl. Körting[2] 25) lautet und sich sogar zur Bedeutung 'Bastard' entwickelt hat, so ist damit auch die Form des slow. Wortes aufgeklärt. Das anlautende *a* ging wie im dialektisch im Westen gebrauchten *vokat* aus ital. *avvocato* im Sandhi nach Wörtern mit auslautendem *a* verloren.

Graz. *K. Štrekelj.*

I. Połobske teksty.

Macte, doctor, etiam mortui te salutant!

Pěkna a khwalobna je to mysl, wučeneho a wšostronscy lubowaneho wjednika našeje słowjanskeje filologije při swjedźenju jeho 70. narodninow ze zběrnikom we wšitkich słowjanskich rěčach postrowić a zwjeselić, dokelž dźě wón je wšitke a tež najmjeńše mjez nimi z jenajkej lubosću pěstuje!

Zo by so tuto wotmyslenje wšomóžnje dospěło, k tomu ma tež tole ponižne dźěłko słužić. Njech we nim naši słowjanscy bratřa z najdalšeho sewjerozapada, *limborscy Drjewjenjo*, na khwilku ze swojeho wěčneho spanja wstanywši we swojej maćeŕšćinje k njemu rěča, kotraž je před nimale 175 lětami na wšě časy wuklinčała a z nimi do rowa spadła, a ja njech sym z jich tołmačom.

W rěči limborskich Drjewjan je so nam jenož něšto małko ze sobu zwisowacych a zwjazanych tekstow zakhowało, wšo druhe su jenož jednotliwe słowniske słowa a někotre po tych žórłach rozpróšene jednotliwe sadki, po němskich sadach zběraćela ad hoc pak lěpje pak hórje, njerědko samo mylnje přełožene, za čož njech je k dopokazej jenička sadka z *Pfeffingeroweho* vokabulara (Chap. 20, Des phrases): Voulez-vous coucher avec moi? — *Jûs nitz Sobóot* (t. j. jos nio såpót = ds. ja ńocom resp. ńok spaś), štož njeje přełožk francoskeho abo prěnjotnje němskeho prašenja, ale wotmołwjenje na njo, hišće dźensa wo póććiwosći woneho Drjewjanskeho holiča swědčace, kotrež tak raznje wotpowě.

Dołho je trało, doniž so wšitke te powostanki połobskeje słowjanšćiny limborskich Drjewjan wědomostnemu swětej w zhromadnej knižy předpołožichu a přistupne sćinichu. To je skónčnje na wabjenje wědomostneho towaŕstwa mjena wjeŕcha Jabłonowskeho w Lipsku sćinił dr. Pawoł Rost w knizy: Die Sprachreste der Draväno-Polaben. Leipzig 1907, štož je jeho wulka zasłužba.

Do tych zwjazanych tekstow słušeju wšo we wšom tele: 1. *Tři legendy* w lisće *Mithoffa*, přir. Rost, str. 47 sl. 2. *Tři rozmołwy* w

khrónicy *Paruma Schultze*, přir. Rost, str. 67 sl. 3. *Ptači Kwas*, narodna pěseň z hłosom zapisana wot *Khř. Henniga*, přir. Rost, str. 175 sl. 4. *Wótčenaš* w štyrjoch recensijach a to: a) *Mithoffowej* ze snadnuškej próstwičku (Rost, str. 47). — b) *Hennigowymaj* trochu mjez sobu rozdźělnymaj (Rost, 177 sl.). — c) *Müllerowej* z přidawkom tak mjenowaneje spowědźe (Rost, 51 sl.) Wot tutych tekstow buštej *Wótčenaš* a *Ptači Kwas* často wotpisowanej a tež na pokazku rěče Drjewjan we wšelakich knihach zwotćišćowanej, přěniše pak wostachu nimale njewobkedźbowane a njeznate, štož je čim spodźiwnišo, čim wažniše a zajimawše wone su jako powostanki połobskeje *ludoweje* rěče. Přetož tón Wótčenaš njeje žadyn ani wot limborskich Słowjanow hdy był wužiwany ani cyrkwinscy postajeny, ale je kóždy wonym zapisowarjam po jich němskich słowach ad hoc lěpje hórje přełoženy tekst Knjezoweje Modlitwy, haj Müllerowy Wótčenaš ze spowědźu je samo hoły njelepy falsifikat.

Zhromadnje tute teksty hišće wot nikoho wozjewjene njebuchu, kajkež je ja tu podawam pod a) w *lisćinskim* a pod b) we *znormalisowanym* prawopisu, jenož Knjezowu tu Modlitwu z jeje přiwěškami sym w stronu wostajił, dokelž ta žadyn wutwor ludoweho ducha njeje, kaž Ptači Kwas a te legendy, kotrež wěsće z časa do reformacije pokhadźeju; a k nim hodźa so z dobrym prawom Rozmołwy Paruma Schultze přiličić, dokelž běše Šołta muž z ludu a sam limborski Słowjan, kiž swoju maćeršćinu hišće znaješe: wšitcy druzy zapisowarjo pak běchu Němcy abo Njesłowjenjo, drjewjanšćiny njewědomi.

Při přepisanju tekstow do znormalisowaneho prawopisa sym so zwjetša postajenjow *A. Schleichera* dźeržał, w někotrych dypkach sym so *P. Rostej* přidružił, w druhich pak sym po swojich zasadach šoł, ale wšitke te zasady a zakonje tu nadrobno rozestajeć, by mjezy městna mi přiměrjeneho přestupiło, tuž porěču snadź pozdźišo raz wo nich po wudaću *drjewjano-połobskeje* rěčnicy, kotruž je nam dr. P. Rost slubił.

A. Tři legendy.

I. a *Plötüs Wasung drenü Wottong* ***rösgung suitsj Wargnüme*** *Büsje nosüje prowa tsilesoi coquile Wargne* ***Büsaz copcung caroi aipoistas*** *toqüile Moroika slase a[i]poistas. Tjiriileis.*

b *P[ü]lötüs razũ drenüvötõ rözgũ, sricẽ* ***várchnûmŭ Büǵôj nó süje*** (m. *jěgo*) *prörẽ celesüi: kok rile rárchnũ Bŭzäc* ***kopkũ*** (**mylnje m.**: ***kop-*** *kür*) *barüi üupüustás, tok rile Moráijka slázë* (**sláz**) ***üupüustás. Kiriolëis.***

[illegible] *Dauns ian Mor[illegible] daanaaz Waddaan* ***noos Jesús porüdeine*** [illegible] *afstürin* ***aminc Wade simin tr missi***

noos Jesus afstörial tooktung Krie[g] wa ganzen Weltie afstörial. Tji-rioleis.

b) *Dåns jā Moráijin dånåc, vå tån* [přir. ds. ten, hs. tón] *nos Jesús pörüdénÿ, tôrÿ dån dūpalái jėg, tritī dån afstôřał koméné vădē zémā: tü vėšū nos Jesús afstôřał; tok tū krig* (m. *vüjnõ*) *vå ganzen velťe afstôřał. Kirioléis.*

III. a) *Moroia güdi wackaarst tserk Weitse sat taraime suétskome soikas Büsie* (m. *Büfze*) *nem salojick nit jidde noocht seidee lúmang tsoorne dreine techung Büsje* (m. *Büfze*) *wir diattai tu my Büsac nibas waine wissang lidang prilidiot* (m. *-iol*) *por noosse grees neitje.*

b) *Moráija chüdí våkărst cårkvåicė så tåráimė svėckómė såukat Büzcē (Büzcá); nemzało jėg nigėde nojt; záidė łümā córne drenē, tëchū Büzcē (Büzcá) virgat; tåi tü* (m. *tü tåi*), *müj Bůzåc, ni-bas váin[n]ÿ; vėsā lidā prėlid'oł pör nos grėsnáiǩÿ.* [*Kirioléis.*]

B. Tři rozmołwy.

I. Próstwa a wotpowědź.

1. *Młodźenc.* a) *Tüu pud zehn har, heid sangd kam mahn, Johss zang Tibbe zöhg rietzat; Johss mehnang: Johss tech tiebe rado meht; Müh Lohlja un mohtey Jista din wat tung klüud; Müu mohm wissie* (m. *-ic*) *waa nohss Wiesaa, Kack Pattinze Mlakaa, un Diebbra sehna, tüh müu neh mom. Johss saarang hile noh Tiebe waa Zartje.*

b) *Tåi, püjd sëm* (*har*)*! Aid, sād kă mā, jos cā tėbė cėg ricåt; joz mėnā: Joz tëch tėbe radåi met; müj ľóľa un* (m. *a*) *motåi jista din vå tū klüud; måi mom*(*ë*) *vėsėg vå nos*[*ė*] *vėzė, kak* (*kok*) *påtincė, mláka — un* (m. *a*) *dūbré*(*j*) *zénÿ* (*abo: dūbrā zénā*), *tü måi nė-mom*(*ë*)*; joz zårā hile nó tėbe vå cårǩë!*

2. *Holico.* a) *Ninna Tüu kummas kam mahn, Wass zehm lijungdo nie jang nie Jaddahn Deffca, tung Tüu nie prosal; ninna teu wid wissiem Tung Tjetzehr kriejohl, ninna Johs mohm Tüh Brüdt Büut; Teu nie mehnass Dibbrü Deffca, Tüu siess laa wiel Jeldt meht, pirtü Tibbe ni-tzang meht, Tüu Jiss ninna stohr kaw wrijohn.*

b) *Niňa tåi kúmas kå mā vå sem ľüdó; nė jā nė* (*ni*) *jadån* (*jadna*) *dėvka, tā tåi ne-prósał; niňa tåi wüt vėsėm* (m. *vėsėch*) *tā ǩėcėr krigoł, niňa joz mom tüj*(*a*) *brüd båit; tåi ne-méňas dübré*(*j*) *dėvkÿ, tåi cės la vile geld* (m. *pāzë abo pāz*) *met: pür tü tėbe ni-cā met, tåi jis niňa stor kå vrijom* (přir. ds. *ku fryjam*).

II. Zdwórliwe přeprošenje k blidu.

a) *Püd zehm kaa nohss Deissco, mohss maade Jeest, Tad Jang Jaddan stüul, heyd zangdie! Deffca holjo Talleer Dannüu! Zehm Jang Jaddan Lasseitz. Tung Kohlüu Jang hist Teplüh, Tüu Tühe Wäusta nie wiedseess! Weitz taad wam Schweinew Mangsie, Taad Jang hist zaar un mohssco, taad stühe Peiwü pey, Neeg Tiebbe Tüh Schmacojie!*

b) *Püjd sem kâ nos daiskó* (m. *nóséj daisǩé*), *mos made jėst, tad jã jadán stüul; aid, sãdė! Dévka, hoło(j) talér danûu! Sem jã jadán* (m. *jadna*) *łâzáića; tũ kolûu, jã jist(ė) teplû, tái tûje vâusta né-vüzzes* (*vüzdzes*)! *Vaidz tad, wám sváinėv(e)* (abo: *swáinė*) *mãsû, tad jã jist(ė) sár un* (m. *a*) *mos[t]kó, tad stûji paivû; paj! Nech tébe tü šmakóję!*

III. Pěkne zasady a wěcy.

a) *Johss zang kaa Weitje heit! Johs mohm hist zittir kreyw; Johs zang minne tock peyohn peit. Tidje sehna siete minne schworet. — »Tüu mohss wiltje wungs zaa wiel wlassa!« — »»Mohm johss wlassa, tidje mohm tock kack dräuje läudey!«« — »Noh tühe wungss mühse hist drehn rühst.« — »». . . . . heide!««*

b) *Joz cã kâ váiǩë ait! Joz mom jist(ė) cétýr gráiv[ný], joz cã méné tok paijón pait; tüģė, zéný, citė méné svórėt. — — »Tai mos vilkÿ vûs sâ vile vlásÿ* (= stsł. *vlasy*)!« — »»*Mom joz vlásÿ, tüģė mom tok kak dráuģė läudái!*«« — »*Nõ tüjė(m) vûs(ė) mûze dren rüst!*« — »»*Bu. störë bobái! Aidtė!*««

C. Ptači Kwas.

a) 1.

Katü més Ninka bayt?
Telka més Ninka bayt:
Telka ritzi woapak
Ka neimo ka dremo:
Jós gis wiltga grisna Sena;
Nemik Ninka bayt,
Jos nemik Ninka bayt.

2.

Katü més Santik bayt?
Stresik més Santik bayt:
Stresik ritzi woapak
Ka neimo ka dremo:

b) 1.

I. »*Katû mës ninka bäit?*«
II. »»*Gélka mës ninka bäit!*««
Chor: *Gélka ricė väpak*
Kâ naimó kâ dvemó:
III. »*Joz jis vilǩë grûzna zéna;*
Némüg ninka bäit!«
Chor: *Joz némüg ninka bäit!*

2.

I. »*Katû mës zãtik bäit?*«
II. »»*Strézik mës zãtik bäit!*««
Ch.: *Strézik ricė väpak*
Kâ naimó kâ dvemó:

Jós gis wiltga mole tgaarl;
Nemik Santik bayt,
Jos nemik Santik bayt.

III. »*Joz jis vilkë mólý karl;*
Némüg zătik bâit!«
Ch.: *Joz némüg zătik bâit!*

3.

Katü mês Treibnik bayt?
Wórno mês Treibnik bayt:
Wórno rítzi woapak
Ka neimo ka dwemo:
Jós gis wiltga tzórne tgaarl;
Nemik Treibnik bayt,
Jos nemik Treibnik bayt.

3.

I. »*Kâtû mës trâuvnik bâit?*«
II. »»*Wornó mës trâuvnik bâit!*««
Ch.: *Vornó ricė văpak*
Kă naimó kâ dvemó:
III. »*Joz jis vilkë córný karl;*
Némüg trâuvnik bâit!«
Ch: *Joz némüg trâuvnik bâit.*

4.

Katü mês Tgauchgor bayt?
Wautzka mês Tgauchgor bayt:
Wautzka rítzi woapak
Ka neimo ka dwemo:
Jós gis wiltga glupzit tgaarl;
Nemik Tgauchgor bayt,
Jos nemik Tgauchgor bayt.

4.

I. »*Kâtû mës kauchór bâit?*«
II. »»*Văųcka mës kauchór bâit!*««
Ch.: *Văųcka ricė vâpak*
Kă naimó kâ dvemó:
III. »*Joz jis vilkë głupcüjt karl;*
Némüg kauchór bâit!«
Ch.: *Joz némüg kauchór bâit.*

5.

Katü mês Czenkir bayt?
Sogans mês Czenkir bayt:
Sogans rítzi woapak
Ka neimo ka dwemo:
Jós gis wiltge dralle tgaarl;
Nemik Czenkir bayt,
Jos nemik Czenkir bayt.

5.

I. »*Kâtû mës śenkir bâit?*«
II. »»*Zójăc mës śenkir bâit!*««
Ch.: *Zójăc ricė vâpak*
Kâ naimó kâ dvemó:
III. »*Joz jis vilkë dralý karl;*
Némüg śenkir bâit!«
Ch.: *Joz némüg śenkir bâit.*

6.

Katü mês Spellman bayt?
Bütgan mês Spellman bayt:
Bütgan rítzi woapak
Ka neimo ka dwemo:
Jós gis(?) wiltge dauge Roat;
Nemik Spellman bayt,
Jos nemik Spellman bayt.

6.

I. »*Kâtû mës spelman bâit?*«
II. »»*Bûťan mës spelman bâit!*««
Ch.: *Bûťan ricė vâpak*
Kâ naimó kâ dvemó:
III. »*Joz jis* (m.: *mom*) *vilkë dăųgý rât;*
Némüg spelman bâit!«
Ch.: *Joz némüg spelman bâit.*

7.

Katü mês Teiska bayt?
Leiska mês Teisko bayt:
Leiska rîtzi woapak
Ka neimo ka dwemo:
Risplasteite miang Peisong,
bungde wóassa Teisko,
bungde wóassa Teisko!

7.

I. »*Kátû mës dáiska bait?*«
II. »»*Láiska mës daiskó bait*'«
Ch.: *Láiska ricė rápak*
Kă naimó kă dcmó:
III. »*Rüzpłástáitė müjă páizdŏ,*
bŭdė rósa daiskó!«
Ch.: *Bŭdė rósa daiskó.*

II. Dokońałosć a ńedokońałosć dolnoserbskego słowesa.

Parvos parva decent; δόσις δ' ὀλίγη τε φίλη τε.
(Hor. ep. I. 7. 44.) (Hom. Od. 6. 208.)

Akož w drugich słowjańskich rěcach tak teke w našej dolnoserbskej rěcy pla słowesow formalna, syntaktiska a leksikalna strona mjazy sobu nejžluzčej zwisuju, tak až jo pśi jich hopisańu żělene tych tśich momentow lědba móžne; togodla jo teke słoweso nejšěžšy žěł dolnoserbskeje rěcnice. Pśiduce krotke rozestajańe wo dokońałosći a nedokońałosći (perfektivnosći a imperfektivnosći) to nejlěpej hobswětli.

We słowjańskich rěcach glěda se pśi kuždem słowesu nic jano na jogo *kakosć* (modalitu abo kwalitu) t. j. lěc jo słoweso transitivne atd. abo iterativne, momentanske atd., ale wósebńe tež na *dlujkosć* cyńenki abo byśa t. j. lěc jo cyńeńka abo byśe ako *dokońane* abo *ńedokońane* myslone a tak se wšykne słowjańske słowesa do dweju rědowu rozdźěliju do *perfektiwnych* a *imperfektiwnych* (dokońałych a ńedokońałych słowesow.

Pšawe spóznaśe dokońałosći a ńedokońałosći słowesa pak jo w serbšćińe hyšći wele wažńejše ńežli w tych drugich słowjańskich rěcach ako w rušćińe, pólšćińe, češćińe, dokulaž wót togo we ńej nic jano, kaž we wónych, pšawe twóreńe *pśitomnosći* (praesens) a *pśichodnosći* (futurum), ale tež *ńehobceroneje* minułosći (imperfekta) a *hobceroneje minułosći* (aorista) wótwisujo, kótarejž stej se hu nas ako ńezestawjanej casa (tempora simplicia) dospołńe zdźaržałej.

W nastupnosći dokońałosći a ńedokońałosći słowesow pak płaśe w dolnoserbskej rěcy pśiduce głowne pšawidła.

I. Nic wšykne styri jadnore casy, ale jano pśecej dwa teju casowu se wót kuždego słowesa twóritej a to wót ńedokońałego słowesa jano *pśitomnosć* (praesens) a *ńehobcerona minułosć* (imperfektum) a wót

dokońałego słowesa *pśichodnosć* (futurum) a *hobcerona minułosć* (aoristus), tak aż akle wót hobeju słowesowu gromaźe wšykne styri casy nastanu. Rowno tak ma se to też z *póžělnikami* abo *pšechodnikami* (participia, transgressiva), na což se wót ds. spisowaśelow cesto hyšći dosć ńejźiwa: *part. praes. act.* móžo se jano wót verbow imperfektivow a *part. praet. act. I* jano wót verbow perfektivow twóriś; slědńejše pak jo jano hyšći w górnej serbšćińe žywe, w dolnej serbšćińe pak se za ńo pódlańska sada třeba:

a) *Vb. impf.*: groniś (sagen) stupaś (treten) — hyś (gehen) duś (wehen). *Vb. perf.*: řac resp. řaknuś (sagen) stupiś (treten) — pójś resp. dojś (gehen) zaduś (wehen):

1. *Praes.* 1. sg. gronim, stupam (it.) — 3. sg. źo, dujo.
2. *Fut.* 1. sg. řaknu, stupim — 3. sg. pójźo, zadujo.
3. *Impf.* 1. sg. grońach, stupach (it.) — 3. sg. źěšo, dujašo.
4. *Aor.* 1. sg. řaknuch, stupich — 3. sg. dojźě, zadu
5. *Part. praes.* grońecy, stupajucy — ducy, dujucy.
6. *Part. praet. I.* górnoserbski: rjeknywši stupiwši, došedši zaduwši — dolnoserbski: dyž (akož) řaknuch, stupich, dojźěch, zaduch resp. (3. sg.) dyž běšo řaknuł stupił dojšeł zaduł.

Pśikłady. a) *ds.*: do jśpy stupajucy (stupajucyno) padnu = conclave intrans cecidit; dyž běšo do jśpy stupił, pajźe = cum conclave intrasset, cecidit.

b) *gs.*: widźicy resp. widźo jeho zapłaka (płakaše) = ὁρῶν αὐτὸν ἐδάκρυσεν (ἐδάκρυεν); wohladawši jeho zapłaka = ἰδὼν αὐτὸν ἐδάκρυσεν.

Pśisp. Jano *kazak* (imperativus) a *póžělnik* minułosći II (*part. praet. act. II*) twóritej se wót hobeju słowesowu, zachowajucej pśitom swóju kakosć: a) *imp.*: groń řakni — stupaj stuṕ — źi pójź — duj zaduj; — b) *part. praet. II*: gronił řaknuł — stupał stupił — šeł pójšeł — duł zaduł.

II. a) W nastupnosći *kakosći* (vidъ, qualitas, Modalität) ma serbšćina *šesć* rodow (družinow) słowesa: 1. Verba momentanea. — 2. Verba durativa. — 3. Verba intensiva. — 4. Verba incohativa. — 5. Verba iterativa. — 6. Verba frequentativa.

Dokulaž pak su verba intensiva a incohativa jano wósebny pódrod verbow durativow a togo rowńa verba frequentativa jano wósebny pódrod verbow iterativow móžomy wšykne te serbske słowesa pó jich kakosći źěliś do tśich wětšych rědow (skupinow); te su: 1. Verba momentanea — 2. Verba durativa (-intensiva-incohativa) — 3. Verba iterativa (-frequentativa). — Kake maju toś te wša-

korake słowesa wósebnosći w znameńaňu a do kótarych rědowňow (klassow) wóni pó swójom tšojeňu słušaju, som kradu rozpisał w »Laut- und Formenlehre d. ns. Spr. str. 477 sll. a Šwela, Lehrbuch d. ndw. Spr. str. 64 sll. a 84 sll.

b) W nastupnosći *dłujkosći* cyňeńki abo byśa pak **verba durativa** a **iterativa** hucyňaju mjazy sobu janu gromadu (skupina) napśeśiwo **verbam momentaneam**: pŕeńše su gromaźe ***imperfektivne*** (ńedokoňałe), **momentanea** pak *perfektivne* (dokoňałe). Ale teke tym pŕeńšym móžo se dokoňałosć pśidaś, gaž je z pśigodnymi ***pśedłožkami*** (**praepositiones**) zestawjujoš. Pśi tom se kněže take rěcniske pšawidła:

III. *Pŕene pšawidło.* Kužde cysto-durativne (durativno-imperfektivne) słoweso (**verbum durativum-imperfektivum simplex**) pśehobrośijo se do cysto-perfektivneho słowesa (**verbum perfektivum**) pśez kakužkuli pśedłožku jomu pśistawjonu a zgubijo z tym ceło swóju ŕerwejšu trajucu (durativnu) kakosć, na pś.: ńedok. sł. ńasć : dok. sł. doňasć — gnaś : zegnaś — huknuś : nahuknuś — blědnuś (**incoh.**) : zblědnuś — znaś : zeznaś — pisaś : napisaś — tšikotaś (**intens.**) : zatšikotaś — paliś : spaliś — słyšaś : husłyšaś — jěsć : zjěsć.

Pśispomńeśi: a) Verba composita *denominativa* su pórědńe durativa z ńedokoňałej cyńeńku: impft. hobuzyś (wót: hobuza), pokojś (pokoj), pokuśiś (pokuta), pórokowaś (pórok) — togo rowňa: hoblutowaś (luto), hozymńeś (zymny), wótžyweś (žywy), zwódńeś (wóda) atd.

b) Tež jo weliki źeł tych zestajanych słowesow zasej do verbow imperfektivow se wrośił, kótarychž jadnore słoweso (**verbum durativum simplex**) jo se zgubiło jim swójo město dajuce abo kótarychž wóznam jo se wót wóznama jich jadnorych (**simplicia**) tak daloko wótchylił, až se same za jadnore měwaju: *dotykaś*, ***namakaś***, ***pomsćiś***, *smasaś*, *pódérbiś* atd.

IV. *Druge pšawidło.* a) **Rozkładowańe**: Licba jadnorych słowesow iterativow (**verba iterativa simplicia**) jo w dolnej serbšćińe małka, ale wšak pśecej hyšći wó něco wětša ńežli w pólšćińe; **jadnore** słowesa **frequentativa** pak w serbskej rěcy ńejsu; póslědńejše su pśez ceło wšykne a verba iterativa zwětša wšykne wót zestajanych dokoňałych słowesow (**verba perfectiva composita** z momentaneow wót durativow simpliciow) wótwožowane a to póslědńejše z pśitworkom (**suffixum**) *-a*, *-'a*, *-wa*, pŕeńše pak z *-owa* (wót U-kmenow). ***Verba iterativa simplicia*** su: *lětaś dawaś bywaś nosyś jězdźiś* a dr. — ***Verba iterativa composita*** su: *pśedawaś* (pśedaś : daś), *zaduwaś* (zaduś : duś), ***hurywaś*** (huryś : ryś) atd. — *Verba frequentativa* su: [illegible] ***pśilětowaś***

[illegible]

Pśisp. I. Verba simplicia na *-owaś* su wšykne denominativa abo póžycone a pórědńe durativa, na pś.: *kupowaś* (kup), *pšawowaś* (pšawo), *lubowaś* (luby), *žognowaś* (segnen).

Pśisp. II. Verba *iterativa* composita pśechadaju cesto do jadnorych *durativow*, gaž se jich wóznam wót jich simpliciow jo tak wšelgin zdalił, až lud jich swójźbojstwo wěcej ńezacuwa, na pś.: *dowěraś se* (confidere) *hobrośaś* (vertere), *zamkaś* (claudere), *pomagaś* (adiuvare), *pśedawaś* (vendere).

b) *Pšawidło:* Wšykne verba iterativa a frequentativa su w nastupnosći *dlujkosći* swojeje cyńeńki ńedokońałe (imperfectiva) a stawaju se dokońałe (perfectiva) pśez zestawjowańe z hyšći jadnej pśedłožku abo wěcej: 1. *Iterativa perf.*: *dohustawjaś huzestawaś*, *hupśepušćaś*, *zhukwitaś*, *zhustarkaś*, *zhuzamkaś*, *zrozpśedawaś*, *dohuzagrańaś*. — 2. *Verba freq. perf.*: *dozagańowaś*, *hupśikusowaś*, *hupśepušćowaś*, *narozkwitowaś*, *spśepšosowaś*, *zhustarkowaś*.

Tak źě, gaž pózwerchńe glědamy, se deŕe zdajo, ako by se verba iterativa a frequentativa z durativnych a momentanskich słowesow akle pśez zestawjowańe z dwěma pśedłožkoma iterativno-perfektivne a frequentativno-perfektivne scynili.

Te ńemłoge verba iterativa simplicia: *běgaś lětaś měńaś chójźiś góniś jězdźiś łazyś nosyś wózyś* — *dawaś stawaś se měwaś bywaś* rozchaduju se w nastupnosći swójogo nabyśa dokońałosći do dweju rědowńow: póslědńejše z pśitworkom *-wa* hupadaju cełо na verba iterativa composita a pśiběraju akle z dwěma pśedłožkoma móc dokońałosći (*pft.* spódawaś; *impf.* pódawaś; zhudawaś : hudawaś; pónastawaś : nastawaś; dohuměwaś : huměwaś; zezabywaś : zabywaś; zrozpśedawaś : pśedawaś), prědńejše pak pśestupuju do rědu durativnych słowesow a zbywaju južor z jadnej pśedłožku perfektivne (hunosyś, zawozyś, zgóniś — *impft.* k nim su: hunosowaś, zawozowaś, zgóńowaś); jo, někotare z nich su južor ako simplicia do jadnorych durativow pśestupili rowno ako w pólskej rěcy (pśir. Soerensen, Poln. Gr. I, 254 sl.): błuźiś, broźiś, włocyś (z wóznamom »eggen«, z wóznamom »hin- und herschleppen« pak jo iterativne zwóstało). Pódobno su źinsa pśecej jano *durativnego* zmysła pěrwejše iterativa ako *kusaś pšašaś piskaś* (*pft.* zakusaś, hopšašaś, zapiskaś) a same někotare *frequentativa*, kótarychž iterativne członki su se zgubili, ako *hulicowaś* (narrare) *zdychowaś* (suspirare), wósebńe gaž jo se tež jich wóznam pśeměnił.

Howacej pak verba iterativa perfectiva a frequentativa perfectiva, lěcrownož su z tyma dwěma pśedłožkoma znamje dokońałosći dostali, pódla pśecej swóju iterativnu a frequentativnu kakosć (modalitu) hobchowaju.

V. *Dolnoserbske wósebnosći cyńeńki.* Wót frequentativnych słowesow jo w dolnoserbskej rěcy w nastupnosći cyńeńki wělgin žiwna wósebnosć huchadała, na kótaruž som ja we swójej »Laut- und Formenlehre« str. 576 sll. a 589 sll. (pśir. Śwela, Gr. str. 58 a 60) južor pokazał, kótaruž pak cu a deju ja tuder dokładńe rozpomńeś a kradu hobswětliś.

a) W pśitomnosći (praesens) frequentativnych słowesow na *-uju*, *-ujoš*, *-ujo* formalny a syntaktiski princip wójujucej seβe napśeśiwo stupištej, tak až pŕeńšy pśedoby a pósleďnejšy bu zajšpjony. Pśedłožki pŕedku pśedstawjowane póraju, ako smy wiźeli, słoweso do perfektivnosći cyńeńki a pśitworki zezady pśistupujuce, wósebńe -wa a -owa, pak do imperfektivnosći, tak až verba iterativa a frequentativa južor dwě pśedłožce póderβe, aby perfektivnosć dostali. Ale pśitomne formy freqentativow na *-uju*, *-ujoš* atd. wšyknym pśedłožkam klubu a napśeśiwo imperfektivnosć cyńeńki ńepušćiju, a jano te formy, kenž su wót infinitivnego kmeńa wótwožowane, stawaju se perfektivne; pótakem su ńezestawjone casy (tempora simplicia) frequentativow na pśikład take: *praes.*: wóda hustupujo, zhustupujo, zhupśestupujo (das Wasser tritt zu verschiedenen Zeiten bzw. an verschiedenen Orten [ganz, ganz heraus] über die Ufer) — *fut.*: bužo hustupowaś, zhustupowaś, zhupśestupowaś. — *impf.*: hustupowašo — *aor.*: zhustupowa, zhupśestupowa. — — *praes.*: jabłuka wótpaduju (fallen nach und nach ab, zwótpaduju (fallen nach und nach *alle* ab, dozwótpaduju (fallen nach und nach *alle bis auf den letzten* ab). — *fut.*: jabłuka budu wótpadowaś, zwótpadowaś, dozwotpadowaś. — *impf.* 3. sg.: wótpadowašo. — *aor.* 3. sg.: zwótpadowa, dozwotpadowa.

b) Ćeło tu samu wósebnosć maju *verba incohativa* kl. III na -ě inf. -ěś): pśitomnostna forma hobchowajo wóznam pśitomnosći teke, gaž jo zestawjowana z pśedłožkami a jano hobceŕona minułosć hušćujo perfektivnu cyńeńku, pśichodnosć pak, gaž ju ńocoš ze zestajanku hobpisaś, maju zastupowaś verba incoh. comp. kl. II na *-nuś* abo reflexiva kl. IV A na *-iś*: *praes.* 3. sg.: słaβejo & hosłaβejo (wird schwach), zhosłabejo (w. ganz schw. — hoblěžejo (erbleicht), huhoblěžejo (erbleicht völlig) — humocńejo & zhumocńejo (erstarkt). — *fut.* 3. sg.: hosłabńo. zhosłabńo: hosłabi se, zhosłabi se; bužo słabeś, bužo hosłaβeś. — hoblědno, bužo hoblěžeś. — humocni se, bužo humocńeś. — *impf.* 1. 2. 3. sg.: słabech, słabešo, -ešo: blědnech, blědńešo: mócńach se, mócńašo se. — *aor.* 1. 2. 3. sg.: hosłabech, -be; hosłabnuch, -nu: zhosłabich se, -bi se. — hoblězech, -že; zhoblězech, -že: hoblědnuch, -nu. — humocńech, -ńe; humocnich se, -ni se. — Jo, gdyžlem se w ludowych hustach pokazuju nowe drugoredowe formy imperfekta za pśitomnostnymi formami hužě-

łane, ako: hoblěźejašo, honiṁejašo (er verstummte allmählich), zazymṅejachu (sie wurden nach und nach kalt).

c) Toś ta wósebnosć pśitomnostnych hukoṅceṅow *-ju*, *-još*, *-jo*, słowesoju pśitomnostnu kakosć zdźaržaś, mócṅašo se hupśesćěrajucyno se po dolnoserbskej casownice (konjugacyji) dalej a nałožujo se něto ẃelgin cesto a rad, aby se z perfektivnych (zestawjonych) słowesow kl. III 2 A a & kl. IV A (Šẃela, Gr.: kl. VI & VII) nowe (sekundarne) praesentia z wóznamom pśitomnosći hustworili; pśikłady: *praes.:* hoglědaju (ich besuche), -ajoš, -ajo; hobźěłajom (ich bearbeite), -ajoš, -ajo; namakajom (ich finde), -ajoš, -ajo pódla namakuju, -ujoš, -ujo & znamakuju, -ujoš, -ujo. — pśistupijom (ich trete hinzu), -ijoš, -ijo; póložyjom (ich lege hin), -yjoš, -yjo. — *fut.:* hoglědam, -aš, -a; hobźěłam, -aš, -a; namakam, -aš, -a. — pśistupim, -iš, -i; póložym, -yš, -y. — *aor.:* hoglědach, -a; hobźěłach, -a; namakach, -a. — pśistupich, -i; póložych, -y. — *Imperfektum* zastupuju tuder formy frequentativow: hoglědowach, -wašo; namakowach, -wašo; pśistupowach, -wašo: póložowach, -wašo.

d) Tak daloko toś to zjaẃeṅe w rěcy ludu wótpocujo a južor Hauptmann (glěd. Gramm. p. 261) jo znajo a wo ṅom pišo, lěcrownož ṅejo we wšych stronach dolneje serbšćiny jadnak cesto hužywane; Fryco pak pśi swójom pśestaẃeṅu Starego Testamenta (1796) źěšo hyšći dalej a pśeṅase toś to twóreṅe teke na te zbytne słoẃesa stwórteje rědowṅe (kl. IV B a & b), tak až nastawachu take drugorědowne (sekundarne) praesentia z wóznamom pśitomnosći, ako su: 1. sg. pśeśerṗejom, 3. pl. pśeśerṗeju (po analogiji słowjesow kl. III 2 A b: rozṁejom -eju, hozymṅejom, -eju) a huśišćajo (er verdrängt; fut. huśišći, aor. huśišća; pśir. L. u. F.-L. str. 591). A źinsa słyšyš teke z ludowych hust we młogich stronach gdyžlem pódobne formy, na pś. 3. sg. zagoŕejo se, er entbrennt (fut. zagoŕo se, wird entbrennen); huhobwijajo zezabijajo (fut. huhobwijo zezabijo, kl. III 1 A); jo, same cełо ṅepšawe (anorganiske) formy, ako zamknijo (er schließt) město zamka (fut. zamkṅo, er wird schließen).

* * *

Młoge drobnostki dla krotkosći casa a huzkosći města ṅejo móžno tudy hobspominaś, ale ze wšom wšykne se póraju pód toś te pódate pšawidła a mogu dostaś z nich swójo huswětleṅe, gaby se rowno napśeśiwne a ṅehuswětlowne zdali, ṅejsu-li rowno wen zmóleṅa dolnoserbskich spisaśelow samych, kenž cesto rěc swójogo ludu deṙe dosć ṅeznajachu abo swóju maśeŕšćinu běchu spózabywali. Ja pózdźej raz něco wo nich do Casopisa Maśice Serbskeje napišu a je teke wšykne we swójom dolnoserbskim słowniku na swójom měsće zapišu.

Freiberg. Dr. *Ernst Muka.*

Druck von Breitkopf & Härtel in Leipzig.

3 2044 021 156 3

CANCELLED
FEB 1 - 1993
OCT 2 8 1982
76 37037
1993
BOOK DUE
WIDENER
1993
BOOK DUE
WIDENER
1993
BOOK DUE

